И. М. Ильинский

ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ

Избранное

Издательство Московского гуманитарного университета
2011

ББК 74.58
И46

ISBN 978-5-98079-700-3

© Ильинский И. М., 2011

ОТ АВТОРА

В данной книге собраны некоторые, на мой взгляд, наиболее любопытные материалы (главы и отрывки из книг и брошюр, вступительные статьи к монографиям, отдельные статьи), написанные мною за двадцать лет после ультралиберальной революции 1991 г. Мозаика этих текстов, если судить о них даже только по названиям основных работ, представленных в Приложении, весьма богата. Иной «специалист» усмехнется: «И зачем этот человек хватается то за одно, то за другое? Что ценного может он сказать, не погрузившись в глубину проблемы, на что уходят годы?» И этот «специалист» будет прав.

Дело в том, однако, что я вполне сознавал: прежде чем сказать хоть что-то мало-мальски стоящее «свое», надо знать сказанное до тебя — необходимо «погружаться». И я погружался. На это уходило все мое «свободное» (от ректорских и многих других обязанностей) время — выходные и отпуска. Я не мог не писать, не мог молчать, когда вокруг происходили не просто «новые», но, как виделось мне, страшные по своим последствиям события.

Мне не раз приходилось слышать: «Разве ты не видишь, что там, «наверху», да и абсолютному большинству обывателей, никакие твои — да ничьи! — размышлизмы совершенно не нужны? Что зря гробишь время и здоровье?» Отчего ж не видеть? Видел. Но понимал и другое. Власть всегда безмерно самонадеянна, самовлюбленна, глуха к голосу со стороны, если он не во славу ее деяниям. И что ж с того? Уже поэтому я должен заткнуть себе рот? Но во все времена в обществе были, есть и будут люди, которым «должно сметь свое суждение иметь». Их, обычно, не много, совсем немного: тысячи на миллион. Эти люди и думают, и говорят друг для друга. Прежде всего. Но — «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется!..»

Много раз совершенно неожиданно от самых что ни на есть «простых людей» слышал я слова благодарности и поддержки.

А однажды, в 1999 г., мне позвонил только что добровольно ушедший в отставку в знак протеста против разрушения российской армии министр обороны России генерал армии Игорь Николаевич Родио-

нов: «Прочитал Вашу книжку «О “культуре” войны и Культуре мира». Хочу познакомиться с Вами». Приехал в наш вуз. Мы долго беседовали. Ну что такого мог написать я, действительно не специалист в военных делах, даже не офицер, а рядовой, чтобы моими мыслями мог заинтересоваться министр обороны? Чтобы меня (заочно!) произвели в академики Военной академии?

Просто, размышляя о Происходящем, я пришел к убеждению, что мир погрузился в пучину очередной войны, основанной на принципиально новой концепции. И изложил в книге свои представления об этой концепции и о тех силах, которые стоят за ней. Рефлексия, размышлизмы. Совсем не новые в истории человеческой мысли о войне. Просто в тот момент в России об этом почти никто не говорил, я был одним из первых. Помню слова И. Н. Родионова: «Ни Ельцин, никто в Правительстве России, никто в Генштабе армии так не мыслит. И это — беда».

Такое за эти годы случалось не раз. Мне звонили, ко мне приезжали люди «простые» и знаменитые, при высоких должностях и званиях. Так мы подружились с выдающимся русским математиком и мыслителем академиком Никитой Николаевичем Моисеевым, всемирно известным философом и писателем Александром Александровичем Зиновьевым и другими. А чего стоит созвездие имен и умов Русского интеллектуального клуба, который вот уже двенадцать лет действует в нашем университете!..

Говорю об этом не из хвастовства. В минуты крайней усталости и отчаяния, иногда, призна́юсь, приходят мысли «А!.. Пропади оно все пропадом! Плетью обуха не перешибешь. Пиши, не пиши, а они «свое» продавят: революция — акт насилия...» Но такие добрые слова и того разряда встречи, о которых я сказал, дают новые силы.

В первом разделе этой книги «Меняющийся мир — меняющийся человек» опубликован мой доклад «XX век: кризис понимания» на научной конференции «Итоги XX века», посвященной 80-летию А. А. Зиновьева. Все годы после возвращения из Германии в Россию он работал в нашем университете. Тема конференции чрезвычайно амбициозна. Но так мыслил свою роль в том веке сам Зиновьев: «Я — и XX век». И в мире, особенно в России, есть люди вполне согласные с ним. Я среди них. Зиновьев был человеком гениальным, сделал немало для того, чтобы, по крайней мере, российский народ более адекватно воспринимал прошлое и настоящее своей страны. Об этом я и говорил в своем докладе.

Доклад мой, однако, не сводился к личности Зиновьева. Я говорил о проблеме понимания: чем сложнее становится мир, тем меньше мы понимаем его сложность. Мы не понимаем, что не понимаем, и не понимаем, *что* же мы не понимаем. Более того — не хотим понимать,

прячемся от Сложности. В преодолении этого фундаментального противоречия нашего времени и заключается главная задача современного образования в целом, а высшего — в особенности. В этом состоял смысл вышедшей в 2002 г. моей книги «Образовательная революция», вступительная статья к которой «Абсурд Происходящего» также публикуется в «Избранном».

Взять вступительную статью «История учит» к уникальному сборнику «Главный противник» совершенно секретных документов о внешней политике и стратегии США в 1945–1950 гг., а также Плане начала 1 июля 1945 г. третьей мировой войны США и Великобритании против СССР, подготовленного по заданию У. Черчилля за два месяца до Великой Победы. На большом фактическом материале я показываю в этой статье, что США — это «вечная война». И никогда ни один президент, ни одно правительство США не будут другом России. Тут нет ничего нового — об этом говорено-переговорено. Но из уст вождей новой России мы то и дело слышали: «Друг Джордж», «Друг Билл», «Друг Коль»... На фоне секретных планов США против России (так они именовали СССР), которые содержатся в этой книге, такого рода признания выглядят кощунственно и откровенно глупо.

В «Избранном» помещены некоторые материалы о государственной молодежной политике. Не случайно: я был инициатором разработки и осуществления такой политики в СССР (1986 г.), научным руководителем и одним из авторов подготовки проекта Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР», который был принят Верховным Советом СССР в апреле 1991 г. Уверен: будь принят такой закон на несколько лет раньше, молодежь не стала бы той «пороховой бочкой», которая взорвала СССР, и великая держава, преодолев кризис, существовала бы еще неведомо сколь долгие годы.

Но вот ведь какая штука: идея государственной молодежной политики и закон, принятый двадцать лет назад, работают в «новой» России. Молодежная политика, хоть и в рахитичном варианте, а все же существует.

С 1992 г. и поныне шесть раз создавали Комитет РФ по делам молодежи и шесть раз закрывали. Потом пристроили молодежную политику в Министерство образования, затем «переселили» в Министерство по спорту и туризму. 52 из 89 регионов России приняли законы о молодежи, в них существуют структуры, которые управляют этой «отраслью». Здесь трудятся более 50 тыс. молодежных работников... А не будь нашего Закона 1991 г., не было бы в России никакой молодежной политики. Точно! Ведь в 1999 г. Госдума РФ приняла Закон «Об основах государственной молодежной политики», но Президент Ельцин наложил на него вето!..

А тут случилось событие вообще из ряда вон: ко мне пришло письмо председателя Комиссии по делам молодежи Совета Федерации РФ В. А. Жидких с предложением провести круглый стол по теме «Положение молодежи в современной России», посвященный 20-летию принятия Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР». И 21 апреля 2011 г. это научное событие произошло в университете под флагом Совета Федерации, Госдумы РФ и Министерства РФ по делам спорта, туризма и молодежной политики с участием сенаторов и депутатов, руководителей молодежных организаций. Они благодарили нас, разработчиков Закона 1991 г. Так Прошлое участвует в созидании Настоящего, если это позитивное, не изжившее себя прошлое.

Во втором разделе «Избранного» опубликована «Концепция воспитания жизнеспособных поколений», которая завершала Доклад Комитета РФ Правительству России о проблемах воспитания молодежи. Доклад этот был подготовлен по моей инициативе, под моим научным руководством. Более половины текста, в том числе Концепция, написаны моим пером. Интрига, однако, не в этом.

Революция 1991 г. была нацелена на уничтожение советской власти.

Свершилось. Страну развалили. Начали обрабатывать молодежь в духе ультралиберальных идей, «реформировать» образование. Одним из самых «р-революционных» шагов стало изъятие из школ и вузов воспитательной функции. Оно и понятно: коммунистическое воспитание надо было изжить. Но, как говорил А. А. Зиновьев, «целили в коммунизм, а попали в Россию». В данном случае — в молодежь. Безусловно, это была грубая ошибка.

В 1994 г. я предложил А. В. Шаронову (ныне вице-мэр Москвы), тогда только что утвержденному в должности полномочного представителя Президента России по делам молодежи, подготовить доклад Правительству РФ, в котором была бы показана ошибочность изъятия воспитания из школ и вузов. В отличие от многих других чиновников высокого ранга, которым я пытался доказать, что совершена грубая ошибка, что образование оскоплено, что в России больше нет образования, а есть только обучение, Шаронов был согласен со мной, но в тот момент у него еще не было ни аппарата, ни денег. Как директор Научно-исследовательского центра при Институте молодежи я принял решение использовать для подготовки доклада средства — и немалые по тем временам, — полученные нами от сдачи в аренду помещений (потом они были возмещены А. Шароновым). Но вся эта процедура заняла около двух лет. Только в 1996 г. Доклад был представлен Правительству РФ и рассматривался на его очном заседании. И что же?..

Выступили: министр обороны РФ Грачев, первый заместитель премьера Сосковец, председатель Госкомитета по образованию Кинелев. Они посчитали, что «доклад носит очернительский характер», что его надо снять с обсуждения и запретить рассылать в регионы. Премьер Правительства РФ В. С. Черномырдин поддержал их.

А книга «Молодежь — будущее России», которую мы издали на свои средства тиражом в 3000 экземпляров и в которой содержалась Концепция, между тем разошлась по вузам и научным организациям, и многие трезвомыслящие руководители школ и вузов пользовались этой Концепцией. Хочу подчеркнуть: мы были не «одними из первых» (как кое-кто пишет сейчас), кто воспротивился грубой ошибке, а именно первыми и довольно долгое время — единственными, кто боролся за восстановление воспитания в школах и вузах. Через пять лет воспитанию вернули его статус. Но было утрачено очень многое, и прежде всего система работы, кадры. Потеряны души и умы миллионов молодых людей...

Третий раздел «Избранного» посвящен разным аспектам образования.

И чем больше проходит времени, чем больше перемен происходит в этой, считаю, самой главной сфере жизни общества, тем грустней и печальней становится мне. Перемен, деклараций, законов все больше, а образование все более примитивизируется, а население все более оглупляется, дебилизируется. И что еще будет впереди!..

Часто спрашивают: «Что происходит? Кто готовит бесконечные поправки к законам об образовании? Кто эти люди? Почему мы не знаем их имен?..»

Да нет, имена эти известны: Кузьминов, его жена Набиуллина, Ясин... Можно назвать и другие. Широкому кругу общественности они и вправду неведомы. Но для ректорского корпуса тут нет никакой тайны.

Чью стратегию реализуют, чьей воле подчиняются эти люди? Этот вопрос важнее. И на него тоже есть ответ.

Читайте Доклад Всемирного банка № 13638-RUS от 22 ноября 1994 г. с грифом «Конфиденциально. Только для служебного пользования» и вы найдете в нем объяснения многим (если не всем) переменам, которые уже произошли и еще произойдут в российском образовании. Только где вы найдете этот доклад? У меня он есть. И основные его идеи изложены в статье «Образование в целях оглупления», опубликованной в научном журнале Московского гуманитарного университета «Знание. Понимание. Умение», а теперь публикуемой в этой книге.

Звучит ужасно: неужели такое возможно? По здравому уму — нет. Но реальность, увы, говорит именно об этом.

Иногда мне кажется, будто я слишком пессимистичен в своих оценках и прогнозах. Но проходят годы, и получается, что я крупно ошибался: ситуация оказывается хуже, и не чуть-чуть, а в разы, а то и на порядки. Как бы мне хотелось ошибиться однажды по-настоящему, нахлобучить от стыда шляпу на глаза и сказать себе: «Ай-яй-яй!..»

И. Ильинский,
12 апреля 2011 г.

Раздел 1

МЕНЯЮЩИЙСЯ МИР — МЕНЯЮЩИЙСЯ ЧЕЛОВЕК

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ ДЛЯ РОССИИ

О СТРАНЕ НА РАСПУТЬЕ (КУДА ИДТИ РОССИИ[1])

1. Вступление

Иногда я думаю: «Что сказали бы, восстань они из гроба, Иван Калита, Иван Грозный и Петр Великий, которые «собирали» Россию, расширяли ее пространства, узнав о том, как развалили СССР и как трещит сегодня по швам Россия? Какими словами назвали бы нас Суворов и Кутузов, Нахимов, Ушаков и Корнилов, услышь они, что у России практически нет Черноморского флота, что Крым и Одесса подарены другому государству? И я вполне догадываюсь, в каких выражениях выразил бы маршал Жуков свое отношение к тому, что поверженная нами полвека назад Германия шлет гуманитарную помощь ветеранам Великой Отечественной, помогая им выжить; к тому, что российским руководством вынашивается мысль о передаче Японии островов на Курилах; что некоторые силы обсуждают с Западом вопрос о превращении Калининграда в «свободный город»; что мы довели свою еще недавно лучшую в мире армию до такого состояния, когда ее уже фактически не принимают в расчет генералы НАТО, как это происходит, например, в их войне против югославских сербов, — узнай грозный маршал обо всем этом... Что сказали бы миллионы наших матерей и отцов, дедов, прадедов и прапрапрадедов, проливавших пот и кровь, отдавших свои жизни ради могущества, величия и славы России и сделавшие ее таковой вопреки всему и вся, узнай они, что Россия заметно сократилась в пространствах, и хотя пока еще по-прежнему большая, но уже не великая. Нет огромной и мощной индустрии — она разрушена. Передовые позиции в науке и технике, добыче сырья и производстве ряда важных видов продукции, которые мы занимали в Европе и мире, безнадежно утрачены. Невообразимые вещи творятся с культурой, образованием, обществом и государством. С человеком. Снова встали вопросы: откуда мы? кто мы? что мы? где мы? куда идем? куда идти?

Оценивая нынешнее положение дел, мы говорим: разруха, хаос, смута, разброд и шатания всего и вся. Сурово. Но наши предки, восстань они из гроба, нашли бы более жестокие и страшные слова: «Вы предали нас. Вы — бездари. За несколько лет вы переиграли все войны, которые Россия вела на протяжении столетий, и проиграли их. Сами себе. Вы совершили самоубийство и тем еще раз убили нас, ибо

[1] Ильинский И. Куда идти России. М. : Голос. 1995, 126 с.

перед лицом происшедшего и происходящего все наши открытия и достижения, страдания, муки и жертвы, наша жизнь и смерть потеряли смысл. Отрекаемся. Проклинаем. И нет вам прощения».

И что тут было бы возразить, если, видя как гибнет наша страна, мы не можем толком объяснить и понять, что же все-таки происходит, не можем остановить даже падение, не говоря о том, чтобы начать движение вверх. «Так вышло». Воистину: «Благими намерениями вымощена дорога в ад».

Предлагаю читателю свои размышления на тему, почему все случилось именно так, а не иначе, но — главное! — куда идти России, как выбираться нам из кризиса. Вопросы эти мучают всех. Многие мои коллеги — политологи, экономисты, социологи, историки — ищут на них ответы. Но в абсолютном большинстве случаев, будучи специалистами в той или иной, нередко довольно узкой области, они дают оценки происходящему, высказывают соображения о возможных альтернативах развития России в экономике, социальной сфере, политике, культуре и т. п., а не общества в целом. Целостного, обобщенного представления об альтернативных путях развития России пока нет. Точнее сказать, нет общего, хотя бы в принципе приемлемого для большинства политических сил, варианта перспективного видения российского пути. Ибо вышло немало книг, в которых предлагаются сценарии, не совместимые между собой, как и люди, их написавшие: Е. Гайдар и Г. Зюганов, С. Глазьев и Б. Курашвили, В. Жириновский и Н. Моисеев, А. Руцкой и С. Дзарасов и т. д. Политические, партийные пристрастия и амбиции ослепляют оппонентов, делают их не слышащими друг друга, хотя порой различия во взглядах тоньше комариного писка. Нужен объективный, реалистичный, конструктивный подход, ставящий цель — нахождение оптимального варианта, по поводу которого можно было бы искать согласия сторон; нужна комплексная, органическая, объединительная концепция, на основе которой было бы можно продолжать реформы. Чтобы Россия не распалась и не погибла, мы должны установить согласие сначала в своих мыслях, ибо именно противоречие — источник разрушения. «Война есть отец всех вещей», — говорил Гераклит. Но он же говорил, что «мать всех вещей — гармония, согласие, мир». Гармония важнее противоречия, к ней, к согласуемому, а не различающему и разводящему мы должны стремиться прежде всего. Война (отец) пожирает все и своих детей. Мир (мать) плодоносит. Все войны (рано или поздно) кончаются. И кончаются миром. Война существует ради мира, а не мир ради войны; мир может обойтись без войны, но война не может обойтись без мира, ибо не может длиться бесконечно. Принцип мира выше принципа войны. В какой момент приходит мир — вот в чем вопрос. «Пиррова победа» есть точное выражение бессмысленности те-

зиса «война до победного конца». Вот ты наконец победил, но войска нет, все мертвые. Зачем нужна такая «победа»?

Десять лет в России идет внутренняя безрассудная «холодная война» политических сил, которая периодически перемежается малыми и большими вооруженными столкновениями, которые потрясают Россию и весь мир. Уже пришла к нам и «горячая» война. Но кровавая трагедия Чечни может оказаться лишь мизансценой большой войны, которая тлеет на границах других регионов, возбуждается в умах и душах многих политических авантюристов, а также обездоленных и отчаявшихся людей. Не приведи Бог, если их интересы сойдутся, если они потеряют головы. Ради того чтобы этого не случилось, чтобы нам как можно скорее найти свой верный путь в будущее и вырваться из глупой, постыдной унизительной ситуации, и написана эта брошюра. Понимаю: это — лишь эскиз, лишь вариант возможного развития событий. Я сделал, что мог.

2. «Демократический выбор России»

Реформирование общественной системы в СССР было объективной необходимостью. О причинах этой необходимости сказано очень много. Одни ищут и находят причины начавшейся в СССР перестройки в столетних глубинах российской истории, другие — в природе социализма как такового, третьи — в исчерпании потенциала советской индустриальной модели, ее неспособности ответить на вызовы «революции первичных потребностей», запросы «общества массового потребителя», ценности которого стали бурно распространяться в СССР с начала 60-х годов, и т. д. Рассмотрение данного вопроса при всей его важности не входит в нашу задачу. Подчеркнем главное: людей, которые считают, что в прежней системе ничего менять не следовало, очень немного.

В широком смысле реформы начались с 1985 г. по инициативе и под руководством М. С. Горбачева с призывов к «ускорению социально-экономического развития» страны. Но вскоре этот лозунг был потихоньку снят. Грянула «эпоха гласности», за которой последовала «перестройка». Уже эта быстрая смена призывов и лозунгов, целей и задач свидетельствует о непродуманности каждого из начинаний, о том, что у руководителей СССР, у того же М. С. Горбачева было всего лишь ощущение, чувство, чутье необходимости перемен, некоторые представления и общие замыслы. Теперь совершенно очевидно, что и они касались вначале только экономики и лишь потом, в силу логики развития событий, по необходимости были распространены на сферу политики. Ни о какой целостной, научно обоснованной, взвешенной концепции перестройки говорить не приходится. В октябре 1994 г. я дважды встречался с М. С. Горбачевым, и на мои вопро-

сы по этому поводу он дал, скажем так, «уклончивые» ответы. Ничего иного я и не ожидал. Хотя, по правде говоря, совершенно не представляю, как он смог бы создать такую концепцию, даже будучи Генеральным секретарем ЦК КПСС, помимо Политбюро, в котором были люди, не способные пойти ни на какие существенные перемены даже на «китайский манер». Был избран принцип Наполеона: «Главное — ввязаться в бой, а там посмотрим». Но это девиз гениев, способных к импровизации без ошибок. Здесь, видимо, все же другой случай.

Как бы там ни было, за пять с лишним (особенно первых) лет в стране под руководством Горбачева произошли многие принципиальные перемены во всех областях жизни. Это очевидно. В зависимости от идеологических установок, общих взглядов на историю и политику в глазах одних людей (особенно на Западе) М. С. Горбачев предстает как великая историческая личность общепланетарного масштаба; другие видят в нем преступника XX в. № 1, посланца дьявола, открывшего шлюзы всех бед, несчастий и горя, которые хлынули на Россию и на человечество. По-своему правы и те, и другие. Без Горбачева не было бы ничего: ни плохого, ни того немногого хорошего, что все-таки пришло в нашу жизнь, и прежде всего — свободы. Время все поставит на свои места и каждому воздаст по заслугам. Но и сейчас очевидно, что Горбачев совершил немало ошибок и упущений в стратегии и тактике «перестройки», недопустимо долго лавируя там, где надо было действовать быстро и решительно. Демократы (как вскоре выяснилось, демократы в кавычках) перехватили инициативу и пошли в наступление на КПСС и Горбачева. Но он продолжал хитрить и лавировать. Более решительные из его коллег организовали августовский путч, который провалился. КПСС была разрушена. Горбачев отстранен от власти. Беловежский сговор привел к развалу СССР.

В узком смысле «реформы» начались с августа 1991 г. Связав с путчем, их можно называть «послеавгустовскими», а можно, поскольку Президент РФ Б. Н. Ельцин взял лично на себя всю полноту ответственности за формирование правительства, его политику и, следовательно, за ее результаты, этот этап можно персонифицировать и назвать «ельцинским». Можно также (ниже мы покажем это) именовать «гайдаровским» или «западническим», поскольку концепция радикальных реформ с момента прихода к руководству Правительством РФ яростного «западника» и уже поэтому «отца русской демократии», безоглядного либерала-монетариста и жестокого радикала Е. Гайдара и его «команды» строилась исключительно по рецептам и советам Запада.

Первое, что следует сказать: все происшедшее и происходящее к понятию «реформа» не имеет никакого отношения. Реформа — это обновление, преобразование чего-либо в порядок, изменение некото-

рых сторон существующего без нарушения его основ. Задача новой власти, объявившей себя «демократией», так же как и задача Запада, была как раз в том, чтобы разрушить именно фундамент прежнего режима; зайти в этих разрушениях так далеко, чтобы при любом повороте событий восстановить основы было невозможно. Вспомним 1990–1992 гг.: демонстрации, митинги, шествия, забастовки. Море эмоций, массовая истерия. Очень много чувств и очень мало разума. Хотя те, кто задумывал и режиссировал все эти события, направлял эмоции масс, имели холодный расчет и были в трезвом уме. Спокойным словом «реформа» они назвали то, что имеет совсем другое, страшное в своей сути понятие, — «революция», т. е. коренной переворот в жизни общества, низвержение прежнего строя и его замены новым с переходом власти от одного класса к другому. В. Даль определяет революцию и как «насильственный переворот гражданского быта». Революция — это неизбежное насилие, разрушения, борьба, война, страдания и кровь.

Нынешняя революция в России имеет уникальный характер. Если все происходившие прежде в истории человечества революции осуществлялись под лозунгом борьбы за интересы народа, его большинства, были в этом смысле революциями социальными, нуждались в народе как участнике перемен и происходили «снизу — вверх», то в нынешней революции все наоборот. По своей сути это Великая капиталистическая революция, осуществляемая абсолютным меньшинством в интересах меньшинства «сверху — вниз». Интересы большинства («народа») подразумеваются, но — когда-нибудь, «в конце концов», «рано или поздно». Народ нужен «революционерам» лишь в момент прихода к власти, и не более. Дальше интересы власти, капитализирующегося меньшинства и народа резко расходятся. Начинается игра в «кошки-мышки», обещания, уступки, подачки, манипулирование общественным мнением и откровенная ложь «во спасение» власти предержащей.

Взяв власть в свои руки, Ельцин и его окружение, возникшее из пены народного брожения, были обречены на то, чтобы действовать, принимать решения. Но, чтобы принимать исторические решения, нужны исторические личности. А рядом были всего лишь бурбулисы, «сникерсы», станкевичи, «сэндвичи», гайдары, чубайсы, «марсы», «макдоналдсы»... Большой, сильный, но больной общественный организм России требовал многих и сложных мер длительного лечения. Но времени на раздумывание у «революционеров» не было. Проблему решили радикально: «лечить головную боль усечением головы». Началась бурная и грубая разрушительная работа. Но и в ней никакой продуманной стратегии и тактики у «реформаторов» не было. Более того, «настоящей концепции реформ, — как писал уже в конце 1994 г.

советник Президента РФ по экономическим вопросам А. Я. Лифшиц, — всестороннего, доступного людям описания того, что ждет Россию, как не было, так и нет. С ценой реформы мало считаемся, население не бережем» (Лифшиц А. Экономическая реформа в России и ее цена. М., 1994. С. 81, 201).

Конечно, какие-то замыслы и планы существовали, они строились на нескольких предположениях.

1. Спасение России — в ее выделении из состава СССР. Освободившись от гнета «центра», свалив с себя все тягости обязательств, которые она несет в составе «империи», Россия получит возможность быстро модернизироваться. Последовали беловежский сговор, развал СССР, создание СНГ.

2. Спасение России — в решительности и быстроте действий властей согласно такой концепции «реформ», которые дают быстрый эффект, даже если он достигается высокой социальной ценой, которая в этом случае относилась на счет предшествовавшего коммунистического режима, доведшего страну до такого состояния, когда эти жертвы необходимы и неизбежны. Так появились концепция «шоковой терапии» и фигура Е. Гайдара — сторонника и основного проводника такой концепции.

3. Спасение России — в массированной помощи (кредитах, инвестициях, консультациях и т. п.) Запада. Начались бесконечные и постыдные переговоры с МВФ, «семеркой», США, Японией, уступчивость и покорность во внешней политике и т. п.

Однако во всех своих предположениях «реформаторы» грубо просчитались.

Развал СССР обернулся для России не успехами, а огромными проблемами, о которых не стоит распространяться, ибо они хорошо известны.

Надежды на финансовую помощь Запада оказались иллюзией. Свои главные цели Запад достиг, не прилагая к этому особых усилий. СССР развален. КПСС уничтожена. Военно-промышленный комплекс России и ее армия разрушены. Варшавского блока нет. Ну а сильная и процветающая Россия Западу не нужна. Запад дал денег России ровно столько, чтобы она могла платить процент по своим внешним долгам и не отказалась от них. То есть опять-таки в своих собственных интересах, а не ради блага России.

В конце концов не удалась и «шоковая терапия», которая встретила яростное сопротивление в регионах и даже в правящих кругах, хотя удар, нанесенный ею по экономике России, был сокрушительным, его «хвосты» и отголоски мы ощущаем до сих пор. О «шоковой терапии» надо сказать особо, ибо именно она прежде всего и была для Гайдара «демократическим выбором России». Это был преступный вы-

бор. Ибо сделан он втайне от народа, который, ощутив на себе «шоковую терапию», до сих пор так и не знает, что же это такое по замыслу. Гайдар и К° жалуются, что им не дали довести «сеанс» до конца, распускают слухи о чудодейственной силе этого заморского лекарства.

Чистейшая ложь.

«Шоковая терапия» — это «западный» рецепт для лечения больной экономики. Но сам Запад на себе это лекарство никогда не испытывал, хотя вовсю рекомендует и опробует его на слаборазвитых странах. С 1982 г. МВФ использует модель «шоковой терапии» вовсе не для построения эффективной рыночной экономики в той или иной стране, а исключительно для доведения государств, которые должны деньги западным странам или международным банкам, до той «кондиции», когда бы они были вынуждены, а главное, могли выплачивать свои внешние долги.

Стоит привести некоторые примеры, чтобы понять, как это делается и что происходит со странами после реализации рецептов МВФ, если они проводятся последовательно и до конца. Возьмем ряд стран Латинской Америки (данные из журнала: Российские экономические исследования. 1994. № 3. С. 8–10).

1. **Венесуэла.** В свое время эта страна имела самый высокий доход на душу населения в Латинской Америке, занимала солидные позиции среди мировых экспортеров нефти. Под влиянием «шоковой терапии» и политики МВФ этому относительному благополучию пришел конец. Внешний долг Венесуэлы, взятый у МВФ под ростовщические проценты, составлял в 1980 г. 29 млрд долл. За 10 лет ей только по процентам пришлось выплатить 31 млрд долл., при этом на начало 1991 г. абсолютная сумма внешнего долга достигла 35 млрд долл., т. е. он не сократился, а вырос на 6 млрд. Незаконный вывоз капитала из Венесуэлы за период 1980–1990 гг. оценивается в 35 млрд долл. Реальная заработная плата (1989–1991 гг.) сократилась на 40%; реальная безработица выросла на 50%; процентные ставки увеличились на 40%. Динамика основных фондов в 1989–1991 гг. составила: по средним кампаниям — минус 20%, по малым кампаниям — минус 51%.

2. **Перу.** В период особого давления на страну МВФ (1980–1985 гг.) валовый национальный продукт на душу населения стремительно падал. Президент А. Гарсия порвал отношения с МВФ на два года (1985–1987 гг.), и положение стабилизировалось. В августе 1990 г. новый президент Перу А. Фухимори вновь приступил к осуществлению «шоковой терапии» по рецептам МВФ. Это мгновенно привело к тридцатикратному росту цен при двукратном повышении зарплаты. До «шока» в полной нищете жили 7 млн жителей Перу (35% от населения в 20 млн человек); через месяц после начала «шока» таковых оказалось 12 млн, т. е. 60% населения.

3. **Боливия.** В чистом виде технологию реформ МВФ Д. Сакс (советник Правительства РФ при Е. Гайдаре) продемонстрировал в Боливии в период 1985–1987 гг. Ему удалось сбить инфляцию, которая в 1985 г. достигла 20 000% в годовом исчислении. Но — во имя сжатия расходной части бюджета — это было обеспечено преднамеренным разрушением (деиндустриализацией) и без того слабой боливийской экономики с переводом высвобождаемой рабочей силы и прочих средств в область производства и распространения наркотиков. Сам Сакс расценил это как «социальную трагедию».

4. **Чили.** Результаты «шоковой терапии» в этой стране МВФ причисляет к неопровержимым успехам своей политики. Данные Шиллеровского института (ФРГ), Мирового банка, Корпорации экономических исследований Латинской Америки заставляют усомниться в этом. В 1970 г. внешний долг Чили был равен 2,5 млрд долл. За период двадцатилетнего контроля со стороны МВФ Чили выплатила долгов только по процентам 21 млрд долл., а внешний долг к концу 1990 г. увеличился до 18 млрд долл., т. е. более чем в семь раз по сравнению с 1970 г. (в сопоставимых долларовых ценах). В 1989 г. средняя зарплата оставалась на 10% ниже уровня 1970 г.

5. «Убийственным» аргументом в пользу своих рецептов МВФ считает **Польшу**, которая (единственная из постсоциалистических стран Восточной Европы) использовала «шоковую терапию». Уже первые шаги по этому пути привели страну к серьезным проблемам. И это при том, что Польше Запад оказал огромную (по масштабам страны) финансовую помощь. Что социализм в Польше существовал на 40 лет меньше, чем в России. Что в Польше во все «социалистические» времена существовали частная торговля, частные хозяйства на селе. Что у Польши — многомиллионная зарубежная диаспора (особенно в США). Что в Польше — один народ и одна очень влиятельная религия. Что Польша — компактная страна с густоразмещенным населением и относительно высоким уровнем «средней» культуры.

Одним словом, целебность «шоковой терапии» — что легенда, миф, который используется Западом исключительно в своих интересах. Думаю, МВФ и мечтать не мог, чтобы когда-нибудь поймать на эту «удочку» такую «рыбину», как Россия. Но — поймал! Хотя наши «реформаторы», выбиравшие втайне от общества способ трансформации советской планово-централизованной, «командной» экономики в рыночную, должны были понимать (ах, какая сложная задача!), что Россия — не Чили, не Боливия и даже не Польша; должны были изучить досконально, какой результат даст «шоковая терапия», обсудить вопрос, а хочет ли народ «лечиться» таким образом (даже в случае, если бы эти результаты были позитивными), то все равно в вопросах модернизации ни страны Латинской Америки, ни Польши не могли бы

быть избраны Россией образцом для подражания. Россия — не слаборазвитая, не аграрная, а высокоиндустриальная страна, в которой госсектор составляет подавляющую часть экономики, а рабочие — более 70% всех трудящихся. Они должны были учесть, что деиндустриализация, которая является следствием политики МВФ, ведет к таким масштабам нищеты и безработицы, при которых социальный взрыв становится неизбежным. Что в многонациональной России любой экономический конфликт тут же превращается в конфликт межнациональный. Что масштаб России так велик, что никакой МВФ, никакой блок государств и весь Запад в целом даже при желании не в состоянии дать кредит в 2 трлн долл., которые (по оценкам российских экономистов) необходимы для вывода России из экономического кризиса, ибо таких свободных денег на Западе просто нет.

Незадолго до начала «шоковых» реформ в России Президент Ситибанка Д. Вид заявил: «Если мы посмотрим на карту мировой экономики, то увидим на ней исчезнувшие страны... Перу и Боливия исчезнут. Советскому Союзу нужно поостеречься, иначе он может тоже исчезнуть» (Российские экономические исследования. 1994. № 3. С. 10). О невозможности применения «шоковой терапии» в России упреждал даже ее давний недруг З. Бжезинский. И тем не менее рекомендации МВФ были приняты Правительством России. В том числе и потому, что у этой модели были сторонники в среде отечественной бюрократии и крупного российского и западного капитала. Их интересы объективно смыкались.

«Шоковая терапия» предусматривает несколько этапов. Первый — создание «твердой» валюты. Второй — свободные, т. е. мировые цены. Третий — разорение с помощью этих цен нерентабельных производителей. По замыслу все эти меры — в интересах оздоровления экономики России. Но это еще не те действительные, тайные интересы некоторых сторонников «шоковой терапии». Главное для них — четвертый этап: приватизация нерентабельных предприятий, которые при благоприятных условиях (а они есть) могут за бесценок купить как иностранные, так и отечественные капиталисты. Народная (ваучерная) приватизация, вокруг которой было много шума, это не более, чем «дымовая завеса» перед главным актом — «большой» приватизацией, распродажей, а по сути дела, дележом небывалой по богатству в истории государственной собственности.

Таким образом, ход послеавгустовских реформ определяли интересом трех основных политических сил: радикальных «демократов», уверовавших в свое историческое предназначение, возжелавших власти и богатств; части бывшей партийной и государственной номенклатуры, понимавшей необходимость реформ, но видевшей ошибки, реальную и потенциальную беспомощность новой власти, решивших,

что у них есть шанс вернуться к власти, легко и быстро обогатиться; страны Запада, мечтавшие о победе над коммунизмом, устранении СССР как главного военного противника, добившихся этого и стремящихся теперь превратить пространства СССР в зону, где можно было бы решить многие свои национальные и прежде всего экономические интересы (доступ к территориям, сырью, рынку и т. п.).

Огромное значение в российской трагедии играл и играет субъективный характер.

Долгие годы нам внушали, что определяющая сила истории — народные массы, а личность — второстепенна. В конце концов это, быть может, так и есть. Рано или поздно народ произнесет свое слово, и оно будет решающим. А пока — Горбачев «со товарищи» развел костер, думая погреть народ, а он разросся в пожар; Ельцин, ради того чтобы избавиться от опеки «центра», стать единоличным «хозяином» России, развалил великую державу; Гайдар, мечтая побыстрее поставить Россию на рельсы западной цивилизации, принялся лечить ее «шоком»; Чубайс, видимо, просто из нелюбви к России и ее народу, разбазаривает колоссальное общественное богатство... И так далее. Все эти люди — революционеры и потому разрушители.

Когда-то, очень-очень давно в городе Эфесе (Малая Азия) жил человек по имени Герострат (род. в 356 г. до н. э.). Чтобы обессмертить свое имя, он сжег храм Артемиды Эфесской, который считался в древнем мире одним из «семи чудес света». Мне кажется, что все мы стали заложниками людей, которые независимо от различий в возрасте, политическом опыте, знаниях, способностях и взглядах больны одной и той же болезнью — «комплексом Герострата», т. е. безмерным честолюбием. Ради того чтобы остаться в истории, они решились на безумные шаги. За то, что сжег храм, Герострат был казнен, имя его было запрещено произносить. Слава «героев нашего времени» тоже позорна. И суд истории еще впереди. Ибо неохватны и немыслимы по масштабу, неоценимы по стоимости те разрушения, которые они совершили.

3. Результаты «реформ»

Страна вошла в «реформы» под высоко поднятым транспарантом, на котором было начертано: **«Либерализация. Приватизация. Стабилизация»**. Не совсем понимая, за что, но мы готовы были платить. Однако и в страшном сне никому не могло привидеться, что цена будет такой непомерно высокой, а результат — практически никакой, нулевой, отрицательный. Его можно также выразить несколькими словами, но их ряд будет значительно длиннее. Разруха. Хаос. Смерть. Бедность. Нищета. Депопуляция. Дезинтеграция. Диссоциация. Деиндустриализация. Деинтеллекталлизация. Деструкция личности. Деморализа-

ция. Бездуховность. Коррупция. Криминализация. Правда, все эти слова можно вместить в одно-единственное слово, применимое к обществу и государству, коллективу и личности, экономике и политике, науке и образованию и т. п., — деградация. То есть последовательное, неуклонное движение от высшего к низшему, к тому пределу уровней питания физического и психического здоровья людей, связей между ними, между «центром» и регионами, между самими регионами, между экономикой, политикой, культурой, уровня знаний, количества талантливых людей в обществе, духовности, нравственности, порядочности, добра и доброты и т. п., ниже которого общество не должно опускаться ни при каких обстоятельствах, ибо дальше — распад целого на части и превращение его в нечто иное. Смерть.

В 1992 г. я руководил подготовкой проекта доклада Комитета РФ по делам молодежи Правительства РФ «О положении молодежи в России». Анализируя это положение в сферах экономики, политики, труда, быта, отдыха, образования, культуры, здравоохранения, а также ситуацию в области демографии и окружающей среды, я пришел тогда к этому страшному выводу: уже давно российское общество начало деградировать, но «реформы» настолько ускорили этот процесс, что он приобрел обвальный характер, и этот обвал нарастает. Сейчас в научной среде этот тезис уже не подвергается сомнению. Ученые спорят лишь о том, как далеко зашел процесс социальной деградации. Одни считают, что он неостановим, другие — что общество еще не утратило способности к регенерации. Но тогда, в начале 1992 года, признаюсь, я испугался. Приятно известить мир об открытии звезды или новой элементарной частицы, но сообщить обществу, что оно не просто болеет, но погибает, бесконечно тяжело, именно страшно. Однако такова судьба исследователя. В книге «Молодежь России: тенденции, перспективы» (1993) эти выводы изложены. Тогда они базировались на данных молодежного «среза» общества. Молодежь — это то же общество, только взятое в определенно возрастном состоянии, которое добавляет к общим еще некоторые особые «молодежные» проблемы. По мере того как молодежь взрослеет, все ее проблемы становятся общими, общественными. Именно поэтому мы говорим о молодежных проблемах общества (доступ к образованию, первое рабочее место и т. п.) и общественных проблемах молодежи (брачность, рождаемость, воспитание и т. п.). Изучать молодежь — значит изучать не только нынешнее, но и завтрашнее общество. В этом году мы вместе с коллективом авторов заканчивали проект второго доклада Комитета РФ по делам молодежи Правительству России «Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений». В этом случае мы углубленно исследовали духовную сферу жизни общества. Увы, все то же: упадок, распад — деградация.

Три года назад я спросил себя и своих коллег: «В чем положительные результаты «перестройки»?» Они уместились в одно емкое и в высшей мере важное слово «свобода». Свобода экономическая, свобода политическая, свобода духовная, свобода вероисповеданий и т. д. Это — очень много и очень важно. Однако, глядя вокруг, я вижу очень много освободителей и освобожденных, но невероятно мало — свободных людей. Свобода — это «сладкое слово», но это «горькое» лекарство, которое, как всякое лекарство, употребляемое в чрезмерных дозах, может убить. Свобода, как и жизнь, не каждому по плечу. Свобода без идущей рядом ответственности легко, просто и быстро превращается в тиранию. Схема элементарна: свобода — своеволие — эгоизм — тирания. Под этим углом зрения давайте глянем на ту политическую систему, ту власть, которая родилась в результате реформ. Ведь это и есть их ПЕРВЫЙ и главный итог.

Нынешний политический режим еще не назовешь авторитарным, тем более диктаторским в чистом виде, но это, безусловно, не демократия, хотя на первый взгляд все внешние признаки (разделение властей, многопартийность и т. п.) налицо. Однако от участия в реформах народ отстранен, выведен за скобки всего происходящего. Даже на выборы приходит едва ли половина избирателей. Существует разделение властей, но все ветви власти бессильны. Около 1500 указов, которые к середине мая 1995 г. подписал Президент РФ (едва ли не по 10 в день), в большинстве не работают. Нет закона о партиях, об общественных организациях, не решен вопрос их финансирования. То, что мы имеем сегодня в России, — это не демократия, а правление немногих, олигархия, как сказал бы античный классик. И с этим мало кто спорит. Элитарный характер нынешних политических партий, механизм выборов, созданный специально для движения вверх элиты, узкогрупповые интересы, доминирующие в деятельности Госдумы и государственно-чиновничьих структур, стали сегодня настолько очевидными, что даже Президент РФ вынужден был отметить как несомненный факт, что все более усугубляется отчуждение власти от народа. В этом и состоит главное отличие сложившегося в России режима от действительной демократии. Мы имеем элитарную демократию, автократическую демократию, все что угодно, только не демократию, поминаемую как власть, правление большинства народа. Такой коррумпированный режим нельзя признать историческим достижением даже в сравнении с тем, который мы недавно имели. Пока еще никого не сажают и не расстреливают по политическим мотивам, но зато при этом режиме стала возможной такая форма устрашения и террора населения, как массовая, организованная и вооруженная преступность, которая тесно связана с системой власти, которая если не поощряет ее, то и не противодействует ей. Зато при этом режиме

оружие и армия стали средством разрешения политических споров и конфликтов. И разве все это уже не элементы, не признаки тирании, которая при соответствующих условиях может расцвести во всей красе? Сегодня в России властвует не народ и не закон, а средневековый принцип французских королей и немецких рыцарей: «власть сама себе право».

ВТОРОЙ РЕЗУЛЬТАТ реформ, не менее важный, чем первый, — это новая социально-экономическая система. Выискивая позитивные начала перемен в сфере экономики, идеологи «реформ» среди них называют: 1) уход из экономики государства; 2) перераспределение властных полномочий сверху вниз; 3) либерализацию цен; 4) либерализацию внешней торговли; 5) полный отказ от прямых государственных инвестиций; 6) становление института частной собственности; 7) разгосударствление, приватизацию; 8) и даже укрепление (Боже!) рубля...

Возможно, это действительно достижения. Все зависит от того, как смотреть на вещи. Попробуем для начала найти некое определение той социально-экономической системы, которую мы имеем ныне. Конечно, это уже не социализм. Но и не капитализм. Это псевдокапитализм, номенклатурный капитализм, стержнем которого является сверхоригинальное явление — класс богатых индивидуальных владельцев объектов госсобственности, полученной в результате специально придуманного для этого способа раздачи этой госсобственности в персональное владение под названием «приватизация». При этом новый режим унаследовал от старого систему эксплуатации большинства населения страны правящим бюрократическим слоем. Новым является свобода эксплуатации, которая стала практически безграничной, ибо пока трудящиеся не имеют никаких форм и способов защиты своих прав, кроме стихийных забастовок и массовых выступлений.

Увод государства из экономики как сознательная установка экономической политики нынешнего правительства придал стихийный характер всем экономическим процессам.

В течение 1991–1993 гг. происходило уничтожение экономического потенциала России. Национальный доход за этот период уменьшился на 40% (для сравнения: с 1940 по 1945 г. национальный доход снизился на 17%). Мировая практика не знает подобных результатов экономического реформирования. По темпам сокращения валового внутреннего продукта Россия опередила Америку времен Великой депрессии (см.: Социально-политический журнал. 1994. № 3–6. С. 9). Предварительные итоги первой «постперестроечной» пятилетки 1991–1995 гг.: от российской экономики к концу 1995 г. останется около половины по сравнению с 1990 г. Объем промышленного про-

изводства снизится более чем в два раза, а объем производства продукции машиностроения — в три-четыре раза. Налицо тенденция деиндустриализации страны. Россия уже сегодня относится к странам среднего уровня развития и находится примерно на 55-м месте в мире. По данным ЮНИДО, производительность труда, о которой мы просто перестали говорить, в России в пять раз ниже, чем в США. Это значит, что наша страна уже относится к группе государств третьего мира, но и там не попадает хотя бы в первую десятку (см.: Социально-политический журнал. 1994. № 6. С. 62). Налицо тенденция дальнейшего резкого увеличения разрыва уровней развития России и передовых стран.

Экономические реформы не могут быть успешными, если они сопровождаются таким снижением эффективности производства. Смена форм владения и распоряжения колоссальными объемами собственности, не ведущая к повышению экономической эффективности — и это начинает осознаваться гражданами России, — преследует не экономические, а политико-идеологические, личные или групповые интересы, что и определяет нерезультативность «реформ» в экономической сфере.

Особо следует сказать о приватизации. Если вдуматься, то суть всей политической борьбы заключается вовсе не в том, продолжать реформы или попытаться воссоздать улучшенный вариант социализма. Это — на поверхности. В действительности главный предмет борьбы — новый передел собственности, а значит — и власти. Тут важен способ. Вокруг него и идет вся борьба. Если для Ю. М. Лужкова (мэра Москвы) главное, во-первых, чтобы продать собственность по цене ее реальной стоимости и, во-вторых, продать тому, кто сможет использовать ее лучше, чем государство, то для Чубайса главное — раздать госсобственность как можно скорее. Об остальном можно только догадываться. Многие называют нынешний этап жизни общества и разгосударствление периодом первоначального накопления капитала. Это — чушь. В действительности происходит захват, скупка за бесценок государственной, а по сути — грабеж и дележ уже накопленной обществом общенародной собственности. О каком накоплении речь, если объекты многомиллиардной, триллионной стоимости приобретаются за миллионы? В июне 1994 г. этап «малой» (ваучерной) приватизации завершился. Производитель так и не стал реальным собственником, а собственность превратилась в объект злоупотреблений и спекуляций. В настоящее время в России не менее 40 тыс. предприятий принадлежит преступным группировкам или взята ими под контроль. По расчетам специалистов, теневая экономика дает уже 20–25% ВВП, и этот показатель имеет устойчивую тенденцию к росту. Однако в принципе Чубайс достиг цели, которую

на самом деле ставил перед собой: проведя массированную раздачу и распродажу государственного имущества, он осуществил приватизацию ради приватизации, а не ради создания «института собственности». Такие цели программы приватизации, как повышение эффективности предприятий, социальная защита, содействие финансовой стабилизации, создание конкурентной среды, оказались совершенно невыполненными.

22 июня 1994 г. своим указом Президент РФ ввел в действие основные положения программы «большой», послеваучерной приватизации. Реформа собственности по-прежнему осуществляется, минуя Госдуму, несмотря на то что принятие концепции приватизации относится к компетенции законодательной власти. Чубайс без обиняков заявляет, что цель очередного этапа приватизации — «построение капитализма в России, причем в несколько ударных лет» (Независимая газета. 1994. 5 августа). Ему вторит Гайдар: «Нам нужно за полтора-два года построить систему, базирующуюся на принципе святости, незыблемости частной собственности. Это разрешимая задача. Мы радикально должны поменять всю систему социальной структуры общества. Это неизбежно» (см.: Общественные науки и современность. 1995. № 2. С. 51). Как и ранее, речь не о благе народа, а о культивировании крупных частных собственников. Эта задача даже не маскируется.

На втором этапе ставится задача передать в частные руки до 90% госсобственности. Этого удара Россия не выдержит. Как утверждают специалисты, быстрая и эффективная приватизация основной части экономики попросту невозможна, поскольку:

а) отсутствует социальная группа (меньшинство), способная эффективно управлять экономикой на базе частной собственности, а раздробление собственности (то, что в дальнейшем было названо «народной приватизацией») привело лишь к «зарплатизации» богатства и дохода;

б) инвестиционный комплекс находится в состоянии, несовместимом с функцией накопления, присущей капиталу;

в) нельзя ожидать конкуренции производителей ввиду господства рынка продавца;

г) существует массовая скрытая безработица из-за нехватки миллионов эффективных рабочих мест, а общество не выдержит конфликтов, которые возникнут при ее превращении в явную (см.: Вопросы экономики. 1994. № 4. С. 15). Однако, как и прежде, трезвые голоса никто не слышит, надеясь на чудо стихии, т. е. на худший из всех вариантов.

Судьба «великого передела» по-прежнему решается в правительственных кулуарах. Общественность лишена какой-либо возможности

реально воздействовать на перераспределение собственности и тем самым на формирование основ будущего социально-экономического устройства страны. Парадоксально то, что небывалый по масштабам передел имущества одной из богатейших стран мира не всколыхнул массы, хотя он определяет жизнь каждого россиянина и его потомков на многие годы. Народ безмолвствует. Не знает или не понимает, что происходит?..

ТРЕТИЙ РЕЗУЛЬТАТ «реформ» — это социальная структура российского общества, уже имеющая все черты периода ранней стадии развития «дикого» капитализма. Существует несколько вариантов деления россиян по уровням материальной обеспеченности. Согласно одному из них на вершине общества находится узкий слой богачей — 3%. Около 7% составляет слой среднеблагополучных. Им противостоят бедные — 25% и нищие — 65%. По другим подсчетам, слой богатых составляет 3–5% населения; среднеобеспеченные – 12–15%, бедные — 40%, нищие — 40% (см.: Социально-политический журнал. 1994. № 3–6. С. 9). Картина страшная, удручающая. По официальным сведениям Госкомстата РФ (см.: Аргументы и факты. 1994. № 24), в середине 1994 г. в России насчитывалось 1 млн 127 тыс. сверхбогатых людей (0,6–0,7% населения), ежемесячный душевой доход которых составлял 25 тыс. долл. и выше. Следующая группа богатых, чей душевой доход в месяц колебался от 2,5 до 3 млн руб., составляли 5 млн 635 тыс. человек (3,4–3,6%). К числу богатых людей России официальная статистика на тот момент относила также почти 9 млн человек, обладающих душевым доходом свыше 0,5 млн руб. в месяц (5–5,7%). В итоге, по расчетам Госкомстата, 16 млн человек спустя два с небольшим года радикальных преобразований сформировали слой богатых людей. К «среднему» слою официальная статистика относила 44–51 млн человек (27,3–31,5%), чьи доходы в тот момент колебались от 60 до 500 тыс. руб. в месяц. Группа бедных, судя по методике Госкомстата, охватывала 44,5 млн человек (27,2–28%); их доходы находились в диапазоне от 30 до 60 тыс. руб. в месяц, и наконец, группа нищих, 52 млн человек (33,5–34,5%), с доходами ниже 30 тыс. руб. в месяц, что практически не обеспечивало уже тогда прожиточный минимум (Социально-политический журнал. 1995. № 3. С. 31–32).

Все варианты подсчетов показывают, что в России происходит быстрая и недопустимо глубокая имущественная поляризация населения и его обнищание. Социальная дифференциация населения России подошла к черте, за которой в верхних и нижних слоях общества начинают формироваться взаимоисключающие интересы. Если в советские времена разрыв в уровнях жизни 10% наиболее обеспеченных и 10% наименее обеспеченных людей находился в соотноше-

нии 1 : 4, то сейчас он достиг соотношения 1 : 30 и выше. Практически полное отсутствие продуманной социальной политики привело к тому, что падение уровня и качества жизни, социальная поляризация уже создали предпосылки для тотального социального конфликта в российском обществе.

Налицо процесс деклассирования, лимпенизации, маргинализации населения.

Безработные. К концу 1994 г. их число, по разным данным, приближалось к 4,6 млн человек, еще столько же постоянно ищут другую работу. В октябре 1994 г. Институт социально-политических проблем РАН провел выборочный опрос (по всероссийской выборке) 1094 человек. Из этого количества только чуть больше половины уверены, что они не потеряют работу, 17% в этом не уверены, 26% считают, что они ее потеряют. Больше всего боятся оказаться безработными рядовые труженики сельского хозяйства, в том числе фермеры (36%), ИТР (35%). В целом среди горожан доля опасающихся оказаться в ближайшее время безработными больше, чем на селе (20%), сельчане определенные надежды возлагают на приусадебные участки. Численность молодежи, которая в настоящее время не работает и не учится, составляет 2,5 млн человек. Второй этап приватизации, массовое банкротство предприятий приведут к небывалому увеличению числа безработных.

Бездомные. Точных сведений статистика не дает, но по оценочным данным, их число перевалило за миллион и быстро растет. Ежегодно из мест заключения выходят на свободу 700–800 тыс. человек, которых на рынке труда никто не ждет.

Беженцы. Это большая и быстро растущая социальная среда. С 1993 г. явственно обозначилось и с 1994 г. закрепилось преобладание в массе беженцев русскоязычных, а затем и русских. В ближайшие два-три года их число может вырасти до 6–7 млн человек.

Нищие. В российском обществе впервые после 1945 г. появилась новая категория нищих, как и в дореволюционное время, — **профессиональные нищие**. По оценочным данным, численность только профессиональных нищих возросла с осени 1993 г. по осень 1994 г. в три раза и составляет примерно 350 тыс. Это число будет быстро расти.

Для огромной массы людей сейчас и в ближайшем будущем будет стоять лишь один вопрос: как выжить физиологически? Вопрос о воспроизводстве человека как духовной субстанции становится второстепенным. И это социально детерминировано: поставленный на грань выживания нищий и голодный человек становится производителем своей собственной физиологии, а все остальное подчинено идее выживания.

Снижение уровня жизни отразилось на питании людей. Обследования показывают, что ежедневно едят досыта лишь две трети юных россиян. Недоедание и плохое питание сказываются на здоровье живущих и, естественно, будущих поколений. Кризис здравоохранения, физической культуры и спорта усугубляет ситуацию.

Психическое здоровье нации. По сравнению с 1995 г. общая численность больных, получающих психиатрическую помощь, увеличилось к 1990 г. в 3,7 раза. В настоящее время этот контингент составляет почти 6,5 млн человек, или 4,4% населения страны. В пограничном состоянии находятся еще 15–20 млн человек, в большинстве это дети и молодежь. Подростковый возраст представляет собой критический период для психопатий. Психологическое состояние молодого поколения несет на себе черты массовой невротизации и психопатизации, что понимается как пограничное состояние личности между психической нормой и психическими заболеваниями. Около двух миллионов детей страдают психическими заболеваниями. По данным московских психиатров, из каждой тысячи несовершеннолетних 250 нуждаются в помощи невропатолога или психотерапевта. Допустимой нормой считается, если число психических больных в стране не превышает 1% всего населения. Рост этого показателя означает угрозу вырождения нации из-за разрушения генофонда и утраты интеллектуального потенциала. В нынешней России этот показатель в 4,5 раза выше нормы. Для молодого поколения России 90-х годов характерны узость и дальнейшее сужение интеллектуальных интересов, снижение интеллектуальной активности.

Алкоголизм, пьянство, наркомания, проституция продолжают расти. Вместе взятые, эти факторы наносят непоправимый урон физическому здоровью населения. Каждый из них сам по себе — национальное бедствие, а объединенные вместе, они — зримое свидетельство деградации нации. Только в Москве свыше 200 нелегальных публичных домов. Школьницы считают занятие проституцией одной из самых престижных «работ».

Преступность. Разгул преступности ужасает своими темпами и масштабами. В 1992 г. был зарегистрирован 1 млн преступлений (на 27% больше, чем в 1991 г.). В 1994 г. в суды поступило 876 тыс. уголовных дел, более 2 млн гражданских, 2 млн 232 тыс. административных дел и материалов. Это абсолютный рекорд за последние 25 лет. Осуждены 925 тыс. человек — также рекорд. Убийства, грабежи, изнасилования, сводки боевых действий из Чечни и Таджикистана стали привычным элементом повседневности, порождая атмосферу страха и ужаса, постоянного психологического напряжения миллионов людей. Преступность становится все более молодежной, подростковой: $^2/_3$ правонарушений и преступлений в стране совершается детьми

и молодежью до 30 лет. Подростковая преступность, помимо ее роста (за последние пять лет она выросла на 40%), характеризуется крайней жестокостью. Каждое пятое-шестое из совершенных преступлений — тяжкое. Созданию криминальной атмосферы в обществе способствует криминальное разгосударствление собственности: украсть автомобиль, когда воруют заводы и отрасли промышленности, многим кажется мелочью. Эта мысль живет в сознании миллионов тех, кто еще не совершил никаких правонарушений. Но мыслящий так — «рекрут» криминального мира. Завтра при соответствующей ситуации он пойдет на преступление, ибо мысленно уже совершил его. Объективная ситуация и общественные тенденции способствуют этому. Американские социологи и психиатры утверждают: рост уровня безработицы на 1% увеличивает число совершенных в стране убийств на 650 случаев, самоубийств — на 820, психиатрические лечебницы при этом пополняются 4 тыс. пациентов, а тюрьмы —3 тыс. преступников. Масштабы «открытой» безработицы в России еще не велики, ее взрыв ожидается с переходом ко второму этапу приватизации. Значит, надо ждать и нового взрыва преступности. Сопоставим цифры: раньше совершалось 700–800 тыс. преступлений ежегодно, сейчас их совершается — 1 млн в год, из них 80% преступлений совершается впервые. А сколько преступлений, о которых никто не знает? Сколько уголовных дел не заведено? Задумаемся: сколько же преступников среди нас? Население России предельно криминализировано, его огромная часть прошла «школу» исправительно-трудовых лагерей и тюрем. «Правовой нигилизм» — термин слишком мягкий для нашего общества. Презрение к закону, правовой беспредел — это ближе к истине. Специалистами доказано: каждое новое поколение россиян криминальнее предыдущего.

ЧЕТВЕРТЫЙ РЕЗУЛЬТАТ «реформ» — социальная дезинтеграция: общество как целое все более распадется на части, автомизируется из-за отсутствия экономических, организационно-политических и духовно-идеологических интеграторов. Фактом являются социальный раскол, крайняя поляризация, исключительно высокий конфликтный потенциал общества. Россия беременна конфликтами, которые идут и могут нарастать: 1) между гражданами; 2) между различными социальными группами; 3) между нациями; 4) между обществом и мафией, организованной преступностью; 5) между центром и регионами; 6) между правящими группировками и политическими партиями; 7) между ВПК, армией и властью; 8) между сторонниками разных конфессий; 9) между «западниками» и национал-патриотами; 10) между старшими и молодыми поколениями и др. И все это при наличии различного рода негосударственных формирований, отрядов боевиков, коммерческих охранных служб, у которых на руках уже на-

ходится около 3 млн единиц огнестрельного оружия. Война в Чечне — страшный намек на то, что может случиться в России, если события будут развиваться в прежнем русле.

Одно из наиболее очевидных оснований и свидетельств социальной дезинтеграции — сепаратизм, базирующийся прежде всего на национальных амбициях. Подписание Федеративного договора, принятие новой Конституции, подписание Договора об общественном согласии, договора между органами государственной власти Российской Федерации и Республики Татарстан, готовность ряда руководителей республик пересмотреть республиканские конституции с целью согласования их с Конституцией Российской Федерации, а в Калмыкии, более того, отменить республиканскую конституцию — все это важные события, несколько успокоившие общество.

Однако, несмотря на кажущееся укрепление центральной власти, угроза дезинтеграции не исчезла. В условиях быстро ухудшающейся экономической ситуации центростремительные настроения могут легко и быстро смениться на центробежные. Предельно натянуты отношения центральных властей с Татарстаном. Нестабильным является Поволжско-Уральский регион. Через Поволжье, Урал и Восточную Сибирь проходит своеобразная «дуга нестабильности», которая стимулируется резким спадом промышленности, ориентированной на потребности центра, и дальнейшим ухудшением благосостояния людей. В отличие от экономических мотивов провозглашения Уральской республики Э. Росселя политическими (в основном) являются призывы к созданию Русской, Дальневосточной, Енисейской, Сибирской республик.

ПЯТЫЙ РЕЗУЛЬТАТ «реформ» — экологический кризис, который носит глобальный характер и быстро расширяет свои масштабы. В России 13 регионов, где экологическая ситуация оценивается как критическая. Около 100 тыс. человек живут там, где человеку вообще жить нельзя. 20 млн человек проживают в зонах экологического бедствия, 30 млн — в крайне неблагоприятной экологической обстановке. Установлено, что в течение 20 лет экологическая ситуация обострится еще в 36 регионах. Радиационное загрязнение территории России увеличивается, радиус поражения расширяется. Опосредованное влияние радиации затронет несколько поколений россиян. Шлейф страшных последствий только чернобыльской катастрофы, по оценкам специалистов, растянется лет на семьдесят. Следствия радиации — генетические мутации, бесплодие, рождение больных детей. Загрязнение воздуха в 84 крупнейших городах превышает норму в 10 и более раз, наносит ущерб здоровью 36 млн человек, ведет к накоплению мутаций, а загрязнение воды и почв, которое огромно, плохо сказывается на качестве продуктов питания. В погоне за прибылью

новые «хозяева жизни» идут на все что угодно. Уже в 1991 г. 11% проб пищевых продуктов не соответствовало стандартам качества. Россия превращается, по сути, в свалку пищевых и радиоактивных отходов Запада.

ШЕСТОЙ РЕЗУЛЬТАТ «реформ» — демографический кризис, который проявился в замедлении темпов роста населения. Резко упала рождаемость, намного сократилась продолжительность жизни, выросла младенческая смертность. Население России стареет, его средний возраст повысился с 29,5 года в 1959 г. до 34,8 года в 1994-м. Доля молодежи в населении страны имеет явную тенденцию к снижению. В 1994 г. смертность превысила рождаемость на 800 тыс. человек. Нация вымирает, вырождается. Страну охватил процесс депопуляции, которая расширяется. Если тенденция сохранится, то численность населения России через 50 лет сократится вдвое. С таким населением мы просто не сможем обустраивать свои территории. Россия перестанет существовать как географическое пространство. И даже если количественные показатели (в силу известных причин) в перспективе улучшатся, то это еще не повод для оптимизма: больное общество не может сохранить здоровый генофонд нации.

СЕДЬМОЙ РЕЗУЛЬТАТ «реформ» в том виде, как они происходят, — это то, что выше всех материальных и политических бед — нарастание бездуховности, безнравственности. На наших глазах набирает силу процесс растормаживания личности, сбрасывания с себя человеком всего того, что ему было дано культурным развитием. В той части, которая означает отказ от «старых» идей, чувств и качеств, накопление тех взглядов, знаний и черт характера, которые отвечают новым требованиям и целям общественного развития, этот процесс надо признать позитивным. Беда в том, что со «старыми» уничтожается «вечное» — доброта, долг, честь, совесть, справедливость и т. п., в том, что процесс этот длится уже десять лет, и неведомо, сколько будет длиться еще. А это значит, что уже нынешние дети и молодежь могут принять существующее положение вещей — образ мыслей и поведения — за должное, а будущие поколения, не знающие, «как было» и как быть должно, станут считать их единственно нормальными.

Бездуховность уже обрела черты общенационального бедствия, ядром и воплощением которого является самодовольное и агрессивное невежество, захватившее не только массы, но все эшелоны всех ветвей власти. Будучи конкретно-историческим социокультурным явлением, невежество проявляется во многих отношениях.

Во-первых, в неспособности схватить умом, объяснить и понять все многообразие, многослойность и сложность происходящих в обществе процессов, различить цели, средства и результат, причины и следствия, прогнозировать хотя бы ближайшее будущее, сопровож-

даемые одновременным и поголовным требованием быстрых успехов в экономике, демократии и т. п. Отсюда — программы типа «500 дней», отсюда обещания за год покончить с инфляцией, за два-три года поднять разрушенную экономику и т. п. Отсюда ложь, самообман, политический авантюризм.

Во-вторых, в тотальном подавлении интеллекта, знаний, творчестве. Отсюда — пренебрежительное отношение к науке и образованию, интеллигенции, отечественным ученым и отечественному опыту. Отсюда массовое стремление бездарных людей в депутаты, в органы исполнительской власти; отсюда формирование государственного аппарата всех уровней, зачастую их недоучек, непрофессионалов и просто жуликов. Отсюда (как следствие) «возрождение» в России супербюрократизма и тотальной коррупции; отсюда атмосфера всеобщего холуйства, выступающего питательной почвой для возвеличения всех, кто сегодня имеет деньги, власть и силу.

В-третьих, невежество проявляется в стилях экономического поведения, свидетельствующего о низкой экономической культуре основной массы предпринимательского слоя, в частности так называемых новых русских. Сегодня абсолютно доминируют три основных стиля:

1) *стяжательский*, в котором акцент делается не на сохранение и экономию средств с целью их рационального вложения в расширение «дела», тем более производства, а на неограниченное личное накопление и стремление к максимальному комфорту жизни;

2) *эксплуатирующий*, грубее сказать, *бандитский*, когда торжествует девиз: «Что мне нужно, я отбираю у другого». Здесь ценится только сила, а порядочность, сомнение и размышление — признак слабости. Рациональному ведению хозяйства противостоят эксплуатация, грабеж, рэкет, касается это отдельного человека или государства, кражи автомобилей или национальных ресурсов;

3) *торгово-меновый*, смысл которого известен с древнейших времен: купить подешевле, продать подороже. Здесь действует принцип: «Не обманешь — не продашь — не заработаешь».

Нынешний «класс» богатых в значительной части состоит из антиобщественных элементов, в том числе «паразитов на паразитах» — рэкетиров и других криминальных воротил. Они заняты не созданием, а присвоением общественного богатства, мешают развиваться честному бизнесу, предпринимательству, конкуренции. Все это донравственные стили экономического поведения. Рассчитывать на то, что эти люди быстро освоят другие, цивилизованные стили — сберегающий (накопительный), обменивающий стиль, основанный на этике «услуг» и т. п., — наивно. Скорее, они будут рваться к власти, чтобы закрепить существующее в стране положение и тем защитить свои капиталы.

В-четвертых, невежество проявляется в мифологизации и фетишизации массового сознания. Только наивностью, доверчивостью, огромной внушаемостью и предрасположенностью российского народа к творению, поглощению и распространению различного рода мифов можно объяснить многие феномены, невозможные ни в какой другой стране. Только в России возможно запустить в массовое сознание миф «Рыночная экономика — единственный путь к всеобщему благоденствию и счастью» и в атмосфере восторженного ожидания народом «манны небесной» позволить кучке авантюристов творить с общенародной собственностью, экономикой и самим народом все что угодно. Только российский человек может поверить в то, что «заграница нам поможет», что «у России в мире больше нет врагов, а только друзья и союзники», а потому можно уничтожить ВПК, срочно проводить конверсию, деморализовать свою армию. Только российский человек может согласиться с тем, что, получив «ваучер» ценой в 10 тысяч рублей, он становится собственником, и не понять при этом, что в действительности тем самым дал согласие на грабеж национального достояния. Только в России возможны МММ, «Тибеты» и подобные фантомы. И так далее. Тот, кто творит и использует новые мифы, хорошо знает законы социальной психологии, особенности российского общественного сознания и индивидуальной психологии россиян. Миф возможен там, где нет знания и опыта, тогда, когда ум разорван, а душа в растерянности. Катастрофическое сознание, которому чудится, что все идет только к худшему, что завтра — «конец света», рождает соответствующий ему катастрофический тип поведения: деньги — только «быстрые» и «легкие», успех — немедленно и любой ценой, со ставкой на силу, насилие, жестокость и т. д.

В-пятых, массовое невежество проявляется в мазохистском уничтожении собственной страны, ее истории, науки, культуры. «Перестройка» и «реформы» в России вторично в XX в. явили собой миру еще один научный факт, свидетельствующий о том, что не только в индивидуальных переживаниях отдельных личностей (это доказано), но и в психике целых народов существует стремление к смерти, к самоуничтожению. Нам жилось не так, как хотелось бы. Нам мало было — просто жить. Мы решили построить земной «рыночный» рай. Но оказалось, что и в земной рай живых не пускают, там место только «мертвым». Значит, решили мы, надо умереть, убить себя — народ, страну. И мы решились. И вот — почти мертвые. Но рай на земле в очередной раз обернулся адом. И вот мы, не умерев до конца, полуживые, мечтаем о новом рождении — о «возрождении», о «новой» России. И идем к ней не через творчество, созидание, а путем огульного поношения (уничтожения) всего «старого». Словно уничтожение равнозначно строительству, самоунижение — возвышению.

В-шестых, агрессивнее невежество проявляется в пренебрежительном отношении к российской культуре. Приняв на себя удар «реформ», культура и сегодня выступает как самостоятельная сила, противостоящая разрушению и распаду. Однако происшедшая резкая смена ценностных ориентаций, укорененных в сознании нескольких поколений людей, сопровождается утратой целостности отечественной культуры, разрывом и даже противостоянием различных типов культур, существующих в современном российском обществе. Изначально ложной оказалась попытка реформаторов, вернув одно, зачеркнуть другое. Это выразилось в вычеркивании из истории России целого исторического периода, объявленного бесплодным, ненужным. Происходит тотальное выкорчевывание из культурного обихода не только отдельных имен, а целых пластов литературы, искусства, науки, образования, которые якобы не вписываются в общественно-политическую парадигму нынешнего режима.

Более всего страдает система культурного и художественного воспитания и образования молодежи. Скоро исчезнет, видимо, целая система детских и юношеских библиотек, кинотеатров, клубов, молодежных издательств, редакций радио, телевидения и т. п. В то же время книжный рынок агрессивно навязывает молодому человеку в ярких обложках далеко не лучшие образцы литературного кича — триллеры, мистику, «ужасы» и т. п. Эта эрзац-литература составляет до 60% от всего предложения на книжных прилавках Москвы, снижается посещаемость театров, филармоний, библиотек, музеев, выставочных залов, сокращается режим их работы в основном за счет мероприятий для детей. Социальные политические и экономические катаклизмы нанесли серьезные удары по национальным культурам народов, проживающих на территории России, включая и культуру русского народа. В итоге возникла реальная опасность утраты самобытности многих из этих культур. Происходит постепенное «сворачивание» системы социальных институтов, способствующих культурной адаптации молодого поколения. Продолжают разрушаться каналы, по которым происходит передача культурных ценностей новым поколениям. Идет принудительное отчуждение широких масс молодежи от ценностей мировой и отечественной культуры. Информационно-культурное пространство, которое окружает сегодня молодого человека, насыщено пропагандой утилитарных ценностей потребительского общества, агрессия и насилие выступают как «законные» средства достижения целей. Героем нашего времени выставляется «негативный лидер» — эгоистичный, циничный, но преуспевающий и добивающийся успеха, не считаясь со средствами. Такое психологическое давление на несформировавшуюся личность молодого человека сказывается на моральных установках, которые сегодня подверга-

ются искажению и деформации. «Разорванная» российская культура утрачивает способность выступать как полноценный институт социализации молодого поколения. В перспективе это может обернуться образованием целых социальных слоев, существующих в маргинальном состоянии применительно ко всем социокультурным нормам цивилизованного общества. Говоря иными словами, молодежь России может оказаться выброшенной на обочину мировой культуры и цивилизации.

В структуре молодежной культуры и досуга преобладают пассивно-созерцательные типы времяпровождения — просмотр телепередач, чтение газет и журналов, посещение видеосалонов, кинотеатров, а также чисто «восстановительные» — занятия спортом, туризмом, загородные прогулки, посещение дискотек и развлекательных программ, общение с друзьями, посещение кафе. Творческо-созидательные формы (участие в самодеятельном художественном, техническом и прикладном творчестве, любительской деятельности, участие в общественно-политических и социально-культурных движениях и инициативах) занимают последнее место.

Кризис культуры порождает проблему бездуховности, и в то же время бездуховность уничтожает культуру.

В-седьмых, массовое невежество проявляется в религизации и мистификации общественного процесса. В условиях свободы, в том числе свободы совести и вероисповеданий, одной из центральных в России стала идея русского религиозного возрождения. С точки зрения восстановления религии в своих правах это процесс, безусловно, позитивный. Количество верующих, в том числе среди молодежи, заметно возросло. Но надо ли думать, что именно церковь возродит духовность в России? Но следует ли религизацию страны превращать в официальную общегосударственную кампанию? У церкви свое место в обществе. Она многое делала, делает и сделает для России, и все же надо помнить, что свободное общество, которым стремится стать Россия, — это общество секуляризованное, т. е. сбросившее с себя все формы тоталитаризма, подавления личности, в том числе неотеологические. Пусть каждый сам решает, как ему жить, во что верить.

Реальную опасность для личности, тем более формирующейся, сегодня представляет беспрецедентное в истории России распространение всевозможных мистических учений, движений и культов. Волна неомистицизма также является реакцией на духовный вакуум, образовавшийся в обществе, стремление заполнить его суррогатом мнимых ценностей. Неомистицизм ориентирован на людей, испытывающих глубокое нравственное, мировоззренческое, социальное, политическое разочарование в нынешней российской действительности («бездомность»). Особая привлекательность мистических движений

и культов в отличие от религии, в которой сверхъестественное начало (Бог) всегда господствует над человеком и которая обещает счастье по ту сторону жизни, основана на вере в сверхъестественные силы самого человека.

Основной контингент приверженцев нетрадиционных культов составляет молодежь. Миссионерская деятельность неомистиков ориентируется на все категории, но прежде всего — на школьную и студенческую. Ищущие ответа на вопросы бытия, душевно надломленные молодые люди становятся главным объектом проповедников неомистицизма, умело использующих усиление общего кризиса российского общества, рост безработицы, которая все больше затрагивает молодежь, особенно выпускников институтов. В отличие от традиционных религий, ориентирующих верующих на загробное воздание, не предполагающее никакой компенсации, основной лозунг неомистиков звучит так: «Здесь и сейчас!» Он особенно привлекает молодежь. В ряде общин огромное значение придается специальной психологической обработке верующих, которая представляет собой целенаправленное «промывание мозгов» и приводит к полной перестройке психики, превращающей в беспрекословных исполнителей чужой воли.

Народ в очередной раз утратил чувство здравого смысла, разум, его действия приобрели явные черты иррациональности. Общество находится в состоянии глубочайшего психического потрясения, массового психоза; его охватило сумасшествие, безумие. Мозг, сознание и душа нации глубоко больны. Признаться в этом народ, как всегда, не захочет, точнее, не сможет: больной мозг сам себя не сознает. Между тем душевная болезнь общества, помутнение и извращение его сознания — главное в той катастрофе, которую мы наблюдаем и жертвой которой являемся. Новые лозунги, идеи, мифы, догмы, политические цели и принципы, предсказания колдунов, «психотерапевтов», астрологов, проповеди заокеанских радетелей о нравственной чистоте российской души, криминальная хроника, демонстрация насилия, жестокости и пошлости с телеэкрана — все это вдалбливается в больные головы и души, образуя в них отравную и взрывоопасную смесь, которая вовсе не побуждает к созиданию, а, наоборот, провоцирует обвал агрессивности и разрушительных настроений.

«Компенсируя» недостаток духовности в обществе, мистическое иррациональное начало на самом деле будет провоцировать и усиливать развитие бездуховности.

Проблема бездуховности усугубляется тем, что в критическом положении находится сфера самого духовного производства — гуманитарные и социальные науки, литература, искусство, театр, кино, образование и воспитание. Сфера духовного производства содержится на

голодном пайке, резко сокращается количественно, но главное — теряет гениев, таланты, наиболее способных творцов, которые эмигрируют за рубеж либо в другие сферы российского общества. Престиж профессий сферы духовного производства (философа, ученого, писателя и др.), ценность знания, образования, духовности упали до последнего предела. Общество отчуждается от науки и просвещения. В свою очередь, наука, литература и искусство, переводимые на коммерческие основы, вынуждены производить «рыночную» продукцию, уходя от фундаментальных духовных проблем, на которые нет спроса. Налицо взаимоотчуждение. Сегодня российское общество и его сфера духовного производства — это две разлетающиеся галактики. В этом разлете — главная опасность дальнейшего нарастания бездуховности. Если Россия не наладит собственное производство своих духовных ценностей, то духовный голод ей придется утолять импортными «продуктами». Это уже происходит, что вполне отвечает интересам «западников» и самого Запада, но находится в полном противоречии с интересами самой России.

Анализ сложившейся ситуации позволяет сделать некоторые общие выводы.

1. «Выбор России» 1991 г. — это стратегическая ошибка. Беда заключается в том, что исторический выбор делали люди ограниченные. Не мыслители. Всего лишь — экономисты. И видимо, слабые экономисты, если судить по результатам их деятельности. Почему и как они победили своих оппонентов, об этом тоже не говорим. Теперь ясно: победили люди, а не истина. Победили технократы, технократический подход к пониманию и объяснению жизни общества. Победили «специалисты», т. е. односторонность, однобокость. Победил, как ни парадоксально это звучит, вульгарно-материалистический, грубо-марксистский подход, который проявился в гипертрофированном экономическом детерминизме, для которого характерно полное игнорирование социально-психологического, человеческого фактора.

2. «Реформа» экономики в том виде, как она осуществляется, резко ускорила негативные процессы во всех остальных сферах общественной жизни. Усиливается процесс деградации, саморазрушения нации. Все, что происходит в обществе, носит характер катастрофы с тенденцией к ее расширению и углублению.

3. Глобальная катастрофа порождает множество непрекращающихся катастроф во всех сферах общественной и личной жизни, которые стали повседневным явлением и спутником бытия человека и общества. Переплетаясь между собой в бесконечном многообразии конкретных жизненных явлений, событий и фактов, «малые» и «частные» катастрофы создают в обществе особый дух, особую социально-пси-

хологическую атмосферу, которую следует назвать катастрофической и которая формирует особый, **катастрофический тип сознания**, **панический** тип поведения. Сегодня над всеми институтами образования и воспитания, над самим человеком возвысилась жизнь, обстоятельства и условия, которые эта жизнь творит по неведомому и необъяснимому замыслу. Сегодня стихия жизни ломает политические доктрины, сметает правительства, заставляет воевать еще недавно братские народы, бросает в объятия друг друга вчерашних врагов, заставляет разувериться фанатиков и обрести веру вчерашних нигилистов, поверить в Бога заклятых атеистов, а проповедовавших «не убий» — брать в руки оружие и совершать тяжкий грех. Жизнь переучивает и перевоспитывает президентов, министров, академиков, профессоров и учителей — тех, кто ставит цели воспитания, учит и воспитывает. Катастрофическая социально-педагогическая ситуация оказывает мощное, постоянное и особо сильное воздействие на детей и молодежь, на их несформировавшиеся психику, сознание чувства, волю. «Дух общества», среда обитания с их стихийными, неписаными требованиями и принципами, словно гигантский пресс, мнут и ломают, часто уродуют взгляды и принципы людей, формируя их на новый лад, зачастую помимо воли самого человека, тем более — молодого, сводя на нет усилия тех, кто пытается его воспитывать, — родителей, учителей, педагогов. Безусловно, каждый, вырабатывая свой взгляд на жизнь, определяя линию и принципы своего поведения, в конце концов сам решает свою судьбу. Но часто он не может «выпрыгнуть» из ситуации, условий или обстоятельств, в которых оказался не по своей воле, а потому, что родился и растет в России конца XX столетия, когда она вновь попала в катастрофу.

4. Условия, в которых оказалось ныне молодое поколение и все российское общество, надо признать **экзистенциальными**. Очевидно, что народ и каждый человек в отдельности переживают состояние глубочайшего потрясения сознания, что ныне первая и главная проблема жизни — выжить, быть живым, существовать. Философия существования, точнее — выживания, и есть философия их жизни. Очевидно, что нынешнее бытие человека и общества направлено в никуда, в ничто (рынок — не самоцель для общества, тем более — для человека). При этом сознается неизбежная конечность этого движения в никуда. Отсюда возникшее ощущение «пограничной ситуации» («или-или»), усиливающееся чувство катастрофичности происходящего. Отсюда лихорадочные искания проектов будущего как способ выхода из неудовлетворяющего настоящего, отсюда хватания за каждую новую надежду и нарастание отчаяния при ее крушении. Отсюда перед лицом движения в ничто и в никуда распад общества на «атомы» и «единицы» разрыва общественных и межличностных свя-

зей, которые «ничто» соединить не может. Отсюда стремление многих быть самими собой во всех своих планах, без желания видеть ограничения со стороны других, что выражается в крайних формах индивидуализма. Отсюда экстаз разрушения, рожденный абсурдностью ситуации и абсурдным сознанием абсурдного человека.

5. Мало объяснить ситуацию философски. Надо подойти к ней педагогически. Первая задача педагогики (обучения и воспитания), пока социально-экономическое положение в стране крайне неблагоприятно и ухудшается, — помочь взрослым и молодежи выжить, учить их выживанию в экстремальных условиях, не пассивно ожидая наступления лучших времен, а учиться выживать через действие, через активное сопротивление обстоятельствам, через саморазвитие и изменение этих обстоятельств в свою пользу. Вторая задача российской педагогики — стать педагогикой жизнетворчества. Ориентиром для общества и государства, их молодежной политики должен стать закон возвышения и одухотворения целей жизни новых поколений.

6. Выход из глобальной, в том числе экономической, катастрофы российского общества возможен при условии, если будут преодолены те причины, которые породили эту катастрофу, и прежде всего: 1) отсутствие у нации объединительной идеи, способной консолидировать и подвигнуть народ на участие в переменах; иначе говоря, ответа на вопрос: куда идти России?; 2) отсутствие четкой и ясной для народа концепции реформирования экономики. Без ответа на вопросы о том, какими средствами и в чьих интересах осуществляется реформа, власти не могут рассчитывать на понимание и, следовательно, поддержку народа; 3) отсутствие социальных ориентиров и приоритетов, что вызывает у народа не просто недоверие, подозрение, но и растущую вражду и ненависть к существующему режиму. Предотвращение экономического краха и продолжение экономических и политических реформ требуют отказа от нынешней «революционной», «шоковой» модели и замены ее на более умеренную по темпам, ориентированную на интересы людей и потому более жизнеспособную и (в конечном счете) более эффективную.

4. Возможен ли выход из кризиса?

Россия не сможет выйти из кризиса просто и легко: слишком далеко зашли разрушительные процессы, слишком они глубоки. Перелом ситуации в сторону созидания, преодоления всей тяжести проблем и сложности задач потребует неимоверного напряжения всех духовных и физических сил нации, вовлечения в строительную работу абсо-лютного большинства людей. Выход из кризиса — вопрос не только природного, человеческого, интеллектуального и т. п. потенциала, но и *действенное желание* сделать это. Выход из кризиса станет воз-

можным, если эта задача станет для народа *Общим Делом*, если этому Делу будет сопутствовать единый могучий эмоциональный и *Духовный порыв*. Только так и никак иначе. Никакая кучка богачей, как бы ни были велики их капиталы и желания (пока нет ни первого, ни второго, ни третьего), никогда не сможет «возродить» и осчастливить Россию в стороне от народа и без его участия. Общее Дело и Единый Духовный Порыв — вот (при всех прочих данных) главное условие выхода России из кризиса. Но именно этот пункт и является самым слабым звеном во всей цепи: страна и народ предельно разъединены, расколоты по многим линиям на многие части, которые, как правило, не взаимодействуют, а противодействуют друг другу.

Глядя в ближайшее будущее, можно прогнозировать самые разные *возможные варианты политического развития России*: 1) продолжение реформ в прежнем виде; 2) продолжение реформ в смягченном варианте и замедленных темпах вследствие центристской переориентации; 3) усиление анархии в политической и экономической жизни вследствие действий леворадикальных сил; 4) военный переворот. Эти сценарии основываются на существовании ключевых, достаточно устойчивых сил, действующих на российской политической сцене, к числу которых отнесены демократический, а также президентский лагерь, центристские образования, армия, оппозиционные и сепаратистские силы. Данная картина возможного развития событий представлена в весьма упрощенном виде. В действительности существует множество промежуточных вариантов. Огромное значение имеют субъективные факторы, придающие всем прогнозам и реальным процессам изломанный, извилистый, непредсказуемый характер.

Ясно, однако, что сценарий «продолжения реформ», опирающийся на формулу «шоковой терапии» и ее нынешние «хвосты», уже, в сущности, неприемлем. Курс реформ будет неизбежно скорректирован. Таким образом, из перечисленных выше четырех сценариев наиболее вероятными представляются оставшиеся три. Хотя теоретически все четыре сценария могут развиваться последовательно, один за другим. К примеру, «продолжение реформ» (1-й сценарий) может привести к «усилению дезинтеграции и хаосу» (3-й сценарий), реакцией на которые станет, в свою очередь, «военный переворот» (4-й сценарий). Усиление централизации при улучшении дел в сфере экономики и социальной политики может придать реформам ускорение и эффективность, но может завершиться и установлением военного режима, предусмотренного 4-м сценарием, если остановить разруху и хаос не удастся, если будут усиливаться центробежные тенденции в регионах, т. е. появится угроза развала России и т. д.

Существует, однако, весьма распространенная точка зрения, что строить варианты развития событий бессмысленно в принципе, ибо

Россия уже настолько разрушена, что фактически превратилась в сырьевой придаток Европы и США, в колониальный регион, находится в полной зависимости от Запада, не способна выйти из кризиса самостоятельно, что России уже никогда не стать великой державой.

На наш взгляд, на сегодняшний день этот вывод преждевременен. При всей драматичности существующей ситуации пока мы можем и должны смотреть в будущее, хотя и с осторожным, но все-таки с оптимизмом, который основан на реальном понимании вещей. Россия, где сосредоточена основная часть потенциала такой супердержавы, как бывший СССР, несмотря ни на что, пока во многом сохраняет его; этот потенциал по-прежнему, даже в ослабленном виде, уникален, огромен, превосходит возможности большинства, в том числе многих развитых, стран:

1) с точки зрения плодородных земельных и водных пространств, запасов природных минеральных топливно-энергетических ресурсов всех видов (даже при их варварском использовании, хищническом расходовании, разбазаривании и распродаже) Россия остается богатейшей в мире, самодостаточной страной, имеющей необходимые предпосылки выхода на передовые в мире позиции. Ресурсный потенциал России в расчете на душу населения превосходит тот же показатель для США в 2–2,5 раза, Германии — в 6 раз, Японии — в 18–20 раз и т. д. (см.: Российский экономический журнал. 1994. № 1. С. 52);

2) материально-техническая база, несмотря на физическую и моральную старость и устаревание, продолжает оставаться в числе крупнейших. Космос, авиация, военная промышленность, энергетика — это области, в которых мы пока все еще выглядим достойно;

3) уровень развития образования, фундаментальных и прикладных, естественных и технических наук, несмотря на сокрушительные удары, нанесенные им в последние годы, в основном соответствует мировым достижениям, а в отдельных областях по-прежнему превосходит их. Научно-технический потенциал России в целом все еще является одним из самых высоких в мире;

4) обеспеченность квалифицированными кадрами всех отраслей промышленности, сельского хозяйства, образования, науки и культуры пока удовлетворительная;

5) российский народ все еще обладает огромным интеллектуальным потенциалом, одной из богатейших в мире культур, выдающимися качествами, столь необходимыми в критические моменты истории (патриотизм, самоотверженность, упорство, тяга к сплочению и другие), которые он не раз уже проявлял в массовом и огромном масштабе. Человеческий капитал — главное богатство России, благодаря которому при умелом его использовании множится экономический потенциал России;

6) успеху благоприятствует то, что экстаз саморазрушения старого общества постепенно теряет энергию. В низовых слоях российского общества быстро растет понимание безуспешности «реформ сверху», неверие в центральную власть и в противовес этому — нарастает уверенность народа, здоровой части предпринимательского слоя в своих собственных силах, в необходимости строить порядок из хаоса на обратных связях — «снизу вверх». В обществе возникает все больше «точек» и «зон» экономического, духовного, нравственного и культурного роста, появляется все больше передовых людей, которые символизируют эти «точки» роста и которые постепенно образуют ведущий слой нового российского общества, способного выполнять роль духовного вождя народа. В этом залог того, что Россия может прогрессировать и развиваться. И чем быстрее эти «точки», «зоны» роста и передовые люди будут резонировать и объединяться между собой, тем быстрее будет наращиваться ведущий слой, тем выше будут темпы развития России.

Выход России из кризиса, реформы — это и есть то Общее Дело, которое должно, по логике вещей, вызывать вдохновение и Духовный Порыв у российского народа, что же еще? Не вызывает. И дело не только в том, что слишком долго нет позитивных результатов, изменений к лучшему: сколько терпели и ждали, подождали бы и еще. Исчезла вера. Нет веры Президенту. Нет веры Правительству и властям вообще. Остался Бог, но, видно, он забыл о России. Остался сам народ и осталась сама Россия. Народу осталось единственное — поверить в себя и свои силы, поверить в Россию и светлые начала в ее судьбе.

Довольно создавать новую Россию на «авось», по подсказкам из-за рубежа, вопреки народу и помимо него. Народ отвергает и будет отвергать то, что не отвечает его представлениям и интересам. Народ делает то, что ценит, о чем мечтает, во что верует. Идея, идеал, вера, убеждения и порыв в такой разломной ситуации, как нынешняя, порой важнее самой реальности, даже такой ужасающей и, иногда кажется беспросветной.

Довольно дурачить народ, называя реформами то, что во многих отношениях реформами не является, искажая и отталкивая от них людей, в то время как «застой реформ», который сейчас наметился, в интересах лишь тех сил, которые уже получили то, о чем недавно даже и мечтать не смели. Реформы теперь как никому нужны народу, брошенному в бедность и нищету. Но это должны быть именно народные реформы; реформы в интересах всех, а не мизерного меньшинства.

Довольно вдалбливать в народное сознание мысли о том, будто объединить нас смогут рынок, частная собственность и другие подобные ценности. Их роль велика, но не всесильна. Они входят в си-

стему ценностей, без которых России не обновиться, но не они вершат эту систему. Личность, народ и нация — вот что составляет, вершит ее. *Россия — вот высшая ценность и святыня*, которая вбирает в себя понятия «личность», «народ», «нация» и которые они религиозно почитают.

Смысл жизни — в самой жизни. Чтобы жить, надо быть как минимум живым. И в спорах по поводу обшей объединительной идеи, которой все мы должны служить, подход должен быть такой же. *Россия — вот наша Идея и Вера*. Есть Россия — есть и о чем говорить. Развалим, погубим ее — будем стонать и сожалеть как по убиенному СССР, да поздно и бесполезно будет.

Чтобы предотвратить угрозу распада России и дезинтеграцию общества, первое, что должны сделать власти, — поставить правовые пределы, до которых можно вести переговоры и бороться за разграничение прав и полномочий центра и регионов, но переступать которые *недопустимо ни при каких обстоятельствах*, ибо это грозит жизни России. Переступивший эту грань — преступник, и с ним следует поступать соответственно. Реформы теряют всякий смысл, если в ходе их будет продолжаться разрушение общества и государства, деградация нации и человека. Без ответа на вопрос: куда — в какую сторону, в какое будущее, в какое общество, под флагом каких идей и ценностей движется Россия, в какой мере перемены отвечают интересам народа и различных его слоев, как будут осуществляться намечаемые перемены и т. п., — дальнейшее реформирование недопустимо. Проблема, таким образом, не в том, проводить реформы или нет (проводить!), а в путях и средствах их осуществления.

Следовательно, второе, чем пренебрегли власти, и что следует сделать обществу, — ответить на вопрос: «Что такое — Россия?» Какой все-таки смысл мы вкладываем в это понятие *сегодня*, через 172 года после того, как в 1823 г. в «Обществе любомудров» князя Одоевского был поставлен этот вопрос и стало ясно, что он судьбоносен для России, чрезвычайно сложен, чтобы ответить на него просто и «одним словом»; после того, как «славянофилы» и «западники», выросшие из этого кружка, нашли массу аргументов каждый в свою пользу без особого желания слышать и понимать оппонента; после того, как Г. В. Плеханов первым подметил, что России, пожалуй, не следует впадать в односторонность, а надо смотреть и на Запад, и на Восток; после того, как советская власть сняла с повестки дискуссии по этому поводу уже самим фактом существования огромного СССР, в котором азиатские и восточные республики занимали огромные пространства, не говоря о других «доводах» и «аргументах»; после того, как весь мир и Россия, Восток и Запад за прошедшие столетия стали неузнаваемо иными.

С тех пор все изменилось, многое кануло в Лету, исчезло, а вопрос «Что такое — Россия?» и, стало быть, в какую сторону (на Восток или на Запад) ей двигаться — остался, снова обрел первостепенное, исключительно практическое значение. Российское общество расколото ныне не только по тем основаниям, о которых говорилось, но и по линии Восток — Запад. Более того, именно отсюда берут свое начало многие другие конфликты. Дело не только в том, что, оказавшись у власти и надев на себя тогу «демократов», радикальные «западники» получили возможность и успели реализовать немалую часть своих идей и замыслов. Дело в той пропасти, которая образовалась между «западниками» и «славянофилами». С разной степенью точности радикал-«демократы» именуют их «патриотами», «националистами», «державниками» и т. п., что, по их понятиям, одновременно означает «антиреформатор», «провозвестник прошлого», тянущий Россию назад. Кажется, еще немного — и «западники» назовут себя «белыми», а «патриоты» станут «красными» (не исключено — «коричневыми»), и станут, как это уже было, именовать друг друга «врагами».

5. Что такое «Россия»?

Рассуждения об идентичности (самобытности, самосознании, самоопределении) России вовсе не теоретические изыски. Каждый народ и человек стремятся к целостному и непротиворечивому представлению о собственной истории и самого себя как «души» той страны, гражданином которой он является. Там, где этой целостности нет, там непрестанные конфликты (Белфаст — в Великобритании, Квебек — в Канаде, Сербия — Хорватия в бывшей Югославии, Чечня — в России и т. д.). Там, где эта целостность понимания прошлого и будущего существует, там историческая стабильность, преемственность эволюционно-накопительного развития и как следствие — богатство и благополучие. Без ответа на вопрос «Что такое Россия?» невозможно правильно определить стратегию реформ, геополитический курс российского государства, приоритеты внешней и внутренней политики. Без этого невозможно выработать перспективы развития, идеологию и цели образования и воспитания новых поколений россиян. Это первый и главный вопрос стратегии развития, без ответа на который тактика реформ всегда будет «хромать» и сводиться к методу проб и ошибок, которым наши власти грешат ныне. Ответ на этот вопрос должен внести успокоение в умы и души людей, а с этим — стабилизировать общество и уберечь его от срыва в гражданскую войну и истерику по поводу давнего и недавнего прошлого. Тут нужны активные дискуссии и согласие.

Изложим кратко наши главные позиции. Исходная ошибка, которая, на наш взгляд, порождает непримиримость в понимании прош-

лого и подходов к будущему России, лежит в представлении об истории как таковой. Нормальным и естественным для массового, обыденного сознания (речь о миллионах обывателей, а не сотнях или даже тысячах рафинированных интеллектуалов) является линейное представление о социально-историческом процессе. Согласно такому взгляду (несколько упрощенно) все страны и народы должны пройти одну и ту же дистанцию до некоей общей финишной ленточки, выстраиваясь и двигаясь в затылок друг другу, обгоняя соперников или отставая от них в зависимости от сил, мастерства и времени старта (одни выдохлись, «рванув на десять тыщ, как на пятьсот» (В. Высоцкий), другие засиделись на старте и т. п. Но всем суждено повторить путь тех, кто впереди. Согласно нынешним представлениям о прогрессе, главным и совокупным показателем которого являются *материальное богатство и уровень потребления* общества, — это, конечно же, Запад. Логично поэтому, стремясь к тем же благам, позаимствовать у него те способы, методы и формы деятельности, с помощью которых он достиг успехов. И сделать это в кратчайшие сроки, взяв как можно больше. По сути — скопировать, *повторить* опыт.

Однако линейный подход к пониманию истории беден, страдает неполнотой, односторонностью, одномерностью. История — не линия и не плоскость, а объем, многоцветный галоген, в котором прошлое, настоящее и будущее человечества, ценности различных времен и цивилизаций перемешаны, переливаются, спорят, противоречат и противодействуют друг другу. То, что хорошо для одних, плохо для других, а «хорошее» и «плохое» для первых и вторых безразлично третьим, ибо они веруют и исповедуют совсем иные истины. Различно у разных народов и цивилизаций само понимание прогресса. Если представить, что когда-то в мире установится некая *единая*, *универсальная*, *унифицированная цивилизация* вместо нескольких, которые существуют ныне. В это якобы образующее единое цивилизационное пространство ярые «западники» приглашают и Россию. В одном случае, чтобы выйти из «исторического тупика», она должна преодолеть «груз прошлого», в другом — изменить вектор своего развития, свой цивилизационный облик, в частности характер самого народа — «отсталого», «дикого», чтобы таким образом избежать «социальной смерти», «погружения в историческое ничто». Иные договариваются до того, что Россия — это вообще «пустота», что возрождать в ней собственно нечего.

Давайте на момент согласимся со всем этим. Допустим, что все так и есть, все так и будет: когда-то исчезнут разнородные цивилизации, в частности, не станет христиан, мусульман, католиков, протестантов, иудеев... Когда это случится? Через пятьсот, тысячу, две тысячи лет? На этот вопрос никто не ответит наверняка. Как никто из серьезных людей не станет утверждать, что это возможно в принципе.

Зададимся другими вопросами. А есть ли у человечества такое долгое будущее? Как чувствует, сознает и оценивает себя сам Запад, образ жизни которого нам предлагают взять за несомненный идеал? Оказывается, по этому поводу существуют совершенно определенные позиции.

В июне 1992 г., как раз в тот момент, когда Россия начала бурное и безоглядное движение в сторону Запада, в Рио-де-Жанейро (Бразилия) состоялась Конференция ООН по окружающей среде и развитию на уровне глав государств и правительств. Главный вывод конференции: глобальные изменения в окружающей среде вследствие индустриального периода развития человечества (и прежде всего Запада. — И. И.) происходили за счет и в ущерб природе в такой степени, что поставили планету и человеческое общество на грань возможности *скорой катастрофы*. Парадигма развития, в которой главным элементом была погоня за максимальной прибылью (т. е. капитализм. — И. И.) *исчерпала себя* и не может быть больше основной движущей силой прогресса. Следование путем, по которому двигалось человечество, далее невозможно. Необходимо выровнять уровни развития стран и доходы всех слоев общества, регионов, рационализировать потребление различного рода природных ресурсов, устанавливать разумные пределы личному потреблению и т. п. «Процессы экономического роста, — заявил в своем докладе Генеральный секретарь названной конференции Морис Стронг, — который порождает беспрецедентный уровень благополучия и мощи богатого меньшинства, ведут одновременно к рискам и мощи богатого меньшинства, ведут одновременно к рискам и дисбалансам, в одинаковой мере угрожающим и богатым, и бедным. Такая модель развития и соответствующий характер производства и потребления не являются устойчивыми для богатых *и не могут быть повторены бедными*». Речь идет не об отдельных бедных людях, а о бедных странах. Между тем «бедная» Россия уже встала на путь повторения западной модели развития, характера производства и потребления, которые сам Запад отвергает. Разве это не парадокс?

Конференция пришла к выводу, что естественную эволюцию должна заменить идея «устойчивого (согласованного, допустимого) развития», т. е. такая модель движения вперед, при которой достигается должный баланс между решением социально-экономических проблем и сохранением окружающей среды, удовлетворения основных жизненных потребностей нынешнего поколения людей без лишения такой возможности *будущих поколений*. Декларация Рио включает в себя 27 рекомендательных принципов, в рамках которых раскрываются существо и цели реализации концепции устойчивого развития, соотношения национальных и общечеловеческих интере-

сов, роль государства и различных слоев населения, в том числе молодежи. Решения Конференции расценены как начало сознательного *поворота человечества на принципиально иной, новый путь развития*. Под заключительной декларацией «Повестка на XXI век» поставили подписи руководители 179 стран. «Или будет спасен весь мир, или погибнет вся цивилизация», — заявил Генеральный секретарь Конференции ООН Морис Стронг в своем докладе.

Заметим: политические мотивы не позволили в полной мере открыть народам мрачные горизонты цивилизации в том виде, в каком они видятся ученым, готовившим материалы этой конференции. Мы знаем только часть правды. О чем молчат ученые? По тем же самым политическим мотивам о решениях Конференции в Рио-де-Жанейро широкую общественность практически не информировала российская пресса, и только через 20 месяцев (4 февраля 1994 г.) Президент РФ издал указ о разработке проекта концепции перехода РФ на модель устойчивого развития, хотя под заключительной Декларацией конференции стоит и подпись России. Сейчас в ходу уже более 30 вариантов концепции. 16 мая состоялись парламентские слушания «О разработке национальной стратегии устойчивого развития России». Обсуждались в основном три варианта Концепции устойчивого развития России: официальный (правительственный) и два альтернативных, которые представляли академики В. А. Коптюг и Н. Н. Моисеев. Единой принятой концепции устойчивого развития России пока нет.

Сделаем выводы, важные для дальнейших рассуждений.

1. Сегодня в кризисе экономика и общественно-политическая система не только России, но и всех стран мира, в том числе и развитых стран Запада, хотя этот кризис проявляется в разной степени остроты; в кризисе не только эти сферы, но прежде всего существующая система духовных и нравственных ценностей, которые во многом изжили себя.

2. Безоглядная ориентация России на Запад и его систему ценностей — это шаг не в будущее, а в прошлое. Запад (как и Восток) — это для России *только опыт*, но не образец для слепого копирования.

3. Сегодня бессмысленно рассуждать о будущем России с позиций *желаемого*. Положение дел на планете и в самой России таково, что говорить о движении вперед имеет смысл только в рамках реально *возможного* и объективно *необходимого*. Пределы «возможного» поставлены природой, катастрофическим положением окружающей среды; после допуска «необходимого» определено историческим опытом развития передовых индустриальных стран.

Итак, если не Запад — не «космополитический», «либеральный» проект с его однозначной ориентацией на Западную Европу, США и предполагающий построение в «заблудшей» России экономических

и политических институтов западноевропейского и американского образца, то что же?

Существует несколько (кроме «западнического») вариантов самоопределения России, за каждым из которых стоят определенные политические силы.

1. «Россия — для русских». В этом варианте Россия понимается не как гражданская (все живущие во Франции — французы, все живущие в США — американцы и т. п.), а как этническая общность. Русские в России — это титульная (основная) нация, все иные народы и нации — «второго» сорта. Русский национализм противостоит проекту гражданской нации, ибо ключевым элементом его платформы и словаря является идея русской этно-нации и России как национального государства русских. Лидеры националистической Русской партии выражают это кредо следующим образом: «В России должны править русские. У России должно быть русское правительство, русский парламент из этнических русских, принадлежащих Великой Нации по крови и по духу... «Все для нации и ничего против нации», — этот лозунг должен быть в голове, в душе и в крови каждого русского, потому что мы все только клетки одного великого организма по имени Нация». Тех же принципов придерживается и партия Российского Национального единства во главе с А. Баркашовым.

При том что в России 85% населения — русские, этот проект является чрезвычайно опасным для целостности России. Его реализация привела бы к множеству межнациональных конфликтов и войн, на фоне которых войны в Югославии и Чечне показались бы детскими играми. Тем более что из рядов сторонников этого варианта российского пути самоопределения и раздаются призывы силой восстановить Российскую империю в границах 1913 г. и даже более широких.

2. «Особый российский путь» — вариант самосознания, в котором российская культурно-политическая общность понимается настолько отличающейся от европейской, западной цивилизации, что говорится даже об особых законах развития российского общества. Сторонники этого варианта призывают к православному возрождению, возвращению к нравам предков и т. п. На наш взгляд, призыв этот столь же наивен, как лозунг некоторых «зеленых» «Назад к природе». Вариант отличается прямолинейностью и упрощением сложностей мира, образует пропасть между Западом и Россией. В этом смысле он также бесперспективен.

3. На наш взгляд, преодоление прямого противостояния нынешних «западников» и «славянофилов» (сторонников исключительной судьбы России) надо искать в современном понимании истории как процесса многолинейного, разнообразного и многомерного. Еще Г. В. Плеханов в свое время первым указал на разнообразие направле-

ний исторического развития России, ее стремление к интеграции как с Западом, так и с Востоком.

С той поры прошло без малого сто лет. Жизнь ответила на многие вопросы, которые были предметом сугубо теоретических, порой схоластических споров «западников» и «славянофилов». Сегодня ясно: с одной стороны, Россия начиная с XVIII в. и поныне развивается социокультурно во многом по европейской логике, проходя те же фазы в искусстве (классицизм, сентиментализм, реализм, романтизм, авангардизм) и в мышлении (эпоха Просвещения, материализм, позитивизм, постпросвещенческий идеализм, феномены массовой культуры). Россия стала высокообразованной, атеистической страной, индустриальной державой. Этап строительства коммунизма представлял собой глобальный эксперимент по проверке на жизненность материалистического (на самом деле — идеалистического), коллективистского мировоззрения и т. п. Одним словом, как раньше (XVII и XIX вв.), так и в XX в. между Россией и Западом, западной и восточной цивилизациями не было никакой пропасти. И до 1917 г., и после культура СССР, и прежде всего России, воздействовала на западную культуру, и наоборот. И то, что коммунистический эксперимент (идеи которого, как известно, пришли в Россию с Запада) закончились провалом, еще ничего не говорит плохого о существе некоторых из этих идей (скажем, социальной справедливости и т. п.).

Надо иметь в виду и то, что на момент провала коммунистического эксперимента приходится провал и другого глобального опыта по проверке западноевропейских идей прагматизма и индивидуализма в ходе строительства капитализма, проходившего в Европе, США и других странах. *Приговор этому эксперименту* (т. е. самой себе) *западная цивилизация вынесла в июне 1992 г.* — на год позже развала СССР — в Рио-де-Жанейро, о чем уже говорилось.

Подводя итог в целом, можно сказать, что крах потерпели крайности: «идеализм — материализм», «коллективизм — индивидуализм», «стихийный рынок — централизованная экономика», «священная» частная собственность — «священная» общая собственность и т. п. Наступает эпоха Синтеза: философии реализма, которая синтезирует философию идеализма и философию материализма; регулируемого рынка, смешанных форм собственности, смешанной экономики, социально ориентированного государства и т. д. То же происходит и в сфере культур, цивилизаций, которые обречены не на войну, а на взаимодействие, взаимопроникновение, взаимообогащение, в процессе которых каждая культура сохранит свою самоценность. И никто не вправе критиковать, тем более унижать другую культуру, цивилизацию, кроме их представителей. И никто не должен комплексовать от того, что «я не такой, как другие».

Многое изменилось в мире. Мы больше и многое знаем, но, увы! — все так же мало понимаем, особенно когда не хотим пронимать, хотя многое так просто и очевидно. Как и много веков назад, Россия своей меньшей, но наиболее развитой частью находится в Европе, а своей большей, но менее заселенной и развитой — в Азии. Как и много лет назад, спросив азиата: «Что такое Россия?», вы услышите в ответ: «Это Европа», а европеец на тот же вопрос скажет: «Это Азия». А образованный россиянин найдет в себе черты и мысли как европейца, так и восточной культуры. И что во всем этом плохого?

Несомненно, что Россия имеет равновеликие жизненные интересы как в Европе, так и в Азии. Наша страна веками складывалась как евроазиатская держава. Как можно оспаривать данную истину? Однако нельзя согласиться с теми, кто на основании этого говорит о какой-то «особой» евроазиатской природе России. Разве можно забыть, что Россия создавалась и во многом развивалась благодаря движению с Запада на Восток? И наша религия, и наша культура имеют, несомненно, европейский характер. Это — опять-таки неоспоримая истина. Она, разумеется, не опровергает того тезиса, что Россия сформировала особый тип культуры, да и нации, на основании чего Данилевский, а позднее Тойнби говорили, что Россия — это особая цивилизация. И это удивительное смешение Востока и Запада — наше огромное достояние.

Странно выяснять, что для России важнее — Европа или Азия. Мы в равной степени обречены глядеть и налево, и направо. Россия — это мост между Западом и Востоком, и в этом ее огромное геополитическое преимущество, которое она по-настоящему еще не использовала. И разве не огромное благо — возможность брать все лучшее от восточной и западной культур, добавляя его в свое, родовое? Усваивать, а не насаждать насильно, брать не механически, не наслоениями, а ассимилировать органически, естественно, эволюционно-избирательно, т. е. только то, что отвечает духу народа и потребностям развития общества.

Западная модель развития в «чистом» виде не подходит России хотя бы по той простой причине, что, если говорить всерьез, никакой чистой «западной модели» просто не существует. Даже между странами Европейского Союза есть весьма заметные различия, а уж если сравнивать США и Японию, Италию и Канаду и т. д., то разница будет вообще огромна. Все эти страны в полной мере учитывают свою специфику, что не помешало им добиться совместимости. Конечно, и мы должны идти по своему собственному, а не по какому-то «особенному» пути с учетом наших особенностей и традиций и вместе с тем думая о такой же совместимости с другими «успешными» странами. Они смогли достичь успеха, и нет никаких объективных причин, мешающих нам сделать то же самое.

Заимствование западного, как всякого иного, опыта — дело необходимое и неизбежное. Для нас это не вопрос принципа, а вопрос меры и метода. Социальные ценности, которые мы берем, а тем более когда их нам настойчиво предлагают, навязывают, необходимо оценивать, отбирать на предмет их пригодности, приживляемость на российской почве. В освоении этих ценностей Россия должна быть избирательна, а не всеядна. *У России есть единственный выход — саморазвитие.* С использованием мирового, и прежде всего европейского, опыта и помощи, но прежде всего — своего собственного, российского, в том числе советского опыта реформ, тех их форм и методов, которые доказали свою эффективность и привели к успеху, позволили превратить СССР в супердержаву с могучим промышленным и научно-техническим потенциалом. Природные, материальные, интеллектуальные, духовные и творческие потенции России и ее народа огромны. Их реализация — вопрос политики, основанный на вере и убежденности в том, что Россия в состоянии развиваться как самоценная субцивилизация, имеющая индивидуальный и относительно замкнутый характер. Именно в этом качестве мир нуждается в России, а Россия открывается ему в целях взаиморазвития.

Итак, у России не «особый», «исключительный», а «свой», как у каждой страны, — *свой путь.* С большим правом, в силу многих особенностей (географические пространства, природные богатства, климат, геополитическое положение, особенности в истории и национальном характере и т. п.) о России можно сказать, что она — единственность, субцивилизация и, может, даже цивилизация и т. п. Но не это главное в момент самоосознания. Важно понять: 1) России не на кого надеяться, кроме как на себя. Наш принцип и девиз — «Саморазвитие! Опора на собственные силы!»; 2) Россия может восстать из разрухи, ибо а) в истории России уже были смутные времена и такого рода ситуации; б) Россия во всех отношениях *самодостаточная страна.* Наш принцип и девиз: «Вера в Россию и ее народ!»; 3) Россия должна осознать себя как *единая гражданская* (а не этническая) нация, ибо это является главной предпосылкой ее успешной модернизации, как это было с Турцией, Японией и другими странами. Наш принцип и девиз: «Мы — патриоты России. Наш долг — служение ей!»

6. Куда идти России?

Ошибки в выборе направления общественного движения и развития, способа достижения субъективно выбранной цели всегда оплачивались бедствиями и лишениями многих поколений.

Нередко, даже из уст президента страны, можно услышать, что «народ России сделал свой выбор». Но кто спрашивал народ, хочет ли он испытать на себе «шоковую терапию»? Никто. Не советовались с на-

родом и по поводу того, когда, в каких темпах и каким способом проводить приватизацию. Более того, против воли народа развален СССР. Да и сейчас, когда всем видно, к каким последствиями привели эти и другие шаги, о народе вспоминают всуе и перед выборами. За согласие принимается народное молчание и терпение, с которым он переносит все тяготы, лишения и страдания. Единственно, что отвергло большинство народа (об этом свидетельствуют все опросы), — тоталитаризм, господство коммунистической идеологии и одной-единственной партии. Единственно, за что он высказывается вполне определенно, — за перемены, ожидая от них лучшего.

Но и сказать, что Россия все еще стоит на распутье, тоже нельзя. Пришпоренная «шоковой терапией» в 1992 г., она вскачь несется под уклон. Не к лучшему, а к худшему. Не вверх, а вниз, что находит выражение в определениях «дестабилизация», «дезинтеграция», «деиндустриализация» т. п. Не созидание, а разрушение; не прогресс, а регресс. Кого устроят такие перемены? Только тех, кто получает от них выгоды, у кого нет совести и чести. Народу такие перемены не нужны.

Закономерно встает вопрос: «Куда же идет Россия?» Говорят: от социализма в капитализм. Происходящее предлагается считать капитализацией общества в противовес тому, что было прежде, — социальной ориентацией. Допустим, что это так. Во всяком случае, похоже. Но так ли это на самом деле? О каком «капитализме» мы говорим? «Дикий» капитализм как первичное порождение идеологи либерализма, основанной на принципах полного отрицания государственной собственности, абсолютизации частной собственности, сведении к минимуму социальной функции государства, абсолютно свободной конкуренции, в природе современного общества отсутствует. Что делать в этом «диком», раннем капитализме России, которая и ныне является индустриальной, а вчера была высокоразвитой страной? Она давно прошла эту стадию.

Зародившись сотни лет назад, капитализм не стоял на месте, а развивался: из «дикого», «стихийного», каким его изучал К. Маркс, он трансформировался в сторону повышения роли государства и известной планификации экономики, социализировался под натиском трудящихся масс и воздействием угрозы коммунизма с его призывами к социальному равенству и справедливости. Сегодня нет ни одной страны, где бы государственная собственность составляла менее 15% (Япония). В ряде стран эта доля гораздо выше (в Южной Корее — около 60%). Нигде нет «свободного» рынка, но везде есть государственное регулирование, которое различается лишь по формам, методам и степени жесткости. Нигде не найдете и «свободных» цен, «свободной» конкуренции, но всюду обнаружите борьбу с монополизмом, государственную поддержку малому и среднему бизнесу, а также регу-

лирование цен через регулирование совокупных спроса и предложения, финансовую политику государства.

Короче говоря, для передового современного мира характерны пять ярко выраженных характеристик состояния и развития: 1) смешанные формы собственности с непременным присутствием частной собственности как основы жизни и гаранта свободы; 2) рыночные отношения в сфере экономики с элементами общественно-государственного регулирования; 3) социальная ориентация как борьба за улучшение условий жизни всего населения при ограничении сверхдоходов «капиталистов»; 4) демократизация, т. е. создание такой системы власти и образа жизни, при которых социализация могла бы сохраниться; 5) гуманизация, т. е. внедрение в сознание людей и общества таких ценностей, которые бы оптимизировали, очеловечивали их отношения с природой, социальным миром и между собой, сохраняя жизнь и возможность социализации и демократизации. Как назвать общество, в котором эти ценности доминируют? Капитализм? Хорошо. Но именно этот во многом привлекательный *капитализм вынес себе приговор* в Рио-де-Жанейро, заявив, что человечество должно незамедлительно встать на принципиально иной путь развития во многом с совершенно иной системой духовно-нравственных ценностей.

Итак, модель «устойчивого развития»? С точки зрения логики все выглядит абсолютно верно, хоть и не привычно. Не считаться с теми императивами, которые поставила природа в ходе истории, невозможно. Россия вынуждена и будет развиваться в рамках «устойчивого развития». Но если глядеть на вещи реалистично, то, как ни печально, эта идея предстает как очередная утопия, по поводу которой можно строить много планов и надежд, но осуществиться которой не суждено. Кто и как реально может определить пределы «разумности», «рациональности» потребностей в обществах потребления, которые символизирует сегодня вся Европа (за исключением Восточной) и США? Как заставить богатые страны Севера поделиться своими богатствами с бедным Югом, а миллиардеров и миллионеров отдать хотя бы часть своих денег нуждающимся? Как обеспечить на планете мир, без которого нет «устойчивого развития», если катастрофически быстро нарастают нехватка ресурсов и территорий, вражда между нациями и религиозными фундаменталистами? Россию и дальше будут разрушать как изнутри, так и снаружи. О стабильности, разумности, рационализме и устойчивом развитии приходится только мечтать.

В то время как в России продолжаются горячие дебаты о развитии страны по капиталистическому или социалистическому пути, об ориентации на Запад или на Восток, передовые страны того и другого вступают в эпоху глубоких перемен, не укладывающихся в традиционную схему смены общественных формаций. Это будущее общество

называют по-разному. «Постиндустриализм» (Д. Белл), «информационное общество» (Д. Масуд), «техническое общество» (Э. Тоффлер), «общество знаний» (П. Дракер). Но никто не именует будущее ни капитализмом, ни социализмом.

Это значит, что в принципе России надо вырабатывать такую философию развития, в основе которой лежали бы идеи, позволяющие жить и развиваться в тех условиях, которые характерны для современного мира.

Первый вопрос, который должны были задать себе идеологи радикальных реформ, прежде чем начинать их: «Кто мы?», точнее — что представляли собой бывший СССР и Россия как его основная часть? Как и у всякого сложного вопроса, у этого тоже есть несколько ответов. На наш взгляд, общество и государство под названием «СССР» представляли собой (как в случае со Швецией, Данией и т. п.) ту крайность, которая могла быть названа как «реальным социализмом», так в равной степени и «государственным капитализмом», где государство было фактически единственным собственником, главным эксплуататором и капиталистом, присваивающим прибыль через партийное и государственное чиновничество, обеспечивавшее низкий, но терпимый уровень существования населения. Но это было, безусловно, высокоиндустриальное, высокообразованное общество с достаточно высокой производительностью труда, позволяющей ему по всем основным показателям занимать достойные места в числе передовых стран Европы и мира. Иначе говоря, у этого общества были все предпосылки для перехода на новый, более высокий уровень развития, но никак не назад. Происходящее ныне в России свидетельствует о том, что «капитализм» не создается сознательно, а формируется стихийно на основе идеологии либерализма в ее изначальном, классическом варианте. Естественно, что он обретает все черты капитализма раннего, «дикого». И то, что страна отброшена на десятилетия в прошлое, — величайшая беда. Самое страшное из всего происходящего — деиндустриализация, т. е. уничтожение промышленности, производства, высокотехнологичных отраслей промышленности России, создание которых потребовало сверхусилий народа, огромных жертв, в том числе миллионов человеческих жизней, фантастических средств. Теперь наша экономика лежит в руинах. Техника устарела физически и морально, разломана, разворована. Производство на грани остановки. И все же, как было показано в предыдущей главе, у России пока есть основания надеяться на возрождение, если будет остановлено хотя бы падение. Мы все-таки должны смотреть вперед, а не назад.

Несомненный факт: Россия стала свободной страной, *открытой системой*, для которой, как для всякой открытой системы, характерны исходная *неравновесность*, нестабильность, нелинейность и *не-*

обратимость развития. Это значит, что наше общество открыто для постоянных инноваций и «возмущений» как изнутри, так и со стороны, что в своем развитии Россия в поисках устойчивости будет двигаться не по «генеральной линии», а «рыскать» в социальном пространстве, как парусник в море, ищущий ветра в свои паруса. И значит, стабильность и равновесие в обществе всегда будут относительными и временными. Нестабильность — это то новое, что пришло в нашу жизнь, что так непривычно и тревожно для нас, привыкших к штилевому образу жизни. Но так теперь будет всегда. И новые поколения будут считать это естественным и нормальным. Мы должны учиться жить в условиях прогностики непредсказуемого, формировать культуру жизни в условиях непредсказуемости. Знания и творчество — вот единственное оружие, с помощью которого общество и человек могут выстоять перед неопределенностью завтрашнего дня, плюс характер, воля, здоровая психика, позволяющие выдержать стрессовые перепады, рождаемые постоянством перемен.

Будущее нельзя планировать, как это было прежде, о нем следует говорить в терминах самоорганизации с элементами регулирования со стороны государства при общем стремлении к определенным ценностям, совокупность которых и составляет «идеал» общественного развития.

На новом этапе развития Россия, на наш взгляд, не может конструировать социально-политическую систему с определенным названием, а должна двигаться в будущее на основе поиска оптимального соотношения прямых и обратных связей в системах власти, социального управления и экономике, организации и самоорганизации, управления из «центра и местного самоуправления, личных и общественных, коллективных и индивидуальных интересов и т. п. в зависимости от конкретных ситуаций и возможностей. Доминирующими признаются демократические социальные технологии (выборы, переговоры, референдумы, опросы общественного мнения и т. п.), принципы солидарного партнерства и солидарной ответственности.

Надо признать — об этом свидетельствует вся история человечества, что идеального общественного строя создать нельзя. Абсолютный общественный идеал — не в очередной утопии, призванной завершить и увенчать историю, а в бесконечности развития, в непрерывном совершенствовании человеческой природы и человеческих отношений. *Антиутопизм* — вот основа современной идеологии общественного развития, смысл которого заключается в достижении новых, более совершенных форм общественных отношений, более высокого духовного уровня и жизненных условий людей. Не следует понимать историю и прогресс как процесс, обусловленный исключительно законами развития и успехами экономики, материального производст-

ва, народных масс, и в равной мере — видение истории как произвольного творческого акта отдельных личностей, в котором народ выведен за скобки происходящего, используется лишь как средство, «пушечное мясо» или «материал реформ». Очевидно, что и в этом случае формула «или-или» неприемлема. Нужно искать оптимальный вариант. Истина заключена в подходе «и-и», лежит посередине. Антиутопизм — это мысль о практической невозможности построения «светлого будущего» по заранее начерченным схемам, как бы это будущее ни называлось — «коммунизм», «социализм», «рынок», «капитализм» и т. д.

Сторонникам идеи возврата назад к планово-централизованной, командно-административной системе (а таких немало) важно понимать, что возможности для этого просто нет. Не потому, что пятиться плохо, а идти вперед лучше. За 10 лет в экономике России уже произошли перемены, игнорировать которые, независимо от того, хороши они или плохи, может только авантюрист еще больший, чем тот, который взял на вооружение «шоковую терапию». Это значило бы подвергнуть общество новому «шоку», и снова без всякой терапии — через борьбу и войну, через кровь. Этого общество не выдержит. Попытка вернуться в прошлое — верный путь к гибели России.

Давайте перестанем крутить головой по сторонам и, прежде чем заглядывать за горизонт, посмотрим себе под ноги, на себя. Кто мы (Россия) сегодня? Уже не «социализм», еще не «капитализм». Уже есть (хоть и крайне слабый) частный сектор производства, но еще есть довольно сильное (в смысле владения собственностью, финансами и т. п.) государство. Уже есть (пусть «дикий») рынок, но при желании нетрудно наладить его государственное регулирование. Уже есть частная собственность и небольшой класс капиталистов, но основная часть собственности в руках государства. Уже есть новые формы и методы хозяйствования, но и старые еще живы. И так далее. Иначе говоря, налицо смешение различных типов общественного устройства, экономик, собственности, форм и методов управления ими. Россия сегодня — это уже смешанное общество. Такова реальность. Не будем сейчас рассуждать на тему, как переплетаются, взаимодействуют, как глубоко взаимопроникают названные разнородности. Важно, что они существуют, а общество пока выживает. Вопрос: а смогут ли выжить и развиваться параллельно друг с другом существующие формы жизни? И если (допустим) это так, то нельзя ли как бы «заморозить» это смешанное состояние и принять его за норму, за модель, которой и следовать на практике? Может, пора избавиться от мировоззрения, предполагающего прогресс лишь на путях противопоставления социализма и капитализма? Довольно думать, что «капитализм» — это только «хорошо» и «отлично», а социализм — это только «плохо»

и «очень плохо»? Кажется, за последние годы все мы получили возможность убедиться, что это не так, что не все плоды капитализма сладкие, и не все при социализме было горьким. Теперь поднимем голову и оглянемся по сторонам: может, где-то в других странах уже есть такое смешение форм и жанров, как в нынешней России?

Уже при первом взгляде мы обнаружим, что под воздействием научно-технической революции, и особенно электроники, информатики, робототехники, экономика и социальная сфера многих стран переживают радикальные перемены. Человечество вступает в новую, постиндустриальную стадию развития. Формы организации всех сфер общественной жизни также изменяются. В некоторых случаях частная собственность, например, становится тормозом (об этом говорилось на Конференции ООН в Рио-де-Жанейро), а «запретная зона» частного капитала требует мягкого регулирования со стороны государства и т. п. Мир переходит к смешанному обществу в его различных вариантах. Это значит, что происшедшее и продолжающееся в России смешение форм организации экономической жизни — норма, отвечающая мировым тенденциям. Это значит также, что реформы в этом направлении следует продолжать, но при этом вовсе не обязательно, как этого требуют либерал-радикалы, «гнать лошадей» (зная, что они несут в пропасть), а наоборот, необходимо поосадить «русскую тройку», взять вожжи в руки и начать править ею, вполне отдавая себе отчет в том, куда мы держим путь. Постиндустриальное смешанное общество — вот вектор движения России. На наш взгляд, это и есть ответ на вопрос: «Куда идти России?»

Смешанное общество — это социально ориентированная система политической и экономической демократии, которая ставит человека (индивида, личность) в центр общественного развития. Это — многосекторная экономика, в которой взаимодействуют, взаимопереплетаются и взаимно дополняют друг друга составляющие ее различные сектора и многообразные формы хозяйства. Это — переход одних форм хозяйствования в другие, возникновение и развитие промежуточных зон между различными хозяйственными секторами и формами. Это современные рыночные структуры, действие которых дополняется и корректируется формами и методами экономического регулирования. Это общество социального согласия, отлаженных систем социального партнерства и механизмов социальной защиты различных групп и слоев населения.

Можно сказать, что Россия начала продвижение в сторону смешанного общества, хоть и не лучшим образом. Перепрыгнуть в него одним большим скачком не удается. Этот процесс должен носить умеренно-ускоренный характер, и займет он не пять-десять лет, как обещают некоторые политические авантюристы, а десятилетия. Мы

будем двигаться медленней, но спокойней и уверенней, а в конечном счете эффективней.

Переход к смешанному обществу предполагает относительно длительное сосуществование различных видов собственности, их свободное и равноправное соревнование. Собственником человек должен становиться в результате предпринимательской деятельности (отсюда — курс на всемерное развитие малого и среднего бизнеса), а не в результате раздачи государственной собственности. Необходимо изменить формы и способы приватизации, которая возможна лишь в том случае, если 1) покупатель платит за государственную собственность цену, отвечающую ее реальной стоимости; 2) если он доказал, что может использовать ее с большим эффектом, чем государство. Приватизация, не дающая обществу экономического и социального эффекта, бессмысленна. Каждый факт такого рода должен расследоваться правоохранительными органами. Темпы приватизации не имеют самодовлеющего значения. Чем эффективнее она будет идти, тем больше заинтересованы в ней люди, трудовые коллективы, общество.

Думается, что формирование именно смешанного общества является наиболее предпочтительной альтернативой общественного развития России. Многовариантный характер смешанной экономики, разнообразие комбинаций государственных и общественных, коллективных и частных начал, соответствующих условиям отдельных стран, позволяют предположить возможность нахождения специфического варианта смешанной общественно-экономической системы, адекватного условиям и задачам современного этапа развития России. Движение по такому пути позволит, на наш взгляд, не только преодолеть нынешнюю кризисную ситуацию, но со временем и обеспечить гражданам России достойные условия жизни, вывести страну на соответствующее ее природному научно-техническому, промышленному, культурному и духовному потенциалу место в мировом сообществе.

7. Рациональная идея развития России

Итак, мы считаем, что выход из кризиса возможен; что при любом повороте политических событий реформы нельзя не продолжать; что любой режим и любая власть будут делать практически одно и то же (особенно в экономике), но разными способами и средствами; что Россия, будучи самодостаточной страной, используя опыт как Запада, так и Востока, должна рассчитывать только на себя и проводить политику саморазвития; что вектор ее социально-политического развития — не капитализм и не социализм, а «посткапитализм — постсоциализм», означающий единственно определенное — антиутопизм, т. е. отрицание развития общества по заранее созданным схемам.

Но какова основная рациональная идея, каковы основные опоры саморазвития? Ответ подсказывает вся логика отечественного и мирового опыта. Это — сохранение, накопление, концентрация, *мобилизация, развитие и эффективное использование всех существующих ресурсов страны* (природных, промышленных, экономических, управленческих, финансовых и т. д.), в том числе главного — человеческого. Так поступали все великие политики и полководцы, которые хотели выиграть, победить: мобилизовывали ресурсы.

Ключевой момент — в понимании соотношения социального, духовного и экономического факторов развития. Поиски такого соотношения — центральная проблема всей европейской мысли, особенно на протяжении трех последних веков. Последние полтора века прошли под знаком безусловного господства и в теории, и в практике экономического детерминизма, будь то буржуазно-либерального или коммунистического. Однако ныне эра экономического детерминизма если не закончилась, то объективно близка к своему завершению.

История показывает, что факторы прогресса все быстрее меняют свое значение и воздействие на исторический процесс в целом. Если прежде основную роль играли природные ресурсы, давая странам сравнительные преимущества в системе мирохозяйственных связей, то ныне на первый план выдвинулись институциональные условия и, что еще важнее, *уровень развития людских ресурсов* — знание, творчество, мастерство, умение в широком смысле слова. Уже в ближайшие десятилетия, когда перед миром вследствие общепланетарного кризиса встанет множество ранее неизвестных, но острейших проблем, роль знаний и творчества, без которых их не решить, неизмеримо возрастет. На переднем плане исторической сцены окажутся те страны, те народы, которые будут способны обеспечить более высокий уровень образованности, воспитанности и мастерства во всех его проявлениях, способности к поиску. И, если угодно, нравственности. А не те, как сейчас принято думать, которые добились более высокого уровня жизни или даже научились производить более совершенную электронику. Вот несколько исторических примеров, подтверждающих особое значение образования и воспитания.

Первый. В 1866 г. прусская армия разбила австрийцев. Когда фельдмаршал Мольтке докладывал королю Вильгельму о своей победе, Бисмарк произнес знаменитую фразу: «Это не прусские генералы победили австрийских, а прусский учитель победил австрийского». И старый канцлер был прав. За два века, которые прошли после окончания религиозных войн, в Пруссии утвердилась этика протестантизма и учитель-лютеранин создал современного немца, почитавшего за абсолютную необходимость быть упорным мастером во всем, чем он

занимается. В том числе и в военном деле. В прусско-австрийской войне учитель-протестант победил учителя-католика.

Второй пример. Мао Цзэдун победил Чан Кайши, и гоминьдановцы были выброшены на гористый остров без каких-либо богатств. Казалось, что судьба Гоминьдана была предрешена. Однако сегодня Тайвань принадлежит к числу государств, успешно вступающих в семейство постиндустриальных стран. Валовой национальный продукт маленького Тайваня составляет около четверти валового национального продукта громадного полуторамиллиардного Китая. Корень их успеха в том, что с самого начала своего правления Гоминьдан взял курс на образованность нации. Несмотря на нищету и убожество жизни, основные средства государства тратились на образование молодежи. Уже в середине 50-х годов по числу студентов на тысячу жителей Тайвань обогнал Великобританию.

Третий пример — Япония. Мировой банк, предпринявший всестороннее изучение опыта этой страны с целью его применимости в развивающихся странах, пришел к выводу, что быстрая трансформация ее аграрной экономики в промышленную стала возможна благодаря *инвестициям в человеческие ресурсы, в образование и воспитание молодежи,* что обеспечило их качественный рост и как следствие повышение технологических возможностей экономики. Страна настолько сильна и конкурентоспособна, насколько конкурентны ее людские ресурсы.

Четвертый пример — Китай с его методом реформ, о котором сейчас многие говорят как об упущенной Россией возможности. Да, важен политический фактор — роль компартии Китая, которая пока жестко и твердо держит ситуацию в своих руках. Да, огромная китайская диаспора за рубежом («хуа-цяо»), которая за последние пять лет инвестировала в китайскую экономику более 200 млрд долл. (для сравнения: прямые зарубежные инвестиции в российскую экономику за пять лет составили 3 млрд долл.). Но китайские реформаторы с полуторамиллиардным (в основном аграрным) населением никогда бы не имели успеха, если бы не великая гуманистическая традиция, в основе которой учение Конфуция (Кун-цза, 551–479 гг. до н. э.), ориентированное на воспитание новых поколений в духе почтения к предкам, хранения и воспроизводства таких генеральных принципов жизни, как культ обостренного чувства долга и порядочности, стремления жить по справедливости и добродетельно, постоянно самоусовершенствоваться, тщательно соблюдать принятые нормы и особенно ритуальный церемониал, дисциплинирующий человека, гарантирующий общество от потрясений, создающий в мире духовный комфорт и консервативную стабильность.

Двигаясь по рыночному пути, уже апробированному с успехом другими странами дальневосточной цивилизации с ее конфуцианским

фундаментом, континентальный Китай, как и его соседи, задействовал те стороны этой великой гуманистической традиции, которые формируют установку на самого человека, выполняя роль, отчасти сходную с ролью протестантизма в истории капиталистической Европы. Пуританский образ жизни, аскетизм в быту и колоссальные трудолюбие, умение ограничиваться малым при постоянном и нарастающем стремлении к большему, к максимуму (а это и есть проявление самоусовершенствования и соревновательности, заложенных конфуцианской экзаменационной системой), привычка вести дела честно и добропорядочно, быть надежным партнером, внутренне всегда ориентируясь на воспетые конфуцианством и вошедшие в плоть и кровь китайцев справедливость и добродетель, высокий моральный стандарт, — все это быстро проявилось в континентальном Китае, как до того в других странах конфуцианской цивилизации — от Японии до Сингапура, Южной Кореи, Тайваня, Гонконга.

Пятый пример — СССР. Вспомним: как же так случилось, что после самой страшной войны, которую знало человечество, после невероятной разрухи и миллионов потерянных жизней, за немыслимо короткий срок в десять послевоенных лет наша страна стала второй научно-технической державой мира? Причин тому много. Но одна и, может быть, самая главная причина послевоенного феномена очевидна — это русская система «Учитель». Она создавалась поколениями. Это и земские школы, и первоклассные университеты, и особенно широта инженерного образования. И еще: существование научных школ — явление почти неизвестное на Западе, когда совершенно по-особому совершается передача эстафеты знаний от учителя к ученику. А ученик может опереться на авторитет школы, к которой он принадлежит. Что бы там ни говорили, но роль образованности в развитии бывшего советского государства была невероятно высока. Наша беда в том, что нынешнее общество не ищет, не хочет искать и видеть в прошлом своей страны таких событий, явлений и личностей, которые могли бы служить вдохновляющим и поучительным примером для сегодняшнего дня. А таких примеров «русского пути», который пролегает параллельно путям других европейских стран, в русской истории можно найти не так уже и мало. Вечевые республики Новгорода и Пскова, традиции земских соборов, рыцарские подвиги Мстислава Удалого, прения Боярской думы, низовая демократия казаков на юге и поморов на севере, индивидуалистический аскетический подвиг анархистов Северной Фиваиды и дерзость «во Христе юродивых», мужественное противостояние произволу протопопа Аввакума и митрополита Филиппа (Колычева), староверов, русских католиков и других религиозных диссидентов, действительно либеральных интеллигентов от Радищева до Короленко — все эти примеры для сегодняшней России

сейчас поважнее заморских рецептов. Так стоит ли в очередной раз отказываться от собственного уникального опыта в тщетной надежде приобрести взамен нечто умопомрачительное и бесплодное? Как известно из мировой практики, главным гарантом демократии является не «исполнительная власть», а честь и достоинство граждан. И чем больше страна в качестве созидателей, пророков и героев будет помнить и почитать не самодуров на троне (в короне и без нее) или удачливых солдафонов, а борцов за свою (а значит, и других) свободу, право, человеческое достоинство и справедливость, тем быстрее воспрянет Россия.

Из века соревнования в области техники и технологий мы переходим в век соревнования идей и организационных структур. Если в обществе достаточно образованных и воспитанных людей, то любые новинки, любые ноу-хау достижимы для всех, за считанные месяцы они превращаются в рутину. В XXI в. впереди будут те страны, которые способны генерировать новые идеи. *Образованность и воспитанность народа России — ключ к ее будущему.*

Россия может иметь достойное будущее лишь на пути сохранения и развития образования и создания новых совершенных технологий. Всесторонняя образованность населения, воспитание достойных граждан и патриотов — главная опора нации.

В Евангелии от Матфея сказано о том, что бывают ситуации, когда надо продать одежды и купить печь. Перефразируем это утверждение: сегодня надо пожертвовать последней рубахой, но сохранить образованность и развивать воспитание. И такая жертва окупится сторицей уже в самое ближайшее время.

Итак, главный тезис стратегии развития России: *человек — ведущий, определяющий фактор всех социальных процессов и перемен*, в том числе экономической реформы. Все, что происходит в обществе, имеет человеческое происхождение, содержание и измерение. Реформы буксуют и валятся, потому что в них крайне мало человеческого начала: они антигуманны, в них слишком мал объем человеческой деятельности, слишком мала критическая масса людей, которые активно участвуют в политике и экономике. Сегодня едва ль не вся социальная человеческая материя сопротивляется переменам. Огромное в высшей степени сложное дело, каковым является происходящая глобальная перемена, пытается осуществить небольшая группа технократически ограниченных, идеологически зашоренных, нетерпимых к иному взгляду и иной мысли, порой просто невежественных людей.

Человеческое измерение истории и нынешних перемен означает, во-первых, что главным действующим лицом оздоровления и развития общества должен стать народ; во-вторых, исходным пунктом и основным критерием успеха перемен должны стать интересы, и прежде

всего экономические, основной массы людей, их социальное самочувствие. Должен происходить хотя бы небольшой, но заметный и постоянный рост уровня жизни, особенно обнищавшей и бедной части населения.

Это — принципиальный момент, кардинально меняющий всю прежнюю «стратегию» развития. По сути дела, это новая парадигма движения вперед, которая не просто ломает сложившуюся схему взглядов на будущее России, но потребует и определенной ломки того, что уже понаделано «реформаторами». Участвовать в экономических, политических, социально-культурных переменах должны люди, вполне сознающие, что и почему они делают. Это требует, во-первых, разработки *новой концепции реформ*; во-вторых, огромной пропагандистско-разъяснительной, образовательно-воспитательной работы, *опережающего перспективного развития новых поколений*, ибо только авантюристы могут обещать, что выведут страну из кризиса за несколько лет. На это, увы, уйдет жизнь поколений. И потому основной объект в реализации идеи опережающего перспективного развития — дети и молодежь.

Динамичные общества вынуждены обращаться к молодежи. Если они не делают этого, то революция и реформы вскоре захлебываются. Старшие поколения могут лишь составить проект будущего, замыслить социальную перемену, дать ей толчок. Времени их человеческой жизни, жизненного потенциала на большее не хватает. Молодежь лишь частично включена в существующие общественные отношения и структуры, у нее практически нет собственного прошлого, ее сознание более конфликтно, открыто переменам. Умные, дальновидные реформаторы не могут не видеть в молодежи обновляющую силу, оживляющий инновационный элемент, интеллектуальный, духовный и энергетический резерв, который выступает на передний план и вводится в действие, когда обществу надо произвести глубокую и быструю перемену и в то же время хорошо приспособиться к быстро меняющимся и качественно новым обстоятельствам. В этом состоит основная социальная функция молодежи в обществе.

Если говорить о «ближнем плане», о переломе в лучшую сторону нынешней ситуации, то объектом общественного внимания является *прежде всего* молодежь. Относясь к молодежи как скрытому, еще не проявившему себя ресурсу, мы должны понимать существо проблемы молодежи, которая присутствует в российском обществе в ряду с другими проблемами, но имеет приоритет перед ними с точки зрения именно стратегии развития.

Проблема молодежи в нынешнем российском обществе имеет три взаимосвязанных аспекта: 1) что общество может дать молодежи (накопление и развитие ресурса); 2) что молодежь может и должна дать

сегодня обществу (каково состояние ресурса); 3) как мобилизовать и использовать молодежь как ресурс для целей создания новой России.

Развитие молодежи как обновительного и оживляющего ресурса в нынешней России ведется крайне плохо. Более того, за последние годы этот ресурс значительно уменьшился и продолжает быстро сокращаться. Убедительные доказательства этому содержатся в изданной нами книге «Молодежь России: тенденции, перспективы» (1993).

Проблема молодежи выражается через совокупность отрицательных тенденций, и в частности в том, что:

— в России сложилась крайне неблагоприятная демографическая ситуация; в частности, быстрыми темпами сокращается количество молодых людей, общество стареет и, следовательно, падает роль молодежи как социального ресурса в целом;

— каждое новое поколение детей и молодежи менее здорово физически и психически, чем предыдущее, в результате чего во многом необратимо ухудшаются генофонд и интеллектуальный потенциал нации, о чем уже говорилось;

— падает экономический статус молодежи, большинство молодых людей не имеют возможности или не могут, или не хотят трудиться, особенно заниматься производительным трудом; в молодежной среде господствует мироощущение рантье, стремление к легким и «быстрым» деньгам любым путем;

— падает социальный статус молодежи, большинство которой живет на грани бедности и нищеты. Ухудшается доступ молодежи к образованию и культурным ценностям. Нарастает молодежная безработица. В среде молодежи увеличивается маргинальная прослойка, она выталкивается на периферию общественной жизни, ей заведомо отводится роль аутсайдера;

— молодежь переживает глубокий кризис ценностей, остро нуждается в новой социальной философии и идеологии, которая бы объяснила ей смысл происходящих перемен. Пока же молодежь, все более отчуждаясь от общества, пытается приспособиться к текущей ситуации главным образом материально, но не духовно;

— к нулевой отметке близится регулятивная роль нравственного идеала. В молодежной среде особо велики и нарастают агрессивность, экстремизм, алкоголизм, наркомания, преступность. Каждое новое поколение россиян криминальнее предыдущего. Установка на целенаправленную воспитательную работу со стороны государства и общества отсутствует.

Таким образом, России и ее народу, на наш взгляд, есть основания смотреть в будущее с оптимизмом, есть основа для веры и, стало быть, нужна ясная и понятная цель развития общества, нужна концепция жизнеутверждения, концепция воспитания созидателей новой жиз-

ни. Эта концепция, с одной стороны, должна быть ориентирована на далекую перспективу и в этом смысле ставить некие идеальные цели в воспитании идеальной личности в идеальных условиях; с другой стороны, она должна исключать соблазны самообмана, быть конкретно-исторической, в максимальной степени реалистической, нацеленной на решение воспитательных задач сегодняшнего дня, на достижение быстрых положительных результатов в плохих и пока ухудшающихся условиях.

Первейшая задача — положить конец духовному и нравственному кризису, охватившему прежде всего молодежь. Материальное в ее сознании выше всякой меры возвысилось над духовным, и отсюда исходит главная угроза всему, в том числе и самому материальному. Динамическое общество не может обойтись без одухотворения своих целей, замыслов, стремлений. Скрытые возможности молодежи должны быть направлены на благо общества, на служение новому общественному идеалу. Идея *добровольного служения* России должна войти в национальное сознание молодежи в качестве его высшего элемента. На данном этапе, когда речь идет о выживании и спасении России, приходится говорить о служении *самоотверженном*. Нынешняя молодежь в абсолютном большинстве не готова к этому, но ее надо воспитывать в этом духе, понимая, что в принципе дети и молодежь не прогрессивны, не консервативны по своей природе. Изначально они — только потенция, готовая к любому повороту событий. Молодежь внесет в жизнь общества такой по масштабу и характеру вклад, какую духовную потенцию — систему идей, ценностей, знаний и нравственных качеств — заложит в нее общество. Образование, обучение и воспитание — вот три главных направления в преодолении духовного, а в конечном счете и экономического кризиса России.

8. Основы интеграционной концепции реформирования России (общие подходы и некоторые меры)

1. Введение

Десять лет «перестройки» и «реформ» в стране шла и продолжает идти гигантская по масштабам и силе разрушительная работа.

Понятно, что коренная трансформация общества неизбежно сопровождается разрушительной работой и спадом уровня жизни. Политика требует выделения приоритетов. Но то, что мы наблюдаем уже долгие годы и что происходит поныне в России, далеко выходит за рамки всяких норм и здравого смысла. «Реформы» свелись практически к разрушению. Зацикленность реформаторов на вопросах экономики привела к параличу производства, разрушению промышленности — деиндустриализации. Россию сотрясают конфликты, дезинтег-

рационные процессы. Сепаратистские и националистические настроения регионов привели к войне в Чечне и угрожают целостности России. Пренебрежение к науке, образованию и воспитанию грозит стране деинтеллектуализацией, утратой духовно-нравственного потенциала науки. Депопуляция населения (превышение смертности над рождаемостью) ведет к быстрому сокращению населения России, уничтожению ее генофонда. Удар особой разрушительной силы был нанесен стране западно-гайдаровской «шоковой терапией». Итог: экономика оказалась в полной зависимости от ошибочной политики; распались связи между сферами социальной, духовной и культурной жизни. Разрушены связи внутри этих сфер. Резко ослабли отношения «центра» и регионов. Нарушены связи между коллективами и внутри них, резко ухудшились отношения между людьми, поколениями, в семьях. Распадается личность, рушится человек. Каждый начинает думать только о себе, видеть смысл жизни и успеха лишь в деньгах. По всем линиям жизни видны процессы дезинтеграции, диссоциации, деградации, ведущие к катастрофе.

Идеологи и организаторы «реформ» не хотят видеть масштаб негативных последствий своей деятельности, продолжают гнуть свою ошибочную и опасную линию, не желая слышать никого, кроме себя. Их оценки происходящего наивны и опасно оптимистичны. Способы выхода из кризиса они ищут не в отечественной мысли и российском опыте, а в «западных» моделях, в искусственном навязывании России способов и форм развития, которые использовались на ранних или средних этапах развития капитализма в других странах, тогда как наше общество давно прошло эти стадии.

Пришло время «собирать камни», собирать Россию, одухотворять и объединять общество, вдохновлять людей, укреплять государство ради созидания и строительной работы. России нужна концепция реформ, которые не сводились бы только к экономике, а рассматривали бы общество как сверхсложную систему, в которой все сферы сложно и тонко связаны, чрезвычайно взаимозависимы и неотрывны друг от друга. Сказать одним словом, нужна интеграционная концепция реформ. Историческая судьба России — в объединении ее народов и сотрудничестве с мировым сообществом. Сила России — в единстве.

2. Основные идеи концепции

А. Основополагающий вопрос, связанный с выработкой новой концепции реформирования России, состоит в четком понимании того, какое общество мы хотим построить. По нашему убеждению, американская модель либеральной капиталистической экономики, насильственно внедряемая в России в течение последних трех лет, перспектив не имеет. Попытка следовать этой модели в российских

условиях уже привела к формированию не североамериканского, а латиноамериканского типа экономики, всецело ориентированной на удовлетворение спроса ведущих капиталистических стран на природные ресурсы и дешевую рабочую силу, с галопирующей инфляцией, господством компрадорской буржуазии и проникновением мафии во все поры власти, поляризацией населения по доходам. Эти черты уже отчетливо проявились в России.

При выборе пути, по которому следует идти России, мы должны встать на позиции философского реализма, антиутопизма и оптимализма. Мы должны принять во внимание, что в XX столетии человечество завершило два глобальных эксперимента: коммунистический и капиталистический. На сотни лет ранее начавшийся и потому более умело приспосабливавшийся в ходе эволюции к изменяющейся общемировой ситуации, капитализм добился более наглядных результатов в производстве и потреблении, уровне и качестве жизни. Развал СССР и всей социалистической системы воспринят как победа капитализма в его почти вековом идеологическом, политическом и военном противостоянии социализму. Но это лишь внешняя видимость. Если это и победа, то пиррова. В действительности капитализм также исчерпал свой потенциал саморазвития и показал ошибочность основных принципов, лежащих в его основе: прогресс — это неограниченный рост; погоня за наибольшей прибылью — основной двигатель экономики; деньги и успех — главный стержень всей философии жизни общества и человека, основной критерий нравственности и т. п. В 1992 г. на Конференции ООН по экологии и развитию был достигнут небывалый консенсус 149 стран, в том числе всех развитых, согласно которому эти и другие принципы развития, на основе которых все эти страны строили свою жизнь, признали полностью исчерпавшими себя. Дальнейшее следование прежним путем грозит миру неизбежной катастрофой. С этого момента человечество должно определить, куда и как оно будет двигаться. В ситуации кризиса, в положении выбора (хотя в разной степени остроты) сегодня находится не только Россия, но и весь мир.

Глядя на вещи непредвзято, надо признать, что положительные стороны и достижения есть не только у капитализма, что они были и у социализма. Многое, но далеко не все из этого опыта капитализм был вынужден воспринять в ходе борьбы с социализмом за свое существование. Сегодня, когда Россия должна и еще может внести изменения в тот курс радикальных «реформ», который уже завел ее в джунгли раннего, «дикого» капитализма, надо осознать, что наше будущее — не в прямом возврате на старый путь, но и не в капитализме, каким нам его предлагают видеть оголтелые «западники». Россия уже не будет ни коммунистической, ни капиталистической, ни материа-

листической, ни идеалистической, ни полностью религиозной, ни атеистической, ни чисто индивидуалистической, ни чрезмерно коллективистской. Сегодня все страны мира учатся друг у друга, заимствуя знания, опыт, технологии, превосходят одна другую и тем самым становятся во многом похожими. Повсюду рождается смешанный тип общества, которое берет отовсюду из прошлого все лучшее, что составляет фундамент его нынешней жизни. Это не механическое заимствование, не сложение знаний и многих чужих опытов, а синтез, их творческое осмысление. В итоге все передовые нации и страны не только похожи друг на друга, но и своеобразны, сохраняют свой неповторимый облик. У этого будущего есть разные названия, которые даны выдающимися умами современности: «постиндустриальное» (Д. Белл), «технотронное» (3. Бжезинский), «сверхиндустриальное» (Э. Тоффлер), «общество знаний» (П. Дракер) и другие. Не будем отдавать предпочтение ни одному из них. Скажем просто: не социалистическое, не капиталистическое; послесоциалистическое, послекапиталистическое. Смешанное общество, которое развивается на основе российских традиций, а также ценностей, которые лежат в основе развития тех стран, которые показывают наилучшие результаты не только в экономике, но и во всех остальных сферах жизни. Это: 1) смешанные формы собственности; 2) многосекторная экономика; 3) рыночные, «мягко» регулируемые государством, отношения; 4) сильная социальная политика; 5) политическая и экономическая демократия; 6) гуманные отношения в обществе, между людьми, между обществом и человеком, который ставится в центр общественного развития, и т. п.; 7) политика согласия и социального партнерства, эффективных механизмов согласия защиты различных групп населения и т. п. По этому пути еще может и должна пойти Россия.

Б. Двигаясь в будущее, Россия должна следовать принципам «устойчивого развития», под которым понимается такое развитие, которое не разрушает сложившийся механизм функционирования общественных систем, а совершенствует эти механизмы, обеспечивая высокое качество жизни при равновесии общества, человека и биосферы, как для живущих, так и будущих поколений. Под «развитием» понимается процесс преобразования общественных и хозяйственных систем в сторону умножения возможностей, ресурсов, свобод и многообразия.

В. Россия — это единая гражданская (а не этническая русская) нация. Все живущие в России — россияне, как все граждане США — американцы, Франции — французы, Англии — англичане, а национальность каждый человек определяет сам. Из этого следует, что Россия — это единое жизненное пространство, граждане которого имеют общие и единые жизненные интересы и потому обязаны свято соблю-

дать и защищать их от всякого рода посягательств как внутри страны, так и извне.

Интеграционная концепция строится на представлении и признании того обстоятельства, что единое жизненное пространство России включает в себя совокупность взаимосвязанных пространств: экономического, политического, военного, правового, социального, культурного, образовательного, воспитательного и т. д., что позволяет через посредство законов и морально-нравственных норм устанавливать единые правила и рамки деятельности органов власти и социальных институтов, национальных и территориальных общностей всех уровней, а также поведения людей и единые формы социального контроля.

Россия — это своеобразный органический мир, идущий по самостоятельному историческому пути, исторически сложившееся объединение, тесная семья многих народностей и народов, национальностей и наций, на протяжении многих столетий сознающих свое единство, творящих общую культуру, спаянных воедино общностью этой культуры, общностью духовных устремлений, государственных и экономических интересов, общим историческим прошлым и единым устремлением на будущее.

Россия — это сложная уникальная единая нация. Такова истина, которая сегодня должна лежать в основе концепции реформ.

Г. Выход их кризиса и возвышение России возможны лишь в случае, если решение этой задачи будет осознано всем народом как Общее Дело, если этому Общему Делу будет сопутствовать Единый Духовный Порыв. Россия — вот наша Идея и Вера.

Д. Важным аспектом интеграционной модели России в национальной и региональной политике могла бы стать политика постепенной трансформации Российской Федерации в Евразийский союз. Уникальное государственное и геополитическое образование, каким является многонациональное российское общество, имеет глубокие исторические корни, и эту интеграционную основу целесообразно сохранить. Концепция интеграционного развития России является условием формирования системы безопасности народов, проживающих на обширном пространстве Европы и Азии.

Е. В настоящий момент реально существуют два способа борьбы за власть и два способа выхода из кризиса.

Первый: торможение революционных процессов (второй этап приватизации, передача земли в частную собственность, внешняя политика и торговля и т. п.) с целью уточнения целей, методов и форм реформирования России; кардинальное обновление, а при возможности — конституционная смена политического режима на новый, во всех отношениях более сильный, способный осуществить задачу тор-

можения и проведения нового курса реформ. В этом случае происходит как бы откат назад, но с закреплением принципиальных, базовых черт нового экономического строя («смешанное общество»), принятием новых законов, меняющих акценты экономической политики, но в целом юридически закрепляющих приемлемые для общества и народа перемены. Надо сделать все, чтобы не допустить дальнейших и новых разрушений, сохранить базу, с которой может начаться выход из кризиса. Это политически жесткий, но мирный путь, ориентированный на интеграцию общества, достижение согласия между основными политическими силами, консолидацию власти и общества во имя спасения нации.

Второй: выдвижение на передовой план лозунгов и практики остановки реформирования и пересмотра уже происшедших перемен в сфере экономики, новый передел собственности, разумеется, с захватом власти в руки тех сил, которые отстаивают такой подход. В этом случае меняется и политический режим, и экономический строй, т. е. происходит новая революция («контрреволюция») и, следовательно, объективно неизбежны дальнейшие и новые разрушения во всех сферах жизни общества. Это путь войны между бедными и богатыми, путь агрессивного национализма, путь гражданской войны, которая имеет только тот смысл, что даст беднякам эмоциональный разряд. Практического смысла эта война не имеет. Ибо в результате ее экономика и общество будут разрушены до основания. Россия утонет в море крови, развалится на части — погибнет. Нищета станет нормой для всех. Нами будут править голод и диктатор, приход которого в этом случае абсолютно неизбежен. Неизбежен взрыв сепаратизма: регионы и республики будут вынуждены спасаться поодиночке. Россия погибнет в раздорах, захлебнется в море крови.

Каждому из нас предстоит сделать выбор: за какой путь он стоит. Это определит судьбу России и судьбу каждого из нас.

3. Основные направления и меры интеграции российского общества по сферам его жизнедеятельности

Единое экономическое пространство означает существование единой денежной системы, налоговой системы, системы арбитража, единого внутреннего рынка капиталов, товаров, услуг, рабочей силы, а также права центральной государственной власти на различные формы регулирования внутреннего рынка на основе законов и в зависимости от необходимости, диктуемой национальными интересами.

На этапе формирования единого экономического пространства наиболее важными шагами, направленными на стабилизацию и интеграцию российского общества, являются:

— уточнение и изменение в общем курсе экономических реформ в соответствии с моделью смешанной социально ориентированной рыночной экономики;

— установление «мягкого», оптимального для данного этапа развития государственного регулирования экономики через систему цен, кредитов, ссуд и т. п. без вмешательства в конкретные дела промышленных, сельскохозяйственных и иных предприятий;

— выработка восстановительной стратегии развития производства в ключевых отраслях. Задачи на этом пути: 1) уберечь промышленность и сельское хозяйство от остановки, следствием чего явятся массовая безработица и неизбежный социальный взрыв; 2) получить приращение общественного богатства, без чего невозможен рост жизненного уровня различных слоев и групп населения. Именно это, а не создание рынка, приватизация самих по себе и т. п. является главной экономической задачей;

— принятие мер по накоплению капиталов, необходимых для инвестиций в экономику. В целях накопления капиталов предпринять чрезвычайные меры по их экономии и концентрации в стране на расходование в приоритетных направлениях по извлечению дополнительных доходов: 1) за счет земельной ренты; 2) сокращения объемов торговли сырьем и увеличений объемов торговли изготовленных из него первичных продуктов (бензин, мазут, масло и т. п.); 3) отказа от получения кредитов и продажи российских долгов; 4) возврата «чистых» денег из-за рубежа; 5) протекционизма отечественным производителям и банкам; 6) создание условий для иностранных инвестиций; 7) передача в эксплуатацию (концессия) иностранным компаниям некоторых госпредприятий, земельных участков, недр земли и т. п.;

— определение системы мер по налаживанию и быстрому развитию производства во всех отраслях;

— реализация мер по созданию внутреннего рынка с привлечением в него стран СНГ: а) зона единого рубля без таможенных границ; б) согласованные тарифы, квоты торговли и т. п.; в) единая зона взаимных льгот и взаимного благоприятствования типа ГАТТ;

— публичное обсуждение принципов и способов второго этапа приватизации госсобственности с оглашением цифры доходов от нее и статей последующих расходов;

— введение государственного контроля за ценами на товары повседневного спроса (хлеб, молоко, картофель и т. п.) и установление временной государственной дотации на эти товары;

— определение и поддержка государством приоритетных направлений в области новых технологий, фундаментальных и прикладных наук, развитие оборонного и аэродинамического комплекса;

— целевое поддерживающее финансирование фермерства и всех форм эффективно работающих коллективных хозяйств. Для всех иных установить поэтапный пятилетний период ежегодного сокращения масштаба преобразования убыточных в эффективные или ликвидации;

— выделение приоритетных участков науки и техники, в которых Россия может занять лидерство, и сосредоточение на них главных ресурсов;

— принятие мер по созданию наиболее благоприятных условий (кредиты, ссуды и т. п.) для развития отечественного малого и среднего (в частности, семейного, молодежного) бизнеса (включая фермерство), и прежде всего — в сфере производства;

— восстановление государственной монополии на производство и продажу спиртных напитков и табака;

— стимулирование промышленного экспорта или помощи специальных инструментов кредитования экспортных поставок, гарантирования экспортных кредитов, политической поддержки продвижения российских товаров на зарубежные рынки;

— осуществление политики разумной защиты внутреннего рынка от разрушительных проявлений иностранной конкуренции: демпинга со стороны иностранных компаний, ввоза недоброкачественной продукции, подавления перспективных точек роста внутреннего производства и др.;

— декриминализация хозяйственной деятельности, усиление государственной защиты прав собственности, соблюдение договорной дисциплины, повышение эффективности системы судебного разрешения хозяйственных споров, введение жесткой ответственности за соблюдение контрактных обязательств, погашение кредитов и т. д.;

— регулирование цен на продукцию естественных монополий и других высокомонополизированных производств с целью предотвращения инфляции издержек;

— повышение эффективности государственных расходов на народное хозяйство. Концентрация расходов на приоритетной поддержке высокотехнологичных отраслей, науки и образования, определяющих возможности будущего экономического развития. Активная политика технологической модернизации экономики, предусматривающая реконструкцию предприятий на основе ресурсосберегающих, экологически чистых и социально приемлемых технологий; стимулирование опережающего развития перспективных отраслей наукоемкой и обрабатывающей промышленности и сферы услуг, способных стать носителями экономического роста;

— проведение налоговой реформы с целью создания условий для подъема деловой активности: снижение налогового бремени на теку-

щую хозяйственную деятельность, освобождение от налогообложения доходов, направляемых на развитие производства, при относительном увеличении рентных платежей и других доходов бюджета неналогового характера.

Единое правовое пространство означает наличие системы общероссийского законодательства, имеющего безусловное верховенство над региональными законами, число которых за последнее время значительно возросло, а также правоохранительный механизм, гарантирующий реализацию законов.

На данном этапе наиболее важными шагами, направленными на упрочение единого правового пространства, на преодоление массовых нарушений правопорядка и правового нигилизма, являются следующие меры:

— принятие новой Конституции РФ;

— правовое обеспечение развития отечественного предпринимательства;

— обеспечение государством притока и эффективности зарубежных инвестиций в экономику России и создание для этого надежных юридических гарантий. Такие же гарантии нужны и фирмам, поставляющим в нашу страну жизненно важные предметы потребления — продукты питания, медикаменты, медицинское оборудование и т. п.; принятие необходимых мер, обеспечивающих вытеснение государственной бюрократии из сферы владения и распространения государственной собственностью;

— ускорение разработки и принятие общероссийского закона о политических партиях, а также закона об общественных организациях;

— усиление ответственности, в том числе уголовной, должностных лиц, наделенных государственно-властными полномочиями, за нарушение законности и причинение вреда государству, народному хозяйству, гражданам;

— принятие законов, ужесточающих борьбу с преступностью, коррупцией и мафией; не исключено временное введение чрезвычайных законов, предусматривающих оперативное применение самых строгих наказаний особо опасных преступников;

— осуществление судебной реформы, неуклонное повышение роли суда в глазах общества;

— восстановление системы правового воспитания и разъяснения законодательства населению, требование обязательной правовой подготовки должностных лиц.

Единое политическое пространство предполагает создание сильного федеративного государства при широкой децентрализации и значительной экономической самостоятельности субъектов Федерации. Проводится политика, с одной стороны, сохранения национально-

территориальных и территориальных структур (республик, краев, областей, округов), а с другой — укрупнение существующих краев и областей в российские земли, которые получат гораздо более широкие права, чем нынешние субъекты Федерации.

В качестве важнейших представляются следующие шаги:

— создание политических, правовых и морально-психологических предпосылок для формирования коалиционного правительства, способного принять и претворять интеграционную концепцию реформ;

— сокращение и удешевление госаппарата;

— разработка принципов и форм диалога власти с обществом;

— обеспечение реальной свободы СМИ.

Единое социальное пространство предполагает создание общих для России и ее регионов основ сильной социальной политики, объектом которой является все население, ставшее жертвой «шоковой терапии», а не только его «слабая» часть.

Стабилизация и интеграция отношений в социальной среде российского общества предполагают:

— государственное регулирование посредством налогов процесса чрезмерной имущественной дифференциации населения по доходам;

— индивидуализацию, максимальную спроецированность на человека социальной политики государства, придание ей той степени эффективности, когда она становится реально ощутимой каждым россиянином;

— укрепление социальной базы реформ путем усиления «среднего класса», созданного в дореформенный период, перенос центра тяжести поддержки реформ в процессе преобразований прежде всего на высококвалифицированную часть рабочих промышленности, аграрного сектора экономики, специалистов сферы управления, интеллигенцию и работников управления;

— создание системы высокой мотивации труда и образования для молодежи;

— принятие государственной программы охраны материнства и детства по образцу развитых стран, позволяющих остановить депопуляцию общества;

— проведение эффективной государственной молодежной политики под девизом «Молодежь должна жить в кредит!»;

— уменьшить дифференциацию в доходах различных групп населения, создать финансовый механизм перераспределения части доходов наиболее богатых слоев населения в пользу малообеспеченных групп;

— поддержать оптимальное соотношение между доходами активной части населения и нетрудоспособных граждан;

— обеспечить социальную защищенность пенсионеров, детей, инвалидов — всех нетрудоспособных граждан на уровне прожиточного

минимума, создать для нуждающихся систему социального обслуживания;

— вернуть людям украденные у них сбережения: и те, которые обесценились в Сбербанке, и те, которые исчезли вместе с авторами различных «пирамид» и финансовых афер;

— привлечение на сторону реформ военнослужащих, а также ныне потенциального «детонирующего» массового слоя офицеров-отставников;

— принятие государственной программы социальных гарантий в области здравоохранения, физической культуры и спорта, образования и фундаментальной науки по образцу лидирующих в этой области стран с учетом сложившейся у нас системы гарантий для населения;

— разработку и принятие комплекса политических и экономических мер и решений, позволяющих защитить русских в ближнем зарубежье.

Единое социально-культурное и образовательно-воспитательное пространство предполагает развитие и взаимопроникновение национальных культур и традиций, религий, своеобразия и самобытности различных этнических общностей, основываясь на последовательной реализации принципа национально-культурной автономии в исторически сложившихся национально-государственных образованиях, исходя из уважения к многообразию традиционных культурных ценностей и образа жизни. Огромная роль в решении этой задачи принадлежит средствам массовой информации.

В сфере духовно-нравственных отношений наступило время неотложного решения следующих узловых проблем:

— проведение государством политики духовного обновления, развития общества и человека в его индивидуальности на основе многовековой культуры народов России;

— обеспечение государственной, общественной, спонсорской поддержки деятелей литературы и искусства, работников культуры, ученых, преподавателей и учителей;

— приоритетное финансирование целевых программ по сохранению и приумножению национального богатства, каковыми являются и общероссийские, и поселковые объекты и учреждения культуры;

— проведение взвешенной государственной политики, способствующей стабилизации российских межконфессиональных отношений;

— формирование системы идеалов, норм и ценностей, позволяющих «спокойно» воспринимать историческое прошлое, вооружающих людей верой в лучшее будущее Отечества;

— утверждение в массовом сознании позитивных ориентаций на интеграционную модель реформируемого общества;

— демонополизация системы средств массовой информации;

— разработка Концепции воспитания жизнеспособных поколений россиян, направленной на формирование патриотически настроенных граждан России, активных предприимчивых людей чести, долга, служения Родине.

ОБ ИНЕРЦИИ СТРАХА

Среди нравственных пороков нашего общества, ставших далее нетерпимыми, мы называем прежде всего двоемыслие, двоедушие, ложь, приспособленчество. И еще страх. В том числе, в одном ряду с прочими. А ведь это неверно. Страх стоит выше многих пороков, ибо он их «отец». Именно страх прежде всего порождает ложь, заставляет думать только то, что дозволено, говорить не то, что думаешь, делать не то, что думаешь и говоришь. Количество страха в нашем обществе огромно: он глубоко сидит в сознании людей, с невероятной силой противостоит прогрессивным изменениям. Страх во всех своих многообразных проявлениях и формах тормозит перестройку вообще, но прежде — перестройку психологии и мышления. Не изжив из общественного и индивидуального сознания хотя бы часть страха, мы не двинемся вперед. Но успешно бороться можно лишь с тем явлением, которое познано, понято, лишь тогда, когда мы знаем, что это такое, откуда «это» взялось, каков внутренний механизм, каковы внешние условия существования и развития «этого».

Страх — одна из первых и главных эмоций человека. Заметим сразу: отрицательная эмоция, которая проявляется в ситуации реальной или воображаемой опасности. В сущности, страх — это форма существования инстинкта самосохранения, стремления всего живого оставаться живым из любви к жизни. Не боится тот, кто не любит жизнь, кто не хочет жить. Тогда воля к смерти преодолевает страх перед ней.

Но это — исключение. Нормально и естественно — испытывать страх перед смертью. Все живое следует этому закону. Тем более человек, сознающий жизнь как высшую ценность.

Но страх личной смерти еще не выражает вполне сущность страха. Мы также боимся потерять родных — мать, отца. Мы боимся потерять любимую, жену, мужа. Боимся, что у нас не родятся дети, а произведя их на свет, боимся их гибели, боимся утратить связь с детьми.

Словно подражая птицам и зверям, даже ценой своей жизни мать и отец готовы оборонять своих детей. Так инстинкт продолжения рода побеждает инстинкт самосохранения.

Человек полон особых страхов, которые есть едва ли не у каждого: страх темноты, страх высоты, страх водной глубины, страх оди-

ночества, страх большого пространства, страх перед массой людей и т. п.

А есть еще такие «парадоксальные» страхи, как страх перед жизнью, как страх свободы, а не только рабства, как страх не только «другого», но и самого себя, ибо порой не знаешь, что сотворишь в следующее мгновение.

Во всех этих страхах еще нет никакой беды, ибо пока мы говорим о человеке как биологическом существе, в котором страх порождает нервное напряжение, организующее, дисциплинирующее индивида, и тем самым защищающее его от опасностей, от физической гибели. Все это в сути своей спасительные страхи. Страх огня уберегает нас от попыток «прогуляться» по горящему лесу. Страх боли заставляет аккуратно обращаться с режущими и колющими предметами.

Биологические основы страха связаны с психикой и психологией человека как существа социального. Они порождают в нем чувство страха. Это чувство тоже может быть спасительным, поскольку заставляет человека самоограничиваться в своих желаниях и стремлениях, уберегает его от крайних решений и шагов, заставляет искать их оптимальные варианты, идти на компромиссы.

Человек боится начальника. Боится потерять работу, зарплату, доверие. Казалось бы, стоит ли бояться всего этого? Все это ценности относительные, а порой весьма сомнительные.

Стоит ли, скажем, бояться утраты доверия начальника-подлеца? Не уважаемого тобою «большинства»? А все же боится. Ибо отсюда исходит угроза страданий. А в условиях, когда (не так уж редко) коллектив был источником доносительства, отсюда исходила и опасность смерти.

Иначе говоря, будучи в сути своей эмоцией отрицательной, чувством негативным, страх имеет и положительные стороны, позитивное значение. И в этом смысле он необходим.

Все в этом мире оправданно, пока не нарушена мера. А там, за гранью, за чертой целесообразности и допустимости, страх начинает творить ужас, лишает человека чувства собственного достоинства, сминает личность, ставит ее на грань «или-или» (или жизнь — или смерть, или сытость — или голод и т. д.) и тем принижает, пришибает, а то и убивает в нем социальное, собственно и подлинно человеческое начало, выводя на первый план то, что свойственно ему прежде всего как животному, существу биологическому: главное, во-первых, выжить, сохранить свою особь, во-вторых, продолжить род, продолжить себя будущего в детях, ибо они единственно очевидная и несомненная ценность, в то время как другие ценности весьма относительны, сомнительны. Человек в плену великих, но все же инстинктов самосохранения и продолжения рода.

Страх делает человека покорным: податливым, управляемым. Это понято тысячи лет назад. Из страха перед неизвестностью, небытием родилась религия. Все деспоты и тираны всех времен правили народами с помощью страха. Примитивный, но надежный способ. Избежать соблазна, испробовать его полностью не удалось пока ни одному правителю. Тем более в странах, где народ малообразован и малокультурен. Ибо культура правления в концентрированном виде выражает культуру народа. Известно: каждый народ имеет то правительство, которого он достоин. Свободное сознание несовместимо с деспотизмом. Но и его нередко, как показала и наша история, побеждал страх.

Да, никто не рождается злодеем. Злодеями становятся. И порой очень быстро, уже в детстве. И есть в злодействе своя гениальность, хоть и сказано, что «гений и злодейство — вещи несовместные». Увы... Если Сталин и был в чем-то действительно гениален, так это, по моему мнению, в злодействе. Не по нечаянности, не от природы, а по сознанию, самовоспитанию, самообразованию — по умыслу. Совсем не случайно он изучал историю правления сильных царей (Ивана Грозного, Петра Великого) и с Гитлером, вероятно, заигрывал не случайно, видел в нем тоже «сильную» личность. Ибо не было у Сталина никаких иных способов (высший ум, особые знания, магнетизм общения и др.) захватить и удерживать власть, кроме силы и злодейства, в котором страх — это и цель, и средство, и результат одновременно. Сила рождает страх у бессильного, страх умножает эту силу.

Мы можем как угодно много говорить об экономических, социально-культурных и прочих предпосылках культа личности Сталина, но так и не поймем его никогда, если не возьмем во внимание субъективную сторону, если не разберемся в отрицательных психологических свойствах этой личности, о которых, убежден, совсем не случайно говорил в своем известном теперь письме Ленин: подозрительность, скрытность, мнительность, неуемное стремление к власти.

Думаю, это далеко не полный перечень. Есть еще немало таких моментов, о которых стоит поразмышлять.

Бывают, например, люди, обладающие зоркостью ко злу, необычной способностью видеть это зло во всех и всюду, отыскивать врагов даже среди друзей.

Таков, мне кажется, был Сталин. Он искал вокруг прежде всего отрицательное, негативное. Можно думать, что свою высшую миссию он усматривал в угадывании зла. Но если б он не ошибался так часто, если бы он хоть озаботил себя боязнью ошибки! Увы... Вышло так, что независимо от намерений (даже если предположить, что некоторые из них были позитивными) вся его деятельность стала утверждением этики ненависти и зла и отвержением этики любви и добра.

Положительные ценности были чужды Сталину, ибо могли привести к появлению рядом с ним способных и значительных политиков, позитивной системы духовных ценностей, которая принизила бы его «величие»...

От народа требовали ненависти. Его учили ненавидеть врага внешнего, врага внутреннего. И люди шли на демонстрации с лозунгами «Смерть!», «Расстрелять!»... Люди сами сеяли и взращивали страх и ненависть. И сами гибли от них с песней на устах: «...Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Какой невыносимый, какой нестерпимый парадокс открылся нам, сегодняшним! А тогда люди истово верили в то, что говорили и творили. Заблуждаться может не только один человек. Заблудиться может целый народ...

Вся политика Сталина строилась на противодействии, противопоставлении, а не на союзе и братстве, требовала от одного человека способности подозревать и ненавидеть другого, а не таланта любить его. Не случайно. Нетерпимость, ненависть — необходимый момент политики, основанной на принципе «Разделяй и властвуй».

Страх и ненависть сплачивают, причем быстрее, чем любовь и дружба, ибо обращены не к высшим, а к низшим свойствам человеческой души, учат неприятию, а не пониманию. Ненавидящий, нетерпимый человек ищет не причину того или иного случая, той или иной возникшей проблемы, а виновника. Нетерпимому сознанию нужен объект ненависти, на счет которого можно списать этот случай или проблему. И когда объект неприязни, ненависти вдруг исчезает, когда его нет, догматическое сознание ищет его, ищет упорно, всюду, куда проникает во всем, что попадает в поле его зрения. Мы потому так медленно развиваемся, что вот уже десятилетиями, раз за разом заняты вопросом «Кто виноват?», и уничтожением людей, которые способны были бы ответить на вопрос куда более значительный: «Что и (главное!) как делать?»

Чужой вкус, чужое мнение, чужой вид вызывают у большинства гораздо меньше, казалось бы, естественного любопытства, гораздо больше настороженности. Новая выставка, новый фильм, спектакль, новая мода, музыка, песни, новый танец — и нетерпимое мышление уже в «боевой стойке», готово к борьбе... И — «Если враг не сдается, его уничтожают». «Чужое? Значит, плохое». «Кто не с нами, тот против нас»... «Непонятно — значит неверно»...

Встречаются характеры, вся мысль и энергия которых направлена на то, чтобы свести все высшее к низшему: чувство — к инстинкту, любовь — к сексу, мотив действий — лишь к материальному интересу. Но никогда — к идеалу, вере, духовному зову.

Таков, мне кажется, был Сталин. Его ненависть к интеллигенции можно объяснить именно тем, что она является основным носителем

духовных начал жизни общества, творцом идеологии, науки и философии. А в качестве этого Творца хотел выступать он сам, и только он.

Не имея к тому выдающихся способностей, он обладал выдающимся желанием быть выдающейся личностью, методично и последовательно выкашивал вокруг не только все великое, но уничтожал даже семя, из которого это великое могло произрасти в будущем.

Он не терпел соперничества, ибо был не способен к конкуренции. Способ его возвеличивания был прост — уничтожение. И чем больше вокруг него все уничтожалось, принижалось и унижалось, тем более возвышалась его фигура.

Он любил монументы, высотные здания, грандиозные стройки. Говорят, это знаки эпохи. Лишь в том смысле, чтобы сказать, как много мог народ. А в остальном — это памятники вождю, это тоже способ подавления личности, нагнетания страха на малокультурную душу. С древних времен известно: дворцы и пирамиды строились, кроме всего прочего, и для того, чтобы рядом с ними люди могли почувствовать свою малость, ничтожность.

Вся сталинская политика была политикой на понижение в обществе духовности, творчества, инициативы, вся она, в конце концов, творила вокруг себя мертвечину. Застой лишь случился при Брежневе. Однако истоки его, как и сама неполитическая натура Брежнева, обреченного судьбой на роль главного политического деятеля огромной страны, коренятся в сталинизме.

Духовность, культура, нравственность всегда несли угрозу деспотизму. Поэтому деспот убивает их с помощью страха. И поскольку есть люди такого уровня духовности, которые идею, принцип, нравственный императив ставят выше собственной жизни и готовы заплатить за них высшей мерой, они и получали ее.

И начал действовать принцип: «Ест человек — ест проблем, нэт человек — нэт проблем»...

Стоит обратить внимание на тот факт, что Сталин, верный изобретенной им «теории» обострения классовой борьбы, никогда не говорил всерьез о морали и социальной справедливости. Ибо вся эта «теория» была источником разжигания в обществе подозрений, ненависти, зависти и вражды. Вся она служила тому, чтобы развязать ему руки и не стесняться в средствах борьбы за власть и личное возвеличивание.

Эта «теория» превращала диктатуру пролетариата в фикцию, зато утверждала диктатуру личности над пролетариатом; она уничтожала ведущую роль партии в обществе, но делала возможной ведущую роль одного человека в партии, который признавался вождем, стоящим над партией, как божество стоит над «схваткой», «по ту сторону добра и зла».

Изобличая других, Сталин гениально интриговал и мастерски лгал.

Трагизм больной психической установки Сталина нам еще предстоит изучить и осознать. Сталинизм — это уникальный социальный «эксперимент», когда в разговорах о демократии гибнет демократия; когда из «заботы» о человеке вытекает полнейшее презрение к живому человеку, реальной личности; когда из речей и песен о счастье в стране вырастает грандиозно развернутая и страшно организованная в своей четкости инквизиция со всеми ее средневековыми атрибутами: доносительством, тюрьмой, пыткой, казнью, густой пеленой тайны.

И всеобщего страха.

Говорят, что Сталина любили. Что ж, все зависит от того, что понимать под словом «любовь». Кошка «любит» мышь, играет ею перед тем, как сожрать. Палач «любит» свою жертву, свою работу. Раб «любит» своего господина за то, что бьет несильно. Странная любовь.

«Любовь» к Сталину — из разряда странных. Тайна этой странности в том, что она основана на страхе. Тайна же самого страха — в его «двувалент-ности»: при том что чувство это, как уже говорилось, негативное, унизительное, унижающее, губительное, в какой-то мере оно и спасительное, спасающее, а значит, таящее надежду.

Только этим и можно объяснить, что иные люди, зная Сталину истинную цену, ненавидя его, тем не менее, до последнего момента были тайно, необъяснимо для себя влекомы к нему, на «что-то» еще надеялись. Именно отсюда и берет свое начало эта странная «любовь» народа к Сталину.

«Любили» потому, что избавлял от необходимости заниматься таким мучительным занятием, как думать, и «думал» за всех.

«Любили» потому, что был скуп на слова, не знал сомнений, не просил, не убеждал, а внушал, проповедовал, требовал («необходимо», «следует», «должны», «надо»), редко являл свой лик народу, был скуп в движениях, многозначителен в молчании. Его портреты висели всюду, его имя было у всех на устах с утра и до ночи, его славили в песнях и кантатах. Что еще надо для божества?

«Любили» потому, что являл собой некий Абсолют, в который можно верить и веровать и как бы «знать», что же будет дальше, в будущем.

«Любили», не сознавая, что идол, авторитет, не владеющий Истиной, правдой, совестью, не может нести с собой ничего, кроме духовного рабства, построенного на страхе.

В результате обожествления Сталина даже любовь к Родине ставилась рядом с «любовью» к Сталину, хоть неравновеликость человека и народа столь же очевидна, как нерядоположность природы и червяка. И все же люди шли в бой и умирали «За Родину, за Сталина!»...

Не будем их осуждать. Но тем они возносили одного над миллионами, над собой, над Личностью, давали одному уверенность в своей «единственности», в правомерности и допустимости жизненной «философии» зла, которую этот человек исповедовал.

Конечно же, были личные убеждения, вера в идеал коммунизма; были яростная целеустремленность и неистовый энтузиазм в достижении этого идеала; была уверенность в конечной силе добра и справедливости; была всеспасающая во все времена великая троица — Вера, Надежда, Любовь. Все было в той жизни. Но надо всем и надо всеми довлел Страх: страх смерти, страх за свою судьбу, страх перед несчастьем родных и близких.

«Любили» Сталина и потому, что мучил, был строг, жесток, доставлял боль и страдания, к которым стремится человек незрелого нравственного сознания, человек темный, забитый. Русские мыслители уже давно подметили это странное свойство человеческой души.

В романе «Идиот» Достоевский устами Лебедева говорит: «Инстинкт саморазрушения, наряду с инстинктом самосохранения, живет в сердце человечества».

В рассказе Гоголя «Вий» Фома, чувствуя, что если посмотрит в глаза чудовищу, то тут же погибнет, все же не может избежать искушения и теряет рассудок.

Пушкин писал:

Все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
неизъяснимы наслажденья...

Самокопание, самоедство, самомучительство в натуре многих людей, русского народа, особенно, его интеллигенции.

И «тоска» по сильной личности, и ностальгия по «твердой руке», кроме всяких иных причин, отсюда — из странного желания человека освободиться от ответственности за решение сложных задач, от собственно человеческих функций, быть управляемым, руководимым, подчиняющимся.

Институт Страха, ГосУжас — основной психологический феномен, порожденный системой сталинизма.

Организованный по указанию Сталина «двойной пресс — и сверху, и снизу» был его дьявольским изобретением. Снизу — массовые собрания, митинги и демонстрации, массовая критика, воля «всегда правого» большинства, массовое доносительство. Сверху — массовые репрессии во исполнение «воли народа».

Воистину: «Никто, как русский, не спасал других, никто, как русский, сам себя не губит» (Е. Евтушенко).

Ничто не доказывалось, а лишь утверждалось, преувеличивалось, многократно повторялось, образуя механизм внушения массам тех

мифов, догм и стереотипов, которые «работали» за замысел Сталина и некоторых из его подручных. Они умело использовали законы массовой психологии. С помощью страха и подозрительности доводили простую антипатию до крайней ненависти, легкое желание — до неистовой страсти.

Эксплуатируя импульсивность, раздражительность, чувствительность общественного сознания вообще, а тем более «испуганного», они доводили людей до состояния массового гипноза, когда действия приобретают иррациональный характер, когда по законам психологической заразительности индивид может принести в жертву коллективным, общественным интересам не только свои личные интересы, но и свою жизнь...

Страх перед непостижимостью происходившего, страх за свою жизнь и жизнь своих близких в смеси с реальной жизнью со всеми ее атрибутами реальности (любовью, хождением на работу, стоянием в очередях, рождением детей, бытовыми заботами и т. п.) образовывали из этой жизни какую-то бесовщину, какую-то фантасмагорию, что-то похожее на то, что описал в своем романе «Мастер и Маргарита» А. Булгаков. Злодейская воля одного человека парализовала страхом волю целого народа...

Разве может быть доступным просвещенному разуму бессмысленное убийство лучших людей по воле одного человека? И разве не разумно даже для этого разума, чтобы не пустить пулю в лоб, не погибнуть физически, изобрести для себя какую-нибудь оправдательно спасительную философию жизни, скажем новую веру в непоколебимую мудрость, силу и волю земного небожителя, если ему доступно то, что недоступно самому господу богу? Тем многие и заканчивали, оговаривая себя на смертных пытках...

Страх рождал культ. Культ культивировал страх. Без страха нет культа. Но отсутствие культа не означает, что исчез страх. Страх живуч, он жив в каждом из нас и всюду: в сознании, подсознании, в бессознании. Не говоря о том, что, как все социальные ценности, и эта «ценность» наследуется нами и новыми поколениями по законам преемственности, хотим мы того или нет. И пока в обществе существует повышенная мера страха, в нем существуют психологические предпосылки культа личности.

«Человеческие души, любезный, очень живучи, — говорит Дракон в пьесе Шверца в споре с благородным рыцарем Ланцелотом. — Разрубишь тело пополам — человек околеет. А душу разорвешь — станет послушней и только»...

Вокруг полным-полно искалеченных душ. Безрукие души, безногие души, глухонемые души... Но главное — души искалечены духовно. В наших душах мало души. И пусть это покажется кому-то тавто-

логией, однако это так. Нам катастрофически не хватает способности (и потребности) к самоопределению, самосознанию, самосозиданию. Духовности не хватает.

Почему мы так плохо сознаем свое человеческое достоинство? Оно прибито, пришиблено в людях условиями нашего существования. И не столько материальными. Как бы там ни было, в общем они у кого-то терпимы, у кого-то улучшаются, у кого-то вполне хороши. Главное — наши души испуганы, запуганы. Страхом смерти, тюрьмы, наказания, который наследуется от поколения к поколению. Несвободой. А дух — это свобода, свобода — это дух.

Страх превращал человека в «винтик» огромной государственной машины, который в любой момент мог быть изъят из нее и заменен другим, абсолютно схожим «винтиком». Страх превращал личность в «чистую доску», на которой догматизированное общество через систему образования и воспитания «писало» то, что ему было угодно в тот или иной исторический момент. Но разве «винтики» уже исчезли? Те, что вынуты из механизма, тоскуют о возврате, а многие действующие желали бы стать «болтами»...

Страх мешал мыслить, обобщать, прогнозировать, творить новое, заставлял упрощать сложное, жить с оглядкой назад и по сторонам, приспосабливаться и приспосабливать. Страх мешал людям жить во всю полноту их мыслей и чувств, жить счастливо, развиваться и двигаться вперед. Что — сегодня все не так? Да, стали смелее, говорим много. И даже действуем. Но не от бесстрашия. А потому, что понимаем: мы на краю, иного пути нет.

Не только человек пребывает в страхе, но искусство, науки, имеющие дело с духом, тоже скукожились от страха. Напуганы и все еще на всякий случай «чего-то» боятся социология, философия, история, юриспруденция, проза, поэзия, драматургия, журналистика, живопись...

Если бы не отдельные, хоть и весьма редкие их представители — эти гении и гиганты непокоренного человеческого духа, — как стыдно было бы за науку, литературу, искусство...

Страх был источником роста бюрократизма, препятствием в борьбе с бюрократизацией. Страх взлелеял явление с иностранным названием «конформизм», которое в переводе на русский язык звучит не столь загадочно-парфюмерно, делает вполне ясной скрытую подлость этого слова — приспособленчество. Стародавнее чиновничье «Чего изволите-с?» в новые времена обрело новую форму выражения: «Есть такое дело!», «Будет сделано!», «Как скажете!»

Страх и сегодня советует: держи язык за зубами, не «высовывайся». Стремление действовать «в соответствии», подладиться под начальственное указание, боязнь поступить не так, «как надо», «неправильно» убивают инициативу снизу и сегодня.

«Молчи, скрывайся и таи и чувства и мечты свои» — так сформулировал мне недавно свое жизненное кредо один совсем не рядовой человек. А я-то знаю, что это две первые строчки из стихотворения Тютчева, и, стало быть, им много более сотни лет... Знакомый мой исповедует этот принцип всю жизнь. Преуспевал и прежде. А на этапе перестройки попер вверх такими семимильными скачками, что сам не поймет, в чем дело. А на мой взгляд, ответ прост: работает дарвинский закон «О происхождении видов путем естественного отбора или сохранении благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь». А я-то думаю, что если нынешняя социальная среда все еще позволяет людям такой «породы» не просто существовать, но и возвышаться, то значит, ничего существенного в этой среде пока не произошло.

Страх был и пока остается обычным явлением, моментом нашего существования, нашей привычкой, нашим образом жизни. Не случайно.

В разное время жизни нашего общества страх (или, наоборот, смелость) имел свои основания, свою «цену». В годы культа личности Сталина ценой неординарности, самостоятельности мыслей и действий, выходящих за установленные рамки догм или «железной» дисциплины были свобода или жизнь. Позднее и ближе к нашим дням эти же свойства личности влекли за собой обвинение в демагогии, очернительстве, инакомыслии. За этим тоже следовали санкции, хоть и не столь жесткие. Просто жизнь человека по всем линиям «вдруг» резко усложнялась, затруднялась...

Кто осмелится сказать, что сегодня вполне свободно мыслящий и свободно действующий человек, инициатор, новатор, предприниматель в безопасности? О полной безопасности — даже не говорю. Просто «в безопасности» только демагог. Ибо со всех сторон: и сбоку, и снизу, а то и сверху — все сильнее слышится: «Хватит, наговорились!», «Обогащаться? Не позволим!», «Новатор?», «Генератор?», «Видали мы таких!»

И волей большинства этак демократично — бац! по башке...

И письмецом — не анонимным, нет, с подписью, — чего бояться? демократия, гласность! имею право клеветать и доносить легально — во все инстанции! — шлеп его, борца за перестройку!..

И будьте уверены! — «там», в «инстанции», еще есть человеки, которым такая «информация» очень кстати. Другое дело, что они используют ее не так грубо, как встарь, а поизящней. Но еще и нынче, как вчера, рыцари бюрократической системы нуждаются в «прессе» снизу. Бюрократ и аноним (доноситель) нужны друг другу: доносители дают многим бюрократам работу и возможность реально «давить» на неугодных им людей; бюрократы позволяют многим доносителям бездельничать, удовлетворяя свои честолюбивые и прочие амбиции за

общественно-государственный счет. Хотя в сути оба — и доноситель и бюрократ — в этом качестве бесполезны и вредны для общества, ибо оба — имитаторы, заняты никому не нужной, контрпродуктивной деятельностью.

Анонимный страх перед опасными анонимами, деятельность которых поощрялась десятилетиями, был еще одним способом покорения сознания и душ миллионов, безотказным средством управления народом. Но какой же это жесткий, какой бесчеловечный прием! И как много лет — более полувека — понадобилось нам, чтобы отказаться от услуг анонимов. Но не от доносителей. В условиях демократизации они чувствуют себя как рыба в воде. Пока...

Многое, еще очень многое нам предстоит преодолеть до конца. Именно «до конца». Потому что полушаги, полумеры, полурешения мало что дают.

Мы уже пережили (хотя и далеко не до конца) страх перед всем «чужим», «не нашим», мы устали бояться «их» и пугать «ими» своих детей. Теперь говорим о едином и целостном мире, о приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми и т. п. Зовем не к ненависти и вражде, неизбежно умножающим страх и ведущим к войне, а к взаимопониманию, терпимости.

Мы, кажется, поняли, что «чужефобия» (железные занавесы и т. п.) ведет к замкнутости нашего общества, а значит, к задержке в экономическом, научном и техническом развитии. Куда уж дальше?

Но как велико еще наше нежелание осваивать и усваивать «чужое», даже если это «чужое» — хорошее, полезное...

И сегодня еще наше общество во многом состоит из интровертов, т. е. людей, которые нацелены только на себя, на свое; людей, страшащихся «других». Они и составляют оплот консерватизма, который тормозит прогресс.

А сколько в обществе людей, которые боятся всего нового? Быть может, их у нас еще больше, чем консерваторов. Сознанием этих людей владеет страх опасений, что новое потребует отказаться от милых их сердцу привычек, они органически не приемлют необходимость считаться с новыми условиями, со всеми, что выводит их из привычного равновесия.

Но от чего же берегутся эти люди, от чего обороняются, чего боятся? Жизни. Той самой жизни, которую не хотят потерять. Вот парадокс!..

Спросите их, зачем они борются с новым, и вы узнаете, что (на их взгляд) ими руководит вовсе не страх, а вполне резонные, вполне разумные, на их взгляд, причины.

На их взгляд — вот в чем дело. А не на самом деле. Ибо страх во многих отношениях не сознается человеком. А не сознается потому,

что он из его подсознания. Потому-то мы и не можем избавиться от него, не можем перестать бояться.

Конечно, новое — не всегда передовое, не всегда «хорошее». Речь не о том, чтобы петь гимны новому лишь потому, что оно новое, прославлять чужое из-за того, что не похоже на «наше». Речь о преодолении «новофобии», неоправданных опасений, перестраховок.

Есть люди, которые встретившись с новым, т. е. будучи поставлены в ситуацию выбора, замирают в нерешительности: что делать? Они боятся рисковать, принять решение, боятся ответственности, боятся сделать выбор. Наивные!.. Они его уже сделали. Пассивность — это тоже действие, но отрицательного значения.

Но встречаются и «новаторы», которых надо опасаться, ибо, по сути дела, это авантюристы, не озабоченные сохранением связи времен. Бояться косности — еще не значит восславлять разрушительство. Патологические интроверты ничем не лучше патологических экстравертов. В конце концов, надо понять, что движет как первыми, так и вторыми: это страх, делающий нас рабами то старого, то нового, то своего, то чужого, то внутреннего, то внешнего.

Ничто не проходит даром. Длительное и постоянное нервное напряжение человека неизбежно вызывает болезнь его психики.

И если сказанное верно для отдельного человека, то это справедливо и для целого народа, если этот народ десятилетиями боится то арестов, то доносов... И это совсем не важно, что лично их не испытало большинство. Это тот редкий случай, когда и чужой опыт учит.

Психопатология обыденной жизни нашего народа должна быть изучена особо. Но и безо всяких исследований правомерно думать, что наше общество — одно из самых невротических в мире. Ибо никто не жил так долго в атмосфере столь масштабного и столь сильного страха.

Говорят, что невроз — это естественное явление для любого сколько-нибудь развитого человека. Фрейд утверждал, что «невроз является данью, которую человек платит природе за свою одаренность».

30% населения нашей страны — олигофрены, т. е. подтверждены психическим заболеваниям в той или иной мере. На учете у психиатров 5,5 млн человек. Много это или мало? Не знаю. Статистики из других стран для сравнения у меня нет.

Особый объект исследований — наша интеллигенция. Ей было чего бояться. Она больше всех пострадала и больше всех напугана. Что творится сегодня с ее сознанием, мышлением, душой? Вот предмет, достойный особых исследований и беспокойства. Ибо это мозг нации, народа, общества. Больной, пораженный страхом мозг — что может быть страшнее?..

Мы привыкли говорить о репрессиях в смысле арестов, пыток и расстрелов людей. Сколько их, этих жертв, мы пока точно не знаем.

Однако почему мы не хотим понять, что репрессировать можно не только физические тела, но и души, умы, мышление, чувства людей? Страх нанес нашему народу невероятный по масштабам нравственный урон, невосполнимые интеллектуальные и духовные потери. Никто никогда не посчитает, сколько миллионов открытий не состоялось, сколько книг не сочинилось из-за трусливости нашего мышления, гонений то на кибернетику, то на генетику, то на бионику. Сколько Моцартов было убито и сколько Сальери торжествовало!..

Ведь каждый человек, каждое поколение имеет отведенное ему природой время для тех свершений, которые и называются жизнью. И человек должен именно прожить свою жизнь. Для этого он должен овладеть жизнью, то есть строить ее по внутреннему зову своей души, совести, своего собственного ума, а не по воле внешних обстоятельств. Это по силам только смелому, т. е. свободному человеку. Трус проживает не все отведенное на жизнь время, а только часть его, ибо слишком много хитрит, ловчит, обманывает и обманывается, а не действует созидательно. Трус — это имитатор, а имитатор — всегда трус.

Сколько их, не состоявшихся судеб, не полностью прожитых жизней?.. А сколько этих жизней было укорочено физически в результате тех психических заболеваний, которые принес с собой страх? Думаю, если их суммировать, неимоверно больше суммарной жизни тех, кто погиб в застенках и лагерях...

Нашему обществу, лихорадочно размышляющему о том, как выбраться из ошибочной исторической колеи, надо прежде всего укрепиться внутренне — душой, верой, избавиться от развративших его пороков. И прежде всего от страха, количество которого в нашем обществе ныне огромно и может увеличиться.

«Как так?! — скажут. — Ведь сегодня — демократизация, гласность. Кого и чего нам бояться?»

Будущего! Ибо прошлое нас не пугает. Оно может вызвать чувство стыда, вины. Прошлое не несет угрозы человеку. «Что будет?» — вот таинственный вопрос, вот неопределенность, которая таит опасность для общества и конкретно человека.

И будущее не вообще, через 30 или 50 лет, а день завтрашний, день, в который (ты, он, они — мы) еще будем живы. От вопроса «Что будет?» не спрячется никто.

Страх — загадочное явление. И самое загадочное в нем то, что он рождается там, где нет ясности, знания, где живет неизвестность, тайна. А неясного, неопределенного, неизвестного в нашей жизни сегодня полным-полно. Большинство наших представлений о том, как двигаться вперед, опрокинуто перестройкой, самой жизнью. Многие растеряны, ругают перестройку потому, что боятся ее. Чтобы помочь людям преодолеть это страх, надо дать им знание о будущем, они

должны увидеть и почувствовать, что в настоящем это будущее уже присутствует, что-то настоящее уже меняет в лучшую сторону.

Как ни глуши вопрос «Что будет?», он ворвется в твой ум. Но не пугаться, не впадать в истерику надо, не цепляться трусливо за прошлое, а встретить будущее, как подобает человеку — смело, мужественно, деятельно. Коль жизнь приходит, коль она неизбежно приносит тяготы, новые проблемы, заботы и страдания, то эти тяготы и страдания надо преодолеть. Вот и вся простая философия жизни, исполненная реализма, истинной силы и свободы человеческого духа. Совсем простая. Но как долго и мучительно идет к ней человек...

...Пусть трусы советуют, что жить надо не спеша, осторожно, с оглядкой по сторонам, ибо отовсюду человеку грозят опасности. Пусть!..

А все же музы славят смелых, и трусы поневоле поют песни и читают поэмы о них. А все ж история знает лишь тех, кто был отважен и дерзок умом и поступком. Пробуждающий и отрезвляющий удар смельчака правдой безоговорочно предпочтительней самой сладкой сказке лжи, союзничащей со страхом. И потому во все времена награждали за храбрость и отвагу. В трусости нет потребности. И когда человек ради высокой идеи, нравственного принципа бросается в рой жалящих насмешек, в пламя гнусных издевательств или встает под смертельную пулю, давайте гордиться им. Он преодолел страх смерти. И значит, он — Человек.

Май 1985 г.

О СОЦИАЛИЗМЕ ВБЛИЗИ И ИЗДАЛИ

На все происшедшее с социализмом надо смотреть со стороны с огромных высот истории и настоящей жизни. Изнутри ничего не понять и не объяснить: «лицом к лицу лица не увидать».

Невероятно многое мешает этому. Но главное — отсутствие достаточного количества светлых голов (о мыслителях не говорю) — все их скосили еще в тридцатых, а потом вытравливали на корню всякую свежую мысль, чтоб не взошла. Но главное — повальная ордоксальность, догматичность всех и вся без исключения политиков, «политологов», «философов», «экономистов». И желая быть новаторами, сказать по-новому, они то и дело оказываются консерваторами, гнут старое. Вместо свободы слова — «гласность». Вместо многопартийности — «социалистический плюрализм». Вместо конкуренции и рынка — «регулируемый рынок» и т. п. Благонамеренные, но все же ортодоксы. Но что может благонамеренный ортодокс? Переиначить ста-

рое на иной лад. Ибо знает только то, что знает. А знает марксизм-ленинизм и ничего иного. Отсюда и само понятие «перестройки», отсюда «обновление», «возрождение». Отсюда сам «новый» выбор — социализм, которого, как оказывается при беглом взгляде, нет и не было, а при серьезной задумчивости и быть не может. Ибо, хоть и рождены мы, как пелось несколько десятилетий, «чтоб сказку сделать былью», но это невозможно уже потому, что сам замысел этот тоже сказочный, а не реальный. Сказка потому и есть сказка, что не реальность. Социализм — утопия и потому не может стать «научным», а тем более «реальным», да еще «развитым».

Реальность — это жизнь общества и человека, которая имеет смысл, которого социализм лишает ее. Для социалистического сознания, сплошь забитого понятиями марксистско-ленинского учения, слова эти звучат абсурдно. Ведь утверждалось обратное: только социализм дает осмысленность человеческому бытию, дает перспективу, цель жизни. Вместе с ответом на вопрос «Зачем, ради чего живу?» — «Ради коммунизма! Ради счастья будущих поколений!» — человек (так мыслилось) обретал уверенность и социальный оптимизм. Увы, не обрел... Напротив. Как никогда прежде остро и мучительно встал уже совсем не философский вопрос о смысле жизни «вообще», а совершенно конкретный, понятный каждому обывателю вопрос о смысле уже прожитой им жизни — кем-то от начала до близкого *конца*, кем-то наполовину, кем-то пока малой частью, хотя может быть «малой» часть жизни, когда сама жизнь невероятно коротка?.. Фанатики социализма — люди, не способные взять в толк ни того, что случилось, ни того, что происходит и может произойти, прячут этот вопрос в глубь души. Более того, используют его как аргумент и средство в борьбе с высвобождением общества от коммунистических иллюзий. «Выходит, мы зря прожили жизнь?» — вопрошают они в гневе. — «Ну, нет!..» Рука их непроизвольно тянется к оружию.

Можно убить того, кто скажет: «Да, к сожалению, жизнь ваша прожита зазря», но невозможно убить сам вопрос о смысле твоей жизни. Он догонит тебя, найдет, достанет рано или поздно, хоть на смертном одре.

Не обойти его и в нашем разговоре, хотя бы краем коснуться, хотя бы нескольких сторон, а придется. Хотя бы в том его аспекте, из которого явствует: смысл жизни никак не в коммунизме и его «строительстве». Никто не сделал так много, чтобы сформулировать этот вывод так твердо и определенно, как сам социализм всем ходом претворения идеи и замысла в практику, в реальность. Воистину: практика — критерий истины.

Играя на психологии множества людей, особенно русских, которые по природе своей менее всего прагматики, а более всего мечтате-

ли, романтики, правдоискатели, страстотерпцы, а потому стремятся отогнать от себя подальше тоскливые думы о смысле повседневных забот, лишений и страданий в область будущего, подменить, заместить тяжелую и безрадостную действительность сладкими грезами о завтрашнем счастье, которое явится как чудо, посыплется как манна небесная в голой пустыне, коммунисты своей пропагандой усилили этот эмоциональный настрой народа, внушили миллионам людей нравственно-психологическую установку, согласно которой весь смысл жизни — в строительстве «светлого будущего», по сравнению с которым сегодняшний день для жизни просто не в счет. Жить надо ради завтрашнего дня, ради дальних поколений. Ради счастья всего человечества. И вышло так, что одна шестая земной суши стала фантастически огромной строительной площадкой, где прежде надобно было разрушить все старые сооружения, расчистить ее от хлама и сора, чтоб освободить пространство для претворения в практику великого строительного замысла; потом по проектам и чертежам, которые делались на ходу, строили «новый мир», который состоял из палаток и землянок, воспитывали «нового человека», который жил в этих временных сооружениях, терпел лишения, страдал и ждал.

Он ждал «светлого будущего», а оно не приходило. И не пришло. Зададимся другим вопросом: а должен ли человек, ищущий смысла в жизни, ждать, как долго он может ждать, может ли, имеет ли право проводить свою жизнь в ожидании?

Жизнь конкретного человека конечна, дни ее до ужаса коротки.

Авторы проектов социалистического строительства давали не раз обещания, называя едва ли не даты пришествия земного рая. Но всякий раз ошибались. И вместе с этим все призрачнее становилась надежда людей. И вместе с этим снижалась жизненная, творческая энергия людей, их желание работать на этот неведомый завтрашний день. Ибо они видели, что величие будущего оборачивается презрением к настоящему, забота о целом, общем (страна, человечество) строится на несчастье личности, отдельного человека. Ожидание теряло смысл, проведение дней и лет в состоянии ожидания действовало угнетающе, разлагало душу. Человек работал, как каменщик на стройке, зная лишь отведенное ему задание, имея лишь отведенный ему сектор горизонта. И чем больше камня громоздилось сверху, чем тяжелее сооружение, тем быстрее уходило оно в трясину. Ибо все строительство не имело серьезного духовного фундамента. Не хочет человек жить в «коммуналке», а хочет иметь свой дом, строить его по своему проекту, своими силами. Не хочет растворять свое «я» в безликом «мы». Не хочет тратить свою единственную жизнь на ожидание счастья, ибо и без подсказок великих мыслителей понимает, что должен быть счастлив, коль рожден, хочет быть сам творцом своего сча-

стья. Человек хочет дела, действия. Вместо этого ему предлагают исполнительство, революционное словопрение, собрания, митинги...

Старшие поколения уже свыклись с горькой мыслью, что лучшей доли им не видать. Молодые замечают, что их лучшие годы пролетают мимо и опять, как у отцов, зазря. Им тоже ожидать? Чего?.. Беда нашего общества заключается в том, что в бессмысленном томлении, под гнетом страха и лжи люди потеряли ясные представления о том, что есть добро, а что — зло, что такое хорошо, а что такое плохо. Мы уже не знаем, каким должен быть достойный человека образ жизни. Завтра будет довольно табаку, сахара, туалетной бумаги, подешевеют малость продукты, и мы снова впадем в состояние восторга от результатов нашей борьбы. Вот оно — счастье!..

Не от того ли так сильно «зашибал» всегда русский мужик, а потом и «строитель нового общества», что водка была дешевой? Не только от усталости, горя или радости. Прежде всего — от бессмыслицы жизни. Ощущение, что ты живешь в бессмысленном водовороте тебе неподвластных событий, что их поток несет тебя как щепку в океан небытия, куда уже уплыли миллиарды безымянных «я», а ты так не понял, ради чего ты страдал и мучился в нищете или богатстве среди тебе подобных никчемушних людей, — вот заноза в душе и уме, от которой все их гниение и разложение.

Социализм не упростил, а усложнил и затруднил поиск ответа на вопрос «Что мне делать? К чему стремиться? Какую цель жизни иметь?» Ибо уничтожил свободу, а с нею (прежде всего) свободу выбора жизненных путей. В песнях пелось, будто «все пути открыты молодым», но это была ложь. Открытым был один-единственный путь — «активно участвовать в строительстве коммунизма», знать одно-единственное мировоззрение — марксистско-ленинское, одну-единственную философию — марксистско-ленинскую... Как не выбирает человек своих отца и мать, Родину и место рождения, так не мог он выбирать своего образа мыслей, определять свои политические взгляды, исповедовать свою мораль. Родившись в Союзе Советских Социалистических Республик, он из всех способов организации общественной жизни мог выбрать только социализм, а из всех социализмов — самый лучший — советский. Человек жил не в социальном пространстве, а в социальной плоскости. Перед ним не было вариантов выбора своего движения в этом социализме — вверх-вниз, вправо-влево, а только вперед, по руслу, взятому в железо и бетон, — к победе коммунизма. Выбор в несущемся во весь опор табуне. Выбор газеты или ресторанного блюда в вагоне поезда. Цель общего движения тут не зависит от тебя совершенно. Ты скачешь со всеми или падаешь им под копыта. Ты заказываешь борщ или котлету, потому что другого вагона-ресторана нет, а поезд несется и кушать хочется.

Мы не учились, нас обучали; мы не трудились своей душой, нас воспитывали, формировали. Модель поведения была задана. Тут выбирай, не выбирай школу, техникум, институт — выберешь только специальность, профессию, но не жизненный путь, ибо везде и всюду тебя будут учить одному мировоззрению, одной идеологии. Тут выбирай, не выбирай город или деревню, завод, фабрику или колхоз, все равно выберешь занятие с мизерной (двадцаткой больше, двадцаткой меньше) зарплатой, при которой жить бедно и плохо или совсем плохо, но (за редчайшим исключением) никогда хорошо, богато...

Во всех случаях — иллюзия выбора, по сути, выбор без выбора.

И какой тут смысл вопрошать по поводу высшей, самой последней, все остальное в твоей жизни определяющей цели («ради чего»?)? Тебе не дано ничего изменить в твоей судьбе к лучшему решительно и заметно; а только в мелочах, означающих, что ты приспособился к среде и тебе позволено оставаться живым, существовать, действовать, не проявляя инициативы, не творя. И какой тут смысл заниматься мучительной работой самопознания, самооткрытия (кто я, что я среди других? к чему я призван, что должен делать в этом мире именно я, только я и никто другой? как найти свое место в жизни, состояться человеком? и т. п.), если, «открыв» себя, ты не имеешь возможности самореализоваться — жить по собственному замыслу? Сначала тебя сформируют, каким ты должен быть, потом используют. Во всех случаях (в школе, вузе, партийной, комсомольской организации и т. д.) ты, человек, цель лишь постольку, поскольку из тебя надо сотворить хорошее средство. Это более, чем эксплуатация на производстве. Это — духовное угнетение. Ибо дух — это самопознание, самоопределение, саморазвитие. Где нет простора для духовности, там бессмысленной становится сама постановка вопроса о смысле жизни, не говоря о самой жизни. Нарастание же бессмысленности существования в сознании людей ведет к их отуплению, ожесточению, рассогласованию в отношениях и действиях. Что и наблюдаем мы сегодня. Не только потому, что темны и порочны (злы, агрессивны и т. п.) от природы. Но потому, что сделались такими, несмотря на осуществленный план всеобщего среднего образования...

Социализм с его жестким мировоззрением материалистического детерминизма, фанатичной всеохватной идеологией, марксистско-ленинским учением, претендовавшим на единственно верную трактовку путей исторического развития, «спасения» всего человечества от ига капиталистической эксплуатации, породил у миллионов темных людей (пусть не звучит это уничижительно) уверенность в том, что коммунисты во главе с их вождями и в самом деле нашли ключи от затворов к человеческому счастью, ответ на извечно мучивший человека вопрос «Зачем живу?». Для тех, кто смотрел на социалистический

эксперимент со стороны, уже давно ясно, сколь безмерно преувеличивали Маркс и Энгельс, затем Ленин, его окружение и последователи этих трех классиков свои умственные силы, решив, что им дано управлять социальной стихией. Но мы-то только начинаем понимать ошибочность «открытых» ими «законов», абсурдность программ и нелепость планов такого способа спасения человечества. Только начинаем, не хотим признавать этого, поскольку семьдесят с лишним лет блуждали целыми народами в трех соснах, но далеко в стороне от столбовой дороги эволюции. Придется признать...

Вина вождей очевидна. А вина народа, так называемых народных масс? Разве не ясно, что сам народ виновен в своих страданиях не меньше, чем вожди? Оглядываясь назад, можно только диву даваться, что темные, забытые, невежественные, дикие и полудикие народы Азии, уверовав в своих вождей, решили вдруг учить и спасать Европу.

Июнь 1985 г.

О ПОЛОЖЕНИИ В ПАРТИИ

Мы боимся раскола, не только потому, что он означает конец единства, а потому, что это раскол партии, которая в сознании миллионов коммунистов обладает абсолютной ценностью. Беззаветная (бездумная) преданность партии — высшая добродетель для коммуниста. Отойти от партии хотя бы на словах или в намерениях, не говоря уж о деле, — величайший грех и тягчайший проступок.

Но должно ли быть так? Ведь партия — явление не божественное, а рукотворное. По сути дела, это абстракция, которая ощущается и сознается человеком через тех коммунистов, с которыми он состоит в одной организации. Среди них немало отъявленных мерзавцев, лодырей, бездарей, людей без веры и совести. И почему же раскол с ними должен быть крамолой?

Почему надо считать неестественным раскол в партии, если она лгала и лжет, если в ней поубавились, но далеко не исчезли взяточничество, коррупция? Плохо, если такая партия остается единой в условиях, когда она может очиститься от дерьма.

Партия поднята в нашем обществе на немыслимую и неестественную высоту. В сущности своей — это государство, организованное как партия, это партийное государство, называемое обществом. Это огромная и жесткая организационная структура, это учреждение с огромным аппаратом, которым и принадлежит вся реальная власть — политическая, экономическая, правовая, духовная.

Не потому ли мы фактически всю историю нашего общества рассматриваем через учебники истории партии, историю молодежи — через историю комсомола, продолжающей партию в молодежном «обществе»? Не потому ли так трудно говорить о какой-либо вине партии перед обществом? История партии мыслится как священная история. Полагается, что ошибаются отдельные руководители, вожди партии, но не партия. Партия не может ошибаться. И не только потому, что партия воплощает собой чаяния человечества, несет в себе и проповедует историческую правду, являет миру живой образ правды. А потому, что не может ошибаться народ, с которым партия едина, которые, по сути, мысли и дела одно и то же.

Конечно, обстановка в партии невероятно демократизировалась. Сегодня коммунисты могут коснуться вопросов не только внутрипартийных (хотя в основном споры кипят по этому поводу), но говорить о целях и функциях партии в обществе, что в прошлом было недопустимым и стоило тысячам и тысячам людей судеб и головы. Ибо говорить о коллективизации, индустриализации, кукурузации и т. п. значило говорить о «внешней» деятельности партии в обществе, которая в данный исторический момент была не столько деятельностью, сколько олицетворением самой партии, выражала смысл ее существования.

Теперь о перестройке во всех ее аспектах в партии идут жаркие споры, и никого не арестовывают и (пока) не исключают из партии. Может, это и есть предел возможного во внутрипартийной демократии, предел гласности? Ведь речь о тактике и стратегии. Куда больше и зачем?

А затем, что остаются другие неясные и спорные вопросы, от которых не уйти. Это вопросы о положении партии в обществе, о соотношении партии и общества, партии и советов, партии и государства, проблема «партия и Закон». Кто должен думать по этому поводу? Наши зарубежные оппоненты? Беспартийный народ? Но, может, все-таки и сами коммунисты, если они не отделяют себя от народа, если им действительно близки страдания и беды общества и его будущее, а не власть во имя власти, личные амбиции и личное благополучие?

И тут опять встает вопрос о единстве.

В недавнем прошлом возникшее противоречие решалось по примитивной схеме: сторонники «генеральной линии» продолжали олицетворять собой партию и нерушимость ее единства, другие становились изменниками священному делу и именовались то фракцией, то оппозицией, враждебной партией.

Теперь с творцами генеральных замыслов все ясно: их осуждают и клеймят. Все ясно и с бывшими сектантами, «сворами», «отщепенцами»: их реабилитируют и восславляют. А что же с теми, кто ко-

лебался вместе с «генеральной линией», т. е. с приспособленцами и равнодушными, людьми бездумными и двоедушными? То есть со всеми нами — коммунистами, очень старыми, просто старыми, пожилыми и молодыми, привыкшими щелкать каблуками и козырять, будто в армии?

Нас — коммунистов, партию — зовут к ответу за все свершенные ошибки. Призыв «Бей коммунистов!» я слышал не раз. Да, это крайние экстремисты, это люди, не способные и не желающие понять всю сложность человека и истории, времен прошлых и настоящих, люди, не стремящиеся к объяснению, пониманию, оправданию, согласию и спокойствию. Их немного, но и не единицы.

Но разве в том дело, кто и что говорит и думает о коммунистах? Куда важнее то, что думаем мы, коммунисты, о себе, о партии, ее прошлом, настоящем и будущем. Что думаем мы о том, как и кто теперь будет находить «истинный путь», согласимся ли с тем, что нам будут его опять «указывать», а потом уже от имени безвольных миллионов говорить: «партия считает», «партия указывает»? Словесный штамп этот в ходу, и кажется порой, что в стране вот опять появится Главный философ, Главный историк, Главный теоретик, Главный мыслитель, который будет объяснять нам устройство мироздания, оставляя нам лишь право веровать в «указания», «директивы», «решения» или шанс попасть в разряд «новоявленных теоретиков», т. е. в секту еретиков.

Заявлениями о том, что «партия вскрыла...», «партия осудила...», «партия начала перестройку», «партия обновляется» и т. п. вины и позора за прошлое не смыть. Сегодня ясно, что партия — не честь, не ум и не совесть нашей эпохи. И брать лишь на себя роль гаранта начатой перестройки не следует. Есть немало сомнений по этому поводу не только в народе, но и в самой партии. Ибо не может быть истина зависимой исключительно от власти, точнее, от одного человека или даже «коллективного руководства» числом в два-три десятка человек.

Все это уже было. Были и фарс, и трагедия. Мы наконец-то в положении выбора, и выбор (если это выбор) должен быть только свободным, только всенародным и законным.

Март 1987 г.

О «ЗЛЫХ» ВОПРОСАХ

Из прошлого, сквозь толщу десятилетий, сквозь мерную поступь твердых шагов «социализма-триумфатора», сквозь миллионноголосые звуки вдохновенного «Марша энтузиастов», к нам прорвались угрюмые песни советских политкаторжан, жуткие вопли пытаемых,

отчаянные, недоуменные крики расстреливаемых. Каждый день узнаем мы все новые и новые леденящие души истории, которые нормальный разум не только объяснить и понять, но и воспринимать отказывается.

Раны прошлого кровоточат в настоящее.

Мертвые тревожат живых.

История вступила в войну с теорией, действительность — в схватку с идеалом.

Во весь рост, неотвратимо встали вопросы о том, как назвать общество, в котором мы живем, куда и как двигаться дальше. Сказать одним словом — встал вопрос о том, что такое социализм, а не только та или иная его модель вообще. Встал вопрос о том, а представляет ли социализм ту историческую ценность, к которой надо стремиться; в состоянии ли классический марксизм-ленинизм ответить на непримиримый вызов времени.

Вчера еще было невозможно подумать, что мы просто зададимся такими «злыми» вопросами. Сегодня мы (сами между собой, а не с проклятыми буржуазными фальсификаторами, которые «тщатся доказать, что...») спорим об этом, с трудом, еле-еле, но все же движемся к истине.

Март 1987 г.

О ЕДИНСТВЕ МОНОЛИТА ИЛИ МНОГООБРАЗИЯ

Со всех сторон, изо всех уст несутся уже не крики, а стоны: «Довольно саморазоблачений!», «Хватит говорить о недостатках!», «Давайте работать, а не дискутировать!», «Дайте идеал и веру!», «Когда начнем говорить о «позитиве?»...

Да, жизнь наша разбалансирована, разуравновешена, развинчена предельно. Многие говорят, что демократизация уже перешагнула границы допустимого, а от гласности не то что ушные перепонки скоро лопнут — с ума сойти можно. Говорят, что страну поразил хаос.

Что же выходит: прежде был порядок? Если так, то это был порядок варварства, порядок мертвечины. И может, мы должны пройти некоторый этап хаоса, из которого народится порядок свободы и права?

Что мы «устали» уже на первых метрах восхождения к вершинам свободы и демократии — не удивительно. Ведь демократизация применительно к личности — это выход тоталитарного человека из многолетнего и глубочайшего духовного подполья, возвращение из страны Лжи и Страха, где он был «освобожден» от обязанностей самостоятельно думать и решать, в страну Свободы, где жить достойно

можно, надеясь только на себя, прежде всего и главным образом на свой ум, свои знания, свои способности, свою энергию, а не на партию, государство, профком, трудовой коллектив.

«Вдруг» оказалось, что огромному большинству людей такая трудная (от слова «труд», да еще умственный) жизнь не по плечу. Для множества совершенно нестерпимо сомнение, их душа жаждет слепой веры. Для множества недоступны последовательный и постоянный критицизм, постоянное и напряженное думанье. Большинству хотелось бы так: помитинговали, пошумели, поругались, посомневались, покритиковали, подумали маленько — и будет: «За работу!»

Вот даже с самого «верха» говорят: «Наступил второй этап перестройки: этап реальных дел». И слышится вздох радости и облегчения миллионов: «Наконец-то!»

И опять выходит, что слово, мысль, идея, творчество — это не «реальное» дело и не «дело» вообще. Что философия, литература, наука, искусство, журналистика — занятия бесполезные, ибо лишь увеличивают теоретические, политические и всякие другие общественные шатания, которые ради спокойствия и стабильности надо преодолеть. Каким путем? Обычным, привычным. Высокой идеологической и общественно-политической активностью. Резким повышением дисциплины и ответственности коммунистов. Единением партийных рядов, изгнанием из партии тех, кто не разделяет «наших» целей, т. е. тех, «кто не с нами». «Самое важное сейчас для партии, — утверждает Е. К. Лигачев, — это единство ее рядов» (АиФ. 1989. № 42. 21–27 октября. С. 3).

Итак, спасительная для преодоления беспорядков формула найдена. Старая, как мир, и новая, как сама неизвестность: единство.

О единстве «вообще»

Конечно же, единство «вообще» надо приветствовать. Ибо не может быть смыслом человечества разъединение людей — классовое, социальное, религиозное, политическое и всякое иное. Не могут быть смыслом жизни борьба, революции, войны. Не могут быть смыслом создания партии внутренние распри, социальная демагогия, дискуссии ради дискуссий. Организации создаются и существуют «ради» чего-то. Их смысл в конечном счете всегда (по крайней мере, в программах и заявлениях) определяется в понятиях «интерес», «счастье», «справедливость», «равенство», «братство», «дружба», «солидарность», «мир» и т. п.

Единство, организованность, интеграция необходимы. Как необходимы для их достижения общие цели, иерархия органов, централизм и централизация, управление, социальная дисциплина, пределы, налагаемые обществом на жизнь и волю отдельного человека. Не

может быть абсолютной свободы, безбрежной демократии, беспредельного деления общества на самопроизвольно возникающие объединения. Все имеет свою меру. Это закон. И чем крупнее, сложнее социальная система, тем он непреложней. Без единения общество и его организация просто распались бы.

Более того, если говорить о социализме и коммунистической партии, то их основной смысл вообще можно свести к интеграции общества, его классов и различных групп в некую целостность ради всеобщего блага. Ибо в слово «единение» («интеграция») можно «спрятать» даже такие высокие понятия, как равенство, братство, справедливость, поскольку можно думать, что именно на пути к единению и с его помощью должны быть преодолены несчастье, несправедливость, неравенство.

Главный лозунг коммунистов «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» многозначен. В нем скрыты не только идея преодоления национальных границ на классовой основе, количественного накопления сил и призыв к борьбе, но также стародавний идеал, мечта социалистов о преодолении классовых различий между людьми, о соединении народов мира в одну общую, дружную, братскую семью. Прекрасная мечта!

Но если б только мечта и идеал, только цель... Единство партии прежде всего и практически всегда было средством политической борьбы. Пожалуй, самый впечатляющий образ «единой» партии дал В. Маяковский — «лучший и талантливейший (по словам Сталина) поэт нашей эпохи»:

Партия — рука миллионопалая,
Сжатая в один громящий кулак!

Не что-нибудь иное, а именно партия — «громящий кулак» нужна была Сталину и его режиму власти. И это было как-то объяснимо, пока шла борьба за власть и массы с другими политическими партиями. Внутреннее идейное и организационное единство было одним из условий достижения внешних целей. Хотя каких «внешних»? Скажем, меньшевики были такими же социалистами, как и большевики, но по-иному видевшими пути, средства и методы осуществления социалистической идеи. Уничтожению подлежал не идейный, а политический оппонент.

Когда же политические противники были устранены, необходимость борьбы за единство партии стала выводиться из задач борьбы с международной буржуазией и строительства нового общества.

Для безусловного подчинения меньшинства партии и народа большинству партии и народа, а этого большинства — ничтожному меньшинству партийно-государственной верхушки и его, Сталина, личной воле. Для безоговорочного подчинения личных интересов — об-

щественным, индивидуальных — коллективным. Для создания жертвенного образа жизни: живем, трудимся и умираем не для себя — ради будущих поколений. Для формирования героического типа поведения масс — стахановцев, матросовцев, гастелловцев, гагановцев, т. е. людей, готовых отдать для общего блага все, если надо — то и жизнь.

Теперь мы знаем, что в конце концов под видом борьбы за единство партийных рядов, идейное и морально-политическое единство общества на самом деле шла примитивная, но смертельная борьба «верхушки» за власть, за установление деспотического режима.

Теперь мы знаем, что при Сталине «враги», оппозиции, фракции и партии просто придумывались и подлежали уничтожению. А это значит, что уничтожался уже не враждебный класс, а сам класс-гегемон, лучшие умы общества, наиболее творческие люди самой партии. И пограничной линией, за которой начинались ненависть и истребление людей, было отклонение от «генеральной линии», от «указаний вождя», от «общих целей и задач», от «уставных и программных установок» и т. п.

Теперь мы знаем, что объединяли партию и народ не только вера в идею коммунизма, первостроительство, не только фронтовые окопы, «чувство локтя», «чувство партийного и комсомольского товарищества», «чувство гражданина СССР», но также исправительно-трудовые лагеря, проработки «неправильно» мыслящих на партийных и комсомольских собраниях, многомиллионные митинги и демонстрации «в поддержку» изуверских решений неправедных судов. Что общество и партия были едиными во лжи и страхе, экстазе подчинения «лично товарищу» (Сталину, Хрущеву, Брежневу и им подобным вождям), в отказе от свободы и снятии личной ответственности.

Теперь мы знаем, что благородный призыв коммунистов к единению пролетариев, который изначально нес в себе идею свободы, равенства и братства, в конце концов лишился своего смысла. Осталась одна форма — единство, именуемое иначе тоталитаризмом, причем тоталитаризмом в его варварской форме, когда единение людей достигается физическим насилием, когда человек в результате этого насилия настолько утрачивает свою человеческую сущность, что его поведение можно описать только в терминах социальной психологии: «массовый психоз», «эффект толпы», «иррациональное поведение». Что единство лишь иногда было спасительным для общества, но практически всегда — губительным для личности, стало методом их самоунижения и самоуничтожения.

Теперь мы все это знаем, теперь мы сожалеем.

И снова грезим о единстве! Вот парадокс — мы снова говорим, что «главное для нас — единство»...

Мы сегодня очень много знаем. Только что толку, если из знаний этих не делаем выводов? Воистину: многознание уму не научает. Мы словно обезумели. Слова и лозунги потеряли для нас их собственный смысл, поделились, как и классы, на враждующие лагеря, на слова «наши» и «не наши».

«Индивидуализм», «частная собственность», «многопартийность» и т. п. — это страх божий и всеобщая погибель. «Обобществление», «коллективизм», «единство» и т. д. — это путь к земному раю. Без партии нет общества, без единства — нет партии.

Слово «единство» обрело в наших умах какой-то мистический смысл, магическое значение, стало словом-заклинанием, словом-спасителем, словом-мессией. Объединимся — спасемся. Кто объединен — тот уже спасен.

Какого единства мы хотим?

Говорят, что история повторяет себя дважды, вначале как фарс, потом — как трагедия. Красивый афоризм. Но точен ли он? Время необратимо. Выбор и выводы делают люди. От них зависит, повторят ли они в схожей исторической ситуации свои ошибки, или исправят свои заблуждения и глупость.

Фарс свершился. И первая трагедия социалистического фарисейства тоже. Но вот мы снова как бы в начале социалистической истории нашей страны: нас снова раздирают идейные и теоретические сомнения, шатания; снова фактически уже существует организационно-политический плюрализм; снова национальные распри; снова хозяйственная (хоть и в ином смысле) разруха, экономический хаос и т. п. Снова те же вопросы: «Что делать?», и более главный для темы нашего разговора — «Как делать?». Многим кажется, что часть ответа на второй вопрос ими найдена, и они кидают привычно: «К единству!»...

Для меня же этот призыв звучит призывом к всенародной трагедии. Ибо нет никаких серьезных свидетельств того, что призывающие к единству видят его как-то иначе, чем оно понималось прежде, что они ищут его новую сущность и новое содержание, новые формы и методы единения. Как и прежде, в единении видится способ преодоления существующих и нарастающих сомнений, разобщения, разброда и беспорядка, предупреждения возможного раскола партии и т. п. И все.

Но как привести сегодня к общему знаменателю, единому значению бесконечно разнообразные мысли народных депутатов? Ученых? Писателей? Журналистов? Двадцати миллионов коммунистов? Снова силой и страхом? Для кого, зачем нужен ныне двадцатимиллионопалый «громящий кулак»? Кого им громить? Ради чего? В чьих инте-

ресах? «В интересах народа», как говорилось раньше? Но кто и когда действительно знал эти интересы? Кто сказал, что народ снова заинтересован жить с кляпом во рту? «В интересах социализма»? Но что это вообще за понятие — «интересы социализма»? Какие интересы могут быть у абстракции, каковым является понятие «социализм», тем более совершенно неясное понятие «социализм» сегодня? Слово не может ничего «хотеть», «желать». Слово можно использовать в любых интересах — это другое дело. Но в чьих? И наконец, разве десятки миллионов коммунистов и комсомольцев — это не сам народ?

Границ между двадцатимиллионной партией и народом уже давно не существует. Именно в этом, количественном, а не социальном (по составу) значении КПСС и является «партией всего народа». Ибо границы между классами и группами общества уже давно и во многом стерлись, существуют больше в воображении, в теории.

Беда, одним словом, не в том, что кому-то хочется единства, а в том, что (как и прежде) хочется единства «полного», дисциплины — «железной», ответственности — «безусловной». Беда в том, что из сознания советского человека вытравлена какая-либо диалектика и единство мыслится не как единство противоположностей, единство многообразия, а как единство гранитного монолита, единство косной, мертвой и мертвящей массы.

И что уж совсем плохо, так это то, что в сознании нашем произошло, как говорят математики, переобозначение величин: «плюса» на «минус», а «минуса» на «плюс». Отрицательное стало называться и считаться положительным, а положительное — отрицательным. Если команды «сверху», на которых были построены общество, государство, партия, выполняются без споров и дискуссий, автоматически, то это «хорошо». Всякое сомнение «внизу» по поводу заданности «сверху» — это «плохо». Единство осталось без каких-либо противоположностей многообразия, стало мыслиться не как момент развития, а как состояние, которое необходимо постоянно и автоматически воспроизводить, поддерживать на «должном» уровне любыми средствами, даже физической силой.

Повторение истории в виде новой трагедии нашего общества, трагедии еще более масштабной и жестокой, на мой взгляд, вполне вероятно. Ибо за годы советской власти тоталитаризм свершился не над людьми, не сбоку от людей, а глубоко вжился в самих людей — в их сознание, мораль, чувства. Тоталитарное сознание человека — опустошенное и развращенное — никуда не исчезло от того, что мы признали Сталина деспотом, а общество — тоталитарным. В тоталитаризме своем мы только-только признались. Еще в 1983 г. в «Кратком политическом словаре» говорилось, что «понятие тоталитаризма использу-

ется антикоммунистической пропагандой с целью создать фальшивую картину социалистической демократии».

Никуда не могли деться за четыре года перестройки двойная мораль, двойное сознание. И если сегодня в нем пока верх держит нарождающийся демократический, свободный импульс, то это вовсе не значит, что уже погибла иная, противоположная система взглядов и потребностей — жажда веровать, готовность подчиняться, страсть исполнять, не думая. Иначе откуда бы взяться ностальгии по «твердой руке», «железной дисциплине»? Иначе почему бы, еще не научившись выговаривать слово «демократия», не разобравшись толком, что это за штука, мы уже свирепо требуем ее ограничения?

Живы догматизм, мифы и фарисейство. Живы догматики, мифотворцы и фарисеи. Захоложены, как личинки, дуновением ветерка свободы. Создастся благоприятная для них командная атмосфера — мгновенно оживут и будут удивляться тому, как могли они поддаться колдовским чарам демократизации...

Фарисеи — не пятая колонна в изменяющемся обществе, а все наше общество. Фарисеи — это мы, не способные осознать себя фарисеями, в чем и состоит секрет тоталитарно-догматического сознания, направленного не вовнутрь человека, а вовне, где якобы сосредоточились все его враги и несчастья, с которыми надо бороться, бороться, бороться... Бороться так много и яростно, чтобы не было времени оборотиться на себя, задуматься: «А может, мои несчастья во мне самом?» Оттого-то нам обидно, а не стыдно за все происшедшее, оттого-то мы задаем вопрос «Кто виноват?» и ищем врагов вокруг, хотя первые и главные враги нам — это по преимуществу мы сами. Трусливые. Готовые к построению в шеренги и колонны, к командам «Смирно!», «Шагом арш!»...

Повторение трагедии возможно, потому что в нашем сознании живет устаревшее, механическое представление об обществе, которое сложилось еще в конце XIX и на заре XX в. Когда миру еще были неведомы имя Норберта Винера и слово «кибернетика». Когда даже фантасты не задумывались о возможности создания искусственного интеллекта и не было слова «компьютер», научной дисциплины «информатика». Когда управление страной и людьми мыслилось в понятиях «подчинение», «принуждение», а общество понималось в виде некоего гигантского механизма, в котором энергия центрального «двигателя», «пружины» через систему трансмиссии и «шестеренок» передается вниз, к массам, определяя тем самым направленность и энергию движения каждой «нижестоящей» шестеренки вплоть до самой малой и последней — до человека.

Только при таком взгляде на общество могла родиться сталинская теория «приводных ремней», представление о человеке как о «винти-

ке» государственной машины. Только при таком понимании даже умные люди могли осознавать себя всего лишь «патроном, зажатым в обойме и ждущим удара бойка по капсулю, чтобы выстрелить» (писатель Бирюков).

Конечно, ныне число фанатиков в нашем обществе заметно поубавилось. Но они не исчезли совсем. Не особо убавилось и людей, полагающих, что есть простые способы решения сложных задач (миф о «ведущем звене», ухватившись за которое можно вытащить всю цепь), что «словом можно двигать горы», что «мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Что главное в руководстве — вовремя дать верный лозунг, а дальше все само собой покатится.

Короче говоря, возврат к старым формам и методам социальной интеграции общества, единения партии возможен, поскольку в массовом сознании живет давно устаревшее представление о политике и управлении как основных способах этой интеграции, где решающую роль играют воля, команда, подчинение, принуждение. То есть их самый грубый и несовершенный вид.

Если тезис «главное для нас сейчас — единство партии», если призыв «К единству!» будут приняты как действительно необходимые данному моменту, если их восприятие не осложнится никакими историческими ассоциациями, трудными сомнениями и размышлениями о том, в чем новая сущность единства, каковы новые формы и методы его достижения; т. е., если мы будем воспринимать революционный лозунг как прежде бездумно: «прочел — и действуй!», перестройка захлебнется. Захлебнется в криках боли, страданиях и крови.

Ибо невозможно совместить борьбу за единство, как «главное» дело дня, с либерализацией и демократизацией, как действительно главным делом перестройки, которая в сущности своей есть неуклонное нарастание свободы и многообразия всевозможных форм социальной жизни во всех ее сферах.

В сфере экономики — это возникновение различных форм собственности, развитие товарно-денежных, рыночных отношений, новых способов хозяйствования и т. п., которым единство может противопоставить всерьез лишь скомпрометировавший себя централизм (даже если он зовется демократическим, шарахается от определений «бюрократический», «крайний», «чрезмерный») и опостылевшую тотальную планификацию, даже если она надевает более современные одежды, именуется госзаказом или как-то иначе.

В сфере политики — это появление множества новых объединений и организаций, стремящихся стать самостоятельными субъектами политических отношений, которым единство противопоставляет сформулированную Сталиным теорию «передаточного ремня», делящую общество на две части: «активную», куда прежде всего входит одна и еди-

ная партия, а точнее, ее руководящий «верх» и аппарат, от которых через эти «ремни» пассивное большинство получает мудрость верхов.

В сфере идеологии — это уже реально существующий мировоззренческий и идеологический плюрализм, которому единство противопоставляет «единственно верное» и «подлинно научное» марксистско-ленинское мировоззрение, хотя оно, как известно, находится в глубоком кризисе...

Сказать одним словом, борьба за единство означает, что «открывающееся» для свободы общество будет все более «закрываться» для нее, но вновь открываться для лжи, доносов, клеветы — аморальности. Это значит, что мы закроем для себя неизвестное, непонятное и тем пугающее нас, но таящее надежду будущее, и откроем страшное прошлое, которому предстоит стать нашим трагическим настоящим и безнадежным будущим.

К новому пониманию единства

Если сегодня стало ясным, что «высокое и неуклонно растущее идейное и морально-политическое единство советского общества» — это миф и не более, если понятны причины, по которым этот миф, став элементом нашего сознания, уродовал людей и общество, то первое, что надобно сделать, — устранить причины и условия, в которых было возможно их действие. Второе (и самое главное) — прийти к новому, современному пониманию сущности социальной интеграции, единения общества и его организаций. Иначе хочешь — не хочешь, а поневоле повторишь известное и привычное.

Есть несколько моментов, без которых новое понимание социальной интеграции невозможно.

Первое и очевидное обстоятельство, которое пока не принимается политиками в расчет по вполне понятным причинам, — это то, что социальная интеграция существует и должна рассматриваться в диалектическом единстве с социальной дифференциацией, что отрыв интеграции от дифференциации в теории и на практике чреват теми же серьезными ошибками и тяжелыми последствиями, как отрыв цели от средства, причины от следствия, идеала от действительности и т. п.

Более того, в наше сознание должно войти понимание того, что дифференциация первее интеграции, ибо, представляя собой разделение общества, классов, групп, сфер жизни и т. п. на части, ступени, уровни, она вызывает тем самым и необходимость способов сохранения Целого. Дифференциация — основная сторона развития, основной момент эволюции общества от простого к сложному. Там, где нет дифференциации, расчленения целого, обособления частей, рождающих новые противоположности, там нет противоречия, там нет источника развития, там нет самого развития, прогресса.

Второй принципиальный момент, от которого зависит современное понимание единства, процесса социальной интеграции, — это взгляд на общество как на сложнейшую саморазвивающуюся кибернетическую систему, а не некий громадный социальный механизм. Кибернетический подход к пониманию общества все ставит с головы на ноги в буквальном смысле. Ибо в отличие от «механического» общества, которое строится сверху вниз, держится на вертикальных, прямых связях, кибернетическая самоуправляемая система строится преимущественно снизу вверх, от частей — к целому, на обратных связях.

Наше общество достигло той стадии развития (и застоя!), когда потенциал для его прогресса надо искать не столько в возможностях общества и государства как целого, сколько в их частях, подсистемах: в возможностях республик и регионов, а не в едином всесоюзном плане; не столько в политической системе вообще, а в деятельности ее звеньев; не только целого общества, но прежде всего человека, личности.

Самоуправляемое общество организуется так, что не «верхи» наделяют правами «низы», а наоборот — «низы» делегируют управляющим ими органам определенные полномочия. Иначе говоря, общество строится снизу вверх путем последовательных метасистемных переходов, при которых вновь возникший уровень управления не отменяет функций предыдущего уровня, а создает внутри себя новые, дополнительные функции, новые виды деятельности. Если же эти новые функции, новая деятельность неочевидны, то не нужен, следовательно, и данный орган управления.

Например, в Швеции всего 18 министерств, аппарат каждого из которых не превышает 100 человек. Аппарат этот так немногочислен потому, что министерства не занимаются оперативным руководством «низами». Но вовсе не потому, что это сами министерства так решили. Отнюдь. Просто всю полноту ответственности за текущие дела, а значит и необходимые для этого права, несут муниципальные органы. Они и решают (через рикстаг), какое руководство им необходимо.

Третий пункт — о социальном интеграторе, об основной объединяющей силе общества. Считается, что в нашем обществе таковым является КПСС. Согласно Конституции СССР партия — «ядро политической системы, государственных и общественных организаций». В 1918 г. Ленин писал: «Мы должны знать и помнить, что вся юридическая и практическая конституция Советской Республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу». Сказать проще: вся власть принадлежит партии (а значит, и вся ответственность за состояние дел в обществе!..).

Ныне авторитет партии столь низок, что выполнить роль духовного, идейного, нравственного интегратора всего общества она не мо-

жет. Более того, может, ей не следовало и не следует стремиться к этой роли? Ибо вчера и сегодня она осуществляла эту функцию, прежде всего волей и силой, управляла людьми через посредство, как правило, посредственных людей.

Между тем подлинным интегратором свободного общества должны быть не воля и сила, а закон и право. Партия сама обязана действовать в рамках закона. То есть занять подобающее ей в обществе место, признав верховенство государственной власти, законодательных органов. Партия должна быть подконтрольна. И не создаваемым ею органам КПК, которые составляют с ней единую систему, и, стало быть, всегда найдут общий язык в случае злоупотреблений, а именно Закону.

Закону и общественному мнению, которое формирует не партия с помощью управляемой ею печатью, а именно свободная печать, свободная наука, свободные литература и искусство, которые находятся в особом, независимом положении к исполнительным и судебным органам государства и партии. Партия при этом может иметь свою собственную печать. Но не могут быть «партийными» пресса, литература и искусство в действительно свободном, плюралистическом обществе.

Работники духовной сферы не обязаны никого контролировать, они никем не руководят. У них один бог — истина, правда, которым они и служат. Они ищут правду, сообщают о правде, ради правды живут, за правду страдают, а то и умирают. И тем самым они — контролеры, они — руководители, они поощряют и «карают» словом правды. И тем очищают общество от лжи, страха, злоупотреблений. И тем возвышают и сплачивают его — борьбой со злом за добро, честь и справедливость.

Одним словом, в духовной, политической и нравственной сферах интеграторами являются право и его учреждения, исполнительная власть и независимые, свободные пресса, наука, литература и искусство.

Не менее важно найти социальные интеграторы и в сфере экономики. Это, конечно же, не план, ибо он — явление искусственное. Действительными, естественными интеграторами общества могли бы стать частная собственность, товарно-денежные отношения, рынок, управление инвестиционной и финансовой политикой.

Иначе говоря, действительное единение общества происходит не с помощью «громящего кулака», а через оптимально и разумно организованные общественные отношения и механизмы, через сознание людей. Сплочение организации, единение общества происходит не сверху, а снизу, не снаружи, а изнутри, не от общего к частному, а от частного к общему. В этом случае общество предстает как «цветок», вырастающий прежде всего из Человека, из Личности.

Если мы хотим, чтобы общество наше расцвело, заплодоносило, мы должны не вновь сжимать, а разжать партию — превратить «кулак» из «громящего» оружия в свободно работающую пятипалую руку, у которой, как помнится, более 100 степеней свободы.

Подлинное единство — это явление духовной культуры, но никак не воли, физической силы, дисциплинирования. Только единство, основанное на понимании, солидарности, согласии и духовной культуре, ведет к выработке новых форм отношений между различными частями общества и людьми, общественными организациями, государственными учреждениями, духовной сферы и экономики. Только такая интеграция имеет шанс на продолжение и историческую эволюцию, бесконечность. «Силовой» тип интеграции неизбежно вырождается в «борьбу» за единство, в видимость единства, а в конце концов — в национальную трагедию.

Только с позиций общей и духовной культуры нашего общества в целом и каждой из республик страны надо рассматривать и вопрос о многопартийности, который надо дискутировать, ибо он давно вызрел. Будущее социализма, как свободного общества, подразумевает организационный плюрализм политической системы, партий, молодежных и других общественных организаций. Но сегодня-то речь идет о конкретной исторической ситуации, когда введение многопартийности означает как минимум разделение власти.

Применительно к СССР в целом идея многопартийности мне кажется во многом бесплодной изначально. Причина? Огромная разнокультурность нашей страны, и прежде всего ее республик. Именно уровень культуры или иного народа определяют его способность породить и, породив, сохранить многопартийную систему. Наше общество, в котором еще не прижилась идея политических свобод, народ, у которого еще нет развитой способности к свободе, не выдержит многопартийности.

Вот почему сегодня нет и не может быть единого и универсального решения этого вопроса для всех республик, кроме права каждой из них решать эту проблему так, как хочет ее народ. В каждой из республик он решится в зависимости от того, насколько вызрела и действительно остра, а не надуманна эта проблема.

Без особого труда можно представить многопартийную систему в маленькой Эстонии. И трудно поверить, что многопартийность нужна и будет эффективна ныне в Узбекистане или Казахстане. Подчеркиваю: ныне и на данном уровне развития культуры этих республик. Не случайно, видимо, то, что построение социализма в условиях однопартийной системы более всего пока подходило слаборазвитым странам.

В то же время США, начав с однопартийной системы, вскоре стали двух-, а затем и многопартийным обществом, при том что Дж. Ва-

шингтон предостерегал народ от партий, от «пагубного воздействия партийного духа вообще».

Мне кажется, что в нынешних условиях, на данном уровне культуры народа, многопартийность не принесет нам ничего хорошего. Общество элементарно и примитивно переругается, передерется в борьбе за групповые, национальные, территориальные интересы, а партии погрязнут в борьбе за голоса избирателей, им станет важно не то, кто и за что голосует, а сколько избирателей голосует именно за них. Интересы народа и групп будут ими забыты. Выше всего станет партийный и своекорыстный, личный интерес политиков.

К чему борьба непременно за «новые» партии, если это борьба, почти на сто процентов грозящая перейти в вооруженную войну? Ибо надо быть безнадежно наивным человеком, чтобы думать, будто КПСС с ее всепроникаю-щей структурой, огромным аппаратом и всевозможным опытом борьбы и властвования, несмотря на ошибки в прошлом и неудачи в настоящем, «вдруг» добровольно отдаст власть. Кроме множества разных и понятных причин, по которым этого не произойдет, это не может случиться опять-таки и в силу нехватки культуры. Культуры общедемократической, политической, культуры диалога, культуры компромисса, культуры терпимости. Ни Венгрия, ни Польша нам тут примером быть не могут.

Если думать о народе, о сохранении хотя бы относительного спокойствия в стране, то реально возможным надо признать только путь постепенной реформации и наращивания плюрализма внутри партии, постепенной трансформации общественного сознания коммунистов и граждан в сторону увеличения его свободы, демократизации, гуманизации.

Единая политическая партия (КПСС) в условиях демократизации неизбежно должна дифференцироваться внутри себя, т. е. поделиться и состоять из различных течений, групп, фракций. Закрыть эту возможность — значит, закрыть развитие партии, ее действительную перестройку. Кстати говоря, сделать бессмысленным и разговор о единении рядов.

Выигрыш от такой установки (при ответственной разумной позиции оппонентов) может быть поистине огромным. Ибо он переводит политическую борьбу из плоскости борьбы прежде всего за власть в русло борьбы прежде всего за идеи, концепции, платформы переустройства общества, т. е. поиска истины, а не победы над оппонентом, победы любой ценой. Кроме того, это была бы борьба главным образом внутри партии, а не внутри всего общества. Это служило бы в основном идее содружества, согласия, эволюции, а не неизбежного конфликта.

И последний момент. Могучим интегратором, объединителем людей всегда служила высшая, над всеми частными идеями и интереса-

ми стоящая Идея и Цель. Какая идея может быть сегодня таковой для нашего общества?

Идея коммунизма и коммунизм как цель сегодня не могут выполнить этой роли. Слово «коммунизм» уже давно исчезло из обыденного словаря, из обыденной, повседневной жизни народа. Не потому, что слово «обветшало как платье». Люди не верят в сам коммунизм, в идею коммунизма. Этот термин остался для пользования на съездах, конференциях, собраниях, для докладов и лекций, в лексике благонамеренных ортодоксов, фарисеев. Сегодня его редко услышишь из уст даже партийных и комсомольских работников, хотя партия — коммунистическая, союз молодежи — коммунистический.

Сегодня подавляющее большинство общества уже многие годы объединяет идея перестройки и ее главная цель: демократизация — интеллектуальная, идеологическая, политическая, экономическая, производственная. По данным социологического опроса 2566 человек в 11 регионах России, 74% опрошенных с разными оговорками, но одобряют перестройку, происходящие в обществе перемены.

Однако (при том что перестройка — процесс длительный) может ли перестройка быть общей Идеей и высшей Целью жизни общества и человека? Перестройка, как ни крути, всего лишь момент истории, явление политическое, цели которого постоянно изменяются. И это естественно: перестройка — это революция, перерыв постепенности, это опять разрушительство. А жизнь, общество, человек жаждут стабильности, равновесия, творчества, созидания. Перестройка, как и любая революция, борьба, лишь обещают их, но дать не могут.

Перестройка-революция рано или поздно (лучше бы «рано») должна войти во всемирный поток эволюции и созидания, из которого наше общество давно и во многом выбилось, чтобы с гораздо большей эффективностью и пользой для человечества использовать творческий потенциал 300 миллионов людей более 100 наций и народностей, одну шестую часть земной суши и огромные водные пространства, принадлежащие нашему государству лишь в политическом и юридическом смыслах. С нравственной точки зрения они принадлежат всему человечеству.

Иначе говоря, слово «перестройка» надо сделать более содержательным. И не только с товарно-денежной, колбасно-молочной, т. е. материальной, экономической стороны. Это, конечно же, чрезвычайно важно. Можно даже сказать — первостепенно. Но только до той поры, пока заполняются продуктами и товарами пустые полки и витрины наших магазинов.

Но вот они полны (а это будет!), люди сыты, сносно одеты. И что же? Разве исчез вопрос «Зачем живу? Ради чего?», которым мучается всякий культурный (не Шариков, не Швондер, конечно) чело-

век? Вопрос этот стал еще нестерпимей. Ибо признать смысл своего существования в том, чтобы есть, — убийственно. Так живут порознь друг от друга — питаясь, работая и плодясь — и лошадь, и слон, и верблюд.

У перестройки-революции должны быть сильные духовные основы и духовные цели, она должна вывести наш народ к новой философии жизни, к новому, более плодотворному, чем прежнее, мировоззрению, осуществить этот синтез единства и многообразия, интеграции и свободы, которые (вместе взятые) создали бы новое, куда более жизнеспособное и жизнерадостное общественное устройство.

Историей доказано, что народ, страдающий от внутренних раздоров, народ, не имеющий вкуса к свободе и способности быть свободным, не знающий опыта демократического правления, спасается от трудной и мучительной необходимости думать и решать самому тем, что зовет диктатора. Такую мечту осуществить нетрудно. Народ всегда получал достойного его деспота и соответствующее правительство, чтоб потом оплатить свою ошибку ценой своих же страданий.

Сегодня важно понять: опасность перестройке, нарождающейся свободе, поднимающейся с колен демократии исходит не от прессы, науки, литературы и кино, лишь отражающих, как зеркало, нашу уродливую действительность, а от самого усталого и издерганного народа, а также тех политических руководителей, которые эту усталость, это раздражение, эту злость хотели б использовать в своих интересах.

Я не только о левых экстремистах и политиках типа Ельцина, но и о «правых» у власти. В своих конечных интересах они смыкаются. И это не интересы народа. Это интересы борьбы за власть, под прикрытием весьма своеобразно понимаемых интересов народа, «интересов социализма» и т. п.

Не дадим случиться откату назад и вниз. Не будем уставать и раздражаться, не станем ненавидеть и начинать охоту на ведьм. Страшны не противоположности и противоречия, а способы их разрешения, неумение их разрешать. И несоединимое можно соединить в нашей жизни, если не искать простого решения сложных проблем, если не думать, что проблемы исторического масштаба могут быть решены мгновенно, если делать ставку не на ненависть, а на взаимопонимание, на согласие. Забывшие диалектику, мы привыкли к тому, что там, где противоречие, там только борьба, причем, борьба не на жизнь, а на смерть, на полное уничтожение. Но это не так. Именно «из противоположностей, — как учил еще Гераклит, — рождается прекраснейшая гармония».

Не враз, но общество наше может обрести эту гармонию, такое Единство, если возьмет за принцип жизни Согласие и Диалог. Это но-

вый, непривычный для нас тип бытия. Но мы должны научиться жить именно так. Иначе откат не просто назад, но вниз, в историческую пропасть.

22 марта 1990 г.

О ПЕРЕСТРОЙКЕ КАК ТРАГЕДИИ И ТРИУМФЕ

Уходящий XX в. останется в истории веком крайних противоречий, невиданных взлетов человеческого гения и ужасающего падения его морали и нравственности. Вся история XX в. с первых дней есть история нарастания величайшего кризиса человечества, который близок к разрешению. Что ведет человечество: восхождение на новые вершины прогресса или падение и гибель?

XX в. — век изумительных научных открытий и технических достижений человеческого гения. Раскрепощение атомной энергии. Генетика. Бионика. Кибернетика. Космические полеты вокруг Земли, высадка человека на Луну, исследования Марса, Венеры, Сатурна. Компьютер и строение искусственного интеллекта. Победы над многими болезнями. Все триумфы человеческого разума не перечесть.

Научно-технический прогресс позволил резко увеличить общую массу товаров и продуктов питания в мире, однако не уничтожил нищеты во многих странах. Миллионы людей по-прежнему ежедневно умирают от голода, болеют от недоедания, разуты и раздеты, гибнут от холода и «побежденных», примитивных болезней.

Научно-технический прогресс с помощью газет, радио, телевидения, видеотехники, телефаксов и спутниковой связи превратил огромный мир в одно большое информационное сообщество, всех сделал соседями, но не друзьями. НТП подтолкнул к бешеным темпам гонки вооружений, производству изощренных видов оружия массового уничтожений — химического, биологического, атомного, водородного, еще более усилил агрессивность некоторых народов, стимулировал их претензии к мировому господству.

Уходящее столетие вобрало в себя две мировые войны и сотни локальных, междоусобных войн, унесших десятки миллионов жизней, резко затормозивших эволюцию человечества. В XX в. человечество провело в Хиросиме и Нагасаки репетицию конца света и жизни на Земле. Оно и ныне сидит на ядерной бочке, не зная, в чьих руках находится горящий фитиль, сколько мгновений еще осталось до смертельного взрыва.

Человечество истерзано страхом за свой нынешний и завтрашний день, народы не доверяют друг другу и, страшась друг друга, вопреки

здравому смыслу, тратят фантастические суммы на вооружение, умножая свою нищету и страдания. Победа разума над силами природы, подчинение материального мира не принесли всеобщего благоденствия. Техника, облегчая повседневную жизнь человека, грозит уничтожить жизнь вообще.

Человечество у вершин прогресса.

Человечество на грани гибели.

Что же раздирает человечество на части, толкает их к противоборству, вражде и войнам? Борьба за рынки, жизненные пространства и другие экономические интересы? Конечно. Эта марксистская формула была более всего верной в начале века, когда капитализм еще только начинал прогрессировать, развивался на экстенсивной основе, т. е. когда преимущество перед другим государством, концерном и т. п. достигалось прежде всего количеством — территорий, сырья, заводов и фабрик и т. п. Ныне, в условиях НТР, этот прежде неуязвимый тезис явно устарел, не работает. Пример: Япония — маленькая островная страна, не имеющая практически никаких сырьевых запасов, занимает второе место в мире по объему производства, по ряду показателей превосходит такую супердержаву, как США. Сегодня качество имеет приоритет перед количеством.

Сегодня главные причины мирового кризиса находятся не столько в сфере борьбы за рынки и географические пространства, не столько в способах экономических и производственных отношений, а прежде всего в различиях сущностей тех общественно-политических систем, которые установились в разных странах и частях мира, в тех общественных идеалах и системах ценностей, согласно которым в этих странах осуществляется политическая власть, определяются образы жизней их народов.

Мир разделился на две непримиримо враждующие части с Октября 1917 г., с момента начала борьбы большевиков за установление в России коммунистического строя, за осуществление ими «мировой революции». Удачи социалистов и социалистические «революции», последовавшие после окончания Второй мировой войны, в том числе те, которые Красная армия принесла на своих штыках, не ослабили, а усилили напряженность в мировой политике.

Это напряжение имело свои позитивные стороны. Оно резко интенсифицировало философскую, интеллектуальную работу со стороны теоретически оборонявшегося капитализма. Мировая напряженность поставила буржуазию перед необходимостью хорошо изучить все стороны как теории, так и практики социалистического строя, объявившего себя «посткапиталистической фазой исторического развития», «могильщиком капитализма». Так родилась специальная ветвь буржуазной социологии и политологии — «советология».

В «пику» марксистско-ленинской философии родилось немало философов и философских работ, в том числе написанных за рубежом русскими учеными, которые исследовали философские основы марксизма.

Чтобы нейтрализовать сильные стороны социалистической идеологии, капитализму пришлось искать новые формы экономического хозяйствования, обобществления собственности, решения социальных вопросов жизни трудящихся. В конце концов, даже гонка вооружений, обусловленная военным противостоянием двух систем, имела свое положительное начало, и прежде всего в том, что небывало стимулировала научную и техническую мысль и рождение новых технологий с обеих противостоящих сторон.

Вот, пожалуй, и весь «позитив» социалистических революций, если оценивать их глобальными масштабами, а не количеством построенных заводов и электростанций, созданных колхозов и совхозов, которые оказались неспособными к той высшей производительности труда, которая означала бы «победу нового строя» (Ленин). В остальном же социальные революции, борьба классов и наций в основном лишь разворошили мир и весь человеческий улей, лишь умножили в обществе количество зла и ненависти, но не принесли людям счастья. Резко размежевав мир на две враждующие стороны, установив повсюду диктаторские режимы власти, социализм противопоставил себя свободе и творчеству.

Как и фашизм, социализм дал фантастические образцы пренебрежения к человеческой жизни, унижения личности, угнетения духа, попрания свободы, права, чести, морали и нравственности. Массовый террор, многомиллионные концентрационные лагеря, уничтожение целых наций и народов — таких изощренных форм рабства, зверства и насилия не знали эпоха варварства и Средневековья. Все эти ужасы маскировались партийно-государственной пропагандой разговорами, поэмами и песнями о раскрепощении творческой энергии трудящихся, об их якобы зажиточной жизни, развивающейся демократии и миролюбии во внешней политике.

Параллельно с «горячими» войнами, которые все же не прекращались в течение всей послеоктябрьской истории между враждующими блоками, вдобавок к ним в мире шла не утихающая «холодная» война со своими страхами, болями, страданиями, со своими «ранеными» и «убитыми». Здесь шла своя «гонка вооружений», в ходе которой на Фабриках Лжи (в прессе, на радио, телевидении) с помощью науки, литературы и искусства производилось необходимое в этой войне оружие — социальные теории, доктрины, мифы, стереотипы, которые вдалбливались в сознание миллионов людей, чтобы сформировать у них «образ врага», подлежащего уничтожению. Страх творил ложь,

ложь умножала страх. Страх и ложь, внесенные в сознание человека, уродовали его психику, мышление, поведение.

Погибших и раненых на «горячих» войнах — сотни миллионов. В ходе холодной войны пострадало и искалечено все человечество. Кто подсчитает, какая часть людей стали алкоголиками, наркоманами, получили психические расстройства под воздействием классовой борьбы, идеологической и психологической войн?.. А ненависть американца к ничего ему плохого не сделавшему русскому — разве это не болезнь? А патологическое неприятие «западной» культуры миллионами советских — разве это не уродство?..

Можно сколько угодно спорить об историческом значении Великой Октябрьской социалистической революции, ее чаянных и нечаянных «детях» в Восточной Европе, на других континентах, выискивая и находя в них позитивное зерно и тем оправдывая их. Но даже при самом огромном желании и старании из зерен этих хлеба не испечешь — так мало их.

Десятилетия мирового строительства «нового общества» показали, что даже такие огромные страны, как СССР и Китай, не могут выбиться из общечеловеческого потока и общих законов эволюции. История не терпит ни застоя, ни ускоренного движения к «светлому будущему» по заранее заготовленным чертежам. Там, где есть демократия, там не нужна революция, там борьба за лучшее устройство общественной жизни между соперничающими политическими силами может идти через диалог путем взаимных уступок, компромиссов, реформ, т. е. путем эволюции. Там, где нет свободы, там нет и демократии; там борьба неизбежно принимает революционные формы, там неизбежно насилие во имя удержания власти, война со своим народом...

XX в. доказал жизнеспособность и огромный потенциал капиталистического способа производства, западных форм демократии. И прежде всего в области материального. Однако он не смог преодолеть противоречия между прогрессом материальной культуры и культуры духовной. Между двумя этими культурами образовалась и расширяется пропасть. Материальное опередило духовное и непременно возвысилось над ним. Если в нищих и бедных странах народы бредят материальным богатством капиталистического «рая», то в богатых товарами и продуктами обществах люди страдают от нарастающей бездуховности, от нехватки в человеке подлинно человеческого. Снова входит в моду утопический коммунизм. Миллионы заняты богоискательством. Набирает силу вера без бога.

Если отвлечься от «деталей», взглянуть на историю XX в. предельно широко, то можно сделать немаловажный вывод: не бывает идеальных и беспроблемных обществ, абсолютной демократии, неогра-

ниченной свободы. Ни при так называемом социализме, ни при капитализме. Во всем есть своя мера, которая определяется как конкретными условиями жизни и развития конкретной страны, так и общим уровнем человеческой цивилизации. Абсолютный общественный идеал, справедливый для любого общества, — непрерывное движение и постоянные изменения, неустанное совершенствование природы, человека, общественных отношений.

Замкнутая система, закрытое, замкнувшееся на себя общество неизбежно обречено на застой, отставание от общего потока развития и прогресса, т. е. на обнищание материальное, а значит, и духовное. Человечество же, утратив из своего «тела» нацию или народ, рано или поздно начинает чувствовать это. Тем более если это великий народ, несущий великую культуру; народ, населяющий одну шестую часть земной суши, владеющий морями и недрами с несметными богатствами.

Современной цивилизации, особенно странам, идущим во главе научно-технического прогресса, на мой взгляд, уже давно недостает русской мысли, русской техники, русских товаров, русской души. Не тех, которые есть и которые мы производим, а тех, которые могли бы иметь в условиях свободы. Будущей мысли, будущих товаров и шедевров искусства, которые таятся втуне в народе под прессом интеллектуального, морального и физического насилия вот уже долгие десятилетия.

Тот процесс, который начался в нашем обществе весной 1985 г. и получил название «перестройка», несет с собой прежде всего свободу. Желанный, необходимый процесс! Но вот парадокс: с началом прихода свободы и демократии с прилавков магазинов стал быстро исчезать даже тот скромный набор товаров и продуктов, который был прежде. Начались распри и настоящие войны между нациями. «Союз нерушимый республик свободных», великая империя строителей коммунизма распадается на глазах. Во всех сферах жизни нарастает хаос, господствует смятение, открывающее путь демагогии и фанатизму. Идея коммунизма из золотой монеты превратилась в медный пятак. Авторитет вождей пал. Правительство не пользуется доверием народа. Советские государственные, партийные, профсоюзные, комсомольские учреждения выглядят беспомощными управлять событиями. КПСС и ВЛКСМ разлагаются и распадаются на глазах, теряя былое, мобилизующее, интегрирующее значение. Сумбурное нагромождение различных точек зрения по поводу экономики, политики, морали и культуры, истории, будущего и настоящего, эклектика в идеологии, мозаичность в законах и правительственных решениях, теоретическая неразбериха, зыбкость планов, программ и новых органов власти являются свидетельством интеллектуальной беспомощности, моральной растерянности современного общества. Страна тонет

в дискуссиях. Нарастают нетерпимость, насилие, количество зла и ненависти, вынужденная этическая всеядность. Самонадеянный прагматизм, заквашенный на жажде быстрого обогащения, насилует растерявшуюся романтику. Кризис ценностей, взглядов и идеалов налицо. Чтоб увидеть и понять это, не надо особого ума.

И вот уже все больше голосов во всех сущих грехах нашей жизни обвиняют перестройку, голоса эти звучат все громче и смелей. Кричат об «утрате наших принципов», «светлых идеалов», «социалистических ценностей». Перестройку обвиняют в том, что происходит «одичание» и «развращение народа», потеря «духовности». И вот уже начинают играть мускулами военные, многим грезится военная диктатура и «ночь длинных ножей»...

Воистину: нельзя освободить человека извне более чем он свободен изнутри. Если в человеке не живет потребность в свободе, нет способности быть свободным, если он не творец, а исполнитель (не хочу сказать «раб») от рождения, по призванию, зачем ему свобода? Да, «человек рожден, чтобы быть свободным». Человек «вообще». Человек конкретный может не желать и бояться свободы. А значит, ему не нужна «перестройка». Но как обойтись без миллионов людей в этом сложнейшем и многообразнейшем процессе? Перестройка не может совершиться «над», над 300-миллионным обществом, над людьми или «сбоку» от них. Она должна произойти внутри каждого от-дельного человека, и только тогда она — перестройка.

Перестройка — это событие трагическое, это плата народа за все иллюзии, заблуждения, ошибки и слабости, которые он допустил, позволив увлечь себя гениальным мечтателем в дикие джунгли истории, которые виделись им ангельским раем. Вина Маркса, Энгельса, Ленина и даже Сталина, если серьезно вдуматься в суть происшедшего, ничтожно мала в сравнении с виной самого народа, который сначала фанатично самообольщался марксистскими идеями, потом с яростью голодного варвара по указаниям вождей разрушал «старый» мир, потом с неизъяснимым восторгом и садистским наслаждением занимался самоуничтожением: строил концлагеря, «стряпал» уголовные дела, вел допросы, расстреливал, боялся, молчал, наговаривал, предавал, не сопротивлялся, не возражал, терпел...

Теперь во всем виноваты Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин и их соучастники. Виноваты Система, обстоятельства, большевики, коммунисты, партия. Виноваты все, кроме главного действующего лица истории — «народных масс». Старознакомая логика, привычный аргумент: «Фюрер отдавал приказы, я только исполнял их». То есть пытал, убивал, и при этом — «я не виноват»...

Мы должны воспринять перестройку как именно трагедию и пережить все тяготы, которые она принесет еще с собой, ибо первогре-

ховны и первовиновны в ее необходимости мы — народ, а не только они — вожди: где нет потребности в вождизме, там нет вождей, кумиров, богочеловеков. Мы, народ, должны понять и принять свою вину. И не обида на кого-то, а стыд за себя должен родиться в нашем сердце. Стыд — этот гнев, обращенный вовнутрь, а не вовне, — должен вырастить в наших душах чувство собственного достоинства и гордости, которые никогда уже не позволят самообольщаться, самоуничтожаться, унижать, унижаться и терпеть.

А вожди — что с них взять? Оставим их научные и политические труды в книгохранилищах, напишем о них книги и статьи в назидание потомкам. Они уже по ту сторону добра и зла. Народу же, обществу — жить, ибо они бессмертны.

И потому перестройку надо принимать как событие не только трагическое, но и триумфальное, как момент истины, как победу добра над злом, света над тьмой, свободы над рабством, правды естественной жизни над ложью научных заблуждений, теоретических и политических ошибок.

Ныне появилось немало ассоциаций и других объединений под названием «Возрождение». Но что возрождать и кто это будет делать? Возрождаться может церковь, существовавшая сотни лет до советской власти и уничтоженная ею; возрождаться может монархия; возрождаться могут вера в царя и бога. Что еще? Национальная культура? Ее умерших великих творцов уже не возродить. Творения же их, прошедшие испытание временем, надо просто знать. Свободы в России никогда не было в достатке. Мечтать о возвращении к малому — стоит ли? Переименование городов и деревень — дело нужное, но это восстановление, а не возрождение.

Между тем нам необходимее именно восстановление в том соответствии, как было прежде, но еще более — как быть должно, как есть теперь в цивилизованном мире. Рабочие должны стать рабочими и не «гегемоном». Крестьяне — не подвластной рабочему «классу», а равноправной силой, без которой нет жизни в обществе. Интеллигенция — из «прослойки» превратиться в его духовную опору. И многое в этом роде.

Перестройка — многослойный и сложнейший процесс. В чем-то это и возврат назад, возрождение, в чем-то обновление, восстановление. Но в целом — это выезд с обочины на столбовую дорогу цивилизации и догоняние этой быстро убегающей от нас цивилизации; это разреволюционирование и вхождение в общечеловеческий поток эволюции. Это рождение нормального порядка жизни из хаоса перманентной революции. Хаос не наступил, хаос продолжается, и новый порядок жизни не может родиться никак иначе, как только через достижение его апогея, как только из хаоса.

Не обновиться, не возродиться и не перестроиться предстоит нашему обществу, а переродиться в нечто совсем иное, чем было и есть сейчас. Ибо перестройка в том виде, как она понималась и понимается, есть, в сущности, продолжение существовавшего здания, которое надо переложить из тех же строительных материалов все теми же архитекторами и строителями, только на иной манер.

«Больше социализма» — это новый политический лозунг, цена которого не выше цены лозунга «Экономика должна быть экономной». «Лучший» социализм невозможен, как не может быть «лучшей» пытка, истязание. «Лучше» социализма в этом смысле может быть только общественное самоубийство. Действительно лучше социализма может быть общество, допускающее существование идеи социализма, но подвергающее сомнению его теорию и ее претворение в реальность.

1990 г.

О ТОМ, ЧТО ЗАБЫТО В КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕСТРОЙКИ

Когда в партийных документах читаю о том, что разработка концепции перестройки завершена, меня одолевают сомнения и грусть. Уже? Так быстро? Значит, все ясно по поводу экономической реформы? О перестройке политической, правовой систем? Нет же! Если мы кое-что знаем о том, что следует разрушить, и еще менее о том, что необходимо бы создать, то по вопросу о том, с помощью каких средств и какими путями вести обновление общества, продолжаются и еще долго, быть может, на протяжении всей обновительной работы должны и будут идти жаркие споры. И это естественно: никакая концепция, никакая теория не возникает сразу в завершенном виде. Она постоянно изменяется, уточняется под воздействием практики. И далеко не в деталях, а существенно.

Как можно считать формирование программы обновления общества завершенным, если, например, не разработана концепция молодежи на этапе перестройки?

Перестройка, провозгласив гласность и реализм, создала возможность осознания всего масштаба и полной остроты молодежной проблемы, а это значит, что впереди нас ждут огромные потрясения от еще неизвестных цифр и фактов трагической истории нашей молодежи. Истории этой мы совершенно не знаем. Никто никогда не ставил даже задачи ее написания. Мы знаем лишь историю комсомола, интерпретированную и как «славный путь» советской молоде-

жи, ибо между понятиями «молодежь» и «комсомол» стоял практически знак равенства. Мы говорили «комсомол», подразумевали «молодежь». Мы говорили «несоюзная молодежь», и в этом уже содержался некоторый упрек, скрытый намек на то, что быть «несоюзной молодежью» — плохо, предосудительно. Несоюзная молодежь рассматривалась как «база роста» комсомола, как те остатки молодежи, которые по каким-либо причинам не достойны приема в комсомол, где сосредоточивалась лишь «передовая молодежь», при всей неопределенности этого понятия (что значит — передовая?). Это должно было рождать у «не передовой» части юношества известную иронию, скепсис по отношению к тем миллионам молодых людей, которые, именуя себя «передовыми», никогда таковыми не были. Это должно было нарушать какие-то тонкие внутригрупповые связи и отношения, которые существуют в молодежной среде как относительно обособленной и замкнутой общественной группе, рождать чувство протеста, стимулировать конфронтацию между различными категориями молодежи.

Как должна была чувствовать себя учащаяся молодежь, когда прекращалась деятельность их союзов и организаций, когда в первые годы существования комсомола в его ряды принимали практически лишь рабочих? Что думала крестьянская молодежь, особенно в период коллективизации, когда ее доступ в Союз был крайне ограничен? Что испытывали молодые рабочие, не желавшие вступать в комсомол, когда Сталин бросил лозунг «все сто процентов молодых рабочих — в комсомол»? Какие чувства испытывали юноши и девушки, когда закрывались их все иные, кроме комсомола, общественные молодежные объединения и организации? Что же все-таки случилось с молодежным движением в нашей стране? Как его «закрывали»? Какие драмы и трагедии кроются за этим? Пока лишь А. Жигулин в своей повести «Черные камни» приоткрыл нам краешек этой страшной тайны. Как ударили сталинские репрессии по молодежи, комсомольцам, работникам комсомола?..

1990 г.

О ПЕРЕСТРОЙКЕ КАК РАСПЛАТЕ

Отвлечемся от цифр и логических аргументов, которыми М. Горбачев объяснял необходимость «перестройки», от тех доводов, которые приводил Б. Ельцин, когда вырывал власть у Горбачева и начинал «реформы». Безусловно, в них заключена известная истина истории и смысла развития. Но в огромной, быть может, решающей степени

они лживы, ибо главным в них была необходимость не объяснить, а оправдать свои планы и действия. И никому не дано узнать, что эти люди хотели на самом деле. Как ясно теперь и то, что они сами не знали этого, не ведали, что творят и к чему приведут их начинания. Знать это почти невозможно в принципе, ибо социальная жизнь крайне трудно предсказуема. Тем более этим людям. Теперь-то ясно до конца: Горбачев повыше, поумней Ельцина, но оба лишь подтвердили общеизвестное: вершины власти — еще не вершины ума и добродетели, а вовсе наоборот: с движением «вверх» растет лишь жажда власти и падает градус нравственности и индекс ума.

Но не следует видеть в Горбачеве «дьявола» от капиталистического ада, ниспосланного для разрушения социалистического рая. Он оказался в той точке исторического процесса и в той ситуации, когда вынужден был мыслить и действовать именно в этом направлении и никаком ином. «Перестройка» вызрела. Общество, беременное «перестройкой», должно было разродиться. И нужна была «повитуха». В этой роли и оказался (подвернулся) Горбачев. Возможно, кто-то другой выполнил бы эту роль лучше, а может, и хуже. Но он делал бы что-то похожее на то, что делал Горбачев при помощи всего своего политического окружения под восторженные вопли 250-миллионного советского народа. Давайте помнить это, ибо это было. Да, все надеялись, что перестройка открывает путь к новой счастливой жизни, которая тут же и наступит. Но, как и всякая революция (а перестройка, перебросившись от частностей к принципам, от экономики к политической системе, вскоре приобрела революционный характер), означала лишь конец старой жизни, искупление грехов прошлого, и не более. Она показала, что социалистическая власть не выполнила обещаний 1917 г., не справилась со своими планами и задачами. Несомненно, она могла бы существовать еще довольно долго (может, 20, а то и 50 лет), но тогда уже была бы уничтожена силой в ходе гражданской смуты, если бы не отчаялась на мировую войну.

«Перестройка» — это приговор старой идеологии и системе, которые не исполнили назначения, взваленного ими на себя в 1917 г. Это расплата за все грехи прошлого. Не надо делить большевиков и коммунистов на «плохих» и «хороших», не надо гадать, «что было бы, если бы...», ибо у всех у них одно название — «большевик», «коммунист». И для тех, кто не принадлежал к ним (а это абсолютно подавляющее большинство населения), для общества совершенно не интересны внутрипартийные распри и «разборки». Взялись — делайте. Не смогли — уйдите. Довели до «перестройки», допустили ее возможность — значит, сами вынесли приговор своей системе и лично себе. Без гнили и болезни, без брожения и разложения революции невозможны. Но зачем обществу и народу гнилая «голова»?

Почему не наступила новая жизнь? Точнее, почему новая жизнь не стала лучше старой? Почему «перестройка» и «реформы» свелись к разрушительству, обернулись для подавляющего большинства народа обвалом бедности и нищеты? Можно искать и найти множество объяснений, но главное — скрыто в природе «вождей» «перестройки» и «реформ», пришедшей на смену старой властвующей элите. Все они в лучшем случае люди двоящиеся: двойственного духа и мышления, двойной морали, двойной психологии. Это «старые новые» («шестидесятники»), которые начали перестройку, это «новые старые» (Гайдар и К°). Выросшие на догмах и мифах в условиях внешней и внутренней несвободы, как могли они творить лучшую жизнь?

Разве можно назвать Ельцина новым человеком? Весь образ его действий в момент ГКЧП, в октябре 1993 г. (расстрел Белого дома), война в Чечне и т. д. и т. п. — это типичное поведение большевика, силовика. Но — не мозговика. Построенный им политический режим — это «диктатура демократии» для новой аристократии. Это, в сущности, тирания власти, чиновничества и криминализированного слоя «новых русских», т. е. подавляющего меньшинства над подавляющим большинством населения. Вакханалия и беспредел в общественной жизни в самом широком смысле этого слова были предопределены тем, что высший слой общества, властная элита были по неизбежности сформированы Ельциным из людей третьего и пятого сортов, которые не то что не имели опыта управления и властвования, но прежде даже не могли помышлять об этом в силу своей серости и посредственности. Все их «достоинство» заключалось именно в этом, т. е. исключительно в том, что они не были допущены к прежней власти, «осели» преподавателями научного коммунизма (Бурбулис), завучами техникумов (Филатов), завлабами НИИ и вузов (Шахрай, Станкевич и т. п.). Могли ли эти люди творить новые духовные ценности, вдохновлять писателей, поэтов и художников? Могли ли они вдохновить общество? На наших глазах на экранах телевизоров они учились выговаривать доселе неведомые им слова, отучались чмокать, «штыкать», гундеть и гнусавить, но так и не отучились. Под лозунгами борьбы за свободу и демократию они душили интеллигенцию и духовную жизнь общества, ибо они им были не нужны. Они упивались властью и разрушением «старого», привилегиями, на волне борьбы с которыми они пришли к власти, и — вот оно самое главное! — дележом государственной собственности, грабежом своей собственной страны — самой богатой в мире.

1994 г.

О ЦЕНЕ ГЛУПОСТИ

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию (февраль 1995 г.) сказано: «Продолжаются попытки сконструировать и безотлагательно воплотить в жизнь собственную идеальную модель общественного развития. Старые мифы не преодолеть в одночасье». Невозможно оценить, во сколько обходится и обойдется стране новое мифотворчество. Но давно ясно: нет ничего дороже глупости.

Судя по результатам того, что замышлялось и было обещано, никто из них не в состоянии переломить ход событий к «реформационному» лучшему: ни Президент, ни Правительство, ни Дума, ни фракции, ни партии. Ухудшение дел списывается то на позавчерашнюю нерешительность Горбачева, то на вчерашнюю излишнюю решительность (радикализм) Ельцина, то на происки оппозиции (ГКЧП, Хасбулатов, Руцкой), то на «красно-коричневых». Выход ищется на путях смены людей и «команд», закрытии одних министерств и открытии новых, политического лавирования между разными силами, а дела идут все хуже, в тупик. В этом случае надо подняться над ситуацией и задать вопрос: может, дело не столько в депутатах и министрах, не в количестве центральных структур, соотношении прав центра и регионов и даже не в политике вообще, в чем-то ином, гораздо более серьезном и значительном? Может, дело в неких обстоятельствах и процессах, некогда спущенных с цепи, развившихся до океанских размеров, поглотивших собой всех нас, в том числе «родителей» этих процессов и явлений, и мы теперь растерянно барахтаемся в их бурных потоках, принимая их за некие «объективные» обстоятельства, которые невозможно преодолеть в силу этой их «объективности»? Иначе говоря, может, зачинатели перестройки и «реформы» ошиблись в чем-то более принципиальном, чем политика? И, может, все-таки они ошиблись в выборе вектора парадигмы развития?

1996 г.

О РОЛИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ

Резонно задать вопрос: почему все случилось именно так? Кто виноват? Американские советники, в частности Дж. Сакс, разработавшие и предложившие модели «шоковой терапии» российской экономики? Б. Ельцин, одобривший их? Е. Гайдар, с упоением проводивший в жизнь замысел заокеанских «друзей» и волю Президента?

Правительство? Народ, абсолютное большинство (64%) которого не пришло в апреле 1993 г. на референдум, который должен был решить, одобряет ли он выбор Ельцина и проводимую им политику? Те 52% из 36% голосовавших, которые одобрили курс Президента? Да, виноваты. Не в равной мере, но — виноваты.

И все-таки вряд ли можно сказать, что кто-то (Ельцин, Гайдар, Правительство, люди, не пришедшие на референдум, не голосовавшие за уже проводившуюся «реформу») хотел стране плохого, что ими руководил злой умысел. Такое просто не укладывается в голове, если не веришь в сатанинскую силу, в бесовщину, злой рок и т. п. Не снимая ни с кого вины и ответственности, более того, требуя, чтобы виновные понесли ее, скажем: была совершена стратегическая ошибка. И дело не только в том, что сделан исторически неверный выбор модели экономической реформы. Это само собой.

Модель экономической реформы не была соотнесена с более общим вопросом, а именно: какому из многих возможных направлений развития России отвечает эта модель? Иначе говоря, куда должна, точнее, куда может двигаться Россия со всеми ее особенностями? Этот вопрос — первее экономической модели, ибо он определяет ее, а не наоборот. России предстоит битва за выживание и будущее. России нужна победа, и она должна победить.

Победа не приходит без подвига. Россия обречена на подвиг. Подвиг совершают люди ясной цели и высокого духа.

Проблема заключается в том, что народ страны не имеет и не знает такое цели, он деморализован, демобилизован, деградирует духовно и нравственно, разобщен психологически. Пока российский народ, словно стадо овец, покорно шел на заклание, с отчаянием взирая на то, как все ниже склоняет голову и мучительно погибает его некогда великая страна.

Между тем успех любой организации в решающей степени зависит от того, насколько четко определены не только ближайшие (тактические) задачи, но в том числе отдаленные (стратегические) цели — идеалы. Это тем более важно, когда речь идет об обществе, такой огромной стране, как Россия, такой сложнейшей организации, как российское государство. Вопрос о смысле жизни («Ради чего?») стоит перед ними неизмеримо острее, чем перед отдельным человеком. Эти цели — идеалы есть у каждой страны. Должны быть они и у России.

1996 г.

О МЕРЕ НОВАТОРСТВА

Конечно, демократия лучше диктатуры. Конечно, новаторство предпочтительней консерватизма. Конечно, сто умов (возможно) быстрее найдут верное решение, чем один. Конечно, идея равенства на первый взгляд заманчивее принципа неравенства. Конечно, роль масс в истории вроде бы сильнее роли одной личности. Кажется, что все это верно. Но только «в общем», «в принципе», «в конце концов». А в частности, в конкретной ситуации, в определенный исторический момент не всегда так. Далеко не всегда! «Ничего слишком», — говорили древнегреческие философы. Все хорошо в меру. Даже новаторство, даже демократия, которой мы сегодня религиозно поклоняемся... Чем больше наблюдаю я нынешнюю действительность, тем острее у меня желание написать какой-нибудь трактат «О пользе консерватизма» или «О вреде демократии» или что-нибудь еще в этом роде. Не против новаторства и демократии, а в их защиту.

1996 г.

О ПРЕМЬЕРЕ-«РЕФОРМАТОРЕ»

Известно, что ученый, увлеченный своим делом, как правило, эгоцентричен, т. е. непомерно возвышает предмет своих исследований, придает ему особую, чрезмерную важность, порой помимо своей воли ставит его в центр всех явлений и понятий, видя в нем источник и причину всего происходящего, а все остальное рассматривает лишь как средство или следствие.

Ныне «отцом» экономической реформы в России стал Е. Гайдар — увлеченный специалист. Экономика — его «любимый пуп», вокруг которого он пытается вращать всю остальную жизнь общества. Естественно, что экономист мыслит экономическими категориями, произносит слова «рынок», «финансы», «деньги», «цена», «инфляция», «налоги», «приватизация», «машины», «производство» и тому подобные. И даже если ученый-экономист скажет, что других слов и понятий он знать не хочет, это ему простительно. Хотя становится сразу ясно, что он, скажем так, «не гигант». Узкий «спец», и все. Таких много, может, большинство, и они нужны экономической науке. Но когда так мыслит государственный деятель, тем более премьер-министр России, он опасен для общества, жизнь которого не сводится к экономике и в принципе не выводится из нее. Тем более когда происходит не просто «реформа», а формационная перемена.

Высшая мера сложности происходящих перемен определяется именно тем, что это перемена формационная: «социализм» заменяется на «капитализм» со всеми вытекающими отсюда последствиями, и прежде всего — введением частной собственности, рыночных отношений и т. п.

В одном из номеров журнала «Столица» певец рыночных отношений Л. Радзиховский писал: «Это — дикая весна, торжествующий бурный танец раннего капитализма... Капитализм должен ошеломить, охмурить, завоевать Россию, соблазнить... А для этого должен возникнуть истинный культ Золотого тельца, исступленное поклонение деньгам и денежному успеху — что мы и наблюдаем среди юных рэкетиров, депутатов, ученых, журналистов и прочих предпринимателей... Тут должна быть поистине язычески исступленная вера в похабную мощь денег... На доллар мы уповаем!»

Более того, как нам говорят, это перемена цивилизационная. России, как особой евроазиатской цивилизации, предлагается признать, что она — «тупик истории». Взамен усиленно навязывается западный образ жизни, западная цивилизация. Это уже не просто капитализация, т. е. возврат на путь развития, по которому Россия двигалась всего менее 80 лет назад. Это ломка всего образа мышления, строя социальных чувств и всей жизни, смена социокультурной традиции общества и человека.

О «РЕФОРМАТОРАХ» И НАРОДЕ

Тот, кто управляет громадной страной, кто поставил цель совершить историческую перемену, тот не может не думать о средствах, с помощью которых он это сделает. В этом смысле человек, народ — не только цель, но и средство. При осуществлении великих революций, как и на войне, жертвы неизбежны. Однако искусство управления обществом, государством в такой момент в конечном счете заключается в том, чтобы не превратить человека в средство прежде всего, тем более только в средство, не превращать народ в «пушечное мясо» реформ. Соотношение между целью и средством применительно к человеку должно быть оптимальным, с большим или меньшим (в зависимости от условий) акцентом в сторону цели. Важно, чтобы эта «идеология» честно проводилась в жизнь. Когда же говорят (как сейчас): «человек — это цель», а в реальности просто забыли о народе, вычеркнули его из процесса перемен, то он становится уже не просто средством, а жертвой, скотом. Даже понимая, что его используют как средство, человек хочет знать, почему это происходит. Ради чего?

Когда же его лишают даже этой возможности, то человек — кролик, народ — стадо баранов, которых ведут на заклание.

Парадоксальность ситуации, в которой находятся «реформаторы», понятна: новую Россию надо строить со «старыми», «советскими» людьми. Как быть? Часть наиболее шустрых и беспринципных людей, политических авантюристов объявляют себя новомыслящими, демократами, реформаторами. «Новомыслы» вырывают власть из ослабших, трясущихся рук партократии и начинают реформы. Делать все, что хочется и как хочется, им, как и Западу, мешает только одно: народ, «старый» советский народ. Именно в народе в целом «реформаторы» видят свою оппозицию, а не в партиях и отдельных личностях.

О РИТОРИКЕ «РЕФОРМАТОРОВ» И ИХ ДЕЙСТВИЯХ

Безжалостную оценку российским «реформам» вынес «вдруг» прозревший американский экономист Джеффри Сакс, бывший главным советником Гайдара: «Главное, что подвело нас, это колоссальный разрыв между риторикой реформаторов и их реальными действиями... Как мне кажется, российское руководство превзошло самые фантастические представления марксистов о капитализме: они сочли, что дело государства — служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карманы как можно больше денег и поскорее. Это не шоковая терапия... Это злостная, предумышленная, хорошо продуманная акция, имеющая своей целью широкомасштабное перераспределение богатств в интересах узкого круга людей». Такую вот реформу замышляли и осуществили младореформаторы.

Вывод Родиона Подъемова: «Запад шумно пугается российской мафии — но в то же время именно при решающем влиянии западного капитала в России строится то самое коррумпированно-мафиозное государство, которого сам Запад так боится».

О МАКИАВЕЛЛИЗМЕ «РЕФОРМАТОРОВ»

Макиавелли полагал, что есть три способа владеть завоеванными городами и княжествами: первый — это разрушить их; второй — переехать туда и лично в них поселиться; третий — предоставить им попрежнему жить по собственным законам, собирая с них дань и установив правление немногих, которые сохранили бы их за собой.

Захватив Россию, Ельцин действовал так, как действовали римляне: чтобы удержать Карую, Карфаген и Нуманцию, они разрушили их. Первое, что сделал Ельцин, — отдал экономику и хозяйство страны на разграбление и разрушение. А когда Россия была достаточно разрушена, а народ почти весь ограблен, он отдал управление в руки тех «немногих»: «олигархов» и сиречь разрушителей, грабителей и воров, которые сохраняли Ельцина на вершине власти как конституционного «гаранта», сохраняющего за ними право и возможность продолжать грабеж и разрушительство. Рабство и нищета России под его, ельцинской, властью были ему милее ее силы при любом ином мудрейшем из мудрейших правительстве. Так очерчивается круг: Ельцин и К° (Гайдар и др.) как «принцепс» («принцепс» от латинского «первый» + «захватить») — первый, кто захватил политическую власть; далее те, кто создал правовые условия для полного и бесконтрольного всевластия «принцепса», т. е. тех, кто изготовил Конституцию РФ и «продавил» ее на всенародном референдуме, обманув народ, отобрав у него власть, выведя его за рамки возможностей влиять на «царя» (Шахрай, Станкевич и К°); наконец, «немногие» — т. е. олигархи (Березовский, Чубайс и др.). Разрушение было и остается средством удержания власти: нужда и голод правят людьми прежде всего; народ думает прежде о хлебе и желудке, а не о духе, о том, как выжить физически «здесь и сейчас», и каждый сам по себе, но не вместе.

Но: «Кто становится властителем города... и не уничтожает его, должен ждать, что его самого уничтожат»... (Макиавелли).

Ельцин добился власти силой, наглостью, хитростью, обманом, бессердечием к людям и стране. Власти. Но — не исторической славы. Олигархи и их прилипалы восславят его, безусловно. Но все ложное живет недолго. Слава Герострата — вот все, что ожидает эту жирную свинью, сожравшую свой народ. Насильник и Разрушитель — вот два главных слова, которые останутся о нем в памяти людей, в истории. Да и этих слов жаль для этого высокорослого пигмея, кажущегося кому-то политическим гигантом. Плюнуть, растереть и — забыть.

Захватывая власть, захватчик должен бы обдумать все неизбежные жестокости и совершить их сразу, чтобы не пришлось повторять их слишком часто. Люди должны жить спокойно, зная, что если властитель и был жесток, то лишь по видимой всем необходимости и ради общей пользы для всех. Действовать иначе — значит жить с ножом над головой у других. И зло, и добро должны быть ко времени. Но если обиды надо наносить разом, то благодеяния надобно дозировать понемногу и делать их постоянно. Тогда они лучше запечатлеваются: люди постоянно рады дню сегодняшнему и живут в ожидании завтрашней радости.

О ГОСКАЗНЕ И НАРОДНОЙ НИЩЕТЕ

Государство, которое наполняет свою казну, обирая население, подобно тому, кто строит фасад здания из материалов, взятых из его фундамента.

О ВОРОВСТВЕ

Воровство далеко не всегда есть следствие нищеты. Воруют и богатые, и добродетельные. Воруют там, где есть возможность украсть, тем более, если можно красть много и безнаказанно. Возможность красть — мать воровства, она рождает и воспитывает вора.

О «ПОЛЕЗНОСТИ ОШИБОК»

Сначала, в детстве, человек играет и видит в этом важное дело. Взрослые наказывают детей, если они в своих играх заходят слишком далеко, ломают игрушки или делают что-то «не так». Свои забавы взрослые называют делами, в которых ошибаются столь же часто, как и дети. Их ошибки стоят страданий и жизней. Но наказать их некому, а сами себя они прощают легко и просто. Более того, в облегчение своей судьбы придумали теорию о неизбежности и даже полезности ошибок.

О РАСКОЛАХ РОССИИ

Все расколы России имеют духовные корни. Расколы Духа.

Сегодня в России все еще жива вырабатывавшаяся веками внутренняя способность и готовность во имя чисто духовных расхождений пойти на что угодно: на раскол семьи, страны, общества. Церковный раскол середины XVII в. привел к жесточайшим преследованиям, анафеме и казням тысяч старообрядцев, к ссылкам и переселению в глухие и дикие места более 10 млн человек. Во имя «чистоты духа» (по сути) в начале XX в. возникла гражданская война, разорена страна и убиты миллионы. Инаковерцы и инакомыслящие вытравливались из общества во все годы советской власти, что, в сущности, имело свои огромные негативные последствия для всей

социальной, в том числе материальной жизни, а сказать одним словом — для культуры страны. Народу России всегда не хватало рационального, практического взгляда на жизнь, на то, что он вытворяет. Разве стоят того теоретические, абстрактные расхождения во взглядах на вещи крайне условные, неясные, спорные, чтобы уничтожать дома и храмы, заводы и фабрики, города и села, а главное — уничтожать людей? Конечно, нет. Но наша этика допускала, позволяла и позволяет. То же и ныне. Страна расколота, гибнет. Но ради «чистоты веры», ради нюансов и сегодня Гайдар не пойдет на союз с Явлинским.

О СМУТНЫХ ВРЕМЕНАХ

В России образовался сонм жиринующих политиков, для которых «забота о России» стала доходным бизнесом; толпы брынцающих бизнесменов, которые не знают, куда девать свои неправедным трудом добытые деньги и мечтающие превратить Россию в некое АОЗТ — акционерное общество закрытого типа. Глазами политических фигляров и разнокалиберных нуворишей с телевизоров на нас смотрят, увы, не лики духовных вождей и богоугодных святых, а самовоплощенное хамство, их речи проливают на нас не небесную благодать, а все убивающую ложь.

Мы живем в смутное, катастрофическое время, когда общество, а вместе с этим и личность разрушаются, дезорганизуются, когда все и вся шатается, качается, и кажется, вот-вот полетит в тартарары. В истории Руси это происходило уже четырежды: падение Киевской Руси, Смутное время, падение монархии в 1917 г. и развал СССР в 1991 г. Всякий раз это вело к огромным несчастьям и гибели значительной части населения.

Выстоит ли Россия? Что нас ждет впереди? Каждый из нас ищет ответы на эти и многие подобные вопросы. Ответов множество, и нет того, в который поверило хотя бы большинство, благодаря чему образовалось бы некоторое единство. Ибо мнение людей, не изучавших историю России целиком и всесторонне, наивно, порой нелепо. Мнение и авторитет науки сведены на нет из-за многих расхождений во взглядах. Общество и массы остались незащищенными от ошибок, которые творят наобум безмозглые и безответственные государственные деятели и политические вожди.

О ЖЕРТВЕ

Россия — живучая страна. Потому что стержнем ее существования является национальное чувство. При всех оговорках Россия ощущает себя как народ, а государство существует, потому что народ не может представить себя вне государства. В любой ситуации он терпит до поры до времени. Но когда дело доходит до «точки», когда государство на последнем краю гибели, народ жертвует собой, спасая страну, государство. В самые критические моменты все именно так и происходило. В период Великой смуты в XVI в. В 1812 г. В Великую Отечественную. Русский человек идентифицирует себя с народом и страной, не видя смысла в своем существовании отдельно от них. Угроза для страны воспринимается как личная угроза. Русский может потерять все, но когда дело доходит до жизни, он дерется так, как не дерется никто, жертвуя собой ради других и своей страны в образе России. Готовность к жертве живет в душе русского человека. Она спрятана глубоко, под всякого рода личными интересами, в том числе материального порядка. Материальным слоем русский жертвует достаточно легко, ибо не избалован судьбой, в быту своем весьма неприхотлив, много- и долготерпелив. И когда этот слой истончается или исчезает вовсе, наружу вырывается жертвенность. В тот момент ничто уже не остановит миллионы людей от слияния их бешенства, энергии и воли на пути к победе. Безрассудство и беспощадность вырываются наружу неукротимым океаном чувств и могучим напором мысли, способными не только крушить врага, но и созидать оружие возмездия, творить чудеса научные, экономические, военные и всякого рода прочие. Это надо бы знать и учитывать сегодня американцам и остальным иноземцам. Россия поставлена на колени экономически. Это правда. Но не духовно, не нравственно. Вот началась война на Балканах, взыграло в людях национальное, славянское чувство. Кликнуть бы добровольцев — и пошли бы сотни тысяч. «Надо», «не надо» — в данном случае разговор не об этом. Люди готовы жертвовать собой не по приказу, не в силу законов толпы. Сознательно — индивидуально. Но это — Балканы. То же самое, только в неизмеримо больших количествах, может случиться в России по внутренним основаниям. Мы — у последней черты. И снова наше спасение, вероятней всего, придет через жертву. Может, самую великую жертву в истории.

О СОЦИАЛЬНОМ МОДЕЛИРОВАНИИ

Какое же общество мы «построили»?

Как назвать то общество, в котором мы живем? «Государственный социализм», как полагает Г. Х. Попов? Или, как говорится во всех официальных партийных документах, мы живем при социализме, который был извращен, искажен Сталиным, но все же — при социализме, историей строительства которого, несмотря ни на что, следует гордиться? Ответ на этот вопрос имеет первостепенное значение. Без него нельзя начинать никакой дискуссии, ибо, если существующее общество все-таки социализм, хоть и деформированный, тогда справедлив горбачевский призыв «Больше социализма!» Если это «государственный» социализм, то задача состоит в том, чтобы сделать его «общественным». Если это «административно-командный социализм», то надо изменить систему управления обществом, сделав ее демократической.

Или надо согласиться с Ю. Н. Афанасьевым, полагающим, что наше общество «нельзя назвать социализмом, пусть даже и деформированным»? То есть общество, в котором мы живем, нельзя назвать социализмом вообще. Никаким — ни «государственным», ни «административно-командным». Может, то, что мы имеем, — это действительно «государственный капитализм», как утверждают многие на Западе?

Поиск точного определения ситуации — не блажь. От ответа на этот вопрос становится ясным, чем мы занимаемся сейчас в ходе перестройки: улучшаем социализм или совершаем мирную социалистическую революцию, по сути дела, в непонятном, но несоциалистическом обществе, только начинаем строить социализм?

Произнося слово «социализм», разные люди сегодня вкладывают в него слишком разный смысл. Для многих оно просто бессодержательно, ибо теоретический идеал социализма, о котором говорили его основоположники, находится в вопиющем противоречии с действительностью.

Следуя кредо «Коммунистического манифеста», Октябрьская революция уничтожила частную собственность, свободный рынок, конкуренцию. Собственность стала общенародной, государственной. И что же? Уничтожен естественно складывающийся столетиями саморегулирующийся механизм интеллектуального, социального, экономического и политического соперничества людей, конкуренции предприятий в поисках лучших идей, решений, проектов. Убито чувство хозяина. Убит естественный источник творчества и инициативы, а значит, развития и обогащения общества.

Следуя канонам марксизма, революция рабочих и крестьян свергла класс эксплуататоров и уничтожила его в буквальном смысле. И что же? Теперь мы имеем такого необоримого эксплуататора, как государство, и такого фактического владельца всех общественных богатств, как государственный и партийный аппарат. Смена владык при сохранении старой сущности? Разве это стоило революции?

Мы не имеем новой экономики с высшей по сравнению с капитализмом производительностью труда, которая, как говорил Ленин, «есть самое главное, самое важное для победы нового общественного строя».

Мы не имеем равноблагополучной жизни «простого» народа, но по-прежнему имеем тысячи миллионеров, награбивших свои богатства самым примитивным образом.

Мы не имеем особой «пролетарской» культуры, но и «старую» культуру вырубили под корень.

Уничтожив «старого человека» со «старой» моралью, старыми грехами и немощью, мы не создали «нового человека» — нового мышления, нового сознания, новой души, новой морали.

Конечно, можно сказать, что мы создали свою, социалистическую культуру, свою, социалистическую мораль и нравственность, нового, советского человека. Сказать можно все что угодно. Но про «советского человека» можно сказать только то, что он «другой» по сравнению с человеком, живущим в параллельных социализму обществах. Другой, но это вовсе не значит, что он «лучше». Часто — хуже. Ибо бездуховен по целям и смыслу жизни. Догматичен по мышлению. Лжив и труслив по натуре. Конформист по поведению.

А как могло быть иначе?

Революция не может совершиться «над» людьми. Революция происходит с людьми, внутри людей. И если революция творила догматизм, ложь, страх, ненависть, приспособленчество, то их надо искать не в безвоздушном пространстве, а в реальных людях. Попавший в революцию народ, хочет он того или нет, живет в ней, как атомы металла в потоке раскаленной лавы; народ и отдельный человек теряют свободу и подчиняются законам стихийного течения жизни, роковому ходу истории, захлестнуты безотчетными эмоциями и темными страстями массовой психологии, теряют свою индивидуальность, с точки зрения логики их поведение часто необъяснимо и непонятно. Необъяснимы миллионные демонстрации, требование смерти своим вчерашним вождям-кумирам, самооговоры «твердокаменных» большевиков, писавших в своих признательных показаниях, что «если партия сказала, что я враг, значит я — враг». Вот почему глупо сегодня искать ответ на вопрос: «Кто виноват?»... Виновата лава жизни. Ис-тория. Революция. А люди различались только мерой одержимос-

ти и бесноватости в своем желании служить им — не отстать, успеть, опередить.

По учению Маркса и Ленина социализм в его идеальном значении должен органично включать в себя идею свободы, демократии и прав личности. В первую очередь. В действительности идея социализма и идея свободы и демократии оказались противоположными. Социал-демократы, с которых начиналась коммунистическая партия, последовательно осуществляли свой замысел. Коммунисты повсеместно уничтожали демократию под лозунгом о всемерном развитии демократии «социалистической».

Но нет демократии «социалистической», как не может быть «социалистической» правды, «социалистической» истины, чести, морали, любви, добра. Демократия или есть или ее нет. Все остальное — социальная демагогия.

Как нет «социалистической» свободы, хотя десятилетиями советский народ убежденно распевал песню: «...Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Говорить о нашем реальном обществе, где была построена небывало широкая сеть концлагерей и уничтожены десятки миллионов человек, где задача строительства заводов, фабрик, ГЭС и железных дорог всегда ставилась выше «строительства» личности, которая никогда не была целью, а всегда средством, — говорить о таком обществе как о свободном, т. е. социалистическом, кощунственно. Сомневаюсь, что Маркс назвал бы социалистическим общество, в котором личность лишена элементарных человеческих прав, унижена и втоптана в грязь. Вряд ли согласился бы с этим и Ленин. В этом смысле можно сказать, что существующее в СССР общество — никакой не социализм. Ибо такой социализм способен внушать жителям иных миров лишь ужас и отвращение, а у его строителей должен бы вызывать чувство стыда и вины перед человечеством. Не гордости нет, а стыда и вины.

Прославляя революцию, задумывались ли мы, ее певцы, о том, что революция, замышляясь как глобальный творческий акт, на самом деле не терпит творчества и творческих людей? Ибо революцию творит масса, большинство, которые в силу извечной зависти всегда ненавидели людей духовных, гениальных. Неспособные возвыситься до величия и гениальности, они хулили и унижали их, принижали интеллектуальное меньшинство силой и волей большинства, а непокорных и гордых — истребляли.

В конце концов социализм так и не стал образцом жизни для несоциализма. Люди капиталистического Запада едут в социалистические страны из любопытства — посмотреть вблизи, что же это такое — социализм. И возвращаются в твердой уверенности, что им такой строй не нужен. Из социалистических стран десятки лет люди, жертвуя Ро-

диной, бегут на Запад, преодолевая невероятные препятствия, остаются там жить. Побывавшие в западном мире туристы возвращаются домой с чувством стыда и горечи за свою систему.

А ведь согласно марксистско-ленинской теории это «там», в капиталистическом обществе, должно происходить непрерывное абсолютное и относительное обнищание рабочего класса, а при социализме люди должны жить все лучше и лучше. Выходит же все наоборот: у «них» уровень жизни растет, у нас — падает.

А ведь согласно марксистско-ленинской теории в капиталистических странах, достигших высшей стадии своего развития, уже давно должна была произойти пролетарская революция. Но не происходит — ни в США, ни в Англии, ни во Франции, ни в Канаде, ни в Японии.

Чтобы не связывать идею социализма с морем крови, миллионами загубленных жизней, десятками миллионов судеб и сотнями миллионов изуродованных умов и душ, не отождествлять социализм и тоталитаризм, диктатуру и террор, я бы, например, тоже не хотел думать, что живу в социалистическом обществе. Ибо кого же может увлечь «светлое будущее», путь к которому лежит через море крови и горы трупов? Общество, которое, будто змея яд, неизбежно выделяет культ личности, угнетение человека, унижение духа и личности, не приносящее взамен даже материальных благ, но плодя ко всему прочему еще и нищету?

И все-таки мы, видимо, должны признать, что наше общество — социалистическое. Ибо, как бы там ни было, все 70 лет все его вожди и едва ли не весь народ (а потом еще и сотни миллионов человек в других частях мира) не только говорили о социализме, но и с энтузиазмом строили социализм, с позиций социализма противостояли иному, несоциалистическому миру. Ибо в первые годы советской власти страна двигалась вперед действительно неслыханно высокими темпами, действительно быстро сокращала разрыв в развитии с передовыми капиталистическими странами, догоняла их. Ибо рождение Новой Веры — веры в социализм вызвало в миллионных массах невиданный подъем духа, энтузиазма и национальной энергии, поставило народ с колен на ноги.

Став великой державой мира, мы быстро утрачиваем свое величие, снова становимся просто географически «большой» страной.

Почему? Оставим в стороне подробный анализ причин. Ответим коротко и емко: внеэкономические методы хозяйствования; антидемократические традиции; тоталитарное мышление; ограничения прав личности и обмена идеями и информацией, что не позволяет создать эффективную систему управления обществом. И тому подобное.

Как бы там ни было, в результате всех усилий народа создана некая новая социальная реальность, которую ни по каким критериям

не назовешь капитализмом. Это общество можно назвать «некапитализм», а можно — «несоциализм»: уже не капитализм и еще не социализм. По уровню своего развития «несоциализм» не превзошел капитализм, как это должно было случиться в соответствии с его программами и планами. Напротив, даже передовой «некапитализм» пока отстает от среднего капитализма. То есть он не впереди, не обогнал «старый» строй, не «сменяет» и не «замещает» его, а сосуществует рядом, сбоку, но — в противовес ему. Рожденный капитализмом, вышедший из его чрева (по крайней мере, в Европе), «некапитализм» не превзошел своего «родителя» ни в чем существенном в смысле социального прогресса.

Что было и есть, никуда не денешь. Что же «было» и что же «есть»? Коль «оно» существует, то должно ведь и как-то называться? И называется «оно», по-моему, все-таки вполне определенно — социализм тоталитарный.

Социализм, полученный в результате всех, какие только были мыслимы и возможны, вульгаризации, упрощений, искажений, в «теории» и практическом воплощении идеи социализма как таковой; идеи, которая сама по себе в главном и основном представляется мне достойной и плодотворной по возможным результатам для того, чтобы считаться Целью социального прогресса; идеи, рядом с которой по ее гуманистическому потенциалу пока поставить нечего; идеи, которая сама по себе ни перед кем и ни в чем не «виновата», как не виновата чистая душа, над которой надругался пьяный и грязный насильник.

Что мы имеем в виду под тоталитаризмом в СССР? Полный контроль правящей партии и государства за всеми сферами и областями жизни граждан, включая их мышление и сознание. Установив единую для общества марксистско-ленинскую идеологию, партия и государство, а также общественные организации своими собственными формами и через посредство системы образования и воспитания, науки, литературы, искусства, средств массовой информации, системы политической учебы и даже дошкольных учреждений и семьи принудительным образом внедряли эту идеологию в сознание людей. Те, кто не был согласен с официальной идеологией, те через систему коллективных собраний, бюро и комитетов подвергались «убеждению», а если отклонение от нормы было слишком велико, то подвергались репрессиям от «мягких» форм (понижение в должности, увольнение с работы и др.) до жестких — ареста, а то и физического уничтожения. В тоталитарном обществе недопустимы плюрализм мнений и взглядов, свободный обмен идеями и информацией, свобода организаций. Любой тоталитаризм («социалистический» в том числе) противостоит творчеству, и это несет ему неизбежную гибель.

Однако тоталитаризм имеет разные степени развития и свои формы. Элементы тоталитаризма были свойственны многим цивилизациям в далеком и недавнем прошлом, они присущи многим, в том числе западным, обществам и в настоящем. Поражены тоталитаризмом (хоть и в разной мере) были все страны социализма. В СССР тоталитаризм достиг своей высшей и крайней формы — варварской, ибо долгие годы сопровождался борьбой против любой иной идеи, не укладывавшейся в русло официальной идеологии, путем физического насилия, уничтожения многих миллионов наиболее способных, талантливых, т. е. наиболее полезных обществу людей.

Не будем, однако, видеть прошлое сплошь варварством, не будем видеть в нем только варваров и убийц. Жизнь всегда хранит и сохранила в себе созидательное начало. Иначе как объяснить, что мы живы, не до конца оглупели, не до конца бездуховны? Страх уничтожал общество, но страх же (страх нарушить главную обязанность человека — быть живым, чтобы мыслить и сохранить в памяти увиденное и пережитое, инстинкт самосохранения и продолжения социального рода) этот страх уберег в обществе тот минимум позитивного и положительного в мышлении, сознании, культуре и образе жизни, на основе которого мы начали и ведем ныне трудный и мучительный, но животворящий процесс, именуемый перестройкой.

Я называю «позитивными» и веру, и энтузиазм, с которыми творился этот социализм, и трудовые и ратные подвиги миллионов, которые не только в ослеплении рушили, но и строили, защищали построенное на вдохновении, поте и крови. И — быть может, прежде всего — все то, что сохранялось, создавалось, творилось, пробивалось вопреки угару строительного разрушительства: Свободолюбие, Мысль, Дух, Этика, Творчество.

Оставшиеся в живых (слава богу, в живых!) некоторые носители этих высших человеческих ценностей сегодня говорят с нами с экрана телевизора, их голоса — в эфире, их мысли — на газетных полосах и страницах журналов. О чем думали и говорили эти люди, которых справедливо отнести сегодня к высшему духовному слою общества, в условиях социалистической инквизиции и идеологического мракобесия? О свободе, демократии, справедливости, добре, чести, совести, о личном и всеобщем благополучии. О чем говорят и к чему из последних сил стремятся они сегодня? К тому же.

Всякого, кто исповедует гуманизм и социальную справедливость, как вчера, так и сегодня, можно назвать социалистом в широком смысле этого слова. Все расхождения социалистов начинались вчера и продолжаются сегодня с того момента, когда понятия «социализм» и «социалист» начинали уточняться, зауживаться; когда формулировались конкретные цели и задачи создания нового общества, опреде-

лялись пути и средства их достижения. Тут и возникали партии «большевиков» и «меньшевиков», «эсдеков» и «эсеров», эсеров левых и правых. Тут появлялись анархисты, национал-социалисты...

Рассуждения на тему «что же мы построили?» имеют не столько исто-рико-познавательный, а прежде всего практический характер. Ибо если идея социализма утопична по своей сути вообще, когда в качестве исторической альтернативы остается пока только капитализм, поскольку никакой другой социальной реальности не существует. Если идея и модель социализма, созданные Марксом, Энгельсом, Лениным, в главном и основном верны, но были грубо искажены, то надобно вернуться на исходные позиции тех идей, которые предполагалось осуществить, но которые не были реализованы. Пока идеология перестройки строится именно на таком подходе: «возродить ленинскую концепцию (модель. — *И. И.*) социализма».

Например, авторы коллективной статьи в «Правде» («К современной концепции социализма» от 14, 16, 17 июля 1989 г.) к «основным чертам новой модели социализма, контуры (!) которой вырисовывались (!) в последних работах Ленина», относят десять его идей — использование закона стоимости и товарно-денежных отношений в рамках государственного плана и в интересах трудящихся; принцип оплаты по количеству и качеству труда; допущение плюрализма социалистических форм собственности; признание кооперации формой социалистического производства и т. п. Мне такого рода подход кажется ошибочным. Почему?

О «ленинской модели социализма»

Во-первых, потому, что многие из названных черт «новой» модели социализма уже в ленинскую пору использовались капитализмом (закон стоимости, товарно-денежные отношения и др.), что некоторые из этих «черт» уже давно и вовсю «работают» на современный капитализм (кооперация, ориентация на интересы потребителя и т. п.). Ну а принцип оплаты по количеству и качеству труда вообще не стоит относить к числу ленинских открытий...

Во-вторых, потому, что все имеет свои границы, меру, мыслительный прогноз тоже имеет свой предел, как имеют этот предел наше зрение, слух, обоняние. И Ленин в этом смысле — не исключение, даже если бы 70 лет назад все эти и другие открытия сделал действительно он. Идеи, как и люди, стареют, умирают. Это ясно каждому. И если все-таки нынешние идеологи будто не знают этого, то лишь вследствие традиционно-религиозного отношения к самой фигуре Ленина.

Наиболее проницательные мыслители давно заметили, что когда люди обсуждают политические, религиозные или нравственные вопросы, то их устами во многом, быть может, в основном, говорят не

живые, а мертвые, не современники, а предки, которые сами унаследовали, малость подразвили и передали теперь уже своим наследникам идеи, понятия, слова и язык, на которых они теперь говорят, которые они теперь на этом языке обсуждают.

Давно замечено и то, что исторические исследования — это вовсе не научные исследования, а просто исторические романы, которые знакомят нас с действиями не действительных исторических фигур и действительных исторических событий, а представляют главным образом, часто и единственно — душу романиста-историка, склад его мышления и взгляд на прошлое. Что ругать писателя-самоучку В. Пикуля за «искажение» дальней истории, когда уродованием близкой, «родной» истории СССР занимался многотысячный легион профессионально подготовленных ученых-мифотворцев? Да еще в несколько приемов и всякий раз с точки зрения нового социального заказа ЦК КПСС, его очередного руководителя? Пикуль роется в веках и пишет увлекательно, о людях пишет. А что производят наши достопочтенные ученые? Холодные, не существующие закономерности, горы цифр и никому не ведомых имен. И это — история?

Давно замечено и то, что даже художественная литература, способная хранить в себе вечность, по сути дела, не может быть переведена с одного языка на другой. Это справедливо для языков даже современных и уж тем более — для языков, передающих нам идеи и понятия народов и цивилизации умерших.

Все это происходит потому, что действительный смысл слов, т. е. чувства и понятия, которые они представляют собой, постоянно развиваются и изменяются. В то время как сами слова изменяются очень и очень медленно, их смысл, особенно в периоды культурной и научно-технической революций, изменяется стремительно. И вот, читая поэмы, романы и повести своих предков, мы насыщаем их слова собственным пониманием, а это значит, что, пытаясь узнать о прошлом, мы мыслим настоящее.

Так образуется психологическая ловушка, в которой находится человечество: мы думаем, что знаем историю, что мы почувствовали и поняли ее, хотя на самом деле она осталась непознанным и недоступным пространством, в котором бурлила жизнь, а теперь на нас веет оттуда лишь голос смерти и неизвестности...

Представим теперь, в каком ужасном положении находится догматизированное общество, которое ищет в догматах, унаследованных издали десятилетий, ответы на проблемы современной жизни! Истолковывая труды и указания «классиков» научного коммунизма на свой лад, подводя под древние слова современные понятия, эти люди открывают наудачу их труды и — о, чудо! — всякий раз находят там решения любых политических вопросов современности. Абсурд!..

Надо было Сталину уничтожить ленинцев, а по сути дела, и самого Ленина — и он иезуитски-хитро делал это с помощью ленинского же научного и политического наследия.

Надо было Хрущеву разоблачить Сталина, сменить политику в экономике, сельском хозяйстве, партийном строительстве и т. п. — он сделал это, опираясь исключительно на ленинскую мысль.

Надо было Брежневу развенчать Хрущева — он нашел все основания для этого у Ленина.

Теперь Горбачев, задумав великое дело борьбы с догматизмом, хочет сделать это... опираясь на догмы все того же Ленина: возродить (мистика какая-то!) «ленинскую модель социализма», «ленинскую национальную политику», «ленинскую партию» и т. д. и т. п. Еще одно свидетельство того, что марксизм-ленинизм превратился в Политическую Веру, в Библию, которая была написана в эпоху своего рода варварства, когда все важнейшие научно-технические открытия века были еще впереди; которая служила утверждению варварской формы социализма и которую теперь хотят приспособить к совершенно иным потребностям совершенно иного этапа цивилизации, решению несравненно более высокого и сложного класса социально-политических задач.

Смешно и стыдно читать доклады, статьи и речи наших высших политических деятелей, которые, столкнувшись в мало-мальски сложной практической или теоретической проблемой, требующей собственного усилия мысли, собственной политической позиции, всякий раз находят все тот же и один-единственный выход — прячутся за цитату Ленина. «Ленин сказал...» И все. Ни на йоту выше сказанного вождем. Ни шагу влево или вправо, ибо шаг этот, как в концлагере, рассматривается как побег из марксизма-ленинизма.

И вот звучит до бесконечности уныло и безнадежно: «ленинская концепция социализма», «ленинский план построения социализма», «ленинская национальная политика», «ленинский план электрификации», «ленинская новая экономическая политика», «ленинский план кооперации», «ленинский план тракторизации», «ленинская партия», «ленинский принцип демократического централизма», «ленинский принцип федерализма», «ленинское государство», «ленинские принципы строения и деятельности комсомола».

Словно именем господа бога все в нашем обществе освящено мыслью, мудростью, проведением, добротой и заботой Ленина. Всем в этой жизни мы обязаны Ильичу. В прошлом, настоящем и будущем. В труде и в бою. Кажется, что и в постели, в любовных утехах — «Ленин с нами». Да разве ж это не религия, а Ленин — разве он не Бог после этого для «простого» человека?

Стыдно видеть и слышать, когда от навалившихся на нас проблем, словно ладаном от черта («Чур, меня, Ленина!»), открещиваются наши верховные вожди. Один, второй, третий, четвертый, пятый...

Вот и шестой, признавший кризис марксистско-ленинской идеологии и догматичности общественного сознания, призвавший к перестройке на всех направлениях, действует все по той же накатанной колее, тоже клянется в верности Ленину, ленинизму, а за ним — все высшее партийное сообщество, весь Центральный комитет, весь партийный аппарат: «Ленин сказал...», «Ленин указал...» Эта всесоюзная игра называется «идолократия».

Нестерпимый парадокс состоит в том, что из уст идолократов вылетают слова «демократия», «правовое государство», «борьба с догматизмом», «новое мышление», «научный подход», «научное прогнозирование».

Полноте! Люди, у каждого из которых в мозги врос мавзолей из скелетов умерших идей, концепций и теорий, ничего не перестроят. Пошуршав этими непривычными и модными словами, они очистятся от ново- и инакомыслящих и, одержимые страстью властвовать, сольются в новый монолит, чтобы этим монолитом, утыканным режущим, колющим и стреляющим оружием, с новым вожделением впороться в живое общественное тело. Вот брызнет, так брызнет!..

А ведь можно быть сократовцем, аристотелевцем, вольтерьянцем, гегельянцем, фейербаховцем, марксистом, плехановцем, горбачевцем, вовсе не становясь перед ними на колени, не цитатничая до одури, не растворяясь в них, а растворяя существо их воззрений в своем уме, храня к ним почтение и уважение, которых достоин всякий великий человек и если он, конечно, велик. Не благоговея. Не унижаясь.

Бессмысленно мечтать о свободе, считать себя свободными людьми и оригинальными мыслителями, самостоятельными умами, надеяться изменить будущее, если мы не можем отделить от прошлого даже настоящее, сказать о старом: «Это старое, бесполезное». Там, где свято и слепо следуют традициям в мыслях, там не может быть перемен в реальной жизни, не может быть прогресса. Догматизм погубил все великие цивилизации, превратив их в исторические руины, на которых прежде живые в этих странах народы могут лишь грустить и вздыхать по поводу их былого величия. Древний Рим, Египет, Китай... Застывшие цивилизации...

Если мы и в самом деле хотим понять, что же с нами случилось, а тем более создать действительно новое представление о нашем обществе, мы должны отнять у Ленина, тем более у его преемников — генсеков, черты провидца и пророка.

Да, Ленин был гениальный политик. Это признают даже его противники. Это был великий ум, не боявшийся признавать свои ошибки, которых совершал множество. Не мог не совершать.

Ибо, творя революцию, он не мог быть только романтиком, но должен был стать прагматиком в достижении поставленных целей. И когда революция была в опасности, был вынужден цели ставить выше средств, политику — выше морали. «Нравственно то, — говорил он, — что способствует победе нового строя». Звучит жутковато...

Но поток дел, которыми он был занят как политик, был фантастически велик, множество решений принималось им на ходу.

Но, отлучая десятки миллионов безграмотных мужиков от веры в Бога и обращая их в новую, социалистическую веру, он был вынужден со страстью защищать свое вероучение от наступления научно-критической философии, зарождавшейся в начале XX в. (Соловьев, Бердяев, Флоренский, Лосский и др.). Где страсть, там и заблуждения, ошибки, в том числе жестокие.

Не будь вопроса «быть или не быть», состояния «или-или», Ленин, хочется думать, вряд ли был бы столь непоследователен, нетерпим, категоричен и жесток в своих взглядах на оппозицию, которые брал потом на вооружение Сталин, которые используются и сейчас в борьбе за единство партий, идейное, морально-политическое единство общества.

Вот на V съезде РСДРП(б) Ленин говорит: «Нельзя писать про товарищей по партии таким языком, который систематически сеет в рабочих ненависть, отвращение, презрение и т. п. к несогласномыслящим». Что скажешь? Демократично, лояльно. И если вы хотите видеть в Ленине исключительно демократа и великого гуманиста, оборвите цитату на этом месте. Ибо уже в следующей за ней строке читаем: «Можно и должно писать именно таким языком про отколовшуюся организацию». И дальше: «...Надо возбудить в массе ненависть, отвращение, презрение к этим людям, которые перестали быть членами единой партии, которые стали политическими врагами, ставящими нашей с.-д. организации подножку в ее выборной кампании. По отношению к таким политическим врагам я вел тогда — и в случае повторения буду вести всегда — борьбу истребительную (Соч. 5-е изд. Т. 15. С. 297–298).

Вот вам, товарищи, нинындреевцы, ленинское указание в борьбе с неформалами в сегодняшней предвыборной кампании в местные Советы народных депутатов, если вы бездумные ленинцы, если «не хотите поступаться принципами». Указание есть. Действуйте: истребляйте!..

Будучи гениальным политиком, Ленин оставался всего лишь человеком, которому свойственно поддаваться эмоциям, заблуждаться,

совершать ошибки, за которые потом, по прошествии времени, на «трезвую голову», становится стыдно, хочется повиниться.

Пролистайте работы Ленина, и во множестве случаев найдете: «Я ошибся...». «Мы ошиблись...». «Мы в России сделали тысячи ошибок...». «Тут была также большая моя вина...». «Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России...». «Мы наглупили достаточно в период Смольного...». «Мы сделали и сделаем еще огромное количество глупостей» и т. д.

И это не было кокетничанье. Ленин был вынужден признавать свои ошибки, потому что они были очевидны, дорого стоили обществу и его собственным замыслам.

В своих трудах Ленин всегда говорил о революции буржуазной, а не социалистической, и лишь потом, когда действительно буржуазная революция разразилась, захватив его абсолютно врасплох в Швейцарии (Ленин узнал о Февральской революции через три дня, назвал ее чудом), а вернувшись в Россию, нашел, что первые роли в этой революции уже разделены, Ленин, избрав для того убедительные условия, провозгласил: «Да здравствует социалистическая революция!» Ленин высказывался против Советов в 1905 г. и еще в середине 1917 г. В своих работах он говорил о пользовании правами человека, всеми свободами — гражданскими и политическими, но вскоре отменил их все. Он дал приказ вторгнуться в Польшу, а потом сожалел об этом. Он настаивал на срочном созыве Учредительного собрания, а потом разогнал его. Он пробовал ввести «военный» («штурмовой») коммунизм, а затем круто изменил свои взгляды и перешел к нэпу. Он рекомендовал Сталина в Секретариат партии, а затем в своем Завещании дал ему убийственную характеристику, сожалел о своем выборе и до того.

Ленин не был безупречен и непогрешим. И если мы хотим видеть в нем человека, то давайте признаем это. А с этим и относительную, а не абсолютную ценность его работ и идей. Их конечность, «смертность», известную ограниченность не только мозгом этого великого, но человека, а также кругом тех открытий и того знания о мире, которое существовало в его время.

Идеология «научного социализма» в XIX в. развивалась под воздействием «могучего тока от естествознания к обществознанию» (Ленин). Характерной чертой мировоззрения того времени были механистичность, природный и социальный детерминизм. Все в мире виделось заранее предопределенным, и в нем не было места свободе выбора.

Энгельс называл три величайших открытия XIX в., которые имели фундаментальное значение для выработки марксистского мировоззрения: закон сохранения энергии, клеточное строение живого вещества, эволюционная теория Ч. Дарвина.

Ленин был современником открытия электричества, радио, таблицы Д. Менделеева и модели атомного ядра. Но он уже не застал открытий XX в., перевернувших наше мировоззрение: теория относительности А. Эйнштейна, квантовая механика Н. Бора, заставившие радикально изменить представление о времени, пространстве и причинности. Теперь, открыв бессознательное, мы знаем, что в природе существуют явления, у которых нет и не может быть причины. Без Ленина состоялись такие открытия в новой математике, как теория алгоритмов и другие, согласно которым даже в этой «чистой» и действительно точной науке есть ограничения наших возможностей в предсказаниях. После Ленина появилась кибернетика, без понятийного аппарата которой не может обойтись сегодня ни один обществовед, социолог. Без Ленина разрабатывалась такая фундаментальная философская проблема, как проблема ценностей.

Надо ли говорить, что современный научный аппарат видения и объяснения общества неизмеримо более могуч, чем при Ленине? Что Ленин, будто от жив сегодня, о многом, вероятно, судил бы с других позиций, в других терминах и категориях, а значит, приходил бы и к другим выводам...

Важно бы узнать и другое: а сам-то Ленин говорил когда-нибудь о «своей» «модели» социализма, или эта модель конструируется из его идей уже задним числом? Сам-то Ленин именно эти «черты» считал главными? А может, он имел в виду еще кое-что более главное, да не успел сказать? А может, кое-что из названного он уже понимал как ошибочное? И кто докажет, что через некоторое время Ленин — политик гибкий, тонкий, диалектичный и решительный — не отбросил бы некоторые свои идеи, переставшие сообразовываться с действительностью, и не сказал бы: «Я ошибся...»

Когда-нибудь (а это будет вскоре) тот, что станет анализировать Ленина на предмет не только величия, но и противоречивости, ошибочности его взглядов и идей, даст нам, полагаю, немалый их перечень. Но уже и сейчас кое-что понятно и должно быть сказано совсем не из намерений охаять или очернить Ленина. Совсем нет. Ради Дела.

Не надо спекулировать Лениным и прикрываться его идеями, которые далеко не все могут «работать» в современных условиях, во многом, коренном — совсем иных и отличных от тех, на почве которых восходили ленинские идеи и взгляды. Возьмем на вооружение его подход, его диалектику, его способность слушать и наблюдать жизнь, мгновенно оценивать ситуацию и принимать неожиданные, новые и радикальные решения, которые диктовала каждая новая ситуация. Искусство Ленина не только в его способности «просчитывать» ходы противника, заглядывать в будущее. Нередко он выигрывал свои «партии» и потому, что умел в каждой новой ситуации делать лучший

из всех возможных ход. И так шел к победе, хотя победа не всегда была успехом...

Ленин тоже, вслед за Марксом, не считал коммунизм застывшим «состоянием» (т. е. «моделью»), а представлял его себе как «движение, которое уничтожает теперешнее состояние». То есть понимал новое общество главным образом как «процесс», а не некий данный идеал, ясную во всех деталях цель, которая столь значительна и велика, что оправдывает любые средства ее достижения. Другое дело — корректировать процесс, управлять им в соответствии со вновь и вновь зарождающимися противоречиями, обстоятельствами, условиями, которые складываются вокруг процесса, даны его «строителям» помимо их желания и воли иным, внешним миром, в частности научно-техническим процессом, урбанизацией, другими глобальными всечеловеческими процессами.

При том что Ленин тоже, как и его ближайшее окружение, был крайне нетерпелив, не говоря уж о массах жаждавших «светлого будущего» поскорее, уже завтра же; что и он порой означивал конкретный срок пришествия этого «завтра» (смотри речь на III съезде РКСМ), я все же склонен думать, что Ленин, как никто другой, понимал, сколь долог и труден будет путь в это «светлое будущее».

И вдруг из философа и мыслителя мы делаем заурядного «модельера», который сегодня строит будущее по одной «модели», завтра — по другой, послезавтра — по третьей, словно не понимая, что «кроит» он это будущее не из хлопчатобумажной ткани, а из «человеческого материала», всякий раз проходясь ножом политических решений по все новым и новым тканям человеческих умов, душ и тел, которые при этом истекают стоном, криком и кровью. Знал. Понимал. Кое-что из этого даже делал... Но не об этом сейчас речь. Ленин не был «модельером». Это факт. И делать задним числом из его идей «ленинскую модель социализма» не следует. И Ленину, и нам от этого будет только хуже.

Откуда же тогда эта страсть к моделям? Возможно, от того, что сегодня есть разные модели социализма — венгерская, югославская, польская, корейская, китайская, советская, румынская... Что ни страна — то модель.

Вот на самом левом (настолько «левом», что уже оказывается «справа») краю — северокорейская «модель». Самый социалистический социализм... Но я лично в таком социализме жить не хочу.

Вот Венгрия и ее «модель»: вся во внешних долгах, беспокойных реформах, стабильности перемен, направленных в сторону австрийской «модели» социализма, если верить Ч. Айтматову.

Вот китайская «модель» социализма, построение основ (!) которого официально отнесено съездом КПК на сотню лет в будущее.

И так далее.

Все это — социализмы, но не единая модель социализма. И все это не теоретические «модели», не логические конституции, а уже данная нам, сложившаяся социальная реальность. Хочешь — называй ее социализмом, хочешь — не называй.

Июнь 1988 г.

О «МОДЕЛЯХ» И МОДЕЛЬЕРАХ

Кризис общества породил острейшую необходимость поиска путей выхода из него. В эту работу включились все, кто может сказать хоть что-то рациональное. Используются различные способы научного поиска. В моде слова: «социальное проектирование», «социальная технология», «социальная инженерия», «социальное моделирование» и т. п. Говорят о моделях экономики и политической системы, моделях партий. И не только говорят — создают, причем с легкостью невероятной.

Наряду с несомненной полезностью поисков прорыва общества в будущее с помощью построения социальных моделей в этом есть и немалая опасность. Время создало невиданные возможности для политического карьеризма. К власти рвутся не только люди светлых замыслов, но еще чаще –выдающиеся авантюристы и циники, знающие, что без платформы, без программы — без «модели» — нет политики. Многие доблестные модельеры, творя свои «модели», не имеют ни в голове, ни за душой ничего, кроме пошлого желания иметь хоть какую-нибудь, но непременно «свою» модель. Дабы «состояться». И находят своих последователей и органы печати, которые их поддерживают. И вот уже вся эта невообразимая эклектика, все это примитивное прожектерство, часто никак не связанные с действительностью, валятся на головы осатаневшего от переизбытка «моделей» электората, и он, усталый и озлобленный, кричит: «Довольно! Хватит дискуссий и «моделей»! Дайте спокойствия и порядка!» То есть, по сути дела, зовет диктатора. Так из мечты о демократии и свободе может восстать несвобода.

Хочу порассуждать по поводу некоторых «общих» вопросов социального моделирования, имеющих принципиальное значение как для тех, кто моделирует, так и для тех, кому эти «модели» предназначены.

Слов нет: метод проб и ошибок плох. Но чем лучше метод моделирования ошибок?..

Что такое «модель»?

В нашей обыденной жизни слово «модель» употребляется весьма широко. На слуху «модель автомобилей», «модель двигателя», «модель обуви» и т. п. Всякий изучавший физику и химию знает выражения «модель атомного ядра», «модель химической реакции» и множество других.

Идея социального моделирования возникла благодаря математике. Любая наука может считаться собственно научной тем в большей степени, чем больше она использует математические методы исследования.

Математика и логика — вот действительно точные науки. Точность всех остальных наук (тем более общественных) определяется именно тем, насколько они логичны и математизированы. Пропуская через логику цифр и формул эмпирические факты и данные исследований (социологических в том числе), математика «отсекает» все, что не подчиняется ее требованиям и делает знание точным, т. е. собственно научным. Так возникли математическая химия, математическая экономика и другие науки, которые благодаря математике стали считаться тоже точными, хотя в действительности изначально таковыми не являются. Благодаря математике стало возможным моделирование химических и физических процессов и состояний.

Ныне все чаще и чаще слово «модель» употребляется совсем в ином, социальном значении. Что мы имеем в виду, произнося слова «социальная модель»?

В принципе моделью действительности являются любые творения человеческого разума, созданные философией, наукой, литературой, искусством, ибо все эти творения подчинены общей для всех данных форм познания цели — помочь человеку, обществу ориентироваться в окружающем мире явлений и событий, предвидеть их. Все эти творения служат данной цели с той или иной мерой полезности, которая зависит от меры талантливости их творца, глубины его проникновения в сущность вещей.

Разве не являются моделями социальной действительности творения многих великих философов, начиная с древнейших — Гераклита, Сократа, Аристотеля и кончая современными, чьи взгляды претендуют на какую-либо завершенность, системность? Они создавали не что иное, как модели мира и общества, которые имеют самоподавляющее значение, неразрушимы именно как система взглядов, как модели, элементы которых (идеи, понятия и т. п.) человечество заимствует для конструирования все новых и новых картин будущего.

Разве пьесы Шекспира, романы Достоевского, Толстого, Чехова — не модели действительности с огромным заглядом в будущее? Разве

произведения Платонова, Булгакова, Замятина — не гениальный прогноз перспектив, который они дали многие десятки лет назад?

Примеров подобного рода можно привести множество.

Философия, литература, искусство с помощью синтезированных художественных образов дают нам произведения, которые оказывают могучее воздействие на глубины нашего сознания и чувств, а значит, и на наше поведение в сторону создаваемых ими идей, образов, философии жизни. Но поскольку ум творцов этих образов опирается прежде всего на интуицию, поскольку творец тут больше философствует, проповедует, чем доказывает, то все сказанное им столь предположительно, столь приблизительно и вероятностно, что каждый из читателей верит ему настолько, насколько сказанное созвучно его индивидуальному опыту, строю эмоций, чувств, развитости его личной интуиции.

Таков один тип художественных, эмоционально-умственных моделей социальной действительности, с помощью которых познается мир. Их значение трудно переоценить. Часто оказывается, что литература в понимании жизни стоит выше науки, чувствует ее проблемы острее и глубже, «открывает» области бытия, в которые еще не проник взгляд науки. Так случилось с нашим обществом. Идеологами перестройки чаще являются писатели и журналисты, чем профессора экономики, истории, социологии. Наука порой лишь подхватывает проблемы, поднятые литературой и журналистикой, делает их предметом научного познания.

Однако идеалом науки (и собственно наукой) является модель полностью формализованная, т. е. не кем-то «придуманная» жизнь, ситуация, событие, не продукт чьего-то мозга, а (как привыкли говорить) «объективная» модель внешнего мира. Модель, создаваемая из определенных понятий по строгим, однозначным правилам, настолько строгим и четким, что ее можно «вычислить», поручить ее создание компьютеру, который должен пересчитать все варианты связей каждого понятия с явлениями действительности. Так можно проиграть одну ситуацию за другой, одно возможное состояние общества за другим, хотя бы отчасти избавив его от треклятого метода проб и ошибок.

Ученые нашего общества и раньше не понимали, что более строгое знание о социальной действительности невозможно без социального моделирования. В середине 60-х и самом начале 70-х годов в стране, и прежде всего в Москве и Новосибирске, начинали действовать группы ученых, активно осваивавших и развивавших общую теорию систем, кибернетику, методологические и прикладные вопросы социального моделирования.

Казалось бы, общество, избравшее путь движения в будущее не через естественно-историческое, эволюционное развитие, а через по-

средство проектирования этого будущего, т. е. составление различных программ и планов, должно было всемерно поддержать их и усиленно развивать это научное направление. Но оно отвергло их идеи и старания. Почему?

Что случилось с «моделью» научного социализма?

Опираясь на творения предшествующих им философов, свои модели мира в образе социализма оставили Маркс, Энгельс, Ленин. Ленинская модель социализма проверена экспериментально, в ходе социальной практики. Более того, эта ленинская (советская) модель социализма имела свои разновидности: югославскую, венгерскую, китайскую, корейскую, румынскую, чехословацкую, немецкую. И это не какой-то один социализм. Это — СОЦИАЛИЗМЫ.

Иначе говоря, модели общества существуют в виде не только идеальных построений, но и как социальная реальность, сложившаяся исторически и, как правило, вовсе не так, как она мыслилась ее творцам.

Можно утверждать: «социализм построен». Ибо действительность насильно втискивали в схему, в теоретическую модель. И в то же время создание модели, тем более модели целого общества, — это **процесс**, это так или иначе, но **творчество**, в ходе которых это общество движется в будущее через множество состояний. И достижение этих состояний невозможно спланировать во всех мельчайших деталях. Кроме организации есть самоорганизации. Кроме управления есть самоуправление. В этом смысле каждый новый день, месяц, год несут никем не ожидавшиеся события, которые рушат спланированные замыслы. Именно в этом прав М. С. Горбачев, говоря: «Мы имеем концепцию перестройки», и глубоко ошибаются те, кто хотел бы создать ее в завершенном виде, а потом уже осуществлять.

И только если «цель любой ценой», если «к счастью — по крови», то раньше или позже, так или иначе «конечная цель», «идеал», могут быть достигнуты.

Вот мы у Цели: полуголодные, полунищие, униженные, оскорбленные. И опять — в революции.

Почему все случилось именно так, а не иначе? Случилось у нас — в стране «первого в мире социалистического государства»? Даже если захотеть, то на Сталина все не спишешь. Ибо то же самое в конце концов случилось всюду, куда идея социализма была привнесена. И всюду были свои «модели» Сталина. Причин множество, они крайне сложны. Но главная, по-моему, во внутренней противоречивости марксизма.

Парадоксально, но факт: существует как бы два марксизма, которые рассматривают главный закон нового общества с двух сторон.

Один марксизм утверждает, что материя первична, а сознание вторично; что общественное бытие определяет общественное сознание; что, следовательно, человек абсолютно зависим от условий жизни и среды обитания, создание которых и есть главная цель социалистического строительства; что миром движут классовые интересы и борьба классов, что марксизм — это **наука**.

Другой марксизм утверждает, что человек может освободиться от экономического, материального рабства только творчеством духа, т. е. наукой, искусством, новой техникой, новыми формами управления и организации, политики, демократии. То есть — мыслью, сознанием. И в этом случае общественное сознание определяет общественное бытие, здесь сознание первично, а материя вторична. Тут «коммунизм-гуманизм» (Маркс), тут общечеловеческое выше классового. Тут главная задача нового общества — создание нового массового человека начиная с раннего детства. Тут марксизм — это идеология.

Но никому и никогда не удалось еще примирить науку с идеологией. То же случилось и с марксизмом. Возможности строгой науки столкнулись с амбициями марксистско-ленинской идеологии, считавшей себя «подлинно научной», «единственно верной», строго рациональной, базирующейся на точном значении основных закономерностей развития общества и всего человечества.

Рожденный Марксом исторический материализм с его объективными законами, исторический детерминизм, властвовавший в философии того времени, так прочно вписаны Марксом в свою теорию, что не будет большой ошибки сказать: марксизм — это социальный детерминизм. Согласно детерминизму движение материи мыслится строго предопределенными и естественными, объективными законами, действующими с «железной необходимостью» (Маркс), а история человечества предстает как бесконечная цепь причинно обусловленных явлений и событий, которые являются следствием этих причин. В этой полной уверенности в правоте своего дела и заложено зерно нетерпимости идеологии к науке.

В предисловии к первому тому «Капитала» К. Маркс писал, что «естественные законы капиталистического производства проявляются и реализуются с «железной необходимостью»; когда какое-нибудь общество напало на след естественного закона своего развития, оно не в состоянии ни перескочить через естественные формы своего развития, ни отменить их при помощи декрета. «В общественном производстве, — писал в другом месте Маркс, — люди вступают в определенные, необходимые, от них не зависящие отношения». «Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание».

Картина социального мира в свете этих Марксовых формул проста и ясна: в нем все «необходимо». Если капитализм есть эксплуататорское общество, его «необходимо» уничтожить. При этом капитализм по мере своего развития «необходимо» пролетаризирует народные массы, «необходимо» создает своего могильщика — пролетариат, который «необходимо» совершает социалистическую революцию, уничтожает капитализм, «необходимо» строит социализм, наступление которого можно предсказать едва ли не с точностью восхода солнца.

Не хочется думать, будто сам Маркс понимал социальные процессы и ход истории в столь упрощенном виде, будто он сознательно закладывал противоречивость в свою «модель» общества. Но так вышло, что крайне примитивно понимали Маркса едва ли не все его последователи. Иначе чем объяснить расчеты на скорую мировую революцию даже Ленина, не говоря уж о Бухарине, Сталине, Хрущеве, которые пытались обозначить точное время прихода коммунизма?

Общество и его вожди тоже были во власти идеократии, не допускавшей незнания, неверия, сомнения, ничего необъяснимого, уже утвердившей вместо непрестанного общественного диалога и самопознания монолог, диктат, диктатуру, угнетение духа и мысли. В тоталитарном режиме иначе быть не могло.

Ибо действительно научные методы познания действительности означали бы проверку марксизма-ленинизма на его достоверность, подлинность путем критического скептицизма, сомнения, анализа, математики. Этого «научная» идеология допустить не могла. Без веры в чудо и его ожидания, без тайн, секретов и запретов, без спецотделов, спецслужб, а значит, без лжи, мистики, иррациональности и т. п., не может быть тоталитарного государства, партийного всевластия.

Мысль о существовании более точной, более научной науки, чем марксизм-ленинизм, они не могли даже допустить. Зачем нужны «самой научной и единственно верной» идеологии какие-то вспомогательные средства типа социального прогнозирования, математического эксперимента на социальных моделях, если она все может сама?

И хотя уверенность народных масс в том, что вожди нового общества, вооруженные марксизмом-ленинизмом, знают «все» или, по крайней мере, больше всех, была всего лишь предрассудком, именно на этом предрассудке строились все развитые общества. Преданный вождям народ жаждал чуда. Но чудо не приходило. И не только потому, что чудес не бывает. А потому, что в действительности глобалистские замыслы, программы и планы строились на глазок, по интуиции, по воле, а не по научному знанию. Вожди сами ожидали чуда то от коллективизации, то от индустриализации, то от освоения целинных и залежных земель, то от умизации, то от продовольственной программы, то от укрепления трудовой и продовольственной дисципли-

ны. Народ и общество не познавали действительность, а верили и веровали. В вождей, которые ничего толком не знали, не умели и не могли, в науку, которая была обезглавлена, в искусство с завязанными глазами и затянутым ртом. Даже зная все это — верили!

Первая и главная трудность социального моделирования, особенно когда речь идет о макросистемах и макропроцессорах, связана с тем, что достоверность модели должна проверяться практикой, т. е. путем социального эксперимента, историческая цена которого непредсказуема. Теперь мы знаем, во что обошлось строительство социализма в одной отдельно взятой стране и в мировом масштабе.

Положительным результатом этого фантастического опыта является, в частности, прочное знание о том, что историческая предопределенность социальных явлений и процессов (детерминизм) не действует с тем автоматизмом, который предсказал марксизм-ленинизм и на котором базировались глобальные проекты и планы — «модели» движения нашего общества в «светлое будущее».

О трудностях социального моделирования

Значит ли все сказанное, что социальное моделирование невозможно, что им не следует заниматься? Конечно, нет.

История знает немало случаев, когда мыслители и философы прозорливо угадали ход будущего. Руссо и Гольдсмит предсказали французскую революцию. Артур Юнг предвидел, что во Франции после кратковременного периода всяких насилий и неистовства «наступит прочное благоденствие как результат реформ». Гейне за много лет вперед говорил: «Вам, французам, следует бояться освобожденной и объединенной Германии более, чем всего Священного союза и всех казаков, вместе взятых». Философ Эрве за семь лет вперед предсказал австро-прусскую войну 1866 г., а затем войны между Францией и Пруссией, между немцами и славянами (Бон Г. Психология социализма. СПб., 1988. С. 355–356). Человек, утверждающий, что будущее непредсказуемо (а таких немало среди крупных мыслителей), прав и не прав, так же как прав и не прав тот, кто утверждает возможность прогноза.

В разговоре на данную тему все зависит от самого понимания социального моделирования, от той глубины, которой мы хотим достичь в познании действительности.

Если под социальной моделью понимать полное описание будущего состояния количественных параметров и качественных характеристик системы на строго формализованном математическом языке, в расчете перебрать все варианты этих состояний с учетом различных условий и факторов действительности, то такое моделирование при всей его желательности, думается, невозможно. Почему — скажем позже.

Если под социальным моделированием понимать опережающее теоретическое отражение самых общих свойств системы (целевое назначение, задачи, функции, структура, нормы, связи и отношения и т. п.) на предельно высоком уровне абстракции и не более чем «на один шаг» от прошлого, выраженное в виде совокупности определенных идей и суждений, то разработка такого рода моделей, на наш взгляд, вероятна и необходима.

Однако существует немало «частных» трудностей социального моделирования, которые надо бы принимать во внимание всякому из нас, кто «моделирует» действительность и судит о моделях.

Первое. Модель социального явления, процесса, состояния может быть построена лишь при условии достаточно полного и достоверного знания об объекте (общество, партия, государство) и т. п. Социальное моделирование практически невозможно без объективной статистики и эмпирических данных, полученных с помощью социологических исследований. Говорить всерьез о том, что социология в СССР хорошо развита, невозможно. И дело тут не в количестве анкетирований всевозможных социологических групп. Их в стране в последние годы развилось много. Уж скоро 30 лет, как существует Институт социологических исследований Академии наук СССР. Что толку?..

Второе. Дело в общем взгляде на роль социологии в обществе. Эта роль никогда не виделась политическим верхам как роль рационализатора, обратной связи в обществе. Социология была призвана подтверждать «гениальные предвидения» вождей, «мудрость замыслов» партии, создавать картину благополучия и успехов. Огромный круг проблем, главных для понимания того, что же происходит в обществе и с обществом, до недавних дней был запретным для социологических исследований. В стране отсутствует и не скоро еще будет создан единый банк социологической информации о разных сторонах жизни общества, ибо организация профессиональных социологических служб только-только разворачивается. Лишь в 1988 г. принято решение ЦК КПСС о развитии социологии в СССР. И это едва ли не самая главная причина, по которой социальное прогнозирование находится у нас на уровне каменного века.

Третье. Историзм социальных явлений означает, что выводы, полученные на основе социологических исследований и анализа социальных процессов, сегодня могут быть совершенно не пригодны для понимания общественной жизни уже завтра. Тем более нелепо строить современную жизнь на идеях и суждениях людей (даже великих) далекой истории, как это сплошь и рядом пытаются делать ныне некоторые политики в ходе перестройки. Тем более в нашем, советском обществе, которое, если судить строго научно, не имеет своей истории.

Ибо понятие историзма непременно предполагает **непрерывность** смены состояний общественной системы, **преемственность** в развитии и **традиционализм**. О какой непрерывности и преемственности в развитии нашего общества можно говорить, если каждая смена руководителя партии сопровождалась отрицанием тех основ, на которых строилась политика предшественника? Если вся наша отечественная история — это не более чем история реформ и перестроек, революций и бунтов, потрясений, сопровождавшихся невероятным потрясением и сокрушительным разрушительством сознания, а значит, морали и нравственности? Сказать одним словом — культуры?

Преемственно воспроизводилось только то, что «работало» на стабилизацию самодержавия, а затем тоталитаризма. Традиционными оставались лишь призывы героически трудиться, быть готовыми к обороне Родины, а если понадобиться, то и к смерти ради нее. Общество постоянно изменялось, но это не значит, что оно развивалось. «Развитие» по существу — это непрерывная связь, это эволюция. Перерыв постепенности, скачок (революция) фактически значит иррациональный переход от одной формы бытия к другой, т. е. отсутствие развития. Мы уже 70 с лишним лет находимся в состоянии революции, и — воистину выходит, что «есть у революции начало, нет у революции конца». Конечно, развитие — это и новаторство. Парадокс нашей революции в том, что ею подавлялось прежде всего все новое, прогрессивное — дух, творчество, идея, мысль, свобода. Новые планы рождали лишь новые надежды и иллюзии, но не вели к прогрессу.

Более того, новые планы будущего предполагали новое видение прошлого, т. е. «моделировалось» не только будущее общества, но и его история, которая стала более непредсказуемой, чем будущее. Рождались все новые и новые ее варианты. В итоге теперь прошлое не может узнать себя в писаниях его толкователей.

Конечно, прошлое было, и от него никуда не деться. Мы можем и должны его изучать. Но можно ли назвать это прошлое историей? Чему может научить эта история нас? Возможно ли любить такую историю? И стоит ли такая история продолжения в новых моделях?

Четвертое. В сфере социологии (как и в стране в целом) нет приспособленной для социального моделирования электронно-вычислительной техники. И дело тут не только в нашем общем научно-техническом отставании. Причина эта опять-таки прежде всего идеологическая.

Компьютер с момента его возникновения навис неожиданной и страшной угрозой над системой тотальной лжи, которая пронизала всю систему во всех ее областях, ибо требовал правдивой информации. В противном случае он не нужен: компьютер, работающий на фальшивых цифрах, будет рисовать фальшивую картину, что об-

щество прекрасно научилось делать и без электронно-вычислительной техники.

Компьютер разоблачает фиктивность общесоюзных и местных программ и планов, делает невозможной их «корректировку» в конце года или пятилетки. Могучее средство научно-технического и социального прогресса оказалось в нашем обществе не только бесполезным, но и «вредным», опасным. Потому что означает фактический переход права знать правду об обществе от узкого круга политических работников и аппарата ко многим сотням тысяч «простых» людей, занятых обслуживанием компьютерной техники, т. е. ко всему обществу. Потому что означает фактический переход власти принимать экономические решения от партийных органов к людям, владеющим этой информацией и способных квалифицированно оценить ее, — ученым, экономистам. Профессия программистов носит индивидуальный и практически неподконтрольный характер: проверка правильности той или иной программы другим программистом или невозможна, или требует трудоемкости, близкой к подготовке этой программы.

Компьютер, способный за секунду «осмыслить» многие тысячи фактов, огромный объем информации и выдать оптимальное решение, превратился в противника идеологической системы, деятельность которой была сплошь мистифицирована, лжива. Потому-то компьютерная техника проникла лишь на те узкие участки общества, которые не связаны с идеологией (бухгалтерия и т. п.), в военную промышленность, в охранительные органы (КГБ, таможня, МВД и др.). Потому-то компьютеров практически нет в научных учреждениях (институтах, кафедрах, лабораториях) обществоведческого профиля, в редакциях газет, журналов, радио, телевидения, т. е. в органах, которые первыми получают, первыми оценивают и осмысливают социальную информацию.

Так становится невозможным накопление и глубокое, всестороннее и последовательное осмысление полученной информации, ибо уже вскоре после ее получения образует завалы бумаг и папок, становится информационным хламом. Так исключается сама возможность последовательного социологического взгляда на историю, а остается лишь возможность описывать каждую данную историческую ситуацию без серьезной увязки ее с прошлым и будущим. Так, по сути дела, исключается возможность социального моделирования, прогнозирования.

Пятое. Трудность социального моделирования состоит в том, что в стране крайне мало квалифицированных социологов. Поскольку не нужна была социология, то не нужны были и социологи. Учреждений, факультетов, которые должны бы их готовить, в стране не было. Со-

циология была и остается полем для любительства и дилетантства. Социологами стали именоваться люди, проводящие опросы по анкетам, хотя социолог в действительности — это человек, способный как минимум объяснять социальную действительность на основе эмпирических данных. Он же должен дать хотя бы краткосрочный прогноз. Лишь в сентябре 1989 г. в Московском университете открыт факультет социологии.

Шестое. Среди существующих социологов, даже тех, кто, несомненно, способен к науке, серьезному анализу и осмыслению действительности, владеет техникой конкретно-социологического исследования, буквально единицы знающих математический аппарат этих исследований. Между тем без математики невозможно ни строгое социальное моделирование, ни тем более математический эксперимент на моделях, их проигрывание на компьютере и отбор лучших оптимальных или близких к оптимальности вариантов.

Седьмое. Трудность социального моделирования состоит в том, что общественная жизнь, которую предстоит моделировать, определяется не только количественными, но и качественными признаками. Общество (семья, коллектив, организация) характеризуется не только с точки зрения его возрастного, классового, профессионального состава, уровня образования, материальных доходов и тому подобных признаков, которые можно выразить числами, поскольку это величины количественные. Любой человеческой общности и отдельному индивиду присущи еще эмоции и чувства, настроения и желания, убеждения, вера и т. д. Как измерить и выразить числом, скажем, патриотизм, веру, национальное чувство, симпатии и антипатии?

Думать, что мы уже знаем, как выразить числом эти качества (при том что они имеют разную степень интенсивности у разных людей, их групп и национальностей и, следовательно, могут быть в принципе замерены), было бы большой самонадеянностью. Робость в применении математических методов в социологии связана именно с тем, что многие социальные величины (свойства, характеристики, признаки) далеко не всегда подчиняются правилам арифметики. Там, где присутствуют эмоция, страсть, чувство, математика сплошь и рядом бессильна.

Восьмое. Трудность в разработке моделей социальных систем, особенно на макроуровне, заключается в том, что общество (как теперь очевидно всем) развивается не столь социально детерминированно, на основе якобы познанных объективных закономерностей, как это утверждалось десятилетиями в соответствии с главными постулатами исторического материализма. С гораздо большей определенностью можно утверждать, что общество развивается стохастично, т. е. конфликтно-противоречиво, прерывисто, часто непоследовательно: то

с ускорениями, то с замедлениями и застоями, а то и попятными движениями, то на одном участке, в одной сфере жизни, то в других. И это естественно, ибо речь идет об огромных совокупностях людей — классах, группах, организациях и личностях, которые, преследуя свои интересы, вступают в политическую борьбу друг с другом и постоянно «ломают» плавный ход истории, разрушают эволюционные процессы, которые по всем канонам еще вчера казались необратимыми.

Например, в 70-е годы в ранге абсолютной истины бытовал тезис о необратимости разрядки международной напряженности. Он основывался на достигнутых СССР многих экономических договорах со многими странами, а также на Хельсинкских соглашениях 1975 г. — действительно беспрецедентных в мировой политике. Советское политическое руководство, а вслед за ним и вся общественная наука полагали, что повязанный экономическими договорами и торговыми сделками капиталистический Запад ни при каких условиях не откажется от курса разрядки, ибо это грозило бы ему огромными материальными убытками. Но ставший президентом США «ястреб» Р. Рейган одним махом разрушил все иллюзии насчет необратимости разрядки, без всяких трудностей начал новый виток холодной войны.

Или взять нынешний день. Начиная перестройку, М. Горбачев вряд ли предполагал, что она повлечет за собой глобальные перемены, разрушит всю социалистическую систему, поставит под сомнение саму идею социализма.

Девятое. Наука XX в. носит вероятностный характер. Тем более общественная. Ибо каждое явление и событие в обществе есть бесконечная цепь и взаимосвязь различного рода причин. Количество этих причин столь велико, существенно, а взаимодействие столь запутанно, что выяснить их даже невероятно сильному, но одинокому уму непосильно. Потому и родилась идея коллективных, комплексных исследований. Теперь человечество гадает лабораториями, кафедрами, институтами, академиями, но с тем же эффектом, что древние прорицатели. Научиться предсказывать движение звезд и планет теперь оказалось гораздо проще, чем движение человеческих чувств и мыслей, тем более когда речь идет о многих людях, о целых обществах.

Чрезвычайная приблизительность выводов социологии должна быть принята во внимание практикой, политикой, ждущей от науки «единственно верных» прогнозов, «подлинно научных» социальных моделей, знание этого обстоятельства требует быть терпеливыми, не раздражаться событиями, если они идут вразрез с выводами ученых. Глупо сердиться химику или физику на неожиданный результат произведенного им опыта. Почему это должен делать политик?

В будущем возможны самые неожиданные повороты, самые различные сценарии, зависящие от невероятного множества причин.

Наука может говорить о том, «что будет, если...», «что нужно сделать, чтобы...». Без введения этих ограничителей ученый становится шаманом. Единственно что может утверждать он, так это что будут постоянные перемены, темпы которых зависят от личностей, масс и обстоятельств, которые они создают и рабами которых подчас оказываются.

Если мы хотим быстрее выбраться из болота, в которое попали, надо отказаться от иллюзий, будто мы можем «править» историей, как рабом, думать, будто коммунизм призван завершить и увенчать историю, а мы — тот народ-мессия, которому суждено осуществить эту задачу.

Это важно понять потому, что один раз мы уже поверили в это и, поверив в свое великое историческое предназначение, сотворили то, от чего на виду у всего мира со стыдом должны сами же отказаться. Это необходимо понять потому, что на грани XX и XXI вв. в нашем обществе вновь сложилась социально-политическая ситуация, которая многими своими чертами, атмосферой и духом напоминает ту, которая складывалась и сложилась во второй половине и в конце века XIX: длительное нарастание народного недовольства способами управления обществом, падение веры в царя; поиски новой веры, нового экономического и политического порядка, новых ценностей и нового человека; хождение в народ; либерализация; проклятия прагматизму народившегося капитализма и тоска по духовности; появление (в результате реформы крепостничества) разночинной интеллигенции первого колена. Декабристы, Нечаев, Ткачев, Бакунин. Социалисты... Социал-демократы... Накипание революционной ситуации — и революция 1905 г.! Неудачная. И — революция февральская! Не та — буржуазная. И революция Великая Октябрьская — социалистическая!..

И — революционная перестройка... Через 73 года.

Снова зреют глобальные социальные проекты, создаются модели нового общества, партий, политической системы, молодежного движения, комсомола. Вроде все нормально. Одно страшит: в угаре политических амбиций, спешке, по недомыслию не породить бы новых сумасшедших идей, новых «моделей», за которые надо будет снова платить верой и кровью, за которые потомки проклянут нас...

Опасения эти не надуманны... Зло пророчествуют анархисты-экстремисты, распаляя и без того наэлектризованные массы. Грозят, упреждают и сеют страх возврата к временам тоталитаризма сталинцы. Волны национализма захлестнули большинство союзных республик и часть России, и из этих волн на берег перестройки может неожиданно выйти национал-социализм, а попросту — фашизм. Огромное множество людей повернули свои лица в сторону капитализма и примеривают его одежды к своим воззрениям. Среди крайне правых ре-

волюционеров в ходу сумасшедшие идеи «правильного» построения коммунизма, схожие с теми, что излагал в конце 60-х годов прошлого века «первый коммунист России» Сергей Нечаев, послуживший Достоевскому страшным прообразом Петра Верховенского в романе «Бесы»...

Общество на перепутье, в поиске, в состоянии исторического выбора. Куда и как идти дальше?.. Будем поспешать, не торопясь, не будем погонять Русь-тройку и историю.

Апрель 1990 г.

О ПРОЕКТЕ ЧЕЛОВЕКА

Откуда мы? Не будем спорить о том, как называлось общество, в котором мы жили: просто социализм, извращенный социализм, реальный социализм, государственный капитализм и т. д. Несомненно, что в любом случае это был тоталитаризм, причем в сталинский период — тоталитаризм в его худшей, варварской форме.

Несомненно, что перемены были нужны, что общество должно было кардинально измениться.

Несомненно и то, что к моменту начала перемен, несмотря ни на какие оценки («застой», «стагнация» и т. п.), Советский Союз относился к числу развитых стран мира по своему научно-техническому, производственному, интеллектуально-духовному и культурному потенциалу, по качеству жизни населения.

Несомненно, что недопустимо только проклинать и оплевывать прошлое, в нем надо разбираться, искать, находить и ценить те позитивные начала, которые вопреки всем ужасам (репрессии) и бедам (войны), духовному гнету сохраняли жизнь и делали ее счастливой.

Несомненно, что человечество уже сегодня должно благодарить СССР — Россию и ее народы за то, что она первой в истории совершила опыт социальной революции, связанной с переходом от капитализма к социализму. Что, создав альтернативу стратегии капиталистического развития, заставила все человечество ускорить свой прогресс. Что «подсказала» стихийному капитализму, как лучше вести свое хозяйство за счет элементов планификации. Что стимулировала социализацию капитализма, уже тем самым облегчив жизнь сотен миллионов людей. Что показала ошибочные пути и решения, по которым человечеству не следует идти и которыми не стоит пользоваться. Что первой осознала необходимость перемен и начала их.

Кто и какие мы? Что за люди жили в бывшем СССР, а ныне живут в России? Кто осуществляет перемены и способен ли их осуществ-

лять? Что и как много должно измениться в людях — в отдельном человеке и обществе? Возможны ли эти изменения и как много времени они займут? И так далее.

Начиная с 1911 г. одной из сторон общей триединой задачи (наряду с созданием материально-технической базы социализма и коммунизма, формированием социалистических общественных отношений) было воспитание «советского человека».

Всесторонне продуманная, научно обоснованная, хорошо организованная система воспитания и образования оказывала мощное и постоянное воздействие на умы и души людей, «била» в одну точку, лепила, формировала личность согласно заданным жестким параметрам идеальной модели с детского сада до последнего дня. Условия жизни и среда обитания, самовоспитание (в зависимости от их состояния и активности) усиливали или ослабляли этот мощный напор, но серьезно противостоять ему не могли.

В итоге мы имеем крайне сложный, противоречивый человеческий «материал», с которым вступили в перестройку и «реформы» и который еще долгое время будет существовать и вести их. Первое, что надо понять: «советский человек» — это реальность, второе — что сущность этого человека не могла измениться за несколько лет и оттого, что теперь его называют «россиянином». Этот человек и сегодня во многом таков, каким его задумывали и «сформировали». Это проявляется в массовой тоске по национальной, объединяющей идее, по истинным ценностям, которые возвышали бы душу (идеал, справедливость, добро, нравственность). Это не тоска по социализму как таковому, а именно «идейная тоска» как проявление особенности российской цивилизации (примат духовного над материальным), стремление к истине, правде, такой основополагающей ценности, как державность — принадлежность к великому народу и великому государству. Живут среди нас и те, кто по-прежнему беззаветно, фанатично предан идеалам социализма и коммунизма. Заметим: это тоже «россияне». И как все верующие, они не могут быть изгоями общества, если это общество действительно стремится к свободе и демократии.

Как и планировалось — это человек труда, способный на самоотверженность и трудовой подвиг «во имя» (освоения новых земель, счастья будущих поколений и т. д.), а не только ради денег. Человек, понимающий, что такое труд, и потому работающий много, но плохо. Ибо ни в царской России, ни при социализме у российского гражданина не было мотивов работать не только интенсивно, но и хорошо, качественно.

Как и программировалось — это человек коллектива. Коллективизм прочно врос в душу российского человека, ибо имеет такую прочную основу российской цивилизации, как общинность. Коллек-

тивизм и сегодня помогает людям и стране выжить в экстремальных условиях. Но «коллективист» в завершенном виде — существо жестокое и опасное. Для него важнее всего, чтобы «все было как у всех», чтобы «все поровну», независимо от способностей и труда. От коллективизма, когда это чувство переходит допустимую грань, исходит зло, в частности и для строительства новой России.

Как и предвиделось — это человек-интернационалист. Даже нынешний разгул национализма, война между народами не могут вытравить из людей это чувство. И дело не в том, что в ходе социалистического строительства была якобы создана «новая историческая общность — советский народ». Воспитание чувства «пролетарского интернационализма» облегчалось издревле предзаложенной в сознание россиян такой цивилизационной российской чертой, как народность — равноправие и равноценность всех людей независимо от национальных, религиозных и других отличий. Другое дело, что и здесь все было доведено до абсурда: возник человек, который порой не знал языка своей нации, своей истории и культуры. Нынешний национализм во многом спровоцирован безмерным интернационализмом.

Как и предусматривалось — это человек-гражданин, верящий в силу государства, способного обеспечить его безопасность, взявшего на себя заботу о его существовании, будущем. Ради Отчизны этот человек готов жертвовать жизнью и умереть, но готов обречь на жертвы и других. Он настолько надеется на государство, что перестал заботиться о себе сам, настолько верит «верхам», что перестал думать. Это человек, привыкший к весьма скверным условиям жизни, не знающий, что можно жить лучше, вечно готовый к «временным» трудностям и ждущий еще худшего. Это человек, готовый терпеть даже тогда, когда ясно, что дальше терпеть нельзя.

Как и мыслилось, это человек ответственный. Ему до всего есть дело, идет ли речь о событиях в стране, за океаном или о соседях по лестничной клетке, но — считающий себя вправе влезть в чужую жизнь, сообщить о другом «куда надо».

Как судить об этом человеке? Плох он или хорош? Если за основу оценки взять вторую часть каждой из характеристик (а каждую из них можно развернуть, усилить, представить в более негативных, даже ужасающих тонах), то надо будет признать, что «советский человек» — исчадие ада, а страна, где он жил, а значит, и живет, действительно «империя зла», как утверждал Р. Рейган. Но обратим внимание прежде всего на первую часть каждой из этих характеристик. Они тоже — несомненная правда. Каждая из них тоже может быть представлена в гораздо лучшем свете.

Итак, «суммарный», усредненный «советский человек» — это человек веры и духа. Человек труда. Человек коллектива. Человек-интер-

националист. Человек-гражданин. Человек ответственный. Из таких «человеков» состоит российский народ. Добавим еще, что этот народ необычайно богат гениями, талантами и умными головами, чрезмерно сметлив, от природы добр, великодушен и т. д.

Так и только так прежде всего надо смотреть на свой, российский народ: через достоинства и добродетели. И тогда народ — это первое и главное богатство страны, которое надо сберегать, основной капитал, который недопустимо выводить за «скобки» производимых перемен, видеть в нем «мясо реформ», а не их главную и высшую цель.

В «советском человеке» есть благоприобретенные пороки, а в российском, в том числе русском, народе довольно природных, цивилизационных недостатков. Социологические опросы последних лет показывают, что носители «классического» советского сознания год за годом смещаются в старшие возрастные категории. Идет естественная смена поколений. Беда в том, что при этом ни отдельный человек, ни общество стали не лучше, а во многом — хуже. Но и в этой ситуации никакое правительство не вправе упрекать народ за то, что он «такой», а не иной. Народу надо помочь осознать свои недостатки и пороки, с тем чтобы избавляться от них. Это средство известно: образование и просвещение.

1990 г.

ОБ ИНТЕРЕСАХ ЛЮДЕЙ И ИНТЕРЕСАХ СТРУКТУР

Интересы класса выше интересов партии, даже если она полагает себя «авангардом» этого класса. Интересы народа выше интересов класса, даже если этот класс претендует на ведущую роль в обществе среди всех иных его слоев. Интересы молодежи выше интересов ее коммунистического союза, даже если он берется выражать интересы всей молодежи и защищать их от посягательства жестокосердного государства.

1990 г.

ОБ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ «КОМАНДАХ»

Управление — это задача педагогическая и психологическая. И политическая. Руководитель вынужден учитывать по крайней мере два фактора, от которых для него исходят опасности: ближайшего окружения и остальной массы подчиненных. И тут не суть важно, избран

он или назначен. Ибо во всех случаях надо понимать, что ему не обойтись как без «команды» управленцев, так и без тех, кем он и «команда» управляют, ибо без солдат не бывает победы.

Между тем интересы и цели двух этих групп серьезно расходятся. Интересы «команды» крутятся вокруг не только Дела, но также умножения благ, привилегий и власти, усиления влияния на первое лицо и т. п.

Первая проблема — моральная дискредитация «команды» и лично «первого» из-за чрезмерного потребления благ за счет остальной масс работников. Вторая — интриги и возможный заговор. В ближайшем окружении всегда найдется тот, кто станет почитать себя равным первому и попытается перехватить власть. Всегда найдутся и такие, кто, почуяв это, постараются заручиться благосклонностью возможного победителя.

Предупредить конфликт можно так, как это делал Сталин, постоянно «тасуя колоду» своего окружения, жалуя должности и звания или лишая их, а то и жизни когда угодно и как ему было угодно.

Кого из «оптиматов» (аристократов, «команды») жаловать? Конечно, тех, кто на деле показывает, что всецело связывают себя с судьбой «принцепса» (в Древнем Риме так называли государя), если они люди нравственные и деловые. Их стоит почитать и любить.

Тот же, кто не примыкает к «первому», сторонится его намеренно и постоянно, тем более из честолюбия, тот источает главную опасность, ибо думает не о тебе, а о себе. Таких надо опасаться не меньше, а может, больше, чем врагов открытых: при первых же слабостях они предадут и сгубят тебя.

О БОГАТСТВЕ И БЕДНОСТИ РОССИИ

Россия — богатейшая страна мира. Только разведанные запасы подземных богатств в России оцениваются в 30 трлн долл. У Америки их 8, у Китая — 6,5, Японии — 0,1, всей Европы — 0,5 трлн долл. Теперь Россия оказалась обобранной и обескровленной: не стало хватать средств на выплату пенсий, зарплат, содержание армии, поддержку здравоохранения и образования, замерла наука, падают производство и инвестиции, гибнет сельское хозяйство.

На фоне этих цифр странно постоянно слышать от власть имущих, что в стране нет денег. Напротив, есть бесспорная мировая аксиома: если есть ресурсы, значит, должны быть и деньги, а если есть ресурсы и нет денег, значит, ими либо неправильно управляют, либо воруют. В соответствии с этим и надо принимать меры.

О СУЩНОСТИ ПРОИСХОДЯЩЕГО

Жизнь нашего общества находится ныне не только в крайне запутанном, предельно непонятном, но и каком-то таинственном состоянии. Мы хотим обновиться, возродиться. Но что обновлять, что возрождать? Кое-что из того, что не должно было погибнуть, было уничтожено. Пусть даже это «кое-что» не такое уж малое. Не в этом суть. Мертвых не воскресить, искалеченные судьбы не сделать счастливыми. Оболваненных не вразумить...

Нет, не обновиться, не возродиться должно наше общество, а переродиться в нечто совсем иное. Погибнуть. Сущность Происходящего — в нарождении через умирание и жертву. Закон этот исполняет все живое на земле. Как пшеничное зерно, павши в землю, не оживет, пока не умрет, так и общество наше не станет совсем иным, пока совсем (по крайней мере, почти совсем) не отринет старую, насквозь ложную идеологию и философию жизни со всеми ее неисчислимыми догмами, следование которым привело нас на край гибели. Так доведем дело до конца. Коль мы на краю — сделаем последний шаг. Жертва, право же, невелика. Цель — величественна, результат самоочевиден.

Из книги «Между Будущим и Прошлым: Социальная философия Происходящего». М., 2006. С. 13–204

ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

Главным в названии конференции «Молодежь России перед лицом глобальных вызовов на рубеже веков» является емкое слово — «вызов». Вызов — это нечто, что может послужить причиной, способствующей возникновению и усилению каких-то явлений и событий. В данном случае речь идет о таких явлениях, как экстремизм, ксенофобия, насилие. Это и есть предмет нашей дискуссии. Задачей конференции является попытка назвать вызовы XXI в. и ответить на вопрос о том, каковы основные источники, носители этих явлений — экстремизма, ксенофобии и насилия.

Хорошо известно, что возможности человека предвидеть будущее были и остаются весьма ограниченными. То, что в какой-то момент может казаться вполне предсказуемым, сплошь и рядом не сбывается. А то, что не могли даже представить себе самые сильные умы, происходит и переворачивает мир. Попытки прогнозировать будущее принимались в прошлом, и в частности накануне уходящего XX в. По этому поводу проводились опросы знаменитых ученых. Кое-что из этих прогнозов и предсказаний сбылось. Но никто из великих не назвал в ходе тех опросов открытие компьютера и телевизора. Между тем именно они более всего повлияли на облик нашего века. Во всяком случае, очень значительно.

То же самое, видимо, повторится и с нынешними попытками заглянуть в XXI в. Наверняка действительность вновь посрамит многих, если не большинство футурологов. В то же время будет крупной ошибкой, если мы откажемся размышлять о будущем вообще. В этих размышлениях крайне важен общий подход в оценке реалий и тенденций, которые сегодня мы наблюдаем. Можно осмысливать завтрашний день с позиций оптимизма, в радужном свете. Легко впасть и в другую крайность — рисовать будущее исключительно в катастрофических красках. Но, по-моему, слова «оптимизм», «пессимизм» тут просто ни при чем. Мир надо осмысливать в его реальности. Во всяком случае, ближайшее будущее будет не чем иным, как продолжением в основном тех реалий и тенденций, которые обнаружились, проявились в нынешнем веке. В этом свете в теме нашей конференции «Молодежь России перед лицом глобальных вызовов на рубеже веков» главное я вижу в понимании такого явления, как вызов.

Уходящий век, если не говорить о великих открытиях и достижениях (ибо это просто не входит в предмет нашего разговора), был самым жестоким и кровавым за всю историю человечества. В XX в. произошло более 140 больших и малых войн, в том числе две — мировые. Сотни социальных и национальных конфликтов, в том числе и революции. Число жертв составило более 110 млн человек, из них 70 млн — мирные жители, и более 450 млн искалеченных.

Что особенно любопытно, так это то, что на долю западных демократических стран приходится около 70% всех крупнейших войн и конфликтов XX в.: США — 30%, Великобритании — 40%, Франции — 28%, Израиля — 28%. На долю СССР — Венгрия, Чехословакия, Даманский, Афганистан, Чечня — 5%. На долю Китая — 2%.

Конечно, особый разговор — это холодная война, которую СССР бездарно проиграл, потерпев в ней сокрушительное поражение. Об этом существует большая и разнообразная литература. Свой взгляд на этот счет я изложил в брошюре «О «культуре» войны Культуре мира»,

которая вышла в 1999 г. в связи с Международным форумом мэров городов, она есть у всех присутствующих участников.

До начала XXI в. осталось всего 42 дня. Это уже, собственно говоря, не будущее, а наше настоящее. Что же происходит сегодня? Если смотреть на вещи реально, а именно этот подход я предлагаю демонстрировать в ходе конференции — объективность, то в наши дни в мире, в том числе в российском пространстве, на мой взгляд, во всю мощь разворачивается очередная мировая война. Если принять холодную войну за третью, то разворачивается четвертая. И это не катастрофический подход к реальности. Это именно реализм. На Тегеранской конференции 1943 г., когда вовсю еще шла Вторая мировая война, Ф. Рузвельт, И. Сталин и У. Черчилль, приступая к обсуждению мировых процессов после еще не свершившейся победы над гитлеровской Германией, условились начать разговор с рассмотрения самого худшего, что может произойти после Победы. На мой взгляд, и нынешний прогноз будущего России, мира в целом должен быть направлен на выявление самых грозных испытаний, которые уже обрушились и могут обрушиться на нашу страну и все человечество.

Если мы с вами миростроители, а мы говорим, что таковыми являемся, то непременно должны отлично понимать, что такое война в ее новом понимании, совершенно неведомом абсолютному большинству людей, которые представляют ее традиционно — танки, бомбы, войска, фронт, «ура», «вперед» и т. д. Ибо война и мир — это парные, рядоположные понятия, они определяются друг через друга. *Мир — это отсутствие войны. Война — это отсутствие мира.* Жизнь человечества последние десятилетия строилась таким образом, что оно даже не заметило, как оказалось на войне, что оно живет на войне. На войне, которая называется миром. Произошла подмена понятий. Это даже не парадокс, это абсурд. И мы сегодня живем в этом абсурдном мире. Сегодня война — это мир, а мир — это война. И этот абсурд принят многими из нас за норму. Выйти из этой абсурдной ситуации можно лишь в том случае, если мы поймем, что война осталась войной в сущности: у нее есть цель, борьба, способы борьбы. Есть понятие — победа. Это составляет сущность любой войны.

Так вот, война изменилась в корне, по содержанию, по формам ее ведения. Изменилось понимание цели, смысл понятий — борьба, насилие, победа. Совершенно иной стала концепция войны. В ее основе не быстротечность, а растянутость во времени. Холодная война длилась почти полвека. Тайна, скрытость, невидимость, неслышимость, ложь и т. д. Целью войны сегодня является уже не столько уничтожение вооруженных сил и оккупация территории противника, как это было прежде, сколько разрушение экономики, системы информации, деморализация населения, парализация его воли, в ре-

зультате чего вооруженные силы, даже если они сохранились, оказываются неспособными вести вооруженную борьбу. Исчезли понятия «фронт», «тыл», «фланги». Теперь, когда государство, его границы открыты для передвижения капитала, торговли, финансов и т. д., а тем более идей и информации, ареной войны становится вся территория противника, система управления государством, и прежде всего органы политической власти, экономика, средства массовой информации.

Как это делается? Мы уже имели возможность наблюдать это на примере «Бури в пустыне» и Югославии. Размер территории, который раньше был огромным стратегическим преимуществом, потому что обеспечивал недосягаемость тыла и промышленных, оборонительных центров для противника, и который в свое время помог нам выиграть войну с фашистской Германией, утратил свое значение.

Изменилось само понятие «победа в войне». Сегодня победа совсем не обязательно означает разгром вооруженных сил в боях и сражениях, оккупацию территории. Все делается руками самого противника, как это было продемонстрировано в ходе холодной войны и происходит ныне. Добиться, чтобы у руля власти были, как говорится, «свои», создать проблемы в экономике, оболванить население. И все. Победа обеспечена.

Процитирую книгу Аллена Даллеса, бывшего в 1953–1956 гг. директором ЦРУ, идеолога холодной войны. Ибо это просто классика. Более откровенно и более цинично никто и никогда не формулировал свои задачи. В книге «Размышления о реализации американской послевоенной доктрины против СССР», изданной 1945 г., он писал так: «Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательное необратимое угасание его самосознания, в управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно (обращаю внимание на это. — *И. И.*), но активно постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности, предательству, национализму и вражде народов, прежде всего вражде и ненависти к русскому народу. Все это будем ловко и незаметно культивировать. Все это расцветет махровым цветом. (И дальше очень важно. — *И. И.*) И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище. Найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Мы будем вырывать духовные корни. Опо-

шлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем расшатывать, таким образом, поколение за поколением. Мы будем драться за людей с детских, юношеских лет. Главную ставку всегда будем делать на молодежь. Станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов. Вот так мы это сделаем».

И они это сделали. И то же сделано всего за восемь лет с Россией. Промышленность и сельское хозяйство разрушены, вооруженные силы ослаблены до предела, народ оболванен, оглуплен, им легко манипулировать. Население находится в состоянии невиданного массового психоза, а общество — в положении дезорганизации и хаоса. Средства массовой информации — в руках послушных олигархов. Немало ключевых фигур в политическом руководстве страны все эти годы были и остаются прямыми ставленниками США, многие подвержены прямому западному влиянию. Россия, конечно, не оккупирована. Да этого и не нужно. Поэтому можно говорить, что она свободная и демократическая страна. Но при этом наша страна посажена на технологическую, продовольственную и финансовую иглы и, словно наркоман, зависима от тех, кто дает ей эти «наркотики», без которых ее народ не может жить.

Разве это не то, чего желает, собственно говоря, Запад, не то, о чем говорил Даллес? Зачем применять сегодня ракеты, бомбы, высаживать десанты, если цель уже во многом достигнута?

Что же ждет Россию впереди? Перед какими вызовами она стоит? Вызовы — это ключевое слово, с него я начинал выступление.

Ведущие геополитики мира и России утверждают, что мир вступает в самую опасную пору своего развития. Пять мощных сил ведут мировое сообщество к новому состоянию: фиксация однополярности; глобализация мировой экономики; ослабление государств-наций; поиски цивилизационной идентичности; поляризация бедности и богатства.

Речь идет о воздействии на мир пяти неистребимых факторов: мощи, богатства, хаоса, идентичности, несправедливости. Результатом этого будет новая конфигурация миропорядка, новая геополитическая, экономическая, цивилизационная картина мира. В основных прогнозах на 30–50 лет у этих геополитиков нет сигналов о конце света, но они все предсказывают масштабные конфликты, в том числе не исключают глобальные, мировые. О чем идет речь? По поводу чего? Конфликты и войны из-за земных пространств, сырьевых ресурсов, рынков, имперских амбиций лидирующей державы — США, геополитического подъема Китая, столкновения Запада с китайской и исламской цивилизациями, Запада и не-Запада, Севера и Юга и т. д.

Возникает естественный вопрос: откуда исходит главная опасность? Кто ее основной источник? Кто является нападающей стороной? Кто агрессор? Кто «империя зла»? В подавляющем большинстве сценариев войн XXI в. США и НАТО ни на кого не нападают, а только защищаются. Они представляются поборниками международного права и морали, демократии и свободы, человеческого достоинства, носителями добра и судьями над злом. То есть действуют справедливо, законно и нравственно. Россия, напротив, часто изображается традиционным агрессором, неудержимо стремящимся к расширению своей территории, власти возрожденной империи, попирающей все нормы права и морали, выражающей злое начало.

Но так ли это на самом деле? Бывший госсекретарь США Г. Киссинджер, который хорошо известен, откровенно признает, что Россия, какой бы она ни была — коммунистической или демократической, остается противником, которого надо изолировать, устрашать, контролировать, держать под прицелом. Цитирую Киссинджера: «Новая история с момента падения Берлинской стены есть не что иное, как завершающий этап «холодной войны», цель которого — расчленение России. И с побежденными особенно церемониться не стоит. Вести себя с ними следует начальственно».

Второй не менее известный геополитик Збигнев Бжезинский обосновывает необходимость расчленения России на три региональных образования: европейское, сибирское и восточное, которые должны составить конфедерацию с весьма неопределенным политическим статусом. Он называет Россию «главной разменной картой геополитики». И декларирует, что «новый мировой порядок, гегемония США создаются против России, за счет России и на обломках России». Он полагает, что после падения коммунизма главный враг свободного мира — «традиционное русское православие, замешанное на шовинизме и выражающееся в имперских рефлексах».

Да, на встречах в верхах, в политических документах много говорится о союзнических, деидеологизированных отношениях между Россией и США и другими странами Запада, которые якобы пришли на смену старым. Увы, это далеко не так. Анализ реальных политических процессов, инициированных ни кем-нибудь, а именно Западом, и в частности прежде всего США, свидетельствует об обратном. Ярчайший пример — продвижение НАТО на Восток. Давление на страны Восточной Европы, Балтии, а затем СНГ явилось одним из главных факторов усиления враждебности или похолодания в отношении этих стран, в отношении к России. Украина объявлена сферой американских интересов и гарантий, Азербайджан, Грузия, Молдавия, Казахстан, Туркмения, Узбекистан все сильнее привязываются к американской военной машине.

Директивы президента США 1994–1998 гг. в области обороны рассматривают возрождение большой России как прямую Угрозу США, которую следует устранить любыми средствами, включая военные. На страницах 42–43 книжки, которую я упоминал — «О «культуре» войны и Культуре мира», приведена выдержка из Доклада президента США Билла Клинтона на секретном совещании Объединенного комитета начальников штабов 25 октября 1995 г. Эти высказывания просто шокируют. Можно было бы привести слова Мадлен Олбрайт, бывшего премьера Великобритании Мэйджера и т. д. Все они несут нашей стране, к сожалению, угрозу.

Вот главный вызов России в XXI в., я полагаю, в свете которого следует говорить об экстремизме, ксенофобии и насилии! Есть, конечно же, множество внутренних вызовов и угроз, опасностей в нашей стране. Это несомненно. Я о них не говорю только по той причине, что это не предмет сегодняшней дискуссии и у меня нет для этого времени. Но внешние вызовы имеют приоритет, потому что это угроза национальной безопасности страны в целом.

Все сказанное позволяет говорить о том, что западные страны, и США прежде всего, сделали, делают и собираются делать все или многое, чтобы возродить и усилить в России ставшие было спадать антизападные настроения, чтобы воссоздать образ врага, чужого, а значит, и страх перед ними. Я понимаю, что это делается не специально, но в ходе достижения своих целей следствием становятся именно эти явления. Сегодня гражданам России опять есть кого реально бояться. По крайне мере, тем, кто это понимает. И это не только страх пред тем, что порождено нашими внутренними событиями, т. е. страх безработицы, страх перед будущим вообще, страх перед ставшей опасной улицей, соседом по дому и т. д. Это страх перед внешней силой, который ужесточает настроение людей. На заре перестройки, реформ количество людей, которые шарахнулись в сторону Запада, настроенных в пользу Запада, было, я бы сказал, неестественно значительным — 45–50%. Эти люди в самом деле верили в то, что у России появился «друг Билл», «друг Коль», что мы партнеры, союзники, что «Запад нам поможет». Но туман довольно быстро рассеялся. И уже в 1997 г. доля граждан России, видевших в НАТО и США своих противников, возросла до 40% по сравнению с 25% в 1992 г., а доля граждан, не верящих в благожелательность или нейтральность всего Запада, до 70%. Сейчас эти цифры еще более увеличились.

Как быть дальше? Что делать? Ответить одним словом — поправлять наши внутренние дела. Спасение России в том, чтобы вернуть себе национальную целостность и национальную мощь. И только тогда никто не посмеет думать о том, чтобы напрашиваться на конфлик-

ты с нашей страной. Только сильная Россия — залог безопасности и спокойствия жизни ее народа.

Если говорить о нашей Академии, то здесь каждый из нас должен делать то, что он обязан и может делать. И я думаю, что это очень важно. Вообще, будущее и благополучие нашей страны вырастает «снизу», а не «сверху». В рамках Московской гуманитарно-социальной академии (до 15 ноября 2000 г. это был Институт молодежи) мы организуем обучение и воспитание студентов таким образом, чтобы они любили свою страну и свой народ, не были ни агрессивными, ни враждебными к окружающему миру, к другим людям, другим народам. Не надо никого заведомо и бездумно любить или ненавидеть — ни инородца, ни иноверца, ни Запад, ни Восток, ни Америку, ни даже свою Россию. Мы исповедуем педагогику понимания, т. е. добиваемся того, чтобы молодые люди не только и не просто знали, что и почему происходит в мире и в России, но понимали, почему дела обстоят именно так и не иначе, чтобы они поступали в отношении других людей так, как им хочется, чтобы поступали с ними. Вот поэтому в рамках Академии действует Открытая кафедра, с трибуны которой выступили уже десятки ведущих политиков, выдающихся ученых различных отраслей знаний, действуют Международный институт «Молодежь за культуру мира и демократии», Русский интеллектуальный клуб, Исследовательский центр и Школа А. А. Зиновьева. Проводятся различные опросы и исследования, которые позволяют выявить, что ценят и к чему стремятся наши студенты. Вот почему территория нашего вуза в прошлом году была объявлена «Территорией культура мира». У нас есть общие правила жизни. У нас есть Кодекс чести преподавателя и сотрудника, Кодекс чести студента. Обо всем этом пойдет разговор на одной из секций нашей конференции.

Вот таковы мои взгляды, которые я хотел бы изложить участникам конференции в начале ее работы. Я, конечно, абсолютизирую свои выводы и понимаю относительность тех идей, которые высказаны. В зале присутствует много прекрасных, выдающихся ученых и практиков. Они изложат свои взгляды, позиции на этот счет, но в том-то и заключается наша задача, чтобы обменяться мнениями и попытаться найти ту истину, ради которой, собственно говоря, и собирается любая научная конференция.

Из книги «Молодежь России перед лицом глобальных вызовов на рубеже веков». М., 2001. С. 16–26

XX ВЕК: КРИЗИС ПОНИМАНИЯ

Доклад на Международной научной конференции
«Итоги XX века», посвященной 80-летию А. А. Зиновьева,
Москва, МГСА, 15 ноября 2002 г.

Стоит пояснить присутствующим, почему эта конференция, посвященная 80-летию А. А. Зиновьева, выпускника МГУ им. М. В. Ломоносова, в свое время — до высылки из СССР — заведующего кафедрой логики этого университета, сотрудника Института философии РАН, члена редколлегии журнала «Вопросы философии» и т. д. и т. п., сегодня проходит в стенах МГСА. Это не случайно.

Еще в 1998 г., когда мы встретились с А. А. Зиновьевым в Кишиневе на Международном форуме, и Александр Александрович рассказал мне о своем намерении вернуться из Германии в Россию, я предложил ему обосноваться в нашей академии. Он принял это предложение. В МГСА создан Исследовательский центр А. А. Зиновьева, Школа социальных исследований А. А. Зиновьева, Русский интеллектуальный клуб, одним из «отцов-учредителей» которого он является, а теперь (после смерти Н. Н. Моисеева — первого президента этого клуба) возглавляет его. Ныне МГСА — это главная трудовая пристань А. А. Зиновьева. Здесь находится его рабочее место, здесь в отделе кадров хранится его трудовая книжка.

Когда 6 ноября я сказал об этом в МГУ, где проходило чествование А. А. Зиновьева, некоторые из присутствовавших удивились и даже малость возмутились: «Как так?.. Зиновьев принадлежит МГУ, преподает в университете!» Но факт остается фактом: А. А. Зиновьев — штатный работник МГСА, а во всех других заведениях — совместитель.

При этом я хочу подчеркнуть, что никто не собирается «приватизировать» Зиновьева, ибо он — национальное достояние России. Кто-то скажет, что нынче все возможно: даже нефть, газ, уголь, металлы и другие ископаемые материалы «вдруг» оказались в частных руках. Но Зиновьев уже давно сам себя объявил «суверенным государством, состоящим из одного человека». Это надо понимать.

Теперь позвольте перейти непосредственно к теме выступления.

I.

Если оставить в стороне грандиозные успехи и фантастические достижения XX в., которые общеизвестны и несомненны, то второй составляющей совокупного итога этого века является узел острейших проблем. Многие из них уже давно утратили национальную и даже региональную окраску, получили название **глобальных**. Эти проблемы

хорошо известны, как известно и то, что при дальнейшем обострении они угрожают человечеству **катастрофическими последствиями вплоть до его гибели**.

Из выдающихся русских мыслителей, кто видит мир и будущее в таком свете, я назову только тех, кто многократно выступал в этом зале: Н. Н. Моисеева, возглавлявшего, как я уже сказал, Русский интеллектуальный клуб нашей академии, и А. А. Зиновьева — юбиляра и нынешнего президента этого клуба.

Есть ученые, которые полагают, что это апокалиптический взгляд на будущее и он неуместен. Так думает, в частности, видный российский ученый С. П. Капица, который также неоднократно участвовал в дискуссиях за этим столом. По его мнению, **основной** глобальной проблемой человечества следует считать **рост населения**, который порождает все остальные, в том числе антропогенные, изменения окружающей среды, возможное исчерпание ресурсов, сам факт ускорения развития. В росте численности населения он видит меру развития во всех измерениях (Капица С. П. Сколько людей жило, живет и будет жить на земле. М., 1999. С. 31). На основе собственных расчетов С. П. Капица утверждает, что **рост населения планеты в середине XXI в. прекратится, начнется его падение, а вместе с этим «уменьшатся, если не исчезнут причины больших войн»** (там же. С. 184). Иначе говоря, острота глобальных проблем резко уменьшится, а значит, отпадет и вероятность самоуничтожения человечества.

Споры идут, а положение дел в мире между тем не улучшается, а обвально ухудшается. Это со всей очевидностью подтвердила, в частности, недавно проходившая в Йоханнесбурге под эгидой ООН Всемирная встреча по проблеме устойчивого развития. Многие назвали этот саммит «Рио минус 10», имея в виду, что 10 лет, прошедших после известной конференции 1992 г. «Окружающая среда и развитие» в Рио-де-Жанейро, на которой лидеры 179 стран признали, что действующая парадигма развития человечества полностью исчерпала себя и необходимо ускоренно переходить на новый путь развития, — эти десять лет мало что изменили, жизнь продолжала идти по схеме «как было», десятилетие потеряно, и новая встреча по тому же самому поводу не имела успеха.

Почему же человечество, **знающее** о грозящей ему смертельной опасности, словно околдованное, все быстрее мчится навстречу гибели? Дело в том, на мой взгляд, что XX в. оставил нам в наследство еще одну глобальную проблему — неосознанность происходящего, **кризис понимания**. По-моему, это самая главная из всех глобальных проблем — проблема № 1. Ибо, как известно, все, что происходит в социуме — как плохое, так и хорошее, — сначала возникает в человеческой голове.

Давно замечено, что проблема понимания встает тогда, когда разрушается реальное понимание происходящего (действительности), что случается это в ситуациях научных революций, смены идеологических парадигм, угрозы полной невозможности использовать имеющийся человеческий опыт и т. п. (см., напр.: Загадка человеческого понимания. М. : Политиздат, 1991. С. 5, 17, 26 и др.). Иначе говоря, проблема понимания носит прежде всего **практический** характер. Понимание служит созиданию и в этом смысле является условием выживания человечества. Научные дискуссии по проблеме понимания продолжаются многие столетия, но всякий раз, когда непонимание происходящего в обществе достигает критической точки, возникает потребность прорыва в постижении действительных смыслов социальных явлений и событий не только выдающимися учеными и политиками, но и массами, из которых они рекрутируются.

Если говорить о причинах, которые привели человечество к нынешнему кризису понимания, то они заключаются в том, что темпы, скорость, сложность и масштабы событий и перемен, которые происходили во всех областях общественной жизни на протяжении XX в., особенно во второй его половине, **превзошли нашу способность понимания происходящего** — как на коллективном, так и (тем более) на индивидуальном уровне. Речь не только об обыденном, но и о научном сознании; не только о миллиардах обывателей, но и о тысячах тех, кто стоит во главе государств и правительств, политических и общественных, в том числе международных, организаций, ТНК и т. п., — всех, кто участвует в принятии судьбоносных решений.

Сущность кризиса понимания (я говорю о социальных процессах, о гуманитарной сфере), на мой взгляд, определяется в нескольких измерениях.

1. Мы все **хуже понимаем** происходящее в новейшей истории вследствие нарастания хаоса и абсурда.

2. Мы не понимаем, что **мы не понимаем**, — и прежде всего потому, что не хотим признать этот факт, не хотим понимать.

3. Мы не понимаем, **что** мы не понимаем. В обществе происходит много такого, что пока находится за пределами понимания.

4. Мы не понимаем, что мы **должны** понять. Нам известны многие вызовы и угрозы будущего. Но нет полного понимания их смертельной опасности, а потому нет предотвращающих ее адекватных действий.

Эти выводы могут показаться парадоксальными. Ведь XX в. — век научно-технической и информационной революций, век компьютера и Интернета, невероятно увеличивших возможности человека знать и понимать. Мы уже давно говорим не о нехватке, а об избыточности информации. Но именно отсюда и берет свое начало кризис понимания.

Скорость и темпы нарастания объемов информации о множестве разноплановых и быстроменяющихся, в основном сенсационных, а среди них — прежде всего катастрофических и криминальных событий, как это мы видим на примере России, сеют в душах и умах людей хаос и смятение. Человек все больше лишается внутреннего спокойствия, внутренней тишины и сосредоточенности, без которых невозможна интеллектуальная деятельность — размышления и понимание. Более того, в условиях, когда личностные защитные механизмы не срабатывают, ослабевают импульсы для самостоятельного генерирования новых знаний и самостоятельного поиска существующих смыслов, что и представляет собой процесс понимания. В этой ситуации человек оказывается особенно предрасположенным к внешнему воздействию и влиянию, восприятию разного рода штампов, клише, стереотипов, мифов, образцов поведения, которые, как мы видим, ему агрессивно навязывают СМИ: телевидение, радио, видео, CD и Интернет.

Тем не менее на обыденном уровне сложилось представление, что мы сегодня очень много знаем, а значит, если не все, то многое понимаем. На первый взгляд так оно и есть. Но спросим себя: «Что мы знаем?» Сплошь и рядом мы знаем **слова и названия** явлений, событий, процессов, но не их **содержание**, не **глубинный смысл**, т. е. **сущность**. В данном случае мы говорим о **подмене знания сущности** предмета знанием его названия, которое принимается за понимание. На самом деле это **иллюзия знания**, **иллюзия понимания**.

Между тем радио и телеэфир, страницы газет и журналов сегодня забиты множеством сложных по своему содержанию слов и выражений — «рыночная экономика», «глобализация», «международный терроризм», «новый мировой порядок», «наступление НАТО на Восток», «образование XXI века» и другими, которые определяют содержание нашей жизни. Эти слова и термины знают все. Но в чем их действительный смысл, абсолютное большинство не понимает, хотя редко кто согласится с этим: «Как же так: я имею высшее образование и не понимаю?!»

Понимание — это синоним творчества, это творческий процесс, это огромный труд. Тем более когда речь идет о постижении смысла глобальных явлений и процессов типа тех, которые я только что назвал. Далеко не все готовы «перетрудиться», чтобы понять то, что не входит в круг их непосредственных служебных обязанностей, не приносит прямой пользы. Итог?

Здравомыслящий человек давно понял, что далеко не всякая информация полезна, что «многознание уму не научает». Налицо уже **бегство** не только от свободы, но и от **информации** и **«лишних» знаний**. Хаос и абсурд происходящего ведут к разрушению целостности

личности, уничтожению в человеке человеческого, в частности его стремления познавать и понимать. Бедность и нищенское существование миллионов низводят их до такого состояния, когда жизнь понимается как физическое выживание, а спасение видится в том, чтобы не напрягать ум, душу и организм — не видеть, не слышать, не знать, не понимать самому, слепо принимая навязываемую извне точку зрения.

Около тридцати лет назад Э. Тоффлер писал о том, что человечество погибнет скорее не от нехватки сырьевых ресурсов и пищи, а от **психологической перегрузки**. Тогда он имел в виду новую социальную болезнь — **шок от будущего**. С тех пор многое в мире изменилось и ухудшилось.

Сегодня в России можно смело говорить о **шоке от настоящего и прошлого**, от абсурда происходящего вообще.

Социальный хаос (а значит, хаос в мыслях и душе человека) в мире и особенно в России с каждым годом нарастает. До какой поры это **может** продолжаться? **Сколько** хаоса в обществе можно допустить? Ведь психические возможности человека не беспредельны. **Сколько** хаоса он может вынести? Парадокс состоит не только в том, что на эти вопросы не существует ответа и его никто не ищет. Появились научные теории, которые, если их не точно интерпретировать, чуть неверно понять, могут подтолкнуть мысль к абсолютизации «нестабильности» (неустойчивости), «самоорганизации», «открытости», «случайности», «хаоса», «флуктуаций», «бифуркаций», «диссипативных структур» и т. п. Я имею в виду выдающиеся труды нобелевского лауреата И. Пригожина. Конечно, неустойчивость (нестабильность) далеко не всегда зло, ее нельзя воспринимать лишь негативно. Это не досадная неприятность, подлежащая устранению. Полная устойчивость и равновесность, т. е. полный покой, — это состояние смерти. Только в неустойчивом положении система движется и развивается. Без неустойчивости нет развития. Соблазнительно сказать, что неустойчивость — это и есть развитие.

Но если и в самом деле неустойчивость отождествить с развитием, признав ее тем самым главным свойством всех систем (в данном случае, напомню, мы говорим о социальных системах), то в мире (и без того предельно хаотичном) хаос воцарился бы вместо порядка, пришлось бы забыть о таких понятиях, как «прогноз», «программа», «план», «организация», «контроль», «управление» и т. д. Общество и государство, вся общественная жизнь распались бы.

Мы должны все же понимать, что случайность не отменяет закономерность. Если мы желаем устранить хаос, упорядочить нашу жизнь, то задача состоит вовсе не в том, чтобы поменять их местами, а в том, чтобы понять закономерность случайности и ее действительную роль в социальном мире. И сколько бы ни восхваляли хаос, ясно, что люди

тоскуют по порядку и всегда будут идти к нему, желая понять причины, мешающие им достичь своей цели. Нестабильность не сможет отменить и заменить детерминизм. Они предполагают друг друга, определяются друг через друга.

Когда я слышу призывы «разрушить уходящий в глубокую древность стереотип страха перед хаосом, увидеть красоту и конструктивность хаоса», «понять разрушение как креативный принцип, а страсть к разрушению как творческую страсть» (Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. М. — СПб., 2002. С. 65), то мне кажется, что научные книжки стали писать наивные люди, не способные увидеть и понять даже то, что происходит за окном их дома, не говоря уже о лежащей в руинах огромной стране; люди, не умеющие управлять даже собой, но тем не менее отчаянно рассуждающие о том, «как управлять, не управляя», «как преодолевать хаос, его не преодолевая» (там же).

«Ничего слишком», — говорили древние. Сегодня, когда мир и мысль находятся в разломе, исследователю и просто мыслящему человеку чрезвычайно необходимы взвешенность суждений, чувство меры в делах.

«Дерзайте понимать!» — призывал когда-то Кант. Сегодня надобно сказать по-другому: «Мужайтесь понимать!» Ибо сегодня понимающий человек зачастую сталкивается с такими адскими идеями, такими ужасающими доктринами и мыслями, что от них можно просто свихнуться. Чтобы этого не случилось, одни люди сознательно, другие инстинктивно включают защитный механизм своего организма: утрачивают желание знать и понимать: «меньше знаешь — крепче спишь»; «многие знания — многие печали». Сегодня, чтобы понимать, надо иметь не только неуемное стремление и недюжинный интеллект, но именно мужество и особенно крепкую психику. Поэтому задачу понимать происходящее до конца ныне берут на себя совсем немногие, и они выглядят на общем фоне, как правило, людьми «ненормальными», производителями «страшилок» и т. п. В этой роли выступал академик Н. Н. Моисеев. Сначала (в середине 70-х годов) — когда представил миру свои расчеты об итогах возможной полномасштабной атомной войны и выдвинул концепцию «ядерной зимы». В том случае не прислушаться к «страшилке» было просто невозможно. Итогом на некоторое время стала гонка разоружений — «detante». Потом Моисеев писал о грядущей экологической катастрофе. Итог — замалчивание, скепсис, ирония.

В этой же роли уже многие десятилетия выступает и А. А. Зиновьев, которого мы сегодня чествуем и о котором еще будем говорить.

Есть и другие очевидные факты и явления, которые на первый взгляд противоречат утверждению о кризисе понимания. Взять, на-

пример, такое очевидное достижение XX в., как доступность и **массовизация образования**. С 1970 по 1995 г. количество студентов в мире с 12 млн увеличилось до 83 млн человек, то есть в шесть раз! В России около 90% из 1 млн 100 тыс. выпускников школ поступают в вузы. Казалось бы, чем больше масса знающих людей, тем выше (при всех оговорках) уровень понимания картины мира и ныне происходящего. Логично? В определенной мере — да.

Но эту, безусловно, позитивную тенденцию надо рассматривать в тесном единстве с другими: тенденцией все более узкой **специализации** образования, тенденцией наступления воинствующего рационализма, тенденцией постепенного вытеснения из учебных программ фундаментальности, тенденцией «выдавливания» из учебных программ гуманитарно-социальных дисциплин и замещения их естественно-научными, информатикой, изучением иностранных языков и т. п. Споры «физиков» и «лириков», полушуточные высказывания типа «есть науки естественные и противоестественные, т. е. общественные», которые имели место на протяжении всего XX в., привели к совсем небезобидным последствиям. Ныне общество все более представляет собой собрание «специалистов» — высшего разряда ремесленников, из которых формируется аппарат управления обществом и государством, многомиллионное сословие чиновников, управляющая элита, принимающая судьбоносные решения и осуществляющая их. Специалист, конечно же, нужен, и он хорош в своем деле на своем месте. Но он сплошь и рядом имеет фрагментарное, крайне ограниченное представление о действительности, смотрит на мир и жизнь через щель своей специальности, не понимая жизнь как таковую, а иногда теряет представление о том, какие результаты приносит его труд: позитивные или негативные. Ибо он — «винтик», «функционер» в огромной машине, об устройстве и смысле действий которой не имеет представления. Не должен. Не хочет. В конце концов это не является его прямой задачей.

К. Поппер, рассуждая о проблеме понимания, очень точно заметил: «Нет сомнения, что в современном естествознании слишком много специализации и слишком много профессионализма, придающих ему нечеловеческие (inhuman) черты, но, к сожалению, это почти так же верно для современной истории или психологии, как и для естественных наук» (Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002. С. 181). Он же пришел к заключению, что **«специализация несет в себе собственное поражение»** (там же. С. 179).

Почему? XX в. ознаменован неимоверным **усложнением** всех сфер общественной жизни, их переплетением, взаимопроникновением. Проблемы экономические, технические, социальные и т. п. сегодня настолько тесно переплетены и взаимосвязаны, что каждая из них яв-

ляется одновременно и экономической, и политической, и социальной, и психологической. И это чрезвычайно усложняет ситуацию и задачу их понимания. Однако действует традиционное представление, что все проблемы по-прежнему можно обсуждать изолированно друг от друга, не спеша решать по отдельности, последовательно («поднимем экономику — улучшим образование» и т. п.). Для решения нынешних проблем, носящих комплексный характер, необходима опора на очень разные науки и теории. Специалист же, как об этом хорошо сказал Козьма Прутков, «подобен флюсу: полнота того и другого одностороння».

Парадокс: чем больше мы знаем, тем меньше понимаем. Мы все глубже проникаем в суть частного и особого, но нам все больше не хватает понимания общего и целого. Все больше ремесленников, все меньше людей широко образованных, эрудитов, не говоря уж об энциклопедистах. Очень много «силовиков», слишком мало «мозговиков».

Общество попало в психологическую ловушку. Нам кажется, что если мы обладаем огромным и все растущим объемом информации, все увеличивающейся массой обученных людей, да еще с так называемым высшим образованием, то нам все ясно и понятно. Просто не может быть непонятно.

Человек настолько уверовал в идею о всемогуществе своего Разума, что даже мысли не допускает, что может что-то не понять. «Человеком понимающим» полагает себя едва ли не каждый, кто умственно здоров. Тем более если он занял какую-то значительную позицию в системе управления обществом или государством, да еще каким-то образом приобрел ученую степень, да еще заимел много денег.

Пагубная самонадеянность! Она основана на уверенности в том, что любые проблемы можно решить количеством. Существуют иллюзии, что мы можем понять и решить все что угодно, если создадим научные институты, лаборатории и т. п., изберем парламент, назначим «хорошее» правительство, если навалимся на проблему сообща, начнем решать ее «демократически» — голосованием. Увы...

Уместно сказать еще об одном факторе, предопределившем кризис понимания в XX в.: хорошо налаженное производство и изощренное внедрение в массовое сознание **заведомо ложного знания**. В новейшие времена древние софисты обрели в лице многих философов, историков, социологов, политологов, писателей и журналистов лучших учеников за всю историю человечества. Такой размах софизма им не снился.

XX в. оставил нам в наследство новую и богатую **мифологию**, в которой неразличимо сочетаются реальность и вымысел, истина и ложь, сдобренные изрядной порцией паранойи. И это не только национал-социалистический миф крови и мифы сталинской эпохи. Это миф

о «невидимой руке рынка», якобы самоорганизующемся экономическом пространстве, на основе которого вырос рыночный фундаментализм. Это миф о «конце истории» и бесконечном во времени торжестве идей либерализма. Это миф о благах, которые якобы несет с собой глобализация по-американски. Это мифы о войне цивилизаций и международном терроризме, первопричиной которого якобы является исключительно исламский экстремизм, но никак не все более нарастающая социальная несправедливость и социальное неравенство между странами и людьми.

Я называю всего несколько мифов, ибо они составляют несущую конструкцию, на основе которой создаются десятки других мифов и мификов, работающих на главную идею XXI в. — создание Нового мирового порядка.

Разобраться в глубинах многих фундаментальных мифов не так-то просто. На их обоснование работают исследовательские институты, центры, лаборатории, в виде аксиом их вдалбливают молодым в классах и учебных аудиториях, по радио и с экрана телевизора. Мифы окутывают все формы нашей жизнедеятельности. При этом не удовлетворяющие стороны действительности, которые складываются в результате ложных посылов, относятся на счет неизбежных ошибок и издержек практической деятельности. Как можно сомневаться, если так думают и говорят все?

Вот, скажем, один из самых больших по значению, фундаментальный **миф о «невидимой руке рынка»**, который опирается на авторитет А. Смита и в понимании фанатиков рыночной экономики представляет полупародию его взглядов.

Да, Смит полагал, что общий позитивный результат человеческой деятельности в сфере экономики есть сумма свободных и конструктивных действий отдельных личностей. Эта истина находит свое практическое воплощение в достаточной мере независимо от индивидуальных намерений, воли и поступков, некоторые из которых могут быть ошибочными. Но если большинство действий все же имеет позитивный результат, то и совокупный итог будет иметь положительное значение. Каждый действует по своему разумению, на свой страх и риск, не зная, что и как делают миллионы других хозяйствующих субъектов, а результат положительный, прогресс налицо. Вот в чем заключается «невидимость», «автоматизм» рыночных отношений. Словно Бог направляет мысли и водит руками миллионов людей. Красиво. Эффективно. Что еще надо?

Но дело в том, что А. Смит полагал при этом, что такой способ мироустройства требует от человека не просто естественного (свободного) поведения, но и **следования должному**, которое заключено в правилах общественной морали и нормах закона. «Каждому человеку,

пока он не нарушает законов справедливости, — писал А. Смит, — предоставляется совершенно свободно преследовать по собственному разумению свои интересы и конкурировать своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица и целого класса» (Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 497). Таким образом, у «невидимой руки» есть жесткое ограничение: справедливость. Эта моральная категория определяет пределы свободы действий предпринимателя. Общественная мораль — вот что согласно А. Смиту должно лежать в основе экономики.

Но что происходило на протяжении столетий и что мы видим сегодня? Идея поставлена с ног на голову. Властвуют своеволие, беспредел, жизнь протекает под лозунгом «только бизнес — соль, остальное — ноль». Российская экономика (и не только) строится вне истины и любви, носит, по сути, антиобщественный характер; предприниматели попирали и беззастенчиво попирают именно законы справедливости. Итог? Мир на грани гибели, отказывается от этой философии развития.

Понимается ли это самим обществом? Только его частью. Большинство по-прежнему убеждено, что в этом вопросе все давным-давно ясно, что тут просто нечего понимать; что «все идет как надо», мы «вписываемся в цивилизованный мир», который давно живет по законам, берущим начало от времен Адама Смита. Наука расширенно воспроизводит этот миф, школы и вузы вдалбливают его в сознание все новых и новых поколений. Отказываясь понимать, люди самовольно строят мир, в котором ложная демократия и обманчивая свобода парадоксальным образом сочетаются с утонченным рабством и усиливающейся социальной несправедливостью.

В таком же духе можно препарировать миф о глобализации, миф о международном терроризме и другие.

Скажу о некоторых следствиях, к которым ведут бегство от знания и понимания, иллюзорное знание, новое мифотворчество и новый софизм.

На мой взгляд, XX в. со всей очевидностью и в невероятных масштабах продемонстрировал способность человека осуществлять отрицательную деятельность, т. е. деятельность не во благо, а в ущерб. Я не стану говорить о Первой и Второй мировых войнах, о ВОСР, случившихся в XX в. Это войны. Они предполагают деятельность такого рода, ибо война — это разрушение с целью уничтожения противника. Но вот нынешние «реформы» в России. Если не собирать по крохам сомнительные успехи и «достижения», то в общем и целом, в главном и основном они носят разрушительный характер. Для огромного множества людей, в частности и для меня, это несомненная истина. Это значит, что основную часть всей совокупной реформаторской дея-

тельности — от замысла до воплощения — надо признать отрицательной. Нельзя не заметить также, что эта отрицательная деятельность осуществляется за счет как предшествующих поколений, результаты труда которых уничтожаются, так и будущих поколений, созидательная деятельность которых затрудняется, а возможности улучшения жизни за счет собственных усилий ухудшаются.

Посмотрите на нашу экономику, где следы этой деятельности заметней всего. В итоге «реформ», на мой взгляд, экономика России уничтожена. Мы имеем дело с каким-то странным монстром, который почти ничего не производит, но именуется экономикой. Во главе множества хозяйственных структур, в том числе федеральных, стоит агрессивно-невежественное меньшинство людей, которые чрезвычайно активны и последовательны в достижении своих целей. Но если говорить о сути их деятельности, то это деятельность отрицательная, ибо их работа представляет собой **производство вреда**, создание **отрицательной стоимости**.

Люди, для которых разрушение было смыслом жизни, встречались в истории нередко. Но в таком множестве, как в XX в., — никогда. Нацисты в Германии. Организаторы массового террора в СССР. Были ли эти люди людьми? Можно ли назвать их личностями? Наверное, да. Ведь они были по-своему умны, исключительно работоспособны. Но это личности с извращенными умом и душой, искаженными ценностными ориентациями и моральными нормами, среди которых отсутствовали понятия «совесть», «честь», «жалость» и т. п. Большинству из них не знакомы переживания по поводу содеянного, зато свойственны звериная озлобленность, ненависть ко всем, кто думает и чувствует, понимает мир не так, как они.

Но разве личности такого рода исчезли с политической сцены? Помоему, их сегодня в нашей стране никак не меньше, чем 50–60 лет назад. Более того, их, как и тогда, пытаются возвеличить, именуют «гениями организации» и т. д. На самом деле это так называемые инфернальные (дисгармоничные) личности, рыночные фундаменталисты, фанатики. Как всякие фундаменталисты и фанатики, они не способны воспринимать никакую иную истину, кроме той, которая овладела их умами.

Парадокс заключается в том, что многие люди идут за ними, все-таки верят в то, что «российская экономика на подъеме». Почему? Человек легче воспринимает то, на что надеется, чего не знает и не понимает. Тем более если непонятное объявляется «новым», «передовым», «цивилизованным», если все делается «как у всех», тем более — «как у них».

Однако российская «экономика» — не что-то исключительное; это всего лишь частное проявление общемировых процессов, методично

организуемой и управляемой глобальной **экономической игры**, в которой все козыри как раз у «них», на «той» стороне. В то, что это именно игра, а по сути дела — **мировая война нового типа** (о чем мы говорили на одном из заседаний Русского интеллектуального клуба), абсолютное большинство населения поверить не может и не хочет: уж слишком все непривычно, откровенно, цинично и просто выглядит. Но подлинная истина всегда носит простые и грубые одежды.

Между тем еще в 1968 г. З. Бжезинский, тогда помощник президента США по национальной безопасности, одним из первых выдвинул идею о создании **системы глобального планирования и долгосрочного перераспределения мировых ресурсов** (Brzezinski Z. America in the Technologic Age // Encounter. Vol. XXX. 1968. January ; idem. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. N. Y., 1970). Уже в те годы, более 30 лет назад, когда еще шла холодная война и СССР был силен и могуч, США определили новые ориентиры мирового развития на свой манер. Во-первых, речь шла о замене **демократии господством элиты**. Бжезинский полагал, что развитие должно сопровождаться «постепенным появлением все более контролируемого и направляемого общества, в котором будет господствовать элита... Освобожденная от сдерживающего влияния традиционных либеральных ценностей, эта элита не будет колебаться при достижении своих политических целей, применяя новейшие достижения современных технологий для воздействия на поведение общества и удержания его под строгим надзором и контролем» (Brzezinski Z. Between Two Ages... P. 252). Во-вторых, говорилось о формировании **наднациональной власти** на основе объединения индустриально развитых стран в своего рода элитарный клуб. Ежегодные совещания «семерки», в которых России с некоторых пор отведена роль «восьмерки». И мы видим, что задуманный более тридцати лет назад проект осуществляется более чем успешно.

В России и во многих странах сформировалось **четвертое сословие**, состоящее из финансовых магнатов, банкиров, торговцев, наркодельцов, государственных чиновников-коррупционеров, владельцев СМИ, игорных домов, шоу-бизнеса и прочего жулья, которое сосредоточило в своих руках огромные финансы, «спонсирует» выборные кампании, лоббирует нужные ему законы, т. е. определяет образ жизни всего социума, формирует в обществе выгодную ему мораль.

Мировая экономическая система во многом уже построена. Завершению ее создания мешает то, что отсутствует легальная мировая политическая система — мировое правительство. Некоторые полагают, что фактически оно уже существует («семерка», разные клубы и т. п.). Но если это и не так, то совершенно очевидно, что ныне мы являемся свидетелями активнейших попыток создать его.

Именно в этом ключе надо рассматривать ту деструктивную, отрицательную деятельность, о которой я говорил. Она носит не стихийный, а **планомерный**, контролируемый и управляемый характер. По этой схеме с помощью специально созданных инструментов (МВФ, ВТО, МБ и др.) разрушаются государства, организуется хаос как внутри отдельных стран, так и в международном масштабе, с тем чтобы в зоне кризисных ситуаций контролировать не только экономические, но и политические процессы, всю социальную среду. По типу «внешнего управления» в обанкротившихся банках и фирмах действует система глобального менеджмента, глобальных политических технологий.

Одно из многих свидетельств этого — парадоксальное понятие «принуждение к миру», которое нам оставил XX в. Демонстрация этого принципа состоялась на Балканах. Ближайшая возможность увидеть это — «разоружение» Ирака. Уже вброшена в общественное сознание идея о «принуждении к миру» чеченских боевиков и российского федерального центра.

Вновь скажу: проблема понимания актуальна ныне как никогда с тех пор, когда тысячелетия назад, еще в эллинскую эпоху, возникла герменевтика — искусство толкования текстов классической древности, Библии, учение о принципах их интерпретации. Сегодня **в кризисе понимания находит свое выражение системный кризис бытия человечества вообще**. Продолжать не понимать происходящее — значит продолжать погибать. Понять — значит спастись.

Как всегда бывает в тех случаях, когда обозначается та или иная проблема, тут же возникает вопрос: **«Что же делать? Как ее решить?»**

Сверхсложная, адски трудная задача, которая не может быть решена разом, быстро и повсюду. Человека можно принудить повиноваться, но невозможно заставить думать и понимать, если он не захочет этого сам. Тем более человека, которого сегодня, на мой взгляд, сознательно отучают думать и понимать: в ситуации дележа собственности и власти думающий и понимающий народ правящей элите совершенно не нужен. Ситуация по своей сути становится все более похожей на ту, которая существовала в Древней Спарте, когда около 30 тысяч спартанцев управляли 350 тысячами илотов — рабов и ремесленников.

На мой взгляд, главное условие преодоления кризиса понимания — **образовательная революция**, смысл которой не столько в совершенствовании форм и методов передачи знаний, новых образовательных технологиях и механизмах финансирования (как это представляется нынешним реформаторам образования не только в России, но и в других, в том числе ведущих, странах мира), сколько в переосмыслении **миссии** образования, которая видится мне **спасительной**; в определении новых **областей знаний** и создании **новых учебных дисцип-**

лин, дающих знание и понимание смысла вызовов и угроз, следствием которых может быть мировая катастрофа; в расширении **предметности обучения** (которое сегодня сводится к овладению определенной суммой знаний, навыков и умений) за счет прибавления к этим целям **обучения пониманию**.

Если мир стал сложней, то человек должен развить свои творческие способности до такой степени, чтобы справиться с этой сложностью, упростить ее. Если скорость и темпы общественного развития возрастают, значит, и человек должен думать с большей скоростью и точностью. Если объемы информации нарастают лавинообразно, то и человек должен расширять границы своего интеллекта.

Возможно ли это? Возможно. Давно доказано, что люди обычно используют не более 10% возможностей своего мозга, даже когда думают с максимальным напряжением. Не более! Большинство — и того меньше. Как получить доступ к оставшимся 90% умственного потенциала? Развитию и использованию всех шести типов интеллекта (вербального, визуального, логического, творческого, физического, эмоционального) необходимо учить. Для меня именно в этом смысле проблема понимания (повторюсь) является прежде всего практической. Пусть ученые продолжают спорить о дефинициях и деталях. Но общественный запрос на разрешение кризиса понимания настолько актуален, что на него необходимо давать немедленный и действенный ответ. Достигнутый уровень понимания проблемы понимания вполне достаточен для того, чтобы на основе теоретических наработок стало возможно создание специальной учебной дисциплины, методик, учебных пособий, позволяющих обучать новые поколения не только запоминанию знаний, но и отысканию скрытых в них смыслов — пониманию.

В чем высший смысл образования, чему надо учить, что надобно непременно не только знать, но и понимать — вот в чем, если говорить предельно кратко, заключается суть кардинального, революционного преобразования образования в XXI в., с помощью которого должно быть столь же серьезно, на основе новой парадигмы преобразовано общество. Из печати вышла моя книга «Образовательная революция», в которой эти вопросы рассматриваются довольно обстоятельно. Сейчас я эту тему только обозначаю.

II.

Глубина понимания «вообще» (явлений и событий новейшей, все более усложняющейся истории тем более) в конечном счете зависит не столько от количества имеющейся у нас информации, сколько от духовно-нравственной зрелости и интеллектуального потенциала «понимающей» личности.

Как известно, до недавнего времени ученые рассматривали интеллект как единый, неделимый, монолитный психический феномен. Выявление шести типов интеллекта — это прорыв в науке и, на мой взгляд, в решении проблемы понимания, ибо позволяет получить доступ к незадействованным 90 процентов интеллектуального потенциала.

Новый взгляд на интеллект более сложен, но он позволяет гораздо лучше объяснить такие явления, как гениальность, талант, дарование. В частности, и таких выдающихся человеческих экземпляров, как А. А. Зиновьев, который одарен в высшей мере не в каком-то одном, а во всех шести типах интеллекта, что хорошо показано в только что вышедшей книге «Феномен Зиновьева», подготовленной учеными МГУ им. М. В. Ломоносова и Института философии РАН.

Я смотрю на Зиновьева как на посланца XX в. в век XXI, как на орган, который природа и наше общество создали для того, чтобы его мыслями и его голосом рассказать потомкам о веке XX. Он очень много сделал для понимания сущности России и Запада, человечества вообще в XX в. С идеями, мыслями, оценками и прогнозами Зиновьева можно соглашаться или нет, самого Зиновьева можно любить или ненавидеть, но не заметить его невозможно.

Что такое Зиновьев? В чем его феномен? Давайте порассуждаем сегодня об этом. Я только начну, а вы — продолжите.

Взглянем на творчество А. А. Зиновьева с количественной точки зрения.

Вот лишь названия его книг по логике: «Философские проблемы многозначной логики» (1960), «Основы логической теории научных знаний» (1967), «Комплексная логика» (1970), «Логика науки» (1971), «Логическая физика» (1972), «Логические правила языка» (1975).

Вот список литературных произведений Зиновьева: «Зияющие высоты» (1976), «Светлое будущее» (1978), «В преддверии рая» (1979), «Записки ночного сторожа» (1979), «Желтый дом» (1980), «Мой дом — моя чужбина» (1982), «Гомо советикус» (1982), «Нашей юности полет» (1983), «Евангелие для Ивана» (1984), «Иди на Голгофу» (1985), «Государственный жених» (1986), «Рука Кремля» (1986), «Пара беллум» (1986), «Изюмовая бомба» (1987), «Живи» (1989), «Мой Чехов» (1989), «Исповедь отщепенца» (1990), «Катастройка» (1990), «Веселие Руси» (1991), «Смута» (1992), «Русский эксперимент» (1995), «Глобальный человейник» (1997), «Новая утопия» (2000), «Затея» (2000).

За прошедшие три года после возвращения в июне 1999 г. в Россию он опубликовал четыре монографии: «На пути к сверхобществу», «Комплексная логика», «Логическая социология», «Русская трагедия».

Но это — количество. А качество? Насколько истинно то, о чем поведал миру Зиновьев? Почему Зиновьеву в его понимании дейст-

вительности можно верить? Тут мало только оригинальности, самобытности.

Глубина понимания Зиновьевым социальной действительности предопределяется тем, что в процессе познания он использует весь возможный инструментарий: мышление (он логик), слово и эмоции (он писатель и поэт), рефлексию (он философ), зрение (он художник), эксперимент (он социолог) и т. д.

Со всех сторон — как логик и философ, социолог и художник, писатель и поэт — Зиновьев является личностью выдающейся.

Мировая известность пришла к Зиновьеву еще в начале 60–70-х годов как к логику. Все его книги по логике изданы на многих языках, в том числе на английском, немецком. Признанные зарубежные научные авторитеты говорят о Зиновьеве как о выдающемся логике XX в.

Философский факультет МГУ выпустил в XX в. тысячи специалистов по философии, которые стали докторами и академиками, но лишь несколько человек войдут в историю как философы. Среди них — А. А. Зиновьев.

В № 9 журнала «Вопросы философии» за 2002 г. опубликована беседа главного редактора В. А. Лекторского и академика Л. Н. Митрохина. Они называют всего пять фамилий, как они пишут, «наиболее творческих философов». С Зиновьевым они связывают «рубеж в развитии нашей философии в целом», называют его «главным молотобойцем, пробившим брешь в монолите диамата». Выдающийся результат!

Зиновьев — человек до мозга костей русский, во всех смыслах и измерениях. Он почти ровесник XX в. и 60 лет советской истории. Он знает страну, знает ее историю, людей, систему власти. Он знает человеческий материал и общество как предмет познания, всегда размышлял о сущностях и смыслах, а не о частностях, хоть они и важны.

В Древнем Китае была традиция: если человек, добившийся славы, хотел понять, не произошло ли это случайно, то он менял имя и место жительства и начинал все сначала.

Именно так, хоть и помимо своей воли, все случилось и с Зиновьевым. В 1978 г. вместе с семьей он был изгнан из СССР в ФРГ. Слава, хорошая должность (зав. кафедрой логики МГУ), степень доктора наук, звание профессора, боевые ордена — все было утрачено. Но мировая слава пришла к нему **во второй раз** — теперь уже как к писателю.

Зиновьев всюду — новатор и революционер. Всюду и во всем — оригинален. Относительно его творчества почти всегда говорят «впервые», «блестяще», «потрясающе», «гениально». Его сравнивают со Свифтом, Вольтером, Гоголем, Салтыковым-Щедриным, называют «Моцартом социологии». О его творчестве уже написаны книги, диссертации, сняты телефильмы, не говоря о сотнях восхищенных ре-

цензий. А. А. Зиновьев удостоен престижных литературных премий, в том числе «За лучший европейский роман» в 1978 г., «За лучший научно-фантастический роман» в 1980 г., «Prix Medicis» в 1979 г., «Tevere» в 1992 г. и многих других. Избран в Баварскую академию искусств и Римскую академию, награжден медалями и званием почетного гражданина папских городов Равенна, Оранж и Авиньон. Я не знаю, есть ли среди присутствующих такие, кто прочитал, а тем более изучил все книги Зиновьева и, следовательно, может вполне обоснованно утверждать, что он понимает, «что такое — Зиновьев», т. е. постиг его сущность. Ведь понимание — это **сомыслие**. Чтобы воспринять и понять другого, надо не просто пролистать текст, а проделать самостоятельную мыслительную работу по раскрытию смысла того, что заключено в тексте. Это и есть процесс понимания. То, чего мы не понимаем, не принадлежит нам, то — чужое, не наше. То, что нам не нравится, мы считаем плохим. Непонятное часто кажется нам «неправильным».

Зиновьев — еретик, ибо постоянно ставит под сомнение общепринятые истины и предлагает свое понимание вещей. Он разоблачает иллюзии и мифы, что воспринимается многими как личное оскорбление и вызывает ненависть.

Я не раз слышал: «Зиновьев — антисоветчик, антикоммунист. Он помогал разваливать СССР, а теперь стонет. Крокодиловы слезы»; «Он приехал в Россию, потому что стал не нужен на Западе». Другие говорят: «красный», «коммуняка», «совок».

Я знаю, как А. А. Зиновьев отвечает на эти вопросы. Мы не раз касались их в наших с ним беседах. Мне бы хотелось, чтобы он затронул эту тему и сегодня. Сам же я объясняю и понимаю это так: перед нами истинно мыслящий человек, одна из немногих личностей, воплощающих в себе идею всемогущества человеческого разума и его беспрестанной рефлексии.

Идеи и мысли Зиновьева часто шокируют, кому-то кажутся нелепыми. Но могло ли быть иначе? Ведь он исследует предельно противоречивую, шокирующую, нелепую, абсурдную действительность, в которой негативные результаты и следствия перечеркивают и отрицают благие замыслы и ничтожные достижения. Отсюда парадоксальные, но полные глубокого смысла словообразования «зияющие высоты», «катастройка», «человейник» и многие другие, вошедшие в словарь русского языка XX в.

Не забудем: Зиновьев — логик, логик-революционер. Он полагает, что предмет логики — не мышление, а язык. Он создал свой язык логики, изменил привычную логику языка, а значит, и мышления. Он мыслит парадоксально, и в этом заключена великая логика, ибо это действительно логика, в соответствии с которой строится наша абсурдная действительность.

Человек — это не только то, что он делает и думает, но и то, что и как он чувствует. Мир чувств и эмоций Зиновьева никому из нас не ведом. На его долю выпало столько переживаний, что многим это трудно даже представить. Арест в ранней молодости. Война, на которой он воевал летчиком-штурмовиком. Колпак КГБ в 70-е годы. Высылка из страны в возрасте 56 лет. Жизнь в эмиграции. Травля. Дважды его пытались отравить. Дважды пытались выкрасть. Замалчивание за границей. Возвращение в Россию в возрасте 77 лет. И — невостребованность...

Зиновьев — человек гонимый, травимый и безумно одинокий, сколько бы людей вокруг него ни крутилось, «отщепенец», как сказал он сам о себе. Но такова судьба всех, кто опережает время, такова судьба гения: ему не с кем разговаривать, быть понятым до конца уже сегодня.

«Первое и последнее требование к гению, — говорил Гете, — любовь к истине». Истина — это религия Зиновьева. Можно сказать, что он ничего в жизни и не умеет, кроме как мыслить. В этом его счастье и беда.

Как-то однажды в нашем разговоре Зиновьев сказал о себе: «Я — думательная машина, которой все равно, что думать: СССР, Запад или Россию. Сейчас я в России и думаю прежде всего Россию». Зиновьев несет в себе огонь истины, который обжигает его, причиняя боль. Он доказывает истину не только мышлением, но и своим образом жизни: неимоверно много трудится вообще, а для его возраста — фантастически много. Он не просто трудится, он борется. Не против кого-то конкретного, а с действительностью, со всем миром за свои идеи и свое право видеть и понимать его по-своему.

Зиновьева в России пока еще недостаточно читают и знают. В том числе и потому, что его рассуждения и прогнозы не добавляют оптимизма. Люди легко понимают радость жизни, но не хотят узнавать, а тем более трудиться, чтобы понять ее ужасы. Люди легче и больше всего верят в то, что хуже всего знают. В этом заключен великий парадокс.

«Когда рушится все, наступает час философии», — писал М. Хайдеггер. Человечество потрясают тектонические сдвиги и глубинные взрывы. Будущее во мраке. Час Философа уже пришел — звездный час Зиновьева.

Время понимать.

АБСУРД ПРОИСХОДЯЩЕГО

XX в. явился самой яркой демонстрацией крайней противоречивости человеческой натуры, доводящей свои мысли и дела до полного абсурда[2].

С одной стороны, именно в этом веке человеческий Разум принес величайшие научные открытия, изумительные технические достижения, небывалый рост благосостояния значительной части населения планеты. С другой стороны, именно в этом столетии вопреки этому же Разуму были развязаны две невиданные по масштабам и жестокости мировые и одна «холодная» мировая войны, совершались социальные революции и перевороты, породившие неслыханные формы закрепощения, угнетения и эксплуатации человека, пренебрежения к человеческой жизни, свободе, праву, чести и морали. XX в. представил новые, изощренные формы рабства, насилия и зверства — концентрационные лагеря, массовый террор и международный терроризм, обрек миллионы людей на бесправие, унижение и гибель.

Различные интеллектуальные и духовные лидеры говорят о наступлении периода глобальной смуты, о грядущем столкновении цивилизаций, о движении общества к новому тоталитаризму, о реальной угрозе демократии со стороны неограниченного в своем «беспределе» либерализма и рыночной стихии. События последнего десятилетия, когда столь обыденными для нашего слуха стали словосочетания «гуманитарная катастрофа» и «принуждение к миру», явно разрушают недавние футурологические клише, предвещая более чем драматичный образ только что начавшегося XXI в.

Современная цивилизация, как колыбель специфической «культуры смерти», подверглась суровой критике в XI энциклике папы Иоанна Павла II «Евангелие жизни» (март 1995 г.). Государства западного мира, констатирует Иоанн Павел II, «изменили своим демократическим принципам и движутся к тоталитаризму, а демократия стала всего лишь мифом и прикрытием безнравственности». Во время своей поездки в Мексику глава римско-католической церкви говорил о социальных грехах нынешнего мира, о господстве насилия, неравноправии, расовой дискриминации, жажде богатства и власти, которые нельзя искоренить без уяснения и ликвидации «структурных корней эксплуатации и угнетения» (Окружное послание Evangelism Vitae папы Иоанна Павла II «О ценности и нерушимости человеческой жизни». Париж — Москва, 1997).

---

[2] Абсурд (от лат. absurdus — нелепый) — граница, изнанка, оборотная сторона смысла, его превращенная форма.

Главные причины кризиса человечества находятся не столько в «естественной» борьбе за территории и рынки, не столько в характере экономических и производственных отношений, сколько в тех общественных идеалах, на которых строились современные социально-политические системы. Эти системы породили пропасть между прогрессом культуры материальной и культуры духовной — культуры в подлинном ее значении — и оказались не в состоянии ее преодолеть.

Абсурд происходившего я вижу в том, что человечество безжалостно уничтожало то, что только успело создать, что оно с невиданной яростью и в немыслимых масштабах вело внутривидовую борьбу на взаимоуничтожение целых стран и народов, не особо заботясь о том, чтобы понять, что такое человек, как раскрыть и развить в нем те качества и силы, которые сделали бы его жизнь не только более благополучной, но и счастливой. На это не хватало любопытства и желания, а также средств — они тратились на войны и покорение природы. Но ни одна из побед на этих направлениях не привела ко всеобщему счастью. Покорение материального мира не стало достаточным условием для благоденствия человечества.

XX в. показал: горе тому обществу и народу, над которым восторжествуют вооруженные всеми средствами современной техники бездушные существа. Тогда достижения науки и техники начинают служить не облегчению жизни, а во вред ей, оборачиваются против человека. Техника становится служанкой произвола и орудием для уничтожения людей. Достижения цивилизации начинают служить изощренному взаимоистреблению человеческого рода.

Когда правитель, живущий мечтой во что бы то ни стало попасть в мировую историю, затевает «перестройку» целой системы стран с территорией в треть мировой суши и населением в два с лишним миллиарда человек, не думая о последствиях своего начинания, разве не похож он на дикаря, разводящего костер на артиллерийских складах посреди огромного армейского гарнизона? Но этому человеку рукоплескал весь мир... А развал СССР тремя подвыпившими и безмерно амбициозными мужиками, в котором вовсе не было нужды и которого не ожидали даже его враги?.. А избрание опозорившегося, неспособного не только эффективно управлять страной, но даже здраво рассуждать и внятно выражать свои мысли Б. Ельцина на новый президентский срок в 1996 г.?.. Все эти события находятся за гранью смысла.

XXI в. уже с первых дней еще шире распахнул занавес в Театре Абсурда нашей жизни. Когда я вижу, как президент США, чтобы поймать одного человека, отдает приказ «наказать» целый народ, т. е. убить тысячи людей, и взять «на прицел» еще полтора десятка стран за якобы их связь с террористами, или повелевает «устранить» главу не-

удобного им руководителя другой страны и все в таком роде, то понимаю, что никакого международного права на нашей планете уже нет. Но при этом как ни в чем не бывало заседает Совет Безопасности ООН, проводятся многочисленные совещания на высшем уровне, на которых президенты и премьеры разных стран с важным видом ставят свои подписи под всевозможными договорами, заявляя об их историческом значении. О каком значении и зачем они говорят, если заведомо знают, что завтра любому из них может позвонить лидер ныне единственной супердержавы и сказать, что принятый договор задевает ее национальные интересы, а потому... И плакал любой консенсус! Все искусство дипломатии состоит ныне в том, как разжевать и проглотить лимон с красивой миной на лице. Если бомбежка Югославии — это предотвращение «гуманитарной катастрофы», тогда что такое война? Если Россия и США теперь не враги, а партнеры и почти друзья, то зачем НАТО расширяется на Восток, обустраивает свои аэродромы в Узбекистане, Туркмении, Таджикистане?..

Абсурдность нарастает лавинообразно, крупномасштабно, глобально. Абсурдны не только события, но и их объяснения, которые предлагаются политиками и средствами массовой информации. Тут следствия выдаются за цели, а о причинах просто умалчивается; умысел представляется случайностью, а военная агрессия — «гуманитарной помощью», сознательная имперская политика по разгрому экономик других стран, захвату рынков сбыта и труда означается безобидным словом «глобализация». Здесь «война — это мир», «свобода — это рабство», «незнание — сила» (Д. Оруэлл).

Когда я смотрю по ТВЦ передачу Андрея Караулова «Момент истины», то думаю, что в этот самый «момент» по телефону «02» тысячи россиян вызывают «скорую помощь», а еще тысячи назавтра идут на прием к психотерапевтам и получают невеселые диагнозы о разного рода психических расстройствах. Потому что вынести карауловские «истины» без ущерба для здоровья могут немногие.

Как это возможно: украсть кредит МВФ в 4,8 млрд долларов в стране, две трети населения которой живет в нищете, где годовой бюджет образования всего около 1 млрд долларов? Как это вообще возможно? Вроде в стране есть Президент, Правительство, Дума, Совет безопасности, Минфин, ФСБ, МВД, Министерство по налогам, Счетная палата... Есть кому распорядиться, дать команду, осуществить контроль, есть кому искать и ловить. Не могут? Неправда. Мы можем все, что захотим. Доказано. Не хотят? Почему? Неужели?.. И даже — Сам?.. Но тогда зачем разрушено все, что было прежде? Зачем «реформы», «свобода», «демократия», «всенародные выборы»? Ради вот этого?.. Абсурд.

Или (еще один факт из передачи «Момент истины»): как это можно — быть воровским «авторитетом» и стать «всенародно избранным»

губернатором одного из крупнейших регионов России? Более того: став губернатором, распродавать рыболовный флот по цене 1 (один) доллар США за один корабль при реальной стоимости каждого в миллионы? Более того — продавать самому себе? И никого и ничего при этом не бояться. И ни за что не отвечать, и никакого наказания не получить. Ну ладно: с верховной властью все ясно. А сам «народный избранник» — он был в здравом уме, выдвигаясь в управители миллионов людей? На что рассчитывал? Не разберутся, не поймут? Им все равно, им на все наплевать? Получается — правильно рассчитывал... Что же, и народ потерял рассудок?

Разве не вызывает смятение ума и ощущение абсурдности происходящего *столкновение*, скажем, *таких фактов*: *в мире* в ситуации голода находятся более 500 млн человек — и 225 самых богатых людей имеют богатств больше, чем 3 млрд бедных людей планеты; у трех наиболее богатых людей богатств больше, чем совокупный валовой продукт 48 бедных стран с населением в 600 млн человек? Или: за годы «реформ» две трети населения России оказались за чертой бедности, около 40% живут в нищете; зарплата профессора составляет около 50 долл. в месяц; сотни тысяч учителей то и дело месяцами не получают зарплату, а ежегодно на зарубежные счета наших «олигархов» и им подобных «бизнесменов» уходит около 20 млрд долл.; гражданин РФ Березовский покупает в Ницце замок стоимостью в сотни миллионов долларов; гражданин Ходорковский добровольно заявляет, что за четыре года «сколотил» состояние в 3 млрд долл.; едва ли не все разведанные сырьевые и энергетические ресурсы России, оцениваемые в 32–35 трлн долл. и являющиеся главной доходной статьей российского государственного бюджета, «вдруг» оказались в частном владении нескольких человек... Зачем? Почему? По какому праву то, что добыто потом и завоевано кровью всех предшествующих поколений и принадлежит всему народу, стало собственностью кучки предприимчивых деляг, а то и откровенных жуликов и воров?

Примеры такого рода можно приводить бесконечно. Их тысячи. Во всех сферах жизни — экономике, политике, культуре, образовании, во всех регионах и городах, на всех уровнях управления — от национального до поселкового. Они и создают основу нашей жизни, в которой, конечно, есть и положительные начала, идущие от «здравого смысла», благодаря чему мы все же живы. Но шквал абсурдности нарастает, доля нелепости, бессмысленности, несуразности, нелогичности, необъяснимости, непонятности, непредсказуемости и как следствие неустойчивости общественного развития увеличивается.

Чем грозит это обществу и человеку? Смятением умов, разрушением духа и нравственности. Абсурдное парадоксально. Это факт: огромное множество людей принимают старое за новое, разрушитель-

ство — за созидание, хаос — за порядок, бесправие и диктатуру меньшинства — за демократию и власть народа, разворовывание общенародной собственности — за строительство рыночной экономики и приватизацию; телевизионное киллерство — за свободную журналистику, манипуляцию сознанием миллионов и коллективное сумасшествие — за свободные выборы. Война так прочно «встроилась» в нашу жизнь, что воспринимается как мир, тихое умерщвление нищетой миллионов понимается как забота о благосостоянии народа. Порок стал добродетелью; воры, убийцы, наркоманы и проститутки — героями фильмов и романов; кучка «олигархов», ограбивших свой народ, именуется «гениями организации», «создателями рабочих мест». Сегодня даже войны стали «демократичными», бомбы — «умными», оружие — «несмертельным».

Абсурд происходящего порождает абсурд в мыслях, мышлении и сознании, перевернутую картину мира, когда привычные слова утрачивают собственные изначальные значения и наполняются иным, порой прямо противоположным, смыслом. Из лжи следует все что угодно. Истина следует из всего что угодно. Так и хочется, перефразировав Гегеля, сказать: «Все действительное — абсурдно, все абсурдное — действительно»[3].

Но может ли человечество жить долгое время с перевернутым сознанием, образно говоря, ходить вниз головой, задом наперед? Оказывается, может. Человек — существо чрезвычайно легко программируемое. Он быстро приспосабливается не только к мыслимой, виртуальной, но и к физической реальности.

Еще в конце XIX в. психологи начали опыты с ношением очков, которые искажали по горизонтали и перевертывали изображения. Кроме того, использовались призмы, которые давали дополнительные искажения. Целью опыта было выяснение вопроса о том, сможет ли человек при таких условиях ориентироваться в физическом пространстве — ходить пешком и на лыжах, ездить на велосипеде, классифицировать игральные карты. Эксперименты, проводившиеся в раз-

[3] Знаменитая формула Гегеля (ее называют также «двойным принципом») звучит так: «Что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно» (Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. VII : Философия права. М. — Л., 1934. С. 15). В недавно найденном варианте записей лекций Гегеля по философии права 1819/20 гг. эта формула звучит так: «Что разумно, то станет действительным, что действительно, станет разумным» (Hegel G. W. F. Philosophie des Rechts. Die Vorlesung von 1819/20 in einer Nachschrift. Hrsg. von D. Henrich. Fr./M., 1983. S. 15). «Двойной принцип» Гегеля означал, что, познавая, можно быть уверенным в том, что знания претворятся в наличной действительности. Формула «работает»: действительность действительно существует, но в силу своей бессмысленности (абсурдности) отрицает самое себя.

ные годы и в разных странах, показали, что все это вполне возможно. Дело в том, что зрение фиксирует сенсорное сообщение не сетчаткой глаза как таковой, а на уровне мозга: когда мы встаем на голову, видимые предметы остаются в прежнем положении, а не переворачиваются вместе с нами. Надев очки, перевертывавшие изображения, и призмы, искажавшие их, испытуемый попадал в мир, где объекты то и дело совершали кажущиеся движения и никогда не находились там, где он надеялся их найти или схватить. Ложные зрительные данные ставили подопытного перед необходимостью либо следовать старой зрительной системе отсчета, но тогда он наталкивался на предметы, падал, садился рядом со стулом, либо постепенно адаптироваться к новой физической реальности и одновременно формировать новую систему отсчета. Разумеется, все испытуемые шли по второму пути и довольно быстро начинали ориентироваться в окружающей среде. Один из них уже на шестой день совершил продолжительную лыжную прогулку, другой через 10 дней легко ходил по улицам, а спустя 39 дней катался на велосипеде. Самый длительный опыт продолжался всего 10 недель. Во всех случаях у людей формировались новые зрительно-моторные координации. Адаптация происходила гораздо быстрее у тех испытуемых, кто сознательно и активно стремился перестроить свое зрительное восприятие. Экспериментаторы отмечают при этом, что образование новых зрительно-моторных координаций наблюдается только у высших животных (человека и обезьяны). Ни у рыб, ни у кур, которым пристраивали искажающие очки, никакой адаптации не происходило.

Но что такое научное знание? Что такое информация? Это вид человеческого зрения. Иногда оно уступает в своем значении зрению физическому. «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», — говорим мы. То есть, когда к нам поступают противоречивые данные, мы отдаем предпочтение зрительной информации. Я говорю это к тому, что результаты опыта с перевернутыми очками и призмами надо оценить по достоинству. Они сообщают очень много о психике и психологии человека, в частности о его способности как высшего животного, наделенного разумом, быстро приспосабливаться к абсолютно любой реальности и жить хоть «вверх тормашками», хоть по правде, хоть по лжи, хоть между ложью и правдой; хоть только разумом, хоть только инстинктом и эмоциями, хоть в равном союзе с тем и другим.

Человек «вообще» — существо удивительное и очаровательное, но по определению — ограниченное. Чрезвычайно. Сроком жизни. Объемом мозга. Количеством хромосом. Степенями свободы. Что уж говорить о конкретном, так называемом простом человеке, который не особо стремится к звездам, высшим смыслам и ценностям. Вся его жизнь изначально полна абсурда. Миллиарды людей ежедневно, из

года в год, на протяжении всей жизни ходят на работу и монотонно занимаются одним и тем же делом, в котором часто нет места мысли и творчеству и которое, следовательно, по определению не может приносить наслаждения, радости и счастья. Однообразная жизнь проходит без надежды когда-нибудь преуспеть. Шахтер спускается в шахту, землепашец садится на трактор, рыбак выходит в море, токарь становится к станку с тем же настроением, что и Сизиф, обреченно вкатывавший на вершину горы огромный камень, откуда тот вновь и вновь низвергался вниз, к ее подножию. И так — без конца, безо всякой пользы и какого-нибудь смысла... Но больше того — сотни миллионов людей на земле не имеют никакой работы. Они лишены даже этого удела: заниматься хоть чем-нибудь.

Абсурд обнаруживает себя не только в скуке и отчаянии, тревоге и потерянности, в ощущении враждебности внешнего мира и страхе перед ним, но также в стремлении спрятаться от него «где-то» или в самом себе. А то и покинуть его. Раз и навсегда.

И вот страшный итог. Среди 57 стран мира Россия сегодня занимает второе место по количеству самоубийств на 100 тыс. жителей — 43 человека. Для сравнения: Испания — 7, Уругвай — 9,2; США — 12,8; Франция — 20. Хуже, чем у нас, только в Литве — 47 человек. Смертность от психических расстройств среди разных заболеваний стоит на первом месте и выросла с 1990 по 1994 г. на 284%, т. е. почти утроилась. Российский народ ускоренно вымирает: ежегодно население России сокращается на 1 млн человек. Смертность «помолодела» — из жизни уходит прежде всего трудоспособный, активный слой населения. Прогнозируется, что к середине XXI в. русских в России будет меньше на 35–40%.

По запасам сырья в расчете на каждого жителя страны гражданин России — самый богатый в мире, а на деле — один из самых нищих. Еще недавно наша страна имела лучшую в мире систему образования, сотни тысяч иностранцев ежегодно приезжали к нам на учебу. Теперь даже Индия не признает российские дипломы о высшем образовании, не говоря уж о Германии, Чехии и других европейских государствах. Страна нищает, народ вымирает, а ему твердят: «надо успеть вписаться в цивилизованный мир», «надо успеть вскочить на подножку последнего вагона глобализации». И десятки миллионов человек, будто завороженные, повторяют эти слова, не желая понять: если количество бед и пороков в обществе не сокращается, а увеличивается, то это значит, что оно идет бедственным и порочным путем. Разве все это не Театр Абсурда?

Но самое любопытное заключается в том, что нечто похожее давно происходит и «там» — в сытом, благополучном, «развитом» мире. Все знают, например, что в США около 700 тыс. профессиональных пси-

хологов, что здесь каждая семья стремится обзавестись своим психотерапевтом. Почему? Вот красноречивый ответ, взятый из книги «Воля к смыслу» американского психолога Виктора Франкла: «Чаще, чем когда-либо, психоаналитики сообщают, что они сталкиваются с новым типом невроза, который характеризуется главным образом потерей интереса и безынициативностью... Снова и снова психиатры принимают пациентов, которые сомневаются в том, что жизнь имеет какой-то смысл. Такие случаи я называю «экзистенциальным вакуумом». Что касается того, насколько часто встречается данный феномен, я использую данные исследования, проведенного среди моих студентов в Венском университете: только 40 студентов (немцев, швейцарцев и австрийцев), посещавших мои лекции в Германии, утверждали, что они на своем собственном опыте испытали чувство крайнего абсурда, в то время как уже не 40, а 81 студентов (американцев), посещавших мои лекции в Англии, признались, что испытали то же самое. Из данного соотношения мы не делаем вывод о том, что экзистенциальный вакуум является преимущественно американским заболеванием; он, скорее, явление, сопутствующее индустриализации.

Мне представляется, что экзистенциальный вакуум является следствием двойной потери: потери инстинктов, обеспечивающих безопасность животного в окружающем мире, и в более поздний период потери традиций, которым подчинялась жизнь человека в прежние времена. Сегодня инстинкты не подсказывают человеку, как он должен действовать, равно как и традиции больше не являются руководством к действию»[4].

О том, что человеческое рассуждение может быть нелепым, привести к противоречивым выводам, к искажению смысла и даже бессмыслице, известно издревле. Проблема абсурда возникла в античные времена и имела большое значение при разграничении истинных и ложных суждений во время диспутов и судейских разбирательств. В Средние века противоречивость и парадоксальность рациональных рассуждений преодолевались актом веры. В XX в. проблему абсурда стала исследовать не только философия, но и художественная практика. Возникли театр абсурда, поэзия абсурда, абсурдистское кино, абсурдистская литература. Абсурд стал характеристикой не просто некоторых форм суждений и высказываний, но и определением человеческого бытия — его иррациональности, изначальной стихийности, бессознательности и неподвластности разуму.

Беда даже не в том, что «жизнь — это сказка, которую придумал дурак» (В. Шекспир), а в том, что, как заметил он же, «миром правят ду-

[4] Франкл В. Воля к смыслу. М., 2000. С. 28–29.

раки», которые эту дурацкую сказку передумывают и пересказывают каждый на свой лад, и поэтому от столетия к столетию эта сказка-жизнь становится все бессмысленней, хотя кажется наоборот — обретает все более глубокий смысл.

Попытки описать и раскрыть абсурдность человеческого бытия, человеческого поведения предпринимались во все времена, но особенно настойчиво представителями философии существования — экзистенциалистами (Н. Бердяев, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, А. Камю и др.). В художественной форме эту сторону мира представили А. Камю, К. Чапек, Ф. Кафка.

Абсурдность художественного мира, созданного Кафкой, Камю передавал с помощью притчи о сумасшедшем, ловившем рыбу в ванне: «Врач, у которого были свои идеи о психиатрическом лечении, спросил его: «А если клюнет?» И получил суровую отповедь: «Быть того не может, идиот, это же ванна»». Тем самым, поясняет Камю, «мир Кафки — поистине невыразимая вселенная, в которой человек предается мучительной роскоши: удит в ванне, зная, что из этого ничего не выйдет». Иными словами, большинство окружающих нас людей, как и герои Кафки, в тайниках души сознают абсурдность окружающего и не такие уж сумасшедшие. И тем не менее они самозабвенно предаются алогичным и бесцельным занятиям. Это и есть одна из величайших загадок человеческого бытия.

Откуда берется абсурд ныне происходящего? Что (кто) является его источником? Почему в нынешней жизни его так много? Ответы на эти вопросы многозначны и сложны. Искать их — не наша задача.

Но одну тему я все же обозначу, ибо в ней таится едва ли не основной источник абсурда происходящего: фундаментализм. То есть такой слой знания, обращение к которому, по убеждению его носителя (личности, организации или социальной группы), позволяет гарантированно решать все задачи. Это такой уровень своего рода умопомешательства, когда начинает казаться, будто абсолютно «все» следует исключительно из «этого». Например, счастье — из денег; благополучие — из материального; общество — из рынка; прогресс — из техники и так далее. Только из «этого» и ни из чего «иного». Фундаментализм — это своего рода болезнь. Не случайно о человеке, безмерно проникнувшемся какой-то идеей, поверившем во всемогущество какого-то знания, говорят «чокнутый». Для «чокнутого» химика жизнь — это всего лишь химический процесс. «Чокнутый» физик осмысливает общество в категориях природных законов. «Чокнутый» экономист не видит ничего, кроме экономики, и потому понятие «общество» для него тождественно понятию «экономика», хотя в глубине души он подозревает, что экономика — нечто большее, чем общество.

Людей такого рода — великое множество. И горе народу, когда они оказываются у власти. Тогда все идет «по-ихнему», т. е. наперекосяк. Ибо людям этого сорта не дано чувства меры, стремления к «золотой середине», оптимальному варианту, к преемственности. В сути своей фундаменталист — это р-р-рево-люционер. Его ум и характер отличают крайняя нетерпимость к иному мнению, иному объяснению картины мира.

Сегодня над миром и Россией, дополняя друг друга и взаимодействуя меж собой, властвуют «рыночный фундаментализм» и «технический фундаментализм». Люди, которые исповедуют эту веру, чувствуют себя твердо и уверенно, ибо за этими фундаментализмами числится немало достижений и заслуг, они имеют (какое — поговорим позднее) научное обоснование. О том, что мир на краю пропасти, они слышать не хотят; на рассуждения о том, что будущее человечества под вопросом, отвечают: «Ересь»[5]. И гнут свою линию — угрюмо и упрямо. Что получается? Безумство. Но известно, что люди, творящие безумства, необязательно безумны. Они могут быть даже очень умны. Иначе как понять, что тот же Ходорковский сумел сколотить состояние в 3 млрд долларов? Быть только хитрым и подлым — мало. Без ума тут не обойтись. Главное, однако, в том, в какую сторону и как повернут этот ум...

Но речь не только (и не столько) о «деловых» людях. А политика? А религия? Да и все общество, живущее в условиях абсурда и катастрофичности многие десятилетия? Вдумайтесь в происходящее — и вы без труда обнаружите, что предрассудки в нашей жизни сплошь и рядом преобладают над разумом, суеверия — над верой, гипнотическое внушение — над знанием и пониманием, демагогия «лидеров» — над демократией, готовность верить и веровать в любую чушь из уст властей — над критическим и независимым мышлением. Здесь мы имеем дело с крайней формой фундаментализма — фанатизмом, когда в голове отсутствует какое-либо знание, а его место заняла безрассудная, слепая вера.

Фанатик — это человек, у которого «идея фикс» стала стержнем его личности, его миссией; это человек, который воспринимает себя как

---

[5] 24 июля 2002 г. газета «Московский комсомолец» опубликовала прелюбопытное интервью с самым богатым человеком России М. Ходорковским. В своих собственных глазах он — «гений организации», спаситель нефтяной отрасли. По его словам, вопреки устоявшемуся мнению вовсе не нефть правит миром, да и вообще она почти ничего не «весит» в российском бюджете. На суждение корреспондента: «Загаживается планета» — Ходорковский говорит: «Это все ересь». «Гринпис — это зеленая ересь?» — спрашивает журналист. Ходорковский отвечает пространно, но смысл сказанного тот же: «Ересь».

орудие этой идеи, неких высших сил, даже если это силы не небесные, а заокеанские. Он — избранник этих сил, причем, как нередко оказывается на поверку, избранник платный, что еще более усиливает энергию его фанатичных действий.

Фанатизм масс, живущих в нынешнем российском обществе, — факт непризнаваемый. Поскольку неприятный. Но — факт. Иначе как понять, что общество поделилось на две части: яростных «рыночников», т. е. людей «нормальных», «правильных», и «нерыночников», т. е. «ненормальных», даже если ты в принципе не отвергаешь саму идею рынка, но начинаешь рассуждать о его регулировании, социальной справедливости. Приговор скор и однозначен: человек «неправильный» — значит, «не наш».

А на мой взгляд, объявляемые «нормальными» людьми — это и есть те, кто при первой возможности и призыве к «перестройке» начинает с упоением разрушать завоеванное кровью и построенное на костях их предков; кто без особых колебаний и возмущения позволяет опробовать на себе «шоковую терапию» только потому, что якобы «так делают во всем цивилизованном мире»; кто восторгается «сильным ходом» Президента, расстрелявшего из танков парламент страны; кто с детской наивностью несет свои последние гроши в разного рода «финансовые пирамиды», в том числе построенные «родным» государством; кто всей душой откликается на призывы «Голосуй или проиграешь!», «Голосуй сердцем!», выбирая Президентом страны неумного и немощного человека, уже доказавшего, что способен лишь разрушать, но не строить. Эти люди считают себя «нормальными». Те, кто сомневается в подобной белиберде, — вне нормы. Они — патология. Ибо размышляют, понимают и, как могут, протестуют. Они — безумцы?.. В стихах раннего Евтушенко есть мысль о том, что «гений — это норма, все остальное ненормальность». Если на происходящее посмотреть с этой точки зрения, то «ненормальность» (абсурдность) окружающей действительности надо признать нормой. Пока гениальность — случай частный и редкий. Может, поэтому всех «выдающихся», «высовывающихся» и объявляют то «безумцами», то «психами» и «шизофрениками»?..

Идеи, которые лежат по ту сторону смысла, чаще всего оказываются и по ту сторону добра, т. е. на стороне зла. Геббельс, признанный мастер манипуляции человеческим сознанием, любил повторять: «Политика — это искусство невозможного». Эта философия гитлеровской Германии стоила миру более 100 млн жизней, безумства целой нации и ее поражения в войне. Это, конечно, тоже результат, но убийственно-отрицательный.

Этим примером я хочу подчеркнуть мысль о том, что абсурд действительности возникает не только стихийно, как результат спонтанно-

го столкновения и взаимодействия огромного множества людей и организаций, преследующих свои цели и интересы, но также (а может, прежде всего) вследствие существования и деятельности определенных политических сил, сознательно направляющих развитие общества и объясняющих глобальные процессы с точки зрения идеологий, формирующих общественное сознание и мнение выгодным для них образом. Порой, возможно, вовсе не предполагая, что их взгляды ложны и творят абсурд.

Вспомним: в Священной книге, где описана картина грехопадения, говорится о Древе познания Добра и Зла. О Древе познания. Об одном древе. Об одном, а не о двух. То есть в знании о мире добро и зло, ложь и истина неразделимы.

Любое знание имеет двойственную природу и так же двойственно может быть использовано на практике. И капитализм тут — не исключение. Идея капитализма уже давно развилась в мощную идеологию, в которой существует множество подразделов, исследуемых и описываемых из столетия в столетие ее ярыми приверженцами и апостолами — философами и учеными, писателями и журналистами. Они горой стоят за эту идею и пророчат ей бессмертие с той же яростью, с какой недавно это делали служители Идеи коммунизма. И не только потому, что эта Идея кормит их. Они не в состоянии представить иной картины мира. Они учат всех тому, что знают, а знают то, что хотят знать, а хотят знать только то, что им выгодно, что приносит практическую пользу, прибыль; что хотят знать «другие», которые видят и понимают мир исключительно или прежде всего в категориях «выгода», «прибыль», «эффективность», «рынок», «конкуренция» и т. п. С этой точки зрения они смотрят на науку, знание, обучение, воспитание, на человека и общество в целом. Выгодно, прибыльно, эффективно — значит «хорошо». Все и всякое иное — «плохо».

Парадоксальность и абсурд ныне происходящего в мире заключается в том, что основным источником противоречий и конфликтов в международных отношениях, главной угрозой существования человечеству являются страны, которые добились невиданных успехов в науке и технике, самого высокого уровня жизни, которые считаются символами свободы и демократии, представляют собой для многих их воплощенный идеал. Проблема, однако, не в том, что так о них думают другие, а в том, что в этом убеждены они сами, полагающие, будто им открылось некое универсальное мировоззрение, которое должно стать всеобщим в этом грешном мире, где «они» — посвященные и избранные, кому при любом раскладе мирового развития «место под солнцем» должно быть гарантировано. Но поскольку им как никому ясно, что «Боливар не вынесет двоих» («второй» — это «остальная часть человечества»), то для начала этой «час-

ти» надо просто заговорить зубы, заморочить голову. Там, где расходятся интересы, рождается ложь, зло и борьба. Цель оправдывает средства.

Как известно, потребности демократического строя Древней Греции вызвали к жизни особенный слой людей — софистов, взявших на себя функцию профессионального обучения молодых людей умению не столько достигать в разговоре истины, сколько красочно рассуждать, дабы отстаивать свои интересы в народном суде, добиваться успеха в гражданской жизни[6].

Софизм в современной жизни предстает в совершенно иных, несравненно более грандиозных, масштабах и иных формах, но сущность его осталась прежней: перехитрить другую сторону (оппонента, конкурента), отстоять свой интерес, добиться выгоды (прибыли). Особый слой людей нынешних софистов, за деньги заказчиков работающих в сфере так называемого практического, «эффективного», знания и принадлежащих к широкому слою работников, занятых в сфере познания и обучения, производит не истинное, а ложное знание. Свои ложные выводы они делают не преднамеренно, а в силу незамечаемых нарушений правил логики. Основой таких рассуждений являются реальные процессы и общие теоретические посылки, которые изначально не подвергаются сомнению.

Разве сотни тысяч людей (ученых, писателей, журналистов), совсем недавно с разных сторон изучавших и описывавших «реальный социализм», ставили перед собой задачу делать заведомо ложные выводы и прогнозы? Абсолютное большинство к этому не стремилось. И даже те, кто сознательно приукрашивал действительность, делали это не из-за страха перед цензурой, как предлагают это понимать сегодня сторонники «реального капитализма». Все происходило именно так (ложно), а не иначе (истинно), потому что коммунизм в их сознании полагался явлением несомненно объективным и закономерным, безусловно научным. Попавшись в сети Большой Идеи, человек не может вырваться из ее плена, пока не вспорет «сеть» острым ножом схваченной им Истины, пока не наступит Прозрение. До тех пор он пленник и раб этой Идеи, и она творит с ним то, что захочет. И только когда Идея вполне оформится в Идеологию, что предпола-

---

[6] Каждое дело в Афинах слушалось и обсуждалось в присутствии большого количества участников судебного процесса. Истец и ответчик обязаны были выступать лично, потому успех и неудача дела в значительной мере зависели от их ораторского искусства. Чтобы добиться успеха, многие предварительно выслушивали (за плату) советы и наставления о хитростях построения речей, которые приносили успех. Хитростям этим учили софисты. (Здесь мы не касаемся софистики как философского течения; об этом — позднее.)

гает ее становление, развитие и проверку практикой, только тогда станет ясно, что она есть по существу. В раннем же возрасте все идеи, как и младенцы, безумно очаровательны...

Но что проку рассуждать о коммунизме? Он уже в прошлом и, скорее всего, останется в нем лишь как интересный и поучительный факт истории.

Возьмем капитализм, идеологи которого мыслят его явлением «естественным», ибо он якобы отражает истинную сущность человеческой природы и человеческих отношений во всей их противоречивости (добра и зла, величия и порочности, возвышенности и низменности). Но чем был капитализм изначально и не так уж давно, каких-то триста лет назад? Большой Идеей, знанием о незнании. Прообразом будущего. Видением в полутьме. Иллюзией, миражом... И вот мираж наполнился чертами действительности, стал «реальным капитализмом», который, как выяснилось, обладает определенными достоинствами и преимуществами перед другими Идеями, тем же коммунизмом, который повержен им... Но следует ли из этого, что капитализм — это то Гармоничное, Совершенное и Максимально Возможное, о чем мечтало человечество? Увы!.. Доказывать это никому не надо. В конечном счете перед нами Большой Абсурд.

Абсурд действительности происходит из абсурда замыслов, тех знаний и понятий, которые властвуют умами, от абсурдности ценностей и дум, которые завладели теми, кто принимает политические и экономические решения. Тут все зависит от идеологических пристрастий, преодолеть которые дано немногим. Обычный ум ищет не смысл, а выгоду, которая часто лежит в темных основаниях, за гранью совести и интеллекта, по ту сторону добра. Жизнь начиняется отрицательным зарядом, смертью, бессмыслица подменяет смысл, сознательное вытесняется бессознательным, найти границу между правдой и кривдой, истиной и ложью становится невозможным. Понять, что «квадратный круг» — это бессмыслица, может каждый. Но опровергнуть умозаключения типа «невидимая рука рынка и свободная конкуренция все сами расставят по своим местам» способны немногие. Слишком высокая абстракция, в которую к тому же верит множество других, хотя это не более чем миф, абсурд, ставший реальностью. Эту реальность изучают, она становится «научным знанием», которое распределяют по книгам и учебникам и вдалбливают в умы одного поколения за другим. Так бессмыслица происходящего начинает заключать в себе все больше тайны, становится секретом смысла. Абсурд превращается в предмет познания, абсурдная наука поставляет все больше абсурдных знаний на фабрику абсурдного образования, которое (вместе со СМИ и окружающей средой) творит абсурдного человека, создающего абсурдную действительность. Круг замыкается.

И вот мы на самой вершине Абсурда, выше которой только звезды, космос, пустота и тишина: человечество, как об этом заявляют его лучшие мыслители и целые международные организации, в том числе ООН, находится на грани гибели, но ищет источник опасности где угодно и в чем угодно, только не в самом себе.

Как же выйти из ситуации абсурда?

В Средние века абсурдность преодолевалась актом веры: «Верую, ибо абсурдно!» Итог известен: религиозное мракобесие.

В новой истории абсурду противостояли рационализм, научное знание. Но, кажется, и Разум свое уже сделал. Вся удручающая ум и душу действительность — это результат «работы» «чистого разума», который был подвергнут строгой критике еще И. Кантом, говорившим об ограниченных возможностях естествознания дать полную картину мира и ставившим вопрос о единстве противоположностей: рационального и чувственного, теоретического и эмпирического. Ведь это воинствующий рационализм породил понятие науки, которое стало отождествляться исключительно с математикой и естествознанием. И поныне мы слышим заявления представителей так называемых «точных» наук о том, что «любая наука является наукой настолько, насколько в ней математики». С подачи воинствующего рационализма в общественное сознание вдолбили представление о том, что «есть науки естественные, а есть противоестественные, т. е. социальные, гуманитарные», завязался совсем небезвредный спор «физиков» и «лириков», зародилось и укрепилось пренебрежительное отношение к философии, истории, социологии.

Все, что мы имеем и наблюдаем (как хорошее, так и плохое), — «заслуги» исторического материализма и самонадеянного, эгоистического прагматизма, которые являются полностью рационалистическими. В крайнем преувеличении роли рационализма сошлись коммунизм и капитализм. Поэтому результаты их исторического творчества, если смотреть на них не через призму идеологических и политических догм, а с высоты понятия «человек», практически одинаковы. Человек для оголтелого рационалиста — прежде всего средство, а при крайнем возбуждении Разума — только средство. И никогда (на практике) — цель. Об этом только декларируется, вспоминается, когда «разуму» вдруг хочется кушать или когда он неожиданно обнаруживает себя в дефиците. Тогда вспоминается, что человек и есть носитель разума и что он состоит не только из разума, но еще и из эмоций и чувств, способен не только мыслить, но — еще чаще — радоваться и страдать, любить и ненавидеть, испытывать чувства стыда и вины, ответственности и долга. Ведь это господствующий рационализм вызвал к жизни представление, что «наука свободна от ценностей» и этических ограничений, что выше разума никакой ин-

станции не существует. А совесть? А стыд? А честь? А горе? А счастье? А радость? Одним словом — а чувства, эмоции? Любая вещь вырождается в свою противоположность, если нарушается мера. Неразумность (абсурдность) происходящего есть свидетельство того, что мера рационального (разумного, рассудочного) и эмоционального (чувственного) в человеке, деятельности и развитии человечества была явно нарушена в сторону рационализма. Но не случайно человеку даны мозг и сердце, заключенные в одно тело, в один организм. Они должны находиться в гармонии — только тогда человек уравновешен, а его жизнь можно считать гармоничной. И это не романтизм, не иррационализм, а философский реализм.

Мне кажется, что сегодня апеллировать только к разуму, только к научному знанию уже бесполезно. Рационализм натворил так много иррационального (противоречивого, необъяснимого, бессмысленного), что, будучи не в состоянии охватить его избыточность, просто «отключился». Более того, он находится в рабском услужении у безумной власти и бешеных денег, выполняет все их капризы и прихоти, но вовсе не служит истине. Самые гениальные математики и естествоиспытатели сегодня заняты подготовкой то «звездных войн», то химического, биологического и всяческого иного сверхнового оружия. Самые талантливые геополитики, политологи, социологи, психологи обосновывают политические стратегии и планы, составляют прогнозы нового передела мира. И сколько бы ни говорили отдельные объективно мыслящие и добропорядочные исследователи и политики этим людям, что они творят абсурд и хаос, в это не верят ни они сами, ни подавляющее большинство населения. Потому что эта горстка глупцов и мошенников, опираясь на мнение такой науки, которая полагает себя «свободной от ценностей», выдает творимую по их заказу бессмыслицу и ложь за правду и истину. Потому что в их руках свободные (они же продажные) СМИ и все иные инструменты манипуляции сознанием как отдельного человека, так и общества. От них (от так называемой политической и деловой элиты), увы, зависит уж если не все, то почти все. Со стыдом, совестью и честью они благополучно расстались по пути «наверх» и к богатству.

«Реформы» и все разрушительство совершены ими ради свободы и благополучия народа. Но что мы имеем? Массовое бегство от свободы, наполнение слова «демократия» все более отрицательным смыслом, нарастание авторитаризма и колонизацию страны.

«Реформы» начинались борьбой за политический и организационный плюрализм: всем надоели одна-единственная компартия и выборы без выбора. Теперь в России под каждым кустом по партии. Иногда, особенно в канун парламентских выборов, можно подумать, что

политическая жизнь в стране бьет ключом. Однако это иллюзия. Сегодня даже «левые» — почти такие же, как «правые», они предполагают существование друг друга, чтобы имитировать борьбу, которая на самом деле является игрой, спектаклем, в котором актеры не представляют никаких интересов зрительного зала («народа») и имеют перед ним одно-единственное эфемерное обязательство — развлекать, делая это хуже или лучше в зависимости от своего таланта и финансовой поддержки спонсоров. Мертвые партии во главе с «лидерами», симулирующими активность.

Еще недавно наш народ считался (и был!) «самым читающим» в мире, книга стоила не дороже хлеба, газета — не больше, чем спички, а поэты были идолами молодежи. Сегодня поизвелись не только «лирики», но и «физики», наука «сворачивается» и совсем не популярна среди новых поколений, полагающих в большинстве, что «только в бизнесе — соль, остальное — ноль». Закончив школу, многие не могут вспомнить, когда началась Великая Отечественная война, думают, что гитлеровский фашизм уничтожен США, а не Советским Союзом, не помнят имен Г. К. Жукова и Ю. А. Гагарина. Не знают русского языка, не умеют делить и умножать. Знание вытесняется верой в потустороннее, космическое. На страницы газет и журналов, на телеэкраны хлынули колдуны, заклинатели, астрологи, экстрасенсы, священники. Люди покупают и пьют «святую» и «заряженную» воду, идут на приемы по объявлениям «Приворожу», «Поставлю астральную защиту».

Еще недавно слово «фашист» в нашей стране было самым ненавистным и ругательным. Теперь на книжные прилавки хлынули потоки расистской литературы. Вы можете свободно купить «Mein Kampf» А. Гитлера, «Миф XX века» А. Розенберга, «Опыт в неравенстве человеческих рас» Ж. А. Гобино, «Политическую антропологию» Л. Вольтмана, «Фашистский социализм» П. Д. Рошеля, «Удар русских богов» В. Истархова, выпуски серии книг «Расовый смысл русской идеи» и множество других. В них проводится главная мысль: судьба нации определяется не обучением и воспитанием, а расовым инстинктом, зовом крови. И миф крови получил отклик в умах и душах русской молодежи. Безумие!.. Но генетика, убежден, тут вовсе ни при чем. Русский фашизм — это стихийная реакция гордой русской души на то униженное положение, в которое ввергнута наша страна, это возмущение оскорбленного духа, это плата за обман о сладких плодах «свободы», «демократии», «благополучия», обещанных на заре «перестройки» и «реформ». Тут не помогут никакие законы о борьбе с экстремизмом — слишком глубока причина явления. Не будем скрывать: у «бритоголовых» есть немалая социальная база, которая пока только наблюдает за происходящим...

Сегодня абсурдность мира может быть преодолена союзными усилиями рационализма и гуманизма, логики ума и голоса совести. Надо осознать абсурдность созданного и происходящего, устыдиться и устрашиться его. Осознание — шаг к постижению смысла того, что и как предстоит делать, чтобы вырваться из цепей, в которые человечество заковало себя. В освоении внешнего мира человек ушел гораздо дальше, чем в развитии и понимании самого себя. Стремясь к созданию второй, искусственной природы, приносящей пищу, одежду и кров, т. е. удовлетворяющей его естественные, в сущности своей животные потребности, возведенные им в культ (комфорт, удовольствия, сверхпотребности), человек создал тем самым систему материальных ценностей, которым он молится, согласно которым формирует и воспроизводит себя с помощью созданных им инструментов, главным из которых является система образования. Человек может выбирать, какую повесть ему купить и читать, а какую не покупать и не читать, какую телепередачу смотреть, а какую — не стоит. Но он не может не осваивать материал школьных и вузовских учебников, не может не сдавать зачеты и экзамены, иначе не получит образования, не сможет чувствовать себя полноценным членом общества, добиться успеха в жизни. Даже в самом свободном обществе образование, по существу, является делом обязательным. Более того, в абсолютном большинстве стран существуют государственные образовательные стандарты, определяющие по нижней планке, по минимуму объем и структуру тех знаний, которые должен освоить образованный специалист. Вопрос не стоит так: «Что и сколько должен знать человек, специалист?» Поскольку ответ в этом случае может быть только один: «Как можно больше, как можно шире». Вопрос ставится реалистичней: «Чего нельзя не знать и не уметь, чтобы считаться образованным специалистом?» Не может человек всю жизнь проводить за школьной партой или в студенческой аудитории. Учеба — этап подготовки к трудовой, производительной деятельности.

Так определяются дневная и годовая учебная нагрузка, продолжительность и уровни обучения, учебные программы и планы. В соответствии с доминирующим ныне рационалистическим подходом, в том числе к образованию, мы формируем эти программы и планы таким образом, чтобы «на выходе» из вуза мы получали выпускника-специалиста, способного принести в трудовом процессе максимальную полезность. Сказать по-иному — максимальную выгоду, прибыль. Разумно? Конечно. Что же нас не устраивает? А то, что в результате совокупной деятельности миллиардов таких специалистов создается действительность, которая грозит гибелью тем, кто ее сотворил.

В чем же дело?

Современное образование — это мощнейшее средство программирования... нет, я не хочу произносить слово «человек»... Скажем так — «индивида». Ведь если мы говорим «человек», то должны иметь в виду не только его умственные способности, но и его эмоциональную, чувственную, духовную стороны, которые создаются не столько обучением, сколько (прежде всего) воспитанием. Но этим не занимаются ни школа, ни вуз. Смею утверждать: в современных школах и вузах нет образования, есть только обучение. Система образования обращена только к левому полушарию мозга, где размещается это самое «ratio» — разум. Другое полушарие, «отвечающее» за чувства и эмоции, задействовано крайне плохо. Это значит, что оно не развивается. Все, что не движется, не развивается, то атрофируется, деградирует. Но левая и правая доли мозга не изолированы друг от друга, они составляют целое, которое в силу ослабления функций одной из двух половин начинает работать односторонне. В итоге мы видим мир и понимаем жизнь однобоко, частично, а не в полном объеме. В том числе и миссию образования, самих себя (человека), смысл жизни вообще и в частности — нашей личной.

Современная система образования, встроенная в однобокий и уже этим порочный, ошибочный, абсурдный мир, воспроизводит его, тиражируя «специалистов» (по сути — ремесленников), которые являются, хотя вовсе не сознают себя «функциями», «колесиками и винтиками» созданного поколениями их предшественников искусственного и в сути своей противостоящего им и уничтожающего их мира вещей и предметов, управляющего ими и все более порабощающего их. Наоборот, они полагают себя людьми передовыми, ибо владеют компьютерами, работают в Интернете, могут общаться в любых формах, не входя в непосредственный контакт друг с другом. Мы даже не сознаем, насколько, словно дети, «заигрались» с Природой и Техникой, «возрастающими потребностями» и погоней за удовольствиями.

Возник парадокс управления. С одной стороны (в силу многих причин), мир становится все сложнее и противоречивее, все более неопределенным и все менее предсказуемым; все более взаимосвязанным и взаимозависимым, все менее управляемым и потому требующим лучшего управления. С другой стороны, заметна всеобщая тенденция явного снижения уровня компетентности властей и всех правящих, в том числе в самом высшем звене. Демократия, допуская всех к решению вопроса о власти, чрезвычайно усредняет уровень правящего слоя. Среди немногих, кто по определению (от природы) способен управлять, оказывается слишком много серых, бесцветных, слабо обученных и плохо воспитанных людей, в советниках и экспертах у которых числится сонм подобных им личностей, подобранных по принципу «чем ночь темней, тем ярче звезды». Эти люди обещают

народу все, а на деле не могут ничего. Они презирают знание и его носителей, предпочитают действовать методом проб и ошибок, учатся управлять на тех постах, где должны быть учителя. Они, как это делал еще ранний Ельцин, выторговывают себе право на ошибку, а непредсказуемость своего поведения возводят в ранг добродетели. «Лучше, если мы окажемся более или менее правы в нужный момент, нежели абсолютно правы слишком поздно», — говорят такие «лидеры». И, что самое парадоксальное, находят себе миллионы почитателей.

Всему этому во многом способствуют парадоксы высшего образования, которое образует критическую массу «образованцев», из которых и рекрутируются такого рода кадры.

Парадокс состоит в том, что при резко сокращающихся расходах государства на образование количество стремящихся получить высшее образование, поступающих в вузы и оканчивающих их с каждым годом быстро увеличивается. С 1960 по 1995 г. количество студентов в мире выросло с 13 млн до 82 млн, т. е. в шесть раз. В 2001/2002 учебном году из 1 млн 100 тыс. выпускников школ России в вузы поступили около 1 млн человек (т. е. почти 90%), в то время как 30 лет назад в вузы поступали 25–30%. При этом, как известно, качество обучения в школах заметно снизилось. Можно ли в свете вышесказанного полагать, что в России есть собственно «высшее» образование? Ситуацию надо всерьез осмыслить и изменить к лучшему, в частности усилить механизмы отбора на всех этапах поступления в вузы, исходя из наличия у абитуриентов соответствующих способностей. Вместо этого вводится так называемый единый государственный экзамен...

Парадоксально то, что при увеличении потребности в людях с подлинно университетскими (широкими, фундаментальными) знаниями, без которых в нынешней ситуации ничего не поймешь, университеты утрачивают свою универсальность, готовят узких «специалистов», не способных видеть дальше своего носа.

Парадоксально то, что, все более сокращая финансирование образования, государство старается максимально стандартизировать его содержание, взять все под свой контроль. Там, где государство необходимо, его нет или очень мало, а там, где без государства можно обойтись, его много, и слишком.

Настал момент Истины.

Мы должны понять, что первый враг человека — сам человек, что главная угроза человечеству исходит от самого человечества. Что надобно всерьез заняться изменением и улучшением природы и породы человечества. Что для этого необходимо переосмыслить старую и выработать новую парадигму развития общества и парадигму образования, с помощью которых образуются и преобразуются человек и человечество.

Но прежде Человек и Человечество должны ужаснуться самим себе.

Рискну утверждать: сегодня в мире есть одна-единственная сила, способная объединить человечество — все народы и расы всех континентов, все религии и идеологии, все политические партии, общественные и национальные движения, молодых и стариков, — это страх. Потому что у всех нас одна-единственная опасность — опасность гибели, смерть. Смерть человечества. Гибель человека как вида. Гибель в уже обозримом будущем, через два-три поколения, а не в «принципе», через миллионы лет, как полагают некоторые.

Сегодня мир переживает момент, которого никогда не было в истории человечества: оно стоит перед дилеммой «быть или не быть». Чувства должны ударить по Рассудку, вывести из прострации и включить его. Мощь разума должна соединиться с моральной энергией еще до того момента, когда «грянет гром». Великая опасность должна вызвать Великий страх. Сегодня к страху надо подойти рационалистично, прагматично, т. е. извлечь из него пользу. «Страх и надежда могут убедить человека в чем угодно» (Л. Вовенарг).

Приведу любопытный исторический факт, достойный серьезных размышлений. В 1972 г., когда был опубликован первый доклад Римского клуба «Пределы роста», прогнозировавший возможность катастрофы человечества уже через 75 лет из-за исчерпания сырьевых ресурсов, нехватки продуктов питания и перенаселения планеты, некто Зикко Маншолт, председатель Комиссии Единого экономического сообщества, в ответ на политическую бурю, вызванную прогнозами ученых, выступил с открытым письмом по поводу экономической и сельскохозяйственной политики Европейского сообщества в свете результатов проекта Римского клуба. Он предложил перевести производственную систему на жесткое планирование, ввести государственный контроль за использованием ресурсов, резко ограничить потребление материалов и товаров, установив минимальный уровень оплаты труда. По мнению Маншолта, Комиссии следовало немедленно принять пятилетний план для Европы, главной целью которого должно стать экологическое равновесие и прекращение экономического роста[7].

Нонсенс! Европе, по сути дела, было предложено «закрыть» рынок и капитализм, перейти к плановой экономике, к социализму. Почему? Стало страшно, запаниковали. «Никто не хотел умирать».

Надо сказать, что Римский клуб, опубликовавший этот доклад, рассчитывал именно на это — на «шоковую терапию», т. е. на устрашение, на отрезвление через страх перед гибелью. И он в целом добился своего: кое-какие коррективы в свою экономику западные

[7] См.: Римский клуб. М., 1997. С. 41.

страны после этого все же внесли, прежде всего — элементы госрегулирования рынка. А потом все пошло своим чередом.

Еще пример — сенсационное открытие американских ученых: 5 июля 2002 г. в ночном небе штата Нью-Мексико был обнаружен астероид шириной 2 километра, приближающийся к нашей планете. Вероятная дата его столкновения с Землей — 1 февраля 2019 г. До нашей гибели осталось всего 17 лет!.. Эта новость всколыхнула ученых всего мира. За астероидом наблюдают около 200 обсерваторий на всех континентах. В политических кругах немедленно начались переговоры об изыскании средств на подготовку проектов по разрушению небесного тела на дальних подступах. И это при том, что вероятность столкновения «2002NT7» (так окрестили астероид) равна 0,06%.

Страшно... С физическим телом в переговоры не вступишь, его не обманешь, не подкупишь, не напугаешь. Семнадцать лет — это совсем близко, даже для стариков. При столкновении с землей погибнут все: демократы, либералы, консерваторы, социалисты, лейбористы, белые, черные, желтые, зеленые, красные, голубые, богатые и бедные, сильные и слабые, здоровые и больные... Все. Понимание этого факта заставляет забыть абсолютно обо всех распрях в человеческом сообществе. В этом вопросе единение взглядов и сил гарантировано.

Но чем же отличается этот вариант гибели человечества от гибели вследствие экологической катастрофы и вызвавших ее причин? Во-первых, сложностью объяснения и понимания. Во-вторых, растянутостью во времени и возможностью рассуждать по формуле Людовика XV — «после нас хоть потоп». В-третьих, иллюзией сильного и богатого меньшинства выжить за счет слабого и бедного большинства. Лазейка для ума открыта — и он изощряется, придумывая разные способы выхода из щекотливого положения, кроме, казалось бы, очевидного: вырабатывать формулу общего спасения. Ибо или спасемся все, или все погибнем. Но все происходит так, как если бы кто-то поставил задачу увеличить вероятность гибели Земли от столкновения с астероидом «2002NT7» с 0,06 до 100%. Разве это не абсурдно?

Большинство тех, кто управляет сегодня социальными процессами, является их движителями, абсолютно убеждены в том, что в целом «все идет как надо», а всякие иные, не сходные с их мнением взгляды и оценки, именуют «ужастиками» и «страшилками». Когда в этом Театре Абсурда человек спрашивает о смысле жизни, начинает рассуждать о совести и чести, долге и справедливости, его объявляют больным. Когда он говорит, что «это» происходит не случайно, что «это» кому-то надо, потому что выгодно, на него высокомерно машут рукой: «А, сторонник взгляда на историю как на Заговор».

Многие все же чувствуют, некоторые знают, кое-кто понимает, что в мире «что-то» происходит не так. Интеллигенция, как водится, кри-

чит «Больно!», приспосабливается и корит себя за то, что воспитала «двоечников» и «троечников», которые теперь управляют народом. А народ... народ страшится, наблюдает, страдает, терпит и — безмолвствует. Нет ужасного для тех, кто видел немало страшного в прошлом и переживает ужасы каждый день. Нет ужасного для новых поколений. Вброшенные в этот безумный и жуткий мир, они принимают его за норму, поскольку не знают другого. А взяв за норму абсурдное и ужасное, воспроизводят и умножают его.

Всю жизнь нас учат тому, что бояться — стыд и позор, что ничего нет страшнее страха, что страх страшней опасности, что надо быть героем и идти навстречу врагам и угрозам с душой, полной отваги и смелости. Да, страх может лишить рассудка, приковать к земле. Да, страх может стать источником храбрости наших врагов; бывает так, что в нем больше зла, чем в предмете, которого боятся.

Эти истины известны и верны. Но они, как и все иные, не абсолютны, а относительны. Все зависит от времени, места и ситуации, в которых они применяются. Если надо умереть ради своей семьи или чести, то надо умереть. Но если надо струсить, чтобы спасти свой народ, то надо струсить и проявить героизм таким образом. Иначе говоря, есть страхи губительные, а есть — спасительные. Страх высоты уберегает от падения в пропасть. Страх есть предчувствие беды и беспокойство души о будущем зле, которые угрожают жизни. Страх — это побудитель к действию, позволяющему устранить его источник.

Овладевая человеческим сознанием и подсознанием, страх *вскрывает подспудно таящиеся в человеке силы* ума, воли и энергии, о которых прежде никто даже не подозревал. Из личного опыта каждый знает: испугавшись, мы не бежим, а летим; поднимаем неподъемное; придумываем такие ходы, которые не могут разгадать самые умные и хитрые. Страх, как следствие угроз и опасностей, — это могучая объединительная сила, помогающая выживать и побеждать целым народам, как это было, например, не раз в истории России, в частности в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Страх в скрытой форме живет в человеке и обществе и является одной из важнейших их характеристик. Весь ход исторического процесса человечества можно рассмотреть с точки зрения влияния страха и найти, что это влияние существенно и огромно.

Пусть никто не говорит, что он ничего не боится. Не ведает страха только глупость. Невежда свободен как от страха, так и от ответственности. Но если ты сознаешь тебе и всем грозящую опасность и понимаешь, что «все» бездействуют, изображая из себя героев, которыми на самом деле не являются, то как не бояться? Если ты знаешь, что на самом деле все не просто боятся, а оцепенели от страха, находятся в состоянии ужаса, как не испугаться этой картины?

Абсурдное и ужасное требует объяснения. Ничего нельзя объяснить без знания.

Абсурдное и ужасное требует понимания. Ничего нельзя понять, не постигнув смысл знания.

Абсурдное и ужасное требует противодействия разрушению и созидания будущего с помощью знания и понимания.

Устойчивое развитие — новое миропонимание и мироустройство человечества

Если абсурд происходящего не объяснять действием космических и небесных сил, то ответ на вопрос, как и почему возникает бессмысленность мыслей и хаос действительности, надо искать все-таки на Земле. Правильно будет сказать так: во всем виновато само общество. То есть (в широком смысле) совокупность всех способов взаимодействия и форм объединения людей, в которой выражается их всесторонняя зависимость друг от друга. Как взаимодействуют (общаются), иначе говоря, как строят свои отношения на личном уровне, между различными хозяйственными, политическими, общественными и другими организациями, как строят систему управления сверху донизу, какие создают законы, каким ценностям и правилам морали следуют — такую действительность и имеют. Абсурдную? Значит, абсурдно действуют.

Но остается вопрос о том, *почему* люди действуют *именно так*, что в итоге возникает не удовлетворяющая их действительность? Человек — существо сознательное и, следовательно, действующее целесообразно. Но чем предопределена цель и ее выбор? Свободой? Говорят, что свободный человек может выбрать то, что хочет. Так ли это? В реальности, как правило, он выбирает то, что *возможно* выбрать, что наличествует и доступно. Иначе говоря, свобода выбора ограничена возможностью выбора. Образ действий и поступков человека подчинен той системе ценностей, которые он признал и усвоил, в рамках возможного выбора, которые он признал и почитает. Этот человек действует по данным целям, и его действия носят упорядоченный характер. Но какой порядок рождается в результате этих действий — зависит от того, какой смысл они преследуют и *сколько* в них этого смысла. Ибо разные цели имеют разный по своей сущности, глубине и значению смысл.

Например, И. Кант не только говорил уже о развитии нравственности и права, но придавал первостепенное значение объективному «механизму» человеческой природы. Каждый индивид, полагал он, сообразуясь только со своим разумением, неизбежно сталкивается

с сопротивлением со стороны других индивидов. Это взаимное сопротивление характеризуется Кантом как антагонизм, который и является движущей силой социального прогресса. Кант отверг убеждение Ж.-Ж. Руссо, будто в предшествующем цивилизации «естественном состоянии» отношения между индивидами носили мирный, идиллический характер. «Люди, — писал он, — столь же кроткие, как и овцы, которых они пасут, вряд ли сделали бы свое существование более достойным, чем существование домашних животных. Поэтому да будет благословенна природа за неуживчивость, за завистливо соперничающее тщеславие, за ненасытную *жажду обладать и господствовать*! Без них все превосходные природные задатки человечества остались бы навсегда неразвитыми. Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что для его рода хорошо; и *она хочет раздора*»[8].

Если человек живет в обществе, где в разряде высших ценностей значатся «жажда обладать», «господствовать», «неуживчивость», «соперничающее тщеславие», «ненасытность», «завистливость», «задор» и тому подобные вещи, если детям и молодым людям на уроках и лекциях, в семье, в кино, театре, в литературе, прессе и телепередачах изо дня в день, из года в год говорят, что это и есть подлинные ценности, ради которых стоит жить, что в них и есть смысл жизни, то он начинает думать, что это так и есть. Вынужден. Поскольку сам он не в состоянии переоткрыть мир заново, начиная с его первых дней. Он доверяет, верит попросту потому, что ему не из чего выбирать. Тем более что эти ценности отвечают его «природе», они просты и понятны. Они выводятся человеком в разряд абсолюта, но от этого сами абсолютом не становятся. Если человек жаждет любви, дружбы, сочувствия, имеет понятие со-ве-сти и чести, то однажды вдруг обнаруживает, что деньги не творят и не усиливают эти чувства и мораль, а, наоборот, разрушают их. И вот он снова в ситуации выбора и делает его в пользу «земных радостей». Это одна линия жизни, которая творит в обществе один порядок жизни.

Но есть множество людей, для которых существуют необходимые цели и которые стремятся к более осмысленной, подлинно человеческой жизни. Это — *необходимость должного*, а не сущего, необходимость того, *что не существует, но должно было бы существовать* в соответствии с определенным умонастроением субъекта. Человек находится под категорией должного, хоть это признается не всеми, более того, внушается мысль, что, родившись, человек действует дальше исключительно на свой страх и риск и никогда никому ничего не должен. Должными признаются цели, которые считаются цен-

[8] Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. М., 1966. Т. 6. С. 22.

ными на основе суждений о том, что является ценным, а что — нет, что более ценно, а что — менее. Чьих суждений? Суждений личности и общества.

Но сделать выбор с позиции «должного» — дело чрезвычайно сложное даже для взрослого человека. Тем более если речь идет о ребенке или молодом человеке. Это практически немыслимая задача. Как может начинающий жизнь человек соотнести интерес личности с интересами общества, народа, нации? Как может он понять, что наука — объективная ценность, искусство — объективная ценность, социальная организация — объективная ценность, хозяйство и техника — объективные ценности, личность — объективная ценность, жизнь — объективная ценность? Как может он решить, что поставить на первое место, что на второе, третье, иначе говоря, как выстроить иерархию ценностей? Сколько бы мы ни говорили о свободе личности и правах человека, сколько бы много сама личность ни мнила о себе, этот труд берет на себя общество, а точнее сказать — государство. Для того-то в свое время они и создали школу и специальные учебные заведения. «Образованный человек» — это не тот, кто умеет считать, писать, сверлить, пахать, сеять, стрелять, рулить, покупать, продавать, рекламировать, отдавать распоряжения и командовать, — это человек обученный. Ремесленник. Специалист. Только в технике сегодня боле 40 тыс. специальностей. Человек образованный — это человек, имеющий в своем сознании определенный образ мира, приверженный определенным ценностям, которые предопределяют определенный образ жизни и действуют с помощью определенной системы образования.

Итак, мы вышли на категорию «образование» в самом широком его смысле, что позволяет сделать банальное умозаключение: окружающая нас социальная действительность — творение человека, которого сотворило общество через посредство системы образования. *Какое образование — такое и общество.* Какое общество — такое и образование. Если общество хочет измениться, оно должно изменить систему образования. Но чтобы сделать это, общество должно ответить на вопрос: что не устраивает его в самом себе в настоящий момент и каким оно представляет свой образ в будущем? К какому идеалу оно стремится? Наличие частной собственности, рынка и частных лиц, действующих на свой страх и риск, принципа, что каждый индивид, работая на себя, работает на всех (и наоборот), вовсе не исключает наличия в обществе механизма, который примирял бы индивидуальное и общественное, который тот же И. Кант называл «автоматом», обеспечивающим «патологически вынужденное согласие в обществе», ставил задачу гуманизировать его, превратить в моральное. Главным направлением культурного прогресса является, по Канту, сближение народов, благодаря которому вследствие действия того же «механизма

природы» будет навсегда покончено с войнами и народы всей планеты объединятся в мирном союзе. «Дело идет не о моральном совершенствовании людей, а только о механизме природы, относительно которого требуется узнать, как использовать его применительно к людям, дабы направить в народе столкновение немирных устремлений индивидов в составе народа, чтобы они сами заставили друг друга подчиниться принудительным законам и таким образом осуществить состояние мира...»[9]. Продвижение к этому идеалу он считал основной целью всей истории человечества, которому предстоит вечно приближаться к ней без надежды полностью осуществить ее.

Начиная с эпохи Просвещения основная борьба взглядов на устройство социальной жизни и судьбу человечества шла между либерализмом и социализмом. В XX в. она выступила также как противостояние сторонников так называемого открытого (утилитарного, элементаристского) и закрытого (идейного, тоталитаристского) общества. История их противостояния хорошо известна, как и то, чем оно закончилось.

Крах социалистической системы, особенно развал СССР, позволил некоторым авторам на Западе поставить вопрос о «конце истории» как о «завершении идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной модели как окончательной формы правления» (Ф. Фукуяма). Политики и население тех стран, где эта модель реализуется, восприняли эту «научную» весть с восторгом и энтузиазмом. Начался этап насильственного экспорта этой модели в другие страны, прежде всего в те, которые оказались на историческом перепутье, в ситуации выбора.

Однако и в стане либерализма уже давно вызревало сомнение по поводу незыблемости его основ. Усилиями умов лучших западных ученых было рождено немало новых взглядов и теорий по поводу будущего человечества.

С 60-х годов XX в. и до сегодняшнего дня развитые страны определяют общество, в котором они уже живут, как «постбуржуазное», «посткапиталистическое», «постмодернистское», «постпредпринимательское», «пострыночное», «посттрадиционное» и даже «постцивилизационное» и «постисторическое». Широкое хождение получили более конкретные термины: «информационное общество» (the informational society), «технотронное общество» (the technotronical society), «общество знаний» (the knowledgeable society, the knowledge society, the knowledge-value society) и, наконец, «постиндустриальное общество» (the postindustrial society). Последнее понятие почти не встречает противников на Западе.

---

[9] Кант И. К вечному миру // Соч. М., 1966. Т. 6. С. 286.

Что такое «постиндустриальное общество»? Прежде всего, это взгляд на историю не с точки зрения классовой структуры общества и борьбы классов, а с позиций уровня *технологического развития* общественного производства. Вторая фундаментальная составляющая теории постиндустриального общества — это подразделение всего общественного производства на первичный (сельское хозяйство), вторичный (промышленность) и третичный (сфера услуг) секторы и утверждение о грядущем росте в развитых странах доли третичного сектора по сравнению как с первичным, так и со вторичным секторами в совокупной рабочей силе и в структуре ВНП.

Признанный патриарх теории постиндустриализма Д. Белл определяет «*постиндустриальное* общество как общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни; в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой и, что самое важное, в котором внедрение нововведений... во все большей степени стало зависеть от достижений теоретического знания... Постиндустриальное общество... предполагает возникновение нового класса, представители которого на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов или технократов»[10].

Из этого определения следует, что *основным ресурсом* постиндустриального хозяйства является *знание* (как теоретическое, так и прикладное). Не капитал, а знание — вот первое и главное понимание богатства в этом обществе. *Знание становится важнее денег*, поскольку деньги имеют свойство быстро расходоваться и исчезать. Знание — это благо неуничтожимое, сколько бы раз вы его ни использовали. Материальное богатство ограничено количеством, и потому оно имеет свойство сосредоточиваться в руках немногих. Знание не ограничено количеством его носителей и пользователей. Знание доступно всем. Тем самым устраняется *фактор редкости* блага и богатства. Богатым может быть каждый. Все определяется количеством и уникальностью знаний и творческих способностей личности: у кого их больше, у кого они лучше, тот имеет все шансы обрести и большее материальное богатство.

Почему богатые страны все богатеют, а бедные все больше беднеют? Дело в том, что ныне важно не то, в какой сфере вы работаете (обрабатывающая промышленность, сфера услуг или управления), а важно, какую *функцию* вы исполняете. В новых условиях преуспевают прежде всего те, кто занят аналитической, творческой работой,

[10] Bell D. Notes of the Postindustrial Society // The Public Interest. 1967. № 7. P. 102.

производит знание, выявляет и решает новые проблемы, которые ставит жизнь. Счастливая звезда традиционных сфер производства, тех, кто может делать тяжелую физическую работу и много работать, уже закатилась. Наивысшую зарплату сегодня платят тем, кто разрабатывает новые пути производства: консультантам, дизайнерам, маркетологам, рекламистам, архитекторам и другим специалистам, помогающим найти новые рынки сбыта, ниши для производства, способным разжечь аппетит потребителей. У этого есть объективные причины.

«Чистых» либералов давно уже не так легко найти даже в США. Либералов, которые «не поступаются принципами», — *либерал-радикалов* — там именуют *«либертарианцами»*. Сказать понятнее — *фанатиками идеи*, не желающими считаться с реалиями современности. Уже в 30-е годы XX в. понимание либерализма предполагало, что права и свободы индивида становятся фикцией, если отсутствуют социальные гарантии возможности их реализации, обеспечение которых со временем стало рассматриваться как важнейшая функция государства. В теоретическом плане «социально ориентированный» либерализм опирался на идеи Д. Кейнса. Упор делался на обеспечение равных стартовых возможностей всем гражданам, достойных условий жизни тем, кто столкнулся с невзгодами и неудачами, оказался на нижних ступенях социальной лестницы. Во многом благодаря курсу на придание рынку социальной направленности администрацию США в течение 32 лет (с 1933 по 1980 г.) возглавлял президент от демократической партии, более 44 лет демократы имели устойчивое большинство в обеих палатах конгресса.

В 90-е годы «новые демократы» стали выступать за экономический рост на основе свободного рынка, регулируемого в общественных интересах, за «демократический капитализм», который противопоставлялся не только различным модификациям социализма (в том числе и демократического), но и модели капитализма без демократии. Избранный председателем демократической партии Билл Клинтон, вскоре ставший президентом США, в мае 1991 г. заявил на партийной конференции о качественно новом подходе к определению политических целей, который «отвергает старые категории и вытекающие из них ложные альтернативы», «сочетает либеральные и консервативные взгляды, но не является ни тем, ни другим»[11].

Этот подход стал именоваться «третьим путем». Он подразумевал, что его приверженцы отказываются ассоциировать себя с традиционными правыми и левыми политическими силами и *берут на во-*

[11] Цит. по: Загладин Н. Демократическая партия США: от либерализма к идеологии «третьего пути» // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 7. С. 64.

оружение все идеи, безотносительно к их происхождению, которые могут быть полезны для решения проблем общества. Естественно, предполагалось, что речь идет не об эклектическом смешении различных подходов и идей, а об их синтезе, органичном слиянии в целостной *концепции*. При этом государство определяется как институт, обслуживающий общество, а не владеющий им, содействующий проявлению более широких гражданских инициатив, отвечающий на нужды граждан и их коллективов по месту жительства и работы, контролируемый ими.

«Третий путь» трактуется ныне *не только* как *«американская мечта», но и как один из возможных вариантов решения проблемы социального равенства, наиболее значимой для левых сил многих стран, особенно европейской социал-демократии*. Платформа «новых демократов» США, их идеи «третьего пути» оказались схожи с воззрениями тех социал-демократов Европы, которые отказались от антикапиталистической риторики, программ национализации ведущих отраслей промышленности.

Обратим внимание: уже более 10 лет либерализм дрейфует в сторону социал-демократии, а можно сказать — и «европейского социализма». В мае 1998 г., во время визита в Англию на встречу глав государств «восьмерки», Б. Клинтон провел день в Чекерсе, резиденции премьер-министров Великобритании, обсуждая с Т. Блэром концепцию «третьего пути». В сентябре 1998 г. в конференции в Нью-Йоркском университете, специально посвященной идеологии «третьего пути», где выступил американский президент, приняли участие Т. Блэр, премьер-министр Италии Р. Проди и премьер-министр Болгарии П. Стоянов. В апреле 1999 г. в Вашингтоне состоялась встреча, на которой в атмосфере полного единодушия обсуждалась концепция «третьего пути». Ее участниками наряду с Б. Клинтоном и Т. Блэром были канцлер ФРГ Г. Шредер, премьер-министр Италии М. д'Алема, премьер-министр Голландии В. Кук.

Как с явным раздражением писала по поводу этой встречи правоконсервативная газета «Вашингтон пост», понятие «третьего пути», разделяемое участниками этих встреч, настолько расплывчато, что оказывается приемлемым и для либералов, и для социалистов. Налицо конвергенция «левых», центра и части «правых». Левые, отмечала газета, теперь говорят не о «социализме», а о «коммунализме», самоуправленческих началах, не о «коллективизме», а о «солидарности». Термин «третий путь» не нов. Его контуры от страны к стране различны, и то, что в одном государстве представляется «левым», в другом покажется крайне консервативным. В этом явлении можно искать и найти элементы конъюнктурщины в угоду политическому моменту. Но, в сущности, поиск «третьего пути» в США и других стра-

нах — объективная необходимость, прагматический ответ на трудности, с которыми сталкиваются правительства стран, в которых (как в США) есть силы, пытающиеся до предела минимизировать роль государства, и в которых (как в Европе) существует тенденция усиления государственного контроля над социально-экономическими процессами.

Наиболее полное определение «третьего пути» в формулировке А. Фрома практически идентично современным программно-теоретическим взглядам Социнтерна. «В широком смысле слова, — писал Фром в августе 1998 г., — «третий путь» представляет собой принятие двух вердиктов истории, которые многие левые долгое время не признавали. Первый состоит в том, что капитализм — это самая лучшая из когда-либо существовавших экономических систем, способных обеспечить рост и эффективное распределение ресурсов. Второй — что семья из двух родителей, разделяющая такие ценности, как вера, трудовая этика, личная ответственность, гражданский долг, открытость к новым идеям, — это наилучшая из когда-либо существовавших социальная ячейка для воспитания детей.

В то же время «третий путь» отвергает присущее правым *религиозное преклонение перед капитализмом*, которое смешивает цели и средства, не признает ответственности общества за то, чтобы направлять силы рынка на достижение целей экономического и социального прогресса в широком смысле слова. Он также отрицает скептицизм правых в отношении поддержки семей и выделения обществом ресурсов для того, чтобы его базовые ценности реализовывались в полном объеме, создавая возможности, поощряя ответственность и солидарность.

Если соединить все это, возникнет *новая политическая идеология*, которая предполагает использование рыночных средств для достижения общественных целей; сочетает верность традиционным ценностям с жесткой решимостью содействовать быстрым экономическим и технологическим переменам; требует организации общественных ресурсов для общего блага, признавая растущее бессилие крупных централизованных бюрократических структур и возрастающее значение самоуправляющихся личных и общественных институтов. Это означает: а) введение жестких экологических стандартов, выполняющихся благодаря рыночным нововведениям, таким как уплата штрафов за создание отходов; б) замену системы помощи бедным системой соревнования за создание рабочих мест; в) помощь бесплатному образованию за счет создания возможностей выбора, соревнования и проверки результатов; содействие глобализации торговли за счет расширения круга победителей — американцев, по своему уровню подготовки способных воспользоваться преимуществами экономиче-

ского роста»[12]. По оценкам специалистов, уже сегодня можно говорить о налаживающемся взаимодействии по линии межпартийных связей, углублении сотрудничества в идейно-теоретической сфере между демократической партией США и лидерами крупнейших партий Социнтерна.

Так и хочется воскликнуть: «Вот она — стратегия демократического реализма, вот он — разумный прагматизм!»

Однако в реальной политике все обстоит иначе. Очевидными стали две вещи. Первое: в мире определилась сравнительно *небольшая группа* экономически развитых стран с населением чуть более 1 млрд человек, *вступивших в постиндустриальную зону*, и около 170 стран с населением в 5 млрд человек находятся на индустриальной и доиндустриальной стадиях развития. Они представляют «остальной мир», которому суждено жить в режиме «догоняющего развития» без какой-либо реальной надежды когда-нибудь догнать лидеров этой исторической гонки, даже если мыслить историю в категориях бесконечности. Второе: *амбициям лидеров также поставлен предел.*

Занятые борьбой за «лучшее место под солнцем», думавшие практически только о том, как выжить «здесь и сейчас», страны и народы не учли того простого обстоятельства, что нерешенные проблемы, совершенные ими ошибки и просчеты имеют свойство накапливаться, суммироваться. В итоге эти проблемы переросли рамки отдельных стран и регионов и обрели *глобальный*, *общечеловеческий характер.* До их осознания человечество доросло совсем недавно.

Тридцать лет назад (в 1972 г.) был опубликован доклад Римского клуба «Пределы роста», растиражированный в 5 млн экземпляров, в котором на основе расчетов было показано, что через 75 лет на Земле будут исчерпаны сырьевые ресурсы, возникнет катастрофическая нехватка продуктов питания, загрязнение окружающей среды станет невыносимым для человека, если немедленно не отказаться от экономического роста и если не будет ограничен рост численности населения планеты[13].

---

[12] Цит. по: Загладин Н. Демократическая партия США... С. 68. Курсив мой. — *И. И.*

[13] За последние полтора века человечество использовало больше природных ресурсов, чем за все предыдущие тысячелетия жизни на Земле. Площадь лесов на земном шаре сократилась в два раза, навсегда исчезли многие виды флоры и фауны, немало видов — на грани исчезновения. Только в течение XX в. разнообразие биологических видов на Земле сократилось на 20%. Необратимыми могут стать истощение озонового слоя, концентрация в атмосфере «тепличных» газов, возникновение множества аномальных явлений, разрушение биосферы, а также исчезновение многих видов растительного и животного мира, в том числе и самого человека, раньше того времени, кото-

Доклад произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Начались дискуссии, поиски ответов на вопросы: «почему такое стало возможным?», «кто виноват?» Состоялось множество международных научных конференций и совещаний на высшем уровне. Только Римский клуб подготовил более 20 докладов («Пересмотр международного порядка», «Цели для человечества», «Нет пределов обучению» и др.). В 2000 г. был опубликован новый доклад Римскому клубу «Фактор четыре»[14], где авторы обосновывают концепцию «производительности ресурсов», под которой понимают возможность жить в два раза лучше и в то же время тратить в два раза меньше. И так далее.

Однако самым знаменитым, поистине историческим событием общепланетарного масштаба, которое освещало более 5 тыс. журналистов всех стран мира, явился Форум XX в. — *Конференция ООН «Окружающая среда и развитие»* с участием сотен выдающихся мыслителей и ученых мирового масштаба, а также более 100 глав государств и пра-

---

рое они могли бы существовать на Земле при нормальном развитии земной части Вселенной. Человечество из положенных ему — в соответствии с естественными законами Вселенной — 50 млн лет жизни на Земле в результате отмеченных процессов разрушения может просуществовать на этой планете гораздо меньше, скажем, всего еще несколько сотен или тысяч лет. Немало авторитетнейших ученых полагают, что катастрофа может случиться уже в наступившем столетии, т. е. через два-три поколения. Преждевременная смерть человечества была бы подобна смерти младенца, еще не успевшего раскрыть свои способности.

Если С начала XVIII в. (за 300 лет) население планеты увеличилось в 10 раз, то за последние 70 лет оно утроилось (Капица С. П. Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. Очерки теории роста человечества. М., 1999. С. 21). Сегодня в мире около 6 млрд человек. Каждый день рождается 757 600 человек. С учетом смертей ежедневный прирост населения составляет 250 тыс. человек (там же. С. 23). В середине века население Земли достигнет 12–13 млрд человек. «В итоге рост населения, — пишет С. П. Капица, — следует считать основной глобальной проблемой человечества, за которой уже следуют остальные, в том числе антропогенные, изменения окружающей среды и возможное исчерпание ресурсов. В росте численности населения мира мы будем видеть выражение и меру развития, развития во всех измерениях» (там же. С. 31). «В настоящее время, — считает С. П. Капица, — человечество вступило в критическую эпоху своего развития, когда за считанные десятилетия происходит резкое изменение темпов роста, а затем и возрастного состава населения мира. При этом коренным образом меняется парадигма развития человечества — изменение, которого прежде не бывало. Этот грандиозный по своим масштабам цивилизационный переворот определяет многое из того, что сейчас происходит» (там же. С. 26).

[14] См.: Вайцзеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л. Фактор четыре. Затрат половина — отдача двойная. М., 2000.

вительств, состоявшаяся в июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро — через 20 лет после выхода доклада «Пределы роста». Материалы этой конференции, и прежде всего доклад ее Генерального секретаря Мориса Стронга, и несколько заключительных документов, из которых назовем Декларацию по окружающей среде и развитию, принятую в Рио-де-Жанейро и включающую в себя 27 рекомендательных принципов, раскрывают существо и цели реализации концепции устойчивого развития, соотношение национальных и общечеловеческих интересов, роль государства и различных социальных слоев населения и т. д. В Декларации, этом научном и политическом документе, значение которого в общем невозможно переоценить, закреплены принципы новой парадигмы[15] развития человечества, мироустройства на пла-

[15] Понятие «парадигма» в социальных науках получило распространение после выхода в свет книги американского историка науки и философа Томаса Самуэла Куна (1922–1995) «Структура научных революций» (1962). Парадигма — это концептуальная схема, которая признается членами научного сообщества в качестве основы их исследовательской деятельности для описания концептуального каркаса, который принимает то или иное научное сообщество. Парадигма определяет видение учеными картины мира, методы познания и характер выбираемых проблем. Ученые, овладевая содержанием парадигмы, учатся видеть мир сквозь ее «призму». Не факты судят теорию, а теория определяет, какие именно факты войдут в осмысленный опыт. Отсюда тезис Куна о несоизмеримости парадигм — утверждение о невозможности установления строгих логических отношений между сменяющими друг друга фундаментальными теориями. С этим связано его отрицание кумулятивизма (концепция, согласно которой историческое развитие знания происходит путем постепенного добавления новых положений к накопленной сумме истинных знаний) и преемственности в эволюции науки: знание, накопленное в рамках предыдущей парадигмы, отбрасывается после ее крушения, а научные сообщества просто вытесняют друг друга. Периоды смены парадигм Кун назвал научными революциями.

Научная революция, которая связана с полной или частичной заменой парадигмы, включает ряд последовательных этапов: зарождение и становление научной дисциплины (допарадигмальный период), «нормальную» науку (парадигмальный период), кризис «нормальной» науки, научную революцию (смену парадигм). Допарадигмальный период характеризуется соперничеством различных школ и отсутствием общепринятых концепций и методов исследования. На определенном этапе эти расхождения исчезают в результате победы одной из школ. С признанием парадигмы начинается история научной дисциплины как развитие и совершенствование научной традиции. В это время ученые заняты «нормальной» наукой — решением конкретных и специальных задач («головоломок») на основе принятой парадигмы. Однако постепенно накапливаются «аномальные факты», которые не поддаются объяснению на основе данной парадигмы. Это порождает состояние профессиональной неуверенности в научном сообществе, наступает кризис пара-

нете. Декларацию в Рио подписали главы государств и правительств 179 стран мира. На скупом, «мягком» дипломатическом языке в Декларации зафиксированы оценки, выводы и перспективы, имеющие воистину судьбоносное значение. В окончательной редакции пункта 8 Декларации, например, сказано, что *«государства должны ограничить и ликвидировать нежизнеспособные модели производства и потребления»*. Непосвященному человеку эти слова мало что говорят. На самом деле за этим предельно аккуратным выражением стоит признание, что путь, которым пришли к своему благополучию ныне развитые страны, теперь *неприемлем для человечества в целом*. Чтобы понять смысл каждого из 27 пунктов Декларации, надо изрядно поразмыслить. Декларация побуждает государства к необходимости перевода усилий по реализации концепции устойчивого развития в ранг государственной и межгосударственной *политики*, с которой должны сверяться *все* экономические и политические решения.

Исключительно важное значение для судеб человечества имеет также принятый Конференцией в Рио документ с символическим названием «Повестка дня на XXI век», представляющий собой программу действий государств в период после конференции в соответствии с ее решениями[16]. Глава 36 «Повестки дня на XXI век» под названием

дигмы. В этой ситуации резко возрастает интерес к поиску новых идей, которые могли бы послужить основой новой парадигмы. В результате этого в конечном счете происходит научная революция — вытеснение старой парадигмы новой. Процесс смены парадигм согласно Куну не поддается логико-методологической реконструкции. Сам он объясняет его в социально-психологических терминах, уподобляя его обращению в новую веру.

[16] «Повестка дня на XXI век» (программа 21) является документом, доработке которого были посвящены основные усилия Главного комитета Конференции ООН по окружающей среде и развитию. Фактически это суперпрограмма, ориентированная на подготовку мирового сообщества к решению тех проблем, с которыми наша цивилизация столкнулась, вступая в XXI в. Документ (общий объем 560 страниц) содержит 40 глав, сгруппированных в 4 раздела, причем каждая глава охватывает одну или несколько сопряженных программных областей. В нем, в частности, говорится, что «развитые страны подтверждают свое обязательство достичь признанного ими целевого показателя Организации Объединенных Наций для ОПР, составляющего 0,7% валового национального продукта... Причем некоторые страны согласны достичь этой цели к 2000 году» (п. 33.15).

«По оценкам Секретариата Конференции, среднегодовые расходы (1993–2000 годы) на осуществление в развивающихся странах мероприятий, содержащихся в «Повестке дня на XXI век», должны составить свыше 600 млрд долларов США, включая около 125 млрд долларов, которые будут предоставлены международным сообществом в виде субсидий или на льготной основе» (п. 33.20) (там же. С. 58).

«Содействие просвещению, информированию населения и подготовке кадров» гласит: «В основу предложений по данной программной области положены рекомендации Тбилисской межправительственной конференции по окружающей среде и развитию, организованной ЮНЕСКО и ЮНЕП в 1977 году. Эти предложения охватывают три важных направления:

— *переориентация просвещения* на проблемы устойчивого развития;

— расширение информированности населения;

— содействие профессиональной подготовке.

Фактически речь идет о необходимости превращения концепции устойчивого развития в систему духовных и профессиональных установок человечества».

Многие пишущие о Конференции в Рио почему-то редко обращают внимание на то, что она обсуждала вопросы не только (и не столько) экологии как таковой, но и «развития». Развития человечества «вообще» в связи с глобальными изменениями в окружающей среде. Последствий этих катастрофических изменений для человечества, которое, если оно хочет выжить, должно внести коррективы в свое понимание мира и свою практически преобразующую деятельность. При всей важности тех богатейших материалов о состоянии окружающей среды, которые были подготовлены организаторами конференции, самым главным был анализ причин, обусловивших такое состояние, и выводы для будущего.

Вывод конференции, закрепленный в «Повестке дня на XXI век», звучит вполне определенно и обескураживающе: индустриальный период развития человечества (а это почти 300 лет) шел за счет и в ущерб природе, которая теперь *мстит ему*. Тот путь, по которому шло человечество, *та парадигма развития, которую оно исповедовало доныне, исчерпали себя полностью и окончательно*. Один из основополагающих выводов Конференции ООН в Рио состоял в том, что повторение развивающимися странами ($^3/_4$ населения мира) пути развития небольшого числа стран, достигших высокого уровня благосостояния, невозможно — планета Земля этого не выдержит.

Морис Стронг, Генеральный секретарь Конференции ООН «Окружающая среда и развитие» в Рио-де-Жанейро, в своем докладе при открытии конференции отметил: «Центральными вопросами проблемы, которой нам предстоит заниматься, являются: *характер производства и потребления в промышленно развитой части мира*, который подрывает системы, поддерживающие жизнь на Земле; взрывообразный *рост населения*, преимущественно в развивающейся части мира, добавляющий ежедневно четверть миллиона человек; углубляющееся *неравенство* между богатыми и бедными, которое ввергает 75% человечества в борьбу за выживание, и, наконец, *экономическая система*,

которая не учитывает экологические ценности и ущерб, — система, которая рассматривает *неограниченный рост как прогресс*». М. Стронг констатировал: «Процессы экономического роста, которые порождают беспрецедентный уровень благополучия и мощи богатого меньшинства, ведут одновременно к рискам и дисбалансам, в одинаковой мере угрожающим и богатым, и бедным. Такая модель развития и соответствующий ей характер производства и потребления не являются устойчивыми для богатых и не могут быть повторены бедными. Следование по этому пути *может привести нашу цивилизацию к краху*»[17].

Решительным было выступление премьер-министра Норвегии Гру Харлем Брундтланд, являвшейся председателем Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию. Она сказала: *«Нам дано мало времени* на изменение характера нынешнего неустойчивого развития человечества. Мы должны искоренить нищету. Мы должны добиться большего равенства как в каждой стране, так и между ними. Мы должны добиться соответствия деятельности и численности человечества с законами природы...

Человеческая история достигла водораздела, за которым изменение политики становится неизбежным. Более миллиарда человек, не могущих сегодня удовлетворить свои основные потребности, наши собственные дети и внуки и сама планета Земля *требуют революции*. Она грядет. Мы знаем, что у нас есть возможности предотвратить опасность, хаос и конфликты, которые в противном случае неизбежны... Мы просто вынуждены осуществить наиболее важный после сельскохозяйственной и промышленной революций переход — переход к устойчивому развитию»[18].

Подводя итоги работы конференции, М. Стронг подчеркнул беспрецедентный масштаб и значимость этого события: «*Мир* после Конференции *должен стать другим*». Другими должны стать дипломатия и система международных отношений, другой должна стать и Организация Объединенных Наций, другими станут и правительства, принявшие на себя обязательства двигаться к устойчивому развитию. «Мы выживем только все вместе, *в противном случае не выживет никто*»[19].

Такие резкие оценки и категоричные выводы вкратце можно обосновать следующим образом:

— На долю 20% наиболее богатой части населения планеты приходится 83% мирового дохода, а на долю остальных 80% населения —

---

[17] Цит. по: Коптюг В. А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, июнь 1992 года. Новосибирск, 1992. С. 7.

[18] Там же. С. 8.

[19] Там же. С. 21.

17%, причем на долю 20% беднейшей части населения мира — всего 1,4%. Разрыв между 20% наиболее богатых и 20% беднейших быстро увеличивается (30 : 1 в 1960 г. и 60 : 1 в 1990 г.), что ведет к соответствующему нарастанию социального напряжения как внутри стран, так и особенно между развитыми и развивающимися странами, чреватого глобальным социальным взрывом.

— Чтобы устранить отмеченный диспаритет путем быстрого экономического подъема $^4/_5$ мира до уровня у 5-й богатой части населения мира, надо (если оставить доход богатой части на том же уровне) увеличить доход $^4/_5$ населения в 20 раз. Это при нынешних технологиях потребует соответствующего роста потребления ресурсов планеты.

— Население планеты растет последние десятилетия «взрывным» образом: 1920 г. — 2 млрд, 1993 г. — 5,6 млрд, а к 2030 г. ожидается удвоение нынешней численности населения планеты, причем рост населения в развивающейся части мира быстро опережает рост населения в развитой (к 2025–2030 гг. ожидается, что в развивающихся странах будет жить 84% населения планеты). Очевидно, что приведенную выше оценку роста потребления ресурсов (в 20 раз), необходимого для устранения диспаритета, следует по меньшей мере удвоить ($20 \times 2 = 40$ раз).

Возможность изменения за 35–40 лет технологий таким образом, чтобы на единицу продукции потреблять в 40 раз меньше природных ресурсов и энергии, трудно себе представить, а простое воспроизведение пути экономического развития капиталистических стран развивающимся миром быстро приведет к исчерпанию невозобновимых ресурсов и ускоренному разрушению природы, в которой уже произошли глобальные изменения.

Понимание этого привело Конференцию ООН в Рио-де-Жанейро к выводу о необходимости *срочного* перехода от прежней к *принципиально новой парадигме развития цивилизации*, основы которой составляют одобренную главами государств концепцию *«устойчивого развития»*.

Итак, появился еще один взгляд на развитие человечества, еще одна формула будущего. Как отнестись к ней? Поставить в общий ряд с уже существующими теориями, количество которых увеличивается на наших глазах, в том числе за счет усилий российских ученых? Однако в любом случае, если не ставить задачу (как это делают многие) изложить непременно свой «особый» взгляд, сконструировать свою «собственную» теорию, то следует выбрать какую-то из уже существующих. Какую? Тут надо бы провести сравнительный анализ существующих и названных теорий и концепций, дабы объяснить читателю свою склонность к идее «устойчивого развития», которую я буду демонстрировать. Но я не стану делать этого, а ограничусь заявлением,

что достаточно хорошо знаком с каждой из них, чтобы сделать вполне сознательный выбор. И этот выбор — «устойчивое развитие»[20]. Почему — скажу в одной из следующих глав. А сейчас попытаюсь объяснить, что означает этот термин, в чем его смысл и содержание.

За десять лет после Рио по этому поводу в мире, в том числе в России, видными учеными[21] написаны тысячи статей и десятки фундаментальных трудов, предложены десятки определений «устойчивого развития», каждое из которых отражает стремление их авторов к чистоте и окончательности. В этом нет ничего нового: такое происходит с каждым понятием. Явление столь же закономерное, сколь и бессмысленное, ибо достичь желанной «чистоты» определения, когда речь идет о социальных процессах, невозможно: они находятся в постоянном движении и изменении, тем более если понятия творятся не для узкого круга специалистов, а для широкой публики. К. Поппер выступал против определений «слева-направо» вроде «устойчивое развитие — это...», а далее следует дефиниция. Он полагал, что идти надо в обратном направлении, «справа-налево», т. е. сначала *описать объект*, явление или процесс, а уж потом наклеивать на него ярлык. В данном случае это наиболее приемлемый вариант: парадигма «устойчивое развитие» находится в стадии становления, многое еще попросту неясно.

Надо полагать, это прекрасно понимала Г. Х. Брундланд, бывший премьер-министр Норвегии, которая еще задолго до Конференции в Рио руководила группой экспертов ООН по подготовке доклада Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) под названием «Наше общее будущее». Содержание понятия «устойчивое развитие» описано в этом докладе целым рядом формулировок, что мне кажется лучшим вариантом в ситуации, когда новая парадигма является не предметом интеллектуальных упражнений для узко-

---

[20] Говорят, что дать точный перевод на русский язык английского термина «sustainable development» практически невозможно. Так бывает, мы это знаем. Но можно описать общий смысл этого термина: «допустимость», «допустимое развитие», «согласованное развитие» природы, общества, человека; экономики, экологии, социума (социальной сферы в ее полном объеме).

[21] Анализ и оценка этих трудов не входят в число моих задач, я не профессионал в этой области. Я был близко знаком с академиком РАН Н. Н. Моисеевым, который активно работал в этой сфере, знал академика РАН В. А. Коптюга, внесшего значительный вклад в обоснование новой парадигмы, знаю В. И. Данилова-Данильяна, А. Д. Урсула и других российских ученых. Это высококлассные исследователи, чей научный авторитет для меня чрезвычайно велик. В своих пристрастиях к «устойчивому развитию» я во многом полагаюсь на него, а не только на свои знания и собственную логику.

го круга специалистов, а вопросом ее понятности или непонятности и, значит, восприятия или отторжения сотнями и сотнями миллионов людей.

В докладе «Наше общее будущее» говорится: «Человечество способно придать развитию устойчивый и долговременный характер, с тем чтобы оно отвечало потребностям ныне живущих людей. Концепция *устойчивого развития* действительно предполагает определенные ограничения в области эксплуатации природных ресурсов, но эти ограничения являются не абсолютными, а относительными и связаны с современным уровнем техники и социальной организации, а также со способностью биосферы справляться с последствиями человеческой деятельности... *Устойчивое* и долговременное развитие представляет собой не неизменное состояние гармонии, а скорее процесс изменений, в котором масштабы эксплуатации ресурсов, направление капиталовложений, ориентация технического развития и институционные изменения согласуются с нынешними и будущими потребностями. Мы не утверждаем, что данный процесс является простым или беспрепятственным. Болезненная процедура выбора неизбежна. Таким образом, в конечном счете в основе устойчивого и долговременного развития должна лежать политическая воля»[22].

«*Устойчивое развитие* — это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Оно включает два основных понятия: понятие потребностей, в частности потребностей, необходимых для существования беднейших слоев населения, которые должны быть предметом первостепенного приоритета, а также понятие ограничений, обусловленных состоянием техники»[23].

«Даже при узком понимании физической устойчивости развития предусматривается забота о социальной справедливости по отношению к разным поколениям, забота, которая логически должна быть распространена на отношения справедливости к разным слоям населения в пределах каждого поколения»[24]. «*Устойчивое развитие* требует удовлетворения основных потребностей всех и предоставления всем возможности удовлетворять свои стремления к лучшей жизни»[25].

«*Устойчивое развитие* является процессом изменений, в котором эксплуатация ресурсов, направление капиталовложений, ориентация технологического развития и учрежденческие изменения нахо-

---

[22] Наше общее будущее. Доклад МКОСР. М., 1989. С. 20.
[23] Там же. С. 50.
[24] Там же.
[25] Там же. С. 51.

дятся в гармонии, повышают ценность текущего и будущего потенциала с целью удовлетворения человеческих потребностей и стремлений»[26].

«Мир должен быстро выработать стратегии, которые позволят странам отойти от их нынешних, зачастую разрушительных процессов роста и развития и двинуться в *направлении устойчивого развития*. Это потребует изменения политики во всех странах, как в плане их собственного развития, так и в отношении их влияния на возможности развития других стран»[27].

«*Устойчивое развитие* не ограничено только чисто политическим ростом. Оно требует изменения содержания роста для того, чтобы он был менее материало- и энергоемким и более справедливым по распределению прибылей»[28].

Представлю читателю еще одно описание «устойчивого развития», которое дал уже в 2002 г. заместитель Генерального секретаря Организации Объединенных Наций по Департаменту по экономическим и социальным вопросам Нитин Десай (Nitin Desai), — бесхитростное, но, на мой взгляд, очень понятное и потому привлекательное. Из всех ныне существующих взглядов на содержание понятия «устойчивого развития» я избрал именно это еще и потому, что Десай был заместителем Генерального секретаря Конференции ООН в Рио-де-Жанейро, принявшей новую парадигму развития человечества. Более того, именно Десай являлся Генеральным секретарем Всемирной встречи по устойчивому развитию, которая проходила с 26 августа по 4 сентября 2002 г. в Йоханнесбурге (Южная Африка). Иными словами, он не просто один из десятков тысяч профессоров и политиков, которые восприняли выдвинутую в Рио идею «устойчивого развития» и теперь пишут о ней в поисках кто славы, кто всего лишь хлеба насущного, а один из немногих, кто стоял у истоков ее рождения и занимается этой проблемой долгие годы. Надо полагать, этот человек является одним из самых знающих в данной области.

«Устойчивое развитие, — говорит Десай, — можно рассматривать под разными углами зрения. Я бы охарактеризовал его как непосредственное привнесение в развитие *элементов управления* имуществом и активами. И в домашнем хозяйстве, и на предприятии Вы обычно рассчитываете, что Вам удастся сохранить уровень потребления без уменьшения капитала. Вы живете в доме — и Вы не хотите, чтобы он разрушался. Вы владеете садом — и Вы не хотите, чтобы он приходил в упадок. Вы обычно считаете себя способным потреблять то, что Вам

---

[26] Наше общее будущее. Доклад МКОСР. С. 53.
[27] Там же. С. 55.
[28] Там же. С. 58.

нужно, в объеме, который не приведет к снижению качества Вашего имущества. Применительно к концепции «устойчивого развития» управление материальными и денежными активами используется более широко. Оно должно применяться не только в доме, но и в регионе или стране. Кстати, есть один момент, который не обязательно будет в полной мере ощущаться в домашнем хозяйстве, — это вопрос о том, кто получает выгоды от потребления. Каковы характер и размеры потребления в разных частях мира? Поэтому когда речь идет об «устойчивом развитии», недостаточно сказать, что объем производства растет. Вы также должны задаться вопросами: не ведет ли это увеличение к сокращению ресурсов или долговременным экологическим проблемам, на решение которых придется тратить средства будущим поколениям; не создаст ли оно опасности для нынешнего и будущих поколений? Каков характер распределения этого потребления?

В целом это *процесс*, а не описание какого-то *состояния*. Вы не можете сказать, что «это — устойчивое развитие». Вы можете только сказать, что это развитие происходит устойчиво. Думайте об этом как о наречии, а не как о прилагательном. Это характеристика процесса, а не состояния дел»[29].

Какие же идеи и принципы лежат в основе «устойчивого развития»?

В первом приближении «устойчивое развитие» конкретизируется в идее *достижения разумной сбалансированности* социально-экономического развития человечества и сохранения окружающей среды, а также резкого сокращения экономического разрыва между развитыми и развивающимися странами в области как технологического прогресса, так рационализации (разумности) потребления.

Упомянем некоторые *основополагающие принципы*, лежащие в основе указанной концепции и нашедшие отражение в Декларации Рио по окружающей среде и развитию:

1. Ориентация процесса развития *только* на традиционные экономические показатели более неприемлема. Принцип 4 Декларации Рио гласит: «Для достижения устойчивого развития защита окружающей среды должна составлять неотъемлемую часть процесса развития и не может рассматриваться в отрыве от него». Таким образом, необходимо найти приемлемый баланс между экономическим развитием, сохранением природы и социума. При расчете ВВП конкретных стран необходимо принимать во внимание не только наращивание создаваемого человеком капитала, но и сокращение (расход) «природного капитала». Чисто экономический подход при оценке ВВП должен быть заменен методами, используемыми в *экологической* экономике.

---

[29] Хроника ООН. 2002. № 1. С. 22-23.

2. Погоня за *максимальной прибылью* не может более рассматриваться как основная движущая сила развития. Рыночная система хозяйствования будет становиться все более и более *регулируемой* со стороны правительств и парламентов[30] в результате постоянного «давления» на них глобальных изменений в окружающей среде и соответственно со стороны общества. Одновременно будет непрерывно нарастать *духовная*, и в частности *моральная*, *компонента развития*, учитывающая культуру и традиции каждой нации. Шкала ценностей общества и каждого человека должна быть *изменена в пользу* моральных, духовных и биосферных компонент.

3. Резкое *различие в уровнях жизни богатых и бедных* должно быть сокращено и внутри стран, и между странами. Принцип 5 Декларации Рио гласит: «Все государства и все народы должны сотрудничать в решении важнейшей задачи искоренения бедности — необходимого условия устойчивого развития — в целях уменьшения разрывов в уровнях жизни и более эффективного удовлетворения потребностей большинства населения мира».

4. Устранение вооруженных конфликтов, как межгосударственных, так и внутригосударственных межнациональных, является необходимым условием возможности движения к устойчивому развитию.

5. Исключительно важен принцип 3 Декларации Рио: «Право на развитие должно быть реализовано так, чтобы справедливо удовлетворить потребности развития как нынешнего, так и *будущих поколений*».

С тех пор как эти идеи и принципы были провозглашены, прошло десять лет. Что изменилось в мире? Принял ли он новую парадигму развития к действию? Формально — да. Как и рекомендовано в заключительных документах Конференции в Рио, подавляющее большинство правительств мира (в том числе в России) приняло национальные концепции перехода на путь «устойчивого развития». Но это, пожалуй, и все. Как говорится в докладе, выпущенном Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном 20 декабря 2001 г., «глобальный экономический рост, стимулировавший многие экономики в 1990-е годы, *не привел к устойчивому развитию или подобию развития*, которое бы охватывало экономический рост, социальное развитие и охрану окружающей среды»[31]. К таким выводам пришла эта организация после проведения десятков макрорегиональных круглых столов известных экспертов, общественных деятелей и ученых, посвященных фор-

---

[30] Регулировать собственно рыночные механизмы вряд ли возможно, а вот регулировать параметры, определяющие направленность действий рыночных сил, законодательная и исполнительная власть обязаны.

[31] Хроника ООН. 2002. № 1. С. 19.

мулированию важнейших положений официальной повестки дня Всемирной встречи в Йоханнесбурге. При поддержке соответствующих структур ООН проведены сходные конференции неправительственных организаций, региональные межправительственные и межсекторальные консультации. Более того, состояние экологии *ухудшилось*, разрыв в уровнях экономического развития и соответственно в уровнях жизни между развитыми и отстающими странами *еще более увеличился*. Решения Конференции в Рио о выделении процветающими государствами 0,7% ВВП на помощь развивающимся странам *остались не выполненными*. Долги этих стран западным кредиторам увеличились. Конфронтация в мире не ослабла, а *еще более усилилась*. Возник новый источник напряжения и опасности — международный терроризм. Можно сказать, что новая парадигма развития терпит провал.

Что мешает тому, чтобы мир начал переход к устойчивому развитию? Согласно выводам названного доклада разрыв в осуществлении устойчивого развития особенно заметен в четырех следующих областях:

— Нынешний подход к развитию носит фрагментарный и разрозненный характер и не объединяет в целое задачи в области экономики, социальной сферы и охраны окружающей среды, которые существенны для устойчивого развития.

— Неустойчивые формы потребления и производства по-прежнему налагают непомерное бремя на мировые природные системы.

— Политические подходы к финансам, инвестициям, технологиям и ресурсам в сфере развития нескоординированны и непоследовательны и в большей мере обусловливаются краткосрочными соображениями, чем долговременными интересами устойчивого развития.

— Финансовые ресурсы для обеспечения устойчивого развития остаются недостаточными; при этом официальная помощь на развитие (ОПР) с 1992 г. фактически сокращается, а частные инвестиции изменчивы и сконцентрированы на небольшой группе стран.

Говорится также о том, что переходу к новой парадигме развития мешает отсутствие конкретного плана действий и согласованных индикаторов, позволяющих оценивать результаты. Наверное, это так, хотя ясно, что это не главное.

По моему мнению, распространению нового взгляда на мировое развитие препятствуют две основные причины: психологическая и политическая.

При том что каждый человек наделен рассудком, далеко не все любят и способны рассуждать, тем более о глобальных, мировых проблемах. Но даже среди интеллектуалов существует устойчивая неприязнь к универсальным идеям. Попытки установления единого мирового

порядка, будь то принципы национал-социализма, коммунизма или либерализма, воспринимаются так же, как провозглашение единой религии, в то время как миллиарды людей молятся разным богам, имеют свою древнюю культуру, свой язык. Универсализм вызывает антипатию и потому, что стремится к экспансии, к своему полному претворению на практике, как это было с коммунизмом и происходит сейчас с либерализмом. Излишняя самонадеянность всегда во вред. Либерализм, скажем, для Китая в его полном воплощении — вещь абсурдная. В китайском языке нет иероглифа, означающего слово «свобода». Демократия для большинства стран Ближнего Востока — явление чужеродное: исстари и поныне в них властвуют короли, шейхи, ханы. Универсальная идея намекает на силовое решение проблемы. И в этом смысле она источает опасность, пугает, отталкивает, а не привлекает.

И все же *основная причина* медленного распространения концепции устойчивого развития лежит *в сфере политики*. Группа развитых стран, население которых составляет около 1 млрд человек («золотой миллиард»), объективно *не заинтересована* в этой модели развития.

«Американский образ жизни не подлежит обсуждению», — заявил в 1992 г. президент США Дж. Буш, еще только собираясь в Рио. Соответствовала этому заявлению и позиция США в ходе работы конференции. Особенно непримиримой она была в отношении Конвенции по сохранению биологического разнообразия[32]. Буш заявил, что США не подпишут ее, хотя этот документ был согласован заранее. Этот шаг был расценен как попытка сорвать конференцию. Даже развитые страны не поддержали США, и в итоге они оказались в оппозиции ко всему миру. США сделали также все возможное, чтобы ослабить действенность Конвенции об изменении климата и «Повестки дня на XXI век» по вопросам, касающимся сокращения выбросов парниковых газов, прежде всего углекислого газа, в атмосферу[33]. За

[32] Число разновидностей биологических организмов (от простейших до человека) на нашей планете огромно. К настоящему времени их описано около 1,4 млн, хотя общее число, по имеющимся оценкам, составляет не менее 5 млн. Специалисты утверждают, что в связи с деградацией природной среды ежегодно исчезают 10–15 тыс. разновидностей (преимущественно простейших) организмов. Это означает, что за грядущие 50 лет планета потеряет, по разным оценкам, от четверти до половины своего биологического разнообразия, формировавшегося сотни миллионов лет. Многие разновидности исчезнут до того, как мы узнаем об их существовании.

[33] Парниковыми называют газы, которые интенсивно поглощают тепловое инфракрасное излучение и тем самым усиливают роль атмосферы как аналога парникового покрытия по отношению к поверхности Земли. Рост концентрации парниковых газов в атмосфере и обусловливает ожидаемое

этой позицией стоят политические и экономические соображения. Основные выбросы углекислого газа приходятся на долю промышленно развитых стран: США — 25% , бывший СССР — 19% , ЕЭС — 14% , Китай — 10% , весь остальной мир — 32% (данные 1986 г.). Если подсчитать выбросы на душу населения, то соотношение цифр еще более впечатляет и свидетельствует о том, что истоки глобального изменения климата кроются в чрезмерном потреблении ресурсов развитыми странами.

«Я приехал сюда не для того, чтобы извиняться, — заявил тем не менее Буш. — Мы прибыли для того, чтобы стимулировать осмотрительные и в то же время действенные акции». Довольно единодушным было мнение участников конференции и СМИ о том, что Буш не понял или ему «не позволили понимать», что переход на рельсы устойчивого развития — это процесс революционных изменений в мире, действительно требующий нового мышления.

С тех пор в позиции США, как, впрочем, и большинства стран, ничего не изменилось. Грубо говоря, проблема «устойчивого развития» просто забалтывается. Кто-то выступает «за», кто-то «против», кто-то занимает нейтральную позицию. Ведь что такое «парадигма»? Это всего лишь концептуальная схема: совокупность выводов — слова и факты. Сами по себе они никому не угрожают. В этой парадигме можно видеть великую и огненную идею выживания человечества, а можно — новое мировоззрение. Под «крышу» этой общей идеи можно подвести иные теоретические конструкции, выдвинуть встречные идеи, кучу сомнений и затеять бесконечную дискуссию. Более того, можно сказать, что никакой проблемы «выживания» не существует вообще. Так и делают сторонники рыночного фундаментализма, утверждающие, что прогнозы Римского клуба, Декларация Рио и «Повестка дня на XXI век» — это не более чем очередные предсказания «конца света». «Все уже было, — говорят они, — а мир жив. И будет жить, ибо безграничны возможности человеческого разума, который всегда находил выход из самых затруднительных ситуаций. Так будет и в этот раз».

Но поскольку опасность все же реальна, поскольку о ней известно широким массам, с которыми надо так или иначе считаться (политикам — как с электоратом, бизнесменам — как с работниками), то мы

глобальное потепление климата нашей планеты, чреватое многими бедами для сельского хозяйства в результате регионального изменения погодного и водного режимов; угрозой для многих экосистем, адаптировавшихся к определенным климатическим условиям, а также трагедией для прибрежных районов в результате подъема уровня океанов и открытых морей. Многие специалисты полагают, что глобальное потепление климата Земли уже началось.

являемся свидетелями имитации перехода на путь устойчивого развития: парламентские слушания, заседания правительств, научные конференции, принимаются разного рода рекомендации и решения, а на самом деле происходит подмена понятия «устойчивое развитие» «развитием-как-обычно», «развитием-как-было».

Так, концепция перехода России к устойчивому развитию разрабатывалась около четырех лет и была принята только в апреле 1996 г. И благополучно забыта. Понятие «устойчивое развитие России» не встречается ни в одном серьезном политическом документе.

Так, при президенте США создан Совет по устойчивому развитию, который в течение трех лет разрабатывал Стратегию устойчивого развития страны. Она принята. Сформулированы 10 целей устойчивого развития США. Внешне все выглядит хорошо. Но, как полагают российские специалисты, в этих документах *заложено неразрешимое противоречие между скоростью развития цивилизации и скоростью эволюции биосферы, между экономикой и экологией, и абсолютно неясно, каким образом Соединенные Штаты намерены его решать*. Можно ли в стране, где сохранилось только 4% естественных экосистем, «поддерживать функционирование и устойчивость природных систем»? [34]

Сейчас эта страна, где проживают около 6% населения Земли, потребляет примерно 24% мировой энергии, 40% мировых естественных ресурсов, в разных сферах дает от 25 до 60% всех загрязнений на планете. (Развитые страны в целом потребляют 50% энергии и 80% сырья, производя $^{2}/_{3}$ мировых отходов.) Один американец ежегодно в совокупности использует 37 тонн сырья и материалов, а все американцы — 10 млрд тонн, что составляет около трети материалов, вращающихся в глобальной экономике.

Не менее сложно обстоят дела и в «остальном мире». Как могут развивающиеся страны повышать уровень своего благосостояния, не повторив пути беспрецедентного потребления ресурсов, который прошли развитые ныне страны? Если встать на него, то это и будет путь к глобальной экологической катастрофе. И тем не менее они идут по нему.

Китай — страна развивающаяся, но, так же как и США, имеющая первостепенное значение в происходящих глобальных процессах, роль которой будет все больше возрастать, — также сформировал стратегию устойчивого развития, названную «Китайская программа XXI века — белая книга о населении, окружающей среде и развитии

---

[34] См.: Данилов-Данильян В. И., Залиханов М. И., Лосев К. С. Экологическая безопасность. Общие принципы и российский аспект. М., 2001. С. 193.

Китая в XXI веке» (China's agenda 21, 1994). Выбор Китаем стратегии устойчивого развития таков же, как и выбор США, — *развитие «как обычно» и даже с более интенсивным экономическим ростом* (8–9% в год), хотя и с учетом охраны окружающей среды. Тем же путем, вслед за США, идет и Россия.

США понимают, чем грозит им этот «поход». Не случайно 9-й пункт «Целей устойчивого развития США» звучит так: «Международная ответственность: занять руководящую роль в разработке и проведении глобальной политики устойчивого развития, стандартов поведения, торговой и внешней политики, которые содействуют достижению устойчивого развития». В переводе с американского языка на общечеловеческий это надо понимать так: «Парни, вы должны развиваться по-новому, т. е. устойчиво, мы же будем жить как прежде. И не говорите нам о справедливости: мы строим новый порядок».

Этот порядок называется «глобализация по-американски», о чем надо сказать особо.

Глобализация по-американски — основной фактор неустойчивости развития

Относиться к глобализации — предельно масштабному и чрезвычайно сложному явлению — непредвзято и объективно — дело крайне трудное, ибо (как следствие масштабности и сложности) оно столь же невероятно противоречивое. Поэтому всех специалистов, размышляющих и высказывающихся о глобализации, можно поделить на две полярные группы: ее ярых сторонников и не менее ярых противников. Сказать коротко — глобалистов и антиглобалистов.

Выступать за глобализацию сегодня модно и выгодно. В этом случае можно сразу попасть в разряд «современных», «прогрессивно» и «новаторски» мыслящих. Таким людям гарантировано внимание газет и журналов, они не сходят с экрана телевизора. Сделать это совсем не сложно: все средства массовой информации находятся в руках стратегов, идеологов и организаторов глобализации. Сегодня это грандиозная пиаровская кампания, в которой главное не в том, что и как происходит и должно происходить на самом деле, а в том, что, как, когда и кому сказать и показать. Многое в этой кампании уже удалось. Значительная часть населения, скажем России, убеждена, что глобализация — «это хорошо», необходимо и неизбежно.

Какие «плюсы» сопровождают глобализацию?

Глобализация — это свободное перемещение товаров и услуг. Это, конечно, хорошо. Если у тебя есть деньги, ты можешь купить вещи и продукты, которых раньше не видывал, о которых даже не мечтал;

можешь приобрести импортный автомобиль, пусть подержанный, но все же несравнимо более комфортный, чем «Жигули» или «Москвич». И так далее.

Глобализация — это свободное передвижение людей через государственные границы. Отлично! Если у тебя есть деньги, ты можешь поехать на отдых в Турцию или Египет, а то и в Испанию, Италию, на Кипр или какие-нибудь острова...

Глобализация — это свободное перемещение идей и информации. Замечательно! Если у тебя есть деньги, купи хороший импортный телевизор, а к нему телеантенну «НТВ-плюс» — и на твоем экране почти весь мир...

Разговор о такого рода плюсах глобализации можно было бы продолжить. Но не в этом сейчас дело. В данном случае я хочу лишь подчеркнуть, что эти плюсы видны и понятны каждому, они ощущаемы, почти осязаемы. Именно потому они ежедневно из года в год, в «лоб» и завуалированно в самых примитивных формах вдалбливаются телевидением, радио, газетами и журналами в умы телезрителей, радиослушателей и читателей. Так формируется представление о том, что глобализация — это несомненное благо, которому не следует препятствовать, за которое надо бороться.

Честно говоря, мне бы тоже хотелось присоединиться к хору этих голосов. Ведь как и все, я пользуюсь вышеназванными благами глобализации. Более того, я знаю и понимаю, что глобализация — естественноисторический эволюционный процесс, форма синтезирования и усвоения человечеством основных достижений отдельных культур и сообществ. Глобализацию в ее изначальном понимании можно назвать *интернационализацией*. В этом смысле она действительно процесс объективный, неизбежный и необходимый. Вся логика истории побуждает народы и страны двигаться в сторону расширения связей между их государствами, культурами и религиями, находить все новые, соединяющие их основы. Даже те, кто не понимает этого, вынуждены это делать. Еще раз подчеркну: объективно и неизбежно.

«Только в глобальном масштабе возможно решение основных научно-технических задач современности, — еще 30 лет назад писал выдающийся ученый, мыслитель и романтик XX в. А. Д. Сахаров, — например, таких, как создание ядерной и термоядерной энергетики, новой сельскохозяйственной технологии, производство синтетических заменителей белка, проблемы градостроительства, разработка безвредной для природы промышленной технологии, освоение космоса, борьба с раком и сердечно-сосудистыми заболеваниями и др. Эти задачи требуют многомиллиардных затрат, непосильных для отдельного государства... Только в глобальном масштабе возможны

разработка и осуществление стратегии развития человеческого общества на Земле, совместимой с продолжением существования человечества...»[35].

Сегодня любому здравомыслящему человеку понятно, что глобальные проблемы и угрозы, с которыми столкнулось человечество в XX в., не могут быть устранены на национальных и региональных уровнях. Они могут быть решены только на уровне общепланетарного сознания, на уровне мироощущения всеединства человеческой цивилизации, духовной конвергенции и интеграции еще во многом и существенно различных социумов — стран, обществ, народов. Выход из глобального мирового кризиса возможен только на пути межгосударственного, международного сотрудничества, объединения сил и средств всех государств в борьбе с общими проблемами и общим злом. В этом смысле надо обеими руками голосовать «за» глобализацию. Выступать «против» нее в таком понимании просто глупо, все равно что устраивать митинги и демонстрации в знак протеста против природных катаклизмов — извержений вулканов, морских бурь, штормов, землетрясений, наводнений.

Столь же глупо выступать против глобализации как *теории* с неизбежным многообразием и различием концепций и школ, точек зрения, понятий и определений этого высшей степени сложности феномена, которым является глобализация.

Другое дело — глобализация в том виде, в каком она осуществляется, как *реальность* в ее нынешнем варианте. Тут она менее всего представляет процесс естественный, объективный и эволюционный. В главном и основном глобализация, которую мы наблюдаем, — это *сознательная стратегия*.

Сколько лет этой стратегии? Столько же, сколько существует идея мирового господства, идея построения мировой империи. Империализм — это глобализм. При таком понимании глобализации к числу идеологов глобализма можно отнести Александра Македонского, Чингисхана, Петра I, Наполеона, Гитлера и Сталина. В качестве воинствующих глобальных религий в этом случае можно рассматривать христианство и ислам, национал-социализм и коммунизм, стремившихся распространить свое влияние на весь мир. Идейные корни нынешней глобализации кроются в исторических глубинах. Ведь в конце концов не суть важно, в какие времена, в какой части света, какой народ и какая личность были глашатаями и носителями идеи мирового господства. Нет многих из тех стран, истлели кости фараонов, ханов, королей, царей, императоров и вождей, а идея жива и в сущности своей осталась прежней: один и «самый лучший» на Земле народ по

[35] Сахаров А. Д. О стране и мире. Нью-Йорк, 1976. С. 116–119.

праву сильного правит всеми другими народами, которые мыслятся им слабыми.

В начале прошлого XX в. родилась идея создания мирового правительства. Его прообразом была Лига Наций, которая не справилась с этой задачей и после Второй мировой войны воссоздалась в виде Организации Объединенных Наций. Принеся немало пользы, она эту функцию также не смогла осуществить. Если мыслить привычными категориями, то этого и не могло случиться. Как найти баланс в интересах сильного и слабого, богатого и бедного? Сами между собой они никогда не договорятся. Это возможно только при условии угрозы применения силы к обеим сторонам. В какой-то мере и довольно долгое время эту роль выполняли войска ООН.

Но как только рухнул (был развален) СССР, как только исчез второй полюс силы, противостоявший силе США, так сразу же эта страна и заявила о том, что вынашивало ее руководство с самого начала XX в., но особенно внятно было выражено в тайных доктринах середины этого столетия, которые теперь рассекречены.

В 1978 г. в Колумбийском университете вышла книга «Сдерживание. Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг.». В ней опубликованы основные, бывшие до того сверхсекретными документы холодной войны. Из этих документов явствует, что *идеологическая борьба* с СССР имела для США *второстепенное* значение. *Главной целью* американской политики было *разрушение Советского Союза как геополитической целостности* на пути США *к мировому господству*. Из них, в частности, явствует, что еще в 1939 г. были выработаны планы принятия США прежней роли Британской империи в качестве *мирового властелина*, которые потом и воплотились в стратегии и документах холодной войны, главным из которых является NSC 20/1 от 14 апреля 1950 г.

Центральное стратегическое понятие в вышеназванных документах — достижение геополитических целей *США «средствами, находящимися на грани с войной»* (в традиционном смысле. — *И. И.*). Эти средства включают *экономику*, *дипломатию*, *использование международных организаций, созданных в качестве так называемых институтов гегемонии, и, наконец, угрозу применения силы*. Установившееся положение вещей после Второй мировой войны — военный мир, иными словами, *как сказано в NSC 20/1, «тотальная политическая война, конечной целью которой является безоговорочная капитуляция Советского Союза»*, на пути к которой определялись и промежуточные цели: а) геополитическое ограничение силы и влияния СССР; б) компрометация идеологии геополитического противника, включая, с одной стороны, теологизацию американской идеологии в качестве универсального мировоззрения, а с другой — демонизацию

всякой идеологии, представляющую потенциальную угрозу для гегемонии США.

«Наши цели в отношении Советского Союза, если они не могут быть осуществлены средствами, граничащими с войной, должны быть достигнуты с помощью самой настоящей войны, ибо наша задача — свергнуть советскую власть и разрушить СССР».

Далее в документе говорится, что геополитические цели США — по существу военные цели. Каковы же они?

Во-первых, уничтожить сферу советского влияния в Восточной Европе (в NSC 20/1 это обозначено *как «первая цель»*), что достигается *с помощью экономического проникновения*. Таким образом, экономика была включена в арсенал способов и средств войны «иными средствами». Государственный секретарь Маршалл, выступая в Гарварде в 1947 г., заявил, что его план — «*военные действия*, осуществляемые *при помощи экономики*, цель которых, с одной стороны — сделать Западную Европу полностью зависимой от Америки, с другой — подорвать влияние СССР в Восточной Европе и подготовить почву для установления американской гегемонии в этом регионе». Видимо, *с этого момента и надо отсчитывать возникновение понятия «экономическая война»*.

Помимо того, в NSC 20/1 утверждается: «*Вторая цель — изменение границ* Советского Союза и *отделение* от него в первую очередь балтийских стран и Украины. Для этого надлежит поощрять и инициировать любые *сепаратистские движения* в Советском Союзе, ибо сепаратистские движения, правильно организованные, являются самым лучшим средством для уничтожения советской мощи и *расчленения* СССР... Независимо от того, каким будет антикоммунистическое правительство грядущей России (конечно, дружественно относящееся к США), оно всегда должно обладать лишь ограниченным военным потенциалом и должно пребывать в состоянии полной экономической зависимости от Соединенных Штатов»[36].

Опасно не понимать, что США и Россия никогда не будут друзьями и даже партнерами. Сегодня многие западные исследователи и политики признают, что противостояние между СССР и США в холодной войне носило не столько идеологический, сколько геополитический характер. Еще в начале XX в. американский адмирал и теоретик военно-морской стратегии США П. Мэхэн (1842—1914) утверждал, что главную опасность для США представляет Россия, как обширная континентальная держава, борьба с которой является основной геополитической задачей США.

---

[36] Цит. по: Крейтор Н. Геополитика «холодной войны» // Наш современник. 1998. № 5. С. 220, 222.

«Холодная война» стала примером того, что политические цели могут быть достигнуты не посредством *прямого* вооруженного вмешательства, а путем применения иных форм насилия, *подрыва* мощи противника *изнутри*. Эта война завершилась без непосредственных вооруженных сражений и кровопролитий между основными противниками — США и СССР, без использования ими ядерного оружия, хотя за всеми периферийными (локальными) войнами (Корея, Вьетнам, Египет — Израиль, Мозамбик, Ангола, Афганистан) всегда стояли эти две супердержавы и их союзники.

В самом деле, что главное в войне? Насилие, т. е. стрельба и борьба сами по себе? Конечно же нет. Главное в войне — достижение цели. Насилие — средство этого достижения. Средства могут быть разными. На протяжении борьбы (иногда очень долгой) они могут меняться и комбинироваться. И тот, кто достиг цели, — победитель, кто проиграл — побежденный. После победы победитель «пожинает лавры», т. е. пользуется богатствами побежденного, по-своему и по-новому расставляя фигуры (личностей, государства, блоки) на Великой шахматной доске.

С точки зрения новой концепции войны это, может быть, самый главный вывод: поскольку цель войны — получение выгоды, то надо воевать так, чтобы эта выгода была максимальной. А именно: надо воевать такими способами, чтобы овладеть страной (территорией, материальным богатством, в том числе и армией, не разрушая и не уничтожая их). «Пиррова победа» сегодня не в моде. Речь идет об изощренной стратегии «непрямых действий». Одним из самых современных средств реализации такой стратегии является глобализация.

Таким образом, нынешняя глобализация — это не новая стратегия США. Это ее модификация с учетом времени и тех технических достижений, которые произошли в мире за вторую половину XX в. и которыми в полной мере владеет эта страна: компьютер, электронные СМИ, Интернет, создающие принципиально новые схемы и возможности для бизнеса, управления людьми и финансами, плюс огромные богатства и «мозги», которые они уже многие десятки лет «отсасывают» из всех стран мира, и конечно же самые мощные вооруженные силы. Сегодня США — единственная супердержава.

Находясь в плену стародавних геополитических замыслов, США «оседлали» объективный процесс глобализации и сознательно его погоняют, ускоряют. Если перевести слово «глобализация» с затуманенного пиарщиками языка на простой, то его смысл сводится к американским представлениям о том, как должен быть устроен мир по крайней мере в XXI в. во всех отношениях — экономике, политике, социальной сфере, науке, культуре, образовании. Глобализация — это в сути своей даже не вестернизация, а *американизация* человечества. Это не синтез культур и их добровольное избирательное усвоение об-

щечеловеческого каждым народом, а насильственное насаждение, замена многих и разных культур одной, «универсальной» — американской. В том числе и в развитых западноевропейских странах. Да, они пользуются доверием США; да, им тоже достаются лакомые куски со стола глобализации. Но, по сути дела, им также отводится роль всего лишь протекторатов в строящейся американской мировой империи.

Сегодня совершенно ясно, что причиной глобальной вахты «всемирного полицейского» для США являлась не только агрессивность СССР, как говорилось некогда. Если бы это было так, то, выиграв холодную войну, США должны были бы снять с себя эту функцию: слишком дорого обходится ее осуществление. Но этого не произошло. По-прежнему существует НАТО; по-прежнему американские войска находятся в Германии, Японии и Южной Корее; по-прежнему американский флот контролирует мировую акваторию. Более того, теперь НАТО заняли важнейшую стратегическую позицию в Югославии и контролируют Европу, вошли в Афганистан, Узбекистан, Таджикистан — в самое «подбрюшье» России. Военная мощь США превосходит совокупную военную мощь 10 следующих за ними крупнейших держав мира. Трезвомыслящие российские военные аналитики считают, что США опережают весь мир на целое поколение войн. К 2010 г. они полностью перевооружат свою армию высокоточным оружием. Страна, которая сама признает, что ей никто не угрожает в военном плане, не сокращает, а с каждым годом увеличивает военный бюджет, который намного превысил цифру 300 млрд долл. Как и чем все это объяснить?

Только тем, что объектом стратегических интересов США является весь мир; что, встав в 1946 г. на автопилот холодной войны, страна по-прежнему продолжает этот курс. Концепция войны, ее формы, методы и средства изменяются, совершенствуются, но цель — создать ведомый США мир, основанный на превосходстве американской политической, военной и экономической мощи, а также на американских ценностях жизни, — остается неизменной. Америка никогда не согласится на положение «первой среди равных» даже в клубе развитых стран. Ее устраивает только роль доминирования, только роль гегемона, только однополярность.

Напомню некоторые высказывания президента США Дж. Буша-старшего, который еще в 1983 г. говорил: «Соединенные Штаты считают своим жизненно важным интересом предотвращение доминирования на территории Евразии любой враждебной державы или группы держав»[37]. Далее, уже в своих мемуарах, он пишет: «Мы просто обяза-

[37] Doyle M. Kant. Liberal Legacies and Foreign Affairs // Philosophy and Public Affairs. 1983. Summer. P. 205–235.

ны вести за собой... Мы должны обеспечить предсказуемость и стабильность в международных отношениях. Ведь мы — единственная держава, имеющая необходимые ресурсы и репутацию... Если Соединенные Штаты не поведут за собой, в мире не будет руководства»[38].

Позднее президент США Б. Клинтон во главу угла своей внешней политики поставил «стратегию вовлечения и демократического расширения», принятую в 1995 г., а еще ранее запустил «мотор» глобализации, стал ее яростным пропагандистом. Бывшая госсекретарем в его администрации М. Олбрайт откровенно заявляла: «Мы будем сохранять свое присутствие всюду, где есть необходимость в защите наших интересов»[39]. Уже в те годы расхожим штампом в американских СМИ стал термин «благожелательная гегемония».

Каким же способом осуществляется эта гегемония? Та же Олбрайт называла эти способы без всякого смущения: «Простая логика, экономические стимулы, техническая помощь, новые соглашения, обмен информацией, *насилие, угроза насилия, санкции, угроза санкций* — и любая комбинация вышеперечисленного»[40].

Почему Америка вступила в войну со всем миром? Зачем она взваливает на свои плечи задачу глобализации — «руководства этим миром»? Какой смысл для нее тратить уже сегодня огромные деньги на содержание могучей армии в качестве, как говорил начальник штаба армии Д. Раймер, «сил быстрого реагирования для глобальной деревни»? Ни о каком меценатстве и заботе о судьбах человечества не может быть и разговора. Все очень просто: *речь идет о борьбе за природные ресурсы, рынки сбыта и труда, географическое пространство, чистую воду и чистый воздух, которые уже в дефиците сегодня, а завтра их на всех просто не хватит. Кто-то должен будет умереть, а кто-то останется жить.* Кто? Какие народы и страны? Вот в чем дело. Никакой романтики. Чистый прагматизм, голый расчет: *идет битва за будущее*, и США хотят во что бы то ни стало быть победителями в этой битве. Ни в одной стране мира не спорят о будущем столько, сколько в США. И конечно же на глобальный вопрос «Кто должен выжить?» они отвечают однозначно: «Мы».

Глобализация ныне — это стратегия построения новой геоструктуры XXI в., это *политический* проект и план. Это своего рода социальное *изобретение* глобальных менеджеров США, представляющее собой одну из *новых форм войны нового типа*, целью которой является установление нового мирового порядка.

---

[38] Bush G., Scowcroft B. A World Transformed. N. Y., 1998. P. 566.

[39] Albright M. The Testing of American Foreign Policy // Foreign Affairs. 1998. November-December. P. 59.

[40] Ibid.

Важно подчеркнуть: глобализация в ее нынешнем варианте носит *паразитический* характер, ибо практически все выгоды от нее получают не более 30 из 200 стран мира, а если говорить точнее, то не более десятка стран: США, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Канада и немногие другие.

Например, американская экономика, как самая мощная в мире, «глобализируется» в наибольшей степени, поскольку извлекает из этого процесса *максимальные выгоды*. И прежде всего из-за проникновения на новые рынки. За десять лет (1987–1997) американский экспорт увеличился на 140%, и его вклад в экономический рост достиг 30%. В отдельных отраслях американской экономики эффект глобализации заметен особенно. Так, в моторостроении 47% занятых непосредственно связаны с работой на экспорт, в аэрокосмической отрасли и в производстве электронных компонентов — 44%, в добыче железных руд — 42%, на водном транспорте — 41%.

Общие «дивиденды», которые Соединенные Штаты получают от глобализации, очень высоки. Во-первых, *дешевый импорт* из развивающихся стран сдерживает инфляцию и тем самым способствует росту доходов, повышению потребительского спроса и как следствие — росту экономики. Во-вторых, открытость американской экономики, которая не боится экономик других стран, ибо превосходит их по своей мощности, способствует *притоку капиталов* и *квалифицированной рабочей силы* (прежде всего ученых и инженеров) из-за рубежа, что положительно влияет на экономический рост и, следовательно, на занятость населения. В-третьих, *рост экспорта* американских товаров также приводит к созданию дополнительных рабочих мест, часто высокооплачиваемых. В-четвертых, *вывоз капитала за рубеж* создает американским компаниям более благоприятные условия для функционирования: норма прибыли повышается, конкурентные позиции улучшаются. В конечном счете и это способствует укреплению американской экономики.

Но то, что выгодно небольшой группе стран и крупнейшим транснациональным корпорациям, возглавляющим глобализационный процесс, совсем не выгодно странам, которые являются объектами глобализации. Более того, опасно для них: рушатся национальные экономики, падает уровень отечественного производства, увеличивается зависимость от стран-экспортеров. Ни о какой *взаимозависимости* тут говорить не приходится — они попадают в полную зависимость. Ни о каком взаимодействии не может быть и речи — налицо доминирование, диктат. И только. Одним словом, для них потери намного превышают выгоды.

В этом виде глобализация несет миру множество катастрофических опасностей и угроз, не способствует разрешению мирового кризиса,

а значительно усугубляет его. Выступать в пользу такого процесса в высшей степени глупо и аморально.

Таким образом, выявились и столкнулись лоб в лоб две противоречащие друг другу тенденции мирового развития: либо (ради выживания всего человечества) отказаться от ныне действующей парадигмы его развития в ущерб богатым и передовым в техническом отношении странам, либо (ради выживания этих стран — 1/6 части, т. е. меньшинства человечества) поступиться интересами большинства населения планеты, силой навязать ему свою волю и выживать за его счет.

Парадокс ситуации заключается в том, что глобализация, как форма покорения мира, выдается ее идеологами и организаторами за способ его спасения; что странам, которые стоят во главе процесса глобализации, в то же самое время приходится ставить свои подписи под документами, которые прямо противоречат их стратегическим целям (например, под «Повесткой на XXI век»). Поэтому такого рода заявления, декларации, договоры, соглашения надо воспринимать не более как тактический ход, как уловку. Много лет назад богатые страны, входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития, приняли на себя обязательство перечислять 0,7% ВВП на развитие бедных стран. Однако лишь очень немногие выполняют эти обещания[41]. И это не США. Реальная политика и обстановка в мире подтверждают: под знаменем свободы они творят насилие; под лозунгами демократии устанавливают тоталитаризм; мир утверждают ракетами и кровью. О негативных последствиях такого рода глобализации не раз говорил папа Иоанн Павел II. Генеральный секретарь ООН К. Аннан видит в глобализации главный вызов нынешнего времени и находит в ней смысл при условии, если она будет осуществляться в интересах всего человечества, а не ради удовлетворения амбиций и интересов его несоразмерно меньшей части, оставляя в нищете миллиарды людей.

Выступая 2 октября 2002 г. в Йельском университете (США, Нью-Хейвен), К. Аннан отметил, что терроризм, антисемитизм, подозрительность и враждебность современного мира порождены не только нетерпимостью и невежеством, но представляют собой также «уродливые проявления выборочной, антагонистической глобализации».

---

[41] Annan K. A. Making Globalization Work for the Poor // The Handu, Chennai (Madras), 13.12.2000.

Человек — источник абсурда и надежды на истину

Все прогрессы реакционны,
если рушится человек!..
А. Вознесенский

Было бы ошибкой и несправедливостью возлагать вину и ответственность за абсурд происходящего с человечеством лишь на политиков, научную и техническую революции, которые его породили. Ведь что такое «политика», «НТР», «образование»? Абстракции высшего порядка, за которыми стоит Человек. Именно человек со всеми его победами и успехами, заблуждениями и ошибками, совершенными в процессе всей истории. В XX в. проблема человека и проблема человечества лишь проявились с такой остротой, которая достигла такого уровня катастрофичности, что стала очевидной для многих, в то время как в эпоху Возрождения, в XIV–XVI вв., ее только начали осознавать и обозначили наиболее образованные по тем временам личности Европы, и прежде всего Италии. Известно, что в ту пору зародился гуманизм, который сегодня понимается как «особый тип философского мировоззрения, в центре которого — человек с его земными делами и свершениями, с присущими его природе способностями и влечениями, с характерными для него нормами поведения и отношениями. В широком смысле слова гуманизм — доброжелательное отношение к человеку, утверждающее его свободу и достоинство независимо от каких-либо исполняемых им социальных функций и ролей, усматривающее в нем самостоятельный источник творческих сил. В современной научной литературе под гуманизмом понимается, с одной стороны, вся совокупность антропологических и гуманитарных наук, с другой — явление духовной жизни, выходящее по своим масштабам далеко за рамки одного лишь западноевропейского Возрождения»[42].

Известны все перипетии этого мировоззрения, которое начинало с того, что утверждало приоритет гуманитарного знания перед естественно-научным знанием и средневековой схоластикой. По словам Петрарки, одного из первых итальянских гуманистов, «к чему знать свойства зверей, птиц, рыб и змей, если не знать или не желать узнать природу человека, ради чего мы рождены, откуда приходим и куда идем»[43].

Главное открытие и важная заслуга гуманизма состояли в том, что он рассматривает человека как свободное существо, способное творить самого себя, придавать себе ту природу, которую он сам пожелает как субъект познания и деятельности, опирающийся в своих действиях на

[42] Новая философская энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 567.
[43] Цит. по: Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986. С. 45.

собственный разум и творческие потенции. Гуманистический идеал личности как свободной индивидуальности, способной к самосозиданию и творчеству, породил мечту об обществе, в котором эта способность будет полностью реализована в жизни, что привело к возникновению первых коммунистических утопий (Т. Мор, Т. Кампанелла и др.).

К. Маркс связал философию коммунизма с философией гуманизма. Он писал, что полностью развитый коммунизм — это гуманизм, что гуманизм есть отрицание Бога и полное утверждение человека.

Коммунизм выдвинул идею формирования гармоничной, всесторонне развитой личности, образования «нового человека», создал «Моральный кодекс строителя коммунизма». Итоги этого уникального социального эксперимента весьма неоднозначны.

В борьбе за «нового человека» для этого человека было сделано много хорошего — в здравоохранении, образовании и других областях социальной сферы. Немало хороших качеств укрепилось в самих людях. Но речь сейчас не об этом.

В одном произведении А. Платонова героиня по имени Настя твердо знала, что следует «плохих людей всех убивать, а то хороших очень мало». «Ты вполне классовое поколение, — радовался по этому поводу другой герой этого же произведения по фамилии Сафонов. — Ты с четкостью сознаешь все отношения, хотя сама еще малолеток. Это монархизму люди без разбору требовались для войны, а нам только один класс дорог, да и мы класс свой будем скоро чистить от несознательного элемента». «Враги народа», «несознательный элемент», люди с «отсталыми взглядами и буржуазными привычками», т. е. все, кто мешал строить «нового человека», разными способами «отсеивались». Народ «вычищали» так усердно и эффективно, что ни в чем не виновные, частью очень хорошие, лучшие и даже вполне «новые» (маршалы, партийные и государственные деятели) люди отрекались под пыткой от себя и своих семей. Объект воспитания, становясь «новым», переставал быть просто человеком.

Теперь, когда надо унизить идею гуманизма, тут же вспоминают эпоху сталинизма в СССР, национал-социализма в Германии, действительно страшные дела. Но заметим, что, по сути дела, утопическая идея «нового человека» имеет божественное происхождение, берет свое начало от Адама и Евы, которых Бог за их прегрешения изгнал из Эдема, а позднее, убедившись в греховности натуры их детей и всего потомства, уничтожил, устроив Всемирный потоп. Ной и его семья — вот прообраз «нового человека». Но что вышло из этой затеи у Бога?.. Известно.

Тогда божественную идею подхватили сами люди.

В 1762 г. Ж.-Ж. Руссо издал работу «Эмиль, или О воспитании». За религиозное вольнодумство она была приговорена к сожжению. Идея

Руссо, изложенная в его сочинении, гениально проста: ребенок может стать идеальным и совершенным, если его изолировать от порочной социальной среды. «Правда, как это сделать? — иронически спрашивал Руссо. — Разве что поместить его на Луну или на необитаемый остров?»

Тем не менее российская императрица Екатерина II восприняла эту мысль всерьез и немедленно учредила Московский воспитательный дом с целью создания «новой породы» людей. Поскольку «корень всему злу и добру воспитание, — полагала Екатерина, — ...единое токмо средство остается, то есть: произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу или новых отцов и матерей, которые б детям своим те же прямые и основательные воспитания правила вселить могли, какие получили они сами, и от них дети передали б паки своим детям; и так следуя из родов в роды, в будущие веки».

В ходе французской революции Робеспьер предпринял более масштабную попытку воплотить в жизнь идеи Руссо, сделав экспериментальной площадкой Францию, а объектом эксперимента — весь народ. Робеспьером был введен культ Верховного Существа. Декларировалось, что культ, достойный Верховного Существа, заключается в выполнении человеком его обязанностей. Из этих обязанностей он считал первейшими: ненавидеть нечестность и тиранию, наказывать тиранов и изменников, помогать несчастным, уважать слабых, защищать угнетенных, делать всем другим всевозможное добро и не быть ни к кому несправедливым. По сути, это было новое Евангелие, Кодекс строителя капитализма. Но пороки человеческие от этого не исчезли. Зло и несправедливость оставались. Тогда был применен террор «как самое эффективное средство управления и воспитания». Но и после этого люди упорно не хотели становиться «новыми»...

Анатоль Франс как-то заметил, что тот, кто жаждет насильно облагодетельствовать человечество, со временем приходит к выводу, что люди — это сущие обезьяны. И начинает рубить головы.

Через сто с лишним лет идею «нового человека» подхватила новая Великая революция — в России.

Но в те же годы и ранее о проблеме человека, тревожась о его судьбе, писали ярые противники социализма и коммунизма. В 1898 г. основатель социальной психологии Г. Лебон в книге «Психология толпы» писал, что «большинству великих европейских наций серьезно угрожает явное вырождение», ибо «удовлетворение постоянно растущих материальных потребностей стремится стать единственным их идеалом»[44].

[44] Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 135.

Н. А. Бердяев более всего опасался безбрежной рационализации сознания человека и потери смысла человеческого существования, чрезмерной веры в технику, т. е. безграничной власти над природой и человеком со стороны безличных социальных сил. Питирим Сорокин говорил о «чувственной культуре» индустриальной эпохи, обреченной на гибель вследствие разрушения системы подлинных ценностей. Б. П. Вышеславцев обращал внимание на то, что в позднеиндустриальном обществе человеку противостоит колоссальная организационная система — государство плюс современная промышленность, которые функционируют в собственных, часто весьма далеких от человека, а то и враждебных ему интересах, полностью превращают его в объект.

В первой половине XX в. в связи с «проблемой человека» разносторонней критике подверглось позднеиндустриальное общество. Х. Ортега-и-Гассет указывал на тенденцию варваризации общества как на результат «восстания масс», господства «массового человека». Р. Гвардини отмечал противоположность результатов деятельности современного человека его подлинно человеческим целям. О «проблеме человека» писали С. Сигеле («Преступная толпа», 1892); З. Фрейд («Психология масс и анализ Я», 1921); В. Вундт («Проблемы психологии народов», 1911) и др.

Сегодня мы видим, как охваченный беспокойством человек подвержен соблазну или отдать всю свою свободу всевозможным диктаторам, или потерять ее, превратившись в маленький винтик машины. Хорошо отлаженные механизмы технического контроля над природой, изысканные методы психологического управления личностью и быстро развивающиеся формы организационного контроля над обществом дорого стоят для человека. Изобретя все это в качестве средства удовлетворения своих нужд, человек сам стал для этих средств вспомогательным средством, сам стал проблемой.

Суть этой «проблемы современного человека» можно описать несколькими основными тезисами:

— превращенный в *элемент* сложной организационной системы, «человек массы» чувствует себя бессильным и одиноким. Он склонен к *простым и радикальным* решениям, к агрессии, насилию, «идолопоклонству», когда место подлинно человеческих ценностей занимают такие социальные феномены, как партии, государство, «свободный рынок», «демократия», техника, прогресс и даже мифы (среди них, например, миф о крови);

— масскультура, прямо враждебная *духовному* началу в человеке, формирует *стереотипы* сознания массового человека, его быт, потребности, поведение;

— в целях все большей продуктивности с помощью системы образования происходит неумеренная *специализация* человека, личности:

работник вынужденно становится специалистом в очень *узкой* области, что сужает его интеллектуальный и духовный уровень и увеличивает зависимость от сложных организаций. Эта тенденция усиливается. Для современной социальной науки характерны мелкотемье, надуманность исследовательских проектов. В неистовом желании знать «все большее о все меньшем» упускаются многие существенно важные вещи. Общество, прежде всего власть, все меньше интересуют фундаментальная социология и человек как таковой и все больше — эмпирические данные, прикладные исследования, позволяющие добиваться повышения производительности от отдельного индивида;

— так называемая информационная революция привела к тому, что человек вынужден едва ли не основную часть своего времени *разыскивать* и обрабатывать нужную ему информацию. К тому же человек чувствует себя еще ничтожнее, когда ему противостоит не только система гигантских предприятий, но и целый почти самоуправляющийся мир компьютеров, думающих гораздо быстрее, а нередко и правильнее его. В то же время он буквально завален ненужной, но *навязываемой* ему информацией, часто ущербной с точки зрения нравственных критериев;

— научно-технический прогресс обеспечил человеку, который *в нравственном* отношении является еще весьма незрелым существом, невиданную мощь, вплоть до возможности уничтожения самого человечества; отсюда угроза жизни на Земле (оружие массового уничтожения, экологическое варварство).

Каждый из этих тезисов, отдельных пунктов и понятий можно «развернуть» в обширную статью или книгу, да многие из них, собственно говоря, уже написаны. О «массовом человеке», «человеке толпы», «человеке-винтике» создана целая литература — художественная, философская, психологическая, социологическая. Пора писать его историю, ибо ее сегодня творит именно такой человек — униженный, оскорбленный, бессильный в одиночку повлиять на происходящее и, кажется, тянущийся к объединению в различные партии и организации, вместо которых на самом деле возникают относительно большие или малые «толпы». Ибо, как утверждал еще Г. Спенсер, «характер социального агрегата определяется характером единиц, его составляющих». Эти «партии» столь же манипулируемы и агрессивны, иррациональны и малоспособны к разумным и эффективным действиям, как и каждый их член в отдельности. Любопытных отсылаю к таким недавно вышедшим в России работам, как «Век толп. Исторический трактат по психологии масс» С. Московичи (М., 1996); «Агрессия» Р. Бэрона и Д. Ричардсона (СПб., 1999); «Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы» Ч. Маккея, вышедшей

в Москве в 1998 г., но написанной и опубликованной более 150 лет назад — в 1841 г. в Лондоне, и другим.

Сотни книг и тысячи статей написаны о поп- и массовой культуре, о кризисе образования, связанном с утратой им фундаментальности, об информационной революции, в результате чего возникла проблема избыточности информации, которая запутывает и стесняет собственное мышление человека, доводя его до отчаяния и нежелания разбираться в происходящем. Море литературы существует и по научно-техническому прогрессу, прогрессу человечества вообще.

Редко кто не согласен с тем, что изменить парадигму развития человечества невозможно, если не изменится человек. Человечество должно сойти с нынешнего пути, изменив вектор своего развития и способы достижения желанных целей, определение которых должно осуществляться *на основе измененной и вновь установленной иерархии и гармонии ценностей*, новой системы духовных установок.

Ведь что такое эти самые установки? Всего лишь специфические социально-психологические комплексы, особые оценки действительности, стереотипы, догмы и мифы, которые сформировались в течение столетий и особенно последних десятилетий, которые вдолблены в наше сознание и намертво вросли в него. Точнее, это извращенная иерархия ценностей. Ради некоторых из этих ценностей иные люди готовы на любые жертвы. Радикал-либералы, например, насмерть стоят за «священное право частной собственности», коммунисты — за «священное право общественной собственности». Ну а по сути — между ними нет особых различий. Ибо суть эта состоит в одном и том же: кто является владельцем земли и недр, машин и человека — отдельный хозяин или государство? «Мы» или «они»? Если «мы», то все и всем будет хорошо. Если «они», то плохо. Крайности сходятся, совпадают. Что первые и вторые делают с землей, недрами, машинами и человеком, которые выступают для них в качестве «средств»? Одно и то же — с их помощью добиваются максимальной продуктивности и богатства прежде всего (и главным образом!) для себя. Это и является для них высшей ценностью. Но этого почему-то многие не хотят замечать. А собака зарыта именно тут. Общество и государство не самосоздаются. То и другое — создается. Сознательно. По нашему замыслу. Это мы сами, ищущие выхода из тупика, стремимся к тому, что ценим, и создаем то, к чему стремимся. А не безличная «история», не «стихийный рынок», не «свободная конкуренция». Общество, государство и народ будут такими, какими мы их замыслим и осуществим. Если, скажем, действительной (хоть и не артикулированной) идеологией развития российского общества в годы «реформ» останется радикальный либерализм, вульгарный экономизм, безудержная погоня за прибылью, то страна неизбежно придет

к принципу: «максимальное количество продукции какой угодно ценой», т. е. к безудержной эксплуатации ничтожно малым меньшинством огромного большинства населения, что мы уже и наблюдаем.

Но как обойтись без экономизма, индустриализма, машинизма, материализма, если на научном и техническом прогрессе построена вся современная цивилизация? Речь конечно же не о том, чтобы ломать машины, уничтожать капитал, экономику. Еще раз: спасение видится в правильном установлении иерархии и гармонии ценностей.

Когда-то Ф. Ницше требовал и пытался осуществить переоценку всех ценностей и «упорядочение их по рангам». Высшую ценность, по его мнению, воплощает в себе великий человек, который и устанавливает ценности. Думаю, что история человечества после Ницше показала, что его вера в великого человека, способного облагородить и спасти мир, потерпела крах. Людей, которые претендовали на собственное величие и установление новой системы ценностей, было немало. Их имена и названия стран, которые они возглавляли, известны. Как известно и то, что получилось из этих попыток. Они трагичны. Беда в том, что во власть приходят вовсе не великие. За власть дерутся ничтожества, которых эта власть делает «великими», хотя по сути своей они в большинстве случаев остаются тем же самым, чем были в самом начале, — ничтожествами. У них есть возможность изменить систему ценностей, но если они начинают этим заниматься, то она получается не чем иным, как слепком ума и души их авторов.

В чем прав Ницше, так это в том, что высшую ценность воплощает в себе человек. Не «великий», а просто — человек. Прав, что необходима переоценка ценностей, но уже под этим углом зрения — при взгляде на человека как на высшую ценность.

Трагическая антиномия человеческого бытия как раз и состоит в том, что между назревшими целями и готовностью их осуществить часто возникают проблемы, которые человек не всегда умеет решать. Сегодня такой проблемой является *сам человек*, не способный взять на себя ответственность за судьбу человечества, стоящего на краю пропасти. Назрела необходимость *новой духовной реформации*, новой попытки исторического единения мира.

Это значит, что человек не должен покоряться судьбе, быть пассивным. Несмотря на все многоцветье палитры культур, на различие историй, географических и прочих условий обитания, у людей необходимо формировать *чувство общности, единое видение* того, что происходит на планете. В процессе самоорганизации человеческий Социум должен родить «нечто», что можно назвать Интегральным Интеллектом. Развитие средств информации и коммуникаций уже создает основу нового «общепланетарного мышления». Подобно тому как отдельные нейроны образуют систему — мозг, способный к интеллекту-

альной деятельности, так и человечество из великого множества людей превращается в систему, способную анализировать сложнейшее переплетение судеб и обстоятельств и находить выходы из, казалось бы, тупиковых ситуаций.

Хочется верить, что для преодоления настоящего и грядущего кризисов у человечества хватит мудрости и воли, хотя положительный исход совершенно *не очевиден*. Ведь на пути восприятия современной планетарной обстановки с общечеловеческих позиций стоят региональный, групповой и личный эгоизм, национальные амбиции, различного рода фундаментализмы, догмы и стереотипы мышления, о чем уже говорилось. Смогут ли интегративные тенденции воплотиться в единый общепланетарный защитный организм? Смогут ли позитивные, интегративные тенденции обогнать разрушительные процессы в природе, обществе и человеке, которые ведут к концу истории?

В решающей степени это зависит от направляющего влияния Интегрального Интеллекта планетарного сообщества, роль которого состоит в его способности предвидеть возможные кризисы, ощущать край той пропасти, к которой человечеству нельзя подходить. Целью Интегрального Интеллекта должны стать *разведка альтернативных путей развития*, выявление опасностей, подстерегающих человеческое сообщество, поиск путей и новых концепций, позволяющих избежать краха.

Эту высшую задачу призваны решать различного рода международные организации, и прежде всего такие, как Организация Объединенных Наций и ЮНЕСКО. Они призваны стать вершиной пирамиды Интегрального Интеллекта планетарного сообщества. Сердцевиной этой организации мог бы стать некий «Совет мудрецов», интеллектуальный, профессиональный и моральный имидж которых абсолютно безупречен. Их основная задача — не управлять миром, а формировать *исследовательские программы и программы просвещения*. Человечеству надо знать варианты возможного развития процессов, преодоления возникающих противоречий и проблем. Эти знания должны становиться достоянием всего многомиллиардного населения планеты.

Отметим, что при всем этом человечество в *жестоком цейтноте*. Времени на постепенную и длительную переделку сознания поколений просто нет. Несколько десятилетий — вот все, чем мы располагаем. Уже входящее в жизнь новое поколение должно *вполне* осознать реальность глобальных угроз и неотвратимую необходимость перемен, более того — начать эти перемены в таких масштабах, которые позволили бы в обозримом будущем сказать: старые тенденции остановлены, новые процессы запущены. Если не говорить обветшавши-

ми от частого употребления словами «революция» и «реформа», то предстоящий процесс можно бы обозначить каким-то новым словом, например *«рефолюция»*, смысл которого должен отразить процесс замедленной, менее разрушительной и более созидательной революции, менее консервативной и более новаторской, ускоренной реформы, когда все изменяется и в то же время все достойное существования не разрушается бездумно и не исчезает. В жизненных процессах отсекаются крайности, они *оптимизируются* за счет сглаживания противоречий на основе философского реализма. Гамлетовский вопрос «быть или не быть?» человечество решает не через противоположность «или — или», а через рядоположность «и — и». Пусть будут Христос, Будда и Магомет. Материализм и идеализм. Либерализм и социализм. Пусть существует все, что имеет жизненную основу и способно выжить. Пусть будет многообразие. И ничего «одного-единственного», «единственно верного», «окончательного». Терпимость, взаимопонимание, справедливость, солидарность — вот главные, исходные составляющие, на основе которых только и сможет установиться новое мышление, мир в умах и в отношениях людей, государств и народов. Оправдание такого подхода и такой философии весьма убедительно. У этих принципов нет альтернативы, кроме гибели.

Пафос идей нового мышления обращен, безусловно, ко всем живущим, однако более всего — к детям и молодежи, чье сознание еще не слишком «зациклено» на мифах и догмах прошлого, и прежде всего — к будущим, еще не родившимся поколениям. Таким образом, новые поколения, молодежь объективно оказываются в роли исторического субъекта, на долю которого выпадает миссия осуществления глобальных перемен в развитии человечества на основе новой философии жизни.

Мы должны смотреть в будущее, зная, что в схожих ситуациях человечество уже бывало, духовная реформация для него — не такая уж новость.

К. Ясперс считал, что первая попытка духовного единения мира была осуществлена в последнем тысячелетии до нашей эры: между 800 и 200 гг. Для обозначения этого исторического периода Ясперс использовал термин «осевое время». В ту пору в трех древних цивилизациях — Индии, Китае и Греции — начались похожие исторические изменения. Анализируя их, К. Ясперс выделил *четыре периода в человеческой истории*: 1) прометеевскую эпоху: возникновение речи, появление орудий труда, использование огня; 2) эпоху великих культур древности: письменность, магическая религия, государственность; 3) *осевую эпоху*: формирование человека в его духовной открытости миру; 4) эпоху науки и техники: мир как единая сфера общения. При

этом Ясперс указывает на «два дыхания» мировой истории. Первое дыхание — это прометеевская эпоха, великие культуры древности и осевое время. Второе дыхание начинается с эпохи науки и техники (второй прометеевской эпохи) и, возможно, приведет «к новому, еще далекому и невидимому *второму осевому времени, к подлинному становлению человека*».

Символическим выражением осевого времени стали философы, отваживающиеся «противопоставить себя всему миру»: Будда в Индии, Конфуций и Лао-Цзы в Китае, Заратустра в Иране, Гомер, Гераклит, Парменид, Платон, Аристотель в Греции, пророки Илия, Исайя, Иеремия и Второисайя в Палестине. Эти мыслители совершили необычайный духовный прорыв, попытавшись расширить границы индивидуального человеческого существования и заглянуть в будущее. Благодаря этому был совершен переход от мифологического мышления к логосу — рациональному и разумному объяснению мира.

К. Ясперс дал яркую характеристику духовной жизни той эпохи, отметив схожее с нынешним обостренное ощущение надломленности человеческого бытия, *ожидание мировой катастрофы*.

Сегодня человечеству пока не хватает того, что проявилось в те древние времена: духовного подвижничества, преобразовательного энтузиазма, стремления к духовному братству, к единству и взаимопониманию. Великая дерзновенная цель «осевого времени» — *«превратиться в настоящих людей»* — еще не волнует современное человечество. Поэтому перспектива второго осевого времени весьма проблематична. С одной стороны, перед лицом глобальных проблем осевое время кажется неизбежным: только объединившись и осознав себя в качестве единого субъекта, человечество может выйти из кризиса. Стремление решать глобальные проблемы в одиночку (как это пытается делать Запад) лишь усугубляет кризис и приближает роковую развязку.

В то же время прецедент «осевого времени» *демонстрирует возможность духовного единения человечества*. Если в трех древних, почти не соприкасавшихся, культурах возникла когда-то *единая атмосфера* дерзновенных духовных устремлений, то это позволяет надеяться на сохранение такой возможности в будущем. Ясперс был прав, утверждая, что *возможность входит в историю через человеческую мысль о ней*.

Речь сейчас идет не только о единении экономик, интеграции государств и национальных политик. Это само собой. В данном случае я говорю о едином понимании глобальных угроз человечеству как элитой, так и широкими массами, о признании ими — в качестве рациональной идеи преодоления мирового кризиса — необходимости мобилизации, развития и эффективного использования всех сущест-

вующих ресурсов человечества (природных, экономических, финансовых, управленческих), но прежде всего главного из всех ресурсов — человеческого. Во все века, когда над той или иной страной сгущались тучи, великие политики, государственные деятели и полководцы поступали одинаково: они мобилизовывали ресурсы, сосредоточивали силы, вдохновляли народ.

Сейчас тучи собрались над всем человечеством, и самые грозовые — над нашей страной. Мобилизация человеческих ресурсов понимается мною как задача интеграции и развития человеческого потенциала (интеллект, знания, характер, прежде всего воля, продолжительность жизни). Это самый очевидный момент. По этому поводу уже много сказано. Около 10 лет назад ООН ввела особый индекс, позволяющий оценивать уровень развития человеческого потенциала в каждой стране (ИРЧП). С 1995 г. такой индекс выводится и по России. Картина печальная — в 2000 г. мы оказались в седьмом десятке из 126 стран, которые обследует комиссия ООН.

На проблему человеческого потенциала можно, конечно, смотреть, как это и делают эксперты ООН, с точки зрения *достигнутого уровня*. Этот уровень предопределен уровнем социально-экономического развития той или иной страны, количеством денежных средств, которые расходуются на образование, здравоохранение, питание и другие бытовые нужды населения. Итогом такой оценки является рейтинг стран, где впереди — развитые, а позади — отсталые, развивающиеся и неразвитые. Вся «динамика» от года к году сводится к изменению мест в этой иерархии среди первой и второй групп стран. Но ясно, что никогда «последние не станут первыми». При таком подходе политика в развитии человеческого потенциала есть «искусство возможного», а это «возможное» хорошо известно, ограничено, задано прошлым. Таков традиционный подход.

Но человек «вообще» есть не только то, что уже проявилось в нем и что можно измерить, выразить с помощью цифр. Человек есть то, что он сам о себе представляет, и то, чего он не знает о себе, но что живет в нем.

Конкретный человек в данный момент жизни — существо ограниченное генетически, а также теми предшествующими условиями, в которых он развивался и творил (или не творил) самого себя. В большинстве случаев человека формируют обстоятельства, из которых он не может или не хочет «выпрыгнуть» — нет стимулов. Определяя ИРЧП, мы сегодня замеряем, по сути дела, стихийно сложившийся результат, то, что получилось.

Но что *могло* бы получиться? Что *должно* было получиться? Что мы *хотели* бы получить? В чем наш *замысел* человека? Каким мы хотим его видеть, каким он должен быть, чтобы дать ответы на вызовы века?

Каков мыслимый ИРЧП? В какой момент взросления и жизни человека остановили в его развитии? Когда и почему он сам остановился?

Почему и когда возникает проблема «нового человека»? Всякий раз, когда затевается радикальная ломка старого порядка и перед обществом возникают принципиально новые задачи. Потому что для совершения глобальной перемены необходима некая *критическая масса людей*, которые выступают за эту новую перемену, принципиально отвергая прежний, устаревший и изживший себя порядок вещей.

Историю творят не боги, а люди. При всей несомненной и огромной роли личности история делается *количеством и качеством людей* на всех уровнях управления, во всех сферах общества. Ни ссылка на божественное провидение, ни концепция истории как уже осуществленного и все еще реализуемого общемирового или общероссийского заговора (при том, что в пользу такого взгляда говорит немало фактов, что отчасти он имеет место быть и весьма соблазнителен как способ объяснения происходящего) не могут устроить того, кто ищет всеобъемлющую истину. Во всем этом есть только ее зерна, крупицы, части, стороны, грани. Закулисные руководители, манипуляторы и те, кто помогает строить «закулисье» и манипулирует, влияют на ход событий. Но в главном общественно-исторический процесс складывается на основе познанных и пока неизвестных нам закономерностей, которые проявляются как сумма деятельности людских единиц (личностей) и масс.

Перестройка и «реформы» в России, например, с самого начала уперлись в вопрос: кто будет их совершать? Те, кто правил и жил в прежние времена? Но они же «старые», думали зачинатели перемен, и, значит, все новое будут делать с оглядкой в прошлое. Нужны, полагали они, именно «новые» люди, не связанные с прошлым ни взглядами, ни делами. Так возникло нечто вроде клуба «молодых реформаторов», хотя этим молодым было уже под 40, а то и крепко «за». Но мыслилось, что они якобы несут в себе «новое зерно»: новые знания и мысли, новую энергию. «Новые люди»! Хотя вся новизна их заключалась в безоговорочной преданности «новым» задачам и правилам политической игры, «новым» по занятым должностям и старым по возрасту вершителям судеб России.

Вскоре появилось еще одно выражение подобного рода — «новые русские». И дело не только в том, что это понятие в основном возникло из-за желания честных, порядочных и культурных граждан отделить от себя разных нуворишей. Было в этой кликухе и что-то существенное, реальное, знаковое. «Новые русские» — в основном мелкие предприниматели и представители среднего бизнеса, среди которых водилось и водится немало шпаны, — были, тем не менее, действительно «новыми», кое в чем важном для экономики и жизни вооб-

ще. Агрессивно-активные, безудержно предприимчивые, циничные-прагматичные, нацеленные на успех в своем «бизнесе» любой ценой, а в конце концов — на деньги. Уже достаточно состоятельные и не скрывающие своих богатств, которые далеко не всегда были добыты праведными трудами. Таких людей в стране прежде не было. Их презирали и презирают, ненавидели и ненавидят. Но они едва не стали основой того самого «среднего класса», который, говорят, придает обществу стабильность и устойчивость, да только большинство из них подкосил дефолт 1998 г.

После августовского кризиса их количество заметно поубавилось, и экономическая, во всяком случае торговая, жизнь стала замирать. Иначе говоря, в принципе-то и такие люди нужны. Правительство осознало, что без миллионов людей — без критической массы предпринимателей среднего и малого бизнеса — никакие реформы в России невозможны. Была принята программа переподготовки предпринимателей за рубежом. Действовали различного рода фонды типа «Кадры реформы». Осуществлялся крупный проект по подготовке и переподготовке предпринимателей малого и среднего бизнеса («Морозовский проект»), в котором наш вуз — Московская гуманитарно-социальная академия был одним из участников. Но по большому счету все это было суетой, не имеющей серьезного значения. На самом деле эту проблему — проблему новых кадров, а в известном смысле и «нового человека» — призвана и должна решать конечно же семья, но в первую очередь российская школа — средняя и высшая. Это была задача воспитания *жизнеспособных поколений* российской молодежи, по поводу чего еще в 1993 и 1995 гг. я с группой исследователей молодежи подготовил два специальных доклада Правительству РФ[45], из которых первый просто проигнорировали, а второй отклонили на заседании Правительства под председательством В. Черномырдина и запретили рассылать в региональные комитеты по делам молодежи, посчитав сей доклад «очернительским». У меня лично и у вуза, ректором которого являюсь, есть интересная история о том, как мы боролись за то, чтобы воспитательная функция, изъятая в начале 90-х годов из школ и вузов волей новой власти, была возвращена на положенное ей место, с тем чтобы в России нарождались, росли и развивались новые поколения детей и молодежи, достойные своих предков и великого прошлого нашего Отечества.

Так что же с «новым человеком»? Может, сразу оставить в стороне эту задачу? У истории надо учиться. Но в том-то и дело, что такие по-

[45] См.: Молодежь России: тенденции, перспективы / под ред. И. М. Ильинского, А. В. Шаронова. М., 1993 ; Молодежь: будущее России / под ред. И. М. Ильинского. М., 1995.

пытки, по моему убеждению, необходимо с маниакальной настойчивостью продолжать. Просто потому, что альтернативы нет. Другой вопрос — цели, формы и методы, сроки. Очеловечивание, одухотворение человека — дело неимоверной сложности и трудности. Но если им не заниматься, мир озвереет. Дух человеческий растет невероятно медленно, а утрачивается гораздо быстрее.

Верно, что немногие люди от природы наделены даром добродетели, т. е. расположением духа, делающим человека способным действовать во имя добра — творить истину, справедливость и мир. Но справедливо также думать, что немногие люди и порочны от рождения. Большинство людей пребывают в расположении духа, которое можно охарактеризовать как пограничное («не-порок», «не-добродетель»). То есть при известных условиях они могут встать на добродетельный или, наоборот, порочный путь.

Главный тезис новой глобальной парадигмы и стратегии развития России: *человек — это ведущий, определяющий фактор всех социальных процессов и перемен*. В том числе и экономической реформы. Все, что есть в обществе, имеет человеческое происхождение, содержание и измерение. Любые перемены буксуют и валятся там, где в них крайне мало человеческого начала, мал объем человеческой деятельности, мала критическая масса людей, которые активно участвуют в политике и экономике. Скажем, сегодня в России едва ли не вся социальная материя сопротивляется переменам. Огромное, в высшей степени сложное дело, каковым является происходящая глобальная перемена, пытается осуществить небольшая группа технократически ограниченных, идеологически зашоренных, нетерпимых к иному взгляду и иной мысли, порой просто невежественных людей.

Человеческое измерение истории означает, во-первых, что главным действующим лицом оздоровления и развития общества должен стать народ; во-вторых, исходным пунктом и основным критерием успеха перемен должны стать интересы основной массы людей, их социальное самочувствие. Должен происходить хотя бы небольшой, но ощутимый и постоянный рост уровня жизни, особенно обнищавшей и бедной части населения.

Динамичные общества вынуждены обращаться к молодежи. Если они не делают этого, то революции и реформы вскоре захлебываются. Старшие поколения могут лишь составить проект будущего, замыслить социальную перемену, дать ей толчок. Времени их человеческой жизни, жизненного потенциала на большее не хватает. Молодежь лишь частично включена в существующие общественные отношения и структуры, у нее практически нет собственного прошлого, ее сознание более открыто переменам. Умные, дальновидные реформаторы не могут не видеть в молодежи обновляющую силу, оживляющий ин-

новационный элемент, интеллектуальный, духовный и энергетический резерв, который выступает на передний план и вводится в действие, когда обществу надо произвести глубокую и быструю перемену и в то же время хорошо приспособиться к быстро меняющимся и качественно новым обстоятельствам.

В этом и состоит основная социальная функция молодежи в обществе. Это требует огромной просветительской и образовательно-воспитательной работы, *опережающего перспективного развития новых поколений*, ибо только авантюристы могут обещать, что выведут страну из кризиса за несколько лет. На это, увы, уйдет жизнь поколений. И потому основной объект в реализации идеи опережающего перспективного развития — дети и молодежь.

Я не желаю своим внукам того будущего, которое грезится фанатам технотронной и информационной эры. Я хотел бы для них чего-то более человеческого. При всей громадной важности такой стороны нашего бытия, как материальное благополучие, есть вопросы не менее, а может, более важные. Скажем, вопрос о том, будет человек развиваться или будет деградировать? Сохранится он в природе как вид или исчезнет вообще? Вопрос сегодня стоит именно так. И даже если исключить из рассмотрения этот возможный трагический финал, если мыслить будущее в категориях «развитие» и «прогресс», то остаются вопросы о том, *как* будет проходить развитие человека, *какие* собственно человеческие качества будут совершенствоваться в результате следования человечества по тому или иному пути. Ведь набор свойств человека, отличающих его от других представителей животного мира, к которым он принадлежит, хоть и значителен, но не столь уж велик. И каждое качество имеет уникальное значение. При всей многозначности самого понятия «человек» («человек разумный» — Homo sapiens, «человек производящий» — Homo faber, «человек символический» — Homo symbolicum, «человек экономический», «человек политический» и — наконец! — «человек чувствующий», «человек духовный», «человек нравственный») — самое главное, в конце концов, чтобы (для начала) он продолжил свое физическое существование.

Один из видных отечественных специалистов по философской антропологии Б. Т. Григорьян перечисляет такие признаки: биологическая неприспособленность человека при рождении к какому-то чисто животному существованию; особое анатомическое строение человека, необычная пластичность его поведения; способность человека производить орудия труда, добывать огонь, пользоваться языком. Лишь *человек обладает традицией*, памятью, *высшими эмоциями*, способностью *думать*, утверждать, отрицать, считать, планировать, рисовать, фантазировать. Только он может знать о своей смертности, *любить в подлинном смысле этого слова*, лгать, обещать, удивляться, молиться,

грустить, презирать, быть надменным, зазнаваться, плакать и смеяться, обладать юмором, быть ироничным, играть роль, *познавать*, опредмечивать свои замыслы и идеи, воспроизводить существующее, известное ему, и создавать нечто новое, не существовавшее ранее в условиях данной ему действительности[46].

В тексте мною не случайно выделены несколько исключительно человеческих качеств: «обладание традицией», «высшие эмоции» (совесть, честь, долг, обязанности и т. д. — *И. И.*), «способность думать», «любить в подлинном смысле этого слова», «познавать». Среди педагогов, психологов и социологов доминирует взгляд, что «современный» человек все более утрачивает их, не успев развить. Можно ли поверить в это? Ведь слов по этому поводу произносится немало. Но и не много. Гораздо меньше, чем следовало бы. В «массовой» литературе, «массовых» песнях, «массовом» кино проповедуются совсем иные ценности, и хотя звучат слова «любовь», «долг», «честь», но с искаженным и перевернутым смыслом. Все менее человеческого и в образовании. Но даже то, что культура и образование пытаются сохранить и развить в человеке, во многом нейтрализуется и уничтожается тяжелым прессом абсурдной действительности, в понятие которой я включаю не только быт и среду обитания человека, но также виртуальную реальность, создаваемую значительной частью деятельности почти всех средств массовой информации. Они же, реальная действительность и виртуальная реальность, в конечном счете создаются вовсе не самопроизвольно, а в результате познавательной, образовательной и практической деятельности множества отдельных личностей, государственных, общественных, частных и других организаций в рамках той философии (концепции) развития, которую они исповедуют.

Экономическая, финансовая, информационная, технологическая глобализации, сделав бешеный рывок в конце XX в., ныне уперлись в *Человека*. Уже в самом начале *ускоренная* глобализация на наших глазах начинает пробуксовывать: и как доктрина, и как реальный процесс она уже встретилась с сопротивлением правительств некоторых стран и народов, имеющих свои представления об идеалах и ценностях жизни, настоящем и будущем человечества. Проект насильственного внедрения *универсальных* неолиберальных ценностей столкнулся с *многообразием* национальных культур, которые не намерены сдаваться и умирать. Тем более, как стало понятно в конце XX в., эти самые *западные ценности*, властвовавшие над почти половиной человечества и позволившие сделать огромный рывок в научно-техническом и экономическом развитии, показали свою *стратегическую уязви-*

[46] См.: Григорьян Б. Т. Понятие о человеке в современной философии // О человеческом в человеке. М., 1999.

мость и порочность. Человеческий материал сопротивляется, не поддается насилию. Более того, отвечает насилием на насилие.

Начало XXI в. ознаменовалось окончательным оформлением и проявлением 11 сентября 2001 г. такого страшного социального феномена, как международный терроризм. По сути дела, это силовой ответ на силовую глобализацию. На мой взгляд, сущность международного терроризма может быть понята только в таком широком, социально-политическом контексте. Все иные аспекты — этнический, религиозный, психологический — представляют лишь обрамление этой сущности, но не ее ядро.

В журнале «Хроника ООН» (2002. № 1. С. 7–17) под рубрикой «Всего одна мысль» приводятся любопытнейшие высказывания 188 ораторов, выступавших в ноябре 2001 г. с трибуны 56-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, обсуждавшей вопросы международного терроризма (в том числе 42 глав государств и правительств, 9 заместителей премьер-министров и 96 министров иностранных дел). Из каждого выступления представлено буквально три-пять строк, в которых выражено понимание тем или иным выступавшим причин и сущности терроризма. Подавляющее большинство, несмотря на весь дип-ломатический протокол, который принято соблюдать в таких случаях, в качестве причин терроризма назвали бедность, нищету, неравенство и социальную несправедливость. «Народ Конго просит только о справедливости, как для слабых, так и для сильных, как для богатых, так и для бедных», — заявил Д. Кабила, президент этой республики.

Совсем иная тональность прослеживается в речах представителей развитых стран. «Террор силен тогда, когда слаб антитеррор, — заявил Ш. Перес, заместитель премьер-министра Израиля. — Террор не служит ни справедливости, ни достижению каких-либо целей. Это не лекарство — это болезнь». И только Йошка Фишер, заместитель канцлера Германии, набрался смелости сказать, что «борьба... против терроризма должна основываться на сознании того, что Первый мир не может сколь-либо долго оставаться в безопасности и изоляции от тенденций и конфликтов Третьего мира». В этих словах есть явный намек на то, что «Первый мир» в 1992 г. подписался под «Повесткой дня на XXI век», вполне отдавая себе отчет в том, что Великий Отказ от нынешнего пути развития неизбежен, что рано или поздно придется пойти другой дорогой. Но одно дело — признать это на словах, на бумаге, другое — добровольно и сознательно решиться на практические шаги.

Становится все более понятным, что никакая сила — ни деньги, ни армия, обладающая сверхсовременным оружием, не в состоянии перебороть такую духовную субстанцию, которой обладает каждый на-

род, как образ и *тип мышления*, или, как модно сейчас говорить, *национальный менталитет*. Складываясь исторически, в течение столетий, этот менталитет является продуктом всего традиционного образа жизни, религии и системы образования данного общества. Именно менталитет определяет глубинные основы индивидуального и коллективного поведения представителей той или иной нации. В данном случае именно национальный менталитет определяет отношение народов, стран и отдельно взятых людей к глобализации.

Десятилетие «реформ» в России показало, например, что невозможно эффективно управлять обществом и добиться положительных результатов, не считаясь с менталитетом российского народа. Несложно понять и то, что невозможно достичь какой-то даже самой светлой цели на международной арене, не считаясь с многообразием национальных менталитетов. Или — не изменив образ мышления этих народов.

Надо признать, что ментальная несовместимость людей и народов является поистине *трагедией и бичом* современного мира. Она еще надолго останется таковой. На протяжении всей истории человечества разъединяющие, центробежные силы явно преобладали над силами объединяющими, интегрирующими, центростремительными. В XX в. итогом такого противоречия стали две мировые войны, холодная война и нынешняя мировая война нового типа. Разнонаправленные ценности, интересы и потребности стран и народов означают, что у каждого из них — своя правда, свои представления о том, что такое добро и зло, истина и ложь, справедливость и несправедливость, свои взгляды на цели, средства и способы разрешения сложившихся противоречий. Дезинтеграция, противостояние, вражда и ненависть, агрессивность и насилие породили международный терроризм, ставший одним из основных средств разрешения межгосударственных, межрелигиозных и межнациональных споров цивилизационного масштаба. И европейская научная мысль подбрасывает в этот костер все новые, совершенно безумные идеи.

В 1975 г. в Германии вышла книга Е. Браунмюля «Антипедагогика. Очерки к упразднению образования»[47], хотя близкие идеи развивались и ранее[48]. Представители антипедагогики радикально *отвергают необходимость воспитания и образования*, которые якобы тоталитарны и нацелены на деперсонализацию, враждебны детям, людям и всей жизни. Они характеризуют воспитательный акт как смерть, как

---

[47] Braиptühle E. Antipädagogik. Studien zur Abschaffung der Erziehung. Weinheim — Basel, 1975.

[48] Излагается по статье А. П. Огурцова «Постмодернистский образ человека и педагогика» (Человек. 2001. № 3. С. 5–17).

промывку мозгов и души человека: «Нет педагогики, которая не была бы более или менее явным террором». Воспитание в интерпретации Браунмюля означает подавление ребенка взрослым, которое основано на страхе и на подчинении его чуждым нормативным представлениям. Воспитание и образование — это-де способы манипуляции, которые предполагают, что взрослый лучше знает, что нужно ребенку, что ему полезно, а что нет.

Антипедагогика исходит из определенного образа ребенка: ребенок со своего рождения сам знает, что для него является благом, и знает лучше, чем взрослый. Молодой человек не является воспитуемым существом (homo educandus). Эта мысль выражена в одном из основных принципов антипедагогики — принципе спонтанной автономии ребенка.

Свою концепцию представители антипедагогики называют концепцией *«открытого образования» и «самоопределяемого обучения»*. Из нее вытекают соответствующие следствия — прежде всего представления об основной цели антипедагогики: «поддерживать, а не воспитывать»... Поддержка, как форма отношения между учителем и учеником, основывается на понимании того, что ребенок лучше, чем его родители и тем более учитель, знает, что ему нужно на любой стадии его жизни. Швейцарский педагог Ю. Райхен проводит различие между образовательным цехом и «свободным преподаванием», в котором школьник сам принимает решения о содержании образования, его целях, методах и формах. Антипедагогика полностью порывает не только с традициями образования и воспитания, но и со всей культурой: «Антипедагогика осуществляет *слом существующей культуры*», — писал Шенебек. М. Винклер в своей книге «Лозунги антипедагогики»[49] заметил, что антипедагогика *отрекается от историчности и преемственности поколений*, благодаря которым молодое поколение может стать взрослым, лишь включаясь в связь традиций, используя опыт и знания более старого поколения в воспроизводстве и производстве общественного наследия и человеческого рода.

Согласно представителям антипедагогики современная социальная ситуация выражена в плюрализме ценностей и интересов, в их конкуренции и в *отсутствии какого-либо консенсуса*. Современное общество — это общество *без фундаментальных ценностей*, поэтому преподаватель не имеет права признавать какие-то общезначимые цели воспитания и образования, которые, в свою очередь, основываются на общезначимых ценностях и нормах. Это означает, что в условиях современного общества воспитание и образование потеряли свой смысл.

---

[49] Winkler M. Stichworte zur Antipädagogik. Stuttgart, 1982.

Антипедагоги считают, что необходимо *отказаться от поиска какой бы то ни было устойчивости в бытии человека*. Вместо усилий мысли — спонтанность, вместо ответственности — произвол, вместо регулятивных норм — консенсус, вместо ценностей — договоренности, не имеющие обязательного характера и не предполагающие доверия и ответственности, вместо реальности — симулякры, вместо интенциональности — коммуникативность, вместо истины — убеждение. Таково кредо постмодернистской философии вообще и постмодернистской философии образования в частности.

Размышляя на подобные темы, организатор и первый президент Римского клуба Аурелио Печчеи пришел к выводу о том, что необходима *«человеческая революция»*, сущность которой состоит в искусственном осознании человечеством надвигающейся угрозы его физической гибели путем смены ценностных ориентиров развития[50]. Человеческая революция — это «трансформация человека», «глубокая культурная эволюция», способная «поднять его качества до уровня, соответствующего новой возросшей ответственности человека в этом мире», «это возрождение человеческого морального начала в момент великого бедствия»[51].

По своей сути «человеческая революция» является своего рода апофеозом всех предшествующих революций: промышленной, научной и технической, она предполагает «этическое, философское и гуманистическое обновление человеческой мысли и культуры в целом», что означает необходимость переоценки ценностей, господствующих в современном индустриальном обществе, т. е. необходимость отказа от ориентации на «обладание» и первоочередное удовлетворение материальных потребностей. Взамен предлагаются ценности духовного плана: стремление человека быть хозяином своей судьбы, участвовать в жизни общества, свобода развивать свои таланты и способности, жить в гармонии с окружающими людьми и природной средой. «Мы должны сосредоточить усилия на том, чтобы сделаться лучше, как этически, так и в природном существовании, если мы готовимся жить в новом мире, который мы создаем».

Устойчивое развитие: утопия и категорический императив

На фоне всего, что я уже сказал, рассуждения об «устойчивом развитии» выглядят утопией. Допустим.

---

[50] Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985. С. 311.

[51] Peccei A., Ikeda D. Before it is Too Late. Tokio etc., 1984.

Но почему и когда возникают социальные утопии? Потому и тогда, когда особенно непереносимо начинает ощущаться неприемлемость существующего мира, необыкновенно остро встает вопрос о социальной гармонии и социальной справедливости. И что же тут плохого, что люди (как правило, выдающиеся) начинают размышлять по поводу альтернатив настоящему? Утопия и ныне имеет огромное познавательное значение даже на фоне тех возможностей, которые открылись в век НТР в вариативном прогнозировании будущего. Это несомненно, несмотря на то что в годы идеологической борьбы с коммунизмом на Западе велась огромная работа по дискредитации утопий и созданию антиутопий как способа борьбы с ним. Идее социализма нанесен нокаутирующий удар, социализм как реальность резко сократился в масштабах. Однако еще существуют Китай, Куба, КНДР и немало социалистических партий: только в России их три. Не случайно.

Нельзя не признать, что самим фактом своего существования социализм во многом изменил облик своего «оппонента» — капитализма, сделал его более человечным и эффективным. Не говоря уж о том, что блестяще продемонстрировал миру возможности решения некоторых социальных проблем, в частности развития образования. Одним словом, невозможно отрицать и позитивное влияние социализма на историю. Другое дело, что социальный утопизм несет в себе опасность того, что по мере движения к идеалу все действительное и реальное, включая и самого человека, ради которого они отвергаются как несовершенные, превращаются в средство достижения цели. Что из этого выходит, когда движение к ней осуществляется логично и последовательно, хорошо известно, в том числе из истории нашей страны.

Да, идея социализма крепко скомпрометирована. Но потребность в социальной справедливости и солидарности, возможности видеть в «другом» не волка, а человека и друга, надеяться на помощь и поддержку «всех», когда трудно «одному», такая потребность не испарилась. Не имея общего выражения ни в идее, ни в реальности, она гнетет ум и душу. Глубокое (явное или скрытое) разочарование владеет сейчас множеством людей в мире. И не бытовое, ситуационное, а мировоззренческое, экзистенциальное. Обнаружились неустранимость противоречия между равенством и свободой, «неконкурентоспособность» добра в сравнении со злом как источником активности. Миллионы людей чувствуют это невероятно остро, лелеют надежды на возможность жизни в обществе, где нет разительной поляризации бедных и богатых, где отношения между его членами определяются не частными, а общими интересами, когда альтруизм превалирует над эгоизмом. Почему же? Ведь, скажем, российские граждане живут

в другом, теперь уже капиталистическом, «естественном», «открытом» обществе?[52] Да потому, что и капитализм в его либерально-демократическом исполнении, дав человечеству очень много положительного, прогрессивного, вовсе не является совершенным обществом, последним словом истории. Он не что иное, как обыкновенная утопия, которая пока все еще жива, но уже исчерпала себя и выродилась в нечто такое, что Дж. Сорос называет «рыночным фундаментализмом». Сорос выдвигает и обосновывает свою утопию — концепцию «открытого общества»[53], отвергающую нынешний тип социального устройства.

Спросите себя, уважаемый читатель: с чего бы это Джордж Сорос — один из богатейших в мире людей, состояние которого оценивается почти в 20 млрд долл.; человек, за которым закрепилось звание «финансового гения», «мага и волшебника», способного в одно мгновение выигрывать миллиарды, обрушивать финансовые системы стран и целых континентов; с чего бы эта «акула капитализма», у которой вовсе нет никакой нужды без оснований критиковать и порочить вскормившее его общество, этот чрезвычайно умный, прагматично и реалистически мыслящий человек, *не утративший чувства чести и порядочности*, — вдруг стал заниматься утопиями? Просто, думаю, этот человек увидел и понял то, чего не могут сознавать его «коллеги»: корабль капитализма идет ко дну, а все так весело поют и пляшут, что не хотят даже слышать о грозящей опасности. Воистину «пагубная самонадеянность»! Идеи и мысли этого человека по поводу капитализма вообще и особенно его будущего в высшей степени интересны и показательны. Я специально написал небольшую главу «Сорос против Хайека»[54], в которой путем простого сопоставления цитат главного «рыночного фундаменталиста» Хайека и Сороса показываю, как далеко зашли в своих утопических фантазиях ярые сторонники «свободного рынка» и «свободной конкуренции». Здесь же я приведу три характерных высказывания Сороса.

В книге «Открытое общество» Сорос пишет: «Я считаю, что пропаганда рыночных принципов зашла слишком далеко и стала слишком

---

[52] Ф. Хайек замечает, что слово «капитализм» не было известно К. Марксу и никогда им не употреблялось. Оно зазвучало как антоним термину «социализм» только после выхода в 1902 г. книги В. Зомбарта «Современный капитализм». Он подразумевает систему, удобную для владельцев капитала с их частными интересами (см.: Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М., 1992. С. 192).

[53] См.: Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм : пер. с англ. М., 2001. С. 458.

[54] См. : Ильинский И. М. Образовательная революция. М., 2002. С. 474–490.

односторонней. Рыночные фундаменталисты верят в то, что лучшим средством достижения общего блага является ничем не ограниченное стремление к благу личному. Это *ложная вера*, и тем не менее она приобрела очень много последователей. Именно она является помехой на пути к нашей цели — глобальному открытому обществу. Мы очень близки к этой цели, однако не сможем достичь ее, *если не осознаем ошибочности рыночного фундаментализма* и не устраним несоответствия между экономической организацией мира и его политической организацией... считаю, что *сегодня рыночный фундаментализм представляет большую угрозу открытому обществу, чем коммунизм.* Коммунизм и даже социализм дискредитированы, а рыночный фундаментализм находится на подъеме»[55]. В книге «Кризис мирового капитализма» Сорос говорит: «Я прихожу к гораздо более определенному заключению о будущем. *Я предсказываю неминуемый распад системы мирового капитализма*»[56].

Продолжая разговор о том, утопична ли идея «устойчивого развития», стоит заметить, что утопия является выражением интересов определенных классов и социальных слоев, как правило, *не находящихся у власти.* Обычно она отражает чаяния низов, их протестные настроения.

Но станет ли сочинять утопию Организация Объединенных Наций, зачем ее подписывать руководителям 179 государств и правительств, т. е. высшим властителям мира? Декларацию Рио и «Повестку дня на XXI век», новую парадигму развития человечества следует назвать скорее *антиутопией.* Или — императивом, повелевающим действовать только так, а не иначе. Безальтернативно.

Устойчивое развитие, как я его понимаю, — это социальная идея и программа воплощения в жизнь не некоего заданного образца, а *предпочитаемого будущего*, движение в это будущее по новой шкале ценностей. В сути своей это не политический, а социальный проект. Другое дело, что для его реализации необходимы политическая воля и политические механизмы. В итоге — это социально ориентированное постиндустриальное будущее.

Устойчивое развитие может стать утопией, если ему будет противостоять «глобализация по-американски», о которой я писал. Она — главный фактор неустойчивости в мире. Источником неустойчивости является также и желание ряда стран, в том числе России, построить многополярный мир в противовес существующей однополярности.

На мой взгляд, обе эти тенденции в долгосрочном плане бесперспективны. Однополярность — это борьба «одного против всех» с ме-

---

[55] Сорос Дж. Открытое общество. С. 171–172.

[56] Сорос Дж. Кризис мирового капитализма : пер. с англ. М., 1999. С. 113.

няющимися в зависимости от ситуации союзниками. Многополярность — это борьба «всех против всех». Это мир хаоса.

История международных отношений свидетельствует о том, что многополярность является самой неустойчивой системой, в рамках которой происходит больше всего войн и конфликтов. Этот тезис можно подтвердить историей Европы на протяжении десятка веков. На него работает и история середины XIX в. В этот период, пока центры силы (Англия, Франция, Германия и Россия) бились за колонии, они находили точки соприкосновения для сотрудничества в самой Европе (с Россией до Крымской войны). Но как только периферия была поделена на сферы влияния, все внимание наиболее могущественных стран сконцентрировалось на Европе, в которой сохранялись не до конца разделенные зоны влияния (проливы, Балканы, Саарская область, части Польши и Украины). Вся система многополярности начала рушиться в пользу блоковой биполярности в преддверии грандиозной схватки.

Теоретически многополярная система может быть устойчивой при равных силовых возможностях центров. Но такое идеальное состояние невозможно на практике. Как показывает история, кто-то обязательно вырывается вперед. И тут начинает работать закон силы, который гласит: как только государство достигает уровня экономической мощи и военного потенциала, адекватного мощи и потенциалу ведущих государств мира, оно требует для себя нового геополитического статуса, означающего передел сфер мирового влияния.

На эту тему можно рассуждать бесконечно, что и делают геополитики и политологи, разворачивая все новые возможные варианты будущего, в частности построения нового биполярного мира (США — Китай со своими союзниками). Не принимается во внимание, как я уже говорил, одно ключевое обстоятельство: *будущего может не быть. Вообще. Никакого. Ни многополярного, ни биполярного, ни однополярного.*

Как же разрешить данное противоречие? Только не через силу. Через диалог, компромиссы и договор. Через мир. Через отказ от традиционных представлений об однополярности и насыщение этого понятия новым содержанием, хотя и не таким уж новым в теоретическом смысле. Я думаю, что структура международных отношений будет развиваться по схеме: от однополярности — к биполярности с переходом через стадию многополярности; от одного центра силы к двум центрам через этап множества центров силы. И снова — к однополярности, но уже на новом витке движения по спирали вверх, с развитием на основе новых противоречий. Одним словом, на новом историческом витке должна возникнуть *однополярность*, которая *покроет весь мир*. На основе подлинной глобальной интеграции, едино-

го всемирного хозяйства *с единой политической системой*, которой пока нет и из-за отсутствия которой трясет весь мир.

Но это — дело будущих и многих поколений. Когда-то понятие «мировое сообщество» должно обрести реальное содержание. На роль управления им может претендовать Организация Объединенных Наций, но никак не одна страна, какой бы богатой и сильной она ни была. Если США продолжат нынешнюю политику, они обречены на самоизоляцию и вечную борьбу с международным терроризмом. Мне кажется, что американцам все же надоест жить на войне. И тогда глобализация начнет обретать свой истинный смысл.

В этом случае роль национальных государств постепенно будет уменьшаться, но это вовсе не значит, что они сойдут со сцены. Искусственно ускорять этот процесс, как это делают сейчас транснациональные корпорации при содействии «клуба» развитых стран, чрезвычайно опасно. Характер глобализации зависит от осознания катастрофичности общемировой ситуации и доброй воли именно «сильных» стран. Мучительный путь и боль осознания еще впереди. Ясно одно: без разрешения проблемы социальной справедливости, будь то отдельная страна или мир в целом, человечеству не выжить. Чтобы понять эту истину, как и всякую иную, ее надо пережить. Времени на это совсем мало. Как быть?

Будущее надо искать не на острие прогресса, а в борьбе за сохранение человечества, в соучастии и сплочении всех, кто противостоит беспределу все пожирающего молоха экономизма и техно-утилитаризма, кто несет контрсистемный заряд. Кто думает не только об удовлетворении личных потребностей и комфорте, а еще и о будущих поколениях, о перспективах жизни на нашей Земле. Кто не может существовать и действовать без ответа на вопросы: «зачем?», «куда?» Это прежде всего экологические движения, включающие в себя как борьбу за сохранение природы, так и экологию культуры, патриотические, национальные, религиозные течения. Все, кто противостоит агрессии искусственного, выхолащиванию души и тела человека, его превращению в робото-компьютерное устройство нулевого поколения.

Как показывает опыт всех революций Нового и Новейшего времени, закономерностью для любой из них была повышенная мифологизация общественного сознания. Любая революция континентального или мирового масштаба отмечена выдвижением «великой идеи» относительно продуктивной утопии. Надо формировать, программировать будущее, сознательно и ускоренно изменяя картину мира и миропонимание вступающих в жизнь поколений, из которых формируется не только класс работников, но также духовная, политическая и деловая элита каждой страны и мирового сообщества в целом.

Новый доклад Генерального секретаря ООН Кофи Аннана на саммите в Йоханнесбурге подтверждает, что «Повестка дня на XXI век» остается широким и долгосрочным образом будущего. ООН вновь вполне определенно высказалась в пользу концепции «устойчивого развития». И мир должен принять эту парадигму с большим доверием и энтузиазмом, нежели многие иные концепции типа «постиндустриализма», «информационного общества», «техногенного общества», «общества знаний». В конце концов они представляют собой такие же «концептуальные схемы», т. е. парадигмы, которые лучше воспринимаются политиками, бизнесменами и финансистами только потому, что оправдывают существующие взгляды на общественное устройство, оставляя за экономикой ведущую роль, перепевают старые песни на новый лад, ничего не меняя в них по существу. Именно потому концепция «устойчивого развития», словно икона нового бога, поставлена в главном углу дома, но все по-прежнему поклоняются старым идолам и божкам, а кто-то служит дьяволу. Именно потому везде и повсюду развитие идет по принципу «как было», о чем я уже говорил.

Односторонние концепции удобны для восприятия и просты для понимания именно потому, что они односторонни. Творцы этих концепций выделяют один фрагмент действительности и предлагают нам, словно дикарям через осколок бутылочного стеклышка, взирать на огромный и неохватный мир и считать, будто видимое есть весь мир. При этом они все время забывают о существе по имени «человек», которое держит это стеклышко в своих руках, и почему-то никак не хотят вписать это «существо» в понятие «мир». Поэтому всегда и все в их концепциях по своему значению оказывается выше человека: над ним властвуют то экономика, то техника, то информация, то знание.

В итоге на основе этой однобокости, схватывающей некоторую часть истины уже происходящего, создается образ неотвратимого и единственно возможного будущего, к которому изо всех сил (согласно банальным принципам типа «первый куш — самый большой», «кто не успел, тот опоздал) устремляются те «новаторы», для которых смысл жизни — делать деньги, а следом за ними кидаются и все остальные. Гонка длится два-три десятилетия, потом оказывается, что она была очередным заблуждением. Немногие подсчитывают полученные прибыль и выгоды, а «масса» — синяки и потери и переживает синдром похмелья.

Вот, например, чрезвычайно популярный сегодня термин «информационное общество», которым каждый распоряжается в зависимости от того, как понимает его смысл. Одни полагают, что уже живут в «информационном обществе», другие только собираются в него пе-

реходить и пугают ничего не понимающих в этом вопросе людей тем, что «Россия не успеет вписаться»...

Но что такое «информационное общество» в своей сущности? Откуда оно берется? Его спустило к нам на землю некое первосущество? Да нет же, это плод человеческого разума и деятельности людей, следующих за ним.

Множество ученых размышляют о кончине мира после капитализма, иначе говоря, после эпохи индустриализма. Иногда эту картину укладывают в термин «посткапитализм», который, по существу, является бессмысленным. Ибо «что-то» после капитализма все же будет. Обычно говорят о «постиндустриальном обществе», что означает смещение центра хозяйственной активности от производства материальных благ к созданию услуг и информации, повышению роли теоретического знания. На этой методологической основе родились различные концепции, в частности концепция «информационного общества». Термин был предложен японским теоретиком К. Коямой, а затем обоснован другим японским исследователем И. Масудой в труде «Информационное общество как постиндустриальное общество».

Новое в сравнении с классической концепцией постиндустриализма (Д. Белл) здесь состоит в том, что к традиционному делению экономики на первичный (сельское хозяйство), вторичный (промышленность) и третичный (услуги) секторы добавляется еще один сектор — информационный, который объявляется ведущим, системообразующим. Информация провозглашается ключевым фактором производства.

Не стану анализировать эту концепцию, выделять то, в чем авторы, по мнению множества исследователей, правы, и то, в чем заблуждаются. Все это уже известно. Более того, в промышленно развитых, т. е. «постиндустриальных» («информационных»), обществах во многом стали действительностью, например: демассификация, индивидуализация товаров и услуг; новая культура потребления — установка на приобретение вещей одноразового пользования, ускоренное обновление товаров, традиционно считавшихся «товарами длительного пользования». То есть информационное общество нацелено на расширение и ускорение, а значит, и увеличение объемов потребления, что, в свою очередь, ведет к интенсификации роста объемов производства и в конце концов к расходованию сырья, разных видов энергии, увеличению объемов отходов, вредных выбросов в атмосферу. По этой позиции (природопользование) концепция «информационного общества» противостоит концепции «устойчивого развития». Между тем она уже стала образцом жизни, привычкой и традицией, от которой надо отказываться. Но для того чтобы совершить этот акт, сначала придется осознать, понять — почему и ради чего это нужно сделать.

Ведь о глобальных проблемах, об «устойчивом развитии» никто не говорит ни в школе, ни в вузе, наоборот, детей и молодых людей приглашают в «информационное общество», рассказывают о том, как это замечательно — жить в такое время.

То же самое происходит и со взрослыми, в том числе с теми, кто учит и воспитывает, кто пишет учебники, повести и романы, снимает кинофильмы, вещает на радио и делает телепрограммы. Понять самостоятельно суть происходящего молодой человек просто не в состоянии. На это способен не всякий взрослый. Но даже если он имеет необходимый интеллект и знания, познание требует от него огромного труда. Ибо, даже постигнув смысл происходящего и будущего, он не может не сознавать, что изменить ситуацию в одиночку он не в состоянии, что ему противостоит фантастическая сила инерции и динамики океана жизни.

Необходимо либо всем изменяться, либо всем погибать. «Но если не изменяется никто, то почему это должен делать я?» — думает этот «некто». Так думают все. И я в том числе. И потому все идет «как было».

Но это лишь один аспект логики социального развития, согласно установкам «информационного общества» (человек — природа). Между тем есть еще сам человек. Не забудем о нем. Он — главный.

Отличительной чертой «информационного общества» является характер межличностных отношений, которые становятся *все менее устойчивыми*. Из трех типов связей — длительные (родственные, семейные), среднесрочные (дружеские, соседские, профессиональные), кратковременные контакты — доминирующее значение приобретают последние — «контакты». Осмотритесь вокруг — и вы увидите, что с каждым годом в нашей жизни все меньше «отношений», дружбы, коллективизма и все больше именно «контактов» и «связей», носящих холодный функциональный характер, похожих на те, которые описал Е. Замятин в знаменитом романе-антиутопии «Мы», хотя это была пародия на коммунизм. Теперь впору сочинять новое антиутопичное произведение под названием «Я», раскрывающее парадоксы и абсурд крайнего индивидуализма. Впрочем, кое-что на эту тему уже создано: «Эгоист», «Одинокая толпа».

С точки зрения развития человека и межличностных отношений «информационное общество» — это духотрясение, это моральный пожар, уничтожающий остатки человечности. Чем больше общество атомизируется, тем труднее в нем прийти к какому-либо согласию, к единым стандартам поведения, общим правилам, общим ценностям, без которых нет ни общества, ни государства. Нет порядка. Наоборот, все больше субкультур, национальных амбиций, а значит, все выше потенциал конфликтности. Зато невероятный простор для ма-

нипуляции сознанием и его программирования. Осмысленная демократия все более вытесняется «теледемократией». И так далее. О позднем капитализме говорят «дезорганизованный». В этом определении много правды.

В глубинной сути своей «информационное общество» противостоит и человеку.

В сегодняшнем воплощении его нельзя признать ни моральным, ни нравственным, ибо «товаром» в нем является любое знание (и истинное, и ложное), любая информация (и полезная, и вредная). Для тех, кто производит этот «товар», это и не суть важно, главное — чтобы его покупали. А технология продаж на сегодня хорошо отработана: воздействие на индивидуальное сознание (чем оно незрелей, тем лучше), формирование в нем потребности в том или ином товаре и соответственно его потребительской стоимости.

Отдавая дань огромным технологическим возможностям современного «информационного общества» (скорость производства и распространения информации, охват ею огромного числа людей), нельзя не понимать, что большинство не приучено задаваться простыми вопросами: в чьих интересах это все происходит, кому выгодно, к каким последствиям может привести? Для того чтобы использовать достижения современных информационных технологий во благо, а не во вред Человеку, необходимо наличие «человеческого измерения» (индивидуального, коллективного, общественного) как регулятора, как критерия оценки полезности. Однако надо признать, что это измерение крайне слабо формируется и в процессе обучения, и в процессе воспитания.

Удивительное явление — человек! Объявив себя царем природы, центром вселенной и, стало быть, наделив самого себя высшим правом властвовать и повелевать, он все время озабочен вопросом, чему поклоняться и кому повиноваться. И находит объекты поклонения в им самим созданных идолах —в виде то вождя, то государства, то демократии, то рынка, то информации, то знания. И служит им до самоуничтожения, оставляя в стороне понимание простых вещей: есть природа и человек, которого она неведомо зачем создала, а между ними — общество, сотворенное человеком для того, чтобы разговаривать с природой в движении. Движение во времени этого триумвирата и есть жизнь, которая возможна лишь до той поры, пока не нарушены пределы их взаимоотношений.

И вот человек и общество, вступив в конфликт между собой, перешагнули допустимые границы в отношениях с природой. Теперь их надо строить заново, на основе нового понимания того, что такое мир и Мир, как должны они строиться, чтобы жизнь продолжалась. Концепция «устойчивого развития» претендует именно на это — на

роль универсального миропонимания и мироустройства. Она отличается от всех предыдущих идеологий, претендовавших на универсализм и глобализм, тем, что в главном и основном носит социальный, а не политический характер, как это было с ее предшественницами — идеологиями коммунизма и либерализма.

Во-первых, идея «устойчивого развития», на мой взгляд, обладает достоинством *подлинной универсальности*. Она предельно широка и всеохватна для того, чтобы на основе общих принципов каждое конкретное общество могло выработать ее собственное понимание и определение. На это стоит обратить особое внимание: общие принципы каждая страна трансформирует в национальную концепцию «устойчивого развития» с учетом своих традиций и своей культуры. Такой подход предложен в «Повестке дня на XXI век».

Второй момент, на котором следует акцентировать внимание: новая парадигма развития (sustainable development) — *плод ума не одинокого гения, а международного научного сообщества*, действовавшего под руководством Организации Объединенных Наций — самой крупной авторитетной международной организации, объединяющей около 200 стран мира. Выработка этой концепции продолжалась более 20 лет на основе анализа громадного объема информации, которой, кроме ООН, не располагает ни одна организация в мире[57]. Аргументы и выводы нарабатывались и выверялись в дискуссиях на многих сотнях конференций и встреч, которые проходили в этот период. В работе самой Конференции в Рио (как и в ее подготовке) участвовали тысячи лучших мыслителей и ученых всех стран мира.

Третий момент: под этой Декларацией и «Повесткой дня на XXI век» поставили свои подписи руководители государств и правительств 179 стран мира, в том числе всех промышленно развитых — США, Японии, Европы, в частности России. Политики — люди как минимум прагматичные, реалистичные. Прежде чем они подписались под названным документом, он прошел всестороннюю научную экспертизу в их странах. Иными словами, Декларация Рио и «Повестка дня на XXI век» — это *первые в истории человечества международные договоры, принятые на основе консенсуса*. Можно сказать, что это плод разума всего человечества, документ не только научный, но и политический. Для тех, кто согласен с содержащимися в нем идеями и принципами, — *это основа современного миропонимания, если хотите, общепланетарная идеология*. Ибо они содержат не только объек-

[57] О возможностях ООН в этом плане я знаю не понаслышке: будучи экспертом ООН по вопросам молодежной политики в 1989–1991 гг., я руководил подготовкой доклада Генерального секретаря ООН «The situation of youth: trends and prospects towards to 2000».

тивно-научное знание, но и могучий эмоциональный, нравственно-духовный заряд, способный воодушевить и объединить множество людей, вызвать поистине общепланетарное движение.

Идея «устойчивого развития» получила полную поддержку еще одной Всемирной конференции, проходившей под эгидой Организации Объединенных Наций, по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), которая в октябре 1998 г. обсуждала в Париже вопросы высшего образования в XXI в.

Парадокс и абсурдность ситуации заключается в том, что широкая публика, особенно в России, до сих пор почти ничего не знает о выводах этих мировых форумов. Российские СМИ о них практически не сообщали ни во время их проведения, ни позднее.

Материалы ООН по устойчивому развитию, в частности Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992 г.), *в русском переводе не опубликованы*. «Повестка дня на XXI век» полностью *на русском языке напечатана лишь в 2001 г.* Когда СМИ все же вспоминают о Конференции в Рио, то акцент делается исключительно на проблемах окружающей среды, отчего в глазах обывателя это поворотное для истории человечества событие выглядит своего рода большой «тусовкой» движения «зеленых», к которым у многих почему-то сложилось весьма ироничное отношение: бузотеры, блаженные, мешающие серьезным людям заниматься серьезными делами, хотя на самом деле это совершенно не так.

Практически объяснения такого положения дел лежат в сфере идеологии и политики. Все это время начиная с 1992 г., когда состоялась Конференция в Рио, в России шла и продолжается борьба за власть, раздел и передел собственности без ясного понимания, куда идет страна и куда ей следовало бы двигаться.

Надо сказать, что не добавили особого оптимизма и итоги Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам устойчивого развития, которая проходила в Йоханнесбурге (ЮАР) с 26 августа по 4 сентября 2002 г.[58] Выступая 2 сентября, Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан подчеркнул, что всему есть свой срок и что сегодня в мире наступил срок преобразований, срок рационального управления; что необходимо остановить процесс «де-развития» (de-development), т. е. обратного процесса развития, имеющего место сегодня. Президент Франции Жак Ширак сделал вывод о том, что «десять лет спустя после Рио нам нечего праздновать».

---

[58] В работе саммита приняли участие 21 тыс. человек, в том числе 9101 делегат, 8227 представителей неправительственных организаций и 4012 аккредитованных представителей СМИ, представители 189 стран мира, в том числе более 100 президентов и премьер-министров.

В Политической декларации Саммита есть строки, в которых дается оценка десяти годам после Рио, звучащие следующим образом: «Мы признаем, что цели, поставленные нами для самих себя на Саммите Земли в Рио, не были выполнены». Декларация прямо подтверждает приверженность принципам Рио и принципу общей, но дифференцированной ответственности, говорит об актуальности Хартии Земли, которую игнорировали на протяжении всего официального подготовительного процесса к этой Встрече. Между тем Хартия — это документ, содержащий фундаментальные принципы для создания справедливого, устойчивого и мирного глобального общества в XXI в. Он является своеобразным аналогом Декларации прав человека в области окружающей среды. Уже первые строки Хартии гласят: «Мы находимся на критическом этапе истории Земли, когда человечество должно избрать свое будущее». В ней много положений и принципов, имеющих исключительное значение. В пункте 14 Хартии содержится требование «включить в формальное образование и непрерывное обучение знания, ценности и опыт, необходимые для устойчивого образа жизни».

Объективная и полновесная оценка итогов этой Встречи еще впереди.

Если судить по откликам СМИ, то представители большинства стран выразили удовлетворение результатами саммита, но некоторые, в частности представители Европейского союза и стран Латинской Америки, а также ряд неправительственных организаций, высказали разочарование. В российских газетах не слишком обильные публикации вышли под заголовками «Мир брошен на произвол судьбы» («Коммерсант», 5 сентября), «Саммит Земли сел на мель» («Известия», 6 сентября). «Российская газета» цитирует авторитетный французский журнал «Монд дипломатик», который пишет, что причиной деградации природы является «ускоряющийся процесс либеральной глобализации производства и потребления». Глобализация в ее нынешнем виде, считает журнал, «привела к неравенству, которого человечество не знало со времен египетских фараонов» («Российская газета», 27 августа).

Многие экологические организации, принимавшие участие в работе саммита, характеризуют его как форум «упущенных возможностей». В совместном заявлении «Гринпис» и «Всемирный фонд по защите живой природы» констатировали, что «саммит в Йоханнесбурге станет историческим примером провала революции в развитии возобновляемых источников энергии и неспособности дать доступ к электричеству двум миллиардам землян». В заявлении Oxfam говорится, что результаты конференции — не более чем «крошки для бедняков», что все происходившее в Йоханнесбурге — это «победа эгоизма и жад-

ности». Представитель «Гринпис» Стив Сойер сказал: «Все закончилось куда хуже, чем мы ожидали».

Некоторые представители неправительственных организаций считают, что окончательные документы конференции могли бы быть более амбициозными, если бы не позиция Вашингтона, который мешал достижению многих договоренностей.

Дж. Буш отказался приехать на Встречу и прислал на нее госсекретаря США К. Пауэла, который был освистан во время своего выступления. Высказываясь по поводу текста «Плана осуществления», США сделали пять оговорок. Во-первых, США не признают, что принцип 7 Декларации Рио — принцип общей, но дифференцированной ответственности — может означать какую-либо ответственность США перед развивающимися странами. Во-вторых, формулировки о корпоративной ответственности применяются в понимании США только для существующих межправительственных соглашений. В-третьих, США толкуют параграф 42(о) о разработке международного режима по распределению выгод от использования генетических ресурсов как предполагающий разработку международного документа необязывающего (non-binding) характера. В-четвертых, все ссылки на «здоровье» в документе «Плана осуществления» не могут интерпретироваться для США как включающие аборты. И последний сюрприз от США — они не признают никакие цели официальной помощи развитию, выраженные в процентном отношении к валовому национальному продукту.

Одним словом, как заявил в своем заключительном слове К. Аннан, «от подобных конференций не следует ожидать чудес». И их не было.

Человечество находится в том состоянии, когда ему явно не хватает разума. Рационализм изрядно скомпрометировал себя. Мир невольно тянется куда-то в сферу метафизики — к первым началам и первым причинам, к чему-то сверхприродному, в область высшего знания, к бестелесным сущностям, где всякое множество находится в единстве, а во всяком единстве видится множество. К той диалектике, где философский метод еще не отделен от теории, а вера — от знания. Так и хочется, пользуясь приемом Канта, «ограничить знание, чтобы освободить место вере»[59].

«Устойчивое развитие», если отнестись к нему вполне серьезно (а другого не дано), должно быть воспринято в качестве психологической установки, включающей в себя его принципы как безусловное утверждение, воспринимаемое без сомнения. В данный момент я не вижу иного выхода. Спорить годами, десятилетиями о том, что такое

[59] Кант И. Соч. М., 1964. Т. 3. С. 95.

«устойчивое развитие», возможно ли оно, просто нельзя — мы слишком ограничены во времени, у нас его нет. Сама парадигма и ее принципы должны быть приняты нашим разумом как отправная точка для дальнейших рассуждений на эту тему, но мы должны действовать уже на достигнутом уровне знания и понимания сложившейся в мире ситуации. А он, разум, вполне достаточен для того, чтобы сказать: «Верую, чтобы понимать». И — понимая! — действовать. Так — через элемент веры — должно выходить нам из порочного круга наших знаний и действий.

Именно с такой установкой в сознании живет множество существ, масса «Homo sapiens». В концепции «устойчивого развития» не все до конца логически доказуемо (об этом и говорил Н. Н. Моисеев, когда обращал внимание на неточность русского перевода термина «sustainable development»). Так давайте думать о названии, давайте переопределим понятие, учитывая, что общий смысл его ясен уже сейчас и со временем прояснится еще более. Изменим позицию нашего разума, ибо это необходимо нам для того, чтобы принять «устойчивое развитие» как категорический моральный императив. Давайте поверим не только в смысл этой новой парадигмы, но и себе. Ведь кроме разума мы обладаем еще интуицией; верим в свой разум, способный признать свою ограниченность и принять разумную веру в качестве еще одной формы знания. Мне кажется, что в качестве философской веры «устойчивое развитие» найдет себе неимоверно больше сторонников, чем в виде научной теории и логического знания. Ибо приведет мысль сотен миллионов к истокам бытия и будет способствовать установлению «нового мирового порядка» не в политическом, а в гуманитарном смысле.

Из книги «Образовательная революция».
М., 2002. С. 9–154

АСИММЕТРИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Почему все-таки глобальной проблемой номер один следует назвать именно неосознанность происходящего? Ведь это было признано еще до 1989 г., считающегося точкой начала интеграции экономических систем свободного рынка, получившей название «глобализация»? То есть до того момента, когда всем процессам развития, а не

только экономическим было придано огромное ускорение, с каждым годом набирающее все более бешеные темпы?

Ответ очевиден: мир уже давно достиг высочайшей степени сложности, и уже давно понятно — чем сложнее он становится, тем сложнее его постигать. В эпоху телекоммуникаций, Интернета и нарастания объемов усложняющейся информации данные о мире превосходят человеческие возможности их осмысления. Даже Коллективным разумом, Интегральным интеллектом, даже с помощью мощнейших компьютеров. Тем более невозможно постичь мир эпохи глобализации умом отдельного индивида[1].

Две с половиной тысячи лет назад Сократ, считавшийся в ту пору мудрейшим из мудрецов, говорил: «Я знаю, что я ничего не знаю». Известен афоризм Козьмы Пруткова (конец XIX в.): «Никто не обнимет необъятного».

Сегодня многие с придыханием произносят слово «информация». В глазах этих «многих» тот, кто владеет информацией, тот владеет миром. Но информация сама по себе знанием не является. Информация — лишь инструмент знания, форма знания. Информационные программы СМИ ценны постольку, поскольку они свежи и своевременны. Информация ценится потому, что она может быть товаром, что с ее помощью можно «make money».

---

[1] В 1976 г., во время обучения в Дипломатической академии МИД СССР, я прочитал научно-фантастическое произведение под названием «Черное облако». Не помню автора, не знаю, переведена ли книга с английского на русский язык, но в голове хорошо отложилась ее фабула.

В беспредельных пространствах космоса блуждает некое огромное вещество, являющееся мыслящей субстанцией. Однажды один из астрономов США обнаруживает точку, которая с каждым днем все ближе к Земле. Поначалу земляне считают, что это астероид, и начинают лихорадочно думать, как его уничтожить. Неожиданно «черное облако», не долетая до Земли, перестает двигаться, перекрывая солнечные потоки тепла и света. Люди предполагают, что перед ними мыслящее «облако». Им удается установить с ним контакт. Облако спрашивает: «Кто вы? Расскажите о себе». Земляне передают «облаку» всю информацию о человеческой цивилизации. «И это все?» — удивилось «облако». Люди, понимая, что гость из космоса может дать им информацию чрезвычайной важности, просят «облако» поделиться ею. «Облако» соглашается и передает ее в визуальной форме на экран телевизора. Но первый же из самых выдающихся своим умом и памятью людей через несколько секунд падает без сознания. За ним то же происходит со вторым... пятым... и последним из великих. Со всеми произошло одно и то же: воспаление мозга от крайнего переизбытка информации.

Возможности человеческого мозга огромны, но все-таки ограничены даже у тех, кто способен думать и понимать.

Однако истинную ценность информация приобретает лишь в том случае, если она правильно осмыслена и понята. Но для этого необходимы глубокие знания и способность осмысливать, т. е. вносить смыслы в набор невразумительных сведений, которые представляет собой информация как таковая.

Сегодня многие мнят, будто информационное общество — это и есть общество знаний. Однако избыток информации не означает еще приращения знаний. Общество знаний возможно там, где есть не только знания и информация, но и люди, способные свободно ориентироваться в их потоках, имеющие критичный ум, чтобы отличить полезную информацию от бесполезной.

Итак, необъятность, запредельная и все усложняющаяся сложность мира — вот первая, объективная причина неосознанности Происходящего.

Но дело в конце концов не в том, чтобы всем знать все и про все. Такое принципиально невозможно не только потому, что объем непознанного и неизвестного намного больше того, что нами познано, — в ходе развития человека и общества возникает множество все новых проблем. Процесс познания бесконечен.

Мы можем знать больше или меньше, чем знаем, больше или меньше того, что необходимо для более или менее благоприятного хода эволюции. Так вот, при том что человечество накопило огромный объем знаний, совершило множество фантастических открытий и т. п., мы все же знаем намного меньше, чем могли бы.

Почему?

Прежде всего потому, что человек — существо весьма молодое. Если космос возник, как предполагают ученые, около 15 млрд лет назад, а процессу очеловечивания в животном мире — 5 млн лет, то возраст homo sapiens — «всего» 100 тыс. лет, а первых исторических цивилизаций — только 10 тыс. лет. Христианская эра насчитывает в пять раз меньше — всего два тысячелетия, а в России — чуть больше тысячи лет.

Сто лет для человека — это срок, хотя, если задуматься, срок отчаянно и обидно короткий: всего 36 400 дней. Тем более для Истории, для Эволюции сто лет — мгновение. И тысяча лет — тоже немного. Но именно в этих временных параметрах надо рассматривать образование человека, понимая его как формообразование, т. е. как процесс развития в нем собственно человеческих качеств согласно некоему образу.

Еще задолго до той поры, как в мире появилось организованное светское образование, мировоззрение и эмоциональная основа человечества складывались под мощным влиянием церкви, в частности

христианской, и православия как одной из ветвей христианства, определяющего лик русского и большинства российского народа почти от самого начала его истории до наших дней.

Можно думать, что все в этом мире, в том числе человек, создано Богом из Ничего в свободном акте его воли без какой-либо необходимости и цели. Но можно полагать (и небеспричинно), что это Человек выдумал Бога: правители — из необходимости управлять рабами и «свободными гражданами», а рабы и «свободные граждане» приняли идею Бога ради того, чтобы было к кому воззвать о помощи против произвола и несправедливости правителей, а также о сотворении Вечной памяти усопшим.

Такой подход мне ближе. В том числе и потому, что помогает понять логику развития светского образования, которое, кроме всего прочего, также есть первейшее и могучее средство управления людьми от древнейших времен до наших дней. Правители, хоть церковные, хоть светские (будь то монарх или парламент, состоящий в основном из членов правящего класса и обслуживающий его интересы), объективно не заинтересованы, никогда не желали и не желают, чтобы управляемая ими масса людей (население, народ) слишком знала и слишком понимала в политике и социальной жизни.

На этапе рабовладельчества образование получали только избранные; о духовном развитии низших слоев (большинства населения) речь даже не заходила. Они обучались лишь ремесленническим знаниям и умениям. То же было на Руси и позднее в России — хоть во времена крепостничества, хоть после него. Церковь внушала и внушает пастве идею аскетизма, призывала и призывает: «Будь из всех последним и всем слугою» (Мк 9: 35), обещала и обещает: «Будут первые последними и последние первыми» (Евангелие).

Власть твердит о свободе и демократии, о благе народном и прочих подобных вещах, но на самом деле ее интересует лишь одно: спокойствие умов и дум народных, политическая стабильность. Не дай бог — бунт или какого-нибудь цвета революция. И потому власть обещает народу едва ли не то же самое, что и церковь верующим, только иными словами. Как и во все времена, сегодня народ не должен слишком знать и слишком понимать.

Вторая причина неосознанности происходящего — направленность человеческого сознания на внешний мир, о чем уже говорилось. Вся история человечества — это история его физического выживания в борьбе против сил Природы за пищу и другие условия сохранения жизни. Отсюда и философия рационализма, и взгляд на знание с точки зрения его практической полезности, и развитие в человеке прежде всего тех его качеств, которые помогали в борьбе за выживание.

Человек сам по себе в научном познании был на отдаленных позициях. Даже вопросы жизни, здоровья и долголетия становились первостепенными лишь тогда, когда обрести бессмертие вдруг вознамеривался кто-то из фараонов, царей или королей. В принципе же жизнь человеческая никогда не ценилась или ценилась совсем невысоко. Развитие ума, мышления, творческих возможностей человека столетиями не входило в предмет научного познания, хотя все это — функции человеческой психики, а говоря словами мыслителей от древних времен до конца XVIII в., — функция души. Понятие «душа» было заменено понятиями «психика», «психическая жизнь».

Первый этап клинико-неврологических и нейропсихологических исследований человека начался лишь в 1865 г. с открытия французским невропатологом Броком ведущей роли левого полушария в регуляции речи. Постулат о доминировании левого полушария и подчиненной роли правого был сформулирован Баллоновым и Деглиным в 1976 г. Во второй половине и особенно в конце XX в. гипотезы и открытия посыпались одно за другим. В 1981 г. профессору психологии Калифорнийского технологического института Роджеру Сперри за достижения в изучении отдельных полушарий человеческого мозга была присуждена Нобелевская премия.

На мой взгляд, открытия в этой области Р. Сперри и других, в том числе российских, ученых до сих пор недооценены и плохо используются в образовательной теории и практике.

Вот факт, который приводится во всех учебниках по психологии: у 90% людей доминирует левое полушарие мозга, которое «отвечает» в организме человека за хронологический порядок, чтение карт и схем, запоминание имен, слов, символов, речевую активность, чувствительность к смыслу, видение мира веселым и легким, детальное восприятие действительности[2]. В других публикациях функции левого полушария описываются несколько иными словами, но означают в принципе то же самое: это ответственность за правую сторону тела, математику, слова, логику, факты, дедукцию, анализ, практику, порядок, геометрическую прямолинейность, видение мелких деталей действительности[3].

Но ведь кроме практики есть идеи и теория, кроме логики — интуиция и воображение, кроме дедукции — индукция, кроме анализа — синтез, кроме исполнительности — творчество, кроме порядка — хаос, кроме способности видеть мелкие дела — видение «большой картины», глобальный подход, способность управлять несколькими де-

---

[2] См., напр.: Столяренко Л. Д. Основы психологии. М. ; Ростов н/Д, 1999. С. 35.

[3] См.: Пиз А. и Б. Язык взаимоотношений. М., 2005. С. 75.

лами сразу. Согласимся: это в высшей мере важные способности и качества!

Чего стоит исполнитель в мире, полном неожиданностей, без способности подойти к делу творчески? Много ли стоит работник, умеющий анализировать, но не способный обобщать, делать выводы, определять цели? Добьется ли успеха человек, охватывающий своим умом мелкие детали, но не видящий «за деревьями леса», работающий по принципу «один день — одно дело»? Никогда не станет хорошим руководителем тот, кто не может быть «генератором» идей, не имеет высокой интуиции, не способен мыслить глобально, т. е. смотреть на мир широко, далеко, заглядывать «за горизонт», проникать глубоко в суть вещей, «дирижировать» сразу многими людьми и делами. И так далее.

Именно специализация полушарий позволяет человеку рассматривать одну и ту же задачу, мир в целом с двух различных точек зрения, познавать их не только логически и рационально, но также с помощью интуиции и эмоций с их пространственнообразным подходом к явлениям и моментальным охватом целого. Противоположные функции двух полушарий создают физиологическую основу для творчества, порождают в мозге как бы двух собеседников с единой целью — искать истину, творить новое, понимать.

Но что мы видим? У 90% людей левое полушарие мозга не просто развито лучше правого, а доминирует над ним, т. е. существенно превосходит по развитости, подавляет его. Хорошо развито правое полушарие лишь у 10% людей. Из имеющихся в коре больших полушарий головного мозга 15 млрд нервных клеток человек использует лишь 15%. Как видим, резервные возможности нервной системы и психики человека фантастически велики. Они используются нейропсихологами и дефектологами при лечении больных.

Может быть, так оно и быть должно? Может, это нормально, предопределено генетически? Как отмечают специалисты, большой объем противоречивых данных до настоящего времени не позволяет считать окончательно решенным вопрос о причинах и нейрофизиологических механизмах латеральной специализации мозга (Бианки, 1989; Ильюченок и др., 1989). В данном случае это не принципиально.

По мнению ученых, человек не рождается с функциональной асимметрией полушарий. Если человек останется на всю жизнь неграмотным и будет занят рутинной работой, межполушарная асимметрия у него почти не разовьется. Если же человек включен в процесс образования, то специфика полушарий станет изменяться под влиянием как генетических, так и социальных факторов.

Академик РАН В. Иванов пишет, например: «Возьмите мозг. Современная теория информации впервые позволила количественно

оценить его потенции. И оказалось: нормальный мозг одного обыкновенного человека может вместить в себя достижения всей существующей и существовавшей до сих пор культуры. Я не преувеличиваю. Физиологически это так. Из чего следует целый ряд практических выводов.

И прежде всего тот, что вся современная, во всем мире работающая на протяжении веков система образования и воспитания неправильна. Потому что очевидно: ни один из живущих на земле людей, в том числе и тех, кого мы почитаем за гениев, полностью не реализует свои интеллектуальные возможности. Более того: КПД нашего мозга на протяжении человеческой жизни буквально мизерный. И причину этого надо искать в самом раннем детстве.

Мозг человека рождается как бы недоделанным. Гигантское количество его нейронов и связей между ними включается очень медленно. Не случайно лет до двух мы, как правило, еще не умеем говорить. И потом очень мало помним о первых годах своей жизни.

Физиологически наша нервная система, наш мозг приспособлены к тому, чтобы постепенно, но очень быстро, очень рано многое усваивать. Так вот, смысл новой образовательной парадигмы: зная возраст, когда в работу включаются те или иные участки мозга, его связи, не пропустить время для того, чтобы дать старт развитию способностей человека, включению его во взаимодействие физиологических и культурных начал в нем самом. Если мы этого вовремя не сделаем, то навсегда останемся полууродами в каком-то отношении.

Главное — мы все должны усвоить вовремя. А в нынешней образовательной системе все усваивается позже, чем нужно, и потом начинаются жалобы: молодежь у нас не такая...»[4]

В педагогике разрабатываются методы обучения с учетом индивидуального профиля асимметрии обучающихся (левши, сенсорные инвалиды). Особенности межполушарных асимметрий учитываются в некоторых видах профессиональной деятельности, которые прямо или косвенно связаны с экстремальными условиями. Надо полагать, что это только начало. Учет специализации мозга и межполушарной асимметрии — перспективное направление в повышении эффективности обучения и воспитания, одним словом — в развитии человека.

Подчеркнем главную мысль: генетика — генетикой, но функции как левого, так и правого полушарий, предзаложенные в мозг человека природой и развившиеся в процессе эволюции, могут быть развиты или погашены, заморожены.

---

[4] Новая газета. 2004. 19–22 августа. С. 21.

Между тем нормой считается осуществление любой из многих названных функций за счет работы всего мозга — и левого, и правого полушария.

Структуры правого полушария, функционально организованные по голографическому принципу, выполняют главным образом суммацию, сопоставление и синтез информации (Г. Е. Шанина). На ранних стадиях онтогенеза у большинства детей выявляется правополушарный тип реагирования. И только в определенном возрасте (как правило, от 10 до 14 лет) закрепляется тот или иной фенотип, преимущественно характерный для данной популяции (В. Аржажевский). Это подтверждается и данными о том, что у неграмотных людей функциональная асимметрия головного мозга меньше, чем у грамотных. В процессе обучения функциональная асимметрия усиливается: левое полушарие специализируется в знаковых операциях, а правое — в образных. Правое полушарие способно воспринимать информацию в целом, работать сразу по многим каналам и в условиях недостатка информации восстанавливать целое по его частям. С работой правого полушария принято соотносить творческие возможности, интуицию, этику, способность к адаптации. Правое полушарие обеспечивает восприятие реальности во всей полноте многообразия и сложности, в целом со всеми его составными элементами. Экспериментально доказано, что подавление правого полушария сопровождается эйфорией, а подавление левого — глубокой депрессией человека. Лишенный правого полушария человек (художник, композитор, ученый и т. п.) перестает творить.

Как же образовалась эта ненормальность?

Во-первых, в процессе естественной эволюции. Специализация обретала все больший характер из-за предпочтительного пользования человеком правой рукой (90% людей), расположения центров речи в левом полушарии (у 92% людей), полярности эмоциональных состояний (правое полушарие — отрицательные, левое — положительные) и ряда других особенностей[5].

Однако эволюция человечества — это не только физиологический, но и социальный процесс, который оказал на развитие мозга, специализацию и асимметрию его полушарий определяющее влияние. Развивались прежде всего те функции мозга, к которым предъявлялось повышенное внимание, которые были востребованы практикой. Творчество, интуиция, воображение, концептуальность, глобальный подход и другие свойства правого полушария, а с ними такие профессии, как поэт, композитор, скульптор, художник, артист, ученый и т. п., всегда были выбором отдельных индивидов, которых толкали

[5] См.: Сидоров П. И., Парняков А. В. Введение в клиническую психологию. М., 2000. С. 37.

в эту сторону «зов природы», «божественный дар» или психические отклонения[6].

Со временем появились специальные учебные заведения, где такого рода люди проходили обучение. Среди них от поколения к поколению происходило нарастающее накопление одаренности, тогда как в остальной массе людей происходило нарастающее умаление и исчезновение таких функций правой доли мозга, как творчество, воображение, интуиция, глобальное восприятие действительности и другие им подобные качества, без которых не бывает открытий и прогресса. Скольких гениев — изобретателей, ученых, художников, писателей и поэтов потеряло в итоге человечество? Ответить на этот вопрос невозможно. Человечество до сих пор озабочено в основном материальными, но не интеллектуальными и духовными богатствами, которые таятся в человеке.

Между тем у остальной части человечества эти свойства ума постепенно атрофировались, в то время как потребность в способности человечества видеть не только детали, но и целое, не только локальное, но и глобальное отношение частей к целому, многомерность и сложность мира все увеличивалась.

Гиперспециализация, о которой говорилось выше, ведет к драматическому росту фрагментации знания, а стало быть, и раздроблению человеческого сознания, противостоит его целостности, развитию тех свойств человеческого мозга, которые помогают «связывать» воедино сущности различных специальных знаний — это воображение, интуиция, целостное видение «общей картины», «живущих» в правом полушарии. Знания, словно дрова, не должны складываться в штабеля, а должны тщательно обрабатываться и формироваться в систему[7].

---

[6] Еще в 20–30-е годы прошлого века группа ученых во главе с Г. В. Сегалиным выдвинула тезис, согласно которому источник гениальности — в человеческой аномалии. Сегалин утверждал, что, «стерилизуя» людей, от плохой наследственности можно добиться хороших результатов. Зато «не будет ни одного великого или замечательного человека, ибо генез великого человека связан органически с патологией, понимая патологию не как болезнь, а как биологический фактор, который является одним из сопутствующих биологических рычагов генетики и в создании природой великих людей». Ошибка почти всех психиатров, утверждал Сегалин, состоит в том, что между патологией обыкновенных людей и патологией гениальных ставится знак равенства.

[7] Ученые провели свои исследования (при этом анализировались только литераторы), сравнили проценты отягченности и вывели поразительный ряд, по которому у здоровых людей психиатрическая отягченность составила 60%, у душевнобольных — 70%, а у великих — абсолютные 100%. То есть ни один великий художник не был свободен от наследственной психиатрической отягченности (см.: Гениальность: божий дар или наказание? М., 2006. С. 9–10.)

Спросите у высокоинтеллектуального человека, как это происходит, и он наверняка скажет: «Не знаю». В «хорошо устроенной голове» это происходит как-то само собой. В ней одномоментно работают логика и интуиция, дедукция и индукция, единичное сопрягается с общим, материальное с идеальным, практическое с теоретическим, прозаическое с поэтическим, локальное с глобальным, реалистическое с фантастическим, рациональное с эмоциональным и т. д. Если определить этот сложнейший и неописуемый процесс одним словом — это слово «творчество», которое сегодня предопределяет искусство жить, превращать океан информации в жизненную мудрость. А это гораздо больше, чем профессиональное образование. Чтобы выживать и достойно жить в современном обществе, мало быть информированным и знающим, надо быть мудрым. Понимать, что сохраняют человека приверженность вечным ценностям (добро, любовь, справедливость и т. д.), несуетность, нескованность ума и души аксиомами науки и догмами веры, новейших открытий и моды.

Никто не скажет толком, что такое вдохновение, когда неконтролируемым потоком вдруг начинает бить фонтан прекрасных слов или музыки. Откуда? Из ума? Из души? Или из темных глубин подсознательного и бессознательного, сцепленных с пламенем эмоций и холодного сознания?..

Тип знания, тип педагогики, цели, предмет образования определяют тип «продукта» — тип людей, которые «сходят» с образовательного конвейера как своего рода социальные машины.

Развитие ума, логического интеллекта — это только одна, хоть и чрезвычайно важная, задача образования. Человек — это не просто ум. Человек — это душа. Важны его целостность, универсальность, тип мышления, воображение и т. д. Голову профессионала можно напичкать до предела специальными знаниями, и он будет, возможно, великолепным работником на том месте, ради которого учился. И будет совершенно неуместен («не на своем месте»), если повороты судьбы вдруг заставят его сменить род деятельности. А именно это сплошь и рядом в силу многих причин (банкротства, дурной характер хозяина, семейные неурядицы и т. п.) и происходит сегодня. Кроме того (вот мелочь какая!), человек рождается, чтобы жить, а не только работать. Понятие «жизнь» куда как шире понятия «работа». Истинную ценность представляет не рабочее, а свободное время, необходимое «для полного развития индивида», о чем писал еще К. Маркс. Человек должен благоговеть перед жизнью, восхищаться ею, воспринимать не только прозу, но и поэтику бытия, уметь открывать себя и других людей, жить в сложных ситуациях. Этому не учат в вузах. Подлинной школой жизни человека являются литература, поэзия, кино, если это, конечно, не эрзац искусства. Они открывают

эстетическое измерение человеческого существования. Но кто об этом думает сегодня?

В результате того типа образования, которое ныне культивируется в мире, неизбежно происходит массовое сужение (уменьшение) личности обучаемых. В психологии есть термин «потеря души». Иначе говоря, среднестатистический образуемый (обучаемый) человек — это человек, в котором от поколения к поколению происходит уменьшение напряжения сознания; по-другому сказать — уменьшение желания думать о том, что происходит вокруг него. У него нет стремления осмысливать проблемы жизни, он замыкается в себе, становится все более равнодушным. В нем не хватает жизненной энергии и силы воли на преодоление внешних обстоятельств. Порой безразличие и паралич воли заходят так далеко, что перерастают в психические заболевания.

Разумеется, многое зависит от той задачи, которую решает человек. Если он строит мост или плавит металл, проектирует машины — нужны одни знания, один тип личности. Если же он руководит людьми, общественной или политической организацией — необходим другой ум, другие качества души.

Скажем, политическим и общественным строительством эффективно заниматься могут только люди, нацеленные на понимание смысла жизни, мыслящие достаточно широко и глубоко, глобально и конкретно, способные целенаправленно выстраивать свою деятельность, охватывая своим умом сразу множество дел, не теряя за повседневностью стратегического плана, за деталями — общей картины. Очевидно, что это не homo faber; это — homo sapiens — человек разумный, человек понимающий; человек, наделенный мудростью, способный осмысливать действительность, понимать суть Происходящего в целостном мире. Только целостное сознание созидает, строит целостный мир. «Осколочное» сознание разрушительно.

Поскольку асимметрия мозга не является изначально заданной вообще, а в такой резкой пропорции (9 : 1) тем более; поскольку доказано, что асимметрия мозга, а значит, и свойства, продуктивность и качество мышления могут изменяться под воздействием социальных факторов, прежде всего воспитания и обучения, то разве не следует использовать эту возможность в ситуации антропологической катастрофы? Ведь именно целостность видения мира, именно способность постигать сложное и нетривиальное, именно творчество востребованы сегодня как никогда прежде. И не только от отдельных выдающихся личностей, политиков и государственных деятелей, а от миллионов и миллиардов людей. Сегодня следует придать особое значение развитию правого полушария мозга людей с детских лет и на всех этапах образования — вот в чем состоит моя мысль. Как это сделать — другой вопрос.

Чтобы понимать нынешний глобализирующийся и крайне противоречивый мир, человек должен как можно полнее задействовать весь свой мозг, в частности правое, а не только левое полушарие. Сложный мир можно постичь только сложным умом, сложным мышлением, «хорошо устроенной головой», которую можно обрести лишь с помощью правильно построенного образования человека.

Из книги «Асимметричный человек».
М., 2007. С. 38–53

БЕЛАЯ ПРАВДА БУНИНА
(заметки о бунинской публицистике)

Иван Алексеевич Бунин с полным основанием живет в сознании миллионов (в моем тоже) как великий писатель и поэт: волшебник слова, классик русской литературы, первый из российских писателей нобелевский лауреат... Национальное достояние. Национальная гордость.

И мало кто знает Бунина как публициста: его публицистика была в СССР под запретом. Лишь в 1990 г. на излете горбачевской «перестройки» были опубликованы «Окаянные дни», основанные на дневниковых записях Бунина 1918–1920 гг. Однако десятки бунинских статей и речей в эмигрантских газетах и журналах 1920–1953 гг. оставались неизвестными для российского читателя. Кроме всего прочего и потому, что Бунин завещал не переиздавать свою публицистику после его смерти.

Нашлись люди, нарушившие этот завет. Так появилась книга «Великий дурман», напечатанная в России в 1997 г. В 2000 г. издательства «ИМЛИ РАН» и «Наследие» опубликовали книгу «И. А. Бунин. Публицистика. 1918–1953 годы».

Теперь каждый может составить свое и полное представление о Бунине-публицисте и о самой его публицистике, которая, на мой взгляд, требует гораздо более глубокого анализа, чем сделан пока в немногочисленных хвалебных статьях. Дело в том, что в нынешней России Бунин, как художник, почти что канонизирован, неприкасаем; «Окаянные дни» и остальная его публицистика используются как своего рода акт обвинения Октябрьской революции и советской власти.

Между тем Бунин-публицист — нечто иное, чем Бунин-художник; бунинская публицистика — что-то совершенно особое, стоящее в стороне от его собственно художественного творчества, хотя исходит из

того же ума, той же души, и в этом смысле художественное и публицистическое вроде бы должны представлять органическое целое. Но не представляют. Вот об этом «ином» и «особом» в бунинском творчестве я и хочу порассуждать. Думаю, что дискуссии о публицистике Бунина еще впереди, и они будут проходить в жестких спорах.

Никто не может стать великим писателем или поэтом, не будучи одновременно глубоким философом и мыслителем. Я не встречал статей, в которых о Бунине говорилось бы в таком роде. Может потому, что доказывать это и не требуется. Именно в силу выдающегося ума, уникальной наблюдательности и прозорливости бунинская публицистика великолепна не только по форме, стилю и языку, чем Бунин славен прежде всего, но также по точности многих оценок тех событий, свидетелем которых он был.

Публицистика Бунина, несомненно, **художественная**. Из лихорадочного, страстного потока слов, срывающихся с языка без раздумий, без всякой подготовки, с ходу, из криков ужаса, охватившего Бунина при виде того, что происходило в ходе Октябрьской революции 1917 г., что творили, как он говорил, эти «полудикари», эти «хамы», эта «чернь» в годы гражданской войны; из бури бунинских эмоций, едва успевавших облечься то в блестящие импровизации, то в схваченные на лету выразительные зарисовки уличных картин и персонажей, а то в неточные и «страшные слова», неумеренные выражения, поспешные оценки, шаржи и карикатуры мужиков, красноармейцев, большевиков и их вождей, перед глазами встает фигура буквально погибающего от возмущения и бешенства человека — фигура живописная и трагическая, фигура, переживающая катаклизмы российской истории с таким страданием, с каким можно переживать только свою собственную и невыносимую физическую боль; фигура воистину героического типа, одержимо утверждающая свою правду и готовая ради нее идти своим путем до конца, хоть на дыбу, хоть на крест. Нынешним публицистам учиться и учиться у Бунина не только мастерству слова, но бесстрашию и мужеству, непродажности, верности своим взглядам и своему долгу.

Скажу, однако, и другое: читать бунинскую публицистику, перечитывать «Окаянные дни» мне было тяжело, а временами — крайне неприятно. В своих взглядах на жизнь и историю Бунин чрезвычайно пристрастен и тенденциозен, чего он сам не отрицал. Страсть затмевает человеку разум.

О прошлом, о том, что было, но что смела революция, Бунин пишет с теплотой и нежностью. И его нельзя не понять: там осталось все лучшее в его жизни и все его надежды.

И никакого намека на светлое ни в настоящем, ни в будущем. Все акценты в бунинской публицистике сделаны исключительно на нега-

тивном, грехах и темных сторонах революции, новой власти и революционной «толпы». Бунин в упор не хотел видеть хоть что-нибудь положительное в революции и во всем, что происходило вокруг, старательно собирал все дрянное, ужасающее, ничтожное, чем полна жизнь во всякие времена и всюду, но особенно — в период разломов истории и смут. Слишком много злобы, слишком много желчи, слишком много ненависти. Слишком. Несогласие и протест вызывают именно перехлёст, нарушение чувства меры. «Люблю и ненавижу» одномоментно — вот состояние, в котором пребывал Бунин долгие годы эмиграции. «Кто смеет учить меня любви к России?» — возмущенно вопрошал он. И тут же из его груди исторгался вопль: «Мщения, мщения!».

Признанный одним из лучших писателей своего времени, Бунин-публицист говорил с миром от имени русской литературы, русской культуры, полагая, что исполняет миссию перед русской историей. Говорил о России, о русской душе, русском характере, русском народе, русской истории, о русской революции, о власти большевиков и ее вождей, о мировой революции и советской власти. Не говорил, а приговаривал, полагая, видимо, что он не только имеет на это право, но и способен дать верные ответы на все вопросы бытия.

Разумеется, есть немало вещей, где Бунин прав, с ним должен согласиться любой разумный человек. Как можно, например, возражать его яростному протесту против восстаний, революций, войн и всякого насилия? Да, именно в эти моменты истории из человека вырывается все низкое, животное, зверское, происходит одичание и варваризация народа.

Но как избежать революций? Вот вопрос вопросов! На этот фундаментальный вопрос Бунин отвечает наивными словами Льва Толстого, которыми тот пытался упредить царя Николая II от революции, советовал ему: «Любите врагов своих!..» «Идите по пути христианского исполнения воли Божией...». И так — во многих случаях.

Как человеку огромного таланта, Бунину во многом можно верить. Особенно в постановке вопросов. Но верить Бунину в ответах во всем, слепо и безрассудно, нельзя. Бунин не все понимал. Бунин кое в чем заблуждался, кое в чем крупно ошибался. А кое-что (ради «художественности»), судя по всему, домысливал, а то и выдумывал...

О документальности

Как известно, публицистика — это литература по общественно-политическим вопросам современности. Но в какой степени публицистика как род литературы может быть художественной? Конечно, прежде всего — это вопрос талантливости автора. Но будь ты гений среди гениев, коль взялся за публицистику, то поневоле погружаешься в политику, а значит, и в идеологию — особые и сложнейшие сфе-

ры жизни и области специального знания. Представить, будто «Окаянные дни» — это **«художественное произведение»**, в котором есть страницы, «которые могут сравняться с лучшим из всего, что написано Буниным» (Алданов, 1935:472), как это писал М. А. Алданов, — это слишком. На мой взгляд, «Окаянные дни» — документ сугубо политический, идеологический, талантливо окрашенный в художественные краски и тона. Но качество публицистической литературы определяется не художественностью, а глубиной проникновения в социальную материю, и главное — ответами на злобу дня. Не злобой, не ненавистью, а истиной, способной разрешить противоречие, конфликт. Но такой позитивной задачи Бунин перед собой даже не ставил. Рефлексировал, рисовал...

Безусловно, публицистика — неотъемлемая часть творческого наследия И. А. Бунина, **документ времени**. Но это документ, в который, как отмечает, например, Даниэль Риникер, Бунин не раз вносил **многочисленные** правки — стилистические, документальные, идеологические. Мало того, что сам текст «Окаянных дней» лишь основан на дневниковых записях Бунина московского и одесского периода 1918–1920 гг. его жизни, а в основном написан заново в 1925–1927 гг. уже в Париже по просьбе редактора газеты «Возрождение» П. Б. Струве, Бунин, «готовя «Окаянные дни» для берлинского собрания сочинений, значительно **переработал** текст по сравнению с газетным вариантом. Однако эта правка не была окончательной...» (Иван Бунин, 2001: 629). «Изучение этой правки показывает, что она носила как стилистический, так и **идеологический** характер» (там же). Многократное и тщательное исправление текста все-таки не могло не исказить документального начала. «В тексте «Окаянных дней», — замечает Д. Риникер, — обнаруживаются **пласты**, различающиеся по **происхождению** и по **времени написания**» (там же: 641).

Стоит задаться вопросом: *что* служило главным источником глубокомысленных выводов и ожесточенных высказываний Бунина? Газеты и слухи.

«Всё слухи и слухи, — пишет он в «Окаянных днях» 12 апреля 1919 г. в Одессе. —Бешенство слухов. Петроград взят генералом Гурко, Колчак под Москвой, немцы вот-вот будут в Одессе» (Бунин, 2006d: 309). Ничего этого на самом деле не происходило, но Бунин жил слухами и надеждой, что они сбудутся.

Вот выдержки всего из двух страниц «Окаянных дней» (там же: 292–293) от 28 февраля 1918 г. «Вести со Сретенки — немецкие солдаты заняли Спасские ворота»; «Слух, что в Москве немцы организовали сыскное отделение» (там же, 293); «В Петербург будто бы вошел немецкий корпус»; «Говорят, что Москва будет во власти немцев семнадцатого марта» (на самом деле этого не было. — *И. И.*); «Рассказы-

вал в трамвае солдат...»; «Д. получил сведения из Ростова...»; «Д. прибавил: «Большевики творят в Ростове ужасающие зверства... расстреляли 600 сестер милосердия; ну, если не шестьсот, то все-таки, вероятно, порядочно»; «Повар от Яра говорил мне...»; «Вести из нашей деревни...». И так — едва ль не на каждой странице.

Читаешь, и тебя, сегодняшнего, тоже вдруг охватывает неосознанный ужас. Понятно, что кроме газет и слухов других источников информации Бунин не имел и не мог иметь, жил в великом расстройстве и панике. Но разве, читая эти статьи сегодня, мы не должны учитывать бунинское психологическое состояние и нескрываемую пристрастность?

10 февраля 1918 г. Бунин пишет: «Еще не настало время разбираться в русской революции беспристрастно, объективно... Это слышишь теперь поминутно. Беспристрастно! Но настоящей беспристрастности все равно никогда не будет. А главное: наша «пристрастность» будет ведь очень дорога для будущего историка. Разве важна «страсть» только «революционного народа»? А мы-то что ж, не люди, что ли?» (там же: 282).

Люди, конечно же, — люди! Только другие люди — господа, люди других сословий, других интересов, чем интересы простонародья, «полудикарей», «черни».

Бунинская публицистика, особенно «Окаянные дни», — это в значительной мере коллекция слухов, домыслов, а кое-где, наверняка, и его богатейшего воображения, о котором он сам говорил, сопоставляя свою способность фантазировать с аналогичным даром Л. Н. Толстого. 11 марта в «Окаянных днях» запись: «Толстой сказал про себя однажды: “Вся беда в том, что у меня воображение немного живее, чем у других...” Есть и у меня эта беда» (там же: 296).

Слова, которые сами вот так, без раздумий, с ходу, без всякой подготовки срываются с языка, — самые правдивые. Но сколько в них истины? Вот вопрос. Если твоя рефлексия построена сплошь на слухах, а слухи тоже на слухах, то сколько смысла в твоей правдивости, какой прок от нее?.. Правда, сказанная злобно, лжи отъявленной подобна. Часто протест вызывает не правда сама по себе, а то, каким образом она подана.

Конечно, можно полагать, что правда заключается не в том, чтобы нести истину, а в том, чтобы говорить то, что думаешь. Но вряд ли этот принцип подходит к Бунину. Он жаждал перемен от сказанного им, особенно поначалу. Но для этого одной правды, одной стойкости и готовности висеть за свою правду, хоть на кресте, мало. Правда о делах общественных должна все же как-то совпадать с истиной, а не противоречить ей. Бунин противоречив, и это не беда, когда бы не испепеляющее пламя ненависти на всех, кто не «икона», кто только что

почитался «иконой», да перешел в другую гавань... А правдолюбие, кроме всего прочего, обычно связано с желанием во всяком находить хорошее, а не только дрянное. Отчаянное, безмерное правдолюбие без стремления открыть свет в конце туннеля — нередко лишь проявление безмерной гордыни...

О революции

О том, что Бунин не принял революцию, известно. Согласно соросовским учебникам, школьникам рассказывают, что никакой «великой» и «социалистической» революции в октябре 1917 г. в России не было, а был «большевистский переворот», «захват власти», да и то случайный. Такими же словами говорит о революции и Бунин. Вот некоторые его высказывания по этому поводу.

«Тихонов рассказывал мне, — пишет Бунин, — как большевики до сих пор изумлены, что им удалось **захватить** власть и что они всё еще держатся» (Там же: 297). «Луначарский после переворота недели две бегал с вытаращенными глазами: да нет, вы только подумайте, ведь мы только демонстрацию хотели произвести, и вдруг такой неожиданный успех!» (Там же). Позднее Троцкий писал в дневнике: «Если бы в Петербурге не было бы ни Ленина, ни меня, не было бы и Октябрьской революции» (Там же: 414).

«**Неизбежна была революция или нет?** — спрашивает Бунин. И говорит: «**Никакой** неизбежности, конечно, не было, ибо, несмотря на все недостатки, Россия цвела, росла, со сказочной быстротой развивалась и видоизменялась во всех отношениях... Была Россия, был великий, ломившийся от всякого скарба дом» (Бунин, 2006b: 391).

Тут Иван Алексеевич серьезно ошибался.

Проблема, которую не хотел знать и понимать Бунин, состояла в том, что в XX век Россия вошла с **феодальной идеологией, с представлением о божественном происхождении царской власти, неограниченным самодержавием, отрицанием Конституции,** необходимости парламента и политических партий. На фоне того, что произошло в Европе уже сотни лет назад, это был вызов, которого царь даже не скрывал, напротив, открыто бросил обществу.

17 января 1895 г. при восшествии на престол в своей тронной речи Николай II прямо сказал: «Бессмысленно мечтать о всякой Конституции». В том же году царь твердо поддержал расстрел рабочей демонстрации в Ярославле, направив телеграмму, в которой говорилось: «Спасибо молодцам-фанагорийцам за стойкое и твердое поведение во время фабричных беспорядков».

О том, что К. Маркс еще в 1870 г. был убежден, что «в России неизбежна и близка грандиознейшая социальная революция», и повторял это неоднократно; о том, что скорая русская революция, как гово-

рил Ф. Энгельс, станет «поворотным пунктом во всемирной истории»; о том, что в «Письмах издалека» В. И. Ленин предрекал, что революция 1905 г. и Февральская 1917-го должны привести Россию к революции социалистической» — царь Николай знать не знал — что за «людишки»? Слыхом не слыхивал об этом, надо думать, и Бунин.

Николай II, причисленный ныне к лику святых как великомученик, был очень слабым правителем, не способным принимать адекватные решения, верно реагировать на ситуацию, о которой ему осмеливались докладывать.

Еще в 1902 г. министр внутренних дел России Плеве в докладной записке царю говорил: «Если бы 20 лет назад, когда я управлял департаментом полиции, мне бы сказали, что **России грозит революция**, я бы только улыбнулся. Нынче я вынужден смотреть на положение иначе». В феврале 1914 г. министр внутренних дел России Дурново́ сообщал самодержцу, что «в случае неудачной войны в России **неизбежна** социалистическая революция».

Откуда мог знать обо всем этом Бунин? Зато с полной уверенностью писал, что на Октябрьскую революцию «чернь» провоцировали большевики. И был убежден, что абсолютно прав. Хотя в ту пору уже случились революция 1905 г., Февральская революция 1917-го, которые давали повод для глубоких размышлений.

Бунин пишет: «Ключевский отмечает чрезвычайную повторяемость русской истории» (Бунин, 2006d: 343).

Во взглядах на революцию Бунину были по душе и слова Наполеона: «Что породило революцию? (французскую. — *И. И.*) Честолюбие! Что остановило ее? Честолюбие!».

«Честолюбие!..» Нет же: «повторяемость» причин любой революции, будь то английская, французская или какая-то иная: нарождающейся российской буржуазии было тесно и душно в атмосфере феодально и (по сути) всё еще крепостнических отношений. В 1902 г. в забастовках и стачках участвовали 694 тысячи рабочих, в октябрьской стачке 1905 г. — уже более 2 миллионов. Поэтому Февральская революция была буржуазно-демократической, нарождавшийся рабочий класс не мог смириться с угнетением, эксплуатацией и невыносимыми условиями труда на фабриках и заводах. Царь вынужден издать «Манифест» (компромисс! — *И. И.*) и обещать народу новые свободы.

«Из нас, как из дерева, — и дубина, и икона», — не раз цитирует в своих статьях Бунин русскую пословицу. «Из нас» — это из кого? Или «дубина» — из «черни», «икона» — из помещиков, дворян, князей и прочая?.. Имущего класса? Белой кости?..

«Если бы я эту «икону», эту Русь (? — *И. И.*) не любил, из-за чего бы я так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так беспрерывно, так люто? А ведь говорили, что я только ненавижу» (там же: 311).

«Икону» Иван Алексеевич любил. А тех, кто пел «Дубинушку»?.. Задумывался ли о том, почему из одних — только «иконы», а из других — только «дубины»; нет ли тут подвоха какого в устройстве жизни, и доколе такое будет продолжаться?.. Конечно, думал и понимал: зря что ли брат его Юлий водил в молодости по радикальным кружкам? Но не желал никаких радикальных перемен Бунин, да и зачем хотеть, если ты, хоть обедневший, но все же дворянин, уже знаменит на всю Россию, как говорится, «сыт, пьян и нос в табаке»?

«Честолюбие!..» Если б только! «Повторяемость»: нищета и голод постоянно и остро давали знать себя в российских деревнях, где в начале XX в. проживало 85 процентов населения. Через каждые три-четыре года в стране — неурожаи, а вслед за ними — голод. В 1891–1892 гг. в России от голода умерли сотни тысяч человек. Через каждые 10 лет в России случался большой неурожай и — большой голод. В 1911 г. голод охватил 20 губерний с населением в 30 миллионов человек.

Статистика: накануне 1917 г. в России насчитывалось около 2 миллионов богатых крестьян. Немало! Еще около 3 миллионов относились к середнякам. Но 10 миллионов (две трети) крестьян были бедняками: ни кола, ни двора; ни лошади, ни коровы. В сущности своей, батраки всё те же крепостные, хоть и «свободные», вынужденные гнуть спину на новых хозяев, еще вчера таких же крепостных, как они, которые были зачастую еще более жестокими и безжалостными, чем прежние баре. Рано или поздно бедный крестьянин должен был заявить о своих нуждах и страданиях. И когда в годы Первой мировой войны его одели в шинель и дали в руки винтовку, «человек с ружьем» стал естественным резервом тлевшей революции. А когда революция грянула, встал под знамена тех, кто обещал мир, землю и хлеба. Это были большевики. Это был Ленин.

Ленин, большевики прекрасно понимали «шаткость», переменчивость настроений, расколотость народа на несколько слоев: на зажиточных, довольных собой и жизнью; живущих трудно, но колеблющихся, к бунту не готовых; на бедных и нищих, голь перекатную, «проклятьем заклейменных» на то, чтобы рождаться, жить и умирать в голоде и холоде, в услужении, без всякой надежды для детей или хотя бы внуков и правнуков выбиться «в люди». Таких в России было абсолютное большинство — хоть среди нарождавшегося рабочего класса, хоть среди крестьянства, деды и отцы которых всего полвека назад еще пребывали в крепостных — в рабстве. Кому мила такая судьба? «Чернь» и «нелюдь» сознавали, что они «никто» и «ничто». И когда провозгласили, что «никто» станет «всем», они восстали.

Был ли Ленин честолюбив? Наверное, почему бы нет? Человек, лишенный честолюбия, не добьется ничего в любой области. Сам Бунин — воплощенное честолюбие. Зато какой чудный писатель и поэт!..

«Всё спешим влить вино новое в мехи старые и — что ж?» — вопрошает Бунин. В подтверждение бессмысленности таких занятий цитирует Шиллера: «Попытка французов восстановить (? — *И. И.*) священные права людей и завоевать свободу обнаружила только их бессилие... Развращенное поколение оказалось недостойно этих благ... Что мы увидели? Грубые анархические институты, которые, освобождаясь, ломают все социальные связи и с непреодолимой яростью торопятся к животному самоудовлетворению... Явится какой-нибудь могучий человек, который укротит анархию и твердо зажмет в своем кулаке бразды правления...».

«А Великая Английская революция? — вновь вопрошает Бунин теперь уже цитатой Герцена. — Кромвель, величайший злодей, казнит Карла и губит миллионы (? — *И. И.*) людей, уничтожает ту самую свободу, за которую он будто боролся... Меняются формы, но не сущность...» (Бунин, 2006а: 380–381). И добавляет от себя: «То же было во Франции с ее Маратами и Робеспьерами, в Испании, в Америке, в России... Посредством убийства осуществлять человеческое благо! Достигать равенства насилием, тогда как насилие самое резкое проявление неравенства» (Там же: 381).

Сто́ит ли возражать сразу трем великим людям — Шиллеру, Герцену и Бунину, — не находясь на той же высоте общественного признания, что и они? Тем более что во многом они правы... Нельзя полагать восстание и революцию благом. Нельзя не согласиться с тем, что революции развязывают в людях темные инстинкты и ведут к неизбежному разрушительству. Нельзя не согласиться с тем, что «насилие есть самое резкое проявление неравенства». И это далеко не всё, что надо признать истинами, по поводу которых спорить было бы глупо и смешно. Но эти истины — истины не полные, не окончательные, признанием которых можно было бы остановить бесконечную череду народных бунтов, восстаний и революций, происходящих во всех странах от древних времен до нынешних дней. Революции, увы, всё же свершаются, доказывая этим фактом свою неизбежность, а порой и необходимость — «в конце концов».

Всё неимоверно сложней, чем это представлено в статьях и дневниковых записях Бунина. Даже Лев Толстой, Герцен и Шиллер тут ему не в помощь, во всяком случае, положение дел не спасают.

Вряд ли человек рождается революционером. Вряд ли кто со школьной скамьи мечтает совершать революции. К сожалению, человеческие общества устроены так, что сами формируют спрос на людей такого толка, которые с некоторого момента своей жизни становятся на путь «профессиональных революционеров». И коль скоро такие люди в обществе существуют, то по мере накопления их количества революция становится неизбежностью, рано или поздно — в зависи-

мости от того, как себя чувствуют люди в верхнем эшелоне власти рядом с верховными правителями, как живется людям второго и третьего сословий, а также простонародья, которое в любом обществе обычно составляет большинство.

Исследователи революций, которых в пору жизни Бунина было еще совсем немного и труды которых он не мог читать, заметили, в частности, что у каждой революции есть **общие и особенные причины**, свои **движущие силы**. И это почти всегда — **люди высшего света**, либо **высшего духовного слоя**, недовольные устройством экономической и политической жизни, но никак не «чернь», не простой народ сам по себе, от которых можно ждать бунта, восстания, но не революции, ведущей к переустройству всех основных форм, а значит, и сущности существующего строя. Замечено, что за революцией всегда следует **контр**революция, **откат назад**, к исходным позициям, попытка **реставрации** прежних форм жизни, порой удающаяся, но не навсегда. Замечено, что **длина отката** в прошлое зависит от того, **насколько далеко** шагнула революция в своем стремлении к «обновлению» и разрушительстве существовавшего образа жизни. Замечено, что высшие цели революции достигаются через компромисс между революционными и контрреволюционными силами, и происходит это **не враз**, а постепенно, в ходе их борьбы год за годом, на которую уходят **десятки, а то и сотни лет**.

Вот **Великая Английская революция**, на которую, цитируя Герцена, ссылается Бунин... Не ясно, почему он берет отсчет английской истории (быть может, самой кровавой из всех в мире, в том числе российской) именно от Кромвеля? Ведь эта революция была лишь продолжением и завершением целой серии революций и гражданских войн, потрясавших Англию с гражданской войны 1258–1268 гг., в результате которой в **1265 г. был создан первый в мире парламент**, состоявший сплошь из знати. В нем не было места «народу», часть которого была на стороне короля и феодалов, а часть — на стороне нарождавшейся буржуазии, хотя такого понятия в тот момент еще не существовало. И причина, по которой «народ» дрался сам с собой и убивал друг друга, была вовсе не в том, чтобы защитить интересы своих господ, нет. Этой причиной были нищета и голод, которые всегда влекли и загоняли обездоленных в тот стан, где им заманчивей пообещали будущую сытость и крышу над головой. Что касается борьбы между Парламентом и династией Стюартов с ее сторонниками — феодалов за абсолютную королевскую власть, то «народ» об этом мог и не догадываться: зачем это господам с обеих сторон?.. И разве не то же самое было в борьбе «белых» и «красных» в русской революции? В разгар Гражданской войны и «красные», и «белые» ввели воинскую мобилизацию. К лету 1919 г. в Северной Армии «белых» из 25 тысяч человек

14 тысяч были пленными красноармейцами. Альтернатива была простой: попал в плен — или с винтовкой против «красных», или пуля в лоб. То же происходило у Деникина, Колчака и Врангеля. То же — и в «красном» стане...

В разрыве времен почти в 400 лет между 1295 годом, когда в Англии был создан «Образцовый парламент» при абсолютной власти короля (компромисс!), и началом очередной революции и гражданской войной 1642 года страну потрясали множество восстаний и революций. В 1641 г. казнен граф Стаффорд, фаворит короля. Парламент победил лишь потому, что за ним стоял восставший «народ» и прежде всего Лондон. Страна и народ были поделены на две части, две Англии. Весной 1648 г. вспыхнула новая гражданская война, которую принято именовать Великой Английской революцией. И произошла она не по воле «народа» и Кромвеля, который только тут и появляется на политической и общественной сцене, а вследствие попытки Карла I взять реванш и вернуть себе власть. Парламент победил Карла I. В 1649 г. король был казнен. А Кромвель, в конце концов, стал диктатором, разогнал парламент, восстановил палату лордов (реставрация! — *И. И.*) и чуть было не возложил на себя королевскую корону, но заболел, умер, мертвый извлечен был из могилы и повешен... 19 мая 1649 г. Англия стала **первой в мире парламентской республикой**: высшая **цель революции** 1258–1268 гг. была наконец-то достигнута.

Тем не менее, в 1660 г. совершилась реставрация (! — *И. И.*) королевской династии Стюартов; король согласился санкционировать основные завоевания буржуазной революции (компромисс! — *И. И.*). Но «народные» волнения не утихали: в 1688 г. началась «славная революция», результатом которой в 1689 г. стал компромисс (! — *И. И.*) между представителями феодальной монархии (старое) и неплохо державшейся на ногах буржуазией (новое).

Вот штрихпунктирное изложение истории «английской революции» (четырех революций!) длиной почти в 400 лет, в ходе которой погибли действительно миллионы человек, но Кромвель тут хоть и заметная, но проходная фигура. Всё гораздо значительней, масштабней и мрачней в истории этой страны, давшей миру «образец» революционного переустройства общества...

Это сейчас Великая Британия, от которой остались только Англия, Шотландия и уже скоро семьсот лет воюющая с центральной властью Ирландия, выглядит такой мирной, сытой и особо заманчивой для новых российских богатеев. Но когда я, путешествуя по этой стране, посещал её замки и музеи, слушал гидов, зная то, о чем только что поведал, мне временами становилось жутко, хотелось крикнуть окружавшим меня людям: «Слушайте! И это вы сейчас учите нас, русских, правам человека, свободе и демократии? Вы, сотни лет топившие

свою страну, а потом и многие другие страны в океане крови? Вы, тогда наши «союзники» во Второй мировой войне, холодно и расчётливо наблюдавшие за тем, как русский народ истекает кровью в борьбе с фашизмом, выжидавшие, кто кого победит: Гитлер — СССР или Сталин — Германию? Вы, задумывавшие вместе с США еще в ходе этой войны, в 1942 г., напасть на Советский Союз, а потом планировавшие начать Третью мировую войну сразу по окончании Второй мировой — 1 июня 1945 г.? Вы смеете учить нас?!.».

Но, поостыв, думал: «В каком-то метафизическом смысле, быть может, всё же такое право они имеют, ибо выстрадали его, только почему всё сваливают на Русь, Россию и русских? Почему про свой горький опыт сказать «стесняются»?..

Вот что думаю я, когда читаю размышления Бунина о революции и грехах «большевиков», действительно существующих, но не исключительных.

Бунин не понимал (не хотел понимать?), что «окаянные дни» наступили не «вдруг», а стали искуплением грехов и ошибок российской самодержавной власти, копившихся столетиями. Думать, будто для постижения смыслов истории и логики общественного развития достаточно лишь писательской наблюдательности и писательского таланта, мне кажется, весьма наивно. А Бунин, видимо, именно так и полагал. В его записках и статьях, кроме имен Льва Толстого да не слишком чтимых им Достоевского и Герцена, из значительных фигур не встречается никто. Маркс и Ленин как знатоки общественной жизни для Бунина существа ничтожные, отрицательно-негативные. А это были, что ни говори, великие умы. Между тем, сам Бунин был не более чем тонкий знаток, холодный наблюдатель жизни российской деревни, добросовестный фиксатор происходивших в ней процессов, но не противник назревавшего окаянства, исполненный желания излечить общественный недуг. Великолепный рисовальщик с натуры. Поэт — не врач, он только боль, струна и нерв?.. Страсть в душе Бунина забурлила, забила ключом лишь в тот момент, когда «дурман» и «окаянство» вырвались наружу и разнесли в клочья всё, что рисовал он в своей знаменитой «Деревне»...

Когда мы говорим о Бунине-публицисте, надо помнить, что он — помещик, аристократ, православный монархист, всей своей сутью тяготевший к старой дворянской культуре и устоявшемуся образу жизни. Этот достоверный исторический факт невозможно игнорировать. Бунин видел и описывал то, что хотел видеть, и не видел, не хотел видеть, знать и понимать то, что не отвечало его воззрениям. А временами просто не понимал, что не понимает. В том нет ничего необычного: человек — существо ограниченное. Бунин был человек... Человек со своей — Белой правдой. Ко всем другим правдам относился свы-

сока, презрительно. Для него не было правды ни мужицкой, ни рабочей, ни «красной», а были только Белая идея и Белая правда.

Но что есть Белая идея? Знаменитый русский религиозный философ Иван Александрович Ильин, высланный из СССР в 1922 г. за антиреволюционную деятельность, широко и внятно изложил эту идею в предисловии к сборнику «Белое Дело», изданному в Берлине в 1926 г. Белая идея, по Ильину, это не «вооружённая контрреволюция»; не «реакция», не «реставрация»; дело не «сословное», не «классовое», дело не «личное», не «партийное», не «имущественное», не «мстительное».

«Белое Дело, — утверждал Ильин, — это Белый Дух, Белое Сердце, Белая Воля... Белые никогда не защищали и не будут защищать ни сословного, ни классового, ни партийного дела: их дело — дело России — родины, дело русского государства. И самая белизна личной воли определяется именно этой способностью — жить интересами целого, бороться не за личный прибыток, а за публичное спасение, потопить и сословное, и классовое, и партийное дело — в патриотическом и государственном... Мы свободны и от революционных, и от реакционных предрассудков; и то, чего мы желаем для России, это — исцеление и возрождение, здоровье и величие, а не возврат к тому негодующему состоянию, из которого выросла революция со всем ее позором и унижением». **«Россия была духовно больна перед смутой, революция явилась, как обострение и развитие этой болезни».**

Прекрасные слова!

Но! «Белые обороняют дело духа на земле, — продолжал Ильин, — и считают себя **правыми** перед лицом Божиим. Отсюда религиозный смысл их борьбы: она направлена против сатанинского начала и **несет ему меч…**».

Исследователи бунинского творчества пишут о Бунине как «беспрекословном и последовательном стороннике Белой идеи и Белого движения» (Бунин, 2000: 5). «Белые», по Бунину, — это те, «у которых всё отнято, поругано, изнасиловано, убито, — родина, родные колыбели и могилы, матери, отцы, сестры...» (Бунин, 2006d: 318). «Белые — это помещики, фабриканты, кровопийцы, пауки, угнетатели, деспоты, сатрапы, мещане, обскуранты, рыцари тьмы и насилия» (там же: 334). «Белые» — это Авель; «красные» — это Каин. В марте 1919 г. Бунин говорил: «...Я чувствую, что я не должен быть писателем, а должен принимать участие в правительстве», «... всё больше и больше думаю, чтобы поступить в армию добровольческую и вступить в правительство» (там же: 8).

Абсолютно «своим» считали Бунина и в Белом стане. В августе 1920 г. П. Б. Струве от имени правительства Вооруженных сил Юга России пригласил Бунина в белый Крым: «...Мы решили, что такая

сила, как Вы, гораздо нужнее сейчас здесь у нас на Юге, чем за границей» (там же). Представьте: Бунин стал членом Правительства на Юге, куда его приглашал П. Струве с согласия Врангеля, и что бы произошло в случае их победы? Бунин был барин, помещик-крепостник, православный монархист. Вот это и есть векторы его мыслей и действий: на барщину, мужички! Или — к стенке. В злобе нет исхода. Ненависть грозит, злоба мертвит, но не плодоносит.

В ноябре 1920 г. армия Врангеля была разбита... Бунин остался в Париже...

Бунин пытается представить дело так, будто его правда — особая, кристально чистая, дистиллированная, абсолютная. В 1919 г. он определил своё политическое «кредо» в таких словах: «Я не правый и не левый — я был, есьм и буду непреклонным врагом всего глупого, отрешенного от жизни и злого, лживого, бесчестного, вредного, откуда бы оно ни исходило». Но, кажется мне, что это позиция не человека, а Бога, парящего надо всем и надо всеми. Осмысливая бунинскую публицистику, надо понять (скажу в третий раз!), что Бунин был хоть и выдающийся, но только человек, а не Бог.

Понимал ли Бунин, что «русская революция» победила не соблазнами большевиков, а потому что в стране был общенациональный, как говорят сейчас, «системный кризис»? Что народу осточертела война, что крестьяне изголодались, что царь и его власть до самого дна исчерпали доверие подданных? 240 тысяч солдат петроградского гарнизона перешли на сторону революции — это как? Когда в непримиримом конфликте сошлись Красная идея и Белая идея, то почти половина русских армейских офицеров и больше половины офицеров и генералов Генерального штаба (цвет армии!) пошли служить в Красную армию. Это — как? На сторону революции перешла бóльшая часть Центрального аппарата русской **военной разведки** во главе с генерал-лейтенантом Н. М. Потаповым!.. Царские генералы и офицеры не были большевиками и почти никто из них не вступил позднее в партию. Их выбор определялся гражданским долгом, любовью к России и ее народу.

30 мая 1920 г., когда на польском фронте сложилось угрожающее положение, знаменитые генералы А. А. Брусилов и М. Д. Бонч-Бруевич вместе с большой группой генералов издали обращение «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились»: «В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старые боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную армию и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что

бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку Россию».

Отвечая на обвинения «белых» однокашников, бывший начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Бонч-Бруевич писал: «Суд истории обрушится не на нас, оставшихся в России и честно исполнявших свой долг, а на тех, кто препятствовал этому, забыв интересы своей Родины и пресмыкаясь перед иностранцами, явными врагами России в ее прошлом и будущем».

В силу неопровержимой пристрастности Бунин видел всё происходившее в России в годы революции, гражданской войны и советской власти под своим углом зрения и объяснял его сообразно своим взглядам и убеждениям пятидесятилетнего знаменитого человека и помещика. Что ему не нравилось, того он не замечал или с ожесточением опровергал, и наоборот, выпячивал выгодное его представлениям.

Например, Бунин «упускает из виду» тот факт, что Гражданскую войну в 1918 г. развязало Белое движение, изначально надеясь на решающую помощь Антанты, то есть интервентов. Бунин наверняка знал, но «не придавал значения» тому, что без западных поставок вооружения, обмундирования и материалов, особенно Англией, Белое движение вообще не могло бы образоваться. Бунин то ли не знал, то ли знал, но не хотел признавать и понимать, что ненависть к России всегда жила на Западе и «белый проект» вынашивался там задолго до Февральской и Октябрьской революций.

Бунин знал, что Колчак назначен Верховным правителем России Англией и США; что Деникин сознательно работал на Запад. Бунин должен был понимать и то, что иностранные державы используют Белое движение в борьбе с революционным народом, не жертвуя своей «живой силой», но в случае победы «белых» им гарантирована возможность «обустройства» России на свой лад и в своих интересах.

Где были в тот момент русские чувства и патриотизм Бунина? В годы Октябрьской революции и Гражданской войны они словно испарились из его души.

Пусть придут любые иностранцы — немцы, англичане, французы, финны, поляки, всё равно, кто! Пусть захватят Москву и Кремль, Петербург и Зимний дворец! Пусть оккупируют хоть всю Россию, только бы избавили от русской «черни», «полудикарей», от большевиков. «Лучше черти, чем Ленин!..» — пишет Бунин. Читаем в «Окаянных днях»: «В газетах — о начавшемся наступлении немцев. Все го-

ворят: «Ах, если бы!»... Вчера были у Б. Собралось порядочно народу — и все в один голос: немцы, слава Богу, продвигаются, взяли Смоленск и Бологое... Слухи о каких-то польских легионах, которые тоже будто бы идут спасать нас... Немцы будто бы не идут, как обычно идут на войне, сражаясь, завоёвывая, а «просто едут по железной дороге» — занимать Петербург... После вчерашних вечерних известий, что Петербург уже взят немцами, газеты очень разочаровали... В Петербург будто бы вошел немецкий корпус. Завтра декрет о денационализации банков... Видел В. В. Горячо поносил союзников: входят в переговоры с большевиками вместо того, чтобы идти оккупировать Россию» и т. п.

А вот записи Бунина из Одессы:

«Слухи и слухи. Петербург взят финнами... Гинденбург идет не то на Одессу, не то на Москву... Все-то мы ждем помощи от кого-нибудь, от чуда, от природы! Вот теперь ходим ежедневно на Николаевский бульвар: не ушел ли, избави Бог, французский броненосец, который зачем-то маячит на рейде и при котором все-таки как будто легче».

О народе

Народолюбие вызывало у Бунина только сарказм. «Чернь» и «полудикари» (Бунин, 2006d: 342), «проклятые обезьяны» (там же: 331), «скотина без пастуха» (там же: 322) — вот что такое народ для Бунина. Эти слова разбросаны по всем его статьям. Вот несколько зарисовок...

«Слишком много было и есть у нас субъектов чистой уголовной антропологии. Разбойнички муромские, брянские, саратовские и прочая, прочая, бегуны, шатуны, ярыги, голь кабацкая, пустосвяты, на сто тысяч коих — один святой...» (Бунин, 2006a: 384). «А в красноармейцах главное — распущенность. В зубах папироска, глаза мутные, наглые, картуз на затылок, на лоб падает «шевелюр». Одеты в какую-то сборную рвань. Иногда мундир 70-х годов, иногда, ни с того ни с сего, красные рейтузы и при этом пехотная шинель и громадная старозаветная сабля» (там же: 333). «...Красная аристократия: матросы с огромными браунингами на поясе, карманные воры, уголовные злодеи и какие-то бритые щеголи во френчах, в развратнейших галифе, в франтовских сапогах непременно при шпорах, все с золотыми зубами и большими, темными, кокаиническими глазами...» (там же: 317). «А народ не виноват!.. Народ будет впоследствии валить всё на другого — на соседа и еврея: «Что ж я? Что Илья, то и я. Это нас жиды на всё это дело подбили» (там же: 306).

«Ну, а «белые» — они, конечно же, сплошь орлы!» — полагал, надо думать, Бунин. И народу советскому «белых» представляли именно так. Вспомним атаку каппелевцев в фильме «Чапаев» (кто видел его): идут бесстрашно, плечо к плечу красавцы-офицеры — рослые, в па-

радных кителях с золотыми погонами, штыки блестят, падает впереди шагавший, его тут же замещает шедший сзади... И никакие пулеметы им не страшны!..

А ведь о «белых» в ту пору можно было говорить столь же ядовито, как и про красноармейцев. Вот свидетельство одного из артиллерийских офицеров Э. Н. Гиацинтова: «Мне смешно смотреть кинокартины, в которых изображается Белая армия — веселящаяся, дамы в бальных платьях, офицеры в мундирах с эполетами, с аксельбантами, блестящие! На самом деле Добровольческая армия в это время представляла собой довольно печальное явление. Одеты мы были кто как попало. Например, я был в шароварах, в сапогах, на мне вместо шинели была куртка инженера путей сообщения, которую мне подарил ввиду поздней уже осени хозяин дома, где жила моя мать, — господин Ланко. Он был в прошлом начальником участка между Екатеринодаром и еще какой-то станцией.

Вот в таком виде мы щеголяли. В скором времени у меня отвалилась подошва от сапога на правой ноге, и пришлось привязать ее веревкой. Вот какие «балы» и какие «эполеты» мы в то время имели!»

Гражданская война была трагедией для всей России: для «белых» и «красных». Вряд ли артиллерист Гиацинтов доподлинно знал, что Белая идея, за которую он умирал, в сущности своей была антирусским, антигосударственным проектом Запада, подхваченным российскими либералами, сокрушившими монархическую государственность в ходе Февральской революции 1917 г. Как тысячи корнетов и поручиков, вставших «За Веру, Царя и Отечество!», певших гимн «Боже, царя храни!», они были «пушечным мясом», «военной рукой» Антанты, которая упустила свой шанс раскромсать Россию только потому, что внутри каждой из стран, входивших в этот союз, в тот момент вызрели свои восстания и революции. Генералы — основатели Белого движения (Корнилов, Краснов, Деникин, Колчак, Кутепов, Врангель и другие) меньше всего собирались разрешать проблемы, которые привели к революции. Первое, чего они хотели, — вернуть «свое», прекрасно понимая, что собственными силами, без иностранной помощи им не победить.

Волею Запада Верховный Правитель России адмирал Колчак, «дитя Февраля», писал о русском народе буквально следующее: «обезумевший дикий (и лишенный подобия), неспособный выйти из психологии рабов народ». При власти Колчака в Сибири было построено 50 концентрационных лагерей, около миллиона человек были брошены в тюрьмы.

Бунин же перед Колчаком и Деникиным, с которыми встречался позднее, просто млел, пел им дифирамбы, как национальным героям. Хотя даже злейший враг Советов З. Н. Гиппиус записала в дневнике

2 сентября 1919 г.: «На Деникина, вероятно, почти никто не надеется, несмотря на его, казалось бы, колоссальные успехи, на все эти Харьковы, Орлы, на Мамонтова и т. д. Слишком мы здесь зрячи, слишком все знаем изнутри, чтобы не видеть, что ни к чему, кроме ухудшения нашего положения, не поведут наши «белые генералы», старые русские «остатки», — если они не будут честно и определенно поддержаны Европой». По существу своему Белое движение выступало как прозападная сила, принявшая от Антанты материальную и военную помощь в форме иностранной интервенции. Умом своим Бунин был куда как посильнее Гиппиус, был способен смотреть на вещи поглубже... Или не так?..

В рассуждениях об отношении Бунина к народу было бы ошибкой забывать: Бунин — дворянин знатного рода, чем гордился чрезвычайно. После отмены крепостничества в 1861 г., имения его матери в Воронежской и Орловской губерниях были на грани разорения, но существовали и позволяли господам жить вполне сносно: держать хорошие связи, путешествовать, бывать в свете, на званых обедах, в театрах, иметь хорошую одежду, знать вкус «налимьей ухи, розовых рябчиков в крепко пожаренной сметане», «дорогих вин и коньяков». Прекрасно, прекрасно!.. Но это всё — не для городских и сельских обывателей — людей низших сословий, которые составляли почти девяносто процентов населения России и звались «народом», который Бунин наблюдал, изучал и описывал, глядя на него со стороны, сверху и свысока. Себя самого Бунин к «народу» не причислял. Сказать о себе «чернь», «полудикарь», «обезьяна»?..

О Ленине

Заблуждался Иван Алексеевич и по поводу Ленина, который для него был «бешеный и хитроумный маньяк» (Бунин, 2006d: 393), «планетарный злодей», «всемирно известный палач, который вовсе не кусается, а только «подавляет оппозицию путем чрезвычайки» (из ответа Б.-Г. Уэллсу). Его высказывания в адрес Ленина, мягко говоря, грубые. «Читал статейку Ленина. Ничтожная и жульническая» (Там же: 292); «Съезд Советов. Речь Ленина. О, какое это [...]!» (Там же: 294); «...Читаю Ленотра. Сент Жюст, Робеспьер, Катон... Ленин, Троцкий, Дзержинский... Кто подлее, кровожаднее, гаже? Конечно, все-таки московские» (Там же: 350); «Бог шельму метит. Еще в древности была всеобщая ненависть к рыжим, скуластым. Сократ видеть не мог бледных... Как не вспомнить после этого Ленина и тысячи прочих?..» «Кажется, и впрямь всё готово... к канонизированию этого косоглазого плута, который... “так чудесно хохочет”, стоя по горло в крови и грязи!» (Бунин, 2006d: 297). «Боже, и это вот к этому дикарю должен я идти на поклон и служение? — вопрошает он. — Это он бу-

дет державным хозяином всея новой Руси?..» (Бунин, 2006b: 392). «Древние говорили: «А вултум витиум» — порок на лице. Сотни древних изречений говорят о всеобщей антипатии к рыжим и скуластым. Сократ ненавидел бледных. По уголовной антропологии, у огромного количества так называемых «прирожденных преступников» — бледные лица, большие скулы, «грубая нижняя челюсть, глубоко сидящие глаза...» Посмотрите же на рыжего, скуластого, с маленькими косыми глазами Ленина» (Бунин, 2006a: 383).

«Главное же надо лишить толпу «опиума религии», дать вместо Бога идола в виде тельца, то есть, проще говоря, скота. Пугачев! Что мог сделать Пугачев? Вот «планетарный» скот — другое дело. Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек — и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди бела дня спорят, благодетель он человечества или нет?.. Сам Семашко брякнул сдуру во всеуслышание, что в черепе этого нового Навуходоносора нашли зелёную жижу вместо мозга...» (Бунин, 2006b: 393).

А по моим понятиям, Ленин — великий человек и великий политик. Без Ленина не было бы Великой Октябрьской социалистической революции, изменившей ход истории не только российской, но и мировой. Эти выводы принадлежат не мне, признаны в мире. Я с ними согласен. Человечество, в том числе нынешние так называемые «развитые» страны, должны быть благодарны русской революции, Ленину и Советскому Союзу за то, что они указали вектор движения человечества в будущее: к устойчивому развитию через установление более справедливых и равноправных отношений между странами, народами и людьми. Только оголтелый ультралиберал не захочет сегодня признать, что именно благодаря семидесятилетнему историческому опыту Советского Союза в капиталистических странах резко сдвинулось в лучшую сторону решение социальных вопросов, чем уберегли они себя от социальных потрясений и социалистических революций: слишком ужасной была Гражданская война в России и вся последовавшая за ней действительность — разлад всего и вся, анархия, хаос, разруха, преодолеть которые было невозможно без насилия. Капиталисты и землевладельцы, правительства и партии шли на уступки низшим классам, выращивали средний класс, а вместе с этим и устойчивость общества.

Весной 2009 г. государственный (!) телеканал «Россия» осуществил проект «Имя Россия», задача которого состояла в том, чтобы определить личность государственного деятеля за всю отечественную историю, имя которого наиболее ассоциируется с именем «Россия». Интернет-голосованием миллионов телезрителей было определено

500 выдающихся людей России, в числе которых Бунина не оказалось; затем таким же путем были отобраны двенадцать имен, и среди них — Ленин. Выиграл «конкурс» Александр Невский, второе место занял Столыпин, третье — Сталин, а шестое — Ленин. И это на 18-й год строительства «новой» России...

В 2005 г. фонд «Общественное мнение» проводил социологическое исследование с общероссийской выборкой в связи со 135-летием со дня рождения Ленина. На вопрос: «Как вы оцениваете вклад Ленина в российскую историю?» — 81 процент опрошенных ответили: «Положительно». Такое же количество респондентов согласились с тем, что «Ленин — хороший человек». Ну, и чего стоят бунинские филиппики о Ленине в свете хотя бы этих цифр?

Так чья же взяла? Кто прав? «Красные» и Ленин, которые победили в 1917 г. и строили «новый мир» более 70 лет? Или «белые» в 1991 г., развалившие Советский Союз и взявшиеся «возрождать Россию? Что нам делать теперь с историей нашей? Поменять все бывшие «плюсы» на «минусы»? Всех бывших героев объявить преступниками, а вчерашних врагов — героями?

Вот канонизировали царя Николая II: теперь он причислен к лику святых. За что? Большевики расстреляли его и семью. Зверство, слов нет. Но англичане в ходе революции казнили двух королей, французы — короля и королеву. И ничего, голову свою пеплом не посыпают. О казненных английских и французских революционерах вообще молчу. Ведь это по их вине начинались революции. Если бы кто-то начал следствие о причинах русских революций 1905-го, Февральской и Октябрьской 1917 года, то, не сомневаюсь, вывод был бы один: вина полностью лежит на самодержце Николае II и государственном строе, который он представлял и рьяно отстаивал, а потом вдруг безвольно скис и отдал власть.

В гражданской войне Правды нет, есть две, три, пять — много правд. Побеждают политические фигуры, а народ всегда в дураках. Ибо революция — всегда разрушение, меч, рассекающий узел, завязанный неумелыми руками действовавших до нее правителей.

По моим понятиям, Ленин — совсем не враг России. Пусть себе лежит в Мавзолее, уж коль так случилось. Корнилов, Деникин, Колчак и Врангель — тоже не враги России. Маяковский, Есенин и Блок, которых презирал Бунин, не враги России. Бунин — конечно же, тоже не враг России. Каждый любил Россию, свою Россию, любил по-своему, а столкнула их и сделала врагами меж собой, как и миллионы других, стихия революции, которая вовсе не была случайной, но разобраться в том, кто прав, кто виноват, куда и с кем идти, в момент землетрясения, было ох как не просто любому, но особенно — человеку с прочно сложившимся миропониманием, которое вдруг «почему-то»

надо было менять. Бунин был в ряду значительных личностей и никто не вправе судить его за сделанный выбор и его суждения...

Если вникнуть в существо всех бунтов, восстаний, революций, именуемых «народными», то ведь получается, что и в самом деле целый народ нельзя ни хвалить, ни винить, ни судить. Народ всегда ведомый. В конце концов виноватых (или победителей) — сотни, ну тысячи, а Главный преступник, как и Главный герой — всегда один.

О «возрожденной» России

В публицистике своей Бунин не раз обращается к Герцену, то укоряя его в ускорении революции, то восхищаясь его пророчествами. 20 апреля 1919 года Бунин записывает «замечательные строки» Герцена: «Нами человечество протрезвляется, мы его похмелье... Мы канонизировали революцию... Нашим разочарованием, нашим страданием мы избавляем от скорбей следующие поколения...» Бунин заключает: «Нет, отрезвление еще далеко».

Следуя герценовской и бунинской мысли, «опохмелились» и «отрезвились» мы ельцинской ультралиберальной и ультрадемократической революцией 1991 года. Можно сказать, что Белая идея восторжествовала. Белое дело совершено. Бунинские мечтания осуществились, бунинские страдания вознаграждены...

Но вернемся к Предисловию философа И. А. Ильина «Белое дело», уже цитированному мною. В 1926 г. И. А. Ильин писал: «Да, Белое дело состоит в том, чтобы бороться за родину, жертвуя, но не посягая, утверждая народное спасение и народное достояние, но не домогаясь прибытка для себя; строя национальную власть, но не подкапываясь под нее; служа живой справедливости, но не противоестественному равенству людей. Мы не верим в справедливость насильственного уравнения и имущественного передела; мы не верим в целесообразность общности имущества, в правоту социализма, в спасительный коммунизм. Дело не в бедности, а в том, как справляется дух человека с его бедностью. Дело не в богатстве, а в том, что делает человек со своим богатством. Дело не в бедности и не в богатстве, а в том, чтобы каждый человек мог трудиться; трудясь, строить и преумножать; преумножая, творить новое и делиться с другими. Мы утверждаем естественность и необходимость частной собственности и видим в ней не «грех» и не «стыд», а личное и общественное духовное задание. И потому наши девизы: собственность и творчество; изобилие и щедрость.

И мы знаем, что на этих основах будет строиться грядущая, новая Россия.

Она предносится нам единою, ибо в центробежном распаде государство не живет, а умирает, не крепнет, а слабеет и гибнет. Она пред-

носится нам великою, — в качестве и в размере, в духе и в силе, в заданиях и в достижениях. Она предносится нам примиренною — установившей мир, терпимость, доверие и уважение среди своих народностей, классов, провинций и сословий. Она предносится нам возрожденною — в религии и в просвещении, в правопорядке и в хозяйстве, в семье и в быту. И мы выражаем этот облик в нашем исконном девизе: единая великая, примиренная, возрожденная.

Мы не сомневаемся в том, что это грядет и осуществится».

Красиво сказано!

Ну, вот — осуществилось! И что же? «Отрезвилась» Россия?

Незначительная часть населения «возрожденной» России живет представлением, будто в стране наконец-то установился «естественный» строй общества, сменивший советский — «искусственный», установился навсегда, что капитализм победил социализм окончательно и никаких возвратов в похожее на него прошлое быть не может, что никаких великих потрясений никогда уже не случится. Ох, как хотелось бы и мне, чтоб жизнь наша шла в мирном русле, текла, будто вода средь зеленых берегов, поворачивая то чуть влево, то немного вправо, но становилась всё полнее, шире, привольнее. И никаких перекатов, водопадов...

Но вряд ли так оно и будет.

Ельцинская революция 1991 г. чрезвычайно похожа на революцию 1917 г. и всё, что ей предшествовало (слабость власти, неспособность накормить народ, видеть новое, изменяться самой и изменять общество и т. д.). Так же, как в октябре 1917 г., советская Система рухнула при первом дуновении ветров перемен, а сам зачинщик «гласности», глашатай свободы и затейщик «перестройки», возжелавший изменить мышление народов огромной страны и всего человечества лишь болтовней с экрана телевизора, элементарно струсил и сдал власть точно так же, как Николай Второй, испугавшийся замарать свои ручки в белых перчатках в борьбе за трон и «свой народ».

Трагедия (и революция) России начала XX века, как уже говорилось, была предопределена тем, что страна вошла в новое время с не желавшими изменять себя феодализмом и самодержавием.

Беда России XXI века в том, что она встретила его **под лозунгами ультралиберализма в форме «дикого капитализма», которые давно исчерпали себя**, и, следуя этой дорогой, можно прийти только к катастрофе. Ельцинскую революцию 1991 г., если мыслить законами революций, нужно рассматривать не как шаг вперед, а как огромный по меркам времени **откат назад** к старым формам бытия в новых, превращенных формах, как **реставрацию** дореволюционной России. Что, собственно, существенно нового появилось в «новой» России? Компьютеры? Интернет? Мобильники? Это — несомненно. Президент?

Тот же царь. «Элита» общества? Та же знать: князья, графья, дворяне, духовенство, генералитет. Власть? Такая же малоспособная, как при царе и на закате СССР, только еще более алчная, беспринципная и безответственная.

«...Новая Россия страшна... Особенно молодежь... Много холодных убийц... Много спекулянтов, дельцов, хулиганов, головорезов...».

«Россия будет!» — Да, но какая? И новая ли? **Так ли уж ново наше новое?**»

Согласитесь, звучит куда как современно. Но это слова Ивана Алексеевича Бунина, им уже под девяносто лет.

«Блеск звезды, в которую переходит наша душа после смерти, состоит из блеска глаз съеденных нами людей». Это одно из древнейших дикарских верований. И, право, оно звучит теперь не так уж архаично. Тоже понравившаяся Бунину мысль, но как подходит она к нашим дням, когда, пожалуй, самым затертым стало словосочетание «новая Россия» («Белая Россия!»), в которой миллионы бедствуют, нищенствуют и мрут не из-за неурожаев, как в царской России, негодуют из-за нехватки товаров и продуктов, как бывало временами при советской власти, а потому что одни (ничтожное меньшинство) жрут от пуза, лопаются от жира, состязаются в том, у кого дворец на Рублевке больше, яхта в Средиземноморье длиннее и дороже, а другие (огромное большинство) не знают, как прокормиться, собрать ребенка в первый класс, где жить, как жить и — зачем жить? Имущественный разрыв между «возрожденной» российской знатью и народом беспрецедентен в новейшей мировой истории, если мыслить Россию в ряду «цивилизованных» стран. А именно этот разрыв и порождает недовольство, протест, возмущение, гнев и ненависть, именно в этом разрыве вновь возникают мысли о несправедливом устройстве общества и разного рода идеи о том, как устранить эту несправедливость. И появляются люди, способные чувствовать чужую и общую боль острее, чем собственную. Их принято называть революционерами. Можно сколько угодно проклинать революционеров и революцию, но народ государства, жить в котором становится невыносимо, в силу правового основания необходимой обороны своего права на человеческую жизнь имеет право восстания, право революции, отменить которое не дано никому. Это ведь совсем не случайно едва ль не в каждой американской семье числится по нескольку единиц огнестрельного оружия: народ вооружен и тем опасен. Демократия, то есть власть народа (говорю это вообще, а не в похвальбу политсистеме США), должна иметь возможность защитить себя.

«Новые белые», как и обещал И. А. Ильин, полагаясь на свою безусловную правоту, принесли возрождаемой ими России не мир, но меч – меч управляемого Хаоса, меч ускоренной Глобализации, меч

тотальной, невиданной ни в одной стране мира по своим масштабам преступной приватизации.

«Но взойдет наше солнце — нет среди нас ни единого, кто бы не верил в это!», — писал Бунин. Вот оно взошло, Ваше солнце, Иван Алексеевич!.. И что же мы видим в его сияющих лучах?

Воистину сказочные богатства страны разворованы, розданы в загребущие, но неумелые руки по преимуществу бездарных и порочных людей, ухлопаны на взятки, заказные убийства, на рекламу, на выборные технологии и откровенную пропаганду нового режима, на создание бандитских телесериалов, развращающих молодые поколения...

Могучая экономика, мощнейшая промышленность, построенные за небывало короткие сроки, с крайним перенапряжением сил за счет здоровья и жизней миллионов людей, уничтожены.

Десятки миллионов людей, и прежде живших кое-как, ныне пребывают в полной нищете, болеют, не имея денег на лекарства, ускоренно уходят на тот свет, а у родни нет даже денег, чтобы похоронить их по-человечески.

Под видом реформ развалена некогда лучшая (утверждаю!) в мире система образования, и теперь посреди землетрясения, когда всё вокруг только рушится и невозможно вести никакое строительство, сверху беспрестанно талдычат о том, что всё это сделано во имя повышения качества образования, требуют и далее его повышать. Да разве ж можно жить и строить на вулкане? Что это, если не сумасшествие? А если всё же нет, то — замысел? Обезумить, оглупить народ, обезглавить нацию, дабы легче было управлять ... «чернью», «полудикарями», «обезьянами»? «Слишком много образования, слишком много науки в России», — всё ещё слышу я слова Егора Гайдара, «отца» шоковой терапии. С образованными-то да умными, глядишь, и новая революция подоспеть может, а темный люд, «чернь» — дело известное: ему довольно «Хлеба и зрелищ!» С «хлебом» пока откровенно плохо, зато телезрелищ — невпроворот. Пошлых, но много: есть из чего выбирать. Свобода выбора! Свобода!..

Чего не смог сделать Гитлер почти за пять лет войны, сделали отечественные интервенты и колонизаторы, правда, и тут не без злого совета и крепкой помощи Запада...

Но хватит «страшных слов»! В ход идут страшные цифры...

К 2007 г. на социальное «дно» в России опустилось 14 миллионов человек: 4 миллиона бомжей, 3 миллиона нищих, 4 миллиона беспризорных детей, 3 миллиона уличных и привокзальных проституток.

300 тысяч детей в возрасте до 16 лет считаются пропавшими без вести. Свыше миллиона детей не посещают школу.

720 тысяч детей содержатся в сиротских домах (после Великой Отечественной войны и гибели 27 миллионов человек в сиротских домах было 680 тысяч детей).

Ежегодно в стране пропадает до 80 тысяч человек всех возрастов, из них 30 тысяч — бесследно.

По данным МВД России, в организованную преступность вовлечено 6 миллионов человек, которые контролируют более 80 процентов банков, 41 тысячу предприятий, практически все предприятия сферы услуг и торговли, всего около 550 фирм.

Ежегодно официально регистрируется более 30 тысяч убийств, в том числе 20 тысяч — заказных. По количеству убийств Россия занимает 1-е место в мире.

По результатам исследований ВЦИОМ, из 60 миллионов трудоспособного населения России одна треть — хронические алкоголики, 4 миллиона наркоманов, более миллиона отбывают сроки в тюрьмах и лагерях. На 100 тысяч жителей России приходится 38 самоубийств в год (почти вдвое больше предельной черты) — одно из первых мест в мире (Пугачев, 2008).

Будущим поколениям грозит маразм, одичание, вырождение не только духовное и моральное (оно уже налицо), но и физическое. Грозит, грозит!.. Не утешайте себя, господа, многотысячными тусовками «Наших» (чьих «наших»-то, чьих, господа?) на озере Селигер... Видно же, что это всего лишь Большая Игра, но не Дело и не Работа. Будущее грозит, бойтесь Будущего!..

Вот такие (пока?) результаты «возрождения России»... Но об этом не услышишь по радио, не узнаешь по телевизору, из газет — они снова под жестким госконтролем. Если верить им, жизнь становится всё радостней и веселей...

Ах, милый Иван Алексеевич! Вот взошло Ваше белое солнце, вернулось в Россию время господ, но чрезвычайно редко кто решается обратиться к другому словом «господин». Даже Президент России и ее Премьер-министр предпочитают слово «коллега», хотя звучит это, право же, очень смешно. Мало, безумно мало тех, кто чувствует себя господином в этой жизни, несколько десятков, ну, может, сотня тысяч на всю 140-миллионную Россию. И только Вы, дорогой Иван Алексеевич, ровня им, потому что хоть и обедневший, но всё же помещик и дворянин. Настоящий белый. Но пообщались бы Вы с некоторыми из них, и Вас бы стошнило от их духовного убожества и морального уродства... Вот уж воистину — «чернь», «белая чернь».

* * *

Снова скажу: тяжело, невыносимо тяжело было мне перечитывать «Окаянные дни», читать одну за другой бунинские статьи, до самых

краев налитые яростной злобой, испепеляющей ненавистью и барской брезгливостью ко всему, что происходило в революцию, в годы Гражданской войны и в Советском Союзе.

Однажды вдруг поймал себя на мысли: боже мой, да ведь мне, родившемуся в 1936 году, в ноябре 1953 г., когда Бунин умер, было уже семнадцать лет!.. Семнадцать лет я и Бунин жили в параллельных мирах. Я родился в Ленинграде и вырос при советской власти, обучен и воспитан ею; за эту власть, за Родину отдали жизни в Великой Отечественной мой отец и его брат — оба коммунисты; семья наша — мама, сестра, старший брат и я пережили полтора самых страшных года фашистской блокады Ленинграда; я был пионером, комсомольцем, членом компартии, служил стране преданно и честно. И было за что служить — одно образование мое чего стоит!.. Я — из простонародья, но, как говорится, «вышел в люди»...

Выходит, Бунин яро и скопом ненавидел меня, мою семью, моих друзей и товарищей, миллионы людей, по его понятию сплошь «большевиков», которые, между тем, сотворили «советское чудо» — превратили Россию лапотную в Россию индустриальную и электрическую, победили фашизм в Великой Отечественной войне, первыми в мире начали освоение космоса — боже, да разве надо перечислять всё великое, что сотворили «большевики»?.. И всё это псу под хвост?!.

Но Бунин — не сверчок за печкой: великий русский писатель. А я, волею случая, председатель Попечительского совета литературной Бунинской премии, должен знать, *что* такое — Бунин. И я продолжал читать...

Моментами что-то хорошее в моем уже сложившемся отношении к Бунину рушилось, но вскоре восстанавливалось на прежнем месте, возрастало еще выше... и снова падало, и снова возвышалось... Час за часом, день за днем в моей душе происходили какие-то чудеса превращения: она протестовала, возмущалась, тоже презирала и ненавидела, болела, стонала, плакала и кричала, но, кажется все же росла... И Бунин — злой, холодный, отстраненный, замкнутый и высокомерный — становился мне... не скажу — ближе, но объяснимей и понятней: за каждой строкой я почти воочию видел и чувствовал человека, от боли и страданий у которого вот-вот разорвется сердце. То и дело Бунин отмечает это свое состояние: «омертвение головы, сердцебиение, дрожь в отваливающихся от бешенства, от обиды руках и ногах» (Бунин. 2006d: 331); «как никогда раньше страшно плакал» (Там же: 408); «хватал газету прыгающими от волнения руками», «писал «дрожащими, холодными руками» (Там же: 310). Жаловался: «потерял всякий вкус к жизни» (Там же: 38). «Я просто погибаю от этой жизни и физически, и духовно. И записываю я, в сущности, черт знает что, что попало, как сумасшедший... Да, впрочем, не все ли равно!» (Там же: 374).

В такие мгновения я злорадно подмечал: «Вот именно: несешь «черт знает что» и «что попало». Временами, мне кажется, я видел Бунина таким, каким он бывал в те моменты, когда писал «как сумасшедший» — нервного, озлобленного, обиженного и жестокого, ненавидящего всех и вся. Тогда я думал: «Да, Бунин вот такой. А каким бы был ты, окажись в его положении? И признавался: пожалуй, таким же».

Отринувшись от текста бунинских записей, я не единожды спрашивал себя: «И все-таки: почему же не бросишь читать?» И отвечал: «Бунин говорит правду, которой ты не знал, и ты хочешь знать эту правду, как не противно это твоему уму. Но отчего ж «противно»?.. У Бунина своя правда. Да, бунинская правда не вся Правда, не чистая Правда, правда знатных и богатых — «белая» правда, которую Бунин преподносит как истину в последней инстанции, с диким напором и ожесточением. И все-таки — правда. По-человечески Бунина нельзя не понять. И я сочувствовал и сострадал...

И это совсем другое дело, что существует правда простолюдинов, простонародья, правда бедных и нищих, правда мужицкая, рабочая, правда «черни», правда «полудикарей», как говорил Бунин, — правда «красная». И две эти правды никогда не сольются воедино. «Белая» правда никогда не сможет затмить и отменить другую правду — «красную». И наоборот.

Две России, две горькие правды эти обречены сосуществовать в человеческом сознании, и не дай бог сорваться с крючка той или иной! Вот тогда — снова Беда, по поводу которой так страстно и горестно кричал всему миру Бунин, тогда снова — революция... Тут все зависит от того, *кто* и как будет управлять страной. Но это — другая тема.

Изучив публицистику Бунина, я подумал, что совсем не случайно он не хотел, чтобы статьи и речи его не печатали после смерти: Бунин-публицист, что ни говори, ниже Бунина-художника. Обида, злоба, ненависть, желчь и сарказм по поводу всего и вся, что было связано с новой — революционной и послереволюционной Россией, изумляли Бунина, застилали ему глаза, не позволяли взглянуть на происходившее менее пристрастно, более объективно. И это понятно: он потерял все, что имел и ценил, чем дорожил, на что надеялся. Осуждать его не вправе никто. И то, что Бунин говорил безудержно, тоже естественно, а для тех, кто пытается понять, *что* такое Бунин-писатель и Бунин-поэт, крайне важно: публицистика до конца прояснила художественное начало, характер его героев, манеру письма — «холодность», «отстраненность», «сарказм», «надменность», «консерватизм» и другие подобные изъяны творчества, о которых писали критики и которые порой невозможно не заметить. И все же бунинская публицистика, отличная по форме, слову, силе эмоции и страсти, смелости

и мужеству говорить то, что хочется сказать, все-таки проигрывает прозе и стихам его безнадежно...

Можно ли осуществить операцию по отсечению в творчестве Бунина художественного от публицистического? «Физически» это не сделать никак. В публицистике Бунин со всей откровенностью выразил те черты своей натуры, которые проглядывались в его поэзии и прозе, но не могли быть объяснены и поняты вполне. Бунин-публицист обнажил их. Теперь можно внести некоторые поправки в понимание сущности этого великого человека и великой личности, достоинства которого как художника в моем представлении ничуть не упали. Гений — это интеллектуальная, психическая аномалия, это необыкновенный человек, и судить о нем обычными способами невозможно.

Вот строки из «Исповеди» Л. Н. Толстого: «Без ужаса, омерзения и боли сердечной не могу вспоминать об этих годах... Я убивал людей на войне, вызывал на дуэль, чтобы убить, проигрывал в карты, проедал труды мужиков; казнил их, блудил, обманывал. Ложь, воровство, любодеяние всех родов, насилие, убийство... Не было преступления, которого бы я не совершал...» Страшные признания. Но Толстой остается Толстым. Так и Бунин. Великий художник слова. Публицистика? Несомненно, художественная. Остальное отставим в сторону. Как говорится, не за это ценим и любим...

* * *

В 2009 г. Президент России Д. А. Медведев своим указом создал комиссию, призванную бороться с фальсификацией истории «в ущерб интересам России».

Наконец-то власть заметила, что у государства и народа украли не только нефть, газ, золото, бриллианты, заводы, фабрики, промышленность и сельское хозяйство, одним словом — экономику, но потихоньку, с помощью соросовских наемников, умыкнули самое главное — историю страны в ее истинном содержании и сущности, нафаршировав Прошлое баснями, мифами и чистопородной ложью — в интересах Запада и «в ущерб интересам России». История СССР представлена как совокупность преступлений, безрассудств, безумств и несчастий, как сплошной криминал...

В указе Президента говорится прежде всего о новейшей истории России и истории Великой Отечественной войны. А я-то думаю, что проверке на объективность, на истинность следовало бы подвергнуть всю советскую историю, начиная с Великой Октябрьской социалистической революции, не обеляя, но и не очерняя ее. Сказать однажды твердо и навсегда: «Все, что было в Прошлом России — это наша история. В этой истории были героические и великие события и личности, были события трагические и постыдные, были люди мелкие

и ничтожные. Так или иначе у нас нет другой страны, нет и другой истории. Но в целом история России от дней ее возникновения и поныне оказала и оказывает огромное и благотворное влияние на облик всего человечества. Мы можем и должны гордиться своей историей».

Для фальсификаторов годны даже липовые источники, а тем более — авторитеты в науке, литературе, политике. Бунин как нельзя лучше подходит на эту роль, хотя сам Бунин вовсе не думал о «фальсификации» истории, напротив, он был абсолютно убежден в том, что речёт абсолютную правду, и делал это с неистовой страстью, талантливо, включая на всю мощь свою феноменальную наблюдательность и безудержное воображение. Перед нами уже не писатель и поэт, а идеолог и политик с талантами истинного художника, излагающий собственные философские, политические, социальные и исторические воззрения со всей беспощадной жестокостью своей натуры.

Завлабам «молодой российской демократии» бунинские «Окаянные дни» пришлись как нельзя кстати, ибо создавали ужасные образы Великой Октябрьской революции, Ленина, большевиков и шедшей за ними «черни», чем на корню, как мнилось им, уничтожали коммунистическую идеологию. Не имея возможности ни согласиться, ни возразить, Бунин начал «работать» на идею «возрождения» России, хотя на самом деле его втянули в новую русскую революцию, во главе которой встали странные и страшные люди, для которых Россия — не любимая Родина, а открытое географическое пространство, огромный «кормящий ландшафт», «зона для свободной охоты» в поисках добычи; место утоления непомерных политических амбиций и жажды власти.

Бунинская публицистика способна захватить внимание читателя почище детективного романа, переворачивать мозги в угодном автору направлении. Без сомнения, в ельцинскую революцию 1991 года Бунин помимо своей воли внес немалую лепту. «В ущерб интересам России...» Увы.

Вчитайтесь в тексты повестей и рассказов Булгакова, Куприна, Платонова, Пришвина и того же Бунина, который сейчас в центре нашего разговора. Мало того, что сами эти (и не только эти!) писатели, но и их лирические герои представлены как эталон достоинства, долга, чести, совести, любви к России. «Поручик Голицын...» «Корнет Оболенский...» «За Веру, Царя и Отечество!..» И вот этих-то чистых мальчиков и их высокопородных предков растоптали и уничтожили серые революционные мужички, красноармейцы, большевики и советская власть?!..

Пропагандистская машина «возрожденной России» (прежде всего — телевидение, видеопродукция, а сейчас еще и Интернет) поработала весьма умело, переняв все формы и методы современных социальных

технологий влияния на сознание человека. И многие дети из простонародья всем своим наивным умом восприняли новые мифы и — возненавидели дела своих дедов и отцов: революцию, гражданскую войну, все советское — вещи, заводы и фабрики, идеи, героев тех времен, образ жизни и самих людей — «совков», не отдавая себе отчета в том, что вот теперь-то они навсегда простонародье, воистину «чернь», путь которой « в люди», «наверх», во власть перекрыт уже не тонким слоем новых «господ», новой «элиты». Так далеко Бунин, конечно, не заглядывал, но то, что он является ныне одной из числа избранных опор формирования «нового сознания» молодых поколений, это факт.

Бунин был человеком совести, и она, как внутренний закон, вела его по жизни, не позволяя выйти за рамки правил и собственного понимания смысла жизни, определяла все его поступки на поворотных этапах жизни: неприятие Октябрьской революции, советской власти и — эмиграция; отказ от сотрудничества с немцами в годы войны, грозивший ему смертью, — и нищета; отказ от возвращения в СССР, обещавшего ему новую огромную читательскую аудиторию, материальное благополучие и — тоска по Родине до самой смерти.

В публицистике Бунин был неистово страстен и одержим, бесстрашен и мужествен, вел себя как герой, упрямо шел дорогой одиночества с гордо поднятой головой, хотя с каждым годом все глубже сознавал, что силы и нервы его уходят в пустоту, на борьбу с ветряными мельницами. Дон Кихот русской культуры...

С годами бунинское неистовство, бессильное и невостребованное, затихало, время заставляло порой размышлять над ранее сказанным, иногда, наверное, рождало сомнения в излишней категоричности своих прежних высказываний. Во всяком случае, этому есть некоторые свидетельства.

В воспоминаниях поэта и писателя К. Симонова «Об Иване Алексеевиче Бунине» (Бунин, 2006d) есть такие строки: «Сколько мне помнится, Бунин два раза возвращался в разговорах со мной к своим «Окаянным дням», даже спросил меня, читал ли я их. Я сказал, что нет, хотя на самом деле читал. Он сказал, что в этой книге много такого, под чем он сейчас не подписался бы, но она писалась в другое время и в других обстоятельствах, а кроме того, даже и тогда он в этой книге не позволил себе писать о большевиках много такого, что писали в то время о них другие литераторы» (Там же: 423). И еще пишет Симонов, что Бунин сказал ему: «...вы должны знать, что двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года (начало Великой Отечественной войны. — *И. И.*) я, написавший все, что писал до этого, в том числе «Окаянные дни», я по отношению к России и к тем, кто ею ныне правит, **навсегда вложил шпагу в ножны...**» (Там же: 422–423).

В другом месте К. Симонов писал, что «в сорок шестом году Сталин был для него (для Бунина. — *И. И.*) после победы над немцами национальным героем России...» (Симонов, 1988). Во время одной из встреч с Симоновым Бунин предложил тост: «Выпьем за великий русский народ — народ-победитель! И еще — за полководческий талант Сталина!» (Лавров, 1989: 342).

На самом деле Бунин с тропы войны не свернул, еще много раз выступал со статьями, враждебными СССР. И это естественно для Бунина. Издал книгу «Воспоминания» по тону своему сродни всем прежним публикациям, в 1953 г. готовил к переизданию «Окаянные дни».

Бунин-публицист и Бунин-писатель и поэт — это единая и целостная Личность, в творчестве которой художественное выше публицистического, но берет свое начало из бурлящей страстями и мыслями натуры этого человека, включая страсти политические и социальные. Снова скажу: Бунин-публицист ничуть не принизил в моем сознании Бунина-художника, напротив, я лучше понял его как человека, стал уважать за смелость и мужество.

Но не станем канонизировать Бунина! Не сотворим себе кумира! Скажем: жил да был на белом свете очень русский человек со своею Белой правдой — Иван Алексеевич Бунин. Красивый и умный, бывал велик и мал, добр и зол, любил и ненавидел, страдал и наслаждался, был бесстрашен и пуглив, милосерден и жесток... Скажем: Бунин был Человек, обыкновенный Гений.

Список литературы

Алданов, М. А. (1935) И. А. Бунин. Собрание сочинений. Петрополис, 1935. Т. IX, X // Современные записки. Кн. 59.

Белое Дело. Дон и Добровольческая армия. (1992) Голос.

Бунин, И. А. (2000) Публицистика 1918–1953 годов. М.

Бунин, И. А. (2006a) Еще об итогах // Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Воскресенье. Т. 8.

Бунин, И. А. (2006b) Миссия русской эмиграции. (Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 г.) // Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Воскресенье. Т. 8.

Бунин, И. А. (2006c) Многогранность // Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Воскресенье. Т. 8.

Бунин, И. А. (2006d) Окаянные дни // Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Воскресенье. Т. 6.

Иван Бунин. Pro et Contra. (2001) СПб.

Лавров, В. (1989) Холодная осень. Иван Бунин в эмиграции (1920–1953). М. : Молодая гвардия.

Пугачёв, В. (2008) День грядущий на закате. Механизм скрытого национального самоуничтожения в совр. России // Сов. Россия. № 147, 10 янв.

Симонов, К. (1988) Глазами человека моего поколения // Знамя. № 3.

Наш современник. 2011. № 3. С. 232–249.

ИСТОРИЯ УЧИТ

Книга эта по-своему уникальна: в ней впервые на русском языке публикуются некогда совершенно секретные документы внешней политики и стратегии США 1945–1950 гг. в отношении России[1]. Документы эти — первая и небольшая, но чрезвычайно важная часть общего замысла и плана начального этапа холодной войны, которую Запад, и прежде всего возглавлявшие его Соединенные Штаты Америки, в течение почти полувека вели против Союза Советских Социалистических Республик.

Можно сказать, что перед читателем своего рода «коллективная монография», которую писали сотни в подавляющем большинстве неизвестных нам американских специалистов высшего класса — сотрудники Штаба планирования политики, Совета национальной безопасности, вооруженных сил, военно-морских и военно-воздушных сил США, Государственного департамента, Комитета по государственным стратегическим ресурсам и, разумеется, Центрального разведывательного управления. Каждое слово здесь обдумано, каждая цифра тщательно выверена, каждый прогноз наверняка просчитан многовариантно и выбран тот (или два-три), который вероятен в наибольшей степени. Подавляющее большинство этих документов утверждены президентом США Г. Трумэном.

Тексты писали люди, которые знали, что придет время, когда документы будут рассекречены, станут доступны широкой общественности. Поэтому проницательный ум без труда отметит, что авторы документов смотрели на свое творение и глазами читателей из будущего, излагали мысли порой прямо-таки романтическим, а лучше сказать — пропагандистским языком, видимо, для того, чтобы при самом худшем развитии событий, т. е. в случае ядерной войны, правительство США не потеряло лицо в мировом общественном мнении и в глазах своего народа.

Во многих документах встречаются значительные изъятия из текста; в некоторых случаях прямо говорится, что это «отрывки». Извест-

[1] Документы, публикуемые в настоящем сборнике, отобраны из издания, составленного Томасом Х. Этцолдом и Джоном Левисом Гэддисом, под названием «Сдерживание: Документы американской политики и стратегии, 1945–1950» (Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950. N. Y. : Columbia University Press, 1978). Для перевода на русский язык я выбрал из представленных 52 документов лишь те, которые отражают стратегические планы США в отношении СССР (в текстах чаще всего звучит «Россия»). В дополнение к основному составу сборника даны важные для понимания темы высказывания Уинстона Черчилля.

но, что отдельные документы не опубликованы до сих пор. Это значит, что нечто самое главное все еще остается неизвестным и, вполне вероятно, останется вечной тайной.

«Уничтожьте эти документы!.. — такова была, возможно, несколько несдержанная, реакция одного из нас на недавнюю публикацию нового сборника документов по дипломатии периода Второй мировой войны», — пишут в предисловии к сборнику «Сдерживание» его редакторы Т. Х. Этцолд и Д. Л. Гэддис. Сокрушались они, правда, о другом издании[2], но мысль — уничтожить документы — наверняка не раз посещала их головы, когда они читали и сортировали материалы сборника «Сдерживание».

Спрашивается: почему эти люди были так взволнованы? Ответ может быть только один: в 1978 г. политические тайны обоих этих сборников продолжали оставаться скрытой частью внешней политики США. Еще в разгаре была холодная война, и США еще только мечтали о победе, а в СССР никто даже помыслить не мог, что всего через 13 лет страна с названием Советский Союз в одночасье исчезнет с политической карты мира.

Почему же тогда американское правительство, еще не будучи «триумфатором», решилось сообщить своему заклятому врагу и всему миру о хранившихся за семью печатями своих еще недавних планах?

На мой взгляд, прежде всего потому, что опубликовать в 1978 г. эти документы было очень выгодно: мировая система социализма уже дала заметные трещины. Позади были венгерские и чешские события. Резко обособилась от СССР Югославия, образовав первую брешь в единстве коммунистических рядов. К моменту рассекречивания и публикации документов уже проявился конфликт с крайне амбициозным лидером Румынии Чаушеску. Мир находился в шоке от военных пограничных столкновений СССР с Китаем. Утратили свой былой авторитет коммунисты во Франции и Италии. Нарастали масштаб и острота кризиса внутри самого Советского Союза.

Многие из этих событий, процессов и тенденций предсказывались в документах американских аналитиков, и это не могло не вдохновить их. Публикация документов носила устрашающий характер для руководства СССР, деморализовывала и еще более раскалывала мировое коммунистическое движение. Это был сильный психологический ход. Особенно для слабонервных и шатких в своих воззрениях людей. А таких в руководстве КПСС и других компартий было достаточно много.

В СССР и странах Восточной Европы с помощью спецслужб США ширилась и множилась так называемая пятая колонна; в том числе

---

[2] The Great Documents Deluge. Society for Historians of American Foreign Relations. N. Y., 1976.

и в самых верхах: в органах партийной и государственной власти появлялись «агенты влияния», которые, словно черви и жуки, разрыхляли и без того уже расплывавшийся фундамент, на котором стояла Система[3].

Конечно, прежняя Система (впрочем, как и любой социальный организм) была, скажем так, далеко не идеальной, несла микробы гибели и в самой себе. Как долго могла бы еще существовать эта Система, выжила бы она, избавившись от внутренней заразы, или все-таки погибла бы — этот вопрос сейчас обсуждать бессмысленно, прежде всего потому, что супердержавы под названием «Союз Советских Социалистических Республик», оргструктуры по имени «Коммунистическая партия Советского Союза» больше нет.

Однако существует Россия, настоящее и будущее которой интересует меня больше всего. Она находится ныне в более плачевном состоянии, чем СССР в 1945 г. или в «эпоху застоя». Даже официальные лица высшего ранга (скажем, бывший руководитель Аппарата Администрации Президента РФ, а ныне — первый зам. премьера России Д. Медведев) не исключают возможного развала страны. В том же духе высказываются многие политики и политологи.

В этом смысле публикуемые документы, если прочитать их вдумчиво, чрезвычайно поучительны. Сегодня нам снова пытаются внушить мысль о том, что внешние разрушительные силы не имеют никакого значения, что все дело в нас самих, и только. И множество людей — даже на фоне до безобразия развязной внешней политики США, продвижения НАТО на Восток, поддержки Западом чеченских боевиков в войне против центральной власти и остальной части России, разного рода «цветных» революций на Украине, в Грузии, Киргизии, Узбекистане и т. п. — искренне верят в то, что США и их натов-

[3] С некоторыми из людей такого рода, участвовавшими в развале СССР в конце 1980-х — начале 1990-х годов, я был достаточно хорошо знаком, чтобы утверждать: они выполняли именно эту роль — роль «агентов». Из опубликованных документов ясно, что их авторы рассчитывали на силы, скрытые внутри советского общества, как на своих будущих помощников. В ЦК комсомола и Высшей комсомольской школе я работал вместе с Ю. Н. Афанасьевым, ставшим впоследствии одним из ближайших содельников Б. Ельцина в пору борьбы с Горбачевым за захват власти. В конце 70-х годов у меня была возможность неоднократно беседовать на идеологические темы с А. Н. Яковлевым — как полагают многие, «архитектором» гласности и перестройки. Речь не о том, что эти и им подобные люди были напрямую связаны со спецслужбами США или других стран, хотя наверняка были и такие. Имеется в виду, что, занимая крупные посты в органах партии и государства, они разделяли взгляды идеологического противника на будущее СССР. Конечно, лучше или хуже, они исполняли и свои служебные функции, иначе их сняли бы с постов. Но они говорили и делали также «нечто» такое, что разрушало Систему.

ские союзники в своей политике относительно России исполнены исключительно благих помыслов.

Между тем директор Центра политики и безопасности США Ф. Гафней говорит: «Победа США в холодной войне была результатом целенаправленной, планомерной и многосторонней стратегии США, направленной на сокрушение Советского Союза... В конечном счете скрытая война против СССР и создала условия для победы над Советским Союзом»[4]. Стратегический расчет, скрытность и двойные стандарты в отношениях с Россией были и остаются главными характеристиками внешней политики США.

Вот почему я говорю: прочитай эти документы, уважаемый читатель! Они позволяют понять замыслы, логику и характер действий США не только в далеком прошлом, но и в современном мире, их политику в отношении нынешней России.

1. История как Тайный Замысел

В простейшем варианте история (от греч. historia) есть рассказ, свидетельство, описание прошлого. В более широком смысле понятие «история» используется для характеристики происхождения, формирования и преобразования любых явлений, систем, протекания и трансформации любых процессов. Это так называемая естественная история, в которой явления и события в результате деятельности людей разворачиваются во времени, в определенных условиях, с использованием определенных средств и методов, с достижением определенных результатов. Таким образом, историю можно представить как бесконечно многообразную череду случайных явлений, событий и процессов, возникающих в результате бессознательных и иррациональных действий, поступков миллионов и миллиардов людей.

Однако, как известно, в Происходящем, а затем в Истории (наряду с хаотичным, случайным, иррациональным) существует огромный сектор, который приходится на сознательно организованное. Планируется не только строительство городов, предприятий, запуск космических ракет и т. п. Планируются драмы и трагедии будущего — ссоры, конфликты, войны любого масштаба. Вначале — планируются, а затем — разыгрываются. В делах государственного масштаба, в политике, и тем более политике внешней, сектор публичности чрезвычайно узок. Обществу известно только то, что ему следует знать. В основном же внешняя политика представляет собой предмет высшей государственной тайны. Президент США Ф. Д. Рузвельт говорил:

[4] Цит. по: Панарин И. Информационные войны: теория и практика // Кадровая политика. 2002. № 2. URL: http://kadr_politika/22002/iv.htm.

«В политике ничего не происходит случайно. Если что-то случилось, то так было задумано».

Существует, как известно, взгляд на историю как на Заговор. Согласно этой точке зрения отдельные могущественные организации — государства и их различные органы, группы влиятельных людей и отдельные личности могут творить хаос вполне сознательно, исходя из своих сугубо рационально-эгоистических соображений и прагматических целей.

Такой взгляд на историю вполне обоснован, особенно в том случае, когда речь идет о внешней политике США, ибо она строится на основополагающем тезисе установления «нового мирового порядка», завоевания мирового господства. В этой грандиозной амбиции самой по себе никакого секрета нет. Об этом знает весь мир. Но частные цели этой стратегии, формы и методы достижения конкретных задач на различных этапах истории тщательно маскируются, реализуются тайно, окутаны секретностью: во все века тайна и коварство служили и служат способом достижения неблагородных целей.

Публикуемые в данной книге документы носят разные названия: «стратегия», «концепция», «доктрина», «программа», «план», но их объединяет то, что все они имели одну цель и все они тайные. Реализованные через последовательную политику США по разрушению СССР, они вели к развалу сверхдержавы, который случился не только «закономерно», в силу ряда порочных начал самой Системы, не только «случайно», как момент всеобщего хаоса и ошибок в управлении развитием, но также (и в огромной мере!) именно вследствие внешнего воздействия согласно тайному замыслу.

В сказанном нет ничего нового «в принципе». Для меня вопрос в оценке происшедшего кроется в трех «частностях» — закономерном и случайном, идущих изнутри самой Системы, и запрограммированном, целенаправленном, последовательном и интенсивном воздействии на эту Систему извне, со стороны. Выразиться еще точнее — в соотношении воздействия внутренних и внешних факторов.

В интересах наших противников сказать: «Все дело — в пороках самой Системы; она не могла не погибнуть в силу внутренних противоречий».

С изложения философских основ коммунизма и противостоящего ему либерализма начинается документ, принятый в 1950 г. с целью корректировки прежней стратегии США в отношении СССР[5]. Упор делается на том, что коммунизм — это утопия. При этом «забывается», что либерализм в американском исполнении — такая же утопия. Возможно, это не осознавалось авторами в тот момент, но ясно теперь, через 55 лет, когда он предстал перед человечеством в образе

[5] Containment. Doc. 68

«свободного» — не связанного никакой моралью, не ограниченного никакими законами, вооруженного до зубов монстра, стреляющего ракетами в любую сторону, откуда раздается подозрительный, на его взгляд, звук.

В интересах проигравшей (СССР) и продолжающей проигрывать стороны (теперь — России) сделать акцент на роли внешнего воздействия. Рассматривая причины распада СССР, на мой взгляд, правильно было бы сказать так: «Да, страна разваливалась. Но она развалилась потому, что ее разваливали». Отвечая на вопрос: «Почему страна разваливалась?», кроме всех прочих причин, я назову субъективный фактор, а именно деградацию системы управления страной. Система была настолько могуча, что могла бы вынести еще многое, пока ее не начали «перестраивать» и «реформировать».

В самом деле, если экономика СССР была в «застое», а страна якобы жила в основном на нефтедоллары, что и послужило причиной «перестройки», то что же делать сегодня с Россией, которая в угаре «реформирования» уничтожила одну из самых сильных экономик в мире и теперь существует исключительно за счет торговли нефтью, газом, лесом и другими сырьевыми ресурсами? Такую страну надо снова реформировать. Но в какую сторону? Дело было не в экономике, а в идеологии, политике и геополитике. В тот момент именно они интересовали США более всего. Но для этого надо было запустить механизм саморазрушения, самораспада страны и всей системы коммунизма. На это и была направлена вся стратегия и политика США. Были найдены несколько способов, следы которых читатель, умеющий «расшифровывать» политические тексты, найдет в публикуемых материалах: первый — разжигание противоречий между властью и народом; второй — национализм; третий — сепаратизм. Наконец, действие по принципу «Бей по голове, остальное само рассыплется». Ближе к нашей теме этот способ надо назвать «Огонь по штабам!». Иначе говоря, в рамках стратегий и доктрин США, несомненно, рассматривалось высшее руководство СССР: его состояние, преемственность, преемники и т. п.[6] Думаю, что документы такого рода разраба-

---

[6] По поводу того что такая работа планировалась и проводилась, у меня нет никаких сомнений. В 1971 г.в СССР по приглашению Комитета молодежных организаций (КМО) СССР находилась первая в истории молодежных связей делегация Ассоциации молодых политических деятелей (АМПД) США, объединявшая наиболее перспективную часть американской политической элиты. Задача ассоциации состояла, в частности, в установлении связей и отношений с той частью молодежи СССР, которая уже добилась заметных успехов в политике и профессиональной карьере и представляла собой резерв на выдвижение во власть. Я (тогда главный редактор журнала ЦК ВЛКСМ «Комсомольская жизнь») был в числе тех, кто принимал эту делега-

тывались, и именно они относятся к разряду вечных тайн, о которых станет известно в лучшем случае через столетие.

Механизм саморазрушения СССР («стремление к смерти», которое «живет» в каждом человеке и любом социальном организме, в том числе, замечу, и в американском обществе) стимулировался извне, со стороны спецслужб США: инакомыслие, пессимистические взгляды, негативные настроения и т. д., для которых «внутри» советского общества имелось достаточно много оснований, усиливались искусственно посредством откровенной лжи, клеветы, провокаций, диверсий, о чем читатель также узнает из материалов книги.

«Ну а при чем тут история?» — спросят меня. Да при том, что появление такого рода неизвестных ранее материалов, как те, которые содержатся в данной книге, от дотошного и честного историка требует передумать и переобъяснить, скажем, этапы «гласности», «перестройки», «реформ» и многое другое.

Конечно, можно полагать, будто «гласность» и «перестройка» — это озарение М. С. Горбачева, и только его. А возможно, что, как говорится в одном широко известном анекдоте, их «навеяли фуги Баха», и тогда Горбачев предстанет перед нами не в образе «великого мыслителя, избавившего мир от чумы коммунизма», а всего лишь Нарцисса или честолюбивого Нерона со всеми вытекающими отсюда историческими оценками.

Можно, конечно, продолжать, как это делают до сих пор многие, восхищаться непредсказуемостью Б. Н. Ельцина и его отчаянным бесстрашием перед творением всевозможных и бессчетных ошибок в «демократическом» руководстве страной. Но пора бы увидеть за политической чехардой и безумной катавасией его деяний мягкое дирижирование «оттуда» его неистовым стремлением властвовать во что бы то ни стало. Разве в этой трагической какофонии не является пиком звучания расстрел из танков всенародно избранного парламента — расстрел, который США и весь Запад восприняли как норму жизни «новой» России?

цию, а затем в ноябре 1972 г. в составе делегации из 11 человек выезжал в США по приглашению АМПД. В 1999 г. по приглашению АМПД я вновь побывал в США в составе делегации ветеранов КМО. Наши партнеры совершенно не скрывали, что их задача — узнать, что представляет собой каждый из нас в данный момент, с тем чтобы лучше прогнозировать и понимать действия и поведение тех, кто затем состоится в «большой» политике. Таких оказалось немало: П. Лучинский впоследствии стал первым секретарем ЦК КП Молдавии, потом — секретарем ЦК КПСС, а затем — Президентом республики Молдова; А. Гиренко — секретарем ЦК КП Украины, секретарем ЦК КПСС; Г. Янаев — председателем ЦК профсоюзов СССР, вице-президентом СССР и т. д.

И разве присутствие в Правительстве РФ, во всех министерствах и в регионах сотен американских советников, подсказывавших, как надо осуществлять российские реформы, не является открытым дирижированием? А что мы знаем о тех переговорах, которые в разное время, бывая в США, вели Гайдар, Чубайс, Кох, Немцов, Явлинский, Ходорковский и многие другие? Это тайные истории, которые еще не вошли в открытую историю, знание которых, однако, стань они известными, возможно, во многом перевернуло бы наше представление о совсем недавнем прошлом.

Одним словом, история становится подлинной историей лишь тогда, когда становится известной лицевая сторона событий и явлений, а также стоящие за ними субъекты. Только тогда можно сказать, что мы знаем действительную историю, поскольку имеем возможность не просто рассказать о той части событий и процессов, которые были известны, но перейти к их научно-теоретическому объяснению. Только такая история стоит того, чтобы ее по-настоящему изучать, знать и понимать. Ибо только такая история действительно учит.

В этом смысле публикуемые в данной книге документы являются бесценными. Даже самому наивному обывателю они дают возможность узнать и понять, что холодная война, воспринимавшаяся абсолютным большинством населения СССР да и во всем мире как красивая метафора и обозначение некоторой ненормальности в отношениях Востока и Запада, по своему существу была самой настоящей войной на уничтожение Советского Союза, в основе которой был Тайный Замысел.

14 декабря 1947 г. Совет национальной безопасности США предоставил ЦРУ право на проведение тайных психологических операций — главным образом действий, включающих использование анонимных, подложных и/или заказных публикаций. Этот документ до сих пор не опубликован. С того времени расширение потенциала тайных операций стало одним из направлений американской политики.

18 июня 1948 г. Совет национальной безопасности США принял документ NSC 10/2 «Об отделе специальных проектов». Как говорится в этой директиве (док. 7), под термином «тайные операции» подразумеваются все действия, которые проводятся или организуются правительством США «против враждебных иностранных государств или групп или в поддержку дружественных иностранных государств или групп, но которые планируются и проводятся так, чтобы какая-либо ответственность за них правительства США была не очевидна для неуполномоченных лиц, а в случае раскрытия правительство США могло бы правдоподобно отказаться от какой-либо ответственности за них». В директиве, в частности, установлено, что такие операции включают любые действия, связанные с пропагандой, экономиче-

ской войной, превентивными активными (!) действиями[7], в том числе «мероприятия по саботажу, антисаботажу, уничтожению и эвакуации, подрывной деятельностью против враждебных государств, включая помощь нелегальным движениям сопротивления, партизанам и освободительным группам в изгнании и поддержку местных антикоммунистических элементов в находящихся под угрозой странах свободного мира».

Известно, что психологическая война со стороны США сопровождалась серьезными научными исследованиями тайных механизмов управления людьми на индивидуальном и коллективном уровнях. Специальные секретные лаборатории и институты действовали в Колумбийском, Нью-Йоркском, Стенфордском и многих других университетах. Объектами изучения и воздействия были прежде всего молодежь, инакомыслящие, националистически настроенные люди. Разжигались классовая и национальная рознь, ненависть к власти и общественному строю, делался акцент на его недостатки и преимущества западного образа жизни и т. п. Поощрялись клевета, анонимные доносы, натравливание и тому подобные методы.

В результате длительного и массированного воздействия на людей по радио и с помощью различной литературы парализовывалась самостоятельность мышления, происходило постепенное перепрограммирование сознания человека, складывался определенный тип мышления.

Во всей полноте тайные замыслы и планы, тайные способы борьбы, а тем более осуществленные тайные операции известны только их вдохновителям и организаторам. Публикуемые материалы приоткрывают лишь малую часть этих замыслов. Я коснусь только четырех важнейших документов.

Первый документ — так называемая «Длинная телеграмма» Джорджа Ф. Кеннана, который был временным поверенным в делах США

---

[7] Превентивная политика, взятая на вооружение дипломатией США в начале XX столетия, активно и эффективно используется и поныне. Ее смысл — в постоянной угрозе применения силы в отношении той или иной страны с целью подчинения ее внутренней и внешней политики интересам США. Госдепартамент и послы США, непрерывно выступая с различными заявлениями относительно невыгодных для США решений и планов, постепенно превращаются в неофициального члена кабинета правительства страны «Х», пользующегося правом «вето». Правительство и страны, принимающие такие правила политической игры, считаются США «демократическими» и «хорошими». Правители, отказывающие США в праве постоянно вмешиваться в дела своей страны и диктовать свою волю, тут же объявляются «диктаторами», «тиранами» — «плохими». Дальнейший сценарий одинаков для всех и хорошо известен военным по давним телеспектаклям из Югославии, Ирака, Афганистана.

в Москве после Второй мировой войны (Док. 1). Телеграмма направлена 22 февраля 1946 г. в Госдепартамент США и состоит из 8000 слов, что необычно много для дипломатической переписки. В этом документе Кеннан представил свой анализ менталитета и поведения не только советских политических и государственных лидеров того времени, но также и русского народа в целом. Квинтэссенция этого менталитета и вытекающего из него образа мыслей и действий, по мнению Дж. Кеннана, состояла в том, что враждебность России в отношении Запада надо объяснять не тем, что Запад враждебен к России, а потребностью советского руководства во враждебном внешнем мире, что позволяло ему находить оправдания для своего авторитарного правления; поскольку мирное сосуществование с капитализмом невозможно, значит, капиталистический образ жизни должен был быть уничтожен. Телеграмма стала толчком в переменах в отношении СССР, в значительной степени повлияла на внешнюю политику США. Эта политика продолжается, на мой взгляд, и ныне.

Конечно, сегодня невозможно говорить о том, что Советский Союз, внесший решающий вклад в победу над Гитлером, не стремился использовать свое возросшее влияние в мире и расширить сферы своего влияния. В СССР утвердились идеи о «мировой революции», о том, что «социализм и коммунизм идут на смену капитализму», что «коммунизм — это высшая стадия общественного развития», а потому «гибель капитализма неизбежна». Нельзя не понимать, что эти агрессивные тезисы не могли не вызвать чувства психологической тревоги на Западе, прежде всего у правительства США — страны, которая назначила сама себя ответственной за мировой порядок. Однако, как позднее признавался тот же Кеннан, «это была скорее тень, чем сущность опасности, которую мы должны были разогнать». Став впоследствии одним из главных аналитиков Госдепартамента США, Кеннан писал в «Обзоре политической ситуации в мире» (6 ноября 1947 г.): «Советское правительство не хочет и не ожидает войны с нами в обозримом будущем» (Док. 5). В самом деле, до войны ли было СССР после победы в Великой Отечественной войне, стоившей ему 20 миллионов жизней и немыслимой разрухи всего хозяйства, на восстановление которого, как полагали западные эксперты, понадобится около 50 лет.

Однако Западу, и прежде всего США, которые, как и после Первой мировой войны, вышли из Второй мировой войны не ослабленными, а еще более окрепшими, нужен был образ врага. Во исполнение этого желания геополитики и «практики» дипломатии создали миф о «советской угрозе», «ответом» на которую с американской стороны якобы и стала доктрина «сдерживания». Хотя на самом деле, на мой взгляд, доктрина «сдерживания» была доктриной «нападения», доктриной геополитической экспансии, в рамках которой один за другим

разрабатывались планы начала ядерной войны с СССР, что видно из публикуемых материалов. И пусть не смущает читателя тот факт, что все эти планы определялись в качестве «ответной меры», «ответных ударов». Ни в одной стране не существует министерства войны или министерства нападения; все такого рода структуры называются министерствами обороны, министерствами вооруженных сил. В политике «ястребы» всюду рядятся «голубями».

Война против СССР планировалась, что называется, на завтра. 21 июля 1948 г. был принят «Чрезвычайный план боевых действий на случай войны в ближайшем будущем» (HALFMOON) (Док. 26). В документе Комитета начальников штабов «Формула для определения запаса вооружений страны» 626/3 от 3 февраля 1948 г. (Док. 25) говорилось, что, несмотря на имеющуюся у США ядерную монополию, война с Советским Союзом в ближайшие несколько лет будет по продолжительности и характеру напоминать Вторую мировую войну.

В документе «Оценка результатов воздействия стратегического воздушного наступления на элементы советской боеспособности» от 11 мая 1949 г. (Док. 31) высказывалось предположение о том, что в результате применения атомного оружия погибнут 2 млн 700 тыс. человек плюс дополнительные потери составят 400 тыс. человек, а 28 млн человек в 70 городах останутся без крова[8].

---

[8] В сборнике «Сдерживание» мало цифр и конкретных данных о масштабах предполагавшихся «ответных ударов». Они просто изъяты редакторами. Но в других источниках (Шерри М. Подготовка к следующей войне. М., 1977 ; сборник под редакцией А. Брауна «Дропшот». План Соединенных Штатов о войне с Советским Союзом в 1957 г. ; Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М., 1979 ; Петрусенко В. В. Белый дом и ЦРУ. М., 1985 ; Широнин В. С. КГБ — ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М., 1997) такие данные приводятся. Так, почти сразу же после американских атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, 4 сентября 1945 г., т. е. на следующий день после официального завершения Второй мировой войны, в США был подписан первый документ в серии разработок, нацеленных на СССР. В этом документе (меморандуме 329) предполагалось подвергнуть атомным бомбардировкам 20 городов СССР (Москву, Ленинград, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск и Ярославль). США исходили из того, что атомные бомбардировки малоэффективны против обычных вооруженных сил, и поэтому наиболее целесообразно применять их прежде всего против больших городов. Это, в частности, следовало из директив 1496/2 «Основа формулирования военной политики» и 1518 «Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США», утвержденных Комитетом начальников штабов США соответственно 18 сентября и 9 октября 1945 г. Из этих же директив, рассмотренных вскоре на правительственном уровне, вытекало, что уже осенью 1945 г. США приняли на вооружение доктрину «первого удара» — внезапной атомной агрессии против Советского Союза.

В «Объединенном чрезвычайном плане боевых действий» (OFF-TACKLE) от 26 мая 1949 г. (Док. 27) говорилось, что война «предположительно должна начаться 1 июля 1949 года». В документе «Краткое описание характера войны в ядерную эпоху» от 16 декабря 1948 г. (Док. 29) предполагается, что война начнется в 1964 г.

Второй документ — принятая 18 августа 1948 года Советом национальной безопасности США совершенно секретная директива «Цели США в отношении России» (NSC 20/1, Док. 14). Она составлена в руководимом все тем же Джорджем Кеннаном Бюро по планированию внешней политики Госдепартамента США. 23 ноября 1948 г. окончательный вариант этой директивы был утвержден президентом Трумэном в виде директивы NSC 20/4. Эти директивы наряду с директивами Комитета начальников штабов 1496/2 и 1518 послужили основой для разработки многочисленных планов атомной войны против Советского Союза: «Тоталити» (конец 1945 г.), «Чариотир» (середина 1948 г.), «Флитвуд» (осень 1948 г.) и др. Особо агрессивный и вызывающий характер носил разработанный в 1949 г. план «Дропшот», в котором предусматривалось использование 300 атомных бомб и 29 тыс. тонн «обычных бомб» для бомбардировки 100 советских городов.

Следует отметить, что в директивах NSC 20/1 и NSC 20/4 речь шла о необходимости устранения «геополитического соперника» США в лице Советского Союза, и в первую очередь — о ликвидации социалистического строя. В этой связи в «мирное время» намечалось сделать упор на использовании разного рода методов «психологической войны», а в «военное время», которое должно было наступить в ближайшем будущем, предлагалось «раздать оружие и оказать военную поддержку любой некоммунистической власти», контролирующей тот или иной район в условиях иностранной оккупации, с тем чтобы дать ей возможность «до конца расправиться с коммунистическими бандами традиционными методами русской гражданской войны» (Док. 14).

В плане «Дропшот» отмечалось, что основной целью США в «психологической войне» против СССР должно быть «уничтожение поддержки народами СССР и его сателлитов их нынешней системы правления и распространение среди народов СССР осознания, что свержение Политбюро — в пределах реальности...». В директиве NSC 20/4, из которой исходил этот план, открыто высказывалась непримиримость к «характеру советской системы» и выдвигалось требование свержения «большевистского режима» — если не «психологической войной» и «подрывной деятельностью», то путем вступления в войну с СССР (Док. 15). В директивах Совета национальной безопасности отмечалось, что «главное уязвимое место Кремля — характер его отношений с советским народом», поэтому необходимо «вести откры-

тую психологическую войну с целью вызвать массовое предательство Советов...». В рамках «экономической, политической и психологической войны» предлагалось поддерживать «волнения и восстания в избранных стратегически важных странах-сателлитах», «сеять семена разрушения внутри советской системы с тем, чтобы заставить Кремль по крайней мере изменить его политику».

В директиве NSC 20/1 в качестве важнейших при любых вариантах развития событий ставились следующие цели:

«(а) Военные условия (сдача оборудования, эвакуация из основных зон и т. п.), направленные на обеспечение военной беспомощности в течение долгого периода времени.

(б) Условия, направленные на возникновение существенной экономической зависимости от внешнего мира.

(в) Условия, направленные на обеспечение свободы или предоставление федерального статуса национальным меньшинствам (как минимум мы должны настаивать на полном освобождении стран Балтии и предоставлении федерального статуса Украине с тем, чтобы украинские власти имели достаточную степень автономии).

(г) Условия, направленные на разрушение железного занавеса и обеспечение проникновения либеральных идей и контакта народов, живущих за железным занавесом и за его пределами».

«Это все, что касается наших приоритетов в отношении советской власти, — говорилось в доктрине. — Однако перед нами по-прежнему стоит вопрос, что делать с некоммунистической властью, которая может быть установлена на части или на всей территории России как следствие военных действий... Если нам придется иметь дело с режимом, борющимся с коммунизмом и дружественным по отношению к нам, то мы, без сомнения, должны будем делать все, чтобы выполнение вышеописанных условий не было для него унизительным. Однако в той или иной форме нам все-таки придется следить за их соблюдением, если мы хотим мира и стабильности во всем мире».

Давайте посмотрим теперь на положение «новой» демократической России в современном мире в свете директивы почти 60-летней давности: все поставленные в ней цели реализованы:

1) Россия экономически чрезвычайно зависима от внешнего мира; 2) военная мощь России несравнимо слабее мощи Вооруженных сил СССР; 3) страны Балтии и Украина получили независимость и настроены проамерикански. В начале «реформ» некоммунистическая Россия иногда Госдепартаментом именовалась даже партнером США, она принята в «восьмерку» сильнейших стран мира и т. п., однако Америка пристально следит за тем, чтобы она не стала сильней, независимей и влиятельней, т. е. оставалась слабой. В отношении России по-прежнему используются методы психологической войны,

экономическая и политическая война продолжается. Иначе говоря, в политике США в отношении России с 1948 г. не изменилось, по существу, ничего. И, как поймет читатель, который познакомится с публикуемыми документами, ничего и не должно было измениться. Ибо изменяться может все — природа, мир, человек, но не «национальные интересы» США, в сфере которых Россия занимает важнейшее место.

Третий документ — принятая 14 апреля 1950 г. Концепция NSC 68 «Задачи и программы национальной безопасности США» (Док. 35), в которой говорится: «...наши задачи в отношении Советского Союза как в мирное, так и в военное время, как указано в документе NSC 20/4 (параграф 19), остаются по-прежнему в силе, равно как и цели и указанные там меры (параграфы 20 и 21)».

Итак, холодная война воспринималась руководством США как самая настоящая война со всеми вытекающими отсюда задачами: разработкой стратегии и тактики, наличием штаба, финансовыми затратами, жертвенностью и единством духа нации и т. п. Партийные руководители в СССР, видимо, так не думали. Для них холодная война была «войной нервов», а может, просто взрослой игрой. Итог — поражение.

Четвертый документ — вершина политического коварства США и Великобритании в отношении СССР — план операции «Немыслимое»: план новой, Третьей мировой войны «союзников» против СССР, которая должна была начаться 1 июля 1945 г.[9] Задание по разработке такого плана Черчилль дал еще в марте 1945 г., когда союзнические войска только рвались к Берлину. В Штабе военного планирования Великобритании располагали верными данными о боеспособности Красной армии. Выполнив задание Черчилля, специалисты этого штаба пришли к выводу, что быстрый военный успех маловероятен. Доклад был передан на рассмотрение комитета начальников штабов в составе начальника Генерального штаба и начальников штабов ВМС и ВВС. Их заключение, направленное Черчиллю в начале июня 1945 г., было категоричным: быстрого успеха достичь невозможно.

Большое отрезвляющее впечатление на союзников произвел штурм советскими войсками Берлина, который защищали уже не просто немецкие солдаты, а смертники.

---

[9] Публикуется в данной книге (с. 455–493). Власти Великобритании долгие годы отрицали существование плана «Немыслимое», который был опубликован в английской печати только в октябре 1998 г. Впервые на русском языке этот документ появился в журнале «Новая и новейшая история» (1999. № 3) со вступительной статьей заведующего отделом истории войн и геополитики Института всеобщей истории Российской академии наук О. А. Ржешевского.

О плане «Немыслимое» был информирован и президент США Г. Трумэн. В. Фалин пишет: «Еще 23 апреля Трумэн попытался убедить своих союзников в том, что услуги Советского Союза в будущей войне с Японией им не нужны, поэтому пора поставить крест на антигитлеровской коалиции. Военные выступили против: ведь иначе японцы перебрасывали против американцев из Китая миллионную Квантунскую армию, и потери США в войне могли составить один, а то и два миллиона человек. Для Вашингтона это было неприемлемо. К тому же американцы на тот момент еще не испытали ядерную бомбу. Да и общественное мнение в Штатах не поняло бы такого предательства. Граждане Америки тогда в основном сочувствовали Советскому Союзу... В итоге, по свидетельству очевидцев, Трумэн немного поломался и согласился с доводами своих военспецов»[10].

Иногда я думаю, что холодной войны могло и не быть, если бы президентом США на весь свой президентский срок оставался Ф. Рузвельт. Не только потому, что Рузвельт гораздо лучше, чем Трумэн и Черчилль, относился к СССР и лично к Сталину. Это само собой. Но прежде всего потому, что Рузвельт был выдающейся личностью. Он с молодости готовился стать президентом, был чрезвычайно умен, прекрасно образован, воспитан и опытен как политик и государственный деятель. Это был здравомыслящий и мудрый человек, который брал из жизни все, что могло принести благо его народу, независимо от того, в какой цвет можно было бы покрасить ту или иную идею. Это Рузвельт в период Великого кризиса впервые в истории либерализма стал культивировать в США идеи смешанной экономики, интервенционистского государства, которое впервые в американской практике стало вмешиваться в экономические процессы, регулируя, планируя и управляя там, где было необходимо. Рузвельт исповедовал интернационалистическое миропонимание, выступал против изоляционистских настроений в США, не имитировал, а действительно боролся с бедностью, нищетой и безработицей, считал незаконными насилие и агрессию как средство изменения status quo. Рузвельт, конечно, не был ни марксистом, ни социалистом, как иногда говорили о нем, но он активно выступал за кооперацию с Советским Союзом, мечтал о длительном мире после Второй мировой войны. Теперь говорят, что Рузвельт якобы не понимал, насколько велики были гегемонистские устремления СССР. Но я полагаю, что те, кто так говорит о Рузвельте, не понимают и части того, что понимал в мировой политике этот чрезвычайно проницательный политик и человек.

Однако 12 апреля 1945 г. Рузвельт умер. Через два часа в должность президента США вступил вице-президент Гарри Трумэн. Инаугура-

[10] Комсомольская правда. 2005. 8 апреля. С. 28.

ционная церемония длилась всего одну минуту, но в эти мгновения были похоронены и надежда Рузвельта на сотрудничество с Советским Союзом, и его реалистический взгляд на видение лучшего мира.

2. Трумэн как творец холодной войны

В массовом сознании прочно закрепилась мысль о том, что началом холодной войны США против СССР является речь Уинстона Черчилля перед студентами Вестминстерского колледжа в небольшом американском городке Фултон 5 марта 1946 г. И это действительно так.

Во-первых, в этой речи Черчилль обозначил главную, с его точки зрения, опасность для мира во всем мире — СССР. «Никто не может сказать, что можно ожидать в ближайшее время от Советской России и руководимого ею международного коммунистического сообщества и каковы пределы, если они вообще существуют, их экспансионистских устремлений и настойчивых стараний обратить весь мир в свою веру», — заявил Черчилль[11]. Именно здесь Черчилль впервые употребил выражение «железный занавес, который опустился на Европу»; а также высказался о том, что «наши русские друзья и союзники» больше всего восхищаются силой и меньше всего уважают слабость, в особенности военную»[12]; о том, что необходимо отказаться от «доктрины равновесия сил» между государствами; о том, что США и их союзники должны быть способны «научить» всех, кто вздумает помериться с ними силами. Иначе говоря, Черчилль призвал США и мировое сообщество, к которому он апеллировал, строить свои отношения с СССР с позиций силы, а в сущности — к войне.

Еще одним основанием полагать, что именно Фултонская речь Черчилля дала старт холодной войне, является то, что в поездке в Фултон Черчилля сопровождал президент США Г. Трумэн, который открыл встречу со студентами и представил им Черчилля. Безусловно, это был хорошо продуманный и согласованный политический ход. Черчилль — хоть и знаменитый — являлся все же частным лицом. Если бы он был один, его речь не имела бы особого общественного резонанса. А тут «мистер Черчилль», говоривший вроде бы от своего собственного имени, по сути дела, провозгласил стратегию Запада, поскольку рядом с ним находился президент Соединенных Штатов Америки. Как ясно из публикуемых в данной книге секретных документов, к тому моменту США уже выработали свой курс в отношении СССР — «сдерживание», «балансирование на грани войны». Черчилль, надо полагать, был прекрасно информирован о стратегии США и позиции самого Трумэна.

---

[11] Черчилль У. Мускулы мира. М., 2002. С. 481.
[12] Там же. С. 448.

В конце концов речи — речами, слова — словами, а главное — следуют ли за этими словами конкретные дела. И тут нет никаких сомнений в том, что в Фултоне Черчилль огласил только открытую для всех часть Общего Замысла послевоенного мироустройства и внешней политики Запада в отношении других стран, и прежде всего СССР (России). Тайная часть этого Замысла была разработана в секретных службах США, и в полном объеме ее знал только один человек в мире — Трумэн[13].

Говорю это к тому, что, читая представленные в данной книге документы, надо понимать: за каждым из них стоит личность тридцать третьего президента США по имени Гарри Трумэн. Некоторые из этих документов были подготовлены его подчиненными по собственной инициативе, многие разработаны по его личному заданию. Роль этой личности в истории отношений США и СССР огромна.

Об американских президентах написаны сотни томов книг, проведено немыслимое количество социологических, политологических и психологических исследований. И это не случайно: психологический портрет ведущих политиков любой страны и характер нации взаимосвязаны. Социологи подразделили президентов США как личностей на «доминаторов» (людей сильной воли), «хороших парней», «простаков», «философов», «актеров», «хозяйственников» и т. д. Периодически предпринимались попытки определить, как изменяется мнение об американских президентах с течением времени. Известно, что людям свойственно идеализировать прошлое; мнение о человеке и событиях зависит от того, с какого расстояния и с какой стороны на них смотреть.

Именно в этом плане крайне любопытной является фигура Трумэна, который был чрезвычайно непопулярным президентом (в декабре 1951 г. только 23% американцев положительно оценили его деятельность[14]). Однако с годами сами же американцы передвинули Трумэна из разряда «слабых» в число «средних», а в 80-е годы XX столетия пе-

---

[13] Вообще-то, как показывают новейшие исследования, Трумэн не был изобретателем холодной войны. В книге американских ученых Д. Дэвиса и Ю. Трани «Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях», изданной в США в 2000 г. и переведенной на русский язык в 2002 г., говорится, что первая холодная война против Советской России была развязана администрацией Вильсона и длилась с 1917 по 1933 г. Они полагают также, что политика Вильсона нашла свое логическое продолжение в политике Трумэна, а через несколько десятилетий — в политике Рейгана (Дэвис Д. Э., Трани Ю. П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. М., 2002. С. 17, 399).

[14] В XX столетии это был самый низкий рейтинг среди президентов. Даже Р. Никсон в момент Уотергейтского дела, приведшего его к отставке, имел показатель в 24%.

реселили его в пантеон «великих»: по данным опроса Института Гэллапа, в 1980 г. Трумэн даже занимал третье место после Джона Кеннеди и Франклина Д. Рузвельта[15]. На похоронах Трумэна президент США Л. Джонсон назвал его «великаном XX века», который, «как никто другой до него, оказал влияние на мир»[16]. На вопрос, в чем же тут дело, ответ может быть только один: на вершины величия Трумэна вознесла холодная война. Рейтинг Трумэна возрастал по мере того, как становилось все более ясно, что в этой войне Советский Союз проигрывает США.

Личные качества Трумэна в его «величии» ни при чем. Всем известно, что до 50-летнего возраста, когда Трумэн по протекции и в силу целого ряда счастливых для него случайностей был избран сенатором от штата Миссури, ни в каких способностях и талантах этот человек заподозрен не был. Так же случайно Трумэн стал вице-президентом, а затем — случайно — президентом США. В этом смысле он действительно был «настоящим американцем» и воплощением американской мечты: из ничего стать всем.

Хочется думать, что, даже став президентом США, Трумэн трезво оценивал свою «себестоимость» — свой ум, образование, культуру. В его дневнике после встречи в Потсдаме появилась такая запись: «Он (Сталин. — *И. И.*) был на целых пятнадцать сантиметров ниже меня, и даже Черчилль был на семь сантиметров выше Джо! И все же я был самым маленьким в росте и интеллекте! Так, по крайней мере, написала пресса...»[17] Биографы Трумэна отмечают, что он к тому же был «ужасный оратор».

Еще раз скажу: случай, удача — этим прежде всего объясняется феномен Трумэна. Господин Великий Случай разместил этого серого человека на вершине политической и государственной власти одной из двух супердержав мира именно в тот момент, когда человечество находилось в ситуации выбора «или-или»: или новая война, или миростроительство.

Уитмену принадлежат слова: «Индивидуум столь же велик, как нация, если он обладает теми достоинствами, которые делают нацию великой». А если он не обладает достоинствами нации, если он — существо низкого пошиба, но по счастливому для него случаю встал во главе великой нации? Тогда все великое он принижает, а то и делает просто низким.

Давно замечено, что с момента, когда человек занял высокую, а тем более высшую должность, его личность вдруг начинает восприни-

---

[15] Американские президенты. М., 1997. С. 423–424.
[16] Там же. С. 438.
[17] Злобин Н. Трумэн // Континент. 2001. № 110.

маться окружающими через призму тех прав и возможностей, которые дает эта должность. Ничего не значащий сам по себе человек «вдруг» обретает в глазах миллионов людей несвойственное ему очарование. Малоумный и косноязычный начинает выглядеть мудрым и велеречивым, так как речи и статьи за него пишут спичрайтеры; не видящий дальше своего носа становится стратегом, поскольку на него работают лучшие политологи, социологи и т. п. В самых малозначимых и пустых словах верховных властителей люди начинают искать скрытый глубокий и особый смысл и — что самое удивительное! — чаще всего находят.

Но когда этот человек оставляет свой высокий пост и оказывается в ряду простых смертных, чары — опять же «вдруг» — спадают, и все обнаруживают, что «король-то голый».

Став президентом самой могущественной страны, человек по фамилии Трумэн стал вести себя так, как подобает президенту, оставаясь в сущности тем же, чем он был от рождения. Изменилось, конечно, очень многое. Но самая главная из перемен — последствия слов и поведения человека по фамилии Трумэн: теперь каждое его слово обретало особый вес, ибо за этим словом стояла мощь супердержавы, которую он возглавлял.

Известно, однако (и это главный момент в наших рассуждениях), что, даже изменяясь в частностях, в отдельных свойствах и качествах, человек за редчайшими исключениями не меняется в своей сущности. В глубинном, главном и основном он остается тем же и таким же, каким успел стать в детстве и юности. И уж совсем невозможно стать другим человеком за год, два, пять, даже если ты хочешь этого.

Каким же образом самый обычный, «никакой» в детстве и малоспособный даже в зрелом возрасте человек за какие-то пять лет президентства стал «великим»? В этом стоит разобраться.

Во-первых, зададимся вопросом: в глазах какого народа Трумэн выглядит великим? Прежде всего — американского и тех стран, правительства которых, словно охотничьи псы, покорно следуют за США как за своим «хозяином». В глазах народов, на которые объявлена «охота», Трумэн великим не был, не является и не может быть по определению: не может жертва любить своего палача.

Ведь это Трумэн вместе с Черчиллем, как уже говорилось, собирались начать Третью мировую войну с СССР в июле 1945 г.

Это Трумэн в августе 1945 г. отдал приказ испытать ядерную бомбу на мирных жителях японских городов Хиросима и Нагасаки, мгновенно уничтожив 150 тыс. человек, и подверг мучительной смерти от лучевой болезни еще более полумиллиона человек. И сделал это прежде всего для того, чтобы устрашить СССР.

Это по заданию Трумэна, как уже отмечалось, было разработано несколько планов ядерных ударов по городам СССР, в результате чего должны были погибнуть многие десятки миллионов человек.

Это Трумэн сформировал из СССР образ «смертельного врага» и начал объединять западный мир для борьбы с ним. Именно этой цели служили «план Маршалла» и «доктрина Трумэна» по оказанию Греции и Турции военной и экономической помощи с целью уберечь их от якобы грозящего коммунистического захвата власти, а также многие другие концепции, планы, инициативы.

Это Трумэн был главным инициатором политики «сдерживания» в отношении СССР, которая стала основой идеологии холодной войны и ее началом.

Это Трумэн создал все инструменты холодной войны: Всемирный банк, Международный валютный фонд, Совет национальной безопасности США, ЦРУ, НАТО и другие структуры и союзы.

Но ясно, что и эти дела невозможно отнести на личный счет Трумэна — его ума на это не хватило бы. Несомненно, что это — результат деятельности его администрации, одобренный Трумэном. Вот тут в полной мере проявилась уже личность Трумэна, от «да» или «нет» которого зависел выбор стратегии отношений США с СССР, а значит, и хода мировой истории в XX в. Ведь в окружении Трумэна находились не только «ястребы» типа Маккарти, но и люди здравого смысла. Тот же Дж. Кеннан, подлинный теоретик политики «сдерживания», как уже говорилось, выступал против универсалистской модели видения мира, которая представляет собой не что иное, как концепцию установления мирового господства, строительства новой мировой империи. Однако взгляды такого рода не находили поддержки Трумэна, ибо в сущности своей он был крайним реакционером.

Многие историки, возвеличивающие Трумэна, почему-то «забывают», что в 1922 г., в возрасте 38 лет, Трумэн вступил в Ку-клукс-клан (ККК) — массовую и активную расистскую организацию штата Миссури, принял клятву, уплатил членский взнос, подписал все нужные документы. Позднее он формально вышел из ККК. Но расстался ли он с теми дикими античеловеческими взглядами, которые проповедовала и утверждала ККК и которые разделял Трумэн, вступая в эту организацию? Вряд ли.

В июне 1941 г., отвечая на вопрос о своем отношении к нападению Германии на СССР, Трумэн сказал: «Если мы увидим, что Германия побеждает, мы должны помогать России, и если будет побеждать Россия, мы должны помогать Германии. Надо дать им возможность убивать друг друга как можно больше, хотя я при любых условиях не хочу видеть победу Гитлера».

В августе 1945 г., узнав о результатах бомбардировки Хиросимы, когда погибло более 70 тыс. человек, Трумэн воскликнул: «Это самое выдающееся событие в истории!»

Единственное, в чем сходятся все биографы Трумэна, так это в том, что он обладал твердой волей и в трудных ситуациях сам принимал все решения, даже если они не были популярными, и никогда не отступал от принятого[18]. Несомненно, чтобы впервые в истории отдать приказ о ядерной бомбардировке, последствия которой были непредсказуемы лишь по числу жертв и разрушений, но было совершенно ясно, что их масштабы будут огромными, как никогда, надо было обладать большой волей...

Когда после бомбардировки Хиросимы и Нагасаки один из создателей бомбы Роберт Оппенгеймер осенью 1945 г. на встрече с Трумэном заявил, что находится в ужасном состоянии и чувствует кровь на своих руках, Трумэн был очень разозлен видом «хныкающего» ученого: «Кровь на моих руках, — сказал он. — Это все мои проблемы». И передал помощникам, что надеется больше никогда не видеть этого человека.

Безусловно, необходима огромная воля, чтобы открыть эру империализма в американской внешней политике, т. е. заявить о претензиях США на установление нового мирового порядка, другими словами — на насильственное установление американского образа жизни в других странах, в том числе военным путем. Злая воля.

Трумэн часто говорил о «спасительной миссии» США такими словами: «мы должны», «нам необходимо» и т. д. Выступая в Берлине в июле 1945 г., Трумэн заявлял, что «свободный Дунай необходим для мира в Центральной Европе и для экономики Центральной Европы... Триест должен быть свободным портом для всей Центральной Европы... Дарданеллы, Кильский канал, земля между Рейном и Дунаем должны быть свободны на такой же основе для всех стран... Маньчжурия должна быть китайской... Дайрен должен быть открытым портом... Мы должны защищать справедливость и не позволим сровнять себя с землей... Мы должны быть настойчивы в этой политике... Потому что они — такие же скоты, быки и ничего больше... Нет никакой разницы между тоталитарными режимами, называй их нацизмом, фашизмом или коммунизмом, — все они одно и то же. Нынешний диктаторский режим в России ужасен так же, как всегда был ужасен царский».

«Страной, препятствующей установлению мира во всем мире», в глазах Трумэна был СССР. Единственный способ противостоять коммунизму, полагал Трумэн, — уничтожить его.

---

[18] См.: Американские президенты. С. 438.

Более всего Трумэн был откровенен в своем дневнике: «...мы в свободном мире уже достаточно долго страдали. Выкинуть китайцев из Кореи. Предоставить Польше, Эстонии, Латвии, Литве, Румынии и Венгрии их свободу... Это означает наверняка большую войну. Это означает, что Москва, Санкт-Петербург, Мукден, Владивосток, Пекин, Шанхай, Порт-Артур, Одесса, Сталинград и все работающие заводы в Китае и Советском Союзе будут уничтожены».

Историки многих стран, в том числе США, еще в 60-х годах XX столетия утверждали, что Трумэн «перереагировал» на политику Советского Союза, что «советская угроза» была явно преувеличена. Таких ученых в то время относили к разряду «ревизионистов». Теперь даже поклонники Трумэна говорят, что, «как показывают новые исследования, не исключено, что Запад прекратил попытки кооперации раньше, чем это сделал Сталин»[19]. Вот такая простенькая оценка, вот такое скромненькое определение величайшей в истории политической ошибки, стоившей миру, человечеству XX в. многих «локальных» войн и военных конфликтов, фантастических средств и десятков миллионов человеческих жертв, — «перереагировал». И прямое признание того обстоятельства, что холодную войну начали США, а не СССР.

15 января 1953 г. Трумэн, проигравший президентские выборы Эйзенхауэру, выступил с прощальной речью, обращенной к гражданам страны. «Я полагаю, — говорил он, — история будет помнить мое президентство как годы, когда холодная война стала затмевать нашу жизнь. У меня практически не было ни одного рабочего дня, который не был бы занят этой всеохватывающей борьбой».

А могло ли быть иначе? Ведь в душе и сознании каждого человека находится миниатюрный портрет его народа.

Если, как писал некогда биограф Трумэна Алонзо Хамби, «в конце концов, не то, что совершил Гарри Трумэн, сделало его американской иконой, а кто, по мнению американцев, он был»; если, как пишет теперь Н. Злобин, «он был настоящим американским президентом, он был настоящим американцем, он был — сама Америка», то совсем нелишне поразмышлять о природе, о глубинной сущности самой Америки. Ибо Трумэн, прежде чем стать президентом, впитал в себя на Юге Америки те ценности, духовные и нравственные «соки», которыми она кормит умы и души, которые определяют природу и характер всех «настоящих американцев».

---

[19] См. Американские президенты. С. 430.

3. Америка как «культура» войны

В чем кроются истоки агрессивности и экспансионизма США, их стремления навязать всему миру свой — американский — образ жизни? Ответ на этот вопрос можно искать в нынешнем экономическом богатстве США.

Безусловно, Соединенные Штаты — богатая страна. И само по себе это прекрасно; жить в богатой стране — мечта каждого человека. Но есть вопрос, который обывателя может и не интересовать, но который обязаны задать мы: откуда появились эти богатства? Ответ известен: плодороднейшие почвы, леса, луга, великолепный климат, недра, полные золота, нефти и других полезных ископаемых, реки и озера, океанские просторы и глубины с неисчерпаемыми запасами морских продуктов — основа нынешнего богатства США — получены путем уничтожения индейцев — коренного народа и коренной культуры Северной Америки и захвата их богатств. Американские войны и начинаются как раз с первого нападения на индейцев в 1622 г. в Джеймстауне — «бойня» 1622 г. Затем последовали Пекотская война 1637 г.; двухлетняя война в Мэриленде (1642–1643 гг.), война 1675–1676 гг. в Виргинии[20]. Другие войны и «охота на индейцев» продолжались до начала XX в. Американцами уничтожены миллионы индейцев. Это был самый настоящий и, вероятно, самый крупный геноцид в истории человечества. Одним словом, «культура» войны берет свое начало с «охоты» на коренное население Америки — индейцев. От тех времен остался лаконичный и весьма красноречивый американский принцип: «Хороший индеец — мертвый индеец». Стоит напомнить: из 600 тыс. индейцев племен сиу, населявших Америку в 1776 г., к 1910 г. осталось 220 тыс., которых загнали в «резервации» и содержали в нечеловеческих условиях[21].

Фантастические прибыли принесли США работорговля и рабство. Первых рабов в Северную Америку голландцы привезли в 1619 г.[22] Работорговля в США запрещена в 1808 г. Почти за 200 лет работорговли в Северную Америку было доставлено более 10 млн рабов; десятки миллионов человек погибли в пути. Ныне африканские страны намерены предъявить США и бывшим западноевропейским колониальным державам иск за ущерб, нанесенный странам Африки в те годы. Сумма возможной компенсации фантастическая — 777 трлн долл.[23]

Известно, что США вынудили Испанию отдать им Флориду, в 1840–1850 гг. захватили половину территории Мексики, в 1898 г. —

---

[20] См.: История США : в 4 т. М. : Наука, 1983. Т. 1. С. 22, 39, 46, 55, 355–357.

[21] Иванов Н. Империя смерти // Наш современник. 2003. № 5. С. 221.

[22] Там же. С. 25, 265, 375.

[23] Нечаев Г. Дети рабов требуют денег // Новые известия. 2004. 2 апреля.

Филиппины, Пуэрто-Рико. По счастливому стечению обстоятельств США в 1776 г. купили у Франции Западную Луизиану, в 1867 г. — приобрели по дешевке у России Аляску и Алеутские острова.

Не вдаваясь в детали, вспомним о многих других широкоизвестных фактах сравнительно недавнего прошлого: о Первой и Второй мировых войнах, на которых раздобрела экономика США, об «утечке мозгов» в США из других стран, которая обеспечила прорыв Соединенных Штатов к вершинам научно-технического прогресса, и т. д. Скажем главное: большинство богатств США — плод изначальной агрессивности и воинственности, нажито неправедным, военным, захватническим путем.

Несомненно, богатство США провоцирует их правительство и народ к агрессии. Ибо богатство — это власть, а власть по своей природе неизбежно стремится прибрать к рукам все окружающие ее богатства. Даже если эти богатства принадлежат другим, даже если ради них надо развязать региональный конфликт и «небольшую» войну.

Второй фактор нынешней агрессивности США — их военная мощь. Да, сегодня этой мощи нет равных в мире. Ее происхождение определить нетрудно: экономическое богатство, корни которого нам известны — сверхэксплуатация, захват, война. Но военная мощь еще более, чем богатство, провоцирует агрессивность, ибо она представляет собой силу в ее чистом виде, которая и создается для того, чтобы ее применять. Сила — это та же власть, которой наслаждаешься только тогда, когда ее используешь. Чтобы преодолеть искушение применить силу, нужны большой ум и высокая культура души.

Но именно этих качеств, именно культуры в высоком и полном смысле этого слова и не было у первопокорителей Северной Америки начиная с XVI в., т. е. изначально. Как не хватает ее хронически и ныне.

Как зарождались Соединенные Штаты Америки, что за европейцы первыми заселяли эту страну, хорошо известно. Дело не в национальностях: англичане, французы, итальянцы, мексиканцы, португальцы или кто-то другой. Главное в том, что в подавляющем большинстве пионеры освоения Северной Америки были искателями приключений, неудачниками в своем прежнем отечестве, одержимыми страстью к богатству и не обремененными совестью, честью и другими высокими добродетелями. Еще в 1840 г. А. Токвиль в книге «Демократия в Америке» писал: «Я не знаю другой страны, где любовь к деньгам занимала бы такое место в сердцах людей, как в Америке». Американский народ он называл «сборищем авантюристов и спекулянтов»[24].

[24] Токвиль А. Демократия в Америке. М. : Прогресс-Литера, 1994. С. 59.

Не хочу, чтобы кто-то заподозрил меня в ксенофобии или расизме, в нелюбви к американцам вообще. Ни один нормальный человек не осмелится рассуждать о любом народе в целом, давать ему оценки и характеристики, имея в виду буквально каждого человека. Я говорю о тех чертах, которые невозможно не заметить; об объективных следствиях, которые обнаруживаются сегодня, но причины которых закладывались сотни лет назад; о пороках «нации», которые не изживались, а усугублялись в ходе исторического развития этой страны.

Известно, что разнонациональный конгломерат эмигрантов, с XVI в. заселявших новый континент, не имел общей истории, не имел никакой изначальной, коренной культуры. У поселенцев не было общей возвышающей их духовной цели. Разумеется, среди первопокорителей были люди и образованные. Выходцы из Франции и Британии несли в себе идеи эпохи Просвещения, но эта часть населения была крайне незначительной, сосредоточивалась в основном на северовостоке страны. В целом же вся затея по «освоению» Северной Америки являлась своего рода широкомасштабным бизнес-проектом с множеством направлений — от золотодобычи и торговли рабами до публичных домов и торговли спиртным. Наличие единой для всех материальной цели — богатство, деньги! — неизбежно вело к борьбе, захвату и переделу ограниченного количества «ниш» для получения дохода. Иначе говоря, к внутренней войне между захватчиками, торговцами и откровенными спекулянтами, которая прекрасно отражена в нынешних голливудских боевиках. Беспрестанная борьба поселенцев между собой за расширение территорий и защиту их границ порождала военную культуру, «культуру» войны.

Атмосфера насилия и жестокости, сосредоточенность на самозащите, выживании и борьбе за свое место на Клондайке не оставляли жителям новой Ойкумены времени на серьезные размышления о высокой духовности и морали, на глубокие раздумья о глобальных принципах мироустройства. Именно поэтому американское общественное сознание (естественно, и сознание отдельно взятого «американца») изначально было очень узким. Человеческая низость была нормой, а война — проявлением этой низости.

В Декларации независимости, принятой 4 июля 1776 г. всеми тринадцатью объединившимися штатами Америки, провозглашались прекрасные и самоочевидные истины: «...все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью» и др. Но в этих словах отразились не утвердившиеся в обществе ценности, не сложившиеся отношения, а мечта. Не случайно документ назывался «декларацией»...

Агрессивность и экспансивность, жадность и меркантильность, прагматизм и цинизм, насилие и жестокость — вот те качества, которые были необходимы для успеха на новых землях в реальной жизни. Естественно, что пионеры-победители культивировали эти же качества в своих детях, а те — в своих. И так — от поколения к поколению, до наших дней.

Если взять, как принято в социологии, за среднюю длину поколения 30 лет, то с момента образования США в 1776 г. в этой стране сменилось всего восемь поколений. Наверняка многие молодые американцы, если они, конечно, «настоящие», имеют в своих домах фотографии предков, их ножи, револьверы и «кольты», а то и скальпы индейцев. 250 лет в истории страны и народа — это совсем немного, до ужаса мало, если представить, что рядом, на той же самой планете с названием «Земля» существуют народы, история которых насчитывает пять, шесть и более тысячелетий.

Глобальный пример в пользу развития американской «культуры» войны — гражданская война в США 1861–1865 гг.[25] Вторая фаза гражданской войны продолжалась в виде Реконструкции Юга до 1877 г. Таким образом, целых 16 лет Америка находилась в состоянии внутренней гражданской войны, которая продолжала разжигать в американцах низменные инстинкты и страсти...

В 1917–1918 гг. Америка — единственная из всех стран-победительниц вышла из Первой мировой войны экономически окрепшей, в результате чего заняла положение ведущей державы в мире. Эта война явилась прекрасным опытом таскания каштанов из огня чужими руками.

Затем США поразил экономический кризис, в преодолении которого метафора «война» играла определяющую роль[26].

Вторая мировая война вновь привела США к колоссальному экономическому выигрышу. Вновь единственной из стран-победительниц (СССР, США, Великобритания) окрепшей, а не ослабленной вышла из войны Америка. И вновь американское правительство и множество рядовых американцев, на землю и дома которых за пять лет

---

[25] Север потерял в этой войне убитыми и погибшими от ран 360 тыс. человек, а Юг — не менее 250 тыс. Около 1 млн солдат и офицеров Севера и Юга были ранены. Заметим, население Севера в тот момент составляло 22 млн человек, а Юга — 9 млн человек, в том числе 4 млн рабов-негров. Таким образом, погибли более 2% и были ранены свыше 3% воевавших без учета жертв среди гражданского населения, которые в те годы примерно равны военным потерям (История США. М. : Наука, 1983. Т. 1. С. 458).

[26] Замечу, что Великая депрессия поразила США в 1929–1933 гг. — в период мирной передышки на Земле: в США резко упало производство, а безработица охватила в 1932 г. 17 млн человек.

не упала ни одна бомба, ни один снаряд, получили основания подумать: «А что, война — это не так уж плохо! Мы опять — в победителях и опять — в неслыханной выгоде». «Культура» войны в сознании миллионов «настоящих американцев», не очень перегруженных глубокими мыслями, высокими добродетелями, получила еще одну мощную инъекцию агрессивности, экспансионизма, самовлюбленности и самоуверенности, убежденности в превосходстве США.

А «охота на ведьм», суды Линча, маккартизм? А корейская война, в ходе которой использовались напалм, химическое и бактериологическое оружие, убито 9 млн человек, из них 84% — мирные жители?[27] А вьетнамская война, где также применялись напалм и химическое оружие, сброшено 14 млн тонн бомб и снарядов, убито 1,5 млн вьетнамцев?[28]

За годы своего существования США провели сотни варварских войн на чужих территориях, в ходе которых были убиты многие миллионы людей. Подсчитано, что за 100 лет (1824–1994 гг.) США осуществили 73 вооруженные интервенции только в страны Латинской Америки. Их жертвами были Пуэрто-Рико, Мексика, Никарагуа, Панама, Гаити, Колумбия, Куба, Гондурас, Доминиканская Республика, Виргинские острова, Сальвадор, Гватемала, Гренада...[29]

С начала XX в. не было ни одной войны в мире, в которой бы не принимал участия Пентагон. Только после Второй мировой войны, т. е. за 50 с небольшим лет, американские вооруженные силы 30 раз вторгались в пределы различных суверенных государств. А сколько тайных войн вела Америка, организуя государственные перевороты и убийства неугодных им государственных и политических деятелей.

Диагноз для США ужасен: в этой стране всегда существовала такая политическая атмосфера, властвовали такие политические нравы, которые вызывали к жизни явления и процессы, абсолютно несовместимые с разного рода декларациями о свободе и демократии. Глядя на историю США, невольно приходишь к выводу: Соединенные Штаты — это страна-солдат, страна-полицейский, страна-диктатор, страна-тиран. Состояние войны для США стало и естественным, и необходимым, как кровь для князя Дракулы, а состояние мира — тревожным и опасным. Для множества компаний и для страны в целом война стала прибыльным бизнесом, гарантом процветания. Как только ми-

---

[27] Война в Корее, 1950–1953. СПб. : Полигон, 2003. С. 20.

[28] Всемирная история войн. Мн. : Харвест, 2005. С. 691. По другим источникам, только вьетнамцев-штатских погибло 4 млн (Лувье Дж. Элитное подразделение американской армии убило сотни мирных жителей. URL: http: // Kuchma.fromru.com).

[29] Маркес Г. Г. Письмо американцу // Дуэль. 2003. № 11.

ра становится больше, а войны — меньше, чем это надо для экономики США, «денежные мешки», формирующие политическую власть и управляющие ею, тут же требуют от нее какой-нибудь войны. И очередной президент вместе с конгрессом сразу же отыскивают подходящий повод, чтобы ее развязать.

Воинственность была необходимым условием выживания пионеров освоения Северной Америки; затем она стала привычной частью американского образа жизни, а ныне является определяющей чертой американской «нации»[30] в целом. Разумеется, американская народная воинственность, так же как глупость или подлость, не распространяется буквально на каждого американца, но это черта именно народа.

Величайший психологический парадокс нашего времени состоит в том, что в мире есть страна, где изо всех сил вот уже третье столетие культивируется крайний индивидуализм, но где каждое отдельное «я» чувствует ежечасный прессинг со стороны незримого «мы». Когда в 20-е годы XX в. Е. Замятин написал свой фантастический роман «Мы», он имел в виду то ли завершенную форму утопического коммунизма, то ли «совершенного» в своем развитии расизма, идеи которого в ту пору захватили едва ли не все страны Европы. Русский писатель и подумать не мог, что его фантазии найдут реальное и наиболее полное воплощение в XXI в. в стране, проповедующей свободу и демократию, — в США.

Почему же это происходило и происходит?

Не бывает даже самого последнего негодяя, который был бы настолько глуп, чтобы не найти хоть какие-нибудь доводы для оправдания своей подлости или преступности. Среди первопроходцев Америки, как уже говорилось, были люди и весьма образованные. Они хорошо понимали, что творившиеся вокруг них разбой и грабительство должны быть чем-то оправданы, а потому освящали их религиозными догмами, а также благородными мифами.

Так родился Главный Миф США, превратившийся затем в своего рода религию, в искреннюю веру о богоизбранности американского народа, который самим божественным провидением якобы предназ-

---

[30] Я беру слово «нация» в кавычки, потому что всего 230 лет назад американской нации еще не было, и трудно, мне кажется, доказать, что она существует сегодня. Дело не только в том, что 230 лет — срок ничтожно малый для формирования полноценной национальной души и развитого национального сознания. Еще важнее — исходный человеческий, биологический «материал», психология индивидов, интеграция характеров которых дает в результате психологию, характер народа в целом: степень однородности базовых ценностей людей, определяющих социальный, духовно-нравственный генотип нации, о чем я уже говорил выше.

начен для того, чтобы установить власть над всем миром и превратить его в «Град Божий»[31].

Так возникла Идея, переросшая вскоре в наивное национальное убеждение о безусловном превосходстве американского образа жизни во всех аспектах этого понятия (духовные и нравственные ценности, социально-экономическое и политическое устройство и т. д.). Так появились и укоренились в умах и душах «настоящих американцев» страстная самовлюбленность, потрясающий своим хамством комплекс полноценности, который надо признать глубокой и тяжелой болезнью массового сознания этой «нации».

Таким образом, не только экономическое богатство и военная мощь питают агрессивность США. Мифы о богоизбранности американского народа и превосходстве американского образа жизни имеют не меньшее, а, быть может, большее значение. Этот социальный феномен я назвал бы рецидивом юной нации, юной культуры, которые (нация, культура) именно в силу отсутствия порядочной (уж не говорю — великой) истории и зрелой культуры пытаются возвести в правовое понятие и международное правило свой инстинкт к политиче-

[31] В конце XIX в. идеологию «предначертанной судьбы» американского экспансионизма и расизма («Manifest Destiny») откровенно провозгласил американский историк Джон Фиск. Основной тезис Манифеста прост и откровенен: «Делу, начатому англосаксонской расой с периода колонизации Северной Америки, суждено продолжаться до тех пор, пока все страны на земном шаре, которые до сих пор еще не приобщились к цивилизации, не станут английскими по языку, религии, политическим обычаям и в значительной мере по крови населяющих их народов. Близок день, когда 4/5 человечества смогут проследить родословную до английских предков, как это может сделать сегодня 4/5 населения США. И эта раса, распространившаяся на оба полушария, от восхода солнца до его захода, сможет удержать власть над морем и господствующее положение в торговле». Ему вторил церковник Дж. Стронг, когда давал характеристику англосаксам: «Это — раса, обладающая непревзойденной энергией, имеющая за собой всю мощь громадных богатств, являющаяся, надо надеяться, носительницей великих свобод, чистого христианства и наивысшей цивилизации, раса, в которой разовьются особые агрессивные черты, рассчитанные на то, чтобы привить свои учреждения всему человечеству, распространить свое господство на весь земной шар» (Цит. по: Соколова З. Исторические корни агрессивности США // Правда. 2003. 4 апреля). Говорилось это в 80-е годы XIX в., когда у США еще не было ни военных баз, ни колоний, ни морской пехоты. Язык нынешнего президента США Дж. Буша-мл. не менее категоричен: «Америка все еще находится в состоянии войны, и ее враги замышляют новые нападения. Но Соединенные Штаты не будут пассивно ждать еще одного нападения или верить в сдержанность и добрые намерения злых сил. Мы не позволим террористам или поддерживающим их режимам угрожать нам оружием массового поражения. Мы будем действовать там, где это необходимо, чтобы защитить жизнь и свободу американцев» (Буш Дж. Обращение к американскому народу. 4 июля 2003 г., База ВВС Райт-Паттерсон, г. Дейтон, штат Огайо).

ской славе и доблести. Как объяснить иначе, что даже самые тяжелые поражения (кроме вьетнамской войны) выдаются США за великие победы во имя справедливости и мира на планете? Военное присутствие США в XX в. во многих странах мира, их непременное участие в разрешении различного рода межгосударственных и международных споров и конфликтов стали могучим средством воспитания американского населения в духе явно завышенной горделивости, несомненности в превосходстве американского образа жизни.

Из идеи мессианства США родились и выросли в американском обществе все культурные формы, и особенно «культура» внешней политики и «культура» войны, которые нашли выражение, в частности, и в тех документах, которые представлены в данной книге. Развилась особая структура общественной жизни, которая носит громкое название «американская свобода и демократия», хотя на поверку, как известно, проблем именно со свободой и демократией, с правами человека в США очень много. «Благородная битва за идеалы справедливости, свободы и демократии» (именно так понимают американцы свое болезненное желание совать нос в дела любого государства в любой точке мира) превратила эту «битву» в жизненный идеал страны, в главный «национальный интерес», в основную цель национальной внешней политики. Американская воинственность — способ компенсации комплекса культурной неполноценности этой «нации». Объявив о праве действовать по своему усмотрению и в одиночку, не считаясь с мнением мирового сообщества, США сказали тем самым «остальной» части человечества: «Мы — выше ваших взглядов и представлений о добре и зле, чести и бесчестии и т. п. Одним словом, мы «выше» вас, а вы — «ниже»; у нас своя мораль, и если вы не согласны с ней, тем хуже для вас».

За последние 100 лет юная культура США повзрослела, ее можно было бы уже назвать не юной, а молодой, когда бы она не была все еще так удивительно наивна, если не сказать глупа, когда бы она не была столь абсолютно убеждена, что все предшествующие тысячелетние культуры (Китая, Индии, восточных стран, России и др.) — это культуры низшего уровня и, следовательно, должны быть ускоренно вытеснены и заменены на культуру самую «передовую», т. е. американскую.

Самопонимание многих мыслящих американцев находится в странном и страшном состоянии вследствие вопиющего противоречия между мифами, которые властвуют над их сознанием, и повседневной реальностью, которая окружает их. В таком положении оказываются не только обыватели, но и те, кто вершит их судьбы.

В 2003 г. на русском языке вышла книга «Смерть Запада» Патрика Дж. Бьюкенена — бывшего советника президентов США Р. Никсона

и Р. Рейгана, кандидата в президенты от Республиканской партии на президентских выборах 1992 и 1996 гг. Согласно усвоенным с детства мифам Бьюкенен твердо убежден, будто «история показывает, что нет и никогда не было абсолютно равных народов, культур и цивилизаций»; «...цивилизации тоже не равноправны. Запад подарил миру лучшее из того, что было когда-либо сформулировано и придумано. Западная цивилизация и западная культура превосходят все остальные...»; что «Америка остается величайшим на земле государством, страной великих возможностей, она обладает жизненной энергией, не присущей никакому другому народу. Мы, американцы, — благословеннейшие из смертных»; «американцы составляют 4 процента мирового населения и обладают 30 процентами мировой экономической и военной мощи, им попросту не пристало рассуждать о равноправии наций и государств...»[32].

Но в той же самой книге Бьюкенен признается, что нынешняя культура Америки «возжигает благовония на алтарях глобальной экономики»; что Киплинговы «боги рынка» отодвинули с пьедестала Бога Библии. Секс, слава, деньги, власть — вот новые боги новой Америки»; что молодые американцы считают Америку «лживой, двуличной, реакционной, консервативной страной»; что миллионы американцев живут «в культурной пустыне, в этической канализации. Эти люди не хотят жить в новой Америке и не желают за нее сражаться»; что «первобытная дикость нашей политики» — это результат «культурной революции, отравившей американскую политику, и худшее, к несчастью, впереди»[33].

Он пишет: «Все, что вчера считалось постыдным — прелюбодеяние, аборты, эвтаназия, самоубийство, — сегодня прославляется как достижения прогрессивного человечества... Миллионы людей ощущают себя чужаками в собственной стране. Они отворачиваются от масскультуры с ее культом животного секса и гедонистических ценностей. Они наблюдают исчезновение старинных праздников и увядание прежних героев. Они видят, как умирает взрастившая этих людей культура — вместе со страной, в которой они росли... Нынешнюю доминирующую культуру правильнее называть постхристианской или даже антихристианской»[34].

О каком же превосходстве США и западной цивилизации над культурой других народов, в том числе русского, можно говорить американцам, если такие горькие признания вынужден делать дважды

---

[32] Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2003, С. 94, 336, 365.

[33] Там же. С. 18, 19.

[34] Там же. С. 16, 17.

кандидат в президенты США, советник двух президентов США? А главное — если весь мир знает, что все вышесказанное — сущая правда?

Одно дело — декларировать идеи свободы, демократии, справедливости, антифашизма, антитерроризма и т. п. и совсем другое — претворять их на практике. Тут крайне важно соблюсти меру применения силы, что сделать неимоверно сложно, ибо для этого нужны действительный гуманизм, огромный ум и мудрость, честность и долготерпение, уважение к иному мнению и многие другие добродетели, которых у этой страны нет. Америка взялась за это. И тогда уже случилось, и сейчас происходит на наших глазах нечто совершенно парадоксальное: чрезмерное и неумное использование силы, казалось, ради благих целей возвращается к ее носителю — США — в той же самой форме и том же виде, но только с приставкой «анти».

Расизм существует в США под прикрытием антирасизма; фашизм — в виде антифашизма; терроризм — в образе антитерроризма; экстремизм, агрессивность, война, тирания — под видом борьбы за свободу, демократию и мир во всем мире.

Не жалея сил и средств, США несут на штыках своих и натовских солдат якобы свободу другим странам. В итоге сами США, впервые с 1815 г. (после изгнания британцев из Луизианы), оказались в положении осажденной крепости, на территорию которой к тому же проник враг. Находясь в опасности в своей собственной стране, американцы вынуждены следить друг за другом, прослушивать телефоны, перлюстрировать письма, досматривать на границе даже иностранных дипломатов и лиц с дипломатическим иммунитетом.

Выиграв холодную войну с СССР, американцы получили холодную войну и «пятую колонну» внутри своего общества, в том числе специально обученных сограждан, задача которых — убивать американцев. Через 10 лет после разрушения Берлинской стены и падения «железного занавеса» в Европе в США возвели «электронный занавес» не только вокруг своей страны, но заставили сделать это все государства мира. Везде и всюду, якобы борясь с международным терроризмом и тиранией, США сами стали страной-террористом, страной-тираном. Продолжая полагать, что они живут в лучшем из миров, многие американцы начинают смутно чувствовать, а кое-кто и понимать, что с их страной происходит «что-то не то». Но что же творится на самом деле — осознать не могут. Совсем не простая задача! Если этого не способен сделать кандидат в президенты П. Бьюкенен, можно ли чего-то требовать от обычного американского обывателя, который, как правило, хорошо обучен какой-нибудь специальности, но плохо образован в социально-гуманитарном плане, и прежде всего философски? Как и Бьюкенен, он рассуждает по схеме: с одной сто-

роны, с другой стороны, с третьей, четвертой и т. д. Но дело в том, что крайности сходятся.

Свобода на штыках — это не свобода, это насилие.

Насильное насаждение демократии — это диктатура.

Утверждение, что «американцы — благословеннейшие из смертных», что «они обладают жизненной энергией, не присущей никакому другому народу», — это расизм. И так далее.

Как это происходит? Очень просто. Если вы полагаете себя миротворцем и в борьбе за мир во всем мире намерены бороться до конца, да так, что камня на камне не оставите на пути к своей цели, то это значит, что однажды, перейдя грань в своих стараниях насадить мир во что бы то ни стало, вы на самом деле ведете самую настоящую войну. Крайности (мир и война) сошлись. И вот война — это мир, а мир — это война.

Зло и добро неразделимы, прячутся друг в друге. Зло часто рядится в одежды добра. И порой, наблюдая несправедливости человеческой жизни, думаешь, что «добро должно быть с кулаками», что если вооружить его самым современным оружием, которого нет у зла, то злу тут же придет конец. Наивно.

Добро есть Добро, а Зло есть Зло. Они неуничтожимы и будут существовать, пока жив человек. Но тот, кто несет добро, предлагая людям счастье в виде свободы и демократии, тот должен быть способен остановиться в тот момент, когда ему скажут: «Не хочу счастья по-вашему, хочу быть счастлив по-своему; хочу жить так, как я хочу». Сделать человека счастливым помимо его собственной воли невозможно. Это аксиома, опровергнуть которую не дано никому, и не стоит пытаться делать это.

Известное изречение «Благими намерениями вымощена дорога в ад» — это про нынешнюю политику США. Замечу: в ад попадает намеревающийся.

Бьюкенен уловил очень важную тенденцию: в США назревает культурный разлом. Что Америка — это не единая нация, сознают очень многие американцы. Даже президент Дж. Буш заявил однажды: «...порой различия становятся настолько кардинальными, что кажется, будто мы живем не в одной стране, а лишь на одном континенте». Население США разделяют уровень доходов, приверженность различным идеологиям, религиозная и этническая принадлежность. Ныне в США проживает более 35 млн некоренных американцев: это уже вовсе не «плавильный тигель Господа, в котором плавятся и пересоздаются заново все нации Европы», как полагали некогда сами американцы. Это грандиозный по величине отель, в котором часть граждан имеют давнюю и постоянную прописку, а множество просто приехали на заработки и живут здесь, пока все хорошо. При этом совсем не

«плавятся» и не «пересоздаются», напротив, копят ненависть, готовы к мести. Так было 11 сентября 2001 г.

Как уже говорилось, среди множества «национальных интересов США» на первом месте стоит интерес экономический. Там, где невозможно обойтись без ракет и танков, Америка действует грубо и напролом. Там же, где во внешней политике дело может дойти до крайней ожесточенности и большой войны, впереди ракет и танков, мягко, по-кошачьи ступая, выходит культурная политика, цели которой те же, что у ракет и бомбардировщиков. Преимущество и сила — в бесшумности, скрытости. США умело использовали этот прием в прошлой холодной войне, успешно применяют его и сейчас.

Захват культуры России — их важнейшая задача ныне. Война культур — вот суть американской внешней политики. А суть американской культуры выражается одной фразой: «Где кошелек человека, там и его сердце, там и его душа».

Перво-наперво надо изменить культуру, тогда власть сама упадет к ногам!.. Все дело — в культуре, а значит, в человеке, которого надо «перекультурить», т. е. сменить в национальном сознании систему ценностей, образцов, идей, идеалов, героев и т. п. Незаметные перемены в сознании и мышлении сами приведут к переменам в законах, политической и социальной жизни. И мы видим, как некоторые важнейшие российские духовные ценности растворяются в этой «культуре» захватчиков, как исчезают присущие и неповторимые черты культурного бытия русской нации.

Холодная война против России во всех ее формах продолжается. Об этом свидетельствует множество фактов.

Летом 2005 г. руководитель Федеральной службы безопасности РФ Н. Патрушев сообщил депутатам Госдумы РФ, что в Братиславе после успешного осуществления «розовой», «оранжевой» и «тюльпановой» революций в Грузии, Украине, Киргизии обсуждался вопрос о продвижении новых «цветных» революций в другие страны СНГ. И это — не временная линия, не эмоциональный всплеск, это стратегия, которая последовательно реализуется. Новые свидетельства этому находим в последних речах нынешнего президента США. Выступая в феврале 2006 г. на встрече с членами ветеранской организации «Американский легион», Буш заявил, что «цветные» революции отвечают национальным интересам США: «Свобода движется по миру, и мы не успокоимся, пока все люди на земном шаре не получат возможность освобождения»[35].

Они — не успокоятся. Это огромная беда, когда «никто», став «всем», начинает изменять мир. Тем более когда этот «никто» есть

[35] Московский комсомолец. 2006. 26 февраля.

«ничто»... Кто-то из великих сказал, что, если воля не допускает размышления, за этим непременно последует раскаяние... Этот момент в США еще не наступил, он — впереди...

А пока — новые планы захвата России, хорошо оплаченные из средств госбюджета. Совсем недавно в российской прессе прошла информация о том, что конгресс США выделил 85 млн долл. на «развитие демократии в России», в том числе около 8 млн — на поддержку политических партий.

22 января 2006 г. по телеканалу НТВ в передаче А. Мамонтова под названием «Шпионы» рассказывалось о разведывательной деятельности работников посольства Великобритании в России. Речь, в частности, шла о подкупе неправительственных организаций: «Московской Хельсинкской группе» было перечислено свыше 23 тыс. фунтов стерлингов, а фонду «Евразия» передано наличными около 6 тыс. фунтов стерлингов.

В принципе в этом нет ничего нового: формирование «пятой колонны», поиск предателей и оголтелых «борцов» за свободу и демократию, которым наплевать, за что платят, лишь бы платили, продолжается. Теперь вести вербовочную работу гораздо проще, чем в советские времена: в России формируется гражданское общество, и поводов для контактов с потенциальными и реальными «агентами влияния» и предателями более чем достаточно. Методы холодной войны работают на полную мощь.

В культурном смысле Россия становится все более похожей на Америку. Если в Древней Руси, даже в царской России и в советские времена большинство «простых людей» выше всего ценили духовные основы, а уж затем — все материальное, то ныне целью общественной жизни пытаются сделать экономику, а смыслом жизни отдельного человека — богатство, деньги. Американская философия жизни и американская культура уже довольно глубоко проникли в массовое сознание части россиян, особенно молодых.

Однако битва культур еще в самом начале, хотя отступаем мы, как в войне с Германией, стремительно. Образно говоря, американцы уже под Москвой, но еще не взяли ее. И, думаю, не возьмут. Но биться с нами они будут жестоко. И победить их нам будет труднее, чем немцев. По многим причинам, а прежде всего потому, что на высших командных высотах и в различных партиях они имеют много своих яростных сторонников.

Это значит, что Происходящее в мире и с Россией сегодня надо рассматривать в категориях культуры и в категориях войны.

4. Америка как вечная война

Читатель, несомненно, обратит внимание на то, что почти во всех публикуемых документах СССР именуется Россией, а весь живший в СССР народ — более чем 100 национальностей — русским. С одной стороны, такой подход был данью традиции: дореволюционная Россия была ненавистной Западу империей. Поскольку СССР еще более утвердил себя в данном качестве, во-первых, расширив свои границы (Западная Белоруссия, Западная Украина, страны Балтии и т. д.), во-вторых, многократно усилив свое влияние в Восточной Европе и других регионах мира, Запад продолжал называть СССР Россией, подчеркивая тем самым преемственность своего неприязненного отношения к этой стране. Образ и прежде ненавистной России как геополитического противника вырос до гигантских размеров после того, как она стала к тому же врагом идеологическим, превратилась во вторую супердержаву мира, непосредственно соперничающую с США и остальным Западом.

И все-таки дело не столько в привычке и нежелании выговаривать «СССР», а в самой России. Именно Россия была «осевой» республикой, экономическим и могучим скрепом СССР, а русские, составлявшие около 70% населения, — его духовным, культурным и волевым интегратором.

Победить Россию для США означало победить СССР. И не случайно известный ненавистник России З. Бжезинский пишет сегодня: «Россия — побежденная держава. Она проиграла титаническую борьбу. И говорить «это была не Россия, а Советский Союз» — значит бежать от реальности. Это была Россия, названная Советским Союзом. Она бросила вызов США. Она была побеждена. Сейчас не надо подпитывать иллюзии о великодержавности России. Нужно отбить охоту к такому образу мыслей... Россия будет раздробленной и под опекой»[36].

И все-таки Бжезинский выдает желаемое за действительное: на карте мира нет СССР, но существует Россия — многократно ослабленная во всех отношениях, но потенциально способная быстро набрать такую мощь, которой многие западные футурологи пока не представляют. Нынешней России не надо быть «донором» бывших и некогда «братских» республик СССР с населением почти 150 млн человек, сегодня она может бросить все освободившиеся экономические ресурсы на свое собственное развитие. Понимая это, Бжезинский опасается самой мысли о «великодержавности России» и мечтает о том, что «Россия будет раздробленной» и окажется «под опекой» конечно же США.

---

[36] URL: http://aif/1219/09_02/

Россия жива и едина, она не раздроблена и не под опекой. А это значит, что Россия не побеждена. И следовательно, война против России продолжается, пока во все той же «холодной» фазе. На Западе и в США этого уже не скрывают не только журналисты и политологи, но даже отставные политики высшего ранга, голосом которых, как некогда Трумэн голосом Черчилля, говорит официальный истеблишмент.

Вот как высказывается по этому поводу бывший президент США Р. Никсон: «США и Запад рискуют выпустить из рук победу в холодной войне, которая обернется в результате поражением... Россия — ключ к успеху. Именно там будет выиграна или проиграна последняя битва холодной войны».

Никсон, таким образом, вовсе не думает, что холодная война позади, по его понятиям, «последняя битва», которую США и Запад рискуют проиграть, еще впереди.

А вот слова бывшего госсекретаря США Генри Киссинджера: «Распад Советского Союза — это, безусловно, важнейшее событие современности... Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции воссоединения ее в единое, крепкое, централизованное государство». Кто-то скажет: «Все это — мнения одиночек и частных лиц». Но вот 28 сентября 2004 г. сто влиятельных политиков и интеллектуалов США и Европы опубликовали открытое письмо к главам государств НАТО и ЕС, в котором требуют пересмотреть взаимоотношения стран Запада с Россией. Среди подписантов — Мадлен Олбрайт, бывший госсекретарь США; профессор Фрэнсис Фукуяма, главный идеолог Пентагона; Джулиано Амати, бывший премьер-министр Италии; Карл Билдт, бывший премьер-министр Швеции; Филипп Димитров, бывший премьер-министр Болгарии; Вацлав Гавел, бывший президент Чехии; Витаутас Ландсбергис, бывший президент Литвы, и др. 53 человека из числа подписантов — американцы. Их письмо — это, по сути дела, антироссийский манифест, смысл которого в том, что нынешняя путинская Россия совсем отбилась от рук. А такая Россия (т. е. какая-либо вообще самостоятельная Россия) им не нужна, резюмируют политики и интеллектуалы, потому надо срочно отказаться от ошибочной политики сохранения России как целого и возобновить холодную войну.

Но дело в том, что холодная война, на мой взгляд, и не прекращалась, а только снизила на время свою интенсивность, во-первых, потому, что был развален СССР — это событие победителям следовало достойно отпраздновать, а также передохнуть; во-вторых, потому, что масштабы холодной войны неизмеримо увеличились. Объект нового этапа холодной войны — весь мир. Цель — установление нового мирового порядка. Это и не скрывается.

Нынешний вице-президент США Ричард Чейни констатирует: «С целью управления всем миром Соединенные Штаты вступили

в войну, до конца которой мы не доживем». Бывший директор ЦРУ США Джеймс Вулси, выступая в Калифорнийском университете 3 апреля 2003 г., сказал: «Холодная война на самом деле была третьей мировой войной, а сейчас США ввязались в четвертую мировую войну, которая продлится много лет».

Значит ли это, что теперь США и Западу будет не до России, что они сосредоточат свое внимание на остальном, пока еще не подвластном им мире? Ни в коем случае. Все тот же русофоб Збигнев Бжезинский признает: «Новый мировой порядок при гегемонии США создается... против России, за счет России и на обломках России»[37].

Бывший премьер-министр Великобритании Джон Мейджор в 1997 г. сказал: «...задача России после проигрыша холодной войны — обеспечить ресурсами благополучные страны. Но для этого им нужно всего пятьдесят-шестьдесят миллионов человек»[38].

США разработали и на весь мир провозгласили основы своей современной внешней политики, которые изложены в документе под названием «Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов Америки» (сентябрь 2002 г.). В нем США представлены как «единственная жизнеспособная модель, позволяющая обеспечить процветание нации», как страна, которой «нет равных в военной мощи», которая считает своим долгом использовать «могущество и влияние, которых ни у кого и никогда в мире не было». «Что касается России, — говорится в этом документе, — то с ней мы уже строим новые стратегические отношения, исходя из главной реальности XXI в.: Соединенные Штаты и Россия перестали быть стратегическими противниками»[39].

И это правда — в том смысле, что у России нет ни желания, ни возможности воевать с США, как нет и причин — ни идеологических, ни религиозных, ни экономических, ни цивилизационных. России от США не нужно ничего, ее национальные интересы не дотягиваются до их заокеанских территорий и богатств.

Убежден, что цели США в отношении России в принципе остались теми же, что и в 1946 и 1950 гг., более того, расширились. Какие новые «цели США в отношении России» подготовлены секретными службами по заданию нынешних президентов, мы не знаем и узнаем не скоро. Нет никаких сомнений в том, что они существуют под теми же названиями, что 60 лет назад: «концепция», «доктрина», «стратегия». В некоторых из них указаны сроки достижения задач, реализация дру-

---

[37] Советская Россия. 2002. 20 июля.

[38] Цит. по: Лисичкин В., Шелепин Л. Третья мировая (информационно-психологическая) война. М., 1999.

[39] Национальная стратегия безопасности Соединенных Штатов Америки, 17 октября 2002 г. (National Security Strategy — NSS. 2002. P. 31).

гих целей рассчитана на неопределенно длительное время. В цивилизационной и геополитической борьбе даже 100 лет — срок невеликий. Но руководители США понимают, что в их распоряжении — не вечность. Многие разительные перемены в реконструкции современного мироустройства уже произошли и еще произойдут на наших глазах.

Нетрудно предположить, что:

— геополитический интерес Америки в отношении России заключается в том, что в будущем противостоянии и возможной (некоторые полагают — неизбежной) войне США с Китаем Россия должна выступить щитом для Запада. Так, Патрик Дж. Бьюкенен полагает, что, «если Россия забудет о поражении в холодной войне и смирится с утратой статуса сверхдержавы, Москва начнет воспринимать Америку как своего естественного союзника в сохранении государственной целостности и независимости. А американцы должны понять, что в любом «столкновении цивилизаций» русские окажутся на передней линии обороны Запада»[40];

— политический интерес США состоит в том, чтобы ослаблять целостность собственно России, а еще лучше — расколоть ее на несколько частей;

— военный интерес США состоит в том, чтобы, окончательно разрушив военно-промышленный комплекс СССР и предельно ослабив вооруженные силы России, превратить ее в обозримом будущем в безъядерную державу, по крайней мере, до последней грани сократить ее ядерные силы;

— экономический интерес состоит в том, что, развалив вторую в мире по мощности экономику СССР и превратив Россию (как и планировалось) в чрезвычайно экономически зависимую от Запада страну, подобраться как можно ближе к ее сырьевым и энергетическим ресурсам.

Этот аспект отсутствовал в планах США в годы холодной войны, ибо относился к разряду немыслимого: глобальная экономика и глобальный мир с их «инструментами» (МВФ, Всемирный банк, ВТО, НАТО и т. п.) тогда еще только обозначались в умах, существовали как идеи. Еще только начинался век компьютера, электронных СМИ, не было даже слова «Интернет», только набирали силу транснациональные корпорации и т. п. Овладеть ресурсами другой страны означало оккупировать ее географическое пространство. Еще не существовал Римский клуб, не был подготовлен доклад «Пределы роста», мир не осознавал близость исчерпания невозобновимых запасов и экологической катастрофы.

Ныне ископаемые ресурсы — объект особого внимания ТНК, промышленно развитых держав, среди которых на первом месте по потреб-

---

[40] Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. С. 149.

лению различных видов сырья и топливно-энергетических ресурсов находятся именно США. Разве возможно, чтобы власти США, озабоченные будущим своей «богоизбранной нации», не подумали о том, как им овладеть ресурсами самой богатой в мире страны — России?

Почему именно Россия оказывается в центре борьбы США за мировое господство?

Известно, что на ближайшие 50–70 лет основным источником удовлетворения потребностей общества в энергии по-прежнему будут невозобновляемые естественные ресурсы — нефть, газ и уголь. А значит, человек будет крепко привязан к двигателям внутреннего сгорания. Какими бы компьютерными системами управления ни был обустроен бензиновый автомобиль, самолет или океанский лайнер, это ничего не меняет.

Нужна принципиальная смена источников энергии, нужно топливо будущего. Пока ближайшими конкурентами нефти, газу и углю ученые видят водород и двигатель внешнего сгорания. В перспективе общество, несмотря на очень высокую (по современным меркам) экономическую стоимость водородного горючего и технические опасности обращения с ним, начнет развивать так называемую водородную цивилизацию. Но это время если и наступит, то весьма и весьма не скоро. Поэтому реально прогнозируемый путь движения человечества в XXI в. неотвратимо пролегает через борьбу за сырье и энергетические и прочие ресурсы, которых становится все меньше. Этим и обусловлена прежде всего борьба США за «новый мировой порядок», новый передел мира.

Идея нового мирового порядка, как известно, не нова. Переделу в прежнее время всегда предшествовала война. Ныне передел происходит в ходе войны. И ведет эту войну одна держава, а не несколько, как было раньше. США настолько сильны, что фактически нуждаются в союзниках лишь в том смысле, что им необходимы солдаты чужих армий, которые умирали бы вместо американских солдат за «национальные интересы США»[41].

---

[41] Ф. Рузвельт, бывший (как и все крупные политики) расчетливым прагматиком и циником, вступил в союз с СССР в борьбе с Гитлером (кроме всего прочего) и потому, что он вел войну «по-американски», т. е. с беспримерным применением техники при наименьших человеческих жертвах. США нужны были русские солдаты, чтобы победить немецкие и японские войска. За каждого американца, погибшего в войне, умерло 15 немцев, 53 русских. Уже в 1942 г. Рузвельт знал, что «русская армия убьет больше людей держав «оси» и уничтожит больше военной техники, чем все 25 объединенных наций вместе» (Американские президенты. С. 42). В 1946 г. Г. Трумэн признался: «Я никогда особенно не огорчался от того, что деньги, которые мы дали взаймы Европе, никогда не были возвращены. Я, откровенно говоря, считаю, что лучше посылать на фронт деньги, а не кровь».

США с вожделением смотрят в сторону России, которая занимает более 17 млн кв. км (1/5 часть, 20 процентов) суши при населении 146 млн человек (2,4% от 6 млрд жителей планеты). Население Земли к 2050 г. увеличится до 12 млрд человек, а в России — сократится до 101 млн человек. Средняя плотность населения в мире сегодня — 45 человек на кв. км. В Германии она составляет 235 человек, в Нидерландах — 460, в Японии — 334,5, в Южной Корее — 468, в Китае — 173 человека. В России средняя плотность населения — 8,6 человека на кв. км и даже в европейской части — 27 человек на кв. км.

В России сосредоточено более трети (35%) запасов всех мировых ресурсов (энергетических, экологических, биологических и прочих) и более половины (!) стратегического сырья, в том числе 13,6% нефти и 35,4% газа, 22% лесных запасов. На каждого жителя нашей страны приходится 11,7 условной единицы планетарных ресурсов, в то время как на жителя США — 2 единицы, Западной Европы — 0,67. Каждый среднестатистический житель России потенциально в 6 раз богаче американца и в 17,5 раза — любого европейца. Запасы российского сырья оцениваются примерно в 30 трлн долл., США — 8 трлн долл., Китая — 6 трлн долл., Европы — менее 1 трлн долл.

В США вполне серьезно обсуждается возможность приобретения нашей Сибири или установления опеки над этим регионом, что рассматривается как условие выживания. Стоит сказать, что такая сделка планировалась ими еще в 1920 г.

Экономические интересы, а вовсе не борьба с международным терроризмом (при всей остроте и важности этой задачи) являются действительной пружиной, которая побуждает США содержать огромную армию, тратить фантастические суммы на ее содержание, на войны то в одном, то в другом уголке мира. Вот, например, война США с Ираком 1991 г. якобы в защиту Кувейта. Еще в дни войны экс-президент Никсон писал в «Нью-Йорк таймс» (от 7 января 1991 г.): «Мы оказались там отнюдь не затем, чтобы защищать демократию, так как Кувейт не является демократической страной, и в регионе нет ни одной страны, подпадающей под это определение. Мы оказались там не затем, чтобы избавить мир от «диктатуры» — тогда нам надо было бы воевать прежде с Сирией и рядом других стран. Мы оказались там отнюдь не затем, чтобы защищать принципы международного права. Мы оказались там, поскольку не можем позволить никому затрагивать интересы, жизненно важные для нас». И точка. Вот это и есть чистая правда: Ближний Восток находится в створе национальных интересов США, потому что страны этого региона обладают 75% нефтяных запасов земли.

Вторая война с Ираком и его оккупация случились вовсе не потому, что Хусейн был тираном и якобы производил оружие массового уничтожения. Главная причина та же — нефть.

Стоит очень серьезно задуматься над тем, откуда и зачем в конце XX в. «вдруг» возник социальный феномен международного терроризма. Быть может, все совсем не так, как пытаются представить миру американские власти и спецслужбы. Возможно, самые сенсационные разоблачения по этому поводу впереди, и когда они произойдут, мир ахнет от удивления и вздрогнет от ужаса и омерзения перед теми, кто дал старт этой страшной игре.

Но уже и сейчас некоторые из основных игроков глобального рынка то ли по нечаянности, то ли специально проговариваются. Вот, например, признание Дж. Сороса, одного из самых азартных и знаменитых игроков на мировом финансовом рынке и политическом постсоветском пространстве: «На самом деле мы ведем войну не с терроризмом, а с экономическим спадом. Вы не сможете привести ни одного примера, чтобы был экономический кризис в стране, которая воюет или готова ввязаться в войну». Суть вопроса даже не в том, с кем или против чего идет война. Главное — чтобы война уже шла или готовилась. Тогда экономика на подъеме, а значит, прибыль обеспечена. Война живет войной. Америка несет в себе войну, как туча таит в себе гром и молнии.

О войне в ее традиционном, варварском смысле «настоящие американцы» сегодня стараются не говорить. Ибо наступила «эпоха прав человека», «эпоха демократии». Поэтому идею войны и сам способ ее ведения ныне прячут в новые пропагандистские «обертки» и так преподносят народу, чтобы ему не было страшно, чтобы он вообще не понимал, что такое современная война.

Согласно словарю американских политиков и военных наступила эпоха «гуманных», «цивилизованных» войн. Выражения, в которых эти люди описывают современный мир («методы политики, находящиеся на грани с настоящей войной», «миротворческие операции», «дипломатические меры с опорой на вооруженные силы», «операция реагирования на кризис», «военный мир», «гуманитарное вмешательство», «мирная агрессия» и т. п.), как правило, состоят из «враждебных» друг другу, конфликтующих и (по логике вещей) несоединимых слов, отражающих прямо противоположные смыслы и явления: война — мир, вражда — дружба и т. п. По своей сути эти выражения абсурдны. Между тем на их основе строятся доктрины национальной безопасности, военные концепции, которые реализуются на практике. В результате возникает абсурдная реальность, абсурдный мир.

Вместе с трансформацией понятия «война» кардинально изменились понятия «армия», «фронт», «тыл» и т. п. Государству совсем не обязательно иметь многомиллионную армию, для того чтобы ее корпуса, дивизии и полки дрались на северном или восточном, южном или западном фронтах. Фронт пролегает в одно и то же время сразу

и всюду. Разве есть «линия» фронта у информационной или экономической войны?.. Есть особо выделенные объекты (страны), хотя война идет со всем миром. Повсюдность — вот еще одна из важнейших особенностей современной войны, которую ведут США. Обыденное сознание не схватывает этой изощренности: повсюду — значит нигде. Прибавьте к этой специфике предельную тайность проводимых операций, малое количество погибающих в открытых военных конфликтах, сопоставимое с потерями в дорожно-транспортных происшествиях, и обыватель говорит: «Да разве это война? Это просто жизнь в XXI в.». Но это — война, в которой цель — не мертвое тело, а уничтожение души. Когда-то советский поэт Евгений Евтушенко писал: «Контроль над душами важней, чем над телами...» Теперь эту идею «под другим соусом» реализуют американцы, навязывая миру свою «культуру». Рассосредоточенная по сферам жизни и странам, многообразная по формам и методам ее ведения, без многолетних бомбежек и артобстрелов, ежедневных объявлений по радио о взятых или оставленных городах, растянутая во времени на десятилетия, вялотекущая, но это — война. Самая настоящая, «гуманная» война, в результате которой многочисленные дипломатические переговоры, встречи, подписание договоров и прочее и прочее — моменты этой войны, ширма, за которой скрывается главный смысл, сущность Происходящего.

В разных странах мира от нарастающих нищеты и бедности, шквала стихийных бедствий и прочих причин, во многом являющихся следствием бесчеловечной политики мировой власти, гибнут десятки миллионов людей, совершенно не сознающих, что они, как на обычном поле брани, пали жертвами бесшумной войны. О жертвах духовного и нравственного растления не говорю: здесь иные, более высокие порядки цифр.

Появление во второй половине XX в. такого информационного оружия, как электронные СМИ, Интернет, изменило не только концепцию и характер войны (предельная скрытость, неявность, неощутимость, неосознанность), но и роль войны в эволюции человечества. Современное информационное оружие позволяет вести войну не только между отдельными государствами, но одновременно и между современными цивилизациями путем столкновения концепций, теорий, систем знаний и образования. С помощью сегодняшних СМИ любую систему (общество, государство) можно запрограммировать на самоуничтожение, если она не способна защитить себя от нежелательного информационного воздействия извне.

«Чужая» информация — это чужая программа поведения. «Чужая» система обучения — это система перепрограммирования сознания поколений, самоуничтожения национального государства и нации — ее взгляда на свою историю и свое будущее, ее характера и прежде все-

го образа жизни и воли к жизни. Это программа уничтожения страны и народа их собственными умами и руками.

С древнейших времен люди убивали и убивают друг друга в целях грабежа, от страха, из-за религиозных побуждений, жажды крови. Все это ужасно. Но это еще не война.

Понятие войны возникает в тот момент, когда появляются политические цели: завоевание территории, господство над другими народами; когда распри происходят не между отдельными людьми, а между кланами или государствами; когда вопрос овладения богатствами противника «освящается» мотивами защиты национальной безопасности, национальной гордости, национальных интересов, возвышения престижа и славы страны, превосходства образа жизни, верховенства национальных ценностей и т. п.

Война неизбежно становится реальностью, когда у населения той или иной страны возникает особое настроение — настроение враждебности к окружающему миру или другому народу. Война приобретает возвышенный смысл божьей заповеди, когда в створ этой враждебности попадают те, кого нападающая сторона полагает «отсталыми», «варварами» «недочеловеками» и т. п. В этом случае исчезают все ограничения, накладываемые моралью, грубая сила и безмерное насилие возводятся в ранг благородства и величественной добродетели. И тогда властвует единственная страсть — жажда победы и насилие творится в полную меру.

Что и видим мы сегодня, когда насилие и жестокость разлились по миру в таких масштабах, которые не могли даже вообразить себе вавилонские и ассирийские цари, гордившиеся жестокостью как богоугодным делом. И основным источником этой жестокости и этого насилия ныне стали США. Они теперь сами назначают себе жертву, как это было с войнами в Югославии и Ираке, как это случится еще много раз с другими странами. США насилуют народы разных стран на глазах у всего человечества, а человечество при этом постыдно молчит. Более того, некоторые страны, дабы угодить США и заслужить их благосклонность, выстраиваются в очередь, чтобы поучаствовать в насильничестве.

В «Стратегии национальной безопасности США» 2002 г. говорится, что Америка будет «вознаграждать» те страны, которые станут осуществлять перемены, отвечающие американским представлениям о свободе, демократии и справедливости, и «оказывать давление на те правительства, которые лишают народы своих стран права стремиться к лучшему будущему». При этом в своих действиях, особенно в борьбе с терроризмом, США не исключают возможности нанесения ими «упреждающих ударов»: «...хотя Соединенные Штаты будут постоянно стремиться к тому, чтобы привлечь поддержку международ-

ного сообщества, мы, в случае необходимости, без колебаний будем действовать в одиночку в порядке осуществления нашего права на самооборону путем нанесения упреждающих ударов против таких террористов, с тем чтобы они не могли причинить ущерб нашим гражданам или нашей стране... лучшая оборона — это хорошо спланированное наступление».

Фатальное доминирование США в современном мире ведет к фатальным итогам: выкорчевыванию остатков нравственных устоев из международных отношений. Сила уже возведена в правовое понятие. Система международного права не обладает больше всеобщим признанием как основа культуры вообще, политической культуры в частности. Сила стала основой «культуры», она сегодня выше всякой культуры, кроме американской.

Исходным пунктом документа NSC 68 «Задачи и программы национальной безопасности США», одобренного Г. Трумэном (Док. 35), было утверждение, что успех предлагаемой программы действий «полностью зависит от того, насколько наше правительство, американский народ и все свободные народы сумеют в конечном итоге признать, что холодная война — это на самом деле настоящая война, в которой на карту поставлено выживание свободного мира». Документ заканчивался словами: «Выполнение этой программы потребует от нас всех находчивости, жертвенности и единства, диктуемых суровостью проблемы, и настойчивого упорства в достижении наших национальных задач».

Американцы это поняли. И выиграли холодную войну. Во всяком случае, ее первый этап.

В докладе президента США Б. Клинтона на закрытом совещании Объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил США 25 октября 1995 г. подведены итоги новейшего этапа холодной войны, дана оценка этой победы с позиций американцев. Кроме того, доклад, на мой взгляд, дает полное представление об истинных целях политики США в отношении нынешней России. Цитирую: «...Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы.

Правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой придаток, не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать.

Да, мы затратили на это многие миллиарды долларов, но они уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью. За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на 15 млрд долл., сотни тонн золота, драгоценных камней и т. д.

Под несуществующие проекты нам переданы за ничтожно малые суммы свыше 20 тыс. тонн меди, почти 50 тыс. тонн алюминия, 2 тыс. тонн цезия, бериллия, стронция и т. д.

В годы так называемой перестройки в СССР многие наши военные и бизнесмены не верили в успех предстоящих операций.

И напрасно. Расшатав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке. Наша цель и задача и в дальнейшем оказывать помощь всем, кто хочет видеть в нас образец западной свободы и демократии.

Когда в начале 1991 г. работники ЦРУ передали на Восток для осуществления наших планов 50 млн долл., а затем еще такие же суммы, многие из политиков, военные также не верили в успех дела. Теперь же, по прошествии четырех лет, видно — планы наши начали реализовываться.

Однако это не значит, что нам не над чем думать. В России, стране, где еще недостаточно сильно влияние США, необходимо решать одновременно несколько задач:

— всячески стараться не допускать к власти коммунистов. При помощи наших друзей создать такие предпосылки, чтобы в парламентской гонке были поставлены все мыслимые и немыслимые препоны для левых партий;

— особенное внимание уделить президентским выборам. Нынешнее руководство страны нас устраивает во всех отношениях. И потому нельзя скупиться на расходы.

Они принесут свои положительные результаты. Обеспечив занятие Ельциным поста президента на второй срок, мы тем самым создадим полигон, с которого уже никогда не уйдем.

Для решения двух важных политических моментов необходимо сделать так, чтобы из президентского окружения Ельцина ушли те, кто скомпрометировал себя. И даже незначительное «полевение» нынешнего президента не означает для нас поражения. Это будет лишь ловким политическим трюком. Цель оправдывает средства.

Если нами будут решены эти две задачи, то в ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем:

— расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии;

— окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии;

— установление режимов в оторвавшихся от России республиках, нужных нам.

Да, мы позволили России быть державой, но империей будет только одна страна — США»[42].

Комментировать этот текст нет нужды: здесь все сказано предельно ясно. Ни о каком «сотрудничестве», «партнерстве» с Россией, ни о какой «помощи» ей со стороны США не следует и помышлять. Речь идет о контроле и управлении ее «развитием» с использованием всех известных инструментов холодной войны.

Вот еще самые свежие факты.

В начале марта 2006 г. конгресс США отменил дискриминационную поправку Джексона-Вэника, принятую около 30 лет назад в отношении СССР, серьезно ограничивавшую торговлю между двумя странами. Отменил, но только в отношении Украины, а не России. США также дали «добро» на вступление Украины в ВТО, признав страну демократической, а ее экономику — рыночной. Что касается России, то США остаются единственной страной, которая препятствует вступлению РФ во Всемирную торговую организацию (другое дело, что Россия, на мой взгляд, гораздо больше потеряет, чем приобретет, вступив в нее).

8 марта сначала в Вашингтоне, а затем в Нью-Йорке состоялась презентация доклада с очень интересным названием — «Неверный путь России: что могут и должны сделать Соединенные Штаты». Комментируя этот доклад, известный американский политолог Стив Коэн полагает, что «США возвращаются к концепциям времен СССР», примерно на 20 лет назад; что «авторы доклада фактически призывают к проведению в отношении России политики сдерживания». А газета «Известия», в которой публикуются все эти материалы, с удивлением вопрошает: «США навязывают России новую холодную войну?» И выносит в подзаголовок фразу, которая должна, видимо, звучать как откровение для читателя: «Если Вашингтон не захочет видеть в Москве партнера, станет ясно: противостояние было не с коммуниз-

---

[42] Отрывки из этого документа опубликованы в российской печати лишь после отставки Ельцина в газете «Трибуна» (2000. 24 августа), в журнале «Наш современник» (1999. № 2). В книге В. Сироткина «Великий инквизитор» (2006. С. 62–65) говорится, что этот документ был добыт политической разведкой Службы внешней разведки России, представлен Ельцину, а затем по указанию Главы Администрации Президента РФ С. Филатова размножен «для служебного пользования» и роздан некоторым начальникам управлений. В. Сироткин имел возможность, как он пишет, ознакомиться с полным текстом доклада благодаря тому, что один из этих начальников управлений некогда был его дипломником в Дипломатической академии МИД СССР.

мом, а с Россией». Надо же — какое открытие! Учите историю, господа журналисты и дипломаты! Учитесь за политическим словоблудием видеть суть вещей и происходящего.

Эта суть (скажем снова и снова!) заключается в том, что Россия нужна, очень нужна Америке! Но только не в качестве партнера. Как может быть партнером для агрессора — противник, для палача — жертва? Россия нужна США как геополитическое пространство, кладовая сырьевых и энергетических запасов, рынок сбыта своих товаров и (при благоприятных условиях) финансовых инвестиций, для размещения предприятий своих ТНК, как соучастник в некоторых делах, вроде борьбы с терроризмом и т. д. и т. п. Никакого разговора о партнерстве, да еще стратегическом, не было, нет и быть не может. «В мире были две супердержавы — СССР и США; одна из них рухнула и разрушена, а новой, кроме Америки, не бывать» — вот суть американской нынешней внешней политики вообще и в отношении России — прежде всего. Холодная война не начинается. Можно думать, что она продолжается. Хотя на самом деле идет просто война, только нового типа, основанная на новой концепции. Формы этой войны — от «холодной» до «горячей». Но в сущности — это самая настоящая война. И она будет тем более ожесточенной, чем в большей мере Россия будет претендовать на самостоятельную и значительную роль в международных отношениях. Это мы и наблюдаем сейчас.

Буквально через несколько дней после представления доклада «Неверный путь России: что могут и должны сделать Соединенные Штаты», в середине марта 2006 г., Белый дом обнародовал «Стратегию США в области национальной безопасности» на второй срок президентства Дж. Буша. Предисловие, написанное Бушем к тексту новой стратегии, начинается с честного признания: «Америка находится в состоянии войны»; «это стратегия национальной безопасности военного времени»; США «должны сохранять вооруженные силы, не имеющие себе равных» и т. п. Причинами войны, как объясняет президент, является «рост терроризма» и необходимость «продвижения демократии и свободы в качестве альтернативы тирании». А по сути речь идет о войне со всем миром за право господствовать в нем.

Этот документ содержит более скептическую оценку ситуации в России, чем «Стратегия» 2002 г. «Недавние тенденции, к сожалению, указывают на снижающуюся приверженность демократическим свободам и институтам», — утверждается в нем. США призывают Россию «не препятствовать» распространению свободы: «Мы будем работать над тем, чтобы убедить российское правительство продвигаться вперед, а не назад по пути свободы».

Дж. Буш подписал также секретные приложения к «Стратегии», о тайных смыслах которых узнают, быть может, наши потомки.

Еще раз подчеркиваю: пришла пора понять и нынешней России, что против нее продолжается война — демографическая, экологическая, экономическая, психологическая, информационная. Пока — «холодная». «Война» — вот имя существительное. «Война» — во всей полноте этого слова. «Настоящая» — это не просто прилагательное к слову «война», это определение, требующее, чтобы Россия вместе с остальным разумным миром выработала свою Доктрину Сдерживания агрессии США и ее пособников. Реализация этой доктрины потребует всех тех качеств (находчивости, жертвенности, единства и других), без которых победа не дается никому и никогда. Иначе всечеловеческая мечта о вечном мире превратится в вечную войну.

Возглавить эту тяжелейшую работу должна Россия. Не в силу некоего мессианского назначения свыше, но только исходя из тех реалий, которые сложились в ходе мирового развития человечества. И прежде всего потому, что только одна страна в мире — Россия представляет собой опыт долговременного географического единения Востока и Запада, мирного сожительства более чем 100 наций и народностей, всех основных мировых религий. Именно в этом качестве, а не как сырьевой придаток Россия необходима миру.

Стоит заметить, что совсем недавно, всего 10 лет назад, когда Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры по инициативе ее Генерального директора, выдающегося мыслителя и политика Федерико Майора продвигала в мире проект «Культура мира и демократии», его совершенно не замечали США и более всего поддерживала Россия. В Москве по инициативе мэра города Ю. М. Лужкова создан центр «За культуру мира и демократии», а в нашем университете в 1999 г., во время его посещения Ф. Майором, создан Международный институт «Молодежь за культуру мира и демократии», директором которого я являюсь.

Россия должна стать главным субъектом мирового развития, но не в смысле империалистических амбиций и расширения своего влияния за счет уничтожения своеобразия культуры других стран, как это делают США, а их сохранения и творческого развития, если хотите, модернизации в контексте идеологии Культуры мира.

Когда эта книга была уже сдана в производство, в Москве состоялся X Всемирный русский народный собор, членом Совета которого я являюсь. На обсуждение была вынесена тема «Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке».

Открывая собрание, на котором присутствовало около 3 тыс. государственных и политических деятелей, работников культуры, писателей, военных и — обращаю внимание — представители всех основных конфессий России, Патриарх Московский и всея Руси Алексий II сказал: «Сегодня миссия России в XXI в. состоит в том, чтобы наш

уникальный опыт построения единого цивилизационного пространства на основе культурной и религиозной многоукладности содействовал построению многоукладного мира, в котором бы различные цивилизационные модели входили в гармоничное и мирное взаимодействие... Опыт России уникален. Если нам удастся задействовать потенциал традиционных религий России, ее этнического и культурного многообразия и выработать общеприемлемую концепцию по вопросам прав человека и достоинства личности, это откроет перед нами новые перспективы, поможет изменить и улучшить облик человеческой цивилизации».

Момент истины в противоборстве США с «остальным миром» состоит в том, чтобы умиротворить себя, умерить свои аппетиты и амбиции. Переосмыслить себя. Переопределить смысл своего существования в мире, перенацелить свою внешнюю политику.

Дело даже не в том, хороши или плохи западные ценности. Как можно выступать, например, против прав человека, свободы личности, политического плюрализма, конституционной демократии? Сами по себе они представляют несомненную ценность.

Но все не так просто, тут много нюансов и тонкостей.

Например, еще на стадии, когда только начиналась разработка Всеобщей декларации прав человека, когда обсуждались различные альтернативные проекты, некоторые (заметьте — западные!) ученые говорили о том, что духовные, нравственные и политические ценности в разных культурах имеют существенную специфику. Именно поэтому невозможно сформулировать права человека, исходя из морального кодекса только одной культуры, и сделать их универсальными для всего человечества. Скажем, общемировые стандарты свободы возможно базировать только на принципе, в соответствии с которым человек свободен в том случае, если он может жить согласно тому пониманию свободы, которое принято в его обществе. Тем не менее в основу Декларации прав человека положена универсалистская концепция, декларирующая постулаты морального кодекса исключительно европейской культуры. Естественно, что для незападных стран декларация стала утопией. Заставить ее соблюдать на Востоке, кроме как силой, невозможно.

Внешняя политика США издавна строилась на универсальном подходе, который, как отмечал Дж. Кеннан, «избавляет его (общественное мнение США. — *И. И.*) иметь дело с национальными особенностями и разнородными политическими убеждениями зарубежных народов, которые для большинства наших людей кажутся запутанными и вызывают раздражение». Американцы не желали (как не желают и ныне) видеть мир таким, каков он есть на самом деле, предлагали и предлагают странам и народам придерживаться стандартных норм

поведения в соответствии с принятыми законами и вводимыми ими ограничениями, парламентскими и другими процедурами, одобряемыми большинством. Хотя на самом деле понимали (и это обозначает Кеннан), что это «всего лишь маска, форма, отвергающая главное — содержание: история страны, национальные традиции и предрассудки и т. п.».

Нельзя ставить знак равенства между Западом и человечеством. Этот знак важен только для Запада, особенно для США, которые, несомненно, безмерно завышают мнение о самих себе, слишком высокомерны. То, что Запад добился значительных успехов в материальном производстве, еще ничего не говорит о том, как долго будет существовать это производство, этот способ общественного устройства, а из-за него — и все человечество завтра. То, что нынешняя парадигма развития привела человечество на грань гибели, доказано, но крайне плохо осознано. Продолжать слепо идти к пропасти, да еще увлекать за собой и остальные страны — это преступление. В конце концов, смысл Жизни в самой жизни, а не в прогрессе, технике, ракетах как таковых.

Слава Богу, американская воинственность наталкивается на свое собственное эгоистическое нежелание оплачивать военные амбиции потерями жизней американских граждан. Поэтому правительство США берет курс на изобретение сверхточного оружия и вовлечение других государств в сферу военных действий.

Однако страна, граждане которой не хотят идти на самопожертвование ради общих интересов, обречена. Война — это величайшая проверка национального духа, национальной морали, воли, терпения и выносливости. Профессиональная армия, как бы отменно ни были подготовлены ее солдаты, не может победить народ; она неизбежно проиграет войну тем, кто готов к жертвам на поле боя. Ситуация в Ираке на тот момент, когда я пишу эти строки, — ярчайшее тому подтверждение.

Война уже давно стала иррациональным способом улаживания конфликтов. Пришла пора заняться подлинным миростроительством, в котором война не является предварительным условием мира.

Эта концепция пока недоступна американскому сознанию, что означает только одно — Америка с ее неистребимой воинственностью не нужна человечеству, следовательно, ей рано или поздно придется изменить свою философию жизни. Америка — это тяжелая болезнь человечества, которую оно должно изгонять сообща, не доверяясь самодиагнозу и самолечению.

В Севильской декларации о насилии (Перу, 1986 г.), написанной учеными из разных стран мира, справедливо говорится о том, что война не обусловлена генами, неуравновешенностью сознания, чело-

веческой натурой или инстинктами, а является социальным изобретением; при этом «род, который изобрел войну, способен изобрести мир».

И последнее. Я очень хочу, чтоб когда-нибудь кто-нибудь написал книгу под названием «Америка как друг России». Но чтобы это произошло, нужно по крайней мере одно — чтоб Америка опомнилась и одумалась.

Вступительная статья из книги «Главный противник: документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг.». М., 2006. С. 3–64.

ТИХАЯ ХОЛОДНАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Из заключительного слова президента Русского интеллектуального клуба профессора И. М. Ильинского на заседании РИК, состоявшемся 23 апреля 2008 г.

Очень важен всегда в любой работе, в любом рассуждении исходный тезис, потому что все остальное обустраивается в соответствии с этой установкой. Скажем, установка о том, что нет цели для войны, мне кажется, глубоко ошибочна.

Вот книжка, которую я издал. Я извиняюсь, что я уже в который раз членам клуба цитирую, но здесь присутствуют люди, которые не знают об этом. «Главный противник». Это секретные документы по внешней политике и стратегии США 1945–1950 гг. Здесь есть такой документ, доктрина: «Цели США в отношении России». Цели. А дальше излагаются цели. Не в этом документе, а в другом говорится о том, что достижение целей не имеет временных границ для США, они не ставят задачу к 7 ноября или к 1 января какого-то года достичь этих целей. Они формулируют эти цели на перспективу и разыгрывают разные варианты достижения этих целей.

В этом документе «Цели США в отношении России» говорится следующее: «Прежде всего, стоит отметить, что вне зависимости от идеологической основы любого некоммунистического режима и вне зависимости от того, насколько он будет придерживаться идеалов либерализма и демократии, мы должны будем в той или иной форме обеспечить то, о чем говорилось выше, т. е. даже если установивший-

ся режим будет не коммунистическим и формально дружественным по отношению к нам, мы должны будем обеспечить следующее: а) отсутствие у подобного режима большой военной мощи; б) его сильную экономическую зависимость от внешнего мира; в) соблюдение им прав национальных меньшинств (есть раздел целый по раздроблению — Украина, Прибалтика, Кавказ); г) отсутствие попыток установить подобие «железного занавеса» при контактах с внешним миром. Если нам придется иметь дело с режимом, борющимся с коммунизмом и дружественном по отношению к нам, то мы без сомнения должны будем делать все, чтобы выполнение вышеописанных условий не было для него унизительным (чтобы не совсем обидно было). Однако в той или иной форме нам все-таки придется следить (здесь не говорится, как, каким образом) за их соблюдением, если мы хотим мира и стабильности во всем мире».

В документе, который был принят после того, как Трумэн покинул президентский пост, немножко были переформулированы эти цели, чуть-чуть уточнены. Есть очень важная фраза: «Успех предлагаемой программы (там то же самое) полностью зависит от того, насколько наше правительство, американский народ и все свободные народы сумеют в конечном итоге признать, что холодная война — это на самом деле настоящая война, в которой на карту поставлено выживание свободного мира».

Итак, цели есть. Они никуда не исчезли. Говорят, что холодная война закончилась, но если мыслить так, как нам предлагают мыслить, то на самом деле закончилась. Об этом Буш снова говорил. А вот если мыслить так, как предлагает Игнат Семенович, то надо понимать так, что в определенный момент истории эта самая холодная война и стала происходить на основе новой концепции войны. Потому что все цели-то вот эти уже достигнуты. Здесь есть глава «Целостность или раздробленность». Про Украину здесь 3,5 страницы текста: и что это не нация, и язык — это деревенский говорок, много чего наговорено про Украину. Но надо бы сделать так, чтобы Украина была самостоятельной. Про Прибалтику вообще никаких разговоров нет. Надо бы что-то делать на Кавказе. 1948–1950 гг.

А что происходит сегодня? И мы говорим, что у них нет цели? Вот они цели, и они реализуются.

Если говорить об инструментах современной войны, я считаю, что главный инструмент этой войны нового типа — это глобализация. Да, в основу этого геополитического проекта, по существу, положены некие объективные закономерности, та же самая интернационализация, которая начиналась бог его знает когда. Дружить надо, границы надо открывать, надо сотрудничать, взаимодействовать на фоне глобальных проблем, перенаселения, неправильного распределения на-

селения и т. д. Тут масса проблем, которые побуждают к этому, и экономические проблемы. Отличный инструмент придуман! Но кто сказал, что глобализация должна происходить в таких бешеных темпах?

Тот, кто занимается этой проблемой, знает, что есть разные точки зрения, когда возникают понятия, кто автор этого слова, понятия и т. д. и т. п. Но кто сказал, что она должна идти такими бешенными темпами? И почему к нам прежде всего обращено? Не только к нам, конечно, но и к нам. А почему с нашей стороны такое бешенное стремление — ВТО, Болонский, любой процесс, куда нас только зовут, мы бежим, не понимая тех последствий, негативных прежде всего, для наших национальных интересов, которые вытекают из этого стремления.

Буквально на днях на телевидении появилось новая тема голода. На самом деле такая проблема существует. И Римский клуб об этом писал, и Маркес еще об этом писал. Вспомните теорию. На самом деле знаем, сколько народа голодает и недоедает, в том числе и в России. Но у всего есть мера. А я рассматриваю это как инструмент. Сейчас запускается в общественное сознание эта страшная тема. А дальше (я уже вижу) рисуются стрелки. Я это видел, на экране было. Голодающий Китай, в котором масса проблем. Там есть свои достижения. Я бывал в Китае. Я не китаист, но знаю многих выдающихся китаистов, в том числе и директора института, и посла знаю, и бывал там, и поездил по стране. Конечно, угроза реальная. Демографический выброс уже начался. Это не страшилка. Ноздратенко, который был в Хабаровском крае губернатором, рассказывал реальные картинки того, что происходит реально, как губернатор, и что ему приходилось делать там для того, чтобы как-то сдержать этот процесс.

Я не думаю, что на самом деле Америка подружится с Китаем против России. Вероятнее всего обратный сценарий. Но тут все будет зависеть от наших властей, как наша внешняя политика будет строится в отношении этой страны.

Я не могу подробно останавливаться на всех проблемах. Дальше тема: образование и молодежь. Я вчера имел беседу с одним из заместителей Рособрнадзора. Мы сидели часа полтора беседовали о проблемах третьего поколения госстандартов. С ума сойти можно! Причем этот человек погружен и понимающий по существу. Он говорит: что-то происходит невозможное, я в контексте всего этого происходящего: или надо плюнуть и уйти, или надо изнутри хоть что-то пытаться делать. И человек этот остается. Я его не называю по соображениям его безопасности.

После этой беседы я ужинал с одним из руководителей холдинга, крупного, с большим оборотом, миллиардами в рублях и примерно миллиардным оборотом в долларах. Он рассказывал, рисовал некие картинки для меня, он также с пониманием говорил, с болью какой-

то: что происходит? Есть компания 400 человек, он на вершине сидит, отвечает за одно из основных направлений. Пацаны 22–23–25 лет, максимум 35 лет — минимальная зарплата 60 тыс., а дальше плюс 5 тыс., 10–20–30–40, миллион в год! Что делают? Земли, какие-то инвестиции. Он сам говорит: я с ужасом смотрю. Это амбициозные ребята, которые не умеют ничего делать. Работы никакой, прожирают огромные деньги. Не знаю, как обозвать вот это сообщество. Но оно не единственное и не самое крупное.

Это характеристики общества, которые происходят. Этим ребятам «по барабану» Русь и Россия, большинству из них. Они ориентированы на одно — деньги. У них листок — резюме, от 22 лет до 30 они успели поменять множество мест работы, они нарабатывают резюме. Он поработал там 3 месяца, там 4 месяца, тут 5 месяцев, а потом говорит: видите, какой я опытный, как много я знаю, вот моя претензия — 0,5 млн долл. в год, не меньше, плюс бонусы всякие.

Я не знаю, как будет развиваться наше общество дальше, потому что, с одной стороны, как сказал Андрей Ильич, просвещенный патриотизм, очень близкий моему сердцу и сердцам всех других людей здесь присутствующих, потому что наконец хоть выговорены, хоть вербально, но произнесено. Между прочим, уже начинает что-то отстраиваться, уже какие-то ориентиры для людей, которые в бизнесе, в творческой сфере, они начинают понимать, что есть наверху что-то такое.

А с другой стороны, коррупция как была, так и есть. И не ослабевает, а нарастает. Миллиардеры растут с невероятной скоростью, уже за 100 перевалило. Происходит то, о чем мы говорили. За счет кого все это происходит? За счет какого слоя? О каком среднем слое можно говорить? Как его можно сформировать, если его пожирают? И что происходит внизу? Бедные становятся еще бедней, нищие еще более нищими. Давайте теперь думать о том, чем все это закончится.

Мне кажется, что провоцируется, на уровне сознания уже идет тихая, холодная, внутренняя российская гражданская война. Потому что многие начинают понимать, что есть же пределы всему. Уже если на телевидении говорят о соотношении коэффициента 1 : 20, 1 : 25 до 30, в реальной жизни это примерно то, о чем вы тут говорили. И в 500, и в 600, и в 1000 раз больше. Это надо понимать, когда мы говорим о русском мире в глобальном мире.

У нас внутренние проблемы. Мы, как всегда, очень сильно способствуем глобальному миру в том, чтобы нас раздолбали. Это было во времена Советского Союза, когда генерал-майор Шершнев пытался своим генералам сказать о том, что это настоящая война, но другого типа, давайте переосмысливать все это дело. Ничего не происходит на самом деле. Игнат Семенович говорит об этом. Окопный вариант войны у всех. Если это война, то непременно пехота. Пехота приходит

потом, когда уже война выиграна в сущности своей. Да и не надо ей приходить, потому что население уже думает в пользу того, кто его обрабатывает и обработал.

Я помню, был в Силиконовой долине — штаб-квартире Cisco Systems, которая отвечает за «железную» часть и частично за программы Интернет. Это было пять лет назад. Они говорили: мы только начинаем. Они создавали сеть академий, региональные, локальные. Я уже отстроил региональную академию. Они технику давали. Я сказал: а теперь давайте мы сделаем свои образовательные программы. Как только я им предложил, что мы будем программы делать, они сказали: не надо. Причем даже не сказали. Они, которые отвечали мгновенно: им факс — а они в ответ. Послание тут же приходит через день. Замерли. Один раз написал, второй раз написал, третий раз написал — до свидания, ребята, мы с вами расстались.

Мы только начинаем — так закончилось представление программ ведущих директоров этой Cisco Systems на конференции, которая проводилась ими по интернетизации мировой глобальной системы. Там сидели заместители министров, министры. От нас было два бывших министра образования. Делегация была семь человек. Два ректора. Я в том числе туда попал по знакомству с этой системой.

Поэтому — война. Это надо понимать, потому что мы на войне, в принципе мы на войне в реальном ее значении, потому что гибнут люди, мы теряем территорию, теряем ресурсы, мы теряем мозги, мышление, сознание людей. То, что достигалось путем листовок, вдалбливания и виселиц, — не надо этого. Мы видим, что происходит с нашими детьми, а тем более с нашими внуками. У меня, по крайней мере.

Да, поколение неоднородное. Есть часть потерянного, есть растерянного. Слава богу, это то, о чем говорил Валерий Андреевич, есть, наверное, в каждом вузе, но и у нас в вузе есть часть молодых людей, которые трезвым, взрослым, к счастью, будучи совсем молодыми людьми, очень взрослым взглядом смотрят на все, что происходит. Смотрят на нас, людей поживших, пожилых и старых: вы-то чего? Какую вы позицию занимаете? Что вы нам предлагаете? Они ждут.

Поэтому наши здесь разговоры, которые иногда кажутся некоторым бесплодными и бесполезными, я считаю важными. Мы как минимум в моральном плане должны быть честными перед собой. Мы в это время, когда все думали не так и не то или думали за них, мы думали сами, самостоятельно, мы искали истину, мы пытались понимать, мы понимали. И я думаю, мы понимаем. Здесь мы в этом кругу, может быть, в нюансах в чем-то расходимся, но в целом у нас есть область понимания и глубина понимания проблемы.

Знание. Понимание. Умение. 2008. № 2

ЭТО НАША ПОБЕДА! ТОЧКА

Выступление на митинге преподавателей, сотрудников и студентов Московского гуманитарного университета, посвященном 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне, 29 апреля 2010 г.

Дорогие друзья! 2010 г. — особый год в истории России: это год 65-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Весь российский народ с волнением готовится к этому выдающемуся событию.

Наш университет провел немало важных мероприятий, посвященных знаменательной дате, из которых я назову наиболее значительные.

8 апреля перед преподавателями, работниками и студентами с лекцией «Великая Отечественная война и современные фальсификаторы истории» выступил Маршал Советского Союза, министр обороны СССР (1987–1991 гг.) Дмитрий Тимофеевич Язов.

Университет учредил памятную медаль Героя Советского Союза снайпера Алии Молдагуловой, которую мы вручим сегодня ветеранам Великой Отечественной войны, трудившимся в нашем вузе, а также выдающимся студентам.

Студенческий совет университета организовал запись воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны, которые вошли в «Книгу памяти».

Студенты университета приняли активное участие во Всероссийской акции «Георгиевская ленточка».

Культурный центр университета организовал музыкальный фестиваль школ Восточного административного округа.

7 мая на территории университета студенты вместе с учащимися школ управы «Вешняки» проведут ставшую уже традиционной военно-патриотическую игру «Зарница».

Сегодня в университете состоится центральное событие — праздник «Поклонимся великим тем годам!», который мы проводим совместно с префектурой ВАО, управой «Вешняки», Союзом негосударственных вузов Москвы и Московской области.

А начинается этот праздник сейчас, в этом зале, с чествования ветеранов Великой Отечественной войны нашего университета и награждения их памятной медалью Героя Советского Союза Алии Молдагуловой. После его окончания все вместе мы возложим цветы к Мемориалу воинов Великой Отечественной войны, работавших в нашем вузе. Мы соорудили этот Мемориал пять лет назад и приходим теперь к нему каждый год в День Победы.

На гранитной плите в алфавитном порядке высечены 188 фамилий.

Духовное и нравственное значение Мемориала бесценно. Здесь значатся фамилии 59 солдат, 34 сержантов, 17 старшин, 78 офицеров, в том числе 11 майоров, 7 подполковников, 12 полковников и 3 генералов. На 188 человек приходится две Звезды Героя Советского Союза, более 300 боевых орденов и почти 2000 медалей. За каждой наградой — отвага и мужество, большой или малый, но — подвиг. Это памятник Героям.

Теперь позвольте мне поделиться с вами некоторыми мыслями, которые, уверен, волнуют каждого.

Дорогие друзья! Через несколько дней наша страна будет праздновать 65-ю годовщину Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Как никогда торжественно за два последних десятилетия. 9 мая в Параде по Красной площади впервые пройдут военнослужащие Великобритании и США — стран-союзниц по антигитлеровской коалиции, а также Франции и Польши, бывших республик СССР — Украины, Белоруссии, Казахстана, Армении, Киргизии и Таджикистана. Этот факт нельзя не отметить, но и придавать ему слишком много значения не стоит. Отгремят салюты, отзвучат тосты и речи, и все пойдет, как прежде, как задумано и спланировано.

Уже много лет в мире со стороны Запада ведется ожесточенная борьба, смысл которой — доказать, что Гитлера и фашизм победили прежде всего США и Великобритания, а роль СССР в этой победе была малозначительной, второстепенной. В общественное сознание уже два десятилетия последовательно вбивается мысль: то, что русские привыкли считать своим главным достижением XX в., — уничтожение нацистского режима, — на самом деле им не принадлежит.

Стоит напомнить по крайней мере два оскорбительных факта: в 1995 г., когда в Вашингтоне праздновали 50-летие победы во Второй мировой войне, Россию на это торжество даже не пригласили. 3 июля 2009 г. Парламентская ассамблея Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе приняла резолюцию, ставящую знак равенства между фашизмом и социализмом, гитлеризмом и сталинизмом. И организаторы кампании подчеркивают: это только начало.

Масштабы искажений прошлого России, особенно хода Великой Отечественной войны, достигли таких размеров, что в мае 2009 г. Президент Д. А. Медведев издал специальный указ о противодействии попыткам фальсификации истории Великой Отечественной войны «в ущерб интересам России».

Рассуждая об истории, мы должны понимать: есть отважные искатели истины, смело сообщающие миру о фактах и событиях, которые прежде были за семью печатями, обнаружены в результате многолетней работы в архивах и анализа множества фактов. Таким историкам — слава!

Есть люди, сочиняющие мифы из-за непомерных амбиций и тщеславия. Им можно посочувствовать. Существуют люди, которые не могут не лгать, которые лгут, чтобы лгать, которые лгут, даже умирая. Это болезнь. Больных можно простить. Хотя все эти категории «исследователей» вредны, ибо засоряют человеческое сознание. Беда в том, что на одного лжеца всегда найдется тысяча легковерных людей, для которых все, что ново, то и истинно.

Но мы будем говорить сейчас о тех, кто сознательно фальсифицирует давно и широко известные события и факты, перелицовывает историю советской эпохи и Великой Отечественной войны в угоду интересам отдельных стран и их глобальных замыслов.

Надо понимать: с окончанием Второй мировой войны и победой над Гитлером, который мечтал построить тысячелетний рейх и установить новый мировой порядок, борьба за установление этого порядка не прекратилась, а просто перешла в другие руки — в руки США и их союзников. Порядок этот мыслится несколько по-иному, борьба ведется иными методами, но главный объект этой войны остался прежний: раньше это был СССР, который Запад всегда именовал Россией; сегодня — это Россия как таковая.

В 1961 г., в разгар холодной войны, определяя свою политику и стратегию по отношению к СССР, президент США Дж. Кеннеди сказал: «Мы не можем победить СССР в обычной войне. Это неприступная крепость. Мы можем победить Советский Союз только другими методами: идеологическими, психологическими, пропагандой, экономически».

Теперь ослабленную Россию США могли бы победить и в обычной, «горячей» войне: Россия ныне — увы! — не является крепостью, но пока по ряду причин предпочтительнее все-таки — война «холодная».

В 1991 г., с распадом Советского Союза, США торжественно объявили, что они победили в холодной войне. Но вот забавный факт, который, мне кажется, ускользает от внимания многих: каждый новый президент США, которых с тех пор сменилось четыре, по какому-нибудь конкретному случаю заявлял, что вот теперь-то наконец холодная война закончилась. Это делали Буш-старший, Билл Клинтон, Буш-младший. Недавно на переговорах в Москве об этом сказал Барак Обама. Все это означает одно: война против России, назови ее «холодной», «теплой» или еще как-нибудь иначе, продолжается. Меняются только фазы этой войны: из схватки ожесточенной, острой она переходит в более мягкую, похожую на мир. Россия вновь проигрывает эту войну, и только там и тогда, где и когда совершает губительные для себя уступки и ошибки, как это делали в прошлом Горбачев и Ельцин.

Фальсифицируя российскую историю, и прежде всего советское прошлое, историю Великой Отечественной войны в частности, «яс-

требы» США и Европы укрепляют платформу передела мира, который производится на наших глазах с помощью новых политических, экономических, финансовых и психологических технологий, из которых особо выделяются искусственно ускоренная глобализация и «цветные революции». Все эти технологии относятся к разряду «бескровных», «несмертельных», но по сути своей — это инструменты войны.

Сегодня мы говорим об истории Великой Отечественной войны, которая для новых поколений любой страны, а не только России, такое же древнее прошлое, как для меня — вторжение Наполеона в Россию, Отечественная война 1812 г.

О событиях семидесяти-шестидесятипятилетней давности можно сочинять любые сказки без особого риска быть пойманным за руку. Тем более что сказки эти адресованы детям и молодежи — существам по определению доверчивым, в силу возраста — малознающим, неопытным, без твердого стержня в сознании. Этим и заняты фальсификаторы. И их работа дает результаты.

У значительной части молодого поколения уже убиты уважение к прошлому своей страны, и особенно — советского периода, опорочено чувство патриотизма, посеяны зерна безбудущности России и преклонения перед Западом. Наши неприятели во многом контролируют наше прошлое, а значит, и будущее России.

Давайте скажем сегодня себе и молодым, как это было в критические годы Великой Отечественной: «Ни шагу назад! Отступать некуда, позади — Россия!» Давайте защитим свою Историю! Давайте перейдем в историческое наступление! Давайте просто поставим все события и факты военного прошлого на свои места и скажем громко то, о чем наши бывшие союзники по антигитлеровской коалиции вполне сознательно, порой, мне кажется, не без стыда и страха, умалчивают, а наши истинные историки по непонятным мне причинам не сообщают миру. **Давайте перенесем бои за правду истории на территорию неприятеля.**

Две грязные истории из прошлого наших критиков

Вот для начала о родовых корнях тех людей, которые принимали в Вильнюсе 3 июля 2009 г. Резолюцию ОБСЕ, уравнявшую нацизм и социализм. Кто были отцы и деды, вырастившие этих супердемократов и яростных борцов за свободу и права человека? Если покопаться в родословной депутатов этой парламентской ассамблеи, убежден, мы найдем много любопытного.

Ведь в двадцатых и сороковых годах XX в. вся Европа была охвачена эпидемией фашизма. **В 23 странах** этого континента действовали

49 фашистских организаций. В Англии, Франции, Италии, Испании, Австрии, Дании, Румынии, Болгарии, Венгрии, Польше, Португалии, Словении, Латвии, Эстонии у власти находились крайне правые националистические режимы, которые были чисто нацистскими или около того. Не говоря о других европейских странах, власти которых с большим или меньшим основанием можно назвать в лучшем случае профашистскими.

Своим идейным отцом Гитлер считал итальянского дуче Муссолини. Практически все названные страны (за исключением Англии и Франции) воевали на стороне Германии. И вот теперь сыновья и внуки, выросшие, вероятнее всего, в среде политической и деловой элиты нацистских, фашистских, тоталитарных режимов, выступают в роли судей! Разберитесь со своим прошлым! А нам и своего ума хватит.

Или вот вопрос, которым долгие годы задаются в мире множество людей: откуда взялся и как «мюнхенский пивной ефрейтор» Гитлер вдруг стал фюрером Германии? Ответов множество. Умалчивается главное: **Гитлер — это совместный политический проект Великобритании и заинтересованных промышленных и финансовых сил в самой Германии**, вынудивших бывшего канцлера фон Папена покинуть свое место, а крепко проворовавшегося президента Веймарской Германии фон Гинденбурга, на которого у англичан был убойный компромат, назначить на освободившееся место рейхсканцлера — Гитлера. Общий замысел (и прежде всего Англии) был в том, что Гитлер вскоре пойдет войной на СССР. Но у фюрера имелись свои имперские амбиции. Для начала он решил подмять под себя Европу, в том числе и Англию. И развязал Вторую мировую войну.

Это я говорю к тому, что свое проклятие в виде коричневого исчадия ада и самую страшную войну за всю историю человечества мир получил **стараниями англичан**. Почему бы теперь англичанам не раскрыть сейфы сверхсекретных архивов, не рассказать миру эту грязную историю, не покаяться? Молчат, таятся.

Зато создан и все шире тиражируется миф о том, что Советский Союз готовил мировую революцию, что не Гитлер напал на Советский Союз, а Сталин на Германию. Удивительно то, что в России есть «историки», которые ковыряют в архивах факты в пользу этой сказки, и есть люди, которые с удовольствием слушают их.

Советское чудо

С каким-то садомазохистским наслаждением некоторые «россияне» слушают и говорят о том, как трудно складывалось для СССР начало Великой Отечественной войны, как мы отступали, как немцы захватывали в плен сотни тысяч красноармейцев и тому подобное. Да, это было на самом деле. Было. Но почему? Причин много.

Однако главное в том, что прошло всего 19 лет после того, как наша страна вышла из двух длившихся восемь лет подряд кровопролитных войн: Первой мировой и Гражданской, в ходе которых было убито, умерло от ран, разного рода эпидемий и болезней более 10 млн человек. Главное в том, что к июню 1941 г. новой, советской власти, которой было от роду всего 24 года, досталась в наследство аграрно-лапотная, до основания разрушенная, без экономики, почти сплошь неграмотная страна. О каком мировом господстве можно было говорить в тот момент? Сталин отверг теорию Троцкого о перманентной мировой революции (хотя революции в тот момент на самом деле свершались — в той же Германии, в Венгрии) и развил идею Ленина о возможности победы социализма «первоначально в немногих и даже в одной отдельно взятой капиталистической стране» до тезиса **«о необходимости построения социализма в одной отдельно взятой стране»**. Советский Союз бешеными темпами создавал свою индустрию и современную (по тем понятиям) армию, понимая, что военное нападение на страну неизбежно.

Итог? К началу Великой Отечественной войны советская экономика превзошла дореволюционный объем промышленного производства в 8 раз, смогла дать фронту боеприпасов в 14 раз больше, чем экономика царской России в годы Первой мировой войны. И все же в полной мере страна еще не была готова к войне.

24 года в истории, в строительстве нового общества — это миг. Но то, что было сотворено за этот исторический миг, — поистине «советское чудо». Давайте для сравнения взглянем на итоги 19-летней истории «реформ» в «новой» России... Подробные комментарии просто излишни: не создано ничего собственно нового, лучшего, но уничтожено и разрушено все, чем гордились и могли бы гордиться до сих пор. Как же можно упрекать советскую власть за то, что за 24 года она из ничего и никого не смогла сделать «все»?

Как воевали наши союзники во Второй мировой войне?

Ну а как выглядели в ходе Второй мировой наши союзники по антигитлеровской коалиции?

Англичане стыдливо умалчивают о том, что через несколько месяцев после начала войны, уже в конце мая 1940 г., Великобритания была **на грани капитуляции**. Дело в том, что в мае 1940 г. немецкие танки, находившиеся на острие клина группы армий «А», прошли через Арденны и вышли в тыл англо-французским войскам. Это была одна из самых блестящих операций Гитлера. 21 мая немцы вышли на берег Ла-Манша, отрезав основные силы англичан и французов, приготовились к их **полному уничтожению**. И вдруг 24 мая, когда танки Гу-

дериана уже неслись к Дюнкерку — последнему порту, оставшемуся в руках англичан, в войска пришел **приказ Гитлера**: «Прекратить наступление на Дюнкерк. Удерживать побережье Ла-Манша». Гудериан и его офицеры лишились дара речи. В результате спаслись почти **340 тыс. англичан и французов**. Гитлер сам предотвратил **неизбежную капитуляцию** Великобритании. Почему он отдал этот странный приказ, до сих пор неизвестно.

Соединенные Штаты Америки воевали на чужих территориях. Ни один немецкий солдат не ступил на их землю. Ни одна бомба не упала на их территорию. Американский народ не знает, например, о том, что крупная военная операция в Арденнах, которая была очень плохо подготовлена, потерпела бы неизбежный провал, если бы Рузвельт не попросил Сталина осуществить крупную наступательную операцию советских войск, которая была совершена. Итоги опроса 1995 г. говорят, что 40% американцев даже не знают, что СССР воевал с Германией, а 20% убеждены, что Советский Союз был союзником Гитлера, что Германию победили именно США. Сегодня наверняка картина общественного мнения намного более плачевна.

Теперь о Франции, которая значится в числе стран-победительниц и была свидетелем при подписании Акта о капитуляции Германии 9 мая 1945 г. в Берлине...

Для Франции война началась 10 мая 1940 г. и продолжалась всего 44 дня. 10 июня правительство покинуло Париж, а 14 июня он был сдан немцам без боя, хотя у Франции была возможность для дальнейшей борьбы: она имела первоклассную, хорошо вооруженную армию. Однако руководство страны преднамеренно вело дело к капитуляции. После окончания войны президент Франции Петен был осужден Верховным судом и приговорен **к смертной казни**, замененной пожизненным заключением, а премьер-министр Лаваль **казнен как изменник**.

Мне кажется, Франция покрыла себя позором на все века. Но поговорите с нынешними французами (я это делал): никаких комплексов! С удивлением слушают о том, как Советский Союз воевал с Гитлером, какие потери мы понесли. В их сознании Франция — страна-победительница. Францию освобождали американские войска, а значит, Америка, по их понятиям, и победила Германию. Еще в этом участвовала Великобритания...

Интриги и злые планы союзников

Мы, русские, все-таки слишком скромны и снисходительны. Вообще, по своей природе. Мы все боимся, не дай бог, обидеть иностранца. Мы исторически привыкли прогибаться перед немцами, французами, американцами. Почему? Сейчас не об этом речь.

Но ведь есть же сюжеты, ясные как божий день, когда мы правы на все сто. Почему ж, когда нас гнобят и унижают, не поднять гордо голову, не бросить прямо в лицо: «Умолкните! Не вам судить! Стыдитесь!..»

Вот, например, история с открытием Второго фронта — грязная и стыдная. Что это были за союзники, которые обещали открыть этот фронт в 1942 г., а затем перенесли срок на год 1943-й и только в июне 1944 г. выполнили свои обещания — и только потому, что Красная армия уже заняла пол-Европы, и стало очевидным, что Советский Союз через несколько месяцев займет ее целиком, в том числе Францию и Германию, без чьей-либо помощи.

Сын Президента США Ф. Рузвельта Эллиот Рузвельт в книге «Его глазами» пишет, что президент США ясно видел интриги Черчилля и его единомышленников в Англии и США, направленные против СССР, что именно Черчилль был главным противником открытия второго фронта. Еще в августе 1941 г., т. е. через месяц после того, как между правительствами СССР и Великобритании было заключено соглашение о совместных действиях в войне против Германии, Черчилль заявлял Рузвельту, что Советский Союз будет разбит, и на этом основании требовал, чтобы предназначенные для СССР поставки по ленд-лизу направлялись Великобритании. Черчилль прилагал все усилия к тому, чтобы затянуть ход борьбы на советско-германском фронте. Он применял множество ухищрений для того, чтобы тормозить открытие второго фронта. Во имя своекорыстных интересов он сознательно шел на затяжку войны.

Известно также, что сенатор Г. Трумэн, который в 1945 г. стал президентом США вместо умершего Ф. Рузвельта, еще в 1943 г. говорил: «Мы должны помогать русским, если они будут побеждать немцев, и помогать немцам, если они станут побеждать русских». Видя, как Советский Союз истекает кровью, союзники вели подлую дипломатическую игру в надежде, а вдруг Гитлер все-таки очухается и одолеет коммунистов?

Да, союзники помогали оружием, техникой, продуктами. Мы нуждались в помощи. Не забудем об этом.

Но что представлял собой ленд-лиз — помощь или бизнес? В конце войны Рузвельт заявил Сталину, что СССР должен выплатить США около миллиарда долларов. Сталин ответил: «Мы оплатили вашу помощь кровью наших солдат». Рузвельт не принял этот аргумент.

Американцы вновь поставили этот вопрос, когда у власти оказался Ельцин. И обнищавшая Россия стала выплачивать «долги». Потом случай помог отрезвить «первого президента». Выплаты были остановлены. Но мы все еще «должники» Америки.

Не забудем этого...

Не забудем и о том, что Черчилль готовил нападение на Советский Союз, как только будет побеждена Германия, хотя об этом долгие годы ходили только слухи, но толком никто ничего не знал.

В 1998 г. Правительство Великобритании под давлением общественности было вынуждено рассекретить и опубликовать план начала третьей мировой войны Великобритании и США против СССР с участием 35 дивизий, укомплектованных из пленных немцев. Этот разработанный в деталях план был подготовлен по заданию Черчилля в марте 1945 г. и представлен Рузвельту, но тот не принял его. Никто не знает всех мотивов этого отказа, но главный известен: США находились в состоянии войны с Японией. Война на два фронта была не по силам даже США. К тому же согласно Ялтинским соглашениям после победы над Гитлером Советский Союз обязывался объявить войну Японии. Если бы США ввязались в войну с СССР, то, как прогнозировали американские военные, только на японском фронте США могли потерять около 2 млн солдат. Американцы не привыкли умирать за родину...

Вынашивая свои планы, Черчилль исходил из того, что Советский Союз обескровлен, его военная мощь на исходе.

Эта оценка Черчилля и его план о начале войны против СССР стали известны Сталину. Как было ему ведомо и о том, что с 1942 г. немцы тайно вели переговоры о сепаратном мире с Америкой и Великобританией; что после того, как 30 апреля застрелился Гитлер и 2 мая 1945 г. к власти пришел адмирал Денниц, им было принято решение капитулировать перед англо-американскими войсками. Но продолжать войну против СССР. Эта капитуляция происходила по частям — сначала в Италии, потом в Голландии, Дании, Северо-Западной Германии. Денниц дал команду своим войскам как можно быстрее отходить на запад. Немцы практически не оказывали сопротивления англичанам и американцам, открывая им путь на Берлин. В то же время против советских войск яростно сражались еще **около полутора миллионов** немецких солдат и офицеров.

Сталин сообщил союзникам: «Берлин будем брать мы». И дал команду маршалу Жукову взять Берлин в кратчайшие сроки любой ценой. Мощь, которую показали советские войска при штурме Берлина, ошеломила союзников. И это была **вторая причина**, по которой американские и английские военные не рекомендовали Трумэну и Черчиллю начинать 1 июля 1945 г. третью мировую войну, как это предполагал план Черчилля.

Так кто же победил гитлеровскую Германию? Правильный ответ, на мой взгляд, таков: **в Великой Отечественной войне победил Советский Союз. Это — наша победа.** И на дискуссиях по этому поводу пора бы поставить точку.

Победа во Второй мировой войне является **общей** для стран — союзниц по антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании, но **решающий вклад** в эту победу внес Советский Союз. И перетянуть эти очевидные истины на англо-американскую сторону не выйдет. Давайте говорить языком цифр.

Вот момент истины: за всю Вторую мировую войну Соединенные Штаты, Англия, Франция уничтожили **только 14%** вооруженных сил фашистской Германии и ее сателлитов. В то же время итоговые цифры потерь вооруженных сил Германии на советско-германском фронте — 6,046 млн человек из общих потерь в 7,051 млн человек. Потери армий сателлитов — Финляндии, Румынии, Венгрии, Италии, Испании (Голубая дивизия) — составили на советско-германском фронте 1,005 млн человек. Таким образом, **86% потерь** Германии и сателлитов приходится **на Восточный фронт**, на счет Красной армии, Советского Союза.

Цена Победы

Великобритания потеряла убитыми 386 тыс. человек. Стоимость разрушений в этой стране — 6,8 млрд долл.

США за шесть лет Второй мировой войны потеряли убитыми 259 тыс. человек, 800 тыс. ранеными, попавшими в плен и пропавшими без вести. И никаких потерь от разрушений в ходе войны. США оказались **единственной** страной, которая в результате войны **укрепила** свои экономические, политические и военные позиции в мире. Индекс промышленного производства в 1944 г. достиг 235 (в 1935–1939 гг. — 100). В 1946 . США давали 62% всей промышленной продукции капиталистического мира против 36% в 1938-м. Прибыли американских корпораций в годы войны увеличились **в 3,5 раза**.

Советский Союз заплатил за Победу **самую большую, страшную цену**, никоим образом не сравнимую с утратами других стран — участниц антигитлеровской коалиции.

В той войне Советский Союз **потерял 26,6 млн человек**, из них **17 млн русских**. Это численность населения таких стран, как Дания, Норвегия, Нидерланды, Швеция и Финляндия, вместе взятых. За годы войны надели шинели и служили в Красной армии и Военно-морском флоте 32,4 млн человек. **8 млн 668 тыс. 400** солдат, офицеров и генералов не вернулись с полей сражений.

В СССР было разрушено 1710 городов, более 70 тыс. деревень, 32 тыс. заводов и фабрик, разграблено 98 тыс. колхозов и 2890 МТС. Стоимость разрушений в СССР составила **почти половину от 260 млрд** долл. — общей суммы разрушений во всех странах мира, на территории которых шла война.

Говорят, что цена, заплаченная народами СССР за победу над Германией, чрезмерно велика, что в этом виновно советское руководст-

во, и прежде всего Сталин и Жуков. Надо сказать, что стремление определить «стоимость» Победы, которая видится «слишком дорогой», — само по себе бессмысленно, не говоря уже о его безнравственности. Победа бесценна. Тем более бесценна потому, что в войне с СССР Гитлер ставил цель не просто овладеть территорией и богатствами нашей страны, но **искоренить русский народ**. Искоренить — значит уничтожить всех — от мала до велика. Такой цели не преследовал ни один завоеватель.

Несомненно, ошибки высшего руководства были. Но главное все же в другом. Из 8,5 млн вооруженных сил Германии и 29 дивизий и 16 бригад ее союзников в Восточной группировке войск, у границ СССР, было сосредоточено 5,5 млн человек, т. е. **две трети** всей военной мощи Германии. Группировка фашистских войск превосходила по численности советские войска на западной границе (не забудем о Японии, о восточных границах СССР) в 1,9 раза, по танкам — в 1,5 раза, по самолетам нового типа — в 3,2 раза.

Кто победил: Сталин или Народ?

Подготовка к 65-летию Великой Победы идет в обстановке небывалого политического ажиотажа. Особые страсти в очередной раз разгорелись вокруг вопроса о том, кто же победил в Великой Отечественной войне: Народ или Сталин? Общественная атмосфера стала накаляться еще в середине 2009 г., когда в телевизионном опросе «Кто является самым выдающимся деятелем за всю историю России?» **первое место занял Сталин**. Потрясенная элита России и руководители СМИ усмотрели в этом зловещий знак — возрождение сталинизма. Решили — надо переспросить народ, подсказать ему, что он, народ, крупно ошибся, ну и (насколько будет возможно) подретушировать картину. Через несколько месяцев провели многоходовый и хорошо отрежиссированный телепроект с названием «Имя — Россия» с той же целью: узнать, кого народ признает самым великим?

То ли народ и в самом деле понял, что погорячился, то ли... В общем, Сталин сместился на третье место, а **первое занял Александр Невский**, который в незапамятные времена в возрасте 22 лет с войском своим исхитрился утопить в Чудском озере шедших на Русь войной псов-рыцарей...

Элита и власть подуспокоились было, но тут в начале апреля мэр Москвы Ю. М. Лужков сообщил, что **на пяти из двух тысяч** плакатов военных лет, которые будут расклеены по городу к 65-летию Победы, будет присутствовать и изображение И. В. Сталина. И тут началось... Если одним словом и грубо: «При чем тут Сталин — кровопийца и душегуб? Победил народ!..» Ярые сталинисты, разумеется, встали на дыбы.

На мой взгляд, в разговоре о Великой Отечественной войне, как и о советском периоде в целом, имя и фигуру Сталина не объедешь и не обойдешь, как ни ухитряйся. Хочу сказать по этому поводу несколько фраз.

Я — не сталинист. Но я — ученый, исследователь и могу сохранять эти высокие звания лишь до тех пор, пока остаюсь объективным, т. е. вижу белое и черное, а также другие цвета и оттенки; положительное и отрицательное; вижу предмет со всех сторон: прекрасной, безобразной и т. д. и т. п.

Не собираюсь рассуждать о Сталине «вообще». Выскажусь коротко по теме «Сталин в Великой Отечественной войне».

Первое и главное, что надо понять: в течение почти пяти лет Сталин был Верховным Главнокомандующим, наркомом обороны, руководителем Коммунистической партии и Советского государства. Иначе говоря, в его руках была сосредоточена вся полнота власти — политической, государственной и военной. Эту предельную централизацию власти Сталин осуществил буквально через несколько дней после начала войны. И, на мой взгляд, сделал очень правильно. Хотя объем работы и ответственности, которые он взвалил на себя, был, кажется, выше всяких человеческих сил.

Не беру на себя смелость подробно характеризовать Сталина. Повторю лишь издревле известную истину: «Все великие люди — великие грешники». Как любой человек, главный в стране военачальник, Сталин в ходе войны совершал (и — как любой человек — не мог не совершать!) ошибки, в чем признался в своей речи на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 г.

Скажу о Сталине словами ярого врага России с начала XX в., а потом союзника по антигитлеровской коалиции, премьер-министра Великобритании У. Черчилля. В своей речи в палате лордов по случаю 80-летия со дня рождения Сталина 21 декабря 1959 г. он сказал:

«Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелых испытаний Россию возглавил гений и непоколебимый полководец И. В. Сталин. Он был выдающейся личностью, импонирующей жестокому времени того периода, в котором протекала вся его жизнь.

Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции и несгибаемой воли, резким, жестким, беспощадным как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего противопоставить.

Сталин, прежде всего, обладал большим чувством сарказма и юмора, а также способностью точно выражать свои мысли. Сталин и речи писал только сам, и в его произведениях всегда звучала исполинская сила. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей всех времен и народов.

Сталин производил на нас величайшее впечатление. Его влияние на людей было неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, встали и, странное дело, почему-то держали руки по швам.

Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логической и осмысленной мудростью. Сталин был непревзойденным мастером находить в трудные минуты пути выхода из самого безвыходного положения. В самые трудные моменты, а также в моменты торжества он был одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих и заставил нас, которых открыто называл империалистами, восстать против империалистов.

Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире, диктатором. Он принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием.

Нет! Что бы ни говорили о нем, таких история и народы не забывают» (см.: Британская энциклопедия. 1964. Т. 5. С. 250, из речи У. Черчилля в палате лордов 21 декабря 1959 г.).

Есть историки, которые признаются, что эту речь в британской энциклопедии 1964 г. не читали, но убеждены в том, что так сильно сказать о Сталине Черчилль не мог. Они ссылаются на 6-й том собрания сочинений самого Черчилля, изданный в 1974 г., где приводится выступление Черчилля перед палатой общин. Свое первое впечатление от первой встречи со Сталиным он выразил так:

«Большой удачей для России в ее агонии было оказаться под началом этого великого, закаленного военачальника. Человек этот — внушительная, выдающаяся личность, соответствующая тем серьезным и бурным временам, в которых прошла его жизнь; человек неисчерпаемого мужества и силы воли и человек прямой и даже бесцеремонный в манере общения, что меня, выросшего в Палате Общин, совсем не покоробило, особенно когда мне тоже было что сказать. Что наиболее важно, это человек с тем спасительным чувством юмора, которое так важно для всех людей и всех наций, но в особенности для великих людей и великих наций. Сталин также произвел на меня впечатление своей глубокой и хладнокровной мудростью и полным отсутствием любых иллюзий».

По-моему, сказано тоже довольно сильно. Сталин о Черчилле говорил очень плохо...

Можно ли говорить: «Победу одержал советский народ, а Сталин тут ни при чем!»? На мой взгляд, для начала это просто глупо: как мог «народ» — Красная армия, ее фронты, армии, корпуса и дивизии — действовать без приказов — сам по себе, кто как захочет? И при этом — выигрывать сражение за сражением у великолепно обученных и опытных немецких маршалов и генералов, да и у Гитлера, который поко-

рил уже полмира, а значит, вовсе не был дураком, если бы не приказы (а за ними — знания, стратегический и тактический ум, выдержка и воля) Сталина? Да, конечно, был Генштаб, были маршалы, генералы, роль которых никак нельзя преуменьшать. Но точку во всех планах, но подпись под всеми главными приказами (Ленинград, Москва, Сталинград, Курск, форсирование Днепра, штурм Берлина и множество других) ставил Сталин.

Вспомним, например, **приказ № 227 от 28 июля 1942 г.**, вошедший в историю под названием **«Ни шагу назад!»**, который во многом определил перелом в ходе войны. В сущности своей страшный приказ, согласно которому каждый, кто оставлял свою боевую позицию без приказа высшего командования, объявлялся предателем Родины и подлежал суду. В лучшем случае — разжалование и штрафные батальоны: шанс искупить свою вину кровью. Заградительным отрядам, поставленным в тылу войск, в случае паники и их беспорядочного отхода предписывалось расстреливать паникеров и трусов на месте. Приказ страшный, но совершенно необходимый в тот момент. С него начался перелом в войне: мы перестали отступать. Сталин подписал этот приказ, и он действовал до тех пор, пока Красная армия не очнулась, не обрела мужество и храбрость, перешла в наступление.

«У победы много отцов, и только поражение — сирота...» Если мыслить по схеме этого афоризма, то тогда получается именно то, чего хотят стремящиеся свести роль Сталина в войне к нулю, более того, сделать его единственным и главным виновником всех неудач в той войне от ее первых дней (не верил разведке! не подготовил войска! впал в апатию! растерялся, два дня не мог прийти в себя! и т. п.) до штурма Берлина (слишком много людей положил!..) Но Берлин-то взяли! Но Победа-то наша! И Сталин тут ни при чем?..

Очень грубые, слишком прямые, примитивные объяснения слишком сложного. За таким подходом стоят либо злость и обида, либо амбиции и политические или идеологические пристрастия. Здесь нет ума и мудрости, нет истории, нет науки, нет объективности, а потому, вольно или не вольно, таких «историков» надо отнести в разряд фальсификаторов, мифотворцев, откровенных лжецов, а то и врагов России.

Не объяснишь победу в Великой Отечественной также лишь талантом Жукова и других маршалов и генералов. В конечном счете они подчинялись любым приказам Сталина. Надо понимать и то, что **Сталин отвечал не только за фронт**, который требовал все новых солдат, танков, кораблей, пушек, винтовок и автоматов, снарядов и патронов, **но и за тыл**, который производил это вооружение. Тылом тоже командовал Сталин. А это — многие тысячи заводов и фабрик. Для Сталина это был еще один фронт, где ковалась Победа.

Время в конце концов все расставит по своим местам. Сталин займет свое место в истории нашей страны. Что касается Великой Отечественной войны, то это место и сегодня видится мне исключительным, выдающимся. Не сказать об этом в канун 65-летия Великой Победы было бы бесчестным.

Кстати, всю войну Сталин был маршалом и только после Победы стал Генералиссимусом. По заслугам. На его груди всего одна Звезда Героя Советского Союза...

Но можно ли сказать, что Победу обеспечил Сталин, а народ ни при чем? Это тоже глупость, конечно. Без солдат и офицеров нет армии, а без армии нет победы.

Да, «народ» — это понятие хлипкое. Кто-то рад был приходу немцев. Кому-то было вообще наплевать — какая власть: быть бы живым да сытым. Сотни тысяч людей, в том числе солдат, впали в панику, драпали, бросая окопы и оружие. Были трусы и дезертиры. Были целые дивизии, а потом и армия генерала Власова, которые воевали на стороне врага. Но таких, конечно же, было явное меньшинство, это были отбросы.

В абсолютно подавляющем большинстве народ встал на борьбу. Война была **священной**, ради войны народ не жалел ничего, даже самой жизни. Ничего похожего гитлеровцы не встречали ни в одной стране. Никакой полководец не смог бы осилить Гитлера, если бы не советский, если бы не русский народ.

Да, все народы СССР внесли свой вклад в Победу, но прежде всего — русский. Из 26,6 млн человек, погибших в ходе Великой Отечественной войны, как уже говорилось, 17 млн — русские; из 8 млн 600 тыс. погибших на фронте 5 млн 756 тыс. человек — русские.

Вот как сказал об этом И. В. Сталин на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 г.:

«Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост. Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа, и прежде всего русского народа.

Я пью прежде всего за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 гг., когда наша армия отступала,

покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать Правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа!» (Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. СПб. : Питер, 2010. С. 180–181).

Нет меры, которой можно было бы измерить горе нашего народа, стоящее за этими страшными цифрами.

Почтим память павших в боях и в тылу ради Великой Победы минутой молчания!..

С каждым годом редеют ряды ветеранов войны и тыла. Вот и сегодня на нашем торжественном собрании присутствует всего 15 человек, а было, помню, 218... Низко кланяемся вам, наши ветераны! Безмерная благодарность за ваш воинский и трудовой подвиги, за вашу Победу!

Дорогие друзья! Все в этом мире изнашивается, даже горе; даже горю когда-то приходит конец. Нынешним девчонкам и мальчишкам даже не вообразить того ужаса и того чувства беды, которые переживали их предки, когда получали «похоронки» с фронта, часто по нескольку на одну семью. И в этом нет ничьей вины. Спасибо тем, кто на уроках истории, в тишине библиотечных залов, один на один с книгами классиков о войне пытается понять, как это было: блокада Ленинграда, битва за Москву, сражение за Сталинград, на Курской дуге и через много дней, городов и сел, километров и стран, человеческих жизней — бой за Берлин и — Победа! Спасибо за то, что помнят и стараются понять Прошлое, историю своего Отечества и непреходящее величие подвига, свершенного их предками.

Дорогие студенты — наследники Великой Победы!

В дни, когда мы празднуем 65-летие Великой Победы, молодые люди особо должны задуматься о том, что мы говорим вам, и понять, быть может, самое главное в вашей жизни.

Вы родились и живете в великой стране, у которой и раньше бывали трудные времена, но страна эта по имени Русь — Россия всегда выходила из них с победой: хоть на озере Чудском против тевтонцев, хоть на поле Куликовом против татаро-монголов, хоть на Бородинском поле против французов, хоть против Антанты в 20-е годы

XX столетия, хоть против фашистской Германии и всей объединенной Европы, если не сказать — всего мира, в грозные сороковые. Мы всегда побеждали!

Вы должны глубоко осознать и помнить: **российская нация, русский народ — это нация-гений, народ-победитель**.

Гений российской нации, русского народа состоит в том, что мы похожи на все другие народы и нации, а на нас не похож никто. Мы можем то, что могут все. Но мы можем и то, чего не может никто.

Гений российской нации, русского народа заключается в том, что он составляет огромную донкихотствующую расу, с неисчерпаемой талантливостью и невиданной способностью всемирного болеения и ответственности за все происходящее в этом мире.

Гений нашего народа в том, что он, если хочет, может сделать то, о чем другие даже не смеют подумать и мечтать. Великая Победа — самый яркий тому пример. Мы смогли то, чего не смогла ни одна страна в мире.

В силу своей необычности российская нация, и прежде всего русский народ, представляет для мира **народ-загадку**, которую, не будучи в силах разгадать, из века в век другие страны пытаются уничтожить.

Вот почему прежде всего мы то и дело оказываемся то на вершине, то над бездной.

Сегодня опять такая ситуация: Россия вновь балансирует на краю пропасти. Но будем делать все, чтобы изменить эту ситуацию.

Все в России образуется и будет хорошо, если мы вновь поверим в себя, в свои силы, если поймем, кто мы и зачем мы в этом мире.

Все вместе — ветераны и молодые — мы должны поднять и возвеличить Россию. Но особые надежды, однако, на вас, молодых.

Вы — внуки и правнуки героев, вы — наследники Великой Победы.

Пусть вдохновит вас на новые подвиги слава ваших великих предков!

Пусть вдохновение ваше будет той молнией, которая рассечет мрак ночи и осветит ваш путь к новым победам во имя России!

Да здравствует великий российский народ — народ-Победитель!

Да здравствует наша славная молодежь — надежда России!

Да здравствует могучая Россия!

Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2

Раздел 2

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: ПРОГНОЗЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

НОВАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА

Что такое — молодежная политика? В чем ее главный смысл? Откуда и почему она возникла? Кому и зачем нужна? На эти естественные вопросы надо дать аргументированные ответы, т. е. разработать теорию молодежной политики. Чтобы сделать это, надо организовать сотрудничество многих людей. Чтобы этим людям сотрудничать, им необходимо хотя бы в главном согласиться друг с другом в том, что они имеют в виду, когда употребляют выражение «молодежная политика».

Молодежная политика (это можно утверждать априори, ибо такова всякая политика) многозначна, многообразна, состоит из различных элементов, направлений деятельности. Теория этой политики не может быть создана, пока смысл понятий этих элементов не будет раскрыт, пока они не будут взаимоувязаны, не обретут внутреннюю логику.

Что же входит в понятие «молодежная политика»? Многие пытаются ответить на этот вопрос на уровне здравого смысла, обыденного сознания. Это нормально. До той поры пока речь идет о внешней, видимой стороне явления, о его формах, принципиальной разницы между «обыденным» и научным понятием обычно не обнаружить. Во всяком случае, сделать это трудно. Но если мы начинаем углубляться в предмет, возникает много вопросов, ответы на которые невозможно найти «с лету», на глазок. Ибо от формы мы переходим к раскрытию сущности и содержания предмета. Для познания сущности вещей и появилась в свое время наука. Она и поныне существует для того, чтобы видеть то, что невооруженным методологией и методом познания глазом увидеть невозможно.

В общем все согласны с тем, что в обществе существует **определенное отношение** к молодежи. Но почему, часто спрашивают, об этом отношении надо говорить как о политике, которая, как известно, чрезвычайно конъюнктурна? Зачем к существительному «политика» приставлять определение «молодежная»? Нередко можно слышать упреки в том, что термин «молодежная политика» **придуман**. Ссылки на то, что это не так, что термин этот давно используется на Западе, что молодежная политика как реальность там давно существует, в этих случаях не действуют.

В принципе, в этом еще нет ничего неестественного. В жизни и науке не так уж редко бывает, когда понятие предшествует появлению самого предмета. Так, сначала умозрительно и лишь потом в реальности создаются машины и механизмы. Но к обществу нельзя подходить как к механизму. По своим последствиям эксперимент в социальной сфере может быть чрезвычайно опасен. Именно так было создано, на-

пример, учение о коммунизме, а потом в соответствии с представлениями о нем, по «чертежам» этого учения стало строиться реальное общество. Однако «машина» не заработала, не «поехала»...

Противники идеи молодежной политики активно используют это обстоятельство, говоря, что она — искусственное, надуманное дело. Не желая видеть и понимать, что молодежная политика существует и в нашем обществе как реальное явление, что никто ничего не выдумывает, не изобретает; что **в данном случае** наше понятие предмета («молодежная политика») лишь следует за явлением, отражая в нем реальные свойства, стороны, качества. То есть молодежная политика — явление не искусственно и насильно создаваемое, а естественно возникшее и исторически развивающееся. И не по замыслу какого-то фантазера и утописта, а в силу общественной необходимости.

Необходимы доказательства объективной, естественной природы происхождения молодежной политики, убедительные аргументы в пользу того, что молодежная политика — это не абстракция, присутствующая лишь в воображении носителей этой идеи, а вполне конкретно-историческое социальное явление.

Подойдем к раскрытию предмета молодежной политики с двух сторон.

Сначала **феноменологически**, т. е. дадим беглый обзор, описательный взгляд в историю явления с целью показать, что молодежная политика обладает свойством **вездесущности**, имеет естественноисторическое происхождение.

Затем (и это главное) подойдем к проблеме **логически**, т. е. попытаемся проанализировать то, что происходило и происходит в области молодежной политики повсеместно и во все времена с точки зрения основного смысла (сущности), сделать некоторые обобщения с целью понимания этой сущности. Мы должны подойти к молодежной политике логически потому, что в данном случае нас интересует сущность не в смысле «существующее», «субстанция», «нечто», «вещь», «предмет» (лошадь, телевизор, море, общество, молодежная политика и т. п.). То есть молодежная политика интересует нас не как **объект** нашей мысли, а как нечто такое, что определяет качественную специфику этой политики среди других видов политики, в жизни общества вообще и т. п. Нас интересует сущность сущности.

1. О происхождении молодежной политики

Понять любое социальное явление и дать ему определение можно лишь при условии, если подойти к нему **исторически**, т. е. взять его в развитии, начиная с того момента, когда оно только возникло, проходя затем различные стадии становления и развития, вплоть до перехода в иное качество — распад, деградацию, гибель. Этот общий

тезис справедлив и применительно к молодежной политике. Будучи фактором общественного развития, молодежная политика, несомненно, развивалась и сама по себе, претерпевая исторические трансформации во времени, достигая все новых качественных перемен и состояний.

При желании можно было бы показать, что и на заре человечества, в примитивные времена просматривается определенная «политика» в отношении детей и младших со стороны старших и тех, кому принадлежала власть. Другое дело, что это политика примитивная, бессознательная, что она осуществлялась на уровне рода, клана, семьи и т. п. Но с момента возникновения производства орудий труда, государства, классов и подчинения одних классов другим эта политика становится классовой и в определяющей мере — все более государственной. Главным инструментом этой политики было воспитание и обучение — **образование**.

Корень слова «образование» — «образ». Образ (в философии) — результат отражения объекта в сознании человека. Этим объектом может быть и сам человек, в том числе для самого себя. Глядя на человека, наблюдая за его поведением и поступками, мы составляем его «образ» (красив — уродлив, умен — глуп, добр — зол и т. д.). Согласно сложившемуся образу мы строим свои отношения с этим человеком и другими «образами». Глядя на окружающий мир, осваивая опыт и знания, накопленные нашими предшественниками, и пропуская их через свое сознание, мы вырабатываем «образ» мира (мироощущение, миропонимание, мировоззрение и т. п.) и образ собственного «я» в этом мире. Так складывается субъективный, индивидуальный образ мышления, образ чувствования, образ жизни (поведения, действий и др.). Однажды возникнув, этот «образ» мира и нашего «я» регулирует наше поведение, управляет нашими действиями. Безусловно, этот образ изменяется во времени. Можно сказать, что вся жизнь — это образование человека, которое зависит от бытовых условий этой жизни и перемен во всем ее укладе. Но в не меньшей мере образование (создание) человека зависит от активно-деятельного отношения индивида к своему образованию, от его желания соответствовать той «я-концепции», тому образу «я», которые он создал в своем воображении.

Иначе говоря, образовывать — значит создавать, строить, созидать **личность** (лицо, лик — образ). Каким способом?

На примитивном уровне развития человечества это делалось путем бессознательного подражания («самообразование») младших старшим («делай, как я»), назидания, требования, наказания и поощрения со стороны старших.

Безусловно, образование (обучение плюс воспитание) имеет биологическую и психологическую основы. Оба эти аспекта проявляют-

ся в инстинктивном стремлении людей к **продолжению рода** и законе естественного отбора, которые побуждают старшие поколения передавать младшим знания, опыт и навыки приспособления к окружающей среде. Но человек — существо не только природное, но и социальное. С возникновением классов и государства, усложнением хозяйственной жизни обучение и воспитание стали обретать все более очерченные формы, выделяться в самостоятельную сферу деятельности.

Строение личности стало процессом двунаправленным. За воспитанием «закрепляется» прежде всего формирование души, нравов, характера и социальных качеств. За обучением — формирование ума, сознания, мышления, передача от поколения к поколению общих и специальных знаний, навыков и умений в целях развития производства и общественного прогресса. Стала складываться **система** образования, главными ячейками которой вначале были семья и **школа**, которая возникла за несколько тысячелетий до начала нашей эры в странах древнего Востока (Китай, Египет, Вавилон, Ассция и др.). Базой этого возникновения была **хозяйственная** жизнь. Но практически сразу же в отношении к школе проявился классовый, идеологический, **политический** подход. В общем смысле «школа» имела одно назначение и одну цель: обучать и воспитывать детей. Но объем знаний, количество изучавшихся предметов, задачи и характер воспитания, которые получали в школе дети, откровенно зависел и от того, **чьи** это дети. То есть от сословного происхождения. Для господ и богатых существовали одни школы, для рабов и бедных — совершенно другие. Жрецы и воины, эксплуатировавшие рабов и низшие слои населения, обучали своих детей в **жреческих школах**, где преподавались чтение и письмо, основы религиозного культа, начала арифметики, геометрии, астрологии. Здесь готовили будущих господ. Дети низших слоев населения в подавляющем большинстве не учились совсем либо со временем стали посещать школы писцов. Здесь готовили слуг и работников, которым был доступен ограниченный круг знаний, необходимый для выполнения подсобных и, как правило, примитивных функций.

В Индии в продолжение тысячелетий существовала **общинная школа**, создававшаяся общинами земледельцев, и параллельно с ней действовали **школы при храмах** — для детей землевладельцев, богатых и знатных семей.

В Малой Азии и Африке (Египет) существовали школы писцов, школы служащих, других подсобных специальностей, необходимых для потребностей управления государством и хозяйством, и рядом с ними замкнутые **жреческие и придворные школы** — для тех, кто управлял и их детей-наследников. В замкнутых школах Египта обучали сложному иероглифическому («священному») письму, а в школах для писцов и служащих — письму упрощенному (иератическому).

В Древнем Китае существовали **низшая** школа и **высшая** школа. Дети привилегированных учились в высших школах читать и писать сложным иероглифическим способом, изучали философию, астрономию, религиозную мораль, произведения писателей и поэтов. В низших школах эти предметы отсутствовали. Зато суровой была дисциплина, прививавшаяся путем телесных наказаний. «Ухо мальчика на спине его», — говорилось в требованиях к учителю и воспитаннику. При этом подавляющее большинство детей рабов и простых людей не получали никакой подготовки к жизни через школу. Основы знаний и навыков, связанных с трудом и поведением, они черпали от родителей и окружающих. Основным инструментом управления обществом в руках господствовавших классов было государство, а основным каналом проведения политики государства по отношению к молодежи было именно образование.

Из истории **Древней Греции** широко известны спартанская (государство Лакония с главным городом Спарта) и афинская (государство Аттика с главным городом Афины) системы воспитания. Об этом стоит сказать подробней, ибо это классический пример продуманной, последовательной и сильной политики в отношении молодежи.

В Спарте (VIII–IV вв. до н.э.) было около девяти тысяч семейств рабовладельческой аристократии (спартаидов), которые должны были держать под своей властью более 250 тыс. порабощенного населения (государственных рабов — илотов и периэков — неполноправного населения). Поэтому воспитание и обучение детей спартаидов имело явно **политическую** цель: подготовить граждан-воинов, способных укрощать и покорять многократно превосходящее население рабов, удерживать его в полном повиновении, а также управлять государством и защищать его от внешних врагов. Подавляющему количественному превосходству рабов подавляющее меньшинство спартаидов противопоставляло свои выдающиеся качества: высочайшую сплоченность и организованность, дисциплину, огромную физическую силу каждого, отличное умение владеть оружием и особые свойства характера: беспрекословное послушание старших по возрасту и положению, храбрость, воля, терпение, выносливость, стойкость, способность переносить лишения, неприхотливость в еде, пренебрежение богатством, готовность сражаться и умереть за отечество как высший символ доблести и счастья. При этом вопросы воспитания подрастающей смены рассматривались в лице представителей его старшего поколения как дело всего **господствующего** класса, т. е. как дело сугубо политическое.

Воспитание спартанских девушек мало чем отличалось от воспитания юношей. Полагалось, что приготовить удовлетворительную еду, сшить удобное платье могут и рабыни. Для свободной женщины важ-

нее всего рождение здоровых детей. Поэтому девушки, как и юноши, состязались в беге, боролись, кидали копье, метали диск, участвовали в конных состязаниях, т. е. всеми возможными способами занимались развитием своего тела и духа.

Иное отношение государства было в Спарте к детям угнетенных групп населения — периэков, занимавшихся ремеслом и торговлей, и илотов, занятых земледелием. Они были лишены гражданских прав. Дети могли наследовать только занятия своих отцов: сын флейтиста становился флейтистом, сын резника — резником, сын глашатая — глашатаем. И никогда никем иным. Не составляя частной «собственности» отдельных лиц, но являясь «собственностью» государства, эта основная часть населения Спарты, в том числе дети и молодежь, была лишена какой-либо защиты с его стороны. Никакой системы воспитания детей периэков и илотов не существовало. Детям илотов, как свидетельствуют древнегреческие авторы, запрещалось даже петь песни.

Воспитательная политика в Спарте основывалась на принципе «геронтократии» (от γerov — старец). Власть в государстве принадлежала старейшим и покоилась на общем строгом разграничении прав и обязанностей каждого возраста в отдельности. Согласно этому принципу мужское население в Спарте распадалось на три основные возрастные группы: «несовершеннолетних» (до 30 лет), «мужей» (от 30 до 60 лет) и «стариков» (от 60 лет). Причем «несовершеннолетние», хотя и составляли наряду с «мужами» спартанскую армию, не имели политических прав. «Мужи» обладали правом принимать участие в народном собрании, которое было лишено права законодательной инициативы. И только «старцы» (300 человек) могли входить в состав всевластной **геруссии**, направлявшей жизнь государства.

До семи лет осуществлялось **семейное воспитание**. Однако контроль государства за воспитанием начинался с первых дней жизни. Новорожденные осматривались специальной комиссией, и только здоровые дети передавались обратно отцу. Больных и болезненных согласно описаниям Плутарха **убивали** — кидали в Тайгетскую пропасть.

В семилетнем возрасте детей **отбирали** у родителей и расселяли по особым детским государственным общежитиям. В целом период **государственного воспитания** охватывал время от семи до тридцати лет, распадаясь, в свою очередь, на три периода: от семи до пятнадцати лет, от пятнадцати до двадцати и от двадцати до тридцати лет.

Искусство читать и писать не входило в официальную программу обучения, ими овладевали «между прочим». За исключением пения и музыки, плясок и чистоты речи, умения говорить четко и кратко. «Хорошая игра на кифаре действует на душу сильнее, чем удар меча», — говорили спартанцы. Пространные речи вызывали у спартанцев отвращение. «Тем, кто обходится немногими словами, не нужно много

законов», — считали они. Спартанцы не хотели и не умели жить врозь, находились в нерасторжимой связи с обществом, целиком принадлежали отечеству, почти забывая о себе в порывах воодушевления, любви к чести и славе во имя государства и своего царя.

Мысль о возрастной, поколенческой преемственности была заложена и в поэмы и песни. Как утверждает Плутарх, в праздничные дни состязались три хора, составленные из «несовершеннолетних», «мужей» и «старцев».

Хор старцев начинал:

Когда-то были мы и молоды и храбры...

Им отвечал хор «мужей»:

Теперь мы таковы. Попробуй, коли хочешь!

Хор «несовершеннолетних» завершал:

А мы со временем храбрее всех вас будем!

Спартанцы не имели права **выезжать за пределы страны** и путешествовать. Властители запрещали это из опасения, что молодые люди завезут в Спарту чужие нравы, станут подражать чужому образу жизни и правления. Иностранцы не могли появиться в Спарте без нужды, дабы они не занесли «заразу» в сложившиеся нравы. Так что «железный занавес» был изобретен не в СССР, не в XX в., а еще до новой эры.

Если верить Плутарху, Спарта возвысилась, стала великим государством благодаря спартанскому законодателю Ликургу (900–800 гг. до н.э.), который придумал систему спартанского государственного воспитания и облек свои идеи в форму **конкретных законов**.

Есть свидетельства, будто Ликург не стал записывать свои законы. Ибо считал, что «главнейшие начала, всего более способствующие процветанию государства и доблести, обретают устойчивость и силу, лишь **укоренившись в нравах и поведении** граждан, ибо для этих начал более крепкой основой, нежели необходимость, является свободная воля, а ее развивает в молодежи **воспитание**, исполняющее в душе каждого **роль законодателя**» (см.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания : в 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1994. С. 56). Всю свою законодательную деятельность Ликург в конечном счете сводил к воспитанию. Если кто-нибудь возьмется исследовать его труды, то, вероятней всего, докажет, что именно Ликург был первым автором «Закона о молодежи», а то и целого свода молодежного законодательства. С помощью этих законов спартанцы покончили с междоусобицами и смутой, имущественным неравенством, роскошью, богатством и бедностью, гордостью и завистью, которые раздирали страну.

Итак, мы видим две линии отношения спартанского государства к молодой части своего населения. Первая линия — усиленное воспи-

тание (развитие, образование) аристократической спартанской молодежи («несовершеннолетних») за счет средств государства в интересах сохранения существующего образа жизни и правления. Вторая линия — лишение какого-либо воспитания детей угнетенных групп населения, развитие только по профессиональной линии. И первая, и вторая, и обе вместе взятые линии отношения к подрастающему поколению есть не что иное, как **политика** государства, его **молодежная политика**. Хорошо продуманная, жесткая и последовательная, эта политика позволяла Спарте, жившей на вулкане рабского гнева и в беспрестанных войнах с внешними врагами, в течение пяти столетий одерживать неслыханные победы, слыть и быть непобедимой. До тех пор, пока эта политика в отношении к молодежи не стала терять силу, пока не стала рушиться система спартанского воспитания молодежи. Это разрушение началось с победы Спарты над Афинами, когда рухнул спартанский «железный занавес» и город вышел из изоляции, после чего в Спарту хлынули денежные богатства и демократические, свободные нравы из побежденных Афин. Богатства и плохие нравы развращали поколение за поколением спартанцев, уничтожая их единство, сплоченность, знаменитый спартанский дух и характер. И Спарта погибла.

Можно утверждать, что уникальная молодежная политика спартанского государства была фундаментом и условием его жизнеспособности. «Сильная молодежь — сильное государство», «Хорошая молодежь — хорошее будущее». Древние прекрасно понимали роль и значение молодежи для общественного развития. Любопытно, что Артемида — богиня роста и плодородия в то же самое время считалась в Древней Греции и **покровительницей молодежи**. Обратите внимание: рост, плодородие (в широком смысле) и молодежь — в одном ряду, потому что в сущности они однозначны.

В Древнем Риме школы также делились по имущественному признаку и знатности происхождения: на элементарные школы и школы более высокой ступени — грамматические школы, а также школы ораторов, где знатное юношество за высокую плату обучалось риторике, философии и правоведению, греческому языку, математике и музыке, с тем чтобы в дальнейшем занять высшие государственные должности. Со временем государственные школы и школы ораторов из частных и платных были превращены в **государственные**, задачей которых была подготовка преданных императорской власти чиновников. Учителей этих школ императоры стремились превратить в послушных проводников своей политики, для чего им назначались высокие оклады, предоставлялись особые льготы.

В Древней Руси цели обучения и воспитания новых поколений были сформулированы в прекрасном памятнике педагогики древних вре-

мен «Поучении Владимира Мономаха детям»[1], относящемся к 1096 г. Князь Мономах требует от детей «страха божия», почитания «отцов духовных», почитания старших («Старыя чти яко отца»). Несколько раз в «Поучении» повторяется совет не лениться, вести деятельный образ жизни. Духом гуманности проникнуты советы об отношении к окружающим: надо не давать в обиду вдов и сирот, оказывать гостеприимство страннику; начальствуя над войсками, даже когда они проходят по вражеской территории, не позволять им обижать мирное население. Владимир Мономах требует, чтобы дети развивали в себе мужество, храбрость, чтобы они прилежно учились. В пример молодым Мономах ставит своего отца, который знал пять языков. На протяжении веков в Древней Руси от детей требовались строгая дисциплина, безусловное повиновение родителям и старшим, деятельность и трудолюбие, мужество, выносливость, набожность. Эти требования имели **политическую** природу. Ибо именно такие качества были необходимы в борьбе с суровой природой и кочевыми племенами, отражали патриархально-родовые и (позже) феодальные общественные отношения и сохраняли их.

Оборвем на этом поиск исторических фактов политики в отношении молодежи со стороны общества и государства. Новые факты уже ничего не добавят по существу. Их уже вполне достаточно для общего вывода. Понятно, что при феодализме молодежная политика отличалась от отношения к молодежи на этапе рабовладельчества, а в эпоху капитализма — от той политики, которая проводилась на всех более ранних этапах. История мировой и отечественной педагогической мысли, развития образования в конце концов говорят об одном и том же: во-первых, политика государства в отношении молодежи существовала **всегда**; во-вторых, цели и содержание этой политики всегда были отражением и следствием **идеологий**, господствовавших в том или ином обществе, средством формирования новых поколений, позволявших сохранить сложившуюся социально-классовую структуру общества и господствующее положение правящих классов.

2. О сущности и понятии молодежной политики

Обзор некоторых вех возникновения на уровне отдельных фактов, историческое описание молодежной политики как вездесущего социального явления полезны. Тем самым отдается дань феноменологическому (описательному) подходу. Мы констатировали, во-первых, сам факт того, что это явление типично для всех эпох человеческого раз-

[1] «Поучение» посвящается детям, потому что понятий «молодость», «молодежь» в те годы еще не было: ребенок в возрасте 12–14 лет становился работником, в 16–17 лет — воином; нормой были ранние браки.

вития и всех типов общественных устройств; во-вторых, зафиксировали некоторые повторяющиеся подходы и принципы в работе с молодежью. На наш взгляд, это интересно и полезно само по себе, ибо дает схематичное, упрощенное представление о природе молодежной политики как явлении общеисторическом и естественноисторическом. Это первый и важный аргумент в пользу проведения и развития молодежной политики в современных условиях, игнорировать который не может ни один здравомыслящий человек.

Однако этого недостаточно. Необходимо перейти на более глубокий, сущностный, логический уровень объяснения молодежной политики, который предполагает познание явления на уровне его сущности, содержания, закономерного и случайного, общего и особенного, критериев, показателей и индикаторов эффективности, функционирования и развития и т. д. Короче говоря, надо перейти «от явления к сущности». Очень важный момент!

Мы часто путаем в жизни истинное и истину, действительное и действительность, реальное и реальность, сущее (существующее, данное, то, что есть) с сущностью — с глубинным смыслом вещи или явления, который скрыт и является нам в многообразных формах, видах и существенных свойствах. Всегда при этом есть соблазн принять ту или иную форму, тот или иной вид, то или иное свойство за саму сущность. Например, в каждой стране своя молодежная политика, у нее своя направленность, свое содержание, свой объем и т. п. Это то, что существует, что есть, — сущее.

Но какая из этих политик в наибольшей мере соответствует идеалу, тому, какой молодежная политика должна быть «в принципе», «вообще», именно — «в сущности»? Проще всего сказать, что каждое общество проводит ту политику, которую считает необходимой, какую может себе позволить, исходя из общих политических соображений и финансовых возможностей. Это так: обычно мы выбираем то, что хотим и можем выбрать. Но бывают критические ситуации, когда мы должны выбрать только то, что должно выбрать в данной ситуации, даже если это кажется невозможным — иначе кризис не разрешится. Радикальная перемена в обществе (перестройка, реформа, революция) относится к разряду именно таких ситуаций.

Если общество имеет глобальный замысел измениться путем отказа от одной системы ценностей и перехода к другой, принципиально иной, то этот акт не может произойти без обращения к новым поколениям детей и молодежи. И дело тут не в том, что надо «что-нибудь» делать для молодежи и делать «что-то» с молодежью: совершать какие-то эффектные политические жесты в ее сторону с целью задобрить, создавать какие-то программы (поддержки молодой семьи, строительства жилья, открытие бирж занятости, центров социальной

поддержки и т. п.). Все это хорошо, все это укладывается в понятие «молодежная политика». Но это далеко не вся политика, а всего лишь ее различные стороны, элементы совокупности **сущностных свойств**, каждое из которых (свойств) можно принять за сущность, но которое не выражает всей сущности — главного, основного смысла молодежной политики. Сущность — это «ядро» всех этих свойств и сторон, которое объединяет и стягивает их в одно общее понятие. Того, что можно назвать сущностными свойствами молодежной политики, много, но сама сущность этой политики в этом «многом» одна и та же. Во все времена. Во всех обществах.

Чтобы понять **сущность** молодежной политики «вообще», надо отвлечься от тех особенностей, которые характерны для молодежной политики лишь **в нашем** обществе, изучить множество молодежных политик в других странах, во всех предшествующих общественных устройствах, в различные исторические периоды. И только тогда знание **о множестве** предметов объединится в одной мысли с одним названием — «молодежная политика». Так мы и «схватим» сущность предмета молодежной политики «вообще», «в общем и целом», а с этим получим некий концентрат необходимого нам знания и понятия о ней, который используем для понимания предмета молодежной политики в нашей стране.

Далее необходимо будет разработать **систему** понятий, с помощью которых может быть объяснено содержание этого весьма многозначного и сложного понятия — «молодежная политика». Первостепенное значение среди них составляют понятия «сущность молодежной политики», «содержание молодежной политики», «правовой механизм молодежной политики», «организационный механизм (управление) молодежной политикой» и другие — «ювенальная юстиция», «социальный работник», «молодежный работник» и т. д. и т. п. Это должна быть именно система взаимосвязанных между собой понятий, без чего нельзя создать теорию молодежной политики, без чего молодежная политика не может стать полноценной учебной дисциплиной, преподавание которой должно и будет осуществляться.

Можно сказать, что в молодежной политике на общественном уровне проявляется инстинкт сохранения и продолжения рода. Если речь идет о психически, интеллектуально и духовно здоровом обществе, то оно не может не думать о том, чтобы продолжить свое существование, свою жизнь, которая мыслится как вечная, хотя на самом деле известно, что социальные системы и цивилизации тоже «смертны», что они тоже имеют стадии возникновения, становления, развития, расцвета, затухания, умирания и — гибели. Конечно, бывают такие самоуверенные народы, такие нации — нарциссы, возглавляемые либо чрезмерно амбициозными, либо глупыми и недальновидными ли-

дерами, которые теряют чувство реальности. Так было с Римской империей в древности, так было с Третьим рейхом в новой истории, так происходит, на мой взгляд, ныне с Соединенными Штатами и нашей страной.

Нормальное общество думает о своем будущем, о развитии, о непрерывности этого развития и своей истории. Тут мы неизбежно упираемся в категорию «преемственность», ибо преемственность — неизбежный и неотъемлемый элемент развития. Где нет преемственности, там нет развития; там застой, движение в неопределенном направлении, регресс, но — не развитие в позитивном смысле, понимаемом как социальный прогресс. Именно в процессе преемственности мы можем наблюдать «живое» проявление закона отрицания отрицания, ибо тут взаимодействуют живые люди, объединенные понятием «поколения» — поколения предшественников и наследников, «отцов» и «детей». Содержание и смысл преемственности хорошо известны, об этом уже говорилось в книге. Повторяться не стоит.

Но следует обратить внимание на то, что это процесс чрезвычайно сложный, тонкий, деликатный. Там, где он протекает стихийно, в режиме чистой самоорганизации, общество неизбежно несет огромные потери в темпах своего развития. На мой взгляд, определенная мера регулирования этого процесса, определенное управление им необходимо, если общество знает, к каким целям оно стремится. В противном случае оно этих целей, вероятней всего, не достигнет. **Сознательная, целенаправленная молодежная политика и есть способ регулирования межпоколенческих отношений, управления процессом преемственности поколений и, стало быть, развития общества.** В этом и заключается главный смысл (сущность) молодежной политики. Во все времена. Во всех обществах — хоть демократических, хоть тоталитарных. При общей сущности виды этой политики просто имеют разные цели и разное содержание, которые определяются **идеологией** этих обществ.

Этот момент стоит подчеркнуть: вопрос целей, задач и содержания молодежной политики — это вопрос сугубо идеологический. Исходя из идеологии, которая доминирует в обществе, можно определить тип молодежной политики. И наоборот: по характеру и типу молодежной политики можно судить о том, какова идеология того или иного общества и государства на самом деле в отличие от декларируемых целей и задач.

Например, в США властвует идеология либерализма, согласно которой роль государства минимизируется, его расходы на социальные нужды касаются лишь маргинальных слоев населения. Поэтому там нет государственной молодежной политики в том смысле, что нет специальной госсистемы управления «делами молодежи», специальной концепции, программы и т. п. Но это не значит, что молодежной

политики здесь нет вообще. Молодые поколения американцев формируются под воздействием системы образования, которая готовит главным образом специалистов, способных заработать себе на жизнь. Огромное влияние на умы молодежи имеют СМИ, кино, видеопродукция, культивирующие вполне определенный — развлекательный образ жизни, стремление жить «здесь и сейчас», побеждать слабого и т. д. и т. п. И это, конечно же, отражение властвующей в обществе идеологии. И это, конечно же, молодежная политика.

В большинстве стран Европы доминирует идеология социал-демократии. Здесь проводится сильная социальная политика, в том числе молодежная. Роль государства в странах Европы неизмеримо выше, чем в США, а необходимость государственной молодежной политики не подвергается сомнению. Например, Испания, решившая за короткий исторический срок избавиться от фашистского наследия Франко и построить демократическое общество, сделала ставку именно на сильную молодежную политику, главным инструментом которой является государство. В Испании тщательно и всесторонне изучаются процессы в молодежной среде, тратятся на эти цели огромные деньги, имеются развернутые, научно обоснованные программы по работе с молодежью, которые также серьезно финансируются. За прошедший послевоенный период испанцы добились впечатляющих результатов.

В странах социализма, в частности в СССР, царила соответствующая идеология, и вся молодежная политика определялась интересами правящих партий, среди которых главнейший — утверждение и дальнейшее распространение идеологии социализма и коммунизма.

Таким образом, мы получили общее понятие о молодежной политике. Ибо что такое понятие? Это и есть «мысль, представляющая собой знание **сущности** тех или иных качественно особых предметов, ответ на вопрос о том, что представляют собой эти предметы по существу» (Войшвилло Е. К. Понятие. М. : Изд-во МГУ, 1967. С. 107). Мы пришли к суждению о сущности предмета молодежной политики — это и значит, **поняли** ее, получили о ней **понятие**. Это чрезвычайно важно, потому что только в этом случае мы можем сказать, что отдаем себе отчет в том, что же мы хотим сегодня сделать, за что боремся; что должны говорить другим, когда убеждаем их в необходимости разработки молодежной политики.

Однако нас интересует понятие молодежной политики не «вообще», а в частности, для нашей страны, нашего общества, стремящегося перейти от тоталитаризма к свободному и демократическому развитию, более высокому уровню и качеству жизни, более качественному образованию и т. п. Обозначим лишь общие подходы, схему рассуждений по этому поводу.

Прежде всего, несколько слов об имени существительном словосочетания (термина) «молодежная политика» — о политике.

Политика, как известно, возникает там, где есть особые интересы значительной массы людей — классов, социальных и других групп. Политика там, где миллионы. С этой точки зрения идея молодежной политики вполне обоснована: у молодежи как особой социально-демографической группы общества есть свои особые интересы.

Далее. Политика там, где отношения. Отношение общества к молодежи. Отношение государства к молодежи. Отношение партий к молодежи. Отношение общественных организаций к молодежи. Отношение самой молодежи к этим институтам в порядке обратной связи, отношение к обществу и государству. В процессе этих взаимоотношений и возникают, с одной стороны, молодежные проблемы общества, с другой — общественные проблемы молодежи.

Наконец, политика там, где деятельность по управлению отношениями; деятельность, которая выражает эти отношения и рождает их. **Демократического** механизма согласования интересов молодежи с другими группами общества в нашей стране не было. Нет этого механизма и сейчас. Он должен быть создан. И молодежная политика должна способствовать этому. Таким образом, в более развернутом и конкретизированном виде главный и общий смысл (сущность) молодежной политики заключается в том, чтобы создать в обществе, во-первых, такой общественно-политический, нравственно-психологический **климат**, во-вторых, такие оптимальные **условия** (прежде всего материальные) жизнедеятельности молодежи, в-третьих, такие **стимулы** деятельности, благодаря которым молодежь могла бы с наибольшей полнотой удовлетворять свои интересы, значительно полнее **самореализоваться** и которые вели бы к ускоренному психическому созреванию и социальному **развитию** молодых поколений **в целях** социального прогресса нашего общества. Можно сказать, что мы не только дали описание сущности молодежной политики, но и вычленили в ней главные черты, элементы («климат», «условия», «стимулы», «самореализация», «развитие молодежи» и др.), указали на основной смысл (цель) этой политики («ради чего?») — социальный прогресс общества. Я бы сказал, что тем самым дано рабочее **определение** молодежной политики.

Как мы понимаем социальный прогресс и его цели — это другой вопрос. Затевать разговор на эту тему мы сейчас не будем. Очевидно, что это движение в сторону свободы, демократии, гуманизма, более высокого уровня благосостояния людей, более качественного образования, лучшего здоровья и увеличения продолжительности жизни человека.

Таким образом, если говорить прямо, то речь идет не просто о какой-то **обновленной**, усовершенствованной молодежной политике.

Политика коммунистов в отношении молодежи была и до Октябрьской революции. Она существовала при Сталине и после него. Вопрос в том, какой она была. Каким было ее содержание, качество, характер? Об этом уже говорилось. Наверное, в формах и методах этой политики было что-то такое, что можно унаследовать и сегодня. Но не в содержании. Это очевидно. То есть сегодня мы говорим не просто об улучшенной политике, а о **принципиально иной**, о **новой** политике, которой прежде у нас не было. Она должна базироваться и осуществляться на принципах, которые или декларировались, но не выполнялись (например, типа «доверие молодежи»), или не провозглашались вообще. Выражение «партия доверяет молодежи» гуляло по страницам советской печати, а что в действительности доверялось молодежи? Самая трудная и опасная работа: коллективизация, индустриализация, война, освоение необжитых земель, строительство новых городов.

«Кому же еще можно было доверять и выполнять эту работу, если не молодым?» — скажет кто-то. Согласен. Скажу более того: на мой взгляд, молодежи необходимы дела, в которых она могла бы проявить себя, самоутвердиться и т. п. Речь о другом: о политическом доверии, о допуске молодежи к рычагам управления страной, участии в принятии решений по поводу будущего. **Главный пункт** преемственности и конфликта поколений — это **вопрос о власти** и ее распределении в обществе. В процессе реализации новой молодежной политики должен измениться и утвердиться **новый стиль отношений между поколениями**. Должны выработаться новая философия воспитания, новая социальная педагогика, новый механизм управления и регулирования, согласования интересов молодежи с интересами других групп общества.

Необходимость выработки новой молодежной политики вызвана тем, что в обществе накопилось множество проблем в молодежной среде, молодежном движении, их взаимоотношениях с обществом. Проблем, которые в своей совокупности и складываются в глобальную **проблему молодежи**, которая существует по крайней мере в двух ипостасях.

Во-первых, как проблема **самой** молодежи, часть которой идентифицирует себя как «молодежь», сознает свою роль и свое историческое назначение, хочет и пытается реализовать свой творческий потенциал, но не может самореализоваться из-за отсутствия необходимых для этого экономических, политических, социальных, правовых и других (**внешних** по отношению к ней) условий.

Во-вторых, как проблема **общества**, которое вправе ждать от молодежи гораздо большей социальной активности, инициативы, творчества, но не получает их из-за недостаточного уровня развития качеств молодой личности, которые не развиты в конечном счете по тем же названным причинам.

Неспособность общества, с одной стороны, создать для молодежи удовлетворительные условия для самореализации, а с другой — несоответствие творческого потенциала значительной части молодежи усиливающемуся запросу общества порождают в нем одно из острейших социальных противоречий, которое прорывается наружу в форме нарастающего духовного и нравственного нигилизма, недоверия к существующим политическим структурам, отчуждения от политики и труда, отклоняющегося негативного поведения, преступности и т. п. Для разрешения этого противоречия общество должно найти средство, которое по своей эффективности соответствовало бы остроте данного противоречия.

Если прежде в отношениях с молодежью общество шло путем улучшения, совершенствования дел, принятия частных мер на отдельных участках (образование, воспитание, труд и т. п.), то новая молодежная политика — это средство, которое исключает «косметический ремонт».

Молодежная политика — это **радикальная инновационная деятельность**, вызванная процессом перемен во всех сферах общественной жизни и в то же время служащая способом ускоренного развития молодежи, решения ее неотложных проблем.

Молодежная политика — это **новый тип работы** с молодежью, который уже не может уложиться в существующие организационные рамки и структуры, не согласуется с прежними формами и методами работы; он требует их коренного преобразования, коренного изменения условий жизнедеятельности молодежи.

Иными словами, молодежная политика изменяется существенно, у нее должны быть новые существенные атрибуты: специальные органы управления, научная обоснованность, новое содержание, целостность, последовательность, скоординированность, обеспеченность материальными, организационными и правовыми гарантиями. В этом ее **новое** качество.

3. О содержании, принципах и гарантиях молодежной политики

Определение молодежной политики дает о ней лишь самое общее представление и в этом смысле «обедняет» ее. Каков же «объем» этой политики, ее структура, если попытаться их представить более конкретно хотя бы на теоретическом уровне?

Прежде всего надо выделить два **вида** молодежной политики, исходя из принципа ее субъектности.

Первый вид — **государственная** молодежная политика, где субъектом является государство в лице его специальных органов, деятельность которых в большей или меньшей степени связана с разви-

тием человека (образование, культура, физическое развитие, труд, досуг и т. д.).

Второй вид — **общественная** молодежная политика, в которой субъектом являются различные партии, профсоюзы, молодежные движения, объединения и организации.

В полном (широком) смысле **содержание** молодежной политики включает оба этих вида и целую совокупность направлений деятельности, которая позволяет осуществить **полноценный** процесс преемственности поколений во всех сферах и на всех участках жизнедеятельности общества и необходимое регулирование этого процесса в соответствии с общими целями и стратегией общественного развития. Это:

— демографическая политика;

— образовательная политика, в том числе воспитательная;

— культурная политика, в том числе физического развития;

— социальная политика в отношении молодежи (труд, быт, досуг и т. п.);

— поддержка инициатив молодежи, в частности молодежных организаций, объединений, движений. И тому подобное.

На какие **принципы** должна опереться новая молодежная политика, какие идеи должны войти в общественное сознание?

Прежде всего следует выделить такие принципы, как принцип политического доверия молодежи; принцип приоритета в решении социальных задач перед воспитанием; принцип комплексного подхода к решению молодежных проблем; принцип содействия государства участию молодежи и ее организаций в управлении государственными и общественными делами; принцип признания организационной самостоятельности молодежных организаций и движений; принцип поддержки общественно значимых молодежных инициатив; принцип обеспечения гласности и демократического порядка выработки решений по вопросам государственной молодежной политики и контроля за их осуществлением и т. п.

Молодежная политика останется модным словом, скомпрометирует себя, если она не будет иметь серьезных, взятых в единстве **гарантий**: материальных, организационных, правовых, научных. Именно в единстве. Ибо по отдельности даже большие денежные затраты не принесут значительных результатов, если не будут точно, с помощью науки определены объекты, регионы, сферы, приоритетные цели этих затрат; если деятельность организаций и учреждений, осуществляющих молодежную политику, будет натыкаться на правовую необоснованность тех или иных действий и т. п.

Новая молодежная политика требует ясных ответов на вопросы о том, каковы ее цели и направления деятельности, кто и как ее выра-

батывает, кто и как финансирует, кто и как планирует, контролирует, кто организует научные исследования и т. д. Разговоры о том, что «это дело общенародное», «это дело каждого», «давайте все вместе», оставим прошлым дням. «Все вместе» — это значит «никто».

Следует выделить как минимум **три уровня управления молодежной политикой**: на уровне страны, на уровне региона, на уровне сфер жизни. Жизнь доказала особую значимость регионального, национального «среза» общества. Выявились глубокие экономические, социальные, культурные различия в развитии отдельных регионов, наций, народностей. Они должны быть учтены не только в социальной, но и в молодежной политике. Это означает, что данная политика должна быть во многом **децентрализованной**.

Особый разговор — о научных, юридических гарантах молодежной политики. Без них молодежная политика останется пустым звуком.

Из книги «Молодежь и молодежная политика».
М., 2001. С. 564–586

КОНТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ МОЛОДЕЖИ

1. О природе и сущности молодежи

Если одной из задач в переломный момент истории является радикальная перемена взглядов и понятий мирового сообщества на молодежь как таковую, на ее место и роль в социальном развитии, если современное общество должно **переоткрыть молодежь**, если без этого никакое общество (и прежде всего высокоразвитое) не сможет быстро прогрессировать, не сможет прорваться к новым высотам цивилизации, то мы должны сказать, какой смысл вкладываем в понятие «молодежь», в чем, собственно говоря, заключается это переоткрытие и его радикальность, что должно измениться во взглядах на молодежь и ее концепцию.

Иными словами, возникает вопрос о создании новой современной, отвечающей запросам XXI в. **концепции молодежи**, которая не может быть создана без новой **философии возраста**. Парадоксально, но факт: мы до сих пор в основном пользуемся философией возраста, которую

разрабатывали еще мыслители древних времен. Между тем общество и темпы его развития изменились столь разительно, что представления о возрастах должны вновь стать предметом философствования, предметом теории жизни — индивидуальной и общественной. Если связь возрастных категорий (дети, молодежь, взрослые, старики) с процессами жизни уже очевидна, то роль, которую должна играть сегодня каждая из этих групп в социальных процессах при сохранении главной позиции за «зрелым человеком», сегодня не столь очевидна, как кажется.

Но возможно ли создать единую для мира концепцию молодежи, если утверждается, что молодежь — явление конкретно-историческое, что в каждой стране в зависимости от уровня ее развития, культуры и традиций свое представление и понятие молодежи? Ответ может быть положительным, если иметь в виду, что речь идет не о целостной теории, а о концепции; не о завершенной концепции, а о ее **контурах**; что речь идет о концепции, основанной на всеобщих, универсальных свойствах молодежи, которые существуют и в которых вряд ли можно сомневаться.

Рассмотрим основные из этих всеобщих свойств молодежи.

1. Молодежь — это **объективное общественное явление**, выступающее всегда как большая специфическая возрастная подгруппа. Молодежь часть **общества**; молодежь — **часть** общества. Одним словом, ключом к познанию природы молодежи является диалектика целого и части. Не поняв общества, в котором живет молодежь, не понять самой молодежи и ее специфических проблем. Не поняв молодежи данного общества, не постигнуть всех его, в том числе общих, противоречий и проблем, а тем более не раскрыть будущего этого общества. Молодежные проблемы являются проблемами всего общества, общественными проблемами. Общественные проблемы, в сущности, во многом берут свое начало от молодежи и в этом смысле являются молодежными. Это означает, что исследование молодежи вне общества в целом является абстрактным, неполным и во многом бессмысленным. На этом основании строится широко распространенное заблуждение, что никаких особых проблем молодежи не существует, есть проблемы общества и их надо решать. «Решим проблемы общества — решим и проблемы молодежи».

Действительно, молодежь является зеркалом, в котором отражается та социальная действительность, в условиях которой она живет. Если из молодежной среды пробиваются порочные побеги, если в этой среде появляются проблемы, то это прежде всего «вина» социальной среды. С молодежью может произойти только то, что уже произошло с обществом. Молодежь такова, каким является взрастившее ее общество.

Однако у молодежи были и есть свои специфические, обусловленные возрастом проблемы, которых нет у зрелого человека.

а) В любом обществе молодость тесно связана с **идеей зависимости**. Человек находится в положении «молодого», пока он зависим. От зари человечества и до наших дней центральной фигурой в обществе был зрелый (взрослый) человек. Стариков и слабых детей в первобытном обществе просто убивали или бросали на произвол судьбы. Появление демографической когорты под названием «молодежь» мало что изменило: молодые люди рассматривались как «взрослые дети», о которых общество вынуждено заботиться постольку, поскольку это было необходимо взрослым. «Мальчиком» (garson) в старой Франции мог быть назван человек любого возраста, если он зависел от сеньора. В сущности, и ныне все осталось, как было. Взрослые по-прежнему царствуют в обществе, и все другие возрастные группы (дети, молодежь, старики) полностью зависят от их воли, находятся на периферии общественной жизни, хотя их положение, конечно, уже не столь плачевно, как в древности. И тем не менее, пока человек не самостоятелен экономически, пока он зависит от родителей — он все еще «дитя», а в глазах окружающих недоросль, инфант.

б) В любом обществе большая часть молодежи (учащиеся, студенты и т. п.) **еще не включена** в процесс производства и потому исключена из процесса распределения продуктов этого производства, живет в «кредит», находится в положении иждивенцев — не имеет своего жилья, получает меньшую зарплату и т. п. Следствием этого является острота социальных проблем молодежи, которая всегда и всюду намного выше, чем применительно к взрослой самодеятельной части населения, и сравнима только с социальными проблемами стариков. В богатых обществах молодежь в основном бедна, в бедных обществах — по преимуществу нищая.

в) В любом обществе большинство молодых людей не обладают **личной самостоятельностью** в принятии решений, касающихся их жизни. Объективно и постоянно находясь в положении выбора и самоопределения («Кем быть?», «Что делать?», «Каким быть?», «Когда завести семью?», «Кого выбрать спутником жизни?»), молодой человек существенно ограничен в своих решениях мнением и волей родителей, родственников, законами, традициями и нравами, с которыми он нередко бывает не согласен.

г) Молодежь объективно находится в положении **объекта социализации**, осуществляемой путем обучения и воспитания, которые часто подменяются начетничеством, назиданием, подавлением личности. Специфика молодежного сознания определяется тем, что в нем живут такие понятия, которые обычно не свойственны взрослому человеку: «второстепенность», «подсобность», «неполноценность». Они рожда-

ют в душах молодых людей обостренное чувство социальной несправедливости, социальной ущемленности, болезненность мироощущения, повышенную готовность к протесту, избыточную критичность, агрессивность. Рост этих свойств и их проявление в поступках тем более неизбежны, когда зависимое положение молодежи сознательно подчеркивается со стороны взрослых, когда социальная справедливость нарушается в массовых масштабах, когда складывается авторитарное отношение обучающих к обучаемым, учителей к ученикам, воспитателей к воспитуемым, родителей к детям; когда «нищета положения» молодежи усугубляется нищетой общества в целом.

д) В любом обществе перед молодыми людьми стоит **проблема выбора сферы трудовой деятельности, выбора профессии**. Из всех возрастных групп населения эта проблема прежде всего и главным образом беспокоит молодежь. Сказав себе: «Стану слесарем», юноша одновременно говорит: «Не стану врачом, артистом, учителем, биологом, историком» и т. п. Решиться — значит не только приобрести нечто, но и возможность потерять свою единственную судьбу. Когда в состоянии мучительных размышлений по поводу «кем быть?» находятся миллионы молодых людей, это вырастает в огромную общественную проблему, которая в своей сущности была и будет проблемой сугубо молодежной.

е) Во всех обществах молодые люди решают проблему своих **жизненных планов**, проблему нравственного и духовного самоопределения — «каким быть?».

ж) Во всех обществах молодые люди решают проблему выбора спутника жизни (жены, мужа), вопрос о том, сколько иметь в семье детей.

«Вечными» молодежными являются проблемы социально-психологического плана: половое созревание, повышенная тяга к общению со сверстниками, чувство одиночества, агрессивность, подростковая жестокость и т. п.

2. Молодежь имеет **двойственную природу**, т. е. выступает одновременно как **явление биологическое и социальное**, что определяет связь ее психофизического и социального развития.

В биологии, медицине, психологии, педагогике, юриспруденции, социологии понятия «молодость» и «молодежь» используются в разных значениях. Каждая из этих наук по-своему трактует эти понятия, а данные трактовки порой противоречат друг другу. Между тем необходим обобщенный, единый, целостный, синтезированный взгляд на проблему молодости и молодежи и с учетом точек зрения и биологии, и медицины, и психологии, и права, и педагогики; взгляд, который необходим для практики социальной, политической, а не только медицинской или правовой.

Молодежь — явление социальное; социальность — неотъемлемый атрибут молодежи. Молодежь — часть различных классов и социальных слоев, наций, она их продукт и средство их воспроизводства. Короче говоря, при выработке концепции молодежи необходим **социологический подход**, который предполагает рассмотрение молодежи как **части** общества, и следовательно, изучение их взаимосвязи, взаимозависимости, взаимодействия; исследования молодежи в **статике** (состояние в данный, конкретный исторический момент), в **динамике** (развитие во времени, в ходе истории, в сравнении с прошлыми молодыми поколениями, т. е. изучение процесса). При этом изучаются, во-первых, психическое, физическое и социальное **развитие** молодежи, во-вторых, ее **положение** (статус) и **роль** в обществе с точки зрения экономических, политических, социальных и духовных условий ее учебы, труда, быта, отдыха, досуга, социального продвижения и т. п., а также стимулов для ее саморазвития.

3. **Молодежь — явление конкретно-историческое** — это означает, что число определений молодежи может быть равно числу конкретных обществ, каждое из которых выводится из общего определения молодежи и в то же время служит базой для уничтожения, конкретизации этого общего определения. Молодежь — продукт истории и определенной культуры и в то же время их движущая сила и фактор перемен, социальная ценность.

Современная жизнь требует кардинального изменения возрастного самосознания общества как следствия фантастических перемен в экономике и производстве под воздействием научно-технической революции, изменения стиля и характера во всех сферах общественной жизни. Необходимо новое понимание молодежи как **самоценной** стадии возрастного, духовного и социального развития. Молодость — не служебно-подготовительная фаза возрастного развития, как считалось веками, а драгоценный мир в себе, главный источник сегодняшних перемен. Правильное понимание сущности молодежи, грамотная молодежная политика — это условие прорыва общества в будущее. Где молодежь и грамотная работа с ней — там успех. Напротив, взрослость сегодня нередко более ущербна, чем молодость, так как отягощена догмами вчерашнего дня, устаревшим опытом, утратой восприимчивости нового. Отношение общества к молодежи, положение и роль молодежи в обществе становятся лакмусовой бумажкой на его современность и способность быстро прогрессировать. Дело не только в возрастной периодизации жизни, а в понимании сути отдельных возрастов, в частности молодости. Мы должны говорить **о принципиально новом открытии молодежи**, исходным пунктом которого является установление точки зрения на молодежь как на **равноправный** в ряду других человеческий возраст, не сводящийся лишь к возрастным

особенностям и отклонениям от «нормы» («не-зрелость», «не-разумность» и т. п.), а, напротив, наиболее ценный для общества период жизни человека, в котором он более чем когда-либо стремится к самоопределению, самоутверждению и самореализации. Самопознание, самоопределение, самоутверждение, самореализация, самодеятельность — вот центральные понятия новой социологической концепции молодежи.

4. **Социальный статус молодежи во всех конкретных обществах и во все времена в главном одинаков: молодежь одновременно объект и субъект социализации.** Данная группа общества по законам преемственности (по закону отрицания отрицания) осваивает наследуемые общественные отношения, духовные и материальные ценности конкретного общества с целью их последующего воспроизводства. Будет это простое или расширенное воспроизводство — зависит от уровня социального развития молодежи как продукта самого общества. А этот уровень, в свою очередь, в решающей степени зависит от взгляда общества на молодежь; что такое она в его глазах — **только** объект воздействия, **прежде всего** объект и отчасти субъект или же **прежде всего** субъект, а затем объект и т. п.

Если общество нацелено на развитие, оно социализирует (обучает и воспитывает), иными словами, развивает молодежь таким образом, чтобы она была способна развивать общество и развиваться сама. Если общество настроено прежде всего на сохранение существующего строя, консервацию его идей, ценностей и традиций, оно формирует молодежь исключительно по своему образу и подобию. В этом случае молодежь как субъект деятельности выступает в крайне ограниченных масштабах, она прежде всего объект, а часто **только объект** воздействия.

Однако осуществить свою миссию — быть источником развития и прогресса, выполнить свою новаторскую функцию молодежь может лишь постольку, поскольку она является **субъектом исторической деятельности**, т. е. имеет условия для развития и способна сама к самореализации на основе собственной сознательной активности. Если молодежь не активна, не служит источником развития и прогресса, то ее существование в главном и основном не имеет социального смысла, т. е., по существу, молодежь не является молодежью, ибо она не выполняет свое назначение, свою социальную функцию. Общество имело молодую часть населения как средство биологического воспроизводства, и не более. Не реализовавшее себя социально молодое поколение — это потерянное поколение. Потерянное для общества и для себя как некой целостности.

Отношение к молодежи как к субъекту прежде всего, а не как к объекту, только или прежде всего, как это было и есть пока практически во

всех странах мира, — вот главный смысл перемен в концепции молодежи, которые должны произойти. Не следует подменять активности молодежи. Надо предоставить ей гораздо более широкие возможности для самоопределения, самоутверждения, самоорганизации, самореализации, саморазвития. Несомненно: взрослые должны направлять молодежь, заботиться о сохранении традиций и преемственности развития. Но в современных кризисных для всего мира условиях, когда будущее выглядит предельно неопределенным и непредсказуемым, они не имеют права строить мост в будущее и само будущее только на основе своих представлений о нем, без **участия** молодежи. Во-первых, потому, что, как давно и справедливо замечено, «будущее принадлежит молодежи» и, стало быть, несправедливо и неразумно лишать права строить дом тех, кому предстоит в нем жить. Во-вторых, потому, что предшествующие поколения уже многократно доказали свою способность трагически заблуждаться и ошибаться, привели человечество на край гибели. Созданная ими парадигма развития, в основе которой лежала идея безудержной погони за прибылью, неуклонного экономического роста, неостановимого технического прогресса, почитавшихся высшим благом и показателем восходящего развития, доказала свою иррациональность, создала угрозу **физическому** существованию человечества, полностью исчерпала себя. Не оправдали себя и разного рода бесчеловечные тоталитарные идеологии и доктрины. Настаивать на своем единоличном праве и дальше вести дело так, как им видится и хочется, со стороны «взрослого» общества было бы безответственным и безнравственным. Как минимум задача состоит в том, чтобы не ухудшать ситуацию и тем самым не нанести ущерба будущим поколениям, не ухудшить условия их природного и социального обитания. Уже сегодня для многих молодых людей высшей ценностью стали чистый воздух, чистая вода, чистая еда и чистые человеческие отношения. Сохранить для потомков хотя бы те условия, в которых живут нынешние поколения — вот огромная и сложнейшая задача, которую надо решать вместе с теми, кто заинтересован в этом прежде всего и больше всего — с молодежью. И значит, не отодвигать, не отстранять ее от этой миссии, а вовлекать в совместную работу, формируя соответствующие потребности и интересы, развивая способность и активность к социально-преобразующей, созидательной деятельности.

Сама по себе до известного уровня развития (возрастного и социального) молодежь может не так уж много. Условия, возможности, стимулы для этой деятельности должны сознательно создавать общества и государства, которые могут ограничивать или высвобождать субъектность молодежи с помощью права и политики. Субъектность молодежи невозможна без обладания определенными правами (пра-

восубъектность) и выполнения определенных обязанностей (правоспособность). И лишь потом можно говорить о реальной способности к самостоятельному осуществлению этих прав и обязанностей (дееспособность). Вот почему на современном этапе столь большое значение приобретает сознательная, целостная и сильная молодежная политика, законотворчество в области молодежи и этой политики.

5. Молодежь как понятие — это абстракция. Молодежь как реальное явление — это часть населения, масса, совокупность индивидов. Именно в этом виде, как масса и толпа, молодежь представляет интерес для разного рода авторитарных и тоталитарных режимов и некоторых псевдодемократических государств. Ибо масса и толпа не сознают, не понимают, они безвольны и потому ими легко манипулировать, они служат послушным инструментом в руках «взрослых».

Молодежь обретает субъектность по мере самоидентификации, самоосознания своих интересов, роста своей организованности — от стихийного радикализма до различных типов и форм молодежных движений, объединений и организаций, и прежде всего общественно-политических. Плюралистичное молодежное движение, обеспечивая разнообразие, взаимодополняемость и альтернативность его целей, задач, программ, в конечном счете придает молодежи некую форму целостности, единства в многообразии, оформляет его в некую общественную силу, способную воздействовать на общество в интересах всего общества и самой молодежи. **Организованность — важнейший гарант субъектности.** Общество и государство должны помочь молодежи организоваться, всеми средствами поддерживать ее объединения.

Своеобразие молодежи как социальной группы состоит в том, что она постоянно находится в состоянии перехода от преимущественного свойства быть объектом общественного воздействия к преимущественному свойству быть субъектом социально преобразующей деятельности. В этом социальный смысл «взросления» молодежи. Достижение молодежью возраста, когда она начинает полностью обладать всей суммой и уровнем социальных связей и отношений, свойственных данному обществу, означает, что она стала полновластным субъектом и объектом общественного движения и тем самым отрицает сама себя как молодежь.

6. С понятием «молодежь» сегодня в прямой зависимой связи находится понятие «будущее». Но это происходит лишь на уровне понятий и представлений, а не реальной практики и политики. В действительном отношении к молодежи современное общество застряло где-то в Средневековье, когда общество в силу своей невежественности не связывало с молодежью представлений о будущем, ибо оно считалось подверженным судьбе, року, богу, но не людям. Эпохи Возрождения и Просвещения изменили представления о молодежи. Вместе с этим

изменилось и положение детей и молодежи в обществе. Но забота общества о них была омрачена начетничеством, назиданием, жестокой дисциплиной и суровым наказанием. В общественном сознании властвовал патернализм.

В новой истории общество сделало немало шагов навстречу молодым. Молодежь и будущее начали ставиться в прямую зависимость. Фраза «Молодежь — это будущее» стала расхожей. В конце 70-х — начале 80-х годов появились глобальные программы «Япония XXI века», доклады комиссии В. Брандта «Интерфьюче» (Германия), доклад правительства США «Глобальный 2000 год» и многие другие. Все они связывают будущее с переменами в политике, экономике, технике, отношении к окружающей среде и т. п., т. е. с процессами, социальной деятельностью. И практически никто не рассматривает будущее через призму **носителя** этих процессов и этой деятельности — молодежи. Словесное отождествление понятий «молодежь» и «будущее» создало психологическую ловушку: патерналистски мыслящие политики и государственные деятели решение проблем молодежи все время откладывают на будущее, а завтра переносят на послезавтра. В итоге молодежные проблемы не решаются, а накапливаются и обостряются.

Человеческое общество, если оно действительно хочет выжить и прогрессировать, должно кардинально изменить свой подход к суждениям о будущем. В центре его внимания должны быть не абстрактные процессы и тенденции, пролонгированные из настоящего в завтрашний день, а **человек**, который является первопричиной, началом и концом всех социальных, а ныне и многих природных процессов и явлений. Человек опять-таки не абстрактный, а реальный, живой. И прежде всего человек молодой, как человек **уже** действующий, производящий, уже влияющий на жизнь и общество, но еще находящийся на первых стадиях жизни, еще имеющий значительный потенциал неразвитых и неиспользованных способностей и талантов, большой запас будущих лет собственной жизни, необходимых для того, чтобы успеть реализовать себя и изменить общество.

Будущее нельзя понимать лишь как одно из трех названий Времени, как далекую, отвлеченную и неопределенную перспективу. Будущее становится близким, конкретным и во многом предсказуемым, если на него посмотреть через возрастную периодизацию жизни людей, населяющих конкретную страну или мир в целом. Стариков (уходящее поколение), как правило, **уже** постигла «социальная смерть». Воздействие конкретного старика на общественную жизнь, тем более на жизнь современного общества, как правило, не столь значительно и уменьшается от года к году. Дети (подрастающее поколение) в социальном смысле **еще** не родились, их «второе рождение» впереди, их удел — учеба и игра во взрослую жизнь.

Миром правят зрелые (взрослые) люди — уже не молодежь, еще не старики. И (отчасти) — молодежь, т. е. такое человеческое поколение, которое обладает верхней возрастной границей, лежащей ниже всех возрастных границ других поколений, то есть последнее по происхождению поколение, которое выступает ближайшим и непосредственным **наследником** истории, духовных и материальных ценностей, выработанных всеми предшествующими поколениями.

Молодежь — это живое, реальное и ближайшее будущее. Ибо именно молодежь идет на смену зрелой (взрослой) части реально властвующей, действующей и производящей части населения, определяющей сущность и содержание конкретного общества. Молодежь несет с собой идеи, взгляды, мораль и нравственность, формы и методы материально-производственной и общественной деятельности, которые далеко не всегда и далеко не полностью совпадают с позициями предшественников. Между тем именно они во многом, а иногда — в основном и будут определять содержание и характер завтрашнего общества. И потому говорим: «Какова молодежь, таково и будущее». Как стоящие у власти старшие поколения относятся к молодежи сегодня, так завтра, получив по законам наследования в свои руки рычаги власти, вчерашняя молодежь отнесется к своим предшественникам. Заботиться о молодежи и ладить с ней сегодня — значит кредитовать свое будущее, свою старость.

Момент истории таков, что накопление общественного богатства сегодня уже происходит не в капитале, а по преимуществу в человеке. Таков императив НТР и современной экономики, обозначившийся еще в начале XX в. Не земля, не машины и оборудование, а человек — работник — вот главное поле современных инвестиций. Не компьютер и лазер, а человек, создающий компьютеры и лазеры, — вот подлинный символ нашей эпохи. Общество, вкладывающее деньги в молодежь (в ее образование, обучение, воспитание, быт, культуру, здоровье и т. д.), инвестирует свое будущее и свой прогресс.

7. **Молодежь — объект комплексных, междисциплинарных исследований** и, следовательно, обладает множественностью предметов, которые лишь в совокупности могут дать достаточно достоверную картину об объекте в целом.

Таким образом, возможность создания единой концепции молодежи кажется нам реальной. Идти в сторону создания интегративной, общей и единой для мира концепции молодежи, основанной на знании всеобщих характеристик молодежи, необходимо. Такая концепция будет способствовать развитию комплексной науки о молодежи — **ювенологии, аналогичной по своей функции геронтологии**. Вероятно, она способствовала бы лучшему пониманию различного рода международными организациями и правительствами существа

молодежи, а также ее проблем и степени воздействия на будущее человечества.

Концепция молодежи в развернутом виде представляет собой комплексную, междисциплинарную и весьма сложную систему идей и взглядов, ибо является предметом не только философии, но и многих наук: психологии, медицины, физиологии, юриспруденции, педагогики, социологии, демографии, антропологии. Разумеется, обновленная концепция молодежи, тем более новая философия возраста не могут быть созданы в один момент одним человеком в одной работе. Решение этой задачи потребует усилий многих умов и значительного времени. Но уже сегодня нас должны интересовать те выводы, которые имеют практически-политическое, прикладное значение, то есть позволяют строить реальную политику в отношении этой категории населения. И прежде всего это вопросы о границах молодежного возраста и о единой системе статистических и социальных показателей, позволяющих оценивать и сравнивать сложные явления в молодежной среде, «замерять» роль и воздействие молодежи на общественные процессы.

2. Возрастные границы понятия «молодежь»

На разработку новой концепции молодежи уйдут долгие годы. Но для начала разработки единой концепции молодежи важно прийти к согласию в вопросе о возрастных параметрах понятия «молодежь». Это необходимо и во многих других практических смыслах, в частности для того чтобы точнее оценивать в каждой стране удельный вес экономически активного населения, объем трудовых ресурсов; количество населения, на которое распространяются особые законы, в том числе так называемые молодежные льготы, надбавки, кредиты; определить массу труда, которую должны вложить «в молодежь» учителя, преподаватели, социальные работники и т. п.; прогнозировать семейную политику и т. п. Возрастные границы предопределяют масштаб программ и планов молодежной политики, денежных и материально-технических средств для реализации этой политики. Исходя из количества молодежи в стране, оценивается творческий, инновационный потенциал, который она несет в себе. Возраст также является показателем эмпирического исследования. Границы возраста очерчивают объект науки «ювенология».

Молодежь — понятие историческое. Поэтому в разное время — разное понятие возрастных рамок молодежи.

На ранней стадии развития человечества понятие «молодежь» отсутствовало. Продолжительность жизни в первобытном обществе составляла 19–21 год. В Древнем Риме человек в среднем жил около 27 лет. В первой половине XIX в. в Англии 12-летний ребенок являл-

ся практически взрослым человеком: к нему применялись все основные пункты законов о труде. Еще в конце XIX в. средняя продолжительность жизни в России составляла всего 48 лет.

Одним словом, человек быстро переходил из детства в фазу зрелого возраста. С малых лет дети были вовлечены в трудовой процесс. Примитивный характер труда не требовал специального и длительного обучения. Младшие овладевали трудовыми навыками непосредственно в ходе труда, учась у старших, путем перенимания их опыта и навыков. Таким образом, общество состояло как бы всего из двух поколений, между которыми не было никаких возрастных разрывов.

По мере улучшения социальных и материальных условий увеличивалась продолжительность жизни людей. Развивалась промышленность, усложнялись все сферы общественной жизни, производство и трудовой процесс. Труд стал требовать определенной, весьма высокой умственной и физической зрелости, специальных профессиональных знаний и навыков, которыми по многим причинам стало невозможно овладеть непосредственно в процессе производства. Необходимо стало обучение в общей школе и специальных учебных заведениях, которое стало занимать длительный и все увеличивающийся отрезок времени в жизни каждого человека. Между детством и зрелостью возник и начал увеличиваться довольно значительный возрастной промежуток, именуемый **молодостью**, **молодежным возрастом**.

Уже сказанное свидетельствует о том, что нижняя и верхняя границы молодежного возраста подвижны и зависят прежде всего от уровня социально-экономического развития той или иной страны, а также от политических обстоятельств, этнических особенностей, национальных традиций конкретной страны, конкретного общества. Заметно варьируются в различных регионах и различных странах мира, например, возраст половой зрелости и вступления в брак, возраст официального и нетрадиционного образования, возраст вступления в трудовую и политическую деятельность и т. п. Эти различия порой заметны даже в пределах одной страны, например в различных регионах России. Одним словом, понятие «молодежь» — не постоянное, а изменяющееся; на каждой стадии истории человечества и конкретного общества оно иное. Между возрастной периодизацией и историческими изменениями системы обучения и воспитания, воздействием молодежи на общественные процессы существует внутренняя взаимосвязь.

Молодежь — понятие **конкретно**-историческое, зависящее от характера и уровня развития конкретного общества. Определенного раз и на все времена, всеми приемлемого понятия «молодежь» в мире никогда не было, нет и быть не может. Когда мы говорим о согласии ис-

следователей и политиков по поводу возрастных рамок понятия «молодежь», то имеем в виду нынешний этап развития человечества. Хотя вероятней всего более приемлемым будет региональный подход или какой-то иной. Как и все научные понятия, понятие «молодежь» относительно, имеет конкретно-историческое содержание и подлежит периодическому пересмотру.

Следует различать понятия «молодость» и «молодежь». Природа молодости — в природе отдельного человека и его психофизическом развитии. Природа молодежи — в природе особой общественной группы и ее социальном развитии. Молодость — это биологический, психический, социальный процесс. Взяв группу молодых людей и изучив их с разных сторон, обнаружим очевидную разницу в уровнях их биологической (телесной, половой, физической), психической (интеллект, эмоционально-волевой потенциал, характер) и социальной (образованность, осознание времени, смысла и целей жизни, своих прав и обязанностей, разные виды социальной активности и т. п.) зрелости. Именно поэтому разные науки используют понятие «молодость» и «молодежь» в отличающихся, порой совершенно не сходящихся значениях.

Медицина трактует «молодость» как период физического развития личности, в течение которого подросток приобретает черты взрослого человека. Понятие «молодежь» в медицине лишено всякого социального смысла, так как врачу необходимо знать одно — соответствует ли его пациент установленным медицинским нормам и как велики отклонения от них. Антрополого-медицинское определение, например юности как одной из стадий молодости, сводится к тому, что это период физического и психического созревания от 10 до 20 лет, который начинается с появления вторичных половых признаков и кончается завершением роста костей.

Биология рассматривает молодость как стадию полового созревания, с наступлением которой человек может вступать в сексуальные отношения и участвовать в биологическом воспроизводстве общества.

Психология квалифицирует молодость как определенный период жизни индивида. Все люди в своем развитии проходят через определенные этапы, которые следуют друг за другом в закономерной последовательности. Каждый этап характеризуется спецификой поведения человека. Эти этапы в психологии называют фазами (теория фазового развития).

Психический процесс характеризуется неустойчивостью ценностных установок сознания и поведения индивида. При психическом подходе в качестве отправной точки рассмотрения понятия «молодость» принимается жизненный путь **отдельного** человека, отдельные

этапы развития индивида, которые характеризуются особыми признаками и формами поведения. В итоге получается, что каждый человек имеет «свою» молодость, «свои» возрастные границы созревания. При **одинаковом** количестве прожитых календарных **лет** человек находится на **разных** этапах зрелости его ума, мышления, характера, воли. Один по своим психофизическим качествам в 15 лет может быть признан зрелым, другой и в 25 лет фактически находится в стадии ранней юности или в подростках.

Социологические исследования образа жизни молодежи в различных странах мира позволяют сделать вывод, что периодизация (цикличность) молодежного возраста не зависит от границ между странами и существует повсеместно. Возрастные детерминанты, биологические особенности индивидов распространяются на молодежь как на особую общность в основном одинаково. Если темпы социального созревания молодых людей зависят от условий жизни общества, гражданских прав и обязанностей, которые определяются законами и правовыми нормами, то формы биологического и физического развития, а тем более психической зрелости регулированию со стороны практически не поддаются, они — плод работы души и ума индивида, итог самовоспитания, потому чрезвычайно разнообразны.

Все это дает основание некоторым исследователям полагать, что молодежь — это всего лишь «определенный возраст, характеризующийся биологическими и психологическими отношениями, а вследствие этого и всеми особенностями возрастного класса» (Ф. Тенбрук). Согласно такому подходу вся молодежь как особый «класс» независимо от ее социальной принадлежности якобы противостоит всему «обществу взрослых». «Молодежь — особый класс» — постулат многих социологов. При этом само понятие «класс» раскрывается по-разному. Для одних — это «возрастной класс», для других — это «класс в рамках сообщества управляющих», для третьих — «класс эксплуатируемых». Соответственно этому выделяется особая «субкультура» молодежи, которая рассматривается как интернациональная и внеклассовая, присущая всей молодежи независимо от классовой и национальной принадлежности.

Однако вряд ли правильно биологическое и психическое отрывать от социального, абсолютизировать биологический аспект.

Социальная и психическая зрелость взаимосвязаны. Тот или иной возрастной интервал, фиксируя определенную ступень индивидуального развития молодого человека, биопсихической зрелости личности, в то же самое время отражает и определенное социальное положение, характерное не только для данной личности, но и для данной возрастной группы в целом. Чтобы вступить, например, в брак, получить паспорт, право участвовать в выборах и т. п., надо достичь опре-

деленного возраста. Приобретение же тех или иных прав, обязанностей, социальных функций (ролей) способствует возвышению самосознания, уровня притязаний молодого человека. Возраст человека можно считать показателем его социального развития по мере насыщения его конкретным содержанием.

Юриспруденция стремится к определению точной границы между полной и неполной мерой ответственности человека перед законом. Здесь возраст выступает в качестве условия, уменьшающего вину. В уголовном кодексе каждой страны существуют статьи и пункты, согласно которым наказание несовершеннолетних и подростков (от 14 до 18 лет) намного ниже, чем для совершеннолетних граждан.

Социология предлагает рассматривать молодежь как часть общества и, следовательно, изучать ее в контексте социальной структуры, во взаимосвязи, взаимозависимости, взаимодействии со всеми общественными процессами: в статике (состояние, социальное положение в данный исторический момент), в динамике (биологическое, психическое, социальное развитие во времени, в ходе истории, в сравнении с прошлыми молодыми поколениями). При этом изучаются условия для духовного развития, учебы, труда, быта, отдыха, досуга, социального продвижения молодежи и т. п., а также стимулы для ее саморазвития.

В дискуссиях по поводу возрастных границ понятия «молодежь» в различных странах обычно апеллируют к позиции Организации Объединенных Наций как наднациональной и надгосударственной структуры, которая рассматривает границы молодежного возраста в интервале от 15 до 24 лет, полагая, что эти пределы молодежного возраста имеют определяющее значение. В значительной мере это так и есть.

Однако надо иметь в виду, что концепция молодежи ООН возникла в конце 60-х годов после известных «молодежных революций», потрясших ряд стран Западной Европы и Северную Америку. До этого ООН совершенно не обращала внимания на молодежь. Именно эти «революции» заставили правительства многих стран и международные организации обратить внимание на феномен молодежи, задуматься о месте и роли молодежи как факторе социальных перемен (участие, развитие, мир), о необходимости проведения во всех национальных государствах особой молодежной политики и ее координации в мировом масштабе. Впервые в 1968 г. на 15-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО был представлен исчерпывающий доклад о молодежи, который отражал определенный взгляд на молодежь, обусловленный не только ее общетеоретическим пониманием, но также реалиями исторического момента. Возрастные рамки 15–24 года в конце 60-х годов имели во многом не столько научное,

сколько политическое обоснование: основной и наиболее агрессивной массой участников стихийных бунтов молодежи того времени были в основном учащиеся, студенты и их ровесники из среднего класса. Понятия «студент» и «учащийся» в ту пору ассоциировались с понятиями «радикал» и «бунтарь», а понятие «молодежь» напрямую связывалось со студенческим возрастом.

Но уже и тогда по поводу нижней и верхней границ возрастного понятия «молодежь» шли острые дискуссии. Как принято в таких случаях в науке, проблема была решена методом конвенции (договора): большинство исследователей и практиков согласились с нижней возрастной границей в 15 лет, хотя имелось немало оснований против такого решения. За верхнюю возрастную планку приняли возраст 24 года, хотя у такого подхода были серьезные контраргументы, которые мы сейчас опускаем. Таким образом, нижняя возрастная граница была сознательно завышена, а верхняя — занижена. Иными словами, вопрос был решен не научно, а политически.

Такое возможно и объяснимо. Ведь чем шире интервал между нижней и верхней возрастными рамками, тем большее количество населения попадает в разряд «молодежи», тем большие суммы средств должно выделять государство из своего бюджета на кредиты и разные льготы, особые мероприятия, которые укладываются в понятие «молодежная политика», тем дороже обходится молодежь для общества. Нехватка денег, финансовый императив и заставляют научную проблему решать волевым, политическим образом: молодежи в обществе должно быть столько, сколько есть у государства денег для того, чтобы молодежная политика была реальной, а не фиктивной, чтобы намеченные планы можно было выполнить. Наука — наукой, а политика — политикой. Такой подход нельзя понять «в общем», но он вполне объясним «в частности».

Такой компромиссный, усредненный подход ООН был оправдан и потому, что давал возможность привести теоретические разногласия по этому поводу к общему знаменателю с тем, чтобы начать скоординированные практические действия стран — участниц ООН в оценке положения дел в молодежной среде, организации исследований молодежи, реализации общих программ и планов молодежной политики.

Однако по прошествии времени жизнь показала не только достоинства, но ограниченность и слабость этой концепции молодежи. В рамках международного научного сообщества уже давно ведутся дискуссии о том, что рамки, казалось бы, утвердившейся в ООН периодизации понятия «молодежь» должны быть значительно расширены — от 13–14 лет до 30–35 лет.

Тот факт, что возрастные рамки существующего понятия «молодежь» охватывают границы 15–24 года, означает, что в категорию

«молодежь» в таком случае попадает главным образом учащаяся, студенческая молодежь и гораздо меньшая часть их сверстников из рабочей и сельской среды. Вследствие этого понятие «молодежь» обретает весьма ущербный, во многом маргинальный смысл. Учащиеся и студенты — это еще не закрепленные в социальной структуре возрастные группы, полностью зависимые экономически, наиболее несамостоятельные в вопросах самоуправления. Молодые рабочие, сельские работники этого возраста, выпускники университетов и других учебных заведений лишь начинают свой трудовой путь, стоят последними в очереди приема на работу и первыми — на увольнение. Многие в этом возрасте являются безработными. Эти и подобные обстоятельства делают акцент в основном на демографическом, возрастном подходе к молодежи как части населения, что ставит ее практически в полностью зависимое от «взрослого» общества положение, усиливает ее статус «подчиненного», «должника», «помощника», «резерва», т. е. главным образом объекта воздействия, помощи, опеки. Наоборот, старшие поколения оказываются в командной позиции, следствием которой является политика торжествующего патернализма, стратегия и тактика «дарующего» государства. Молодежная политика в таком случае строится в главном и основном на патерналистском тезисе «помощи и заботе» о молодежи.

Патернализм, даже жесткий, имеет свои основания на ранних стадиях социально-экономического и культурного развития общества, при тоталитарных режимах власти. Но он становится тормозом прогресса в развивающемся, демократизирующемся, тем более развитом, демократическом обществе, если оно является или хочет быть таковым не на словах, а на деле. Ибо патернализм принижает роль молодежи, парализует ее активность, более того — унижает молодежь. Кроме того (очередной парадокс общественного развития!), тезис «помощи и заботы» о молодежи на самом деле можно реализовать только в условиях экономического благополучия. Только в таких условиях государство может позволить реально «помогать» молодежи в обустройстве ее жизни, «заботиться» об удовлетворении ее социальных нужд и интересов, расходовать на молодежную политику значительные средства. Концепция патернализма оказывается мертвой и в конце концов сводится к системе запретов в поведении и деятельности молодежи, если страна бедна или находится в экономическом кризисе, что происходит сейчас во многих, в том числе развитых странах, не говоря о развивающихся и тех, что находятся в стадии постсоциалистической трансформации.

При определении возрастных границ понятия «молодежь» в качестве исходного следует, на наш взгляд, принять широко распространенное мнение, в соответствии с которым началом молодости (кон-

цом детства) считается момент, когда в организме человека завершаются физиологические и психические процессы, связанные с половой зрелостью (интервал от 12 до 16 лет), а также ряд социальных обстоятельств; а концом молодости — момент, когда молодой человек полностью вступает в положение взрослого, чему также соответствует ряд условий.

Нижняя граница молодежного возраста чаще всего связывается исследователями с половым созреванием, окончанием общеобразовательной школы, началом профессионального обучения. Исторически сложилось так, что эта граница, например в России определена 15-летним возрастом. На этом возрасте строится российская государственная статистика. Исходя из данных биологии, медицины, психологии, демографии и социологии аргументов в пользу данной точки зрения вполне достаточно. Но и в России по этому поводу давно идут дискуссии. По мнению многих ученых, эта граница должна быть понижена. Материальная нужда уже гонит тысячи и тысячи 12–14-летних людей идти работать, означая тем самым их ранний переход в разряд молодежи. Такова же ныне и мировая тенденция. По данным Международной организации труда (МОТ), в развивающихся странах работают 52 млн детей моложе 15 лет. Немало экономически активных несовершеннолетних и в развитых капиталистических странах. Еще в начале 80-х годов в развитых странах почти 55 млн детей в возрасте до 16 лет вынуждены были работать.

Анализ демографической ситуации свидетельствует, что в последующие десятилетия количество молодежи в мире сократится. В некоторых регионах и странах будет не хватать людей, вступивших в пору зрелости. Это вынудит многие страны пересмотреть границы зрелости в сторону понижения. В трудовой процесс будут включены те, кто по нынешним понятиям не может во всей полноте пользоваться юридическими правами и выполнять обязанности трудящегося человека, иметь статус рабочего.

На наш взгляд, в силу вышеназванных реальных демографических и социально-экономических процессов в различных регионах мира для дискуссий с целью дальнейшего более серьезного обоснования можно было бы определить нижнюю границу молодежного возраста в 13–14 лет.

Весьма сложным является вопрос об определении **верхней возрастной границы** понятия «молодежь». Принято считать, что концом молодости, то есть моментом, когда молодой человек полностью вступает в положение взрослого, являются, по крайней мере, четыре важнейших условия: а) экономической независимости, т. е. ответственности за приобретение необходимых для собственного осуществления средств и способности создавать их; б) личной самостоятельно-

сти, т. е. способности принимать решения, касающиеся себя, во всех сферах существования, без чужой опеки, без каких-либо ограничений, кроме необходимых для сосуществования в обществе; в) самостоятельного распоряжения средствами, которыми располагает для существования, независимо от их происхождения; г) создания собственного очага, независимого от родительского, принятия ответственности за его поддержание и управление. Каждое из этих четырех условий является необходимым, но только все вместе взятые они являются достаточными, чтобы признать, что человек перестал относиться к категории «молодежь».

Практика показывает, что некоторые из этих условий по отдельности достигаются порой в довольно раннем возрасте. Например, молодые люди обзаводятся семьей в основном в 22–23 года. Но человек не считается взрослым в полном смысле слова, если он не создал свою семью. Это правило действует в Латиноамериканском, Африканском и Азиатском регионах, а также (хотя не в столь категоричной форме) в ряде других.

Однако экономическую, личную самостоятельность, в зависимости от особых, в частности национальных условий, многие молодые люди (скажем, в регионах Азии и Африки) получают гораздо позже.

Во многих странах (как развитых, так и развивающихся) вступление в брак и обзаведение потомством крайне затруднено, если хотя бы один из молодых супругов не обеспечен гарантированным рабочим местом. Даже образованный человек в возрасте 30–35 лет, зависящий от родителей вследствие безработицы, во всех странах не может считаться взрослым, ибо он, по сути, хоть и вынужденно — иждивенец. Это же относится к безработной городской и сельской молодежи, вынужденной вновь вернуться к материальной зависимости от родителей как в развитых, так и в развивающихся странах. Именно поэтому еще в начале 80-х годов многие участники региональных конференций ЮНЕСКО по вопросам молодежи сошлись в мнении, что верхнюю границу понятия «молодежь» (в зависимости от национальных условий) следует поднять до 30–35 лет. В большинстве европейских стран, в том числе в России, а также в США, Японии верхняя граница понятия «молодежь» определена в 30 лет. Однако в большинстве стран эта граница ниже.

Для серьезного обоснования верхней возрастной границы понятия «молодежь» требуются репрезентативные эмпирические данные о возрасте приобретения массой молодых людей устойчивого статуса в сфере профессионально-трудовой, общественно-политической, семейно-бытовой жизнедеятельности и т. п., которые до настоящего времени являются неполными. В свое время (1986 г.) в СССР было

проведено исследование (М. Титма, Э. Саар), которое прояснило ситуацию. По мнению этих исследователей, верхней границей молодежного возраста является возраст 26–28 лет.

Процесс приобретения устойчивого положения в социально-поселен-ческой структуре свидетельствует, что возраст от 23 до 28 лет — это период стабилизации места жительства всех представителей молодежной когорты. После этого (в те годы, но не сейчас!) миграция становилась исключением и можно было практически полностью предсказать дальнейшее место жительства членов когорты. Однако стабилизация социального положения в поселенческой структуре, как и в социально-профессиональной, не завершается после выбора места жительства, поскольку включает еще и процесс адаптации к новой социально-поселенческой среде, который в среднем продолжается 3–5 лет. Таким образом, устойчивый социально-поселенческий статус индивиды приобретают к 28–30-летнему возрасту. Примерно к этому возрасту юноши и девушки приобретают и соответствующий семейный статус, осваивают семейные роли. К 27–29 годам жизни завершается процесс брачной социализации. Однако если учитывать, что семья в полном смысле этого слова включает помимо родителей еще и детей, то процесс семейно-брачной социализации завершается к 29–30 годам.

Таким образом, можно сделать вывод, что по всем категориям приобретения устойчивого социального статуса верхнюю границу молодежного возраста можно определить между 29–30 годами жизни.

В результате беглого рассмотрения проблемы можно прийти к заключению об общем понятии «молодежь» в конце XX — начале XXI столетия. Молодежь — это социально-демографическая группа общества, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим обстоятельством социально-психологических свойств, которые определяются уровнем социально-экономического и культурного развития, особенностями социализации в данном обществе. Современные возрастные границы понятия «молодежь» лежат в интервале от 13–14 лет до 29–30 лет. Этим выводом мы и будем руководствоваться на протяжении рассуждений в данной книге.

3. Система индикаторов социального развития молодежи

Единого международного определения социальных индикаторов молодежи не существует, хотя они необходимы для того, чтобы помочь описать общее и особенное положение молодежи планеты в общей массе населения, выявить определяющие тенденции конкретного исторического периода в отдельной стране, регионе, на междуна-

родном уровне. Выявление оптимальных молодежных индикаторов имеет большое значение для разработки и осуществления молодежной политики.

По мнению ряда ученых, многие социальные программы непосредственно измеримы, и отбор показателей, определяющих степень участия в них молодежи, не является проблемой. Социальные индикаторы тесно связаны с динамикой развития общества и должны в полной мере отражать эту динамику. Часто общественные процессы не могут быть оценены количественно, роль молодежи в их осуществлении не может быть измерена, поскольку отсутствует инструмент, которым можно было бы сделать такое измерение.

Обычно исследователи-социологи из всей суммы индикаторов молодежи выбирают те, которые отвечают целям их исследований. Однако детальные индикаторы конкретных исследований не способствуют созданию универсальной системы оценок, позволяющих провести общий сравнительный анализ или суммировать результаты для получения комплексной картины о положении молодежи в масштабах отдельной страны или региона. При отсутствии универсальной системы индикаторов трудно оценивать изменения в социальном положении молодежи.

Хотя положение молодежи в различных странах и регионах мира неодинаково, тем не менее существует возможность отбора единых индикаторов. В основу классификации индикаторов молодежи могли бы лечь приоритеты, выявленные системой ООН в ходе подготовки и проведения Международного года молодежи (1985). Они, в частности, включают: вовлечение молодежи в развитие на национальном и международном уровнях путем мобилизации всех имеющихся ресурсов; расширение возможностей трудоустройства путем разработки эффективных программ, политики и планов по снижению безработицы среди молодежи и устранению дискриминационных условий в области трудоустройства молодежи; создание инфраструктуры, которая позволит всем молодым людям пользоваться правом на образование и обеспечит доступ к образованию на любом уровне и профессионально-техническому обучению, прежде всего для молодежи сельских районов; привлечение внимания к проблемам и роли молодых женщин в процессе развития; развитие и содействие межсекторальной деятельности в рамках общины (обеспечение медицинского обслуживания, питания, просвещения по вопросам семейной жизни; регулирование размеров семьи); создание необходимой культурной среды, которая содействовала бы участию молодежи в процессе развития; поддержку усилий национальных, региональных и международных молодежных организаций в их деятельности в области развития; стимулирование интереса молодежи и содействие ее участию

в сохранении мира, безопасности и сотрудничества, мирном решении международных конфликтов; содействие обмену представителями молодежи и сотрудничеству молодежи на национальном, региональном и международном уровнях.

Система индикаторов позволяет исследователю разобраться в проблемах молодежи, оценить степень ее социализации, роль и место в обществе. При этом должны учитываться факторы демографические, социально-экономические, этнические и др.

При отборе системы индикаторов следует принимать во внимание факторы, отражающие все многообразие категорий и социальных групп молодежи: различия по регионам, странам, географическим районам, различия между селом и городом, между мужчинами и женщинами, между коренной и мигрирующей молодежью и т. д.

В 1985 г. в связи с Международным годом молодежи статистический отдел Организации Объединенных Наций впервые подготовил сборник о молодежи мира, в котором содержится 40 статистических индикаторов по отдельным странам.

Вместе с тем необходимо отметить, что используемые в ООН индикаторы молодежи не в полной мере позволяют раскрыть социально-экономические проблемы и проблемы социализации молодежи развитых и развивающихся стран, не отражают положения маргинальных групп молодежи (мигрантов, этнических меньшинств, безработных, бездомных, молодых людей, ставших на путь наркомании, преступности и т. д.).

Отсутствие методологии, позволяющей проводить диалектический анализ и оценку положения молодежи в мире, ведет к тому, что статистические данные и таблицы, публикуемые в ООН, содержат в основном демографическую информацию и недостаточно привлекают внимание общественности к реальным нуждам и запросам молодежи, ее роли и месту в обществе. Индикаторы, свидетельствующие об участии молодежи в развитии, в политической жизни общества, в частности в управлении государственными и общественными организациями, показатели, отражающие озабоченность молодежи проблемами мира, разрядки, разоружения, данные об уровне международного сотрудничества и другте, могли бы составить комплексную и универсальную систему показателей молодого поколения планеты.

При разработке возможных направлений развития и классификации системы индикаторов молодежи представляется целесообразным учитывать следующие соображения: соотнесенность с демографическими и социальными проблемами и тенденциями общественного развития; степень и возможность их применения при оценке различных уровней социализации молодежи; взаимосвязь индикаторов с существующими социально-экономическими и политическими целями

данной общественной структуры; возможность сравнивать результаты на всех уровнях.

Оптимальная структура системы индикаторов молодежи представляется следующей:

1. **Положение** молодежи в сравнительных временных фазах:

— определение единого понятия «молодежь» для мирового сообщества;

— определение понятия «молодежь» для региона или отдельной страны.

1.1. Концепция молодежи (возрастные границы, социологическая характеристика, динамика изменений молодежи в процессе развития с учетом конкретных временных фаз и т. д.).

1.2. Демографическая статистика и демографические тенденции; оценка перспектив в молодежной демографии: общее количество, отношение к взрослому населению, возрастные группы 15–19 и 19–24 лет (по состоянию на сегодня), другие возрастные группы; динамика роста молодого населения: мужчины и женщины, городская и сельская молодежь; расовое распределение, этнические меньшинства, мигранты, беженцы, аборигены, другие группы коренного населения, рабочая молодежь, фермеры, сельскохозяйственные рабочие, студенты, учащиеся школ и средних технических учебных заведений, интеллигенция, служащие, другие категории молодежи.

1.3. Система обязательного образования: возрастные границы школьников и периоды обучения; доступ к образованию; частные среднеобразовательные учебные заведения; наличие кадров учителей и соотношение учителей и школьников; процент детей, охваченных системой среднего или начального образования; процент отсева учащихся из школ, основные причины отсева; система профессионально-технического образования: ученики на производстве и в системе учреждений и социальных служб; высшее образование: социальный состав студентов, стоимость высшего образования в государственных и частных учебных заведениях; стипендии студентам; трудоустройство выпускников школ и специалистов с высшим и средним образованием; охват молодежи в сельской местности всеми формами образования и обучения; неграмотность: функциональная неграмотность; степень демократизации образования; участие студентов в научных исследованиях; соответствие системы образования задачам национального развития.

1.4. Благосостояние молодежи: уровень распределения доходов; уровень зарплаты в сравнении с другими группами населения; положение маргинальных групп: женщин, этнических меньшинств, мигрантов, беженцев, инвалидов, бездомной молодежи и др.; благосостояние семьи: жилищные условия, наличие общежитий и домов для

молодежи, среднемесячная плата за них, наличие продуктов питания, голод, недоедание, нищета, болезни, социальные условия материнства, санитарные условия, медицинское обслуживание, злоупотребления наркотиками, алкоголизм; статистика преступности среди молодежи: основные причины преступности, преступность среди несовершеннолетних, проституция; другие социальные проблемы.

2. Молодежь **как субъект** в отношениях с обществом.

2.1. Концепция участия молодежи в жизни общества и ее социализации; формы участия, индикаторы, свидетельствующие о вкладе молодежи в развитие, молодежь как производительная сила, концепция возможностей молодежи в настоящем и будущем.

2.2. Экономическая роль молодежи: ее общее положение на рынке труда; занятость различных категорий молодежи; занятость среди маргинальных групп молодежи; возраст молодежи на рынке труда; неполная занятость; безработица: процент безработных среди маргинальных групп молодежи в сравнении с другими группами населения, подростки и дети на рынке труда; продолжительность рабочего дня, уровень зарплаты, условия производства; роль молодежи в деятельности профсоюзов;

— молодежь в органах национального и местного управления, политические права молодежи; молодые политические лидеры и их социальное происхождение; молодежные организации и объединения и их роль в управлении на всех уровнях; политическое образование молодежи и его формы, доступ к информации; женщины, расовые и этнические меньшинства, представляющие молодежь в органах управления;

— молодежь в науке: статистика о научных открытиях молодых; участие в научно-техническом творчестве; формы и средства стимулирования участия молодежи в научной деятельности и в научно-техническом творчестве; данные о клубах, центрах, кружках научно-технического творчества молодежи; молодежь в национальной культуре: доступ молодежи к историческим и культурным ценностям, данные о библиотеках, театрах, кинотеатрах, музеях, выставках, Дворцах и Домах культуры; наличие радио- и телепрограмм для молодежи, соотношение национальных и зарубежных культурных ценностей в программах для молодежи; массовая культура: диско-клубы и дискотеки, наличие самодеятельности и молодежных творческих групп;

— участие молодежи в массовом спорте: доступ в спортивные сооружения; стоимость спортинвентаря; обеспечение участия молодежи в массовом спорте; процент участия молодежи в спортивных соревнованиях на различных уровнях;

— участие молодежи в деятельности политических партий и молодежных организаций; правительственные и неправительственные мо-

лодежные организации; участие в международном молодежном сотрудничестве; существующие структуры молодежного и студенческого самоуправления.

2.3. Движение молодежи за мир, масштабы и размах движения, характеристика категорий молодежи, вовлеченных в движение за мир, цели и политическое содержание основных акций и кампаний в движении молодежи за мир, программы и акции солидарности молодежи, формы выражения солидарности, борьба молодежи за мир и средства массовой информации.

3. Молодежь **как объект** в отношениях с обществом.

3.1. Основные черты молодежной политики ООН и ЮНЕСКО, региональной и национальной политики в отношении молодежи, ее цели и задачи, пути и средства реализации этой политики.

3.2. Конституция и **права молодежи**, возрастной избирательный ценз для молодежи, законы и нормативные документы в области образования, охраны труда, здравоохранения, охраны материнства, обеспечения других социальных прав молодежи, нормативные документы, регулирующие отношения между государственными органами и общественными молодежными организациями, уголовное законодательство в области молодежи, перспективы в области законодательства в интересах молодежи.

3.3. Характеристика государственных органов и учреждений, занимающихся разработкой политики в области молодежи, обеспечение функционирования служб и учреждений для молодежи и с участием молодежи, наличие специальных программ и мероприятий государственных и общественных органов по обеспечению занятости молодежи, ликвидации безработицы, охраны труда, программы в области образования и профессионального обучения, специальные программы для сельской и городской молодежи, мероприятия по улучшению положения маргинальных групп, программы в области здравоохранения молодежи, условия социального страхования, страховые суммы, профессиональные болезни, мероприятия по охране здоровья молодых матерей, наличие системы детских дошкольных учреждений, санаториев и домов отдыха для молодежи, спортивно-оздоровительные мероприятия, программы по борьбе с алкоголизмом, наркоманией, курением среди молодежи и подростков.

3.4. Источники, формы и методы финансирования всех видов деятельности в интересах молодежи как на государственном, так и на частном уровнях, перспективы развития системы финансирования, возможные просьбы к международным организациям и отдельным странам в целях организации программ технической помощи для повышения жизненного уровня молодежи и создания условий для ее вовлечения в развитие.

Предлагаемые возможные направления развития и классификации индикаторов молодежи не являются исчерпывающими. Система отбора индикаторов может совершенствоваться. Однако ее общий характер не должен значительно изменяться в сторону увеличения или дальнейшей диверсификации, поскольку в этом случае она будет терять свою гибкость в применении и универсальность.

Система индикаторов молодежи позволяет увидеть тенденции развития молодежи и социальное положение в конкретных временных фазах, в исторической перспективе, получить более полное представление о месте и роли молодежи в обществе.

Из книги «Молодежь и молодежная политика».
М., 2001. С. 108–139

ИМПЕРАТИВ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Общие оценки, выводы, прогнозы многим порой кажутся скучными, ненужными, более того, сомнительными. Не без оснований. При обобщениях приходится отвлекаться от множества нюансов, особенностей, фактов, тем самым обеднять материал. В то же время без обобщений, без синтеза анализ и наука вообще становятся бессмысленными, неясной остается сущность вещей и явлений. Без предельных обобщений не понять, что же происходит в конце концов, не выработать идеологию и стратегию развития, программу действий.

Какие же общие выводы и прогнозы, на наш взгляд, можно сделать, базируясь на данных всех разделов книги?

1. **Демографическая ситуация.** Сокращение численности молодежи, как главное следствие описанных демографических процессов, имеет многочисленные социальные последствия, среди которых отметим, на наш взгляд, главное. Трансформирующееся общество особенно остро нуждается в новаторстве, в наращивании инновационного потенциала, который должен быть выше заряда традиционализма и консерватизма. Сокращение численности молодежи означает автоматическое «старение» общества и, как следствие, нарастание в нем объе-

ма консерватизма, который необходим и является благом до определенной меры и в определенных условиях. Перевес консерватизма над новаторством тормозит перемены и развитие, может их остановить и повернуть вспять. Ныне условия для консервации старого и без того благоприятны. Чем «глубже» прошлое, тем больше оно романтизируется. Чем хуже настоящее, тем привлекательнее вчерашний день. Откат в прошлое уже весьма заметен, в том числе среди молодежи, особенно старших возрастов. В принципе — откат в сторону прежних позиций и реакция противодействия переменам — закон любой революции, любой реформы. И чем глубже и основательней перемены, тем сильнее реакция. Во всех случаях жизни (и наш анализ это подтверждает) большинство молодежи — на стороне нового, перемен. Все дело — в пропорциях. В данном случае пропорция молодежи в составе населения сокращается. Наложение этого процесса на естественную нарастающую реакцию на реформы становится серьезным тормозящим фактором. Поскольку демографические процессы носят объективный характер и трудноуправляемы, разрешение данного противоречия может быть достигнуто только политически — реформаторы должны завоевать на свою сторону как можно больше молодежи.

2. **Здоровье и физическое развитие молодежи.** Страшно уже то, что среди молодежи так много больных. Но еще страшнее то, что ситуация ухудшается, что каждое новое поколение детей и молодежи менее здоровое, чем предыдущее; что эти все менее здоровые поколения вынуждены жить во все более ухудшающихся экологических условиях, а ныне — еще и при практически отсутствующей системе отдыха и оздоровления, разрушенной медицине. Без труда можно прогнозировать, что здоровье молодежи в ближайшие годы ухудшится. Но кто скажет, насколько значительным будет это ухудшение? Насколько глубоко и широко развернутся генетически необратимые процессы в организмах детей и молодежи? Как будут заботиться о своих матерях, отцах и дедах дети, которые уже сегодня почти так же больны, как их родители? Под угрозой самое дорогое — генофонд российской нации.

3. **Интеллектуальное развитие молодежи.** Сокращение численности молодежи, ухудшение ее физического и умственного здоровья означает, что интеллектуальные возможности снижаются «естественным» образом. Падение в ее глазах ценности умственного труда, образования, науки, знаний, отсталые формы и методы обучения в средней и высшей школе, переход множества молодых людей из сферы умственного труда в сферу практического бизнеса и коммерции, утечка умов и талантов за рубеж — явление противоестественное, но реальное. Вместе взятые, эти тенденции означают, что происходит интеллектуальное оскудение, умственное вырождение молодежи, а значит,

и всей российской нации. Инновационный потенциал молодежи падает, ее роль в развитии культуры, науки, научно-техническом прогрессе падает и в ближайшие годы снизится еще более.

4. **Экономический статус молодежи.** Экономический статус молодежи как важного элемента производительных сил общества, экономическое участие молодежи чрезвычайно низки. Гибнущая государственная экономика не в состоянии востребовать и использовать трудовой потенциал молодежи на разрушающемся производстве. В поисках стабильности (постоянной работы и постоянного заработка) большинство молодежи, несмотря ни на что, по традиции ориентируется на государственный сектор. Сегодня в экономической реформе участвует значительное меньшинство молодежи, состоящее из тонкого слоя различного рода предпринимателей (2,5%), а также тех, кто стремится к предпринимательству (около 20%). В то же время с огромным трудом нарождающееся новое производство способно занять лишь небольшую часть молодых работников. Быстро нарастает переход наиболее способных и квалифицированных рабочих и специалистов из государственного сектора в сферу частного предпринимательства. Большинство молодых людей все еще с недоверием относятся к возможностям капитализации экономики, рассматривают приватизацию как затею, выгодную прежде всего «верхушке» и мафиозным структурам.

Отношение молодежи к реформам может резко измениться к лучшему при первых ее успехах, ибо более, чем какая-либо иная группа общества, молодежь расположена к переменам объективно — в силу своей несвязанности с прошлым, нацеленности в будущее, жаждой самоутверждения и самореализации. Негативное отношение основной массы молодежи к экономической реформе в данный момент вряд ли следует истолковывать слишком расширительно, видеть в нем концентрацию отношения к смене исторической формы развития общества в целом. Быть может, не вполне отчетливо, но молодежь сознает и чувствует не только необходимость, но и неизбежность происходящих перемен, понимает, что обратного и иного варианта истории просто нет. Протест вызывает не столько экономическая реформа как таковая, а то, как она осуществляется.

Возможности экономического участия подавляющего большинства молодежи, ее роль в управлении производством практически сведены к нулю. Существование каких-либо кружков, советов, групп молодежи как форм участия в производственной жизни в условиях приватизации, распада сложившихся хозяйственных связей, сокращения численности работников и закрытия предприятий стало невозможным. Необходимо создавать новую модель участия молодежи в экономической жизни, предполагающую существование в обществе устой-

чивого политического консенсуса, в рамках которого взаимодействуют государство, производственные (и другие) предприятия и профсоюзы. Согласно законам в рамках этой модели каждая социальная или возрастная группа, исходя из своих интересов, могла бы участвовать в принятии финансовых, управленческих и других решений, включаясь в них на основе коллективных договоров о внутреннем разделении властей, прав и ответственности. Этот процесс должен носить формальный характер, строиться исключительно на основе юридических законов. Молодежь должна иметь в советах предприятий и различных органов государственной власти своих представителей.

Следствием этого и падения ценности труда в молодежной среде является нарастание социального пессимизма, трудовой пассивности. «Настоящая жизнь» для большинства молодежи начинается за проходной предприятий, ибо ее ориентации направлены прежде всего на отдых и развлечения. Преобладание торгового, «лавочного» бизнеса над производственным, отсутствие у молодежи интереса к сложным видам трудовой деятельности, нацеленность на быструю и легкую наживу, рэкет и высокий уровень криминогенности молодежного предпринимательства объясняются прежде всего искаженными ценностями и ориентациями в сфере труда. Никакие воспитательные, вербальные методы ситуацию не улучшат. Молодежь, как и весь народ, должна быть поставлена в такие объективные, жестокие материальные условия, когда бы для каждого, кто хочет «хорошо жить», никакого иного выбора, кроме интенсивного и качественного труда, не было.

5. **Социальный статус молодежи.** Былая относительная стабильность социальных позиций российской молодежи сегодня резко нарушена, ее социальный статус по всем пунктам быстро снижается, материально-бытовое положение обвально ухудшилось и ухудшается. Это вполне объяснимо, во многом неизбежно. Однако разрушительные и негативные тенденции зашли далеко за грань допустимого, в результате чего молодежь помимо своей воли оказывается в роли жертвы прошлого и заложника проводимых социально-политических и экономических реформ. Инновационный потенциал молодежи не востребован трансформирующимся обществом, ее репродуктивная функция реализуется крайне слабо.

Углубление экономического кризиса приведет к дальнейшему ухудшению социального положения молодежи. Общую картину ситуации в молодежной среде в ближайшей перспективе будет определять продолжение большинства названных тенденций: снижение занятости и рост безработицы, сокращение доходов и потребительских расходов, нарастание дивидентного поведения и преступности, серьезное обострение многих проблем в сфере здравоохранения, образования,

физического, интеллектуального, духовного и нравственного развития, досуга и отдыха и т. п. Положение молодежи не может быть улучшено, если эту задачу пытаться решить вне контекста общих проблем российского общества. Нынешний кризис носит не временный характер, он отражает тенденции, которые зародились в прошлом и продолжатся в будущем. Поэтому их решение может быть достигнуто лишь в общенациональном контексте, на долгосрочной основе, при полном осознании теснейшей взаимосвязи и взаимозависимости экономических реформ и социальной политики. По соображениям гуманности, а также чисто прагматическим, — для того чтобы большинство не было тормозом реформы, не выступало против нее, экономическая реформа должна быть подстрахована эффективной социальной политикой. Важным направлением государственной молодежной политики должен быть сильный блок мер социальной защиты молодежи. Вся система государственного образования и воспитания, средств массовой информации должна быть нацелена на подготовку молодежи к труду и жизни в новых социально-экономических условиях. Необходимо оказывать эффективное воздействие на формирование как отдельной личности, так и групп молодежи в возрастном, профессиональном, региональном, национальном и т. д. аспектах. Речь идет о создании системы общественного воспитания детей и молодежи, которая, разумеется, должна быть избавлена от груза тоталитарного наследия, основана на ценностях свободного демократического общества, рыночной экономики. «Молодежные» проблемы — это проблемы общественные уже сегодня. Завтра же, когда нынешняя молодежь естественным ходом времени будет выдвинута на главные позиции жизнедеятельности общества, эти проблемы, потеряв молодежный флер, проявятся как проблемы экономики, производства, управления, политики, духовного развития и культуры, т. е. проблемы общественные в их чистейшем виде.

6. **Политический статус молодежи.** Головы молодых людей сегодня заняты прежде всего тем, где и как найти заработок, купить пищу, одежду. При этом каждый вынужден рассчитывать только на самого себя, на своих близких, свою семью. Происходит атомизация, дезинтеграция общества. Нарастающая безработица обрекает молодежь на конкуренцию на рынке труда, в том числе среди сверстников. Существующие политические партии, молодежные организации, профсоюзы, большинство действующих политиков по разным причинам не пользуются доверием молодежи. Ожидавшегося взлета молодежного движения не произошло. Новые молодежные организации не имеют развитой организационной структуры, серьезной материальной и финансовой базы, крайне малочисленные, их вес в «большой политике», влияние в молодежной среде, роль в выработке молодежной полити-

ки мизерны. Молодежь используют в своих интересах враждующие между собой в основном карликовые партии. Иначе говоря, субъектность молодежи, а значит, ее роль в общественной жизни, политике, защите своих интересов не возросла, а еще более упала. Фактически молодежь с ее бедами и проблемами, которые даже в сравнении с недавним тоталитарным прошлым значительно обострились, брошена на произвол судьбы. Более того, молодежь оказалась в положении жертвы политических, сепаратистских, националистических амбиций. Именно она первой оказывается в эпицентре конфликтов, первой гибнет в многочисленных войнах. Однако в структуры власти ее по-прежнему не пускают. Количество молодежи в структурах представительной власти резко сократилось.

Выход России из кризиса невозможен иначе как через повышение роли политики в жизни общества, по крайней мере на начальном этапе реформ, который будет неизбежно долгим. России нужна новая — прозорливая, нравственно-насыщенная, эффективная политика, а это значит, ей нужны новые, сильные, профессиональные политики. Неизбежны смена политических поколений, отвод на задний план исчерпавших свой потенциал и изживших себя политиков и одновременно вывод на авансцену истории новых политических лидеров со своими «командами». Предстоит наладить обучение политике, главным в системе которого будет политическая практика.

Российское общество и его молодежь обречены еще долгое время жить в атмосфере политических страстей, ибо с успехами в политике во многом пока связаны успехи в экономике, социальной сфере, культуре и т. п. Новые поколения политиков возникнут из молодежной среды, а это значит, что молодые люди должны участвовать в политике, учиться ей с ранних лет, вырабатывать вкус к этой деятельности. Молодежь, которая в скором времени (смотри раздел о демографии) составит в России основную часть избирателей, должна быть соответствующим образом подготовлена к выборам, понимать, что демократия — еще не панацея от всех бед, а только лучший из всех способов управления обществом; что в выборах и голосовании еще нет никакой справедливости, истины; это лишь замена форм борьбы, способ избежать открытого кровопролития. Политическая неразборчивость избирателей в личностях может привести Россию к захвату политической власти только путем голосования, который отличается от вооруженного захвата лишь формой и методом.

Нынешнее российское общество должно исповедовать идею политизации общественной жизни, чтобы осуществлять серьезное общественное давление на государственную власть в пользу реформ через партии, политические движения и организации, в том числе и молодежные. Уход от политики означает раболепство перед властью, кото-

рое рождает произвол, в конце концов — тиранию. Вовлечение молодежи в политику — императив времени настоящего и будущего.

Политическая пассивность молодежи многими расценивается как показатель ее деполитизации и даже аполитичности. Между тем эта пассивность молодежи, по всей видимости, все-таки ложная; скорее всего это депрессия, реакция разочарования и усталости от неоправдавшихся ожиданий перестроечных замыслов и обещаний М. Горбачева, реформаторских уверений Б. Ельцина. Интерес к политике как таковой у молодежи весьма высок. На вопрос «Интересуетесь ли вы политикой?» в феврале 1993 г. 15,4% ответили «интересуюсь», 57,5% — «в какой-то мере интересуюсь» и 26,9% — «не интересуюсь». В конечном счете, если социально-экономическая ситуация и материальное положение молодежи будут ухудшаться, политическая любознательность, политический интерес перерастут в политическую активность, что приведет к участию молодежи в массовых движениях за экономические, политические и социальные права по широкому фронту. Ожидать, что молодые люди с безоговорочной покорностью будут переносить неоправдывающиеся ожидания и снижение жизненного уровня, не следует. Уже недалекое будущее может стать эрой молодежного движения в «чистом» виде. Осознание молодежью таких прав, как права на труд, семью, экономическую независимость, общественное уважение и самоуважение, может заслонить межличностную конкуренцию, привести к мысли о необходимости солидаризации, консолидации своих сил, усилению политизации существующих и созданию новых политических организаций и объединений для борьбы за эти права. Ситуация в молодежной среде уже является как никогда ранее взрывоопасной, потому что социальные проблемы затронули не какую-нибудь одну, а буквально все группы молодежи: школьников, студентов, рабочих, селян, инженеров и техников, солдат и офицеров. Молодежь может отказаться от традиционно-привычной роли ведомой силы, участника социальных конфликтов и перемен, к чему ее долго приучали, и занять в них инициативную, ведущую роль, стать, быть может, главным выразителем несбывшихся народных надежд, тревог и гнева. Прогнозировать, насколько реальна такая перспектива, конечно, трудно. Однако на вопрос: «Возможны ли выступления молодежи против властей?» в феврале 1993 г. только 16,4% ответили «невозможны». Более 21% из 1037 опрошенных молодых людей считают, что социальный взрыв возможен, 11,8% — что он неизбежен. Более того, 19,2% опрошенных готовы участвовать в таких выступлениях, поскольку «надежды на лучшее не осталось» (17,7%), «терпение кончилось, так дальше жить нельзя» (11,3%), «пора действовать и самим решать свою судьбу» (25,1%). Что может послужить поводом для социального взрыва моло-

дежи, сказать невозможно. Однако вероятность российского Тяньаньмэня реальна и высока.

7. **Настроения, ценности и ориентации российской молодежи.** Ухудшение экономического и социального положения молодежи привело к ухудшению настроений и психологической атмосферы в молодежной среде. Психологические исследования последних лет показали, что значительную часть молодежи характеризуют такие явления, как неспособность к самостоятельности, неуверенность в себе, высокая степень раздражительности, минимальные показатели социальной активности и т. п. В ценностной структуре молодежи, в ее сознании и поведении появляется все больше угрожающих нормальному функционированию личности элементов (криминализация, экстремизм, агрессивность и др.). Социальное самочувствие большинства молодых людей может быть описано в терминах «разочарование», «пессимизм», «неуверенность», «безнадежность», «растерянность», «апатия», «агрессивность», «злость», «экстремизм» и т. п. Опросы показывают высокую степень страха молодежи, которая увеличивается. Для многих молодых людей жизнь не имеет осмысленного значения. Увеличивается количество молодых людей, кончающих жизнь самоубийством. В перспективе эта тенденция усилится, особенно с увеличением безработицы.

Крах тоталитаризма повлек за собой ликвидацию прежних идеалов и ценностей («коммунизм», «марксизм-ленинизм», «социализм», «революция», «класс», «классовая борьба», «пролетарский интернационализм», «коммунистическая партия», «коммунистический союз молодежи» и т. д. и т. п.), составлявших часть сознания и внутреннего мира молодежи. Внешне легкий отказ от традиционных ценностей на деле обернулся для большинства молодых людей мучительной переоценкой ценностей. Потеряв всякое практическое значение, обретя негативный смысл, старые ценности не исчезли из сознания и повседневного словаря. Новые ценности («свобода», «демократия», «рыночная экономика», «равные возможности», «частная собственность», «правовое государство» и т. д. и т. п.) пока не поняты, не приняты многими прежде всего из-за того, что в своем практическом значении связаны главным образом с негативными явлениями, отрицательными чувствами и ощущениями («демократия» — это коррупция, «рынок» — это бедность, нищета и т. п.). В общественном сознании и особенно сознании индивида образовался духовный вакуум, следствием которого стали нарастание бездуховности, безнравственности. Ибо духовные и социальные ценности, нравственные правила — это система координат, ориентиры, которые определяют мотивы поступков, поведения, деятельности людей, смысловое поле их жизни.

Абсолютное большинство молодежи еще до конца не рассталось со многими «старыми» ценностями и далеко не освоило ценности «новые». Отсюда огромная эклектичность, противоречивость ценностного мира и поведения молодежи — как индивидуального, так и группового; отсюда пестрота мировоззренческих и политических установок; организаций и течений, непримиримость во взглядах, неспособность к компромиссу и согласию.

«Выветривание» старых ценностей и освоение новых займет относительно большой отрезок времени даже для той части молодежи, которая способна к саморазвитию, интенсивной работе ума и души. Для умственно и душевно ленивых молодых людей, тем более в условиях, когда отсутствует эффективная система образования и воспитания молодежи, когда духовные и нравственные ценности не «внедряются», как прежде, а осваиваются в основном естественно-стихийно, в основном избирательно, когда социальный и правовой контроль практически отсутствует, выработка духовно-нравственных установок, замещение старых ценностей новыми займут гораздо больше времени. Можно говорить о духовно-нравственной маргинализации молодежи, прогнозировать дальнейший рост бездуховности, безнравственности и аморальности в молодежной среде до той поры, пока не произойдут заметные перемены к лучшему в социально-экономической и политической жизни, т. е. пока ценности нового общества не наполнятся положительным смыслом, не будут признаны новыми поколениями как истинно-сущие ценности.

В целом анализ ценностного мира молодежи показывает, что ее некоторая часть уже прошла низшую точку шоковой стадии, состояние разочарования, растерянности, безверия. Часть молодых людей уже нашла духовную и нравственную опору в свободе и демократии как высших ценностях нового общества, центром мировоззрения которого является человеческая личность. Смысл своей жизни они видят в одновременном самоудовлетворении своих личных интересов и служении таким надличностным ценностям, как народ, Родина, наука, искусство и т. п. Слой этих людей среди молодежи, как и во «взрослом» обществе, пока чрезвычайно тонок, но он, несомненно, существует и будет увеличиваться. Важно сознавать, что количество людей, способных к самоудовлетворению и в то же время сознательно самонаправленных на служение сверхличным ценностям, не бывает слишком значительным и тем более не составляет большинства. Важно, чтобы этот слой возник, чтобы были условия для его роста, ибо это ведущий слой общества, состоящий из передовых людей всех слоев народа, который оказывает решающее влияние на его жизнь. В создании нового строя этот слой играет огромную роль. Молодежи, по сути дела, предстоит составить его основу. Между тем в ближайшие го-

ды в условиях создания рыночной экономики нужно ожидать резкого усиления коммерциализации, материализации, рационализации, прагматизации обыденного сознания молодежи, что будет увеличивать «ножницы» между материальными и духовными ценностями. Вульгарный материализм, исключающий понимание того, что материальное производство есть всего лишь материализация идей, будет подавлять духовные начала жизни, науки, искусства, тем самым уничтожая основы своего собственного развития. Роль противовеса этой тенденции, предотвращающую дальнейшую деформацию духовного и нравственного мира, призвана сыграть гуманитаризация образования и воспитания.

Брошенные на произвол судьбы, молодые люди ищут идеал самостоятельно. Для большинства смыслом жизни и самоцелью стали деньги, а идеалом будущего — Россия, в которой у людей много денег и много вещей. Объяснить такой взгляд на жизнь и общество в нынешней ситуации просто, но согласиться, что такое видение может быть идеалом российской истории, смыслом прогресса, конечно, нельзя. Как показывает история всех развитых стран (США, Японии, Германии, Франции), общество потребления характеризуется не только изобилием товаров и услуг, но также острым дефицитом духовности, нищетой нравов, скудностью культурных запросов, ставящих преграду темпам прогресса. Зачем идти по дороге, на которой другие потерпели духовно-нравственное поражение и которая тоже не ведет к храму?

Общественный идеал России не сложится быстро. Его нельзя выдумать и подарить обществу. Идеал российского общества сформируется в ходе его развития, исторического процесса, который есть результат действий свободной воли отдельных лиц и сообществ, свободно избирающих руководящие ценности личной жизни и общественного развития и воплощающих их в своем творчестве. Выход России из кризиса в решающей степени зависит от того, какая ценность будет преобладать, верховенствовать в жизни общества и, следовательно, каким будет общее направление исторического процесса; в зависимости от этого будут восприниматься и воплощаться остальные, в том числе индивидуальные, личные ценности.

Отказ от прежней государственной и общественной формы еще не дает гарантии правильного исторического выбора: каждая нация и каждый народ имеют свои особенности, которые, несмотря на общее направление в развитии человечества, определяют ей свой и особый путь в истории. Молодежь делает исторический выбор. Этот выбор должен быть свободен, иначе это не выбор. Но даже если выбор свободен, надо помнить, что сама свобода неабсолютна. Молодежь должна выбрать то, что должна выбрать. Плохо, если выбор бу-

дет случайным, тем более ошибочным. Должными являются лишь те цели, которые признаются обществом ценными. Система новых ценностей — вот камень преткновения российских реформ. Только то, во что действительно верят, что действительно ценят отдельный человек, народ, общество, только то они и превращают в действительность, в свою культуру.

Каждый народ, каждое общество имеют свою культуру ценностей, к которой они стремятся, которую «культивируют» и из которой вырастает их культура. Трагедия России состоит в том, что в основе жизни ее народа десятилетиями лежали ценности ложные, которые провозглашались истинными и высшими. Социализм мыслился как широчайший набор всевозможных средств действия без истинно-сущих целей культуры и моральных ограничений. Без ценностей, которым должны быть подчинены эти средства, а не верховенствовать над ними, не вытеснять, не подавлять и не заменять их. Это — Свобода, Справедливость, Солидарность. Это — Гуманизм, Добро, Счастье. Это — Личность, Народ, Нация. Это — Наука, Искусство, Литература. Это — Семья и Здоровье. Это — Культура. Это — Человек, который сократился в своих достоинствах в собственных глазах и должен быть возвышен. Это — Личность. Мало изменить внешние материальные и социальные условия жизни и развития человека, надо изменить внутренний строй личности. Реформы должны произойти не над людьми, не вокруг них, а прежде всего в самих людях. Нельзя освободить человека извне более, чем он свободен изнутри. Там, где плохая личность, там и плохое общество.

Высшей духовной установкой общества, из которой произрастает вся система ценностей, ведущая человека к высотам самоопределения и саморазвития, является Свобода. На постулате приоритета свободы как высшей ценности должна строиться вся иерархия и система ценностей российского демократического общества и человека новых молодых поколений.

Не следует рассчитывать, что российское общество легко и быстро выйдет из духовного и нравственного кризиса. Формирование «нового» человека с помощью мощной системы образования и воспитания, подавления всякого инакомыслия с помощью крайних насильственных методов происходило около 80 лет, т. е. на протяжении жизни почти трех поколений. Идеалы и ценности прежнего общества вошли в сознание всех ныне живущих людей весьма основательно и глубоко. Быстро, разом заменить эти «старые» ценности на «новые» невозможно. Новое общество может только вырасти в ходе исторически последовательной смены поколений, каждое из которых будет постепенно избавляться от груза мешающих прогрессу идей, взглядов, ценностей, форм и методов деятельности, устаревшего опыта. На это уйдет жизнь

не одного поколения. В математический расчет действительно необходимого на это времени, если бы кто-то взялся за такие расчеты, надо ввести многие факторы и переменные, которые могут как замедлить темпы движения общества к освоению новых ценностей, так и ускорить их.

Предыдущий вывод становится еще более тревожным, если обратиться к ценностным ориентациям подростков и детей (10–14 лет), тем сдвигам, которые происходят в психологии этой возрастной группы. Новое поколение учится делать деньги в условиях «дикого» рынка, вместе с рыночным образом жизни в его худшем постсоветском варианте впитывает в себя и все присущие ему черты: агрессивность, нравственный нигилизм, неуважение к закону, презрение к созидательному труду. Слепая погоня за материальным не сдерживается, как это происходит на Западе, семьей и церковью. Основательно ослаблены семейные узы. Новое время не принесло лучших перемен в средней школе. Общество уступило детей улице. Уличная действительность уродует подростков. Бумеранг нынешнего безразличия государства к судьбе детей вернется к обществу с огромной силой завтра. И для судьбы России это будет иметь несравненно большие последствия, чем все дискуссии и борьба за власть нынешних политиков.

Итак, как показало исследование, каждое последующее поколение российской молодежи по основным показателям социального положения и развития хуже предыдущего. Менее здорово физически. Хуже развито умственно. Менее духовно и культурно, более безнравственно и криминально. Плохо относится к труду, отчуждено от знаний и образования, от политики, общества и государства.

Какое же будущее может ожидать Россию при такой молодежи? При тех тенденциях и процессах в молодежной среде, которые описаны? Связь понятий «молодежь» и «будущее», «развитие общества» и «развитие молодежи» общеизвестна. Молодежь такова, каково общество. Общество достойно той молодежи, которую имеет. Молодежь — будущее общество. Однако социальные процессы не носят механического, автоматического характера, они изменчивы. Возможны варианты развития событий.

1) **Пессимистический вариант.** Если негативным процессам и тенденциям в молодежной среде не поставить предел, если ход событий не переломить, они примут необратимый характер и тогда Россию ждет глобальная социальная катастрофа. Конечно, и в самом худшем варианте у России есть будущее. Россия будет существовать, даже если расколется на многие части. Какая-то из этих частей назовется Россией. Не будет только великой, сильной и гордой России. Будет Россия маленькая географически. С незначительными сырьевыми запасами. С немногочисленным населением. С людьми нездоровыми,

плохо развитыми физически, умственно и духовно. Россия с никудышным экономическим, интеллектуальным и культурным потенциалом. Слабая, зависимая, с комплексом величия в прошлом и своей неполноценности в настоящем. Если честно смотреть в глаза, такой сюжет будущего вероятен. Процессы, которые происходят в молодых поколениях, нельзя назвать прогрессивными, нельзя определить даже понятием «развитие». Это просто изменения, не более. Не в лучшую, а в худшую сторону. Это не прогресс, а регресс. Если согласиться с тем, что регресс продолжается уже десятилетия, то можно сделать только один вывод: российская нация деградирует, вырождается, медленно погибает. Это трагическое резюме противно русскому духу, ибо обидно и унизительно. Этот вывод не воспринимается обыденным сознанием из-за скрытого характера и протекания социальных процессов, их растянутости во времени на десятилетия и столетия и потому незаметных, неочевидных. Но цифры и факты не позволяют иного толкования. Более того, этот вывод должен быть обострен, ибо обстоятельства последних лет ускорили, усилили и обострили все существующие негативные процессы, придали им обвальный характер. Возникли также новые тенденции, размах которых быстро нарастает: маргинализация, вынужденная миграция, национализм, религиозный фундаментализм, наркомания. Все это значит, что в своих расчетах на молодежь как на «надежду и опору» проводимых реформ общество не должно слишком обольщаться: творческий, инновационный потенциал молодежи (здоровье, интеллектуальное развитие, качество знаний, профессиональной подготовки, отношение к труду, уровень социальной активности, ценностные ориентации и т. п.) далеко не соответствует тем сложнейшим требованиям и задачам, которые необходимо решать в ходе трансформации тоталитарного общества. Насколько велики эти «ножницы» — вопрос другой, но то, что они существуют и огромны, — факт достоверный, не вызывающий сомнений.

2) **Оптимистический вариант.** Важно сознавать, что проблемы, о которых говорится в Докладе сегодня, есть результат тенденций, которые зародились очень давно. Обществу и молодежи стало плохо не потому, что начались реформы. Реформы проявили плохое, дали возможность понять, насколько плохо обстоят дела. Эти негативные тенденции носят накопительный характер, из тенденций превратились в своего рода «отрицательные» законы жизни российского общества, которые «работают» не на прогресс, а против него — на разрушение российской нации, российского народа и общества.

Однако при всей тяжести и драматичности нынешнего положения вообще и российской молодежи в частности, резко ухудшившегося практически по всем пунктам даже в сравнении с недавним прошлым, надо видеть и общие позитивные результаты начатой в 1985 г. перест-

ройки, происходящих ныне реформ, молодые побеги тех тенденций, которым при условии продолжения реформ суждено развиться во всеохватные процессы и своими бессчетными пересечениями образовать живую ткань новой жизни.

Молодежь обрела свободу как необходимое условие для нормальной жизни, плодотворной деятельности, самоопределения и самоутверждения каждого молодого человека и всей этой огромной социально-демографической группы.

Экономическая свобода, сменив экономический тоталитаризм, дала молодежи возможность обеспечивать свое материальное положение собственными усилиями. Наиболее инициативная, энергичная, предприимчивая часть молодых людей стала активно заниматься индивидуально-трудовой деятельностью, создавая кооперативы, частные, совместные, мелкоторговые предприятия, биржи, банки и т. п. Термин «молодежное предпринимательство» отражает заметное невооруженным глазом стремление значительной части молодежи воспользоваться экономической свободой, которую она приветствует.

Свобода политических убеждений, политической деятельности, свобода собраний и объединений привела к исчезновению с общественной арены тотально всеохватной, предельно идеологизированной, монолитно единой и единственной молодежной организации — комсомола — и возникновению уже около 50 различного типа молодежных организаций, союзов, ассоциаций, а также множества неформальных объединений. Налицо политический и организационный плюрализм в молодежной среде. При всех очевидных слабостях и изъянах новых молодежных организаций при соответствующих условиях будущее может стать эрой активного молодежного движения.

Молодежь обрела гражданские свободы, которые означают исчезновение целой системы гласных и негласных запретов, превращавших многих молодых людей в пленников своей деревни, своего поселка, города и страны, а некоторых — в «узников совести», диссидентов и т. п.

Свобода передвижения и жительства уже привела к принятию закона РФ о беспрепятственном выезде за рубеж со всеми вытекающими отсюда позитивными последствиями для личности и общества. Отмена прописки даст молодым людям возможность жить, учиться и работать там, где они хотят сами.

Свобода философских убеждений, научного и художественного творчества означает для миллионов школьников, студентов и особенно молодой творческой интеллигенции бесцензурное и безбоязненное выражение своих мыслей и взглядов, за которые множество их сверстников в прошлом заплатили сломанными судьбами, страданиями и мучениями, свободой и жизнью. Свобода творчества уже побу-

дила молодых людей к усиленной работе ума и души, и это, несомненно, приведет к появлению выдающихся философских, научных и художественных произведений, которые умножат культурную славу России.

Свобода вероисповедания и проповеди открыла молодым людям возможность веровать по желанию и душе. Для многих молодых людей в последние годы религия стала основным источником их духовного и нравственного равновесия. Оздоровившись сама, российская церковь внесет свой вклад в нравственное оздоровление нынешних и будущих молодых поколений.

Таким образом, в результате перестройки и реформ в российском обществе заложены исключительно важные предпосылки для его перехода на иную, более высокую ступень развития, которые, однако, в силу многих причин пока не раскрылись, в том числе из-за того, что плохо используются. Перемены в лучшую сторону мало заметны, плохо сознаются и не ценятся многими молодыми людьми прежде всего из-за экономического хаоса, резко обострившихся социальных, материально-бытовых проблем. Однако значительная часть молодежи интуитивно чувствует те потенциальные возможности, которые таят в себе для ее будущего свобода и демократия. Иначе невозможно объяснить удивительную, порой парадоксальную картину сосуществования в ее среде (как и в обществе в целом) многих полярных тенденций: массового и острого недовольства «всем и вся» и в то же время, кажется, неиссякаемым терпением; политической пассивности, глубокой погруженности в себя и семью и в то же время готовности немедленно откликнуться на острую политическую ситуацию, «схлестнуться», «взорваться» и т. д.

Переживаемый исторический момент является переходным периодом от одной общественно-политической системы — тоталитаризма, верховной ценностью которого является абсолютное властвование, означающее подавление всякой свободы, к принципиально иному, прямо противоположному общественному устройству, где именно свобода вершит всю систему ценностей, а правда служит нравственным началом общественной жизни. В этом смысле нынешнее состояние является временным. Естественно, что переходный период сопровождается огромной по масштабам, необходимой и неизбежной разрушительной работой, следствием которой являются многие столь же неизбежные негативные процессы, резко, немедленно и остроосязаемо проявляющиеся во всех сферах общественной жизни, негативно сказывающиеся на положении всех социальных слоев и групп, в том числе молодежи.

В молодежной сфере, как и во всем обществе, сегодня очевидным является преобладание разрушительных, негативных процессов над

созидательной работой, позитивными переменами. Такое положение — вовсе не закон, а в основном результат неспособности властей всех уровней (и прежде всего центральной власти) осуществить органическое эволюционное развитие реформ, которое не терпит крайностей, шараханий, находится между крайними положениями — в оптимуме, отыскание которого требует больших знаний, огромных творческих способностей, интуиции. Острый дефицит этих качеств у нынешних политиков, начиная с первых лиц, очевиден.

Физическое, интеллектуальное, духовно-нравственное, экономическое и политическое оздоровление России займет исторически длительный отрезок времени, который будет короче или длиннее в зависимости от того, насколько грамотным и интенсивным будет это «лечение». Однако ясно, что: 1) всякие идеи быстрого выхода из кризиса — это политический авантюризм; 2) оздоровление нации может произойти только через оздоровление и развитие нескольких новых поколений россиян — детей и молодежи; 3) (в силу первых двух обстоятельств) проводимая ныне социально-экономическая реформа и все ее конкретные программы должны быть сознательно ориентированы на будущее, «завязаны» на молодежь, которая должна быть, однако, не только объектом воспитания и образования, но и сознательным участником социальных преобразований.

Грубейшая ошибка идеологов реформы, которая носит стратегический характер, состоит в том, что понятие реформы сведено исключительно к экономике, к запуску рыночных механизмов, приватизации, перестройке финансовой системы и т. п. Упускается из виду, что кризис российского общества носит всесторонний, всеохватный характер и, следовательно, не может быть преодолен путем реформирования какой-либо одной из сторон общественной жизни, в данном случае — экономики. Реформаторы находятся в плену идей исторического экономизма, вульгарного материализма, действуют как подлинные марксисты-ленинцы, хотя говорят о борьбе с коммунизмом, свободе и демократии, строят «рыночную экономику». Человек — творец и основной носитель перемен, как и прежде, при социализме, напрочь игнорируется. Между тем «чудо» американской экономики было построено на чисто психологической и идеологической основе, в особой этической и религиозной атмосфере, которые санкционируют капиталистическую прибыль («профит») как законную награду за личные способности и усилия. Между тем японское «чудо» имеет также не материально-экономическую, а психологическую, духовно-этическую, человеческую природу: использование достижений духа и интеллекта других народов, овеществленных в научной информации и сопряженных с высочайшим трудолюбием, высочайшей дисциплиной и организованностью японской нации. Американцы и японцы поняли то,

что предстоит понять россиянам: никакой изолированной экономики не существует. В экономическом процессе присутствуют и действуют все формы творческой активности человека. Важнее всякого «экономического фундамента» желание и способность людей строить этот фундамент. Экономический процесс и производство — не главная ценность жизни. Главное — человек, личность как самоценность и начало всех начал. И значит, главное — образование, воспитание, наука, культура, развитие духовных и нравственных начал жизни. Но именно эти сферы в России оказались под ударом в ходе экономической реформы, разрушены и забыты. Непонимание того, что движение по пути прогресса в определяющей степени зависит от общественной психологии, общественного сознания, общественной морали, политического мышления миллионов, тормозит экономические реформы и поставит им предел, если идея верховенства экономики и производства над всеми иными сферами жизни и самим человеком не будет переосмыслена.

Ведущей и определяющей идеей российской реформы и развития России вообще должен быть не просто «новый экономический порядок», «рыночная экономика» сами по себе, взятые в отрыве от человека, а сам Человек, понимающий смысл этой реформы, участвующий в ней, ожидающий от нее личную выгоду как минимум в обозримом будущем. Главной характеристикой политического мышления сегодня должно стать осознание новой роли человеческого фактора в развитии. Надо принять во внимание, что главной формой накопления общественного богатства становится накопление не вещей, финансового капитала и даже не опыта и навыков, а прежде всего новых знаний и другой полезной информации, носителями которой является человек. Именно новые формы накопления общественного богатства (знаний, информации, талантов, творчества и т. п. — интеллектуального, творческого потенциала) становятся основным условием прогресса, ускорения темпов общественного развития. Направление, содержание и характер исторического процесса все более зависят не столько от материальных факторов (геополитических данных, развития средств производства и т. д.), сколько от воли (как индивидуальной, так и коллективной), от реакции этой воли и ума на возникающие задачи общественной жизни.

Трудность состоит не в том, чтобы в очередной раз провозгласить этот тезис, а в том, чтобы за точку отсчета в философии развития России на деле взять именно человека и от этой точки строить идеологию реформ во всех остальных ее частях и разделах. Исключительно сложная задача. Ибо традиционно и «коммунистическое», и «буржуазное» мышление представляет социальные условия как результат развития экономики, производства, а Человека — как продукт этих условий,

которым он подчиняется как внешним, от него не зависящим факторам. Естественно, что при такой установке человек является заложником и жертвой экономических, социальных и политических условий и обстоятельств. Сегодня мы пожинаем результаты такой философии развития. Решение всего комплекса задач общественного развития в конечном счете зависит от становления в России культуры нового типа, включающей в себя обновленное понимание жизни, обновленную систему духовных и нравственных ценностей. Чтобы изменить природу и общество, человек должен сам измениться в ходе гуманистической реформы.

Совершение гуманистической реформы — задача глобальная и потому долговременная, она обращена в будущее, к будущим поколениям. В центре внимания современной политики должен оказаться, таким образом, не просто человек, а человек молодой, молодежь, как носитель будущего, источник инноваций и фактор перемен. Человек, и прежде всего дети, молодежь, — вот главное поле современных финансово-материальных и духовных инвестиций. Россия не может позволить себе политики, рассчитанной на получение сиюминутной выгоды без оценки последствий того или иного действия для ее будущего. Инвестировать развитие молодежи — значит инвестировать будущее России. Настало время говорить о принципиально новом открытии молодежи, главным в котором является установление точки зрения на молодежь как на наиболее ценный для трансформирующегося общества период жизни человека, в котором он более чем когда-либо стремится к самоопределению, самоутверждению, саморазвитию и самореализации. Молодежь — это ценность особого рода, это главная ценность общества, это понятие не только демографическое, но также экономическое, социальное, политическое. Такой подход к оценке молодежи, ставка на молодежь в настоящем, на будущие поколения способны породить политику общества и государства, работающую на управление процессами, на опережение событий, на профилактику явлений, на ускорение развития взамен политики запоздалой реакции на уже развившиеся противоречия и проблемы. В свою очередь, это позволит осуществить ускоренное развитие, прорыв России на передовые позиции социального прогресса.

Ставка на молодежь не означает создания для молодежи каких-то особых условий жизни, увеличения количества «заботы» и «помощи» со стороны государства, хотя в определенных случаях (инвалиды, молодые семьи и т. п.) и в определенных сферах (образование, воспитание, здравоохранение и др.) это необходимо. Речь не о том, чтобы поощрять потребительские, иждивенческие настроения молодых людей, которые и без того заметны. Главная задача состоит в том, чтобы разбудить молодежь — ее мысль, творчество, энергию, силы, которые

ныне в большинстве пропадают втуне или тратятся на дела, далекие от тревог, забот и задач общества, а то и направлены против него. Интеграция, включение, участие молодых людей в общественную жизнь — вот задача, над решением которой должны задуматься государственные и общественные структуры. Чтобы молодежь очнулась и стала действовать («участвовать»), необходима соответствующая психологическая общественная атмосфера, поощряющая ее к этому, соответствующие правовые предпосылки, соответствующие духовные, нравственные и материальные стимулы.

8. **Императив молодежной политики.** Рассчитывая на «быстрый» вариант задуманных «реформ сверху» и допуская в связи с такой тактикой возможность сознательного сужения социальной базы этих реформ, идеологи реформы посчитали возможным пренебречь молодежным фактором, вывести за скобки своей политики молодежь с ее нуждами и интересами, позволили себе не думать о молодежной политике. Опорой реформ было, по сути дела, терпение, наивная вера и иллюзии народа. Блицреформа не удалась. Терпение иссякло, иллюзии в очередной раз развеялись. Никому, кроме себя, народ уже не верит. Реформы уже не смогут продолжаться «над» народом, помимо его воли. Происходит быстрая радикализация настроений масс, которая рано или поздно достигнет предельного состояния. Президент, парламент и правительство уже не могут продолжать осуществление властных функций в прежнем режиме. Если они хотят выжить и действовать для продолжения реформ, то должны немедленно позаботиться о создании возможно более широкой социальной базы своей политики. Это диктует им союз с политическими партиями, их блоками, с профсоюзами и молодежными организациями, с молодежью в целом. Власти не могут вести с ней только тактические игры, исповедовать философию временщиков и вести себя как временщики, даже будучи таковыми на самом деле. Гражданская ответственность перед Отечеством, совесть и честь повелевают им думать о завтрашнем дне, соотносить свои тактические действия со стратегией развития России, искать, находить и всемерно поддерживать ростки и побеги ее будущего роста, которые таятся прежде всего в недрах молодежи. Ставка на молодежь неизбежна, ее придется делать рано или поздно. Это одно из условий сохранения хотя бы призрачной социальной стабильности и курса реформ. Предельно критическая ситуация требует немедленно приступить к строительству в России эффективной молодежной политики с целью включения инновационного, творческого потенциала молодежи в решение общенациональных проблем.

Процесс формирования государственной молодежной политики, стратегические цели этой политики должны определяться, исходя из

требований и возможностей новых социальных условий, в которых оказались общество и молодежь, потребностей и интересов молодых людей, нужд и интересов общества в нормальном социальном развитии молодого поколения. В связи с этим необходима переориентация и уточнение концептуального ядра философии современной молодежной политики за счет усиления акцентов в одних направлениях и ослабления в других.

Ключевым инновационным элементом молодежной политики на нынешнем этапе развития России (всеохватный кризис общества, деградация нации и т. п.) является курс на ускорение социального развития молодых поколений как решающего условия ускоренного выхода России из кризиса.

Исходя из этого, главная цель российской молодежной политики состоит в создании необходимых социальных условий для развития молодежи посредством массированной государственной и общественной поддержки инновационной деятельности, социальной защиты молодежи, формирования ее творческой активности, способностей, навыков, а также стимулов к саморазвитию и самореализации, благодаря чему будут созданы предпосылки для ее ускоренного развития. Молодежная политика должна отражать как общие потребности всей молодежи, так и потребности ее различных социальных и возрастных групп с учетом специфических условий различных регионов и местностей.

Должен произойти существенный сдвиг от усилий, которые долгие годы были направлены прежде всего на формирование, воспитание, социализацию молодежи, в сторону перестройки самого общества, устранения в нем элементов иррациональности и социальной несправедливости в отношении к молодому поколению. Чтобы адаптировать (приспособить) молодежь к обществу, у которого отсутствует ясный общественный идеал и устойчивая система ценностей, общество должно сделать шаг навстречу самой молодежи, адаптироваться (приспособиться) к ней. Иными словами, социализация молодежи должна происходить одновременно с процессом «омолодеживания» об-щества путем внедрения в общественное сознание идей, взглядов, установок, ценностей молодежи, высших образцов молодежной культуры.

В сфере молодежной политики должны быть свои приоритетные направления и сферы. Они могут быть выделены в ходе разработки комплексной государственной программы «Российская молодежь и Россия XXI века», которая должна быть одобрена Верховным Советом РФ как дело не только государственное, но и всего общества.

Одним из приоритетов молодежной политики должно быть формирование новой общественно-государственной системы граждан-

ского воспитания молодежи с целью более интенсивного и глубокого освоения ею идеалов и ценностей свободной, демократической России. Важнейшим критерием воспитанности молодого человека должно быть признано его участие в общественной жизни на началах добровольности, а высшим показателем — способность служить России, жить не только для себя и своих близких, но также для Отечества. Идея патриотического служения России должна составить стержень государственного и общественного воспитания, формирования духовных и нравственных ценностей, цементирующих российскую нацию в единое целое.

Молодежная политика должна носить дифференцированный характер. При этом дифференциация происходит, во-первых, по направлениям: новые политики должны быть осуществлены в области образования, воспитания, профессиональной подготовки, занятости, здравоохранения, социального обеспечения и т. п. Эти политики реализуются специальными государственными министерствами, ведомствами, структурами при участии общественности. Молодежная политика дифференцирована также по уровням ее реализации. Сложность и своеобразие в развитии регионов России исключают возможность применения унифицированных моделей и их прямой трансплантации в несовпадающие условия и задачи. Молодежная политика должна иметь свое специфическое преломление к каждой республике, региону, местности.

В то же время молодежная политика должна носить интегративный характер. Интеграция молодежной политики вытекает из осознания новых социальных реалий, в которых находится сегодня Россия. Необходима выработка совместной стратегии выживания и развития всех республик и регионов в стране с опорой на молодежь. В рамках национального сотрудничества важно развивать скоординированные действия, направленные на решение следующих задач: побуждать центральные власти к проведению более радикальных мер и политики по решению общероссийских молодежных проблем; поддерживать акции различных государственных структур и общественных организаций в защиту прав молодежи, улучшать возможности для создания основ формирования разумной модели сбалансированной молодежной политики.

Главным интегратором усилий государственных и общественных структур в области молодежи становится сама молодежная политика, которая придает этим усилиям и программам общее видение, целостность, непротиворечивость и тем самым служит повышению эффективности этих мер. Очевидна при этом необходимость скоординированной и развернутой деятельности на общенациональном уровне, направленной на объединение усилий, сотворчества, превращение

различий между сторонами в побудительный мотив для сотрудничества, взаимообогащение молодежной политики через обмен опытом между регионами и различными сферами. Очевидна также необходимость соответствующего набора строго дифференцированных подходов, политик, мер и программ, эффективно отражающих потребности молодежи как на национальном, так и региональном уровнях в соответствии с местной спецификой.

Выполнить роль интегратора и координатора усилий всех государственных и общественных структур на национальном уровне может только государственная структура с высоким статусом и особыми полномочиями. Государственный комитет РФ по делам молодежи следовало бы преобразовать в Министерство РФ по делам молодежи (министр — член правительства РФ) с предоставлением данному министерству (по опыту зарубежных стран) права обязательной социальной экспертизы всех государственных решений и проектов, реализация которых может иметь последствия для детей, молодежи и будущих поколений. При этом право экспертизы должно предусматривать вмешательство министерства на любой стадии разработки и реализации проекта, а его отрицательное заключение означать приостановку данного проекта до устранения причин, вызвавших такое заключение.

Формирование молодежной политики предполагает выявление во всех сферах источников и факторов нынешнего и будущего физического, интеллектуального, духовного, нравственного и культурного роста новых поколений. Логическое соединение этих факторов воедино, в комплекс, в систему должно создать необходимые предпосылки для ускоренного развития молодежи и связанного с этим ускоренного выхода России из кризиса. В этих целях общество должно иметь в своих руках эффективный инструмент постоянного слежения и контроля за происходящими в молодежной среде изменениями для научного анализа ситуации и последующего своевременного принятия мер по корректировке осуществляемых действий и программ в области интегральной молодежной политики. Необходимо: 1) создать Всероссийский научно-исследовательский институт проблем молодежи с отделениями в важнейших регионах; 2) разработать развернутую систему показателей и индикаторов социального положения и развития молодежи; 3) в соответствии с этими показателями и индикаторами осуществлять ежегодные исследования социального положения и развития молодежи и представлять их президенту и правительству, всем органам государственной власти и общественным структурам, заинтересованным в такого рода научной информации в форме ежегодного доклада в нескольких томах по важнейшим направлениям и проблемам.

Молодежная политика в России не должна находиться только в руках государства, хотя государственная политика в этой области при всех условиях будет иметь доминирующее значение. Важным элементом молодежной политики должна быть общественная составляющая, представляющая собой деятельность широкого блока различного рода собственно молодежных ассоциаций, объединений, организаций, а также различных общественных структур, действующих в интересах молодежи. Следовало бы создать Всероссийский благотворительный фонд для поддержки социально ущемленных категорий молодежи, развернуть движение «Инвестируем будущее» и т. п. Международные молодежные организации России могли бы выступить инициаторами и основными соорганизаторами всемирного движения «Молодежь мира — молодежи России». В целях правового обеспечения деятельности государственных и общественных структур по реализации молодежной политики разработать Закон РФ «О государственной молодежной политике в России».

Из книги «Молодежь России: тенденции и перспективы. М., 1993. С. 190–213

КОНЦЕПЦИЯ ВОСПИТАНИЯ ЖИЗНЕСПОСОБНЫХ ПОКОЛЕНИЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ[1]

1. Введение

1. Данная концепция представляет собой авторское понимание и трактовку проблемы воспитания как исключительно важного социального явления, предмета познания и практической заботы нынешнего российского общества и государства в переходный период их развития. Содержание концепции раскрывается путем изложения совокупности основополагающих идей по поводу воспитания в современных условиях, которые учитывают опыт прошлого, реалии и оценку настоящего, ориентированы на решение главным образом

[1] Материал подготовлен при участии доктора философских наук П. И. Бабочкина (п. 9, 10, 11, 12).

текущих задач и достижение целей не столь отдаленного будущего. В более конкретном смысле концепция представляет собой совокупность идей и положений, определяющих мировоззренческие основы, идеологию, цель, содержание, задачи, принципы, основные формы и методы воспитательной деятельности субъектов воспитания, а также способы взаимодействия воспитателей и воспитуемых в процессе этой деятельности, сущность которой определяется, с одной стороны, интересами и требованиями общества к личности, с другой — интересами самой личности и ее отношением к обществу и государству.

2. Авторы исходят из идеи наличия **единого воспитательного пространства** российского общества, что ставит его (общество) перед необходимостью выработки **общей концепции воспитания** новых поколений россиян, отсутствие которой чрезвычайно затрудняет разработку концепций, носящих более узкий характер: семейного воспитания, школьного воспитания, вузовского воспитания, армейского воспитания, концепции воспитательного воздействия российских средств массовой информации и т. п.; духовного воспитания, нравственного воспитания, экономического воспитания; концепций экологического, правового, политического, эстетического воспитания и т. д.

3. Согласно этой задаче данная концепция содержит предельно общие подходы ко всем рассматриваемым в ней вопросам, к пониманию проблемы воспитания в целом и отдельным ее аспектам, что, безусловно, отрицательно сказалось на глубине их проработки, предопределило известный схематизм и неполноту изложения. Именно поэтому авторы назвали данный труд «Основами» концепции, полагая, что и в этом виде он должен послужить: 1) началу интенсивных дискуссий по проблеме воспитания; 2) выводу этих дискуссий на широкую общественную трибуну из узконаучных и педагогических «цехов»; 3) достижению компромисса во взглядах на проблему воспитания органов государственной и общественной власти, представителей различных мировоззрений и идеологических установок; 4) началу активных научных исследований в области воспитания, в частности, разработки концепций воспитания по его субъектам и направлениям; 5) началу практических действий по скорейшему воссозданию системы воспитания детей и молодежи, построенной на новых принципах, наполненной новым содержанием, использующей передовые формы и методы воспитательной деятельности.

4. Отсутствие должного внимания к молодежи и ее чрезвычайно скромная роль в нынешней России не соответствует масштабам и сложности перемен, которые происходят и должны произойти. Молодежь должна внести в жизнь общества такой вклад по масштабу и характеру, такую систему идей, ценностей, знаний и нравственных

качеств, которые заложит в нее общество. Образование (обучение и воспитание) — вот главные составляющие в преодолении духовного, а в конечном счете и социально-экономического кризиса в России.

5. Любое исследование субъективно. Полная объективность — это идеал, достигнуть которого практически нельзя. Говорить можно лишь о степени объективности, которая в решающей мере определяется методологическими установками исследователя. Авторы концепции исповедуют реализм, конструктивизм, оптимализм, т. е. такой взгляд на общественную жизнь, который находится между крайними положениями: максимумом и минимумом. Органическое развитие не терпит крайностей. Оптимализм есть способ отыскания решений — от малых до глобальных — через оптимум. Плодотворность этого метода не только в том, что оптимальное решение дает наивысший практический эффект. Не менее важно то, что стремящийся к оптимуму вынужден делать это не в одиночку, он нуждается в советчиках и оппонентах.

2. Постановка проблемы

1. Среди основных причин, резко актуализирующих проблему воспитания в нынешнем российском обществе, выделим:

1) возникновение в России новой и опасно деструктивной для становящейся личности катастрофической социально-педагогической ситуации;

2) разрушение системы традиционных ценностей и традиционного механизма социализации поколений;

3) возникновение феномена бездуховности, проявляющегося, в частности, в агрессивном невежестве, которое уничтожает духовный «код» нации;

4) возникновение новой системы требований общества к личности, порожденных новыми социальными реалиями;

5) активное навязывание российскому обществу западных ценностей, означающее попытку духовного покорения России «мирным» путем;

6) переоценку роли обучения и недооценку роли воспитания в становлении новых поколений россиян.

Общество все более осознает, куда ведут эти процессы, как дорого обходятся нации. Начинается интенсивный поиск новых подходов к воспитанию и возвышению его роли. Наиболее активно эта работа ведется педагогами-исследователями РАО, что естественно. Однако они ограничивают предмет проблематикой школьного воспитания. Поиск должен быть значительно расширен, в него должны включиться философы, социологи, психологи, ученые других направлений. Главное — решить общие вопросы и от них перейти к частным, про-

гнозируя развитие, а не наоборот — искать истину методом проб и ошибок, как это происходит сейчас. Работы в области поиска новой философии и создания новой концепции воспитания, на наш взгляд, имеют первостепенное значение.

3. Мировоззренческие основы воспитания

Мировоззрение — основной пункт проблемы воспитания, ибо оно определяет его идеологию и цели. Отметим некоторые исходные тезисы.

1. Концепция строится с позиций **философского реализма**, суть которого заключена в понимании единства равноправных начал, паритета материального и идеального. Это совершенно необычный подход, но он позволяет рассматривать проблему воспитания и осуществлять воспитательный процесс в рамках мировоззренческого плюрализма, а не монизма.

2. Традиционное противопоставление интересов личности и интересов общества разрешается не путем абсолютизации ценности личности или превосходства общества над личностью, а путем **сочетания** их интересов и, как следствие, сочетания личного и общественного, коллективного и индивидуального начал, без нарушения меры которых каждое из них является необходимым условием нормального развития общества. Личность немыслима вне общества. Общество предполагает личность. Они развиваются во взаимослужении друг другу, стремясь к социальной гармонии.

3. **Этика.** Этическим (моральным, нравственным) является свободное служение личности надличностным, истинно-сущим, естественным ценностям (обществу, науке, культуре, семье и т. п.), а не «интересам пролетариата», «делу социализма» и т. п. Чем выше ценность, которой служит личность, тем выше ее собственная ценность, тем полнее она раскрывается.

4. **Историософия.** Признавая многофакторный характер детерминации развития истории, предполагается, что наряду с материально-экономическими законами на исторический процесс в **равной мере** влияют идеи и отдельные личности. Развитие общества не имеет конца, потому попытки завершить и увенчать историю какой-либо «совершенной» формацией есть утопия. Общество ставит идеалы и стремится к ним, сознавая, что создать идеальное общество и идеального человека **на практике** невозможно.

4. Идеология воспитания

1. Воспитание и обучение предполагают наличие идеологии, которая определяет, чему учить и что воспитывать, как учить и как воспитывать, у кого учиться и кто воспитывает. Речь не о политической

идеологии типа «марксистско-ленинской» или «буржуазной». Россия не может вновь позволить себе одностороннего взгляда на мир лишь через призму законов классовой борьбы и т. п. Ориентация не на «коммунистическую» и не на «буржуазную», а на **российскую** идеологию воспитания как систему социальных ценностей, официально имеющих **национальный** статус, которых придерживаются члены всего общества и которые интерпретируются через систему идей в ходе общественного развития, охраняется законом как исходное начало интеграции и сохранения целостности общества и государства, как главный ориентир движения в будущее. Государственная идеология, национальная идея в России отсутствуют. В концепции предлагается авторский взгляд.

2. Идеология воспитания новых поколений развивается как совокупность идей и принципов, составляющих основы общественного развития России.

Исходными являются положения о том, что российское общество есть содружество людей, построенное на утверждении:

— **личности** как основы общества, свободной от насилия и эксплуатации;

— **общества** как организованного объединения людей, основанного на согласии и солидарности как принципах преодоления внутренних противоречий развития;

— **взаимоотношений личности и общества**, основанных на согласовании интересов личных и общественных;

— **государства** как суверенной организации нации, организующей и обеспечивающей ее независимость, благополучие, развитие и реализацию творческого потенциала.

В основу развития российского общества должны быть положены принципы свободы, гуманизма, справедливости, демократии, права, труда и неотчуждаемой собственности.

Даже в катастрофической ситуации российское общество не должно терять человеческое лицо, а, наоборот, обретать его в процессе сознательной **гуманизации** всех основ жизни — особенно в сфере образования, духовного и нравственного воспитания. Необходима смена воспитательной парадигмы, суть которой состоит в выдвижении на первый план гуманистических идей и ориентиров взамен тоталитаристских установок.

Гуманизация воспитательного процесса предполагает целый ряд условий, среди которых прежде всего отметим следующие:

а) признание личности **самоценностью**, уважение уникальности и своеобразия каждого индивида;

б) создание обществом **условий** для развития личности и новых поколений молодежи как субъектов культуры и собственного жиз-

нетворчества — самоопределения, самоутверждения, самореализации;

в) оказание **помощи** детям и молодежи в развитии их склонностей и способностей;

г) социальная **защита и охрана** здоровья, достоинства и прав, социальной и природной среды обитания новых поколений;

д) приобщение субъектов воспитательного процесса к ценностям общечеловеческой и национальной культуры, создание в обществе атмосферы духовности;

е) гуманизация межличностных отношений воспитателей и воспитанников, родителей и детей, учителей и учеников, преподавателей и студентов и т. п. на принципах уважения, сострадания, терпимости, милосердия, внимания и доброты.

Гуманизация позволяет и требует осуществлять **вариативное** воспитание молодежи, учитывая интересы и особенности различных классов, социальных слоев и групп страны. Она включает также идеи, на основе которых будут формироваться общие психологические и гражданские качества личности, жизнеспособной в условиях переходного периода и построения новой России.

3. Важным элементом новой идеологии воспитания выступает идея **единства и возвышения** России, **своего**, российского пути развития, сочетающего черты культуры западных и восточных народов, но имеющего свои неповторимые особенности и формы развития евразийского типа культуры. Эта идея составляет основу формирования **национального** самосознания молодого поколения.

Россия — это своеобразный мир, идущий по самостоятельному историческому пути, исторически сложившееся объединение, тесная семья многих народностей и народов, национальностей и наций, на протяжении многих столетий сознающих свое единство, творящих общую культуру, спаянных воедино общностью этой культуры, общностью духовных устремлений, государственных и экономических интересов, общим историческим прошлым и единым устремлением в будущее.

Россия — это **сложная** уникальная **единая нация**. Такова истина, которая сегодня должна жить и торжествовать.

Национальное чувство россиянина — это любовь к историческому облику и творчеству российской нации, вера в ее духовное призвание, воля к ее творческому расцвету; это система поступков, вытекающих из этой любви, веры и воли, страстное желание ей служить, утверждая ее равноправное место и роль среди других наций мира. Национальное не исключает общечеловеческого. Но служение человечеству осуществляется через нацию. По крайней мере на данном этапе развития России идеи, западные ценности и варианты демократии в «чистом»

виде, навязываемые в качестве основы для воспитания российской молодежи, не могут быть приняты, поскольку они возникли и культивировались, опираясь на другой, европейский и американский типы личности, культуры и традиции этих стран. Сегодня ситуация в обществе доведена до такого состояния, когда абсолютно ясно, что дальнейшее его рассыпание и атомизация недопустимы. Честь, долг, дисциплина, самоотверженность и самопожертвование — вот качества, спрос на которые столь же велик, как и их дефицит. На данном этапе, когда речь идет о выживании и спасении России, высшим элементом национального сознания молодежи должна стать идея **добровольного служения** Отечеству. Нынешняя молодежь в большинстве не готова к этому. В этом духе ее надо образовывать и воспитывать. Новая идеология воспитания должна возродить национальный патриотизм и гражданские качества россиян. Это фундаментальная проблема развития России, решению которой должны быть подчинены содержание и деятельность всей системы воспитания.

4. На наш взгляд, уже названная совокупность идей и принципов при условии дальнейшего раскрытия их содержания может составить весьма сильную и привлекательную для молодежи российскую идеологию воспитания новых поколений. В то же время эти идеи, положения и принципы представляют для всех политических сил чрезвычайно широкий и общий выбор и в этом смысле более всего подходят для всех социальных слоев и групп России в качестве возможного идеала демократического общества и единой идеологии воспитания всего молодого поколения России. Единая идеология необходима не в качестве средства идеологического давления на личность, воспитания **всей** молодежи в интересах какого-либо **одного** социального слоя или одной группы общества, а как средство, позволяющее объединить, **интегрировать** общество, особенно такое разнородное в этническом и социальном плане, как российское, придать нации свойства и качества, позволяющие ей занять в мировом сообществе достойное, передовое место.

Российская идеология воспитания — это система идей, которая одновременно отвечает коренным, актуальным интересам общества и личности, и таких взаимоотношений между ними, когда общество задает парадигму воспитания новых поколений, создает условия для ее реализации, а молодые поколения и личность самоопределяются, самоутверждаются, самореализуются и воспитывают себя в предложенных условиях, изменяя их посредством активной деятельности. Идеология воспитания призвана способствовать изменениям в сознании индивида, соответствующим **общему направлению** социального развития России.

5. Цель воспитания

1. Цель воспитания — центральный вопрос идеологии, деятельности всей системы воспитания. В целях выражаются философские, духовные, нравственные, экономические, политические, правовые и эстетические представления о делаемом образе «идеального» человека и общества, в котором он живет и действует. Цель государственно-общественной системы воспитания должна быть достаточно определенной и в то же время весьма универсальной. Это исключительно важно сегодня, когда в связи с углубившимся экономическим, социальным, национальным, духовным и образовательным расслоением общества возникло многообразие представлений о человеке и обществе, столкнулись разнообразные классовые, групповые и личные интересы. Если еще недавно говорилось о подчиненности интересов и качеств личности требованиям общества и, следовательно, о доминировании внешнего, общественного (фактически государственного) воздействия на человека (одна крайность), то теперь нередко говорится о том, что основной целью воспитания должен стать человек как самоцель при одновременном отказе от требований к нему общества, в чем бы они ни выражались — в потребностях производства, экономики, управления и т. п. (другая крайность). Появилось множество партий и общественных организаций, которые ставят перед собой весьма различающиеся цели, согласно которым они трактуют и цели воспитания новых поколений. Эти цели зачастую находятся в полном противоречии с целями государственной системы образования, в частности воспитания. Политически пристрастные, эти партии и общественные организации стремятся навязать молодежи те ценности и ориентиры, которые отвечают их задачам, рассматривают молодежь как средство их достижения и меньше всего думают о молодом поколении России в целом, о развитии личности как таковой.

2. Формулируя цель воспитания, надо отдавать отчет в том, что в нынешней России реально существуют, ведут борьбу за молодежь партии, общественные движения и организации, которые можно сгруппировать по их характеру и основным идеям, которые они исповедуют и проповедуют.

Общенациональные интересы требуют, чтобы общество и государство, озабоченные сохранением своей целостности, контролировали воспитательный процесс, помогали молодежи сориентироваться в реальном соотношении борющихся и воспитывающих ее сил, от-личить истинные ценности от мнимых, достойные цели от недостойных.

3. Новая концепция воспитания предполагает определение цели воспитания, отвечающей интересам самой личности и требованиям

общества по отношению к личности. В качестве цели воспитания, как правило, рассматривается формирование личности в соответствии с явно или неявно имеющейся моделью, идеалом молодого человека, соотнесенным с данным историческим периодом и перспективой развития общества. На какой стадии развития находится, какие задачи решает общество, такое поколение ему и требуется.

В разные периоды развития нашей страны при советской власти в качестве целей были поставлены такие идеальные модели, как «строитель коммунизма», «всесторонне развитая личность», которые определяли содержание и направленность процесса воспитания. Система воспитания претворяла их в жизнь.

4. Основным ориентиром воспитания является согласованно принятое в обществе представление об идеале гражданина России, его жизненном кредо и жизненной позиции. Этот идеал включает такие черты, как любовь к России, веру в ее успех и величие, заботу о единстве и будущем Отечества, преданность идеалам гуманизма, свободы и демократии, стремление к личному успеху в жизни и т. п. В то же время этот идеал имеет свои отличия в характере социальной активности и реальных возможностях конкретного представителя того или иного класса (слоя) в служении Отечеству и способах достижения личных целей, определяемых социальным положением и уровнем благосостояния данной семьи. Различия в социальных ориентирах различных слоев и групп общества обусловливают дифференциацию программ обучения, типов школ и всего воспитательного процесса.

5. «Идеального» молодого россиянина наших дней должно характеризовать: а) стремление к личному и общему успеху; б) воля к победе; в) принятие основной меры ответственности за результаты своей деятельности прежде всего на себя; г) преданность национальной идее (мечте). Главный, системообразующий элемент ценностных ориентаций — успех. Подчеркнем: не только личный, но и общественный. Россия нуждается в людях, верящих в свои силы и победу над обстоятельствами, мечтающих о великой и могучей России, в которой они — хозяева жизни. Мечта о великой России — знамя нации, а люди, борющиеся за эту мечту и добивающиеся успеха, — гордость нации и образец для подражания. Общество дает шанс каждому. Воспитывай себя так, чтобы ты смог им воспользоваться, а в неудачах вини прежде всего себя, а уж потом — других (общество, государство). Такова логика пути к благосостоянию, таков способ изменения национального характера россиян, традиционно привыкших ожидать «манны небесной».

6. В отличие от идеала цель воспитания состоит в том, чтобы сформировать реальную, социально устойчивую личность, способную в но-

вых социально-экономических и политических условиях вносить ощутимый вклад в преобразование общества и самосовершенствоваться. Концепция воспитания определяет целевые установки воспитания молодежи в соответствии с теми изменениями, которые происходят в обществе, с ориентацией на будущее. В качестве цели воспитания, учитывающей условия переходного периода и ориентированной на определенную перспективу, можно предложить **формирование жизнеспособной, гуманистически ориентированной индивидуальности по отношению к обществу и к себе самой**.

7. Смена социально-политического строя, новые условия жизни выдвигают новые требования к личности и тем самым объективно-естественно порождают **новый тип личности**, установки, образ поведения и деятельности, отвечающие задачам общественного развития. Перепады несоответствий требований общества и свойств личности должны корректироваться системой воспитания.

8. Острейшее противоречие между новой системой требований и возможностями и способностями реально существующей ныне личности порождает необходимость формирования у молодого человека и молодого поколения в целом такого качества, как **жизнеспособность**.

Необходимость постановки вопроса о воспитании жизнеспособности диктуется тем, что современное молодое поколение находится в необычайно жестких условиях природной и социальной среды, которая характеризуется крайней идеологической, социально-политической и экономической нестабильностью и неопределенностью.

Жизнеспособность — это наличие у человека (поколения) таких свойств и качеств, которые позволяют не только выжить, не деградируя, в «жестких» и ухудшающихся условиях социальной и природной среды, но жить и развиться, духовно возвышаться, воспроизводить и воспитывать потомство не менее жизнеспособное в биологическом и социальном плане, чем он сам. Задача жизнеспособной личности — стать **индивидуальностью**, сформировать свои смысложизненные установки, самоутвердиться, реализовать свои задатки и творческие возможности, преобразуя при этом в своих интересах среду обитания, не разрушая и не уничтожая ее. Жизнеспособность предполагает высокую социальную активность личности (поколения), направленную на преобразование внешней природной и социальной среды и на формирование самого себя в соответствии с заданными целями. В социокультурном плане жизнеспособность проявляется в том, насколько личность и поколение отвечают насущным запросам общества на данном историческом этапе и насколько они могут взять на себя ответственность за его будущее.

6. Модель жизнеспособной личности

На основе предложенной концепции можно сформировать проективную модель жизнеспособной личности демократизирующегося российского общества, которое по своей сущности можно рассматривать как переходное от тоталитарного режима правления с плановой экономикой к демократическому обществу с рыночной экономикой, антагонистическому по социальной структуре. Человек, соответствующий этому обществу, должен будет в определенной мере обладать противоречивыми личностными и гражданскими качествами.

В соответствии с предложенной стратегической моделью жизнеспособной, гуманистически ориентированной индивидуальности, молодой человек недалекого будущего (прогностическая модель среднего уровня) должен обладать следующими личностными и гражданскими качествами:

— быстро приспосабливаться к изменяющимся условиям жизни, уметь ориентироваться в экономической, социально-политической обстановке, сохраняя свою мировоззренческую позицию, гуманистические идеалы и ценности;

— обладать высокой социальной активностью, целеустремленностью и предприимчивостью, стремлением к поиску нового и способностью находить оптимальные решения жизненных проблем в нестандартных ситуациях;

— иметь потребность в жизненных достижениях и успехе, способности к самостоятельному принятию решений, постоянному саморазвитию своего интеллекта и профессиональных качеств;

— быть законопослушным, социально ответственным, обладать развитым чувством внутренней свободы и собственного достоинства, способностью к объективной самооценке и конкуренции с другими;

— иметь в разумной мере индивидуалистические установки, ориентацию на себя, свои интересы и потребности, обладать рациональным, альтернативным мышлением и прагматическим отношением к жизни;

— иметь национальное сознание российского гражданина, быть патриотом, борющимся за сохранение единства России и ее становление как великой державы, занимающей одно из ведущих мест в мировом сообществе.

Кроме того, каждый жизнеспособный человек должен уметь понимать и быть готовым отстаивать интересы своей социально-возрастной, профессиональной, этнической, социальной общности, к которой он принадлежит по своему происхождению и социальному статусу и т. п.

7. Задачи воспитания

Общая цель воспитания достигается посредством решения конкретных задач, среди которых наиболее актуальными являются следующие:

— ориентация личности на гуманистические установки и смысложизненные ценности в новых социально-политических и экономических условиях общества, определение своего места и целей жизнедеятельности, формирование самосознания и гуманистически направленных высших потребностей;

— формирование национального самосознания, гражданственности, патриотизма, уважения к законности и правопорядку, внутренней свободы и чувства собственного достоинства;

— воспитание потребности молодежи к освоению ценностей общечеловеческой и национальной культуры, формированию эстетических ценностей и вкуса, стремления к созданию и приумножению ценностей духовной культуры, участию в культурной жизни российского общества;

— приобщение молодежи к общечеловеческим нормам морали, национальным традициям, кодексам профессиональной чести и моральным ценностям соответствующих социальных слоев и групп, воспитание адекватной самооценки результатов своей деятельности;

— выявление и развитие задатков, формирование на их основе общих и специфических способностей, индивидуальности личности, возвышение ее творческого потенциала и способности к саморазвитию;

— воспитание потребности к труду как первой жизненной необходимости, высшей жизненной ценности и главного способа достижения жизненного успеха, целеустремленности и предприимчивости, конкурентоспособности во всех сферах жизнедеятельности;

— воспитание потребности к физической культуре и здоровому образу жизни, стремления к созданию семьи, продолжению рода, материальному обеспечению и воспитанию нового поколения в духе гуманизма и демократии.

Одной из задач воспитания молодежи в плане освоения национальной культуры является формирование речевой культуры, что особенно важно в настоящее время, когда наблюдаются многие негативные явления, такие как сквернословие, молодежный сленг, засорение иностранными словами русского языка. Эту задачу следует решать прежде всего на уровне дошкольного и школьного воспитания, всячески пресекать сквернословие молодежи.

Постановка цели и задач воспитания жизнеспособного поколения предполагает, что они должны быть присущи молодежи России в целом, без подразделения ее на социальные группы, поскольку каж-

дый молодой человек должен обладать личностными психологическими и гражданскими качествами, обеспечивающими его жизнеспособность.

8. Принципы воспитания

В новой концепции воспитания можно выделить следующие основные принципы:

— **гуманизма** к объектам воспитания, предполагающего отношение к личности молодого человека как к самоценности;

— **духовности**, проявляющейся в формировании у молодого человека смысложизненных духовных ориентаций, потребностей к освоению и производству ценностей культуры, соблюдению общечеловеческих норм гуманистической морали, интеллигентности и образа мысли российского гражданина;

— **демократизма**, означающего воспитание поколения, способного не только эффективно осуществлять жизнедеятельность в условиях демократических реформ (т. е. воспитание для демократии), но и демократизацию самой системы воспитания, переход от тоталитарной системы с ее однонаправленной идеологией и принудительным воздействием на объект воспитания к системе, основанной на взаимодействии, педагогике сотрудничества воспитателя и воспитанника;

— **гражданственности и патриотизма**, предполагающего формирование национального сознания у молодежи как одного из основных условий жизнеспособности молодого поколения и обеспечивающего целостность России, связь между поколениями, освоение и приумножение национальной культуры во всех ее проявлениях;

— **конкурентоспособности**, выступающей как специфическая особенность экономической свободы и свободы предпринимательства в условиях демократизирующегося общества, предполагающей формирование соответствующего типа личности молодого человека, способного к динамичной горизонтальной и вертикальной мобильности, смене видов деятельности, освоению новых профессий, нахождению эффективных решений в сложных условиях конкурентной борьбы;

— **толерантности** (терпимости), являющейся одним из основных принципов воспитания молодежи в условиях плюрализма мнений, подходов, различных идей для решения одних и тех же проблем; предполагающей терпимость к мнениям других людей, учет их интересов; терпимость к инакомыслию и другим культурам, другому образу жизни, поведению людей, не укладывающемуся в рамки повседневного опыта, но не выходящего за рамки требований законов;

— **индивидуализации**, заключающейся в том, что личность в условиях демократических реформ получает свободу проявления своих ин-

дивидуальных особенностей в полной мере, ориентацию на собственные интересы и потребности и за счет этого формируются способности не только выжить, но и проявить творческую активность. Система воспитания должна быть направлена не на производство усредненной личности, а быть индивидуально ориентирована, учитывая задатки и возможности каждого молодого человека в процессе его воспитания и социализации;

— **вариативности**, включающей многообразие типов воспитательных учреждений, а также различные варианты технологии и содержания воспитания, ориентирующей систему воспитания не только на воспроизводство личностью образцов прошлого опыта предшествующих поколений, их идеалов и ценностей, но и на развитие собственных взглядов, подходов, ценностей, принятие альтернативных решений, готовности к деятельности в непредвиденной ситуации.

9. Основные концептуальные положения новой системы воспитания

Концепция воспитания жизнеспособных поколений предполагает создание системы воспитания, состоящей из **двух уровней**.

1. На **первом уровне**, который можно обозначить как стратегический, фундаментальный, формируются качества личности, обусловливающие ее жизнеспособность. Российское общество быстро дифференцируется по отношению к собственности, источникам доходов и уровням благосостояния. Эта дифференциация будет продолжаться, пока не достигнет определенной константы. В таком обществе необходимо, с одной стороны, следование тем общественным идеалам, целям и ценностям, по поводу которых достигнуто демократическое согласие, а с другой стороны, для нарождающихся слоев и групп следует оставить возможность выбора более сложных, групповых, элитарных ценностей, а для системы воспитания — свободу экспериментирования. Синтез этих двух принципов позволит воспитывать основополагающие ценности и добродетели у детей и молодых людей с помощью всех имеющихся средств воспитания и в то же время будет сохранять открытость системы воспитания, позволяя избежать очередного заблуждения и фанатизма.

Говоря конкретнее, стратегический (фундаментальный) уровень воспитания обеспечивает целостный подход к формированию личности, ее общих способностей, гражданского воспитания, освоения ценностей общечеловеческой и национальной культуры, формирует ценностный подход молодого человека к материальным и духовным явлениям жизни и культуры с мировоззренческих позиций, определенных идеологией воспитания. Система воспитания должна выделять прежде всего национальные ценности, помогая различать добро

и зло во всех жизненных ситуациях. На это необходимо ориентировать все структуры системы воспитания не только как на стратегическую задачу, но и на ситуативном уровне, когда решаются насущные задачи воспитания в переходный период.

2. **Второй уровень** системы воспитания нацелен на более узкие задачи в соответствии с требованиями к личности различных социальных слоев и групп общества. На этом уровне должна быть весьма значительна диверсификация воспитательных структур (институтов, учреждений, организаций и т. п.) , вариативность содержания, форм и методов воспитания. Если на первом, базовом, уровне в процессе воспитания формируются общие способности и гражданские качества личности, необходимые каждому молодому человеку, то на втором уровне формируются **специальные** способности, личностные качества, ценностно-мировоззренческие установки и морально этические принципы в зависимости от принадлежности данной конкретной личности к той или иной социальной группе, согласно требованиям этой группы, ее традициям, ценностям, интересам и целям существования.

Вариативность системы воспитания на втором уровне позволит учитывать и другие аспекты формирования личности, такие как, например, половое воспитание (воспитание «мужественности» или «женственности»), воспитание по возрастным группам молодежи и т. п.

3. Концепция воспитания предполагает постановку и реализацию **долговременных** целей, а также **ситуативных** задач, отвечающих требованиям и условиям переходного периода.

Долговременные цели представляют стратегию концепции и программы воспитания жизнеспособного поколения молодежи, направленную в будущее, где в полной мере будут реализованы принципы демократического общества. Здесь определяется не только общая модель, но и общекультурный тип личности, формируемой в российской социокультурной среде. Исходя из геополитического статуса России, ее традиционных духовных ценностей, а также с учетом наметившейся стратегической направленности социокультурных, поли-тических и экономических изменений современного российского общества наиболее целесообразным, на наш взгляд, было бы формирование нового **социокультурного типа личности**, в котором гармонически сочетаются с определенными ценностями европейской культуры традиционные российские ценности. При этом обеспечивается сохранение культурного ядра российской цивилизации, формируется готовность противостоять негативным влияниям других культур, что особенно важно в эпоху всемогущества средств массовой информации.

Стратегические цели должны учитывать то, что молодой человек в одно и то же время является носителем как общечеловеческих цен-

ностей, так и ценностей российской культуры, менталитета российского гражданина, что будет выступать основой формирования национального самосознания для молодого поколения российского общества. При этом одной из очень важных и сложных задач является обеспечение связи, преемственности старших и младших поколений в условиях, когда происходит всеобщее отрицание предшествующего опыта.

4. Воспитание личности в условиях переходного периода должно основываться на мировоззренческих принципах стратегического (базового) уровня воспитания, но неизбежно учитывать и мировоззренческие установки современной ситуации. В свете нынешних тенденций мировоззрение молодежи будет оставаться синкретичным, в нем будут сочетаться мировоззренческие установки различных идеологических систем, которые пытаются оказывать на нее свое влияние. Это относится к религии и различным конфессиям, которые стараются занять определяющее место в формировании национального самосознания. У традиционно христианских этносов это прежде всего православие, а в нехристианской традиции — ислам. Велика активность различных направлений буддизма и разного рода сект. Данная система воспитания ориентирована на ведущую роль научного и обыденного мировоззрения, формируемого обучением в школе и безрелигиозным светским воспитанием в семье и других воспитательных структурах.

5. В переходный период по сравнению с предыдущим кардинально изменяется направленность мировоззренческих установок по отношению к личности и ее положению в обществе. В недавнем прошлом система коммунистического воспитания формировала коллективистское мировоззрение и соответствующие ему личностные качества, моральные установки и традиции. Новая концепция воспитания, особенно в переходный период, должна быть направлена на формирование в определенной степени **индивидуалистического типа личности**, способного к конкурентной борьбе. Если раньше в сознание человека с детства внедрялась идея, что «человек человеку — друг, товарищ и брат», то новая социальная действительность заставляет видеть в другом человеке социального партнера-соперника-конкурента. В некотором смысле другие люди рассматриваются как **средство** достижения личного успеха. Иными словами, новая концепция воспитания во многом использует принципы философии прагматизма. Чтобы быть жизнеспособной, личность переходного периода должна быть достаточно жесткой и конкурентоспособной. По результатам своей деятельности — ориентированной в большей степени не на общечеловеческие, гуманистические ценности, а на индивидуальные и групповые ценности.

6. Новая система воспитания должна обеспечивать формирование данного типа личности, акцентируя внимание на развитие ее потребностей в достижении своих целей и самоутверждении. Система воспитания на втором уровне должна формировать качества, обеспечивающие включенность личности в различные сферы жизнедеятельности общества: социальную активность, заинтересованность участвовать в общественной и политической жизни, культурно-досуговой деятельности и т. д. Таким образом, речь идет о формировании личности, умеющей отстаивать свои интересы и достигать их, учитывая при этом интересы своей социальной группы и всего общества.

7. Одной из наиболее важных проблем реализации концепции воспитания жизнеспособных поколений является создание **положительной мотивации** у самих молодых людей на восприятие и усвоение воспитательных воздействий, что в первую очередь определяет эффективность воспитательного процесса. Это особенно важно на начальном этапе, в условиях перехода к демократическому обществу и к демократической системе воспитания, основанной на педагогике сотрудничества.

Захочет ли молодой человек воспринимать воспитательные установки, формировать у себя необходимые гражданские и личностные качества на добровольной основе, без применения чрезмерных принудительных воздействий со стороны системы воспитания? Что необходимо предпринять, чтобы молодые люди осознали необходимость формирования у себя соответствующих качеств? В этом же плане стоит проблема **самовоспитания и саморазвития** личности как одна из ключевых проблем гуманизации воспитания.

Решение проблемы создания положительных мотиваций и самовоспитания следует осуществлять в двух аспектах. Прежде всего, это создание в **обществе** объективных и субъективных предпосылок, условий, побуждающих молодого человека формировать у себя необходимые качества при посредстве воспитателя и в процессе самовоспитания. Молодые люди должны видеть, в частности, что именно личность, соответствующая требованиям общества на данном этапе его развития, востребована обществом, что людям с такими характеристиками прежде всего обеспечивается вертикальная социальная и профессиональная мобильность (высокооплачиваемая работа, быстрый служебный рост, престижная, высокая должность и т. п.). Положительная мотивация будет тогда, когда молодежь увидит многочисленные примеры такого рода. Только в этом случае у нее возникнет потребность обладать знаниями и качествами, которые гарантируют достижение высокого социального и профессионального статуса.

Второй аспект затрагивает сферу **сознания** личности. В общественном сознании должен быть сформирован идеал определенного **куль-**

турного типа, к которому следует стремиться молодому человеку. Такой образ идеальной личности должен пропагандироваться средствами литературы, искусства, массовой информации, как сейчас пропагандируется герой криминального типа, стоящий вне общечеловеческой морали, по ту сторону добра. Между тем необходимо целенаправленно формировать образ инициативного, имеющего высокую квалификацию, прагматически ориентированного, но ограниченного принципами гуманистической морали, законопослушного и именно потому преуспевающего молодого человека — гражданина России.

Воспитательный эффект будет только в том случае, когда оба этих аспекта, выступающие как внешние и внутренние факторы, обусловливающие мотивацию на формирование соответствующих гражданских и личностных качеств, будут задействованы одновременно. Такого рода мотивацию относительно воспитания молодежи можно видеть в развитых западных странах. Это особенно характерно для настоящего времени, когда после периода отрицания и протеста молодежь опять ориентируется на получение высококачественного образования, освоение культуры и общечеловеческих ценностей, на здоровый образ жизни.

8. В разработке концепции, создании системы и реализации процесса воспитания должен действовать принцип **регионализма**. Россия не просто огромная, но и чрезвычайно разнообразная страна. В ней есть сырьевые регионы (например, на Российском Севере проживает 11 млн человек — 93% северян всего мира); урбанизированные регионы с преобладанием тяжелой, легкой и развитой наукоемкой военной промышленности с заводами-гигантами и городами-заводами; регионы с преимущественно аграрным сектором. В России 1060 городов, из которых подавляющее большинство — малые, а также 2160 поселков городского типа, в которых (в малых городах и поселках) проживает больше половины россиян. В России десятки огромных и крупных городов, которые имеют свои «регионы»: районы со многими культурно-художественными, образовательными и научными учреждениями; районы заводские и «спальные» и т. п. Есть регионы с относительно терпимым уровнем жизни, а есть такие, которые стали очагами социальной депрессии, точками роста социальной напряженности, грозящими взрывом всей страны. Иными словами, каждый регион России имеет свою социокультурную среду, которая воздействует на процессы образования и воспитания, облегчая или затрудняя их. Неоднородность социокультурных сред требует от организаторов воспитания обеспечивать, с одной стороны, единство национальной воспитательной политики, с другой — ориентировать ее на учет особенностей региона, на развитие существующих в нем традиций и самобытности. Регионализация воспитания ориентирует на творчество, поддержку

новых очагов педагогической культуры, опытно-экспериментальных площадок, инновационных воспитательных центров, является одним из стимулов саморазвития всей системы воспитания.

10. Система воспитания

1. Новая концепция воспитания реализуется на практике через систему воспитания, имеющую институциональный и неинституциональный уровни, а также с помощью различных институтов воспитания, форм и методов осуществления воспитательных воздействий.

Реализация новой концепции воспитания на неинституциональном уровне рассматривается как процесс социализации молодежи в различных сферах жизнедеятельности общества, где формируются соответствующие навыки, способности и личностные качества. Так, например, формирование у части молодежи социально значимых гражданских качеств и ценностных установок осуществляется через участие в деятельности общественных организаций, а также в деятельности различного рода неформальных движений, митингах и т. д.

На институциональном уровне основным институтом, осуществляющим организацию всей системы воспитания, ее деятельности и контроль за этой деятельностью, является государство. Оно организует процесс воспитания подрастающего поколения на уровне дошкольного воспитания, школы, при получении профессионального образования и т. д. Воспитание молодежи — одно из направлений в государственной молодежной политике России на этапе переходного периода и на долговременную перспективу.

2. Государство через свои учреждения и организации должно обеспечивать **стратегический (фундаментальный, базовый)** уровень воспитания всей молодежи, безотносительно ее принадлежности к социальным группам, поскольку ставит целью формирование соответствующего типа гражданина этого государства. Система государственного воспитания была и остается основой воспитания и на **втором уровне**, когда воспитание осуществляется уже в соответствии с групповыми интересами самой личности, интересами социальных групп и их требований к личности. И это естественно, ибо система государственного воспитания призвана обеспечивать эффективность воспитания молодого поколения в целом.

3. Наряду с государством, одним из главных элементов системы воспитания является семья, особенно на этапе переходного периода, когда практически все институты прошлой системы воспитания свернули свои воспитательные функции по отношению к молодежи. При том что воспитательные возможности семьи резко сократились, именно семья сейчас несет и должна нести далее основную нагрузку

в формировании личности молодого человека, его жизненных планов и ценностных установок, личностных и гражданских качеств, усвоения традиций и опыта старших поколений. Сложность современного этапа состоит в том, что старшее поколение не может в полной мере осуществлять функцию воспитания, поскольку ее ценностно-мировоз-зренческие ориентации, моральные установки и опыт во многом пришли в противоречие с изменившейся действительностью. Молодому поколению приходится самому накапливать соответствующий опыт, формировать свое мировоззрение, хотя и традиционные ценности имеют достаточно большое влияние в качестве смысложизненных ориентаций молодых людей.

4. **Общеобразовательная школа** выступает одним из основных институтов, осуществляющих процесс воспитания молодого поколения в полном его объеме. Воспитание проводится в течение всего периода обучения и среди всех возрастных групп школьников. В то же время каждая возрастная группа школьников имеет свои возрастные особенности, определяющие цели, методы, формы и средства воспитания.

Старшая возрастная группа школьников (9–11-е классы) входит в состав социально-возрастной группы молодежи. Ранее для школьной системы воспитания во всех возрастных группах была характерна авторитарная педагогика и объектный принцип воспитания, где ученики даже старших классов рассматривались только как объект воспитания, а не его полноправный субъект. Мало что изменилось в российской общеобразовательной школе и в настоящее время, поскольку кадровый корпус учителей остался прежним, значительно утратив при этом эффективность своих воспитательных воздействий.

Современную ситуацию в школе можно определить как ситуацию переходного периода, поскольку старые методы и формы уже не дают ожидаемых результатов, а новые формы воспитательных воздействий еще не разработаны в достаточной степени, не подготовлены кадры преподавателей, способных осуществлять педагогику сотрудничества, особенно в старших классах.

Данная концепция рассматривает школу как институт воспитания молодежи, призванный формировать личность молодого россиянина на первом уровне воспитательного процесса. Общеобразовательная школа во всех ее формах существования (спецшколы, лицеи, гимназии и т. п.) должна прежде всего реализовать гуманистические принципы, исходя из идеи равенства стартовых возможностей, единой идеологии, менталитета российского гражданина, единой российской культуры. Школа является тем институтом воспитания, где формируется патриотическое чувство причастности к большой и малой Родине, происходит становление гражданина российского общества.

Школа в определенной мере должна осуществлять и воспитание на втором уровне, исходя из принадлежности учащихся к различным социальным и национальным группам населения. На этом уровне воспитание по мере возможности должно быть дифференцировано с учетом социальных и личностных интересов, а также возможностей учащихся.

5. **Профессиональные образовательные учреждения.** Государство реализует свою воспитательную функцию прежде всего через систему профессионального образования всех уровней: ПТУ, техникумы, вузы. В период советской власти эти учреждения играли значительную роль в воспитании молодого поколения. Была создана общественно-административная структура по воспитанию учащихся и студентов в каждом учебном заведении, а также на всех уровнях партийных, комсомольских и государственных структур существовали отделы и управления по работе с учащейся молодежью. Воспитанию молодежи внимания уделялось не менее, чем становлению квалифицированного специалиста.

В настоящее время в системе профессионального образования молодежи разрушены почти все воспитательные структуры, что явилось реакцией на излишнюю идеологизированность прежней системы воспитания. Проводится в жизнь идея о том, что получаемое знание имеет воспитательную функцию, т. е. воспитание подменяется обучением. Ликвидированы различные воспитательные структуры в учебных заведениях (например, институт кураторов учебных групп в вузах и т. п.).

Вместе с тем профессиональные учебные заведения остаются наиболее действенным институтом воспитания молодого поколения. Многие учебные заведения, в том числе и вузы, по собственной инициативе заново создают структуры, осуществляющие воспитательные функции, причем на административно-общественной основе. Например, в отдельных вузах вводятся должности проректоров по воспитательной работе, разрабатываются планы воспитательной деятельности с участием всего преподавательского корпуса.

Предлагаемая концепция в плане ее практической реализации рассматривает систему профессионального образования как важнейший институт воспитательного воздействия на учащуюся молодежь, особенно на втором уровне формирования личностных и гражданских качеств молодого человека. Первый уровень воспитания должен быть в основном реализован в системе средней школы, и эффективность его реализации должна быть подкреплена прямым (финансовым и кадровым) и косвенным воздействием (введением экзаменов, моральным поощрением учителей, ведущих воспитательную работу и т. п.).

6. **Вооруженные силы** во всех странах, наряду с системой образования, являются тем институтом, через который государство осуществляет свою воспитательную функцию. В бывшем Советском Союзе армия достаточно эффективно воспитывала молодежь в соответствии с целевыми установками партии. Существовал институт политработников, специально подготовленных для выполнения воспитательных функций среди личного состава армейских подразделений. В настоящее время воспитательная работа проводится на весьма низком уровне.

Армия как институт воспитания призвана формировать личностные и гражданские качества первого уровня, необходимо присущие всей молодежи России, такие как патриотизм, гражданское мужество, инициативность, социальная активность, умение действовать в нестандартной обстановке и т. п. В мировоззренческом плане здесь наиболее эффективно можно формировать гуманистические установки и проводить в жизнь идею национального возрождения России.

Для успешного функционирования армии как института воспитания молодежи в ее структуре необходимо создать институт специалистов по воспитательной работе с личным составом. Специалисты должны иметь соответствующую подготовку именно по работе с армейской молодежью, которая имеет свою специфику. Эту работу нельзя подменять другими формами работы с личным составом, например социальной работой или деятельностью религиозных организаций, которые настоятельно предлагают свои услуги в настоящее время. Именно воспитательная работа с армейской молодежью благотворно скажется как на укреплении боевого духа армии, так и на становлении личности молодых воинов, а также на проведении демократических преобразований российского общества.

7. В истории общества **церковь** всегда выступала в качестве особого института воспитания молодежи, причем не только религиозного, но и патриотического, гражданского, а также участвовала в становлении национального самосознания молодого поколения. Советская власть резко ограничила функции церкви, отделив ее от государства, в том числе практически ликвидировала и воспитательную функцию, отделив школу от церкви.

Демократические изменения в России позволили реализовать право свободы совести населению страны по отношению к религии. Религиозные организации всех конфессий резко активизировали свою деятельность, в том числе и в отношении воспитания молодежи. В настоящее время воспитательная функция церкви не играет значительной роли в обществе в той степени, как она на это претендует, поскольку сказываются годы атеистического воспитания и противостояния государства и церкви. С углублением демократических преобра-

зований в российском обществе роль церкви как института воспитания молодежи будет возрастать, особенно с восстановлением ее структуры по всей территории России. Необходимо регулировать взаимоотношение государства и церкви в этом отношении, поскольку религиозные организации различных конфессий вполне могут выполнять воспитание молодого поколения определенных социальных групп и слоев населения.

8. **Воспитательная функция молодежных организаций.** Через эти структуры государство может реализовать свою политику по отношению к молодежи, и в частности воспитательные функции. В годы советской власти весьма действенное воспитательное воздействие на всю социально-возрастную группу молодежи оказывала комсомольская организация, имевшая свои структуры практически во всех территориально-производственных сферах. Комсомол активно проводил в жизнь политику партии среди молодежи, формируя личность молодого человека и поколения в целом в соответствии с директивами партии.

В современный период существующие молодежные организации не оказывают сколько-нибудь заметного влияния на воспитание молодежи, не имея соответствующих целей, структуры и необходимого финансирования. Эти организации малочисленны, их деятельность практически не координируется.

Молодежные организации могут выступать достаточно действенным институтом воспитательной работы и проведения в жизнь молодежной политики государства при условии их частичного финансирования со стороны государства, а также при постановке им соответствующих задач и координации их деятельности. При этом воспитательная работа должна проводиться на втором уровне, с учетом интересов и склонностей тех групп молодежи, которые входят в соответствующие организации.

9. **Политические партии** выражают интересы различных социальных слоев и групп населения. Почти все политические партии и общественные движения уделяют внимание молодежи, стараясь привлечь ее в число своих сторонников. При этом на молодежь оказывается определенное воспитательное воздействие, особенно в плане формирования мировоззренческих, морально-ценностных и социально-политических ориентиров и установок.

Предлагаемая концепция рассматривает политические партии и движения как один из воспитательных институтов общества, формирующих различные социальные слои и группы молодежи в своих интересах. В целом как институт воспитания партии и общественные движения могут оказывать целенаправленное воздействие как на первом, так и на втором уровнях воспитания. На первом уровне будет осуществляться формирование гражданственности, патриотизма, гу-

манистических качеств личности, уважение к законам, становление культуры демократизма и т. п. На втором уровне будут формироваться качества, необходимые для соответствующих социальных групп, чьи интересы выражает партия или движение. Воспитательное воздействие может осуществляться в различных формах и через различного рода структуры, например молодежные клубы, клубы молодых политических лидеров, летние лагеря и т. п.

10. **Спортивные организации** всегда играли значительную роль в становлении молодого поколения. Здесь происходило не только физическое воспитание, развитие физических качеств молодого человека, укрепление его здоровья, но и целенаправленное формирование морально-волевых качеств, патриотизма и гражданского мужества, чем всегда отличались советские спортсмены. Особенно это было присуще спортивно-техническим и военно-прикладным видам спорта, где на идеях патриотизма были воспитаны значительные массы российского населения.

Сейчас спортивные организации в России находятся в затруднительном положении из-за отсутствия государственного финансирования и организационного единства. Эффективность воспитательных функций спортивных организаций резко снизилась, что не замедлило сказаться как на успехах российских спортсменов, так и на патриотизме, отсутствие которого определило «утечку» ведущих спортсменов за границу. Немаловажную роль в этом сыграло падение престижа спортсменов в общественном мнении.

Успешность реализации концепции воспитания жизнеспособного поколения молодежи будет во многом зависеть от деятельности спортивных организаций. Государство должно определить цели и задачи спортивных организаций по формированию физически здорового, патриотически настроенного поколения молодежи, обеспечив это соответствующими кадрами работников физической культуры, а также надлежащим финансированием.

11. **Творческие организации** всегда имели огромное влияние на молодежь через объединения литераторов, поэтов, художников, музыкантов и т. п., но главным образом через произведения литературы и искусства. В настоящее время творческие организации, литература, искусство и кино переживают трудный период в связи с отсутствием государственного финансирования, переходом на самофинансирование и платные услуги.

При проведении в жизнь государственной молодежной политики по воспитанию молодежи следует учесть то, что творческие организации могут частично решать задачи первого уровня воспитания и в большей мере способны эффективно осуществлять целевые установки второго уровня. На втором уровне, согласно предложенной

концепции, творческие организации как институт воспитания будут формировать личностные и гражданские качества молодежи в зависимости от имеющихся способностей и склонностей к тому или иному виду творческой деятельности. Для нормальной деятельности этих организаций необходима соответствующая подготовка кадров и надлежащее государственное финансирование.

12. **Средства массовой информации.** В эпоху информационной цивилизации они оказывают сильнейшее воздействие на самые широкие слои молодежи, включая все ее социальные и возрастные группы. Учитывая это, государство должно проводить в отношении СМИ очень взвешенную политику.

В настоящее время СМИ в основном проводят линию на разрушение мировоззренческих устоев молодежи, насаждают бездуховность и потребительство, рекламируют жестокость, насилие и криминальное поведение, нацеленное на нетрудовое, легкое и быстрое обогащение. Коммерциализация СМИ привела к катастрофическим последствиям не только их самих, но и всю российскую культуру, в особенности воспитание молодого поколения. Идет целенаправленное уничижение духовности российского народа, разрушение его национального самосознания и менталитета, что крайне негативно сказывается на воспитании молодых россиян.

13. **Содержательная сторона** системы воспитания имеет структуру, включающую следующие разделы: нравственное воспитание, воспитание гражданственности и патриотизма, эстетическое воспитание, физическое воспитание, а также различные виды, связанные с принадлежностью к социальным группам (религиозное, атеистическое, национальное и т. п.).

Каждый из этих разделов (элементов структуры) реализуется через освоение соответствующего содержания, формирование умений, навыков, личностных качеств, а также через различные организационные структуры (музеи, храмы, студии, спортивные организации и т. п.).

Здесь необходима весьма значительная работа по организации деятельности такого рода воспитательных структур в условиях переходного периода, что должно быть учтено при разработке и осуществлении государственной молодежной политики России.

14. Непосредственная реализация новой концепции воспитания осуществляется через различные **формы и методы** проведения воспитательного процесса, с использованием необходимых средств. Положительный опыт по воспитанию молодого поколения, накопленный за годы советской власти, необходимо использовать в новых условиях. Особенно ценен здесь опыт педагогов-новаторов: Амонашвили, Шаталова и др., не получивший широкого распространения в про-

шлые годы. В настоящее время этот опыт будет способствовать формированию нового поколения молодежи.

В то же время условия переходного периода и стратегические цели воспитания ставят новые проблемы, без решения которых невозможно эффективно осуществлять процесс формирования личности в новую эпоху, переживаемую Россией. Среди такого рода проблем можно выделить:

— определение степени жесткости системы воспитания на переходном периоде и на перспективу, в частности соотношение убеждения и принуждения в системе воспитания в условиях демократических свобод;

— формирование потребности к труду при отсутствии внешнего принуждения и моральных стимулов к нему, что особенно касается получения рабочих профессий и труда в сфере материального производства;

— соотношение воспитания и самовоспитания, выявление факторов мотивации самовоспитания;

— наличие необходимых задатков и необходимость формирования требуемых профессиональных и личностных качеств;

— разработка форм и методов становления национального самосознания и ценностных установок в соответствии с интересами различных социальных групп.

11. Кадровое обеспечение

1. **Подготовка молодежных работников.** Реализация государственной молодежной политики, и в частности воспитание жизнеспособных поколений молодежи, должна осуществляться прежде всего специально подготовленными кадрами по работе с молодежью. Анализ подготовки такого рода специалистов в западноевропейских странах показал, что единого подхода к этой проблеме не существует, однако такая работа ведется в широких масштабах многие десятилетия. В нашей стране **практически не существует** единой системы подготовки такого рода кадров. Подготовка осуществляется в рамках специальности «социальная работа». Обучение таких кадров высшей квалификации проводится в нескольких учебных заведениях, в том числе и в МГСА, однако этого явно не достаточно. В целях проведения эффективной молодежной политики и воспитания молодежи необходимо создать систему подготовки специалистов различного уровня квалификации с учетом профиля специализации и региональных особенностей России.

2. **Подготовка воспитателей.** Одной из основных проблем проведения в жизнь концепции воспитания жизнеспособных поколений является проблема кадров воспитателей, способных в новых условиях

решать неординарные проблемы воспитания современной молодежи. Имевшийся корпус воспитателей молодежи, существовавший во всех институциональных структурах, не только утрачен в настоящее время, но зачастую и не может эффективно действовать в новых условиях. Педагогические вузы практически не готовят своих выпускников к воспитательной работе, у большинства из них нет к ней желания, они настроены преподавать, поучать, но не воспитывать.

Реализация новых задач воспитания требует формирования кадрового корпуса воспитателей для всех институциональных структур воспитания, рассмотренных выше. Каждый из этих институтов, особенно самые влиятельные из них: система общего и профессионального образования, армия, молодежные и спортивные организации, потребуют для эффективного функционирования кадров воспитателей, подготовленных с учетом специфики деятельности в каждом из этих институтов. В школе нужны специалисты по внеклассной работе, способные воспитывать современную учащуюся молодежь старших классов. В армии необходимы специалисты по работе с военнослужащими, которые могут решать свои специфические воспитательные задачи.

В перечень профессий следует внести профессию «молодежный работник», «специалист по внеучебной работе», а в перечень специальностей — аналогичные специальности различных уровней квалификации. Программы подготовки такого рода специалистов должны быть сориентированы на формирование у воспитанников гражданских и личностных качеств первого уровня, а специализация должна учитывать требования к личности второго уровня. Подготовку специалистов необходимо ориентировать не только на вербальные формы и методы воздействия на воспитанников, но и на практическое овладение необходимыми гражданскими качествами в процессе активной социальной деятельности. При подготовке специалистов по воспитанию молодежи следует предусмотреть различные формы обучения, в том числе очные и заочные, а также возможность получения второй квалификации.

Создавая данную концепцию, ее авторы пока не смогли в полной мере ответить на все вопросы, которые следовало бы в ней осветить. Они продолжают работу, не претендуя на то, что их общий взгляд и частные подходы «единственно верны». Представляется, что им удалось выдвинуть некую **систему** идей и понятий, которые (при условии их дальнейшей доработки) могут составить основу **новой концепции** воспитания. Процесс пересмотра традиционных представлений, взглядов, определений в этой сфере знания и, следовательно, перемен в организации, формах и методах всей практической деятельности уже идет, но он должен стать более осмысленным, интенсивным и уп-

равляемым. Важно привлечь внимание всего общества к этой проблеме, включить в ее решение ученых, политиков и практиков воспитания, озабоченных судьбой новых поколений россиян и будущего России. Авторы будут вполне удовлетворены, если их труд хотя бы отчасти послужит этой цели.

Из книги «Молодежь и молодежная политика». М., 2001. С. 320–354

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: УРОКИ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

В России начался Год молодежи. Еще в сентябре прошлого года Президент РФ Д. А. Медведев подписал Указ об объявлении 2009 г. Годом молодежи, имея в замысле создание и реализацию проектов по поддержке молодого поколения по всей России, а также привлечение внимания органов власти, бизнеса, СМИ и всей общественности к этой важной теме (так комментировался президентский Указ в официальных СМИ). Когда принимаются такого рода решения, возникает повод вновь обсудить актуальную для общества проблему. А молодежная тема в последнее время вновь зазвучала достаточно громко — прежде всего в силу того, что она аккумулировала накопленную за почти два десятилетия энергию недовольства слишком медленным решением социальных проблем молодежи и общества в целом, так что эту энергию уже невозможно сдерживать обещаниями перемен в будущем. Немаловажно, что 2008 г. дал несколько информационных поводов для возвращения к общественному диалогу о молодежи. Среди них три привлекли особое внимание: на XII Всемирном русском народном соборе обсужден проект Доктрины «Молодое поколение России»; проведены некоторые структурные перестройки в системе исполнительной власти, и теперь действует Министерство спорта, туризма и молодежной политики России; комсомольцы отпраздновали 90-летие своей организации с немалым размахом — намного шире, чем все юбилейные даты ВЛКСМ после его ликвидации почти одновременно с роспуском СССР. Уже в этих

событиях очевидна связь прошлого и будущего в поиске путей решения молодежных проблем. Сегодня было бы недальновидным посчитать, что на этом направлении страна идет по невспаханному полю. Стоит вспомнить о том, как 20 лет назад в стране развернулась всенародная дискуссия о том, легко ли быть молодым, о сути и перспективах государственной молодежной политики, наконец, о том, каким должен быть закон о молодежи и нужен ли он вообще. С тех пор российское общество во многом другое, но вновь и вновь на повестку дня встает молодежный вопрос.

Редакция газеты считает важным в Год молодежи включиться в обсуждение этой важной темы с ректором Московского гуманитарного университета профессором ИГОРЕМ ИЛЬИНСКИМ и проректором этого университета профессором ВАЛЕРИЕМ ЛУКОВЫМ, широко известными своими исследованиями проблем молодежи и проектами в области молодежной политики. Наш корреспондент задал им ряд вопросов.

Кор.: Игорь Михайлович, еще в 1986 г. Вы выступили с докладом, в котором были сформулированы основы государственной молодежной политики в СССР, затем Вы стали инициатором разработки Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР», который был принят в 1991 г.. Тогда Вы и еще четверо разработчиков законопроекта, и среди них В. А. Луков, были удостоены премии Ленинского комсомола — как оказалось, это было последнее в истории комсомола присуждение награды, которая по престижности стояла в одном ряду с Государственной премией СССР. В общем, есть все основания считать Вас идеологом и фактически основоположником целого направления государственной деятельности, которое ныне утвердилось в стране настолько, что даже в названии органа исполнительной власти, отвечающего за работу с молодежью, стоит этот термин «молодежная политика».

И. М. Ильинский: Претендентов на первенство в разработке идей молодежной политики не так мало. Даже в ряде концепций государственной молодежной политики, выдвигавшихся для обсуждения в структурах власти в самое последнее время, авторы недвусмысленно выдают себя за первооткрывателей. Как PR-акция это, может быть, и объяснимо, но чаще за словами «мы первые» стоит некомпетентность и нежелание понять, какого рода сложную материю составляет концептуализация проблем молодежи и молодежной политики, насколько важно учитывать весь предыдущий опыт в этой сфере — и достижения, и заблуждения, и ошибки.

В этой связи хочу сказать, что Московский гуманитарный университет только что опубликовал в серии «Для научных библиотек» два тома документов и материалов о становлении и развитии государст-

венной молодежной политики в России. После многих лет забвения, а нередко грубого искажения действительной истории взаимоотношений государства и молодежи, общества и молодежи публикация документов, сохранившихся в государственных архивах или только в архивах организаций и частных лиц, проливает свет на трудную и упорную работу органов власти, с одной стороны, и специфически действовавших в советское время и в начале постсоветского периода структур гражданского общества, включая и сообщества ученых, с другой, — работу по формированию управленческих механизмов социального развития юношества, передачи эстафеты от поколения к поколению.

В. А. Луков: Документы и материалы, которые публикуются в этих сборниках, существенно дополняют, а по сути, впервые делают доступными основные источники для исследований в области истории государственной молодежной политики и молодежного движения в России конца 1960-х — начала 1990-х годов. Думаю, они будут полезны тем, кто сегодня разрабатывает программы и проекты в области государственной молодежной политики. За строками документов, за данными массовых опросов проглядывают контуры молодежных проблем в масштабе страны, народа, эпохи. Такой масштаб нередко теряется, когда в руках исследователей или практиков лишь отдельный текст — фрагмент ушедшего в прошлое события. Главное же в том, что за формулировками законопроектов, войной мнений при их обсуждении и другими следами уже давних событий нельзя не видеть тектонических смещений в естественно-историческом процессе преемственности и смены поколений. Именно в этом направлении и шла теоретическая работа над концепцией молодежной политики, которую возглавил И. М. Ильинский — и как организатор, и как ученый.

Кор.: На этом вопросе попрошу Игоря Михайловича остановиться особо. В каком смысле Вы связываете концепцию молодежной политики с общеисторическим процессом преемственности и смены поколений?

И. М. Ильинский: В самом деле, это непростой вопрос — но ключевой. XX в. для России стал временем таких социальных и политических потрясений, которые породили и не могли не породить разрывы поколений, нарушение их связи, а значит — превращения единства общества, народа в иллюзию, желаемую, но недостижимую цель. Это век трех революций — *революции 1917 г.* (Февраль и Октябрь — лишь две фазы великого отказа от российского прошлого, шаг в неизвестность), *революции первых сталинских пятилеток*, перемоловшей народ в жерновах индустриализации и коллективизации, наконец, *революции горбачевской перестройки*, перешедшей в ельцинский разгром СССР. Обычно принято о революции говорить как о перерыве посте-

пенности, но уникальный опыт России показал, что революция может быть *перманентной*: целый век она развивалась как *единый целостный процесс*, сметающий всякую постепенность, подрывающий саму идею устойчивости. Если учесть колоссальный внешний удар по нашему народу, нанесенный в годы Великой Отечественной войны фашистским нашествием, то можно утверждать: преемственность поколений россиян в XX в. испытала *четыре глобальные катастрофы*. Катастрофы такого масштаба, такой силы, что раны на теле народа не будут залечены многие десятилетия, возможно, до конца века нынешнего. Это и есть исторический фон тех или иных действий в области государственной молодежной политики, а по сути, ее главный результат. Лидеры страны Ленин, Сталин, Хрущев, Горбачев, Ельцин ставили крупные цели, продавливали их принятие в качестве общенародных, в итоге давали мощный импульс для смены поколений, но не были озабочены *преемственностью* поколений, совершенно не понимали последствий своих действий для целостности народа и поддержания его жизнеспособности.

Надо учесть и особенности советской политической системы, и то, как понималась роль молодежи в советском обществе. Сегодня именно эти две особенности того времени не позволяют попросту воспроизвести ранее разработанные положения молодежной политики. Первая состоит в том, что *ядром советской политической системы было не государство, а правящая, притом единственная, политическая партия*. Исторически сложившаяся в СССР однопартийная система осмыслялась и политиками, и учеными-обществоведами не как ущербность политической жизни советского общества, а как ее безусловное преимущество: курс партии не мог быть оспорен другой политической силой, он закреплялся всей системой «приводных ремней» к массам, среди которых были и государство, и профсоюзы, и комсомол. С точки зрения молодежной политики это означало, что ее линия всецело определялась партией, ее директивами, ее лидерами.

Кор.: Можно сказать, государственная молодежная политика советского времени — лишь бледное отражение партийных установок...

В. А. Луков: Собственно, она так никогда и не называлась, о государственной молодежной политике писалось лишь в связи с зарубежным опытом и обычно в критическом или по крайней мере в скептическом тоне. Сам язык права, на котором говорит государство с гражданами, в условиях диктата одной партии вырождается и становится языком партийных постановлений. Это хорошо видно на примере первых двух законопроектов о молодежи, разрабатывавшихся в советскую эпоху — в 1967 и 1977 гг. (мы их впервые публикуем в упомянутых документальных сборниках).

И. М. Ильинский: И тем не менее сегодня мы не должны цепляться к форме документов тех лет и проявлять благородное возмущение трескучестью тех или иных фраз. В конце концов, это всего лишь слова — знаки своей эпохи. Для нас скорее важно понять, что из прошлого опыта может научить нынешнюю власть строить не на словах, а на деле социальную политику в интересах народа, а не узких олигархических групп. И здесь нельзя не отдать должное советской практике молодежной политики, оказавшейся созвучной ритмам и вызовам своего времени. Ее можно сколь угодно резко критиковать за узурпацию всех средств идейного и политического давления на общество, но она не была иллюзорной. Для большинства молодежи обеспечивались равные права на образование, труд, охрану здоровья. В основе всей работы с молодежью лежали ценности патриотизма, интернационализма, высокой нравственности. Советская власть выступала как работающая система, в которой активная роль принадлежала и самой молодежи: ее представительство через комсомол перед властью на всех уровнях социальной организации было реальным.

В России давно уже нет всевластия КПСС, и многопартийность стала нормой политической жизни, свобод — много, прав — много... Только что это дает для миллионов людей? Идейными наставниками вместо ЦК КПСС становятся СМИ с их Ксюшами, «Комеди-клабами» и «Аншлагами». А под прикрытием телесенсаций и телешоу государство, не декларируя, проводит ультралиберальную политику, хотя официально, по Конституции, продолжает именоваться «социальным государством». Если государство «социальное», то и социальная политика должна быть для него подлинным приоритетом, молодежная политика, как ее часть, должна быть сильной, т. е. обеспечивать молодому человеку поддержку в его стремлении к самореализации в обществе. Где она, сильная молодежная политика? Все имитируется. То, что сейчас на наших глазах — при многопартийности и больших свободах — сделано «законным путем» с правом молодого человека получить высшее образование, нельзя назвать иначе, чем социальной сегрегацией. Выпускник школы получает две низкие оценки — и он обречен, ему навсегда заказан путь в высшую школу. Депутаты двух парламентских партий единогласно голосуют за установление такого порядка, отметая аргументы других парламентских партий, оказавшихся в меньшинстве. Но следовало бы помнить, что это *огромное меньшинство*. Забыты и призывы великих русских писателей, педагогов, психологов, социологов XIX–XX вв. видеть человеческую личность в развитии, признавать природную способность человека меняться к лучшему. Личностный рост у каждого имеет свой темп и ритм, и нелепо его привязывать к дате очередного ЕГЭ. Времена вроде бы новые, а проблемы решаются, как будто на дворе XVI в.,

а у власти опричники. Безграничность российских просторов сформировала в народе лень к самосовершенствованию и надежды на «батюшку царя», долготерпение и непротивление реформам, временами взрываемые бунтом «бессмысленным и беспощадным». Высший духовный слой общества не успевал закрепиться, прорасти вглубь народа, как уже оказывался поверженным или уничтоженным физически. В этом смысле советский опыт молодежной политики, построенной по модели политики партийной, — звено той же исторической цепи. Партийная политика упускала из поля своего внимания то, что носит надпартийный характер. В конечном счете здесь и сказались ее слабости, которые стали так заметны уже в 1970-х годах.

Кор.: Как я понимаю, в проектах законодательных актов о молодежи, о которых у нас шла речь, ничто не свидетельствовало о том, что энтузиазм молодежи на пределе и ставку на него дальше делать нельзя?

В. А. Луков: Здесь немаловажно «второе дно» многих документов. Их следует читать и между строк, основываясь на дополнительных данных. Вот, например, сохранившийся фрагмент стенограммы заседания рабочей комиссии по подготовке предложений о разработке проекта Закона СССР о молодежи, которое проходило 25 мая 1977 г. под председательством В. А. Саюшева, в то время первого заместителя Председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию. В ответ на предложения сохранить в новом законопроекте то же, что и в проекте 1967 г., название (а это значит — и сферу правового регулирования), И. М. Ильинский, тогда заведующий отделом Научно-исследовательского центра ВКШ при ЦК ВЛКСМ, предложил иное: «Правильнее всего назвать этот закон “Закон о молодежи”. Это, конечно, просто, не мобилизует. Но мобилизовать должен сам закон по существу, а не название, потому что под самым красивым названием может быть не столь красивое содержание». Саюшев, государственный чиновник высокого ранга, поддержал эту позицию, подчеркнув, что законопроект по содержанию должен быть «о молодежи, а не о повышении роли в коммунистическом строительстве, потому что тогда отпадает ряд вопросов: хорошо, коммунистическое строительство, а при чем здесь вопросы семьи? Вы можете сказать — семья ради коммунистического строительства, но тогда возникает вопрос — а где же для человека, а не для коммунистического строительства? Мы должны, наверное, остановиться, что это законопроект СССР о молодежи». Сам тон этих высказываний совершенно отличается от конечного текста законопроекта и свидетельствует, что в вопросах молодежной политики уже обозначился сдвиг от партийного подхода к подходу по существу государственному.

И. М. Ильинский: И тем не менее в законопроектах советской эпохи сохраняется основополагающая позиция, идущая от молодежной политики КПСС, — та, что выражает официальное отношение к *роли молодежи в советском обществе*. Хотя в документах КПСС и комсомола выдвигались цели развития личности молодого человека, всестороннего раскрытия творческого потенциала молодежи, в действительности на всех этапах советской истории к молодежи относились прежде всего как к *средству* достижения целей, которые, по сути, находились вне ее, — общенародных, общегосударственных, общественных. В периоды «советских революций», когда активно работали лифты социальной мобильности и молодежь имела немалые возможности карьерного роста, была незаметной однобокость в оценке роли молодежи, всячески выделяющей ее вклад в коммунистическое строительство и игнорирующей значимость личных целей и ценностей. Но как только подступала желаемая для общества стабильность, не могли не останавливаться социальные лифты и не могла не возрастать социальная напряженность между молодым и старшим поколениями. Идея всемерного превосходства общественного над личным в духовном настрое общества в такие периоды тускнела, а в молодежной среде нередко порождала протест. Партия, а вслед за ней и комсомол, и все другие звенья политической системы продолжали наращивать усилия по закреплению в общественном сознании приоритета общественного, коллективного над личным, частным и достигли на этом пути немалых успехов в результате огромной работы по идеологизации образования, науки, искусства, всей жизни простого советского человека. На определенных этапах жизни страны, особенно в годы войны и послевоенного восстановления, установка на коллективизм была спасительной для страны. Но и в более спокойные времена она в массах народа не подвергалась сомнению. Роль андеграунда и инакомыслия была невелика, сколько бы сегодня ни говорили о судьбоносности для нынешней России антисоветского диссидентства. Лишь на отдалении от времен СССР начинает осмысляться значение *баланса индивидуального и общественного*, который обеспечивается не принятием законов и постановлений, не научными разработками, а *искусством управления*.

Кор.: Что же произошло в отношениях государства и молодежи в период, когда готовился третий законопроект о молодежи?

И. М. Ильинский: Интересный вопрос, ведь третий законопроект — а именно на его основе в 1991 г. был принят Закон СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» — разрабатывался в той же стране, где готовились два предыдущих законопроекта. Но с самого начала и содержание закона, и организация работы над ним резко отличались от того, как это было в период работы

над проектами 1967 и 1977 гг. Те два проекта инициировались ЦК ВЛКСМ и в конце концов умерли в столах инструкторов ЦК КПСС, как нередко бывало с другими инициативами комсомола. Спустя десятилетия становится ясно, что дело здесь вовсе не в том, что тексты были слишком декларативными и юридически неотработанными, а закон о молодежи не вписывался в систему отраслей права. Законопроекты 1967 и 1977 гг. вполне были в духе своего времени с точки зрения права, в их подготовке участвовали — вместе с комсомольскими работниками и учеными-молодежниками — опытные юристы. Так что дело не в юридической технике, а в *последствиях* принятия закона о молодежи, не осознававшихся тогда инициаторами и разработчиками, по крайней мере большинством из них. Последствием же принятого закона должно было бы неминуемо стать перераспределение функций управления обществом, закрепившихся в политической системе СССР: вместо системы, основанной на руководящей роли КПСС в советском обществе, которая «приводными ремнями» напрямую, без посредников, связана с народом через управляемые ею институты государства и общественные организации, возникала бы система, где в отношении целого возрастного слоя общества действует принцип руководства правовой нормой, а не указанием партии. Функции государства, таким образом, расширяются и наполняются новым содержанием, функции партии, а вместе с ней и комсомола по решению молодежных проблем сворачиваются, причем функции важнейшие с точки зрения молодого человека, поскольку касаются образования, труда, жилья, здоровья и т. д. Такие изменения, будь они приняты в 1960–1970-е годы, могли привести к постепенной трансформации задач и механизмов поддержки молодежи в период жизненного старта. Зная сегодня, каким путем пошла история страны, можно утверждать: если бы закон о молодежи был принят в 1967 или в 1977 г. на базе подготовленных проектов — даже таких идеологизированных и декларативных, — советская власть могла бы остаться живой.

Третий законопроект возник и готовился в совершенно другой политической, экономической, идеологической ситуации. Это годы перестройки, поначалу породившие в народе большие надежды и сопровождавшиеся взрывом энергии масс, инициативой и жаждой новаторства во всех слоях общества. В сфере исследований проблем молодежи ветер перемен принес обновление не только тематики, но и направленности научных проектов. Выдвижение идеи государственной молодежной политики и закрепляющего ее принципы и механизмы закона стало поворотным пунктом в этом процессе и предопределило на последующие два десятилетия магистральный путь российской науки о молодежи.

В. А. Луков: В этом мы еще раз убедились, когда готовили сборник документов о молодежной политике в России. Роль Научно-исследовательского центра ВКШ при ЦК ВЛКСМ здесь велика, для этого много причин. В конце 1980-х годов НИЦ был крупнейшей в стране организацией, исследовавшей молодежную проблематику. Ни одна другая структура — ни в академиях наук, ни в университетах — не имела столь крупных кадровых, финансовых, организационных ресурсов. НИЦ вел крупные исследования в области социологии, педагогики, истории, политологии, выполнял функции координации всех молодежных исследований в масштабах страны, был признан в мировом научном сообществе. Но этого было бы недостаточно для решения задачи такого масштаба, как обоснование и внедрение нового направления государственной деятельности, нового направления государственной политики. Вы, Андрей Борисович, уже упоминали программный доклад И. М. Ильинского «Проблемы молодежи и молодежной политики в условиях перестройки» на научной сессии НИЦ в октябре 1986 г. Там впервые был поставлен вопрос о необходимости выработки «новой и более сильной молодежной политики государства». Под «молодежной политикой» в этом первом изложении ее концептуальных основ применительно к новой проблемной ситуации, сложившейся в стране в период перестройки, И. М. Ильинский понимает, во-первых, «систему идей и теоретических положений относительно места и роли молодого поколения в обществе», во-вторых, «практическую деятельность государства, общественных организаций и других социальных институтов по реализации этих идей и положений в целях формирования и развития молодежи, реализации ее творческих потенций в интересах общества». Достаточно сравнить предложенный директором НИЦ в 1986 г. подход к трактовке молодежной политики с формулой Закона СССР, принятого в 1991 г., как становится ясно, что концепция государственной молодежной политики, теоретически обоснованная И. М. Ильинским, а затем развитая в последующих его работах и работах его коллег по НИЦ, получила признание в государстве и обществе.

Но сегодня, когда слова «молодежная политика» укрепились в практике государственной деятельности и стали правовым термином, не следует забывать, что до 1986 г. они никогда не употреблялись применительно к условиям СССР. Утверждение и новой концепции, и даже самого термина было делом политической и идейной борьбы, а не просто теоретическими изысками и гипотезами. Каждая публикация с такого рода идеями рассматривалась чуть ли не как покушение на советский строй. В преодолении цензурного запрета на обсуждение истинного положения молодежи в стране и государственных мер по изменению ситуации огромную роль сыграла публикация в главном

теоретическом журнале КПСС «Коммунист» (в № 6 за 1987 г.) статьи И. М. Ильинского «Развитие социализма и молодежь», и хотя «перестройка» и «гласность» журналом пропагандировались как линия партии, публикация статьи, где вскрывались социальные проблемы молодежи и доказывалось, что их решение невозможно без масштабных государственных мер, составила для редколлегии большую проблему, решение далось нелегко.

Не следует также упрощать дело, считая, что НИЦ и его директор пользовались монополией, поскольку были в системе «заказчика» закона — ЦК ВЛКСМ. Во-первых, параллельно работали другие группы, в которые входили, среди прочих, известные исследователи-молодежники тех лет (В. Т. Лисовский, В. И. Чупров и др.). Иногда конкуренция концепций молодежной политики напоминала гладиаторские бои: Комитет Верховного Совета СССР по молодежной политике призывал группы разработчиков и устраивал их прямой диспут, наблюдая со стороны, кто же возьмет верх.

Во-вторых, отношения разработчиков законопроекта из НИЦ с ЦК ВЛКСМ были исключительно сложными. Руководство ЦК поначалу ухватилось за инициативу директора НИЦ, понимая, что в перестроечное время это шанс проявить себя представителем интересов молодежи в формах законотворчества. 31 августа 1987 г. состоялось заседание Бюро ЦК ВЛКСМ, на котором обсуждался вопрос «Об участии комсомольских организаций страны в подготовке Закона СССР о молодежи». Проект постановления Бюро был подготовлен И. М. Ильинским и принят без изменений. В соответствии с этим постановлением была образована комиссия ЦК ВЛКСМ по разработке и рассмотрению предложений в проект закона о молодежи (председатель — первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. И. Мироненко, заместитель председателя — директор НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ И. М. Ильинский). НИЦ получил поручение создать временный творческий молодежный коллектив (ВМТК) в количестве до 20 человек для разработки концепции, структуры и текста проекта Закона СССР о молодежи.

И. М. Ильинский: О ВМТК надо сказать особо. Этот творческий коллектив я поручил возглавить младшему научному сотруднику НИЦ, молодому кандидату юридических наук Джахан Поллыевой. Сегодня это имя хорошо известно: многие годы Джахан Реджеповна работает помощником Президента Российской Федерации. А тогда надо было только начинать, да еще в условиях, когда юристы дружно настаивали на невозможности создания закона о молодежи, поскольку он не укладывается в систему отраслей права. Нужны были энтузиасты, новые идеи, и Джахан оказалась моим надежным соратником: она привнесла в борьбу за закон юридические знания, законотворче-

скую технику. Да и молодость! В ВМТК в основном были молодые ученые. Через эту структуру за годы работы над законопроектом прошли около 50 человек, некоторые из них сегодня занимают высокие посты в государстве, бизнесе. Но в конечном итоге удержалась довольно небольшая группа наиболее стойких борцов, хорошо знавших предмет, понимавших новизну задачи и освоивших технику законотворческой деятельности. Ведь от идеи до правовой нормы, сформулированной на языке права по свойственным ему четким правилам, большая дистанция. Вы упоминали о премии Ленинского комсомола, присужденной за разработку законопроекта в 1991 г. Так вот, кроме меня эту премию получили четверо наиболее активных членов ВМТК — Сергей Алещенок, Валерий Луков, Джахан Поллыева и Станислав Пугинский.

В. А. Луков: Станиславу Пугинскому, когда он начал работу в ВМТК, было всего 23 года. Вообще, фактор молодости разработчиков этого законопроекта имел тогда немалое значение. Его обыгрывали в СМИ, например в одной из самых популярных телепрограмм того времени «Взгляд», где выступила четверка из ВМТК — Джахан Поллыева, Сергей Головатый, Михаил Барщевский и я. Когда народными депутатами были избраны 75 юношей и девушек по квоте комсомола — новация периода перестройки, все они пришли к Джахан, в ВМТК. У нас в НИЦе депутаты от ВЛКСМ подписывали первое свое коллективное письмо М. С. Горбачеву. Некоторые из них — Андрей Шаронов и Виктор Минин в первую очередь — работали с ВМТК в ежедневном режиме, включились в черновую работу над законопроектом.

Начальный этап работы активно поддерживался ЦК комсомола. Но довольно скоро ситуация изменилась, и хотя законопроект обсуждался на XX съезде и на пленумах ЦК ВЛКСМ, а секретари ЦК стали частыми гостями в НИЦ, в комсомольских верхах наметилось охлаждение к идее государственной молодежной политики. Тогда, в 1987–1991 гг., когда закон пробивал себе дорогу и шла ожесточенная борьба его сторонников и его противников, трудно было увидеть за бесконечной чередой дискуссий суть этого охлаждения в руководстве комсомола. Сегодня, два десятилетия спустя, становится ясным, что дело не в отдельных положениях предложенной комсомолу концепции, а в ее принципах: укреплением роли государства в решении проблем молодежи на задний план отодвигается организация, которая представляет партию в молодежной среде, и у этой организации, по сути, отбирается важнейшая ее функция — социальная. Если в законопроектах 1967 и 1977 гг. такие последствия могли бы возникнуть лишь после длинной череды лет, то в законопроекте, который готовился в НИЦ, такое изменение молодежной политики прочитывалось совершенно ясно, причем комсомол становился лишь од-

ной из молодежных организаций, выражающих стремление молодежи к самореализации.

В конечном счете принятый Закон СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» закрепил именно этот переворот в отношениях государства и комсомола.

И. М. Ильинский: Но и это не все. Социальная функция комсомола не просто перераспределилась в пользу государственных механизмов ее осуществления. То, что Законом СССР, принятом на основе законопроекта НИЦ, было установлено, что государственная молодежная политика имеет целью «создание социально-экономических, организационных, правовых условий и гарантий для социального становления и развития молодых граждан, их наиболее полной самореализации в интересах всего общества», означало, что государство перестает действовать в роли всеведающего и всесильного «отца» для молодежи и определяет свое место во взаимоотношениях с ней как тот социальный институт, который создает условия и гарантии (не все, а те, которые носят социально-экономический, организационный и правовой характер) для того, чтобы молодой человек нашел себя в обществе, смог в нем самореализоваться. Как? — это его выбор и его ответственность.

Нельзя не заметить, что уже в этом исходном пункте изменения концепции государственной молодежной политики связаны с тем, как в обществе в целом решаются проблемы свободы, прав человека, социальной ответственности. Проект писался в то время, когда ветры перестройки всколыхнули общественное сознание, когда для миллионов людей стало важным, что и как принимается от их имени в виде закона. В этом процессе новое понимание задач не могло не вступать в конфликт с устоями советского строя, хотя разработчики законопроекта не были диссидентами и не придерживались двойной морали: они искренне стремились изменить ситуацию в обществе без разрушения его основных социальных институтов, что отразилось в документах, которые публикуются без изъятия мест, которые сегодня звучат «посоветски». Но даже такая позиция в то время воспринималась многими во властных структурах как безмерно смелая, недопустимо радикальная. Если бы с самого начала группой разработчиков законопроекта не были задействованы ведущие средства массовой информации, если бы они в ежедневном режиме не встречались в аудиториях (нередко многотысячных по числу участников) с молодежью, не выступали перед академиками, офицерами армии и КГБ, народными депутатами, комсомольскими работниками, ветеранами — и в Москве, и по всей стране, — законопроект был бы похоронен на ранней стадии работы.

За формулировками правовых норм сложно разглядеть стратегический замысел этой работы, а он был в том, чтобы восстановить взаи-

модействие поколений, в котором развились обширные кризисы, обозначился «разрыв поколений». Собственно, сознательная, целенаправленная молодежная политика и есть способ регулирования межпоколенческих отношений, управления процессом преемственности поколений и, стало быть, развития общества. И не только для перестроечного Советского Союза, не только для постперестроечной постсоветской России. Эта формула отражает смысл молодежной политики во все времена, во всех обществах. При общей сущности виды этой политики имеют разные цели и разное содержание, которые определяются идеологией этих обществ. Такой взгляд на молодежную политику и был реализован в законопроекте 1987–1991 гг., а кроме того, в целой серии нормативных правовых актов, проекты которых готовились в НИЦ.

В. А. Луков: Значение поворота в ГМП, сделанного в последний год существования СССР, не должно преуменьшаться: в основе любых политических шагов должна лежать ясная концепция, определяющая цели конкретных действий, делающая их осмысленными. В области государственной молодежной политики такая концепция утвердилась благодаря работе над законопроектом 1987–1991 гг.

С распадом СССР в декабре 1991 г. история Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» как юридического акта завершилась: он не вошел в состав нормативных правовых актов Российской Федерации. Но это был финал закона только по форме; его концепция, содержание, сформулированные правовые нормы продолжали оказывать решающее воздействие на весь процесс строительства правовых основ государственной молодежной политики по крайней мере до конца 1990-х годов. В эти годы были приняты законы о государственной молодежной политике (в некоторых случаях — о молодежи, о молодежной политике, о региональной государственной молодежной политике и т. д.) примерно в 50 субъектах Российской Федерации, хотя на федеральном уровне закона по-прежнему нет: на принятый в 1999 г. Федеральный закон «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации» президент Ельцин наложил вето, которое депутаты Госдумы не смогли преодолеть. К сожалению, и законодательная, и организационная, и финансовая составляющие государственной молодежной политики почти два десятилетия развивались по известной формуле: «Шаг вперед — два шага назад». Принятые решения — законы, государственные программы и т. д. — этим выхолащивались, и сохранялся главным образом фасад.

Кор.: К молодежи политические силы обращаются главным образом перед очередными выборами, рассчитывая на дополнительные голоса...

И. М. Ильинский: К сожалению, это так. И утвержденная правительством Стратегия государственной молодежной политики больше порождает вопросов, чем ответов. Пока приходится лишь надеяться на поворот в мозгах и действиях. Здесь легкомыслие верхов опасно для общества. И наша недавняя история это подтверждает. Да, в 1987–1991 гг. был создан для того времени самый основательный, последовательный и конструктивный «Закон о молодежи» в мире (такая оценка звучала не раз на международных форумах). Да и сегодня — его обсуждение в обществе, проработка с народными депутатами, министерскими специалистами, учеными-правоведами, практиками — эти процессы остаются образцом работы над законами, затрагивающими интересы больших социальных групп. Но стоит ли забывать, что законопроект разрабатывался в ситуации социального пожара, революции, гражданской войны? Время от времени это были не метафоры, и проливалась кровь, уничтожалось хоть и скромное, но благополучие «застойного» времени, в сердцах поселялся страх за жизнь, ужас перед будущим. Молодежь в этот период выступала детонатором политических взрывов в регионах, провоцировала общество. Ее роль в дестабилизации СССР стала значительной, и этим тут же попытались воспользоваться силы, увидевшие для себя возможность исторического реванша, перехвата власти (как это бывает всегда в годы социальных переломов и смут). Именно поэтому многими в то время само намерение принять закон о молодежи воспринималось как попытка набросить уздечку на молодежь, удержать ее на поводке от радикализации.

В. А. Луков: Все это важно и для сегодняшних решений в области ГМП. Мировая практика показывает, что результативность молодежной политики в полной мере проявляется после 30–40 лет ее последовательного осуществления по устойчивым программам.

И. М. Ильинский: В главных своих чертах молодежная политика должна быть неподвластна переменам, политической конъюнктуре. И дело вовсе не в том, какие слова подбирают авторы проектов «стратегий», «доктрин», «программ» молодежной политики. Все это частности. А без ответа остается главный вопрос: куда движется наше общество, которое мы передаем молодежи? Горбачевская революция породила в середине 1980-х годов ожидание социального чуда. Но и здесь дали о себе знать особенности всех революций, а именно утрата иллюзий и неизбежный откат назад. Попятные движения неминуемы, и революции ими не зачеркиваются, но совсем не все равно, какой длины шаг назад будет сделан. Революция 1991 г. зашла недопустимо далеко в противопоставлении новых целей тому, что укрепилось в обществе, что его цементирует. Вакханалия раздачи собственности и правового беспредела, презрения ко всему советскому,

скидывания с пьедесталов недавних кумиров (война с памятниками) — эти и другие зримые черты постсоветской России вновь затронули хрупкие механизмы передачи социального опыта от поколения к поколению: на место трудового героизма как особой ценности советского строя поднялись праздность и жажда легких денег, с потрясающим размахом было уничтожено уважение к труду. Этим мы вернулись в старую Россию, в эпоху господства и рабства (смыслы — те же, как их не называй). Что ждет общество рабов? Ответ дает мировая и наша история — революция. Она в таком обществе становится желанной не только для отдельных сорвиголов, она вызревает в обществе, как зреют «гроздья гнева».

Если такое происходит в среде молодежи, то стратегические цели государственной молодежной политики оказываются проваленными, даже когда объявлены привлекательные программы, которые правительство готово осуществить в интересах молодежи.

Интервью И. М. Ильинского и Вал. А. Лукова газете «Вузовский вестник», 2009

МОЛОДЕЖЬ КАК БУДУЩЕЕ РОССИИ В КАТЕГОРИЯХ ВОЙНЫ

Доклад на Научно-практической конференции «Молодежная политика и молодежное движение: 15 лет перемен», Московский гуманитарный университет, 30 мая 2005 г.

Уважаемые коллеги, друзья!

Большинство присутствующих знает меня: кто лично и уже давно, кто — заочно, по моим книгам и статьям о молодежи и молодежной политике. Для тех, кто вовсе не знает меня, хочу объяснить мое появление на этой трибуне, с которой я выступаю не как ректор, а как исследователь.

Почти двадцать лет назад, в октябре 1986 г., будучи директором Научно-исследовательского центра при ВКШ, я выдвинул и обосновал идею о необходимости разработки в СССР научно-правовых основ

государственной молодежной политики, был научным руководителем и одним из разработчиков проекта, носившего условное название «Закон о молодежи». В мае 1991 г. Закон «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» был принят Верховным Советом СССР. Вскоре был создан Комитет СССР по делам молодежи и соответствующие структуры в областях и республиках, система комиссий с аналогичным названием в ЦК КПСС, Верховном Совете, низовых советах народных депутатов.

На это ушло четыре с половиной года жесточайшей борьбы, которая нередко принимала идеологический, политический характер и в любой момент могла принести мне и всем, кто работал со мной, самые большие служебные и жизненные неприятности. Главные перипетии этой опасной борьбы в полном объеме пережил и знаю только я. Главная причина борьбы состояла в том, что идея особой молодежной политики подавляющим большинством людей как «внизу», так и особенно «вверху» воспринималась как сумасшедшая, как моя ненужная выдумка, оригинальничание.

Все четыре года я и моя «команда» работали и жили без сна и отдыха, вдохновляясь мыслью о том, что мы делаем дело, очень нужное для молодежи и всего общества.

Став в 1994 г. ректором нашего вуза, я хоть и урывками, по инерции, но продолжал заниматься проблемами молодежи. Более пяти лет был членом Коллегии Комитета РФ по делам молодежи, членом Совета по делам молодежи при Президенте РФ. Довольно скоро мне стало совершенно ясно, что новые российские власти еще хуже, чем советские, понимают ценность молодежи, еще менее обеспокоены ее проблемами. После того как в 1995 г. на заседании Правительства РФ подготовленный под моим научным руководством и при моем авторстве доклад по проблемам воспитания был назван очернительским и запрещен для рассылки в регионы, я решил расстаться с исследованием молодежи: работать на людей, которым истина мешает жить, противно. Я собрал кое-что из написанного мною в книгу «Молодежь и молодежная политика», издал ее и с этим распрощался с исследованием темы, которой отдал многие годы своей жизни. Последние восемь-девять лет я пишу в основном об образовании. Изменился предмет, но объект остался прежним — молодежь.

Мне кажется, что я имею право сказать то и так, как думаю, о ситуации в мире и России, а также об основных подходах к молодежной политике в нашем обществе прежде всего потому, что в этом нет никакой моей личной заинтересованности и корысти; напротив, я в очередной раз могу вызвать бурчание властей, как это было в 1995 г. по поводу доклада Правительству РФ по вопросам воспитания, не говоря уж о ехидных ухмылках моих трезвомыслящих ученых-коллег.

Я должен сказать об этом как гражданин и исследователь, который пока, к несчастью, не ошибался в своих оценках и прогнозах.

Сегодня я снова, как это было в 1986 г., хочу сказать нечто существенное о молодежной политике, преподнести ее в непривычном ракурсе, высказать некоторые оценки, выдвинуть идеи, которые могут быть квалифицированы как «сумасшедшие».

Позвольте предложить вам свои отрывочные рассуждения о молодежи как будущем России в категориях войны. Это совершенно новый, предельно широкий взгляд на молодежь и молодежную политику, не в традиционно социологическом, а в глобальном политическом, если хотите, геополитическом аспекте.

Такой подход требует мыслить категориями пространства и времени, рассматривать молодежь как главный ресурс общества, зародыш и еще незрелый плод нации, а молодежную политику — как главный инструмент общества и государства по вызреванию и выращиванию этого «плода», исправлению, образованию народа и нации в соответствии с теми идеальными представлениями о человеке и нации, которые есть в каждой стране и должны быть у России.

Такой подход требует рассматривать молодежную политику как главную цель развития нации и, следовательно, как центральный вопрос национальной безопасности.

Столь предельно широкий взгляд на молодежную политику — государственную и общественную — означает, что из разряда узких и маргинальных направлений деятельности, каковой она является ныне (в основном — это помощь безработным, инвалидам, различным группам риска и прочим девиантным слоям молодежи), финансируемой по остаточному принципу, молодежная политика должна быть превращена в ведущее звено всего социально-гуманитарного направления жизни общества и государства. В таком понимании молодежная политика как бы поглощает, стягивает все основные направления системы образования, культуры, физкультуры и спорта, здравоохранения, средств массовой информации и т. д., которые должны обслуживать ее цели и задачи.

Такой подход к пониманию молодежной политики означает, что возглавлять и контролировать это направление деятельности должна фигура, ответственная перед всем народом, регулирующая взаимоотношения государства и гражданского общества, т. е. Президент России, в непосредственном подчинении которого должен находиться соответствующий специальный общественно-государственный орган, призванный координировать все человекообразующие и обществообразующие структуры.

Понимаю, что такой подход, как покажется многим, ставит все с ног на голову (а как же экономика?!), хотя на самом деле, с головы —

на ноги. Для того чтобы это произошло, чтобы должное и сущее совместились, надобно осуществить большой поворот в мозгах. Задача непростая. Но этого требует нынешняя ситуация в мире и в российском обществе, которую я вместе со многими моими коллегами рассматриваю как чрезвычайную, несущую для России гибельные угрозы и вызовы, на которые надо находить адекватные ответы, принимать упреждающие меры.

Теперь позвольте привести мне некоторые аргументы в пользу выдвинутых тезисов.

Прежде всего, бегло скажу о связи понятий «молодежь» и «будущее». В принципе тут все кажется яснее ясного. Вроде бы.

Но что такое «будущее»? Какова грань, отделяющая его от «настоящего»? Пять, десять, тридцать лет? Или год, месяц? Завтрашний день — это тоже будущее. Три модуса — прошлое, настоящее, будущее — это три названия одного и того же понятия — времени, которое в своей физической сущности неделимо. «Будущее», «настоящее», «прошлое» — это феномен человеческого сознания. Во всем известной песне поется: «Есть только **миг** между прошлым и будущим — именно он называется жизнь». Своим воображением мы можем так приблизить будущее к настоящему, когда Будущего уже нет, а Прошлое еще не наступило. Настоящее превратится именно в миг, в точку.

Человек — носитель всех трех модусов времени. Настоящее принадлежит каждому живущему. Однако люди старшего поколения и особенно старики — это те, у кого большое и все увеличивающееся прошлое, но все сокращающееся будущее; дети и молодые — это те, у кого нет или почти нет прошлого, но они, живущие в настоящем, имеют в своем распоряжении большое жизненное пространство, которым им предстоит овладеть, — будущее.

Одним словом, и это один из ключевых пунктов наших рассуждений, **молодежь — это живое время будущее, это будущее, с которым мы можем разговаривать, общаться и влиять на его образ**. Воспитывая и обучая молодых сегодня, мы формируем (образуем) образ будущего нашего общества на относительно длительную перспективу, длиной по крайней мере в одну человеческую жизнь. Воспитывая и обучая **поколение за поколением на протяжении столетий**, мы имеем возможность получить определенный тип народа с его специфическими качествами, менталитетом, духовными и нравственными качествами.

При том что в основном все народы похожи друг на друга, безо всякого труда можно показать, чем немцы отличаются от французов, англичане — от американцев, а русские — от тех и других.

Как это происходит? Ответ очень сложен и в то же самое время достаточно прост: человек стремится к тому, что ценит, и превращает

в действительность, в культуру то, к чему стремится. Система ценностей, жизненных целей и задач — вот исходный пункт формирования характера, культуры и образа нации. А ценности — это не воздух, которым человек дышит, не думая о нем, и это не некоторые биологические свойства, которые наследуются генетически. «Социальный код» нации, если о таком можно говорить, передается (или разрушается) не враз, а в ходе длительной эволюции, от поколения к поколению через посредство воспитания и обучения в самом широком смысле этих понятий (окружающая социальная среда, семья, школа, СМИ и другие формы воздействия).

Подчеркнем очень важный для наших рассуждений момент: передается (или разрушается) не только стихийно, но также **осознанно, целенаправленно, последовательными усилиями**. Сознание и душа человека поддаются перекодировке путем изъятия из «социального генома» отдельного человека и нации «порченых» или хороших генов и вживления других — хороших вместо «порченых», или наоборот, плохих вместо хороших.

Подменяя в Кремлевской стене один кирпич за другим, через сотни лет мы будем иметь **другую** стену, хотя называться она будет Кремлевской. Если заменять в сознании отдельных индивидов и народа в целом одни ценности на другие, то через какое-то время этот народ будет **другим народом**. Если мы будем делать это сами и вполне сознательно, то получим то, что сами же и хотели. Если эта подмена произойдет в результате скрытого, тайного влияния на отдельного человека и народ в целом с чужой стороны согласно целям нашего противника, то «наши» ценности будут заменены на «ненаши», и страна в будущем «вдруг» обнаружит, что в ней живет совсем иной народ, иного склада ума, иного характера. Одним словом, по названию — русский, российский, но не наш народ. Народ с другими ценностями, с другими представлениями о смысле жизни, да и живущий совсем по-иному, думающий о своей жизни на чужой манер, да еще и на другом языке. Ибо плохо знает свою историю, свой родной язык. В. И. Даль, создатель «Толкового словаря живого великорусского языка», говорил: «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делают человека принадлежностью той или другой народности... **Кто и на каком языке думает, тот тому народу и принадлежит**».

Учащиеся наших школ все хуже знают русский язык, русскую литературу, отечественную историю. От 30 и более процентов выпускников наших технических вузов уезжают работать и жить за границу — разве это не знак беды?..

Сегодня в нашем обществе происходит ускоренная перекодировка нации. В значительной степени это процесс естественный и необхо-

димый. Почему — всем присутствующим понятно. Но все ли происходит вполне осознанно и так, как должно происходить? Думаю, нет. Но главное в другом: многое, слишком многое происходит **скрыто**, **в результате внешнего воздействия**, хотя зачастую это делается нашими же руками.

Я никогда не поверю в то, что Всемирный банк еще в 1992 г. взялся разрабатывать рекомендации по реформе российского образования из гуманных соображений; что Дж. Сорос решил потратить сотни миллионов долларов на подготовку учебников для школ и вузов из чисто благотворительных целей. Сороса не интересует будущее России; его интересует будущее географического и экономического пространства с названием «Россия», открытого для бизнеса.

Не только ради бизнеса западные медиамагнаты приобретают в России газеты, журналы, каналы TV и радиопрограммы. Совсем не случайно они масштабно изучают ценностные ориентации и настроения молодых россиян, их отношение к политическим партиям и доверие российской власти, финансируют многие молодежные структуры.

12 мая с. г. директор ФСБ Н. Патрушев в своей речи в Госдуме РФ по поводу безопасности нашей страны отметил, что активность спецслужб иностранных государств в отношении РФ не снижается. В эпоху глобализации она просто приобретает новую окраску. Западные спецслужбы, по словам Н. Патрушева, в худших традициях холодной войны продолжают применять политику двойных стандартов по различным вопросам. Для достижения своих целей они активно используют возможности неправительственных организаций. Так, по данным ФСБ, недавно в Братиславе обсуждался план проведения «оранжевых революций» на пространствах СНГ. Н. Патрушев указал, что для подготовки такой революции в Белоруссии «разрабатываются проекты привлечения украинских «оранжевых» оппозиционеров, совершивших революцию на Украине, к обучению белорусских оппозиционеров». На эти цели уже направлено 5 млн долл.

В числе организаций, которые, возможно, используются иностранными спецслужбами, Патрушев назвал Корпус мира США, выдворенный ранее из России.

При нашем попустительстве внешние силы добились немалых результатов. Именно на соросовские гранты были подготовлены учебники по отечественной истории для школ, в которых наше прошлое выглядит грязным и пошлым. Антипатриотизм и космополитизм — чрезвычайно распространенные явления в молодежной среде. Многие молодые люди мыслят себя этакими всемирными гражданами, у которых родина там, где хорошо платят и можно весело жить. Скомпрометирована армия и сама идея воинской службы, которая пред-

ставляется как глупый анахронизм, за который цепляются ура-патриоты и профессиональные военные или те, кто испытывает к ней животное пристрастие, извлекает из войны выгоду. К сожалению, все эти моменты присутствуют в нынешней действительности. Однако развивать в молодежи гуманитарное отвращение к войне, стимулировать пацифистские чувства — значит работать в пользу нашего противника.

Я не собираюсь детально анализировать положение дел в молодежной среде. Здесь собирались люди, которые знают его лучше меня. Думаю, вы согласитесь с тем, что оно крайне печальное и тревожное. Соединение внутренних социальных проблем и внешней манипуляции общественным сознанием молодежи создает достаточные условия, чтобы в любое время и в любой точке — и прежде всего в столице — была спровоцирована «цветная революция» с самым активным участием молодежи.

А что же в этой ситуации делает власть? Как же на эту войну за новые поколения россиян реагирует наше государство? К молодежи проявляется интерес накануне очередных выборов, перед ней заискивают партии и кандидаты, но как только голоса избирателей подсчитаны, проблемы молодежи уходят в тень. Власть последовательно освобождается от всяких обязательств перед молодежью своей страны, добровольно отдает «будущее России» любому, кто не поленится взять такой дар.

Структуры, занимающиеся на федеральном уровне реализацией государственной молодежной политики, за 15 лет менялись семь раз. Сегодня не только нет самостоятельного органа исполнительной власти по делам молодежи, но ликвидирована и Правительственная комиссия по делам молодежи. Понижен статус специализированной структуры по работе с молодежью на федеральном уровне от крупного департамента до отдела в составе департамента Министерства образования и науки и Управления в составе Федерального агентства по образованию. Происходит проецирование этой ситуации и на органы исполнительной власти в регионах.

Фрагментарной остается правовая база государственной молодежной политики. А в самое последнее время даже ранее решенное отменено или искажено до неузнаваемости. Так, принятый в 1995 г. Федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» был по своей сути и механизмам направлен на передачу государством средств для ведения деятельности среди молодежи ей самой — ее организациям. Впервые в российской правовой системе закреплялся оправдавший себя в мировой практике принцип субсидиарности. Внесенные недавно поправки в этот закон сделали его бесполезным в применении, так как молодежные и дет-

ские общественные объединения теперь лишены гарантий поддержки и специфических форм взаимодействия с государством там, где их роль в решении задач государственной молодежной политики могла бы быть существенно более значительной.

На мой взгляд, такое отношение к молодежной политике в нынешних чрезвычайных условиях равносильно пособничеству внешним силам, враждебным России. Это еще хуже, чем устраивать в России свалку ядерных отходов.

Так что же происходит в России? И почему все происходит именно так, а не иначе — как хочется народу, да и, надеюсь, властям, во всяком случае, высшему руководству — Президенту, Председателю Совета Федерации, Председателю Госдумы, другим добропорядочным политикам и госдеятелям?

В поисках ответов на эти вопросы непременно запутаешься, если не ответить на вопрос более широкого порядка: «Что же происходит в мире?» Каждый отвечает на этот вопрос по-разному, но все согласны в том, что глобальным и **определяющим процессом** мирового развития сегодня является **установление «нового мирового порядка»** группой государств во главе с США.

Мы мимоходом произносим слова «новый мировой порядок» и тут же начинаем рассуждать о глобализации, о терроризме, о свободе и демократии, правах человека, рыночной экономике, вступлении России в ВТО и Болонский процесс, о войне в Ираке (раньше — об Афганистане, Балканах) и т. п. Одним словом, мы рассеиваем общее понятие «новый мировой порядок» и возбужденно рассуждаем о частностях.

Но давайте зададимся вопросом: «Что такое новый мировой порядок в своем глубинном смысле, в сущности?» И на этот вопрос можно ответить по-разному. Я же отвечаю на него так: «Поскольку установление нового мирового порядка происходит вопреки воле подавляющего большинства стран мира, т. е. насильственно, то установление нового мирового порядка — это война. А поскольку в войне по установлению мирового порядка полем сражений и битв является весь мир, то эту войну справедливо назвать войной империалистической.

И в этой части со мной многие тоже могут не согласиться. Я же абсолютно убежден в том, что говорю. Как замечал еще Козьма Прутков, «многие вещи непонятны нам не потому, что наши понятия слабы; но потому, что сии вещи **не входят в круг наших понятий**».

Я давно размышляю на эту тему, прочитал немало отечественной и зарубежной литературы по этому вопросу, кое-что написал. Позвольте очень кратко ввести вас в круг моих представлений и пониманий.

Подойдем к проблеме исторически.

Наша страна почти 50 лет жила в условиях холодной войны, которую мы проиграли. Почему? Причин много. Но главная, на мой взгляд, в том, что советское руководство не воспринимало холодную войну как войну в собственном и полном смысле этого понятия.

Когда в 1999 г. я писал брошюру «О «культуре» войны и Культуре мира», то в одной из статей наткнулся на информацию о том, что в 1978 г. в Колумбийском университете вышла книга «Сдерживание. Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг.», в которой опубликованы бывшие до того сверхсекретными документы холодной войны. Иначе говоря, США имели стратегию этой войны. Меня заинтересовал вопрос, имел ли такую стратегию СССР, против которого велась эта война. Я перелопатил массу книг и статей о холодной войне, но ничего не нашел. Позвонил двум знакомым генералам ФСБ, просил их узнать, нет ли чего по этому поводу в архивах КГБ. Через пару недель ответили, что ничего не нашли. Потом я нашел статью, в которой говорилось о том, что за попытку объяснить холодную войну как войну нового типа и самую настоящую форму военного противостояния начальник отдела по воспитательной работе Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота СССР генерал-майор Л. И. Шершнев был уволен из рядов Советской армии. Через несколько месяцев мы случайно встретились с Л. И. Шершневым, и он рассказал, что политработники Главного политического управления самого высокого ранга не допускали даже мысли, что холодная война — это настоящая и всеобъемлющая война. То же самое настроение царило в ЦК КПСС, органах государственной власти, ЦК комсомола. Непонимание сути происходящего, обыкновенная глупость, а не только застой, экономические проблемы и провалы в идеологии помешали выработке нужных мер противодействия формам скрытого насилия и агрессии, итогом чего и стал развал СССР. Дает ли это основание думать, что США достигли своей цели и успокоились? Что теперь США и Россия — друзья или хотя бы партнеры? Что «у России нет врагов»? Что «Билл — друг» и «Коль — друг»? На мой взгляд, думать так — наивно и глупо.

Недавно я получил в руки еще один документ — план экстренной операции под названием «Немыслимое», согласно которому еще в мае 1945 г. У. Черчилль предложил президенту США Трумэну начать 1 июля 1945 г. войну против СССР. Разработка плана «Немыслимое» велась уже в то время, когда СССР, США и Великобритания были союзниками, а Берлин еще не пал и план о капитуляции Германии еще не был подписан. Что же остановило наших «союзников»? Сила СССР. И только.

Это к вопросу о том, какими «друзьями» могут быть Билл, Коль, Джордж и др.

Да в принципе, западные политики особо и не маскируют свои взгляды как по поводу прошлого, так настоящего и будущего. Вот некоторые высказывания ведущих фигур мировой политики.

В послании президента США Б. Клинтона от 7 февраля 1997 г. «О положении страны» говорится: «Чтобы подготовить Америку к вступлению в XXI в., мы должны научиться управлять силами, предопределяющими перемены в мире, обеспечить прочность и надежность руководящей роли Америки на долгие времена.

50 лет назад Америка, проявив дальновидность, руководила созданием институтов, обеспечивших победу в холодной войне и сумевших устранить множество препятствий и барьеров, разделявших мир, в котором жили наши родители...»

Директор Центра политики и безопасности **Ф. Гафней** говорит: «**Победа США в холодной войне** была результатом целенаправленной, планомерной и многосторонней стратегии США, направленной на сокрушение Советского Союза. Ход исторических событий был предопределен стратегическими директивами Рейгана. В конечном счете скрытая война против СССР и создала условия для победы над Советским Союзом».

А вот слова известного ненавистника России З. Бжезинского: «**Россия — побежденная держава.** Она проиграла титаническую борьбу. И говорить «это была не Россия, а Советский Союз» — значит бежать от реальности. Это была Россия, названная Советским Союзом. Она бросила вызов США. Она была побеждена. Сейчас не надо подпитывать иллюзии о великодержавности России. Нужно отбить охоту к такому образу мыслей... **Россия будет раздробленной и под опекой**». Это уже о современной России.

Бывший президент США **Р. Никсон**: «Запад должен сделать все возможное... иначе США и Запад рискуют выпустить из рук победу в холодной войне, которая обернется в результате поражением... **Россия — ключ к успеху. Именно там будет выиграна или проиграна последняя битва холодной войны**. Не может быть более высоких ставок».

Бывший госсекретарь США **Генри Киссинджер**: «Распад Советского Союза — это, безусловно, важнейшее событие современности, и администрация Буша проявила в своем подходе к этой проблеме поразительное искусство... **Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции воссоединения ее в единое, крепкое, централизованное государство**».

Премьер-министр Великобритании **Джон Мейджер** в 1997 г. сказал: «...**Задача России** после проигрыша холодной войны — **обеспечить ресурсами благополучные страны**. Но для этого им нужно **всего пятьдесят-шестьдесят миллионов человек**».

Бывший директор ЦРУ США Джеймс Вулси, выступая в Калифорнийском университете 3 апреля 2003 г., сказал: «Холодная война на самом деле была третьей мировой войной, а сейчас США ввязались в **четвертую мировую войну, которая продлится много лет**».

Нынешний **вице-президент США Ричард Чейни** констатирует: «С целью управления всем миром Соединенные Штаты **вступили в войну, до конца которой мы не доживем**».

Все тот же русофоб **Збигнев Бжезинский** признает: «Новый мировой порядок при гегемонии США создается... **против** России, **за счет** России и **на обломках** России».

28 сентября 2004 г. 100 влиятельных политиков и интеллектуалов США и Европы опубликовали открытое письмо главам государств НАТО и ЕС, в котором требуют пересмотреть взаимоотношения стран Запада с Россией. Среди подписантов — Мадлен Олбрайт, бывший госсекретарь США; профессор Фрэнсис Фукуяма; Джулиано Амати, бывший премьер-министр Италии; Карл Билдт, бывший премьер-министр Швеции; Филипп Димитров, бывший премьер-министр Болгарии; Вацлав Гавел, бывший президент Чехии; Витаутас Ландсбергис, бывший президент Литвы и др. 53 человека из числа подписантов — американцы. Их письмо, по сути дела, это антироссийский манифест, смысл которого в том, что нынешняя путинская Россия совсем отбилась от рук. А такая Россия (то есть какая-либо вообще самостоятельная Россия) нам не нужна, резюмируют политики и интеллектуалы, а потому надо срочно отказаться от ошибочной политики сохранения России как целого и возобновить холодную войну.

На Западе в последние годы противоборствовали две концепции отношения к России. Одна основана на том, что единая и стабильная Россия в любом случае благо для Запада; другая исходит из того, что единая и стабильная Россия в любом случае угроза, а потому необходимо развить успех холодной войны и окончательно додавить Россию, дабы это огромное пространство заполнилось множеством квазигосударств.

Таким образом, США и их партнеры говорят нам: «Мы воюем с вами». Некогда сверхсекретный документ NSC 20/1 рассекречен, но не утратил своей актуальности, остается действительной программой уничтожения России.

Недавно, буквально на днях, я получил ксерокопию книги «Сдерживание. Документы американской внешней политики 1945–1950 гг.», содержащей сверхсекретные документы по стратегии холодной войны, среди которых особо интересна директива 20/1 «Цели США в отношении России» от 18 августа 1948 г. Из этого документа явствует, что **идеологическая борьба** с СССР имела для США **второстепенное**

значение. **Главной целью** было разрушение Советского Союза **как геополитической целостности** на пути США к мировому господству. Из них, в частности, видно, что **еще в 1939 г.** были выработаны планы принятия США на себя прежней роли Британской империи в качестве мирового властелина, которые потом и воплотились в стратегии и документах холодной войны.

Там же говорится: «Наши цели в отношении Советского Союза, если они не могут быть осуществлены средствами, граничащими с войной, должны быть достигнуты с помощью самой настоящей войны, ибо наша задача — свергнуть советскую власть и разрушить СССР».

Далее в документе говорится, что **геополитические цели** США, по существу, **военные цели**. Каковы же они?

Во-первых, уничтожить сферу советского влияния в Восточной Европе (в NSC 20/1 это обозначено **как «первая цель»**), которая достигается **с помощью экономического проникновения**. Таким образом, экономика была включена в арсенал способов и средств войны «иными средствами». Государственный секретарь Маршалл, выступая в Гарварде в 1947 г., заявил, что его план — «**военные действия**, осуществляемые **при помощи экономики**, цель которых, с одной стороны, сделать Западную Европу полностью зависимой от Америки, с другой — подорвать влияние СССР в Восточной Европе и подготовить почву для установления американской гегемонии в этом регионе».

Помимо того, в NSC 20/1 утверждается: «...**Вторая цель** — изменение **границ** Советского Союза и **отделение** от него, в первую очередь, **балтийских стран и Украины**. Для этой цели надлежит поощрять и инициировать любые **сепаратистские движения** в Советском Союзе, ибо сепаратистские движения, правильно организованные, являются самым лучшим средством для уничтожения советской мощи и **расчленения** СССР».

А далее говорится нечто такое, что имеет прямое отношение к сегодняшним дням: «Независимо от того, каким будет **антикоммунистическое** правительство **грядущей России** (конечно, дружественно относящееся к США), оно всегда должно обладать лишь **ограниченным военным потенциалом** и должно пребывать в состоянии **полной экономической зависимости от Соединенных Штатов**».

Ну вот, сейчас у власти в России антикоммунистическое правительство, осуществляющее либеральные реформы и дружественно относящееся к США, не желающее с ними воевать, признающее их силу и лидирующую роль. Что же — США изменили свои установки в отношении России? Ничуть. Напротив, именно теперь, когда наша военная мощь предельно ослаблена, экономика разрушена, когда мы чрезвычайно зависимы от внешнего мира экономически и политически, они ускоренно продвигают НАТО на Восток, инициируют «цвет-

ные» революции в бывших республиках СССР. Для чего? Чтобы окончательно ослабить Россию, а затем овладеть ее богатствами. В этом состоит высшая цель текущей мировой войны, смысл которой ничем не отличается от целей войны, которую вел с СССР Гитлер: жизненное пространство и сырьевые ресурсы. Причем положение дел в этих вопросах за последние шесть десятилетий намного обострилось из-за демографического взрыва, истощения невозобновимых природных ресурсов.

Известно, что на ближайшие 50–70 лет основным источником удовлетворения потребностей общества в энергии по-прежнему будут невозобновляемые естественные ресурсы — нефть, газ и уголь. А значит, человек будет крепко привязан к двигателям внутреннего сгорания. Какими бы компьютерными системами управления ни был обустроен бензиновый автомобиль, самолет или океанский лайнер, это в сущности ничего в мире не меняет.

Нужна принципиальная смена источников энергии, нужно топливо будущего. Пока ближайшим конкурентом нефти, газу и углю ученые видят водород и двигатель внешнего сгорания. В перспективе общество, несмотря на очень высокую (по современным меркам) экономическую стоимость водородного горючего и технические опасности обращения с ним, начнет развивать так называемую водородную цивилизацию. Но это время, если и наступит, то наступит весьма и весьма не скоро.

Поэтому реально прогнозируемый путь движения человечества в XXI в. неотвратимо пролегает через **борьбу за сырье и энергетические и прочие ресурсы, которых становится все меньше**. Чем и обусловлен прежде всего новый мировой порядок, новый передел мира. Идея нового мирового порядка — дело не новое. Хочу, однако, обратить ваше внимание на обстоятельство, что **переделу** прежде всегда **предшествовала** война. В XX в. такой передел происходил четыре раза.

Результатом Первой мировой войны было расчленение побежденных держав: Германии, Австро-Венгрии, Османской империи, а также западных областей Российской империи. Было создано **девять** новых государств в Центральной и Восточной Европе и **пять** новых государств на Ближнем Востоке.

Под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции в России произошла **вторая перестройка**. Мир разделился на два враждебных **идеологических** лагеря. С 1917 по 1991 г. вся жизнь человечества происходила под знаком идеологической войны и соревнования двух различных социально-политических систем: капитализма и социализма.

Третья перестройка была осуществлена в результате итогов Второй мировой войны. Главным ее результатом было разделение Германии

и всей Европы, а точнее сказать, всего мира на Восток и Запад, развязавшаяся между ними холодная война.

Четвертая перестройка началась в первой половине 1990-х годов как результат окончания холодной войны, а точнее сказать, победы Запада и США в этой войне над СССР и его союзниками. Результатом этого стало объединение Германии, раздел Чехословакии, распад СССР и Югославии с образованием 21 нового суверенного государства.

Почему США и Запад в целом с завистью и вожделением смотрят в сторону России, хорошо известно. Напомню некоторые цифры.

Россия занимает более 17 млн квадратных километров ($^1/_5$ часть, 20%) суши при населении 146 млн человек (2,4%) от 6 млрд жителей земли, количество которых к 2050 г. увеличится до 12 млрд человек, а в России сократится до 101 млн человек. Средняя плотность населения в мире сегодня 45 чел./кв. км. В Германии — 235 человек, в Нидерландах — 460, в Японии — примерно 335, в Южной Корее — 468, в Китае — 173. В России средняя плотность населения 8,6 чел./кв. км и даже в европейской части — 27 чел./кв. км.

В России сосредоточено **35%** запасов всех мировых ресурсов (энергетических, экологических, биологических и прочих) и **более половины** (!) стратегического сырья, в том числе 13,6% нефти и 35,4% газа, 22% лесных запасов. На каждого жителя нашей страны приходится 11,7 условных единиц планетарных ресурсов, в то время как на жителя США 2 единицы, Западной Европы — 0,67. Каждый среднестатистический житель России потенциально в шесть раз богаче американца и в 17,5 раза — любого европейца. Запасы российского сырья оцениваются примерно в 30 трлн долл., США — 8 трлн долл., Китая — 6 трлн долл., Европы — менее 1 трлн долл.

В США вполне серьезно обсуждается возможность приобретения Российской Сибири или установления опеки над этим регионом. Стоит сказать, что такая сделка планировалась там еще в 1920 г., что рассматривается как условие выживания.

Естественно спросить: «Каким образом связаны борьба за сырьевые ресурсы и молодежная политика в России? Это можно объяснить, если согласиться с тем, что война идет, и согласно концепции этой новой войны главной цели надо достичь с минимальными людскими потерями с нападающей стороны и населения России, без уничтожения существующей хозяйственной инфраструктуры, при полном сохранении доступа к источникам сырья и ресурсов. Ибо добиться победы над Россией чисто вооруженной борьбой США без труда могут и сегодня, поскольку их армия многократно сильнее нашей. Но тут без использования ядерного оружия не обойтись. В этом случае победа будет пирровой, ибо огромные географические пространства будут

заражены и доступ победителей к источникам сырья будет закрыт. Остается единственный путь: подобраться к ним мирным путем.

Отчасти этой цели наши оппоненты добились: разрушив нашу индустрию и сельское хозяйство, они заставили нас усиленно торговать нефтью, газом, лесом. Они уже имеют в российском бизнесе немало людей, которые смотрят на Россию их глазами, а отчасти и работают в их интересах (Кох, Адамов, Гусинский, Ходорковский, Чубайс и многие другие).

Но это еще далеко не то состояние, которого хотят достичь наши противники. Надо сделать так, чтобы Россию заселял проамерикански настроенный народ-космополит, который избрал бы проамерикански настроенного президента, а тот назначил проамерикански думающее и действующее правительство.

Добиться этого они могут точно так же, как делали это в холодной войне. А делали они это так.

Далее я цитирую Аллена Даллеса, бывшего в 1953–1961 гг. директором ЦРУ и главным идеологом холодной войны. Еще в 1945 г. он писал: «Окончится война, все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, — все золото, всю материальную мощь на **оболванивание и одурачивание людей**!

Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там **хаос**, мы незаметно **подменим их ценности на фальшивые** и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих **единомышленников**, своих союзников в самой России.

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением... исследованием, что ли, тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять **самые низменные человеческие чувства**. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание **культ секса, насилия, садизма, предательства,** словом, всякой безнравственности. **В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху.**

Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать **самодурству чиновников, взяточников, беспринципности**. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. **Честность и порядочность будут осмеиваться** и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, **предательство**, **национализм и вражду народов**, прежде всего вражду и **нена-**

вить к русскому народу, — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом.

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом **поколение за поколением**. Будем браться за людей **с детских, юношеских лет, главную ставку всегда будем делать на молодежь**, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов. Вот так мы это и сделаем».

В принципе из этого текста невозможно выбросить ни слова. Тут сказано обо всем — и о целях, и о методах, и о формах войны против народа, где главной целью являются дети и молодежь. А я, как мне кажется, относящийся к числу тех немногих, кто понимает, что с нами происходит, чувствую себя довольно смущенным, поскольку говорю о том, что большинство считает «страшилками», а таких людей, как я, называет «алармистами», «вчерашними» и т. п. Кто-то вправе, как полагает Даллес, осмеять меня.

Говорят, что Аллен Даллес всего этого не говорил, что это фальшивка, сочиненная советским писателем Анатолием Ивановым, или работниками КГБ, или внешней разведки. Что касается Иванова, то я утверждаю, что это не так, ибо долгие годы хорошо знал его. Что касается КГБ, может быть и такое. По-моему, это не имеет никакого значения. Сказано: «Вот так мы это и сделаем». Именно так все и было сделано. И будет сделано еще раз, если на концепцию войны нового типа, которая реализуется ныне, мы не ответим своей концепцией обороны против духовного покорения российской молодежи все тем же путем — «от поколения к поколению».

В секретной директиве NSC 20/1, которую я уже цитировал, говорится: **«Мы не связаны определенным сроком для достижения наших целей в мирное время. У нас нет строгого чередования периодов войны и мира**, что побуждало бы нас заявить: мы должны достичь наших целей в мирное время к такой-то дате или «прибегнем к другим средствам...».

Холодная война с СССР длилась 50 лет. США, как мы знаем теперь, вовсе не ожидали, что добьются победы так быстро. Им некуда особо торопиться и сейчас. Психологическая и информационная войны по перекодировке сознания и духовному переопределению российского населения с акцентом на детей и молодежь могут завершиться в гораздо более короткие сроки: Россия многократно слабее СССР, внутриполитическая и социально-политическая обстановка способствует воздействию внешних сил. Но противник может и не

добиться желаемых результатов, а тем более полной победы, если мы вовремя и хорошо отмобилизуемся.

Представим себе, что в США, как и прежде, в годы холодной войны, разработана новая директива Национального совета безопасности США по отношению к России и какой-нибудь «новый Даллес» подготовил еще более хитроумную (с учетом новейших достижений в области психологии личности, социальной психологии, форм и методов влияния на человека) доктрину окончательного уничтожения «самого непокорного народа»? По правде говоря, я абсолютно убежден, что такой документ имеется и он (пока?) успешно реализуется.

Итак, какие же общие выводы, в том числе относительно молодежной политики, следует сделать из моих общих оценок по поводу ситуации в мире и отношения главного субъекта мировой политики — США к России?

Первое. Предпринять необходимые меры, направленные на осознание обществом и властью того факта, что против России ведется война нового типа, что страна находится в состоянии войны; что главным объектом и первой целью этой войны является все население, но прежде всего — дети и молодежь. Непонимание этого или позиция умолчания чрезвычайно опасны для нынешнего дня и будущего России. Это ключевой момент ее национальной безопасности. Либерализм либерализмом, демократия демократией, рынок рынком, а война — войной. И никуда нам от нее не спрятаться. Бояться надо не слов, а лжи и самообмана. Напротив: надо поскорее и в полной мере осознать эту отвратительную истину и начинать строить нашу «мирную» жизнь на военный лад. Для начала — разработать **стратегию противостояния противнику** по всем направлениям общественной жизни, внутренней и внешней политики, частью которой должна быть стратегия битвы за молодежь. Спасем молодежь — спасем Россию. Ибо молодежь — это главный ресурс нации, более важный, чем все наши сырьевые запасы. Хотя, разумеется, и о них надо позаботиться изо всех сил и как можно скорее.

На ранних этапах развития человечества война родилась как способ борьбы **за выживание**, как способ устранения **несправедливости**, как последнее средство в этой борьбе без нанесения ущерба сверх того, что достаточен для достижения этих целей. До определенного момента в войне был момент благородной игры: противники определяли место и время битвы, оговаривали правила войны. Но постепенно война все более становилась проявлением человеческого падения, формой сутяжничества, обогащения, удовлетворения больного самолюбия и непомерных амбиций.

В соответствии с новой концепцией войны за 60 прошедших лет сложилась ситуация, когда мира больше нет, когда грани понятия

«война» и «мир» стали размытыми, неопределенными, трудноуловимыми. Люди стали жить, по существу, на войне, полагая, что это мир. О мире и способах его достижения они по-прежнему думают в терминах эпохи Просвещения («период между войнами»); о войне — в категориях, разработанных еще Клаузевицем, практикой и теорией западных и отечественных ученых за последние столетия; о взаимосвязи войны и мира — на основе учений христианской церкви, а также теоретиков права и военного дела. Слишком глубоко усвоены многие догмы. Слишком неожиданный облик приобрела война, обрядившись в одежды мира, выставив перед собой очаровательные гуманитарные лозунги: «За свободу!», «За демократию!», «За справедливость!», «За права человека!», «Против распространения ядерного оружия!», «Против терроризма!», «Против тирании!». Используются термины «гуманитарная интервенция», «гуманитарная катастрофа» и даже «демократическая бомба». Но это надо понимать лишь как попытку найти моральные оправдания насилию и убийствам.

Война нового типа стала постоянным и настолько обычным явлением существования человечества, что воспринимается как норма. Люди произносят слово «война» лишь тогда, когда в ходе глобальной войны в некоторых частях мира случаются отдельные военные операции в их классическом варианте — рвутся бомбы и снаряды, летят ракеты, самолеты, несутся танки, льется кровь раненных и убитых. Все остальное время — до и после вооруженной операции — понимается как норма, как мир.

Особенностью нынешней ситуации в мире является и то, что, благодаря теории открытого общества и искусственно ускоренной глобализации, фактический передел мира происходит, как правило, **бескровно**, **на наших глазах**, т. е. **в процессе**, а не после войны. И только там, где поставленных целей невозможно добиться иными средствами, включаются вооруженные силы. Как это было на Балканах, в Афганистане, в Ираке. Теперь в ход пошли «цветные» революции с установлением проамериканских правительств.

Но то, что простительно обывателю, непростительно политикам и государственным деятелям. Нельзя не понимать, что природа отношений США с остальным миром ныне такова, что эти отношения представляют собой непрерывный антагонизм и конфликт, который иногда разрешается в рамках формального мира в результате политического и экономического давления в течение долгого времени, иногда десятилетий, а иногда в рамках военных действий без всякого юридического обоснования, как это было на Балканах, в Афганистане, Ираке.

Отношение США к России надо рассматривать исключительно и прежде всего в категориях войны.

У меня нет возможности раскрыть в полном объеме хотя бы основы новой концепции войны, в которой военная операция, если цели войны не достигнуты политическими, дипломатическими, экономическими, информационными и психологическими средствами ведения этой войны, проводится лишь на завершающей стадии. Назову лишь основные особенности этой концепции: особая скрытость (супертайность), неявность и поэтому непонятность, а также большая растянутость во времени и циничность в плане моральных оправданий целей войны.

Того, кто хочет понять проблему полнее, прошу прочитать мою брошюру «О «культуре» войны и Культуре мира», которая имеется у вас в руках, или найти другую литературу по этому вопросу, которой уже немало.

Меня вдохновляет то, что признание состояния войны с внешним миром появилось в высказываниях Президента РФ В. В. Путина. 4 сентября 2004 г. в связи с событиями в Беслане он заявил: «Это нападение на нашу страну... Мы имеем дело... с тотальной, жестокой и полномасштабной войной, которая вновь и вновь уносит жизни соотечественников. Мы обязаны создать гораздо более эффективную систему безопасности... Но самое главное — это мобилизация нации перед общей опасностью». Тогда же он сказал: «Нужно признать то, что мы не проявили понимания сложности и опасности процессов, происходящих в своей собственной стране и в мире. Во всяком случае, не смогли на них адекватно среагировать. Проявили слабость. А слабых — бьют. Одни — хотят оторвать от нас кусок «пожирнее», другие — им помогают. Помогают, полагая, что Россия — как одна из крупнейших ядерных держав — еще представляет для них угрозу. Поэтому эту угрозу надо устранить. И терроризм — это, конечно, только инструмент для достижения таких целей».

Тогда его слова многим (но не мне) показались сомнительными. Теперь этим «многим» они уже не кажутся таковыми.

Вслед за В. В. Путиным о войне, ведущейся против России, высказались многие высшие государственные чиновники. На IX Всемирном русском народном соборе в мае 2005 г. первый заместитель Председателя Государственной Думы Любовь Слиска дважды повторила тезис о том, что против России идет «информационная война». Патриарх всея Руси Алексий II еще ранее признал, что «против России ведется настоящая война».

Второе. Под этим углом зрения, на мой взгляд, следовало бы провести масштабное социологическое исследование в молодежной среде, подготовить специальный доклад с участием ФСБ и Службы внешней разведки с тем, чтобы обсудить его на заседании Совета безопасности, где принять соответствующую доктрину о противостоя-

нии информационной и психологической войне, которую Запад ведет против России.

Хочу обратить ваше внимание на то обстоятельство, что стратегию холодной войны с СССР, информационной и психологической войн, в частности, определяли не ЦРУ, не Государственный департамент или какие-то иные структуры, а именно НСБ. Иначе говоря, холодная война рассматривалась как вопрос национальной безопасности США.

Третье. В этой дДоктрине, на мой взгляд, следует предложить российскому обществу рассматривать детей и молодежь на данном этапе своего развития как ценность особого рода, как главный стратегический ресурс нации, с которым напрямую связано будущее России, ее благополучие и положение в мире.

Четвертое. Определить молодежную политику как основной инструмент решения стратегической задачи — исправления и выработки новых положительных качеств российского народа, образования российской, и прежде всего титульной, русской нации, отвечающих вызовам и угрозам XXI в.

Пятое. Рассматривать положение дел с детьми и в молодежной среде, состояние духовного и нравственного, а не только физического здоровья новых поколений как один из основных показателей национальной безопасности страны со всеми вытекающими отсюда следствиями. Молодежная политика — это центральное звено политики национальной безопасности, берущей начало в настоящем и обращенной — от поколения к поколению — в далекое будущее.

Необходимо поднять дух нации, возбудить в молодежной среде веру и надежду в лучшее будущее России. Опорой в решении этого вопроса должна быть наиболее успешная, национально ориентированная, патриотически настроенная часть молодежи, которой надо оказать всемерную политическую, моральную, правовую и финансовую поддержку.

Надо помочь молодежи осознать свою историческую ответственность за спасение и будущее России. Для молодежи настал момент истины. В течение 15 лет за Россию боролись в основном старшие поколения. Они сделали, что могли, — сохранили целостность страны. Молодежь должна активно включаться в политику, идти во власть. И старшие поколения должны активно содействовать тому, чтобы в духовную, политическую и деловую элиту попадали достойные представители молодежи.

Шестое. Надо сделать все возможное и невозможное, чтобы молодежь осознала свою миссию отцовства и материнства. По «среднему» варианту самого последнего прогноза ООН, к 2050 г. численность населения России сократится по сравнению с 2000 г. примерно на 30% и составит 101,5 млн человек. Примерно к таким же результатам приходят и российские демографы. Страна стремительно теряет свое место

в мировой демографической иерархии. В 1913 г. на долю Российской империи приходилось примерно 8% мирового населения, на долю собственно России — 4,4%. Даже в 1950 г. доля России, еще не вполне восстановившей свое довоенное население, составляла более 4%, а доля СССР — 7,1% населения планеты. Сейчас доля России в населении мира не превышает 2,4% мирового населения и быстро падает. По уже упоминавшемуся прогнозу ООН, к 2050 г. она сократится до 1,1%. Еще в 1950 г. Россия в ее нынешних границах занимала по численности населения четвертое место в мире (после Китая, Индии и США). Сейчас она на седьмом месте (ее обогнали Индонезия, Бразилия и Пакистан), а к 2050 г. сместится на 18-е место в мире, пропустив вперед себя несколько африканских стран, а также Бангладеш, Мексику, Египет, Филиппины, Вьетнам, Японию и Иран. Даже сейчас существует очевидное несоответствие между населением России и размерами ее территории, протяженностью границ, огромностью пространств, нуждающихся в освоении, неразвитостью поселенческой сети и т. п.

Для того чтобы Россия выжила и на ее территорию не посягали соседние густозаселенные страны, нельзя допустить спада населения. Для этого в каждой семье должно быть не менее трех детей.

Пользуясь случаем, — присутствием Председателя Совета Федерации С. М. Миронова и министра образования А. А. Фурсенко, — нам следует обратиться с письмом к Президенту РФ В. В. Путину, в котором изложить наше видение ситуации и свои предложения по разрешению накопившихся проблем, попросить их передать письмо адресату.

Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2

МОЛОДЕЖЬ В СТРАТЕГИИ БУДУЩЕГО РОССИИ: УРОКИ ПРОИГРАННОЙ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Должен признаться, что, с одной стороны, мне легко сегодня выступать, поскольку я около 20 лет занимался молодежной тематикой, написал несколько книг и многие десятки статей. С другой стороны, трудно: более 10 лет назад по ряду причин я оставил эту проблемати-

ку и возвращался к ней всего два раза по случаю присутствия на научных конференциях нашего вуза Ю. М. Лужкова, Ф. Майора (1998 г.) и С. М. Миронова (2006 г.). Должен же я был каким-то образом обозначиться как ученый.

Я был инициатором (1986 г.!) разработки теоретических и правовых основ государственной молодежной политики в СССР, научным руководителем и одним из авторов Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР», принятого в мае 1991 г. Руководил подготовкой и был основным автором двух первых докладов Правительству РФ «О положении молодежи». В 1993 г. в качестве общих выводов первого доклада Комитета по делам молодежи РФ Правительству РФ я утверждал, что: 1) численность молодежи в России сокращается, общество стареет; 2) каждое новое поколение детей и молодежи менее здоровое, чем предыдущее; болезни «переселились» из старости в молодость; молодежь вымирает быстрее, чем старшее поколение; под угрозой генофонд нации; 3) падает интеллектуальный потенциал молодежи, происходит умственное вырождение молодых поколений, а с этим — падение инновационного потенциала молодежи и общества; 4) резко обостряется проблема занятости молодежи; 5) социальный статус молодежи по всем пунктам быстро снижается, материально-бытовое положение, доступ к образованию обвально ухудшились и ухудшаются; молодежь все более оттесняется на обочину жизни общества, маргинализируется; 6) субъективность молодежи, т. е. ее самосознание, самоидентификация и организованность, роль в общественной жизни, политике, защите своих интересов, значительно упала и продолжает падать; молодежь брошена на произвол судьбы, оказалась в положении жертвы и заложника политических, сепаратистских, националистических амбиций; молодежью манипулируют, ее используют, не допуская в структуры представительной и исполнительной власти; 7) происходит духовное и нравственное разложение молодежи, которой овладевает дух крайнего индивидуализма и прагматизма, безмерного потребительства и обогащения любой ценой; молодежь все более криминализируется, обвально нарастают пьянство, алкоголизм, наркомания, проституция. И так далее.

Тринадцать лет назад я прогнозировал дальнейшее ухудшение ситуации, если курс проводившихся тогда «реформ» сохранится. Но действительность оказалась гораздо хуже. Приведу только две цифры, К 1998 г., т. е. за пять лет, «молодежная» наркомания России выросла в 14 раз; молодежь стала вымирать почти в два раза быстрее старших поколений. И сегодня таких цифр — множество, но я не стану загружать ими ваше сознание. Не сомневаюсь, вы их знаете и сами.

Поставим вопрос шире: что все это значит, если связать понятие «молодежь» и происходящее с ней с понятиями «общество», «народ», «нация» и их развитием? В 1993 г. я считал, что вывод может быть только один, и он крайне тревожен: российская нация, российское общество деградируют. Тринадцать лет назад этот вывод прозвучал как вызов и сенсация. Сейчас для людей посвященных это уже расхожий тезис, который, однако, многими все еще расценивается как миф, еще одна «страшилка». Но это так и есть.

Надо сказать, что мои нынешние оценки положения молодежи в российском обществе в основном остаются прежними, хотя некоторые коррективы произошли (я, например, не говорю ныне о разрыве поколений, как это было в ту пору, когда около 10% молодых людей свое отношение к старшему поколению определяло словом «ненавижу», а более 65% «отцов» не могли найти общего языка с «детьми»; молодые люди сегодня более трезво оценивают прошлое, стали несколько патриотичней).

Однако действительную ситуацию в молодежной среде сегодня, на мой взгляд, в России не знает никто: в стране нет серьезной структуры, отвечающей за изучение и оценки этой ситуации, за выработку мер, направленных на ее улучшение.

Одним словом, на вопрос «Какова же роль молодежи в стратегии будущего России с точки зрения российской власти?» следует ответить совершенно определенно: на словах, как утверждают некоторые, значительная, а на самом деле — кое-какая. «Молодежь — будущее России» — не более чем расхожая и пустая фраза. Никакой внятной и последовательной стратегии в этой области не существует. Все, что делается, носит спорадический, эклектический, непродуманный характер.

И не удивительно: дело в том, что сама страна не имеет внятной стратегии, из которой вытекают все остальные стратегии: образовательная, культурная, работа с молодежью и т. д. В этом — главная беда.

Россия сегодня имеет два образа и соответствующие им две «стратегии».

Согласно первому, фактически официальному, образу Россия — это страна-банкрот, она не может на равных конкурировать с Западом. Ее экономика разрушена, способы добычи природных ресурсов — нефтяные и газовые скважины и т. п. — устарели, истощены, а новые труднодоступны. Денег на реконструкцию нет. Поэтому народу плохо живется. Вот когда стабилизируем финансы, снизим инфляцию, станем технологически передовыми, вот тогда народ и заживет. Это и есть, по сути, упрощенная официальная «стратегия». Послушайте, о чем говорят на заседаниях правительства, — только об этом.

Второй, неявный, недекларируемый образ России совсем иной: Россия на самом деле — богатая страна. Самая богатая в мире! По природно-ресурсному потенциалу она примерно в два раза превосходит США, в пять-шесть раз Германию и в 18–20 раз Японию. Весь вопрос в том, как используются эти ресурсы, этот потенциал, каков механизм распределения дохода от национального богатства России. Но об этом говорить вслух не принято. Потому что, как оказывается, и теперь ежегодная чистая прибыль страны составляет 60–80 млрд долл. США. Это в 2–2,5 раза больше объема нынешних бюджетных средств. Ежегодно в России прибавляется по полтора-два десятка долларовых миллиардеров! В 2006 г. состояние владельца Новолипецкого металлургического комбината Лисина увеличилось на 8 млрд долл. Ничего себе страна-банкрот! Но этот образ затуманивается, и не без умысла. Дело в том, что основная часть рентного дохода приватизирована. И тут возникает вопрос: или деприватизация, национализация природных ресурсов, или... Или следовать первой стратегии, т. е. обманывать народ, говорить, что денег ни на что нет, а уж тем более на молодежную политику. И если вдруг миллиардер Потанин или какой-нибудь другой олигарх отваливает 50 млн долл. на компьютеризацию сельских школ или еще какие-то нужды, то это просто чудо. Эти люди предстают в образах великих граждан, меценатов, которых показывают по TV, назначают в Общественную палату.

При таком отношении к молодежи ситуация будет ухудшаться. Тем более что к факторам внутреннего характера добавился и будет усиливаться **фактор внешний**.

Надо понимать, что конец XX столетия — это время, когда только начинался запуск общемирового политического проекта под названием «глобализация», которая, в сущности, является основным инструментом империалистической войны нового типа, в основе которой лежат супертайность действительных целей и задач, растянутость во времени, запредельная циничность в плане моральных оправданий, двойные стандарты и т. п. Я убежден, что отношение США к России необходимо рассматривать исключительно в категориях войны, отдавая себе отчет в том, что все мирные средства — дипломатия, политические игры — это превентивные формы этой войны.

Действительной целью этой войны являются колоссальные сырьевые, энергетические, лесные и водные ресурсы России, на пути к которым пока еще стоит российский народ: его особый менталитет и нежелание одним махом заглотить систему американских ценностей, сменить российскую культуру на западную, русский язык — на английский и т. д. Тогда ему предлагается для начала информационная, психологическая, культурная война.

Я не хочу доказывать справедливость этого тезиса. Для меня и, думаю, для многих собравшихся в этом зале он очевиден. Хотя для абсолютного большинства нынешних политиков, госдеятелей, населения, в том числе молодых людей, это чистой воды алармизм. Разумеется, нынешнюю ситуацию в молодежной среде и взгляд на будущее проще определять по принципу «с одной стороны», «с другой стороны», с третьей, пятой и двадцатой сторон.

Можно найти (они есть!) и позитивные тенденции. Но это только затуманивает проблему, а не проясняет ее. На мой взгляд, в критической ситуации нужен открытый, прямой концептуальный взгляд. Он заключается в том, что Россия находится в состоянии войны. Не важно, как ее называть: «холодной», «теплой», новой или продолжающейся. Война — вот имя существительное.

Какие же уроки применительно к теме нашего разговора следуют из проигранной СССР холодной войны?

Когда холодная война только начиналась, исходным пунктом документа Национального совета безопасности № 68, одобренного президентом США Г. Трумэном в апреле 1950 г., было утверждение, что **«холодная война — это на самом деле настоящая война»**. Отсюда были предприняты все меры, которые необходимы на войне: определены цели, задачи, стратегия, тактика, средства достижения целей и т. д.

В СССР такого понимания не было. Даже у политической власти. Тем более у молодежи. Я помню годы своей работы в комитете комсомола стройки, первым секретарем райкома комсомола, в ЦК ВЛКСМ: «холодная война», «психологическая война» — это были пропагандистские штампы, которые мы произносили по случаю, но в то, что это война на уничтожение, что будет уничтожен именно СССР, никто не верил.

И это происходило в то время, когда холодная война была объявлена. Тем более трудно понять, что война нового типа идет сегодня, когда ее никто не объявлял, когда в начале «реформ» около 10 лет даже существовали представления будто бы США и Россия — стратегические партнеры, а Президент России уверял, что «Билл — друг», «Коль — друг» и т. п.

Свое предисловие к Стратегии США в области национальной безопасности, обнародованной в марте 2006 г., президент США Дж. Буш начинает словами: «Америка находится в состоянии войны». Дальше говорится, конечно же, о международном терроризме но это не более чем примитивная уловка. О чем идет речь на самом деле, прекрасно понимает каждый трезвомыслящий человек. Речь идет об установлении нового мирового порядка. Ирак, Белград, Афганистан, снова Ирак, «цветные» революции — в Украине, Киргизии, Грузии, давление на Россию, как только ее действия не отвечают интересам

США, — вот для чего нужна этой стране самая мощная в мире армия, на которую они ежегодно тратят более 550 млрд долл.

Итак, если мы способны учиться, то в новой исторической ситуации, где все по форме происходит немножко не так, а по существу все то же самое — война, власть и общество должны осознать, что против России ведется самая настоящая война нового типа, что страна находится в состоянии войны. **Это первый урок.**

Применительно к теме нынешнего разговора он состоит в том, что проблему будущего России и связанную а этим будущим проблему молодежи надо рассматривать прежде всего в категориях войны. Хотя, если оглянуться вокруг, то можно подумать, что никакой борьбы за молодежь нет, что это просто вымысел. Если смотреть на проблему изнутри, то это так и есть: государство и общество не борются за молодежь. За нее грызутся между собой в канун выборов политические партии. И только.

А что же внешние силы? Что такое особенное они делают с нашей молодежью, чтобы назвать это борьбой, тем более войной? Обыватель никак не может этого понять: очень многим нравятся американские фильмы, их поп-культура и вообще все американское. Нашему противнику гораздо проще: он выступает со стороны Зла и Порока. Человек, даже более или менее сформировавшийся, очень легко расчеловечивается. Многим скотское ближе человеческого. Нам надо утверждать в молодых душах Добро и высокие Добродетели, тянуть от скотства вверх, к духовному. Это очень трудно. Противники ничего особенного не делают: крутят фильмы — пошлые, забивают эфир попсой — низкопробной и т. д. Ничего другого им и делать не надо — они-то не собираются тянуть нашу молодежь к вершинам ума и добродетелей.

Всем известно письмо А. Даллеса, по поводу которого идут споры, было оно или не было. На самом деле это не имеет значения. В ходе холодной войны Запад делал именно то, о чем говорится в этом тексте: вырывал духовные корни, опошлял и уничтожал основы народной нравственности, расшатывал таким образом поколение за поколением, разлагал, развращал, растлевал детей и молодежь, превращая молодых людей в циников, пошляков, космополитов.

Именно это они и сделали. Да, была пионерская организация, был комсомол, которые немало делали для воспитания молодежи. Но ее социальные нужды они не могли удовлетворить. Это не было их функцией. Государство же стояло в стороне от множества социальных проблем, которые накапливались и обострялись. И не случайно именно молодежь горячо поддержала перестройку, стала горючим материалом разного рода антигосударственных выступлений.

Если мы способны учиться у истории, то должны обратить внимание на то, что и ныне внешние силы делают ставку на молодежь, ко-

торая составляла главную силу «цветных» революций. И значит, государство и общество должны подумать о том, каким образом снять предельно обострившиеся социальные проблемы в молодежной среде. **Это второй урок.**

Поскольку США, как отмечалось в директиве NSC 20/1 1948 г. «Цели США в отношении России», «не связаны определенным сроком для достижения наших целей в определенное время», поскольку у них «нет строгого чередования периодов войны и мира», а решить задачу военным путем не представляется возможным по многим причинам, то, как и в холодной войне, главная ставка делается на постепенную переделку «человеческого материала» — населения России, и прежде всего детей и молодежи. Если все будет идти так, как идет ныне, через два-три поколения (если страна из-за малограмотных действий политиков не развалится гораздо раньше) население России будет в основном исповедовать попсовую культуру, говорить и думать по-английски, а значит, все ныне скрытые цели, которые ставят наши противники, будут достигнуты сами собой, автоматически.

В документе НСБ 1950 г., который я цитировал, говорилось, что осуществление программы этой войны «потребует от всех нас (американцев. — И. И.) находчивости, жертвенности и единства». В документе № 50 20/1 1948 г. говорилось, что главная проблема СССР — это отношения властей с народом. Власть думала, что она вечна; народ, не видевший перспектив решения продовольственных, жилищных и иных проблем, угрюмо молчал. Но котел гнева нагревался.

Я считаю, что история повторяется: лишь в последние два-три года власти вроде бы проявляют некоторую расторопность и твердость в отстаивании национальных интересов, появилась партия с названием «Единство». Хотя на самом деле нация расколота на множество частей, целые 15 лет власти было абсолютно наплевать на народ. Проблема отношения власти и народа — это по-прежнему главная проблема России. И чем хуже эти отношения, тем лучше нашим противникам.

Если мы способны учиться у истории, то власть должна решительно и быстро улучшить свои отношения с народом. Иначе народ, если его вновь соблазнят какой-нибудь новой утопией, перестройкой или реформой, сбросит эту власть так же легко, как это было в 1917 и 1991 гг. И вновь горючим взрывным материалом в этом перевороте будет молодежь — жертва заблуждений и ошибок взрослых. **Это третий урок.**

Теперь нам ясно, что в холодной войне США и их союзники действовали в соответствии с тщательно разработанными программами, планами, доктринами, над созданием которых работали лучшие умы Штаба планирования политики, Национального совета безопасности, ЦРУ и многие научные центры. В книге «Главный противник»,

составителем которой я являюсь, впервые на русском языке изданы совершенно секретные документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. Многие документы не опубликованы и, вероятно, никогда не увидят свет.

Все мои усилия найти какие-нибудь такого же рода программные документы со стороны Советского государства и ЦК КПСС пока не увенчались успехом. Вероятней всего, их просто не было.

И в этом случае история ныне повторяется. Не сомневаюсь, что у США есть план борьбы с Россией. Есть ли он у России? Не знаю.

Если мы способны учиться у истории, то Совет безопасности РФ должен разработать стратегию и тактику сдерживания и противостояния внешним усилиям по всем направлениям общественной жизни: экономической, социальной, культурной и др.

Необходимо подготовить национальную доктрину работы с молодежью, в которой, на мой взгляд, следует предложить российскому обществу рассматривать детей и молодежь как **ценность особого рода**, как главный стратегический ресурс нации, с которым напрямую связано будущее России, ее благополучие и положение в мире.

Необходимо также принять закон о государственной молодежной политике. Наши власти все годы «реформ» и в этом вопросе проявляют недальновидность и непоследовательность, если не сказать хуже. Созданный в начале «реформ» Комитет РФ по делам молодежи семь раз закрывали, потом создавали, пока не пристроили это направление деятельности в Министерство образования, где оно влачит жалкое существование. Этот комитет необходимо возродить, существенно усилив его финансирование.

Из выступления на заседании
Русского интеллектуального клуба, 2007

О КРИТЕРИЯХ ЭФФЕКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Молодежную политику можно и нужно рассматривать в широком плане: как единство государственной и общественной молодежных политик; как часть (направление) социальной политики государства и гражданского общества. При таком подходе общий смысл

молодежной политики, на наш взгляд, состоит в том, чтобы создать в обществе условия и стимулы для жизнедеятельности новых поколений, которые способствовали бы проявлению, развитию и реализации задатков, способностей и талантов молодых людей в целях социально-экономического и политического прогресса российского общества.

Взгляд на **эффективность** молодежной политики также должен быть **широким**. Эффективность **социальной** политики определяется как способность всех сфер (экономика, политика, культура и т. п.) общества и государства улучшать **благосостояние** народа, как устранение из его национальной природы и характера отрицательных черт, упрочение лучших существующих, формирование и развитие новых добродетельных свойств и качеств. Смысл **молодежной** политики в таком случае можно видеть во всестороннем улучшении **«породы» нации**, взятой в демографическом, физическом, духовном, культурном, морально-нравственном и других аспектах. **Эффективность** молодежной политики в более узком смысле можно понимать как отношение финансовых затрат к организационным усилиям, обусловившим получение того или иного результата; как уровень соответствия результатов деятельности поставленным задачам. Здесь возникает задача определиться с показателями, позволяющими определить и измерить такое соответствие.

Единого определения социальных индикаторов, показателей и критериев молодежной политики не существует, хотя они необходимы для того, чтобы определить социальное положение молодежи в общей массе населения, выявить определяющие тенденции в ее развитии, оценить эффективность усилий, направленных на улучшение ее здоровья, материального обеспечения, образования, воспитания и др.

Некоторые социальные программы непосредственно измеримы (например, преступность, наркомания и т. п.), и отбор показателей и количественных критериев, определяющих эффективность предпринимаемых мер, не является проблемой. В то же время существуют общественные процессы (духовное развитие и т. п.), которые не могут быть оценены количественно, результативность усилий на этом направлении практически измерить невозможно, и приходится прибегать к косвенным определениям.

Из всей суммы критериев оценки уровня развития молодежи и молодежной политики следует выбирать те, которые отвечают целям данного исследования.

При отсутствии универсальной системы индикаторов изменения в социальном положении молодежи оценивать крайне сложно.

В основу классификации критериев молодежной политики могли бы лечь следующие **приоритеты**: вовлечение молодежи **в развитие об-**

щества на национальном уровне путем мобилизации всех имеющихся ресурсов; расширение **возможностей ее трудоустройства** путем разработки эффективных программ, политики и планов по снижению **безработицы** среди молодежи и устранению дискриминационных условий в области трудоустройства молодежи; создание системы законодательства, которое позволит всем молодым людям на равных условиях пользоваться **правом на образование** и обеспечить **доступ** к образованию на любом уровне, к профессионально-техническому обучению, прежде всего для молодежи сельских районов; привлечение внимания к гендерным проблемам и роли женской половины молодежи в процессе развития; обеспечение **медицинского** обслуживания, питания, просвещения по вопросам семейной жизни; регулирование **размеров семьи**; создание необходимой **культурной среды**, которая способствовала бы участию молодежи в процессе общественного развития; **поддержку** усилий национальных, региональных и международных **молодежных организаций** в их деятельности в области развития; стимулирование интереса молодежи и содействие ее участию в **сохранении мира**, **безопасности и сотрудничества**, в мирном решении международных конфликтов; содействие **обмену** представителями молодежи и сотрудничеству молодежи на национальном, региональном и международном уровнях.

При оценке эффективности молодежной политики следует принимать во внимание факторы, отражающие **многообразие** категорий и социальных групп молодежи: различия по регионам, географическим районам, различия между селом и городом, между мужчинами и женщинами, между коренной и мигрирующей молодежью и т. д.

На федеральном уровне необходимо прежде всего учитывать следующие моменты.

1. Необходимость **единого понятия** «молодежь» в целом для России.

2. Наличие **концепции молодежи** (возрастные границы, социологическая характеристика, динамика структурных изменений молодежи в процессе развития с учетом конкретных временных фаз и т. д.).

3. Наличие **демографической** статистики и знание демографических тенденций; оценки и перспективы в молодежной демографии: общее количество, отношение к взрослому населению, возрастные группы; динамика роста молодого населения: мужчины и женщины, городская и сельская молодежь; расовое распределение, этнические меньшинства, мигранты, беженцы, другие группы коренного населения, рабочая молодежь, фермеры, сельскохозяйственные рабочие, студенты вузов, учащиеся школ и средних профессиональных учебных заведений, интеллигенция, служащие, другие категории молодежи.

4. Уровень развития **системы обязательного образования**: доступ к образованию; государственные и негосударственные **средние обра-**

зовательные учебные заведения; наличие кадров учителей и соотношение учителей и школьников; процент детей, охваченных системой среднего и начального образования; процент отсева учащихся из школ, основные причины отсева; система профессионально-технического образования: ученики на производстве и в системе учреждений и социальных служб; **высшее образование**: социальный состав студентов, светское и религиозное образование, стоимость высшего образования в государственных и негосударственных учебных заведениях; стипендии студентам; трудоустройство выпускников школ и специалистов с высшим и средним образованием; охват молодежи в сельской местности всеми формами образования и обучения; функциональная неграмотность; степень демократичности образования; участие студентов в научных исследованиях; соответствие системы образования задачам национального развития.

5. **Благосостояние молодежи:** уровень распределения **доходов**; уровень **зарплаты** в сравнении с другими группами населения; положение **маргинальных групп**, женщин, этнических меньшинств, мигрантов, беженцев, инвалидов, бездомной молодежи и др.; благосостояние **молодой** семьи: жилищные условия, наличие общежитий и домов для молодежи; среднемесячная плата за них; наличие продуктов питания, голод, недоедание, нищета, болезни, межконфессиональные трения, социальные условия материнства, санитарные условия, медицинское обслуживание, злоупотребления наркотиками, алкоголизм; статистика преступности среди молодежи и ее основные причины; преступность среди несовершеннолетних; проституция; другие социальные проблемы.

6. **Экономическая роль** молодежи в обществе: ее общее **положение** на рынке труда; **занятость** различных категорий молодежи; занятость среди маргинальных групп молодежи; возраст молодежи на рынке труда; неполная занятость; **безработица:** процент безработных среди маргинальных групп молодежи в сравнении с другими группами населения, подростки и дети на рынке труда; продолжительность рабочего дня, уровень зарплаты, условия производства; роль молодежи в деятельности профсоюзов.

7. Положение молодежи в органах федерального, регионального и местного **управления**: **политические права** молодежи; молодые политические лидеры и их социальное происхождение; молодежные организации и объединения и их роль в управлении на всех уровнях; политическое образование молодежи и его формы; доступ к информации; женщины, расовые, религиозные и этнические меньшинства, представляющие молодежь в органах управления.

8. Участие молодежи в деятельности **политических партий и молодежных организаций**; правительственные и неправительственные

молодежные организации; участие в международном молодежном сотрудничестве; существующие структуры молодежного и студенческого самоуправления; борьба с экстремизмом.

9. **Молодежь в науке:** статистика о научных открытиях молодых; участие в научно-техническом творчестве; формы и средства стимулирования участия молодежи в научной деятельности и в научно-техническом творчестве; данные о клубах, центрах, кружках научно-технического творчества молодежи; молодежь в национальной культуре: доступ молодежи к историческим и культурным ценностям, данные о библиотеках, театрах, кинотеатрах, музеях, выставках; наличие специальных радио- и телепрограмм для молодежи, соотношение национальных и зарубежных культурных ценностей в программах для молодежи; массовая культура: дискотеки, наличие самодеятельности и молодежных творческих групп.

10. **Участие молодежи в массовом спорте:** доступ к спортивным сооружениям; стоимость спортинвентаря; обеспечение участия молодежи в массовом спорте; процент участия молодежи в спортивных соревнованиях на различных уровнях.

11. Движение молодежи за мир, масштабы и размах движения, характеристика категорий молодежи, вовлеченных в движение за мир, цели и политическое содержание основных акций и кампаний в движении молодежи за мир, программы и акции солидарности молодежи, формы выражения солидарности, борьба молодежи за мир и средства массовой информации.

Взгляд на молодежь **как на объект** воздействия со стороны государства и общества требует ясных представлений **о правах молодежи**, возрастном избирательном цензе для молодежи; о законах и нормативных документах в области образования, охраны труда, здравоохранения, охраны материнства, обеспечения других социальных прав молодежи; нормативных документах, регулирующих отношения между государственными органами и общественными молодежными организациями, уголовном законодательстве в области молодежи, перспективах в области законодательства в интересах молодежи.

Необходима внятная характеристика государственных органов и учреждений, занимающихся разработкой политики в области молодежи, обеспечением функционирования служб и учреждений для молодежи и с участием молодежи, наличие специальных программ и мероприятий государственных и общественных органов по обеспечению занятости молодежи, ликвидации безработицы, охраны труда, программ в области образования и профессионального обучения, специальных программ для сельской и городской молодежи, мероприятий по улучшению положения маргинальных групп, программ в области здраво-

охранения молодежи, условий социального страхования, страховых сумм, профессиональных болезней, мероприятий по охране здоровья молодых матерей, наличия системы детских дошкольных учреждений, санаториев и домов отдыха для молодежи, спортивно-оздоровительных мероприятий, программ по борьбе с алкоголизмом, наркоманией, курением среди молодежи и подростков.

Эффективность молодежной политики прямо пропорциональна объемам финансирования всех видов деятельности в интересах молодежи, как на государственном, так и на общественном уровнях.

Наша молодежь: общероссийский молодежный журнал. 2009. № 1

Раздел 3

РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ПЕРЕПУТЬЕ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Выступление на заседании Русского интеллектуального клуба 23 июня 2003 г.

Уважаемые коллеги!

В названии темы нашей дискуссии есть два ключевых слова — «век» и «образование». Каждое из них безмерно глубоко по своему смыслу. Тем более сложно рассуждать о них во взаимосвязи. Но это абсолютно необходимо, если мы действительно хотим понять сущность происходящего ныне с человечеством, в частности с образованием, которое является главным предметом сегодняшней дискуссии.

Мы поставили вопрос так: образование **для** века. То есть мы хотим не просто описать наши пожелания и представления о том, каким **может** быть высшее образование в разворачивающемся столетии, но и показать, каким оно **должно** стать. «Должно стать» для чего? Чтобы **обслуживать** развитие в том виде, как оно уже обозначилось и проистекает? Или же стать средством перемен и избавления от тех пороков и язв, накопленных и унаследованных человечеством в ходе всего предшествующего развития? Но тогда возникает вопрос о том, как мы смотрим на сам XXI в. с точки зрения настоящего и будущего.

Ведущие мыслители и ученые мира — философы, историки, социологи, геополитики, в том числе русские (в частности, президенты нашего клуба А. А.Зиновьев, Н. Н. Моисеев) уже давно утверждают, что в XXI в. человечество вступило в **самую опасную пору** своего развития. Такой ситуации, как ныне, не было еще никогда. На грани катастрофы не отдельная страна или отдельный народ, а **все человечество**. Оснований для таких выводов более чем достаточно, они общеизвестны. Первая и главная проблема **современной** футурологии не в том, что будущее крайне трудно прогнозировать. Проблема в том, что **будущего может просто** не быть. Вообще. Никакого.

Тех, кто придерживается таких взглядов на происходящее, многие, в том числе власти предержащие, с иронией именуют «алармистами», а их сценарии — апокалиптическими или просто «страшилками». Так говорят люди, которые не способны мыслить **масштабно**, видеть и понимать мир **не фрагментарно**, а во всей его целостности, смотреть на происходящее объективно, реалистически, а не с точки зрения экономической выгоды или политических интересов. В свою очередь, назовем их рыночными фундаменталистами, фанатиками монетаризма. Людьми, не способными мыслить государственно, ответственно.

Прогноз будущего должен быть направлен на выявление **самого худшего**, что может произойти, самых грозных испытаний, которые уже обрушились и могут обрушиться на нашу страну и все человечество.

Как же охарактеризовать нынешнее положение дел в мире с точки зрения сущности, предельно обобщенно и кратко? На заседаниях нашего клуба мы пришли к заключению: мир находится в состоянии **мировой войны нового типа**, рискуя в любой момент сорваться в войну «горячую», ядерную. Иначе говоря, мир на грани **выживания**, на краю физического самоуничтожения. **Само**уничтожения. Вот **два слова**, раскрывающие, на мой взгляд, сложившуюся ситуацию: самоуничтожение, выживание. **Главная проблема XXI в. — выживание.** Отсюда и главная задача человечества в XXI в. — остаться живым, выжить. Все остальные цели и задачи, как бы прекрасны и благородны ни были они, отпадают сами собой: чтобы жить, надо быть живым.

Даже тот, кто согласится с такими умозаключениями, вправе спросить: «А причем тут образование? Тут уместнее бы говорить о политике, экономике... Во всяком случае, так принято, так логичнее и очевиднее. Образование, конечно, играет свою роль. Но «свою», в ряду других факторов». Дело в том, что, на мой взгляд, «в ряду других факторов» образование стоит все же на первом месте, что и попытаюсь показать в своем кратком сообщении. Извините за то, что иногда я буду касаться банальных вещей, но мы все-таки в разной степени погружены в проблему.

Давайте взглянем на образование в самом широком контексте человеческой **эволюции**. Ибо, если мы станем рассматривать проблему образования саму по себе, сообразно логике и содержанию образовательного процесса, как проблему **педагогическую**, то не сможем сказать по этому поводу ничего значительного, тем более нового. Глобальный подход, заявленный в теме нашей дискуссии и моего сообщения, требует хотя бы коснуться вопроса о генезисе, природе образования.

Если исходить из того, что человек есть продукт эволюции живой природы, а не творения Всевышнего, то это значит, что ментальные способности, познание и знание человека в конечном счете направляются механизмами **органической** эволюции. Породив человека как живое существо, стремящееся **выжить и продолжиться** как вид, природа на протяжении тысячелетий **принуждает (!)** человека находить способы выживать путем приобретения опыта, навыков и знаний. Природа постоянно держит человека в пограничной ситуации между жизнью и смертью, стихийно и совершенно безальтернативно учит и дает возможность учиться выживать; и учиться, и выживать за свой счет. В том числе, природа учит человека знать пределы по отношению к себе, в частности знать пределы отношения человека к человеку как части природы, жестоко карая его, если он переступает эти пределы. Уроки, которые ныне преподносит человечеству окружающая среда, свидетельствуют об этом. Природа — это **первый** Учитель, главный Университет человека.

Несомненно, что способности, самосознание, язык, мораль homo sapiens теснейшим образом связаны с процессом **естественного отбора**, поисками способов выживания и воспроизводства. В этом смысле всю историю можно представить как **историю выживания** человечества в целом, а не только как историю борьбы особей и индивидов, групп и народов, в которой побеждали, приспосабливались и развивались те из них, которые обладали необходимыми и достаточными для выживания качествами: физическими, интеллектуальными, моральными, духовными.

Вот еще одно из ключевых слов и понятий, которое мы должны принять во внимание, рассуждая об образовании — **качества** человека во всем многообразии значения этого понятия. Но в данном случае я хочу сделать сильный акцент на том обстоятельстве, что человечество проходило в своем становлении и развитии не только индивидуальный и групповой отбор, в котором поначалу побеждал сильнейший физически. Это был также, а лучше сказать, прежде всего **отбор на интеллект и моральность**. Человечество выживало благодаря тому, что, в конечном счете — несмотря на его кровавую историю — побеждала точка зрения, которая способствовала **продолжению** жизни, **улучшению условий бытия, полноте и качеству жизни**. Именно поэтому человечество и прогрессировало. Именно духовные и нравственные императивы, которые мучительно вырабатывались человечеством в ходе борьбы за выживание, были той силой, которая противостояла и обуздывала природные инстинкты и эмоции фанатов силовой борьбы и войны, поощряла миротворцев. Конечно, можно сказать, что просто-напросто срабатывал инстинкт самосохранения. И все же выигрывал тот, кто был умнее, кто думал о будущем и наследниках; кто способствовал воспитанию чувств, позволявших человеку, исходя из общественных **моральных** установлений и **высших духовных ценностей**, в той или иной мере **контролировать** свои потребности, **сознательно подчинять** личные и групповые интересы интересам других людей и общества.

Человечество, учившееся поначалу **стихийно** познавать и накапливать все больше знаний, со временем придумало **организованный** способ передачи знаний, морали и духа от поколения к поколению — **систему образования**, которое мы сегодня понимаем как единый и целостный процесс *воспитания* и *обучения*, целью которого является создание все больших возможностей преобразования как окружающей среды (в том числе социокультурной), так и самого человека.

Таким образом, **человеческая эволюция** *во всем* ее объеме непосредственно и в первую очередь **связана с уровнем познания и образования**. *Чем выше* уровень науки и образования, *тем выше* темпы освоения природы, изменений окружающей человека среды, в том числе социокультурной.

Если мы соглашаемся с тем, что между прогрессом и образованием существует первостепенная зависимость, то необходимо признать, что такая же связь существует и между **регрессом и образованием**. То есть, если мы говорим сегодня о глубоком и многоаспектном кризисе современной цивилизации, о том, что человечество поставило себя на грань физического самоуничтожения, то это значит, что *прежде и задолго до того* как сложилась такая ситуация, до того как мы поняли и признали этот факт, начался и произошел *глубочайший кризис в системе образования* ведущих стран мира, приведший к трагическим изменениям в содержании и формах мышления, ценностных ориентациях и морали народов тех стран, которые задают направление развитию всего человечества.

Скорость, масштабы и глубина перемен в условиях жизни и труда ныне столь велики, что ум и сознание человека и общества не успевают к ним хотя бы приспособиться, не говоря уж о том, чтобы в полной мере осознать и управлять ими. Итог — **нарастание хаоса и абсурда** во всех сферах жизни и на всех уровнях управления вплоть до глобального. Все более заметны симптомы снижения моральных начал в поведении и деятельности как отдельных людей и групп, так и целых народов и государств. Дикие масштабы принимают насилие, агрессивность, экстремизм, террор и терроризм, преступность, проституция. Все более сильно дают знать о себе тенденции *псевдо*культуры и даже *анти*культуры, которые уже захватили основную часть молодежи Запада, а теперь и России.

Но что означает снижение этической планки и общекультурного уровня широких народных масс? Это означает понижение **качеств** человечества, которые **необходимы для его выживания**. И происходит это в ситуации, когда проблема выживания остра, как никогда прежде. Более того, можно думать, что это делается сознательно, что мы являемся свидетелями процесса уже не естественного, а *искусственного отбора*, искусственной селекции не только индивидов и групп, но *целых стран и народов*. Сегодня, как никогда прежде в истории, торжествует принцип силы. «Хорошими» и «плохими», бедными и богатыми люди и целые страны становятся не в результате конкуренции ума, духа и воли, а в результате подковерных политических решений и военных операций, где созданные человеком бомбы, пушки и прочее оружие выступают в роли мускулов, клыков и когтей дикаря. Эти люди и страны по определению не могут иметь высокой морали и культуры, потому что там, где сила, там не нужны ни ум, ни духовность, там они изживаются, в том числе и с помощью системы образования, которая преподносится в качестве лучшей в мире. Под монотонные речи о прогрессе, о будущем, о свободе и правах человека. И происходит это не вполне осознанно, не только по злому умыслу, а больше от не-

понимания смыслов и сущностей, инстинктивно. Образованный дикарь, таковым себя не сознающий, — это чудовище, порожденное системой образования XX в.

О том, что образование на Западе находится в глубоком кризисе, известно давно. Еще в 1965 г. премьер-министр Франции Ж. Помпиду публично заявил, что система образования Франции, особенно среднего, «обнаружила неспособность к эволюции и базируется в значительной мере на основах, заложенных иезуитами в XVII в. и лишь несколько измененных в конце прошлого (т. е. XIX) столетия» (L'Education nationale. 1965. № 20). В 1968 г. вышла книга Ф. Г. Кумбса «Мировой кризис образования». В 1983 г. Национальная комиссия США по проблемам качества образования представила обществу доклад «Нация в опасности» с мрачными выводами и прогнозами, в котором, в частности, говорилось, что США «совершили акт бездумного образовательного разоружения», что существующее качество образования «несет угрозу будущему государства и народа» (The National Commission on Excellence in Education. A Nation at Risk: The Imperative for Education Reform. Wach, 1983).

Давайте посмотрим, что (в самом общем виде) происходит в сфере высшего образования, особенно в Новейшее время.

Определяющими тенденциями являются его специализация, массовизация, экономизация. Все эти тенденции имеют под собой объективные основания и положительное значение. Однако сейчас обратим внимание не на позитивные, а на **негативные** последствия этих процессов.

Специализация в высшем образовании — следствие НТР. Известно, что специализация в технике, экономике и финансах становится все более углубленной и узкой, заставляет организаторов образования изыскивать дополнительные учебные часы за счет сокращения объемов гуманитарных наук — философии, истории, социологии и т. п. По сути дела, вузы превращаются в *высшие ремесленные школы*, готовящие *ремесленников*, которым трудно понимать смысл общественно-политических процессов в мире и в собственной стране, разбираться в программах партий и группировок. Но что такое гуманитарно необразованный человек? Такой человек в конечном счете не может занимать осмысленную гражданскую позицию, проявлять гражданскую активность. Это прекрасный объект для идеологических и политических манипуляций, функционер, слепой исполнитель. Специально образованный раб. Узкая специализация в условиях НТР, по сути дела, обернулась **дегуманизацией** образования.

Массовизация. С 1986 по 2000 г. (за 15 лет) количество студентов в мире выросло с 13 млн до 86 млн человек, т. е. в шесть раз. Итог массовизации — резкое падение **качества** *высшего образования*, нарастание

функциональной неграмотности, т. е. людей, окончивших вузы, но не способных эффективно выполнять свои трудовые и гражданские обязанности. И дело тут не только в том, *как* — хорошо или плохо — организован в вузе образовательный процесс, а в резком снижении **качества «исходного материала»** — абитуриентов, которые становятся студентами. Например, в 2001/2002 г. из 1 млн 100 тыс. выпускников школ России в вузы поступили более 90%. И дело опять-таки не только в том, как они учились и как их учили в школе, а в том, что многие из них, если ни большинство, в силу своих исходных данных не мотивированы и не способны к высокоинтеллектуальной деятельности. Людей с дипломами о высшем образовании, кандидатскими и докторскими степенями, в том числе просто купленными за деньги, — людей, функционально неграмотных, — уже сегодня в мире, и в частности в России, весьма много. И становится все больше. В том числе в структурах власти и управления вплоть до высших органов. Отсюда нарастание количества ошибочных решений, разрушительство, хаос, абсурд.

Экономизацию образования можно понять только в том случае, если понимать, что образование — это поле **идеологической и политической** борьбы. Образовательная политика так или иначе, в большей или меньшей мере диктуется интересами правящего класса. В странах Запада и в сегодняшней России это класс капиталистов. И дело не в том, что социальная элита создает для себя привилегии в этой сфере, элитарные учебные заведения или отправляет своих детей на учебу в престижные вузы других стран. Образование — это поле борьбы за овладение умами и сознанием новых поколений. Да, взятый по отдельности каждый капиталист нуждается в квалифицированных и лояльных работниках. Вопрос о том, кого и чему учить, чт? и сколько знать, имеет в этом случае ключевое значение. Ибо образование — это универсальный способ **программирования** человека. Учебные программы и планы образования устанавливают не только объем специальных знаний, необходимых работнику, но и тех знаний, которые определяют мораль и духовный мир человека, а значит, и его поведение.

Однако первой и главной заботой капиталиста были и остаются заботы *о прибыли и сокращении издержек*. Под влиянием этого доминирующего обстоятельства изменялись и изменились взгляды на *миссию и само понятие образования*, на роль и значение знаний, трансляция которых от их производителя — науки — к человеку составляет главную и единственную задачу образования (по нынешним представлениям). Взгляд на знание и образование через призму прибыли и денег привел к тому, что предпочтение стали отдавать так называемым **практически полезным знаниям**. Значение гуманитарного (человекообразующего) знания с этой точки зрения упало в цене. Знание все больше обретало значение *товара*, а образование, утрачивая свою универ-

сальную **человекообразующую функцию**, все больше становилось одной из отраслей экономики, ну а вузы — *предприятиями* по производству *рабочей силы*.

Подчеркнем: **одной из** отраслей экономики, соотносясь с ней как *часть с целым* и, следовательно, подчиняясь ее целям и задачам, тенденциям и законам ее развития. Сегодня догмой является положение о том, что **экономика первична, а образование вторично**. Отсюда тезис: «поднимем экономику — возьмемся за образование». Отсюда тенденция на сокращение *государственных* расходов на образование, приватизацию, сокращение, а то и полную ликвидацию государственных учебных заведений. В своей книге «Капитализм и свобода» известный американский теоретик-либерал М. Фридман пишет: «Количество денег, истраченных на образование, увеличивается стремительными темпами, куда быстрее, чем национальный доход. Государство не в состоянии нести эти все увеличивающиеся расходы; их надо переложить на родителей, которые будут экономны и осмотрительны, решая вопрос, на что тратить деньги, и поэтому не станут определять своих детей на «бесперспективные» для них направления учебы» (Friedman M. Capitalism and Freedom. Chicago, 1982). При этом «перспективными» абсолютное большинство родителей и их детей считают те специальности, которые обещают высокий заработок и быстрый возврат инвестиций в образование, которое этот заработок гарантирует. Подход сугубо прагматичный, с точки зрения отдельной семьи совершенно оправданный. А то, что в обществе не хватает учителей, преподавателей, культурологов, социальных и им подобных работников, зарплата которых намного ниже, чем у брокеров, экономистов, юристов, менеджеров и т. п., — этот вопрос десятилетиями остается в стороне, хотя от этого страдают и общество, и семья, и отдельные индивиды.

Специализация, массовизация и экономизация образования ведут к его **примитивизации** как в содержании, так и в понимании. Образование уже во многом утратило свою человекообразующую функцию, возвышающую и развивающую качества человека, и прежде всего моральные и духовные, необходимые ему для выживания, и продолжает ее утрачивать. Все более примитивное образование образует все более примитивного человека, не способного охватить умом происходящее и направлять эволюцию к выживанию, а не к гибели.

В общем и целом кризис образования породил *кризис понимания*. И это приговор существующей системе образования. Ибо конечным результатом, итогом всего образовательного процесса является не знание само по себе, а понимание, к которому оно ведет.

Нет ничего ненормального в том, что мы многое не знаем и не понимаем, особенно в резко ускорившемся и усложнившемся мире, который продолжает и усложняться, и ускоряться. Это нетрудно объяс-

нить. Проблема в том, что массовизация образования породила массовую **иллюзию всезнайства и всепонимания**. Среднестатистический человек с дипломом о высшем образовании не хочет допустить даже мысли о том, что он чего-то не понимает: он просто **не понимает, что он не понимает**. Что уж говорить о тех, кто занимает руководящие посты, имеет диплом кандидата, доктора наук...

Во всех странах Запада идут бесконечные реформы образования, но они не приносят ожидаемых результатов. Звучат заявления о том, что «школы и вузы абсолютно нереформируемы», и прежде всего из-за того, что учителя и преподаватели крайне консервативны и т. п. Но дело, на мой взгляд, не в этом. Абсолютное большинство ищет выход из сложившегося положения в рамках **существующей парадигмы развития общества** и вытекающей из нее парадигмы образования. А потом — *что такое реформа*? Это содержательные или формальные изменения системы *при сохранении ее прежних качественных оснований*. Тем более ничего нельзя добиться путем *модернизации*, т. е. просто обновления старого.

Между тем кризис образования кроется именно в *его основах*. Бессмысленно говорить о качестве образования, если нет четкого определения **его миссии и конечной цели**. В свою очередь, невозможно добиться совершенного образования, если порочны сами принципы и основы общественного устройства. В «плохом» обществе не может быть «хорошего» образования. Но в то же время нет иного способа построения нового общества иначе как через новую систему образования, конечной целью которого является *новый человек с новыми ценностями*, *новой* моралью и *новыми* качествами характера. Иначе говоря, необходимы фундаментальные, радикальные перемены в основах общественного устройства.

Осознается ли это обстоятельство мировым сообществом? Да. «Повестка на XXI век», принятая Международной конференцией ООН «Окружающая среда и развитие» в 1992 г. в Рио-де-Жанейро, пожалуй, главное свидетельство этого. Подписи 179 глав государств и правительств под этим документом, в котором говорится, что прежняя парадигма развития человечества исчерпала себя полностью и окончательно; что следование прежним путем гибельно для планеты; что необходима новая парадигма развития, что в качестве таковой может и должна выступить идея «устойчивого развития» — все это и другие факты свидетельствуют, что катастрофичность ситуации и радикальных перемен понимается. Заключительные слова доклада на этой конференции ООН, которые произнес ее Генеральный секретарь Морис Стронг: «Или выживем все, или не спасется никто!» — для меня лично звучат столь же определенно, как «Свобода или смерть!», «К оружию!», «Вставай, проклятьем заклейменный!..»

Но дело в том, что призыв к коренной ломке существующего мирового порядка обращен к тем, кто этот порядок строил и строит, кому он выгоден и необходим, кто, в сущности, не откажется от него никогда. Конференция ООН по проблемам устойчивого развития прошлого года в Йоханнесбурге отметила, что за прошедшие с 1992 г. 10 лет в мире практически ничего не изменилось к лучшему, что все идет по схеме «как было». Хотя, на мой взгляд, это не так. В мире идет коренная ломка, можно сказать, революция за установление нового, «устойчивого» мирового порядка в интересах группы высокоразвитых стран, возглавляемых США. Руководство этих стран понимает опасности, вызовы и угрозы XXI в.; понимает их реальность для жизни человечества. Однако формула ООН — «Или выживем все, или не спасется никто!» — их не устраивает. И потому даже на грани гибели, в крайней ситуации выживания, они делают ставку на эволюционный принцип естественного отбора — «выживает сильнейший». Мы видим, как он действует: Югославия, Афганистан, Ирак ...

В этом смысле идея устойчивого развития в ее истинном смысле выглядит утопичной: ей противостоят оружие, деньги и власть, неограниченная никакой моралью. Одним словом — грубая сила, насилие. Сегодня они торжествуют. Но в этом нет безысходности. В свое время даже такой гениальный «силовик», как Наполеон, не без досады заметил, что всякий раз, когда встречаются ум и сила, в конце концов победа остается на стороне ума.

Необходимые радикальные перемены в общественном устройстве и жизни в этой ситуации должны прийти со стороны «ума» — науки и образования, о чем говорилось на конференциях ООН и в Рио, и в Йоханнесбурге. Власти денег и силе власти надо противопоставить силу нового *гуманитарного знания, новых социальных идей, перемен массового сознания — понимания людьми смысла и сущности происходящего в мире*, в частности в России, в самих США.

Во Всемирной декларации о высшем образовании для XXI в., принятой ЮНЕСКО в октябре 1998 г. в Париже, говорится, что в связи с необходимостью «культурного, социально-экономического и экологического устойчивого развития человечества, наций и сообществ» перед высшим образованием встают грандиозные задачи, требующие его **самого радикального преобразования и обновления, подвергать которым его еще никогда не приходилось**». Здесь нет самого слова «революция», но сказанное в полной мере отвечает его смыслу. «Революция — это наиболее концентрированное, максимально быстрое и глубокое (т. е. именно радикальное) обновление явления, открывающее ему небывалые до этого возможности самоосуществления», «смена качественной, сущностной, целостной определенности», «скачок, прорыв

постепенности в изменениях, преобразование сути; *смена оснований* и системного характера предмета в целом».

Вопрос не в том, что кому-то хочется образовательной революции. Дело в том, что она вызрела, она уже неизбежна: человечество не только поставило себя на грань гибели, но и загнало **в цейтнот**. На постепенные, эволюционные перемены уже просто нет времени. Вдумайтесь в такие цифры и факты: за последнюю **треть XX в.** человечество израсходовало **треть конечных**, невосполняемых естественных богатств Земли. Если не будут предприняты экстренные меры, то **к середине XXI в.** будет использована вся наличная **пресная вода**. Проблема конечных земных ресурсов заняла первое место в списке приоритетов американского руководства. Изменения в мышлении, в сознании, в морали и духовных ценностей должны произойти на предельно коротком отрезке исторического времени — за два-три десятилетия. Революционно.

Главный момент образовательной революции — смена консервативно-эволюционной образовательной парадигмы на прогрессивно-революционную, базирующуюся на новой парадигме устойчивого развития.

Образовательная парадигма, о которой я говорю в моей книге «Образовательная революция», включает в себя несколько основных идей и подходов. Назовем некоторые из них:

— новый взгляд на миссию образования в XXI в.;
— новый взгляд на предмет и конечные цели образования;
— новый взгляд на уровни образования;
— новый взгляд на роль социально-гуманитарного знания;
— новый взгляд на учебные задачи и средства их решения.

Буквально несколько слов в порядке пояснения этих идей.

Прежде всего, о **новом взгляде** на образование и его **миссию** в обществе. Они во многом противоположны существующим представлениям.

Если ныне действующая парадигма рассматривает образование как непроизводственную отрасль (сферу) общественной жизни, которая только *потребляет* созданные в других отраслях материальные и духовно-нравственные ценности, в частности знания, то в новой парадигме образование видится как самоценность, провозглашается сферой **производства высшей ценности и главного капитала — человека** во всей полноте его свойств и качеств как гармонично и всесторонне развитой личности, а не только «специалиста». При этом сама школа (общая и высшая) должна все более становиться местом производства духовно-нравственных ценностей, в частности и знания.

Традиционная парадигма отводит образованию роль прежде всего подсобного **средства** в решении всех иных, и прежде всего экономических задач. Отсюда **приоритеты**: «поднимем экономику — возьмемся

за образование»; отсюда остаточный принцип финансирования. Отсюда взгляд на образование как на средство **адаптации** новых поколений к существующей действительности, средство **закрепления** сложившейся социальной структуры общества.

Настоящим полем битвы как отдельных стран, так и всего человечества за свое будущее должны являться не географические пространства, источники сырья и энергии, а человек, еще не приобретший до конца, но уже утрачивающий те качества, которые способствуют выживанию; человек, прежде всего в его интеллектуальном и духовно-нравственном измерении. Полем битвы за выживание и будущее является образование, которое должно вернуть себе *душеспасительную функцию, человекообразующую составляющую.*

Необходимо формировать новую этику, новые духовные ценности, новые потребности, а не просто адаптировать человека к требованиям рынка и жизни, как это происходит сегодня.

Следующий пункт новой парадигмы — изменения **в предмете образования**. Традиционно знаменитый ЗУН не устраняется. Без знаний нет образования. Но, как известно, многие знания в эпоху НТР устаревают так быстро, что студент, не успев получить диплом, оказывается в положении малознайки, а то и незнайки.

Человечество подошло к такому моменту своего развития, когда оно не успевает осознавать происходящее и адаптироваться к нему. Дело не только и не столько в количестве знаний, которыми владеет человек. Давно известно: многознание уму не научает. На первый план в высшем образовании, на мой взгляд, вышла проблема понимания. Это значит, что пониманию надо учить. Что значит «понимать», как учить пониманию? Я не говорю сейчас об этом. Мне ясно одно: вуз должен через знание развивать мышление до стадии понимания. В этом и состоит назначение *высшей* школы. А если мы выпускаем в жизнь людей, нашпигованных специальными знаниями, но не способных разобраться в происходящем, — это не высшее образование.

Третий пункт новой парадигмы — новый взгляд на роль социально-гуманитарного знания.

Мы так привыкли к аббревиатуре НТР, что не особо задумываемся над ее полным смыслом. Но ведь НТР — это лишь научно-**техническая** революция, но не **научная** со всех сторон. Например, не научно-**гуманитарная**. В этой сфере научного знания в XX в. никакой революции не было и нет. В отношении самого себя и общества человек все еще поразительно нелюбознателен. Поэтому и в понимании самого себя, в своем развитии, в частности в развитии своих творческих способностей, он мало продвинулся. А представим себе, каких грандиозных высот во всех направлениях могло бы достичь человечество, если бы человек сумел использовать хотя бы 30–40, а не 5–7–10% своего

интеллекта, как это пока происходит! Но эти самые 5–10% ума были направлены на овладение *внешним миром*, а не на собственное самопознание и саморазвитие. Между тем идеи гуманизации и гуманитаризации уже поседели от времени. Уже давно идут разговоры о **человеческой революции**.

Есть еще некоторые идеи, которые можно отнести к разряду революционных для образования, но я не говорю о них из-за недостатка времени.

Уважаемые коллеги! В одной из рецензий, которые выходят сейчас в связи с моей книгой «Образовательная революция», авторы, оценившие ее весьма и весьма доброжелательно, тем не менее заметили, что это все-таки, как они пишут, «чегеварство и донкихотство». Конечно, это тоже неплохо — слыть Дон Кихотом! Но я человек далеко не наивный, не только романтик, но и прагматик: каждый день с утра до ночи в течение вот уже 10 лет, я, как ректор вуза, занят совершенно конкретными практическими делами. Идея о необходимости образовательной революции пришла в мою голову не от безделья или желания поразить кого-то необычным словосочетанием.

Необходимость смены парадигмы развития и, следовательно, выработки новой парадигмы образования, влекущей за собой образовательную революцию, давно вызрела. Это надо осознать. Для этого надо писать, говорить, спорить. Надеюсь, что некоторые основания я для этого дал и своей книгой, и этим своим выступлением.

Русский интеллектуальный клуб. Кн. 5. М., 2007

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Выступление на Парламентских слушаниях Совета Федерации РФ 25 ноября 2004 г.

В контексте обсуждаемой темы я остановлюсь всего на двух тезисах.

Тезис первый: Россия должна иметь стратегические цели в развитии образования, которые должны быть, во-первых, высокими и амбициозными, предельно напрягающими все общество: чтобы стрела взле-

тела выше леса, надо целиться в солнце; во-вторых, эти цели должны быть сформулированы настолько внятно и конкретно выраженными, чтобы быть понятными всему обществу, быть измеримыми. Достижимо все то, что измеримо, и наоборот: то, что измеримо, то и достижимо.

За последние четыре года я выпустил две книжки по вопросам образования: «Образовательная революция» (2002 г.) и «Негосударственные вузы России: опыт самоидентификации» (2004 г.).

Я весьма тщательно изучаю все основополагающие документы по вопросам образования, выходящие из-под пера идеологов и организаторов образовательной реформы. В них много и правильного, и ценного. Но я до сих пор не могу понять, чего мы хотим достигнуть в итоге реформ, ради чего они проводятся, если смотреть на них с точки зрения высших национальных целей, если хотите, образовательного идеала России. Меня эти цели не вдохновляют.

Многое в образовательной реформе России списывается с американской модели образования. Сейчас я не говорю о том, хорошо это или плохо. Без сомнения, у американцев есть чему учиться, надо учиться.

Но почему бы тогда не обратить внимания на то, как внятно и понятно даже каждому неграмотному налогоплательщику формируются цели развития образования в США, например в пакете законодательных актов «Цели 2000» — Акт об образовании в Америке. **Цели образования**, которые должны **были** быть достигнуты к 2000 г., определялись в этом акте следующим образом:

— **все дети** начнут школьное образование подготовленными к учению;

— количество школьников, **оканчивающих** полную школу (12 лет обучения), возрастет как минимум на *90%*;

— американские школьники будут оканчивать 4, 8 и 12-е классы, демонстрируя **высокий уровень подготовки** в наиболее важных дисциплинах, включая английский язык, математику, естественные науки, историю и географию;

— выпускники школ будут **первыми в мире** по уровню знаний в области естественных наук и математики;

— **каждый** взрослый американец **будет грамотен** и приобретает знания и умения для конкурентоспособности в мировой экономике и ответственного выполнения своих гражданских обязанностей;

— **каждая** школа будет **свободна от наркотиков и насилия** и обеспечит здоровую дисциплинарную атмосферу, способствующую продуктивному обучению. Все конкретно, понятно, амбициозно. Ради таких целей не жаль ни ума, ни сил, ни времени. Может, и нам стоит сочинить нечто подобное?

Тезис второй: российское государство и его правительство, которое вот уже 12 лет стоит задом к негосударственному образованию, **должны повернуться к нему передом**. Это один из острейших вопросов именно стратегии развития российского образования.

Дело даже не в **общемировых тысячелетних** традициях, согласно которым частное (а точнее говорить именно так, как принято сейчас в России, — **негосударственное**) образование есть явление самое древнее, догосударственное; явление **естественное и необходимое** для нормального общества, где признается **частная собственность**, где есть **свобода**, где признаются **права человека**, в том числе право на предпринимательскую деятельность.

Дело даже не в традициях **дореволюционной России**, где количество негосударственных и государственных учебных заведений, в том числе высших, было равным.

Дело даже не в том, что в нормальных странах негосударственное образование не подвергается никакому сомнению, а в некоторых — Японии, Южной Корее, Филиппинах и других абсолютно доминирует (от 70 до 80%) над государственным.

По состоянию на 2002/2003 учебный год из 649 университетов Японии 478, или **73,7% были частными**. В них обучалось более 2 млн студентов, или 73,3% от общей численности студенческого контингента университетов. Из 572 младших и технических колледжей 497, или **86,9% были частными**. В них обучалось около 300 тыс. студентов, или **91,2%** общего студенческого контингента младших и технических колледжей.

Частный сектор в Южной Корее занимает **ведущие позиции** на рынке образовательных услуг. Около **80%** всех студентов обучаются в частных вузах. Частное образование в Корее, поддерживается и регулируется **законом «О частной школе»**, принятым в 1963 г. в целях содействия развитию частных школ посредством гарантий их автономии и социальной ответственности.

Обратите внимание: за последние десятилетия прошлого века Республика Корея сделала исключительный рывок в развитии высшего образования. Среднегодовые темпы роста студенческого контингента в период 1970–1980 гг. были на уровне 20,5%, а в период 1980–1990 гг. составляли 14,8%. В результате общая численность студентов высших учебных заведений за 20 лет увеличилась со 101 тыс. человек в 1970 г. до 15 млн в 1990 г., т. е. **в 15 раз за 20 лет**. По числу студентов на 10 тыс. населения Корея поднялась **с 49-го места** в мире в 1975 г. **до третьего** в 1990 г., отстав только от США и Канады. Вклад образования в рост ВВП в Корее оценивается в 22,6%. Среднегодовые темпы роста ВВП в этой стране в период 1970–1990 гг. составляли от 7,6 до 12,8%.

По состоянию на май 2003 г. на Филиппинах было 1479 высших учебных заведений, из которых **1305 — частные** и 174 государственные. В этой стране существует **Фонд помощи частным учебным заведениям**. Комиссия по высшему образованию Филиппин признает **огромный вклад частных высших учебных заведений в развитие высшего образования** в стране и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, повышение его качества и качества исследований. Эта комиссия при условии положительных традиций честности и незапятнанной репутации предусматривает для частных высших учебных заведений определенные льготы: освобождение от получения специального разрешения; освобождение от проверки и оценки деятельности со стороны министерства образования, культуры и спорта; получение права на субсидии и другую финансовую помощь от комиссии по высшему образованию; привилегии в определении своих учебных программ в целях достижения уровня мировых стандартов компетенции; привилегии по созданию отделений или филиалов без предварительного одобрения министерства образования, культуры и спорта, но с уведомлением регионального отделения министерства о новых учебных программах, которые будут предлагаться студентам, и др. Статут дерегулируемых высших учебных заведений сроком на пять лет предоставлен 22 университетам и колледжам страны.

Можно сказать, конечно, что нам — Филиппины, Южная Корея и даже — Япония. Мы — Россия. Мы и тут пойдем своим путем!

Но вот столь дорогие сердцу наших реформаторов Соединенные Штаты Америки, где частный сектор системы высшего образования играет очень важную роль: 62 из 156 университетов и 1493 из 1996 четырехгодичных колледжей — частные. В общей сложности **в частном секторе** США находится более **70%** университетов и четырехгодичных колледжей, хотя по числу студентов частный сектор значительно уступает государственному. В частных университетах обучается 766,5 тыс. студентов, т. е. 31,6%. В США нет общефедеральных законов в области образования. Это обязанность штатов. Возьмем один из них — Калифорнию.

В **плане стратегического развития** системы высшего образования штата Калифорния подчеркивается: «...**частные и независимые колледжи и университеты** нашего штата являются **важными и ценными компонентами системы высшего образования**. Эти колледжи и университеты присуждают ежегодно пятую часть степеней бакалавров, почти половину степеней доктора философии (Ph. D) и 70% профессиональных степеней (медики, юристы и др.) штата. Частные исследовательские университеты являются важной составной частью интеллектуальной и экономической инфраструктуры штата, а их участие в программах сотрудничества с бизнесом и учреждениями общественного сектора

важно для нашего общего будущего». Около четверти студентов четырехгодичных колледжей Калифорнии обучается в частных колледжах. Всего в Калифорнии более **60 аккредитованных частных колледжей и университетов**, включая Калифорнийский технологический институт, Стэнфордский университет и Клермонт-колледж, которые имеют мировую репутацию **лучших в мире** высших учебных заведений. Добавьте к ним Университет Южной Калифорнии, Йельский университет, Гарвардский, Принстонский, Корнельский, Колумбийский и другие университеты с мировой известностью и станет ясно: если мыслить стратегически, этот факт нельзя игнорировать. Создание условий для развития негосударственного образования — вопрос сугубо стратегический.

Российское государство на начальном этапе реформ сделало для этого немало: создало предпосылки для возникновения этой организационно-правовой формы образования — саморегулируемого, самоуправляемого. Затем не позволило его удушить в пеленках. Но было допущено и немало ошибок, о которых я не стану говорить, но которые надо исправлять, и делать это срочно. Это уже не вопрос стратегии, а сегодняшнего дня.

Вступление России в ВТО — вопрос ближайшего будущего. Неизбежным шагом вслед за этим становится присоединение нашей страны к Договору о торговле услугами, в том числе, образовательными. Это откроет двери России для экспансии американского образования и вузов других стран. Глобализация образования из сферы теории перейдет на уровень повседневности. Умы и души молодых поколений России станут полностью доступны тем, кто давно жаждет этого, кто никогда не любил и не любит Россию. Это прямая угроза национальной безопасности. Пускать глобализацию в ее полном объеме в госвузы нельзя. Американцы не собираются делать этого. Но игнорировать глобализацию тоже невозможно. С той стороны основными субъектами глобализации будут выступать частные вузы. По логике вещей взаимодействовать, противостоять и конкурировать с ними должны бы также российские негосударственные вузы. Но в большинстве своем сегодня они находятся в чахоточном состоянии. Мы считаем, что необходимо объединение усилий госорганов управления образованием и образовательного сообщества негосударственного сектора в лице представителей его лучших вузов для выработки грамотной политики в этой области. Мы готовы к этому.

ОБРАЗОВАНИЕ И КРИЗИС ПОНИМАНИЯ

Доклад на секции «Философия образования»
Всероссийского философского конгресса, 2005 г.

Уважаемые коллеги!

Поскольку я знал, что буду выступать первым, то решил, что для создания некоторого общего фона в нашей дискуссии нам стоит поговорить о некоторых общих проблемах образования. Поэтому я сознательно обозначил свою тему весьма широко — «Образование и кризис понимания». Это требует рассматривать проблему не саму по себе, в чисто педагогическом плане, а в широком контексте.

Распространенным является допущение, что человек есть продукт эволюции живой природы, что (в силу этого) его ментальные способности, познание и знание в конечном счете направляются механизмами этой эволюции. Способности, самосознание, язык, мораль homo sapiens теснейшим образом связаны с процессом естественного отбора, поисками способов выживания и воспроизводства. Всю историю человечества можно представить как **историю его выживания** в целом, историю **борьбы особей** и индивидов, конфликтов и войн, **народов и стран**, в которых побеждали те из них, которые обладали необходимыми и достаточными для этого выживания **человеческими качествами**, и прежде всего интеллектуальными и духовными.

Несомненно, что благодаря этому **в целом человечество прогрессировало**, и прежде всего потому, что духовные и нравственные императивы, которые мучительно вырабатывались в ходе борьбы за выживание, были направлены на **обуздание природных инстинктов**, воспитание чувств, формирование сознания. Это позволяло человеку в той или иной мере контролировать свои потребности, сознательно подчинять личные и групповые интересы интересам других людей и общества, исходя из общественных моральных установлений и высших духовных ценностей.

Человечество не только училось познавать и накапливало все больше знаний, но **придумало и способ передачи знаний** друг другу и от поколения к поколению — **образование как единый и целостный процесс воспитания и обучения**.

Итак, человеческая **эволюция**, понимаемая как необратимый и направленный процесс постепенных экстенсивных и интенсивных изменений и развития, в ходе которого осуществляется переход от одного его состояния к другому с увеличением уже имеющегося или возникновением нового качества, **непосредственно связана с уровнем познания и образования**. Справедливо говорится, что чем выше

уровень науки и образования, тем выше темпы освоения природы, изменений окружающей человека среды, в том числе социокультурной.

Но, согласившись с тем, что между прогрессом и образованием существует прямая зависимость, необходимо признать, что такая же связь существует и между **регрессом и образованием**. Иными словами, если мы говорим сегодня о глубоком и многоаспектном **кризисе современной цивилизации**, о том, что человечество поставило себя на грань физического самоуничтожения, то это значит, что **прежде и задолго до этого** произошел глубочайший кризис, свершились **катастрофические перемены в системе образования**, которые и привели к трагическим изменениям в содержании и формах мышления, духовном мире, ценностных ориентациях людей. И это прежде всего народы так называемых развитых стран, которые задают направление развитию всего человечества. Это обозначает также, что если образование этих стран не изменяется к лучшему в своей сущности и своем содержании, то мировой кризис может только углубляться, а катастрофа — только приближаться. И следовательно, если мир хочет избежать катастрофы, то он должен обратить свой взор прежде всего к образованию, с тем чтобы понять суть совершенных ошибок и исправить их.

На мой взгляд, именно кризис образования, который обусловлен различными причинами, но, прежде всего, ошибочными представлениями о том, что такое образование и каким оно должно быть, в чем высший смысл и высшая цель (предмет) образования, и породил глобальную проблему человечества № 1, которую я определяю как **кризис понимания**.

Сущность кризиса понимания (я говорю о социальных процессах, о гуманитарной сфере), на мой взгляд, определяется в нескольких измерениях.

1. Вследствие нарастания темпов перемен, сложности, хаоса и абсурда Происходящего мы все хуже понимаем происходящее в новейшей истории.

2. В силу целого ряда причин, прежде всего психологического свойства, **мы не понимаем**, что **мы не понимаем**. И прежде всего потому, что не хотим признать этот факт, **не хотим понимать**.

3. Мы не понимаем, *что* же мы не понимаем. Объем происходящего столь велик и многопланов, в обществе происходит так много нового, что многие аспекты происходящего оказываются за пределами понимания (например, что установление США нового мирового порядка — это, в сущности, мировая война нового типа; что глобализация в ее нынешнем исполнении — это главный инструмент данной войны и т. п.).

4. Мы не понимаем, *что* мы *должны* понять (например, глобальные проблемы человечества, идея устойчивого развития и др.). Мы знаем о многих вызовах и угрозах будущего. Но нет достаточного понимания их смертельной опасности, а потому нет и предотвращающих их адекватных действий.

Эти выводы могут показаться парадоксальными. Ведь XX в. был веком научно-технической и информационной революций, веком компьютера и Интернета, невероятно увеличивших возможности человека знать и понимать. Мы уже давно говорим не о нехватке, а об избыточности информации. Но информация еще не есть знание. А знать — не значит понимать.

Человечество попало в психологическую ловушку. Нам кажется, что если мы обладаем огромным и все более растущим объемом информации, все увеличивающейся массой обученных людей, да еще с «высшим образованием», то нам все ясно и понятно. Не может быть непонятно. Но чем больше мы знаем, тем меньше понимаем. Мы все глубже проникаем в суть частного и особенного, но нам все больше не хватает понимания общего и целого. Мы все лучше анализируем и все хуже синтезируем. Ибо в обществе все больше высококлассных специалистов, а по сути дела — ремесленников, и все меньше людей широко образованных, эрудитов, не говоря уж об энциклопедистах. Причины — все более ускоряющиеся (объективные!) **процессы массовизации, все более узкой специализации и, как главное их негативное следствие, примитивизации образования**. Поэтому в обществе все больше «силовиков» и все меньше «мозговиков».

Между тем «человеком понимающим» сегодня полагает себя едва ли не каждый, кто умственно здоров. Тем более если он занял какую-то значительную позицию в системе управления обществом или государством, да еще каким-то образом приобрел ученую степень или просто заимел много денег.

Спросите такого человека: «Что же ты знаешь?» И окажется, что сплошь и рядом он знает **слова и названия** явлений, событий, процессов, но не их **содержание, не глубинный смысл, т. е. сущность**. **Знание сущности** предмета подменяется знанием его названия, которое принимается за понимание. На самом деле это **иллюзия знания, иллюзия понимания**.

При этом все более заметны симптомы **снижения моральных начал** в действиях властей, поведении не только отдельных индивидов, но целых народов и государств. Следствие — дикие масштабы насилия, агрессивности, экстремизма, террора и терроризма, коррупция, преступность, наркомания и алкоголизм, проституция и т. п. Набирают силу тенденции **псевдокультуры** и **антикультуры**, которые уже захватили значительную часть населения.

Но что означает снижение этической планки и общекультурного уровня? Это означает дальнейшее **понижение** качеств человечества, которые необходимы для его выживания. Мы являемся свидетелями процесса не естественного, а искусственного отбора индивидов, групп и народов, который в силу предельной сжатости исторического времени происходит (а может, уже произошел?) мгновенно, на наших глазах в рамках всего нескольких (двух-трех) десятилетий, т. е. так быстро, что мы не успели заметить и понять, как псевдоценности заменили ценности истинные, а псевдокультура — собственно культуру. Не зная, как поступить в этой ситуации, мы не находим ничего лучшего, как **ложное объявить истинным, безобразное — прекрасным, извращение признать нормой**.

Псевдодемократия во всех странах выбрасывает на вершины власти людей именно этой «культуры» и «морали», и теперь псевдокультура уже организованно и всеми способами насаждается сверху. И делается это с помощью системы образования, а также СМИ. Не способные одолеть хаос, политики и государственные чины начинают его **оправдывать**, выторговывая у массы «право на ошибку», а многие ученые упирают на **неизбежность и необходимость хаоса**, ибо из него рождается порядок, словно забывая, что и хаос, и порядок в своих крайних выражениях — это смерть.

Оказавшись в катастрофической ситуации, общество задается вопросом: «Зачем нам такое образование?» И затевает бесконечную череду реформ, пытаясь повысить **качество** образования. Но ничего не получается.

Почему?

Реформа — это перемена. Перемены — враг устойчивости и стабильности. Между тем качество требует **сосредоточенности** в труде, **накопительности** его результатов. Качество, как и золото, намывают, но, в отличие от золота, в слитках оно не встречается. Приобретение образовательным процессом высокого качества требует от педагогического коллектива **времени**, и немалого, огромных, целеустремленных и последовательных усилий. В условиях непрекращающихся перемен, нестабильности, неуверенности,повысить качество образования попросту невозможно.

Но если бы в нашей стране шли реформы, то есть преобразования с **изменением содержания** без изменения его формы; или формальные перемены без трансформации содержания; или содержательные или формальные изменения без потрясения принципов и основ системы. Увы. То, что мы наблюдаем вот уже 14 лет, это самая настоящая **революция** внутри системы образования.

Тем самым я не хочу сказать, что реформы не нужны. После либеральной революции 1991 г. в нашей стране их необходимость очевид-

на. Однако реформационный процесс в образовании должен быть подчинен идеям этой революции, осуществлять ее лозунги, декларации и программы. Но происходит все с точностью до наоборот. Посмотрите, что произошло с некогда самыми демократичными в Европе Законом «Об образовании» и Законом «О высшем и послевузовском образовании», и сразу станет ясно, что практические шаги законодательной и исполнительной власти России находятся в полном противоречии с заявленным курсом на построение «общества знаний» и приоритетную роль образования.

Думаю, что многие беды нынешней России проистекают именно из-за слабого понимания теми, кто осуществляет реформы, того, *что* и *как* надо делать. В том числе и в области образования.

Так называемую модернизацию образования осуществляют люди, плохо подготовленные философски, плохо знающие основы философии образования и что такое образование вообще.

Грубейшей ошибкой, например, было исключение в 1992 г. из школ и вузов воспитательной функции. Не чем иным, как организационной суетой, стоившей огромных денег и нервотрепки в образовательном сообществе, стал эксперимент по введению ЕГЭ и ГИФО. Ударом по образованию стало лишение образовательных учреждений льгот, принятие закона о налоге на имущество и землю. Иначе как управленческой несуразицей не назовешь слияние Министерства образования с Министерством науки и деление его на Минобрнауки, Ведомство и Службу. Если все происходящее не воспринимать как злой умысел, то объяснить его можно только одним: слабое знание, плохое понимание действительного смысла и целей современного образования.

Надо признаться, что и в образовательном сообществе в этом вопросе существуют огромные расхождения во взглядах. Нам стоит поговорить об этом.

Что такое образование **сегодня**, в условиях **выживания**?

Прежде всего, это всеобщий, **всемирно-исторический процесс образования человечества вообще**. А точнее сказать, это процесс и инструмент **исправления** всей человеческой породы, исправления сознания людей, которое деформировано в итоге постепенного искажения смысла образования, происходившего в мире на протяжении столетий, сознания народов, прежде всего развитых стран, заполненного множеством мифов и догм, ведущих ко все новым региональным и мировым конфликтам и войнам, ставящим мир на грань гибели. При понимании этого не остается ничего другого, как признать, что те модели американского и европейского образования, которые усиленно навязываются сегодня России, выглядят совсем не безупречными, их надо не тиражировать, а исправлять.

Современное образование — это **особенный процесс** становления и развития национальных культур в различных странах, в частности в России, народ которой в одних отношениях прекрасен и гениален, а в некоторых случаях — уродлив и туп. При понимании этого нашу образовательную систему надо признать хорошей, и в определенной части она должна быть сохранена, а в другой части — разрушена и решительно переделана. И тогда ясно, что мы — не «лучшие в мире», как об этом заявляют некоторые, но и вовсе не худшие, какими нас хотят представить другие. Нам есть чему учиться, но мы и сами можем поучить многих и многому. И тогда ясно, что когда нас хотят «интегрировать» в мировое и европейское образовательное пространство исключительно на их условиях, а то и вовсе не пускают в Европу, мы такой подход должны решительно отвергнуть. Но при этом необходимо хорошо знать и ценить свои достоинства и преимущества, иметь возможность продемонстрировать их.

К сожалению, оба этих широких взгляда на образование затушеваны в нашем сознании. Образование в подавляющем большинстве случаев понимается как **единичный** процесс образования отдельного человеческого индивида. Применительно к высшему образованию — процесс подготовки **специалиста**, профессионала, а по сути дела — «винтика», «человека-функции».

Тут я подхожу к вопросам содержания сущности образования, которых только коснусь. Что есть главное в человеке в отличие от природы? Известно: его **духовное начало**. Человек настолько человек, насколько он духовен. Всему, что он творит, человек обязан духовному началу.

Но что есть дух? **Дух есть истина**, которой владеет человек. Или не владеет. **Сколько истины в человеке, столько в нем и человека.**

Истина не выдается человеку вместе с метрикой о рождении. Становление и развитие человека — это процесс постижения истины, процесс образования духа, процесс самовыработки человека человеком и формирования самого себя собственными усилиями — самообразования. **Конечная цель образования — понимание**, и прежде всего понимание того, кто ты, зачем ты в этом мире, что представляет собой этот мир и т. п.

Я согласен с теми, кто полагает, что главная беда случилась с образованием тогда, когда на Западе и в России наука и практика резко **отделили материальную культуру от духовной**, а степень образованности человека стали измерять количеством усвоенного им «практически полезного знания». С этого момента, на мой взгляд, и стал рушиться сам человек, а вместе с тем искажаться и рушиться мир, который он создавал сообразно своему все менее духовно наполненному сознанию. Такой человек редко спрашивает о том, насколько ис-

тинно (иначе говоря, насколько духовно) то, что ему преподносят учителя, в чем смысл происходящего вокруг. Его прежде всего волнует вопрос, а насколько выгодно то, что он узнал, и нельзя ли сразу превратить эти знания в деньги. Так появляются умные дураки, знающие свой предмет, но полные профаны в понимании жизни и происходящего; так приходят в жизнь аморальные «специалисты», осуществляющие отрицательную, контрпродуктивную деятельность, т. е. деятельность не во благо, а в ущерб.

Хотел бы сказать несколько слов **об особой роли высшей школы** в разрешении кризиса понимания.

Известно, что процесс образования человека не только непрерывен, но и дискретен, т. е. имеет разные этапы, на каждом из которых человек по мере взросления сталкивается с соответствующим возрасту кругом знаний и культуры, должен усвоить их. Воспитание чувств, развитие способности созерцать, выработка представлений — эти первые три ступени постижения истины (формирование культуры духа) человек проходит в школе от ее начальных классов (счет, письмо, чтение, пение, рисование, наблюдения природы, человека, самого себя) до выпускных (изучение языков, античной культуры, всемирной и отечественной истории, географии, выработка представлений о мире и человеке в ходе основательного знакомства с эмпирическими и социально-гуманитарными науками и т. д.). Конечно, и на этих этапах он учится мыслить и понимать.

И все-таки развитие **мышления** до стадии **понимания** — это задача главным образом высшей школы. Причем, убежден, сегодня речь должна идти о развитии способности размышлять и понимать не только предмет своей специальности. Это само собой. Выпускник высшей школы должен обрести в ходе обучения **мыслящий рассудок, понимание происходящего** в своей стране и в мире, а также способность разумно осмысливать действительность в будущем, постигать смыслы событий и явлений.

Образование в XXI в., если мы говорим о его **спасительной роли**, если ставим задачу **исправить само образование**, а с его помощью — человека и человечество (дабы выжить и избежать катастрофы), должно обрести **смыслообразующий характер**. На мой взгляд, для этого в программу обучения в вузах необходимо включить ряд дисциплин (синергетика, устойчивое развитие, глобалистика и др.), знание которых необходимо человеку, живущему в XXI в., значительно усилить курс **философии**, изучение которой должно происходить на всех курсах обучения. Как это сделать — другой вопрос, которого я не касаюсь в данном докладе.

У России нет иного способа выжить и встать в ряд великих держав, кроме как выстроить свою, новую и лучшую в мире систему об-

разования — от дошкольного до высшего уровней. Довольно имитировать реформы. Пора действовать, укреплять дух нации на основе понимания самой главной мысли: «Если захотим, мы сможем все».

Образование и кризис понимания :
докл. на секции «Философия образования»
Всероссийского философского конгресса,
Москва, Моск. гуманит. ун-т, 25 мая 2005 г.
URL: www.ilinskiy.ru.

ОБ ЭЛИТАРНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Выступление на II Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века», 2005 г.

В России уже существует и набирает силу новый правящий класс, который ныне вряд ли можно определить только одним словом «капиталистический», т. е. класс богатых и сверхбогатых людей. Столь однозначное понимание устарело. Ныне правящий класс — явление гораздо более сложное. Да, конечно, как и прежде, в капиталистическом обществе (как его ни назови: постиндустриальное, информационное и т. д.) доминирует элита богатства, но в условиях демократии возросло значение элиты политической и общественной власти, элиты СМИ, элиты знаний. Власть денег как таковых стала гораздо более ограниченной. В современном обществе бал правит не только золотой телец. Власть рассредоточилась и по другим социальным слоям, которые уже никак не могут обойтись друг без друга в управлении обществом, если они озабочены, чтобы это управление осуществлялось лучшим образом, рассчитывают на устойчивое развитие и сохранение своей власти. При таком подходе (а он отвечает и интересам самого общества) возникает проблема наследования богатств и власти от поколения к поколению этих правящих элит и, следовательно, проблема воспитания и обучения наследников внутри каждой из этих элит, воспроизводство правящего класса через систему элитарного образования — среднего и высшего.

По поводу элитарного образования можно затеять бесконечную дискуссию, ибо она, как принято многими считать, задевает вопросы

равенства и социальной справедливости. И это на самом деле так. Однако вдаваться в споры я не стану, ибо в теоретическом плане здесь в общем-то все ясно: проблема эта стара как мир, есть целая отрасль политологии — элитология, литература которой имеет своих классиков, начиная с Пифагора, Гераклита, Демокрита, Сократа, Платона и Аристотеля до Макиавелли, Гоббса, Достоевского, Ницше, Бердяева, Парето, Вебера, Тойнби, Фромма, Ясперса и многих других выдающихся мыслителей, философов, социологов, психологов, писателей и т. д.

Меня проблема элитарного образования интересует в сугубо практическом плане, как проблема российская, нынешняя.

Я знаю, что в Москве и Подмосковье, а также в некоторых крупных городах российских регионов существуют очень дорогие частные школы, ежемесячная стоимость обучения в которых колеблется от 1000 у. е. и более. Эти цифры повергают российского обывателя в шок, поскольку для многих это сумма годового бюджета семьи. А цифра, полученная после умножения этой суммы на 10 месяцев обучения, вызывает злобу и ненависть ко всем, чьи дети ходят в такие школы. Ну и что? То, что в России множество бедняков и нищих, это, конечно, безобразие и позор для государства и властей. Мы можем сколько угодно возмущаться таким положением вещей, но будет лучше, если мы станем все-таки что-то делать, чтобы изменить ситуацию. Людей радикальных взглядов, зовущих «народ» (а это и миллионы состоятельных и богатых) к новой социальной революции, сегодня (пока?) немного. Подавляющее большинство смотрит в будущее с социально-либеральных позиций в надежде на то, что государство и частный сектор (прежде всего, богатые) найдут оптимальный вариант взаимоотношений и управления обществом, позволяющий уничтожить нищету и сократить бедность. Понимая, что задача эта очень непростая, я все-таки тоже придерживаюсь этого взгляда и в соответствии с ним строю логику моих рассуждений.

Что мы должны понять прежде всего?

Богатый человек — существо особого рода. Он полагает, что богатство — результат его заслуг, хотя это далеко не всегда именно так. Обычно богатство приобретают люди с низкой душой и ничтожными способностями. В нынешней России мы почти не встретим исключений. Скорое богатство, да еще в таких фантастических масштабах, измеряемое сотнями миллионов и миллиардами долларов, по определению не может быть нажито праведным путем. Для огромного количества, если не сказать подавляющего большинства, богатство стало школой тщеславия, невежества и разврата. У самых «крутых» миллиардеров богатство породило непомерные политические амбиции и наглость, за что некоторые из них уже поплатились свободой. И прак-

тически некого назвать, кто применил бы свое достояние на пользу стране, у которой они его, как правило, попросту украли. Эти люди не имели никаких нравственных принципов до того, как разбогатели, не имеют никаких гражданских убеждений и ныне. Для них Россия — это пастбище, на котором они кормятся, жиреют и гадят. Их души не связаны с Россией, но в их руках — две трети ее богатств. И в этом смысле богатые люди более опасны для современного общества, чем бедные женщины, у которых отсутствует мораль. Женщина изменяет мужу, чтобы получить деньги для семьи; богачи готовы изменить Родине, чтобы забрать ее деньги и вывезти их в другую страну. Недавно один из заместителей средседателя СПС заявил с экрана телевизора: «Мы будем «валить» Путина. И если не свалим его, то останется одно — валить из России». Разумеется, с деньгами, которые уже давно лежат у них в зарубежных банках.

На мой взгляд, ситуация драматическая, острота ее просто недооценивается. Но в данном случае я хочу говорить не о том, как удержать национальное богатство в России, — это тема особого разговора, а о том, как сделать так, чтобы в будущем, если первую задачу удастся решить, эти богатства были использованы с пользой для страны. Смысл разговора в том, как сделать наследников нынешних богачей более умными и мудрыми, более нравственными и умеренными. Богатые тоже смертны. Это ясно даже им самим. Проблема наследования для них ныне, быть может, самая главная из всех. И тут интересы нормальных богатых людей и интересы общества совпадают.

Я говорю «нормальных богатых», а не богатых вообще и тем более самых богатых, потому что эти «выходцы из народа» никогда уже в народ не вернутся. Проблему воспитания и обучения наследников своих богатств они решают самостоятельно и никогда никому ее не доверят. У Р. Абрамовича пятеро малолетних детей; у Б. Березовского — шестеро; у М. Ходорковского — четверо; у В. Потанина — трое. Никто не слышал, чтобы дети этих и других олигархов посещали ясли, детский сад или обычную школу. Это относится и к детям многих других богатых родителей. Дело даже не в безопасности, которую богатые по понятным причинам вынуждены ставить на первое место. Массовое дошкольное и школьное образование находится ныне на столь низком уровне, что все, кто может, обучают детей в частных школах или на дому. Более того, некоторые, как это сделала глава корпорации «Интеко» Елена Батурина (капитал более 1 млрд долл.) создала собственную частную школу, в которой учится ее дочь.

Старшие дети олигархов (у кого они есть и уже окончили школу) поголовно все учились или учатся в зарубежных университетах. Старший сын М. Ходорковского Павел — в Гарварде (США). Дочь В. Вексельберга «грызет гранит науки» в Йельском университете, а сын —

в высшей школе Fieldstone в Нью-Джерси (США). Дочь Б. Березовского училась в Кембридже. Многие сотни, а может, и тысячи детей богатых родителей учатся в университетах США, Великобритании, Франции, Германии и других стран. Причины все те же— недостаточная безопасность и низкое качество образования в российских вузах, даже по старинке престижных.

Хорошо или плохо, что дети богатых детей учатся за рубежом? Конечно, есть в этом немало очевидных плюсов, о которых и говорить даже не стоит. Но есть один огромный минус, который в контексте нашего разговора о том, как сделать так, чтобы капиталы богатых россиян оставались в России и работали прежде всего на Россию, на повышение благосостояния ее граждан, перекрывает все эти плюсы. В конечном счете может получиться так, что наследники богачей переплюнут своих отцов в их пренебрежении к стране, которая дала им это богатство. В американских, английских, немецких и французских университетах их никто не будет учить пониманию того, как спасать Россию, и любви к ней. С какой стати? Напротив, за пять-шесть лет обучения они пропитаются тем высокомерием и презрением к нашей стране, которые сознательно (почему — другой вопрос) культивируются в странах «золотого миллиарда». И выйдет так, что богатства России, которые уже сейчас в миллиардах долларов находятся на счетах западных банков и работают на другие страны, будут еще быстрее утекать из России.

Примеров уже и ныне предостаточно. Вот один из них.

Все знают симпатичную певичку Алсу — дочь в недавнем прошлом вице-президента ЛУКОЙЛа, а ныне члена Совета Федерации РФ от Алтайского края Ралифа Сафина. Но никто не знает, что у сенатора есть еще и 28-летний сын — владелец четырех сахарных заводов и кондитерской фабрики... в Молдавии. Куплены заводы, разумеется, на деньги отца: 12 млн долл. плюс инвестиции в реорганизацию производства. Сам сын, окончивший Лондонскую школу экономики, в основном живет в Лондоне, а российские нефтедоллары работают на Молдавию.

Еще пример. Был такой некогда широко известный, а ныне всеми забытый банкир-миллиардер Александр Смоленский. После скандалов он отошел от дел, оставив сыну Николаю остатки своего банковского бизнеса на сумму 2,9 млрд долл. Как распорядился ими наследник? Купил за 8 млн фунтов дом в Лондоне и английскую компанию TVR, выпускающую элитные модели спортивных автомобилей ручной сборки. Не российскую компанию, английскую...

Проблемы, возникающие внутри данного слоя богатых и сверхбогатых людей, носят характер общественных, государственных. Это «высший класс», это замкнутый круг, у которого свои обычаи и тради-

ции, свои интересы. Но все они хотят дать своим детям самое лучшее образование. В этом случае большинство родителей с высоким материальным достатком за ценой не стоят, готовы платить по максимуму, было бы за что.

В нынешней России это стремление наталкивается на возмущенное «общественное мнение». Речь идет о неравном доступе к образованию, о клановости, социальной селекции на основе материального неравенства и т. п. Да, это так. Но может ли быть иначе при данных обстоятельствах, когда богатые уже есть? Каждый слой общества, более того, семья воспроизводят себя через систему образования: художники отдают своих детей в художественные школы и вузы, музыканты — в музыкальные, военные — в военные, киношники — в киношные, актеры — в театральные и т. д. И не все дети великих — Репины, Чайковские, Щепкины и Станиславские. Что же удивительного в том, что отец, автомобилестроитель или банкир, хочет видеть сына преемником своего дела и своих богатств? Выступать против этого может только глупец или ханжа.

Для меня вопрос в другом: чему хочет научить отец своего сына, каким мечтает воспитать его? Сегодня есть вещи общего и безусловного плана, к которым стремятся все: знать иностранный язык, а лучше два-три, основы экономики, владеть компьютером, а также некой суммой специальных знаний. Запросы не бог весть какие, но удовлетворить их в полной мере могут далеко не все российские вузы, а лишь часть их. И уже это служит основанием для того, чтобы состоятельный родитель отправлял свое чадо учиться за границу.

Но если мы говорим о нормальном российском предпринимателе, сознающем, что как богатый или добившийся больших успехов в политике, управлении, медиа- или шоу-бизнесе человек он входит в высшую элиту общества, то, естественно, он хочет, чтобы его наследник глубоко изучил основы общечеловеческой и отечественной культуры, получил возможность проявить свои творческие и физические способности, развил свой эстетический вкус, приобрел понятия и навыки этикета и т. п. Требовать этого от подавляющего большинства российских вузов нынче было бы странно. И это еще один аргумент в пользу того, чтобы дать наследнику заграничное образование, хотя заранее ясно, что вернется он в Россию (если вернется!) не только с иностранным языком, но также с иностранным взглядом и отношением к происходящему в ней. И будет ли он тем наследником, о котором мечтал отец?

Существует, наконец, еще одна немаловажная причина, по которой вузы «массового производства специалистов» не устраивают состоятельных потребителей: здесь мало интересуются отдельно взятым студентом. Между тем немалая часть детей из богатых семей крайне нужда-

ется в индивидуальном подходе. Не только потому, что богатство родителей никому не гарантирует ум и способности. Наоборот, дети из состоятельных семей хорошо питаются, одеты и обуты, у них есть все, что захочется. Зачастую уже в детстве и юности настолько избалованы, что им ничего не хочется. В том числе не хочется учиться. Зачем? Материальные потребности вполне удовлетворены, духовные слабы, а то и отсутствуют. Пороки «золотой молодежи» во все времена схожи. Нынче к ним добавились еще наркотики, культ секса и т. п. Первейшей педагогической задачей становится формирование мотивации в получении образования. А это дело крайне трудное, предполагающее именно индивидуальный подход: изучение особенностей конкретной личности, поиск подходов к уму и душе. Традиционными способами («двойка» — «пятерка», нотация — похвала, публичное осуждение) тут ничего не добьешься. С молодым человеком надо, как говорится, возиться. В обычной школе, в обычном вузе это невозможно.

И еще. Массовое и узкоспециализированное образование готовит специалиста, исполнителя, «человека-винтика», «человека-функцию». Между тем молодое поколение высшего класса, молодые люди из богатых семей должны обладать лидерскими качествами. Эти качества не передаются по законам генетики, даже если отец обладает ими. Они воспитываются, формируются. Равно как знатное происхождение и богатство — еще не гарантия подлинной элитности. Идеальный вариант — единство аристократического происхождения, личного богатства, ума, творческих способностей и успехов. Но я-то говорю о российских реалиях. Откуда возьмется аристократизм у нувориша?

В современном российском обществе, если оно претендует называться демократическим, наряду с государственной должна существовать независимая от него система образования, которая была бы сориентирована прежде всего на частный сектор, на рыночную экономику. Частный сектор должен быть представлен в законодательных органах государственной власти, иметь свои политические партии, молодежные организации, свои (частные, независимые) СМИ, свою негосударственную (в том числе, частную, независимую) систему среднего и высшего образования, где в основном и должны обучаться и воспитываться дети наиболее состоятельной части среднего и высшего классов. Обращаю внимание на слово «воспитание», с помощью которого в сознание новых поколений привносится идеология частного предпринимательства, духовные и нравственные ценности общественных элит.

Абсолютно убежден, что государственное, да еще массовое и узкоспециализированное образование такую задачу никогда не будет ставить, а если «вдруг» какой-то ректор вуза решит это сделать, то у него

ничего не выйдет. Ибо для этого необходимо иметь известное и немалое количество преподавателей определенной идеологической, частнособственнической закваски. Но откуда их взять в российских госвузах? Как могут они в одной аудитории славить силу частного капитала, а перейдя в другую, возвеличивать роль государства? И почему на налоги наемных работников, за счет которых, собственно, и содержится государственное образование, должны обучаться и воспитываться дети тех, кто сегодня управляет ими? Конфликт низших слоев общества с высшим образованием в современной России вполне ощутим, и еще не известно, во что он выльется. Если элита, захватившая власть и богатство, начнет укреплять свои позиции за счет непривилегированных групп, конфликт неизбежно углубится и обострится, может привести к социальному взрыву. Мнение о том, что богатые обучаются в госвузах вместо бедных и за их счет, широко распространено. И для этого есть немало оснований. Скажем, дать взятку в 25—30 тыс. долл. за поступление в «престижный» госвуз, а потом тянуть за деньги свое чадо еще пять лет обучения бедная семья не в силах.

Подавляющее большинство граждан России убеждено, что высшее образование должно, во-первых, способствовать развитию человеческих ресурсов общества; во-вторых, создавать механизм селекции индивидов исключительно в соответствии с их способностями и талантами; в-третьих, готовить специалистов для тех видов деятельности, к которой они наиболее способны, и тем самым служить своеобразным «лифтом», позволяющим человеку низшего слоя подняться на любой высший этаж любой из элит. Иными словами, наше нищее и раздраженное общество готово принять идею социальной селекции только на основе интеллектуальных способностей, творческих талантов и личных достижений человека и напрочь не приемлет идею попадания в элиту согласно предписанному статусу, принадлежности к определенному слою высшего класса. Только наиболее способные должны достигать самых ответственных, элитных позиций. Я тоже за это. Но вот беда: в жизни все выходит совсем по-другому. И всегда по-другому выходило. И будет выходить. А с жизнью следует считаться.

Может показаться, что я ломлюсь в открытую дверь: в России уже скоро 15 лет существует сектор негосударственного образования; среди негосударственных вузов около трети — частные. Может показаться, что это вполне негосударственные, вполне свободные и вполне независимые учебные заведения. Увы, в России многое только кажется: рынок, демократия, свобода...

На самом деле подавляющее большинство вузов этого типа в главном и основном — в содержании образовательных услуг — самые что ни на есть государственные, так как работают в жестком поле государственных образовательных стандартов (ГОС). Шаг вправо, шаг влево —

и ты не получил госаккредитацию, а с этим — право на выдачу госдиплома, иначе говоря (в глазах потребителя), ты банкрот, ты плохой. Потому что как бы и сколько бы ни издевалось российское государство над своим гражданином, гражданин государство любит, только ему доверяет, только в него верит. Любит и верит бессознательно, безотчетно. Может, потому, что больше верить некому? Ведь большинство негосударственных вузов, в том числе частных, — обычные (а чаще еще более слабые) госвузики по производству кадрового и человеческого ширпотреба. Заявляя, что они готовят «специалистов будущего», «кадры XXI в.» и тому подобную чушь, они совершенно не отдают себе отчета в том, что в негосударственном образовании есть своя социальная потребность, необходимость удовлетворения которой и вызывает к жизни этот образовательный феномен; что у негосударственных вузов есть своя социальная функция, одним из важнейших элементов которой является в развитом обществе поддержка стабильности и воспроизводство элиты общества, и прежде всего его частного сектора, высшего класса. В тех же Соединенных Штатах Америки такие элитные школы, как Гронтон и Сен-Поль, и такие элитные университеты, как Гарвардский, Колумбийский, Йельский, Принстонский; такие элитные средние учебные заведения, как Итон и Хэрроу и такие элитные университеты, как Оксфорд и Кембридж, являются в то же самое время и элитарными. Правильнее сказать — были элитарными, т. е. закрытыми и лучшими в этих странах и в мире вузами, потом (по мере демократизации общества) стали более открытыми, а ныне открыты настолько, что почти половина обучающихся в этих вузах — из низшего класса, а качество образования, как и плата за обучение, по-прежнему наивысшие.

Подчеркну очень важное обстоятельство: элитные (high guality education) открытые учебные заведения родились из ныне элитарных, закрытых, когда-то доступных только для детей знати и богачей. Такова логика развития образования от древнейших времен до нынешнего дня во всех странах мира. Демократизация общественной жизни вносит свои коррективы, но не в силах отменить этот закон: политика не в состоянии запретить экономику и власть богатства, которое имеет свойство концентрироваться в руках меньшинства, управляющего большинством. Стабильное воспроизводство качественной элиты обеспечивается системой контролируемых ею качественных учебных заведений. Союз элиты знаний и бизнес-элиты создает элиту элит, сверхэлиту.

России только предстоит в ускоренных темпах (с учетом общеисторического опыта) пройти этот путь. Первые шаги по дороге капиталистического строительства наша страна совершает в тот момент, когда формирование элит в развитых странах происходит по двум каналам:

1) через открытое продвижение на вершину правящих элит людей, обладающих выдающимися способностями и талантами, 2) через систему закрытого рекрутирования в элиту по признакам знатности, богатства и связей родителей. Но если на Западе, где существует действительно элитное образование, реальный рынок и развитая демократия, все большее значение имеет первый канал, то в России, где так называемые элитные вузы — это фикция, а демократия и рынок имеют приставку «псевдо», высшие должности, места в политической, деловой, медийной и других элитах занимаются на основе личных знакомств по принципу «свой — чужой» или просто покупаются за деньги. Родные дети получают должности, власть и богатства так же, как в Древней Руси, по праву наследования, без учета специальных знаний, способностей управлять и необходимых нравственных установок.

Когда говорят о том, что в США лучшее в мире образование, то это правда лишь в том смысле, что в США из 3535 вузов есть около 50 прекрасных университетов, в которых обучаются около 10% всех студентов. Именно эти университеты — сливки американского образования, а их выпускники — гордость Америки. Большинство остальных университетов США весьма средние, а то и откровенно слабые.

Когда говорят о растущей конкуренции на мировом рынке образовательных услуг, то надо понимать, что речь идет о конкуренции элитных вузов. Состоятельные родители заинтересованы в качестве образования и готовы платить за него высокую цену. По-другому качества не добиться. Это поняли и в Западной Европе. Она проигрывает соревнование американской образовательной системе именно в элитном образовании, которое стоит в США в четыре-пять раз дороже, чем в Европе. На мой взгляд, государства всеобщего благоденствия Европы стоят на пороге бурного развития дорогого частного образования, так как сами они увеличить в несколько раз расходы на образование не в состоянии. В России власти усиленно ищут выход из кризиса образования. Еще недавно говорили о необходимости выделить из 624 госвузов сначала 50, потом 30 и, наконец, 20 ведущих, с тем чтобы начать их усиленное финансирование. Это такие вузы, как МГУ, СПбГУ, МГТУ им. Баумана, Финансовая академия, МГИМО и несколько им подобных, которые в глазах российского потребителя имеют имидж элитных. Идея встретила яростное сопротивление со стороны ректорского корпуса.

18 июля 2005 г. Министерство экономического развития и торговли РФ внесло в Правительство РФ проект концепции федеральной целевой программы развития образования на 2006–2010 гг. В нем вузы подразделяются на четыре категории.

1. **Общенациональный университет** — высший статус учреждения или организации высшего профессионального образования, который планируется **присваивать вузам**, прошедшим процедуру соответствующей аттестации. В настоящий момент указывается, что вуз, претендующий на получение столь высокого статуса, должен быть культурным и интеллектуальным центром, проводить фундаментальные исследования, осуществлять перспективные разработки в области образования, в полной мере быть проводником процесса интеграции науки и образования. Законодательное утверждение данного статуса находится на стадии планирования.

2. **Базовый (систематизирующий) вуз** — статус учреждения или организации высшего профессионального образования, который планируется присваивать вузам, прошедшим процедуру соответствующей аттестации. В настоящий момент указывается, что вуз, претендующий на получение данного статуса, должен быть **лидером** в подготовке кадров для той или иной отрасли по качественным показателям. Законодательное утверждение данного статуса также находится на стадии планирования.

3. **Интегрированное учебное заведение** — термин, обозначающий учреждение или организацию образования, как правило, профессионального, реализующие образовательные программы разных уровней: например вуз, который наряду с программами высшего профессионального образования реализует программы среднего и начального профессионального образования или дополнительного образования взрослых, имея в рамках своего юридического лица профессиональный **колледж** или институт повышения квалификации.

4. Остальные вузы, которые не попали ни в одну из названных категорий.

В концепции подчеркивается, что «будет обеспечено **опережающее развитие** национальных и системообразующих вузов как центров интеграции науки и образования для подготовки **элитных** высокопрофессиональных кадров».

Вводится также понятие **«исследовательский университет»** (или **учебно-научно-исследовательский комплекс** — в случае, когда вуз не является университетом). Законодательное утверждение данного статута находится на стадии планирования.

Как известно, в США используется так называемая классификация Карнеги, согласно которой все университеты и колледжи делятся **на шесть** категорий, и **высшая** как раз называется исследовательским университетом. Они характеризуются широким набором учебных дисциплин, имеют в своем составе аспирантуру, присуждают не менее 50 докторских степеней (PhD) в год и получают государственное финансирование на выполнение научных исследований не ниже оп-

ределенного уровня (не менее 15,5 млн долл. в год). Отнесение университетов к исследовательским происходит по факту, а не задается директивно и не сопровождается предоставлением каких-либо льгот.

В Российской Федерации концепция создания исследовательских университетов только начинает серьезно прорабатываться.

В данном случае имеется в виду в первую очередь создание новых структур на основе добровольной интеграции университетов и академических институтов, а также государственных научных центров.

Возможно, этот эксперимент в долгосрочном плане будет иметь положительные результаты, хотя вряд ли он полностью решит проблему элитного, а тем более элитарного образования. Еще раз скажу: философия государственного образования и философия негосударственного, особенно частного, образования находятся в принципиальном, серьезном противоречии. Подготовка кадров для частного бизнеса в государственном вузе — это нонсенс.

Тем не менее подход властей в этой области определился, и негосударственные вузы должны осознать всю серьезность своего положения в принципиально меняющейся образовательной ситуации. В том числе, и с учетом того, что о существовании такого рода учебных заведений (как средних, так и высших) в концепции не сказано ни слова. Еще один пример того, сколь своеобразно понимают российские власти слова «демократия», «свобода предпринимательства» и т. п.

У состоявшихся, продвинутых, сильных негосударственных вузов, способных конкурировать с лучшими госвузами, нет другого выхода, как крепить свой союз, координировать свою деятельность. Они тоже должны исповедовать идеи ускоренного и опережающего развития, ухода в отрыв от конкурентов; у них нет иного выхода, как искать себе союзников в лице среднего и крупного бизнеса, всех видов элит, исходя из того, что они, как агенты гражданского общества, а не государство, должны определять вектор и характер общественного развития, решать вопросы о том, как им развиваться. Элита знаний должна осознать неизбежность такого выбора, а бизнес-элита во всех ее ипостасях понять, что ей этот союз нужен не меньше. Вопрос стоит так: «Вы хотите жить в будущем?.. Объединяйтесь!»

Высшее образование для XXI века: II Международная научная конференция, Москва, 20–22 октября 2005 г.: доклады и материалы. М., 2005. С. 5–16

ОПЫТ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ВУЗОВ РОССИИ

Люди определяют (самоидентифицируют) себя, используя такие понятия, как «происхождение», «имущественное положение», «сословное положение», «национальность» («кровь»), «религия», «язык», «история», «обычаи», «ценности» и т. д. В итоге самоопределения (или идентификации) возникают такие понятия и реальности, как «личность», «социальная группа», «класс», «народность», «народ», «нация», «христиане», «католики» и т. д. На самом верхнем уровне — «цивилизация», самое большое «мы».

В конце XX в. вопрос переопределения, новой самоидентификации по известным причинам с неожиданной остротой встал перед многими странами, народами, нациями. Мучительный процесс самоопределения («откуда мы?», «что есть мы в этом мире?», «куда свой держим путь?» и т. п.) переживает и Россия, ее граждане и новые общественные институты, в том числе негосударственные образовательные учреждения разного типа, в частности высшие.

Это говорится для того, чтобы понять: проблема самоидентификации негосударственных вузов — не выдумка отдельного человека, а объективная, вызревшая необходимость. Проблема только на первый взгляд выглядит сугубо теоретической. На самом деле она носит самый что ни на есть практический характер, для развития и перспектив негосударственного сектора имеет первостепенное значение. Не разобравшись со своей идентичностью, ни отдельный человек, ни народ не могут обрести чувства собственного достоинства, определить цели жизни и развития, выработать внятную линию жизни и политики, использовать ее для достижения этих целей.

Идентифицировать негосударственные вузы «изнутри» (самоидентифицировать) — значит описать их общую совокупность в качестве относительно устойчивой, тождественной самой себе целостности, придать термину «негосударственный» его собственное значение, строго фиксированный смысл, вложить в него внятное содержание, очертить их границы в том классе предметов, к которым они относятся. Этот класс — высшие профессиональные учебные заведения страны.

До принятия в 1992 г. Закона РФ «Об образовании» высшее профессиональное образование страны представляло собой монолит, состоявший только из государственных вузов. Закон «Об образовании» ввел новую организационно-правовую форму образовательных заведений — негосударственные некоммерческие образовательные учреждения (ННОУ). С этого момента и возникли вопросы: «Что это значит — негосударственные?», «Откуда они взялись — негосударственные»?

Приходилось многократно слышать: «Негосударственные (в СМИ их обычно именуют «частными», «коммерческими», «платными») вузы — это подражание Западу, и прежде всего США. Но Россия — не Америка, у нашего народа другие традиции, другой менталитет, другой уровень жизни, поэтому вузы такого типа, дескать, долго не просуществуют». Или: «Негосударственные вузы родились на волне демократических реформ. Теперь все поняли, чем обернулась «демократия», и с платным («частным», «коммерческим») образованием будет скоро покончено».

Так в сознании обывателя зарождается, а «другой стороной» ненавязчиво поддерживается один из наиболее опасных для негосударственного образования мифов о **случайности** его возникновения и, как следствие, якобы временном и недолгом существовании.

Слово «случайный» обычно вызывает у человека чувство опаски и сомнения, что вполне естественно. Все случайное характеризуется отсутствием прямых закономерных связей, а значит, **неустойчивостью в настоящем и непредсказуемостью** перспектив. Какой серьезный человек (будь то студент или преподаватель) станет связывать свою судьбу с вузом, если вся совокупность («негосударственные»), к которой этот вуз относится, случайна, т. е. изначально не имеет будущего? Некоторые преподаватели госвузов не переходят в штат негосударственных вузов именно потому, что циркулируют и не умирают слухи, будто негосударственный сектор образования как неожиданно появился, так и незаметно однажды исчезнет.

В нынешнем российском обществе (впрочем, как и во все времена) возможно все, что угодно. Образование — это область внутренней политики, а политика — сфера субъективных решений.

Будем, однако, говорить об объективных основах негосударственного образования. Вопрос «Откуда мы, негосударственные?» — это вопрос о том, когда, почему и зачем (ради чего) такого рода образование зародилось и продолжает развиваться; это вопрос о **природе** и **причинах** его возникновения и существования.

В чем видятся причины появления в новой России негосударственного образования, в частности высшего профессионального?

В качестве таковых ректоры госвузов обычно называют, во-первых, стремление разгрузить государственный бюджет; во-вторых, увеличить доступность образования; в-третьих, «хоть чем-то» занять молодежь и т. п. Так ли это? В определенной мере — да.

Руководители и работники негосударственных вузов, соглашаясь со своими коллегами, добавляют и другие причины.

А. П. Березовский и В. М. Борисов считают, что «зарождение негосударственного образования в России означало переход от безальтернативного образования к альтернативному, поисковому... исходно

негосударственная школа брала на себя функции оперативной разработки и апробации новых моделей образования»[1].

В. А. Зернов полагает, что «появление и развитие негосударственных образовательных учреждений в России вызвано, прежде всего, объективными социально-экономическими предпосылками, связанными с изменением **спроса** определенных групп населения на создание образовательных **учреждений нового типа**, наличием **предложений** со стороны значительного числа энтузиастов, разрабатывающих и реализующих собственные подходы в организации, содержании и методике образовательного процесса»[2].

И это тоже правда, но далеко не вся, а только ее часть, причем не столь значительная.

Негосударственные образовательные заведения — не внутрироссийское, а общеисторическое и весьма сложное социальное явление. Сложные явления не имеют простых объяснений.

1. О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПРИРОДЕ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Рассуждая о высшем и негосударственном образовании, заметим, что эти слова являются прилагательными к имени существительному «образование», с которым в ходе человеческой эволюции происходили и происходят поныне значительные метаморфозы.

Сегодня мы говорим об образовании дошкольном, общем и полном среднем, среднем профессиональном, высшем профессиональном, подразделяя высшие учебные заведения на институты, академии и университеты. Выделяем образование послевузовское — аспирантура и докторантура. Различаем образование государственное и негосударственное. Это сегодня.

Но ведь известно, что образование как система и феномен культуры в его более или менее современных формах существует уже около трех тысячелетий. Искусство счета и культура письма появились в древних государствах Месопотамии и Древнего Египта. Более того, можно сказать, что «образование» возникло вместе с появлением вида homo sapiens: уже на самых ранних стадиях, когда люди жили племенами, существовала жизненная потребность передачи навыков и способов выживания в борьбе человека с природой и войнах с себе

---

[1] Березовский А. П., Борисов В. М. Негосударственная высшая школа России. М., 2000. С. 74.

[2] Зернов В. А. Негосударственное профессиональное образование: состояние и перспективы развития // Гуманизация образования. 2003. № 2. С. 24.

подобными от старших поколений к младшим. Знания добывались опытным путем. Обучение шло по принципу «делай как я». Применительно к ранним этапам образование человека происходило главным образом как воспитание, в процессе деятельности и непосредственного общения воспитателя и воспитуемого. В этом смысле справедливо утверждать, что образование — явление в человеческой истории догосударственное, т. е. более древнее, чем государство.

С накоплением объема знаний в различных сферах жизнедеятельности образование стало приобретать все более организованный и систематизированный характер.

Древнегреческая образовательная традиция

На основе идей и усилий великих древнегреческих мыслителей (и прежде всего Сократа, Платона, Исократа, Аристотеля) в IV–III вв. до н. э. в Древней Элладе сложилась образовательная парадигма.

Разделяясь на начальное, среднее и высшее, образование осуществлялось в образовательных заведениях с общим названием «школа». В школах **высшей** ступени[3] изучались произведения философов и поэтов, включая некоторые сведения о законах природы, небесных светилах, минералах, растениях, животных. Здесь обучалась **незначительная** часть молодежи из **аристократической** среды, проявившая способности к отвлеченному мышлению, к изучению предметов не в их прикладном значении, а в философско-теоретическом плане (например, астрономии не для целей мореплавания, а для постижения бесконечности Вселенной). Окончившие эту ступень (в возрасте 30 лет) и проявившие исключительное дарование в философии продолжали свое образование до 35 лет и готовились стать правителями государства.

Только к детям **элиты**, как полагал Платон, могла во всей полноте применяться разработанная им система воспитания; только этих детей обучали помимо обычных предметов (гимнастика, военное искусство и др.) специальным курсам геометрии, арифметики, музыки и диалектики.

Одним из основных положений эллинской парадигмы образования было утверждение, что образование **не должно** являться делом **частной инициативы**, а проходить под управлением государства.

В своем знаменитом труде «Государство» Платон говорил об этом политическом институте как о средстве правильного устройства об-

---

[3] Высшая школа в Древней Греции, к которой можно отнести Академию Платона, Ликей Аристотеля, Сад Эпикура, представляла собой учебное заведение, функционирующее как научный кружок (сообщество) для совершенствования искусства теоретического мышления.

щества, полагая, что **первейшая** задача государства — **создание наилучших граждан путем выведения** их породы, что подразумевало отбор перспективных производителей мужского и женского пола, из которых составлялись бы самые подходящие пары для их соединения в наиболее благоприятные астрономические сроки в целях получения наилучшего потомства с последующим отбором младенцев с особыми задатками.

Аристотель считал, что развитие у каждого человека его природных способностей осуществляется воспитанием (физическим, нравственным и умственным в их единстве) в три ступени, из которых последняя — школа **высшего** уровня. Он также признавал главенство государственных целей в деле воспитания молодежи и говорил: «...законодатель должен отнестись с исключительным вниманием к воспитанию молодежи, так как в тех государствах, где этого нет, и самый государственный строй терпит ущерб. Забота о воспитании должна быть общим, а не частным делом, как теперь, когда всякий печется о своих детях частным образом и учит частным путем тому, что ему вздумается»[4].

Отметим при этом, что у древних и средневековых школ, а затем и у университетов была одна черта, очень важная для нашего исследования, — это то, что изначально они имели **либеральный** («свободный», «вольный», «независимый») **характер**. Древнегреческая либеральная школа никоим образом не была связана с **ремеслом** и обучением **профессиональной** работе как будущей трудовой деятельности[5].

«**Либеральное** образование, рассматривавшееся древними как один из атрибутов жизни гражданина полиса, представляло собой, по сути, признак аристократизма, — пишет С. Костюкевич. — **Свободные** и **состоятельные** греки могли позволить себе не работать, посвящая все свое время различным занятиям. **То, что делали древние интеллектуалы, являлось исключительно искусством, т. е. просто свободным творчеством.** Презирая трудовую деятельность и ремесло, именно они тем не менее подготовили почву для рождения интеллектуальных профессий как массового явления и способствовали возникновению университета. Во-первых, древние оставили нам в наследство **либеральное образование**, в рамках которого развили интеллектуальные

[4] Цит. по: Карлов Н. Вначале была школа // Alma Mater. 2003. № 9. С. 43.

[5] «Школа» (древнегреческое «сколэ») означала прежде всего «досуг», «свободное время», «отдых», «праздность», «медлительность», «неторопливость» и уже затем «занятие на досуге», «ученую беседу», «учебное занятие». Образование в ту пору не было массовым, регулярным и четко организованным, было нацелено главным образом на военную подготовку.

искусства и науки. Во-вторых, пренебрегая занятием врача или юриста как ремеслом, они все-таки уделили ему много внимания как области искусства, занимаясь теоретическими исследованиями медицинских и правовых проблем»[6].

Однако общество и государство, их отношения развивались, становились все более сложными. Множились и совершенствовались способы и формы осуществления образовательного процесса. Уже в позднеэллинскую эпоху, несмотря на взгляды и наставления великих философов, «возникло **множество частных** школ, содержащихся за счет оплаты учащимися своего обучения»[7].

Византийская и западноевропейская образовательные традиции

В прекрасном историософическом эссе «Вначале была школа» профессор Н. Карлов бегло, но очень впечатляюще проследил связь в развитии образования от времен Древней Греции до переноса столицы Римской империи в Византию, основания Константинопольского университета и его окончательного уничтожения крестоносцами[8]. Главная ценность работы Н. Карлова в том, что он убедительно показал роль тысячелетней истории Византии и подвиг ромеев, сохранивших непрерывность эллинской образовательной традиции, которую в основном все же унаследовала Западная Европа, черпавшая идеи и знания из византийских сокровищниц.

Запомним: первые высшие школы были созданы не в Западной Европе, а в Древней Греции. Первый университет под названием «Аудиториум» был образован не в Западной Европе, а в 425 г. в восточной части Европы, в Константинополе. Старейшим в мире, как принято считать, является не Болонский университет (Италия), а Каирский университет «Аль-Ажар» (Египет), созданный в 970 г. Это важно понимать нам, русским, ибо (как об этом будет сказано ниже) первый свет знаний в Русь пришел не через «окно в Европу», прорубленное Петром I, а из Константинополя.

Но в данном случае нас больше всего интересуют не приоритеты, а традиция государственного и частного (негосударственного) образования. Отметим: перенос столицы Римской империи из Вечного города в заштатный греческий городок Византий, названный Константинополем в честь решившегося на такое деяние императора Константина Великого, состоялся 11 мая 330 г. Первый средневековый государственный Константинопольский университет был образован

---

[6] Alma Mater. 2001. № 6. С. 34.

[7] Там же.

[8] Карлов Н. Вначале была школа // Alma Mater. 2003. № 9–11.

императором Феодосием II через 85 лет (в 425 г.)[9]. «Более 30 профессоров этого университета были государственными чиновниками, т. е. получали жалованье из императорской казны»[10]. «До этого момента, — пишет Н. Карлов, — образование было **либо частным**, либо муниципальным, но никак **не государственным**»[11].

Во всей **Западной Европе**, кроме Италии, школа раннего Средневековья была **духовным** учреждением, связанным с монастырем или церковью. Светское воспитание не нуждалось в науке и все еще достигалось практическим путем. Молодой дворянин готовился к деятельности воина, хозяина, полководца или правителя не по книгам, а через опыт. Простой народ пребывал в глубоком невежестве.

В XI и XII вв. под влиянием Крестовых походов, развития городов и борьбы папства с империей в европейском обществе зарождается и быстро возрастает спрос на знания. Ответы на волновавшие его вопросы в своем стремлении примирить разум с верою общество искало в римском и каноническом праве, а также в схоластическом богословии. Эта общественная потребность и вызвала к жизни еще один культурный феномен — западноевропейский университет[12].

Первый западноевропейский университет был открыт в итальянском городе Болонья в 1088 г. известным профессором права Ирнерием, чтобы готовить ученых юристов, преданных папству. В свете темы нашего разговора необходимо подчеркнуть, что **государство не имело к этому никакого отношения**. Университет представлял собой **ассоциацию студентов**, из своей среды они выбирали ректоров, которым подчинялись профессора. Избранные схоларами профессора клялись в верности этим ректорам. (Стоит заметить, правда, что студентами были в основном зрелые и взрослые богатые и знатные люди, занимавшие высокие светские и духовные должности, в том числе князья.) Профессора получали гонорар от студентов без права преподавать где-нибудь еще, кроме Болоньи. Не имея административной власти над студентами, профессора могли приобрести авторитет и влияние на них только благодаря личным качествам и педагогическому таланту. Благодаря поддержке Папы Болонский университет получил боль-

---

[9] «Еще в VI в., — пишет Н. Карлов, — варварские властители Западной Европы не понимали идеи правильного образования. В 726 г. император Лев III, основоположник иконоборчества, сжег Константинопольскую высшую школу вместе с профессорами и книгами» (Карлов Н. Вначале была школа // Alma Mater. 2003. № 10. С. 44). В IX в. университет стали восстанавливать и восстановили. В 1204 г. Константинопольский университет был уничтожен западноевропейскими крестоносцами.

[10] Карлов Н. Вначале была школа // Alma Mater. 2003. № 10. С. 44.

[11] Там же. С. 43.

[12] См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Мультимедиа изд-во «Адепт», 2002.

шие вольности и почти полную независимость от города. По рангу ректор Болонского университета стоял выше всех архиепископов и епископов, кроме Болонского. Даже кардиналы, учившиеся в университете, уступали ему первенство в торжественных случаях.

Парижский университет, возникший в 1215 г., вышел из многочисленных богословских и «артистических» школ и также был создан **как корпорация профессоров** (магистров). Студенты (схолары) в эту корпорацию не входили, как это было в Болонье. Государство не имело к его появлению никакого отношения. Парижский университет был **первой богословской школой** Европы, представлял собой, по выражению Папы Александра IV, «источник мудрости», «древо жизни», «светоч церкви Господней». В то же время он был и высшей школой свободных искусств. Сделавшись известнейшей школой всего Запада, имея среди своих учеников и учителей представителей всех наций и величайших ученых Средневековья (например, Фому Аквинского), Парижский университет обрел огромное могущество, стал высшим авторитетом в вопросах веры и разума. Достаточно сказать, что он был **в оппозиции правительству** Франции, а во время великого раскола и падения папства в лице своих ведущих ученых и руководителей определенное время был фактическим руководителем католической церкви.

Все другие университеты, возникшие в Средние века на нынешней территории Франции, формировались по примеру Парижского: они представляли собой **корпорацию профессоров** (магистров), а руководство ими и юрисдикция принадлежали представителю епископа — канцлеру.

Ныне знаменитые университеты Англии — Кембриджский и Оксфордский — были корпорациями членов свободных школ, объединившихся на исходе XII века. Университетская жизнь и здесь развивалась в тесном союзе с церковной властью.

Например, история Оксфордского университета, в котором мне довелось бывать, берет начало с 1167 г., когда король Генрих II уговорил приехать в Оксфорд английских учеников, обучавшихся в то время в Парижском университете. Все обучение велось под патронажем римской католической церкви.

Первые колледжи (которых теперь 39) появились еще в XIII в. Причиной их возникновения явилось то, что священнослужители со временем превратились в **богатых** церковников и министров, а церковные правила запрещали им открыто признать свое потомство в целях наследования их богатств. И они **завещали свои состояния колледжам**, чтобы ученики молились за души их основателей.

Со времен Елизаветы увеличивавшийся средний класс стал остро нуждаться в университетском образовании, и родители были готовы оплачивать обучение своих отпрысков.

Только в 1920 г., т. е. через 700 с лишним лет после создания Оксфордского университета, **государство** начало выделять ему небольшую и нерегулярную помощь, а в 1981 г. правительство уже существенно уменьшило материальную поддержку университета. Ныне университет и колледжи, из которых он состоит и которые являются **частными**, прочно стоят на ногах, потому что их коммерческие научные исследования спонсируются большими промышленными компаниями. Обучение в университете платное и дорогое.

В конце XII — XIII в. возникли университеты: в Моннелье (1289, Франция), Кембриджский (1209) и Оксфордский (Англия), Саламанкский (Испания), Лиссабонский (1290, Португалия); в XIV в. в Центральной Европе — Пражский (Карлов университет, 1348, Чехия), Краковский (1364, Польша), Венский (1365, Австрия), Гейдельбергский (1386, Германия); в XV в. в Северной Европе — Упсальский (1477, Швеция), Копенгагенский (1479, Дания)[13].

Первые университеты, возникавшие **без вмешательства** церковных и светских властей, становились нередко **очагами свободомыслия и еретических идей**, связанными с бюргерской оппозицией феодальному строю и католической церкви. **Церковь**, стремившаяся утвердить свою монополию на образование в средневековом обществе, нуждалась в философском обосновании церковных догм и повела борьбу за господство над университетами. В ее руках средневековые университеты все более становились проводниками католической ортодоксии. **Королевская** власть, вступившая в борьбу с папством за создание национальных, независимых от него церквей, в свою очередь, стремилась усилить влияние на университеты.

Первый западноевропейский **государственный** университет был учрежден в 1224 г. в Неаполе императором Фридрихом II. Абсолютный монарх, создавший военно-бюрократическое государство, назначал профессоров, платил им жалованье, рассматривая их как чиновников, а потому требовал от них внушения студентам верноподданнических чувств. Он же устанавливал правила об испытаниях, порядке присуждения академических степеней— иногда простым королевским указом.

Таким образом, можно сказать, что образование **изначально** возникло и многие тысячелетия существовало как явление по своей природе **негосударственное**. Так было в странах Древнего Востока — Китае, Египте, Вавилоне, Ассирии за тысячи лет до нашей эры. Так было во времена Античности, в Древней Греции, Древнем Риме. Всюду учебные заведения, называвшиеся **школой**, создавали либо частные лица, либо церковь, либо общественные объединения. Во всех европейских странах **изначально** образование было **частной услугой**: с од-

[13] См.: Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1977. Т. 27. С. 18.

ной стороны (в качестве заказчика, потребителя) выступало частное лицо, которое нуждалось в образовании и соглашалось платить за эту услугу; с другой стороны находились частное лицо (частный учитель, преподаватель) или владелец частного учебного заведения, которые были готовы оказать нужную услугу.

Изначально (исторически) существовали **спрос и предложение** на образовательные услуги, **т. е. своего рода рынок**. Потребитель образовательных услуг и их производитель неизбежно вступали в договорные отношения[14].

Изначально образование было **платным**. Иллюзия бесплатного образования возникла с того момента, когда властители (короли, императоры, цари и т. п., одним словом, государство) стали брать на себя заботу о воспитании и обучении новых поколений и связанные с этим расходы. Однако государственная казна всегда пополнялась за счет налогов с граждан. При этом налоги платили все, а получали образование за счет собранных средств дети далеко не всех налогоплательщиков. Этот **экономический аспект** образования обычно тщательно затушевывается.

Изначально образование делилось на **элитарное** (закрытое образование для узкого слоя детей элиты — богатых и знатных людей) и **массовое** (для детей низших слоев), выполняя функцию воспроизводства управляющих и управляемых, господ и слуг. Данное обстоятельство имеет **политическое** объяснение. Государство служит определенному классу, имеющему свою идеологию и вытекающую из нее внутреннюю политику, в том числе в области образования.

Российская образовательная традиция

Россия имеет свою историю образования, в том числе как государственного, так и частного (негосударственного), которая весьма подробно описана в научной литературе[15].

---

[14] А. Смит обосновал образовательные отношения с экономической точки зрения, полагая, что «человек, получивший образование путем затрат большого труда и времени, может быть приравнен к одной из **дорогих** машин». Более того, он обосновывал **необходимость** свободного **рынка в образовании**. С тех пор понимание **знания как капитала** применительно к отдельному человеку полностью никогда не исчезало из экономической литературы.

[15] См.: Каптерев П. Ф. История русской педагогии. СПб. : Издание О. Богдановой, 1915. 540 с.; Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX вв. Т. 1. СПб., 1912. 212 с.; Золотарев С. А. Очерки по истории педагогики на Западе и в России. СПб., 1910. 261 с.; Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М. : Наука, 1991. 392 с.; Высшее образование в России. Очерк истории. М., 1995. 342 с.; Солоницын В. А. Негосударственное высшее образование в России. М. : Изд-во МОСУ, 1998. 273 с.

Принципиально важно, на мой взгляд, отметить, что изначально российское образование связано с Византией, с именами Кирилла, обучавшегося и работавшего в Константинопольском университете, и его брата Мефодия — первоучителей и просветителей славянских, а также князя Владимира, крестившего Русь и навеки соединившего судьбу нашего народа с православной Византией. Столь же необходимо сказать, что развитие культуры, науки и образования в нашем Отечестве было прервано в начале XIII в. разграблением Константинополя крестоносцами, а затем страшным разгромом Руси монголами. Это главная причина того, что наша страна намного отстала от Европы в строительстве своей образовательной системы.

П. Ф. Каптерев, один из лучших представителей дореволюционной историографии российского образования, выделяет два периода становления и развития системы образования в России: **догосударственный**, который охватывает допетровские времена (XV–XVII вв.), и государственный — период правления династии Романовых, начиная с Петра I и заканчивая царствованием Николая II.

Высшее образование в России (а это и есть основной объект нашего анализа) по сравнению с Европой в своем развитии задержалось на несколько столетий.

Известно, что в 1632 г. открылось первое русско-украинское высшее учебное заведение — Киево-Могилянская академия, в которой изучались славянский, латинский и греческий языки, «семь свободных искусств» (грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка) и богословие. В 1687 г. в Москве была организована Славяно-греко-латинская академия, которую окончили Л. Ф. Магницкий и М. В. Ломоносов. В 1725 г. в Петербурге были основаны Академия наук и при ней Академический университет и гимназия.

В 1755 г. был учрежден Московский университет, для которого Ломоносов разработал организационную структуру, учебные планы и программы. Московский университет по своему составу, постановке образования и воспитания явился ярко выраженным **русским** высшим учебным заведением, школой подготовки отечественных ученых. Профессора университета Н. Н. Поповский, А. А. Барсов и другие ученики Ломоносова вели активную борьбу за расцвет отечественной науки и образования, стремясь заменить церковно-схоластическое образование светским, основанным на изучении естествознания, математики, выступали за развитие у студентов теоретического мышления и навыков проводить лабораторные эксперименты, наблюдать за физико-химическими и природными явлениями. Только в этом случае, считал Ломоносов, происходит умственное и нравственное совершенствование личности. В 1758 г. Ломоносову было

поручено «смотрение» за университетом Академии наук. Он разработал учебные планы, которые предусматривали на первом году обучения обязательное посещение студентами всех лекций «для того, чтобы иметь понятие о всех науках, чтобы всяк мог видеть, в какой кто науке больше способен и охоту имеет»; на втором году — только специальные циклы лекций; на третьем — прикрепление студентов для обучения к отдельным профессорам и «упражнения в одной науке».

Изначально российское **высшее** образование было **государственным**, становилось на ноги долго и с огромным трудом. В 1765 г., в ответ на запрос Екатерины II о причинах упадка Московского университета, профессора в качестве одной из главных назвали «отсутствие автономии», диктат начальника, назначенного правительством. В 1766 г. Академический университет был закрыт из-за отсутствия студентов.

На протяжении всего XIX в. четырежды — по числу императоров — в высшем образовании России шли реформы и контрреформы. Самодержавное государство то давало высшему образованию некоторые послабления, то вновь сворачивало его свободы. Не случайно отечественные университеты рассматривались как очаги вольнодумства, революционности и безнравственности. Особенно после того, как в начале XIX в. в Западной Европе, прежде всего в Германии, прошли студенческие волнения.

В 1830 г. царское правительство закрыло Варшавский и Виленский университеты. В 1835 г. был введен новый устав университета, который юридически упразднил университетскую автономию. Студенческие волнения конца 50-х — начала 60-х годов привели к тому, что университетская автономия была восстановлена. Однако в 1884 г. был опять введен новый устав университета, согласно которому он был полностью отдан под контроль Министерства просвещения. Академические свободы были снова ликвидированы. Передовые профессора выступили с протестами. Периодически вспыхивали студенческие волнения. В 1911 г. из Московского университета были исключены 1000 студентов, 130 профессоров были вынуждены уйти в отставку[16].

Тем не менее с отменой крепостного права и развитием буржуазных отношений в России началась эпоха великих реформ, в том числе в образовании, которое превращалось в самостоятельную отрасль культуры. Вместе с либерализацией взглядов возрастали тенденции к независимости и автономии образования. Общество стремилось

[16] В 1914 г. в России было 10 университетов, в которых обучались 37,5 тыс. студентов (36% — дети дворян и чиновников, 10,3% — дети духовенства, 53,7% — дети других сословий). В Московском университете обучались 9892 студента, в Санкт-Петербургском университете — 7442 студента (БСЭ).

изъять у государства функцию монопольного руководства системой образования. **Началась борьба двух тенденций: либерально-демократической — со стороны общества и охранительно-консервативной — со стороны государства.**

Революционно и либерально настроенная профессура, политические и общественные деятели подняли в печати вопрос о целях и задачах высшего образования. Началось строительство образования, **альтернативного** правительственному. Главной проблемой стали поиски правильного соотношения государственного и общественного воздействия на образование в определении его содержания и управления им. В ту пору между собой боролись сторонники двух противоположных взглядов: одни выступали за максимум государственного вмешательства в сферу образования, другие — **за максимум общественной инициативы.**

Как отмечается в отечественной исторической литературе, начало XX в. в России отмечено возникновением яркого культурного феномена — **вольной высшей школы**. В учебных заведениях, которые в основном создавались в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных научных и учебных центрах, учились люди, которым нужны были знания, а не дипломы и свидетельства для того, чтобы занять ту или иную государственную должность. Большинство таких вузов были **общественными**, остальные — **частными**[17]. Инициаторами создания некоторых из вольных (народных) вузов были знаменитые ученые и педагоги: В. М. Бехтерев, П. Ф. Лесгафт, А. Л. Шанявский. Намеревался создать свой вольный университет К. А. Тимирязев. Все эти и другие организаторы таких учебных заведений мыслили их как **антитезу «дозволенному» гособразованию**. В вольных вузах преподавали такие знаменитости, как Д. И. Менделеев, А. Ф. Иоффе, И. М. Сеченов, Е. В. Тарле, А. А. Ухтомский, А. М. Бутлеров, Л. А. Орбели, К. А. Тимирязев, А. Е. Ферсман, Н. Е. Жуковский, Н. Д. Зелинский, С. А. Чаплыгин, В. И. Вернадский и др.[18] Одним из источников дохода являлись благотворительные концерты популярных артистов К. А. Варламова, Л. В. Собинова, Ф. И. Шаляпина, литературные вечера с участием А. М. Горького, Ф. М. Достоевского.

Начало упорядоченному процессу создания системы **негосударственных** высших учебных заведений, как отмечает В. А. Змеев, положил утвержденный императором Николаем II 3 декабря 1905 г. всеподданнейший доклад министра народного просвещения графа

[17] Список высших негосударственных (церковных, общественных, частных) учебных заведений см. в прил. 3. (Источник: Высшее образование в России. Очерк истории. М., 1995. С. 274–297.)

[18] См. там же. С. 139–142.

И. И. Толстого, разрешивший открытие **частных курсов** с программой образования выше среднего[19].

Предназначение негосударственной высшей школы виделось правительству в том, чтобы, не обременяя казну, расширить подготовку специалистов для различных отраслей хозяйства, повысить общий образовательный уровень населения России. В одном из постановлений Совета министров за 1916 г. отмечалось: «Частная школа прежде всего должна пойти навстречу в удовлетворении потребности в образовании тех групп населения, которые по той или иной причине не могут получить этого удовлетворения от школы правительственной».

Об интересе российской молодежи к негосударственным вузам говорят многие факты, но прежде всего динамика их создания. Так, в 1905–1907 гг. в России возникло 36 частных вузов, в 1908–1909 гг. — 13, в 1910–1913 гг. — 13, в 1914–1917 гг. — 12[20].

Наибольшей популярностью в молодежной среде в начале XX в. пользовались российские негосударственные вузы университетского типа. В 1917 г. их было около 30, причем преобладали женские вузы.

Например, к началу XX в. Бестужевские курсы (Санкт-Петербург) превратились в высшее женское учебное заведение с общеобразовательным академическим характером и методами преподавания. В этом вузе было три отделения: историко-филологическое, юридическое и физико-математическое (с химическим курсом). Минимальный срок обучения составлял **четыре** года, однако многие слушательницы увеличивали время пребывания в вузе для освоения дополнительных учебных дисциплин. Плата за слушание лекций составляла 100 руб. в год, тем не менее желающих было достаточно (одновременно обучалось до 1800 человек).

В начале XX в. быстрое развитие получило негосударственное высшее коммерческое образование. Сама идея о нем созрела «в недрах купеческих организаций»[21]. Достаточно сказать, что создание Московского коммерческого института в 1906 г. стало возможным благодаря деятельности Общества распространения коммерческого образования и группы меценатов во главе с купцом А. С. Вишняковым.

В 1906 г. был организован Киевский коммерческий институт, тогда же Коммерческие курсы М. В. Побединского в Петербурге получили статус высшего учебного заведения. Вслед за ними появились Высшие коммерческие курсы в Харькове, а в Петербурге стали функционировать Институт высших коммерческих знаний и Практическая

---

[19] См.: Змеев В. А. Негосударственное высшее образование в Российской империи // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 5. С. 211.

[20] Там же.

[21] Техническое и коммерческое образование. 1915. № 4. С. 8.

восточная академия при Императорском обществе востоковедения. К 1913 г. в России действовало около 20 высших коммерческих учебных заведений. Буржуазия и купечество оказывали этим вузам всестороннюю помощь.

Наиболее крупным являлся Московский коммерческий институт, в котором обучалось более 5 тыс. студентов (мужчин и женщин)[22].

Несмотря на фундаментальные знания, выпускники коммерческих вузов не допускались на государственную службу.

Среди негосударственных вузов России особое место занимал Санкт-Петербургский психоневрологический институт, основателем которого был В. М. Бехтерев.

Большой перечень сложных и часто редких курсов требовал привлечения к занятиям специалистов высшей квалификации. В разные годы в Психоневрологическом институте читали лекции известные ученые и педагоги: Ф. Д. Батюшков, С. К. Булич, В. А. Вагнер, Н. Е. Введенский, С. А. Венгеров, М. Н. Гернет, Н. А. Гредескул, Н. И. Кареев, П. Ф. Лесгафт, Н. О. Лосский, Д. Н. Овсянико-Куликовский, Э. Л. Радлов, В. Н. Сперанский, Е. В. Тарле, М. П. Чубинский и др. Эти люди превратили вуз в **первый** Институт человека. В Петербург стали приезжать зарубежные специалисты, чтобы ознакомиться с результатами научных исследований.

Крупные ученые стремились к сотрудничеству с вузом нового типа, так как здесь была реальная возможность соединить учебный процесс с научными исследованиями. В 1912 г. в Психоневрологическом институте открылся медицинский факультет, где психоневрологов готовили шесть лет. Одно из преимуществ нового факультета состояло в том, что он в своей работе использовал научно-исследовательскую базу ряда медицинских учреждений, в частности Хирургической и нервно-хирургической клиники им. Н. И. Пирогова[23].

Учебно-педагогическая и научно-исследовательская работа Психоневрологического института принесла реальную пользу государству, что предопределило положительное отношение к вузу многих правительственных чиновников. Однако министр народного просвещения Л. А. Кассо считал Психоневрологический институт **слишком независимым** учебным заведением, которое превратилось в один из центров студенческих беспорядков. 25 июня 1914 г. Л. А. Кассо предложил Совету министров закрыть институт, но эта идея поддержку у правительства не получила (в вузе обучалось до 8000 студентов, а ежегодный выпуск специалистов составлял около 900 человек).

---

[22] Змеев В. А. Негосударственное высшее образование в Российской империи. С. 219.

[23] РГИА Ф. 1276. Совет министров. Оп. 3. Д. 801. Л. 67 об.

В 1915 г. новый министр народного просвещения П. Н. Игнатьев образовал специальную комиссию для всесторонней проверки Психоневрологического института. Комиссия дала положительную оценку деятельности вуза, но рекомендовала провести его реорганизацию[24].

К февралю 1917 г. в России устойчиво работали 59 негосударственных вузов. **Вольная школа по численности практически сравнялась с государственной (65)**. Однако многие вольные вузы закрывались, не успев развернуться, остальные вели трудную жизнь, похожую на ту, которую проживают большинство российских негосударственных вузов сегодня: отсутствие материальной базы, поддержки общества и государства.

После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. все вольные учебные заведения прекратили свое существование. Частное образование было запрещено.

Таким образом, взгляд в далекое прошлое человечества и историю России позволяет сделать по крайней мере два фундаментальных вывода, имеющих принципиальное значение для объяснения и понимания ныне происходящих в России перемен в области образования, а также его будущего.

Вывод первый. **Негосударственное образование — явление** в человеческой истории **естественное и закономерное**. Ибо таковым по своей природе образование является изначально, издревле. Либеральное (свободное, вольное, независимое) образование присутствовало всегда и практически везде, где для этого существовали необходимые социально-экономические и политические условия. Во-первых, это **частная собственность**, порождающая частную предпринимательскую инициативу, которая, если это не запрещено национальными законами, неизбежно проявляет себя и в сфере образования. Во-вторых, это духовные, экономические и политические **свободы**, которые являются предпосылкой возникновения и существования рыночных отношений и конкуренции. Два этих понятия («свобода» и «частная собственность») составляют основу идеологии либерализма, под знаком которой развивалась вся европейская культура Нового времени, в том числе образование.

И сегодня всюду, где обнаруживают себя свобода и частная собственность, мы наблюдаем одновременно два типа образования — государственное и негосударственное. При этом негосударственное образование вовсе не следует рассматривать как некое дополнение, своего рода довесок к государственному образованию. Это **еще один род** образования, который не может и не должен претендовать на замещение государственного образования, а сосуществует рядом с ним. Негосу-

[24] См.: Змеев В. А. Указ. соч. С. 221–222.

дарственный вуз может составить реальную конкуренцию государственному, более того, выйти вперед в том случае, если государственный вуз замедленно реагирует на запросы рынка.

Вывод второй, являющийся частным следствием из первого: возникновение негосударственных вузов в России (как царской, так и нынешней) — явление не случайное, а естественное для нормального развития общества, в случае либеральных реформ — неизбежное и необходимое.

Неприятие негосударственного образования значительной частью нынешнего российского общества объясняется не только недостатками и изъянами в деятельности негосударственных вузов, о которых уже говорилось. Эта неприязнь имеет также исторические корни, в ее основе лежат особенности российского менталитета, в котором понятие «государство» тождественно понятию «общество». Еще недавно население страны не допускало мысли о частной собственности и рыночных отношениях; о том, что кроме бесплатного может существовать и платное образование; что владельцем учебного заведения может быть не только государство, но также частное лицо и т. п.

Этому не следует удивляться, если учесть, что в России начиная со времен Петра I, который осуществил тотальное огосударствление образования, российская педагогика никогда не была свободной. Она всегда была авторитарной: в царские времена ее философию и содержание определяло самодержавие; в советскую пору — коммунистическая идеология. Общественные отношения в области народного образования были прежде всего видом **идеологических отношений**. При этом их назначение состояло не только в трансляции социалистической идеологии, но в значительной мере и в ее производстве. Образование, выполняя экономическую, педагогическую и другие функции, служило и средством навязывания политической идеологии всем участникам образовательного процесса — учителям и ученикам, преподавателям и студентам.

2. МЕСТО НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ВУЗОВ В СОЦИУМЕ

Вся история образования в мире есть история борьбы государства за право контролировать деятельность школ и высших учебных заведений, с одной стороны, и борьбы вузов с государством за свою автономию и академические свободы — с другой. А если взглянуть на проблему более широко и глубоко, то она предстанет как борьба социальных идей, за каждой из которых стоит система взглядов на человека, личность, общество и его развитие, государство и его роль в жизни общества.

С древних времен все правители прекрасно понимали, что культура и образование, особенно в государствах с большими территориями, являются могучим средством объединения людей и эффективным орудием управления обществом и государством. «Грек тот, кто говорит по-гречески, кто получил греческое образование», — говорили в Древней Элладе.

Фундаментальное значение для определения образовательной политики в теории и ответа на вопрос о месте негосударственных вузов в социуме имеет проблема соотношения понятий «общество» и «государство», а на практике — реальная роль государства в общественной жизни и, наоборот, воздействие общества на государство.

Известно (и об этом уже говорилось), что Платон и другие древнегреческие философы, в частности Аристотель с его знаменитыми трудами о государственном устройстве и воспитании, **отождествляли** общество и государство. Отношения господства-подчинения государству (оно же общество) распространялись ими не только на публичную, но даже на **внутрисемейную** жизнь (мужа и жены, отца и детей), т. е. на вопросы воспитания и обучения. Это были идеи тотального **огосударствления** (обобществления) человека, безусловного приоритета всеобщего и коллективного перед единичным (единственным, уникальным и т. д.).

Через два тысячелетия, в 1651 г., английский философ Г. Гоббс издал свой знаменитый труд «Левиафан»[25], в котором он говорил о государстве как величайшем (хоть и насквозь **искусственном**) сооружении, в рамках которого, по его мнению, **только** и возможно существование «народа», «гражданского общества». Гоббс полагал, что благодаря возникновению государства «соединение многих людей» приобрело значение «общества». **Сращение** общества и государства в его понимании было **практически полным**.

Таким образом, исторически сформировались **два основных типа** государственной политики в области образования, каждая из которых отвечает определенному типу социально-экономического и политического устройства общества.

Тоталитарно-патерналистский вариант образовательной политики соответствует обществам, в которых властвует идеология правящей партии, являющейся в то же время и государственной идеологией, в которых понятия «общество» и «государство» тождественны.

Вот как, например, рассуждал Гитлер о государств е и образовании: «Государство есть средство к цели. Его собственная цель состоит в сохранении и в дальнейшем развитии коллектива одинаковых в физиче-

[25] Левиафан — ветхозаветное чудовище, которое символизирует у Гоббса государство.

ском и моральном отношениях человеческих существ. <...> Молодой мозг не должен быть обременен вещами, которые ему на 95% не нужны и которые он быстро забывает. <...> Сократив учебный план, мы выиграем много свободных учебных часов, и эти часы должны быть посвящены физическим упражнениям, воспитанию характера, воли и силы решимости».

Все это и многое тому подобное Гитлер осуществил. Что из этого вышло — хорошо известно.

Либеральная образовательная политика возникла в XVIII в. в рамках **либеральной** мысли в порядке реализации идеи **построения** гражданского общества. (Сами понятия «гражданское общество», «гражданская община», как известно, существовали издревле.) Сегодня гражданское общество трактуется как «1) общество, в котором сочетаются **частные и общие** интересы; 2) общество, достигшее **партнерских** отношений с государством, способное поставить государство **под свой контроль**, в котором возможность его членов реализовать свои права и обязанности дополняется способностью государства обеспечить безопасность общества в целом и отдельных граждан; 3) **общество, контролирующее** не только **государство**, но и богатство страны. В целом гражданское общество можно охарактеризовать как **самоорганизующееся** начало и сосредоточение **негосударственных** отношений»[26].

Гражданское общество охватывает все предприятия, организации и ассоциации, которые существуют вне государства, действуют на основе самофинансирования, самоуправления и в этом смысле независимы от властного центра. Гражданское общество — это общество граждан с высоким социальным статусом, широкими и разнообразными правами и их автономными от государства объединениями, ассоциациями, организациями и т. п., где преобладают не вертикальные (господства и подчинения), а горизонтальные связи (конкуренции и солидарности). В самом нестрогом смысле гражданское общество можно определить как сумму (систему?) всех «не-государственных» идей, мыслей, чувств, добродетелей и действий граждан, способных к самоорганизации и объединившихся ради реализации своих интересов и целей. Еще проще: гражданское общество — это способность граждан самоорганизовываться во имя защиты своих прав, свобод и интересов, если они попираются государством. Гражданское общество выполняет функцию «сцепления» социума, соединения частного и общественного интересов, посредничества между личностью и государством.

Было бы ошибкой представлять государство как силу отрицательную, а гражданское общество — как силу положительную. Есть люди,

[26] Новая философская энциклопедия. М. : Мысль, 2000. Т. 1. С. 549.

которые объединяются для достижения не только высоких, но и низких целей. Некоторые объединения гражданского общества выглядят очень плохо и непонятно, сеют смуту и хаос. Организованная преступность находится вне сферы государства. Однако считать ее элементом гражданского общества не захочется никому.

Убежден, что негосударственные образовательные организации, и прежде всего высшие учебные заведения, являются исключительно важными звеньями формирующегося гражданского общества, потому что в нем в качестве главного механизма регуляции общественной жизни выступают ценности и образцы культуры, т. е. прежде всего моральные и правовые идеалы, принципы и нормы, а также воспитанные человеком в себе «простые» гражданские качества (гуманность, порядочность, честность, доверие, ответственность и т. д.). Властные структуры государства играют в этой регуляции хотя и важную, но все же второстепенную роль.

За годы реформ из школ и вузов изжили воспитательную функцию и общественную жизнь. Но именно здесь закладываются навыки самоуправления, осознание общественных интересов, обретаются гражданские добродетели. Поработав старостой, членом студсовета, редактором стенгазеты и т. п., молодой человек получает первые навыки гражданского поведения. Ответственная гражданская позиция закладывается еще в школе. Хорошо известна пословица: «Чего не выучил Ванюша, того не будет знать Иван».

Задача образования — привнести в сознание новых поколений российских граждан понимание, что возникновение гражданского общества предопределено разграничением прав человека, которые обеспечиваются этим обществом, и прав гражданина, которые гарантирует государство. Само название «гражданин» в свое время звучало как синоним независимости, достоинства, самоуважения личности. Оно противопоставлялось всевозможным сословным и кастовым преимуществам как высшая нравственная добродетель, как вызов власть имущим со стороны тех, кто был поражен в правах и свободах, как протест против неравенства и угнетения. Слово «гражданин» звучало как призыв к исполнению долга служения народу и Отечеству. «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан», — писал Н. А. Некрасов.

Спящий социум не может стать гражданским обществом. Для его построения мало лишь прагматических экономических интересов. Гражданское и правовое сознание каждое новое поколение людей обретает заново. Оно — плод обучения и воспитания.

Можно ли в этом смысле противопоставлять государственное и негосударственное образование, мысля негосударственные вузы, например, как факторы гражданского общества, смысл которого в том,

чтобы быть оппонентом государству, в частности государственным вузам? В принципе, конечно, нет. Можно даже сказать — ни в коем случае. При условии если все-таки государство и его структуры не переходят грань допустимого, как это случается в России сплошь и рядом.

Между тем для социальной справедливости в обществе знаний и информации решающее значение приобретает свобода выбора и равенство шансов. В рамках реализации общественного проекта, которым занято ныне государство, важно обеспечить для как можно большего количества людей возможность реализовать свои социальные, культурные и экономические способности, поощряя их, создавая для этого политические и правовые предпосылки. Как говорил Гете, лучшим является то правительство, «которое учит нас править самими собой». Поощрять и требовать — такой подход должно бы демонстрировать ныне наше государство в отношении гражданского общества.

Если на Западе общественная организация обусловила государственный строй, то в России именно государство издревле и поныне определяет, каким быть гражданскому обществу. Если развитие страны будет продолжаться в том же духе, если население и далее будет отторгать ценности гражданского общества, т. е. не думать о своих правах, свободе, самоуправлении, не будет бороться за них, то в будущем нашему народу ждать ничего хорошего не следует. Демократия есть не что иное, как постоянная борьба граждан за свои права и свободы, за партнерские отношения с властью, за честное и эффективное государство, которое служит народу, но никак не наоборот.

Таким образом, если государство и органы управления образованием будут понимать гражданское воспитание лишь как воспроизводство чисто государственнического мышления, государственнической культуры, то в этом случае негосударственные вузы должны оппонировать госорганам управления образованием.

Либеральная образовательная политика имеет своей целью реализацию права каждого человека на свободное от идеологических и политических предпочтений образование и свободного выбора его форм и видов как при поддержке государства, так и за счет собственных средств[27]. Либеральное образование предполагает воспитание лич-

---

[27] Революция в размежевании теоретического содержания понятий «общество» и «государство», а вместе с этим и нового понимания роли образования произошла с выходом трудов А. Смита и Д. Юма.

Д. Юм (1711–1776) утверждал, что безгосударственное состояние дел в обществе не просто «естественно» — в смысле его природной изначальности, — но и «нормально» (Юм Д. Соч. Т. 1. С. 699).

А. Смит (1723–1790) считал, что область труда и трудового взаимодействия частных лиц — это сфера общества в узком смысле, где люди поступают

ности, свободного человека, обладающего такими качествами, как добродетель, увлечение искусствами, стремление к поиску истины, честь, совесть и т. п. Эти идеи восходят к древнегреческой традиции подхода к образованию как к воспитанию (физическому, духовному, нравственному), которая не связывалась с подготовкой к профессиональной карьере, как это происходит сейчас. Хотя уже Платон[28], а затем Аристотель в «Политике»[29] указывают на двойственный характер разума, формирующегося как с практической, так и теоретической направленностью.

Есть люди, которых бесполезно тянуть к высоким знаниям и в науку, зато они способны быстро освоить ремесло и быть хорошими специалистами. Есть люди с совершенно иным интеллектом и складом ума, души и характера, которые созданы для творчества, невозможного без свободы и широкого кругозора.

В сущности, этот момент можно считать разделением образования на два вида — либеральное (высококачественное, фундаментальное, элитное) и узкоспециализированное профессиональное (массовое). Логика развития человечества привела к тому, что в количественном отношении, особенно в XX столетии, стало доминировать узкоспециальное профессиональное — массовое образование. Надо сказать, что это приобрело определенную классовую окраску, поскольку массовое профессиональное образование заведомо ограничивает развитие потенциала обучаемого, подразумевает узкоспециализированное, фрагментарное образование в направлении строго определенных государственным стандартом знаний, навыков и умений. Развитие индивидуальности не достигается, потому что такая цель и не предполагается.

Вопрос о соотношении общества и государства как в теоретическом, так и практическом плане все еще остается открытым. Отсюда и два экономических и, если хотите, политических подхода в отношении государственного и негосударственного образования.

Либералы, как уже говорилось, рассматривают основные проблемы образования с позиций **свободного предпринимательства**. Они считают, что в центре экономической системы, которая существует для удовлетворения запросов индивидуума, должен находиться «потребительский» выбор. При таких условиях государству отводится роль лишь гаранта соблюдения участниками свободной конкуренции установленных правил взаимодействия, и оно может вмешиваться в про-

---

на свой страх и риск, подчиняясь законам «естественной свободы», не нуждающейся в их дополнительном регулировании на основе «писаных законов», издаваемых государством. Эта область, по его мнению, является сферой гражданского, а не политического общества.

[28] См.: Платон. Диалоги. М. : Мысль, 1986. С. 346, 341.

[29] См.: Аристотель. Политика // Соч. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 617.

цесс только тогда, когда в нем появляются факторы, препятствующие функционированию свободного рыночного механизма.

Известный американский неоклассик либерализма М. Фридмен в своей книге «Капитализм и свобода» настаивает на необходимости до минимума сократить государственные субсидии на образование: «Количество денег, истраченных на образование, увеличивается стремительными темпами, куда быстрее, чем национальный доход. Государство не в состоянии нести эти все увеличивающиеся расходы; их надо переложить на родителей, которые будут экономны и осмотрительны, решая вопрос, на что тратить деньги, и поэтому не станут определять своих детей на «бесперспективные» для них направления учебы»[30].

Наиболее воинственно настроенные неолибералы на Западе хотели бы вообще ликвидировать государственные высшие учебные заведения, осуществить их тотальную приватизацию. Но такие установки остаются преимущественно в рамках партийных предвыборных программ и деклараций. Правительства западных стран, какие бы политические партии или группировки в них ни превалировали, видят в этом вопросе границы, которые нельзя переступать. Они не идут на демонтаж государственной системы образования, сохраняя негосударственные (частные) учебные заведения.

При этом сторонники либерального направления в западной экономике резко критикуют государство за то, что оно **унифицирует** учреждения образования и программы обучения, чем значительно сокращает возможности потребителя в выборе предоставляемых ему образовательных услуг. В результате следования **единым** учебным планам и программам, государственным образовательным **стандартам** происходит «подгонка» всех учащихся под один шаблон.

Кроме того, вмешиваясь в сферу образования, государство, по их мнению, нарушает принцип социальной справедливости. Так, например, за образование нередко платят одни люди (налогоплательщики), а получают образовательные услуги совсем другие. Например, в семье нет детей, но она платит налоги, из которых государство финансирует образование. Или: ребенок учится в платном вузе, а налог с его родителей взимают как со всех. Таким людям, по существу, приходится платить дважды.

Активная позиция государства, по мнению неоклассиков, негативно сказывается и на экономике образования. Вмешательство государства ограничивает частную инициативу, подавляет стимулы к конкурентной борьбе производителей образовательных услуг, т. е. в конечном счете препятствует саморазвитию образовательных учреждений. Государственное финансирование, считают они, нарушает принци-

[30] Friedman M. Capitalism and Freedom. Chicago, 1982. P. 97.

пы рыночного ценообразования, что также не идет на пользу отрасли и обществу в целом.

Представители второго — **кейнсианского направления** в экономической науке исходят из предположения, что государство является выразителем интересов всех членов общества и потому имеет веские причины вмешательства в экономику вообще, в частности в сферу образования. Они полагают, что индивидуум не всегда адекватно оценивает свои подлинные интересы и очень часто в погоне за сиюминутной выгодой жертвует ими. Отдельный человек, считают кейнсианцы, может совершенно не понимать своей личной заинтересованности в удовлетворении общественных интересов. Поэтому представители кейнсианства выступают за активное участие государства в регулировании финансово-экономических отношений в образовании.

В частности, принимая во внимание то обстоятельство, что образование как производственный процесс требует известного минимума затрат и их определенного структурирования, без чего оно становится неэффективным, экономисты с кейнсианскими убеждениями указывают на невозможность гарантированного обеспечения указанных условий в масштабах всей системы при полной свободе рынка образовательных услуг. Безусловное соблюдение этих требований, по их мнению, возможно только благодаря вмешательству государства.

Правда в этом есть. Ведь отдельным человеком движут его личные интересы, часто они не имеют долговременного характера. Получение образования — одна из задач такого рода. Если в момент решения вопроса о том, куда пойти учиться, например, существует высокий спрос на юристов или менеджеров и их работа хорошо оплачивается, то человек стремится получить именно эту профессию. Проблема в том, что, следуя этой же логике, поступают сотни тысяч людей. В итоге происходит перепроизводство работников по данной специальности, им не находится работы, зато «вдруг» обнаруживается дефицит специалистов других профилей: перепроизводство «технарей» и недопроизводство «гуманитариев»; излишество людей со средним специальным образованием и нехватка специалистов высшей квалификации или наоборот, как сегодня в России.

Иными словами, отдавать дело образования только «невидимой руке» рынка крайне рискованно. Определить количество и качество образования, необходимого данному обществу на конкретном этапе его исторического развития, государство может гораздо лучше. Механизм финансирования, основанный на принципах свободного выбора образовательных услуг отдельными личностями, приводит к деформации системы образования и недополучению обществом необходимого ему уровня этих услуг. Исключить угрозу такой ситуации может только государственное регулирование, и в частности участие

государства в распределении ресурсов, направляемых обществом на цели развития данной отрасли социально-культурной сферы.

Кейнсианская идеология господствовала в экономике вообще и экономике образования в частности со второй половины 30-х годов до конца 70-х годов прошлого столетия. Затем началось бурное наступление обновленного, неоклассического либерализма, и это многое изменило в западном образовании.

И все же сегодня в мире нет ни одной страны, где бы в чистом виде проводилась либо кейнсианская, либо неолиберальная политика. В практической деятельности все страны с рыночной системой хозяйствования имеют смешанную экономику и смешанные типы образования, сочетающие элементы двух этих альтернативных теоретических школ. Все дело в акцентах. «Больше государства», «меньше государства» — только в этом и состоит разница в развитых странах, на которые ныне ориентируется Россия. Существует хрупкий **баланс рынка и государственного влияния** на экономику, в том числе и в сфере образования.

Мысль о необходимости избавиться от определения «негосударственные» (т. е. от своего собственного имени) приходит в голову некоторым от чувства тревоги и отчаяния, вызванного прежде всего неопределенностью места вузов этого рода в социальном пространстве. У каждого государственного вуза при всей их огромной совокупности это место определенно и недвусмысленно: их создает государство, наделяет имуществом (помещениями и оборудованием), финансирует государство, их «хозяин» — государство.

Вузы нового типа определяются не менее внятно: не-государственные. Для человека, основой всей конструкции мышления которого является тезис «государство — это наше все», такое определение невыносимо. Единичное хочет приложиться к множеству, часть — к целому, слабое — к сильному. К какому «целому», «сильному»?

Российский менталитет исторически сформировался так, что сильным покажется только государство, которое во все времена символизировало могущество страны, было инициатором и субъектом социальных реформ и развития. Синдром государственничества, верноподданничества живет в сознании подавляющего большинства населения России, несмотря на горький опыт миллионов пострадавших от диктата и насилия государства как в советскую эпоху, так и в ходе нынешних трансформаций.

Одна из главных бед России состоит в том, что столетиями народ жил в условиях отсутствия свободы, возможностей для проявления собственной инициативы и самоорганизации. Вопрос о правах человека встал лишь в конце XX в. В этом — специфика нашей страны. Дарующее государство приучило людей к тому, что все блага и милости исхо-

дят свыше, от государства, вокруг которого был создан ореол сакральности. Вершины власти мыслились как вершины ума и добродетелей. Подобный вариант развития взаимоотношений общества и государства привел к тому положению, которое еще П. Струве определил как антиобщественность государства и антигосударственность общества.

Сегодня положение дел, конечно, иное. Можно спорить о том, какое в нынешней России гражданское общество — сильное или слабое. Важно главное: гражданское общество в нашей стране существует. Это и есть то социальное — негосударственное — пространство, в которое в качестве одного из его элементов входят все негосударственные образовательные и научные учреждения, в том числе негосударственные вузы, их союзы и ассоциации. **Это и есть их основное место в социуме.**

Если негосударственные вузы осознают, что их место в гражданском обществе, то они могут сыграть важную роль в его развитии. Во-первых, потому что в них сосредоточен значительный интеллектуальный потенциал. Во-вторых, потому что они выполняют просветительскую функцию и станут осуществлять ее с еще большим усердием, поняв, что это отвечает их коренным интересам. В-третьих, они располагают гораздо большими, чем госвузы, финансовыми возможностями для организации такого рода работы. В-четвертых, могут включить в общественную работу сотни тысяч студентов, обучающихся в этих вузах.

Есть основания думать, что работа по созданию в России гражданского общества набирает темпы. Хорошим знаком надо считать выступление Президента РФ В. В. Путина на Гражданском форуме, где он сказал: «Вряд ли кто-то обладает готовым «рецептом» взращивания гражданского общества, но перед властью в целом может стоять только одна задача — формировать максимально благоприятный климат для его развития... Без действительно партнерских отношений между государством и обществом не может быть ни сильного государства, ни процветающего благополучного общества: здесь нужен диалог на равных. И мы осознаем, что эффективность этого диалога в значительной степени зависит от нас — от представителей власти, от власти в целом. В этой связи мы готовы пойти на необходимые организационные и, если потребуется, законодательные меры, готовы обеспечить эффективную обратную связь общества с госаппаратом. Во всяком случае, мы попробуем это сделать. Мы готовы внимательно слушать и слышать то, что вы предлагаете. И полагаю, что именно сейчас, когда для России и ее граждан наступило время действительно больших возможностей, такое сотрудничество может стать очень продуктивным; оно нужно нашему государству»[31].

[31] Российская газета. 2001. 21 ноября.

В Послании Федеральному Собранию РФ в мае 2004 г. В. В. Путин говорил: «Чтобы... стимулировать дальнейший рост институтов гражданского общества, не нужно ничего изобретать. И наш собственный, и мировой опыт уже доказал продуктивность целого ряда подходов. Так, необходимо постепенно передавать негосударственному сектору функции, которые государство не должно или не способно эффективно выполнять.

Имеет также смысл использовать и накопленный в ряде регионов России опыт работы общественных палат. Такие постоянно действующие негосударственные организации могут обеспечивать независимую экспертизу важнейших нормативных актов. Актов, непосредственно затрагивающих интересы граждан»[32].

3. СМЫСЛ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

«Ну хорошо, — скажет читатель. — Согласимся с тем, что в качестве глубинных причин возникновения негосударственного образования лежит частная собственность и свобода на предпринимательскую деятельность. Пусть будет так: гражданское общество — это место «проживания» негосударственного образования. И все-таки, разве нельзя обойтись без него? Что особого случится, если взять да и запретить? Жили же без него...» Итак, для чего необходимо негосударственное образование? В чем заключается назначение, глубинный смысл его существования?..

Эти вопросы волнуют и самих работников негосударственных вузов, которые высказывают по этому поводу различные мнения.

Авторы упоминавшейся Концепции развития негосударственного образования в России, подготовленной в начале 90-х годов под руководством депутата ГД РФ Л. В. Бабух, считают, что негосударственное образование возникает как **альтернативное**, как своеобразное **отрицание** государственной образовательной системы, не способной решать большое число проблем[33].

А. П. Березовский и В. М. Борисов также полагают, что «зарождение негосударственного образования в России означало переход от безальтернативного образования к **альтернативному**, **поисковому**, обеспечивающему «зону ближайшего развития» целостной образовательной системы страны. Исходно негосударственная школа бра-

---

[32] Российская газета. 2004. 27 мая. С. 4.

[33] См.: Концепция развития негосударственного образования в России (проект). М., 1994. Фонд межд. педагогич. акад. Ед. хр. № 13. С. 9.

ла на себя функции оперативной апробации **новых моделей** образования»[34].

Итак, смысл негосударственных вузов видится данным авторам в том, чтобы искать, находить и апробировать новые модели образования, которые со временем могли бы заменить существовавшую доселе (государственную) систему образования (alter (лат.) — «одно из двух», «либо — либо»).

Заявление в высшей мере амбициозное. Я бы объяснил его только тем, что в начале 90-х годов идеей альтернативности были заполнены все сферы жизни: на глазах рушились идеология социализма, социалистическая экономика и прежняя политическая система, все составлявшие их социальные институты; их тут же замещала идеология либерализма, нарождались новые рыночные механизмы хозяйствования и новые предприятия и организации, основанные на базе частной собственности и на частной инициативе. Перемены не могли не затронуть образование, и прежде всего его содержание, формы и методы.

Возможно, некоторые из организаторов негосударственных вузов, начинавшие свою деятельность с нуля, искренне полагали, что они в состоянии создать такие учебные заведения, которые и в самом деле будут способны заменить традиционный тип высшей школы. На деле оказалось, что все разговоры об альтернативности, поисковом характере, новых моделях, «образовании XXI в.» сплошь и рядом пустой звук.

Проблема альтернативности в образовании существует, давно и хорошо известна. Негосударственные вузы в определенной мере могут способствовать ее решению, о чем будет сказано ниже. Однако сама идея альтернативности, которую стали эксплуатировать (в основном в рекламных целях) первые организаторы негосударственных вузов, была ошибочной. И не только с точки зрения тактики, ибо вызвала иронию и раздражение в традиционном образовательном сообществе.

Альтернативность свойственна образованию как социальному институту имманентно, т. е. живет в нем самом, внутри его. Мысль рождается из мысли. Новое знание из знания о не-знании. В конечном счете все представления о том, что кто-то со стороны, извне может перестроить старое или создать новое образование, наивны. Образование несет в самом себе и консервант, и новаторскую закваску. Дело прежде всего во внешних условиях, мотивах и стимулах, которые либо консервируют определенное содержание, сложившиеся формы и методы обучения, либо побуждают к переменам.

---

[34] Березовский А. П., Борисов В. М. Негосударственная высшая школа России. С. 74.

В. Н. Вениаминов считает, что в федеральной системе образования негосударственные вузы «играют роль **экспериментальной лаборатории**... на этапе перехода к новым, непривычным условиям рыночных отношений»[35], являются «своеобразными **аналогами** предприятий среднего и малого бизнеса в экономике»[36].

Довольно странный взгляд на негосударственное образование был присущ некоторым представителям государства. Так, на заседании итоговой коллегии Министерства общего и профессионального образования РФ В. Г. Кинелев (бывший глава этого ведомства) изложил в 1996 г. свое представление о системе высшего образования, включающей негосударственные вузы. По его мнению, «модель российской системы высшего образования можно образно представить в виде **мощного ядра** государственных вузов, **окруженного тонкой, но динамичной оболочкой негосударственных высших учебных заведений**, которые в силу своей специфики будут **определять вектор** перспективных направлений для государственных вузов, а последние, в свою очередь, — инициировать повышение качества подготовки в негосударственных»[37].

Мне кажется, что названные авторы изначально исходят из некорректных представлений о смысле и назначении негосударственных вузов. Отсюда и весьма странные выводы. Между тем, как представляется, все довольно просто: в первом и главном своем назначении негосударственный вуз — это **всего лишь и только вуз**, высшее профессиональное учебное заведение. Вуз же создается для того, чтобы осуще-

---

[35] Вениаминов В. Н. Негосударственные вузы накануне демографического кризиса в России // Известия Международной академии наук высшей школы. 2001. № 2. С. 64.

[36] Вениаминов В. Н. Государственные и негосударственные вузы XXI века: дизъюнкция и конъюнкция // Вестник Международной академии высшей школы. 1997. № 2. С. 26.

[37] Региональная политика РФ в области образования. Вып. IX. Саранск, 1997. С. 286. Эту экзотическую «теорию» подхватил председатель АНВУЗ В. А. Зернов. Он также считает, что смысл и назначение негосударственного сектора в общей системе высшего образования страны — быть в «качестве более гибкой оболочки мощного государственного ядра» (см.: Гуманизация образования. 2003. № 2. С. 33). В журнале «Платное образование» он пишет: «Сегодня его (*высшего образования. — И. И.*) ядро — государственные вузы, а гибкая оболочка этого ядра — более быстро реагирующий на изменение социально-политических условий в стране негосударственный сектор» (Платное образование. 2003. № 11. С. 27).

«Оболочка — слой, который обтягивает, покрывает снаружи что-либо» (Комплексный словарь русского языка. С. 553). Надо обладать очень буйной фантазией, чтобы представить, каким это образом 570 существующих ныне негосударственных вузов и обучающихся в них миллион студентов «обтягивают» 625 государственных вузов с численностью почти в 4,5 млн студентов.

ствлять образовательную деятельность, смысл и содержание которой определены законом и уставом данного вуза. Брать на себя роль «поисковой» или «экспериментальной» лаборатории, как бывает в разного рода НИИ и на заводах, где только моделируют, но ничего не производят, начинают, но никогда не заканчивают, — такую роль ни отдельно взятый вуз, ни тем более группа или совокупность вузов взять на себя не имеют права, будь они государственными или негосударственными. За всеми этими излишне амбициозными заявлениями и словами («поисковый», «альтернативный», «новый», «экспериментальный» и т. п.) скрывается простой смысл, который выражается словами «совершенствование деятельности», «повышение качества обучения», «улучшение воспитания, научной работы» и т. п. И это обязан делать любой вуз — как государственный, так и негосударственный.

Однако одни это делают, другие — имитируют; одни делают хорошо, другие — хуже. Поэтому идти на широкие обобщения и присваивать всей совокупности негосударственных вузов определения «гибкая оболочка», «экспериментальная площадка», «неклассическое образование» абсолютно неправомерно. Равно как нельзя использовать этот подход и к государственным вузам. Речь может идти только об адресных определениях. О каком «поисковом» характере деятельности негосударственных вузов можно вести речь, если в подавляющем большинстве из них научно-исследовательская работа еле теплится, а то и не ведется вовсе?

Другое дело, что у негосударственных вузов в силу объективных причин гораздо большая степень свободы, они мобильней, маневренней, постоянно находятся в ситуации выживания (ибо это структуры самофинансируемые), и это вынуждает их руководство постоянно напрягать мысль, искать лучших, оптимальных решений возникающих проблем. Так должно быть по логике вещей. Так чаще всего и происходит. Но на что направлена «напряженная» мысль — вот главный вопрос.

В свое время некоторые «новаторы» выступали за свободное посещение лекций («как в США»), а на самом деле были не в состоянии наладить контроль. Говорили о борьбе с «гипертрофированной ролью преподавателей», а в действительности экономили на статье расходов «зарплата». Заявляли о необходимости «учить учиться», о возрастании роли самостоятельной работы, раз в неделю читали лекции в кинозалах с числом мест на 800-1000 человек. Делали это под лозунгом новаций, но на самом деле за этим стояло отсутствие у вуза необходимых аудиторных площадей, а во многих случаях — корысть, элементарная жадность.

А. П. Березовский, В. М. Борисов в их упоминавшейся уже работе описывают «новую» «неклассическую» модель образования, которую

внедрял в первые годы своего существования Московский экстерный университет (МЭГУ). Главная идея новой системы образования — создание условий, при которых студент **сам усваивает** не только информацию о предмете, но и учится **сам добывать** истину, развивать свои творческие способности, **формировать себя** как личность[38]. В первый год обучения на 2000 студентов приходилось 23 преподавателя. Такой подход, как отмечают А. П. Березовский и В. М. Борисов, «в наибольшей мере отвечает настроениям, которые были характерны многим инициаторам негосударственного образования»[39]. Что это за «новаторство»?

В 1997 г. ко мне обратились с просьбой о переводе в наш вуз четверо студентов-третьекурсников МЭГУ. Я ознакомился с их «зачетками»: сплошь зачеты и ни одного экзамена. «Нас не учат. Мы никому не нужны», — сказали студенты. Мне было их очень жаль, но они получили отказ.

На мой взгляд, разговор о смысле и назначении негосударственного, в том числе высшего, образования следует вести в двух плоскостях: с точки зрения настоящего, сущего, и с точки зрения будущего, должного.

О роли негосударственных вузов в нынешней России

Фундаментальной установкой, имеющей методологическое значение для понимания роли негосударственных вузов в нынешней России, является новый — рыночный тип хозяйствования. О том, что экономика в стране рыночная, не сомневается уже никто. О том, что экономика и образование взаимосвязаны и взаимозависимы, знают все. Никто не подвергает сомнению понятия «рынок товаров», «рынок услуг», «рынок труда».

Однако термин «рынок образовательных услуг», представление об образовательной деятельности как предпринимательской у многих вызывает яростное отторжение. Парадоксально, но факт: немало людей, в том числе весьма образованных, веруют в то, что законы рынка распространяются только на область экономики, а остальные сферы (например, социальная, а в ней — образование) могут и далее жить по каким-то иным установлениям. Иногда мне кажется, что даже некоторые ректоры госвузов все еще надеются на то, что вот-вот государство начнет финансировать образование с той же щедростью, которую проявляла советская власть в свои лучшие годы. «Шаг вперед, два

---

[38] См. также: Вузовские вести. 1996. № 6. С. 9.

[39] Березовский А. П., Борисов В. М. Негосударственная высшая школа России. С. 76.

шага назад» — и мы в светлом будущем, которое имеет в их воображении лик прошлого. Но этого уже не будет никогда.

Рыночная экономика — это реальность, игнорировать которую невозможно. Если принять во внимание, что система образования, и прежде всего высшего профессионального, теснейшим образом вплетена в сеть общественных, в частности экономических, отношений, то необходимо признать, что рынок образовательных услуг в России не может не существовать, что он уже объективно существует. Плохой, хороший — другой вопрос.

Есть немало обстоятельств, которые препятствуют более быстрому его становлению, но несомненно, что он будет развиваться: сегодня и далее вся система общественных отношений (а не только экономические) находится под воздействием объективного экономического закона стоимости, «регулирующего связи между товаропроизводителями, распределение и стимулирование общественного труда в условиях **товарно-денежных** отношений, согласно которому производство и обмен товарами осуществляются на основе их **стоимости**, величина которой измеряется общественно необходимыми затратами труда, уровнем **спроса и предложения**»[40].

Рыночная экономика — это глобальный потребитель и заказчик образовательных услуг. Рыночная экономика и рынок образовательных услуг — взаимосвязанные и **саморегулирующиеся** системы. При этом рынок образовательных услуг действует по законам **обратной связи**, чутко реагируя на запросы рыночной экономики.

Способность негосударственных вузов мгновенно откликаться на конъюнктуру рынка — это их первое и самое важное преимущество перед госвузами. Именно это качество позволило негосударственным вузам в первые годы реформ оперативно среагировать на огромный спрос на специалистов в области социально-гуманитарных знаний — экономистов, финансистов, юристов, управленцев, психологов и многих других, чего не смогли сделать государственные вузы. Именно это достоинство прежде всего позволило возникнуть и быстро сформироваться негосударственному сектору высшего образования, который начал оказывать **платные** услуги на **договорных** основах с их потребителями. С этого момента следует вести отсчет времени появления в России реального **рынка** образовательных услуг.

Понимание образования как рыночной услуги побуждает учредителей негосударственных вузов заботиться о приближении этих услуг к месту жительства обучающихся: создавать вузы и филиалы в наиболее густонаселенных пунктах, развивать дистанционные формы, ор-

---

[40] Большой экономический словарь. М., 1999. С. 257.

ганизовывать занятия в наиболее удобное время дня и недели для работающих студентов и т. п.

Не стоит забывать, что основная часть наиболее крепких ныне негосударственных вузов возникла в ту пору, когда резко сократилось финансирование государственных вузов и зарплата преподавателей. Появление негосударственных вузов означало создание десятков тысяч новых рабочих мест с заработной платой в несколько раз более высокой, чем в госвузах. Кроме того, значительная (и лучшая) часть преподавателей госвузов получила возможность подрабатывать, что во многом способствовало сохранению профессорско-преподавательского корпуса страны.

Возникнув изначально как **подлинно рыночные структуры**, негосударственные вузы оказались первопроходцами и **в этом смысле** (тут я согласен с В. Н. Вениаминовым) стали экспериментальной площадкой. Однако я не уверен, что их опыт был востребован госвузами: практически одновременно и им было разрешено оказывать платные услуги. Кроме того, многие госвузы выступили учредителями негосударственных вузов. Одним словом, у них есть собственный опыт присутствия на рынке.

Рынок буквально взвинтил **ценность образования** в глазах молодежи и трудоспособного населения. Если в 1992/1993 учебном году в госвузы было принято 520 тыс. человек, то в 2002/2003 учебном году — 1 млн 300 тыс. человек, т. е. в 2,3 раза больше. При этом количество госбюджетных (бесплатных) мест значительно сократилось, прием увеличивался за счет «платных» студентов. Если в 1992 г. в государственных вузах было 2638 тыс. студентов, то в 2002 г. — 5229 тыс., т. е. вдвое больше[41].

Государственные вузы, которые выживали в основном за счет внебюджетных средств, изо всех сил пытались перехватить абитуриентов у негосударственных вузов. Однако, несмотря на явные преимущества (аудиторный фонд, льготы на коммунальные платежи, налоги и т. п.) и даже на демпинговые цены за обучение[42] (речь в данном случае о провинциальных вузах), им это не удалось: с каждым годом росло количество негосударственных вузов и численность обучающихся в них студентов. Если в 1993 г. в стране было 78 негосударственных вузов, то в 2003 г. — 570. По официальным данным, в 1994/1995 учебном году в негосударственных вузах обучались 110 тыс. студентов, в 2002/2003 учебном году — 719 тыс.[43] На самом деле, я считаю, более 1 млн.

---

[41] Образование в Российской Федерации : стат. сб. М., 2003. С. 168, 170.

[42] Плата за семестр в госвузе в 1998 г. составляла 4748 руб., в 2000 г. — 7033 руб., в 2001 г. — 8535 руб. (Там же С. 56.)

[43] Там же. С. 161.

Как объяснить этот феномен? Ведь рост количества негосударственных вузов и численности обучающихся в них студентов происходил на фоне беспрестанных попыток со всех сторон дискредитировать этот вид образования.

Соблазнительно сказать: негосударственные вузы работали хорошо и все лучше, а государственные — все хуже. В некоторых случаях это будет справедливо, но и здесь широкие обобщения будут совершенно неоправданными. Основная часть объяснений, на мой взгляд, связана с тем, что небывалый взлет интереса к высшему образованию произошел за счет той части выпускников школ, которые в прежние времена и не собирались получать высшее образование. Эту часть молодых людей, которые еле-еле закончили школу, вовсе не обуяла любознательность и страсть к знаниям. К поступлению в вузы их подтолкнула жестокая необходимость. Часто говорят, что прежде всего — это возможность избежать призыва в армию. Не стану спорить: этот мотив присутствует.

Однако есть еще один момент, для нашего разговора — главный: рынок труда требовал (и с каждым годом все больше) прежде всего квалифицированных работников с высшим специальным образованием. Именно они быстро находили работу, получали более высокую зарплату, быстрее продвигались по службе. Стало ясно и другое: частный предприниматель не возьмет плохого работника по телефонному звонку «сверху» или по дружбе, а если и пойдет на это, то постарается от него избавиться при первом случае. Плохой работник — это потеря прибыли.

В условиях, когда каждый молодой человек понимает, что он неизбежно окажется на рынке труда, ему в голову приходит мысль о том, как повысить свою «товарную стоимость», чтобы продать себя подороже. И оказывается, что единственный способ для этого — получить высшее образование. Шансов поступить на бесплатное отделение в государственный вуз (тем более престижный) на конкурсной основе у этой категории выпускников школ не было и нет. Остается одно: заплатить за образование.

Решение, в какой вуз пойти учиться — в государственный или негосударственный, во многих случаях принимается в пользу госвузов: срабатывают сложившиеся стереотипы. И тем не менее каждый шестой выпускник школ предпочитает негосударственный вуз. В 2002/2003 учебном году в госвузы было принято 1 млн 300 тыс. человек, в негосударственные — 204 тыс. человек. Причем количество предпочитающих негосударственные вузы год от года увеличивается[44].

---

[44] Образование в Российской Федерации. С. 176–177.

Данную тенденцию пытаются объяснить тем, что в негосударственных вузах якобы занижены цены. Это правда, если говорить о московских вузах, где обучение в МГУ им. М. В. Ломоносова на платном отделении составляет 180 тыс. руб. в год, в МГИМО — 190 тыс. руб., в Финансовой академии при Правительстве РФ — 160 тыс. руб. и т. п. Таких цен ни в одном негосударственном вузе Москвы нет: они ниже как минимум вдвое, втрое, а то и вчетверо. Скажем, самая низкая цена обучения в нашем университете (осуществляющем ценовую политику, нацеленную на максимальную доступность обучения при максимально достижимом качестве образования) на факультете социальной работы — 35 тыс. руб., на факультете культурологии — 43 тыс. руб., а самая высокая — на факультете рекламы — 77 тыс. руб. и факультете международных отношений — 89 тыс. руб. в год.

Однако такое положение дел, вероятно, только в Москве. В других регионах страны ситуация обратная: некоторые государственные вузы устанавливают неоправданно заниженные цены на обучение, дабы пополнить свой бюджет. Во всяком случае, официальные данные говорят именно об этом. Стоимость услуг высших учебных заведений за семестр в среднем по стране на конец года составляла: в 1998 г. — 4748 руб. в государственных вузах и 5948 руб. — в негосударственных; в 1999 г. — 6172 и 7673 руб.; в 2000 г. — 7334 и 8311 руб.; в 2001 г. — 8535 и 9530 руб. соответственно[45].

Почему же все-таки многие молодые люди (в большинстве случаев по совету родителей) отдают предпочтение негосударственным вузам? На мой взгляд, существуют два обстоятельства.

Первое обстоятельство. В негосударственном вузе в силу того, что это структура по своей сути исходно рыночная, студент становится не только объектом образования, но и его деятельным **субъектом** как заказчик, **потребитель** образовательной услуги, за которую он платит вузу деньги. Он хочет получить образование ради **личной выгоды**: ради карьеры, хорошей зарплаты, достойного социального статуса в будущем. Плата за обучение — это инвестиция в будущее. Как потребитель и инвестор, студент имеет **право** влиять на образовательный процесс. В сути своей пятилетнее образование — это производственно-технологический процесс, который завершается выпуском «продукции» определенного качества, которая на рынке труда выступает уже в качестве «**товара**»[46]. Интересы потребителя не могут быть проигнориро-

[45] Образование в Российской Федерации. С. 56.

[46] Издревле и поныне широко распространено понимание образования как общественного блага, его полезности для общества, государства, всех и каждого, ибо растет их интеллектуальный, творческий потенциал, возможности для прогресса. В этом смысле образование должно быть всем доступным и бесплатным. Однако сегодня образование рассматривается и как личное

ваны вузом. Понимание этого и своих прав привлекательно для каждого, кто действительно пришел учиться, знает, что он хочет получить в вузе.

Как производитель образовательных услуг, негосударственный вуз в свою очередь крайне заинтересован в том, чтобы студент получил то образование, ради которого он пришел именно в это учебное заведение. Поэтому-то студент ставится в центр образовательного процесса. Вуз стремится всемерно учитывать интересы и запросы мотивированных на образование студентов. В таком подходе меньше всего альтруизма, романтизма, идеализма. На первом месте стоит корысть: студент — это реальные деньги. Нет студента — нет денег, а значит, нет вуза. Вуз вынужден исповедовать стратегию образовательного процесса, в центре которого находится студент, ибо любая иная ведет к банкротству.

Материальный, экономический момент нельзя абсолютизировать, принося в жертву ему педагогический процесс. Но нельзя не понимать, что финансовый императив присутствует при принятии любых решений, касающихся развития вуза в целом или судьбы отдельного студента.

В негосударственном вузе со студентом «возятся». В этом заключается одно из коренных отличий негосударственного (самофинансируемого) образования от государственного, существующего (даже если наполовину) за счет финансирования из госбюджета. И даже ныне, когда госвузы недофинансируются на 20–30% от объявленных затрат, пополняя свои расходы за счет платных услуг, их ситуация все равно радикально отличается от положения негосударственных вузов.

Ректор и педколлектив госвуза уверены, что в любом случае государство не даст им погибнуть. Руководители и работники негосударственных учебных заведений, напротив, знают, что, кроме как на себя, им надеяться не на кого, что им не поможет никто. Их «спасательный круг» — студент. И это понимание накладывает отпечаток на всю образовательную политику негосударственных вузов, всю систему педагогических и внутривузовских отношений, которую поддерживают как студенты, так и их родители. Ибо часто случается так, что дети, на которых поставили крест даже родители, благодаря заботе вуза обретают смысл жизни, начинают нормально учиться. Философию любви к студенту, уважения к личности исповедует немало негосударственных вузов, и это является весьма привлекательным моментом в современном атомизированном и эгоистичном обществе. Реализация этих

благо, как товар. Многие совершенно не склонны рассматривать свое образование как вклад в «человеческий капитал» общества, игнорируют формулы типа «много знаний не бывает» и т. п. Они рассуждают сугубо индивидуалистически: «Я получаю образование для себя, в своих личных, если хотите, корыстных интересах». И такую позицию нельзя игнорировать.

подходов на практике возможна и потому, что большинство негосударственных вузов немногочисленны по своему составу, при желании они способны дойти до каждого студента[47].

Однако хорошо известно: то, что мы называем спросом на высшее образование, на самом деле во многом представляет **спрос на дипломы** о высшем образовании. Само образование таких людей не интересует, более того, они не способны к учебе. И тем не менее это спрос, который вызывает к жизни соответствующее ему предложение.

Известно, что в России большинство населения не в состоянии платить высокую цену за образование. В результате возник спрос на **дешевое образование**, которое именно из-за дешевизны по определению не может быть высоким, тем более — высшим в полном смысле этого слова. Это правда. Но спрос есть спрос. И находятся люди, которые берутся его удовлетворить. Они создают учебные заведения, которые вовсе не претендуют на элитное, т. е. высококачественное образование, а работают в нише дешевого, массового, узкоспециализированного образования. Можно даже сказать — высшего ремесленного обучения. Никакой речи о воспитании, развитии личности, приобщении к научному познанию здесь всерьез не идет. Этого не просят обучающиеся, к этому не стремятся и обучающие. Все по самому минимуму государственного образовательного стандарта.

Таких вузов в негосударственном секторе, думаю, большинство. При этом величина вуза (численность обучающихся в нем студентов) не имеет значения.

К этому новому для нашего общества явлению можно отнестись с презрением. В подавляющем большинстве случаев мы это и наблюдаем. Под подозрением находятся и те, кто учит, и те, кто учится в таких вузах, которые справедливо назвать псевдовузами.

Но давайте попробуем понять ситуацию, а для этого взглянем на нее со стороны тех, **кто имеет право и хочет** получить **такое** высшее образование и кто берет на себя задачу дать его.

Если человек заведомо и сознательно (отвлечемся сейчас от причин и мотивов) выбирает именно псевдовуз, не рассчитывая особо на получение в нем «высшего» знания, мечтая лишь о дипломе, в котором будет написано, что он получил высшее образование по такой-то

---

[47] Анализ данных Министерства образования РФ по аккредитованным 337 из лицензированных 571 негосударственных вузов показывает, что лишь в 11 вузах учится более 5 тыс. студентов, в 13 вузах — от 3 до 5 тыс. студентов. Далее: в 93 вузах обучается от 1 до 3 тыс. студентов, 71 вуз имеет от 500 до 1 тыс. студентов, 102 — от 200 до 500 студентов, а в 64 вузах учится менее 200 студентов. Данные представлены замминистра образования РФ А. В. Пыжиковым (письмо № 17-58-309/11 от 4.11.2003) на запрос Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области.

специальности, то что мы можем сделать? Как можем этому помешать? Это выбор того человека, который делает его в данный момент. Что будет с этим человеком завтра, наверняка не может сказать никто. Может, завтра в нем проснутся невиданные амбиции, он засядет за книги и, если бог не обидел его умом, быстро догонит и перегонит своих бывших сокурсников. Таких случаев — миллионы. Распоряжаться чужой судьбой не дано никому. Госвузы, тем более элитные, игнорируют слабых абитуриентов. Это их право и обязанность. Но люди — это граждане России. Посмотрим на эту проблему с точки зрения **прав человека** в свободном обществе, и она предстанет перед нами в новом, непривычном виде.

Конечно, когда таких вузов набирается две-три сотни, а студентов — сто-двести тысяч, то это, конечно, общественная и государственная проблема.

Итак, с точки зрения **нынешнего** положения дел я не решаюсь придать существованию негосударственных вузов какой-то особый и **высокий** смысл. На мой взгляд, меньшая часть таких вузов работает на уровне хороших и даже лучших госвузов; бóльшая часть занята массовым образованием, в том числе значительная доля этой части на самом деле составляет окраину российского образования вместе с частью столь же слабых госвузов.

Но это сегодня, в тот момент, когда негосударственному образованию России всего 12 лет, когда оно (с исторической точки зрения) находится еще в эмбриональном состоянии.

О смысле и роли негосударственных вузов в будущей России

Теперь попробуем представить, во что с годами (десятилетиями? столетиями?) может превратиться в России негосударственное высшее образование при условии, если Россия останется единой, если она будет и далее двигаться дорогой свободы и демократии, становиться все более процветающей страной.

Отвлечемся, помечтаем...

Изначально образование возникло как средство развития «человека разумного» и достижения лучших условий бытия. На пути к этим целям благодаря образованию человечество добилось огромных успехов, о которых известно.

Но известно и другое: движение человечества в течение всей его истории было весьма противоречивым. Вызвав к жизни величайшие созидательные силы, добившись удивительных результатов в сфере естественных и технических наук и в освоении природы, человечество же создало и гигантские средства разрушения. Сегодня оно находится на грани физического самоуничтожения.

Возникает глобальный вопрос: если существовавшее и существующее образование, **продуктом** которого является каждый индивид цивилизованного мира и состоящее из их множества человеческое общество, привело нас к такому результату, перед которым **теряют смысл** все названные позитивные достижения; если образование во все времена и всюду учило всех уничтожать, чтобы не быть уничтоженными, то не говорит ли это о том, что **в основах этого образования таится какая-то фундаментальная ошибка**, что такое образование уже полностью изжило себя и должно быть радикально преобразовано?

Как утверждают выдающиеся ученые, «генетическая программа человека обеспечивает рождение индивидов с **универсальным неспециализированным** мозгом, функциональная система которого формируется **условиями** социального бытия»[48]. Все человеческое в человеке не присуще ему от рождения, а **приобретается** в результате общественно-практической деятельности, воздействия окружающей среды, но главным образом — в процессе воспитания и обучения, т. е. образования.

Кризис образования во всем мире, в том числе в России, произошел не только потому, что падает его финансирование. Это причина из разряда вторичных. Главная причина состоит в **ошибочном понимании самого смысла образования**.

Нынешнее образование, а вслед за ним и общество в целом потерпели фиаско потому, что, решив когда-то, что лучшим является то знание, которое приносит быструю и наиболее ощутимую практическую пользу, что лучшим продуктом образования является человеческое существо, имеющее некоторый объем знаний, навыков и умений, необходимый и достаточный для сферы производства и услуг («специалист»), пошло по пути все большей по масштабам и глубине, но все более узкой специализации. Круг замкнулся и стал неразрывным, когда и сам индивид свято уверовал в то, что главное в жизни — стать специалистом. Материальная обеспеченность, карьера, комфорт, удовольствия — вот предел мечтаний, представление о счастье и смысле жизни для специалиста. Все больше математиков, инженеров, мостостроителей, программистов, космических исследователей, ученых... Все больше городов, красивых и высоких зданий, роскошных автомобилей, яхт и кораблей, телевизоров, компьютеров, порошков для стирки и сортов пива... И все очевидней и ближе момент, когда все это может исчезнуть с лица земли вместе со своим создателем — человеком.

Одновременно развившиеся и соединившиеся в единое целое процессы **специализации и массовизации** образования привели к его **при-**

[48] Дубинин Н. П. Что такое человек. М. : Мысль, 1983. С. 3.

митивизации, т. е. к примитивизации человека и общества, едва ли не сплошь состоящего ныне из «специалистов» — продукта массового образования.

В свое время А. Ришелье заметил, что «**всеобщее** образование привело бы к тому, что число сеющих сомнения намного превысило бы число способных их развеять». Он не мог и подумать, что речь когда-то пойдет о всеобщем **высшем** образовании. И вот этот момент практически уже наступил: стремящееся к высшему образованию человечество находится в низшей критической точке на пути в никуда. Горе от ума?.. Нет же, нет.

Давайте задумаемся, о каком высшем образовании мы говорим? О специально-профессиональном. Узком. Специалист — это человеческое существо, полное амбиций от того, что имеет «высшее» образование, но в действительности знающее лишь ничтожно малую часть из общих знаний о жизни. Знание части не дает знаний о целом.

Так, человек, знающий, что такое атомная бомба, но не имеющий прочных духовных и нравственных оснований и не любящий других, — это монстр. Резерфорд, Бор, Эйнштейн и другие, осознав, какую разрушительную силу и опасность человечеству принесли их открытия, обратились к миру с предложением о запрете использовать атом в качестве оружия. Они были высокообразованными людьми. Но были же и другие — «образованцы», которые и не подумали соглашаться с ними.

Человек, став инженером, врачом, бухгалтером, агрономом, занят исполнением своих профессиональных обязанностей восемь часов в день. Остальные шестнадцать часов в сутки он проживает как просто человек. Если цель образования — стать специалистом, а затем треть жизни — быть специалистом, то каким смыслом наполнены остальные две трети жизни?

Образование — это не просто стяжание разного рода знаний, научных званий и степеней. Образование — это познание жизни как целостного процесса, познание самого себя, это воспитание гармоничной личности, способной понимать жизнь как единое целое. Да, конечно, надо знать технику, технологии, химию, физику, математику. Но при этом образование должно дать нечто более значительное — помочь человеку осознать целостность и полноту жизненного процесса, понять **высший** смысл жизни. И только тогда оно — **высшее**.

Тут мы находим противоречие: с одной стороны, «много образования не бывает», поэтому переход к массовому и даже всеобщему высшему образованию в ходе демократизации общества представляется совершенно нормальным и неизбежным. С другой стороны, массовизация и специализация не могут не размывать понятие «высшее образование», если не сказать больше: высшего образования в этом случае и быть не может. Можно даже сказать, что его уже нет.

Задумаемся: если бы все люди вдруг стали миллиметр в миллиметр одного роста, то оценки и сравнения «маленького роста», «среднего роста», «высокий», «выше — ниже» стали бы невозможными. Поскольку есть физическая мера длины. А как различить людей, если они все до одного проучились по пять-шесть лет в университете? Если в дипломе каждого из них написано «получил высшее образование»?

Можно, конечно, ввести дополнительную градацию: между «средним» и «высшим» ввести новый уровень образования — «высокое» («специалист»). Или — «послевысшее», «наивысшее». Напридумывать можно многое. Есть же на Западе (да уже и в России) степени «бакалавр», «магистр», «доктор» (по-нашему — «кандидат», хотя пониже и послабее). Но дело все же не в формальных уровнях и названиях, а в качестве «исходного материала» (обучаемых), содержании образования и организации образовательного процесса (чему и как учить?), качестве (интеллектуальном и духовном потенциале, педагогическом мастерстве) учителей (профессоров и преподавателей).

«Многое о немногом» или «понемногу о многом»? — эта дилемма стояла перед человечеством всегда, но разрешалась в разное время по-разному. Была эпоха анализа и углубления в познании — эпоха «специалистов», «профессионалов», «технократов». Не говорю о том, что она завершилась, нет. Этот процесс продолжается, он не должен и не может быть приостановлен, а тем более прерван.

Но нельзя и далее не сознавать, что человечество утратило чувство целостности и всеединства жизни и своей судьбы. **Кризис понимания** ведет его к гибели[49]. Наступает эпоха синтеза и энциклопедизма. Во

[49] Сегодня в повседневном русском словаре оказалось множество новых слов, терминов и выражений, которые еще совсем недавно в нем отсутствовали. «Либерализация», «рыночная экономика», «частная собственность», «глобализация», «новый мировой порядок», «международный терроризм», «наступление НАТО на Восток» и т. д. и т. п. Их сотни — новых слов и терминов. Все они определяют содержание нашей реальной жизни и нашего мышления. Мы полагаем, что знаем, что они означают. Но так ли это? Сплошь и рядом мы знаем **слова и названия** явлений, событий, процессов, но не их **содержание, не глубинный смысл, т. е. сущность**. Сплошь и рядом мы **подменяем знание сущности** предмета знанием его названия, которое принимается за понятие. Хотя на самом деле это **иллюзия знания, иллюзия понятия, иллюзия понимания**. Мыслим мы не словами и терминами, а понятиями, т. е. осмысленными словами и терминами. Иначе говоря, словами и терминами, которые мы насытили смыслом в процессе научного осмысления. Без понятий нет понимания.

XX в. оставил нам в наследство глобальную проблему, которую члены Римского клуба еще тридцать лет назад назвали **«проблемой номер один»** среди всех глобальных проблем, — **неосознанность происходящего**. Человечество поразил **кризис понимания**.

всех сферах жизни, и особенно во властных эшелонах, должно как можно быстрее появиться как можно больше людей, способных мыслить всеохватно, широко, видеть далеко. Кусочное деление знания на специальности имеет предел.

Противоречие это разрешается, в принципе, просто: в обществе должно существовать высшее узкое профессионально-специальное образование и **высшее широкое высшее**, т. е. элитное. Такой подход к образованию, как уже упоминалось, существовал еще в Древней Греции. И как бы ни выступало против элитного образования нынешнее демократическое сообщество, его возрождение в России неизбежно. Оно существует на Западе — в США, Японии, Франции, Германии. Это факт. Разница между высшим ремесленным (профессиональным) и высшим элитным образованием, из числа выпускников которого в основном формируется цвет нации — духовная, научная, образовательная, культурная и управленческая элита, как и в древней истории, будет состоять в большем объеме знаний и особом перечне дисциплин, особых методах обучения и воспитания, дающих широкое, глубокое и целостное понимание происходящего, формирующих гармонично развитую, целостную личность.

Если во времена Платона, кроме гимнастики и военного искусства, которые были необходимы всем и которым всех обучали, ибо все должны были быть готовы и способны воевать, отборную часть детей и молодежи, как уже говорилось, обучали геометрии, арифметике, музыке и диалектике, то ныне просто меняются наборы дисциплин. Духовная, культурная, государственная, политическая и деловая элиты должны знать и уметь то, что могут и не знать и не уметь специалисты (ремесленники). Желательно, чтобы знали, но если не хотят знать, то могут и не знать. Это их право. Элита должна обладать таки-

---

Этот вывод может показаться парадоксальным. Ведь XX в. — век научно-технической и информационной революции, век компьютера и Интернета, невероятно увеличивших возможности человека знать и понимать. Мы уже давно говорим не о нехватке, а об избыточности информации. Но факт остается фактом: чем больше мы знаем, тем меньше понимаем. Мы все глубже проникаем в суть частного и особенного, однако при этом нам все больше не хватает понимания общего и целого. Именно отсюда и берет свое начало кризис понимания, **сущность** которого (речь о социальных процессах, о гуманитарной сфере), на мой взгляд, определяется в нескольких измерениях: мы все **хуже понимаем** происходящее в новейшей истории; мы не понимаем, что мы не понимаем, — и прежде всего потому, что не хотим признать этот факт, не хотим понимать; мы не понимаем, *что* мы не понимаем. В обществе происходит много такого, что пока находится за пределами понимания; мы не понимаем, что мы **должны** понять. Нам известны многие вызовы и угрозы будущего. Но нет полного понимания их смертельной опасности, а потому нет предотвращающих ее адекватных действий. (Подробнее см.: Ильинский И. XX век: кризис понимания. М., 2002. 32 с.)

ми личностными чертами и свойствами, которые позволяли бы ей доминировать как в отдельных сферах жизни, так и в обществе в целом.

Постановка вопроса об элитном образовании в нынешнем российском обществе, заявляющем о своей приверженности идеям демократии, наверняка вызовет протест у многих. Однако давайте подойдем к проблеме трезво и реалистично, исторически и философски.

Образование как доступ к знанию изначально было **элитарным**, т. е. закрытым, доступным узкому кругу богатых и знатных людей. Это определялось тем, что возможность заниматься наукой и свободными искусствами требовала оплаты и потому была привилегией для детей из имущих классов. Более того, на ранних стадиях развития человечества знание вырабатывалось внутри жреческого сословия и различных каст и было предназначено исключительно для внутреннего использования, окутано тайной и доступно только для посвященных. Массовый характер и утилитарный смысл образование приобрело в позднюю эпоху, собственно говоря, с началом НТР. Массовизация и специализация обострили проблему элитного образования.

В годы советской власти это понятие было фактически под запретом, хотя существовали не только спецшколы, но и вузы, в которые «в принципе» мог поступить любой, но чаще все-таки попадали избранные.

В каком смысле — избранные? Да, существовали взятки и «позвоночное право» (звонок «сверху»). Но это все-таки касалось немногих, совсем немногих. Ибо у абсолютного большинства не было больших денег и связей. Главным и решающим условием были способности[50].

---

[50] Зачем ходить далеко? Я рос без отца, который погиб на фронте. Моя мать работала истопницей, уборщицей. Семья влачила нищенское существование. Тем не менее я окончил строительный техникум, два курса танкового училища, Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта, защитил кандидатскую диссертацию по истории, докторскую по философии. Никто и никогда за меня не ходатайствовал, никому и никогда я не заплатил ни рубля.

В 1977 г. я с отличием окончил закрытый элитарный вуз — Дипломатическую академию Министерства иностранных дел СССР. Прежде чем был допущен к вступительным конкурсным экзаменам в академию, я выдержал закрытый конкурс собеседований в Международном отделе ЦК КПСС, «победив» 16 претендентов.

В 1968–1971 гг., работая заместителем заведующего орготделом ЦК ВЛКСМ, по служебным обязанностям я отвечал за подготовку и переподготовку кадров в комсомоле, в том числе курировал Высшую комсомольскую школу (закрытый элитарный вуз). Слушатели в ВКШ (300 человек) проходили тщательный отбор в обкомах комсомола, сдавали жесткие вступительные экзамены. Примерно по той же схеме отбирались абитуриенты в МГИМО, на юридические факультеты МГУ им. М. В. Ломоносова, в учебные заведения Министерства внутренних дел и т. п. В абсолютном большинстве отбор,

Конечно, правящая элита советского времени обладала определенными привилегиями. Но на фоне нынешнего разгула российской власти привилегии вчерашней правящей элиты выглядят детски невинно. Однако речь сейчас не об этом. Во все времена существовала и существует проблема воспроизводства элиты, которая определяет лицо нации, составляет высший духовный, политический, деловой, культурный слой общества[51].

Элитное образование необходимо обществу, так как посредством его осуществляется передача генетического кода нации — ее культуры, интеллекта, высших духовных и нравственных ценностей. К получению элитного образования готова не значительная, а только наиболее одаренная часть молодого поколения. Но именно эта часть сохраняет достижения и развивает науку, культуру, технологии. Отсюда черпаются кадры высших эшелонов власти, деловой элиты, высшего духовного слоя общества.

Что же такое «элитное высшее образование»?

На Западе, где элитное образование — это часть социальной действительности, существует, по крайней мере, две стороны этого понятия.

Под элитным образованием подразумевается, во-первых, **широкая культурная ориентация**. Речь идет о традиционном гуманистическом образовании, сконцентрированном на изучении классического наследия, современных языков и литературы, естественных и социальных наук. Во-вторых, акцент делается на **способ** образования, его **интенсивность** и **комплексность**. Элитное образование противопоставля-

---

повторяюсь, происходил по способностям. Поэтому когда сегодня бывших комсомольских работников «упрекают» в успехах на политическом или деловом поприще, то тем самым делают комплимент их таланту, а также системе подготовки управленческих кадров, которой, увы, пока не существует в России.

[51] В главе «Сон о золотом веке» романа «Подросток» Ф. М. Достоевский записал когда-то удивившую меня мысль: «У нас создался веками какой-то еще нигде не виданный высший культурный тип (здесь и далее выделено мной. — *И. И.*), которого нет в целом мире — тип всемирного боления за всех. Это — тип русский, но так как он взят в высшем культурном слое народа русского, то, стало быть, я имею честь принадлежать к нему. Он хранит в себе будущее России. Нас, может быть, всего только тысяча человек — может, более, может, менее — но вся Россия жила лишь пока для того, чтобы произвести эту тысячу. Скажут — мало, вознегодуют, что на тысячу человек истрачено столько веков и столько миллионов народу. По-моему, немало...». В те юношеские годы, когда я читал роман, мне эта мысль показалась жестокой («вся Россия жила веками ради тысячи интеллектуалов?»), высокомерной, нескромной и непонятной. Теперь я знаю, о чем идет речь.

Когда-то я ужаснулся словам А. И. Герцена: «Я не жалею о двадцати поколениях немцев, потраченных на то, чтобы сделать возможным Гете, и радуюсь, что псковский оброк дал возможность воспитать Пушкина». Теперь не ужасаюсь.

ется массовому и узкоспециализированному образованию в том смысле, что предполагает первостепенную ценность такого содержания и организации учебного процесса, которые ориентированы на поиск истины и достижение понимания изучаемых предметов. Это, в свою очередь, требует соединения обучения и исследовательской работы, заинтересованного творческого отношения, высокого уровня мотивации студента к учебе.

Таким образом, элитность можно определить двумя словами — академизм и фундаментальность, что подразумевает: а) высокий уровень преподавания, б) наличие творческой интеллектуальной образовательной среды, в) существование научных школ, г) высокий авторитет ученых, возглавляющих эти школы, д) длительные и устойчивые отношения между учителями и учениками, е) повышение требований к обучаемому, жесткую дисциплину и ответственность как студента, так и преподавателя за результаты обучения.

Очевидно, что выполнение этих требований в массовых учебных заведениях невозможно именно в силу их массовости, которая неизбежно ведет к понижению качества «исходного материала», формализации отношений между преподавателем и студентом, их дистанцированию друг от друга. Элитные вузы в этом смысле по определению не могут иметь слишком большое количество студентов, они вынуждены быть относительно малочисленными. В элитных вузах поощряется амбициозность, стремление к высоким целям, что создает атмосферу большого эмоционального и творческого напряжния в преподавательской и студенческой среде, формирует повышенные претензии друг к другу.

Что бы ни говорили противники элитного образования, при трезвом подходе к делу и они не могут отрицать, что оно существует уже многие столетия и не утрачивает своей значимости. Напротив, в условиях массовизации и специализации его необходимость все очевидней. Сегодня спрос на работников-интеллектуалов растет. И даже если бы этого спроса не было, властвующая элита должна понимать, что без людей такого рода элита обречена на деградацию, а общество — на упадок.

Надо сказать, что определенное понимание этого обстоятельства существует. В процессе проведения реформы российского образования родилась идея выделения из 624 госвузов 50–60 ведущих, которые, по мысли авторов этой идеи, и должны давать высококачественное (оно же элитное) образование. Вскоре цифра с 50–60 сократилась до 20. У меня есть проект постановления Правительства РФ о ведущих вузах от 2002 г. Но пока он так и остался проектом.

Вопрос, конечно, очень непростой, даже опасный для целостности российской системы **государственного** образования. В определенном

смысле выделение двадцатки или полусотни ведущих вузов попирает основы социальной справедливости. С какой стати **нищее население** на свои налоги должно оплачивать воспроизводство правящей элиты в элитных вузах, которые будут финансироваться по высшему разряду за счет оставшихся 600 вузов, которые готовят специалистов массовых профессий и которым неизбежно урежут и без того скудное финансирование из госбюджета?

Решение этого вопроса в административном порядке весьма затруднено. Видимо, поэтому фракция «Яблоко» в октябре 2003 г. внесла в Госдуму законопроект «Об университетах», в котором вводится новый и особый **вид** обучения — «университетское», которое, на мой взгляд, также надо понимать как элитное. Однако, по мысли авторов законопроекта, вопрос о том, кому быть университетом, а кому нет, должно решать опять-таки Правительство РФ, т. е. государство. Из 279 существующих государственных **университетов** назначат те, которые захотят в этом качестве видеть государственные чиновники.

Между тем ясно, что делать что-то надо. Эта сложная задача не имеет простого решения и осуществима только с течением времени, а не немедленно — принятием закона или волей верховного правителя. Элитные вузы создаются постепенно, они сознательно выращиваются государством вместе с обществом в течение многих-многих лет. Вместе, но не вопреки ему.

Такие ныне престижные университеты США, как Чикагский, Гарвардский, Стэнфордский, Принстонский, Йельский, такие всемирно известные высшие учебные заведения Великобритании, как Кембридж, Оксфорд и другие, являются частными (по нашей терминологии — «негосударственными»). Мы знаем их в нынешнем состоянии всемирной известности, в пору их расцвета. Но когда-то, **сотни лет назад**, у каждого из этих вузов была своя непростая и нелегкая стадия становления.

Задумаемся: почему в развитых странах (особенно в Великобритании, США, Японии) с открытым, демократическим, развитым гражданским обществом, не государственные, а именно частные («негосударственные») университеты (кстати, как и большинство ведущих научно-исследовательских) являются элитными, наиболее авторитетными, престижными, знаменитыми?

Конечно, и на этот вопрос нет простого ответа. Но если все-таки попытаться ответить одним словом, то это будет слово «свобода». Частные университеты в том виде, в котором мы их сегодня знаем, — это **свободные** высшие учебные заведения. Они свободны от диктата со стороны как государства, так и бизнеса. Конечно, свободны не абсолютно, а относительно. В каждом отдельном случае эта мера относительности различна в силу разных причин. Но они независимы от

государства как экономически, так и политически в том смысле, что являются структурами самофинансируемыми и самоуправляемыми. В их собственности огромная недвижимость, на счетах большинства из них миллиардные (иногда — многомиллиардные) суммы. В этих университетах никому из поступающих и в голову не придет спросить: «А у вашего университета есть государственная аккредитация? А вы имеете право выдавать государственный диплом? А вы даете отсрочку от армии?» Ибо государство тут просто ни при чем. **Гарантия качества** — не государственный образовательный стандарт и контроль за деятельностью вуза со стороны государства, а **сам университет** с его собственным представлением о том, каким должно быть современное образование, чему и как учить. Каков стандарт и как он выполняется, таков и университет. (Проблему стандартизации образования подробнее рассмотрим чуть ниже.)

Кому-то может показаться странным, что в некоторых странах государство поддерживает эти и без того богатые и известные университеты, выделяя им немалые суммы из бюджета. Почему? Потому, что это выгодно самому государству, выгодно обществу, которому оно служит.

Во-первых, экономически: государственные средства лишь дополняют частные вложения, а выигрывают от элитного образования прежде всего государство и национальная элита.

Во-вторых, в названных странах существует зрелое гражданское общество, важнейшим звеном которого являются университеты как центры культуры, гуманистических ориентаций, демократических традиций, институты устойчивого развития и поиска новых духовных ценностей.

В-третьих, потому что государство знает «свое место», находится с гражданским обществом и университетами как его «мозговыми центрами» в ситуации постоянного диалога, понимая, что иной тип отношений (политическое давление, диктат и т. п.) уже невозможен. Это и называется «паритетные отношения», предполагающие взаимозаинтересованность и взаимовыгоду. Государство предоставляет университетам заказы на крупные научные исследования, подготовку определенного профиля и качества специалистов. Выполняя их, университеты, в свою очередь, понимают, что работают не только ради денег, не на замкнутую касту чиновников, именующих себя государством, а на общество, т. е. и на самих себя.

Я не идеализирую западное образование, особенно американское. В моей книге «Образовательная революция» есть целая глава, в которой говорится о том, почему российское образование не надо переделывать в американское. Но в ней же я говорю, а сейчас хочу повторить, что в западном опыте есть много такого, чему нам необходимо

поскорее начать учиться и что стоило бы с умом, применительно к нашим условиям, перенять.

«Свое» не значит «особое», «ни на кого и ни на что не похожее». Если мы стремимся вперед и ввысь, то следует наблюдать **развитые формы жизни**, но не стремиться напрямую и тотчас скопировать их. В социальной жизни это невозможно. Ни Америку, ни Францию, ни Великобританию, ни Германию мы за несколько лет в России не построим. Из России бедной и неблагоустроенной должна вырасти Россия богатая, сильная, добрая. Мы можем сделать это всего за несколько десятков лет именно благодаря тому, что имеем возможность наблюдать капиталистическое общество, в том числе либеральное образование, в их развитом виде. Однажды Россия, и особенно советская власть (я говорю об отечественном образовании), уже доказали это, преодолев отставание в шестьсот лет практически за одно столетие. Теперь, с учетом западных и собственных ошибок, надо идти дальше, думая и двигаясь несколько иначе, чем привыкли, а часто и совсем по-новому.

Еще недавно негосударственное (тем более частное как одна из его форм) образование напрочь отсутствовало в нашем сознании. Абсолютно неприемлемым представлялось нам образование платное, образование как вид предпринимательства, тем более как вид бизнеса. В нашем социалистическом обществе ничего подобного не было. «Значит, и сегодня быть не должно», — доносится из какого-то уголка нашей памяти. Было — всюду и во всем — непомерно много государства. Только государства. «Значит, так и ныне быть должно», — раздается из другого уголка сознания.

Да, многие из нас по сути своего мышления — государственники. В принципе, в этом нет ничего плохого. Не надо доказывать, что без умного и заботливого государства жизнь мучительна, а без сильного — находится в опасности. Беда в том, что мы слишком государственники. Слишком. А еще древние философы учили: «Ничего слишком».

Если мы строим демократическое общество, то государство должно основательно потесниться как в социуме, так и в нашем сознании, освободив пространство для нас с вами, уважаемые «господа-товарищи-граждане» новой, свободной России. Гражданское общество состоит из свободных и деятельных граждан, которые понимают, что государство должно занимать в обществе столько места, сколько ему позволит общество, состоящее из граждан. Так быть должно: созданное обществом в своих интересах государство должно служить своим создателям, делать то и так, как они скажут и повелят, а не наоборот, как происходило всегда в нашей истории и происходит сейчас, когда с народом делали все что угодно, а он терпел.

Это возможно не потому, что мы от природы терпеливы. Речь же не о терпеливости к физической боли, которая может быть предопределена генетически или еще каким-то особым способом. Мы терпим голод, холод, издевательства, обман. Это «терпение» называется как-то иначе. Российский народ выдрессировали, сформировали у него определенный тип мышления, массу стереотипов реакции и поведения. Мы не «терпеливые», мы — покорные. Покоренные. И главным инструментом покорения российского народа во все времена было государство со всеми его репрессивными органами. В том числе и образованием, которое государство прибрало к своим рукам во времена Петра I и с тех пор уже никогда не выпускало. Студенты всегда числились вольнодумцами, а университеты — рассадниками революционной заразы. Никто еще не исследовал, как сказалось на подготовке революций 1905 и 1917 гг. создание вольных школ и университетов России в конце XIX — начале XX в.

Между **свободным** человеком и государством существует фундаментальное и в сущности своей антагонистическое противоречие: целостная личность представляет **угрозу** для государства, для властвующей элиты. Если человек сознает смысл жизни и происходящее в обществе во всей полноте, он сам выбирает образ жизни и поведение, не поддается воздействию со стороны государства, которое пытается в той или иной мере управлять личностью. Более того, целостная личность противостоит шаблонам, стереотипам и мифам, которые государство пытается навязать, борется с ними, не желает адаптироваться к наличной действительности, приспосабливаться к окружающей среде, хочет перестроить их сообразно своим взглядам и своему пониманию. Целостная личность **мятежна**, в ней живет микроб бунта, который дает себя знать, как только она встречается с насилием.

Но что такое государство? Орудие насилия. Что такое «государственное» образование? Один из инструментов этого насилия. Если вся система правоохранительных и силовых органов контролирует фактическое поведение взрослых граждан, то государственное образование призвано профилактировать это поведение на «дальних подступах» — с детства, юности и молодости. Образование (кроме всех прочих и высоких целей и задач) — это средство контроля за сознанием и душой, **это способ программирования человека**, лояльного властвующей элите.

Повторим и не забудем: образование — категория классовая, политическая. Классовое государство не заинтересовано в том, чтобы его граждане были **вполне** свободными и независимыми. Поэтому оно контролирует людей с помощью пропаганды, искаженного толкования истории и текущих событий, других способов манипулирования. Одна из задач государственного образования — учить людей, о чем

и как нужно думать, что и как понимать. Человек, способный думать независимо, опасен для государства, представляет собой угрозу. Борьба с инакомыслящими велась во все времена и во всех странах, даже приверженных идеалам свободы и демократии (например, «охота на ведьм» в США в 1950-х годах).

В эпоху глобализации государство и ТНК будут стремиться контролировать образование как никогда. Им больше всего необходимы лояльные граждане, «специалисты» и «профессионалы» и меньше всего (не на словах, а на деле) нужен гармоничный человек, целостная личность. Независимо от характера политического режима государство нуждается в «винтиках», «шурупах», «шестеренках» и прочих «деталях», которые обеспечивают слаженное функционирование государственного механизма и не доставляют при этом властвующей элите особых хлопот.

Конечно же, нужны специалисты квалифицированные, «качественные». Но что значат по существу все дискуссии о качестве образования, которые ведутся сегодня в мире и в России? Они сводятся к выявлению данных о качестве именно «специалистов», причем часто очень узкого профиля, который, в свою очередь, определен государственным образовательным стандартом. Иными словами, шаблоном, степень соответствия которому и определяет качество специалиста. Предполагается, что чем полнее это соответствие, тем выше качество образования, тем лучше вуз, который его обеспечивает.

Любопытно, насколько по-разному определялось назначение университетов в конце XIX и на протяжении XX в.

По идее романо-католических государств университеты должны были приготовлять молодых людей специально **к практической** деятельности.

Согласно немецко-протестантскому взгляду университеты были **центрами, хранителями, главными органами науки**. Знания преподавались здесь и теоретически, и практически, исходя из того, как нужно было для лучшего их усвоения учащимися; но при этом **не имелось в виду приготовить специалистов**. Университеты имели целью научное образование в той или иной отрасли человеческих знаний; внимание на практику не обращалось. Задача университета как единства всех частных отраслей человеческих знаний рассматривалась двояко: с одной стороны, университет должен сообщать сведения об отдельных отраслях знаний, а с другой — **выступать за пределы преподаваемых дисциплин, показывать существенную причинную связь, в которой состоит эта отрасль с другими областями знания**. Первой определялась сущность задачи, второй — ее глубина и высота. Университетский преподаватель был призван показать в ограниченности данной отрасли безграничность жизненной работы; давая положительные знания

по специальности, он должен был **открыть глаза на бесконечность жизни и знания, он должен был осветить частности жизненным сознанием целого**.

Иными словами, университеты не рассматривались как место **профессионального** воспитания и не были нацелены только на то, чтобы научать знанию, нужному людям. Выпускники университета должны были выносить из него не профессиональное знание, а **общие навыки интеллектуального труда, с помощью которых они были бы в состоянии освоить все технические частности любого специального предмета занятий. Университет обязан был создать человека в лучшем и самом возвышенном значении этого слова**.

В 30-х годах XX в. в связи с общей тенденцией профессионализации образования, реализацией программ индустриализации и коллективизации **во главу угла** образования ставится **обучение** как процесс усвоения совокупности знаний, обеспечивающих овладение основами наук. Образование отождествляется **с профессиональной подготовкой**. Тем более это касается высшего профессионального образования — подготовить для общества необходимых ему специалистов[52].

Стандарты все лучше, качество образования (по логике вещей) все выше, специалистов все больше, а человечество катится в пропасть... В чем дело? Может, именно в том, что слишком много «качественных» специалистов и слишком мало людей, которые не вписываются в государственные образовательные стандарты? Людей, для которых цель жизни не только в том, чтобы в результате обучения в вузе достичь жизненного успеха, измеряемого величиной зарплаты и профессиональной карьерой? Людей, для которых открылся высший смысл жизни, и они его видят не только в том, чтобы, получив образование, обрести свое место под солнцем, но также служить обществу и человечеству (миру, добру, красоте, искусству, науке и т. д.), т. е. истинным ценностям, не подверженным времени и обусловленности?

Скажут, Россия строит демократическое правовое государство, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Так гласят статьи 1 и 2 Конституции РФ. Россия (повторимся) не может иметь государственной идеологии (ст. 13). В конце концов, если над всеми иными идеологиями в обществе неофициально и довлеет какая-либо идеология, так это идеология либерализма, ставящая во главу угла идею свободы. Разве можно опасаться **такого** государства? Безусловно. У **правильного** образования не может быть ничего общего ни с одной и ни с какой **государственной** идеологией, какой бы красивой она ни казалась.

---

[52] См.: Высшее образование в России. Очерки истории. С. 12.

Государство декларирует предоставление вузам автономии и академических свобод, но ни в какие времена, ни в одной стране, ни при каких политических режимах не обеспечивало их реализацию в полной мере. Зачем далеко ходить? Именно как «наступление на автономию вузов» расценил ректор МГУ В. А. Садовничий законопроект № 58338-4 от 31 мая 2004 г., внесенный Правительством РФ в Госдуму РФ. Между тем если вуз ставит задачу не только подготовки специалиста, но и воспитания свободной, гармоничной, целостной личности, он должен быть сам свободен в выборе содержания образования, действовать вполне автономно, т. е. быть организацией экономически независимой, самоуправляемой.

Нынешнее российское государство так же, как в дореволюционной России, как в годы советской власти, строго следит за содержанием обучения, разрабатывает государственные образовательные стандарты, контролируя, по каким учебникам учат студентов; вузы зависимы от него финансово-экономически.

В Законе «Об образовании» (ст. 5 п. 7) редакции 1992 г. государство обязывалось «оказывать содействие в получении элитного образования гражданам, проявляющим выдающиеся способности». Однако в редакции этого закона 1996 г. при внесении поправок слово «элитный» (видимо, из соображений известного совпадения этого слова со словом «элитарный») было снято. Тем не менее проблема элитного образования осталась.

Оптимальным вариантом развития элитного образования в России, на мой взгляд, является прежде всего (конечно же, не только) **негосударственная организационно-правовая форма** вуза, подразумевающая самофинансирование, самоуправление, саморазвитие, открывающие возможность организации образовательного процесса, начиная с определения его содержания (чему и как учить) в соответствии со своими собственными представлениями.

Откуда берутся узкие специалисты, ремесленники? Таковыми их делают не только государственные образовательные стандарты, но и преподаватели-предметники, преподаватели-ремесленники, преподаватели-специалисты. Узкого, иногда предельно узкого профиля. Знающие только свой предмет и не желающие знать ничего более даже из смежной области. Конечно, это относится не ко всем. Но встретить преподавателя, который может работать не только в режиме репродуктора, а профессионала-универсала, несущего в себе комплекс знаний о картине мира, носителя ответов на вопросы о смысле жизни и т. п., человека не только знающего, но и постоянно занимающегося научными исследованиями и умеющего сделать нечто значительное, — редкость.

Можно сказать, иначе и быть не должно: талант — вещь штучная. Это так. Беда в другом — большинство преподавателей и не стремит-

ся к высотам науки и знаний, педагогического мастерства и искусства. Почему? Иногда — вследствие отсутствия способностей или амбиций. А еще потому, что обучаемые и не ждут от преподавателя энциклопедичности. Им нужен как раз преподаватель-специалист, преподаватель-ремесленник, который обучит их ремеслу, т. е. знанию, которое можно использовать тут же, которое полезно немедленно. Знания впрок, на будущее, им не нужны.

Однако в мире и в России есть проблемы, которые осознаны немногими и решаться будут тоже немногими — «там», «наверху», где «многим» места просто нет. «Там» — элита, которую и образовывать (обучать и воспитывать) должны элитные кадры[53]. Люди профессионально одаренные, личности. Нет личности — нет Мастера, нет Учителя.

Если мы говорим, что негосударственные вузы должны давать элитное образование, то необходимо пересмотреть свои взгляды на те требования, которые предъявляются к преподавательскому составу, и начать подготовку кадров внутри своего образовательного сообщества, т. е. сформировать заказ на такие кадры самим себе, выработав свой образовательный стандарт для их подготовки, осуществлять строгую селекцию тех, кто приходит работать в негосударственные вузы из госвузов.

Негосударственные вузы и элитное образование... В свете тех, мягко говоря, нелестных оценок в адрес негосударственных вузов, о которых говорилось в начале книги, эта взаимосвязь может показаться многим просто нелепой, абсурдной. Причем не только тем, кто выступает против этой формы образования в принципе или, зная реальное положение дел внутри негосударственного сектора, понимает, что пока эта мысль звучит утопично. Наверное, ее отторгнет и большинство ректоров негосударственных вузов, поскольку они заняты подготовкой исключительно специалистов, ни о чем ином никогда не помышляли и не помышляют. Не потому, что неприемлема сама идея элитного образования, нет. Просто многие и не собирались заниматься этим, а у подавляющего большинства для ее осуществления пока нет соответствующей материальной базы. Но знаю: уже есть полторадва десятка негосударственных вузов, готовых поставить (или уже поставивших) перед собой такую амбициозную цель, имеющих для этого все предпосылки. Необходима поддержка государства. Возможна ли она?..

---

[53] Когда я говорю «элита», то имею в виду совсем не узкий круг людей «высшего света», придворных президента и премьера. Это элита деловая, политическая, государственная, культурная, научная, образовательная. Не берусь сказать, в какие цифры может вылиться понятие «элита». Думаю, что в России она составляет десятки, а может, сотни тысяч человек.

К элитным негосударственным вузам можно отнести сегодня те, которые предоставляют более высокий по сравнению с массовым уровень образования, создавая для этого оптимальные условия для реализации и развития способностей и задатков студентов по схеме обучения «Государственный образовательный стандарт плюс», удовлетворяя тем самым потребность общества в незаурядных личностях.

Россия только-только становится на путь свободы и нового социально-экономического устройства. Хочется думать, что у государственных деятелей хватит мудрости использовать мировой опыт в интересах развития российского негосударственного образования. Если мы не начнем сегодня, то завтра не останется ничего иного, как все-таки начинать.

4. ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ И ПОНЯТИЕ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО ВУЗА

Для самоидентификации негосударственного образования и негосударственных высших учебных заведений вопрос о понятиях «негосударственное образование» и «негосударственный вуз» является не менее важным, чем вопрос об их происхождении (генезисе). Ибо понятие — это одна из основных форм мышления. Мы мыслим понятиями. Мышление — это процесс оперирования понятиями. Как отмечал Аристотель, «невозможно ничего мыслить, если не мыслить каждый раз что-нибудь одно».

Если разные люди, произнося одно и то же словосочетание «негосударственные вузы», подразумевают под этим термином каждый свое (один — «внебюджетные», второй — «общественные», третий — «самофинансируемые», четвертый — «коммерческие», пятый — «неправительственные», шестой — «некоммерческие» и т. д.), то они никогда не найдут общего языка и не достигнут серьезного результата в дискуссии. Не случайно на многих научных конференциях из года в год звучит один и тот же призыв: «Давайте прежде договоримся о понятиях». Ибо во всех науках (как естественных, так и гуманитарных) по поводу одного и того же предмета существует множество (десятки, а иногда по нескольку сотен) определений, предельно сжато выражающих смысл того или иного понятия. Но это касается «старых» наук.

В данном случае ситуация совсем иная. Негосударственное образование в России — явление очень молодое, его теоретическое осмысление только начинается. Тем не менее уже поставлен вопрос о смене его имени, что само по себе вредно не только в научном плане, но опасно для практической деятельности и перспектив развития негосударственного образования. Мало того, что к негосударственным

вузам у общества накопилось немало совершенно обоснованных претензий по поводу их деятельности, теперь к числу компрометирующих фактов добавляется интеллектуальная беспомощность, неспособность ответить на вопрос, что это такое, т. е. на самый главный для самих НОУ вопрос: «Что вы собой представляете в принципе? Зачем вы нужны?»

Сегодня по этому поводу, как уже отмечалось, существует множество оценочных суждений, построенных на ощущениях, эмоциональном восприятии, обывательских представлениях, интуиции и догадках. Между тем выработка понятия — это операция **логическая**, это переход от чувственной ступени познания к абстрактному мышлению. Тут ощущения, восприятия и представления отходят на второй план.

Разумеется, можно без труда со всех сторон описать конкретный негосударственный вуз и сказать: «Вот ответ на вопрос, что это такое». В этом случае мы объясним нечто единичное, реальное, сущее (существующее), которое может оказаться и совершенным. А может, наоборот, уродливым. В том и другом случае будет справедливо сказать: «Это исключение». Нас же интересует вопрос сущности, т. е. тех свойств и качеств, которые присущи всем вузам, относящимся к категории «негосударственные», их должное состояние, обобщенный образ, своего рода теоретическая матрица, наложив которую на тот или иной вуз, можно было бы сказать: «Этот вуз — негосударственный». А далее — «негосударственный» в полной мере или только частично.

Любое обобщение достигается за счет отвлечения от всех индивидуальных особенностей предметов (в данном случае — вузов) или групп предметов (скажем, вузов какого-либо региона) в пределах данного рода, класса (всех негосударственных вузов РФ). По существу, при этом происходит отождествление всех предметов по тем их сторонам, которые выделены в качестве основы для обобщения, благодаря чему множество предметов (у нас — 570 негосударственных вузов) объединяется в одной мысли под одним общим для них названием (именем). В нашем случае — это название «негосударственные вузы» без всякой привязки к региону или городу. Негосударственный вуз вообще.

«Мы называем понятием мысль, — пишет Е. К. Войшвилло, — представляющую собой результат обобщения (и выделения) предметов или явлений того или иного класса по более или менее существенным (а потому и общим для этих предметов и в совокупности специфическим для них, выделяющим их из множества других предметов и явлений) признакам»[54].

[54] Войшвилло Е. К. Понятие. М. : Изд-во МГУ, 1967. С. 117.

Будем полагать, что вопрос о том, что такое высшее учебное заведение вообще, нам достаточно ясен. По этому поводу написано множество книг, статей и законов. Поэтому в данном названии (имени) нас прежде всего интересует логическое приложение «негосударственные». Анализ происхождения «негосударственного» образования дал нам многое, показав, что с древних времен образование развивалось в различных формах, было делом частным, церковным или общественным, а не только государственным, являлось платным, а не только (и не столько), как говорят сейчас, «бюджетным». Все это позволяет утверждать, что ему изначально, по природе и происхождению, присущи некоторые свойства и качества, которые определяют его отличие от образования государственного.

Однако понятие «негосударственный» ни в те времена, ни позднее не употреблялось. Впервые оно появилось в 1992 г. в российском Законе «Об образовании». И я полагаю, что это термин правильный, а не (якобы) ошибочный вообще, а для нынешней России — тем более. Изначально этот термин не несет в себе никакого негативного смысла. «Негосударственные» — это именно термин, т. е. изначально — это только оболочка, форма, а в сущности — пустой звук. Чтобы термин стал понятием, он должен быть осмыслен, т. е. наполнен смыслом, который появляется в ходе ответов на вопросы: «Откуда это? Что это? Зачем это? Почему — это?» и т. п. Осмысление — это привнесение смыслов и содержания в форму.

Осмысление — не одноразовый акт, а сознательный, целенаправленный творческий процесс. Процесс длительный, требующий немалых затрат ума, энергии, нервов. Беда в том, что этот процесс не был организован, что, как уже говорилось, никто в течение 12 лет даже не ставил цели серьезного и глубокого научного осмысления того, что происходило в новом секторе высшего образования России. Развитие шло стихийно, исключительно методом проб и ошибок. В итоге мы не имеем истинного понятия «негосударственный», не понимаем «что мы есть», живем сегодняшним днем в мире мифов о негосударственных вузах, в атмосфере слухов, сплетен, внутреннего напряжения и ожидания, что с нами сделают завтра. Не находим ничего лучшего, как сменить имя и фамилию в своем «паспорте». Но как быть с фотографией?

Давайте посмотрим, как идентифицирует себя человек среди людей: я Петров, а **не** Иванов, я русский, а **не** турок, я высокий, а не низкий и т. п. То же самое происходит, когда мы идентифицируем какое-то явление или какую-то вещь в среде других явлений и вещей. Прежде всего мы определяем, кем (чем) мы (она, оно) **не являемся** по самым главным чертам: Восток — не Запад, А — не Б, центр — не провинция, война — не мир, бедный — не богатый и т. п.

Этот же прием был использован и при первичной идентификации той новой организационно-правовой формы вузов, которые возникли в 1992 г. По типовому признаку все вузы одинаковы: это высшие профессиональные учебные заведения. Различия начинаются с происхождения, с «родителей», с «рода». У одних вузов «родитель» (учредитель) как был, так и остался тем же: государство. Все вузы этого рода по-прежнему идентифицируются одинаково — «государственные». Чем **не** являемся мы? Мы с вами (наши вузы) **не** являемся государственными. Мы — вузы **не**-государственные.

Свобода приходит к нам не в виде небесного дара и безусловного блага. Свобода, кроме всего, это страшный вызов. Тем более страшный для людей, не знавших свободы, не способных понять «от» чего они освободились, не знающих, «для» чего она им необходима и как ею воспользоваться. Многие негативные, уродливые явления, которые мы наблюдаем сегодня в России во всех областях жизни (политике, бизнесе, в частности в негосударственном образовании) — от разрушительного своеволия как следствия неспособности воспользоваться свободой для ответственного созидания. В частности, неспособности понять, что граждане должны иметь регулируемую правом, но **не зависимую** от государства не-государственную сферу **самоорганизации и свободы** в любой области жизни, в том числе в сфере образования.

Термин «негосударственный» широко употребим ныне в политической и юридической лексике. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию В. В. Путин говорит о «**негосударственном** секторе», о «**негосударственных** организациях»[55]. В 2002 г. Московская городская Дума приняла Закон города Москвы «О взаимодействии органов власти города Москвы с **негосударственными** некоммерческими организациями».

Уже говорилось о том, что идея построения гражданского общества еще молода. Она возникла в странах, где частная собственность уже была священна, где свобода и гражданское общество уже существовали, а государство знало свое место и свою роль в обществе. Поэтому в США, Великобритании, Японии, Франции, Германии понятие «частный вуз» привычно, нет нужды напоминать, что он «не-государственный».

Иное дело в России, где гражданского общества, по существу, не было никогда. До 1917 г. властвовало самодержавие. В советские годы мы говорили «общество» — подразумевали «государство», говорили «государство» — подразумевали «коммунистическая партия». Ныне можно спорить лишь о том, что гражданское общество в России сла-

[55] Российская газета. 2004. 27 мая. С. 4.

бое или очень слабое. Государство же, напротив, набирает административно-контрольную силу, оставаясь само практически бесконтрольно. Чиновничий произвол стал притчей во языцех. Годы идут, но ситуация не меняется. И это при том, что в Конституции РФ говорится: «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». То есть, если следовать Конституции, весь государственный аппарат нужен лишь для того, чтобы способствовать возникновению гражданского общества и обеспечить его существование.

Социальный порядок в стране может быть построен только на предпринимательском духе и воле отдельных лиц. Предпринимательство разрешено законом (об этом еще пойдет речь) и государственным вузам. Но в сущности своей **подлинно предпринимательскими** являются вузы негосударственные как организации **в полной мере автономные**. Свобода — это основа предпринимательства.

Приверженность высших учебных заведений, особенно университетов, к автономии и академическим свободам, сложившимся традициям, с одной стороны, необходимость (в целях выживания) адаптации к новым условиям развития и потребностям общества, с другой стороны, проходят красной нитью через всю историю развития высшего образования.

Высшая школа всегда стойко стояла на страже сложившихся академических норм и традиций, что не мешало ей быть в то же время основным генератором новых идей и производителем нового научного знания. Совмещение этих двух, казалось бы, несовместимых функций стало реальностью именно благодаря тому, что в основу деятельности университетов, появившихся еще в Средние века (Болонский, Парижский и другие), был заложен принцип **университетской автономии и академических свобод**, который не только не утратил своей роли в наше время, но и приобрел еще большее значение.

Во многих странах наблюдается процесс либерализации управления государственными высшими учебными заведениями, отказ государственных органов управления ими от многих регулирующих функций и предоставление им большей свободы и автономии в сфере управленческой деятельности, без чего невозможно своевременно реагировать на изменения, происходящие на рынке образовательных услуг, а следовательно, быть конкурентоспособными.

Для понимания сущности негосударственного образования это один из ключевых моментов. Поэтому проблемы университетской автономии и академических свобод стоит рассмотреть подробнее. Эти проблемы представляют собой одну из наиболее сложных, деликатных и широко дискутируемых сторон жизни университетов, с которой сталкиваются ученые и органы управления высшим образовани-

ем в течение почти тысячелетнего периода развития университетского образования.

В различные исторические эпохи понятия «автономия» и «академические свободы» трактовались по-разному, в них вкладывался разный смысл, но никогда не возникало сомнений в том, что именно они наиболее полно отражают саму суть университета. На мой взгляд, главные дискуссии о путях развития вузов, и особенно университетов России, еще впереди. Свободы в жизни вузовского сообщества за годы реформ, конечно, добавилось. Но рецидивы попыток взять под более жесткий контроль систему со стороны государства мы наблюдаем постоянно.

При этом государственная власть новой России плохо учитывает то обстоятельство, что взаимосвязи между автономией, академическими свободами и ответственностью университета за свою деятельность усложнились. С принятием Всемирной декларации прав человека появилась еще одна составляющая этих взаимосвязей — **права человека**. Поэтому проблема автономии и академических свобод как в теоретическом, так и в практическом плане стала рассматриваться с учетом **ответственности университета** за свою деятельность перед обществом и необходимости **соблюдения** прав человека. Она стала комплексной. Ее разработкой занимаются ученые многих стран мира, университеты, международные организации, о чем свидетельствует огромный массив публикаций по этой проблеме.

По мнению бывшего президента Международной ассоциации университетов (МАУ) В. Камба, «**университет должен самостоятельно определять, чему учить и как учить, кто учится и кем обучается**». Он рассматривает понятие «академические свободы» в тесной связи с понятием «университетская автономия» и подчеркивает, что «главная опасность академической свободе и университетской автономии исходит от правительств и является фактором, определяющим уровень демократичности общества». Исторический опыт демонстрирует, что чем ниже уровень демократичности государственного управления, тем выше уровень нетерпимости других точек зрения и большая вероятность подавления академических свобод и вмешательства в университетскую автономию, утверждает В. Камба[56].

Уместно напомнить о четырех международных декларациях, посвященных проблеме университетской автономии и академических свобод, в которых раскрывается содержание понятий «академическая свобода» и «университетская автономия»:

— Декларация, принятая в сентябре 1988 г. в г. Лиме (Перу). В ней академическая свобода определяется как «свобода членов академиче-

[56] Kamba W. University Autonomy. Academic Freedom and University Autonomy / ed. CEPES. Papers on Higher education. Bucharest, 1993. P. 21–23.

ского сообщества (т. е. преподавателей, студентов и исследователей) вести поиск, развивать и передавать научные знания путем научных исследований, обучения, обсуждения, документирования, производства, создания, преподавания и письменного изложения».

Автономия, которая тесно увязана с академической свободой, определяется как «**независимость** высших учебных заведений от государства и других институтов общества».

— Хартия вольностей европейских университетов (Magna Charta Universitatum), также провозглашенная в сентябре 1988 г. в Болонье ректорами европейских университетов, собравшимися по случаю девятого столетия старейшего из них, подчеркивает, что «**университет является автономным**, он производит, анализирует, описывает и передает культурные ценности путем научных исследований и обучения». Исходя из этого, указывается в хартии, «как общественная власть, так и университетская должны в рамках своей компетенции гарантировать это и способствовать соблюдению самого приоритетного требования».

— Декларация об академической свободе и социальной ответственности академического персонала, принятая в апреле 1990 г. в Дар-эс-Саламе (Танзания), подчеркивает, что «все члены академического сообщества имеют право выполнять свои функции по обучению, научным исследованиям, учению, сочинению, обмену и распространению информации **без опасения** вмешательства или репрессии **со стороны государства** или любого другого общественного органа управления».

«Чтобы отвечать требованиям современного мира, — подчеркивается в декларации, — в своей исследовательской и преподавательской деятельности он должен иметь моральную и научную **независимость от политической и экономической власти**». В этом документе провозглашается, что «свобода научных исследований и обучения является основным принципом университетской жизни».

— Всемирная декларация о высшем образовании для XXI в.: подходы и практические меры, принятая Всемирной конференцией по высшему образованию в XXI в. 9 октября 1998 г. в Париже, в соответствии со статьей 2 которой «высшие учебные заведения, их сотрудники и студенты должны пользоваться **полной академической свободой и автономией**, понимаемыми как комплекс прав и обязанностей, будучи при этом полностью ответственными и подотчетными перед обществом».

В указанных декларациях раскрывается содержание академической свободы и университетской автономии, которые в обобщенном виде сводятся к следующему:

— академическая свобода предоставляется членам академического сообщества, т. е. исследователям, преподавателям и студентам, а в ряде случаев и административному персоналу;

— под академической свободой понимается свобода мысли и выражения. Это означает, что ученый имеет право выбирать тему и методы исследования, публиковать результаты исследований независимо от воли всех органов управления; преподаватель имеет право в установленных рамках разрабатывать учебные программы и планы и читать лекции на темы, которые, по его мнению, являются важными;

— необходимым условием для академической свободы является университетская **автономия**, т. е. независимость от политических и экономических властей, даже в тех случаях, когда финансирование осуществляется государством или другой общественной или частной организацией;

— академическая свобода всегда была связана с социальной ответственностью, а в последнее время и с подотчетностью.

Многие зарубежные авторы под автономией университета понимают «способность и компетентность принимать решения без ограничений извне», т. е. считают, что **понятие «автономия» тождественно понятию «самоуправление»**, подчеркивая при этом различия между академической свободой и автономией.

В данном случае нас интересует прежде всего проблема автономии, т. е. свободы всего вуза, и содержание понятия «автономия». На мой взгляд, оно наиболее точно раскрывается в законе об организации высшего образования Франции (1968 г.), согласно которому университетская **автономия имеет три стороны**:

— **административную** — университеты и их учебно-исследовательские подразделения (департаменты, факультеты) управляются выборными органами;

— **финансовую** — университеты свободно распоряжаются средствами, получаемыми из государственного бюджета и других источников;

— **учебную** — университеты сами определяют содержание учебных программ, организуют по своему усмотрению учебный процесс и научно-исследовательскую работу, устанавливают способы проверки знаний студентов.

В этом ключе я и продолжу свои рассуждения о негосударственных вузах.

Основные признаки

Первый среди важнейших признаков состоит в том, что негосударственный вуз — организация **саморегулируемая**. Изначально, по замыслу, он является таковым в полном объеме понятия «саморегулирование», которое является более широким, чем понятие «самоуправление», поглощает последнее. Саморегулирование — это способность вуза самостоятельно, без какого-либо влияния извне (со стороны госорганов управления образованием, любых политических или эконо-

мических сил) оперативно реагировать на внешние воздействия (изменение законов, политической, экономической, финансовой ситуации, конъюнктуры на рынке образовательных услуг и т. д.), которые могли бы нарушить его нормальное функционирование и развитие. Иначе говоря, каждый вуз как хозяйствующий субъект на свой страх и риск, под свою ответственность действует как отдельно взятая единица, как «коллективный индивид» без расчета на то, что кто-то предложит ему помощь и поддержку. В условиях реальной конкуренции это невозможно.

Саморегулирование достигается с помощью обратной связи, т. е. постоянного изучения и оценки состояния окружающей социальной среды с целью получения достоверной информации для корректировки своей стратегии и тактики (политики), и осуществляется в форме самонастройки и самоорганизации — изменения структуры вуза, открытия новых специальностей и отказа от тех, которые не пользуются спросом, совершенствования управления и т. п. Иначе говоря, негосударственный вуз обладает реальной свободой, реальной автономией. В этом огромное достоинство и преимущество негосударственного вуза перед государственным.

Все продвинутые негосударственные вузы в качестве механизмов саморегуляции имеют подразделения, которые специально занимаются экономикой вуза, маркетингом, рекламой, внешними связями и т. п. Стоит заметить, что существование встроенных экономических регуляторов деятельности составляет один из основных постулатов классического либерализма, полагающего, что экономическими явлениями управляют естественные законы, и прежде всего закон стоимости и закон цен. Все, кто работает ныне в системе образования, в той или иной мере испытывают их воздействие на себе. И это главное свидетельство того, что рынок образовательных услуг в России уже существует, хотя он (как и в экономике) еще далек от цивилизованных форм. Тем не менее именно негосударственные вузы во многом способствовали его зарождению и являются ныне на этом рынке (я не говорю о халтурщиках) активными игроками.

Разумеется, деятельность негосударственного вуза ограничена российскими законами. Это совершенно естественно: свобода не может быть безграничной. Другое дело, какие это законы, насколько они отвечают интересам свободного, гражданского общества. Инструкции и другие нормативные документы Министерства образования, если они не касаются аттестации и аккредитации, носят для негосударственных вузов **примерный** характер. Они свободны в определении стратегии и направлений своей текущей деятельности, в разработке его оргструктуры, кадровой политики (штатного расписания, назначениях на должности и т. п.), политики в области заработной платы и т. п.

Негосударственный вуз свободен «от» заботы государства о том, каков его устав, есть ли и какая у него материально-техническая база, деньги на зарплату и развитие, как он организует свою деятельность и т. д. Государство в лице аккредитационной комиссии Министерства образования и науки появляется в вузе один раз в пять лет и выносит «приговор»: вуз — не вуз, университет — не университет. В промежутках между комиссиями не надо просить у государства ни свободы, ни автономии.

Негосударственные вузы свободны — «для» чего? Чем грозит им свобода — успехом или поражением? Это никого, кроме их самих, не волнует. Их судьба исключительно в их собственных руках. От чего же зависит теперь, когда они свободны, эта судьба? От того, **как они распорядятся свободой**.

Что делает свободу созидательной силой? Понимание ее существа и **ответственность** в обращении с этим могущественным явлением. Ответственность — вот явление, которое должно возникать при первом же дуновении свободы, вот качество, которое должно характеризовать вуз, если он называется «негосударственным», которое должно пронизывать насквозь всю его систему управления, которое должно быть присуще каждому работнику.

Знаменательно, что в октябре 2003 г. Госдума РФ приняла в первом чтении проект Закона «О **саморегулируемых** организациях», в котором говорилось, что «новый закон должен помочь... противостоять бюрократическому прессу. Законопроект базируется на следующих основных принципах: добровольного объединения субъектов предпринимательской деятельности в саморегулируемые организации (СРО), последовательной активизации процессов дебюрократизации экономики и поддержки формирования в стране **гражданско-правовых институтов**, нацеленных на закрепление добросовестной практики ведения хозяйственной деятельности.

Согласно законопроекту саморегулируемая организация является **негосударственной некоммерческой организацией**, объединяющей лиц, осуществляющих одну или несколько однородных видов лицензируемой предпринимательской деятельности. Одной из функций СРО, отмеченной в законопроекте, определена защита интересов предпринимателей **в их отношениях с государством**. При возникновении любых конфликтов и споров между федеральным (региональным) органом исполнительной власти и участником СРО **противостоять государству** от имени данного участника будет сама такая организация. То есть **индивидуальное** противостояние предпринимателей государству заменяется **коллективным** противостоянием»[57].

[57] Российская газета. 2003. 21 октября.

Что касается **самоуправления** в негосударственном вузе, т. е. участия работников в решении задач образовательного процесса, экономической и хозяйственной деятельности, то этот вопрос решается с позиций именно того обстоятельства, что негосударственный вуз — организация саморегулируемая.

Современная жизнь крайне динамична. Руководство вузом должно реагировать на изменения внешней социальной среды не только безошибочно (что само собой разумеется, хотя — по определению — невозможно[58]), но и очень оперативно, быстро. Скорость принятия решений и осуществления намеченных целей — решающее условие успеха в конкурентной борьбе.

Если **конечный эффект** управления вузом можно определить одним словом «успех», то это значит, что он является продуктом множества грамотных управленческих решений многих людей; это сумма малых успехов на всех направлениях деятельности. **Все**, кто включен в этот процесс, должны работать на успех вуза, быть членами **единой команды**, действующей по заранее провозглашенным и принятым правилам. Возможно ли это в реальности вообще, тем более в вузе, с учетом множества специфических особенностей «производственного» процесса, менталитета и психологических черт его работников?

Мой трудовой опыт в разных сферах (стройка, завод, журналистика, наука и одиннадцать лет работы в должности ректора) убеждает меня, что идея о том, чтобы **каждый** работник ревностно выполнял свои обязанности и отдавал все силы общему делу, может существовать как цель, которая практически недостижима. Тем более если речь идет о принятии судьбоносных решений по самым различным вопросам в кратчайшие сроки, иногда, как говорится, на бегу.

Тут встает вопрос не только компетентности, но управленческого опыта, смелости, желания и способности нести ответственность и очень часто — интуиции. Это такие требования, которым абсолютное большинство работников не соответствует и не может соответствовать. Этим и определяется необходимость сосредоточения функций управления в руках верхнего эшелона профессиональных управляющих. Это ректор, проректоры и деканы. В этом смысле мы говорим об университете как своего рода[59] корпорации, о корпоративном принципе работы, о корпоративной культуре.

---

[58] Джордж Сорос говорит о неизбежной ошибочности науки и взглядов людей на социальные процессы, что привносит неопределенность в нашу жизнь. Он называет это «принципом человеческой неопределенности». (См.: Сорос Дж. Мыльный пузырь американского превосходства. М., 2004. С. 184.)

[59] Я говорю «своего рода», потому что в полном смысле корпорация — это форма организации предпринимательской деятельности, предусматривающая не только наличие юридического адреса, налога на прибыль, **но и доле-**

Самоуправление в большинстве известных мне крупных негосударственных вузах, как и в нашем университете, реализуется через работу Совета университета, который определяет стратегию развития вуза, решает вопросы экономики и хозяйственной деятельности, информирует коллектив о своей деятельности и работе ректората; через Ученый совет, в компетенции которого находятся все вопросы содержания и организации образовательного процесса; ежегодное собрание профессоров и преподавателей университета, на котором обсуждаются итоги прожитого года и планы на новый учебный год; советы факультетов; Студенческий совет университета и советы общежитий.

Второй существенный признак негосударственного вуза заключается в том, что он — организация **самофинансируемая**, т. е. способная **полностью** покрыть все свои расходы, в том числе на развитие, доходами от реализации образовательных услуг.

Не следует отождествлять понятия «самофинансирование» и «платные услуги». Платные услуги оказывают сегодня и все государственные вузы, доля внебюджетных средств которых составляет от 50 до 80% их расходов, а иногда и выше. Здесь речь идет о частичном самофинансировании, которое позволяет вузам не только выживать, но и развиваться. Тем не менее денег из госбюджета достаточно для того, чтобы вуз в любой ситуации выжил, не погиб.

У негосударственного вуза такого шанса нет. Самофинансируемый — значит функционирующий и развивающийся **только** за счет средств, полученных от потребителей образовательных услуг. Дополнительные средства из внешних источников могут поступать и в негосударственный вуз (например, от благотворителей), но он **способен** обойтись и без них.

Третий признак состоит в том, что негосударственный вуз — **организация предпринимательская**. Такое понимание негосударственного вуза тесно связано с предыдущим признаком — самофинансиро-ванием. Оказавшись в ситуации, когда он действует на свой страх и риск, исключительно под свою ответственность, вуз не может вести себя иначе, как «коллективный предприниматель». То есть подходить к своему хозяйствованию с экономических позиций, экономического императива, который постоянно довлеет над ним; действовать расчетливо, рационально, заботясь о конечном результате, каковым для него в равной мере являются качество образовательного процесса и финансовые доходы. Предпринимательский тип хозяйствования в современном негосударственном вузе основан на экономических сво-

---

вую собственность. В данном случае речь идет об одном из основных управленческих аспектов, которые строятся прежде всего на вертикальных, прямых и жестких связях.

бодах, частной собственности, товарно-денежных отношениях, а значит, предполагает рыночный способ получения дохода и конкуренцию.

В отношении дохода и прибыли в предпринимательском вузе, если он исповедует правила честной игры как условия долгосрочной успешности, экономической и общественной эффективности, продуктивно-творческие, нравственные мотивы и побуждения к предпринимательству превалируют над потребительско-распределительными. Творчество, компетентность, поиск, понимание конъюнктуры, индивидуальная и коллективная ответственность за предприятие и его деятельность — непременные условия подлинно предпринимательского вуза.

Надо сказать, что действующее законодательство не вполне соответствует данному выводу и реальной практике вузов. Этот вопрос будет рассмотрен в следующей главе.

Четвертый признак негосударственного вуза — это его возможность **по своему усмотрению** определять **содержание учебных программ, формы и методы организации учебного процесса и научно-исследовательской работы, способы проверки знаний у студентов**. В этом вопросе у негосударственного вуза изначально есть огромное преимущество перед государственным. Оно заключается в том, что негосударственный вуз в принципе не обязан осуществлять свою деятельность непременно на основе государственного образовательного стандарта (ГОС).

Негосударственный вуз как предпринимательская организация и в этой сфере может действовать полностью на свой страх и риск. Получив государственную лицензию на право ведения образовательной деятельности, он на основании действующего закона может организовать образовательный процесс по своим **собственным стандартам**, имеет право получить **общественную аккредитацию**, которая означает, что уровень деятельности вуза оценивается по критериям и требованиям соответствующих общественных образовательных, профессиональных, научных, торговых, промышленных и других организаций, которые могут быть заказчиками специалистов, выпускаемых данным вузом.

Заметим, что государственную аккредитацию в конце 2002 г. имели менее 40% негосударственных вузов России. Так, в Центральном федеральном округе было аккредитовано 119 вузов (44%), в Северо-Кавказском — 31 (39%), в Северо-Западном — 26 (40%), Приволжском — 18 (43%), Сибирском — 11 (37%), Уральском — 6 (32%), Дальневосточном — 8 (53%)[60]. Иначе говоря, 60% вузов обучали студентов совсем не обязательно по госстандарту.

---

[60] Государственная аккредитация учреждений высшего, среднего и дополнительного профессионального образования в 2002 г. М., 2003. С. 28.

Однако в таком случае государство не дает никаких гарантий на качество образования. Вуз выдает выпускникам свой собственный диплом. **Гарантом качества** такого рода образования является **учредитель** негосударственного вуза. Отношения между студентом и негосударственным вузом — это отношения продавца и покупателя образовательных услуг. Если студент недоволен качеством этих услуг, то обращаться в Министерство образования с претензией не имеет смысла: министерство (государство) тут ни при чем. Отношения продавца и покупателя регулирует Гражданский кодекс. Это и есть подлинное **не-государственное** (независимое, свободное) образование.

Так происходит в университетах многих стран мира, где негосударственное образование устоялось в течение столетий, где частные университеты имеют высокий престиж, свою, признанную в мире образовательную марку. Так когда-нибудь будет и в России.

Ныне же, как уже говорилось, негосударственное образование находится в стадии становления, обременено многими проблемами и недостатками, которые всегда и всюду сопровождают любую организацию (завод, фабрику, фирму и т. п.) на начальном этапе развития.

Но зачем потребителю знать все эти проблемы? Качественное образование ему необходимо сегодня. И он хочет иметь гарантии. Тем более если он платит за него. В данном случае речь идет о товаре весьма специфическом — образовательной услуге, оказание которой длится четыре-шесть лет. При этом судить о качестве процесса «производства» и «конечной продукции» потребителю крайне сложно. Поэтому главным аргументом в пользу доверия производителю услуги становятся его прошлые достижения, их общественное признание — исторически заработанный имидж. Естественно, что в этом случае абитуриенты и их родители, в том числе в силу традиционной для россиян тяги ко всему государственному, склонны в гораздо большей мере довериться госвузам.

Но дело не только в этом. Госвузы ныне имеют дарованные им государством преимущества, которых нет у неаккредитованных негосударственных вузов. Во-первых, то, что гарантом качества получаемого в вузе образования является государство, сила и возможности которого в любом случае несравнимы с возможностями любого учредителя — юридического или физического лица. Во-вторых, возможность получения отсрочки от службы в армии на время обучения. В-третьих, стабильность и предсказуемость перспектив вуза: госвузы, по существу, являются псевдоигроками на рынке образовательных услуг, они реально ничем не рискуют, им практически ничто не угрожает. В конце концов, даже если госвуз попадет в критическую ситуацию, государство, если захочет, несомненно, в состоянии спасти его.

Все эти истины хорошо известны руководителям негосударственных вузов, у которых нет многолетней, тем более многовековой истории, нет такой могучей поддерживающей их руки, как государство, тех закрепленных в законах льгот и привилегий, которые оно предоставляет «своим» вузам.

Желание выжить сегодня ради будущего неизбежно приводит руководителей негосударственных вузов к мысли получить хотя бы некоторые преимущества, которые есть у госвузов, по сути дела, сдавшись государству. А именно: заявив о своем желании **пройти государственную аттестацию и аккредитацию**, что означает для них принятие на себя обязательства строить образовательный процесс по **государственному образовательному стандарту** и один раз в пять лет проходить проверку на соответствие аккредитационным требованиям.

С этого момента негосударственный вуз оказывается в сфере внимания органов управления государственной системы образования, в значительной степени **ограничивает** свой суверенитет, автономию, **свободу и самостоятельность**. Контроль со стороны государства в этом случае совершенно оправдан: получивший госаккредитацию вуз выдает выпускникам государственный диплом, который согласно закону должен признаваться равноценным документу о высшем государственном образовании. Ибо **гарантом качества** образования в негосударственном вузе теперь также выступает государство.

По всей видимости, такое положение дел будет оставаться еще долго. Но не бесконечно. Ведь вопрос о том, как называется вуз и кому он принадлежит — государству, общественной организации, группе юридических лиц или является частным, — не самый важный. Главное — качество образования, которое он дает. Это ценят работодатели, это все лучше понимают и студенты. Уже сейчас, если негосударственный вуз имеет госаккредитацию и связанные с этим льготы (освобождение от службы в армии и выдача госдиплома), то многие студенты совершенно сознательно выбирают именно этот вуз.

Определение понятия

Итак, на мой взгляд, в описательном плане сказанного уже достаточно для того, чтобы понять, что такое негосударственный вуз, а в принципе — и любое негосударственное учебное заведение: школа, колледж, лицей — общие признаки у них одинаковы. Понятны, мне кажется, и те основные особенности, которые отличают негосударственную образовательную организацию от государственной, потому что мы выделили и обобщили эти особенности путем отвлечения от важнейших «индивидуальных» характеристик государственных вузов в пределах общего класса — высших профессиональных учебных заведений.

«Негосударственный» — это предельно общая характеристика всех форм и типов образования, которые находятся за пределами государственного контроля полностью или хотя бы в основном (аккредитованные вузы). Негосударственные образовательные учреждения — это особый род вузов, относительно самостоятельная и в принципе (с точки зрения долженствования) **равноправная** с государственной подсистема отечественной системы образования, как и любого иного общества.

Термином «негосударственные» выделен класс предметов (в данном случае высших учебных заведений). Если не вдаваться в рассмотрение множества специфических «индивидуальных» черт **каждого** из негосударственных вузов, а выделить лишь самые существенные, т. е. те, о которых говорилось и которые характеризуют любой из них независимо от того, что это — университет, академия или институт; кем создан — юридическим или физическим лицом, государственной структурой или общественной организацией и т. д. и т. п., то определяющими признаками негосударственных вузов будут следующие:

— все являются саморегулируемыми (самоуправляемыми, саморазвивающимися);

— все действуют на основе самофинансирования;

— все являются предпринимательскими организациями;

— все являются свободными, независимыми.

Разумеется, все они создаются и действуют в соответствии с российскими законами, являются элементами гражданского общества, служат интересам этого общества и государства, и в этом смысле все их действия имеют ограничения, в том числе и свобода, независимость.

Безусловно, существуют и иные признаки, которые следовало бы учесть при определении негосударственного вуза, но уже и сказанного достаточно, чтобы дать довольно полное определение этого понятия. На мой взгляд, **негосударственным называется высшее профессиональное учебное заведение, которое создается в соответствии с Конституцией РФ и законами Российского государства, действует на их основе как саморегулируемая, самофинансируемая, предпринимательская организация в целях предоставления потребителям платных образовательных услуг на договорной основе в интересах ныне живущих и будущих поколений России**.

Таково, по моему мнению, содержание собирательного понятия «негосударственные вузы», состоящее из ряда элементов (признаков), которые были описаны выше. Вузы могут быть большие и маленькие, давать студентам гуманитарные, естественно-научные, технические и иные знания, действовать хорошо или плохо, в Москве или во Владивостоке, но понимание их существа везде одинаковое.

В понятии «негосударственный вуз» изначально нет никакого отрицательного смысла. Негативный смысл связан, как правило, с конкретным вузом. Он начинает распространяться на все вузы этого рода, если критическая масса «плохих» единичных случаев переходит меру — предел, за которым негативное качество начинает распространяться уже на все негосударственные вузы, как это происходит в данный момент.

Таким образом, употребление применительно к негосударственным вузам в качестве синонима терминов «частные», «общественные», «небюджетные», а тем более «коммерческие» (почему — говорилось) совершенно некорректно. На самом деле среди негосударственных есть вузы и частные, т. е. находящиеся в собственности физических лиц, и созданные юридическими лицами, но не являющиеся их собственностью, и общественными, и религиозными организациями. Все эти вузы составляют объем понятия «негосударственные», т. е. род (класс) всех возможных предметов (вузов), обладающих признаками, составляющими выведенное только что основное содержание этого понятия.

Да, все негосударственные вузы — небюджетные (самофинансируемые). Но не только: они еще и саморегулируемые, самоуправляемые. Целое состоит из множественности частей (элементов). Если негосударственные вузы — это род (класс) образовательных учреждений, если у этого рода (класса) есть понятие и его объем, то у этого объема есть **части объема** понятия. Отождествлять часть с целым — ошибка.

Когда вместо «негосударственный» говорят «частный», то выходит, что все негосударственные вузы являются собственностью физических лиц. Но таковых в России не более 20% из 571 негосударственного вуза. Когда их именуют «коммерческими», то это лишь свидетельствует о неграмотности говорящих, ибо, как уже было показано, учебное заведение по закону не может быть коммерческим; не является оно таковым и по существу. Когда предлагают назвать негосударственные вузы «некоммерческими», то забывают, что таковыми являются и государственные вузы, оказывающие платные услуги. Когда их именуют «общественные», как это предлагают сделать некоторые упоминавшиеся авторы, то под это имя не подпадают вузы церковные, частные. Когда предлагают считать «небюджетными», то тем самым выделяют лишь одну сторону — экономическую, хотя организационная (саморегулирование, самоуправление) является не менее важной характеристикой.

Не следует произвольно выхватывать ту или иную сторону явления и через нее определять это явление в целом. Это искусственный, прагматический, ненаучный, обывательский подход. Естественная классификация основывается на полноте понимания сущности и содер-

жания познаваемого объекта. Вот почему я старался не столько описывать негосударственное образование, высшие учебные заведения прежде всего, а объяснять причины и природу их возникновения на основе огромного исторического, философского и теоретического материала, который пришлось осмыслить. Не говоря уж о весьма богатых наблюдениях и многолетнем личном опыте руководства негосударственным вузом и двумя союзами такого рода вузов.

Иногда спрашивают, почему на Западе нет понятия «негосударственные», а используется термин «частные». Признаться, я не изучал этот вопрос специально. Что тут сказать? Если бы там и на самом деле все вузы были частными, тогда все правильно. Но это не так. Во всех странах есть, как минимум, высшие духовные учебные заведения, корпоративные университеты, многие из которых созданы юридическими лицами и вовсе не с целью извлечения прибыли, а для подготовки кадров для собственных нужд. Ни те ни другие нельзя назвать «частные». На мой взгляд, понятие «негосударственные» в научном плане является более точным.

Из книги «Негосударственные вузы России: опыт самоидентификации». М., 2004. С. 69–155

У НАС АМБИЦИОЗНАЯ ЗАДАЧА: СТАТЬ ЛУЧШИМИ!

О сути, целях и проблемах негосударственного высшего образования размышляет Игорь Михайлович Ильинский, президент Национального союза негосударственных вузов, ректор Московского гуманитарного университета, доктор философских наук.

Негосударственное — значит свободное

– В чем смысл негосударственного образования? Зачем оно существует? Неужели нам мало государственных вузов — у них долгая история, надежная репутация? Некоторые отвечают на это вопрос просто: очень многие хотят учиться, поэтому и нашлись шустрые ребята и открыли платные институты, чтобы денег заработать. Но это очень примитивный ответ.

В дореволюционной России высшие учебные заведения, которые сейчас именуют негосударственными, назывались «вольными». Если говорить современным языком — свободными. По природе своей негосударственное образование — это образование свободное, либеральное. И если мы на самом деле строим свободное гражданское общество, необходимо понимать, что негосударственные вузы — это его важнейшие элементы. Они концентрируют интеллектуальный и творческий потенциал общества.

Смысл негосударственного образования в том, чтобы формировать новые поколения людей, мыслящих свободно, создавать новые стандарты образования XXI в. Какими они должны быть? Берусь утверждать, что точного ответа не знает никто. Ясно одно: образование нового столетия не может оставаться прежним.

Сейчас образование стало массовым. За последние 20 лет количество студентов в мире увеличилось в 6,5–7 раз — с 12 до почти 90 млн. За семь лет число студентов в России выросло с 2,5 до 5 млн человек. Это общемировая тенденция: образование стало высоко цениться, потому что востребован высококвалифицированный труд. Но когда образование массовое, оно в полном объеме не может быть высшим в истинном смысле!

Простой пример: вот уже три десятка лет мир не желает слышать ученых, которые буквально кричат о глобальных проблемах. Обыватели не понимают, что это не «страшилки», а правда! Они не могут перевести глобальную проблему в плоскость повседневной жизни. Это значит, что среди множества людей с дипломами настоящее высшее образование лишь у некоторой части.

Ведь конечный смысл образования не в знании, а в понимании.

Образование — это то, что остается, когда забывается все, чему вас выучили в школе. А что остается? Умение учиться, понимать, искать информацию, вкус к знаниям! Именно такое образование мы и стремимся дать своим студентам. И кстати, поэтому негосударственные вузы должны заниматься наукой. Хотя, если смотреть с той же примитивной точки зрения, могли бы просто набирать студентов, зарабатывать деньги... Но, к примеру, в Московском гуманитарном университете тысяча аспирантов, семь диссертационных советов, пять из них — докторские. Для негосударственного вуза это редкость.

Здесь не дадут вместо докторской колбасы ливерную

– Игорь Михайлович, а студенты вашего университета чувствуют этот свободный, либеральный дух образования?

– Не только студенты, но и преподаватели. Мы — вуз с традициями, со сложившейся философией. В ноябре будем отмечать свое 35-летие. Не случайно рядом со знаменем гуманитарного университе-

та в кабинете ректора стоит знамя Высшей комсомольской школы. Мы гордимся этим.

А студентов мы любим, и они это чувствуют. Сегодня, к примеру, я со старостами встречался. Говорю им открыто: «Вы платите деньги и не должны получать вместо докторской колбасы ливерную. Рассказывайте, что вас не устраивает». Проводим социологические опросы «Образовательный процесс глазами студентов». Итоги обсуждаем на Ученом совете. Бывает, что и преподавателей снимаем. Да и среди студентов основательно почистили контингент — в этом году уже 120 человек за неуспеваемость отчислили!

— А ведь есть расхожее мнение о платном образовании: заплатил деньги — «автоматом» получил диплом. У вас не так?

— Такой период был, когда у негосударственных вузов была проблема с набором студентов. Конечно, тогда приходилось закрывать глаза на нерадивость некоторых студентов — они ведь приносили деньги. Но уже несколько лет с точки зрения экономики для нас не имеет значения сотней студентов больше — сотней меньше. А пример очень действует! Как только начали пачками отчислять, остальные подтянулись быстренько! Свобода свободой, но требования у нас высокие. Иначе как можно говорить о качестве образования?

Качество образования — главная проблема

— Но ведь не во всех вузах дела обстоят столь радужно?

— Главная проблема негосударственных вузов сегодня — в качестве образования. Среди 570 с лишним университетов, институтов, академий не более сотни — т. е. 15–20% — в состоянии дать образование хорошего уровня. Отсюда и негативный образ нашего сектора образования. Человек столкнулся с одним, вторым, третьим плохим институтом — все, образ сформирован! Почему качество образования в подавляющем большинстве негосударственных учебных заведений низкое? Причин много. Одна из них — отсутствие материальной базы. Лишь 120 вузов имеют собственную материальную базу. А это необходимейшее условие качественного образования: психология временщика известна — он готов в любой момент сняться и улететь, он не вкладывает деньги в развитие своего дела. Вторая проблема — отсутствие равных условий с государственными вузами в правовой сфере. Третья — тот самый негативный образ негосударственного образования, который мешает притоку студентов и высококвалифицированных специалистов в наши вузы, создает психологию неустойчивости.

В Национальный союз отбираем жестко

— Вы возглавили Национальный союз негосударственных вузов. В чем смысл нового объединения?

— Образовательным сообществом негосударственных вузов мы можем управлять только изнутри: у нас нет права наказывать, закрывать.

Но у нас есть нравственный закон — это Хартия Национального союза. Тем самым мы выдвигаем принципы, которые должны стать для нас законом — в сердце, в душе. Понятие высочайшей ответственности должно присутствовать у каждого, кто занимается образованием. Мы не торгуем бананами, не делаем автомобили — мы строим человека. Это высшей степени ответственное дело. Национальный союз призван стать лицом негосударственного высшего образования России. Его учредители — учебные заведения, доказавшие на практике свою способность дать качественное образование. Сейчас в союз входят пять вузов и три ассоциации, которые объединяют еще 50–60 учебных заведений. Новых членов будем отбирать по очень жестким принципам и лишь на условиях нашей хартии, потому что хотим построить структуру, которая вызвала бы уважение и доверие общества. А для этого необходимо отделить зерна от плевел.

– Вы еще и президент Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области...

– Да, он существует шесть лет. Эту апробированную модель я хочу перенести на федеральный уровень. Когда я привожу к представителям власти от имени нескольких десятков вузов, к нам прислушиваются. Примеры? Пожалуйста. В Москве ввели налог с продаж для негосударственных вузов. Мы неоднократно встречались с Лужковым и Шанцевым. И отменили налог! Цена вопроса — 12 млн долл. Национальный союз сможет вступать в диалог с властными структурами уже от имени лучших негосударственных вузов всей страны и на федеральном уровне решать вопросы, которые давно назрели.

Мы создаем свои стандарты

— Наше негосударственное образование, как бы парадоксально это ни звучало, слишком государственное! Мы учим по госстандартам, все законы написаны под госвузы. Сегодня это неизбежно, потому что наш сектор только-только становится на ноги. Негосударственному образованию в России всего 10 лет! Все стремятся к аттестации и аккредитации, потому что в этом случае государство берет на себя ответственность за качество образования — вас учат по его стандарту.

Но я могу написать свой стандарт, и он будет не хуже, а лучше! Стандарт — это не от Бога, его пишут простые люди. А в системе негосударственного образования, и в нашем университете в том числе, очень много умных людей. Это не теория: наш вуз создал два государственных стандарта. В 1990 году мы первые в России открыли факультет социальной работы и написали для него стандарт. А восемь лет назад у нас появился первый в стране факультет рекламы, и для него первый госстандарт готовили также мы.

В перспективе, я думаю, наступит время, когда нам вообще не понадобится государственный стандарт. И тогда наши вузы станут

по-настоящему свободными, именно — негосударственными. Никто ведь не спрашивает у Кембриджа и Принстона, соответствуют ли они госстандарту! Так и должно быть. И мы сможем заработать себе такой же престиж, такую же высокую репутацию. Я считаю, что у ведущих негосударственных вузов должна быть амбициозная задача: стать лучшими.

Беседовала Валерия Крылова
Интервью газете «Комсомольская правда», 2004

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВУЗЫ РОССИИ: КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Доклад на научной конференции «Высшее образование для XXI века», 2004 г.

В начале 90-х годов XX в. в ходе либеральных трансформаций в России возник новый род образовательных заведений — **негосударственные** учебные учреждения (НОУ). Подчеркиваю: новый род НОУ под названием «негосударственные». Наиболее быстрыми темпами развивались **высшие** учебные заведения этого рода.

1. Краткая характеристика структуры негосударственного высшего образования России

По данным на ноябрь 2003 г., в стране действовало более 570 вузов, 337 из которых имели государственную аккредитацию. Только в аккредитованных вузах обучалось более 450 тыс. студентов. По 220 вузам (неаккредитованным) данных о количестве студентов нет. Считается, что всего в негосударственных вузах (НВ) обучается свыше 750 тыс. человек. Думаю (и на это есть свои основания), что эта цифра не менее 1 млн студентов.

По своей величине аккредитованные НВ различны. В 11 вузах обучается от 5 тыс. — до 10, 20 тыс. и даже до 150 тыс. студентов (это Современная гуманитарная академия, осуществляющая дистанционное обучение); 13 вузов имеют численность от 3 тыс. до 5 тыс. студентов; 93 вуза — от 1 тыс. до 3 тыс.; 71 вуз — от 500 студентов до 1 тыс. сту-

дентов; в 102 вузах учатся от 200 до 500 студентов, а 64 вуза имеют менее 200 студентов, в том числе некоторые — менее 100.

В аккредитованных вузах работают более 28 тыс. штатных преподавателей, а в целом не менее 50 тыс. человек. Если говорить об общей массе НВ (аккредитованных и неаккредитованных), то они сконцентрированы в основном в Москве (примерно 300 из 571), в Южном федеральном округе (89) и Северо-Западном федеральном округе (67). На Дальнем Востоке — 16, на Урале — 28, в Сибири — 31.

При негосударственных вузах в России и за рубежом действует 720 филиалов, в которых обучаются 28,5% общего состава студентов. 8 негосударственных вузов имеют государственный статус «университет», 10 — «академия», остальные — «институт». Более 93% негосударственных вузов ведут подготовку по социально-гуманитарным наукам (экономика, юриспруденция, управление, психология и т. п.).

Согласитесь: явление весьма масштабное и сложное, затрагивающее интересы миллионов людей, всего общества и государства. И не только в России.

Хорошо известно, что становление и развитие НВ проходило непросто. Они постоянно находились в поле зрения законодательной и исполнительной власти.

Деятельность негосударственных вузов дважды обсуждала Коллегия Министерства образования РФ. На первом ее заседании в апреле 1999 г. стоял вопрос «О проблемах развития негосударственного сектора высшего профессионального образования России». В своем решении она отметила, что «к настоящему времени **сложился и состоялся** негосударственный сектор высшего образования в едином образовательном пространстве Российской Федерации» (решение Коллегии Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации от 12.04.1999 № 8/2). В апреле 2001 г. Коллегия обсуждала вопрос «О состоянии и развитии негосударственных вузов». В ее решении отмечались как позитивные «качественные изменения», так и проблемы в деятельности негосударственных вузов. Практически полностью оно было нацелено на усиление контроля за их деятельностью.

В конце сентября 2003 г. в городе Сочи состоялось выездное заседание Комитета по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии Совета Федерации РФ, на котором обсуждался вопрос «Роль и задачи негосударственных образовательных учреждений в развитии отечественной системы образования». Были заслушаны доклады председателя названного Комитета Совета Федерации В. Е. Шудегова, первого заместителя министра образования РФ А. Ф. Киселева, первого заместителя председателя Комитета Госдумы РФ О. Н. Смолина. Принято развернутое решение Комитета, в кото-

ром, в частности, отмечено, что **«негосударственные образовательные учреждения России являются неотъемлемой частью отечественной системы образования»**.

Заседания Коллегий Министерства и Комитета СФ для негосударственного образования (и не только высшего) имели судьбоносное значение. Обсуждения на всех заседаниях были острыми, однако принятые решения оказались политически взвешенными. (Я был участником всех трех заседаний и выступал на них).

Так в чем тогда дело? Почему я ставлю вопрос о кризисе идентичности?

2. Кризис идентичности

Причин несколько.

Причина первая. «Политически взвешенными» названные решения Министерства и названного Комитета СФ РФ оказались «в конце концов», но сам ход обсуждений был крайне критичным. Поводом для проведения этих заседаний во всех случаях была буквально грозовая атмосфера вокруг НВ. Даже в коридорах власти раздавались (хоть и не официальные) призывы закрыть НВ. Одной из основных причин создания так называемой «полиции качества» в МО РФ был низкий уровень качества во многих НВ. Мысль о возможности закрытия НВ среди идеологов модернизации образования жива и сегодня. Не без их участия правовое положение НВ за прошедшие 12 лет их существования не улучшилось, а ухудшилось.

Причина вторая. Негативное отношение (а идентичность есть отношение) к НВ различных субъектов общества: граждан, СМИ, многих руководителей госвузов и т. д.

Справедливости ради следует сказать, что немалая и наиболее прогрессивная часть общества с самого начала восприняла новый род вузов в новых социально-экономических и политических условиях как явление вполне естественное и закономерное. Однако большинство отреагировало на их возникновение крайне негативно, напрямую связывая появление НВ на свет с введением платы за обучение, коммерциализацией и приватизацией в сфере образования, хотя на самом деле это совершенно не так. С момента возникновения и на протяжении всех лет существования негосударственных вузов была высказана огромная масса оценок их деятельности. Оценки эти в основном остронегативные, крайне категоричные, однозначные, носят обобщающий характер. Положение дел усугубляется тем, что такие оценки с годами не ослабевают, а усиливаются. В отношении негосударственных вузов сложилась уже целая мифология, суть которой в том, что это якобы чуждое и бесперспективное для России явление, что этими вузами будто бы руководят едва ли

не сплошь люди нечистоплотные, озабоченные исключительно вопросами личного обогащения; что в вузах этого рода якобы учатся «отсевки» от конкурса в госвузы, бездари, дети богатых нуворишей и т. п. Что именно из-за этих вузов будто бы в стране резко упало качество образования.

Хотя всем известно, что в разных регионах страны уже несколько лет назад негосударственные вузы прочно встали на ноги и работают не хуже некоторых лучших госвузов. 337 негосударственных вузов прошли государственную аккредитацию, и это является официальным признанием того, что вуз выполняет требования госстандарта, т. е. работает качественно. И все же в общественном мнении бродят и обостряются идеи о том, что НВ надо бы закрыть, а идущий в них денежный поток перенаправить в госвузы. И т. п.

Причина третья. Неадекватная, на мой взгляд, реакция на критику НВ, которая во многом совершенно справедлива (если говорить о конгломерате 570 НВ «в общем и целом»), со стороны части образовательного сообщества НВ.

Как можно в сложившейся ситуации заявить, что для абитуриентов, поступающих на учебу в негосударственные вузы, (цитирую) «основными побудительными причинами выбора являются: **высокое качество** учебного процесса; **хороший уровень** воспитательной работы; **хорошие условия** для учебы; **дисциплина** в вузе; **активная** студенческая жизнь» (Зернов В. А. Негосударственное профессиональное образование: современное состояние и перспективы развития // Гуманизация образования. 2003. № 2. С. 29; см. также публикацию в журнале «Платное образование». 2003. № 11. С. 27–31)? Это слова из недавней статьи В. А. Зернова — фигуры знаковой, ректора РосНОУ, председателя Совета Российской ассоциации негосударственных вузов (АНВУЗ).

В данном случае мы имеем дело с крайне обобщенной и явно завышенной самооценкой, со своего рода «комплексом полноценности». Это крайность иного рода, и она не менее опасна, чем крайний негативизм, так как порождает настроения, будто «все идет как надо», «к нам просто придираются». Если первая крайность деморализует, то вторая демобилизует.

Далее. В течение всех лет существования негосударственных вузов ведутся бесконечные разговоры о том, что определение «негосударственные» (вузы, школы, гимназии, лицеи и т. п.) является неправильным. Кажется, что сегодня ситуация достигла пиковой точки. В упоминавшейся мною статье В. А. Зернов пишет: «...устоявшийся в правовых документах термин «негосударственное образование» был выбран законодателями **неудачно**, ибо не раскрывает сущности явления, более того, несет в себе **неверную** смысловую нагрузку. Так назы-

ваемые «негосударственные» учреждения решают по своей сути **государственные** задачи по подготовке кадров, по созданию значительного количества рабочих мест, по решению научных и социальных задач и т. д.» (там же, с. 26). В связи с этим В. А. Зернов предлагает «рассмотреть вопрос **об изменении** в действующих законодательных актах термина «негосударственные» образовательные учреждения, **возвратить** «негосударственным» вузам их название «общественные» и внести соответствующую **поправку** в законы и нормативные документы» (там же, с. 32). В завершение своей статьи В. А. Зернов выражает «благодарность **за помощь** в подготовке данной статьи» ряду членов Совета Ассоциации негосударственных вузов. Таким образом, мы имеем дело с «коллективным мнением».

Такое движение мысли я расцениваю как теоретическую неспособность объяснить и понять, *что* есть мы — «негосударственные», как интеллектуальную капитуляцию, как последнее и самое явное доказательство **кризиса идентичности**. Ибо что такое идентичность? Это не только отношение одного субъекта к другому и действующего субъекта к самому себе. Это и проблема познания, поиск ответа на главный вопрос «что это такое?», взгляд «со стороны» и взгляд «изнутри» — «что есть я?». Глубина ответа зависит от многих факторов, и в частности, от той источниковой базы, на которой строятся оценки и выводы, не говоря уж об объективности или пристрастности исследователя, которая в социальной сфере широко распространена.

По моему мнению, оценки негосударственных вузов как социального явления «в целом» формируются главным образом на основе отдельных и разрозненных **негативных фактов**, которые (даже если они многочисленны и носят вопиющий характер) покрывают далеко не все поле деятельности негосударственных вузов. Коль факты негативные, то и отношение к негосударственным вузам складывается негативное. Коль скоро позитивной информации о негосударственных вузах нет или она игнорируется, то и оценки в основном, а то и **однозначно** негативные.

Одним словом, и оценки, и отношение к негосударственным вузам имеют прежде всего **психологическую** базу, построены на основе **восприятия** действительности, представляют собой эмоциональную, чувственную стадию постижения истины, являются «смутным знанием», схватывающим **внешние** и лишь некоторые, не всегда основные свойства предмета. Чувственный образ негосударственного образования принимается за образ мыслимый, логически обоснованный, истинный. Но это, увы, не так.

Сегодня в нашем повседневном словарном обороте оказалось множество новых терминов и выражений, которые еще совсем недавно в нем отсутствовали. «Либерализация», «рыночная экономика», «ча-

стная собственность», «глобализация», «новый мировой порядок», «международный терроризм», «наступление НАТО на Восток», «Единый государственный экзамен», «государственное именное финансовое обязательство», «негосударственное образование» и т. д. и т. п. Их сотни, этих новых слов и терминов. Все они определяют содержание нашего мышления. Мы полагаем, что знаем, что они означают. Но так ли это? Сплошь и рядом мы знаем **слова и названия** явлений, событий, процессов, но **не их содержание**, **не глубинный смысл**, т. е. **сущность**. Сплошь и рядом мы **подменяем знание сущности** предмета знанием его названия, которое принимается за понятие. Хотя на самом деле это **иллюзия знания, иллюзия понятия, иллюзия понимания**. Между тем мыслим мы не словами и терминами, а **понятиями**, то есть **о-смысленными** словами и терминами. Иначе говоря, словами и терминами, которые мы насытили смыслом в процессе научного о-смысления. Без понятий нет понимания.

Проблема «негосударственного» образования не относится к разряду глобальных проблем высшей степени сложности. Но и упрощать ее не следует. Негосударственное образование, как уже было показано, это весьма масштабный и непростой социально-культурный феномен. Природу, происхождение и значение (роль) негосударственного образования нельзя объяснить и понять вне связи с историей, а также природой порождающего его современного общества и происходящими в нем экономическими, социальными и культурными процессами. «Негосударственное» образование — это комплексная проблема, которую надо исследовать (о-смыслить) с разных сторон, опираясь на разные науки. Пока мы этим не занимались.

Таким образом, **кризис идентичности** негосударственных вузов России я рассматриваю как **кризис понимания** того, *что* есть «негосударственные» вузы, «негосударственное» образование вообще. Как пока явную неспособность дать объективные ответы на вопросы, откуда они взялись — «негосударственные», каковы их природа, причины происхождения, смысл существования, место и роль в системе общественных, и в частности образовательных, отношений, перспективы развития и т. п.

При этом надо сказать, что вопрос об идентичности — не чисто теоретический, не выверт ума отдельного исследователя. Он имеет самый что ни на есть практический смысл. Не ответив на вопрос: «Что есть мы — «негосударственные?», мы не сможем ответить на следующий, не менее важный вопрос: «Зачем мы?» — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Дело это непростое, в одном докладе эту тему не раскрыть. Возьму всего два момента.

Вот, скажем, вопрос

3. О причинах возникновения негосударственных вузов

Вопрос наиважнейший, ибо это вопрос о корнях явления, о его генотипе. Если корни глубоки, а гены здоровые — одни устойчивость и живучесть, а если поверхностные и больные — совсем иные. Корни и гены — вопрос судьбы.

Вот некоторые высказывания по этому поводу весьма уважаемых мною людей.

И. Б. Федоров, ректор МГТУ им. Н. Э. Баумана, считает, что «когда создавались негосударственные вузы, их основной задачей было: разгрузка госбюджета и увеличение доступности образования за счет тех слоев населения, которые в состоянии оплачивать обучение своих детей» (Независимая газета. 2004. 2 апреля. С. 8). Это правда, такая причина была и есть.

Ректор Московского государственного социального университета В. И. Жуков полагает, что в свое время «негосударственные вузы задумывались как своего рода **агентства занятости**, чтобы молодые люди не пополняли ряды безработных, не попадали в криминальные структуры» (Труд. 2003. 29 октября. С. 1, 2). Другими словами, учеба в негосударственных вузах — это «отложенная безработица». И это тоже правда.

Проректор **негосударственного** вуза А. П. Березовский считает: «...зарождение негосударственного образования в России означало переход от безальтернативного образования к **альтернативному**, **поисковому**... Исходно негосударственная школа брала на себя функции оперативной разработки и **апробации новых моделей образования**» (Березовский А. П., Борисов В. М. Негосударственная высшая школа России. М., 2000. С. 74).

Высокая амбиция, но «что-то в этом есть...»

Ректор также негосударственного вуза (РосНОУ), президент АНВУЗа В. А. Зернов полагает, что «появление и развитие негосударственных образовательных учреждений в России вызвано, прежде всего, объективными социально-экономическими предпосылками, связанными с изменением спроса определенных групп населения на создание образовательных **учреждений нового типа**, наличием **предложений** со стороны значительного числа **энтузиастов**, разрабатывающих и реализующих собственные подходы в организации, содержании и методике образовательного процесса» (Зернов В. А. Указ. ст. С. 24). Такое объяснение возможно.

Одним словом, каждый из названных авторов, если подходить к вопросу ситуативно, конъюнктурно, — прав. Но прав лишь частично. Ибо такое объяснение возникновения негосударственных образовательных учреждений в России фрагментарно и в каждом отдельном случае — поверхностно. Ведь негосударственное (частное, общественное, религиозное и т. п.) образование — явление общеисториче-

ское, а не внутрироссийское, причем явление весьма сложное. Как известно, сложные явления не имеют простых объяснений.

Если подойти к вопросу о причинах возникновения НОУ в нынешней России вполне основательно, то окажется, что дело не только и не столько в том, что кому-то «вдруг» в голову ударила мысль создать негосударственные вузы, чтобы «разгрузить госбюджет», «занять чем-то ту молодежь, которая не поступила на бесплатное обучение в госвузы», чтобы удовлетворить «запрос энтузиастов», желающих организовать такого рода учебные заведения и т. д. и т. п.

Давайте вспомним, что образование — явление более древнее, чем государство, то есть догосударственное. Что и в государствах Древнего Востока — Китае, Египте, Вавилоне, Ассирии; в Древней Греции, Древнем Риме, в Византийской империи **оно тысячелетиями существовало как не-государственное**: всюду учебные заведения, называвшиеся школой, создавали либо частные лица, либо церковь, либо общественные объединения.

Первый средневековый **государственный** Константинопольский университет «Аудиториум» был создан в 425 г. императором Феодосием II. «До этого, — отмечают исследователи (Н. Карлов), — образование было либо частным, либо муниципальным, но **никак не государственным**» (Alma Mater. 2003. № 10. С. 43–44).

Первый западноевропейский университет был открыт в итальянском городе Болонья в 1088 г., и он не был государственным. Это была **ассоциация студентов**.

Парижский университет (1225 г.) также не был государственным. Он представлял собой **корпорацию профессоров (магистров)**. То же самое надо сказать об Оксфорде и Кембридже.

Первый государственный западноевропейский университет был открыт в 1224 г. в Неаполе.

Государственное и негосударственное образование испокон веков сосуществуют во всех странах мира. В США количество негосударственных университетов и колледжей составляет 70%, т. е. вдвое больше, чем государственных, хотя по числу студентов доминируют государственные. Наиболее престижные с мировой известностью вузы США — Стэнфордский, Йельский, Гарвардский, Корнельский, Колумбийский, Принстонский — это частные вузы. В Японии, наоборот, в 95 госвузах и 41 муниципальном вузе обучаются 635 тыс. студентов, а в 384 частных вузах — 1 млн 680 человек. **В Южной Корее и на Филиппинах** частный сектор занимает **ведущие позиции** на рынке образовательных услуг. Практически **80%** всех студентов обучаются здесь в частных вузах.

Другое дело — Россия. Здесь **высшая** школа возникла при Петре I как государственная. Но до тех пор с древних времен существовали

школы частные, общественные, церковные. Государственных школ не было. Любопытно, что и Петр I уже в 1705 г. создал частную школу Э. Глюка, которой его указом был дан статус «вольной», предоставлена финансовая поддержка (3 тыс. руб.) и право приглашать учителей из-за границы. С тех пор в Российском обществе началась и в течение XVII–XVIII вв. продолжалась борьба **двух тенденций**: **либерально-демократической — со стороны общества**, и **охранительно-консервативной — со стороны государства**. Возможности для негосударственного образования то улучшались, то ухудшались.

Начало XX в. отмечено в России возникновением **вольной высшей школы**. К февралю 1917 г. в России устойчиво работали 59 негосударственных вузов. Вольная школа по численности практически сравнялась с государственной (65).

Я привел все эти факты лишь для того, чтобы сделать вывод: **негосударственное образование — явление** в человеческой истории **естественное и закономерное**. Ибо таковым по своей природе образование является изначально, издревле. Либеральное (свободное, вольное, независимое) образование присутствовало во все времена и практически во всех странах, где для этого существовали необходимые социально-экономические и политические условия. Во-первых, это **частная собственность**, вызывающая к жизни частную предпринимательскую инициативу. Во-вторых, это духовные, экономические и политические **свободы**, в том числе свобода предпринимательской деятельности, которая, если это не запрещено национальными законами, неизбежно проявляет себя и в сфере образования.

Свобода и частная собственность — вот объективные, глубинные и фундаментальные причины возникновения негосударственного образования в любой стране, в том числе и в России. Все остальные причины имеют второстепенный характер.

На мой взгляд, этот вывод имеет большое значение. Тот, кто выступает против негосударственного образования «в принципе», «вообще», тот неизбежно должен определить свое отношение к природе и фундаментальным ценностям существующего ныне социально-экономического уклада, идеологии и стратегии развития России.

Или взять вопрос

4. О роли и месте негосударственных вузов в российском социуме и системе образовательных отношений

Здесь мы тоже встречаемся с довольно странными подходами.

В 1996 г. на одном из заседаний Коллегии Министерства общего и профессионального образования РФ В. Г. Кинелев — бывший тогда руководителем этого ведомства — изложил свое представление о системе высшего образования страны, включающей негосударст-

венные вузы. По его мнению, «модель российской системы высшего образования можно образно представить в виде мощного **ядра государственных вузов**, окруженного тонкой, но динамичной **оболочкой** негосударственных высших учебных заведений, которые в силу своей специфики будут определять вектор перспективных направлений для государственных вузов, а последние, в свою очередь, инициировать повышение качества подготовки в негосударственных» (Региональная политика РФ в области образования. Вып. 9. Саранск, 1997. С. 286).

Не думаю, что этот вывод — плод глубоких размышлений В. Г. Кинелева. Ну, сказанулось по ходу дела, и все...

Но дело в том, что эту мысль, рождающую в уме весьма порнографический образ, подхватило и вот уже в течение восьми лет развивает руководство АНВУЗа.

Еще один пример. Ректор Международного банковского института (Санкт-Петербург) В. Н. Вениаминов считает негосударственные вузы «аналогами предприятий среднего и малого бизнеса в экономике», говоря, что вузы этого рода играют в общей системе образования «роль экспериментальной лаборатории этой системы на этапе перехода к новым, непривычным условиям рыночных отношений» (Вениаминов В. Н. Негосударственные вузы накануне демографического кризиса в России // Известия. 2001. № 2. С. 63, 64).

Здесь мысль направлена в верную сторону, но не доводится до конца.

Вот тезис, в контексте которого следует размышлять о месте и роли негосударственных вузов: **современная Россия — это Россия капиталистическая**. Капитализм как **реальность** уже полностью заместил в России социализм в том смысле, что общественная собственность на средства производства в нашей стране уничтожена и ее еще недавно господствующее положение заняла собственность частная.

Вдумаемся в такие цифры...

Уже в 1996 г. из 2 млн 249 тыс. организаций и предприятий 63,4% (2 млн 14 тыс.) были приватизированы, т. е. стали частными, в собственности общественных и религиозных организаций находилось 95 тыс. (4,2%), прочие формы собственности, включая смешанную российскую, иностранную, совместную российскую и иностранную, — 209 тыс. (9,3%). В то время государственными в «чистом виде» оставались **14,3%** (322,2 тыс.) предприятий, муниципальными — 197,8 тыс. (8,8%).

На 1 января 2003 г. государству принадлежало всего 4,1% (157,1 тыс.) из 3 млн 845 тыс. организаций и предприятий, 157 тыс. (6,2%) были муниципальными, 244 тыс. (6,4%) принадлежали общественным и религиозным организациям, 247,8 тыс. (6,4%) составляли российскую и иностранную собственность, **76,9% предприятий и организаций были частными** (Россия в цифрах. 2003. М., 2003. С. 158).

Только на малых предприятиях численность работающих составляет ныне около 7,5 млн человек, они произвели продукции на 1 трлн 159 млрд руб. Число фермерских хозяйств близится к 300 тыс. За 1992–2002 гг. изменили форму собственности 140,3 тыс. государственных и муниципальных предприятий. Из 118 тыс. 236 строительных организаций более 106 тыс. являются частными и только 2762 — государственными (там же, с. 160, 166, 218). Из общего числа занятых в экономике в возрасте 15 лет и более 58 млн. человек (95%) являлись работающими по найму, почти 1 млн занятых (1,5%) — работодатели, привлекающие для осуществления своей деятельности наемных работников, и около 2 млн человек (3%) являлись индивидуальными предпринимателями (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года // Российская газета. 2004. 31 марта. С. 15).

Реальностью является и то, что экономика России — рыночная. Игнорировать этот факт невозможно. Примем во внимание, что рыночная экономика — это глобальный потребитель и заказчик образовательных услуг, что рыночная экономика и рынок образовательных услуг — взаимосвязанные и **саморегулирующиеся** системы. При этом рынок образовательных услуг должен действовать (и действует) по законам **обратной связи**, то есть чутко реагировать на **запросы** рыночной экономики.

Не может существовать общества, в котором экономика — рыночная, а образование — плановое; общество (по крайней мере, власть) исповедует идеологию либерализма, а образование строится на принципах социализма. Это значит, что, не будучи способным обеспечить бесплатное обучение всем желающим, Российское государство вынуждено избрать промежуточный вариант, в котором бесплатные услуги соседствуют с платными, государственные вузы сосуществуют с негосударственными, которые (по логике вещей) государство должно бы уравнять в правах с госвузами (льготное налогообложение, создание достойной материально-технической базы, предоставление субсидий и т. п.).

Рынок образовательных услуг, который в России уже объективно существует, действует на основе объективного экономического закона стоимости, регулирующего связи между товаропроизводителями, распределение и стимулирование общественного труда в условиях **товарно-денежных** отношений, согласно которому производство и обмен товарами осуществляются на основе их **стоимости**, величина которой измеряется общественно необходимыми затратами труда, уровнем **спроса и предложения**.

Огромный спрос на специалистов в области социально-гуманитарных знаний — экономистов, финансистов, юристов, управленцев, психологов и многих других, на который в начале 90-х годов не смог-

ли мгновенно среагировать государственные вузы, позволил возникнуть и быстро сформироваться негосударственному сектору высшего образования, оказывающему **платные** услуги потребителям на **договорных** основах. Это означало появление в России реального **рынка** образовательных услуг. Негосударственные вузы — подлинно рыночные структуры. И в этом проявляется их экономическая сущность. В этом их **особая роль**, которую не предназначены играть государственные вузы.

Ответ на вопрос **о месте** негосударственных вузов в системе российского образования, на мой взгляд, вообще не подлежит дискуссии в том смысле, что формально он определен Законом «Об образовании», а также Законом «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». В статье 4 этого закона «Структура системы высшего и послевузовского образования» говорится, что структура этой системы (кроме госстандартов) представляет собой «совокупность имеющих лицензии высших учебных заведений... независимо от их организационно-правовых форм». Иначе говоря, негосударственные вузы — это относительно самостоятельная **подсистема** российского высшего образования.

Заметим: в законе речь идет о вузах, имеющих только лицензию, а не аккредитацию. Но это формальный подход. **Реальное** положение негосударственных вузов в системе высшего образования зависит, конечно же, от качества составляющих ее вузов, уровня их деятельности, от того, насколько органична и целостна эта подсистема с точки зрения понимания своей миссии, целей и стратегии развития.

Любая система представляет собой определенную целостность, единство, совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом. В данном случае важно, насколько богаты, прочны и устойчивы образовательные отношения, которые связывают между собой 570 негосударственных вузов как элементы и этой подсистемы по «вертикали» и по «горизонтали», по «прямым» и «обратным» связям с точки зрения их зависимости и взаимозависимости.

Вот всего два сюжета, на мой взгляд, более основательного подхода к самоидентификации негосударственных вузов, которую необходимо продолжать общими усилиями исследователей образования.

Осуществить самоидентификацию негосударственных вузов — значит описать их общую совокупность в качестве относительно устойчивой, тождественной самой себе целостности, придать термину «негосударственный» его собственное значение, строго фиксированный смысл, вложить в него внятное содержание, очертить границы негосударственных вузов в том классе предметов, к которым они относятся. Этот класс — высшие профессиональные учебные заведения страны.

Во-первых, необходимо признать, что государственные и негосударственные вузы — это образовательные учебные заведения одного класса и одного и того же **общего назначения** — высшие профессиональные.

Во-вторых, что при одной и той же идентичности это вузы **разного рода.**

В-третьих, что принадлежат к **разным сферам** общества: госвузы — к государственной, негосударственные вузы — к негосударственной.

Возрождение негосударственного образования в России есть один из плодов свободы. Негосударственные вузы — это **детище либерализма**, одно из звеньев нарождающегося **гражданского общества**. Сегодня гражданское общество трактуется так: «1) общество, в котором сочетаются частные и общие интересы; 2) общество, достигшее **партнерских** отношений с государством, способное поставить государство **под свой контроль**, в котором возможность его членов реализовать свои права и обязанности дополняется способностью государства обеспечить безопасность общества в целом и отдельных граждан; 3) **общество, контролирующее** не только **государство**, но и богатство страны. В целом гражданское общество можно охарактеризовать как **самоорганизующееся** начало и сосредоточение **негосударственных** отношений» (Новая философская энциклопедия. М. : Мысль, 2000. Т. 1. С. 549).

Гражданское общество охватывает все предприятия, организации и ассоциации, которые существуют **вне государства**, действуют в основном на основе самофинансирования, самоуправления, и в этом смысле независимы от властного центра. Гражданское общество — это общество граждан с высоким социальным статусом, широкими и разнообразными правами и их автономных от государства объединений, ассоциаций, организаций и т. п., где преобладают не вертикальные (господства и подчинения), а горизонтальные связи (конкуренции и солидарности). В самом нестрогом смысле гражданское общество можно определить как сумму (систему?) всех «негосударственных» идей, мыслей, чувств, добродетелей и действий граждан, способных к самоорганизации и объединившихся ради реализации своих интересов и целей.

Наивно полагать, будто свобода приходит к нам в виде небесного дара и безусловного блага. Свобода — это страшный вызов, а то и зло. Тем более страшный для людей, не знавших свободы, не способных понять «от» чего они освободились. Свобода обернулась злом для многих людей, не знающих, «для» чего она им необходима и как ею воспользоваться. Многие негативные, уродливые явления, которые мы наблюдаем сегодня в России во всех областях жизни (политике, бизнесе, в частности в негосударственном образовании), — от разру-

шительного своеволия как следствия неспособности воспользоваться свободой для ответственного созидания. Неспособности понять, в частности, что граждане должны иметь регулируемую правом, но **не зависимую** от государства сферу **самоорганизации и свободы** в любой области жизни. В том числе в сфере образования.

Знаменательно, что в октябре 2003 года Госдума РФ приняла в первом чтении проект Закона «О саморегулируемых организациях». Новый закон должен помочь «противостоять бюрократическому прессу. Законопроект базируется на следующих основных принципах: добровольного объединения субъектов предпринимательской деятельности в саморегулируемые организации (СРО), последовательной активизации процессов дебюрократизации экономики и поддержки формирования в стране **гражданско-правовых институтов**, нацеленных на закрепление добросовестной практики ведения хозяйственной деятельности.

Согласно законопроекту, саморегулируемая организация является **негосударственной** некоммерческой организацией, объединяющей лиц, осуществляющих один или несколько однородных видов лицензируемой предпринимательской деятельности. Одной из функций СРО, отмеченной в законопроекте, определена защита интересов предпринимателей **в их отношениях с государством**. При возникновении любых конфликтов и споров между федеральным (региональным) органом исполнительной власти и участником СРО **противостоять государству** от имени данного участника будет сама такая организация. То есть **индивидуальное** противостояние предпринимателей государству заменяется **коллективным** противостоянием» (Российская газета. 2003. 21 октября)[1].

Убежден, что негосударственные образовательные организации, и прежде всего высшие учебные заведения, являются исключительно важными звеньями формирующегося гражданского общества, потому что в нем в качестве главного механизма регуляции общественной жизни выступают ценности и образцы культуры, т е. прежде всего моральные и правовые идеалы, принципы и нормы, а также воспитанные человеком в себе «простые» гражданские качества (гуманность, порядочность, честность, доверие, ответственность и т. д.). Властные структуры государства играют в этой регуляции хотя и важную, но все же второстепенную роль.

---

[1] Хочу заметить, что я вовсе не склонен представлять государство как силу только отрицательную, а гражданское общество — как силу только положительную. Есть люди, которые объединяются для достижения не только высоких, но и низких целей. Некоторые объединения выглядят очень плохо и непонятно, сеют смуту и хаос. Скажем, организованная преступность находится вне сферы государства. Однако считать ее элементом гражданского общества не захочется никому.

5. О понятии и основных признаках негосударственного вуза

Исключительно важным моментом идентификации негосударственных высших учебных заведений является вопрос об их понятии. Мы мыслим понятиями. Мышление — это процесс оперирования понятиями. Как отмечал Аристотель, «невозможно ничего мыслить, если не мыслить каждый раз что-нибудь одно».

Когда разные люди, произнося одно и то же словосочетание «негосударственные вузы» подразумевают под этим термином каждый свое (один — «внебюджетные», второй — «общественные», третий — «самофинансируемые», четвертый — «некоммерческие», пятый — «неправительственные» и т. д.), то они никогда не достигнут серьезного результата в дискуссии.

Негосударственное образование в России — явление очень молодое, его теоретическое осмысление только начинается. Тем не менее, как уже отмечалось, поставлен вопрос о смене его имени, что само по себе вредно не только в научном плане, но опасно для практической деятельности и перспектив развития негосударственного образования. Мало того, что к негосударственным вузам у общества накопилось немало совершенно обоснованных претензий по поводу их деятельности. Теперь к числу компрометирующих фактов добавляется интеллектуальная беспомощность, неспособность ответить на вопрос «Что это такое?». В этом вопросе также существует несколько поверхностных суждений, построенных на ощущениях, эмоциональном восприятии, интуиции и догадках. Между тем выработка понятия — это операция **логическая**, это переход от чувственной ступени познания к абстрактному мышлению. Это гораздо более сложная операция. Тут ощущения, восприятия и представления отходят на второй план, а то и вовсе не имеют значения.

Разумеется, можно без труда со всех сторон описать тот или иной **конкретный** негосударственный вуз и сказать: вот ответ на вопрос, что это такое. В этом случае мы объясним нечто **единичное и реальное**, сущее (существующее), которое может оказаться совершенным. Или наоборот, уродливым. В том и другом случае можно говорить об исключительности и случайности. Нас же должен интересовать вопрос сущности, т. е. те свойства и качества, которые свойственны **всем** вузам, относящимся **к роду** «негосударственных», их должное состояние, обобщенный образ, своего рода теоретическая матрица, «наложив» которую на тот или иной вуз, можно было бы сказать: «Этот вуз — негосударственный». А далее — «негосударственный» в полной мере или только частично.

Любое обобщение достигается за счет отвлечения от всех индивидуальных особенностей предметов (в данном случае вузов) или групп

предметов (скажем, вузов какого-либо региона) в пределах данного рода (всех негосударственных вузов РФ). При этом происходит отождествление всех предметов по тем их сторонам, которые выделены в качестве основы для обобщения, благодаря чему множество предметов (у нас — 570 негосударственных вузов) объединяется в одной мысли под одним общим для них названием (именем). В нашем случае это название «негосударственные вузы» без всякой привязки к региону или городу, «негосударственные вузы» вообще.

«Мы называем понятием мысль, — пишет Е. К. Войшвилло, — представляющую собой результат обобщения (и выделения) предметов или явлений того или иного класса по более или менее существенным (а потому и общим для этих предметов и, в совокупности, специфическим для них, выделяющим их из множества других предметов и явлений) признакам» (Войшвилло Е. К. Понятие. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1967. С. 117).

Будем считать вопрос о том, что такое высшее учебное заведение (вуз) «вообще», достаточно ясным. Поэтому в данном названии (имени) нас прежде всего интересует логическое приложение «негосударственный». Анализ происхождения «негосударственного» образования дал нам многое, показав, что с древних времен образование развивалось в различных формах, было делом частным, церковным или общественным, а не только государственным, являлось платным, а не только (и не столько), как говорят сейчас, «бюджетным». Все это позволяет утверждать, что ему изначально (по природе и происхождению) присущи некоторые свойства и качества, которые определяют его отличие от образования государственного. Однако понятие «негосударственное» ни в те времена, ни позднее не употреблялось. Почему — другой вопрос. Впервые оно появилось в 1992 г. в Законе РФ «Об образовании». Повторюсь: я полагаю, что это термин правильный, а не ошибочный вообще, а для нынешней России — тем более.

Уже говорилось о том, что идея построения гражданского общества вообще молода. Она возникла около 200 лет назад в странах, где частная собственность уже была священна, где свобода и гражданское общество уже существовали, а государство «знало свое место». Поэтому в США, Великобритании, Японии, Франции, Германии понятие «частный вуз» привычно, нет нужды напоминать, что он «негосударственный».

Иное дело в России, где гражданского общества, по существу, не было никогда. До 1917 г. властвовало самодержавие. В советские годы мы говорили «общество» — подразумевали «государство», говорили «государство» — подразумевали «коммунистическая партия». Ныне в России можно спорить лишь о том, что гражданского общества ли-

бо нет, либо нет совсем. Государство сегодня всесильно и абсолютно бесконтрольно. Чиновничий произвол стал притчей во языцех.

Однако, как говорится в Конституции РФ, «народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». И если следовать Конституции, государственный аппарат нужен, быть может, прежде всего для того, чтобы способствовать возникновению гражданского общества и обеспечить его существование. Социальный порядок в стране может быть построен прежде всего «снизу» на предпринимательском духе и воле отдельных лиц. И все это предпринимательство — явление, в сущности, негосударственное.

Вузы, которые возникли рядом с государственными, являются одним из видов социальных предприятий и представляют элементы нарождающегося гражданского общества.

«Негосударственный вуз» — значит свободный, независимый агент гражданского общества. Вот первая характеристика сущности «негосударственного» вуза.

«Негосударственный вуз» — значит самофинансируемый. Это не тождественно понятию «платный». Платные образовательные услуги оказывают и государственные вузы (сегодня в некоторых ведущих госвузах внебюджетные средства составляют от 50 до 80%). Самофинансируемый — значит функционирующий и развивающийся только за счет средств, полученных от потребителей образовательных услуг, существующий на собственной учебно-материальной базе.

Самофинансирование — чрезвычайно важная характеристика сущности негосударственного вуза. Поэтому те, кому не по душе термин «негосударственный», предлагают заменить его на определение «самофинансируемый» или «внебюджетный». Однако «самофинансирование» — это лишь **одна из** существенных характеристик негосударственных вузов — экономическая. Существуют и другие.

Негосударственный вуз» — (в организационном плане) значит самоорганизующийся, самоуправляемый, саморазвивающийся. Негосударственные вузы действуют в рамках российских законов. Но это практически единственный ограничитель их деятельности. Инструкции и другие нормативные документы образовательного ведомства, если они не касаются ГОС, аттестации и аккредитации, носят для негосударственных вузов примерный характер. Они свободны в определении стратегии и направлений своей текущей деятельности, в разработке оргструктуры, штатного расписания, назначениях на должности, политики в области заработной платы и т. п.

Если **конечный эффект** управления вузом можно определить одним словом «успех», то это значит, что он является продуктом множества грамотных управленческих решений многих людей; это сумма малых

успехов на всех направлениях деятельности. Все, кто включен в этот процесс и работает на успех вуза, — это члены **единой команды**, действующей по заранее провозглашенным и принятым правилам. Командный принцип работы — это признак самоуправляемого, т. е. негосударственного вуза.

«Негосударственный вуз» — значит в политическом плане свободный. Свободный «от» чего? От заботы государства о том, есть ли и какая у нас материально-техническая база, деньги на зарплату и развитие, как мы организуем свою деятельность. Государство в лице министерской аккредитационной комиссии появляется в вузе один раз в пять лет и выносит «приговор»: вуз — не вуз, университет — не университет. В промежутках между комиссиями нам не надо просить у государства ни свободы, ни автономии.

Мы свободны — «для» чего? Чем грозит нам свобода — успехом или поражением? Это никого, кроме нас самих, не волнует. Наша судьба исключительно в наших свободных руках. От чего же зависит теперь, когда мы свободны, эта судьба? От того, **как мы распорядимся свободой**, которая приходит в этот мир вначале как гром небесный, как разрушительный ураган, ибо раскрывает не только светлые, но и все темные силы своеволия, которые таятся в темных подвалах человеческого сознания и души.

Что делает свободу созидательной силой? Понимание ее существа и **ответственность** в обращении с этим могущественным явлением. Ответственность — вот явление, которое должно возникать при первом же дуновении свободы, вот качество, которое должно характеризовать вуз, если он называется «негосударственным», которое должно пронизывать насквозь всю его систему управления, которое должно быть присуще каждому работнику.

«Негосударственный вуз» — это предпринимательская организация. Это еще одна характеристика его сущности, которая отличает этот род высшего учебного заведения от государственного.

Я говорю «предпринимательская», что не означает «коммерческая». Это два разных понятия, хотя и близких.

«Коммерция» в переводе с латинского — «торговля»; «коммерческий» — значит «торговый», «купеческий». Важно понимать, однако, что вуз (мы говорим о рынке образовательных услуг) является участником рыночных отношений, но **опосредованно**, как производитель «продукта», «товара», а не его продавец. Поскольку «продуктом» является человек, получивший в вузе специальные знания, навыки и умения и в этом смысле представляющий собой на рынке труда определенную ценность и стоимость, то в роли продавца «товара» выступает он сам: сам оценивает свою стоимость, сам выставляет себя на торги, сам торгуется с покупателем (работодателем), сам заключает

с ним трудовой договор (контракт) на «продажу». Поэтому, если рассуждать о деятельности высшего **профессионального** учебного заведения в экономических категориях, вуз можно назвать скорее производственным **предприятием**, но никак не торговой фирмой, осуществляющей торговые операции **непосредственно**.

Вуз предлагает образовательную услугу, за которую поступающий на обучение платит деньги, дающие начало «производственному» процессу, который длится несколько (четыре-пять) лет и завершается выпуском «продукта». Но этот «продукт» **не является собственностью** «предприятия» (!) и **не может быть продан им** с целью получения **прибыли**. Вот почему (и совершенно не случайно) согласно Гражданскому кодексу РФ вузы являются организациями **некоммерческими**. Они создаются не с целью извлечения прибыли (получения денег), которая является **конечной** целью коммерческого предприятия. Смысл их деятельности — «образование» продукта, который имеет не только потребительскую стоимость и ценность для экономики, но и для **всех иных сфер общества**. Все деньги, которые приносит с собой человек в вуз, расходуются на цели осуществления образовательного («производственного») процесса.

Создав вуз, который обеспечивает свое существование за счет тех средств, которые он получает путем образования определенных ценностей, учредители создали специфическое, но **пред**приятие, постоянно должны что-то **пред**принимать, чтобы оставаться живыми и развиваться. Они заведомо обрекли себя на то, что будут действовать в зоне повышенного риска, будут придумывать что-то такое, чтобы выигрывать в борьбе с подобными себе «предприятиями». В самом широком смысле **предприятие** — это не здание, в котором работают люди, а **широкий и дальновидный план**, для осуществления которого требуются долговременные совместные действия нескольких (или многих) лиц, подчиненных единому замыслу и единой воле. Предприятие — это путешествие в неизвестность, это в определенном смысле приключение. Но это значит, что за такое дело должны браться люди, которые готовы рисковать, способны постоянно думать, как преодолеть возникающие препятствия.

Таким образом, словосочетание «предпринимательская организация» применительно к высшему учебному заведению указывает не на функцию или на тип организации по Гражданскому кодексу РФ (коммерческая или некоммерческая организация), а на **тип связей и отношений** внутри вуза, на их организацию управления и **способ управления**.

Из этого следуют важные выводы.

Во-первых, это означает, что негосударственный вуз производит определенные ценности, в качестве которых выступают: а) образова-

тельные услуги — как основные (специалисты различного уровня подготовки, кадры высшей квалификации), так и дополнительные; б) научная и книжная продукция.

Во-вторых, это значит, что на негосударственный вуз распространяются те же **правила игры**, которые существуют для рыночных про-изводственных предприятий. То есть всегда присутствует **фактор риска**, предполагающий способность организации в условиях меняющихся внешних обстоятельств быстро изменять направления деятельности, свою организационную структуру, численность работников и т. п. И это в условиях, когда технология производства «конечного продукта» (выпускника-специалиста) имеет продолжительность не менее пяти лет, а сама образовательная среда весьма консервативна и настороженно относится к производимым переменам. Тем не менее, не имея никакой финансовой поддержки со стороны, предпринимательский вуз вынужден проводить политику **опоры исключительно на собственные силы**, культивировать дух предпринимательства и такой тип **внутриорганизационных отношений**, такой предпринимательский стиль управления и внутривузовских отношений, который характеризуется понятиями «доверие», «взаимопонимание», «ответственность», «четкость», «исполнительность», «дисциплинированность».

Вуз, конечно же, нельзя отождествлять с заводом или фабрикой в буквальном смысле уже только потому, что в качестве его конечного «продукта» и «товара» выступают не материальные вещи, а «специалисты». Хотя брать надо шире — человек, личность, знания, духовные и нравственные ценности. Это и определяет, главным образом, характер наших межличностных, «производственных» и управленческих отношений, ибо человек «обрабатывается» человеком: ум — умом, душа — душой, характер — характером. Качества обучаемых создаются качествами обучающих.

Однако то обстоятельство, что у негосударственного вуза нет источников внешнего финансирования, что основным условием выживания, а значит, главной целью и основным критерием успеха вуза становится его собственный денежный доход, вносит во все виды отношений **особый мотив и особое напряжение**, вытекающие из вопроса: «А что ты сделал для общего выживания и благополучия?». По-новому, более остро встают вопросы **справедливости** в оплате труда и морального поощрения, конфликта «пчел» и «трутней.

Это значит, что дух предпринимательства, предпринимательское отношение должны пронизывать **всю атмосферу жизни** негосударственного вуза от профессоров до студентов, от ректора до рядового исполнителя. Предпринимательство — это состояние ума и души, одержимость вопросом: «Какие шаги я должен еще **предпринять** для

поиска более **выгодных** способов организации обучения, научных исследований, новых идей, связей, контрактов, обещающих рост благополучия в равной мере как вузу, так и мне лично?»

Таким образом, мы близки к тому, чтобы в первом приближении ответить на вопрос, что такое — «негосударственный» вуз. Мы достигли обобщения понятия за счет отвлечения от некоторых «индивидуальных» особенностей государственных вузов в пределах общего класса — высших профессиональных учебных заведений. При этом произошло отождествление всех предметов пока по пяти их важнейшим сторонам, благодаря чему множество предметов (вузов) объединяются в одной мысли под одним общим для них названием — «негосударственные» вузы.

«Негосударственный» — это **предельно** обобщающая характеристика всех форм и типов образования, которые находятся за пределами государственного контроля полностью или хотя бы в основном. Негосударственные образовательные учреждения — это особый род вузов, относительно самостоятельная и в принципе (с точки зрения долженствования) равноправная с государственной подсистема системы образования того или иного общества.

Словом «негосударственные» выделен класс «предметов» (в данном случае высших учебных заведений). Если не вдаваться в рассмотрение множества особенностей **каждого** из «негосударственных» вузов, а выделить лишь самые существенные, т. е. те, о которых говорилось и которые характеризуют каждый из них независимо от того, «что это»: университет, академия или институт; кем создан — юридическим или физическим лицом, государственной структурой или общественной организацией, то определяющие признаки негосударственного вуза будут следующими:

— все они являются элементами гражданского общества;

— все создаются в соответствии с российскими законами и действуют согласно им;

— все действуют на основе самофинансирования;

— все являются самоорганизуемыми, самоуправляемыми, саморазвивающимися;

— все являются относительно свободными;

— все являются предпринимательскими организациями.

Безусловно, существуют и иные признаки, которые следовало бы учесть при определении «негосударственного» вуза, но уже и сказанного достаточно, чтобы дать достаточно полное определение этого понятия. **«Негосударственным называется высшее профессиональное учебное заведение, которое создается в соответствии с Конституцией РФ и законами Российского государства и действует на их основе как относительно свободная некоммерческая предпринимательская самофи-**

нансируемая и самоуправляемая организация в целях предоставления потребителям платных образовательных услуг на договорной основе и построения в России гражданского общества».

Таково содержание собирательного понятия «негосударственные вузы», состоящее из ряда элементов (признаков). Вузы могут быть большие и маленькие, давать студентам гуманитарные, естественнонаучные, технические и иные знания, действовать хорошо или плохо, в Москве или во Владивостоке, но понимание их существа везде одинаковое.

В понятии «негосударственный» вуз изначально не заложено никакого отрицательного смысла. Негативный смысл связан, как правило, с конкретным вузом. Он начинает распространяться на весь класс вузов такого типа, если критическая масса «плохих» единичных случаев переходит меру — предел, за которым негативное качество приобретает уже весь класс.

Таким образом, употребление применительно к вузам определений «частные», «коммерческие», «общественные», «небюджетные» в качестве синонима определения «негосударственные» является некорректным. На самом деле среди «негосударственных» есть вузы частные, т. е. организованные физическими лицами; есть вузы негосударственные, созданные юридическими лицами, общественными или религиозными организациями. Все они составляют **объем понятия** «негосударственные вузы», т. е. класс всех возможных предметов (вузов), обладающих признаками, составляющими выведенное только что основное содержание этого понятия.

Да, все «негосударственные» вузы — «небюджетные». Но не только: они еще и «самоуправляемые», «свободные», «независимые», «некоммерческие», общественные и т. д. Целое состоит из множественности частей (элементов). Если негосударственные вузы — это класс образовательных учреждений; если у этого класса есть понятие и его объем, то у этого объема есть части объема понятия. И нельзя часть отождествлять с целым.

Когда вместо «негосударственный» говорят «частный», то выходит, что все негосударственные вузы принадлежат физическим лицам. Но это не так, ибо таковых не более 20% из 571 негосударственных вузов. Когда предлагают назвать негосударственные вузы «некоммерческими», то забывают, что таковыми являются и государственные вузы, оказывающие платные услуги. Если же их назвать «общественными», как это предлагает В. А. Зернов, то под эту «шапку» не умещаются вузы церковные, частные, созданные государственными органами и организациями.

6. Что делать?

Итак, что делать негосударственным вузам в сложившейся ситуации?

На мой взгляд, первое (и главное), чем надо немедленно заняться, — как можно быстрее и существенно улучшать **качество** своей деятельности. Ясно, что все проблемы негосударственных вузов (негативный имидж, правовая и научно-теоретическая незащищенность, непонимание того, «что есть мы» и т. п.) являются следствием низкого уровня самоорганизации, т. е. **исходят изнутри** каждого отдельно взятого вуза и всей их совокупности. Это значит, что и выход из сложившегося положения должен прийти прежде всего изнутри при активной поддержке извне: со стороны Министерства образования и науки, соответствующих агентств и служб, Российского союза ректоров (РСР).

Совет Российского союза ректоров создал в апреле 2004 г. комиссию по контролю за качеством образования в негосударственных вузах. Это, конечно, не панацея от всех бед. Но это важный элемент механизма **самоуправления** в системе российского образования, способный повлиять на положение дел в негосударственном высшем образовании. Ибо он объединяет представителей госвузов, негосударственных вузов и их союзов и ассоциаций, представителей законодательной власти и органов управления образованием. Это открытая и постоянно действующая трибуна для творческого **диалога** всех названных сторон, выработки взвешенных, объективных оценок и эффективных решений, направленных на улучшение дел. Как председатель этой комиссии я сделаю все возможное, чтобы это было именно так.

Во-первых, мы должны добиться, чтобы каждый негосударственный вуз разработал и проводил в жизнь стратегию достижения максимально возможного качества вуза и его деятельности по всем направлениям. Надо принять все меры для того, чтобы псевдовузы либо изменили характер своей деятельности, либо были вынуждены прекратить ее совсем. Составлен план работы комиссии, и его уже начали осуществлять.

Во-вторых, необходимо начинать серьезное **теоретическое осмысление** негосударственного образования как нового социального феномена российского общества, представить обществу достоверную, объективную научную картину негосударственных вузов, показывая и их лучшие качества, достоинства и преимущества. За нас эту работу не сделает никто.

Можно продолжить упреки окружающим в том, что они чего-то не знают, не понимают и даже не хотят знать и понимать. Но ведь известно, что люди адаптируют все новое, опуская его до уровня своего

интеллекта, т. е. упрощают, огрубляют, нередко искажают и извращают. Между тем любая социальная идея или теория, любое новое явление не получат развития и не реализуются на практике, если не будут поддержаны общественным мнением. В этом состоит особенность социальных идей и доктрин.

Негосударственное образование, и прежде всего высшее, надо осмыслить со всех сторон, но прежде всего логически, теоретически, если хотите, философски. Не постигнув негосударственное образование, т. е. не наработав достаточный объем достоверных знаний, не превратив их в связную систему, невозможно привнести эту идею в сознание граждан — потребителей образовательных услуг, органично вписать в традиционно государственную для России систему образования в качестве органичной, неотъемлемой части этой системы, явления естественно-исторического, закономерного и необходимого.

Кто выполнит эту задачу?

Можно, конечно, надеяться, что за нее, например, когда-нибудь примется Российская академия образования или какая-то иная научная организация; что ею всерьез и надолго вдохновится какой-нибудь выдающийся исследователь-одиночка. Но с какой стати? В чем нужда у кого-то браться за эту — в глазах основной массы граждан — весьма неблагодарную тему и делать то, чем должны были бы давно заняться, но никак не соберутся сами руководители негосударственных образовательных учреждений? Ведь это у нас «болит», ведь это мы из года в год испытываем нарастающий прессинг и угрозы своему существованию с самых неожиданных сторон. Но вместо активного самопознания мы наблюдаем картину «скрывания себя» (М. Хайдеггер), приспособленчества к взглядам и оценкам сменяющихся министров и других начальников в сфере образования; попыток внедрить в общественное сознание мысли о том, что «все идет как надо», более того, «все идет правильно и хорошо»; и, наконец, изменить плохое отношение к себе сменой имени — отказаться от определения «негосударственные», поклясться, что мы «государственней самых государственных».

В-третьих, необходимо значительно укрепить правовые основы негосударственного образования. Негосударственное образование изначально было самым незащищенным сектором социальной сферы. Закон «Об образовании» 1992 г., Закон «О высшем и послевузовском образовании» создали минимальные правовые предпосылки для возникновения негосударственного образования. И только. Однако правовая защищенность негосударственного образования с годами не улучшается, а ухудшается. С принятием Гражданского, Налогового, Земельного и других кодексов из названных законов «вымываются» одно за другим положения, которые хоть как-то позволяли подсисте-

ме негосударственного образования развиваться. За эти годы (за 12 лет!) по инициативе негосударственных вузов в Государственную Думу Российской Федерации не внесено ни одной поправки. Мы не участвуем в общем законотворческом процессе, в лучшем случае выступаем в роли наблюдателей.

Подготовлен Модельный образовательный кодекс для стран СНГ, Образовательный кодекс РФ (часть I). Без какого-либо участия негосударственных вузов.

В-четвертых, о чем надо позаботиться каждому негосударственному вузу и всему сообществу негосударственного образования, так это о формировании своего объективного, положительного образа на основе реальных и позитивных данных своей деятельности. Речь не о рекламных публикациях и телероликах, а о систематическом информировании общества о той полезной работе, которую ведут негосударственные вузы, и переменах к лучшему в их деятельности. Нужно создать журнал, а может, газету «Негосударственное образование», еженедельную телепрограмму с таким названием.

В-пятых, необходимо выработать и начать реализовывать **новую парадигму самоуправления** развитием всего негосударственного сектора образования.

Чтобы превратить конгломерат из 570 негосударственных вузов в эффективную систему, надо понять, из каких элементов ее можно будет построить. Повторюсь: по 220 негосударственным вузам в министерстве нет никаких данных. Тем более нет их у нас. Однако формально (по закону) они входят в систему российского образования. Но кто может нести ответственность за их деятельность? Можно сказать: сами вузы, а также министерство, выдавшее им лицензию.

Возможно, это будет правильно. Тогда давайте говорить о 350 аккредитованных вузах. Но и они крайне неоднородны во всех отношениях: по «возрасту», величине, по материально-технической базе, по составу профессорско-преподавательского состава, по видам, формам, а главное, качеству образовательных услуг. То есть говорить о роли и значении негосударственных вузов в целом просто невозможно. В действительности картина еще более сложная и противоречивая. Некоторые вузы являются авантюристами, представляют собой «образовательные пирамиды», работают на демпинговых ценах и т. п. Их роль однозначно негативная. Другие негосударственные вузы работают ни плохо, ни хорошо. Выживают. Третьи уже добились заметных успехов и признания. Вот об их роли и значении для отечественного образования можно рассуждать всерьез. Они, по моему убеждению, и должны быть объектом заботы и внимания законодателей и государственных органов управления образованием, им и должно по-настоящему помогать государство.

«А как же остальные?» — спросят меня. А «остальным» пока помогать не надо. Путь помогут себе сами. Если какая-то группа «энтузиастов» взялась за дело, то это значит, что эти люди имеют необходимую квалификацию, что у них есть цели, план действий, средства, они знают как их достичь. Пусть докажут, что их замыслы были реальны, что они способны и достаточно сильны, чтобы осуществить их. А если же они создали негосударственные вузы, не подумав о последствиях, то они просто авантюристы и им не место в образовании. Потребителю нужны гарантии. Они заключаются, прежде всего, в силе ума, способностях, воле и ответственности учредителей и руководителей негосударственных вузов.

Мне скажут, что это жестокий подход. Да. Но мы действуем на рынке, в условиях конкуренции, где выживают не все. Надо понять и признать, что **главная угроза** для негосударственного сектора образования исходит изнутри самого этого сектора. И прежде всего, это псевдовузы. Деятельность псевдовузов и связанных с ними аномалий. Давно настало время четко обозначить границу между «мы» и «они», которая отделяет учебные заведения, уже ставшие полноценными и продвинутыми вузами, от тех, которые пока вызывают лишь скепсис, иронию и возмущение общества. Теперь пришло время наконец-то во весь голос возмутиться и нам.

Настала пора конфликта и разлома множественности 570 негосударственных вузов на продвинутую, срединную и маргинальную части; отделения хорошего от плохого, важного от неважного, передового от отсталого, честного от бесчестного — зерен от плевел. Положение дел в негосударственном секторе высшего образование надо прояснить, а для этого **сложность надо упростить**. И только тогда мы поймем, что такое негосударственные вузы в их истинном значении, увидим, где мы находимся и куда должны и можем двигаться дальше.

При этом не имеет принципиального значения величина вуза. Малый — не значит плохой, а большой — не значит хороший. Первый и главный критерий — качество образования, в котором отражаются и ценности, и цели, и уровень управления. Настало время внутренней дифференциации, идентификации. Настало время внутреннего конфликта, неизбежного в процессе развития.

Нельзя и далее замазывать трещины, утверждать, будто лишь в отдельных вузах существуют отдельные проблемы. Есть вузы, которые в целом нельзя назвать вузами и которые потому не должны существовать, позорить тех, кто работает честно и добросовестно.

Как быть?

Я не сторонник сугубо административных, репрессивных мер. Та же «полиция качества» — это, на мой взгляд, следствие отчаяния, которое владело руководством Министерства образования. Страх имеет

и положительное свойство. Но жить страхом невозможно. В образовательной среде негосударственным вузам надо утверждать **ценности ответственности, порядка и порядочности, формировать нормальную нравственную атмосферу, неписаный кодекс чести, вырабатывать своего рода «правила внутреннего распорядка и поведения»**, нарушать которые было бы не только предосудительно, но и невыгодно и в этом смысле — опасно.

Все большое и сложное неизбежно внутренне делится, членится на части. Это естественный процесс развития любой социальной общности. Он становится неизбежным, когда вызревают и обостряются внутренние противоречия. Конгломерат негосударственных вузов — и большой, и сложный, и крайне противоречивый. Вузам состоявшимся, успешным, современным, продвинутым совершенно ни к чему идентифицировать себя с теми, кто лишь пытается встать на ноги, а тем более с псевдовузами, только потому, что все мы называемся негосударственными. Будет логично, если внутри общего конгломерата объединятся и сплотятся вузы **со схожей стратегией, близкими ценностями и целями, общими взглядами на миссию и цели образования в XXI в.**; если эти вузы дистанцируются от тех, кого они определят как «другие», и будут представлять лицо негосударственного высшего образования. Этот «развод» необходим, дабы эти вузы обрели свое лицо и чувство достоинства, которого они заслуживают. «Развод» неизбежен. Конфликт возможен, но не обязателен. Тут все зависит от глубины понимания происходящего в нашем секторе образования. При этом центральными являются вопросы «кто я есть?» и «на чьей я стороне?», т. е. вопросы самоидентификации каждого вуза и определения им своего места в общем конгломерате.

Эта группа вузов должна заявить обществу, что она является не просто образовательным, а **культурным единством** с определенной системой ценностей, способных вызвать у граждан доверие и уважение, а также весьма жесткими правилами деятельности, выход за рамки которых тем или иным вузом означает выход за пределы доверия со стороны этого единства. Мне кажется, что это лучше всяких рейтингов поможет разобраться потребителю в вопросах «кто есть кто» — кому доверять, куда идти учиться.

Шестилетний опыт деятельности Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области дает мне основания думать, что это лучший из всех возможных вариантов развития сектора негосударственного образования. Мы изначально создавали Союз в 1998 г. как **корпоративную** структуру, вход в которую доступен не каждому, а лучшим. Мы не набираем членов, а отбираем. Из 300 негосударственных вузов Москвы и Московской области в Союз входит 32. Многих мы не приняли. С некоторыми расстались и будем расставаться. Мы дейст-

вуем совершенно независимо друг от друга. Но есть немало, общих интересов, на основе которых рождаются общие и полезные всем дела.

В октябре 2003 г. создан Национальный союз негосударственных вузов, который будет действовать на тех же принципах, о которых я говорил.

Национальный союз негосударственных вузов — это объединение негосударственных вузов, исповедующих стратегию максимально достижимого качества. Это союз единомышленников, а не аморфная организация вузов с самой разной направленностью интересов и задач, в том числе дискредитирующих саму систему негосударственного образования и высшее образование вообще. Национальный союз негосударственных высших учебных заведений исповедует стратегию нового качества высшего образования, адекватного вызовам XXI в., внедрения инновационных технологий в образование. В Национальный союз будут приниматься негосударственные вузы, уже доказавшие свою деловую репутацию и нравственную состоятельность, имеющие государственную аккредитацию и готовые сконцентрировать свои финансовые, интеллектуальные и коммуникационные возможности и усилия на обеспечении гарантированного высокого качества высшего образования. Иначе говоря, и здесь будет действовать принцип отбора, а не набора.

Мы разработали Хартию негосударственных вузов России, следование духу и принципам которой должно серьезно потеснить в сознании общества негативный образ негосударственных вузов, созданный во времена низкого уровня их самоорганизации, самоуправления и самоконтроля. Прием членов в Национальный союз будет сопровождаться актом подписания этой хартии, а также специального соглашения, в котором ректоры вузов — членов Национального союза негосударственных вузов берут на себя личные обязательства следовать весьма жестким нормам и правилам поведения.

Мы опубликуем Хартию негосударственных вузов России в газетах и журналах, представим ее в электронных СМИ, сделаем достоянием общества. Мы будем периодически публиковать список вузов, которые подписали эту хартию и являются членами Национального союза негосударственных вузов. Люди и власть должны понимать, что новый, негосударственный сектор российского высшего образования — это всерьез и навсегда, что в нем работают профессионалы и ответственные граждане, для которых служба человеку, обществу и государству — смысл их жизни и деятельности.

В настоящее время восемь учредителей Национального союза и четыре принятых в апреле новых вуза имеют в своем составе почти 300 тыс. студентов. Создание Союза позволит сконцентрировать корпоративные возможности и усилия наиболее успешных и качествен-

ных негосударственных вузов на решении актуальных проблем российского высшего образования в целом и, по нашему убеждению, существенно повлияет на оздоровление ситуации в негосударственном секторе высшего образования страны.

...Негосударственным вузам уже 12 лет. И в то же время всего 12 лет. МГУ им. М. В. Ломоносова — 250 лет. Кембриджу и Оксфорду, которым сейчас более 800, Болонскому университету, которому сейчас более 900 лет, тоже когда-то было 12 лет. Известно, какие огромные трудности они переживали в стадии своего становления.

История негосударственного образования России (если не считать дооктябрьский период) еще только начинается. Все лучшее в ней — впереди. А пока — кризис идентичности...

Статья из книги «Высшее образование для XXI века : науч. конф., Москва, Моск. гуманит. ун-т, 22–24 апреля 2004 г. : пленарные заседания ; спец. заседание «Негосударственное высшее образование в России: состояние и перспективы развития» (стенограмма)». М., 2004. С. 98–117

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ СОВРЕМЕННОГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Перспективы развития современного образования следует рассматривать в контексте многоуровневой международной интеграции, которая наблюдается с конца XX в. Отныне никакая, даже «развитая», страна или группа таких стран не способны развиваться в закрытом состоянии. С этого времени стратегия «опоры исключительно на собственные силы» с неизбежностью ведет к стагнации.

Обществу будущего специалисты дают разные определения: постбуржуазное, посткапиталистическое, постпредпринимательское, пострыночное, постиндустриальное, постцивилизационное, постисторическое, информационное и др. Мне лично более понятна (в контексте либеральной тенденции) доктрина, подчеркивающая особую роль знаний и обозначающая нынешний социум как «the knowledgeable», «society knowledge society», в связи с чем современную экономику определяют как «знаниевую экономику», «экономику знаний».

Именно знания и образование в решающей степени определяют сегодня экономический потенциал страны, ее положение в мировом разделении труда и международной торговле. Об отраслях, производящих знание для непосредственных нужд экономики и производства (прикладная наука и образование), уже давно принято говорить как об «индустрии знаний», а с недавних пор образование рассматривают как отрасль экономики (в США она занимает пятое место среди других областей; в 1998 г. образовательная «отрасль» принесла доход в 265 млрд долл. и обеспечила работой 4 млн человек [1]).

Во взглядах на образование высказывается множество точек зрения. Главное в этой ситуации — не допускать крайностей в суждениях, избавиться от устаревших стереотипов, высокомерного образовательного эгоцентризма, с одной стороны, от бездумного технократического подхода — с другой, и голого экономизма — с третьей. Необходима сбалансированность во взглядах, рационализм в оценке ситуации. Особенно это нужно при определении экономической природы образования.

Образование как экономическая субстанция

«Если не можешь дать денег, дай свободу!» — гласит один из принципов либерализма. Что и делают практически все государства мира, предоставляя вузам право привлекать деньги из разного рода внебюджетных источников, и прежде всего брать плату за обучение. Государственные вузы России с каждым годом пользуются этим правом все больше. Именно эти источники в решающей мере помогли им выжить в условиях резкого сокращения бюджетного финансирования; уже в 2000 г. внебюджетные поступления в вузы составили более 50%, т. е. превысили бюджетные [2].

Источниками внебюджетных средств для госвузов являются плата за обучение, сдача в аренду основных фондов, оказание посреднических услуг, долевое участие в деятельности других учреждений, приобретение ценных бумаг и т. д. В структуре внебюджетных средств вузов доходы только от аренды составляют: у вузов — 34,2%, средних профессиональных заведений — 48%, профессиональных училищ — около 50%.

Уже эти простые соображения и цифры говорят о том, что посредством своей внебюджетной деятельности госвузы РФ прочно вплетены в систему **экономических отношений**. То обстоятельство, что их активность по привлечению дополнительных источников финансирования признается некоммерческой, а налоговое законодательство устанавливает систему льгот, позволяющую вузам не исполнять свои налоговые обязательства, говорит лишь о том, что государство в поис-

ках способов поддержки образования, компенсирующих его слабое бюджетное финансирование, просто закрывает глаза на смысл происходящего. Это меры политические. В существующей ситуации их можно понять и оправдать. Но какое отношение имеет это к научному пониманию того, что происходит на самом деле в экономике образования? Ведь внебюджетные средства — это доход вуза, которым можно распорядиться по-разному. Его можно полностью **реинвестировать** в образовательный процесс. А можно, уплатив с этого дохода соответствующий налог, превратить в **прибыль**, т. е. **капитализировать** — превратить в капитал и совершенно законно использовать уже на **любые** иные экономические проекты. И это не только содержание инфраструктуры вуза, но и какие угодно коммерческие и некоммерческие проекты. Чем и заняты многие вузы. Другое дело, что никто толком этот вопрос не изучал. Между тем вуз является реальным участником экономических **рыночных отношений и полноправным субъектом рынка**.

Одним словом, образование является экономической субстанцией. Осознанию этого мешают многие идеологические догмы и нежелание смотреть правде в глаза. Более того, в лексике работников российского образовательного сообщества не хватает адекватного экономического толкования многих категорий, понятий, терминов и соответственно понимания реальных процессов, происходящих в сфере образования, и особенно высшего.

Существующие трактовки имеют ограничительный характер. Так, понятие «производство» традиционно сводится только к производству материальному, а «товар» по привычке понимается только как материальная ценность. Можно назвать и другие недостатки экономической теории: противопоставление «товара» «услуге»; отнесение образования к «нерыночным» услугам; неприятие понятий «рынок образовательных услуг», «конкуренция»; узкое понимание образования как «общественного блага»; взгляд на высшее учебное заведение только как на «некоммерческую организацию» и т. п.

Между тем история человечества предстает перед нами вовсе не только историей материального производства, а *прежде всего историей идей* и научных открытий, историей познания и образования человека, создающего новые орудия труда, средства производства и производственные отношения. Вспомним Маркса, предвещавшего, что со временем наука станет непосредственной производительной силой. Тут он не ошибся: это время настало.

«Производительные силы», «процесс производства» — это не только техника и технологии в «чистом» виде: это и знания, и «умения», и «навыки», без которых нет труда и трудового процесса. Но что такое знания, умения, навыки (ЗУН)? Это предмет образования, включаю-

щий в себя еще и воспитание личности. Познание, творчество, образование, образовательный процесс — это производственный процесс, процесс нематериального (духовного) производства.

Образование как производственный процесс

Сегодня никто не сомневается в том, что образование полезно для общества, что оно удовлетворяет его многообразные потребности. Но если это так, то это значит, что в ходе образовательного процесса создается потребительная стоимость, что как раз и означает «полезность вещи, ее способность удовлетворять какую-либо человеческую потребность».

В настоящее время для специалистов очевидно, что выводить науку, образование, культуру, здравоохранение за пределы общественного производства — это, конечно же, ошибка.

В этом смысле высшее учебное заведение можно представить как своего рода предприятие, а образовательный процесс — как своего рода производственный процесс, который длится определенное время и завершается выпуском уникальной социально-экономической продукции — специалистов для разных сфер общественной жизни. Причем полученное образование можно рассматривать в качестве средства производства, с помощью которого его обладатель в последующем обеспечит себе достойный уровень существования.

Поэтому если мы хотим понять экономическую природу образования, то должны от педагогической терминологии перейти к экономическому словарю и разобраться, в каком отношении друг к другу находится весь корпус понятий, описывающих и обслуживающих образовательное пространство.

Образование как услуга и товар

Согласно современным научным представлениям образовательный продукт является продуктом экономическим. Так, в Большом экономическом словаре «продукт экономический» определяется как «результат человеческого труда, хозяйственной деятельности, представленный в материально-вещественной форме (материальный продукт), в духовной, информационной форме (интеллектуальный продукт), либо в виде выполненных работ и услуг» [3, с. 776].

Здесь же отмечается, что «интеллектуальный продукт — результат духовной, мыслительной, интеллектуальной деятельности человека» [3, с. 774-775]. Образовательный процесс включает не только «изобретения, открытия, патенты, научные отчеты и доклады, проекты, описания технологий, литературные, музыкальные, художественные произведения, творения искусства», но также производство «человека образованного», «специалиста».

С известной долей условности можно сказать, что когда мы рассуждаем об экономике образования и об образовании как экономической субстанции, о студенте можно говорить как о продукции, находящейся в стадии производства, а о выпускнике — как о конечном продукте.

Более того, поскольку образовательно-производственный процесс, как и любое производство, предполагает использование рабочей силы, технических средств, материалов, энергии, различных услуг, т. е. денежные затраты, то произведенный продукт обладает **стоимостью**.

Еще одним камнем преткновения в понимании экономической природы образования является вопрос, можно ли считать образование «товаром». Может ли образование быть предметом купли-продажи? Вопрос, конечно, непростой. Ибо не всякий продукт становится товаром. Товаром является продукт производства, **предназначенный** для продажи. Многие полагают, что образование не может быть сферой купли-продажи, т. е. торговли (коммерции).

На мой взгляд, тут прежде всего работает привычное и дорогое сердцу советского человека правило, согласно которому государство, несмотря ни на что, хоть тресни, должно, не может не финансировать вузы по полной программе. Если бы это происходило именно так, то понятия «товар», «услуга», «рынок образовательных услуг» и т. п., конечно же, ни к чему. Обходились же без них 70 с лишним лет. Но сегодня-то мы находимся в совсем иной ситуации. Плата за образование — это реальность, явление массовое, более того, законное. Однако если есть тот, кто платит, то есть и тот, кому платят; у того и другого сыздавна есть имена — «покупатель (потребитель)» и «продавец (производитель)». Действие же, которое совершается между ними, также с давних пор называется «торговля», «сделка». И ни к чему лукавство, за которым кроется либо нежелание признать реальность в силу каких-то (идейных, политических и т. п.) обстоятельств, либо нечто в сущности своей корыстное, не обязательно — личное, к чему я еще вернусь.

Ситуацию понимания усложняет и действующее законодательство, которое, на мой взгляд, не вполне точно отражает как реальное, так и должное положение дел в этом вопросе.

Статья 11 Закона РФ «Об образовании» под названием «Негосударственные образовательные организации» гласит: «Негосударственные образовательные организации могут создаваться в организационно-правовых формах, предусмотренных гражданским законодательством Российской Федерации для **некоммерческих** организаций». В соответствии со статьей 120 ГК РФ, негосударственные вузы могут образовываться **только** в форме **учреждения без права извлечения коммерческой прибыли**. Эти положения трактуются многими слишком прямо и од-

нозначно: коль вуз является некоммерческой организацией, то это значит, что торговля образовательными услугами невозможна, а следовательно, не может быть и никакого рынка образовательных услуг.

Но вот факт: «объем платных услуг в системе образования РФ, оказанных населению в 2001 г.», составил 55 993 000 000 руб [4, с. 55]. За прошедшие три года этот объем увеличился, думаю, раза в полтора.

В России 570 негосударственных вузов, в которых обучаются около миллиона студентов. Все услуги в них платные, осуществляются на договорных началах. Цены на обучение разные. Студенты выбирают вуз: одни — «по карману», другие идут учиться туда, где выше качество образования.

Но факт остается фактом: мы работаем по законам спроса и предложения, «мы выбираем, нас выбирают». Каждый ищет свою выгоду и не хочет прогадать. Что это такое в сути своей, если не торговая сделка?

Смущают слова «торговля», «сделка», «услуга», «производство», «производитель», «потребитель», «продавец», «покупатель»? Такие термины к сфере образования до недавнего времени, действительно, не применялись. Но ведь и вся общественная жизнь строилась на совершенно иных основаниях... Отвергать очевидное и неизбежное наивно.

Законы наши надо читать очень внимательно. В них много противоречий, неточностей. Есть нюансы, которые сразу не улавливаются, а, как известно, «бес в нюансах».

В соответствии со статьей 2 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. 28.12.2002) «О некоммерческих организациях», которая основывается на положениях статьи 50 Гражданского кодекса РФ, некоммерческой является организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве **основной** цели своей деятельности и **не распределяющая** полученную прибыль между участниками. Подчеркнем: выделение некоммерческой организации из ряда прочих юридических лиц возможно только при **одновременном наличии** у такой организации двух характеризующих ее признаков:

а) отсутствие цели извлечения прибыли в качестве основной цели деятельности;

б) отсутствие **права распределять** полученную от предпринимательской деятельности **прибыль** между участниками.

Важно понимать, что некоммерческими являются не только образовательные, но и другие виды организаций, **общая цель** которых заключается в достижении **общественных благ**. Примерный перечень общественных благ, ради достижения которых создаются некоммерческие организации, дается законом. Они обозначены как цели социальные, благотворительные, культурные, **образовательные**, научные,

управленческие и т. д. При этом понятие «социальная цель» трактуется весьма широко, к примеру имеются в виду услуги, предоставляемые престарелым и инвалидам. Традиционное мышление не допускает мысли о том, что такого рода услуги могут быть объектом купли-продажи. В то же время известно, что в западных странах существуют многообразные платные социальные услуги в сфере здравоохранения, культуры и др. В этом же направлении в силу многих объективных причин движется и наше общество.

Другое дело, что в этих вопросах надо знать меру, учитывать реальное положение дел в экономике, платежеспособность населения. Сегодня основная масса российского населения живет в бедности и нищете. Это должно учитывать не только государство во всех аспектах своей внутренней политики и в законотворчестве, но и все хозяйствующие субъекты, если они мыслят себя действительно гражданами России и желают ей добра. В нынешней ситуации отечественный бизнес должен вполне сознавать свою **общую** ответственность за судьбы страны и отдавать себе отчет в том, что если безудержная погоня за максимальной прибылью будет и впредь оставаться единственной всепоглощающей страстью каждой отдельно взятой организации (фирмы, концерна, корпорации, банка и т. п.), то в конце концов своими несогласованными эгоистическими усилиями они выроют себе общую могилу. Современный российский капитализм должен умерить свои аппетиты, обрести человеческое лицо; современный российский либерализм, являющийся официально недекларируемой идеологией стратегического курса России, должен стать социальным. Таков политический и нравственный императив XXI в. «Социальный либерализм» — звучит парадоксально, но вполне в духе нашего времени, наполненного парадоксами. На мой взгляд, только в этом выход из той ловушки, в которой находится ныне Россия.

Союз негосударственных вузов Москвы и Московской области, президентом которого я являюсь, уже около семи лет исповедует понятие «социальная цена». Ежегодно задолго до набора в московские вузы мы обсуждаем вопрос о приемлемой для населения плате за обучение и устанавливаем некую среднюю ее величину. Она является не законом, но ориентиром. Каждый вуз, исходя из своих интересов, сам решает вопрос о том, поднять ее или опустить. И это понятно: каждый выживает в одиночку, но и умирает тоже в одиночку. И все-таки, поскольку мы позиционируем наш Союз как «объединение порядочных вузов», мы тем самым говорим внешнему миру, нашим будущим студентам: «Никто не собирается наживаться за ваш счет. Но мы хотим получить от вас те деньги, которые позволят дать вам качественное образование, а нам — получать приличную по нынешним временам зарплату, а также развивать вуз: студенты приходят и уходят, а нам

в нем жить и учить новые поколения в улучшающихся, а не в ухудшающихся условиях».

Еще один нюанс. Образовательный продукт обладает не только стоимостью, но и **потребительной стоимостью**, т. е. способностью удовлетворять потребности не только личности, но и других людей. Иначе говоря, носит не индивидуальный (как у продукта), а общественный характер. Этот продукт нужен и полезен не только производителю продукта и самому индивиду — собственнику этого продукта, но и другим людям, всему обществу. И чем он полезней, необходимей, тем выше его потребительная стоимость.

Вопрос о том, что такое «услуга» вообще, российское общество решило — сегодня мы пользуемся услугами посредническими, рекламными, консультационными, аудиторскими, информационными, охранными и иными. И это не вызывает у нас отрицательных эмоций. Услуга — это работа, выполняемая на заказ по договору между потребителем и исполнителем (производителем) при соответствующей оплате.

Что же касается образования, культуры, здравоохранения и других услуг нематериального производства, то в этом вопросе отечественная экономическая мысль пребывает в некоторой растерянности. Далеко не все специалисты распространяют на образование объективный **экономический закон стоимости**, который регулирует связи между товаропроизводителями, распределение и стимулирование общественного труда в условиях товарно-денежных отношений. Согласно этому закону «производство и обмен товарами осуществляются на основе их стоимости, величина которой измеряется общественно необходимыми затратами труда, **уровнем спроса и предложения**».

Не учитывать этого наша экономическая мысль уже не может. Поэтому стали появляться работы по экономике образования, в которых понятия «товар», «услуги», «стоимость» трактуются все более современно. Например, в том же Большом экономическом словаре говорится, что существуют «**услуги нематериальные**, т. е. направленные на удовлетворение потребностей человека как индивидуума и как члена общества. К ним относятся потребности в образовании, медицине, средствах сообщения, информации, духовном развитии, культурном досуге, социальной защите, внешней и внутренней безопасности» [3, с. 1097]. Более того, вводятся понятия «услуги потребительские» — результаты деятельности, удовлетворяющие личные потребности населения, но не воплощающиеся в продуктах; «потребительские услуги могут быть материальными и **нематериальными**, рыночными и нерыночными» [3, с. 1097]; «**услуги в сфере образования** — услуги, оказываемые образовательными учреждениями в части их уставной **предпринимательской** деятельности независимо от их организаци-

онно-правовых форм: государственными, муниципальными, негосударственными (частными, общественными и религиозными)» [3, с. 1096].

Современная вузовская практика сделала актуальной проблему «общественного товара» (услуги), производство которого **обеспечивается государством** при условии, что она приносит существенные выгоды обществу» [3, с. 1065]; «**услуги нерыночные** — услуги населению или для удовлетворения коллективных общественных потребностей, издержки которых возмещаются из государственного бюджета или благотворительных фондов. К таким услугам в значительной мере относится здравоохранение, **просвещение**, культура, государственное управление и т. д.» [3, с. 1097]. Здесь мы сталкиваемся с широко распространенным в мире и прочно укоренившимся в массовом сознании представлением об образовании как **общественном благе**, которое должно быть доступно каждому, кто хочет и способен обучаться. Не случайно право на образование (согласно международным документам и Конституции РФ) относится к одному из основополагающих прав человека, будучи сопредельным с правом на жизнь и труд, ибо через образование человек развивается и во многом благодаря ему становится человеком.

Вопреки такому пониманию государство финансирует образование все хуже. Тем не менее следует признать, что в действиях правительства есть своя логика, которую общество не хочет принять.

Начиная с античных времен, когда благо являлось «идейной» основой этики, смысл этого понятия постоянно изменялся по мере раскрепощения всех форм общественной жизни. Средневековая мысль о благе как божественном даре все более выхолащивалась. В Новое время, когда жизнь человека становилась все более свободной и он **по собственной воле** сам во все большей мере начинал определять свою судьбу, благо стало трактоваться как результат целеполагания. Начиная с XIX в. место блага заняла **ценность**, которая, в отличие от блага как чего-то общепризнанного, означает нечто неотъемлемо **личное**.

Ценность (полезность, необходимость) образования как блага признавалась вначале церковью, а потом и государством, которые даровали это благо избранным, оплачивая их обучение и воспитание ради достижения своих далеко не бескорыстных целей. Профессиональное образование в России ввел Петр I, сознававший его важность для развития страны. Именно при нем образование стало оплачиваться государством, т. е. стало, по нынешним понятиям, «общественным благом». Однако поначалу общество не видело в нем смысла, выгоды, оно не имело **ценности**. Потом, когда образование стало одним из основных условий получения должностей на государственной службе, пришло и понимание важности образования, оно стало восприни-

маться именно как благо. Но, как известно, это благо распространялось на малую часть общества, в основном на богатых и знатных.

Бесспорным и громаднейшим достижением социализма было то, что он превратил образование в общественное благо для всех. Государство с первых лет советской власти расходовало на нужды образования огромные средства, благодаря чему добилось выдающихся результатов в индустриализации, развитии вооружений, освоении космоса и т. п. Граждане СССР десятилетиями пользовались этим общественным благом как само собой разумеющимся. Инженеров и других специалистов становилось все больше, а ценность образования в глазах молодежи падала: зачем получать профессиональное, тем более высшее образование, если рабочий зарабатывает больше инженера и научного сотрудника? Многие пользовались образованием по инерции, из соображений престижности. Государство же продолжало поддерживать масштабы образования, прежде всего из идеологических соображений.

Как понимаются сегодня, в условиях рыночных отношений, «общественные блага»? В том же словаре читаем: «Блага общественные — товары и услуги, предоставляемые государством на нерыночной основе» [3, с. 83]. Итак, понятие блага прежнее. Реальная же ситуация за это время получила заметное развитие.

По сравнению с 1980/1981 учебным годом (СССР) численность приема студентов в вузы России к 2002/2003 учебному году выросла в 2,4 раза [4]. По сравнению с 1994/1995 учебным годом количество студентов в вузах РФ составило в 2002 г. 5 млн 947 тыс. человек, т. е. также увеличилось более чем в 2,5 раза. При этом доходы государства, в полной собственности которого остались 4,1% из 3 млн 648 тыс. предприятий и организаций (оно практически полностью избавилось от нефтедобывающей и прочих высокодоходных отраслей промышленности), сократились в несколько раз. Совершенно очевидно, что нынешнее государство не в состоянии обеспечить бесплатное обучение всем желающим стать студентами. Образование перестало быть общественным благом для всех.

В этом смысле, мне кажется, мы не вернемся в прошлое уже никогда. Такого нет даже в социалистическом Китае: высшее образование и здесь является платным. Государство будет оплачивать обучение такого количества людей, которые, во-первых, необходимы ему самому для целей эффективного функционирования и выполнения своих главных задач, связанных прежде всего с обеспечением национальной безопасности страны; во-вторых, той части молодых людей, которые не только хотят учиться, но уже в школе доказали свои высокие способности. Для остальной (и, на мой взгляд, большей) части граждан получение высшего образования станет их личным вопро-

сом, в решении которого государство должно помогать им, например кредитами на обучение.

Означает ли это, что государство должно отказаться от предоставления высшего образования вообще? Конечно, нет. Не имеет права. Сегодня это не столько вопрос этики, сколько политики.

Применительно к образованию товаром, на мой взгляд, являются не только образовательные услуги вуза, но и его выпускники-специалисты. В том смысле, что образованный человек, обладающий знаниями, навыками и умениями, которые и создают его потребительную стоимость, может предложить свои услуги для продажи, которые могут быть куплены тем, кто в них нуждается. Эти услуги и являются объектом купли-продажи, т. е. товаром. Покупается, разумеется, не человек, а его знания, способности, мастерство, талант. Так, как это происходит, например, в профессиональном спорте и т. п. «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать...»

При этом не суть важно, каким образом человек получил образование: бесплатно, за счет государства или за свои собственные деньги. От этого его образованность (знания, умения, навыки) не перестает быть товаром. Мы видим, как ныне выпускники российских госвузов (особенно математики, физики, химики, программисты), отучившись за счет госбюджета, устраиваются работать в частные фирмы или уезжают за границу, если у них есть такая возможность. Почему они уезжают — известно всем: там им во много (иногда в десятки и сотни) раз больше платят. Иначе говоря, они продают свои ЗУНы.

Ту же схему рассуждений можно применить относительно отдельного вуза и всей системы высшего профессионального образования. У населения существует потребность в образовательных услугах, которую удовлетворяет специальная отрасль — система высшего образования. Продукция этой отрасли может быть проданной и купленной. И если в этой отрасли вращаются сотни миллиардов рублей (бюджет образования РФ ныне выше расходов на оборону), то это, само собой, затрагивает всю систему экономических отношений. В этом смысле, когда образованность экспортируется (чем занимаются уже многие страны), принося государству доход, образование справедливо можно назвать особой отраслью экономики.

Стоит еще раз подчеркнуть, что вуз торгует не людьми, а услугами, которые отчуждаются от вуза в тот момент и в той мере, когда обучаемый усвоил объем и качество знаний, навыков и умений, предлагаемых вузом. С этого момента полученная образовательная услуга в полном объеме становится собственностью — **«частным благом»**, **«индивидуальным благом»** человека-специалиста. Не вуз, а сам специалист выставляет свои знания, способности, умения и (если он есть) талант на торги на рынке труда, сам назначает себе цену («цена про-

давца»), по которой он хотел бы быть проданным, но может быть и не куплен. Вуз имеет от этого лишь косвенную выгоду: чем дороже стоят на рынке труда его выпускники, тем выше его престиж, тем выше может быть стоимость обучения. Все остальные выгоды присваивает себе носитель и владелец знаний, навыков и умений.

Рынок образовательных услуг

Советская экономика требовала планирования процессов подготовки и распределения кадров средней и высшей квалификации. Система образования готовила работников с учетом определенности их будущих профессий.

Все учебные программы, преподаватели и вузы прошлого исходили из допущений, свойственных системе с экономическим и политическим контролем из центра. Эти допущения включали: отсутствие безработицы; принятие уже на раннем этапе предсказуемых решений о профессии; жестко контролируемую возможность передвижения кадров с предприятия на предприятие, из города в город; принятие решений о зарплате из центра; социальные гарантии на жилье, медицинское обслуживание, пенсии и т. д.

В рыночной экономике такие гарантии отсутствуют. Профессиональное будущее индивидуума теперь является неопределенным. Учебные заведения должны готовить молодых людей к возможным многократным изменениям специальности, научить быстро усваивать новые навыки и выполнять различные функции. Важнейшими качествами работника считаются универсализм и способность быстро находить решения новых, нетривиальных задач в непредвиденных обстоятельствах. В «свободном обществе свободных людей» не государство, а **сам человек** лично отвечает за свою судьбу: учиться или не учиться, какую профессию и где получить, где и как найти работу.

Иными словами, рыночная экономика предполагает наличие **рынка рабочей силы**, а он, в свою очередь, существование **рынка образовательных услуг**. В этом смысле вопрос о том, быть или не быть рынку образовательных услуг в нынешней России, в принципе не подлежит обсуждению.

Как уже говорилось, образовательная услуга имеет стоимость. Но это значит, что услуга имеет **цену**, представляющую собой денежное выражение стоимости произведенной услуги.

В условиях, когда платные образовательные услуги стали нормой нашей жизни, мы не можем не говорить о **цене потребителя** этих услуг, т. е. той денежной сумме, которую он готов заплатить за нее; **о цене производства** — общей сумме затрат и издержек плюс доход вуза — производителя образовательной услуги, благодаря которому он может

развиваться. Как и на любом рынке, покупатель хочет купить товар как можно дешевле, а производитель-продавец продать как можно дороже. Такова суть купли-продажи, которая после переговоров может завершиться или же нет заключением договора между потребителем и производителем.

Если речь идет о массе потребителей и массе производителей образовательных услуг, то возникают понятия «цена спроса» и «рынок покупателей», с одной стороны, «цена предложения» и «рынок производителей» такого рода услуг — с другой. Когда масса потребителей начинает взаимодействовать с массой производителей (при условии, что они действуют свободно), начинается процесс торговли, в ходе которого каждая из сторон преследует свой экономический интерес, складывается рынок образовательных услуг, постепенно устанавливается некая **средняя цена** на образовательную услугу, по которой (в зависимости от специальности) ее можно приобрести в конкретный период времени, — рыночная цена.

Следует заметить, что формирование цивилизованного рынка образовательных услуг в России затянулось. И это объяснимо. Лишь в 2003 г. международное сообщество признало, что Россия — страна с рыночной экономикой. Полагать, будто можно сформировать совершенный рынок образовательных услуг в квазирыночной экономике, — это нелепость. Внедрение рынка в социальной сфере (в том числе в образовании) должно следовать за развитием рынка в экономике.

В этом смысле надо отдать должное ректорскому корпусу высшего образования, объединенному в Российском союзе ректоров, который в начале 90-х годов резко выступил против ускоренного и широкомасштабного экспериментирования по распространению рыночных механизмов в российском образовании.

Рынок в образовании, понимаемый как абсолютно свободная, совершенно неконтролируемая и неограниченная игра частных интересов, — вещь недопустимая. Образование, как говорилось, — **благо «смешанное»**, т. е. не только частное, но и общественное. Но общественная ценность образования имеет определяющее, главное значение. Негосударственное (в том числе частное) образование как новый феномен новой России возникло и развивается не взамен государственного, а как еще один род образования, ныне — как дополнение к уже известному роду.

Если образование будет следовать только за логикой развития рыночной экономики, то в ходе конкуренции образовательное поле будет разорвано на множество «делянок», утратит свои объединительные, репродуктивные, прогностические — спасительные для всего общества — функции. В этом смысле рыночная конкуренция по типу «победитель может быть лишь один», «побеждает сильнейший» и т. п.

в сфере образования в полной мере нецелесообразна. Рыночные механизмы в сфере образования требуют вмешательства общества и (от его имени и в его интересах) государства.

В то же время, если исходить из положений, согласно которым «много знаний», «много науки», «много образования» не бывает (а это именно так); если иметь в виду, что мы живем в свободном обществе, где потребитель образовательных услуг сам вправе (и вынужден!) принимать решение о том, где и какой «образовательный товар» купить, то, вероятней всего (по крайней мере на данном этапе развития общества), следовало бы развивать такой рынок образовательных услуг, поощрять такую конкуренцию, в которой нет ни «победителей», ни «побежденных», т. е. банкротов в полном смысле этого слова со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями для работников вузов и студентов.

Но это означает полное равенство между игроками (государственными и негосударственными вузами) такого рынка с точки зрения законодательной базы (единое правовое поле), в плане политической поддержки, содействия развитию материальной базы и т. п. Предполагается, что конкуренция идет за привлечение студентов, которые оплачивают свое обучение, т. е. в конечном счете за деньги, с неизбежной игрой (повышением/понижением) цен за образовательные услуги, за качество образования как главное условие привлекательности вуза.

Хочу заметить: конкурируют не две подсистемы единой системы российского образования (государственная и негосударственная), а каждый вуз в отдельности независимо от его организационно-правовой формы. В конечном счете в зависимости от более или менее умелого выбора стратегии и тактики, управления функционированием и развитием в ходе этой конкуренции среди вузов выявятся передовики, середняки и аутсайдеры. Однако в целом выиграет общество. Ибо каждый вуз будет жить лучше или хуже в зависимости от того, сумеет ли он оказывать наилучшие образовательные услуги с наименьшими затратами, т. е. работать самым эффективным из возможных способов.

В настоящий момент в системе российского государственного высшего профессионального образования сложилась, скажем так, довольно странная ситуация.

С одной стороны, госвузы имеют государственный заказ, финансируемый из федерального и местного бюджетов. В общей сложности госзаказ составляет сегодня 56% обучающихся в России студентов. В этой части госвузы являются собственно государственными, т. е. нерыночными, а их образовательная услуга — «чистым» общественным благом.

В то же время 44% общего количества студентов России (а по многим госвузам — от 70 до 80%) составляют студенты, оплачивающие образовательные услуги госвузов из собственного кармана. Эта услуга оказывается им на рыночной основе за оговоренную в двустороннем договоре плату и тоже является для заказчика не только ценностью, но и благом, однако — частным благом, которое он вправе использовать после завершения образования в целях **личной выгоды**. В этом смысле нынешние госвузы в среднем по стране являются **рыночными** учреждениями. При этом все студенты (и те, кто учится «бесплатно», за государственный счет, и те, кто платит за обучение, причем в 5–10 раз больше, чем выделяется денег на одного «бюджетника») сидят вместе в одних и тех же аудиториях, вместе слушают одних и тех же преподавателей, пользуются одним и тем же оборудованием. То есть получают образование одного и того же качества.

В зависимости от доли платных услуг (не по общему названию — «государственные») все госвузы являются государственно-рыночными, а многие — рыночно-государственными, т. е. будет справедливо назвать их квазигосударственными или, наоборот, квазирыночными.

В этой ситуации вопрос стоит так: является ли система государственных вузов как целое участником рынка образовательных услуг или нет? Если ответ на этот вопрос будет положительным, то разговоры о рынке образовательных услуг следует прекратить. Ибо в этом случае негосударственным вузам с их весьма ограниченными возможностями противостоит государственная система образования, которая неизмеримо превосходит по своим финансовым и имущественным возможностям всю их совокупность, не говоря уже об отдельно взятом вузе. Ко всему прочему, согласно пунктам «е» и «ж» статьи 71 Конституции РФ, в ведении государства находится установление политики в области социального развития, т. е. и образовательной политики, а также «правовых основ единого рынка». Ни о каком «свободном рынке», ни о какой «свободной конкуренции» в этом случае говорить не приходится.

Думаю, что сегодня правомерно говорить о монополизации и недобросовестной конкуренции в сфере высшего образования. Ведь государственные и негосударственные образовательные заведения действуют в общем (едином) для всех них образовательном пространстве страны, удовлетворяют интересы и потребности одних и тех же граждан в области одних и тех же (образовательных) услуг. И должны поэтому иметь одинаковые правовые возможности.

Если государственные вузы собираются работать на нужды рыночной экономики на основе платных образовательных услуг, то они должны стать собственно рыночными структурами. Но для этого вуз

должен быть полностью свободен в своем поведении на рынке образовательных услуг. Ясно, что государственный вуз не отвечает этим условиям: он во многом зависим от государства экономически, так как в качестве его учредителей выступает либо правительство, либо государственный орган; здания, сооружения и оборудование переданы ему в оперативное управление, он не является их собственником; повседневная деятельность госвуза во многом определяется постановлениями и инструкциями госорганов управления образованием, как федеральными, так и региональными.

И это естественно. К разряду высших приоритетов государства относятся внешняя и внутренняя безопасность страны и связанное с этим развитие соответствующих отраслей экономики, промышленности, производства, науки и ряд других задач. Их решение должно иметь соответствующее кадровое обеспечение. На подготовку кадров для собственных нужд государство и должно тратить бюджетные средства на бесплатное профессиональное образование. Потребность в кадрах для государственного сектора материального и нематериального производства нетрудно просчитать, в известном смысле здесь возможен плановый подход к выделению определенного количества вузов, которые будут работать исключительно на государственный заказ, выполнять этот план, вести обучение строго по государственному стандарту, получая для этого от государства все необходимые средства в необходимом объеме.

В то же время негосударственные вузы по определению являются рыночными структурами, следуют законам рыночной экономики на основе связи «спрос-предложение». И если так действуют все вузы, в том числе государственные, то у каждого вуза есть поле для «игры», в которой выживают лучшие. Если же негосударственные вузы уже на стадии их возникновения ставят в заведомо худшие условия, понуждают действовать вопреки законам рынка, они никогда не смогут в полной мере развернуть свой потенциал как саморегулируемые, самофинансируемые, свободные организации. Ну, и кому это нужно в стране, которая строит «свободное общество свободных людей», «зрелое гражданское общество», декларирует полноту прав человека, незыблемость частной собственности, приверженность рыночной экономике и стремление интегрироваться в мировое сообщество?..

Хочу заметить, что некоторые негосударственные вузы, наш в том числе, стараются стать элитными. Тут важно сказать о том, как понимать элитность, смысл которой не в том, что у нас будут учиться дети богатых и знатных людей, которые могут платить за обучение большие деньги. Это не исключается, но это совсем не главное. На мой взгляд, элитным можно назвать вуз, в котором критическую массу

профессоров и преподавателей составляют **выдающиеся** (редкие) люди, которые, используя **уникальные** (редкие) образовательные технологии, обучают и воспитывают **одаренных** (редких) студентов, способных впоследствии работать на самых **высоких и высших** (редких) должностях в соответствующих своей специальности сферах или производить **высшего качества** (редкие) продукты **творчества**. Одним словом, элитным я назову **редкий вуз**, который готовит для **редкой**, а значит высокопрестижной и высокооплачиваемой, работы. Элитным я назову вуз, который дает ценное и потому **высоко ценимое в обществе образование**.

Я сказал «в обществе», а не на рынке, как только что утверждал выше, потому что в то же самое время убежден, что **высшее образование не может ориентироваться только на потребности рынка**, т. е. частный, корыстный и краткосрочный интерес, но должно **также** оставаться общественным благом и служить стратегическим целям развития личности, общества и государства.

Высшее образование имеет высшую миссию развития общества, а не только его воспроизводства; оно выполняет две важнейшие функции — Стража и Светоча, смысл которых заключается в том, чтобы, используя сконцентрированные в этой сфере интеллектуальные ресурсы и присущую интеллектуалам **независимость** мышления, выявлять ситуации, когда попираются Истина и Справедливость, изучать тенденции и предвидеть последствия, которые затрагивают будущее, прежде всего те, которые угрожают ему.

Но что значит «ценное», «высоко ценимое в обществе» образование? Тут необходимо сделать небольшое теоретическое отступление экономического характера. Ценностью признается то, что полезно для благополучия человека. И чем больше пользы, тем более ценной признается услуга, в данном случае образовательная. Значит, первое, чего нужно добиваться, — это повышение **ценности** услуги, которую оказывает вуз. Прежде чем заявлять, что тот или иной вуз «элитный», т. е. редкий, уникальный, необходимо создать редкие, уникальные образовательные программы, т. е. **создать новую потребительскую ценность**. Никакой вуз не может с такого-то числа такого-то года объявить себя элитным, так же как никто не может присвоить ему это звание. Элитным можно **быть**, если у тебя есть славная история, как у некоторых российских вузов типа МГУ и других, или стать, приобретя эту историю. В любом случае, элитность как признак высшего качества вуза приобретается опять-таки исторически — во времени, через развитие.

Другое дело, что **за одни и те же промежутки времени различные объекты могут проходить в своем развитии неодинаковые «расстояния»**. Вот поэтому негосударственным вузам нужен рывок, прорыв, т. е. нужны

серьезные цели и радикальные меры по их реализации, в свете которых нынешнее состояние следует оценить как **неудовлетворительное** и начать разговор о будущем этого сектора образования в категориях Совершенного, Прекрасного и Максимально Возможного.

Список литературы

1. Галаган А. И. Проблемы присоединения к Генеральному соглашению по торговле услугами (ГАТС) в сфере образования: анализ мировых тенденций // Известия МАИ ВШ. 2003. № 3.

2. Мониторинг экономики системы образования // Информационный бюллетень Министерства образования РФ. 2003. № 2.

3. Большой экономический словарь. М., 2002.

4. Образование в Российской Федерации. 2003 : стат. сб. / Госкомстат России. М., 2003.

Высшее образование в России. 2004. №9

ОСТОРОЖНО: «РЕЙТИНГ!»

Спрос рождает предложение — такова реальность рынка. И сфера образовательных услуг здесь не является исключением. Каждый вуз позиционирует себя как лучший, способный дать абитуриентам достойное образование. Поэтому появление в СМИ рейтингов вузов было воспринято обществом как своевременная помощь в принятии непростого решения «куда же отправить учиться свое чадо?». О возможности ранжирования высших учебных заведений мы беседуем с президентом Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области, ректором Московского гуманитарного университета, профессором Игорем Михайловичем Ильинским.

— Игорь Михайлович, знаю, Ваш вуз является лидером среди негосударственных вузов...

— Университет, в котором обучается около 11 тыс. студентов, по праву занимает свою нишу на рынке образовательных услуг страны. Это первое в России негосударственное учебное заведение, которое реализует образовательные программы среднего, высшего и послевузовского профессионального образования по широкому спектру спе-

циальностей. Подавляющее большинство штатного преподавательского состава университета (более 500 человек) — кандидаты и доктора наук. МосГУ — абсолютный лидер по показателю наличия аспирантуры и докторантуры: свыше 800 аспирантов, семь специализированных диссертационных советов, из которых шесть — докторские. По объему научных исследований мы опережаем более 60% госуниверситетов. МосГУ — это единственный негосударственный вуз России, где ведется обучение по специальностям «международные отношения» и «регионоведение». 12 лет назад мы открыли первый в России факультет рекламы, который ныне является лучшим из себе подобных. МосГУ входит в четверть лучших университетов России по обеспеченности учебными материалами, компьютеризации учебного процесса. Материально-техническая база — лучшая среди негосударственных вузов. Вуз динамично развивается: за десять лет численность обучающихся выросла в 10 раз, хотя мы никогда не открывали филиалов и не имеем их. В 2006 г. университет стал лауреатом Всесоюзного конкурса по качеству, который проводил Рособрнадзор РФ, — первый и пока единственный среди негосударственных вузов. В этом году мы прошли международную сертификацию ИСО-9001. Опять-таки первые. Не на словах, а на деле мы поддерживаем высокое качество образования.

Однако существует немало вузов, незаслуженно позиционирующих себя в качестве лидеров. Создать громкое имя можно недобросовестной рекламой, посредством сомнительных рейтингов.

— *Что в идеале представляет собой рейтинг?*

— Это ранжирование людей или структур, которое проводится с определенной целью. Что касается вузов, цели могут быть различны, но прежде всего это информирование общественности — абитуриентов, работодателей и т. п. путем ранжирования вузов по уровням качества образования.

— *Какова реальность рейтингов вузов?*

— Как часто бывает в России, то, что призвано стать благом, часто оборачивается злом. Рейтинг стал средством манипулирования общественным сознанием, атрибутом недобросовестной конкуренции в сфере образования, способом достижения единственной цели — любой ценой выжить и заработать деньги. В системе негосударственного образования таких недобросовестных заведений немало, включая те, что получили право на существование и деятельность, скажем так, «странным» образом. Для них рейтинги стали одним из способов ввести общественность в заблуждение. Коль скоро есть потребность в рейтингах, появляются и те, кто готов их «проводить». В эту игру включаются некоторые средства информации: кто ради денег, кто — расширения аудитории.

— С Вашей точки зрения, возможно ли ранжирование образовательного процесса в принципе?

— При правильном понимании природы образования, включающего в себя как обучение, так и воспитание, ранжирование практически невозможно. Как измерить совесть, честь, мужество? Личностные характеристики не имеют количественного выражения, а проявляются в какой-то конкретной ситуации. По каким критериям оценить воспитанность тысяч людей? Возможен рейтинг обучения (причем и тут весьма условный), но не образования. В таком случае вторая составляющая, т. е. половина образования (воспитание) списывается со счетов или (согласно одной из современных методик) оценивается наряду с десятками других показателей в 2–3, а то и в 1 балл! По правде говоря, сегодня никого не интересует образование человека в его истинном смысле. Идет подготовка homo faber — ремесленника, специалиста. Но не Человека. Специалиста и пытаются измерить.

— Но ведь идея рейтингов взялась не из ниоткуда. Кто был родоначальником ранжирования вузов?

— Первый рейтинг был проведен в 1983 г. в США. И это не случайно. Американцы, по их собственному признанию, впадают в панику, если не могут что-либо измерить количественно. Со временем идея ранжирования получила свое распространение. Правда, многие страны, где к образованию существует более серьезный подход, отказались от рейтингов. В других рейтинги были адаптированы под имеющуюся систему образования, причем проводились они самим образовательным сообществом.

— Есть ли общая методика проведения рейтингов?

— Единой методики нет. Как и нет единой цели проведения рейтингов. Это информирование абитуриентов и работодателей, оценка качества обучения, эффективность вложения средств в диплом, полезность данного вуза для общества, международная направленность обучения и т. п. Надо подчеркнуть, что на Западе, будь то Европа или США, огромное внимание уделяется объективности проводимого рейтинга. В этих целях опрашивают многих, часто десятки тысяч людей — студентов, выпускников, работодателей, тратятся огромные деньги.

— Игорь Михайлович, а как дело обстоит в России?

— Не секрет, что наша система образования постепенно американизируется. Поэтому не удивительно, что ранжирование вузов пришло и в Россию. Так, в 2003 г. Министерством образования был проведен первый и последний государственный рейтинг, в котором приняли участие всего 86 из 600 вузов. Все остальные просто не подали заявки. Надо сказать, что была разработана очень детальная методика. Подчеркиваю: официальных рейтингов с тех пор не проводи-

лось. Но ежегодно в тех или иных СМИ появляются неведомо кем проведенные «рейтинги». Например, в марте 2007 г. на страницах «Комсомольской правды» был опубликован «рейтинг». Вопрос звучал так: «В каком вузе вы хотели бы обучаться?» Первое место в рейтинге якобы заняла Московская финансово-юридическая академия. Получается, каждый пятый опрошенный мечтает учиться именно в этом заведении. Но я-то знаю, что это за вуз: какое-то время он был членом нашего Союза... Здесь мы имеем дело с грубой игрой. Видимо, сознавая это, редакция газеты мелким шрифтом дает пояснение: «рейтинг не является официальным». Но кто будет читать с лупой эту неразборчивую надпись? На поверку это чистой воды дезинформация.

— То есть на сегодняшний день актуален вопрос создания официальной рейтинговой службы?

— Не знаю, есть ли в этом необходимость. Именно сейчас систему образования трясут изменения в законодательстве, разные оргперестройки. Каждый вуз не реже одного раза в пять лет проходит государственную аккредитацию, которая и является подтверждением его состоятельности. Сейчас данная информация почему-то является закрытой. Может, раз в год эти материалы стоит публиковать? Но если уж проводить рейтинги, то надо понимать, что это дело сугубо добровольное. И проводиться они должны на основе объективных данных. А то, что происходит сегодня, лежит за пределами морали, права и действующих законов. Например, в соответствии со статьями 4 и 14 Федерального закона «О защите конкуренции» вузы имеют право и должны обращаться в суд, когда встречаются с халтурой. Самое главное рейтинговое агентство — это жизнь, рынок образовательных услуг. Не надо принимать население за идиотов и манипулировать их сознанием. Сами разберутся, кто хорош, а кто плох. Этого и боятся организаторы «рейтингов».

От редакции

Недавно независимым рейтинговым агентством «РейтОР» в журнале «Платное образование» был проведен «рейтинг» юридических программ 133 государственных и негосударственных вузов Москвы. Вот что представляет собой структура данного рейтинга. Все вузы столицы представлены в шести неравных по количественному содержанию группах, которые сформировались, согласно сайту агентства, «в результате использования иерархического кластерного анализа». Оценивались высшие учебные заведения по восьми критериям, каждый из которых «достоин» особого внимания.

Критерий № 1. «Известность ректора (декана юридического факультета) в профессиональном сообществе». Напрашивается вопрос: какое отношение имеет личная популярность ректора или декана

к качественному уровню образования? Данный критерий может служить имиджевой оценкой вуза, не более. Возникает и второй вопрос: как измерить известность?

Вот, например, ректор Московского гуманитарного университета Игорь Михайлович Ильинский, интервью с которым мы публикуем. Помимо основной своей деятельности он является президентом Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области; президентом Национального союза негосударственных вузов; президентом Русского интеллектуального клуба; председателем попечительского совета Бунинской премии; членом Бюро Российского гуманитарного научного фонда; членом Совета Всемирного русского собора; действительным членом десяти академий. И так далее. Награжден тремя орденами, в том числе в 2006 г. орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, имеет четыре знака Министерства образования, является автором десятков научных трудов.

Не менее именит и декан юридического факультета Московского гуманитарного университета Ю. Е. Винокуров. Однако на две эти персоны пришлось 1,9 балла из трех.

Критерий № 2. «Активное участие представителей вуза в профессиональных ассоциациях». В каких ассоциациях? Сколько надо? Что значит «активное»? И опять же: как данный критерий помогает выявить уровень образования?

Не меньшая глупость — критерий «стоимость обучения в вузе на коммерческой основе». Ранжировщики полагают, что чем выше стоимость, тем больше оценочный балл вуза. Разве это не абсурдно?

И теперь, пожалуй, самое занятное. Рейтинг тогда является объективным, когда основывается на обширной информационной базе, которая в данном случае отсутствует. Во-первых, известно, что специалисты агентства «РейтОР» не обращались в ранжированные вузы за информацией, необходимой для проведения рейтинга. Во-вторых, рейтинг — дело добровольное. Но как в него попали вузы, принципиально не участвующие во всевозможных опросах? В-третьих, кто является теми самыми экспертами, что давали оценку? Их состав также не известен.

Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с проявлением интеллектуальной убогости, заведомой дезинформацией общества.

Интервью газете
«Властная вертикаль Федерации», апрель 2007 г.

ОБРАЗОВАНИЕ В ЦЕЛЯХ ОГЛУПЛЕНИЯ

Заголовок моей статьи вызовет у многих, мягко говоря, недоумение: по общепринятым представлениям образование имеет прямо противоположное назначение — дать человеку благоразумие, умение действовать лучшим образом в любых житейских ситуациях, стать успешным, богатым, счастливым.

Но не спешите недоумевать. Во все времена были люди, видевшие в образовании не только великое благо. Вот что говорил некогда об образовании, например, широко известный и в нынешнем мире французский кардинал А. Ришелье: «Точно так же, как безобразным стало бы человеческое тело, снабженное глазами на всех его частях, так и государство обезобразилось бы, если б все жители стали образованны, ибо вместо послушания они преисполнились бы гордостью и тщеславием... Всеобщее образование привело бы к тому, что число сеющих сомнения намного превысило бы число способных их развеять...» (Ришелье, 2008).

Это слова одного из самых ярких политических деятелей Франции — коварного кардинала, служителя Церкви, призванной от имени Бога управлять людьми. Послушание, покорность, терпимость, смирение, самоотречение, фанатизм, идолопоклонство, отчаяние и страх, удерживающие пришибленного жизнью человека от возмущения и восстания, — вот что больше всего волновало просвещенного кардинала. Чтоб светить, нужна темнота.

А светская власть, а богатеи — разве они мыслят иначе? Разве им проще управлять народом умным, образованным?

Любое общество имеет свою идеологию, как бы оно ни открещивалось от этого понятия. Идеология, в сущности, — та же религия, так же призвана охранять богатство и власть, быть инструментом управления людьми. Вот либерализм — это, конечно же, идеология, а для рыночных фундаменталистов — религия со своими земными богами, своей Библией и своими догмами.

О да! Мы живем в век космоса, век атома, век компьютера, Интернета, мобильной связи... Постиндустриальное, информационное общество, демократия, права и свободы человека... Образование через всю жизнь... Все так: движение человечества по пути прогресса не остановить, а значит, необходимо развивать и образование. Но как управлять уже многомиллиардной и все растущей массой человеческих особей, чтобы она не утратила «послушание», о котором так сокрушался кардинал Ришелье? Этот вопрос с веками никуда не исчез, напротив, невероятно обострился.

Тут и возникает мысль: «А не превратить ли само образование в узду для управления людьми?» Ведь «образовывать» — значит превращать «нечто» во «что-то» определенное. Задача только в том, чтобы внятно означить эту «определенность» в ее разных ипостасях: сколько должно быть в человеке ума, сколько и каких знаний, сколько и каких добродетелей (если они, конечно, нужны вообще). И главное! — чтобы все было в меру, «ничего слишком», как говорили древние. Это — для управляемой массы, для «специалистов» и «ремесленников», для «солдат» (в широком смысле слова офицеры и даже генералы — тоже «солдаты»), которые не должны испытывать мук сомнений, ибо их задача — не сомневаться, не думать, а выполнять Приказы.

Другое дело — наследники тех, кто властвует и управляет: тут знания необходимы, здесь и среднее образование должно быть «высшим», а высшее — сверх того, «супер». Ибо управление даже теми, кто не рвется к власти и славе, а хочет только «хлеба и зрелищ», — дело сложное, занятие жестокое.

Конечно, людей, которые мыслят таким образом, ныне, как и в стародавние времена, совсем-совсем немного (я, боже упаси, не из их числа!), но именно от их взгляда на образование зависят его масштаб, развитие и содержание...

...Прошло девять лет XXI столетия. За эти годы образование в мире существенно изменилось по содержанию, но особенно по формам и методам, технологиям передачи знания. Образование ныне другое. Это несомненно.

Но вот вопрос: стало ли образование лучше? Изменился ли и стал ли хоть малость лучше человек — умнее, добрее, честнее, свободнее, одним словом, более духовным, более нравственным? Возросла ли его способность лучше разбираться в окружающем мире, в людях и человеческих отношениях, в самом себе? Стало ли общество, которое образует образуемый человек, более гуманным, миролюбивым? Приблизились ли мы к пониманию того, что все чудеса научно-технического прогресса и высоких технологий — ничто в сравнении с чудом, какое представляет собой обыкновенный человек? Что живет человек на этом свете не во имя покорения пространства и времени, а для того чтобы быть счастливым, стать и оставаться человеком?

На все эти и подобные вопросы я отвечаю категоричным «нет». Мир, а значит, и многие люди, его творящие и живущие в нем, стали еще более агрессивными, жесткими и жестокими, прагматичными и циничными. Система духовных и нравственных ценностей на наших глазах претерпела огромные трансформации и продолжает деградировать. Жизнь человека обессмысливается. А там, где нет смысла, не может быть и морали. Вырастает новый тип населения, готового

довольствоваться эрзацами свободы и демократии, людей трусливых и доверчивых, бесконечно терпеливых к насилию, ко все новым экономическим кризисам, национальным конфликтам и региональным войнам, терроризму и пиратству, ко все новым бедам, угрозам и опасностям, которые посыпались словно из ящика Пандоры. Люди так привыкли к бесконечным напастям, что стали принимать их за неизбежность, за норму бытия.

Мы ругаем Министерство образования, Рособрнадзор, Правительство за то, что задерживают выход нового поколения стандартов ВПО, сокращают финансирование, количество вузов и бюджетных мест, тотально внедряют ЕГЭ и тестирование, вводят новые правила приема в вузы, то и дело изменяют их. Мы видим во всем этом элементарный беспорядок как следствие непрофессионализма, бюрократии. Но разве дело только в этом?

ЧТО ЖЕ ПРОИСХОДИТ?

XX в. прошел под знаком сначала идеи мирового господства коммунизма, затем — нового мирового порядка по национал-социалистическому (фашистскому) образцу. В 1941 г. о необходимости установления нового мирового порядка заявили США, имея в виду, что будут существовать три континентальные системы: Соединенные Штаты Европы, Азиатская система и Панамериканский союз с общими для каждой системы вооруженными силами, исключающими наличие национальных армий. После Второй мировой войны более 50 лет шла холодная война между двумя сверхдержавами — США и Советским Союзом. После развала СССР путь к мировому господству для США оказался свободен...

Со второй половины XX в. и поныне мировое развитие определяет Процесс, именуемый глобализацией, которому искусственно придано огромное ускорение. Крайне важно понимать: глобализация — не естественный, не стихийно-объективный процесс сближения стран, народов и наций, а целенаправленный и сознательно управляемый процесс, за которым стоят могущественные и беспощадные организации и люди, имеющие свой взгляд на то, как должен быть устроен мир, какими должны быть человек, система его ценностей и сама жизнь. Страдания человека и целых народов, гибель миллионов людей не трогают их, поскольку речь идет о сохранении власти, богатств и привилегированного образа жизни. Цель ускоренной глобализации — создание единого глобального рынка, управляемого из единого центра, с единой финансовой системой и легко управляемым населением, жизненные потребности которого ограничивались бы в ос-

новном (а может, только) материальными ценностями и простыми запросами: работать, покупать, размножаться, спать.

Множество людей, как это ни парадоксально, приветствуют идею нового мирового порядка: им надоели хаос, терроризм, наркомания, порнография, детская преступность, кража людей, пиратство, бедность и нищета целых стран, конфликты и войны. «Кто-то должен навести порядок, гарантировать безопасность, организовать общество гармонии, — говорят они. — США берутся за это? Ну и отлично!» Есть, конечно, и такие, кто не согласен, но с вершин власти мы слышим: «Все идет как надо! Реформы... Модернизация... Инновации... Оптимизация... Победим коррупцию! Построим «умную экономику»! Будем вести «умную» внешнюю политику! Создадим «юную нацию»! Сформируем нового человека! Добьемся высочайшего качества образования!.. Мы добьемся!.. Добьемся!.. Добьемся!..» На страницах газет и журналов одни и те же имена, на экране телевизора одни и те же лица, в радиоэфире одни и те же до тошноты надоевшие голоса. Одни и те же тусклые и плоские мысли, казенные слова — и ни одной огненной идеи. Министры, «аналитики», журналисты, артисты, ректоры, директора... Они без устали говорят, говорят... Говорят месяц за месяцем, год за годом. Глаза горят, полны бешеным упрямством: «Все будет так, как мы говорим!» Их много. Они в атаке. «И ни един не повернулся вспять».

Признаться, бывают мгновения, когда приходит мысль: «А может, ты не понимаешь чего-то главного?» Ведь складно говорят! К тому ж — при власти и деньгах, высоких званиях. Взять фракцию «Единая Россия» в Государственной Думе — триста депутатов: академики, доктора наук, трех- и четырехзвездные генералы, лауреаты всяческих премий... Мысль, Честь и Совесть (МЧС) российского народа! И голос поэта Маяковского громом из поднебесья: «Кто там шагает правой? Левой! Левой! Левой!»

Но чем настойчивее и последовательнее «они» делают свое Дело (реформируют, модернизируют), тем неотступнее мысль, что все-таки мы и в самом деле очень многое не знаем, а потому и не понимаем того главного, что определяет ход действий и событий. В том числе и маниакальное упорство этих людей. Мы не знаем того, что не положено знать никому, кроме узкого круга посвященных, в который не входят и те, с кем мы спорим, кого пытаемся переубедить. Бессмысленно! Они — «солдаты», они тоже не должны знать и понимать Замысел, они выполняют Приказ.

Им, как и нам, дано видеть только некоторые результаты деятельности, о которых рассказывают президенты и премьер-министры стран, их министры, банкиры и бизнесмены, телеведущие. Кризис почти победили. Социальные программы выполняются. Инфляцию снизили. Террористов вот-вот прикончим...

Многое из того, что сообщают СМИ, «народ» не устраивает, он разочарован. Но кто сказал, что власть и бизнес должны испытывать те же чувства, что и население? «Элита» — это не народ. У «элиты» совсем другие интересы, а значит, замыслы и планы, о которых можно гадать, но знать которые «народу» не положено: «Секретно», «Сов. секретно». Вероятней всего, именно эта часть планов успешно претворяется. И в этом смысле все действительно «идет как надо». И не «народное» это дело — рассуждать о том, нужно создавать Стабилизационный фонд или нет; где хранить деньги этого фонда — в банках США или в России; давать бешеные кредиты банкам в период кризиса или не давать. И уж тем более не наше дело знать, кто и сколько «наваривает» на этих и подобных операциях. Еще раз: «обществу» позволительно знать о некоторых результатах публично озвученных задач, но не о тайной части замыслов и причинах происходящего.

«В политике ничего никогда не происходит случайно. Если что-то случается, то это значит, что кто-то так спланировал». Эти слова принадлежат Президенту США Ф.-Д. Рузвельту. Этот умный человек знал, что говорил.

В самом деле, разве развал СССР — случайность? Нет. Теперь это ясно всякому здравомыслящему.

Бомбежка Белграда, расчленение Югославии, создание «независимого» Косово — случайность? Нет.

Война в Ираке, казнь Саддама Хусейна — случайность? Нет.

Война в Афганистане — случайность? Нет.

Цепь «цветных» революций на Украине, в Грузии, Киргизии — случайность? Нет.

Расширение НАТО на Восток — случайность? Нет.

Убежден, что в ближайшие десятилетия мир будет потрясен множеством новых локальных и региональных вооруженных конфликтов и войн. Более того, никто из серьезных футурологов не исключает возможность еще одной мировой войны. И это не «страшилки», а реальный взгляд на Происходящее. С помощью таких международных «инструментов», как НАТО, Всемирный банк, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, в мире идет смертельная борьба за выживание — за географические и геополитические пространства, сырьевые и энергетические ресурсы; борьба за уничтожение национальных государств и создание основ постнациональной эпохи, когда не будет стран и наций, а будут только регионы и континенты, глобальный рынок, по сути, единая экономика, универсальная религия, универсальные (так называемые общечеловеческие) ценности, которые невозможно установить, если не захватить еще одно пространство — образовательное. Пространство, в котором производится самый ценный продукт — человек как источник всего сущего

в социальной жизни. Тот, кто хочет управлять миром при новом порядке, должен установить железный контроль за системой образования, подчинить цели, задачи и содержание образования целям и задачам этого Порядка. Создание единого мирового образовательного пространства — быть может, главная цель глобализации.

При этом под «образованием» в данном случае следует понимать не только деятельность образовательных заведений с их учебными программами и стандартами, но также семью, СМИ, армию, одним словом, среду обитания, окружающую современного человека. Каковы условия жизни, каково общество — таков и человек. Однако какой быть нашей жизни и обществу, зависит не от самой жизни и общества, а от тех, кто их прогнозирует, планирует и конструирует. Стихийность и случайность, которые когда-то были основой истории, присутствуют в ней и в наш век, но все более сокращаются.

Если мыслить по такой логике, то намного понятней становится все происходившее в российском образовании прежде и происходящее ныне под флагом реформ и модернизации, борьбы за качество. Здесь также были Замысел и План, а в них — часть, открытая для всех, и часть, неведомая нам до сих пор.

Надо сказать, что система бывшего советского образования довольно долго сопротивлялась разрушению. Первой сдалась средняя школа. Через несколько лет в вузы хлынул поток оглупленной молодежи, не знающей отечественной истории, русского языка, математики, но уже неплохо лопочущей на английском, да и думающей «в ущерб интересам России» и в пользу Запада.

ЭТИ СТРАННЫЕ «РОССИЙСКИЕ» РЕФОРМЫ…

Ничего удивительного в этом нет, если доподлинно знать, как проходили реформы российского образования по крайней мере первые 10–12 лет. Нет ничего удивительного и в том, что в ноябре 2009 г. Президент РФ Д. А. Медведев в своем Послании Федеральному Собранию РФ вновь заявил о необходимости модернизации российского образования.

В начале 90-х годов XX в. происходившие в отечественной системе образования перемены именовали «реформами». Потом вдруг решили, что это не реформы, а «модернизация». Произошло это в 1999 г. с приходом на должность министра образования В. М. Филиппова (уже пятого после своих предшественников — Днепрова, Ткаченко, Кинелева, Тихонова).

Завязалась упорная борьба за внедрение Единого государственного экзамена (ЕГЭ) и образовательного «ваучера» — государственного

именного финансового обязательства (ГИФО); начались споры по поводу присоединения России к Болонскому процессу, о переходе на 12-летнее обучение в школе. Идеи, разного рода законопроекты и поправки к уже существовавшим законам, проекты доктрин, образовательных кодексов то и дело совершенно неожиданно вбрасывались в СМИ неведомо кем, без подписей авторов. Еще чаще доходили слухи о том, что «кто-то» «где-то» готовит «что-то» важное, революционное... И все, кто был обеспокоен судьбами образования, испытывали очередной стресс, кидались разыскивать это «что-то» и в очередной раз находили «его»! Всякий раз это были не слухи, а сознательно организованные утечки информации. И всегда это было действительно нечто важное, угрожавшее существовавшему порядку, но, как правило, несуразное.

Как президент Национального союза негосударственных вузов и Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области, ректор крупного негосударственного университета я участвовал во многих важных совещаниях, проводившихся Министерством образования, на которых обсуждались эти идеи и проекты. Были среди них, несомненно, и стоящие, действительно нужные, необходимые. Прежде всего это касалось образовательных технологий — компьютеризации, Интернета, дистанционного обучения и т. п. Это правда.

С высот власти все чаще, громче и жестче звучало: «Качество! Качество! Качество!» Я видел (и наблюдаю до сих пор), что многие работники министерства и других образовательных ведомств буквально валятся с ног от усталости в своем стремлении «реформировать» и «модернизировать» образование, победить проклятую коррупцию, но коррупция росла и растет, а образование, начиная со школы, обедняется и примитивизируется.

На мой взгляд, параллельно (даже в первую очередь) перемены должны были бы происходить в понимании предмета (чему учить?), в содержании образования (что и сколько надо знать сегодня?), в методах развития творческого мышления, способности к самообразованию и все в таком роде. Я полагал (и убежден в своей правоте поныне), что главное для человека, которому жить в условиях сумасшедших перемен и скоростей XXI в., — это не только ремесло, специальность, которые позволяют ему кормиться самому и кормить свою семью, но также овладение тем кругом достоверных традиционных и новых знаний, без которых он не сумеет объяснить себе и понять, что же происходит на его глазах в окружающем мире, а значит, не сможет почувствовать себя свободным человеком, отдающим себе отчет в том, зачем живет, как надо жить, каким надо быть, чтобы действовать сознательно и сознавать свое человеческое достоинство.

По этому поводу я написал десятки статей, опубликовал несколько книг, в 2002 г. издал монографию «Образовательная революция», в которой, в частности, очертил круг этих необходимых знаний.

Одним словом, происходившие в образовании перемены не устраивали меня: я видел следствия, но не знал породивших их причин; я видел результаты, но мне не известны были цели и те, кто их ставил. Я старался докопаться до сути.

В конце 1990-х годов наш вуз и я лично тесно сотрудничали с ЮНЕСКО и его Генеральным директором Федерико Майором, а также с Бюро ЮНЕСКО в России. Благодаря этим связям у меня в руках оказались два первых доклада — за 1994 и 1995 гг. с одинаковым названием «Россия: образование в переходный период», подготовленные сотрудниками и консультантами Всемирного банка при поддержке Фонда Сороса, правительств Великобритании, Финляндии, Франции, Японии и Нидерландов; а также доклад № 18 666-RU «Обновление образования в России (региональный уровень)» за июль 1999 г., содержащий материалы по Саратовской, Самарской и Новгородской областям. Там я обнаружил много любопытного, пролившего свет на происходившее в российском образовании.

Вот первый объемистый доклад Всемирного банка № 13 638-RUS от 22 ноября 1994 г. с грифом «Конфиденциально. Документ Всемирного банка. Только для служебного пользования» с предупреждением: «Настоящий документ имеет ограниченное распространение и может быть использован получателем только при исполнении официальных обязанностей. Во всех других случаях его содержание не может быть раскрыто без разрешения Всемирного банка». Доклад написан 29 безвестными мне и миру сотрудниками и консультантами Всемирного банка (из которых только пятеро с русскими фамилиями) под руководством некоего Стивена П. Хайнемана. Главная проблема реформы российского образования, на взгляд разработчиков доклада, состояла в том, чтобы так «реструктуризировать эту добившуюся больших достижений в прошлом систему... чтобы она могла удовлетворить новые потребности непланового рынка и открытого общества».

По ходу изложения текста авторы доклада делали знаменательные комплименты: «Система образования России характеризуется многими достижениями: начальное образование доступно всем детям; трудоспособное население грамотно; юноши и девушки имеют равное представительство среди студентов вузов; международное сопоставление академических достижений России в их совокупности продолжает свидетельствовать... о более высоком уровне знаний в естественных науках и математике, чем во многих странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)» (Доклад Всемирного банка, 1994: I). «В бывшем Советском Союзе существовали велико-

лепные учебные программы по естественным наукам и математике» (там же: 29).

Авторы доклада высказали немало рекомендаций руководству России, некоторые из которых я назову. Были среди них и вполне разумные, например «переподчинить ведомственные вузы Министерству образования», поскольку к тому моменту многие министерства и ведомства, которым прежде всего подчинялись эти вузы, были закрыты, их не существовало.

Однако большинство рекомендаций, взятых в сумме, означали кардинальную ломку, лучше сказать, уничтожение прежней системы отечественного образования.

Вот некоторые из этих рекомендаций:

— «закрыть педагогические институты и привлекать учителей из числа выпускников университетов»;

— «закрыть профессиональные училища, которые не могут провести структурную перестройку» (там же: 49);

— установить «минимальные стандарты гражданственности», которые сводились авторами доклада (буквально!) к «способности правильного чтения карт, объяснению на иностранном языке, правильному заполнению налоговых деклараций»; кроме того, по мнению авторов, к этим стандартам «можно было отнести любовь к российскому искусству и литературе, а также терпимость к другим социальным группам» (там же: 51);

— ввести «подушевое финансирование школ, исходя из уровня расходов на одного ученика» (там же: 57);

— «не повышать долю расходов на высшее или среднее профессионально-техническое образование в общем объеме ВВП, если они до этого не будут серьезно реструктуризированы» (там же: 58);

— «передать ответственность за выбор учебных материалов из министерства самим школам» (там же: 74).

Авторы доклада высказали также мнение о «несправедливости и неэффективности экзаменационной системы» (там же: 41).

Вполне вероятно, что читатель, не посвященный в своеобразие дипломатического языка, не найдет в некоторых приведенных мною выдержках ничего особо предосудительного, тем более угрожающего российскому образованию. Но дипломатический документ — это своего рода шифровка, прочитать и до конца понять смысл которой могут только люди, владеющие кодом. За моими плечами три года обучения в Дипломатической академии Министерства иностранных дел СССР (1974–1977 гг.), где нас учили составлять и читать дипломатические тексты, а также опыт участия в написании двух докладов Генеральному директору Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) (1981 г.), руководство

подготовкой доклада Генеральному секретарю ООН «Молодежь мира: глобальная ситуация и перспективы до 2000 года» (1991 г.). Мне понятен не только текст, но и подтекст сказанного в докладе Всемирного банка, а во многом и дух невысказанных мыслей его авторов.

В сущности, руководству России предлагалась стратегия «реформирования» советской системы образования, на тот момент все еще одной из лучших в мире, которая могла быть осуществлена только через ее разрушение и никак иначе.

Мне скажут: «Но ведь это всего лишь рекомендации! Власти России могли поблагодарить Всемирный банк за советы и делать то, что сами считали нужным». Увы.

В начале 90-х годов XX в. экономика России была разгромлена, практически уже не функционировала; страна находилась в полной экономической и финансовой зависимости от Запада, в том числе от таких международных финансовых структур, как Международный валютный фонд, Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития. Каждый новый заем Правительство России выпрашивало у Запада, стоя на коленях. И деньги поступали, но при соблюдении Россией определенных требований, которые касались не только размеров процентных ставок на кредиты, но и политических условий, некоторые из них известны (шоковая терапия, приватизация и т. п.), но есть много других, о которых мы пока не знаем и, возможно, не узнаем никогда.

В определенном смысле Россия находилась во внешнем управлении со стороны США, некоторых западных стран и мирового закулисья, которое определяет правила игры. Теперь уже известно, что в ту пору в Правительстве России, в каждом министерстве, при каждом губернаторе и президенте в регионах легально находилось более 2000 «советников» из США и западноевропейских стран; что наиболее важные проекты законов и постановлений Правительства РФ отсылались на экспертизу в Белый дом — в Вашингтон. В это трудно поверить и сейчас. Но вспомним хотя бы один из позорнейших фактов: первым человеком, которому позвонил Президент России Ельцин после того, как он, Кравчук и Шушкевич подписали Беловежское соглашение о роспуске СССР, был Президент США Буш-старший! Что это? Глупость? Наивная вера в то, что «Запад нам поможет»?..

Возможно, таким же настроением определялась и просьба России к Всемирному банку: «Посоветуйте, как нам перестроить советское образование, чтобы оно стало как у вас, господа!» А может, при подписании условий одного из кредитов просителям из России было сказано: «Деньги дадим, но мы подготовим вам кое-какие рекомендации по реформированию российского образования, а вы обязуетесь их выполнить». Почему бы нет?

Теперь попробуем расшифровать некоторые из этих рекомендаций.

Вот рекомендация «закрыть педагогические вузы». В общем-то, в этом есть резон. На Западе таких вузов нет. С запозданием на 15 лет, в ноябре 2009 г. Президент России Д. А. Медведев в своем Послании Федеральному Собранию РФ распорядился осуществить этот шаг — «закрыть». Спорить о том, хорошо это или плохо для российского образования, можно и сейчас. Но в ту пору, в 90-е годы, такое решение было смертельно, ибо престиж образования в голодной, разваливавшейся стране упал ниже допустимого предела: учителя из школ, преподаватели из вузов бежали в «челноки», в малый бизнес — куда угодно, лишь бы прокормиться. Молодежь не хотела идти в вузы, особенно в педагогические, но именно их выпускники вместе с учителями-ветеранами и спасали среднюю школу — основу отечественного образования.

А что значило введение «минимальных стандартов гражданственности»? Только вдумайтесь в эту рекомендацию! Как же низко хотели советчики из Всемирного банка опустить российскую молодежь, а значит, и российский народ: умей найти США на географической карте, научись лопотать по-английски, правильно заполнять налоговую декларацию — и ты уже «гражданин». Позволительно («кроме того») «любить российскую литературу и искусство»...

«Глупость какая, вот и все», — скажет кто-то. Нет же. Эта чушь присутствовала во всякого рода документах, подготовленных уже российскими «специалистами».

Но дело даже не в этом. За рекомендацией введения «минимальных стандартов гражданственности» скрывалась и другая: «Откажитесь от воспитания новых поколений!» И что? Отказались: в 1994 г. воспитательная функция была изъята из школ и вузов; воспитатели оказались без работы, бросились искать другие способы самопрокорма. Так продолжалось около пяти лет, пока не пришло озарение: с исчезновением воспитания в России исчезло и образование, а осталось только обучение. Тогда министр образования тех лет В. М. Филиппов выступил в «Российской газете» со статьей «Не хочу быть министром обучения!» Под моим руководством был подготовлен доклад Комитета РФ по делам молодежи Правительству России, в котором мы доказывали ошибочность изъятия воспитательной функции из школ и вузов. Доклад наш на очном обсуждении Правительство РФ признало «очернительским», запретив рассылку в регионы. Но через пять лет воспитательную функцию вернули в школы и вузы, признав ее изъятие ошибкой. Однако кадры воспитателей, знания и опыт в этой области были утрачены. Несколько лет школьники и студенты были лишены наставников и советчиков, в которых так нуждаются становящиеся ум и душа... Огромный вред нанесла России эта «рекомендация».

На момент выхода доклада Всемирного банка «Россия: образование в переходный период» в нашей стране были тысячи профтехучилищ. Часть из них и в самом деле надо было закрыть. Но это было бы не по-нашенски — «закрыть часть». Головную боль в России приучены лечить отсечением головы. Сказано же: «Закрыть». Вот и закрыли. Теперь в России найти руководителей среднего и низшего звена производства (там, где оно есть, это самое производство) трудней, чем выписать из-за границы топ-менеджера. Теперь мы «возрождаем» систему среднего профессионального обучения. И сколько времени уйдет на то, чтобы подготовить кадры для нее, чтобы молодые люди захотели учиться в такого рода учебных заведениях, — знает только Всевышний.

А вот лукавое замечание авторов доклада о «несправедливости и неэффективности экзаменационной системы»... Авторы не сказали о том, что надо сделать, чтобы эта система стала справедливой и эффективной. Знали, но в докладе не сказали. Шепнули «на ушко» кому надо. Так пришли в российское образование идеи Единого государственного экзамена (ЕГЭ) и государственных индивидуальных финансовых обязательств (ГИФО) — образовательного ваучера, которые потрясли все образовательное сообщество, породили страстные споры. От ГИФО через несколько лет отбились — у государства на это просто не оказалось денег. ЕГЭ перевели в режим долговременного «эксперимента», который, как понимал любой не дурак, был обречен на «сокрушительный успех», поскольку экспериментаторами были носители этой идеи. На эксперимент затрачены миллиарды рублей. «Успех» становился все более очевидным по мере того, как старели и уходили со своих должностей директора школ и ректоры вузов, которые, по мнению авторов доклада Всемирного банка «Россия: образование в переходный период», «представляли собой самостоятельную консервативную силу, обладающую ощутимым влиянием» (Доклад Всемирного банка, 1994: 76), т. е. стояли на пути «реформ». Их места с некоторых пор стали занимать назначаемые, а не избираемые люди, куда более покладистые. «Зеленый» свет для ЕГЭ оказался открыт, и 2009 г. стал годом тотальной егэизации российского образования.

Не доказав ни одного из своих «несомненных преимуществ» перед традиционной системой экзаменации, ЕГЭ был объявлен самым «эффективным и справедливым» способом проверки знаний. И даже Президент России Д. А. Медведев, несколько скорректировав самодовольство сторонников этого сомнительного новшества, счел возможным сохранить его, хотя и не в качестве единственного средства контроля...

Ну а как вам рекомендация Всемирного банка «не повышать долю расходов на высшее и среднее образование в общем объеме ВВП»? Это было убийственное предложение, но оно было принято, и прак-

тически все 90-е годы образование финансировалось по остаточному принципу: копейки — на зарплату преподавателям и жалкие гроши — на развитие. В итоге материально-техническая и учебная база учебных заведений пришла в полный упадок. Она стала развиваться лишь с приходом на пост главы государства В. В. Путина, когда расходы на образование начали расти.

Таков мой предельно краткий комментарий к рекомендациям первого доклада Всемирного банка «Россия: образование в переходный период».

В таком же духе составлены и другие доклады, о которых я уже упоминал, — второй доклад Всемирного банка «Россия: образование в переходный период» (декабрь 1995 г.); доклад Всемирного банка № 18 666-RU «Обновление образования в России (региональный уровень)», представленный в июле 1999 г., а также и доклад «ТАСИС», подготовленный на деньги Европейского союза.

Разумеется, эти доклады не были, если можно так сказать, законами прямого действия. Российские власти разрабатывали и собственные документы, касающиеся образования. Известен Указ № 1 Президента Б. Н. Ельцина об образовании (1991 г.), в котором говорилось, в частности, что ежегодные расходы на образование в рамках ВВП должны составлять не менее 10%. Закон РФ «Об образовании» (1992 г.) был, пожалуй, самым демократичным и многообещающим в мире: статья 40 этого закона предоставляла образовательным организациям существенные льготы, широкий простор для развития негосударственного образования. Конституция РФ (1993 г.) гарантировала всем гражданам страны право на получение бесплатного высшего образования. В Национальной доктрине образования (2000 г.) было много высокопарных заявлений о роли образования в развитии России и о правах ее граждан в этой области. Но все это были красивые сказки, а в сущности — заведомый обман. Реальная доля расходов на образование все годы «реформ» колебалась в пределах от 3 до 3,5% ВВП. Статья 40 Закона РФ «Об образовании» в 2002 г. была изъята из него в полном объеме. Из 7,5 млн студентов получают образование за счет госбюджета не более 25%, а остальные оплачивают обучение из семейного кармана. В России существует около 500 негосударственных вузов, в которых обучается 1,2 млн человек.

Зато практически все рекомендации Всемирного банка выполнены или выполняются, как ни парадоксально, с нарастающей жесткостью под девизом повышения качества образования, который, в принципе, ни у кого не вызывает сомнения. Но в суматохе бесконечных изменений госстандартов, лицензионных и аккредитационных показателей, введения тестирования, уровневого образования, Единого государственного экзамена, укрупнения вузов и сокращения их количества,

угроз и «наездов» на негосударственные вузы (не говоря уж о таких объективных факторах, как демографическая яма и финансово-экономический кризис) качество образования не повышается, а падает. Все вместе это следует означить двумя словами: управляемый хаос. Почему рекомендации Всемирного банка и другие заморочки в основном заморского производства, ввергнувшие наше образование в этот хаос и разруху, предложены российским властям и приняты ими? Почему? Ответить на этот вопрос почти невозможно: мы — в сфере абсурда, тайны и домыслов.

Разве можно даже в мыслях допустить, что США, финансисты которых контролируют Всемирный банк, вдруг и почему-то возлюбили Россию, с которой они не на жизнь, а насмерть более 50 лет боролись в холодной войне? Россию, которую они издавна мечтают расчленить на мелкие части? Россию, которая согласно их планам не должна иметь сильной армии, должна быть экономически зависимой от Запада? Россию, в недрах которой хранится более трети всех сырьевых и энергетических запасов, в которых так нуждается Запад, и прежде всего сами США? И вот, объединившись с другими странами, Америка тратит деньги (хотя это крохи), мозги и время (хотя и это не главное) на то, чтобы помочь этой самой России, на новое и (как же иначе?) хорошее образование? Ведь нельзя же сказать представителям РФ: «Мы подготовим для вас такие рекомендации, которые окончательно угробят ваше образование». Сказать — нельзя. Но сделать — можно. Вот и сделали.

Разве можно заподозрить Японию, правительство которой софинансировало подготовку доклада Всемирного банка, в дружеских чувствах к России, если Россия (как правопреемник СССР) с сентября 1945 г. и до сих пор находится с Японией в состоянии войны?

Разве можно представить, что правительство Великобритании, которое также выделило деньги на разработку доклада Всемирного банка, неожиданно возлюбило нашу страну? Как можно не помнить, что во времена, когда Антанта душила молодую Советскую республику, Уинстон Черчилль (тогда военный министр) выступал в английском парламенте за то, чтобы применить против Красной армии газы? Что за три месяца до окончания Второй мировой войны, в марте 1945 г., тот же Черчилль (премьер-министр Великобритании) предложил Президенту США Трумэну начать 1 июля 1945 г. третью мировую войну против СССР? Что Трумэн не принял это предложение, в частности, потому, что согласно Потсдамским соглашениям СССР после победы союзников над Гитлером обязался вступить в войну с Японией, что было крайне важно для США?

А нынешние отношения России с Японией и Великобританией, находящиеся на грани холодной войны? Разве не говорят они о том,

что ни о какой благотворительности со стороны этих стран по отношению к России нечего было даже мечтать? Тогда зачем же они изображали любовь к «новой» России и дружбу с ней?

Мне кажется, что ответ на этот ключевой вопрос дал миллиардер Джордж Сорос, который потратился на доклад Всемирного банка более щедро, чем правительства всех названных стран, вместе взятые. О, этот Джордж Сорос — сатана в образе благотворителя!.. Соросу надоел бизнес как таковой, он делает деньги на политике и получает от этого огромные доходы и высшее наслаждение. Сорос — один из разрушителей СССР, соцстран Восточной Европы. Сорос — автор идеи и руководитель фонда «Открытое общество», одна из главных фигур ускоренной глобализации. Соросу нужны открытые пространства — экономическое, политическое, финансовое, образовательное. Где есть какое-либо выгодное пространство — там и Сорос. Для Сороса важно было, чтобы Россия приняла рекомендацию Всемирного банка стать «открытым обществом» с «открытым образовательным пространством». И когда Россия до неприличия широко распахнулась Западу, Сорос не пожалел денег на реформирование программ российской школы и высшего образования — и особенно на подготовку учебников по гуманитарным наукам, прежде всего по российской истории, — с помощью продажных отечественных и зарубежных фальсификаторов. Только сейчас школы постепенно избавляются от соросовских учебников, в которых российское и особенно советское прошлое так изгажено, так искажено, что не может узнать себя. Искалечено историческое сознание целого поколения молодых россиян.

ДВЕ НОВЫХ БЕДЫ НА ГОЛОВУ РОССИИ

Говорят, у России две беды: дураки и дороги. Не знаю, что будет в будущем с российскими дорогами, но определенно можно сказать, что в результате болонизации и тотальной егэизации российского образования общество наше вскоре начнет глупеть.

На мой взгляд, в ходе образовательных «реформ» в России совершено много ошибок. Главные — присоединение к Болонскому процессу и введение ЕГЭ.

Взять Болонский процесс, в который мы «вписались». Некоторые говорят: «Отлично!» А я думаю — плохо. Ибо с этого момента российское образование попало в тенета большого закулисья и (в каком-то смысле) в управление США.

Скажут: «Но Соединенные Штаты не входят в Болонский процесс!..» Да, это так. Но разве не понятно, что с того времени, когда после Второй мировой войны конгресс США согласно плану Маршалла

(Маршалл — госсекретарь США в конце 40-х годов прошлого века) направил в 16 западноевропейских стран 13,3 млрд долл. (по тем временам — огромные деньги!), Западная Европа находится в плену торгового либерализма, диктуемого Америкой. Сотни фактов свидетельствуют о том, что сегодня США управляют Европой, хотя Старый Свет и пытается как-то оградить себя от тотальной американизации. Болонский процесс — одна из таких попыток, обреченная на неудачу уже потому, что в большинстве западноевропейских, а теперь и восточноевропейских стран внедрена американская модель образования. И чем лучше мы реализуем идеи болонизации, тем больше мы становимся похожими на американцев.

«Ну и прекрасно!» — заметят мои оппоненты. — Американское образование признано самым эффективным в современном мире!» Согласен: признано. Но кем? Самими американцами и их покорными союзниками. А главное — в каком смысле «самое эффективное»? В США, как и в любой крупной, многонациональной стране с чрезвычайно дифференцированным по уровню благосостояния населением, у власть имущих есть свои, и немалые, проблемы в управлении массами. Чтобы избежать их, власти США ведут действительно эффективное обучение и воспитание своих граждан и достигли высочайшего мастерства в манипулировании их сознанием.

В США хорошо поставлена подготовка узких специалистов в университетах по широкому кругу профессий: экономистов, финансистов, психологов, медиков и т. д. Это, конечно, важное достижение. Но каждый человек — не только токарь, фермер, программист, рекламный агент, менеджер, летчик, музыкант, певец, врач, офицер, т. е. человек своего дела, своей профессии, своей специальности, как правило, весьма и чрезвычайно узкой и сложной настолько, что дай бог в ней бы до конца разобраться. Наряду с этим каждый человек — гражданин своей страны. И если он хочет, чтоб его страна была благополучной, сильной, а значит, и ему, этому человеку, жилось хорошо и еще лучше, то он должен и обязан мыслить не только масштабами своей специальности, семьи, цеха или предприятия, но — масштабами страны и мира.

Прямо скажем, это дано не каждому. Таких людей мало. А если постоянно внушать, что «нам с тобою думать неча, если думают вожди», то их количество, и без того малое, сокращается до критического минимума и в обществе властвует пофигизм. Грабят страну? «А мне все по фигу! Это их (кивок наверх) дело!»

Я несколько раз, в разные годы, бывал в США, встречался с государственными деятелями, политиками, миллиардерами, учеными и обывателями. Среди этих людей я видел масштабные личности, но обыватели (а речь сейчас о них) поражали меня своей детской наивно-

стью, крайне слабым знанием даже внутриамериканских проблем, не говоря уж о мировых. Сознание рядового американца воистину фрагментарное, осколочное, клиповое, состоящее в основном из плохо осмысленных картинок телевидения, голливудских боевиков, рекламы и увиденного в Интернете. У каждого своя «реальность», а на самом деле — конструкция, созданная СМИ и окружающей средой. Эти люди даже не пытаются мыслить масштабно, не знают и не понимают элементарных вещей. У меня часто возникало ощущение, что я разговариваю с седыми и полысевшими детьми, для которых мир — это песочница, в которой они до сих пор лепят куличи. Когда я чуть отрывался от «земли», в их глазах тут же возникал немой вопрос: «О чем это Вы?». «Маленькие» люди, чуждые больших дел, которые они отдают в руки «больших» людей, надеясь, что те позаботятся о них... Наивно и печально, но факт.

Власть имущие всех стран отлично знают, что проще всего управлять (манипулировать) плохо образованными людьми. Чем ниже интеллектуальное развитие человека и его способность понимать происходящее, тем ниже его способность противостоять взглядам, идеям и миропониманию, которые ему предлагают принять.

Вот как описывает эту ситуацию американский профессор Джон Глэд в своей книге «Будущая эволюция человека. Евгеника XXI века»: «Вашингтон — родной дом американской «номенклатуры» — сообщества богатых и поднаторевших в политике деятелей. Между тем 37% жителей столицы читают не лучше школьников третьего класса, а то и хуже...

Согласно исследованию, проведенному организацией «Национальная оценка педагогического прогресса», 56% испытуемых не смогли правильно вычесть 55 и 37 из 100, 18% не смогли умножить 43 на 67, а 28% оказались не в состоянии изобразить цифрами «триста пятьдесят шесть тысяч девяносто семь». <...> Вдобавок к этому 24% взрослых американцев не знали, что некогда Соединенные Штаты вели войну за независимость с Великобританией, а 21% понятия не имели, что Земля вращается вокруг Солнца. Согласно данным некоммерческой педагогической исследовательской группы Northeast Midwest Institute, 60 млн взрослых американцев не могут прочесть даже первую полосу газеты.

Трое американцев из десяти в возрасте 18–24 лет не сумели найти на карте мира Тихий океан, а 67% англичан не смогли сказать, в каком году закончилась Вторая мировая война. На вопрос, в какой стране находятся Французские Альпы, не ответили 64%.

Что касается искусства, философии, серьезной музыки, литературы и т. п. — той интеллектуальной мысли и творчества, которые должны придавать большее значение нашей жизни по сравнению с други-

ми животными, которые так же, как мы, любят, ненавидят и видят сны, — все это не представляет никакого интереса для подавляющего большинства людей.

...Достаточно бегло взглянуть на журналы, предлагаемые в местном супермаркете, или пробежаться по теле- и радиоканалам — а их в Америке сотни, — чтобы упасть духом» (Глэд, 2005: 66–68).

Тихая война в целях оглупления населения ведется не только внутри США, но, как хорошо известно, настойчиво экспортируется по всему миру в зоны особых интересов этой страны, в частности в Россию. Глобализация не состоится, новый мировой порядок не возникнет, если люди различных рас и культур, интересов и верований, уровня образования и информированности не будут придерживаться схожих мнений на так называемые вызовы и угрозы эпохи: экономические и финансовые кризисы, международный терроризм, пиратство, войны, если не будут видеть в лице США единственного спасителя от всех зол.

В каждой стране множество умных людей. Ученые видят выход в возрождении науки. Учителя — в спасении школы. Демографы — в рождаемости. Военные — в реформе армии. Старики — в повышении пенсии. Власти — в искоренении коррупции. Артисты и писатели — в развитии культуры. В рамках своего профессионального знания и понимания каждый делает много полезных и важных дел, а ситуация в целом остается прежней и не меняется к лучшему. Почему так происходит?

Причина в том, что каждый исправляет только видимое ему, не сознавая, что пока не поймешь положения дел в целом, ничего кардинально не изменится. Действие отдельного человека или организации имеет смысл, если оно скоординировано с общим планом.

Обществу катастрофически не хватает людей широко, масштабно мыслящих, масштабно понимающих происходящее в стране и в мире. Только союз таких людей может узреть корень проблемы, корень зла, взяться за исправление ситуации в целом.

Но именно в этом и не заинтересованы те, кто правит миром. Эти люди делают все для того, чтобы человек знал только «свое» дело и не совал нос «куда не следует». Они поощряют фрагментарное, осколочное мышление, которое измельчает масштаб, побуждает человека действовать, исходя из видимого ему через его «замочную скважину», с его «кочки» зрения. Так оглупляется ситуация и сам человек, который гордится тем, что имеет свое «мнение». Мнения, мнения, мнения... Море мнений, океан мнений, вулкан мнений. Но столкновение миллионов разнонаправленных мнений не может вызвать волнения даже в стакане воды, не то что народную бурю...

Уровень манипулирования сознанием людей достиг ныне небывалых масштабов и вершин. Мы должны забыть о «свободных СМИ»,

ибо они находятся в руках мирового закулисья. Огромное количество людей — представители законодательной, исполнительной и судебной властей, чиновники министерств, руководители спецслужб, телевидения, радио и газет, ректоры университетов и директора школ, профессора, преподаватели и учителя, — сами того совершенно не сознавая, включены в систему этой пропаганды. И чем лучше они делают свою работу, тем хуже обществу, ибо цели порочны, а значит, деятельность контрпродуктивна.

Почему мы забыли, что в 50-е годы ушедшего века Запад был поражен эффективностью советского образования? Комиссия конгресса США, занимавшаяся изучением космического феномена русских, заявила тогда, что если Америка не овладеет русским методом образования молодежи, то ей придется овладевать русским языком. В США и других странах были проведены реформы, изменившие облик западных университетов. Финансирование высшей школы из госбюджета на Западе возросло в 5, 10, даже в 20 (США) раз! Если в Японии в 1950 г. действовало 149 колледжей и 202 университета, то к 1970 г. их число возросло соответственно до 479 и 382. За два десятилетия количество учащихся колледжей увеличилось с 15 тыс. до 263 тыс., а контингент студентов вырос до 1,4 млн человек (прежнее число — 224 тыс.).

Почему мы не верим в то, что и сегодня Россия может сама создавать великолепные образовательные модели и стандарты, заимствуя у Запада только лучшее?

Вот случай с пресловутым ЕГЭ. Да, как в любом деле, здесь есть свои плюсы. Но минусов неимоверно больше.

Если бы наши государственные мужи действительно думали о будущем России, на самом деле стремились бы модернизировать систему образования в целом и школьное образование в частности, они бы не торопились с введением новой системы итогового контроля. Начинать надо было с создания новых образовательных стандартов, новых программ и новых технологий, в которые как их органичная часть, возможно, были бы включены и новые технологии контроля качества образования. Затем эти программы и технологии надо было длительное время проверять на практике. В этом естественном эксперименте должны были бы участвовать не те дети и подростки, которые уже учатся в школе, а те, кто только придет в школу к его началу. При этом в разработке новых стандартов, программ и технологий должны принимать активное участие не только специалисты-предметники, но и психологи и физиологи. Очень важный момент!

Никто не подумал о тех школьниках, которые по природе своей не могут работать быстро. Это не недостаток — это особенность их мышления. Они знают материал, они приходят к правильным ответам —

только на это им надо больше времени, чем их «быстрым» одноклассникам. Они заведомо не успевают на ЕГЭ и получают низкие баллы.

А те дети, которых называют одаренными? Одаренный школьник, как правило, проявляет глубокий интерес и глубокие способности к какому-либо одному предмету (или группе предметов), далеко выходя за рамки школьной программы. Но при этом чаще всего успехи в одной области сочетаются у таких школьников с отставанием в других областях: их способности «заточены» для решения задач в определенной сфере, другие сферы для них неинтересны, а значит, они заведомо не будут (в отличие от дисциплинированных отличников) заниматься зубрежкой, что проявится в результатах ЕГЭ.

Никто не подумал о тех школьниках, у которых ведущим полушарием является правое. Они по своей природе не способны к аналитической работе, к работе с высокими уровнями абстракции, не умеют логически последовательно строить рассуждение, затрудняются при выполнении любого тестового здания. Они склонны к синтезу, обобщению, они приходят к правильному ответу скорее интуитивно, чем логически, и прекрасно умеют выполнять творческие задания. Тестовая форма сдачи любого экзамена для таких школьников является нефизиологичной, а их с каждым годом становится все больше — прежде всего из-за того, что в жизнь ребенка с ранних лет начали входить не только телевизор, но и компьютер, а книга постепенно перестает быть основным источником знаний. Работает в основном первая, а не вторая сигнальная система, и в результате правое полушарие получает преимущество. Но школьные программы и экзаменационные формы не рассчитаны на подобные процессы.

Я не могу понять, как будет решать наше общество задачи инновационной деятельности, модернизации. Ведь качество любого рода человеческой деятельности зависит от качества человеческого материала, который включен в процесс этой деятельности. Это фундаментальная истина! В любом деле все зависит от того, кто его делает, от уровня знаний, понимания, моральных, волевых, этических и прочих качеств, одним словом, от качества человеческого материала. А это качество падает и снижается сознательно, в то время как сложность проблем и задач возрастает объективно. Если мы собираемся вывести Россию в разряд ведущих держав мира, то необходимо наращивать творческий потенциал, усиливать творческий потенциала в массе населения. Именно — в массе, а не в элите, управленческой верхушке. Как добиться этого, если образование примитивизируется, если большинство студентов первого курса не могут даже пересказать прочитанное? Уж не говорим об умении писать конспекты — мало кто это может, что заставляет преподавателей примитивно задиктовывать определенные тексты вместо осмысленного чтения лекций. Но такой

путь ведет в тупик, поскольку вместо развития навыков самостоятельного и творческого мышления развивает лишь кратковременную память. На семинарах студенты с удивительной точностью воспроизводят непонятные или плохо осознанные куски текста, но не могут ответить на самые простые вопросы.

В России в начале 90-х государство бросило образование практически на произвол судьбы. В последние годы взят жесткий курс на укрепление гособразования. Значительно увеличилось финансирование. Так, в 2010 г. расходы федерального бюджета выросли на 7,3% и составляют более 416 млрд руб.

В том, что образование — обучение и воспитание новых поколений — «вообще» должно осуществляться под контролем и в интересах государства, у меня нет никаких сомнений. Но чьи коренные интересы выражает нынешнее государство — вот вопрос.

Нетрудно заметить, что интересы эти носят двоякий характер. Прежде всего, это интересы так называемой элиты — узкого круга богачей, властвующих и, я бы сказал, «нового класса» — чиновников, тесно связанных с властью и капиталом. И только потом — интересы «народа», т. е. абсолютного большинства населения.

Сообразно этому и система образования обретает все более ярко выраженную «естественную» двоякость. Дети «элиты» в подавляющем большинстве учатся в частных школах, что обходится семье от 1000 до 4000 евро в месяц, а после школы — в университетах США, Англии, Франции, Швейцарии, в крайнем случае в «ведущих» вузах России, поступление и учеба в которых стоят огромных взяток.

Но боже мой, ведь так было еще в древние времена в системе «раб — господин»: рабы должны были приготовляться к труду, а дети свободных (читай: богатых) должны были иметь необходимый досуг для развития ума и телесного совершенствования. Образование детей богатых и власть имущих не должно было иметь трудовой направленности, поскольку производство материальных благ было уделом рабов. Дети аристократов должны были получать наилучшее образование, ибо им предстояло управлять государством и своими богатствами. Так представлял себе систему образования еще Аристотель, живший за триста лет до новой эры.

Итак, бедное государство за счет налогоплательщиков и собственных денег граждан дает им образование и возможность заработать на жизнь преимущественно у частных работодателей. Государство дважды обирает граждан за право работать на частный бизнес. Будем рассуждать о демократии? Или — ну ее?..

Второй «тренд», как любят говорить сейчас социологи, из той же серии, что и первый: в связи с безмерным расширением платных услуг в государственных вузах возник «порочный круг» неравенства

в образовании — неравенство возможностей (в денежных средствах и связях) ведет к неравенству качества получаемого образования («хороших» вузов на всех не хватает), что предопределяет неравенство возможностей на рынке труда. И так далее — по кругу. Итог опасный: появление недовольных судьбой — сначала студентов, затем нетрудоустроенных и плохо устроенных выпускников, а в целом — разочарованных поколений. Тут протест (в любой форме) запрограммирован, и весь вопрос во времени: когда рванет?

Третий «тренд»: массового спроса на качественное образование со стороны рынка что-то не просматривается. Причина? В России отсутствует реальный сектор производства, промышленность прежде всего. Торговля, услуги — это не главное. Там важно, чей диплом, а не качество. Поэтому реформы и модернизация сводятся к разного рода организационно-финансовым пертурбациям (сократить — укрупнить; слить — разлить; разрешить — запретить; открыть — закрыть; проверить проверяющих и т. п.). Шум, суета, стрессы, а качество образования намывается по крупинке, в условиях спокойствия и стабильности.

ЕГЭ — это мера на понижение качества. В СМИ на тему ЕГЭ в 2009 г. появилась масса публикаций. Совсем немного в духе «одобрям-с», да и те с заказным душком. Абсолютное большинство — критических: фактически в России происходит ликвидация грамотности. Показательны заголовки многих публикаций: «ЕГЭ — контрольный выстрел в российское образование»; «ЕГЭ: ошибка или преступление?»; «Высшая мера для высшей школы»; «Как объЕГЭрить государство»; «Аттестат незрелости»; «Капкан для ректоров»; «Поколение для экспериментов»...

Бакалавриат — это шаг по пути оглупления. Ибо абсолютное большинство бакалавров из-за отсутствия материальных возможностей не смогут продолжить обучение в магистратуре, а путь в аспирантуру им закрыт по закону.

Тесты — это способ развития памяти, но не мышления и творчества.

Скоро, надо думать, Россия вступит в ВТО и будет обязана перестроить все отечественное законодательство под международное (читай: американское). И вот тогда уж от «минимального стандарта гражданственности», предписанного Всемирным банком, отвертеться не удастся...

Между тем Президент РФ Д. А. Медведев в своем Послании Федеральному Собранию заявил: «В XXI веке нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация. И это будет первый в нашей истории опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии. Вместо примитивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания, новые вещи и технологии, полезные людям.

Вместо архаичного общества, в котором вожди думают и решают за всех, станем обществом умных, свободных и ответственных людей.

Вместо сумбурных действий, продиктованных ностальгией и предрассудками, будем проводить умную внешнюю и внутреннюю политику, подчиненную сугубо прагматичным целям.

Вместо прошлой построим настоящую Россию — современную, устремленную в будущее молодую нацию, которая займет достойные позиции в мировом разделении труда» (Медведев, 2009).

«Умная экономика», «умная внешняя политика», «общество умных людей». Звучит красиво. Но как стать «умнее» в глупеющем обществе? И что значит — «молодая нация», «вместо прошлой России построим настоящую Россию» — никак понять не могу. Тут что-то плохо с русским языком...

Пора осознать: цели и задачи Всемирного банка, МВФ, Всемирной торговой организации и им подобных организаций совершенно противоположны целям и задачам российского общества. Это ложь, что кому-то из них нужна сильная Россия с сильной экономикой, сильной армией, хорошим образованием, грамотным населением, сильным национальным самосознанием. Совсем наоборот. «Их» цель — разрушить национальное самосознание, подчинить свободные нации и государства единому (универсальному) международному законодательству и, таким образом, управлять любой страной и миром в целом в нужном им направлении.

«Широкий замысел, направленный к великой цели, характеризует гения и возвышает дух исполнителя...» — говорил один умный человек. Вот бы чем заняться властям — идеологией.

Куда идет Россия? В чем ее общественный идеал?

Ничего в России не изменится к лучшему, пока власть и население не станут жить единой жизнью, не станут чувствовать себя единой нацией; пока развитие общества не станет определяться выдвижением целей, вытекающих из общественных идеалов, которые приемлют уж если не все, то хотя бы большинство граждан. Никакого «качественного образования» в России не будет, пока власть и органы управления образованием не станут слушать тех, кто это образование творит.

ОБРАЗУЮЩАЯ СРЕДА

Самый могучий образователь человека — это сама жизнь. Условия быта, среда общения, отношения с окружающим миром и людьми научают и воспитывают, формируют и перестраивают представления и взгляды, ценностный мир, характер и натуру человека. Жизнь — это бытование, обывание день за днем, год за годом от рождения до кон-

ца. Изменяя условия быта, можно изменять самого человека. И это совсем другое дело, что в одних и тех же условиях (даже в одной семье) порой вырастают совершенно разные по уму, жизненным притязаниям и характеру люди. Будем говорить не об исключениях, а о законах. В общем и целом среда бытования в союзе со СМИ лепит и формирует до удивления похожие друг на друга человеческие особи.

Исследования в области психологии, социологии и психиатрии XX в. показали, что человеческое сознание имеет четкие пределы осмысления как в отношении количества происходящих в обществе изменений, так и в отношении их природы.

Современная жизнь чрезвычайно динамична сама по себе. События происходят в таком количестве и так быстро, что даже развитый человеческий мозг не успевает осмысливать информацию, не говоря о людях со слабым интеллектом. Но (подчеркну это снова) глобализация — это сознательно, искусственно ускоренный процесс. В результате все более ускоряющегося потока общественных перемен и роста объемов подлежащей осмыслению информации огромная часть населения постоянно испытывает стрессы, оказывается в ситуации шока, не проходящего физического и психологического надлома, возникающего вследствие перенапряжения той части сознания, которая отвечает за принятие осмысленных решений. Неизбежно наступает состояние, когда людьми овладевает апатия, они начинают отказываться делать выбор в быстро меняющихся обстоятельствах, становятся легко управляемыми, не оказывают сопротивления происходящим переменам, даже если объективно эти перемены несут угрозу их благополучию и самой жизни.

Средства массовой информации представляют в настоящий момент поистине Главного Учителя, Главного Воспитателя и Главного Преподавателя. Это по-настоящему страшно: сегодня мало кто из родителей способен отогнать своих детей от телевизора, вытащить из Всемирной паутины. Я знаю семьи, которые специально не покупают телевизор, не подключаются к сети Интернет, но такие встречаются редко. (Любопытный и многоговорящий факт: при секвестре бюджета 2009 г. Госдума сократила расходы на культуру на 22%, на образование — на 3,6%, но увеличила их на 44% для СМИ.)

В 2000 г. Союз негосударственных вузов Москвы и Московской области, в котором я — президент, проводил Фестиваль качества. Заключительная часть фестиваля проходила в Государственном Кремлевском дворце. Мне хотелось, чтобы этот праздник и концерт увидели многие, и я решил договориться с тогдашним руководителем телеканала «Культура» А. Пономаревым, моим давним знакомым, чтобы он помог мне в этом. Я увлеченно рассказывал ему о том, что будет происходить в Кремле, а он, послушав некоторое время, прервал ме-

ня: «Знаешь, это не важно, что там будет. Мы сами решим, что снимать и показывать. Зрители увидят то, что мы покажем, а значит, именно это и происходило...» Я был шокирован его откровением. Но в жизни все так и есть.

Мы видим по телевизору, смотрим и читаем в Интернете, слушаем по радио, узнаем из газет, журналов и книг то, что «кто-то» считает необходимым. Понятия «свободные СМИ», «свобода слова» — пустышки, миф и легенда из далекого прошлого, в которые верят только крайне наивные люди.

В советское время я был главным редактором всесоюзного журнала с месячным тиражом в три миллиона экземпляров и знаю, что такое государственная цензура. Но сказать, что свободы слова не было, у меня нет оснований. Были табу и пределы, за рамки которых выходить не рекомендовалось. В каждом журналисте, писателе и поэте, в каждом редакторе жил «внутренний цензор». Он и определял прежде всего высоту полета мысли и фантазию автора, соотнося их с заботой о собственной безопасности.

Тот, кто скажет, что теперь все не так, что сегодня цензуры не существует, в моих глазах будет выглядеть смешно. Сегодня мысль и образы фильтруются не менее жестко — я имею в виду мысли правдивые, честные, образы истинно нравственные, светлые, подлинно героические. И фактически нет никакой разницы в том, кому принадлежит газета, телеканал, — государству или частному лицу.

Неясные, но могущественные иллюзии, которые создает телевидение в сознании молодежи, могут иметь ужасающие последствия для общества, ведут нас к некоему коллективному безумству. Мы начинаем видеть и сохранять в памяти вещи, которых нет в действительности, не представляя самой действительности. А когда нас перестают «кормить» уже привычными продуктами, испытываем беспокойство, требуем их, находясь в виртуальном мире, сами того не сознавая.

Русские — очень впечатлительный народ, не привыкший к высокой умственной концентрации, линейному, логическому, структурированному мышлению. «Ах, обмануть меня не трудно!.. Я сам обманываться рад», — писал когда-то А. С. Пушкин. Манипулировать нами не так уж сложно. Советские уже привычны к этому, новое поколение ничем не отличается от нас. Иногда мне кажется, что народ российский опустили до уровня легко контролируемого «общественного животного», готового стоять на задних лапках за любую подачку — будь то прибавка к пенсии, индексация зарплаты, а то и просто обещание завтрашнего просветления жизни.

В одном из докладов Римского клуба под названием «Первая глобальная революция», опубликованном в 1991 г., доктор Александр Кинг утверждал, что новые достижения в технологии коммуникации

значительно увеличат власть СМИ, которые превратятся в двигатель перемен в борьбе за установление нового, единого порядка, который похоронит государства-нации. Он сказал это в тот момент, когда СМИ уже были могущественным воспитателем масс в угодном власть имущим направлении. В начале 50-х годов XX в. господствовало радио. Потом появились транзисторы — и в тот же момент возникло множество ВИА (вокально-инструментальных ансамблей). Самой знаменитой была английская группа «Битлз», в одно мгновение завоевавшая сознание молодежи мира. Потом появились другие, но они не могли затмить «Битлз». Молодежью овладела битломания.

Разговор о «Битлз» — тема особая. Спорить с их фанатами бессмысленно. В данном случае речь о том, какое воздействие оказала и оказывает их и подобная музыка (рок, рэп) на сознание человека, почему это происходит.

Говорят, что «Битлз» были не обыкновенной группой, отражавшей настроение молодежного бунта начала 60-х годов, что это было орудие психологической войны по культурной перекодировке, перепрограммированию молодых поколений на основе концепции, разработанной франкфуртской школой (перенесенной в США) с неофрейдистских позиций. Думаю, так оно и было. С помощью «Битлз» и подобных групп при помощи СМИ глобализаторы привносили в сознание молодежи массовую культуру.

Эпоха «Битлз» — это эпоха истеричных и кричащих толп молодежи в десятки и сотни тысяч человек. Это начало культурной катастрофы, изменившей облик мира. Другое дело, что «Битлз» и им подобные многочисленные группы разных стран стали активными звеньями в планах идеологов нового мирового порядка по контролю над массовым сознанием, не отдавая себе в этом отчета. Деньги, слава, замки, наркотики — всего до отвала. Думать-то особо некогда...

Признаться, я не любил в молодости и не признаю до сих пор всерьез рок, рэп и подобную музыку. Мне нравятся некоторые мелодии разных групп, не более того. Из четверки «Битлз» я знаю имя только Джона Леннона, а также знаю, что своим феноменальным успехом «Битлз» обязаны прежде всего Теодору Адорно (появилось даже утверждение, что именно он написал для них большинство лучших песен и стихов). Но то, что Адорно — немецкий социолог, один из основных философов франкфуртской школы социальных исследований, автор книги «Введение в социологию музыки», автор социальной теории рок-н-ролла, исследователь массовой музыкальной культуры, как-то прошло мимо моего сознания. Узнал я это, когда принялся писать эту статью. Думаю, что многие читатели находятся в положении, схожим с моим: мы упускаем из поля зрения то, что нам не нужно знать и видеть. А все-таки зря...

Вот что пишет Адорно в упомянутой книге: «Надо запрограммировать музыкальную массовую культуру как форму глобального социального контроля посредством постепенной деградации ее потребителей». «Это процесс воображения, наполненный эмоциями. Слушатель, который запомнил хит, будет стремиться к идеальному субъекту этой песни, к человеку, который в ней идеализируется... Насвистывая песню, человек проходит ритуал социализации, хотя это ничем не обоснованное ощущение, он остается таким же одиноким, как и был. Сравнение с зависимостью (алкоголика, наркомана. — *И. И.*) неизбежно» (Adorno, 1962). Это — музыкальная зависимость.

Секрет успеха поп-музыки понятен только специалистам. Адорно и его последователи писали атональную, или, как еще говорят, 12-тоновую музыку, основы которой были заложены австрийским композитором Арнольдом Шенбергом в 1910 г. Это был противовес традиционной европейской музыке, основанной на гармонии, строгой иерархии звукового ряда, в котором есть главный тон и стремящиеся к нему остальные звуки.

В новой форме — атональной музыке — тяжелые вибрирующие повторяющиеся звуки особенно сильно воздействуют на тело, мозг и психику младших возрастных групп, пробуждая в сознании отдельных индивидов, как им кажется, некие общие для всех возбуждающие ощущения, вызывая чувственное раскрепощение, выводя наружу запретные страсти. Вероятно, в те времена появилось понятие «расслабиться», т. е. отдаться во власть импульсов, в которых сексуальные желания подавляют важные нормы поведения человека, диктуемые сознанием. Появление нового вида музыки, которую обобщенно называют «попсой», привело к появлению огромного числа ее потребителей и, как результат, породило индустрию развлечений, включающую производство музыкальных дисков, их продажу, рекламу, маркетинг.

Но посмотрите российский телеканал «МузTV». Что за музыка там звучит? Только попса. И та в основном не отечественная. Вслушайтесь, о чем поют «звезды» нашей эстрады. Стихов нет, есть слова, да и тех обычно очень мало, а из этой малости большинство об Этом. Это — контркультура традиционной российской культуре, что совсем не случайно.

...На праздничный предновогодний концерт 2009 г. мы пригласили в университет суперпопулярную группу музыкантов «NOIZE MC» . Музыканты вышли на сцену. Студенты бурно приветствовали небрежно одетых, небритых парней. И вот те ударили по струнам своих гитар. Под визг электрогитар и грохот барабанов солист начал бормотать какие-то слова, за смыслом которых я не смог уследить. Потом была овация. «Кто любит рэп — поднимите руки! — прокричал со-

лист. — Хорошо! Кто любит хип-хоп? Хорошо!» Я оглянулся: в зале на 800 человек руки подняли человек сто. Я был в шоке.

Где-то кто-то сочиняет эту примитивную, отупляющую музыку и бессмысленный набор слов. Бессмысленный — на мой взгляд. Но если существуют «фабрики звезд», то есть и фабрики мыслей, фабрики музыки, фабрики, которые тиражируют диски, магазины по их продаже. И все это существует не по отдельности, не само по себе, а в связке взаимовыгоды. И «кто-то» заказывает именно такую музыку и такие слова. Кто?.. Мы не знаем их имен? Знаем!

Много блестящих, но дьявольских умов ловко и безжалостно используют поп-музыку и поп-культуру для насаждения среди молодежи чувств отчуждения, бесполезности и отчаяния. И нет на них никакой управы. И так — во всех странах мира. Кому это надо?..

В свое время правительство США заказало Стэнфордскому исследовательскому институту проект по изучению влияния на общество таких тенденций, как социализм, анархизм, коммунизм, натурализм, мистицизм, гедонизм, феминизм и др. Общий вывод исследований был такой: образ человека, который доминировал последние два столетия, не соответствует постиндустриальной эре. Задача? Изменение образа человека. Нации должны быть запрограммированы на изменение. Эти изменения должны происходить несмотря ни на что и с такой быстротой, чтобы действительно глубокие трансформации люди даже не сознавали. В этой тихой войне по изменению человека особое место отводится образованию во всех его смыслах, а не только школьному и университетскому.

Коммерческий канал MTV — популярной рок-музыки и клипов для подростков и молодежи, главная сила поп-культуры — был открыт в Англии в 1981 г. Сегодня MTV — часть медиаимперии Viacom, известной также как корпорация CBS, а его руководители входят в состав Совета международных отношений (СМО) и Бильдербергский клуб. Чтобы «продавать» молодежи музыку и клипы, а с ними параллельно напичкивать ее сознание идеями и информацией, противоречащими общепринятым, традиционным ценностям, да так, чтобы никто не заметил обмана, передачи MTV строятся особым образом, с учетом возрастного сознания и подростковой психологии. Здесь нет длинных проповедей и нравоучений. Эфир состоит из множества коротких текстов, прерываемых музыкой и клипами, которые поддерживают молодого человека в состоянии постоянного эмоционального возбуждения и сладостного ожидания, что следующий клип покажет нечто такое, что наконец-то удовлетворит его. Между тем эти короткие тексты ненавязчиво учат тому, как расти и жить. Они не тянут вверх, к высшим ценностям, нет. Преобладают реалити-шоу в стиле «Дом-2» Ксюши Собчак. Тебе не говорят, что такое «хорошо»,

а что такое «плохо», что правильно, а что нет. Тебе показывают жизнь людей твоего круга, твоих сверстников такой, какой она есть и может быть для тех, кто смотрит передачи этого канала. Все (вроде бы) просто, все (вроде бы) правда. И все очень обманчиво. Потому что тебе показывают и рассказывают выдуманные истории по заранее написанным сценариям, предлагают песни и клипы с теми смыслами, которые кому-то надо вложить в твою голову. Обычные мысли обычных людей из обычной жизни. Но они гипнотизируют. Тому, кто смотрит эти передачи, не надо включать ум и логику, достаточно расслабиться и ловить кайф, т. е. чувствовать, не понимая, что при этом ты бессознательно воспринимаешь, поглощаешь те послания, которые зашифрованы в коротких текстах, клипах, мелодиях и словах песен. Ты переносишься из сущей действительности в иной мир, в искусственную реальность, отвергая тем реальность, данную на самом деле. Музыка в сочетании с повторяющимися картинками замыкает, обрывает любую собственную мысль, кроме мысли о том, что тебе хорошо и вот-вот станет еще лучше. Там, где нет мысли, нет смысла, а там, где нет смысла, нет морали. «Ты отстранился от реальности? Твой мозг затуманен сексуальными фантазиями? Прекрасно! Это то, чего мы хотели. Тебя уже не устраивают наши галлюцинации? Ты попробовал наркотик? Прекрасно! Это также в наших планах».

Теперь представим миллиардные массы детей, подростков и молодых людей, прилипших к экранам телевизоров и не отрывающихся от него по шесть-семь часов в сутки. Их психика еще неустойчива, их знания поверхностны, их жизненный опыт равен нулю или слишком мал, чтобы понять надувательство. Добавим к этим миллиардам сотни миллионов безграмотных людей и тех, кто поражен неврозами, истощенных тяжелыми невзгодами и неблагополучием, которые, в сущности, мало чем отличаются от детей и подростков в том смысле, что сознательно хотят убежать от страшной для них реальности в мир простых эмоций, чтобы забыться. Им не нужны сложности и проблемы, они устали от них, они не хотят думать и делать выбор, им нужны простые решения сложных проблем и люди, которые скажут: «Мы подумаем и сделаем все за вас, вместо вас и так, что вам будет хорошо».

Вот так «они» образовывают — оглупляют миллиарды людей, и никто не хочет понять это и воспротивиться. Это называется «массовый спрос». «Народ желает! Пипл хавает!» Там, где «пипл», там рейтинг передачи, там деньги!.. Масса оглупленных, оболваненных людей — страшная сила для тех, кто понимает сущую правду жизни и происходящего вокруг, хочет действительно изменить жизнь в лучшую сторону. «Масса» — самый эффективный цензор в мире. Когда «масса» слушает или читает тех, кому дано понимать, кто хочет противостоять

обману и оболваниванию, она с ухмылкой говорит: «Да он просто неадекватен».

В оглупленной «массе» вязнет правда и истина; «масса» — это скала, о которую разбиваются самые высокие чаяния искателей истины и борцов за правду. Сознание «массы» — это глухая стена между Правдой и Ложью, Реальностью и Вымыслом.

Стадная реакция «масс» выгодна тем, кто властвует. Они понимают: пока «масса» сидит у телевизоров, смотрит МузTV, слушает попсу, хохочет над пошлыми шутками штатных клоунов, мечтает выиграть миллион или хотя бы приз в «Поле чудес», гоняет картинки и ведет бои с воображаемым противником на игровых приставках, они могут жить спокойно, в свое удовольствие.

Так программируют наших детей, так формируются поколения дегенератов, знающих названия сотен агрессивных комиксов, считающих насилие нормой и даже полагающих, что это самый лучший способ решения жизненных проблем, верный путь к благополучию, но не желающих и не умеющих читать и писать, тем более думать.

Думать — всегда тяжело; думать — значит трудиться; думать о серьезных вещах — самый тяжелый труд. Легко — смотреть, немножко сопереживать, чуть-чуть сочувствовать, а уж если думать, то не словами, а образами, звуками.

«Кто-то» разработал изощренный план по приручению свободного духа человека путем сатанинской ловушки под названием MTV и ведет тихую информационно-психологическую войну под попсовую музыку с яркими картинками по дальнейшему оглуплению человека. Кто? Мы знаем. А мы, кто понимает, мы что — слабые, глупые, трусливые?.. Мы, воспитанные на классической культуре, понимающие истинную историю и смыслы происходящего, мы что — будем наблюдать это?

КТО ПРАВИТ БАЛ?

Есть много теорий и разного рода объяснений по поводу того, почему современное общество переполнено хаосом и абсурдом. В каждом случае все выглядит вроде бы логично и даже научно. Различные группы общества растащили эти теории согласно близости их коренным интересам и пристрастиям: либералы смертным боем дерутся с социалистами и коммунистами, республиканцы с демократами, сторонники постиндустриализма и информационного общества насмехаются над консерваторами. И так далее.

Наблюдая за происходящим в стране и в мире, я все больше склоняюсь к такой точке зрения: История человечества — лишь отчасти

череда случайностей, в большей степени это процесс, управляемый малочисленной группой людей, владеющих богатством и властью, имеющих глобальные и долговременные тайные планы по их удержанию и расширению. Именно поэтому правду о причинах многих событий, которые сотрясали мир, души и умы миллиардов людей, мы узнаем лишь спустя много лет. Взять те же войны.

Мир до сих пор не сознает, что в 20-е годы XX в. Германия попала под «тихую оккупацию США», банкиры и промышленники которых вместе с британскими капиталистами закачали в немецкую экономику 30 млрд долл., взяли под свой контроль внутреннюю политику этой страны, взрастили Третий рейх и Гитлера с целью натравить его на СССР. А все начиналось с лондонской конференции 16 августа 1924 г. и так называемого плана Дауэса...

Я все больше исповедую такой взгляд на Историю и Происходящее, потому что не могу принять ни одну из существующих теорий. Находя в каждой из них лишь фрагменты истины, я тут же вижу толстые слои отупляющего наукообразия, изощренные идеологические и политические мифы, красочные фантазии и утонченную ложь. На самом деле объяснение Происходящего в мире выглядит запредельно грубо и цинично. Настолько грубо и цинично, что в такое объяснение практически никто не хочет верить.

Временами я тоже думаю, что такого быть не может, — слишком это жестоко и бесчеловечно, против всякого здравого смысла, против всякой морали. Нравственный человек не может даже в уме допустить, что существуют люди, да еще на самом «верху», способные осуществить действия, невероятно вредоносные и ужасные по масштабам жертв, против своих сограждан и целого человечества. Но известно: власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно. Человек, не желающий власти, не может понять этого. Войны, кризисы, депрессии и революции устраивают те люди, для которых богатство и власть — высшая цель жизни, а все вокруг, в том числе люди, пусть сколько угодно людей, — только средство достижения их целей.

Что есть мораль и закон? Узда для тех, кем управляют. У тех, кто властвует, кто хочет сохранить свое богатство, власть и право на привилегированный образ жизни, — своя «мораль»: это отсутствие всякой морали и полная вседозволенность. Для этих людей жизнь человеческая (кроме их собственной) не стоит ничего; они мыслят геополитически: категориями пространства и времени, масштабами континентов и стран, народов, наций, миллионами человеческих особей. Их подлинными целями является то, что отвечает исключительно их личным интересам. Все остальное (в том числе люди) — театр, карнавал, игра, не более чем средства достижения этих целей. По малой прихоти они могут совершать страшные (с нашей точки зрения)

злодеяния, испытывая при этом чувство удовольствия. Но не стыда или вины.

Сколько было за долгую историю человечества случаев, каждый из которых должен бы навсегда оставить в памяти чистое, абсолютное понимание: там, «наверху», совсем другой счет ценностям; там совсем другие люди, некогда бывшие «обыкновенными» людьми, но по пути «наверх», к вершинам власти, подрастерявшие многие добродетели, а то и вовсе утратившие собственно человеческие свойства и качества, ставшие Властной Функцией, которая не способна чувствовать, плакать и страдать.

Нерон сжег Рим, чтобы (всего-то!) насладиться видом пылающего города.

Герострат уничтожил одно из семи чудес света, дабы обессмертить свое имя.

Петр I уморил великое множество людей, чтобы европеизировать Россию, на костях сотен тысяч выстроить новый город Святого Петра.

Гитлер поджег Рейхстаг, чтобы начать избиение коммунистов и евреев, развязывал Вторую мировую войну, планируя искоренить многие нации, в том числе весь русский народ.

Сталин ценой страданий, крови и жизней миллионов создал советскую индустрию, армию и небывалое по силе в истории тоталитарное государство.

Кампучийский диктатор Пол Пот расстрелял и убил мотыгами, чтобы не тратить патронов, четыре миллиона «сограждан».

Горбачев ради сомнительной чести войти в число реформаторов мирового масштаба в негласной связке с Западом затеял «перестройку», а по сути — уничтожение СССР.

Ельцин ради личной власти вкупе с Кравчуком и Шушкевичем развалили Советский Союз.

Дж. Буш-младший и Тони Блэр откровенно обманули народы своих стран, весь мир, затеяв войну в Ираке, казнили руководителя страны, уничтожили около полумиллиона мирных жителей...

В середине XX в. лидер Китая Мао Цзэдун заявил, что ради торжества коммунизма на всей планете ему было бы не жалко уничтожить половину человечества...

В 90-е годы XX в. премьер-министр Великобритании Мэйджор публично заявлял, что с точки зрения экономической целесообразности население России не должно превышать 50 млн человек, т. е. его следовало бы «сократить» на 100 млн.

Но зачем ходить далеко? Мне по случаю довелось собственными ушами слышать кое-что из разряда государственных тайн, от тех, кто не так давно управлял Россией.

Например, я слышал на одном узком совещании в Администрации Президента РФ, куда меня еще приглашали в начале 90-х годов, как Председатель Совета Федерации РФ В. Ф. Шумейко открыто заявлял с трибуны: «Задача нашей «команды» — разрушить существующую экономику России. За нами придут те, кто будет создавать новую, передовую экономику». Не пришли... Собственными ушами из уст тогдашнего министра образования России А. Н. Тихонова слышал о том, что «в России много образованных людей», «много науки». Собственными ушами слышал от Егора Гайдара, во время беседы с ним, что «тотальное обнищание и ежегодная «убыль» населения России по миллиону человек — неизбежные издержки реформ, и тут ничего не поделать». Из очень достоверных источников знаю, что дефолт 1998 г. в России, результатом которого стало очередное массовое обнищание населения России и банкротство сотен тысяч предприятий, был придуман тогдашним премьером РФ С. В. Кириенко с группой чиновников и финансистов, которые крепко нажились на этой глобальной трагедии.

Меняются времена — меняются и масштабы мышления власть имущих. Когда все население планеты исчислялось миллионами, сто тысяч означало «много». Сейчас только в дорожных происшествиях ежегодно в мире погибают более 300 тыс. человек, миллионы умирают от голода и болезней.

Разделение общества на богатых, бедных и нищих чревато неистребимым противоречием, суть которого состоит в том, что на полюсе ничтожного меньшинства (в США 1% населения владеет 40% всех богатств; в России 70% богатств принадлежит 3% населения) концентрируется потенциал одиноких людей, счастливых тем, что им завидуют другие; на другом полюсе (а это практически все общество) формируется потенциал зависти, переходящей в отчаяние и ненависть от того, что эти многие «другие» не могут получить того, что имеют совсем немногие. Зависть становится главной причиной страданий миллионов людей, рождает поначалу потребность в достижении высоких стандартов бытия, которая по мере осознания недостижимости этого «идеала» (все уже захвачено и поделено) обращается в потребность разрушить существующее положение вещей. Из названного фундаментального противоречия рождается нестерпимо острая глобальная проблема: как крошечному меньшинству населения мира и практически каждой страны управлять подавляющим большинством населения, предупреждая бунты, восстания и революции, грозящие потерей власти и богатств?

Можно думать, что выходом из положения является демократия, и привести в качестве образца реализацию этой идеи США. Но сегодня это будет самый неудачный пример. Демократия в США давно

выродилась и представляет собой в основном бутафорию: выборы, конгресс, сенат, верховный суд и прочие ее атрибуты остаются, но базисом политической системы США стал ненасильственный (не ощущаемый как прямое, тем более физическое насилие) тоталитаризм.

О свободе и демократии, правах человека постоянно пишется в газетах, говорится по телевидению, но во многом эти слова лишены смысла. Демократия сегодня вовсе не предполагает, что народ управляет делами общества и государства. Демократия существует всего один день: когда избиратель имеет шанс решить, кто будет управлять обществом от его имени. Проголосовал? Забудь о своих правах!.. Так происходит ныне всюду... К тому же нынешняя Америка (точнее — ее элита и власть) — это мировой жандарм, пытающийся установить новый мировой порядок с помощью насилия в его самых разнообразных и изощренных формах (военная сила, угроза применения силы, экономические санкции, терроризм и т. п.).

Люди, склонные к рациональной философии жизни, говорят о том, что человечество уже давно превзошло возможные размеры своей численности, а население продолжает расти. Евгеники убеждены, что «у нас нет другого выбора, кроме как подчинить свое поведение интересам будущих поколений и регулировать рождаемость» (Глэд, 2005: 23).

Это один, общечеловеческий подход, который определяется интересами будущих поколений. Но есть и другой подход, «классовый». Я говорю о небольшой части населения планеты, сосредоточившей в своих руках основные богатства и власть, управляющей странами, живущей по высшим стандартам и не желающей терять ни первое, ни второе, ни третье. Большое население для них — большая проблема, ибо его надо кормить, обувать, одевать, обеспечивать жилищем. И все это надо делать в условиях истощения на земле основных видов ресурсов. Более того, слаборазвитые страны хотят развиваться, рвутся к тем же высоким уровням потребления, которые сложились в развитых странах. Экономика становится все более нестабильной, чревата все новыми кризисами, дефолтами и банкротствами целых стран. Управлять таким миром все трудней. Власть имущие развитых стран не хотят, чтобы их население создавало проблемы путем стачек, забастовок, восстаний и, не дай бог, революций.

На ум сами собой приходят по крайней мере две мысли: либо сократить потребление, остановить рост экономик слаборазвитых стран; либо сократить рождаемость, а то и радикально уменьшить население планеты. «Отец» евгеники сэр Фрэнсис Гальтон говорил: «То, что природа делает слепо, медленно и безжалостно, человек может делать осмотрительно, быстро и гуманно... Работать в этом направлении — его долг» (там же: 14).

В 1931 г. в США в период Великой депрессии в 30 штатах были приняты законы о стерилизации. К 1958 г. было стерилизовано 60 926 человек. Однако в Индии, где население перевалило уже за миллиард человек, с 1958 по 1980 г. было стерилизовано 20 млн человек, а в двухмиллиардном Китае за пять лет (с 1979 по 1984 г.) — около 30 млн женщин и 10 млн мужчин (там же: 82).

Но этим выдающимся примерам не последовала ни одна другая страна. А проблема — как управлять миром в условиях нарастающей напряженности между развитым миром и миром развивающимся, между сытыми и голодными, богатыми и бедными — остается и год от года становится все острее.

Надо отдать должное тем, кто реализует идею нового мирового порядка, особенно американцам: они давно детально, широко и глубоко изучают человека: его сознание, поведение и способы скрытого влияния на них. Им важно добиться, чтобы люди вели себя так, как хотят другие (т. е. глобализаторы), но при этом думали, что следуют своим собственным интересам и желаниям.

В США действует более 200 «мозговых центров» (thinks tanks), созданных корпорацией Rand, основанной Рокфеллером, Корпорацией исследований по планированию, Институтом философии и психологии творчества Хадсона, Международным институтом практической науки человеческого поведения, Бруклинским институтом, деятельность которых контролирует Стэнфордский университет — головная организация по контролю над сознанием человека (США, Калифорния, Перло Парк). Здесь работает более 3000 служащих, ежегодный бюджет — около 150 млн долл.

Многосторонние исследования человека ведет Тавистокский институт, также финансируемый Рокфеллером (Англия, Tabernacle Street, London EC 2A 4DD). Этот институт действует через ряд фондов США, ежегодный оборот которых составляет 6 млрд долл. Изучает логику, объясняющую причины того, почему люди различных культур, интересов, верований, с разным уровнем информированности придерживаются схожих мнений. Кратко эта тема определяется как «инженерия терпимости», или, используя столь модный ныне термин «толерантность», «инженерия толерантности».

Трудно даже вообразить, насколько изощренной является тематика исследований этого института, в 10 центрах которого действует 400 филиалов в разных странах и 3000 групп изучения и «мозговых центров». Однако эти знания необходимы для воспитания целых народов и наций в интересах нового мирового порядка (Эстулин, 2008: 130–131).

Исследователи обнаружили, что лишь 10% населения способно рассуждать логически и осознать проблему, а не просто высказать

мнение о ней. В силу естественных интеллектуальных различий одни понимают то, чего не понимают другие. Но есть люди, которые знают и понимают то, чего не следует знать и понимать другим.

Чем сложнее становятся проблемы общества по мере его развития, тем ниже уровень массового понимания, тем легче для тех, кто в этом заинтересован, отвлекать, перенаправлять и изменять общественное сознание. Люди теряют чувство реальности происходящего, определяющее их действия, и словно зачарованные, заколдованные поступают так, как угодно другим.

Вспомним, как проходили в 1996 г. президентские выборы в России. Рейтинг Ельцина был около 5%. Но за дело взялся Чубайс и владельцы семи крупнейших банков. И что же? Ельцин был избран Президентом РФ! Организаторы выборов обращались к самым «чувствительным» избирателям — к молодежи — с эмоциональными призывами: «Голосуй сердцем!», «Голосуй или проиграешь!».

В XXI в. иррациональность заполняет до краев общественное сознание.

Тавистокский институт создал теорию «социальной турбулентности» или, сказать по-другому, «психологической обработки для будущих потрясений», согласно которой население будет испытывать постоянный стресс вследствие глобальной нехватки энергии, финансового и экономического кризисов, постоянных атак террористов. Если «потрясения» происходят все чаще, общество постепенно приходит в стадию массового психоза. Люди чувствуют себя все более деморализованными, ими овладевает отчаяние и страх, гнев и ненависть, они становятся более агрессивными. Пытаясь убежать от надвигающегося ужаса, они — каждый на свой вкус — ищут укрытия в безудержных развлечениях.

Несомненный успех исследователей нового мирового порядка — их умение «предвидеть будущее», выстраивать стратегию глобальной политики с такой удивительной точностью, будто их главным предсказателем является сам Нострадамус.

В раннюю пору своей научной деятельности я поражался этому, но со временем нашел разгадку этой чудесной способности некоторых американских профессоров (Бжезинский, Фукуяма, Хантингтон, Хаксли и др.). Она проста: мы имеем дело со случаем, когда наука жестко встроена в политику и абсолютно подчинена ей.

Научные институты, лаборатории, «мозговые центры» разрабатывают разного масштаба доктрины, концепции, программы и планы, которые проходят потом всестороннюю политическую и научную экспертизу, отвергаются или корректируются и утверждаются высшим руководством (ЦРУ, Совета национального безопасности, Совета международных отношений, Трехсторонней комиссии и т. п.)

и становятся секретными планами конкретных действий, разложенных во времени с заглядом на годы и десятилетия.

Затем «по мотивам» этих планов некоторые выдающиеся участники этих исследований (те же Бжезинский, Хантингтон, Фукуяма и сотни других) издают книги с шокирующими прогнозами, которые тут же становятся бестселлерами, переводятся во многих странах на многие языки. На эти сенсационные труды набрасываются, как пираньи на свою жертву, тысячи исследователей, журналистов, телеведущих разных стран, которые растаскивают эти тексты на миллионы цитат в миллионах книг и статей, интерпретируют их на свой взгляд и вкус, критикуют, отвергают или одобряют — не важно! Главное сделано: планы устроителей нового порядка доведены до сознания миллиардов жителей планеты, становятся частью их сознания и вольного или невольного представления о будущем, с которым они начинают в той или иной мере соотносить свои жизненные взгляды и планы. Так конструируется Будущее нового мирового порядка.

Наивный обыватель может отмахнуться от моих выводов: «Да мало ли что скажут Бжезинский, Фукуяма, Хантингтон и прочие профессора? Это их личное мнение».

Но вот что поведал Генри Киссинджер в 1998 г. на ужине по поводу 25-й годовщины создания Трехсторонней комиссии: «В 1973 г., когда я был государственным секретарем США, ко мне в кабинет пришел однажды Дэвид Рокфеллер и сказал, что ему кажется, что мне нужна помощь. Должен признаться, в тот момент я неясно представлял, о чем идет речь. Он предложил создать группу из американцев, европейцев и японцев, которые предвидели бы будущее. Я спросил его: «И кто займется всей этой затеей, Дэвид?» Рокфеллер ответил: «Збигнев Бжезинский». Я знал, что он хотел этим сказать. Речь шла о чем-то очень важном. Поразмыслив, осознал, что это действительно необходимо» (цит. по: Эстулин, 2008: 159).

Так была создана Трехсторонняя комиссия, влияние которой на мировую политику, экономику и финансовую систему известно и огромно. Одно из направлений ее деятельности — усугубление энергетического кризиса для установления контроля со стороны транснациональных корпораций.

Идея создания Трехсторонней комиссии пришла Рокфеллеру, по его признанию, после прочтения им книги «Между двумя эпохами» (1972 г.), написанной З. Бжезинским. После этого Бжезинский стал советником по национальной безопасности Президента США Дж. Картера, позднее — членом Бильдербергского клуба, Совета международных отношений и Трехсторонней комиссии, верно служит Рокфеллеру в создании образа Будущего и нового мирового порядка, который все более становится таким, каким представляет его

этот богатейший в мире человек — Дэвид Рокфеллер. Трехсторонняя комиссия была создана по его замыслу с тем, чтобы ускорить глобализацию, усилить хаос в мировой экономике и политике, что само собой вело к многократному увеличению количества событий и объемов информации и, как следствие, — к хаосу в сознании людей.

Мы не знаем только одного: насколько могущественны Рокфеллер, Ротшильд и им подобные, но все давно понимают, что именно финансовый клан, а не американский народ определяет, кому быть кандидатами в президенты США и президентом; что правительство, сенат и конгресс США далеко не в полной мере самостоятельны и вынуждены считаться с тем, что скажет Уолл-стрит.

Говорят, что Рокфеллер-старший (отец Дэвида) ненавидел конкуренцию и заявлял, что единственная конкуренция, которую он приветствует, это такая, когда ты имеешь возможность контролировать обе стороны. Появись вдруг ныне мировое правительство, кто-то из главных глобализаторов, вероятней всего, сделал бы все, чтобы контролировать и его.

Теперь скажите: что такое диктатура? Что такое тоталитаризм? Может ли быть свободной и демократичной страна и ее народ, среди которого живут люди (много таких людей!) без морали и чести?..

Когда смотришь новостные программы по телевизору, то порой хочется восхититься тем, как много работают главы государств и правительств. Переговоры, переговоры... Договоры, коммюнике, декларации... Встречи без галстуков... Многочасовые интервью... То они в Америке, то в Японии, а через день — в Европе или Азии...

Но это видимая часть происходящего. Что-то из подписанных договоров сбудется, и это уже хорошо. Но что осталось за кадром? В секретных приложениях? Вскоре как бы сами собой начинают происходить события, которые мы воспринимаем как естественные. Но так ли это? И в какой мере, если так? Часто мы сами участвуем в делах, которые были кем-то запланированы, а это значит, что нашими мыслями и поведением манипулируют; мы живем в кем-то придуманном искусственном мире.

И все ж остается главный вопрос: НАТО, Всемирный банк, Международный валютный фонд, Федеральная резервная система США, Европейский центральный банк, Всемирная торговая организация, Римский клуб, тысячи транснациональных корпораций — как так получается, что все эти организации и их руководители действуют слаженно и в одном направлении? Кто направляет и координирует их деятельность? «Большая восьмерка», в которую с недавних пор (пока?) входит и Россия? Может быть. А есть еще Бильдербергский клуб, с одной стороны, вроде бы почти официальное учреждение, о котором публикуются (хотя и редко) статьи, а с другой — тайное, сверхсекретное

сообщество, созданное в 1954 г. в заботах о будущем мира под покровительством клана Рокфеллеров и королевской семьи Нидерландов, в который ныне входят президенты и главы правительств ведущих стран... Говорят, что именно Бильдербергскому клубу подчиняются Трехсторонняя комиссия, Совет по международным отношениям, Международный валютный фонд, Всемирный банк, Всемирная торговая организация, Римский клуб, Тавистокский институт и другие организации. Может быть. Этого я не знаю. Но какая-то организация, которая стоит над всеми названными международными структурами, вероятно, существует. И все эти структуры есть не что иное, как инструменты, которые она использует в нужных ей и не известных нам целях.

Говорят еще, что в Бильдербергском клубе, куда от всех ведущих стран входят по три человека, Россию «представляют» Анатолий Чубайс, Лилия Шевцова и (покойный ныне) Егор Гайдар... Говорят, что Шевцова, будучи руководителем представительства Фонда Карнеги в России, отвечает на Давосском форуме за проект «Будущее России». Говорят, будто Чубайс, узнав, что Ельцин собирается оставить на престоле вместо себя В. Путина, звонил Ельцину и отговаривал его от этого решения, а В. Путину якобы сказал: «Не по тебе шапка, Вовик!..» Почему он такой смелый, этот Чубайс?..

* * *

Правда умерла? Мы ничего не значим и не можем? Мы смотрим на мир чужими глазами, а сами ничего не понимаем, потому что знать сущее и понимать происходящее не должны? Мы снова крепостные, рабы? Как вам такая перспектива? Мне она не по нутру.

Да, вопрос нередко труднее ответа. Мы никогда не найдем нужных ответов и не наладим жизнь, если перестанем искать и формулировать нужные вопросы. И искать ответы. Сами.

Расширим масштаб понимания Происходящего! Не будем довольствоваться знанием следствий и результатов! Будем искать цели и тех, кто за ними стоит! Будем думать о причинах происходящего и зреть в корень проблем. Коль нам предложили ускоренную глобализацию, научимся мыслить быстро и глобально! Коль нас дурачат, коль нами пытаются манипулировать, включим стратегическое мышление, чтоб увидеть не фрагменты, не частички происходящего, а все, что творится и что творят «они» в целом! Трудно? Да. Думать вообще трудно. Понимать — еще труднее. Но — дерзайте понимать! И пусть вас не подавят стыд и страх от всего увиденного и понятого. Это и есть наша жизнь, которую наш же ум и наша же воля должны повернуть в лучшую сторону.

Список литературы

Медведев, Д. А. (2009) Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 ноября 2009 г. URL: http://www.kremlin.ru/transcripts/5979

Глэд, Дж. (2005) Будущая эволюция человека. Евгеника XXI века. М. : Захаров.

Доклад Всемирного банка (1994) «Россия: образование в переходный период».

Ришелье, А. (2008) Политическое завещание, или Принципы управления государством. М. : Ладомир.

Эстулин, Д. (2008) Кто правит миром? Или вся правда о Бильдербергском клубе. Минск : Попурри.

Adorno, Th. (1962) Einleitung in die Musiksoziologie : Zwolf theoretische Vorlesungen. Frankfurt.

Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1

БЕГЛЫЕ ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ ЗАКОНОПРОЕКТА «ОБ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Спорить о том, нужен ли новый закон об образовании, не стоит — нужен.

С момента принятия ныне действующих законов «Об образовании», «О высшем и послевузовском образовании» прошло почти два десятилетия. Многое изменилось в обществе, в самой системе образования. Только с 2002 по 2008 г. в них внесено более 200 дополнений и изменений, принято 35 федеральных законов, регулирующих сопряженные с образованием правовые отношения. Названные законы об образовании были искорежены: из них изъяты многие положения, составлявшие их достоинства и прогрессивность. Законодательная база оказалась разорванной, размытой и обессиленной. В этом заключалась одна из причин снижения уровня и качества деятельности российских школ, учреждений СПО и вузов, качества образования в целом.

Одной из основных причин разработки нового закона является присоединение России в 2003 г. к Болонскому процессу, который

предусматривает введение трех циклов высшего образования с четким разграничением квалификаций выпускников — бакалавриата, магистратуры и аспирантуры; введение прозрачных механизмов обеспечения качества образования; взаимное признание квалификаций и сроков обучения; создание единой кредитной системы зачетных единиц; развитие академической мобильности.

Надо или не надо было России вступать в Болонский процесс — дискутировать вроде бы бессмысленно: коль вступили, должны выполнять принятые на себя обязательства. Но в каком объеме? В какой очередности? И — как быстро?

В силу названных обстоятельств в обществе возникла и с годами укреплялась идея разработки новой, цельной, упорядоченной системы норм и положений законодательства об образовании. Около семи лет назад была предпринята попытка создать Образовательный кодекс РФ. Были подготовлены два варианта: один — юридическим факультетом МГУ им. М. В. Ломоносова, второй — Высшей школой экономики. Я участвовал в их обсуждении, которое проходило в Интеллектуальном центре МГУ.

Идею кодекса после этого обсуждения быстренько забыли: столь причудливыми по смыслу были оба его проекта. Появилась идея «интегрированного закона», хотя, по сути дела, цель осталась все той же. В 2004 г. Правительством РФ была принята Концепция основных направлений развития образования РФ до 2010 г., в которой была означена задача подготовки интегрированного правового документа об образовании в РФ. И вот мы имеем его проект — 20 глав, 196 статей на 440 страницах.

Я внимательно прочитал полный текст законопроекта дважды, в мае и июне, после того как он был помещен в Интернете, потратив на это по три выходных дня с утра до позднего вечера. При том что начиная с марта читал его по отдельным частям, которые мы обсуждали на заседаниях рабочей группы Экспертного совета при Комитете по образованию и науке Совета Федерации РФ. Для меня, ректора и профессионального исследователя, это была тяжелая работа.

Прежде всего необходимо отметить, что основа для обсуждения имеется. Есть достоинства. Но говорить будем не о них, а об изъянах, недостатках и о том, как от них избавиться.

Читая законопроект, я то и дело изумлялся: что за язык? что за формулировки? что за «новеллы»? Законы пишутся для обыкновенных людей, должны быть написаны простым языком, основываться на простых правилах здравого смысла, дабы быть понятными рядовому обывателю. Лучшие законы рождаются из установившихся обычаев, основаны на том, что было, что есть и что может произойти. Такие законы легко воспринимаются и без сопротивления исполняются. Пло-

хие законы выдумываются, становясь худшим видом тирании, а потому отвергаются народом.

Законодатель может быть преисполнен желания устроить жизнь людей лучше, но он сумеет сделать это лишь в том случае, если его представления о том, что такое «хорошо» и «лучше», совпадают с представлениями о «хорошем» и «лучшем» тех, для кого, собственно, и написан этот закон. Закон есть высшее проявление мудрости.

Не потому ли законы наши плохо работают, а то и вовсе бесполезны, что Дума печет их, как пироги, не пытаясь изучить вначале их пригодность для российского общества? Не потому ли крупные «мухи» российского бизнеса без труда прорываются сквозь эту паутину законов, а всякая мелкота застревает и гибнет в них? Не потому ли народ наш беден, что у нас слишком много законов? Не потому ли мы никак не изживем коррупцию, что в этих законах слишком много запретительного и почти отсутствует разрешительное?

«Чем ближе государство к своему падению, тем многочисленнее его законы», — заметил мудрец еще в далекой древности...

I. ЭТИ «ГОРЬКИЕ» ОБЩИЕ ВОПРОСЫ…

Обсуждая проект нового закона об образовании, который надо полагать законом № 2 после Основного Закона — Конституции РФ, мы не можем не коснуться хотя бы некоторых общих, «философских» вопросов образования, его взаимосвязи с человеком, обществом, культурой, наукой. Прежде чем рассуждать о структуре законопроекта, его главах, статьях, новеллах и отдельных нормах, совершенно необходимо ответить на самый важный вопрос, что это такое — в целом. Детали и частности, безусловно, важны, но главное — что представляет собой данное явление в своей сущности? Кому, чьим интересам служит этот закон? К чему приведет через годы?

Ведь начинаем не с нуля: позади почти 20 лет реформ образования. И действовали мы не по «понятиям», а по законам. Что же в результате?

1. О некоторых итогах модернизации российского образования

Подойдем к оценке итогов «модернизации», используя кибернетический принцип черного ящика.

Что у нас на «входе»? Новации: университизация государственных педагогических и прочих вузов; бесконтрольный рост негосударственных вузов; Единый государственный экзамен (ЕГЭ); государственные именные финансовые обязательства (ГИФО); тестирование; государственные образовательные стандарты первого, вскоре — вто-

рого, теперь — третьего поколения; вступление в Болонский процесс и уровневая система образования: бакалавриат и магистратура; кредитно-модульная система зачета успеваемости студентов; компетентностный подход; абсолютно новые правила сдачи выпускных экзаменов в школах и приема в высшие учебные заведения на основе утверждения ЕГЭ в качестве «истинно объективной» оценки знаний. Идеи продолжают вылетать одна за другой...

Что происходит в самом черном ящике (т. е. в системе образования), мы (как будто) не знаем.

Что же на «выходе»? Это главное! Должно быть возросшее качество образования, ради которого на протяжении почти двух десятилетий затрачены огромные деньги и силы — на разного рода эксперименты, исследования, научные конференции, подготовку поправок к существующим законам, новые законы и т. д.

Так что имеем в результате?

Если говорить о школе, то, по словам многих учителей и директоров, с которыми мне довелось беседовать на эту тему, большинство детей просто перестали нормально учиться. Этот вывод подтверждают преподаватели вузов, которые считают, что образовательный и общекультурный уровень абитуриентов резко снизился и продолжает снижаться...

Скажут: это общие слова, субъективный взгляд и т. п. Посмотрим, как выглядит модернизация («реформы») высшего образования начала 1990-х годов в глазах образовательного сообщества. В октябре — декабре 2009 г. Российский государственный социальный университет опросил 243 эксперта во всех федеральных округах России (Образовательные технологии, 2010: 7–19). Положительно модернизацию оценили только 11% опрошенных, отрицательно — 33%, противоречиво — 54%. «Реформы» высшего образования последних лет (начала XXI в.) положительно оценили всего 7%, отрицательно — 48%, противоречиво — 42%.

Экспертов спросили о том, как они оценивают качество высшего профессионального образования 1970–1980-х годов по сравнению с тем, которое мы имеем сегодня. Ответы: «оно было гораздо выше, лучше, чем сейчас» — 27%; «в главном оно было лучше» — 61%. Причем такие оценки характерны для всех федеральных округов.

Более 11% экспертов отметили растущую конфликтность, опасность гражданского неповиновения вузовской общественности и студентов.

Модернизация продолжается. Нельзя, однако, не заметить любопытную тенденцию: сегодня волнуются не только «низы», начинают волноваться уже и «верхи»: все больше беспокоятся о тщательно продуманных госстандартах, типовых программах, базовых учебниках,

единстве учебно-воспитательного процесса. Вам это ничего не напоминает? Вот именно: новое — это хорошо забытое старое. А тут и забыть-то еще не успели: мы являемся свидетелями возвращения в российскую школу и вузы некоторых правильных по сути параметров советского образования. И это вовсе не отвергает необходимость модернизации, не означает запретов на свободу и демократию, авторские программы и методики, экспериментальные учебные пособия и разного рода новации и инновации.

Российская власть находится перед сложнейшей задачей «перезагрузки» сознания миллионов людей и формирования «нового человека», без которого «новую» Россию построить невозможно.

2. Гонки в сторону пропасти

Человечество хорошо знает, что и как происходит при переходе от капитализма к социализму, на примере не только СССР, но и многих других стран мира. Возврат «первой в мире страны социализма» в лоно капитализма осуществляется в мировой истории впервые. По сути, это очередной глобальный социальный эксперимент, в который вовлечены помимо их воли сотни миллионов людей, родившихся и живших в пору социализма. Сознание этих людей глубоко поражено социалистическими идеями, которые проникли в их психологию, выработали определенные навыки и привычки мышления, общения и поведения. Глупо думать и говорить, что идеалы социализма были чужды большинству из них. Противники социализма существовали, но в ничтожном меньшинстве. И всенародный референдум, проведенный весной 1991 г. по поводу того, нужно распускать СССР или нет, дал на этот вопрос исчерпывающий ответ: подавляющее большинство населения СССР стояло за его сохранение, а стало быть, принимало идеологию социализма. Уж я не говорю о тех, для кого идея социализма была своего рода религией, кто веровал в нее истово и безраздельно.

Мне кажется, что поначалу эту сложнейшую задачу попытались решать именно так, как и следовало бы: сложными способами, тонкими приемами. Была объявлена реформа образования. Но от этого понятия вскоре отказались. Ибо реформа — это преобразование в какой-нибудь области общества, не касающееся основ существующего социального строя. А слому подлежали именно основы. Тогда стали говорить о модернизации.

Помню совещание ректоров вузов по этому поводу в Российской академии государственной службы при Президенте РФ. На вопрос из зала: «В чем разница между реформой и модернизацией?» — председательствовавший на этом совещании член Совета Федерации губернатор Республики Карелия С. Катандов ответил незамысловато: «Да

никакой!.. Надо сделать, чтобы все стало не так, как было раньше». Если не изменяет память, это было в 1996 г.

И понеслась душа... Увы, не в рай!..

И вот мы обсуждаем, по моему глубокому убеждению, самый главный (после Конституции) закон России. Закон об образовании, модернизация образования — это не отраслевые задачи, это не задачи строительства дорог, не реформы правоохранительной системы, армии, финансовой системы и т. п. Это проблема и задача глобальная, комплексная, от которой в нашей жизни зависит все: и экономика, и политика — все.

К сожалению, ни власть, ни национальный капитал, ни население до сих пор не понимают, что главный вопрос самосохранения российской нации и России как суверенного государства — это именно вопрос образования (воспитания) широко и универсально мыслящих граждан, сознающих ответственность за будущее своей страны, ныне происходящее в России перед дедами и пращурами, собственными детьми и внуками. А не выращивание идеальных и терпеливых «винтиков» для «новой» государственной машины, бессловесных «компетентных» работников новорусского капитала.

Какой тип, какая модель образования (а стало быть, какой закон о нем) нужны России? Вот вопрос вопросов. На мой взгляд, Россия должна культивировать свободное образование, образовывать человека понимающего, создавать понимающее общество, которые (человек и общество) были бы готовы к целостному и универсальному восприятию картины мира. Лишь в этом случае в России могут сформироваться интеллектуальная элита общества и средний класс, способные не только противостоять «элите» государственной власти и бизнес-элите, но и контролировать их. Лишь в этом случае в России будут не только присутствовать идеи свободы и демократии, принципы «священности» частной собственности, рыночных отношений и добросовестной конкуренции, но и возникнет широкая сеть самых разнообразных социальных институтов, обеспечивающих господство названных идей и отношений. Такое положение вещей и называется демократией. Не на словах, а на деле. В противном случае под лозунгами демократии страна неизбежно будет двигаться в сторону авторитаризма и диктатуры.

Какой же тип, какая модель просматриваются в предлагаемом нам законопроекте? Модель догоняющей модернизации по западным образцам. У них Болонский процесс — и у нас тоже. У них бакалавры и магистры — у нас тоже. У них единый государственный экзамен, модульная система — у нас тоже. Главное — вписаться в их цивилизацию, т. е. быть такими же, как они. Ну а тайная надежда — не только догнать, но и перегнать.

Однако все это мы уже, как говорится, проходили. Советский Союз действовал под лозунгом «ДиП» — «Догнать и перегнать Америку!» Во всем. И ведь кое в чем не только догнали, но и перегнали! В частности, в образовании.

Известно обращение президента США Дж. Кеннеди (1958 г.) к нации, в котором он говорил: «...Величайшая опасность, угрожающая нам, не ядерное нападение. Голая правда такова: мы подвергаемся величайшей опасности проиграть титаническое соревнование с Россией, причем при этом не будет запущена ни одна ракета. Год назад при обсуждении внешних дел, вероятно, не упомянули бы просвещения. Сегодня мы не можем избежать этого. Я не знаю, верно ли, что битва при Ватерлоо была выиграна на площадках для игр в Итоне. Однако не будет преувеличением сказать, что битва, которую ведем мы сейчас, может быть выиграна или проиграна в школьных классах Америки. <...> Мы должны положить конец такому положению, когда только четверо из пяти наших лучших школьников оканчивают школу и только двое из пяти идут в колледж. Мы не можем позволить себе платить преподавателям в колледжах и школах, развивающим умы наших детей, меньше, чем мы платим слесарям и водопроводчикам, обслуживающим наши дома...»

Реализуя «догоняющую модернизацию», Россия полностью заимствует инновации и модели западных стран, и прежде всего США. Беда не в том, что заимствует (это нормально, естественно), а в том, что слепо копирует и привносит на российскую почву их опыт, во-первых, без учета специфики российского менталитета и наших условий бытия; во-вторых, без понимания причин, по которым эти чужие инновации и чужой опыт возникли «там», без прохождения и переживания трудностей и проблем вживления нового на отечественной почве.

Без желания понять, что разного рода кризисы, которые сотрясают Европу, США, Россию и многие другие страны, есть следствие — в первую очередь! — изжившей себя парадигмы развития западного общества и той модели образования, которое оно культивирует: вместо образования, которое развивало бы в человеке способность понимать Происходящее самому, вместо универсальности и широты мышления его фаршируют специальными знаниями, умениями и навыками, полагая, что этого вполне достаточно, чтобы выполнять строго определенные функции и заработать на жизнь. Умения и навыки, а теперь еще и «компетенции» принимаются за понимание.

Но это далеко не так. Платой за такой взгляд на образование стала утрата человеком способности видеть целое, фрагментарность, осколочность мышления. Худо-бедно людей научают видеть части, но интегрировать, синтезировать большинство не умеет, не желает уметь

и не понимает, зачем это нужно. Сила человеческого разума ослабевает. Аналитические и творческие способности угнетаются. В цене практическое знание. Не случайно. Позволю себе отвлечься (как может кому-то показаться) от основной темы.

...Когда-то человечество совершило фундаментальную ошибку: оно сделало доход и прибыль высшей целью своей деятельности, поставило экономику и материальное выше и впереди образования и духовного начала. Отсюда все беды. Теперь мы в беличьем колесе: «Решим проблемы экономики — займемся образованием». Но проблемы экономики никак не решаются, усугубляются, ухудшаются, денег на образование все меньше, оно все более подчиняется задачам экономики и тех, кто ее делает. Но кто они, эти люди? Они — плод все ухудшающегося образования.

Не могут деньги и вещи быть действительным смыслом жизни. Но уже давно (а ныне в России особенно) именно они и все материальное для подавляющего большинства — главная ценность, стоящая выше совести, чести, справедливости. Жизнь обессмысливается. А там, где нет смысла, там нет нравственности.

И вот 4 февраля 2010 г. президент Франции Н. Саркози, открывая Давосский экономический форум, обращается к финансовым акулам мира и говорит им о пороках капитализма, призывает «переосмыслить, перепланировать, перестроить» капитализм, «сделать его более нравственным». Задает вопрос: «Какой капитализм нам нужен?» И отмечает: «Если мы не ответим на этот вопрос, то поставим под угрозу свое будущее».

Но еще в 1992 г. на международной конференции под флагом ООН «Окружающая среда и развитие» на вопрос: «Какой капитализм нам нужен?» — был дан совершенно недвусмысленный ответ: «Парадигма развития человечества, в основе которой лежит безудержная погоня за прибылью (т. е. капитализм. — *И. И.*), полностью и окончательно исчерпала себя, и дальнейшее следование по этому пути ведет человечество к гибели». Была принята резолюция «Повестка на XXI век», согласно которой 146 лидеров государств мира поставили свои подписи под обязательством разработать программы перехода государств на путь устойчивого развития.

Но все это оказалось блефом. В 2002 г. ООН вновь собрала конференцию, теперь в ЮАР, в Йоханнесбурге, чтобы оценить перемены. Вывод: положение дел изменилось, но не в лучшую, а в худшую сторону.

Может быть (по прошествии 28 лет!), президент Франции не знает об этом?

Между тем в качестве одного из основных путей выхода из критической для мирового капитализма ситуации Конференция ООН

в 1992 г. рекомендовала коренным образом изменить существующую систему образования. В 1996 г. ЮНЕСКО подготовила доклад «Высшее образование для XXI века», в котором эта рекомендация была всесторонне обоснована. Однако за прошедшие годы никаких кардинальных перемен в мировом и европейском образовании не произошло (если не считать принятия Болонской декларации о формировании единого европейского образовательного пространства), оно катится все по той же накатанной дороге, ведущей в пропасть.

О том, что образование первородно по отношению ко всем вопросам жизни, что оно определяет все человеческие качества, способности или неспособности людей к разумной самоорганизации, умению жить обществом, ставя его интересы выше эгоистических интересов отдельных индивидов, готовых ради богатства на любые преступления и войны, ни в Европе, ни в США не идет даже речи. Образование перманентно реформируют, но организаторы реформ уходят от сути и подлинной глубины проблем образования, не касаются его предмета и содержания — чему учить?

Правильней говорить об имитации реформ и модернизаций, о том, что мы являемся свидетелями и невольными участниками этого процесса, наблюдаем, как в административном восторге чиновничья рать рушит то, что еще далеко не изжило себя, и насильственно внедряет то, что нежизнеспособно и вредоносно для образования...

Я не могу понять, как в таких условиях наше общество будет решать задачи инновационной деятельности и модернизации, о которых так много говорится. Ведь качество любого рода человеческой деятельности зависит от качества человеческого материала, который включен в процесс этой деятельности. Это фундаментальная истина! В любом деле все зависит от того, кто это дело делает, — от уровня знаний, понимания, моральных, волевых, этических и прочих качеств личности или «совокупного индивида» — организации, общества. Но качество этого материала не улучшается, а падает и снижается; не стихийно, а сознательно. В то время как сложность проблем и задач общественного развития (глобальные проблемы человечества) возрастает объективно.

Если мы действительно собираемся возвеличить Россию, то необходимо наращивать творческий потенциал в массе населения страны. Именно — в массе, а не только в бизнес-элите и управленческой верхушке.

Системе российского образования более всего необходимы спокойствие, стабильность и устойчивое развитие. Качество образования намывается, как золото — по крупинке и не сразу, а довольно медленно. В систему образования уже вброшено так много нового, что она попросту не успевает переварить новации. На мой взгляд, су-

ществует задача минимизации ущерба от множества перемен, которые в последние годы нагрянули в школы, учреждения СПО и вузы. Однако новый законопроект только увеличивает их количество.

3. О правильном соотношении отечественного и зарубежного опыта

Каждая страна имеет свою историю развития образования: свою — Италия, свою — Франция, свою — Германия, свою — Испания. Каждая из систем образования этих и других стран имеет свои достижения, свою специфику, которыми они гордятся и дорожат, не хотят и не собираются жертвовать ими ради общих целей, ради интеграции. Совсем не случайно поэтому в одной из статей Болонской декларации говорится о том, что при осуществлении ее общих принципов должно быть обеспечено «полное уважение к разнообразным культурам, языкам, национальным системам образования и университетской автономии». Иначе говоря, Болонская декларация — это не приговор, подлежащий немедленному исполнению. Каждая страна вправе продолжать идти своим путем, опираясь прежде всего на собственный опыт, выстраивать собственную стратегию и систему образования, осуществляя модернизацию и разного рода новации, исходя прежде всего из своих внутренних целей и задач развития.

Именно так и поступают некоторые европейские страны. Мне приходилось встречаться и беседовать с президентами и ректорами университетов Франции, Италии, Германии, Швейцарии. Да, они следуют установкам Болонской декларации, но действуют осторожно, с необдуманными новациями не спешат. По их словам, Болонский процесс буксует, это будет продолжаться десятилетия...

Каждый здравомыслящий человек понимает, что в конечном итоге изменить систему образования — значит изменить поведение тех, кто учит и кто учится; изменить содержание, формы и методы обучения и воспитания. Но это означает перемены в культурном коде нации. Неужели кто-то поверит, что Франция, Германия, Великобритания, Италия, Испания согласятся отбросить названия своих стран и станут числиться под каким-нибудь номером или просто именоваться частью Европейского союза? Что французы, англичане и немцы, десятки раз воевавшие друг с другом, способны стать настолько толерантными друг к другу, «вдруг» так возлюбят друг друга, что согласятся быть просто «европейцами», а не немцами, англичанами, французами? Ни-ког-да.

Любые декларации, постановления и законы бессильны перед национальным чувством. Изменение национальных систем образования — это процесс эволюционный, длительный и трудный; он будет происходить под воздействием столь же долговременных изменений

в самих национальных культурах. Другое дело, что образование — это в каком-то смысле «дочь», а в каком-то — «мать» культуры. Там, где требования Болонской декларации близки к национальным традициям в образовании (например, в Великобритании, где триада «бакалавр — магистр — аспирант», тестирование и другие параметры существуют издавна), там интеграция в этот процесс прошла без особых затруднений, а изменения в системе образования оказались минимальными. Но так повезло далеко не всем странам, и меньше всех — России.

Россия шла в создании системы образования своим, особым путем. И связан этот путь вопреки широко распространенным представлениям не с Западной Европой, в образование которой мы ныне интегрируемся, а с Византией, именами братьев Кирилла и Мефодия — славянских первоучителей и первопросветителей. Отставание дореволюционной России в образовании от Европы на несколько столетий объясняется варварским разграблением Константинополя как раз европейскими крестоносцами и особенно страшным разгромом России татаро-монголами.

Выделяются два основных периода становления системы образования в дореволюционной России: догосударственный, который охватывает допетровские времена (XV–XVII вв.), и государственный — период правления династии Романовых начиная с Петра I и заканчивая царствованием Николая II. В 1632 г. (царствование Михаила Федоровича) было открыто первое русско-украинское высшее учебное заведение — Киево-Могилянская академия. В 1725 г. по указу Петра I в Петербурге основана Академия наук, а при ней Академический университет и гимназия. В 1755 г. Елизаветой Петровной учрежден Московский университет.

Я не собираюсь пересказывать историю российского образования и вспоминаю лишь некоторые даты и факты, чтобы обратить внимание читателя на одно важнейшее обстоятельство: история эта есть история непоследовательности, нестабильности, шараханий из стороны в сторону, то прорывов вперед, то отступлений назад. За исключением, пожалуй, эпохи Петра I, который имел ясные цели в реформировании России, внятные военные планы, подчинил этим целям все ресурсы, в том числе образование.

На протяжении XIX в. четырежды — по числу императоров — в высшем образовании России шли реформы и контрреформы. Самодержавное государство то давало высшему образованию некоторые послабления, то вновь сворачивало его свободы. Отечественные университеты рассматривались как очаги вольнодумства, революционности и безнравственности, особенно в начале XIX в., после того как в Западной Европе, прежде всего в Германии, прошли студенческие волнения.

В 1830 г. царское правительство закрыло Варшавский и Виленский университеты.

В 1835 г. был введен новый устав университета, который юридически упразднил университетскую автономию.

Студенческие волнения конца 50-х — начала 60-х годов XIX в. привели к тому, что университетская автономия была восстановлена. Однако в 1884 г. был опять введен новый устав университета, согласно которому он был полностью отдан под контроль Министерства просвещения. Академические свободы были снова ликвидированы. Передовые профессора выступали с протестами. Периодически вспыхивали студенческие волнения. В 1911 г. из Московского университета были исключены 1000 студентов, 130 профессоров были вынуждены уйти в отставку.

Серьезного внимания самодержцы и их правительства к образованию не проявляли. Согласно переписи 1897 г. из 1000 жителей России читать и писать умели лишь 223 человека, а остальные 777 человек были полностью неграмотны.

Совершенно по-иному ставились и решались вопросы образования в советское время, что бы о нем сегодня ни говорили.

В 1918 г. советское правительство поставило задачу обязательного бесплатного образования для всех. В 1919 г. был издан Декрет о ликвидации безграмотности. Школы ликбеза действовали повсюду — на заводах и фабриках, в деревнях, в армии. Для посещающих курсы ликбеза сократили рабочий день. Развитие образования было тесно увязано с главной экономической целью — индустриализацией страны.

Через 20 лет — к 1939 г. читать и писать в СССР уже умели 90,8% мужчин и 72,6% женщин. Быстрыми темпами росла сеть начальных и средних школ, появились техникумы и рабфаки — для подготовки рабочих к учебе в высших учебных заведениях, которых уже в 1920 г. было 244! (В канун революции в России насчитывалось всего 60 высших учебных заведений.) Бюджет страны строился прежде всего с учетом нужд образования. Экономический эффект от введения только всеобщего начального образования в 43 раза превысил затраты на его внедрение. Еще более выгодным было введение бесплатного среднего и высшего профессионального образования. Иностранные специалисты, которых советская власть была вынуждена нанимать в период индустриализации, покидали страну; их заменили собственные, отечественные.

Вот поразительный факт: в 1943 г., в тяжелейшую пору Великой Отечественной войны, Совет народных комиссаров требовал вовлечь в школу всех детей школьного возраста! В 1944 г. из-за нехватки учителей из воюющей армии были отпущены все учителя и те, кто хотел учиться, чтобы стать учителем.

Сталин и его окружение понимали, что для реализации стратегических задач, долгосрочных планов, достижения любой высокой цели нужен высокообразованный народ. Создание ядерного и водородного оружия, выход в космос, лидерство СССР во многих областях науки были не делом случая, а итогом планомерных перемен в образовании начиная со школы, в которой еще в годы войны были пересмотрены учебные программы в сторону усиления преподавания физики, химии, математики, биологии. Были созданы новые технические факультеты и вузы, а главное — атмосфера всеобщего увлечения наукой и техникой. «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне!..» — писал Б. Слуцкий.

В царской России и в СССР действовала субъект-объектная (учитель-учащийся) парадигма образования, идущая из древности. И в ней есть великая правда и сила: учить должен тот, кто уже научился, кто знает, чему и как учить. Учащийся — это и сосуд, который надо наполнить знаниями, и факел, который надо зажечь, чтобы далее он следовал своим путем, освещая его светом собственных знаний и своего понимания жизни.

Нас учили думать о смысле жизни, находя его в том, чтоб уважать традиции своих дедов и отцов, чтоб находиться в постоянном поиске этого смысла, в процессе самосовершенствования.

В нас воспитывали чувства долга, чести и совести, стремление занять достойное место в жизни, чувство заботы о том, чтобы не растерять свой духовный и нравственный багаж, оставаться самими собой, не терять собственного достоинства и самоуважения.

Нас вели от простого к сложному по тем учебникам и конспектам лекций, игнорировать которые было невозможно. Других просто не существовало. Это так. И это, конечно, не совсем хорошо, можно сказать — плохо...

Нас учили схватывать целое в предмете, понимать сущность вещей — иногда в ущерб частному, деталям. (Из техникума помню правило, которому нас учил математик Василий Иванович Сенников: «Знание общих правил легко возмещает незнание некоторых частностей».) Учителя — учили, ученики — учились.

В школе и вузе нас учили любить Родину и людей, воспитывали способность к самоотверженному труду и подвигу на ратном поле — ради «других», ради Отчизны. Культивировался героический тип личности. Этой цели служили образование, литература и кино, на нее работала вся система агитации и пропаганды.

В докладах Всемирного банка, по рекомендациям которого в начале 90-х годов XX в. осуществлялись слом и реформирование советской системы образования, говорилось, что недостатком системы высшей школы в СССР была чрезмерная специализация. С одной

стороны, это так и было. А разве могло быть иначе в стране с высокоразвитой индустрией с сотнями отраслей, сельским хозяйством, которые полностью обеспечивали трехсотмиллионное население всем необходимым для жизни?

Но в то же время нас учили глобальным взглядам на изучаемый предмет, ну и конечно, коммунистической идеологии. Поэтому, я думаю, учащимся и недодавали именно специального, конкретного, «живого» знания. Отсюда правило, с которым сталкивался выпускник вуза, придя на производство: «Забудь все, чему тебя учили в институте, и начинай учиться делу...» Ну и в чем тут проблема? Не было, нет и не будет такого учебного заведения в целом мире, где человека могли бы научить всему и на всю жизнь. «Век живи, век учись!» — говорили нам. И мы доучивались, а потом прекрасно работали. Говорю это как человек, окончивший строительный техникум, танко-техническое училище, институт инженеров железнодорожного транспорта, работавший слесарем и мастером на стройке, начальником цеха на оборонном заводе.

Да, в советском образовании было, скажем так, немало перегибов. Временами — запредельный коллективизм, нередко — пренебрежение интересами личности, индивидуальными особенностями и правами человека. Безусловно, эти «перегибы» исковеркали судьбы множества людей. В конечном счете это нанесло вред и всему обществу.

Но что важнее: «человек» или «компетентный специалист»? Специальности можно доучиться. Это принято во всем мире. В США на переподготовку кадров ежегодно расходуется 70 млрд долларов. В России — от 300 до 350 млн долл. Так — всюду. О курсах по переподготовке совести и чести я не слышал... Совести и чести, доброте, любви к человеку, чувству долга, одним словом, духовности и нравственности, если их не дали тебе за годы учебы школа и вуз, на производстве не «доучишься».

Существенной особенностью российской системы образования во все времена — царские и советские — была необходимость подготовки людей к отражению постоянных военных угроз, ведению войн на стороне союзников и по собственным замыслам. Именно поэтому в давней истории с раннего детства церковно-приходские школы, разного рода военные училища, а потом и высшие учебные заведения, церковь культивировали любовь к России, готовность жертвенно служить Отечеству. Державный и соборный (при советской власти — коллективистский) дух пронизывал жизнь населения, всю культуру страны, формируя из века в век особую психологию российской, и прежде всего русской, нации, особое — подвижническое, героическое — поведение отдельных ее членов, позволявшие России совершать великие дела в мирные годы, одерживать великие ратные победы.

Снова скажу: за чрезвычайно короткий исторический срок Советский Союз, освоив все лучшее, что было в мировом, прежде всего европейском, образовании, добился в этой области феноменальных успехов. Образование и наука были подлинными локомотивами в развитии советской экономики, воистину непосредственной производительной силой общества. Человеческий капитал, созданный в эпоху социализма, до сих пор «работает» и созидает в новой России. В том числе, и в системе образования, которое, убежден, до сих пор во многих вузах остается вполне качественным. Его низкие позиции в мировых рейтингах есть не что иное, как следствие политической пристрастности и старинной нелюбви к России. Советы и «стратегии», предлагаемые России Всемирным банком, Международным валютным фондом, им подобными организациями и частными лицами вроде Дж. Сороса, а хоть и целыми странами, я рассматриваю как политические диверсии, в какие бы маскировочные халаты они ни рядились. Российские граждане, которые сотрудничают, а тем более водят дружбу с этими структурами, представляются мне их агентами, не важно — корыстными или бескорыстными, по наивности или по внутреннему убеждению. От них исходит дух самоуничижения, перерастающий со временем в их личный комплекс неполноценности, который они распространяют на всю российскую нацию, на весь наш народ.

Будем отдавать себе отчет в том, что модернизация экономики и образования во всех странах мира идет прежде всего под влиянием глобализации. Процесс этот далеко не стихийный. В главном он управляем со стороны США. «Новый мировой прядок», который они устанавливают, не по душе многим странам, которые хоть что-нибудь значат в мире. Именно глобализация «по-американски» и имперские амбиции США породили в конце XX в. и особенно в начале XXI столетия различные интеграционные процессы. Дабы выстоять в конкурентной борьбе с США, европейские государства создали Европейский союз, объединив свои разрозненные экономические потенциалы в единый экономический механизм. По той же самой причине они решили противостоять единым фронтом и экспансии американского образования. Именно угроза американизации европейского образования вызвала к жизни Болонскую декларацию. Таким образом, идея создания единого пространства высшего образования Европы, породившая Болонский процесс, имеет прежде всего политическую природу.

Парадокс состоит в том, что даже беглый взгляд на содержание Болонской декларации говорит о том, что предлагаемые принципы, формы и методы построения новой унифицированной системы высшего образования, в которую в 1999 г. объединились 29 европейских государств и к которой в 2003 г. присоединилась Россия, в главном

и основном свойственны именно Соединенным Штатам Америки. Как говорится, приехали...

Известно, что в основе философии американской системы обучения и воспитания лежат индивидуализм и жесткий прагматизм. Смысл жизни? В обретении свободы, вера только в свои идеи и силы. Отлично! Отсюда полная личная независимость. И отсюда же признание реального неравенства людей. В США властвует идеология неолиберализма, либертарианства.

Россия застряла на пути от ультралиберализма, навязанного ей изначально творцами реформ, к «социальному государству», провозглашенному в ее Конституции. Система образования на американский манер не может не нанести вреда системе отечественного образования, а значит, экономике, культуре, всему сложившемуся веками образу мышления, поведения и жизни людей. Особенностью русской культуры является коллективистский характер жизнеустройства. Учащиеся и студенты, если основываться даже только на наблюдениях, в подавляющем большинстве ориентированы на традиционную субъект-объектную систему обучения. Здесь уместно сослаться на мнение Ж.-Ж. Руссо в отношении реформ Петра I и Екатерины II: «Они хотели сделать немцами или англичанами жителей своей страны, хотя успех мог бы к ним прийти только в том случае, если бы прежде всего они уделили внимание русским!»

Тем не менее, судя по уже принятым законам о бакалавриате и магистратуре, тестированию, Единому государственному экзамену, а также законопроекту «Об образовании в Российской Федерации», острота организационно-методических проблем будет определяться тем, что нам предстоит полностью сменить традиционную субъект-объектную образовательную парадигму (преподаватель — учит, студент — учится), на принятую в США, а также во многих странах Западной Европы субъект-субъектную.

Если общество примет эту парадигму, то это будет означать радикальную ломку и без того серьезно искореженного отечественного образования. Ибо новая образовательная парадигма предполагает право студента по своему усмотрению выбирать не только дисциплины и преподавателей, но и составлять удобный для себя график освоения учебных дисциплин, устанавливая так называемый асинхронный режим учебы. Студент оценивает компетентность преподавателя, не терпит жесткого контроля за посещаемостью и т. п. Он свободен, он сам оценивает свои успехи и свою компетентность.

В Великобритании, например, учащийся школы в 14 лет может сам определить свою дальнейшую образовательную траекторию. В 14 лет — самостоятельно. Как говорится, круто. Но вспомним себя в этом возрасте, многое ли понимал каждый из нас?

...Вспоминаю «перестройку», конец 80-х, министр высшего и среднего специального образования СССР Г. А. Ягодин разрешил свободное посещение лекций в вузах (по примеру США). Посещаемость обвалилась. Ректоры и преподаватели были шокированы... Вспоминаю III съезд ректоров России в 1999 г., когда Ягодин с трибуны попросил у собравшихся прощения за эту «новацию»...

В 2008 г. коллектив авторов под руководством Я. Кузьминова и И. Фрумина при участии Всемирного банка и Международного валютного фонда разработал и опубликовал стратегическую модель трансформации отечественной системы образования под названием «Российское образование — 2020: модель образования для экономики, основанной на знаниях» (М-2020). В этом труде масса новаций. Некоторые нашли место в новом законопроекте, а часть уже узаконена.

Вот, например, бакалавриат. «Благодаря» ему высшее образование становится массовым и всеобщим. Но высшим это образование является лишь по названию, номинально. Согласно М-2020 «первая ступень высшего образования фактически превращается в продолжение общего (школьного), ее главная задача — это продвинутая социализация, а не получение профессиональных компетенций» (Российское образование — 2020: модель образования для экономики, основанной на знаниях, 2008: 13). Бакалавриат — это даже не техникум, это — профанация высшего образования. Высшее образование в действительности — это магистратура. Но, как показывает мировая практика, на этот уровень образования претендует не более 20–25% бакалавров, ибо за магистратуру, как правило, надо платить значительные суммы, неподъемные для абсолютного большинства российских граждан.

В 30-е годы прошлого века президентом Гарвардского университета Джеймсом Конантом был придуман план для взращивания новой элиты. И появился тест, который по планам создателей должен был способствовать отбору талантливых людей и превращению в итоге классового общества в бесклассовое. Случилось наоборот. Тест оказался мощным и надежно закрепляющим средством поступления привилегированных студентов в престижные высшие заведения. Чаще всего тесты лишь определяют приобретенные навыки, а не врожденные способности, как считалось ранее. Главный итог американского теста: чем богаче семья, чем лучше школа и социальное окружение, тем выше результаты экзамена (Независимая газета, 2010: 8).

Мы в точности повторяем путь западных образовательных систем, ведущий к социальному и интеллектуальному расслоению общества за счет дифференциации доступности образования; при этом расслоение общества по уровню образования уже имеет тенденцию становиться наследственным. На вечные времена?..

С каждым годом количество бедняков в России только увеличивается. На днях услышал по TV новость: в 2010 г. численность российских граждан, живущих за чертой бедности, умножилась. От уровня жизни в СССР, и без того совсем не высокого, мы скатились намного вниз. Как далеко будем катиться?

...Читал недавно книжку про императора Александра I и его отца Павла I. Наткнулся на такой текст: «В газетах того времени можно было прочесть: «...продаются дворовые люди: девка 18 лет, которая умеет шить цветами и белье чинить, из крестьян; мужик 40 лет, женщина 35 лет, сын 14 и девка 16 лет; все они хорошего поведения; серый попугай, который говорит чисто по-русски и песни поет, да гнедой рысак... Тут же отдается лакей с женой в услужение, лакей — портной, а жена — хорошая прачка и шьет в тамбур цветами и блонды плетет; оба хорошего поведения...» (Валлоттон, 1966: 45).

Боже мой, но это ж 1801 г., совсем рядом — всего-то двести с небольшим лет!.. А до 1861 г., когда отменили крепостное право, и вовсе рукой подать...

В российской системе образования есть немало реальных проблем, которые никак нельзя свести к вопросу о том, угодим мы или не угодим «цивилизованной» Европе, а заодно и дебилизированной Америке тем, что точь-в-точь и год в год исполним свои болонские обязательства. Россия должна сохранить и улучшить свою родную, стоившую великих трудов национальную систему образования исходя прежде всего из своих **внутренних** потребностей. Мировые тенденции и новации? Их, конечно, надо учитывать. И не более того.

II. СОМНИТЕЛЬНЫЕ МОМЕНТЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПЛАНА В ЗАКОНОПРОЕКТЕ «ОБ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Концепцию законопроекта и состав рабочей группы, которая его разрабатывала, я увидел только 23 июня на шестом (последнем) заседании рабочей группы Экспертного совета Комитета по образованию и науке СФ РФ, членом которой являюсь. Теперь стало понятно, что многое из того, что все мы, члены Экспертного совета, принимали за неточности и нечаянные ошибки, совсем не является таковым, а отражает замысел, которым руководствовались разработчики. Остановлюсь на некоторых, на мой взгляд, наиболее принципиальных моментах.

1. О понятийном аппарате

«Общей проблемой законодательства в области образования, — считают авторы проекта, — являются неразвитость и противоречи-

вость используемого понятийного аппарата. Действующее законодательство в области образования практически не содержит определений используемых терминов. Это относится к определению самого понятия «образование».

Разработка понятийного аппарата — крайне важный момент, ибо мы мыслим понятиями. Однако определение понятий — довольно сложная и ответственная процедура, тем более когда понятие закрепляется в законе. Мне кажется, тут авторам удалось далеко не все.

Вот, например, понятие «образование» — ключевое для данного закона.

В статье 2 законопроекта этому понятию дается следующее определение: «Образование — общественное и частное благо, под которым в системе образования понимается целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества, государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков и компетенций определенных объема и сложности».

Можно ли внести такое определение в закон? Думаю, нет. Общественное благо, как известно, предоставляется государством в форме товаров и услуг на нерыночной основе, т. е. бесплатно. Между тем из 7,5 млн студентов около 70% оплачивают свое образование, и оно для них благом не является; для них оно — платная образовательная услуга. Образование — это «благо» примерно для 30% студентов вузов, обучающихся за счет госбюджета, для подавляющего большинства школьников, и то не для всех, так как есть частные школы, где обучение тоже платное. И плата эта в некоторых школах достигает 2–3 тыс. евро в месяц, т. е. 20–30 тыс. евро в год. В ведущих вузах Москвы надо заплатить в год от 15 до 20 тыс. евро. О взятках при поступлении (от 50 до 120 тыс. долларов) — не говорю (Труд, 2010: 5). И это — «благо»?

Благо даруют. Продукты, товары и услуги покупают. Спросите студента, который учится, экономя на еде и одежде, отказывая себе в отдыхе и досуге, является ли для него платное образование «благом»? Платная услуга.

По своей структуре в экономическом плане образование в России на нынешнем этапе смешанное: государственные (муниципальные) бюджетные услуги (они — благо, ибо бесплатные) и образовательные услуги, которые оплачивает покупатель этих услуг. Некоторые называют их «частным благом», но мне это кажется издевательством над смыслом слова. Может, лучше сказать, «частное удовольствие»?

У меня возникло много вопросов по поводу понятийного аппарата (воспитание, образовательная услуга, платная образовательная услуга и т. д.). Я поручил Институту фундаментальных и прикладных исследований провести экспертный опрос специалистов по содержанию

понятий в законопроекте. Было опрошено 90 специалистов в области образования, в абсолютном большинстве — докторов наук, профессоров, в том числе ректоров вузов, директоров НИИ, деканов, заведующих кафедрами. Едва ли не каждый дал свое определение понятию «образование», что является совершенно естественным делом в науке. Однако большинство не считают возможным определить «образование» как «благо», считают это ошибкой.

М. А. Горбунов, зам. директора по научной работе одного из филиалов РГСУ, разъяснил суть этой ошибки с юридической точки зрения. «Поскольку определение дается в правовом документе, — пишет он, — указанная выше формулировка неверно определяет суть явления образования. На наш взгляд, образование не есть общественное благо. Общественным благом является закрепленное в статье 43 Конституции РФ субъективное право каждого гражданина Российской Федерации на получение образования (ст. 43, п. 1 «Каждый имеет право на образование». — *И. И.*). Очевидно, что право на получение образования и само образование есть абсолютно разные явления. С другой стороны, считаю необходимым отметить, что данная норма законопроекта является нормой дефинитивной, а дефинитивные нормы в соответствии с правилами юридической техники в некоторых случаях должны соотноситься с целями и предметом (объектом) правового регулирования того или иного нормативного акта. Поэтому в рамках настоящего заключения невозможно дать однозначный вывод о приемлемости указанного определения в контексте проекта федерального закона в целом».

В том же ключе размышляет член-корреспондент РАО А. В. Мудрик: «Представленная формулировка понятия «образование» а) неприемлема, ибо, во-первых, не обладает однозначностью, которая должна быть в законе, а во-вторых, с точки зрения педагогики имеет совершенно волюнтаристский характер и может быть заменена десятками столь же «фантазийных» дефиниций».

Ученые десятилетиями (а то и столетиями) спорят по поводу определения некоторых понятий, но так и не приходят к безусловно единому мнению, а просто заключают своего рода общественный договор толковать то или иное понятие именно так, а не иначе. К числу таких весьма сложных относятся понятия «образование», «воспитание». Закрепление понятия в законе — это своего рода точка в дискуссиях. Но надо ли брать на себя такую ответственность в данном случае? Почему не использовать в новом законе старое определение понятия «образование», примененное в Законе «Об образовании» 1992 г.? Почему бы не поместить понятийный аппарат в комментарии к новому закону, который все равно надо будет создавать?

2. О «детальной регламентации»

Проект закона написан под ключевым девизом детальной регламентации образовательных отношений во всех подсистемах образования.

«...В зарубежных государствах, — пишут авторы концепции, — развитие образовательного законодательства осуществляется в направлении все более детальной законодательной регламентации образовательных отношений... Законодатели исходят из того, что предметом законов об образовании наряду с общими правилами регулирования отношений в сфере образования должны быть (?) в том числе такие вопросы, как права обучающихся в образовательном процессе, порядок сдачи экзаменов и правовая защита обучающихся на экзамене, порядок наложения на них дисциплинарных взысканий, участие родителей в школьной жизни и тому подобное. Так, в Кодексе образования Франции в законодательной части содержится более 240 статей, непосредственно посвященных школьному образованию, в то время как в Законе Российской Федерации «Об образовании» соответствующие нормы содержатся в одной небольшой статье «Общее образование», а также включены в ряд иных статей, регламентирующих, в частности, реализацию общеобразовательных программ или статус обучающихся... Обеспечение регламентации правоотношений в отдельных подсистемах образования в рамках одного законодательного акта снимает задачу разработки и принятия отраслевых федеральных законов по каждому уровню образования...»

«Детальная регламентация» как подход в законотворчестве, на мой взгляд, стратегическая ошибка.

Прежде всего потому, что Франция по своему общественно-политическому устройству — страна социал-демократическая, а в некотором смысле, я бы сказал, социалистическая. Но Россия-то упорно следует по ультралиберальному пути, и этим сказано все. Детальная регламентация неизбежно приведет к дальнейшему усилению централизации в управлении, чиновничьей диктатуры и росту коррупции.

На мой взгляд, нельзя не учитывать социально-экономические условия, в которых начнет действовать закон (финансовый кризис, демографическая яма, введение уровневой системы, новые образовательные стандарты, тотальное внедрение ЕГЭ). Нельзя не учитывать, что российское образование находится в кризисном состоянии, что вузы работают с предельным напряжением сил. Закон, в котором многие позиции вновь пересматриваются, вновь появляется много нового, не всегда обещающего улучшение, еще более усложнит ситуацию.

В кризисных условиях как никогда важно жить и действовать на основе известных принципов: «Не можешь дать денег — дай свободу»,

«Не навреди», «Не мешай», «Не слишком управляй». В этой ситуации важно, чтобы в обществе работали механизмы самоорганизации, саморегуляции, самоуправления, были созданы новые предпосылки для свободы, инициативы, творчества. Иначе откуда возьмутся идеи для столь желаемых инноваций?

В данной ситуации нужна не детально регламентированная, а, напротив, гибкая система образования. И уж если списываем свои законы с западных, то будем последовательны: или социализм, или либерализм.

Вот, например, Великобритания — здесь действует принципиально иной подход к обеспечению качества образования, чем на остальной части европейского пространства высшего образования. Модель государственного надзора на «почтительной дистанции», на расстоянии «длинной руки» (arm's length) является основным фактором эффективности и результативности деятельности британских университетов.

Высшие учебные заведения Великобритании являются независимыми, автономными учреждениями со своей собственной правовой идентичностью и полномочиями — как научными, так и управленческими. Они не принадлежат государству, хотя большинство из них в большей или меньшей степени зависят от государственного финансирования. Высшие учебные заведения самостоятельно разрабатывают и предлагают учебные программы; присуждают степени в зависимости от получаемого выпускником статуса; несут ответственность за реализацию образовательных стандартов, за получение студентами знаний, умений, навыков, за их достижения и результаты учебы. Другими словами, институциональные органы дают студентам внутреннюю (на вузовском уровне) гарантию высокого качества как получаемого ими образования, так и академической степени, диплома или сертификата. Каждое учебное заведение имеет свои собственные (институциональные) процедурные механизмы обеспечения качества; единой модели не существует (Alma Mater, 2010: 68–69).

В Соединенных Штатах Америки вопросы правового регулирования высшего образования относятся прежде всего к компетенции штатов и местных властей. Это во многом обусловливает несистематизированный и специализированный характер федерального законодательства в рассматриваемой сфере. Особенность федерального правового регулирования, как отмечают исследователи, состоит в том, что «оно не устанавливает такие важные общие положения, как цели высшего образования, его правовую форму и отдельные виды, не регулирует предпосылки доступа к высшему образованию, а также права и обязанности членов учреждений высшего образования» (Образовательное право, 2010: 18).

Особый упор в «детальной регламентации» сделан на негосударственной, частной сфере.

Об этом следует сказать подробнее.

В концепции законопроекта говорится: «Нормы типовых положений в силу их статуса и направленности не могут (?) служить основой правового регулирования целой подсистемы образования, тем более что для негосударственных образовательных организаций типовые положения являются не обязательными, а примерными (замечу: и это правильно, так и должно оставаться! — *И. И.*). Разработка законопроекта предусматривает ревизию этих актов, перенесение на законодательный уровень регулирования всех (!) отношений, связанных с правами и обязанностями участников образовательного процесса, которые в настоящее время в ряде случаев безосновательно (?) устанавливаются подзаконными актами».

В качестве западного образца «детальной регламентации», как уже говорилось, авторы законопроекта взяли Францию, а конкретно — ее школьное образование, но приложили этот пример к российским вузам, сделав особый акцент на негосударственных (частных) вузах.

Не знаю, как отнесутся к детальной регламентации государственные вузы, но для негосударственных вузов, основанных на частной собственности, она совершенно неприемлема. Надо понимать, что негосударственные (частные) вузы — хотите вы того или нет — организации по сути предпринимательские, ибо действуют на свой страх и риск, несут полную ответственность за результаты своей деятельности. В силу того что берут плату за обучение, они вплетены в ткань экономических отношений общества, это структуры по природе своей рыночные. Если государство собирается «содействовать развитию рынка образовательных услуг», как говорится в статье 112 законопроекта, то какое же это «содействие»? Это помеха, если не запрет.

Нетрудно представить, какими в смысле регламентации будут завтра (после «ревизии») разного рода типовые положения, которые и сегодня нигде не обсуждаются, сочиняются в тиши кабинетов Министерства образования и науки.

Сила негосударственных вузов в сравнении с государственными заключается в большей свободе действий, в мобильности. Детальная регламентация серьезно затруднит, во многом парализует их работу.

В царские времена XIX в. в России частное образование «закрывали» дважды. Потом снова «открывали». В советские времена была монополия государственного образования. В новой России негосударственное (частное) образование существует почти двадцать лет. В этой сфере много проблем, это верно. Их надо решать, но не топором, не бульдозером. «Умом Россию не понять» именно потому, что мы из века в век только стартуем и никогда не финишируем — из-за того, что

в какой-то момент по чьему-нибудь капризу сами себе ставим подножку. Нам не хватает выдержки, терпения, здорового консерватизма, о которых несколько раз говорил с телеэкрана В. В. Путин.

Роль частного образования в развитых странах, на которые ориентируется Россия, хорошо известна. Напомню: в системе высшего образования доля частных вузов в США составляет 55%, в Японии — 70%. Самые сильные вузы в США, Великобритании и многих других странах — частные. Именно с этих стран Россия все годы реформ и модернизации пытается снять кальку, но получается плохо, потому что в этих странах идут по пути развития автономии, академических свобод, создания разрешительных, а не запретительных законов вообще и в сфере образования в частности. В России количество негосударственных вузов избыточно, в их работе немало острых проблем, сокращение их количества за счет слабых неизбежно. Я «за» такую политику. Однако в законодательстве просматривается плохо скрытое намерение вытеснить негосударственные вузы с образовательного поля вообще. Уже тот факт, что в рабочей группе по подготовке законопроекта нет ни одного представителя негосударственного сектора высшего образования, где обучаются около 1,5 млн студентов, говорит о многом.

Специфика частного образования, кажется, всем понятна, но отражена в проекте слабо либо вообще не отмечена. А без ее учета и самые лучшие вузы не могут нормально функционировать и развиваться. Это касается прежде всего вопросов структуры управления и коллегиальных органов, порядка замещения и полномочий руководителей образовательной организации, распоряжения собственностью, хозяйственно-финансовой деятельности. Закон не должен предписывать руководителю частной образовательной организации, что и как делать. Ведь именно на нем лежит вся полнота ответственности за состояние дел в вузе, за его жизнеспособность. Рыночные отношения предполагают изворотливость, принятие рискованных решений, а не слепое следование инструкции, пусть даже эта инструкция названа законом.

На мой взгляд, в новом законе нужна специальная глава о негосударственных (частных) вузах как отдельной подсистеме высшего образования.

3. О рынке образовательных услуг

О рыночных отношениях в системе российского образования авторы законопроекта упомянули лишь вскользь, ненароком, в силу неизбежности — ведь рынок — это очевидная реальность — употребили слова «работодатель», «недопустимость монополизации и недобросовестной конкуренции», «российский и мировой рынок образователь-

ных услуг» (ст. 87), а в статье 112, как уже я отметил, даже заявили, что государство будет «содействовать развитию рынка образовательных услуг».

Почему разработчики закона обошли этот вопрос стороной? Платное профессиональное, особенно высшее, образование в России давно стало реальным фактом. Это значит, что в сфере образования действует закон товарно-денежных отношений. По приблизительным подсчетам, в России из 7,5 млн студентов вузов две трети платят за образование, а из них более двух третей — это студенты государственных вузов. Навскидку здесь в обороте находится не менее 500 млрд руб. в год. Это действительность, которую далее нельзя не замечать, которую надо признать, а значит, в полной форме отразить в повседневной образовательной политике и закрепить в федеральных законах.

Может, это случилось потому, что понятие «рынок образовательных услуг» не нравится министру образования и науки А. Фурсенко? Отвечая на вопросы ректоров о перспективах преобразования вузов в казенные, бюджетные и автономные, он говорил: «...Я вообще не люблю словосочетание «рыночная деятельность». Я считаю, что это не самое удачное слово для образовательной деятельности. Я считаю, надо говорить «нормальная экономическая деятельность». Это более правильное слово для того, что мы делаем. Нормальная экономика» (Вузовский вестник, 2010: 2).

Но разве дело в том, что кому нравится? Закон как минимум должен закреплять уже сложившиеся в обществе отношения в сфере образования, регулировать, но не подавлять их. Более того, он должен открывать простор тем формам образования, которые не менее эффективны, чем существующие, и могут стать еще более эффективными. В этом вопросе законопроект отстает от времени и реальной ситуации.

Среди специалистов, исследующих экономические отношения в сфере образования, утвердилось понимание рынка образовательных услуг как системы отношений по поводу купли-продажи интеллектуального продукта труда образовательных учреждений имеющимся или потенциальным потребителям. Поскольку он является одним из видов рынков труда, то на него распространяются те же законы и принципы функционирования, что и на другие рынки. На этом рынке взаимодействуют спрос на образовательные услуги со стороны основных хозяйствующих субъектов и физических лиц и их предложение образовательными учреждениями различного уровня: дошкольного, общего, начального и среднего профессионального, высшего. Здесь также осуществляется поиск и взаимодействие будущих работников и работодателей, соединяются и одновременно сталкиваются их интересы.

На рынке действуют многочисленные посредники. Покупка образовательных услуг означает затраты (издержки), в снижении которых заинтересованы и производители, и потребители. Доходы от продажи образовательных услуг зависят от рыночных цен, складывающихся в зависимости от рыночной конъюнктуры, действия законов конкуренции, спроса и предложения. Кроме того, как и на любом другом рынке, здесь осуществляются взаимосвязанные процессы создания образовательных услуг, их потребления и государственного регулирования.

Безусловно, рынок образовательных услуг имеет и ряд особенностей, которые отличают его от всех других рынков. Образовательная услуга носит индивидуальный характер и включает неповторимую информацию. Она не исчезает в потреблении, обладает свойством обмена, но при этом не отчуждается полностью, а лишь заимствуется. И наконец, она предназначена не для всех. Почему? Это другой вопрос, который в данном случае не будем рассматривать. Ответы на него существуют, и они вполне убедительны.

Правильно организованный рынок образовательных услуг (тут не обойтись без помощи государства) должен способствовать сращиванию лучшего образования с лучшими предприятиями промышленности и сельского хозяйства, другими секторами экономики и, разумеется, науки. Так постепенно сформируется цивилизованный рынок образовательных услуг, который сегодня практически монополизирован государственными вузами. Степень этой монополизации, судя по всему, будет быстро нарастать.

На мой взгляд, в законе необходима специальная статья «Российский рынок образовательных услуг», в которой следует определить, что это такое — рынок образовательных услуг, а также все связанные с ним термины и понятия, принципы и правила (спрос, предложение, купля-продажа, продукт, товар, рыночная цена, равенство возможностей, свободная конкуренция, недобросовестная конкуренция, монополизация в сфере образования, механизм противодействия ей, платные образовательные услуги, предпринимательство в сфере образования, частные образовательные организации и т. д.).

Данный законопроект действует в противоположном направлении. Государственное образование укрепляется: создаются бюджетные и автономные госвузы со значительными привилегиями в использовании имущества и распоряжении финансами, неограниченным правом предоставлять платные услуги. Правомерно ли в таком случае называть их государственными? Какой смысл несет это определение, если государство переносит основную тяжесть оплаты образования на своих граждан? Надо понимать, что в этом и заключается главный смысл уже принятых законов об автономных, бюджетных и казенных вузах и данного законопроекта.

Разве это правильно — выпускать государственные вузы на рынок образовательных услуг, что произошло уже давным-давно, заставлять их конкурировать друг с другом, тем более с частными вузами? Тут победа предопределена заранее на сто процентов. Государство «своих» в обиду не даст, даже слабое государство сильнее любой самой крупной и мощной частной компании, тем более вуза: одни пожарные с санэпидемстанцией любого удушить могут. А налоговая инспекция? А Рособрнадзор? А прокуратура? Они любую структуру в бараний рог согнут. Но где тогда, снова спрашиваю я, демократия и свобода? Где «священность» частной собственности, которая, кстати, в Конституции России стоит на первом месте, а государственная, муниципальная и прочие — за ней?..

4. Снова о ЕГЭ...

Битва за внедрение ЕГЭ шла несколько лет, хотя многим с самого начала было ясно: победа останется за реформаторами — это была их идея, они проводили «эксперимент», они же оценивали его результаты. Плюс административный ресурс. В январе 2009 г. реформаторы торжествовали: их мечта осуществилась.

Но вот в 2010 г. Левада-центр провел социологический опрос в 45 регионах страны. Итоги явно не в пользу «егэистов». С 2002 г. ЕГЭ потерял треть своих сторонников (Культура, 2010). Положительно относятся к ЕГЭ 34%, отрицательно — 43%, затруднились с ответом 23%. По мнению опрошенных, ЕГЭ оценивает знания выпускников школы по сравнению с обычными экзаменами: «лучше» — 12%, «хуже» — 43%, «ни лучше, ни хуже» — 28%. Сторонники ЕГЭ утверждали, что он избавит образование от взяток. Это был их коронный аргумент. А что на самом деле? По данным опроса, взятки, блат и другие злоупотребления при окончании школы и поступлении в вузы «уменьшились» — 15%, «увеличились» — 26%, «остались прежними» — 31%, затруднились с ответом — 27% (Труд, 2010а).

По-моему, это провал для «егэистов». Между тем в законопроекте говорится, что государственная (итоговая) аттестация обучающихся «проводится в форме ЕГЭ или в форме государственного выпускного экзамена» (ст. 109, п. 2). В дальнейшем ЕГЭ посвящена специальная статья — статья 110 — на трех страницах, в которой говорится, что ЕГЭ «представляет собой форму объективной оценки достижения обучающихся»... а о государственном выпускном экзамене больше ни слова. Авторы абсолютизируют ЕГЭ, и это, на мой взгляд, грубая ошибка. Закреплять ЕГЭ в законе в таком виде не следует.

Я не против тестов и ЕГЭ в принципе, но против того, чтобы их абсолютизировали, чтобы к детям и молодым людям (учащимся и студентам) относились как к машинам, сохраняющим в своей памяти

цифры, даты, имена, названия происходящего. Надо проверять не столько память, сколько понимание, прежде всего понимание. Именно в этом состоит конечный смысл образования. Знания без понимания — основа воинствующего невежества.

Еще в 2002 г. я опубликовал монографию «Образовательная революция», центральной идеей которой была замена нынешнего предмета обучения «знания, умения, навыки» (ЗУН) на новый подход: «знания, понимание, умения» (ЗПУ). В параграфах «О новой миссии образования» и «О предметности образовательной деятельности» я тогда писал:

«Мы не понимаем (в лучшем случае — понимаем не вполне), что происходит. А раз не понимаем, то и не можем управлять происходящим.

Между тем понимание — важнейшее звено эффективной деятельности. Именно понимание определяет возможность человека действовать и последствия этой деятельности. Развитие, созидание и эффективность есть только там, где есть понимание. Понимание физических и химических процессов. Понимание смысла чисел и их взаимодействия. Понимание законов развития общества. Понимание норм права. Понимание текстов. Понимание проблем. Понимание знаний. Понимание отношений. Понимание другого человека.

Понимание по своему характеру социально. Без понимания невозможно доверие, а без доверия — эффективное сотрудничество. Человечество не сумеет развязать тот смертельный узел, в который сплелись его отношения, если не перейдет на принципиально иной уровень доверия между странами и народами, что предполагает принципиально новый уровень понимания происходящего и взаимопонимания.

Именно этим и объясняется включение понимания в предметную область образования» (Образовательная революция, 2002: 236).

«Таким образом, в предметной области образования выявляются две особые зоны: зона понимания того, что надо делать во избежание катастрофы человечества, и зона специальных знаний, умений и навыков, которыми должны владеть люди, чтобы осуществлять деятельность того или иного рода. В этом смысле в структуре знаменитой триады (ЗУН) должно кое-что измениться» (там же: 245).

Формула «Знание. Понимание. Умения» была использована как название нашего научного журнала, созданного в 2004 г.

Образовательное сообщество России в подавляющем большинстве не заметило этой идеи.

Между тем в некоторых странах, хотя и не так давно, понимание стали рассматривать как главную цель образования. Например, в Великобритании до 1990 г. на экзаменах в основном проверяли память,

способность написать в эссе как можно больше и как можно быстрее. Теперь проверяют прежде всего понимание, навыки исследовательской работы, понимание глобальных взаимосвязей между различными учебными областями и методами их изучения. Учителя школ и преподаватели вузов этой страны должны помогать учащимся и студентам выработать соответствующий подход к пониманию прошлого (Новая и новейшая история, 2010: 205–209). Результатами обучения в Великобритании ныне считаются успехи студента в том, что он знает, понимает, умеет делать и демонстрировать по завершении обучения (Alma Mater, 2010: 73).

Если наши чиновники и государственные мужи на самом деле стремились модернизировать систему образования в целом и школьное образование в частности, то не надо было торопиться с введением новой системы итогового контроля. Начинать надо было с создания новых образовательных стандартов, новых программ и новых технологий, в которые (как их органичная часть), возможно, были бы включены и новые технологии контроля качества образования. Затем эти программы и технологии должны были бы длительное время проверяться на практике. В этом естественном эксперименте должны были бы участвовать не те дети и подростки, которые уже учатся в школе, а те, кто только придет в школу к его началу. При этом в разработке новых стандартов, программ и технологий должны были бы принимать активное участие не только специалисты-предметники, но и психологи и физиологи. Очень важный момент!

Многие великие умы отличались некой заторможенностью. Самый показательный пример — Альберт Эйнштейн. Будучи подростком, он так долго соображал, ведя обычную беседу с матерью, что та едва не сочла его умственно отсталым. Нянька будущего великого физика за неестественную медлительность даже дразнила его «скучным дядей». А в школе Эйнштейн раздражал учителей тем, что крайне медленно усваивал новую информацию.

Великому художнику Пабло Пикассо, для того чтобы сосредоточиться на решении какой-то проблемы, требовалось почти полчаса вертеть в руках какой-нибудь предмет — носовой платок или свою расческу, прежде чем он наконец находил нужное решение.

Невероятными тугодумами слыли основоположник кибернетики Норберт Винер, комик Чарли Чаплин, поэт Андрей Белый, композитор Александр Бородин.

А вот пример из нашей, российской действительности. В трехтомнике «Воспоминания» великого физика и диссидента А. Д. Сахарова есть такие строки: «Несколько раз я пытался участвовать в олимпиадах, но всякий раз неудачно — мне не удавалось сосредоточиться в условиях ограниченного времени» (Сахаров, 2006: 81).

Почему же люди, которые с виду кажутся, мягко говоря, слегка туповатыми, а при разговоре — тяжеловесными, демонстрируют чудеса интеллекта? Причем одни удивляют публику своими яркими озарениями иногда, а другие — с завидной регулярностью. Как показали недавние исследования, медленная работа мозга — признак большого ума.

При внедрении ЕГЭ никто не подумал о тех школьниках, которые по природе своей не могут работать быстро. Это не недостаток — это особенность их мышления. Они знают материал, они приходят к правильным ответам — только на это им надо больше времени, чем их «быстрым» одноклассникам. Они заведомо не успевают на ЕГЭ и получают низкие баллы.

А те дети, которых называют одаренными? Одаренный школьник, как правило, проявляет глубокий интерес и глубокие способности к какому-либо одному предмету (или группе предметов), выходя далеко за рамки школьной программы. Но при этом чаще всего успехи в одной области сочетаются у таких школьников с отставанием в других областях: их способности «заточены» для решения задач в определенной сфере, другие сферы для них неинтересны, а значит, они заведомо не будут (в отличие от дисциплинированных отличников) заниматься зубрежкой, что проявится в результатах ЕГЭ.

Никто не подумал о тех школьниках, ведущим полушарием у которых является правое. Они по своей природе не способны к аналитической работе, к работе с высокими уровнями абстракции, не умеют логически последовательно строить рассуждение, затрудняются при выполнении любого тестового задания. Они склонны к синтезу, обобщениям, приходят к правильному ответу скорее интуитивно, чем логически, и прекрасно умеют выполнять творческие задания.

Тестовая форма сдачи любого экзамена для таких школьников является нефизиологичной. А их с каждым годом становится все больше, прежде всего из-за того, что в жизнь ребенка с ранних лет начали входить не только телевизор, но и компьютер, а книга постепенно перестает быть основным источником знаний. Работает в основном первая, а не вторая сигнальная система, в результате правое полушарие получает преимущество. Но школьные программы и экзаменационные формы не рассчитаны на подобные процессы.

5. О новеллах

Один из аргументов авторов законопроекта в пользу необходимости его разработки отчаянно прост: «В жизни все меняется; не надо опираться на привычки». Очень слабый аргумент. В жизни людей, в социальной сфере само собой, лишь под влиянием времени, как в Природе, ничего не меняется. Все перемены зарождаются и проис-

ходят прежде в головах людей. Иногда — к лучшему, часто — к худшему. Потом говорят: «Жизнь требует», «Надо идти в ногу со временем...» Еще Вольтер заметил: «Сколько нелепостей заставляет говорить чрезмерная страсть сказать что-нибудь новое». Вот правда. Мечта иных честолюбивых личностей прослыть новаторами, реформаторами или «творцами» по чиновничьей должности, по заданию начальства дорого обошлась человечеству, «новой» России в частности.

Действительная новизна — это примета гения. Но гений — это чрезвычайная редкость. Значит, и новое появляется в нашей жизни не так часто, как это предлагают нам думать. Новизна проявляется в хорошем. И только хорошее следует признавать новым. Где это «хорошее» в «новом» законопроекте? Его там немного.

Вот, например, новелла: в законопроекте исчезает такой уровень образования, как начальное профессиональное образование. Авторы предлагают упрятать его в среднее профессиональное образование с тем, чтобы впоследствии высококвалифицированный рабочий мог продолжить образование по сокращенной программе второго уровня СПО. Новелла? Не уверен.

Вот вместо понятия «высшее профессиональное образование» появляется термин «высшее образование». В чем тут новаторство? Авторы законопроекта говорят в его концепции, что это просто привязка к статье 43 Конституции РФ, где так и сказано: «высшее образование» и нет слова «профессиональное». Можно ли считать это аргументом вводимой новации? Убежден: нет. Конституция предельно лаконична, крайне экономна в словах. Есть вещи само собой разумеющиеся: высшее образование не может быть не профессиональным: профессионалами среднего звена должны руководить профессионалы более высокого уровня. Достаточно того, что в пункте 2 этой статьи Конституции уже сказано, что существует «среднее профессиональное образование».

Или вот новелла из того же разряда ценности: предполагается, что теперь будет три вида высшего образования: колледж, где будут готовить бакалавров; институт, в котором будут обучать бакалавров и специалистов, которые (специалисты) останутся только в технических вузах; университет, где будут реализовывать все виды образовательных программ высшей школы (бакалавр, специалист, магистр, подготовка научно-педагогических и научных кадров — аспирантура, докторантура). В этом ряду нет академии. Академий сейчас в России сотни, в том числе в армии, системе МВД. В обыденном сознании академия значила не меньше, чем университет.

«Академия» — это название существует издавна, кроме всего прочего, красиво звучит. Образование раньше начиналось с академии, получить академическое образование было и остается гордостью.

«Пройдет время, — говорят творцы закона, — и все уляжется». О, да. Время уложит всех и вся. Но однажды кто-то умный спросит: «Послушайте, а куда подевалась из образования академия? Кто выкинул это высокое имя на помойку истории?..» Имен хулиганов не сыщут, но гордое слово на заслуженном веками месте, уверен, восстановят... Скажут: «Это было в кризисное время, тогда многие страдали умопомешательством».

И таких новелл в проекте закона немало.

О том, что эти бессмысленные, ровным счетом ничего не меняющие в образовании «новации» влекут за собой огромную затрату сил и времени на замену и перерегистрацию всех свидетельств, бланков, печатей, уставов сотен вузов, авторы законопроекта, видимо, не подумали. Не подумали и о том, что обойдется эта новелла, кроме всего прочего, в сотни миллионов, а может, в миллиарды, рублей.

Известно: новое всегда встречается в штыки, новизна прибавляет много, порой совсем напрасных, страхов. Но известно и другое: если новшество не воспринимается, трудно приживается, а тем более многими и настойчиво отвергается, это значит, что в нем нет надобности. Такое «новое» можно «внедрить» силой, но оно будет инородно и рано или поздно отомрет. Кто же ответит перед обществом за потери, которое принесло это «новаторство»?

* * *

Чего мы хотим добиться в результате принятия нового закона? Что позволит России (какие нормы, новеллы, перемены и т. п.) изменить ситуацию в лучшую сторону?

Вот один из ключевых вопросов — качество образования. В новом законе оно определяется через соответствие государственному образовательному стандарту. Но во многих странах Европы системы оценок качества совсем иные. Это значит, что мы не сможем разговаривать с европейцами на одном языке, исчезнем из их рейтингов вообще, так как их и наши критерии и показатели качества станут несопоставимыми. Будут ли они при этом признавать наши дипломы? О какой мобильности студентов можно будет говорить? А это именно те аргументы, которые приводились в пользу присоединения России к Болонскому процессу...

Неизвестно, проведен ли сравнительный анализ законодательства развитых стран, которые занимают высокие позиции в мировых рейтингах и которые Россия собирается «догнать» и «перегнать». Что лучшего, у какой страны и почему мы позаимствовали в своих интересах? Это (как и многое другое) должно быть отражено в Пояснительной записке к законопроекту. Но ее, увы, нет.

Новый законопроект мало что воспринял от ныне действующего законодательства. Это ошибка. Закон «Об образовании» и Закон «О высшем и послевузовском образовании», что бы мы сегодня ни говорили о них, для своего исторического момента были качественными, ясными, прогрессивными. Они и ныне позволяют системе российского образования функционировать без особых сбоев и проблем. А если бы их не выхолостили за последнее десятилетие разного рода поправками, вероятнее всего, вопрос о новом законе попросту не встал бы, а мы не тратили бы сейчас время на дискуссии.

Есть статьи, которые содержались в первой редакции Закона «Об образовании» 1992 г., в Законе «О высшем и послевузовском образовании», но были изъяты в ходе «реформ» и которые, на мой взгляд, теперь следует вернуть в новый закон. Прежде всего это 40-я статья о льготах для образовательных учреждений.

Очевидно откровенное пренебрежение к традициям отечественного образования в проекте этого закона, хотя роль традиций в жизни любого общества огромна. Традиции часто ведут народ в будущее надежнее, чем даже самые умные головы. Для поведения в жизни привычка и традиция важнее, чем новые законы и правила, ибо традиция — живой закон, ставший инстинктом и плотью. Жизнь — не более чем ткань из привычек и традиций. За сохранение лучших традиций общество должно бороться, не позволяя «новаторам» стряхивать их наземь, словно пепел с сигареты.

Проблемы модернизации системы российского образования заключаются в том, что чиновники, принимая законы, уверены, что на 90% развитие образования и его качество зависят от принятия разного рода решений и законов. И это главная ошибка. На 90% все зависит от их восприятия образовательным сообществом, от реализации предполагаемых мер.

Реформы не ускорили, а замедлили развитие страны, искорежили сознание нации, измельчили мышление и планы новых поколений, и нет ни единой крупной огненной идеи, которая могла бы занять зияющие пустоты души и мысли, кроме идей выгоды и «бабла». Мировоззренческое сознание разрушено, и нет ни одного высшего принципа, который бесспорно владел бы жизнью большинства людей. В идейном вакууме духовное испаряется, а вместе с ним из человека улетучивается все подлинно человеческое: совесть, честь, доблесть, доброта, способность сострадать, сочувствовать, сопереживать...

Наблюдая за происходящим в российском обществе и в образовании с болью и грустью, переживая, уже много лет, как ректор и гражданин, я не перестаю задавать себе одни и те же вопросы, не находя ответа на них, в том числе в речах высших руководителей государства. Какая философия образования владеет умами наших властей и зако-

нодателей? Какой стратегии в развитии образования они следуют? Неужели они не знают о том, что подавляющее большинство образовательного сообщества и населения не приемлют их новаций? Неужели не слышат буквально стонов, которые вызывает продавливание силой многих из производимых ими перемен? Неужели не видят скепсиса и иронии, с которой они воспринимаются? Неужели не понимают, что изрядное количество людей — «пофигистов», с неизменной позицией «одобрям-с!» были прежде и не перевелись сегодня? Неужели наши власти предержащие думают, что те, кто молчит, ничего не видят и не понимают? Или понимают меньше их? Меньше болеют за отечественное образование? Меньше их любят свою Родину и беспокоятся о ее будущем?..

Очевидно, что жесткая конфронтация по поводу тестирования, ЕГЭ и иных мер модернизации выдохлась, что оппоненты полностью исчерпали аргументы в защиту своих позиций. А то, что по поводу некоторых вопросов приняты правительственные решения, законы или подготовлены новые проекты, еще не означает, что победила Истина. Политическая победа столь же далека от нее, как Земля от Солнца. Оппонентов должны рассудить не «время и опыт», как полагают обычно организаторы перемен, ибо заблуждения и ошибки, проверяемые на людях, слишком дорого стоят обществу, а глубокие научные исследования, которые следует начинать немедленно.

На мой взгляд, обе стороны, не стыдясь признавать ошибки, должны сближать свои позиции, подавая друг другу примирительные знаки, упреждающие новые агрессии.

Российское общество в тупике. Как гражданин, исследователь и руководитель вуза, не согласный с некоторыми новациями в образовании (абсолютизация тестирование, ЕГЭ и т. п.), говорящий об этом вслух и пишущий об этом в прессе, я нередко чувствую себя словно в стане врага. Ибо апологеты тестов и ЕГЭ, стремящиеся измерить тестированием всё и вся, относятся ко мне и огромному числу мне подобных людей с плохо скрытой неприязнью. Мы мешаем им «делать дело». Среди моих знакомых есть немало людей, которые уже опасаются свободно говорить вслух то, что думают: «От нас ничего не зависит. Все равно будет по-ихнему».

Чтобы выбраться из такого состояния, существует единственный способ — поставить на первое место в проводимой модернизации Истину и Пользу. И если мы видим уже сейчас, в самом начале той или иной новации, что она не соответствует им или что она (тем более) уже показала это на практике, надо найти мужество сказать громко: «Стоп!»

Во главу угла теории, практики и законотворчества в области модернизации необходимо поставить взгляды и предложения хорошо

образованных, горячо любящих свое дело и свою страну учителей, преподавателей и ученых, от ума и усилий которых в конечном счете и зависят судьбы отечественного образования.

Список литературы

Alma Mater (2010) № 5.
Валлоттон, А. (1996) Александр I. М. : Прогресс.
Вузовский вестник (2010) № 12 (108). Июнь.
Ильинский, И. М. (2002) Образовательная революция. М.
Культура (2010) 10–16 июня.
Независимая газета (2010) 8 июня.
Новая и новейшая история (2010) № 3.
Образовательное право (2010) № 6.
Образовательные технологии (2010) № 1.
Российское образование — 2020: модель образования для экономики, основанной на знаниях (2008) М.
Сахаров, А. (2006) Воспоминания : в 3 т. М. Т. 1.
Труд (2010) 30 апреля.
Труд (2010а) 4 июня.

Знание. Понимание. Умение. 2010. № 3

О СИТУАЦИИ, НЕКОТОРЫХ ПРОГНОЗАХ И СТРАТЕГИЯХ РАЗВИТИЯ НЕГОСУДАРСТВЕННОГО ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В СВЯЗИ С ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ЯМОЙ

Сообщение на собрании ректоров негосударственных вузов — членов СНВ Москвы и Московской области, МосГУ, 7 сентября 2010 г.

В Москве находится 262 из (примерно) 600 негосударственных вузов России, в том числе 177 аккредитованных; в Московской области — 30 вузов, в том числе 21 аккредитованных, таким образом, в Москве и Московской области действуют половина всех негосударственных вузов России. Если взять в расчет филиалы московских вузов, созданные в регионах, то эту цифру надо увеличить по крайней мере втрое.

Этим определяются роль и ответственность московских базовых вузов за состояние дел в негосударственном секторе образования России.

Между тем ситуация в этом секторе, начиная по крайней мере с прошлого года, стала резко ухудшаться — я имею в виду набор на первый курс.

По данным Росстата, в 2009 г. прием в негосударственные вузы упал на 23%, численность профессорско-преподавательского состава сократилась на 21%, около 30 вузов прекратили свое существование. Среди них немало московских.

У меня в руках письма ректоров Московского института медико-социальной реабилитологии, который был лишен лицензии; Международного института отраслевого образования, не прошедшего аккредитацию; Института современной экономики, утратившего лицензию и не прошедшего аккредитацию; Института государственного администрирования, не прошедшего аккредитацию. Эти и ряд других ректоров просили меня оказать им помощь в решении возникших проблем, но даже после краткого знакомства с ситуацией становилось ясно, что решения Рособрнадзора, аккредитационной коллегии правильные. Более того, возникала мысль: «А почему эти «вузы» могли существовать так долго вообще?..»

Итоги набора 2010 г. пока не известны, но в целом ясно, что они хуже прошлогодних. Приказы о зачислении на 1-й курс на 27 августа вывесили только семь вузов Союза, но насколько правдивы указанные в них цифры приема, судить трудно. Например, Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова указал, что на специальность «юриспруденция» принято 10 человек, «финансы и кредит» — 11 человек, «журналистика» — 16 человек. Четыре вуза в этих приказах указали лишь рекомендованных к зачислению. Остальные вузы Союза не вывесили приказы вообще, нарушив тем самым требования Рособрнадзора.

Для того чтобы правильно оценить существующую ситуацию, сделать более или менее точный прогноз на будущее, необходима достоверная информация о положении дел и коллективное обсуждение ситуации. Конкуренция конкуренцией, но, как доказано рыночной практикой, в кризисных обстоятельствах более продуктивными являются сотрудничество, кооперация.

Я не думаю, что в усложняющейся социально-экономической и демографической ситуации уже в этом и следующем году выживут все ныне существующие вузы. Но при правильной стратегии и честном взаимодействии между собой и с органами государственной власти в негосударственном секторе высшего образования в перспективе смогут успешно функционировать по крайней мере до сотни вузов, в которых будет обучаться 600–700 тыс. студентов. Но это навскидку.

Вот почему мы решили собрать ректоров СНВ и группу руководителей, не входящих в состав Союза, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию и, быть может, наметить какие-то конкретные меры на будущее.

Теперь позвольте мне высказать некоторые мысли по теме повестки дня.

1. Общие замечания

Прежде всего, несколько общих замечаний.

Первое. Я считаю, что с самого начала реформ для развития негосударственного образования государством были созданы весьма благоприятные правовые и политические условия. Самое яркое тому доказательство — бурный рост их количества.

Второе. Негосударственный сектор образования (прежде всего высшего) состоялся, что не раз отмечалось в течение последних 10–12 лет на заседаниях Коллегии Министерства образования, в выступлениях министров прежних лет. Выступая в Госдуме РФ 2 июня 2010 г., нынешний министр образования и науки А. А. Фурсенко отметил, что «негосударственные учреждения... реализуют порой не менее качественные и современные образовательные программы».

Третье. Отрицательное отношение значительной части общества к негосударственным вузам имеет различные основания, порой надуманные, но во многих случаях — основанные на недобросовестном, безответственном, халтурном отношении значительной части негосударственных вузов к взятой на себя высокой миссии — образования новых поколений.

Четвертое. Те меры, которые в последние годы власть и органы управления образованием, в частности Рособрнадзор, предпринимают в отношении недобросовестных, низкокачественных вузов, совершенно необходимы и вполне оправданны. Позиция СНВ с первых дней существования заключалась в том, что непорядочные вузы и их руководители не должны появляться на образовательном поле, а если все же появляются, то их надо убирать.

Из-за дефицита времени я не буду рассуждать о социально-экономической и финансовой ситуации в России: наиболее вероятный сценарий развития до 2015 г. — инерционный («колея»), т. е. чуть лучше или чуть хуже, а в целом примерно все будет так, как ныне. Это значит, что возможности студентов платить за обучение не увеличатся, а возможно, уменьшатся.

2. Об изменениях законодательных основ

Не стану говорить подробно и обо всех переменах, которые уже произошли и еще произойдут на правовом поле российского образования. Упомяну всего три момента.

1. Кроме уже существующих Сибирского и Южного федеральных университетов согласно указу Президента РФ от 21 октября 2009 г. будут созданы **еще пять новых**: Северный (Арктический), Приволжский, Уральский, Дальневосточный и Северо-Восточный. Выделено **38 «ведущих» вузов**, которые получили право на самостоятельные стандарты обучения. Определены **29 национальных исследовательских** вузов.

Мы должны понимать, что создание в регионах сети крупных и сильных (если это удастся) федеральных и исследовательских университетов по логике вещей со временем должно заметно **снизить приток абитуриентов в московские вузы**, ухудшив для нас возможности набора на 1-й курс. Через год-два-три это, несомненно, произойдет и не коснется, возможно, лишь таких престижных вузов, как МГУ, ВШЭ, МГИМО, и еще некоторых.

2. В апреле 2010 г. принят Закон № 308243-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений». Речь идет почти о **330 тыс.** таких учреждений образования, здравоохранения, науки и культуры.

Суть предлагаемой реформы в том, что эти бюджетные учреждения с 1 июля 2011 г. **в полном объеме** лишаются бюджетного финансирования, становятся **экономически самостоятельными**, т. е. рыночными. По традиционной схеме будут финансироваться лишь такие учреждения, как военные части, исправительная система, психиатрические больницы и т. п.

Принятие этого закона означает, что огромная масса услуг, в частности медицинских, **станут платными**, и это значительно усилит финансовую нагрузку на население, что еще более **ухудшит** и без того низкие **возможности студентов платить за обучение**.

Этим же законом № 308245-5 создан **новый тип** государственных (муниципальных) образовательных учреждений — **казенные учреждения**, статус которых в основном совпадает со статусом существующего **бюджетного** учреждения с дополнительным **ограничением**, суть которого состоит в том, что все деньги, полученные казенным учреждением от приносящей доходы деятельности, будут зачисляться в государственный бюджет. На мой взгляд, именно эти (казенные) вузы и нужно считать **собственно** государственными. Остальные же (бюджетные и автономные) надо отнести к **категории гибридов**, так как от $^{2}/_{3}$ до $^{3}/_{4}$ их бюджета складывается из платных услуг. Это **квазирыночные** структуры, но **это наши главные конкуренты**.

3. Весной 2010 г. обществу представлен **новый «интегративный» законопроект «Об образовании в Российской Федерации»**, в котором объединены все уровни, виды и типы образовательных организаций — от дошкольных до аспирантуры и докторантуры. Центральная идея

этого закона состоит в **«детальной регламентации»** образовательных отношений всех уровней и всех подсистем образования. Особый упор сделан на **негосударственные организации**. Сейчас некоторые типовые положения Министерства образования и науки РФ для негосударственных вузов носят **примерный** характер (это касается устава, управления, финансовой деятельности). Теперь их намереваются строго регламентировать законом.

На мой взгляд, это неправильно. Новый закон «Об образовании в Российской Федерации», если он не будет существенно доработан, в том числе согласно предложениям и поправкам, которые Союз негосударственных вузов Москвы и Московской области на днях разместил в Интернете и направил в Министерство образования и науки, а после первого чтения в Госдуме будет направлен во все высшие властные инстанции РФ, значительно ухудшит условия деятельности негосударственных вузов.

Предполагается, что этот закон будет введен в действие **с 1 января** 2013 г.

3. О демографической яме

Теперь достаточно подробно хочу остановиться на так называемой демографической яме, о которой все говорят давно и уже почувствовали ее в школах и вузах, особенно в прошлом и нынешнем году, но, мне кажется, не вполне понимают, какую долговременную и острую опасность эта «яма» несет для всех сфер российского общества, но особенно — для образования. Это, по правде говоря, вовсе не «яма», а своего рода «противотанковый ров», рухнуть в который (хочешь не хочешь) придется, а вот как и когда сможем выбраться из него — большой вопрос.

«Демографический ров» — это последствие **демографической катастрофы 90-х годов XX в.**, когда за период с 1990 по 1999 г. в России родилось на **9 млн человек меньше**, чем за предыдущие 10 лет (с 1980 по 1989 г.). Тогда в РСФСР наблюдался настоящий бэби-бум.

Обратите внимание: с 1981 по 1989 г. рождалось ежегодно свыше 2 млн человек, в 1987 г. в РСФСР родилось 2,5 млн человек. Следствием этого и стал бурный рост числа первокурсников в России, который мы наблюдали. Если в 1995 г. вузы страны приняли на первый курс 681 тыс. студентов, то в 2000 г. — 1 млн 300 тыс., в 2007 г. — 1 млн 681 тыс., в 2008 г. — 1 млн 648 тыс.

С 2000 г. начался рост рождаемости. Но темпы роста очень низкие: за 10 лет (с 2000 по 2009 г.) рождаемость почти достигла уровня 1991 г., но все же на 30 тыс. человек ниже.

С 2004 г. мы пожинаем плоды депопуляции населения России начала 1990-х годов.

Вот уже шестой год **Россия вползает в демографическую яму**. За пять лет численность семнадцатилетних жителей России сократилась на миллион человек.

В 2010 г. количество выпускников школ в России по сравнению с прошлым годом сократилось еще на 10% (200 тыс. чел.). Численность выпускников школ Москвы в 2010 г. уменьшилась на 30% и составила 47 тыс. вместо 75 тыс. в 2009 г.

Правды ради (и для некоторого успокоения) необходимо заметить, что **темпы сокращения контингента абитуриентов не прямо пропорциональны скорости сокращения выпускников** из 11-х классов школ. Это объясняется тем, что в конце прошлого и начале XXI в. престиж высшего образования не был таким высоким, стремление во что бы то ни стало получить высшее образование в России не было таким безумным, как сейчас.

Например, в 2002 г. из 1 млн 477 тыс. выпускников 11-х классов в вузы поступили 688,5 тыс. (46,5%), в учреждения СПО — около 344 тыс. (23,3%), НПО — около 137,5 тыс. (9,3%). Вообще не продолжили образование ни в вузах, ни в образовательных учреждениях СПО и НПО **309 тыс.** человек, или **21%**.

В 2009 г. выпуск из 11-х классов составил около 899 тыс. чел. (т. е. на 578 тыс. меньше, чем в 2002 г.). Тем не менее в вузы поступили 634,5 тыс. (70,6%) одиннадцатиклассников, т. е. всего на 54 тыс. человек меньше в абсолютных цифрах, но на 24,1% больше, чем в 2002 г. Зато в учреждения СПО поступили 172,5 тыс. человек, т. е. на 171 тыс. меньше, чем в 2002 г.; в НПО — 54,8 тыс. человек (6,1%), что на 73 тыс. меньше, чем в 2002 г. Не продолжили обучение ни в каких образовательных учреждениях всего 37 235 человек, т. е. **4,1%**. За шесть лет этот показатель сократился в 5 раз!

Высшее образование стало **массовым**, это является общемировой тенденцией, что имеет свои объяснения, на которых я не стану останавливаться.

Любопытная тенденция наметилась в школах при переходе из 9-го в 10-й класс. Если до 2007 г. в 10-й класс ежегодно переходили от 62,1 до 63% девятиклассников, то в 2007 г. на дневное отделение перешло 61%, в 2008 г. — 59,8%, в 2009 г. — 57,5% (сокращение в среднем на 5%). При этом примерно на 5% сократилось также количество девятиклассников, поступающих в НПО; зато с 11,8 до 22,7%, т. е. почти вдвое за шесть лет, выросло число девятиклассников, поступивших в образовательные учреждения СПО. Одна из причин этого явления, вероятно, состоит в том, что выпускникам СПО не нужно сдавать ЕГЭ при поступлении в вуз.

Это означает, что теперь в студенческом контингенте будет **возрастать доля выпускников средних специальных учебных заведений**.

Некоторое время значительной будет оставаться в массе первокурсников также доля лиц, **получивших полное среднее образование в предыдущие годы**, но не продолживших обучение. В 2002 г. таких было около 300 тыс., в 2003 г. — около 240 тыс., в 2007 г. — 120 тыс. чел. В 2009 г. из числа этих лиц в вузы пришли 219 тыс. чел..

Около 11% поступающих в вузы — люди, уже имеющие **высшее образование**, и их количество в ближайшие два-три года увеличится на несколько сотен тысяч по мере сокращения числа государственных и негосударственных вузов.

Таким образом, возрастающее количество выпускников СПО, остатки выпускников школ, не поступивших в вузы в прежние годы, а также взрослые люди, стремящиеся получить второе высшее образование, создали некий стихийно образовавшийся резерв абитуриентов, который заметно компенсирует растущий дефицит выпускников 11-х классов. Но этот резерв сохранится и будет заметен года три-четыре, не более. Независимо от названных тенденций численность студентов в России быстро падает и будет падать еще быстрее.

Если говорить о более отдаленных перспективах, то образование в России ждет черная полоса как минимум до 2025 г.; в режиме проявившихся кризисных явлений нам предстоит находиться в течение 15 лет.

Демографическая яма достигнет «дна» не через год-два, как пишут многие газеты, а не раньше 2020 г.

Сейчас в вузы поступают в основном поколения 1992–1993 гг. Однако наименьшая рождаемость была **в 1999 г.** Тогда родилось 1,2 млн человек (для сравнения: в 1987 г. — 2,5 млн). Поэтому **наиболее острым будет период 2016–2021 гг.** (плюс-минус год). Именно в этот период в России произойдет **максимальное сокращение числа вузов** и филиальных сетей. С большой долей уверенности можно предположить, что при сокращении количества абитуриентов в два раза количество вузов также значительно сократится, а если учесть и курс Правительства РФ **на укрупнение высших учебных заведений**, то их число к 2020 г. может составить 200–250, т. е. уменьшиться в 2,5–3 раза от нынешних 687 госвузов (на начало 2009 г.).

Что касается **негосударственных** вузов, то их число сократится многократно и, дай бог, если их количество останется в пределах 100. Таким образом, уже в ближайшие два-три года под угрозой сокращения в России окажутся около 100 тыс. преподавателей (в 2008–2009 гг. состав ППС примерно 400 тыс. чел.) и сотни тысяч работников этих вузов, а в дальнейшем эти цифры возрастут вдвое, что заденет интересы миллионов студентов, их родителей и родственников. Это станет огромной и острой социальной проблемой России, в решении которой должны участвовать, на мой взгляд, не только государство, но и об-

разовательное сообщество негосударственных вузов, и прежде всего (если говорить о нашем регионе) — Союз негосударственных вузов Москвы и Московской области.

Период с 2001 по 2009 г. характеризовался повышением уровня рождаемости. Однако этот уровень еще скромен и очень далек от цифр 1983 и 1987 гг. Поэтому количество обучающихся в вузах после 2022 г. начнет чуть-чуть расти, но от уровня 2000–2007 гг. будет далеко.

Самонадеянные чиновники и льстивые пропагандисты восторгаются тем, что за последние годы население страны стало увеличиваться. Однако напрасно. Да, Национальная программа поощрения рождаемости, Концепция демографической политики до 2025 г. ставят задачу к 2016 г. увеличить коэффициент рождаемости до 1,685. Но разве это решение проблемы? Мы же знаем: только для возмещения смертей и предотвращения убыли населения, его «простого воспроизводства» необходимо не менее 2,1 ребенка на женщину. А для того чтобы начался заметный рост населения, в большинстве семей должно быть не менее трех детей.

В России 38 млн женщин, из которых 5 млн бесплодны. 33 млн женщин биологически способны к родам и в состоянии примерно за семь лет удвоить население России, доведя его до 300 млн человек (при 11% годового прироста). Но две трети забеременевших женщин делают аборт: 1,7 млн абортов в год — первое место в мире! Из этого числа 200 тыс. женщин становятся бесплодными. Итог? 75% семей имеют только одного ребенка, 17% — бездетны, только у 8% — больше одного, а от трех детей и более — всего 1,4%.

Прогнозы специалистов мрачны. **Через два года** нас ожидает **резкий спад рождений**: в детородный возраст вступят малочисленные дети 1990-х годов. В ближайшие 14 лет, т. е. как раз к 2025 г., Россию ждет **сокращение численности населения** на 7 млн человек (по Росстату), по Институту демографии — на 12 млн, а по некоторым другим расчетам — еще больше (Российская демография..., 2010: 11).

К сожалению, и дальнейшие прогнозы по демографическому будущему России весьма неутешительны. Я проштудировал по этому поводу десятки статей, справочник Росстата, монографию «Демографическое развитие России в XXI веке» под редакцией академика Г. В. Осипова и ведущего специалиста в этой области профессора Л. Л. Рыбаковского, многие другие труды.

В отношении динамики рождаемости на прогнозируемый ими период до 2045 г. и позже авторы предусматривают **два варианта**. Первый основан на том, что после исчерпания эффекта от мер, реализация которых началась в 2007 г., будет происходить постепенное **уменьшение рождаемости**, связанное с продолжением тенденции ослабления потребности в детях, снижения репродуктивных ориентаций. При этом,

по крайней мере в ближайшие годы, можно предположить **ухудшение** восприятия семьями условий для реализации потребности в детях как в связи с экономическим кризисом, так и из-за того, что это восприятие будет зависеть не только от объективных параметров уровня жизни, но и от уровня притязаний в отношении них. Последние, в свою очередь, во многом определяются системой ценностных ориентаций, а при отсутствии целенаправленной политики на повышение значимости семейных ценностей, ценности семьи с несколькими детьми, эти ценности будут уступать иным, обусловливающим в том числе и высокий уровень притязаний в отношении условий жизни. В этом случае можно ожидать уменьшения к 2050 г. величины суммарного коэффициента рождаемости примерно до 1,0, тем более что в 1990-е годы в некоторых регионах России уже был опыт снижения этого показателя до уровня меньшего, чем 1,0.

Второй вариант основан на гипотезе **повышения рождаемости** в результате прежде всего активной эффективной демографической политики, а также под влиянием улучшения условий жизни. В этом случае в соответствии с Концепцией демографической политики Российской Федерации можно ожидать повышения **к 2025 г.** суммарного коэффициента рождаемости до уровня 1,95 (в 1,5 раза по сравнению с уровнем 2006 г.), а в дальнейшем в результате политики, направленной на усиление потребности в детях и создание благоприятных условий для удовлетворения этой потребности, увеличения к 2050 г. этого показателя до рубежа, обеспечивающего **воспроизводство** населения (примерно 2,15) (Атлас демографического..., 2009: 262–263).

Особенно существенное снижение общего коэффициента рождаемости будет иметь место в период до 2025 г., так как будет связано еще и с неблагоприятными изменениями половозрастного состава населения, значительным сокращением численности и доли женщин репродуктивного возраста (там же: 271).

Надо понимать, что только меры государства, некоторое улучшение условий жизни проблемы не решат. Люди рожают детей не для государства и общества, а для себя, по любви, для большой семьи — дедов и бабок. Но традиционная семья, где отцы и матери рожали детей и заботились о них, в том числе в надежде, что в старости те позаботятся о них, — распалась. Огромное большинство взрослых и детей живут в бедности и нищете. Дети стали для многих непозволительной роскошью. Материальная связь между поколениями разорвана, а с нею исчезают и связи духовные, родственные. На улицах России около 3 млн бездомных детей и миллионы проституток. «Больное» население отказывается рожать. Миллионы не сложившихся из-за безобразного быта семей и десятки миллионов нерожденных детей кроются в миллиардных накоплениях российских оли-

гархов. В том числе, будущие и еще более острые проблемы российского образования.

Таков объективный демографический фон, на котором будет развиваться российское образование в среднесрочной перспективе.

4. О стратегиях развития

Давайте хотя бы в первом приближении поговорим сегодня о стратегиях развития негосударственных вузов.

1. Стратегии, которые строились на «доходах с оборота» (чем больше студентов, тем больше денег), сегодня (в принципе) не могут и не должны бы работать. Демографическая яма похоронила эту стратегию: студентов уже мало и будет еще меньше. Львиную долю абитуриентов забирают госвузы на бюджетные места. Как отмечала в одном из своих интервью Л. Н. Глебова, даже многие госвузы недобрали 50% платников. Тем не менее, думаю, по-прежнему будут существовать вузы, которые за 10–15 тыс. руб. в год будут обещать «образование XXI века», если Рособрнадзор не примет к ним соответствующие меры.

2. Чтобы сохранить ресурсную (финансовую) базу для развития, по логике вещей, надо бы повышать цены на обучение. Но это, как уже говорилось, невозможно из-за финансово-экономического кризиса, из-за «колеи», в которой Россия, вероятней всего, будет находиться еще долгие годы, совпадающие по длине «лага» с продолжительностью демографической ямы. Эта стратегия исключается из-за **низкой платежеспособности** основной массы населения.

3. **Кооперация, объединение вузов** со сходной философией развития на основе тех, которые имеют хорошую материально-техническую базу, хороший имидж с целью обеспечения высокого качества образования, ради сохранения и развития сектора негосударственного образования — **это реальная стратегия**.

4. Всемерное противодействие халтуре, разоблачение перед обществом и госорганами тех вузов-шулеров, которые компрометируют негосударственный сектор образования.

Давайте создавать новые механизмы и формы информирования потребителей о качестве образования в негосударственных вузах, ибо стереотипы массового сознания в большинстве своем на стороне государственных вузов. Уже Президент РФ и премьер говорят о том, что «вузов, которые раздают дипломы в подвалах, быть не должно». Безусловно! Мы как никто более заинтересованы в этом. Давайте выявлять шулеров и сообщать об этом в государственные органы и обществу. Особое значение здесь имеет Интернет. Может, нам создать мощный портал московских негосударственных вузов?

У вас на руках проект **Хартии негосударственных вузов России**, в которой мы заявляем о том, что берем на себя обязательства работать че-

стно, добросовестно, доброкачественно. Давайте подпишем сегодня эту Хартию и опубликуем в газете «Вузовские вести», поместим на сайтах СНВ и всех вузов, дадим право другим российским вузам, согласным с текстом Хартии, вывесить ее на своем сайте.

Это не такая уж слабая идея! Это своего рода клятва, лишающая права врать, обманывать, воровать, халтурить.

Вот посмотрите, что делают некоторые вузы... Например, Московская финансово-юридическая академия (МФЮА). В рекламе, размещенной в «Комсомольской правде» (16.08.2010) говорится: «**1-е место** в рейтингах вузов! (ложь, никаких рейтингов не проводилось!); принимаем **с двумя** ЕГЭ (не имеют права по закону); «дополнительные бюджетные места!» (обман); «льготы от 20%» (нарушение Налогового кодекса).

Или — Академический международный институт объявляет на своем сайте: «Поступить в наш вуз можно и без ЕГЭ».

Или — «Наша компания (названия нет, но есть телефон) гарантирует поступление в 2010 г. без ЕГЭ в ведущие вузы Украины с переводом в один из московских вузов».

Московский институт телевидения и радиовещания «Останкино» (МИТРО)...Выселенный с арендованных площадей, он незаконно продолжал набор в вуз (МИТРО..., 2010: 7).

5. В конце выступления хочу сообщить новость, которая, возможно, не дошла до некоторых. Министр образования и науки А. А. Фурсенко сообщил в выступлении в Госдуме РФ, что «в настоящее время подготовлено два законопроекта, позволяющие дополнительно повысить эффективность использования средств налогоплательщиков, направляемых на образование. Речь идет о том, что на получение **бюджетного финансирования наравне с государственными смогут претендовать на конкурсной основе и негосударственные учреждения**, которые реализуют порой не менее качественные и современные образовательные программы. Первый закон касается учреждений профессионального образования, второй — общего. Данные законопроекты проходят необходимые согласования. Финансовое обеспечение гарантий качественного образования должно следовать за учащимся туда, где предоставляется лучшее образование, независимо от формы и принадлежности учреждения» (Материалы к выступлению..., 2010: 9, 10).

Надо понимать, однако, что при всей важности этих законов положение дел во всей массе негосударственных вузов мало что решает: во-первых, поддерживать будут хорошо стоящие на ногах, сильные вузы; во-вторых, это будет конкурс; в-третьих, мы знаем, что такое «конкурс» в России: «наравне» с госвузами конкурировать будет невозможно. Тем не менее это стимул для улучшения деятельности и шанс на улучшение положения для многих вузов.

Список литературы

Атлас демографического развития России (2009) / под ред. Г. В. Осипова, С. В. Рязанцева. М. : Экономическое образование.

Материалы к выступлению министра образования и науки РФ Андрея Фурсенко на «Правительственном часе» в Государственной Думе (2010) // Вестник образования. № 14.

МИТРО: осторожно, двери закрываются! (2010) // Московский комсомолец. 22 июля. № 25405.

Российская демография: шаги по лестнице, ведущей вниз (2010) // Независимая газета. 7 сентября.

Знание. Понимание. Умение. 2010. № 4

КУДА ИДЕТ ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Выступление на пленарном заседании VII Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века», 28 ноября 2010 г.

Я назвал свое выступление «Куда идет отечественное образование», без вопроса. Куда идет — об этом и выскажу свои соображения.

Открывая нашу конференцию вот уже в седьмой раз, я вновь хочу начать разговор с того, почему она называется «Высшее образование для XXI века», а не просто «Высшее образование в XXI веке». В различии этих формулировок заключен огромный смысл. Такой же огромный, как между понятиями «должное» и «сущее», «идеал» и «действительность».

Как и почему появилось это название?

Все хорошо помнят конец 90-х годов прошлого века и то психологическое состояние, в котором находилось человечество в канун нового столетия и нового тысячелетия. Оживились гадалки, предсказатели, ясновидцы, пророки. Все чаще звучали голоса о мировой катастрофе, конце света и Страшном суде. У значительной части людей нарастало тягостное, тревожное настроение в предощущении грядущих перемен. Но все-таки большинство представляло будущее не в категориях отчаяния, а надежды на лучшее. Для этого были осно-

вания: закончилась (вроде бы) холодная война; шла перестройка в СССР. Реформы в России взбудоражили весь мир и породили небывалый энтузиазм.

В 1992 г. в Рио-де-Жанейро под флагом ООН прошла Международная конференция «Окружающая среда и развитие», где было заявлено, что парадигма развития, которой человечество следовало несколько последних столетий, полностью исчерпала себя и дальнейшее движение по этому пути ведет его к гибели. Была принята декларация под многозначительным названием «Повестка на XXI век». Под ней поставили подписи главы государств и правительств (в зависимости от того, кто представлял ту или иную страну) 146 стран мира, в том числе США, России, Германии, Франции и других развитых стран. Прежней парадигме была противопоставлена идея так называемого устойчивого развития. Все государства — участники этой конференции взяли на себя обязательства в кратчайшие сроки разработать и принять программы перехода на новый устойчивый путь развития. Можно было подумать, что в сознании лидеров стран, политиков и деловой элиты произошло какое-то озарение и наступил момент истины.

В том же году в поддержку парадигмы устойчивого развития, содержание которой составляли экономические и социальные вопросы оказания помощи развивающимся и отсталым странам, прекрасную идею выдвинула Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры — ЮНЕСКО. Это была идея «культуры мира и демократии», по сути дела, проект миростроительства и создания подлинных, а не псевдодемократий. Эта идея стала быстро распространяться по многим странам. Автором и пламенным ее пропагандистом был Генеральный директор ЮНЕСКО тех времен Федерико Майор. Федерико Майор — выдающийся ученый и мыслитель — вполне отдавал себе отчет в том, что принципы устойчивого развития и культуры мира и демократии не претворятся в жизнь, если радикальным образом не изменится система ценностей и образ мышления миллиардов людей, и прежде всего политической и деловой элиты государств и международных организаций. Именно поэтому он поставил перед группой выдающихся ученых ЮНЕСКО и ряда стран задачу подготовить доклад о том, каким должно стать высшее образование в XXI в., чтобы идеи устойчивого развития и культуры мира осуществились на практике, а значит, восторжествовала наконец вековая мечта человечества о более справедливом международном экономическом порядке, социальной справедливости, о мире без войн. Иначе говоря, был поставлен вопрос о том, какого человека и с какими человеческими качествами должно будет производить образование XXI в., чтобы этот новый человек был способен претворить в действитель-

ность высокие идеалы, сформулированные в документах Организации Объединенных Наций и ЮНЕСКО на закате XX в.

Я с уверенностью говорю, что задача ставилась именно таким образом, не только потому, что я изучил эти документы, прочитал книги Ф. Майора «Новая страница» (UNESCO Publishing, 1994), «Память о будущем» (М. : АО Изд. группа «Прогресс»). Дело в том, что я неоднократно встречался с Федерико Майором в Париже — в штаб-квартире ЮНЕСКО, в Москве и беседовал с ним на эти темы. Но еще чаще мы обсуждали эти вопросы с его специальным помощником и близким ему человеком, великим романтиком и энтузиастом идеи культуры мира и демократии Владимиром Ломейко, моим незабвенным другом.

Доклад «Высшее образование для XXI века» был подготовлен, обсуждался на специальной сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО и был одобрен. Главный вывод этого доклада можно выразить несколькими словами: существующая система образования в мире **должна быть перестроена коренным образом**. Именно «коренным» — это слово многократно употреблялось в тексте доклада.

Я полностью согласен с этим. Именно неправильно понимаемое и неправильно устроенное образование ведет к неправильному устройству общества и несправедливому миропорядку. И это вполне естественно. Люди действуют так, как и что они мыслят. Безусловно, образование должно давать человеку профессию, специальность, знания, навыки, умения, компетенции, позволяющие ему осуществлять тот или иной вид деятельности, производить вещи, продукты и машины. Но самое главное, что достигается с помощью образования и для чего оно предназначено, — **изобретение человека**, **строение человека**, его ума и души, образа мышления и добродетелей, которые отличают его от животного и возвышают над всем животным миром. **Конечный смысл образования** человека — **понимание** всего, что его окружает, от простейших трудовых операций, которые он совершает и которым он обучается, чтобы заработать себе на хлеб насущный, одежду и крышу над головой, до устройства порядка в стране и государстве, жителем и гражданином которых он является, до понимания, как устроен звездный мир и Вселенная.

Основной пафос доклада «Высшее образование для XXI века» заключался именно в этом.

Конец прошлого века был временем большого оптимизма. Новые идеи зажгли огонь и блеск в глазах миллионов людей. В моих тоже. В 1997 г. в нашем вузе был создан Международный институт «Молодежь за культуру мира и демократии». Соглашение об учреждении этого института подписали приехавший в наш вуз Федерико Майор и я. Я был назначен директором. В 1999 г. прямо на сцене нашего большого актового зала под овации сотен студентов мы с Федерико

Майором (во второй раз приехавшим к нам), а также ныне опальным, а тогда всемогущим мэром Москвы Юрием Михайловичем Лужковым объявили территорию нашего вуза территорией культуры мира, приняли соответствующую декларацию.

В 2000 г. в нашем вузе был создан Русский интеллектуальный клуб, в который вошли замечательные ученые, политики, писатели, такие выдающиеся русские мыслители, как Никита Николаевич Моисеев, Александр Александрович Зиновьев. Именно в те годы, вдохновленный идеями ЮНЕСКО, я написал книгу «Образовательная революция», центральным вопросом которой была проблема понимания. Именно после этого наш вуз учредил журнал «Знание. Понимание. Умение». Именно в ту пору мы провели в нашем вузе две крупные международные конференции под эгидой ЮНЕСКО.

Под воздействием всех этих событий в 2002 г. родилась идея провести международную конференцию «Высшее образование для XXI века», которая состоялась впервые в 2004 г.

Честно признаться, все мы –– действительные сторонники идеи устойчивого развития, культуры мира и демократии, нового типа образования для XXI в. и нового человека, стремящегося и способного строить новый, более разумный, справедливый, добродетельный, одним словом, более человечный мир, — все мы изначально понимали, что крайние рационалисты и циничные прагматики — «хозяева жизни», управляющие миром, ведут с нами, со всем человечеством циничную игру. Что все светлые замыслы, которые возникли на конференциях в Рио-де-Жанейро и Париже, со временем будут отвергнуты и похоронены. Когда мы разговаривали между собой, эта тема звучала не раз. Ибо «хозяев жизни» вполне устраивал и устраивает существующий образ жизни, и они готовились вовсе не к миру, а к войне.

Достаточно привести всего один, но обо всем говорящий факт. Отправляясь на международную конференцию ООН в Рио-де-Жанейро (1992), президент США Джордж Буш-старший, который долго колебался — ехать или не ехать, но затем все-таки решил поехать, у трапа самолета заявил журналистам: «Американские ценности и американский образ жизни не подлежат никакому сомнению и никаким изменениям». Вскоре действовавшие в те годы Генеральный секретарь ООН и Генеральный директор ЮНЕСКО Федерико Майор были заменены на новых — проамериканских ставленников. Главной идеей ЮНЕСКО стала не идея культуры мира (она была похоронена), а идея толерантности, понимаемая очень широко, предельно широко, так что ее правильней назвать идеей «терпимости»: терпите все, что мы творим, и вам воздастся.

Международная конференция ООН 2002 г. в Йоханнесбурге (ЮАР), которая собралась, чтобы подвести итоги работы государств по реали-

зации идеи устойчивого развития, зафиксировала, что положение дел в мире за прошедшие после 1992 г. десять лет не улучшилось, а ухудшилось по всем позициям.

О программе ЮНЕСКО «Высшее образование для XXI века» давным-давно никто не вспоминает.

XXI в. явился миру в образе международного терроризма, скрытый смысл и тайные пружины которого постепенно проявляются, но пока еще не ясны до конца, во всяком случае, ясны не всем. Затем последовали постыдные для западных стран и США бомбежки Югославии, со всеми вытекающими грязными последствиями. Затем разразились основанные на лжи и обмане мировой общественности войны в Ираке и Афганистане, а также организованные США «цветные» революции на Украине, в Грузии, в Киргизии. Хочу напомнить сегодня, что США готовили «цветную» революцию и в России. Многие об этом сейчас подзабыли, а ведь несколько лет назад наше телевидение не только рассказывало, но и показывало организаторов этой революции, главным из которых являлся один из сенаторов США.

Позвольте мне далее не вдаваться в подробности геополитики и геоэкономики. Общий вывод ясен. К сожалению, мир продолжает катиться все по тому же пути экономоцентризма, где главное — прибыль, деньги, богатство, но не человек. Упустив возможность **изменить философию развития** в послевоенные годы XX столетия, неверно пройдя точку бифуркации в 60-е годы, а затем и в 90-е годы XX в., человечество, а точнее сказать, так называемые развитые страны, прежде всего США, из чисто эгоистических соображений не приняли во внимание новые императивы мирового развития при всей их, казалось бы, очевидности. Рыночно-потребительская цивилизация, заведя мир в тупик, все еще самонадеянно пытается прошибить лбом стену, принося будущее в жертву сиюминутным интересам и амбициям недальновидных политиков.

90-е годы, перестройка и реформы в России со всей убедительностью показали, что идеологически зашоренные, малоспособные лидеры могут за короткий срок отбросить страны и народы на десятилетия назад, а в некоторых случаях — в Средневековье. Двадцатилетний путь реформ в России, вымощенный общечеловеческими ценностями, идеологией «открытого общества» и прочими благими намерениями, привел нашу страну не в обещанный рай, а в ситуацию хаоса и абсурда, где торжествуют не вера, знание и понимание, а мифы и ложь, где вместо точных расчетов, правды и света — сумерки, тьма, разруха и в головах, и на улицах.

Понимать абсурдность происходящего в мире начинают даже те, от кого этого еще недавно невозможно было ожидать, чьи политические взгляды еще недавно представляли собой квинтэссенцию неолибера-

лизма. Например, президент Франции Николя Саркози в начале февраля 2010 г. на открытии Всемирного экономического форума в Давосе произнес поистине сенсационную, алармистскую речь. Известный как отъявленный либерал, он заявил о кризисе, поразившем мир, в таких словах: «Этот кризис — не только глобальный кризис. Этот кризис — не только кризис в мире глобализации. Этот кризис — **кризис самой глобализации**. Само наше видение мира оказалось **ошибочным**. Следовательно, само наше видение мира **следует исправить**». Далее он продолжал: «Куда мы хотим привести наш капитализм? Какой капитализм мы хотим иметь? Мы спасем капитализм и рыночную экономику, если преобразуем их, сделав их нравственными. Нельзя править миром в XXI в. по правилам XX в. Нельзя управлять глобализацией, держа в стороне половину человечества. **Это безумие.** Или мы изменимся сами, или изменения нам будут навязаны. Чем? Кем? И социальными кризисами (читай: революциями). Если мы будем сидеть сложа руки, **система будет сметена**, и заслуженно. Международное сообщество не может оставаться шизофреническим. Да, **мы все — шизофреники**!»

О чем же по существу говорит Саркози? Он говорит об образовании. Вернее, о **неправильном** образовании, согласно которому строились и строятся человек, его мышление и деятельность, итогом которого и стала шизофрения. Он говорит об ошибочном видении мира, о том, что это видение надо исправить, что капитализм и его экономика должны стать нравственными, что нельзя править миром в XXI в. по правилам XX в.

Но куда движется российское образование, да и образование вообще последние 20 лет? Подойдем к оценке итогов реформ и модернизации, используя кибернетический принцип «черного ящика».

Что у нас на «входе» за все эти времена? Университизация государственных педагогических и прочих вузов, бесконтрольный рост негосударственных вузов, Единый государственный экзамен, государственные именные финансовые обязательства, тестирование, государственные образовательные стандарты первого, второго, теперь третьего поколений, вступление в Болонский процесс и уровневая система образования (бакалавриат, магистратура), кредитно-модульная система зачетоуспеваемости студентов, компетентностный подход. Абсолютно новые правила сдачи выпускных экзаменов в школах и приема в высшие учебные заведения на основе утверждения ЕГЭ «в качестве истинно объективной» (это я цитирую выдержки из выступлений руководителей образования) и практически единственной оценки знаний. Бесконечные поправки к Закону «Об образовании», а теперь проект нового «интегративного» закона. «Идеи» продолжают вылетать одна за другой.

Что же на «выходе» из «черного ящика»? По логике вещей **должно быть** возросшее качество образования, ради которого на протяжении почти двух десятилетий затрачены огромные деньги, силы на разного рода эксперименты, исследования, научные конференции, подготовку поправок к закону, проект нового закона и т. д.

Если говорить о школе, а об этом нельзя не говорить, это начало образовательного процесса (даже можно говорить о дошкольном образовании, но начнем со школы), то, по словам многих учителей и директоров, с которыми мне довелось беседовать на эту тему, большинство детей просто перестали нормально учиться. Этот вывод подтверждают преподаватели вузов, которые считают, что образовательный и общекультурный уровень абитуриентов резко снизился и продолжает снижаться. Скажут: ну, это мнение части людей, это субъективный взгляд.

Посмотрим, как выглядят реформы высшего образования начала 90-х годов в глазах образовательного сообщества в свете социологии, социологических опросов.

В октябре — декабре 2009 г. Российский государственный социальный университет опросил 243 эксперта во всех федеральных округах России. Положительно реформы оценили только 11% опрошенных, отрицательно — 33%, противоречиво — 54%. Реформы высшего образования последних лет, начала XXI в., положительно оценили всего 7%, отрицательно — 48%, противоречиво — 42%.

Экспертов спросили о том, как они оценивают качество высшего профессионального образования **70–80-х годов** по сравнению с тем, которое мы имеем сегодня. Ответы: «оно было гораздо выше, лучше, чем сейчас» — 27%, «в главном оно было лучше» — 61%. Причем такие оценки характерны для всех федеральных округов. Более 11% экспертов отметили растущую конфликтность, опасность гражданского неповиновения вузовской общественности и студентов.

Модернизация продолжается. Нельзя не заметить, однако, любопытную тенденцию. Сегодня начинают волноваться не только «низы» образовательной общественности, начинают волноваться уже и «верхи» — управленцы. Все больше они беспокоятся о тщательно продуманных госстандартах, типовых программах, базовых учебниках, о единстве учебного и воспитательного процессов. Вам это ничего не напоминает? Вот именно. Новое — это хорошо забытое старое. А тут и забыть-то мы еще не успели. Мы являемся свидетелями возвращения в российскую школу и вузы некоторых не изживших себя, правильных по своей сути параметров советского образования. Это вовсе не отвергает необходимость модернизации, не означает запретов на свободу и демократию, авторские программы и методики, экспериментальные учебные пособия и разного рода новации и инновации.

Пусть они будут, они необходимы, но только разумные. Российская власть стоит сегодня перед сложнейшей задачей — перезагрузкой сознания миллионов людей и формированием нового человека, без которого новую Россию построить невозможно.

И вот общество обсуждает уже, по-моему, самый главный после Конституции закон России — новый законопроект об образовании, так называемый интегративный закон. В этом ключевой пункт модернизации образования. И это не отраслевая задача, это не задача строительства дорог и ликвидации пробок, это не реформа правоохранительной системы — переименование милиции в полицию и т. д. Это задача глобальная, комплексная, от решения которой в нашей жизни зависит все — и экономика, и политика. Буквально все! К сожалению, ни власть, ни национальный капитал, ни население до сих пор не понимают, что главный вопрос самосохранения российской нации и России как суверенного государства — это именно вопрос воспитания и обучения широко и универсально мыслящих граждан, сознающих ответственность за будущее своей страны, ныне происходящее в России перед дедами и прадедами, собственными детьми и внуками.

Какой тип, какая модель образования, а стало быть, какой закон о нем нужны России? Вот вопрос вопросов. На мой взгляд, Россия должна культивировать свободное образование, **образовывать человека понимающего**, **создавать понимающее общество**, которые были бы способны к целостному и универсальному восприятию картины мира. Лишь в этом случае в России смогут сформироваться интеллектуальная элита общества и средний класс, способные не только противостоять элите государственной власти и бизнес-элите, но и контролировать их. Лишь в этом случае в России будут не только присутствовать идеи свободы и демократии, священности частной собственности, рыночных отношений и добросовестной конкуренции, но возникнет широкая сеть самых разнообразных социальных институтов, обеспечивающих господство названных идей и отношений. Такое положение вещей и называется гражданским обществом, истинной демократией — не на словах, а на деле. В противном случае под лозунгами демократии страна неизбежно будет двигаться в сторону авторитаризма, диктатуры, а то и тирании.

О том, что образование первородно, приоритетно по отношению ко всем вопросам жизни, что оно определяет все человеческие качества, способность или неспособность людей к разумной самоорганизации жить обществом, ставя его интересы выше эгоистических интересов отдельных индивидов, готовых ради богатства на любые преступления и войны, ни в России, ни в Европе, ни в США не идет даже речи. Образование перманентно реформируют, но организаторы реформ уходят от сути и подлинной глубины проблем образования, не касаются его

предмета и содержания — чему учить. Вернее сказать, касаются, но примитивизируют предмет образования (знание, умения, навыки) — и без того, на мой взгляд, несовершенный — с целью оглупления масс, отрешения их от общих вопросов миропорядка и «заточки» под узкие функции исполнителя, «винтиков» и «деталей» огромных корпораций и прочих производственных и общественных «машин» и «механизмов».

На нашей прошлой конференции в одном из докладов приводился хороший пример по Японии, чему стоило бы поучиться всем. Первой задачей образования японцы считают воспитание граждан и патриотов, второй — привитие тяги к знаниям и лишь потом — формирование компетенций, необходимых для труда, и других функций.

Реформы в России идут повсюду, но правильнее говорить об имитации реформ и модернизации, о том, что мы являемся свидетелями и невольными участниками этого процесса, наблюдаем, как в административном восторге чиновничья рать рушит то, что еще далеко не изжило себя, и насильственно внедряет то, что нежизнеспособно, а зачастую вредоносно для образования.

Я не могу понять, как в таких условиях наше общество будет решать задачи инновационной деятельности и модернизации всего общества, о которых так много говорится с экрана, в том числе первыми лицами — президентом и премьером. Ведь **качество любого рода деятельности зависит от качества человеческого материала, который включен в процесс этой деятельности**. Это фундаментальная истина. Но это качество, этот человек, «человеческий материал» создаются прежде всего образованием.

Если мы хотим действительно возвеличить Россию, то необходимо наращивать творческий потенциал в массе населения страны, именно в массе, а не только в бизнес-элите и управленческой верхушке. А что происходит на деле? В 90-е годы в российских школах обучалось 29 млн человек, сейчас — 15. Два миллиона детей не посещают школу. За восемь лет число школ сократилось на 13 тыс., количество учеников — на 6 млн 700 тыс., учителей — на 340 тыс. За 2003–2006 гг. закрыто 1900 сельских школ, а за 2007–2008 гг. — уже более 2600. Большинство школ существует на нищенской материальной базе, это хорошо известно.

Есть еще один сюжет, о котором стоит поговорить: многие учителя школ и преподаватели вузов просто «заглатывают» некоторые «инновации», не пытаясь даже «разжевать» их и разобраться, что к чему; с восторгом их перетолковывают и «онаучивают», порождая мифы и легенды, а говоря попросту, умножая ложь. Я процитирую выдержки лишь из одной статьи, в которой говорится о **методологических** основах (!) высшего образования в информационном обществе. Я не стану называть имен академиков, которые написали эту статью. Послушайте: «Ускорение темпа жизни, клиповость в подаче информации при-

водит человека к необходимости использования оперативных, унифицированных, **упрощенных схем мышления**, которые в значительной степени базируются на **сфере бессознательного**. Все больше специалистов в настоящее время акцентируют внимание на том, что фактически **автоматическое**, **стереотипное** поведение у людей превалирует, поскольку во многих случаях оно **наиболее целесообразно**, а в других случаях — **просто необходимо**. Цивилизация движется вперед путем увеличения числа операций, которые мы можем осуществлять, не раздумывая над ними. **Девяносто девять сотых и, возможно, девяносто девять тысячных наших деятельностей автоматичны**».

Таким образом, авторы предлагают нам подладиться под ускорение, клиповость, мыслить унифицировано, действовать бессознательно, автоматично, не задумываясь над происходящим. И это, считают они, вовсе не беда, а целесообразность, более того — необходимость. Спрашивается, что же за человек образуется в результате такого образования? Человек бессознательный, упрощенный, человек-функция, человек-винтик, киборг, живой механизм. И как же будет называться тогда общество, состоящее из таких человеков-функций, человеков-автоматов?..

«Современная картина мира, — продолжают авторы, — не может быть описана в рационалистических традициях с опорой лишь на абстрактную логику и дискретные понятия. Попытка создания точного и однозначного языка, устраняющего из науки все неопределенности, не увенчалась успехом. Оказалось, **чем более точен язык, тем менее полно он описывает научные явления, и, наоборот, чем он менее точен, тем полнее теория описывает предмет**».

Смысл этой статьи составляют рекомендации — как сделать высшее образование в России современным. В чем суть этих рекомендаций? «В процессе обучения, — пишут авторы, — сегодня нельзя не учитывать, что наука также виртуализируется. Имеют место различия в понимании основной ценности научного познания. Классическая парадигма апеллирует к абсолютной истине, неклассическая — к относительной истине, а постнеклассическая — только к обоснованной гипотезе. Современное образование требует «постформального мышления». Его основными чертами является не воспроизводство знания, а «производство собственных знаний» (здесь можно подумать. — *И. И.*); открытие в себе новых возможностей самореализации своего потенциала (инсайт); метаморфическое познание — возможность видеть связь между противоположными вещами; видение общего и частного в их взаимодействии; понимание контекста; нелинейное понимание причинности; рассмотрение мира как текста; признание ученика «интерпретирующего», а не объясняющего; ноосферное видение связи разума и биосферы».

«Современный процесс развития личности в высшей школе, — вещают авторы, — должен осуществляться в контексте учета таких психологических факторов влияния семиотического пространства Интернета, как интерактивность, гипертекстовость и гипермедийность, нелинейность, дегитальность, модульность, мультимедийность, демассификация, асинхронность, антипространственность, конвергенция, автоматизированность, совмещение коммуникации и автокоммуникации, интенсивное развитие самосознания в процессе дискуссионной практики, анонимность, стирание различий на уровне «свой — чужой», развитие множественных идентичностей в процессе интернет-деятельности, возможность культурного перекодирования, контекстность, полилогизм».

Все это, на мой взгляд, — шизофрения. Я не знаю, как воспользоваться такими рекомендациями, чтобы построить лучшее образование в XXI в.

Или взять все тот же пресловутый Единый государственный экзамен. О нем уже перестали говорить, его перестали обсуждать. Лично слышал из уст высокопоставленного человека слова: «Если про ЕГЭ будете говорить — не приеду, не будете говорить — приеду». Это было условие присутствия этого человека на одном большом собрании в нашем университете. Приехал. Мы не говорили о ЕГЭ. Но сегодня говорить будем.

В проекте нового закона ЕГЭ отводится целая глава — три страницы. И этот экзамен становится, по сути, единственной формой контроля знаний, а точнее — памяти о знаниях. Между тем в некоторых странах, хотя и не так давно, в качестве главной цели образования стали рассматривать **понимание**. Например, в Великобритании до 1990 г. на экзаменах в основном **тестировали память**, способность написать в эссе как можно больше и как можно быстрее. Теперь там же прежде всего проверяют понимание, навыки исследовательской работы, **понимание глобальных взаимосвязей** между различными учебными областями и методами их изучения. Учителя школ и преподаватели вузов этой страны должны помогать учащимся и студентам выработать соответствующий подход к пониманию прошлого. И результатами обучения в Великобритании ныне считаются успехи студента в том, что он **знает**, **понимает**, **умеет делать** и демонстрирует по завершении обучения.

Вот с этим можно согласиться, давайте за это бороться — за такой углубленный, правильный подход. А не против тестирования как такового, не против ЕГЭ как такового.

Нашим чиновникам на самом деле не надо было бы торопиться с внедрением ЕГЭ как новой и тем более единственной системы итогового контроля. К этой работе надо было бы привлечь не только

специалистов-предметников, но также психологов и физиологов, это очень важный момент. Я приведу несколько примеров из истории, свидетельствующих о том, что многие великие умы отличались некоей заторможенностью.

Самый показательный пример — Альберт Эйнштейн. Будучи подростком, он так долго соображал, ведя беседу с собственной матерью, что та едва не сочла его умственно отсталым и не отвела в больницу. Нянька будущего великого физика за неестественную медлительность дразнила его «скучным дядей». В школе Эйнштейн раздражал учителей тем, что крайне медленно усваивал новую информацию.

Великому художнику Пабло Пикассо для того, чтобы сосредоточиться на решении какой-либо проблемы, требовалось почти полчаса вертеть в руках какую-нибудь безделушку, носовой платок или свою расческу, прежде чем он находил нужное решение. Невероятными тугодумами слыли основоположник кибернетики Норберт Винер, комик Чарли Чаплин, поэт Андрей Белый, композитор Александр Бородин.

А вот пример из новой российской действительности. В трехтомнике «Воспоминаний» Андрея Дмитриевича Сахарова есть такие строки: «Несколько раз, — пишет он, — я пытался участвовать в олимпиадах, но всякий раз неудачно. Мне не удавалось сосредоточиться в условиях ограниченного времени».

Как показали недавние исследования, медленная работа мозга — **признак большого ума**. Есть немало людей, которые по природе своей не могут работать быстро. Это не недостаток, это **особенность** их мышления. А те дети, которых называют одаренными, проявляют глубокий интерес и блестящие способности к какому-нибудь одному предмету или группе предметов, выходя далеко за рамки школьной программы, однако успехи в одной области чаще всего сочетаются у них с отставанием в других.

Настойчивость, с которой в течение многих лет проводился эксперимент по ЕГЭ, а потом и его внедрение, я бы назвал поистине шизофренической. Вспомним, что главным аргументом в пользу ЕГЭ было даже не качество контроля знаний, а борьба с коррупцией. Каков же итог? Значительная часть взяток, как мы знаем и как многие предсказывали, перекочевала в школы, а в вузах они так и не уменьшились. По данным Национального антикоррупционного комитета, в 2010 г. коррупция в вузах достигла громадных размеров — 2 млрд долл. в год. Сейчас взятка за поступление в престижный вуз, такой как МГУ, составляет около 60 тыс. долл. Чтобы поступить в такие элитные вузы, как МГИМО или Академия Федеральной службы безопасности, придется выложить около 100 тыс. долл. «Самая большая взятка за поступление в вуз, о которой я слышал, — говорит председа-

тель Национального антикоррупционного комитета Кирилл Кабанов, — 120 тыс. долл.».

Отвергая традиции и достоинства отечественного образования, какой же тип, какую модель образования мы выстраиваем в новой России? Мы выстраиваем **модель догоняющей модернизации по западным образцам**. У них Болонский процесс — у нас тоже, у них бакалавры и магистры — у нас тоже, у них единый экзамен — и у нас тоже, у них модульная система — и у нас тоже. Главное — вписаться в цивилизацию и быть такими, как они. И вот, реализуя «догоняющую модернизацию», Россия полностью заимствует инновации и модели западных стран, и прежде всего США. И беда не в том, что заимствует, это нормально и естественно, когда берется лучшее, передовое, а в том, что мы слепо копируем и привносим на российскую почву их опыт, во-первых, без учета специфики российского менталитета и наших условий жизни, во-вторых, без понимания причин, по которым эти чужие инновации, чужой опыт возникли там, без прохождения и переживания трудностей и проблем вживления нового на отечественной почве.

На прошлой конференции Михаил Петрович Карпенко, выступая с трибуны, порадовал нас известием о том, что согласно исследованиям новозеландца Флинна во всем мире происходит рост среднего IQ, т. е. человечество умнеет. Я же просто по наблюдениям за российскими реалиями, без статистических данных, все время думаю, что оно глупеет, тупеет. Не умнеет и не может умнеть по целому ряду обстоятельств. И надо сделать что-то очень серьезное, существенное в образовании, чтобы остановить эту тенденцию. А пока мы с вами наблюдаем процесс оглупления, дебилизации нашей нации.

У меня есть статья, которую я написал под настроение, — «Образование в целях оглупления». Объективно так складывается ситуация в силу специфики устройства человеческого мозга и прочих факторов. Человечество стареет. И говорят, что старики и дети во многом одинаковы, потому что мозг сокращается в своем объеме, определенные его функции отмирают, особенно те, которые по каким-то причинам перестают работать, не работают. Поэтому объективно тенденция постарения человечества сопровождается оглуплением. Тем более если система образования сознательно «совершенствуется» и «модернизируется» теми, кто управляет миром. Но это отдельная тема...

Несколько фраз по поводу «догоняющей модернизации». За кем мы гонимся? За Западом. А Запад? За Америкой. Американское образование — вершина, на которую нам предстоит взойти. Так мыслят, видимо, организаторы наших реформ.

Все помнят обращение американского президента к нации в 1957 г., после запуска в СССР искусственного спутника Земли. Американцы

после этого крепко прибавили в развитии своего образования, рванули, намного увеличили расходы на образование, многое исправили.

Но вот доклад 2000 г. Называется он так: «Пока еще не слишком поздно». Его составила большая группа крупных специалистов по поручению министра образования США. Здесь вам и ученые, и губернаторы, и сенаторы, и президенты всякие и т. д. Прошло 43 года. И что же? Авторы доклада говорят: «В ходе третьего международного исследования по математике и естественным наукам тестировались учащиеся из 41 страны. Дети в Соединенных Штатах были среди лидеров при оценке учеников в младших классах, но среди средних классов школы они были **почти последние**. Дети **теряют способность отвечать и реагировать** не только на проблемы, уже предъявляемые XXI столетием, но и на его потенциал в целом».

В этом докладе 50 страниц, большинство на тему о том, как поправить положение дел в американском образовании.

Вот книга, вышедшая в 2005 г., многократно переизданная в США и в других странах. Она называется «Будущая эволюция человека. XXI век», автор — американец Джон Глэд. В этой книге, в частности, говорится, что согласно исследованию, проведенному организацией «Национальная оценка педагогического прогресса», в США 56% испытуемых не смогли правильно вычесть 55 и 37 из 100, 18% не смогли умножить 43 на 67, а 28% оказались не в состоянии изобразить цифрами число «триста пятьдесят шесть тысяч девяносто семь». Вдобавок к этому 24% взрослых американцев не знали, что некогда Соединенные Штаты вели войну за независимость с Великобританией, а 21% понятия не имели, что Земля вращается вокруг Солнца.

В книге две страницы убийственных фактов об американском образовании. И это пишет известный американский ученый.

Я восемь раз бывал в Америке, в разное время, с разными миссиями, в том числе в Нью-Йоркском, Колумбийском, Стэнфордском, Принстонском, Дюкском, Коннектикутском и других университетах и в нескольких колледжах. Конечно, в США немало прекрасных университетов, много блестящих ученых и студентов. Но не надо идеализировать американское образование, американский народ, взятый в массе, как и Америку в целом.

Россия царская, потом СССР доказали, что мы можем сделать все сами. Мы смогли то, что не могли другие. Мы и сегодня можем сделать то, что не смогут сделать другие. Надо просто верить в свою педагогику, в отечественную науку. Я глубоко убежден в том, что не надо нам звать никаких американцев, англичан, немцев, французов, для того чтобы они поднимали нашу науку и наше образование. Если к нам кто и приедет, то приедут не лучшие. Лучшим и там хорошо. И не те времена. Это не XVIII в., когда создавался Московский уни-

верситет, когда преподавателей и даже студентов выписывали из Германии. Другие времена, другой народ, другая страна, хоть и в острейшем кризисе.

Нужны совершенно другая философия развития образования, другой подход к образованию, другое понимание образования. Необходимо вдохновение, а не убиение надежд. Вдохновение для людей, которые занимаются образованием в школах и вузах. И не все решается деньгами. Да, многое зависит от денег, но давно доказано теми же американцами, что качество образования не имеет прямой связи с количеством денег, которые тратятся на образование и выдаются в виде зарплат.

Итак, куда же движется наше образование? Куда оно идет? Я думаю, что оно идет, мягко говоря, не совсем туда. А если прямо говорить, оно идет совсем не туда, куда надо бы идти для того, чтобы Россия действительно воспряла, восстала и стала той страной, которой бы гордились мы и на которую с завистью посматривали наши нынешние оппоненты и конкуренты.

Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1

ЗАКОН ОБ ОБРАЗОВАНИИ: ЧТО И КАК ОБСУЖДАТЬ

О ходе обсуждения законопроекта «Об образовании» наш корреспондент беседует с Игорем Михайловичем Ильинским — ректором Московского гуманитарного университета, президентом Национального союза негосударственных вузов, президентом Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области, заместителем председателя Экспертного совета Комитета по образованию и науке Совета Федерации РФ.

— Игорь Михайлович, каковы Ваши общие впечатления от проекта, который вывешен на сайте Минобразования РФ для всеобщего обсуждения?

— Сначала хочу сказать, что начиная с марта с. г. в составе рабочей группы Экспертного совета при Комитете по образованию и науке, где я являюсь одним из заместителей, я несколько раз участвовал в об-

суждении первого варианта этого закона. По мере готовности мы восемь раз обсуждали его по главам — по одной, по две-три, а потом и в целом.

Ситуация была и остается до сих пор весьма странной. Аргументов в пользу того, что нужна новая редакция закона, немало: «закон устарел, принято 200 поправок, 45 дополнительных законодательных актов», — не стану перечислять все, они известны. Речь шла о необходимости создания «интегрированного» закона, своего рода образовательном кодексе.

Но вот уже ясно, что никакого «интегрированного» закона не будет: только что, в декабре, принят закон № 263, в котором до мельчайших деталей расписаны задачи Рособрнадзора по контролю за качеством образования, лицензированию и аккредитации. Новый закон его не отменит. Значит, в сфере образования будут действовать, как минимум, два закона. Через год выборы в Думу, а затем президентские выборы. Несомненно, тема образования в предвыборной борьбе будет одной из ключевых, появится немало новых идей и требований поправить существующий закон, если к тому моменту он будет принят. Итак, впереди, уже через полтора-два года, появятся новые поправки и новые законопроекты, а значит, мы снова окажемся в том же положении, что и сейчас. Может, не стоит торопиться с принятием этого закона? Не надо искусственно нагнетать впечатление, будто бы образовательное сообщество совсем запуталось в нынешних поправках и новых законопроектах, принятых в добавку к действующим законам «Об образовании», «О вузовском и послевузовском образовании». Школы, колледжи и вузы давно освоились с ними, и если бы ежегодно органы управления образования не вбрасывали в нашу жизнь по нескольку «новаций», то российское образование давно бы всерьез занялось главным — качеством образования. Увы...

Что бы сделал я, коль сложилась такая ситуация? Принял бы еще несколько поправок и дополнений, если они уж так необходимы, а параллельно, не слишком торопясь, подготовил новый, качественный законопроект с участием известных ученых, педагогов и специалистов, широкой общественности. И уж потом вынес на обсуждение.

Что произошло? Быстренько подсократили первый вариант, убрали некоторые очевидные нелепости. И вот Президент России рекомендует в темпе обсудить его публично и поскорее принять. «Машина» заработала.

Отзывы фактически те же, что и по первому варианту. Хотя как всегда находятся те, кто, не вникая в суть вопроса, автоматом голосуют «за»: как же иначе — проект спущен «сверху», находится под приглядом Президента страны!..

— В конце декабря прошлого года проект обсуждался на Совете Российского союза ректоров. Было высказано много замечаний. Присутст-

вовавший при этом министр образования и науки А. Фурсенко заметил: «Закон об образовании, если он не популистский, никогда не будет принят на "ура". Есть разные интересы групп» (Р. Г., 28.12.2010, с. 12). Советник Президента РФ В. Яковлев, который наблюдает за ходом обсуждения закона, отметил, что обсуждают его пока что в основном специалисты. Большинство россиян волнует главное: останется ли образование бесплатным»...

— Не понимаю, что удивляет В. Яковлева. Он же юрист, автор многих законов, в том числе один из авторов Конституции РФ. Он-то знает, что законопроект, да если еще плохо написан, это своего рода шифрограмма, которую могут понять только специалисты. Народ в подавляющей массе интересует что-то «главное», в данном случае это бесплатность образования. Все остальное — дело образовательного сообщества, в среде которого тоже далеко не все разбираются в тонкостях построения и функционирования образовательной системы, тем более в философии образования, его идеологической подоплеке.

Вот, скажем, вопрос о «популистском» характере закона об образовании и «разных интересах групп» (общества). Это, извините, вопрос принципиальнейший, идеологический. Об этом стоит сказать прежде всего. Это — соль.

«Популизм» происходит от латинского populus — народ. Основные идеи популизма: **прямое участие народа** в управлении (прямая демократия), **недоверие** к представительным госинститутам, **критика бюрократии**, **коррупции**. Это в популизме главное. Если Россия провозгласила себя демократической страной и стремится к демократии, то законы страны должны писаться **для** народа, **с участием** народа. Закон об образовании — тем более, ибо он задевает интересы буквально **всех групп** общества, всего народа, а не какой-то отдельной группы.

Но если мы говорим о демократии для отвода глаз, если борьба с бюрократией и коррупцией — это имитация, тогда возникает вопрос: **«В интересах какой же группы пишется закон?»**

По мнению многих философов, политологов и социологов (я из их числа), в реальности (а не на словах) в России (вольно или невольно) устанавливается олигархический, плутократический, клептократический (выберите определение на свой вкус) капитализм, где ничтожно малое количество людей сосредоточило в своих руках основную массу богатств (не говорим, каким путем, — известно) и явно или скрыто влияет на управление страной. Эти люди (бизнесмены, медиамагнаты и т. п.) составляют «элиту» со своими **особыми** интересами.

«Железный закон олигархии» — принцип элит, впервые сформулированный Робертом Михельсом в 1911 г., состоит в том, что любая форма социальной организации независимо от ее первоначальной демократичности либо автократичности неизбежно **вырождается**

во власть немногих избранных — олигархию. Причинами существования этого закона Михельс считал объективную необходимость лидерства, стремление лидеров ставить во главу угла свои собственные интересы, доверие толпы к лидерам и общую пассивность масс. Понятно, что обеспечить «доверие толпы и общую пассивность масс» легче всего, если эти «толпа» и «масса», т. е. «народ», плохо образованы, отлучены от политики и законотворчества... Хочется верить, что А. А. Фурсенко в очередной раз оговорился, а то и вовсе не произносил ничего подобного... Новый закон об образовании, если он имеет целью сделать лучше жизнь народа России, а не его «элиты», **должен быть популистским**, т. е. народным в высшем смысле этого слова. А писать и обсуждать его должны **выдающиеся специалисты**, ощущающие себя неотрывной частью народа, и все, кто способен мыслить критически и конструктивно.

— *Неужели у Вас нет никаких положительных впечатлений об обсуждаемом законопроекте?..*

— Ну почему же. Просто их не так много, да и обсуждение никоим образом нельзя сводить к регистрации положительного.

Хорошо, что проект «похудел» на треть. (Но если существующий текст ужмется еще на треть, от этого закон только выиграет.) Исчезли многие очевидные несуразности, текст стал более логичным, грамотным. Думаю, этому способствовали и те замечания, которые были направлены в Минобрнауки РФ от имени Национального союза негосударственных вузов и Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области, где я президент. Наши замечания мы отправляли также в Совет Федерации, Госдуму.

Предусмотрено бессрочное лицензирование. Хорошо. (Но закон № 263 этот «позитив», мне кажется, заметно ущемляет). Обязательное наличие сайтов в Интернете у образовательных организаций — это тоже хорошо. Отлично урегулировано в проекте образование в области искусства. Вот бы весь закон написать в таком ключе! Можно и еще назвать несколько моментов, но нужно ли? Важнее все-таки сказать об изъянах.

Как я понимаю, **концепция законопроекта** осталась прежней, что и в первом варианте. В этой концепции (а мне, хоть и с трудом, но удалось раздобыть ее), на мой взгляд, были просто опасные идеи, и прежде всего идея **детальной регламентации всех видов и типов образовательных отношений, в том числе негосударственных вузов**. Тотальный контроль «сверху», тотальное запретительство: шаг влево или вправо — «расстрел»...

Вообще-то вначале надо бы обсудить концепцию законопроекта. Если этот вариант текста действительно (как мне кажется) построен на прежней концепции, то может получиться так, что обсуждение, ко-

торое сейчас ведется, станет своего рода ловушкой. Получается, что разработчики сократили объем текста первого варианта, сняли статьи и пункты, раздражающие профессиональный взгляд. В итоге законодатели примут вовсе не «интегративный», а **рамочный** закон. После этого Минобрнауки, Рособрнадзор и Правительство РФ понатворят массу указов, распоряжений, приказов и положений во исполнение этого закона с целью «детальной регламентации образовательных отношений всех видов». Хочется ошибиться, но если вдруг так и произойдет, то мы участвуем в своего рода всероссийской игре «втемную». По эффекту это будет что-то вроде «шоковой терапии» 90-х годов в экономике со всеми вытекающими последствиями.

Несколько раз мне встречались в прессе высказывания руководителей Минобрнауки РФ о том, что вопросами взяток в вузах министерство не занимается, что это дело правоохранительных органов. Так-то оно так, но, как учил Козьма Прутков, «зри в корень». Законы российские, в том числе образовательные (а они готовятся Министерством образования и науки), создают «правовую» основу коррупции тогда, когда нельзя даже то, что можно без сомнения, что полезно и выгодно человеку и обществу, но почему-то «детально регламентировано» (читай «запрещено»). Сам собой встает вопрос: как же быть? Ответ искать не долго — неси взятку.

Уже на стадии подготовки и нынешнего обсуждения закон должен бы пройти **экспертизу на коррупционность**. Интересно знать, это сделано или нет? Сомневаюсь, что была экспертиза. Мне не приходилось ни разу слышать, что такая работа прежде проводилась Думой или другими органами.

Или взять, например, статью 88 «Особенности возмещения ущерба, причиненного некачественным образованием». В пункте первом этой статьи говорится, что «образовательная организация обязана возместить ущерб, причиненный обучающемуся некачественным образованием». На мой взгляд, постановка этого вопроса абсурдна и провокационна. Вот это популизм в худшем смысле, когда предполагается, будто сложные проблемы можно решать простыми способами.

Проблема качества образования чрезвычайно многогранна и сложна, начиная с самого понятия «качество». Не хочу даже начинать рассуждение на эту тему: каждому посвященному человеку это хорошо известно. И вот вам одно из ее «радикальных» решений: проучившись, скажем, года три в вузе, студент вдруг заявляет, что учили его некачественно. Кто и как сможет это доказать? Но вуз, между тем, будет обязан по закону возвратить ему всю сумму оплаты обучения. А деньги-то на его обучение уже потрачены!

На мой взгляд, крайне наивное и (повторяюсь) провокационное положение проекта. Уверен, найдется немало, скажем так, не самых

добродетельных студентов, да и их родителей, которые в лихую минуту скажут: «А дай-ка рискну! А вдруг получится?» В стране, где уродуют и убивают почем зря, вернуть (да еще по закону!) несколько сот тысяч рублей — это ж так заманчиво! Не прошло?! А я и не хотел, зато попробовал на зуб «правовое государство»...

А в чем «ущерб»? Дурак и лодырь по природе, каким был, таким на всю жизнь и останется. Если человек хотя бы на лекции ходил, несколько книжек прочитал, уже хорошо: стал малость умнее. За это тоже надо платить. Его знания не соответствуют требованиям федеральных госстандартов (так простенько определяется «качество образования» в проекте)? Такое вполне возможно. Но ведь сейчас **внедряется «субъект-субъектная» модель образования** (взамен существующей «субъект-объектной»). Это значит, что вуз должен «давать», а студент обязан «брать» знания. И как определить: вуз недодал или студент недобрал? Никакой следователь и судья, клянусь, в этом вопросе толком разобраться не смогут никогда. Но суд, как правило, на стороне истца...

Вы можете представить, во что превратится наше «единое образовательное» и «единое правовое» пространства? Стране, где без суда и следствия весело прожигают жизнь сотни тысяч воров и жуликов, это надо? Суду и следствию нечем заниматься?..

Я считаю, что всю статью 88, целиком, надо снять из проекта. И предложить такую редакцию пункта 5 этой статьи: «В случае прекращения образовательной деятельности, лишения образовательной организации лицензии или аккредитации, а также истечения их срока действия заказчик вправе потребовать, а образовательная организация обязана возвратить уплаченные заказчиком деньги за вычетом средств, затраченных образовательной организацией за фактически оказанные образовательные услуги. Возврату подлежат авансовые платежи за непредоставленные услуги по реализации образовательной программы».

Что еще тревожит меня? **Монополизация образования и недобросовестная конкуренция со стороны госвузов.** Причем не всех, а группы так называемых «ведущих», федеральных и им подобных. Сегодня в Центральном федеральном округе сосредоточено 13 вузов, наделенных особым статусом (МГУ) плюс — особым финансированием. Я считаю ошибочными решения об «особых статусах», слиянии нескольких (по пять-семь) вузов в «крупные». Никто не может дать гарантии, что в огромном вузе качество образования станет выше, чем в небольшом. Вообще-то науковедами давно доказано, что оптимальным с точки зрения управления является вуз численностью в 5–6 тыс. студентов.

Скажем, МГУ им. М. В. Ломоносова собирается увеличить количество студентов с нынешних 30 тыс. студентов до 100 тыс. Это значит, что он поглотит большинство (если не всех) выпускников Москвы

и Московской области, да и части регионов. Но как управлять 100-тысячным вузом и давать при этом образование высокого качества? Тот же вопрос и по поводу девяти федеральных университетов. Конечно, на все вопросы ответит время, но я думаю, что огромные средства и усилия будут потрачены зря. Между тем в проекте закона говорится **о недопущении монополий и недобросовестной конкуренции** в сфере образования. Но все вышесказанное — разве это не монополизация? Если вузу дают несколько миллиардов (даже миллионов) рублей для «повышения конкурентоспособности» — разве это «добросовестная» конкуренция с вузами, которым никаких дополнительных денег не дают? Тем более с теми же негосударственными вузами, которые не имеют от государства ни копейки? Но часть которых ничем не хуже многих государственных?

Как человек законопослушный, я следовал и буду следовать предписаниям закона: «закон плох, но это закон».

Однако по-прежнему считаю, что тотальная «егэизация», а теперь «бакалавризация» российского образования принесет гораздо больше вреда, чем пользы.

Убежден, что в России должно существовать **начальное профессиональное образование**, что нет никакой надобности рушить веками сложившиеся виды образовательных учреждений (институт, **академия**, университет), наделять колледж статусом высшего учебного заведения, а академии унижать до уровня курсов переподготовки кадров. И не только потому, что это огромная организационная работа, требующая энергии и немалых финансовых затрат. Аргументы типа «надо вписаться в...» мне кажутся наивными. Погодите, господа, быть может, скоро захочется «выписаться»...

Надо бы вернуться к социальным льготам для образовательных учреждений, в том числе негосударственных (налоги, тарифы, земельные участки).

Надо бы, наконец, до конца определиться с вопросом о том, есть в России **рынок образовательных услуг** или существует «ни то ни се». Например, в статье 1 говорится, что «образовательные услуги» — это «услуги по организации и осуществлению образовательного процесса (обучения)... **если они не завершаются выдачей документа**, дающего право на продолжение образования на следующем уровне и занятие профессиональной деятельностью». Из текста следует, что никак не может называться образовательной услугой предоставление среднего, профессионального или высшего образования, поскольку они, как известно, **«завершаются выдачей документа»** и дают **«право на продолжение образования»**.

Однако далее, в статье 82 проекта (пункт 1), сказано: «...образовательные организации **вправе** осуществлять платную образовательную

деятельность (платные образовательные услуги). Платные образовательные услуги представляют собой осуществление образовательной деятельности по заданию и за счет физического или юридического лица». Нестыковка.

Мне вообще не по душе метод, которым проводится трансформация образования в России — все «продавливается» сверху и силой, чаще всего вопреки мнению образовательного и научного сообществ. Можно подумать, будто там, «наверху», клуб демиургов, наделенных божественным разумом, а внизу — плебеи, бездумная масса, не способная ни наблюдать, ни объяснять, ни интерпретировать, ни анализировать, ни оценивать, ни обобщать и синтезировать, делать выводы и прогнозы — понимать происходящее. Будто и не существует сотен тысяч академиков, докторов наук и профессоров, всю жизнь отдавших образованию и науке, совершивших миллионы открытий и изобретений, в том числе создавших великолепные системы отечественного образования и науки, конечно же, как и все вокруг существующее, требующие модернизации. Но не слома, не разрушения, не уничтожения. Все работы должны вестись на ходу, как на идущем по бушующему океану корабле, и той командой, которая знает свое судно до последнего винтика. Это — образ, отражающий действительность: задачи науке и образованию (за редким исключением) **должны ставить сами ученые, сами педагоги** с участием (подчеркиваю это) политиков, а не наоборот. А тут профессиональное сообщество оказалось и вовсе в стороне. Фундаментальная ошибка. Думать, будто систему отечественного образования можно по-школьному списать у соседа — еще одна фундаментальная ошибка. Это другое, это чужое отечество с чужими ценностями и чужим духом. А мы-то русские, ну — россияне...

— Вы представляете негосударственный (или, как говорится в проекте) частный сектор высшего образования. В какой мере отражены его интересы в законе?

— Лучше, чем в первом варианте законопроекта. Однако Национальный союз негосударственных вузов, Союз негосударственных вузов Москвы и Московской области вновь подготовили несколько, на мой взгляд, совершенно необходимых и приемлемых поправок и дополнений, которые позволят избежать двусмысленного толкования закона. Они помещены на сайте Министерства образования и науки РФ. Но в целом, безусловно, проект подготовлен под нужды и интересы государственных и муниципальных вузов. Заметно, что разработчики плохо представляют специфику негосударственного образования. В прежнем составе комиссии (я знаю его) не было ни одного представителя этого сектора. Видимо, и в нынешнем тоже нет.

— Есть ключевые пункты, где государственное образование расходится с частным: это вопросы прав собственности, имущества, земельных участков, порядка принятия устава, управления вузом, финансово-хозяйственной деятельности и т. п. Как они решены в законопроекте, Ваши предложения по этому поводу?

— Есть парадоксальные неточности. Вот, например, пункт 6 статьи 27 гласит: «Устав профессиональной образовательной организации и образовательной организации высшего образования (изменения устава и дополнения к нему) принимается общим собранием (конференцией) педагогических работников, научных работников, а также представителей других категорий работников и обучающихся этой организации». Не хочу говорить о том, насколько это правильно для госвузов, где есть один учредитель — Правительство РФ.

Но негосударственный (частный) вуз создается учредителями, которые и разрабатывают устав. В этот момент никаких педагогических, научных и других сотрудников в нем еще нет и быть не может. Сначала надо зарегистрировать устав, а потом набирать работников. О каком общем собрании или конференции может идти речь?.. Но вот вуз создан. Вносить изменения и дополнения в устав общее собрание (или конференция) в принципе теперь вроде могут? В данном случае — нет. Ведь это **частный** вуз. Учредители на свои средства приобрели (или арендовали) помещения, закупили оборудование и все необходимое для образовательного процесса, назначили ректора, который нанял на работу преподавателей и сотрудников, среди которых около половины, как правило, являются внештатными. И вот вдруг собирается общее собрание и, допустим, приходит к выводу, что им не нравится ректор, и еще какие-то положения устава. Решают: ректора заменить, внести такие-то и такие-то дополнения и изменения в устав. С какой стати? Ректор назначен (или избран) учредителями. Более того, ректор сам зачастую является одним из учредителей, а иногда — в единственном числе. Нужно ли комментировать такую ситуацию? Нонсенс! Как с экономической, так и правовой точки зрения: **всю полноту ответственности** за состояние дел и результаты деятельности в негосударственном (частном) вузе несут учредители и ректор. Иначе и быть не может. Общее собрание ни за что ни перед кем не отвечает. Как же это так — высшие права без каких-либо обязанностей и ответственности? Интересы педагогического состава и других работников и студентов в частном вузе выражают различные коллегиальные органы, в частности, ученый совет, студенческий совет.

Поэтому, пункт 6 статьи 27 следует изложить в следующей редакции: «Во вновь создаваемой **государственной или муниципальной** образовательной организации ее устав разрабатывается и утверждается учредителем. При изменении, дополнении в устав или принятии его

новой редакции решение об их внесении принимает общее собрание (конференция) педагогических и научных работников, а также других категорий сотрудников и обучающихся этой организации.

Устав частной образовательной организации разрабатывают и утверждают ее учредители».

В той же логике надо рассматривать и **вопросы управления** негосударственным вузом. Однако в проекте и тут допущены существенные неточности.

В статье 28 (пункт 1) говорится: «Управление образовательной организацией осуществляется в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации с учетом особенностей, установленных настоящим Федеральным законом, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Порядок управления образовательной организации определяется ее уставом».

Вроде бы все ничего. Но посмотрим, что это за «особенности, установленные настоящим Федеральным законом» (о каких «иных» нормативных правовых актах РФ идет речь — полная тьма). Вот статья 116, которая так и называется «Особенности управления организациями высшего образования».

Читаем пункт 2: «К органам самоуправления образовательной организации высшего образования относятся следующие выборные коллегиальные органы: общее собрание (конференция) и ученый совет. Иные коллегиальные органы формируются в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, настоящим Федеральным законом и уставом образовательной организации высшего образования.

Полномочия, порядок выборов и деятельности общего собрания (конференции) и ученого совета определяются уставом образовательной организации высшего образования».

Но общее собрание не является «органом», тем более «выборным». (Это, видимо, редакционная оплошность). Если речь в этой статье идет только о государственных и муниципальных вузах, то, в конце концов, пусть все будет так, как хотят разработчики. Если же имеются в виду и негосударственные (частные) вузы, то это еще один нонсенс. Логические аргументы «против» я привел выше. Считаю, что в пункт 2 статьи 116 надо **добавить** следующий текст: «В частных организациях высшего образования высшим органом является собрание учредителей. Руководство частной образовательной организацией осуществляют непосредственно ее учредители (учредитель) или по их поручению формируемый попечительский совет. Правомочия руководящих органов, схема внутреннего управления, правомочия руководителей — ректора и президента такого юридического лица, их права и обязанности определяются его учредителями (учредителем) в со-

ответствии с гражданским законодательством РФ и фиксируются в уставе частной образовательной организации. Органами ее самоуправления являются ученый совет, студенческий совет и др».

— А что Вы скажете об организации обсуждения законопроекта?

— В общем-то, он не устраивает меня. Очень много имитационности. Почему предложено обсуждать текст только в Интернете? А телевидение? А газеты, журналы? Речь не о «заметульках», которые изредка появляются в отдельных, в основном малотиражных профессиональных изданиях; речь не о телешоу, от которых, обычно, остается лишь осадок раздражения. Не надо показухи! Опубликуйте состав разработчиков и скажите, за какие такие достижения и заслуги в образовании они попали туда? Опубликуйте концепцию закона, покажите хотя бы основные новые идеи, которые изменят российское образование (на взгляд разработчиков от государства) в лучшую сторону. Создайте комиссию, состоящую из представителей гражданского общества, обеспечьте им доступ к СМИ. Дайте возможность последовательно — главу за главой — обсудить оппонентам в широком формате. И давайте не будем торопиться! Болонский процесс? Ах, как страшно, если европейские коллеги сделают нам замечание!.. Между прочим, сами-то они никуда не спешат, берегут свои национальные системы...

У меня есть опыт написания и организации обсуждения всего одного закона. Но какого! Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР», который был принят в апреле 1991 г. Верховным Советом СССР. Я был автором идеи, научным руководителем, соавтором написания законопроекта и организатором обсуждения. Ничего похожего на то, что происходит сейчас с подготовкой и обсуждением Закона «Об образовании». Единственное сходство с нынешней ситуацией — наличие комиссии, в состав которой входили многие представители едва ли не всех министерств и ведомств СССР. Но поименный состав этой комиссии был опубликован в газетах.

Однако хорошо известно, что заместители министров, начальники управлений и прочие чиновники (как в прошлом, так и ныне) сами законов не пишут. Для этого существует специальная группа профессионалов. И такая группа из десятка человек существовала — Временный молодежный творческий коллектив при Научно-исследовательском центре при Институте молодежи, директором которого (Центра) я работал. Кто готовит текст законопроекта, было известно всей стране. Мы выступали в десятках газет, журналов, проводили в открытом эфире много (двух-трех) часовые теле- и радиодискуссии, сотни раз выступали в коллективах. И знали точно, за какие идеи мы боремся. Потому что имели краткую, но ясную концепцию закона, в которой были изложены эти идеи, основные понятия и определения. Это

чрезвычайно важно! **Если идею нельзя изложить в несколько строк, значит идеи нет.**

В подготовке текста этого закона приняли участие многие сотни маститых ученых: философов, социологов, историков, юристов, психологов, сотни молодых талантливых студентов, аспирантов и ученых из разных городов Союза, среди которых назову Джахан Поллыеву, тогда завотделом Научно-исследовательского центра, а ныне помощника Президента РФ; Михаила Барщевского, ныне представителя Президента РФ в Госдуме и Конституционном суде РФ и... Дмитрия Медведева — тогда аспиранта Ленинградского госуниверситета, а ныне — Президента России.

Обсуждение — публичное (официально) и в комитетах Верховного Совета РФ — продолжалось более трех лет, вернее, все четыре с половиной года, за которые закон прошел путь от идеи до ее текстуально вычищенного, «вылизанного» воплощения.

Все понимали: закон о молодежи — это вопрос будущего страны.

Почему не понять сегодня, что закон об образовании — это тоже закон о новых поколениях, о будущем России?

Тогда шла жесткая борьба с аппаратчиками ЦК КПСС, ЦК комсомола, оппонентами из научных кругов.

Тогда ошиблись в том, что слишком затянули с принятием этого закона. Теперь ошибка в том, что слишком торопимся...

— *Каково же Ваше окончательное мнение?*

— Во-первых, не вносить законопроект в Думу 1 февраля. Во-вторых, продолжить его обсуждение, а лучше всего, перенести этот вопрос на время после думских и президентских выборов. За это время отрабатывать, шлифовать текст. Давайте помнить, что «новое — не значит лучшее»; что «лучшее — враг хорошего».

Вузовский вестник. 2011. № 2

ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ
(послесловие)

В 1991 г. власть в России захватили люди «без царя в голове». Решающую роль в дальнейшем развитии событий сыграл «внешний фактор», интеллектуальная и идеологическая интервенция Запада, и прежде всего США. Сейчас не важны имена, фамилии и должности интервентов, они почти все, думаю, известны... Революция произошла не «вдруг», она готовилась долгие годы. И это тоже сегодня не надо доказывать.

Политическая власть и экономика России оказались в руках людей, в абсолютном большинстве своем не обремененных глубокими знаниями, жизненным и управленческом опытом, но одинаково алчущих власти и богатств. Появились новые лидеры, новая элита, хотя к разряду «лучших людей» подавляющее большинство этой «элиты» никак не отнесешь... Вот уже двадцать лет формируются новые общественные, в том числе производственные (рыночные), отношения... «Реформируется» образование, призванное создать новый социальный тип человека, новые ценности и новое сознание, новые символы, новую культуру, новую философию жизни. Одним словом — «новую» Россию.

Но ничего толкового у революционеров не выходит.

Революция — это прорыв в развитии. Но куда «прорвалась» Россия? В небывалую нищету и бедность более восьмидесяти процентов населения! В деиндустриализацию, технологическую и продовольственную зависимость от Запада, в коррупцию, терроризм, преступность... Обессилена до предела и обесславлена армия... Нет нужды перечислять все «заслуги» строителей «новой» России. Разрыв между властью и народом огромен, недоверие к государственным мужам и чиновникам растет, «элиту» и «олигархов» массы ненавидят.

Итог революции 1991 г. на сегодняшний день — не прорыв в будущее, а откат на десятилетия назад и еще большее отставание от «развитых» стран. Все попытки «новой» России «задружить» с Западом в конце концов обречены на провал. И не только потому, что Запад

исторически не любит, а точнее сказать, презирает Россию. Запад сам уже давно находится на краю пропасти. Достаточно вспомнить «Повестку на XXI век», подписанную в 1992 г. в Рио-де-Жанейро, истерические признания президента Франции на открытии Давосского экономического форума в 2010 г. («...Все, что мы творим, — шизофрения... Мы на краю пропасти!.. Да, все мы — шизофреники!»).

Ах, какой же это спасительный шаг для России — стать другом, а может, и союзником по НАТО, когда идеология либерализма и идеология рыночного фундаментализма исчерпали себя и, обессиленные, выживают, паразитируя на «телах» уничтожаемых государств с помощью разного рода и цвета революций — розовых, оранжевых, тюльпановых... Теперь вот революции тунисская, египетская, ливийская...

Но кто сказал, что сам Запад и их водитель — США застрахованы от революций? Не только политических, либеральных, но и социалистических или вроде? Реальный социализм уничтожен. Но идея социальной справедливости вечна. И там, где растут противоречия и проблемы, там неизбежно накапливается взрывоопасный и горючий материал.

Лидеры России не раз заявляли, что наша страна исчерпала лимит на революции. Увы. Не существует такого лимита. И никто не может его установить. Единственная гарантия от революционных потрясений — благополучие населения и чувство справедливости происходящего в странах. При отсутствии того и другого, хотите того или нет, в народе копится гнев. В итоге — митинги и демонстрации, раньше или позже — бунт, революция.

Конечно, если резко повысить зарплату полицейским и армейским офицерам, кое-кто из них станет лояльней к власти. Социальную напряженность можно регулировать с помощью разного рода подачек народу. Но не надо переоценивать возможности управления эмоциями и манипулирования сознанием людей. Главный двигатель революции — стихия. Этому учит вся история человечества. Революция — не случай, а способ бытия человечества. Революции свершались тысячелетие назад, свершаются ныне и будут свершаться всегда и всюду, где экономическое и духовное насилие переходит пределы терпимости человека, где появляются личности, способные выразить чаяния и интересы масс.

Нынешняя Россия не приговорена к революции. Если «наверху» сумеют вовремя найти решения, адекватные существующим проблемам, то нам вовсе не нужен «российский консерватизм», провозглашенный «Единой Россией» в качестве спасительной идеи от развала страны и для достижения желанной «стабильности». Стабильности — чего? Бедности и нищеты — на одном полюсе и безумных, наворован-

ных богатств — на другом? Этот вопиющий антагонизм невозможно «стабилизировать». Чтобы предотвратить революционные волнения, нужны решительные меры «сверху». Какие? Сейчас речь не об этом.

Нынешняя Россия не застрахована от новых революционных потрясений, если все будет и далее происходить так, как происходило при Ельцине, а во многом продолжается и ныне.

* * *

С первых дней строительства «новой» России и по сей день во весь рост стоит вопрос самоидентификации: «Что такое — Россия?», «Откуда “мы”?», «Куда движемся?», «Кто мы — русские?», «Кто есть я — житель и гражданин России?», «Зачем живу?..» Двадцать лет прошло. Ответа нет. А это, между тем, главные вопросы, от которых зависит будущее страны. Будущее не безмерно отдаленное, а ближайшее.

Нынешняя («новая») Россия, если судить формально, представляет собой (вроде бы) в основном уже сложившуюся Систему со всеми присущими этому понятию атрибутами. На самом деле — это во многом бесформенный конгломерат организационных структур и физических лиц, пребывающих в состоянии Хаоса и Абсурда, несущихся в социальном пространстве без руля и ветрил в Никуда. Объявляется о все новых планах, программах, доктринах, стратегиях, реформах, модернизациях, а бедность и нищета нарастают, а деньги и мозги «убегают» из России, а ее земли, недра и предприятия скупаются иностранными «инвесторами». И все больше молодых людей не хотят заводить семьи, рожать детей, мечтают уехать из России и жить за рубежом.

Еще раз: главная причина этих явлений — все в тех же вопросах, поставленных выше, и неспособности власти и общества дать на них вразумительные ответы.

От сознания верхов, новорусских и новороссийских богатеев, которые повинны в сложившейся ситуации в первую голову, ускользают некоторые существенные вопросы философского толка. С нефтью, инфляцией и газом, индексацией, инвестициями, котировками валюты и прочими экономическими и финансовыми проблемами эти вопросы напрямую («как бы») не связаны, но «в конце концов» ведут к митингам, демонстрациям, терроризму, войнам, свержению правительств, революциям, к развалу целых стран и цивилизаций...

О чем это я? Да опять все о том же: о самоидентификации (самоопределении) народов, наций, стран. И отдельных индивидов. Последнее в этом сложном процессе — самое главное. «Все прогрессы реакционны, если рушится человек» (А. Вознесенский).

Появляясь на белый свет, человеческое существо не приносит с собой представления о том, *кто* и *что* он есть. Не дарованы ему от рож-

дения и отношения с другими человеческими особями, без которых (отношений) множество не может быть связано в единую общность, где люди, живя каждый для себя, живут еще друг для друга. Только в ходе совместного бытия приходит осознание собственного «я», «других», рождается чувство «мы».

И если ты строишь «новую» Россию, то надо бы делать все для того, чтобы люди поскорее добровольно и с радостью объединялись в единую общность. Но — на основе высокой идеи, а не ради какой-то корысти. А что мы видим вокруг? Сплошь бутафорные структуры: ветер дунет — и рассыплются. Могучей объединительной идеи в России нет. «Единая Россия» — не идея. Для кого и зачем «единая», *что* она хочет «законсервировать», понятно всем...

Человек приходит в готовый мир, мир многотысячелетней истории — своей страны и человечества. Смысл жизни человека — созидать, а не крушить все и вся. Слому подлежит лишь изжившее себя, мешающее развитию. Для этого человек должен знать и понимать историю во всей ее многосложности и противоречивости, сознавая, что это — «твое», «наше», а значит, «тебе» и «нам» продолжать дела предков.

Иного не дано. Без позитивного усвоения прошлого, без преемственности в истории невозможно развитие ни общества, ни человека. Прошлое — это жизненная опора. Из истории исходит чувство гордости, уверенности и стабильности в человеческой душе, укорененности во времени: уйдешь ты, придут новые поколения, они не забудут тебя, продолжат твои дела, а значит, жизнь прожита не зря. Без истории человек не намного больше, чем просто ничто.

У строителей «новой» России отсутствует «философский глаз», все их тело утыкано «глазами» экономическими и финансовыми. Всюду и во всем им мерещатся деньги, деньги, деньги, а история, а прошлое — абстракции.

История снова, как было в начале становления советской власти, это «политика, опрокинутая в прошлое». Бездумному уничтожению ныне подлежит прежде всего советское прошлое. И это объяснимо: социализм есть политический враг либерализма, тем более если во главе новой идеологии и новой системы агитпропа изначально стояли и остаются фанатики и рыночные фундаменталисты. Советское прошлое, разумеется, совсем небезупречное, опошлено до безобразия. В основном цель свою новоделы достигли: молодые люди морщат лицо и отмахиваются руками при словах «коммунизм», «социализм», «КПСС», «комсомол», «советский человек» и им подобным. Семьдесят пять лет российской истории вырублены из памяти, наполнены ложью и мифами. Молодой человек из обычной семьи, начинающий свою жизнь, в обозримом прошлом лишен исторических корней.

Найти их во тьме веков могут только единицы царского, княжеских да некоторых дворянских родов...

Россия поставлена перед выбором: либо она обретет внятные и высокие цели, свои собственные (в том числе и «общечеловеческие») святыни и главные смыслы существования, тем самым придаст их и каждому ответственному гражданину, наполнит этими смыслами отношения между организациями, отдельными личностями; либо она расколется на части, рассыплется на десятки, а то и сотни народов и народиков, стран и страночек, а с этим канет в Лету как великая держава, которой она так недавно была.

* * *

За годы «реформ» на Советский Союз и советскую власть вылито неимоверное количество грязи. Ради чего? Чтобы омертвить, убить Прошлое. Как это сделать? Именно так: испоганить. В этой своей работе «реформаторы» с помощью западных политтехнологов, психологов, социологов и других специалистов в области управления поведением человека, которые уже многие десятки лет трудятся в сотнях закрытых лабораторий, в основном уже добились немалого. Выросшие в ельцинские и последующие времена, обученные по соросовским учебникам, молодые люди в массе своей утратили привязанность к ближайшему, советскому Прошлому. А когда уйдут из жизни живые носители этого Прошлого, их родители и родственники, многие из которых захватили своей жизнью лишь часть Прошедшего и сегодня хоть как-то воздействуют на становящееся сознание своих детей, подростков, те окажутся и вовсе «свободными» в своем выборе — кем быть? каким быть? куда лететь? зачем жить? Утратят подлинное понятие о своей нации, своем народе, подлинной России и о самих себе. Свободный полет! Какая прелесть! Я — ничей, я — сам по себе!..

А все-таки... Каждый человек рано или поздно встает перед вопросами: кто я? откуда я? Самоопределение — неизбежный жизненный акт.

Но что представляет собой этот акт? Нечто похожее на акт творения Всевышним мира из Хаоса, а человека — из праха земного? Допустим. Тогда ты, творящий самого себя, подобен Богу? Допустим недопустимое. Но где подручный материал — Хаос и прах земной? А это и есть то, что окружает тебя, это — Прошлое, некогда бывшее Будущим и Настоящим.

И ты, определяющий свое «я», не представляешь собой чего-то такого, чего раньше не было. Хочешь ты того или нет, но чтобы создать самого себя (самоопределиться), нужно иметь под рукой некий исходный материал, образ, шаблон, соотнести с ними свои представле-

ния о самом себе и выбрать, а лучше сказать — насобирать из разных существующих и прежде существовавших образов и идей человека таких добродетелей и ценностей, которые подходят тебе.

Итак: самоопределение — это **работа выбора**, а **не открытие** нового, **не изобретение**. Здесь больше подражания, чем творчества. Сотворение самого себя — это акт, предзаданный Прошлым. Основной выбор сделан Человечеством уже до тебя. Самоопределение (сотворение самого себя), а вместе с тем заявления о создании «нового человека», «юной нации» (вот уж воистину галиматья!), произносимые ныне с таким пафосом, есть не более чем незначительные вариации Прошлого, т. е. уже готового «я» бывшего, «старого человека». Грандиозный проект по созданию Человека давно завершен, и новые поколения лишь «модернизируют» его бесконечными «новациями», не привнося в Сущность ничего лучшего, но то и дело уродуя доброе, хорошее старое основание.

Поиск своего «я» всегда привязан к Настоящему, ибо только в Настоящем мы и существуем. Но Прошлое, от которого кому-то так хочется отказаться, привязано к Настоящему намертво, вросло в него и неотрывно. И даже обрубить его — напрасная затея, осуществить которую можно только на время. Ведь человеку свойственно помнить, и ценит он превыше всего — Память. Провожая человека в последний путь, поем: «Ве-ечная па-а-мять!..»

А Вечности неведомо Настоящее, Прошлое, Будущее. Вечность состоит из мгновений, которыми и являются эти три модуса Времени. Взятое в бесконечной длительности, оно, Время, и есть Вечность. А Вечная память, если мечтать о ней, покоится в Прошлом — в далеком и близком.

Когда старшие советуют молодежи торопиться жить «здесь и сейчас», когда кто-то из молодых с радостью принимает эту формулу жизни, тем и другим надо бы знать и понимать, в каких сложнейших взаимосвязях находятся Прошлое, Настоящее и Будущее, которые, вместе взятые, представляют собой **длительность**, являются **условностями**, придуманными людьми для удобства понимания истории и своего местоположения в ней.

«Здесь и сейчас», если говорить о чувственном восприятии времени, — это «текущий момент». Ученые доказали: мы можем слышать этот «момент» своими ушами. Слуховое Настоящее время длится около трех секунд! Это — миг, мелькание Вечности, которую Платон и называл Настоящим. Понятно, что речь идет не о таком Настоящем, не о мгновении, не о «миге между прошлым и будущим», который, как поется в одной из песен, и «называется жизнь».

Аристотель ввел особую единицу времени, условно обозначенную им **«теперь»**, — как границу между Прошедшим и Будущим. Настоящее —

это **интервал** между **двумя «теперь»**, одно из которых связано с Прошедшим (память, воспоминания), другое «теперь» принадлежит Будущему, которое мы воспринимаем как мечты, чаяния, упование, надежду.

Но сколько длится каждое «теперь»? Ведь эпоха так называемого исторического времени охватывает приблизительно 6 тыс. лет; предысторического — несколько сот тысячелетий; геологического — несколько миллиардов; космическое время — бесконечно. Если допустить, что человек существует на Земле около 550 тыс. лет, и положить эти 550 тыс. равными одному двадцатичетырехчасовому дню, то тогда 6 тыс. лет исторического времени — «мировая история» — составляет **всего-навсего 16 последних минут жизни в течение этого дня** (Философский энциклопедический словарь. ИНФАА. М., 2006. С. 77). Как определиться с нынешним «теперь» новейшей российской истории в этом случае?

На дворе 2011 г. от Рождества Христова; России почти вдвое меньше, более 1000 лет. Как определить «теперь» для ее Прошлого? В каком месте (столетии, десятилетии) нам возможно обрубить его? Где заканчивается живая память о «ближайшем» Прошлом?

Можно подумать, например, что для меня, Ильинского Игоря Михайловича, «теперь» начинается с 1936 г., когда я родился. Да нет же, я помню улицы Ленинграда и дома, построенные за сотни лет до моего рождения; я знал свою маму и своего отца, своих бабушек и тетушек, родившихся в конце XIX и начале XX в. Я дожил до конца XX в. и вот уже более десяти лет живу в XXI в. Это — мое «теперь», приписанное к Прошлому.

И в то же время — мое Настоящее, из которого Прошлое не извлечь иначе, как размозжив мою голову. И я еще жив, планирую кое-что сделать, а значит — пожить... У меня есть «теперь», связанное с Будущим.

Кто-то скажет: «Это все философия, абстракции, пустые рассуждения». Да, это философия. Философия, рожденная жизнью, философия, без которой настоящей, осмысленной жизни быть не может.

И все-таки я, вероятно, не стал бы писать этих слов, если бы 31 марта 2011 г. Президентский совет по правам человека не предложил Президенту России Д. А. Медведеву отчаянный документ «Об увековечении памяти жертв тоталитарного режима и о национальном примирении». Документ корявый и глупый, свидетельствующий об одном — о ненависти и злобе его авторов ко всему, что связано с советским прошлым. А по-моему, и к России, к народу российскому, особенно — русскому. Тут и десталинизация, и «дистанцирование современной (?) России от СССР», и вынос тела Ленина из Мавзолея, и построение в каждом городе и районе памятников жертвам репрессий. Принять его — значит начать в России «охоту на ведьм».

Но в вечной памяти остается то, что продолжает влиять на «здесь и сейчас», на «теперь» Настоящего, а может, и на «теперь» Будущего, что требует своего продолжения и восстановления при каждой новой смене поколений и исторических эпох...

Нет, братцы, не удастся вам переписать историю. Россия останется Россией со всеми ее бедами и великими победами. И только тогда она — Россия, и только тогда у нас есть подлинная, а не кастрированная история.

И. Ильинский,
17 апреля 2011 г.

Приложение

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ И. М. ИЛЬИНСКОГО

(Книги, статьи, интервью, выступления
1991–2011 годов)

2011

1. Высшее образование для XXI века : VII Междунар. науч. конф. Москва, Моск. гуманит. ун-т, 18–20 ноября 2010 г. : докл. и материалы круглого стола «Негосударственные вузы в условиях изменяющейся России» / под общ. ред. И. М. Ильинского. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. — 296 с.

2. Ильинский, И. М. Куда идет отечественное образование // Знание. Понимание. Умение. — 2011. — № 1. — С. 4–13.

3. Ильинский, И. М. Кредо : Стихи. Песни. Проза. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. — 384 с.

4. Ильинский, И. М. Закон об образовании: *что* и *как* обсуждать // Вузовский вестник. — 2011. — Янв. (№ 2). — С. 10–11.

5. Ильинский, И. М. Белая правда Бунина : (Заметки о бунинской публицистике) // Наш современник. — 2011. — № 3. — С. 232–249.

6. Ильинский, И. М. Юбилей закона о молодежной политике // Наша молодежь. — 2011. — № 4 (22).

2010

7. Ильинский, И. М. Играющий триумвират: образование, политика, право. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. — 134 с.

8. Ильинский, И. М. Это наша Победа. Точка : Выступление на митинге преподавателей, сотрудников и студентов Моск. гуманит. ун-та, посвящ. 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне, 29 апреля 2010 г. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. — 26 с.

9. Ильинский, И. М. О развитии Московского гуманитарного университета в условиях обостряющегося кризиса : доклад на август. совещании управленч. персонала Моск. гуманит. ун-та, 30 авг. 2010 г. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. — 63 с.

10. Высшее образование для XXI века : VII Междунар. науч. конф. Москва, Моск. гуманит. ун-т, 18–20 ноября 2010 г. : докл. и материалы : в 2 ч. / под общ. ред. И. М. Ильинского. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. — Ч. I. — 420 с. ; Ч. II. — 444 с.

11. Русский интеллектуальный клуб : стеногр. заседаний и другие материалы. Кн. 7 / под науч. ред. И. М. Ильинского. — М. : Социум, 2010. — 208 с.

12. Ильинский, И. М. Куда идет отечественное образование // Высшее образование для XXI века : VII Междунар. науч. конф. Москва, Моск. гуманит. ун-т, 18–20 ноября 2010 г. : докл. и материалы. Ч. I / под общ. ред. И. М. Ильинского. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. — С. 5–20.

13. Ильинский, И. М. Образование в целях оглупления // Знание. Понимание. Умение. — 2010. — № 1. — С. 3–30.

14. Ильинский, И. М. Это наша Победа. Точка // Знание. Понимание. Умение. — 2010. — № 2. — С. 3–14.

15. Ильинский, И. М. Противоречия литературных процессов в России // Знание. Понимание. Умение. — 2010. — № 2. — С. 15–17.

16. Ильинский, И. М. Куда идем, родимое образование?.. : (беглые заметки по поводу законопроекта «Об образовании в Российской Федерации») // Знание. Понимание. Умение. — 2010. — № 3. — С. 3–26.

17. Ильинский, И. М. О ситуации, некоторых прогнозах и стратегиях развития негосударственного высшего профессионального образования в России в связи с демографической ямой // Знание. Понимание. Умение. — 2010. — № 4. — С. 4–15.

18. Ильинский, И. М. Выступление на заседании Экспертного Совета Комитета по образованию и науке Совета Федерации Российской Федерации, 9 июня 2010 года. URL: http://www.ilinskiy.ru/publications/stat/lawsf-100609.php

2009

19. Ильинский, И. М. О Бунине : статьи, интервью, выступления. — М. : Изд-во МосГУ, 2009. — 94 с. : фото.

20. Ильинский, И. М. Образование, Молодежь, Человек : (статьи, интервью, выступления) : Кн. 2. — М. : Изд-во МосГУ, 2009. — 530 с.

21. Закон о молодежи : докл. и материалы по истории становления гос. молодежной политики в России / сост. и авт. вступ. ст. И. М. Иль-

инский, Вал. А. Луков ; Моск. гуманит. ун-т. — М. : Изд-во МосГУ, 2008. Т. 1. — 2008. — 543 с. Т. 2. — 2008. — 547 с.

22. Ильинский, И. М. Беседы об истории Московского гуманитарного университета. — М. : Изд-во МосГУ, 2009. — 328 с.

23. Ильинский, И. М. Путь к успеху: Кн. 2. — М. : Изд-во МосГУ, 2009. — 168 с.

24. Русский интеллектуальный клуб : стенограммы заседаний и другие материалы. Кн. 6 / под науч. ред. И. М. Ильинского. — М. : Социум, 2009. — 180 с.

25. Высшее образование для XXI века : VI международная научная конференция, Москва, 19–21 ноября 2009 г. : доклады и материалы : в 2 ч. / под общ. ред. И. М. Ильинского. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. — Ч. 1. — 320 с. : Ч. 2. — 320 с.

26. Ильинский, И. М. У каждого — своя правда: из вступительного слова на пятой Торжественной церемонии вручения Бунинской премии // Вузовский вестник. — 2009. — № 21. — С. 4.

27. Ильинский, И. М. Еще раз о ЕГЭ / И. М. Ильинский, С. И. Плаксий // Высшая школа XXI века. — 2009. — №11. — С. 76–79.

28. Ильинский, И. М. Вступительное слово [на V Междунар. науч. конф. «Высшее образование для XXI века». Москва, Моск. гуманит. ун-т, 13–15 ноябр. 2008 г.] // Знание. Понимание. Умение. — 2009. — № 1. — С. 5–9.

29. Ильинский, И. М. Зачем вспоминать о войне? // Знание. Понимание. Умение. — 2009. — № 2. — С. 5–10.

30. Ильинский, И. М. О российской нации // Знание. Понимание. Умение. — 2009. — № 3. — С. 5–16.

31. Ильинский, И. М. Белая правда Бунина : (Заметки о бунинской публицистике) // Знание. Понимание. Умение. — 2009. — № 4. — С. 5–26.

32. Ильинский, И. М. Любить — значит действовать [беседа гл. ред. журн. «Студенчество. Диалоги о воспитании» Вл. Портнова с ректором Моск. гуманит. ун-та И. М. Ильинским] // Студенчество. Диалоги о воспитании. — 2009. — № 4. — С. 1–3.

33. Ильинский, И. М. Молодежная политика: уроки недавнего прошлого / И. М. Ильинский, Вал. А. Луков // Высшая школа XXI века. — 2009. — № 11. — С. 100–105.

34. Ильинский, И. М. Государственная молодежная политика: уроки недавнего прошлого [Интервью с Игорем Ильинским и Валерием Луковым] // Вузовский вестник. — 2009. — № 3 (75). — С. 13–15.

35. Ильинский, И. М. О критериях эффективности молодежной политики // Наша молодежь. — 2009. — № 1. — С. 5–7.

2008

36. Ильинский, И. М. Корни и Крылья : Повествование о родословной. — М. : Восход, 2008. — 272 с.

37. Ильинский, И. М. Мой комсомол (избранные статьи и очерки). — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. — 396 с.

38. Ильинский, И. М. Об итогах государственной аккредитации Московского гуманитарного университета и задачах его дальнейшего развития : докл. на август. совещ. управлен. персонала ун-та 20 авг. 2008 г. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. — 37 с.

39. Высшее образование для XXI века : IV международная научная конференция. 18–20 октября 2007 г. : доклады и материалы / под общ. ред. И. М. Ильинского. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. — 306 с.

40. Высшее образование для XXI века : V международная научная конференция. Москва, 13–15 ноября 2008 г. : доклады и материалы / под общ. ред. И. М. Ильинского. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. — 319 с.

41. Ильинский, И. М. «Линия фронта в войне с Россией проходит через Украину» : выступление на Парламентских слушаниях в Государственной Думе РФ по теме «Состояние российско-украинских отношений и выполнение обязательств по Договору о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной», 1 апреля 2008 года. URL: http://www.ilinskiy.ru/publications/stat/linfront.php

42. Ильинский, И. М. Асимметричный человек // Знание. Понимание. Умение. — 2008. — № 1. — С. 5–12.

43. Ильинский, И. М. Тихая холодная гражданская война // Знание. Понимание. Умение. — 2008. — № 2. — С. 5–10.

44. Ильинский, И. М. Читая письма Бунина // Знание. Понимание. Умение. — 2008. — № 3. — С. 5–10.

45. Ильинский, И. М. Государственная молодежная политика в России: философия преемственности и смены поколений / И. М. Ильинский, Вал. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. — 2008. — № 4. — С. 5–14.

46. Ильинский, И. М. Асимметричный человек // Эдип. Философский, психоаналитический и педагогический журнал. — 2008. — № 3. — С. 7–20.

47. Ильинский, И. М. Из вступительного слова : выступление на Всерос. науч. конф. «Образ российской молодежи в современном мире: самосознание и социокультурные ориентиры»; Москва, 6–7 дек. 2007 г. // Альма Матер. — 2008. — № 2. — С. 3–6.

48. Ильинский, И. М. Корни наших проблем : из заключительного слова на 16 заседании Русского интеллектуального клуба по теме

«Русский язык: перспективы в политике и культуре» // Высшая школа XXI века. — 2008. — № 9. — С. 93.

49. Ильинский, И. М. «Сейчасность» писем Бунина // Литературная газ. — 2008. — № 38–39; 24–30 сент. — С. 3. — (Прил. «Читающая Москва»).

50. Ильинский, И. М. Штрихи к философии преуспевания : [беседа гл. ред. журн. «Студенчество. Диалоги о воспитании» Вл. Портнова с ректором Моск. гуманит. ун-та И. М. Ильинским] // Студенчество. Диалоги о воспитании. — 2008. — № 1. — С. 2–4.

51. Ильинский, И. М. Это было не зря // Литературная газ. — 2008. — № 44 ; 29 окт.–5 нояб. — С. 3.

2007

52. Ильинский, И. М. Асимметричный человек. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. — 72 с.

53. Ильинский, И. М. Мир — это война. — М. : Изд-во Моск. гуманит. унта, 2007. — 55 с.

54. Высшее образование для XXI века : III Международная научная конференция. Моск. гуманит. ун-т, 18–20 октября 2006 г. : доклады и материалы / под общ. ред. И. М. Ильинского. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. — 432 с.

55. Высшее образование для XXI века : IV Междунар. науч. конференция, МосГУ, 18–20 октября 2007 г. : доклады и материалы : в 2 ч. / под общ. ред. И. М. Ильинского. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. — Ч. 1. — 156 с. ; Ч. 2. — 159 с.

56. Русский интеллектуальный клуб : стенограммы заседаний и др. материалы : кн. 5 / под науч. ред. И. М. Ильинского ; Моск. гуманит. ун-т. — М. : Социум, 2007. — 223 с. : 3 л. ил.

57. Ильинский, И. М. След его в мире есть: [беседа с ректором Моск. гуманит. ун-та И. М. Ильинским] // Литературная газета. — 2007. — № 5. — 19–25 дек. — С. 4 (Прил. «Читающая Москва»).

58. Ильинский, И. М. Война и мир // Знание. Понимание. Умение. — 2007. — № 2. — С. 5.

59. Ильинский, И. М. Холодная война — настоящая война : беседа И. М. Ильинского с Ф. Д. Бобковым // Знание. Понимание. Умение. — 2007. — № 2. — С. 6–20.

60. Ильинский, И. М. Вступительное слово : междунар. науч. конф. «Зиновьевские чтения», Москва, Моск. гуманит. ун-т, 15–16 мая 2007 г. // Знание. Понимание. Умение. — 2007. — № 3. — С. 5–7.

61. Ильинский, И. М. А. А. Зиновьев: «человек — нормальный» // Знание. Понимание. Умение. — 2007. — № 3. — С. 7–10.

62. Ильинский, И. М. О Бунине и Бунинской премии // Знание. Понимание. Умение. — 2007. — № 4. — С. 5–9.

63. Ильинский, И. М. Вступительное слово [на IV Междунар. науч. конф. «Высшее образование для XXI века». Москва, 18–20 окт. 2007 г.] // Знание. Понимание. Умение. — 2007. — № 3. — С. 14.

64. Ильинский, И. М. Хватит шуметь, господа! : О возне вокруг Бунинской премии // Культура. — 2007. — № 35. — 6–12 сент.

65. Ильинский, И. М. Хватит шуметь, господа! : О возне вокруг Бунинской премии // Литературная газета. — 2007. — № 36. — 12–18 сент.

66. Ильинский, И. М. Выступление : круглый стол «Александр Зиновьев: мыслитель и человек» // Вопросы философии. — 2007. — № 4. — С. 36–62.

67. Ильинский, И. М. К читателям журнала «Знание. Понимание. Умение» // Знание. Понимание. Умение. — 2007. — № 1. — С. 5–6.

68. Ильинский, И. М. Прошлое корректирует будущее // Знание. Понимание. Умение. — 2007. — № 1. — С. 7–12.

69. Ильинский, И. М. Комментарий к статье А. Чубарьяна «Образование влипло в историю» // Московский комсомолец. — 2007. — 19 февр.

70. Ильинский, И. М. Личность — на фоне страны // Студенчество. Диалоги о воспитании. — 2007. — № 1. — С. 1–4.

71. Ильинский, И. М. Речь на открытии мемориальной доски Александра Зиновьева // Вузовский вестник. — 2007. — № 10.

72. Ильинский, И. М. «Осторожно: «Рейтинг!» : [Интервью И. М. Ильинского газете «Властная вертикаль Федерации»] // Властная вертикаль Федерации. — 2007. — Апр.

73. Ильинский, И. М. Брошенная молодежь // Досье. История и современность. — 2007. — № 43.

74. Ильинский, И. М. Кто вращает «колесо истории»? : [беседа с ректором Моск. гуманит. ун-та И. М. Ильинским / записал В. Семенов] // Красная звезда. — 2007. — 10–17 янв.

75. Молодежь в стратегии будущего России : [Тезисы доклада И. М. Ильинского на 14-м заседании Русского интеллектуального клуба в МосГУ] // Вузовский вестник. — 2007. — № 3.

2006

76. Ильинский, И. М. Между Будущим и Прошлым : Социальная философия Происходящего. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. — 664 с.

77. Ильинский, И. М. Образование, молодежь, человек (статьи, интервью, выступления). — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. — 560 с.

78. Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. : пер. с англ. / сост. и авт. вступ. ст. И. М. Ильинский. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. — 504 с.

79. Ильинский, И. М. Стихи и песни. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. — 116 с.

80. Высшее образование для XXI века : II Междунар. науч. конф. Москва, Моск. гуманит. ун-т, 20–22 окт. 2005 г. : докл. и науч. сообщ. / отв. ред. И. М. Ильинский ; Нац. союз негос. вузов. — М. : Нац. союз негос. вузов, 2006. — 343 с. : 4 л. фото.

81. Высшее образование для XXI века : III Междунар. науч. конф. Москва, Моск. гуманит. ун-т, 18–20 окт. 2006 г. : докл. и материалы / под общ. ред. И. М. Ильинского. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. — 371 с.

82. Ильинский, И. М. Из заветов Александра Зиновьева: Мы должны переумнить Запад // Вузовский вестник. — 2006. — № 11.

83. Ильинский, И. М. История учит // Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945– 1950 гг. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. — С. 3–64.

84. Ильинский, И. М. Для меня ключевые слова — служение и честь // Элитное образование в России и за рубежом. — 2006. — № 3. — С. 16–21.

85. Ильинский, И. М. Воспитанным быть выгодно // Студенчество. Диалоги о воспитании. — 2006. — № 1.

86. Ильинский, И. М. Воспитание сегодня // Служить Отечеству! Учиться побеждать! — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. — С. 84–89.

87. Ильинский, И. М. Понимание как цель образования / И. М. Ильинский, П. С. Гуревич // Знание. Понимание. Умение. — 2006. — № 1. — С. 5–15.

88. Ильинский, И. М. В тайге // Преодоление : Судьбоносные пятидесятые. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. — С. 172.

89. Ильинский, И. М. Вступительное слово // Высшее образование для XXI века : III Междунар. науч. конф. Москва, Моск. гуманит. ун-т, 18–21 окт. 2006 г. : докл. и материалы. Вып. 1. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. — С. 98–99.

90. Ильинский, И. М. Главные задачи развития университета в усложняющихся условиях : докл. на ежегод. августовском совещ. преподавателей и сотрудников, Москва, Моск. гуманит. ун-т, 29 авг. 2006 г. // Главные задачи развития университета в усложняющихся условиях. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. — С. 3–32.

91. Ильинский, И. М. Миссия и политика МосГУ в области качества на период 2006–2008 гг. // Руководство по качеству : стандарт си-

стемы менеджмента качества. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. — С. 38–39.

92. Ильинский, И. М. О высшем образовании для XXI века // Высшее образование для XXI века : III Междунар. науч. конф. Москва, Моск. гуманит. ун-т, 18–21 окт. 2006 г. : докл. и материалы. — Вып. 1. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. — С. 5–15.

93. Ильинский, И. М. О высшем образовании для XXI века // Знание. Понимание. Умение. — 2006. — № 4. — С. 8–15.

94. Ильинский, И. М. Президенту Российской Федерации В. В. Путину // Преодоление : Судьбоносные пятидесятые. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. — С. 108–109.

2005

95. Ильинский, И. М. Великая Победа. — М. : Изд-во Моск. гуманит. унта, 2005. — 76 с.

96. Ильинский, И. М. Великая Победа: наследие и наследники : докл. на заседании секции «Молодежь и наследие Великой Победы» IX Всемирного Русского Народного Собора «Единство народов, сплоченность людей — залог победы над фашизмом и терроризмом», Москва, Моск. гуманит. ун-т, 10 марта 2005 г. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2005. — 28 с.

97. Ильинский, И. М. Молодежь как будущее России в категориях войны : докл. на науч.-практ. конф. «Молодежная политика и молодежное движение: 15 лет перемен», Москва, Моск. гуманит. ун-т, 30 мая 2005 г. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2005. — 26 с.

98. Ильинский, И. М. Московский вуз глазами студентов : по материалам опроса студентов гос. и негос. вузов Москвы, март—апрель 2004 года / И. М. Ильинский, Вал. А. Луков. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2005. — 64 с.

99. Ильинский, И. М. О новых мерах по развитию Московского гуманитарного университета : докл. на ежегод. августовском совещ. преподавателей и сотрудников, Москва, Моск. гуманит. ун-т, 29 авг. 2005 г. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2005. — 43 с.

100. Ильинский, И. М. Формула успеха: (самоинтервью в форме диалога Реалиста со Скептиком). — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2005. — 51 с.

101. Высшее образование для XXI века : науч. конф. Москва, 22–24 апр. 2004 г. : докл. и материалы / отв. ред. И. М. Ильинский. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2005. — 312 с.

102. Высшее образование для XXI века : Вторая междунар. науч. конф. Москва, 20–22 окт. 2005 г. : докл. и материалы / отв. ред. И. М. Ильинский. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2005. — 344 с.

103. Московский гуманитарный университет. 60 лет / под ред. И. М. Ильинского. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2005. — 182 с.

104. Ильинский, И. М. Если можешь, делай сам // Высшее образование для XXI века : Вторая междунар. науч. конф. Москва, 20–22 окт. 2005 г. : докл. и материалы. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2005. — С. 17–21.

105. Ильинский, И. М. Об элитарном образовании // Высшее образование для XXI века : Вторая междунар. науч. конф. Москва, 20–22 окт. 2005 г. : докл. и материалы. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2005. — С. 5–16.

106. Ильинский, И. М. Формула успеха // Элитное образование в России и за рубежом. — 2005. — № 10. — С. 20–22.

107. Ильинский, И. М. Разрыв поколений? // Труд-7. — 2005. — № 118, 30 июня — 7 июля.

108. Ильинский, И. М. Образование и кризис понимания : докл. на секции «Философия образования» Всероссийского философского конгресса, Москва, Моск. гуманит. ун-т, 25 мая 2005 г. URL: www.i1inskiy.ru.

109. Ильинский, И. М. Молодежь как будущее России в категориях войны // Знание. Понимание. Умение. — 2005. — № 3. — С. 5–17.

110. Ильинский, И. М. Цель нашего университета — формирование интеллектуальной элиты России // Элитное образование в России и за рубежом. — 2005. — № 2. — С. 25–28.

111. Ильинский, И. М. Великая Победа: наследие и наследники // Знание. Понимание. Умение. — 2005. — № 2. — С. 5– 18.

112. Ильинский, И. М. Блокада Ленинграда: проблески детской памяти на фоне великой трагедии // Вместе : обществ.-худ. корпоративный журнал Моск. гуманит. ун-та. — 2005. — № 1. — С. 29–39.

113. Ильинский, И. М. Потомки института человека // Прогноз. — 2005. — № 1.

114. Национальный институт бизнеса: 10 лет безупречной репутации в высшем образовании / предисл. И. М. Ильинского. — М., 2005. — 52 с. : ил.

115. Реклама в современном обществе : сб. науч. тр. / предисл. И. М. Ильинского. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2005. — 203 с.

116. Ильинский, И. М. Юность русского народа // Что значит быть русским сегодня? : сочинения старшеклассников — участников конкурса, проведенного в марте–июле 2003 г. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2005. — С. 5–12.

2004

117. Ильинский, И. М. На пути формирования корпоративной культуры университета : докл. на совещании профессоров, препода-

вателей и сотрудников Моск. гуманит. ун-та 30 авг. 2004 г. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004. — 43 с.

118. Ильинский, И. М. Негосударственные вузы России: кризис идентичности и пути его преодоления. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004. — 39 с.

119. Ильинский, И. М. Негосударственные вузы России: опыт самоидентификации. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004. — 350 с.

120. Ильинский, И. М. Путь к успеху. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004. — 512 с.

121. Ильинский, И. М. Чтить прошлое, жить в настоящем, творить будущее : докл. на торжественном собрании преподавателей, сотрудников, студентов и аспирантов, посвященном 60-летию ун-та. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004. — 31с.

122. Высшее образование для XXI века : науч. конф. Москва, Моск. гуманит. ун-т, 22–24 апр. 2004 г. : пленарные заседания 22–23 апр. ; спец. заседание «Негосударственное высшее образование в России: состояние и перспективы развития» (стенограмма) / отв. ред. И. М. Ильинский. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004. — 212 с.

123. Высшее образование для XXI века : науч. конф. Москва, Моск. гуманит. ун-т, 22–24 апр. 2004 г. : Философские, социологические, экономические проблемы высшего образования : докл. и материалы / отв. ред. И. М. Ильинский. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004. — 342 с.

124. Высшее образование для XXI века : науч. конф. Москва, Моск. гуманит. ун-т, 22–24 апр. 2004 г. : Культурологические, педагогические, психологические проблемы высшего образования : докл. и материалы / отв. ред. И. М. Ильинский. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004. — 324 с.

125. Русский интеллектуальный клуб : стенограммы заседаний и др. материалы : кн. 4 / под науч. ред. И. М. Ильинского ; Моск. гуманит. ун-т. — М. : Социум, 2004. — 280 с.

126. Ильинский, И. М. Синица в руках, стрела в небе // Московский комсомолец. — 2004. — 23 нояб.

127. Ильинский, И. М. Негосударственные вузы России: кризис идентичности и пути его преодоления // Высшее образование для XXI века : науч. конф. Москва, 22–24 апр. 2004 г. : докл. и материалы. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2005. — С. 15–26.

128. Ильинский, И. М. Выступление на Парламентских слушаниях Совета Федерации РФ «Перспективы развития отечественного образования» 25 ноября 2004 г. URL: www.i1inskiy.ru.

129. Ильинский, И. М. Мозги МосГУ: Московскому гуманитарному университету 60 лет // Тверская, 13. — 2004. — 20 нояб.

130. Ильинский, И. М. Об экономической природе современного отечественного образования // Высшее образование в России. — 2004. — № 9. — С. 39–57.

131. Ильинский, И. М. Негосударственные вузы: кризис идентичности и пути его преодоления // Альма Матер. — 2004. — № 7. — С. 3–12.

132. Ильинский, И. М. История — фундамент, но не поле для спекуляций // Вузовские вести. — 2004. — № 24.

133. Ильинский, И. М. Национальный союз негосударственных вузов — Союз порядочных людей // Где учиться и работать? — 2004. — № 5.

134. Ильинский, И. М. Отражение времени // Студенчество. Диалоги о воспитании. — 2004. — № 5. — С. 2–3.

135. Ильинский, И. М. Игры на образовательном поле // Прогноз. — 2004. — № 4.

136. Ильинский, И. М. Негосударственные вузы России: кризис идентичности и пути его преодоления // Высшее образование для XXI века : науч. конф. Москва, Моск. гуманит. ун-т, 22–24 апр. 2004 г. : пленарные заседания. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004. — С. 98–117.

137. Ильинский, И. М. Работать качественно // Вузовские вести. — 2004. — № 14.

138. Ильинский, И. М. Государство должно помочь негосударственным вузам. А именно — не мешать // Элитное образование в России и за рубежом. — 2004. — № 3. — С. 38–41.

139. Ильинский, И. М. Негосударственные вузы России: состояние эмбриональное // Твоя вертикаль: газета активной молодежи. — 2004. — № 3.

140. Ильинский, И. М. Национальный союз негосударственных вузов — бренд качества высшего образования / И. М. Ильинский [и др.] // Студенчество. Диалоги о воспитании. — 2004. — № 2. — С. 2, 16–18.

141. Ильинский, И. М. Либерализация без либералов // Прогноз. — 2004. — № 2.

142. Ильинский, И. М. У нас амбициозная задача: стать лучшими!: Негосударственные вузы России намерены быть такими же престижными, как Кембридж и Принстон : интервью президента Нац. союза негос. вузов И. М. Ильинского о перспективах негос. образования в России // Комсомольская правда. — 2004. — 23 февр.

143. Ильинский, И. М. Кому платить за глубокие знания // Комсомольская правда. — 2004. — 23 февр.

144. Ильинский, И. М. Новый союз за стратегию качества // Вузовские вести. — 2004. — № 4.

145. Ильинский, И. М. К читателям журнала «Знание. Понимание. Умение» // Знание. Понимание. Умение. — 2004. — № 1. — С. 5–7.

146. Ильинский, И. М. Свобода — путь к Знанию, Пониманию, Созиданию // Знание. Понимание. Умение. — 2004. — № 1. — С. 10–18.

147. Ильинский, И. М. Формула успеха // Вместе. — 2004. — № 1. — С. 10–27.

148. Ильинский, И. М. Формирование Европейского пространства высшего образования // Болонский процесс: взгляд на проблему : сб. материалов. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004. — С. 43–46.

149. Ильинский, И. М. ЮНЕСКО: «Учиться жить вместе» // Болонский процесс: взгляд на проблему : сб. материалов. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2004. — С. 37–42.

150. Ильинский, И. М. Образовательная революция : доклад на заседании Русского интеллектуального клуба по теме: «Высшее образование для XXI века». Москва, Моск. гуманит. ун-т, 23 июня 2003 г. — М. : Социум, 2004. — С. 155–166.

2003

151. Ильинский, И. М. Московский гуманитарный университет: стратегия управления развитием. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2003. — 97 с.

152. Ильинский, И. М. О «культуре» войны и Культуре мира. — 2-е изд. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2003. — 128 с.

153. Высшее образование для XXI века: общие подходы и практические меры : материалы междунар. российско-польской науч. конф. Москва, 16 нояб. 2002 г. / под общ. и науч. ред., предисл. И. М. Ильинского. — М. : Изд-во Моск. гуманит.-соц. акад., 2003. — 96 с.

154. Звезды первой величины : москвичи — лауреаты премии Ленинского комсомола : биогр. справ. / редкол.: И. М. Ильинский и др. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2003. — 263 с. : ил.

155. Негосударственные вузы России: фестиваль качества. Хроника / под общ. и науч. ред. И. М. Ильинского. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2003. — 288 с. : ил.

156. Ильинский, И. М. Образовательная революция // Высшее образование для XXI века: общие подходы и практические меры : материалы междунар. российско-польской науч. конф. Москва, 16 нояб. 2002 г. — М. : Изд-во Моск. гуманит.-соц. акад., 2003. — С. 15–26.

157. Ильинский, И. М. Мы устремлены в будущее // Вузовские вести. — 2003. — № 11.

158. Ильинский, И. М. Эта старая проблема всегда нова // Студенчество. Диалоги о воспитании. — 2003. — № 6. — С. 7–8.

159. Ильинский, И. М. Образованность + высокая квалификация // Платное образование. — 2003. — № 5.

160. Ильинский, И. М. Чтоб не утонуть в абсурде // Вузовские вести. — 2003. — № 11.

161. Ильинский, И. М. Какая реформа образования нужна России? // Право и образование. — 2003. — № 2.

162. Ильинский, И. М. Нужно учиться всю жизнь // Твой курс. — 2003. — № 1. — С. 8.

163. Ильинский, И. М. Выступление // Негосударственные вузы России: фестиваль качества. Хроника. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2003. — С. 11–14.

2002

164. Ильинский, И. М. Образовательная революция. — М. : Изд-во Моск. гуманит.-соц. акад., 2002. — 592 с. : 1 л. портр.

165. Ильинский, И. М. XX век: кризис понимания. — М. : Изд-во Моск. гуманит.-соц. акад., 2002. — 31 с.

166. Ильинский, И. М. МГСА: прорыв к новому качеству. — М. : Изд-во Моск. гуманит.-соц. акад., 2002. — 39 с.

167. Ильинский, И. М. Студенты о высшем образовании в московских вузах : по материалам третьего этапа социологического мониторинга студентов гос. и негос. вузов Москвы, март 2002 г. / И. М. Ильинский, П. И. Бабочкин, В. А. Черняева, М. В. Ушакова. — М., 2002. — 64 с.

168. Русский интеллектуальный клуб : стенограмма заседания и др. материалы : кн. 3 / под науч. ред. И. М. Ильинского. — М. : Социум, 2002. — 276 с.

169. Стенограмма встречи ректоров негосударственных вузов Москвы и Московской области с Министром образования РФ В. М. Филипповым / отв. ред. И. М. Ильинский. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2002. — 49 с.

170. Ильинский, И. М. Проблемы и перспективы высшего образования // Управление персоналом. — 2002. — № 5. — С. 10–12.

171. Ильинский, И. М. Кухарки даже с дипломом не требуются // Российские вести. — 2002. — 24 апр.

172. Ильинский, И. М. Качество — ядро образовательного процесса // Стандарты и качество. — 2002. — № 4.

173. Ильинский, И. М. Союз во имя качества. «Мы едины в политике качества» // Элитное образование в России и за рубежом. — 2002. — № 4.

174. Ильинский, И. М. За целостное миропонимание // Вузовские вести. — 2002. — № 18.

175. Ильинский, И. М. Партнерство ради качества // Вузовские вести. — 2002. — № 3.

176. Ильинский, И. М. Качество вуза — качество образования // Студенчество. Диалоги о воспитании. — 2002. — № 1.

177. Ильинский, И. М. О терроре и терроризме // Русский интеллектуальный клуб : стенограмма заседания и др. материалы : кн. 3. — М. : Социум, 2002. — С. 93–145.

2001

178. Ильинский, И. М. Молодежь и молодежная политика : Философия. История. Теория. — М. : Голос, 2001. — 694 с.

179. Ильинский, И. М. О терроре и терроризме. — М. : Социум, 2001. — 74 с.

180. Ильинский, И. М. О красоте и женщине, которые спасут мир (вполне серьезно и немного в шутку) : выступление 8 марта 2001 г. — М. : Изд-во Моск. гуманит.-соц. акад., 2001. — 11 с.

181. Ильинский, И. М. Студенты московских вузов о системе высшего образования : по материалам социологического опроса студентов гос. и негос. вузов Москвы, март 2001 г. / И. М. Ильинский, П. И. Бабочкин, М. В. Ушакова. — М., 2001. — 61 с.

182. Молодежь России перед лицом глобальных вызовов на рубеже веков : (Как противостоять агрессивному экстремизму, ксенофобии и насилию среди молодежи) : материалы междунар. конф. Москва, 18–19 нояб. 2000 г. / под науч. и общ. ред. И. М. Ильинского. — М. : Социум, 2001. — 463 с. : ил.

183. Русский интеллектуальный клуб : стенограммы заседаний и статьи : кн. 2 / под науч. ред. И. М. Ильинского. — М. : Социум, 2001. — 223 с.

184. Ильинский, И. М. Вызовы XXI века // Молодежь России перед лицом глобальных вызовов на рубеже веков : материалы междунар. конф. Москва, 18–19 нояб. 2000 г. — М. : Социум, 2001. — С. 16–26.

185. Ильинский, И. М. Мир движим утопиями // Молодежь России перед лицом глобальных вызовов на рубеже веков : материалы междунар. конф. Москва, 18–19 нояб. 2000 г. — М. : Социум, 2001. — С. 365–377.

186. Ильинский, И. М. Молодежь России: начало века // Культура. — 2001. — № 16.

187. Ильинский, И. М. Воспитание нельзя отменить или отложить на потом // Студенчество. Диалоги о воспитании. — 2001. — № 0. — С. 8–10.

188. Ильинский, И. М. О состоянии и перспективах развития МГСА // МГСА: политика качества : сб. ст. — М. : Изд-во Моск. гуманит.-соц. акад., 2001. — С. 5–35.

2000

189. Ильинский, И. М. Прощаясь с XX веком. — М. : Изд-во Моск. гуманит.-соц. акад., 2000. — 7 с.

190. Русский интеллектуальный клуб : стенограммы заседаний / под науч. ред. И. М. Ильинского. — М. : Изд-во Ин-та молодежи, 2000. — 228 с. : ил.

191. 30 лет ВКШ — Институту молодежи : материалы Торжественного собрания 2 ноября 1999 г. / под общ. ред. И. М. Ильинского. — М. : Социум, 2000. — 128 с. : ил.

192. Ильинский, И. М. Доклад на Торжественном собрании, посвященном 30-летию ВКШ — Института молодежи 2 ноября 1999 г. // 30 лет ВКШ — Институту молодежи : материалы Торжественного собрания 2 ноября 1999 г. — М. : Социум, 2000. — С. 41–53.

193. Ильинский, И. М. Будущее капитализма в человеческом измерении // Экология человека : сб. науч. ст. — М. : Изд-во Ин-та молодежи, 2000. — С. 8–21.

194. Ильинский, И. М. Будущее капитализма в человеческом измерении // Вузовские вести. — 2000. — № 8.

1999

195. Ильинский, И. М. О «культуре» войны и Культуре мира. — М. : Изд-во Ин-та молодежи, 1999. — 123 с.

196. Ильинский, И. М. О молодежной политике российского политического центризма. — М. : Социум, 1999. — 102 с.

197. Ильинский, И. М. Молодежь планеты: глобальная ситуация в 90-х годах, тенденции и перспективы / И. М. Ильинский и др.; рук. автор. коллектива и науч. ред. И. М. Ильинский. — М. : Изд-во Ин-та молодежи ; Голос, 1999. — 323 с.

198. Ильинский, И. М. Качество — «ядро» модернизации образовательного процесса Института молодежи : докл. на августовском совещ. профессорско-преподават. состава Ин-та молодежи, 30 авг. 1999 г. — М. : Изд-во Ин-та молодежи, 1999. — 44 с.

199. Молодежь и общество на рубеже веков / науч. ред., предисл. И. М. Ильинского. — М. : Изд-во Ин-та молодежи ; Голос, 1999. — 332 с.

200. Наш страж и светоч : к 30-летию Высшей комсомольской школы — Института молодежи 1969–1999 / под общ. ред. И. М. Ильинского. — М. : Социум, 1999. — 368 с. : ил.

201. Ильинский, И. М. Конкуренция — не повод для «битья» // Вузовские вести. — 1999. — № 14.

202. Ильинский, И. М. Ужесточить требования к качеству образования // Вузовские вести. — 1999. — № 11.

203. Ильинский, И. М. Бакс мозги бережет : Абитуриенты, поступающие в негосударственные вузы, рискуют остаться без денег и без диплома // Комсомольская правда. — 1999. — 20 апр.

204. Ильинский, И. М. Охота за знаниями: платить или не платить. Могут ли негосударственные вузы научить чему-нибудь хорошему? // Комсомольская правда. — 1999. — 12 апр.

205. Ильинский, И. М. Будущее России и молодежь: к новой концепции молодежной политики // Молодежь и общество на рубеже веков. — М. : Изд-во Ин-та молодежи ; Голос, 1999. — С. 73–91.

206. Ильинский, И. М. Как это было // Наш страж и светоч : к 30-летию Высшей комсомольской школы — Института молодежи 1969–1999. — М. : Социум, 1999. — С. 3–78.

207. Ильинский, И. М. Молодежь в контексте глобальных процессов развития мирового сообщества // Молодежь и общество на рубеже веков. — М. : Изд-во Ин-та молодежи ; Голос, 1999. — С. 23–44.

1998

208. Ильинский, И. М. Молодежь как глобальная проблема человечества; Молодежная политика как императив XXI века : вступительное слово на Междунар. науч.-практ. конф. «Молодежь и общество на рубеже веков», Москва, Ин-т молодежи, 20–21 окт. 1998 г. — М. : Изд-во Ин-та молодежи, 1998. — 11 с.

209. Ильинский, И. М. О спасительной роли образования. — М. : Изд-во Ин-та молодежи, 1998. — 95 с.

210. Ильинский, И. М. Так живу, так люблю. — М. : Голос, 1998. — 320 с.

211. Молодежь и общество на рубеже веков : материалы междунар. науч.-практ. конф. Москва, 21 окт. 1998 г. Секция : «Будущее России и молодежь: к новой концепции молодежной политики». Ч. 1 / рук. секции И. М. Ильинский [и др.]. — М. : Социум, 1998. — 85 с.

212. Ильинский, И. М. Идея, требовавшая коренной ломки // Россия молодая. Век XX. — М. : Молодая гвардия, 1998. — С. 339–345.

213. Ильинский, И. М. Не «олигархи», не Мессия вернут величие России // Вузовские вести. — 1998. — № 24.

1997

214. Ильинский, И. М. Молодежь в процессе развития // Культура мира и демократии. Культура мира : учеб. пособие. — М., 1997. — С. 187–200.

1996

215. Социология молодежи : учебник / под ред. В. Т. Лисовского ; редкол.: С. Н. Иконникова, И. М. Ильинский [и др.] ; Гос. ком. РФ по высш. образованию. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. — 460 с.

216. Ильинский, И. М. Молодежь в современном российском обществе // Клуб « Реалисты» : информ.-аналит. бюл. — № 24. «Будущие хозяева России» (материалы «круглого стола»). — М., 1996.

217. Ильинский, И. М. Идеалы, цели и принципы воспитания жизнеспособных поколений молодежи // Проблемы развития личности в современном российском обществе : сб. науч. ст. — М. : Изд-во Ин-та молодежи, 1996. — С. 7–18.

1995

218. Ильинский, И. М. Куда идти России. — М. : Голос. — 1995. — 126 с.

219. Молодежь: будущее России / под ред. И. М. Ильинского. — М. : Изд-во Ин-та молодежи, 1995. — 238 с.

220. Молодежь посткоммунистической России и Западной Европы = Young People in Post-Communist Russia and Eastern Europe / ред.: И. М. Ильинский, Д. Риордан, К. Уильямс. — Brookfield USA; Singapore; Sydney: Dartmouth Publishing Company Limited, 1995. — 215 с. — (на англ. яз.).

221. Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений : докл. Ком. РФ по делам молодежи / авторский коллектив: И. М. Ильинский [и др.] ; Ком. РФ по делам молодежи. — М., 1995. — 256 с.

222. Социология молодежи : в 3 кн. : кн. 1 / под ред. В. Т. Лисовского ; редкол.: С. Н. Иконникова, И. М. Ильинский [и др.] ; НИИ комплексных социальных исследований С.-Петербург. гос. ун-та, Ин-т молодежи, Ком. РФ по делам молодежи. — М. : Изд-во Ин-та молодежи, 1995. — 186 с.

223. Ильинский, И. М. Духовные и культурные ценности молодежи в посттоталитарном государстве // Молодежь посткоммунистической России и Западной Европы. — Aldershot; Singapore; Sydney : Dartmouth Publishing Company Limited, 1995. — С. 95–115. — (на англ. яз.).

224. Ильинский, И. М. Кому доверяет молодежь? // Комсомольская правда. — 1995. — 31 окт.

225. Ильинский, И. М. Молодежь как приоритет России: инвестиции в будущее // Молодежь посткоммунистической России и Западной Европы. — Aldershot; Singapore; Sydney : Dartmouth Publishing Company Limited, 1995. — С. 159–177. — (на англ. яз.).

226. Ильинский, И. М. О воспитании жизнеспособных поколений российской молодежи // Государство и дети: реальности России. Москва, дек. 1994 г. — М., 1995. — С. 51–58.

227. Ильинский, И. М. Основы концепции воспитания жизнеспособных поколений // Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений. — М., 1995. — С. 213–247.

228. Ильинский, И. М. Положение и развитие молодежного движения в постсоветском обществе // Молодежь посткоммунистической России и Западной Европы. — Aldershot; Singapore; Sydney : Dartmouth Publishing Company Limited, 1995. — С. 11– 27. — (на англ. яз.).

229. Ильинский, И. М. Проблемы молодежи в современном российском обществе // Молодежь в современном российском обществе. — М. : Изд-во Ин-та молодежи, 1995. — С. 5–8.

230. Ильинский, И. М. Чтобы не было мучительно стыдно // Московская правда. — 1995. — 18, 20, 26, окт. ; 3, 5, 15, 23 нояб.

1994

231. Ценностный мир современной молодежи: на пути к мировой интеграции : по материалам междунар. науч. конф. «Ценностный мир современной молодежи: на пути к мировой интеграции». Москва, Ин-т молодежи, 24–26 нояб. 1993 г. / редкол.: И. М. Ильинский [и др.] ; Ком. РФ по делам молодежи, Рос. союз молодежи, Ин-т молодежи, НИЦ при Ин-те молодежи. — М. : Социум, 1994. — 172 с.

232. Ильинский И. М. Вступительное слово на открытии конференции // Ценностный мир современной молодежи: на пути к мировой интеграции. — М. : Социум, 1994. — С. 3–6.

233. Ильинский, И. М. Мировая интеграция в условиях цивилизационного кризиса // Ценностный мир современной молодежи: на пути к мировой интеграции. — М. : Социум, 1994. — С. 6–18.

1993

234. Ильинский, И. М. Молодежь России: общие оценки, выводы, прогнозы. — София, 1993.

235. Ильинский, И. М. Формирование европейского сознания молодого поколения. — София, 1993.

236. Молодежь России: положение, тенденции, перспективы : докл. Ком. РФ по делам молодежи / редкол.: А. В. Шаронов, И. М. Ильинский [и др.]. — М., 1993. — 131 с.

237. Молодежь России: тенденции, перспективы / под ред. И. М. Ильинского, А. В. Шаронова. — М. : Молодая гвардия, 1993. — 215 с.

238. Ильинский, И. М. Будет ли бунтовать молодежь? // Аргументы и факты. — 1993. — № 14.

1992

239. Ильинский, И. М. Глобальное положение молодежи мира: тенденции в 1985–1990 годах и перспективы до 2000 года // Молодежная политика : информ. бюл., № 17–18. — М. : Социум, 1992. — С. 3–27.

240. Ильинский, И. М. Тенденции развития советского молодежного движения = Trends in the Development of Soviet Youth // Советское общество в зеркале гласности: The Macmillan Press Ltd. — 1992. — С. 31–40. — (на англ. яз.).

1991

241. Ильинский, И. М. Коммунистический союз молодежи: крах или продолжение // Материалы научно-практической конференции «Российский комсомол: проблемы и перспективы развития». — М., 1991. — С. 10–27.

242. Ильинский, И. М. Социальное развитие советской молодежи = The social development of Soviet youth // Перекрестки = Crossroads / Междунар. исслед. Центр современного об-ва. — [Б.м.] : James Nicolas Publishers [Австралия], 1991. — С. 15–22. — (на англ. языке).

Об авторе

Игорь Михайлович Ильинский — ректор Московского гуманитарного университета, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор, действительный член Международной академии наук, Российской академии естественных наук, Академии гуманитарных наук, Академии российской словесности и ряда других академий и научных ассоциаций.

Родился в Ленинграде в 1936 г. В 1964 г. окончил Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта, в 1977 г. — Дипломатическую академию МИД СССР. Работал слесарем и мастером на стройке, начальником цеха на оборонном заводе, занимал ответственные должности в комсомоле, в журналистике. С 1977 г. его жизнь связана с профессиональной научно-исследовательской деятельностью. В течение 10 лет возглавлял Научно-исследовательский центр при Высшей комсомольской школе, ставший в тот период ведущим научным учреждением в стране по молодежной проблематике. Сформулировал теоретические подходы и практические меры к реализации новой концепции государственной молодежной политики в СССР. Выдвинул концепцию воспитания жизнеспособных поколений. Инициатор создания и ответственный редактор первых государственных докладов о положении молодежи в Российской Федерации (1993, 1995). Вокруг идей и теоретических положений, выдвинутых И. М. Ильинским, сформировалась научная школа исследований молодежных проблем, его обобщающая работа по социологии молодежи — монография «Молодежь и молодежная политика» (2001) — получила высокую оценку в научном сообществе.

Возглавив в 1994 г. Институт молодежи, впоследствии ставший Московским гуманитарным университетом, И. М. Ильинский вывел его в число лучших вузов России. В последние годы его исследования связаны с развитием концепции высшего образования в условиях глобализации и новых рисков для человечества («Образовательная революция», 2002; «Образование. Молодежь. Человек», кн. 1, 2006, кн. 2, 2009), осмыслением негосударственного образования как социально-

го института («Негосударственные вузы России: опыт самоидентификации», 2004; «Путь к успеху», кн. 1, 2004, кн. 2, 2009; «Играющий триумвират: образование, политика, право», 2010), формированием положений в области социально-философского понимания реальности («Куда идти России», 1995; «О «культуре» войны и культуре мира», 1999; «О терроре и терроризме», 2001; «Между Будущим и Прошлым», 2006; «История учит», 2006).

И. М. Ильинский — крупный организатор науки и высшего образования: президент Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области, президент Национального союза негосударственных вузов, директор Международного института ЮНЕСКО «Молодежь за культуру мира и демократии». В 1995–1999 гг. — член Совета по делам молодежи при Президенте РФ, член Коллегии Государственного комитета РФ по делам молодежи. В 2005–2010 гг. — член Бюро Совета Российского гуманитарного научного фонда.

В 1999 г. И. М. Ильинский вместе с выдающимся математиком академиком РАН Н. Н. Моисеевым и всемирно известным философом и социологом А. А. Зиновьевым создал Русский интеллектуальный клуб, члены которого с участием экспертов обсуждают наиболее актуальные проблемы современного мира и России. С 2006 г. И. М. Ильинский — президент Русского интеллектуального клуба.

Инициатор создания и главный редактор журнала «Знание. Понимание. Умение» — одного из ведущих журналов страны в области гуманитарных наук. Организатор крупнейших международных научных конференций «Высшее образование для XXI века» (в 2004–2010 гг. прошли семь конференций, общее число участников которых превысило 3000 человек), других научных конференций, семинаров, круглых столов международного и федерального уровней.

И. М. Ильинский — публицист, поэт, прозаик, член Союза писателей России, автор сценариев нескольких телевизионных и радиоспектаклей (книги «Василий Алексеев», сер. «ЖЗЛ», 1986; «Так живу, так люблю», 1998; «Стихи и песни», 2006; «Жизнь моя...», 2011). В 2005 г. И. М. Ильинский возглавил попечительский совет Бунинской премии – единственной литературной премии, учрежденной российскими вузами.

Игорь Михайлович Ильинский отмечен высокими государственными наградами: орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2006), Дружбы (1996), Почета (2001), медалями СССР и России, а также Почетными грамотами Госдумы РФ, Правительства Москвы, знаком К. Д. Ушинского «За заслуги в области педагогической науки» (1996), знаками «Почетный работник высшего профессионального образования» (1999), «Почетный работник сферы молодежной политики» (2002). Среди общественных наград — премия Ле-

нинского комсомола в области науки (1991), высшая общественная награда России — Золотой почетный знак «Общественное признание» в номинации «Наука и образование» (2004), орден Ломоносова Национального комитета общественных наград (2006); Золотая медаль Н. Н. Моисеева «За заслуги в образовании и науке» (2002); знак Российской академии естественных наук «Рыцарь науки и искусств» (2000); медаль Е. Р. Дашковой «За служение свободе и просвещению» (2001); медаль «100 лет со дня рождения М. А. Шолохова» (2006) и др.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3

Раздел 1. МЕНЯЮЩИЙСЯ МИР — МЕНЯЮЩИЙСЯ ЧЕЛОВЕК 9

Социальный проект для России (Из книги «Между Будущим и Прошлым: Социальная философия Происходящего») 11

Вызовы XXI века (Из книги «Молодежь России перед лицом глобальных вызовов на рубеже веков») 164

XX век: кризис понимания (Доклад на Международной научной конференции «Итоги XX века», посвященной 80-летию А. А. Зиновьева, Москва, МГСА, 15 ноября 2002 г.) 172

Абсурд происходящего (Из книги «Образовательная революция») 190

Асимметричный человек 280

Белая правда Бунина (заметки о бунинской публицистике) 291

История учит (Вступительная статья из книги «Главный противник: документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг.») 322

Тихая холодная гражданская война (Из заключительного слова на заседании Русского интеллектуального клуба, 23 апреля 2008 г.) 373

Это наша Победа! Точка (Выступление на митинге преподавателей, сотрудников и студентов Московского гуманитарного университета, посвященном 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне, 29 апреля 2010 г.) 378

Раздел 2. МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: ПРОГНОЗЫ И РЕАЛЬНОСТЬ 395

Новая молодежная политика (Из книги «Молодежь и молодежная политика») 397

Контуры современной концепции молодежи (Из книги «Молодежь и молодежная политика») 414

Императив молодежной политики (Из книги «Молодежь России: тенденции и перспективы») 439

Концепция воспитания жизнеспособных поколений российской молодежи (Из книги «Молодежь и молодежная политика») 461

Государственная молодежная политика: уроки недавнего прошлого 488

Молодежь как будущее России в категориях войны (Доклад на Научно-практической конференции «Молодежная политика и молодежное движение: 15 лет перемен», Московский гуманитарный университет, 30 мая 2005 г.) 502

Молодежь в стратегии будущего России: уроки проигранной холодной войны (Из выступления на заседании Русского интеллектуального клуба, 2007 г.) 522

О критериях эффективности молодежной политики 529

Раздел 3. РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА ПЕРЕПУТЬЕ 535

Образовательная революция (Выступление на заседании Русского интеллектуального клуба 23 июня 2003 г.) 537

Перспективы развития отечественного образования (Выступление на Парламентских слушаниях Совета Федерации РФ 25 ноября 2004 г.) 548

Образование и кризис понимания (Доклад на секции «Философия образования» Всероссийского философского конгресса, 2005 г.) 553

Об элитарном образовании (Выступление на II Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века», 2005 г.) 560

Опыт самоидентификации негосударственных вузов России (Из книги «Негосударственные вузы России: опыт самоидентификации») 571

У нас амбициозная задача: стать лучшими! (Интервью газете «Комсомольская правда», 2004) 641

Негосударственные вузы России: кризис идентичности и пути его преодоления (Доклад на научной конференции «Высшее образование для XXI века», 2004 г.) 645

Об экономической природе современного отечественного образования 673

Осторожно: «Рейтинг!» (Интервью газете «Властная вертикаль Федерации», 2007 г.) 690

Образование в целях оглупления 695

Беглые заметки по поводу законопроекта «Об образовании в Российской Федерации» 734

О ситуации, некоторых прогнозах и стратегиях развития негосударственного высшего профессионального образования в России в связи с демографической ямой (Сообщение на собрании ректоров негосударственных вузов — членов СНВ Москвы и Московской области, МосГУ, 7 сентября 2010 г.) 768

Куда идет отечественное образование (Выступление на пленарном заседании VII Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века», 28 ноября 2010 г.) 779

Закон об образовании: что и как обсуждать (Интервью газете «Вузовский вестник», 2011 г.) 793

Прошлое в Настоящем (послесловие) 805

Приложение. Основные публикации И. М. Ильинского (Книги, статьи, интервью, выступления 1991–2011 годов) 813

Об авторе 832

Ильинский, И. М.

И 46 Прошлое в Настоящем. Избранное / И. М. Ильинский. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. — 840 с.
ISBN 978-5-98079-700-3

В книге видного российского ученого, организатора науки и образования И. М. Ильинского представлены его концептуальные идеи и размышления по проблемам современных глобальных изменений в мире, перспектив развития России, обобщающие положения в области молодежной политики, воспитания новых поколений, исследования актуальных вопросов высшего образования. В Избранное вошли фрагменты монографий, статьи, выступления, интервью автора, опубликованные в 1991–2011 годах и отражающие основной его вклад в социальную философию и гуманитарное знание.

Для исследователей проблем общества и образования, преподавателей вузов, студентов и аспирантов.

ББК 74.58

Научное издание

ИЛЬИНСКИЙ ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ

ПРОШЛОЕ В НАСТОЯЩЕМ

Избранное

Корректоры *Т. Л. Ожиганова, Н. М. Шешеня*
Техническое редактирование
и компьютерная верстка *Н. И. Луковой*

Подписано в печать 12.05.2011 г. Формат 70×100/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная №1. Гарнитура Ньютон. Печ. л. 52,5. Уч.-изд. л. 55,00.
Тираж 500 экз. Изд. № 279.

Издательство Московского гуманитарного университета,
111395, Москва, ул. Юности, д. 1/5

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография “Наука”»,
121009, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6